Мирсәет
Солтангалиев

Мирсаид
Султан-Галиев

Мирсәет Солтангалиев

Сайланма хезмәтләр

Казан
"Гасыр" нәшрияты
"Гасырлар авазы - Эхо веков" журналына кушы
1998

Мирсаид Султан-Галиев

Избранные труды

Казань
Издательство "Гасыр"
Приложение к журналу "Гасырлар авазы - Эхо веков"
1998

ББК 63.3
УДК 92 Султан-Галиев

Составители:
И.Г.Гиззатуллин,
Д.Р.Шарафутдинов

Редакционная коллегия:

И.Р.Тагиров,
доктор исторических наук,
академик АН Республики Татарстан (руководитель),

Р.Б.Гайнетдинов,
кандидат исторических наук,
начальник архивного отдела Комитета государственной безопасности
Республики Татарстан,

И.Г.Гиззатуллин,
кандидат исторических наук,

Л.В.Горохова,
директор Национального архива Республики Татарстан,

Б.Ф.Султанбеков,
кандидат исторических наук, профессор,
председатель правления Общества
историков-архивистов Республики Татарстан,

Р.С.Хакимов,
кандидат философских наук,
директор Института истории АН Республики Татарстан,

Д.Р.Шарафутдинов,
почетный академик Российской Академии Гуманитарных Наук,

Н.В.Юсупова,
директор Центрального государственного архива
историко-политической документации Республики Татарстан

Редакторы:
Ш.Н.Мулаянов,
Г.С.Садретдинова

Рецензент
Р.У.Амирханов,
доктор исторических наук

М.Х Султан-Галиев - признанный теоретик национально-колониального вопроса, последовательный оппонент сталинской национальной политики. За рубежом его называют отцом революции третьего мира. Многие идеи, выдвинутые им, не потеряли своей актуальности и по сей день. В книгу вошли статьи, тексты выступлений, доклады, заявления видного сына татарского народа, показания на следствии и другие материалы спецслужб, хранившиеся еще до недавнего времени под грифом «Совершенно секретно», а также его художественные и философские труды.

ISBN 5-93001-001-3

© Издательство "Гасыр", 1998

Великий провидец

Личности более противоречивой, чем Мирсаид Султан-Галиев, среди политиков XX века не так легко найти. С одной стороны, он - убежденный коммунист, с другой - ниспровергатель, казалось бы, краеугольных положений марксизма - идеи диктатуры пролетариата и основанной на ней "аксиомы" о победе мировой социалистической революции; борец за счастье родного народа, и в то же время - враг национальных организаций; борец за создание национального государства - и человек, активно способствовавший краху идеи Идель-Уральского штата. И перечень тезисов-антитезисов можно было бы продолжить Султан-Галиев стал одной из первых, точнее, самой первой среди коммунистов-националов, жертв сталинских репрессий вовсе не случайно. Но и после реабилитации, с началом краха коммунистических идей и самой системы социализма и коммунизма, стал объектом критики - нередко демагогического характера и с дилетантских позиций - со стороны многих нынешних борцов за возрождение национальной государственности. Парадокс: если Сталин и его сатрапы обвиняли его в национализме, то сегодня дубина обрушивается на его имя за то, что он, якобы, чересчур рьяно служил большевикам.

Но ни один из критиков не в силах отрицать то, что это был талантливейший человек с огромной политической интуицией (если бы это было не так, он вряд ли оказался бы способен предсказать еще в 1929 году крах марксизма и неизбежный развал СССР), он являлся поборником справедливости, борцом за счастье угнетенных (самыми угнетенными в мире он считал мусульман, а среди них - татар, и всю жизнь посвятил борьбе за счастье колониальных народов, и, в первую очередь, мусульман Востока). Неопровержим и тот факт, что Султан-Галиев выдвинулся в разряд крупнейших идеологов третьего мира.

Судьбу Султан-Галиева решали Сталин и его верные «нукеры»: Ягода, Ежов и Берия. Кому-то из ностальгирующих о прошлом и сейчас, очевидно, не дают покоя их сомнительные «лавры». Впрочем, не намного лучше и другая противоположность - лакировка и «мифологизация» личности Султан-Галиева, приписывание ему и его соратникам того, чего не было.

Представленный сборник трудов Султан-Галиева дает читателю достаточную информацию для подтверждения сказанного и поможет понять всю сложность и противоречивость одной из крупнейших фигур XX века в области политической разработки национальных проблем.

Можно много говорить и писать об этом человеке, но раскрыть его образ в полном объеме, видимо, невозможно в принципе, ибо он никогда не останавливался в своем развитии. Начинал Султан-Галиев борьбу за счастье своего народа вовсе не как коммунист, а как стихийный демократ - для этого достаточно просмотреть его первые сочинения, представленные в данном сборнике. Читатель увидит, как он, татарин, любил свою родину - Башкортостан и башкирский народ. Именно здесь находятся истоки стремления Мирсаида Султан-Галиева видеть вместе в одной семье, а затем и в единой Татаро-Башкирской республике башкир и татар. Докумен-

ты его деятельности периода 1918-1920 годов, представленные вниманию читателя, доказывают, что несмотря ни на какие перипетии, Султан-Галиев не изменил своего отношения к башкирам, не переставал ценить выдающихся личностей этого народа. Нам известно прохладное отношение многих деятелей национального движения татар к Заки Валиди. Султан-Галиев же постоянно подчеркивал свое уважение к этому человеку, и не ошибемся, если скажем, что он одним из первых разглядел его выдающиеся политические способности.

Стремительные события 1917 года привели Султан-Галиева к мнению, что счастья для татар и башкир и для всего колониального Востока можно добиться только с коммунистами. Он достаточно быстро смог осознать, что большевики придут к власти и окажутся в состоянии воздействовать на весь мир. Документы свидетельствуют: Султан-Галиев в течение определенного времени оставался убежденным коммунистом, и верил, что именно они смогут дать народам национальную свободу. Но здесь нужны определенные оговорки относительно некоторых неясностей. Коммунистом-ленинцем, видимо, он был недолго. В отличие от большевистских лидеров, он еще в 1918 году предвидел, что будущее развитие человечества определит не западноевропейский пролетариат, а пробуждающийся Восток. Если Султан-Галиева к этой идее привел анализ реальных процессов национального пробуждения колониальных стран с их обширным потенциалом, то Ленин трудно и вынужденно шел к той же мысли в силу того, что западный пролетариат не спешил с мировой революцией. Возможно, на него оказали определенное воздействие идеи, схожие с теми, что выдвинул Султан-Галиев. По этому поводу у них состоялся откровенный обмен мнениями в одном из конгрессов Коминтерна.

Гадать не будем. Так это или нет, ответят будущие историки. Для нас же ясно, что уже к началу 20-х годов Султан-Галиев разуверился в ортодоксальных коммунистических идеях и перешел на позиции национальной революционной демократии социалистического толка. В то же время - это видно из публикуемых документов - он продолжал называть себя коммунистом, хотя формально из рядов этой партии был исключен уже в 1923 году. Его стремление вернуться в партию, изложенное в письме Сталину год спустя после этого события, есть не что иное, как попытка вернуть утраченные позиции в государственной структуре с целью реализации собственных идей.

Итак, Султан-Галиев уже с начала 20-х годов не коммунист по убеждениям, он - ярый сторонник идеи национально-колониальной революции. Более того, изучение конкретных действий Султан-Галиева по сплочению вокруг себя националов косвенным образом доказывает, что он сожалел о содеянном в 1917-1918 годах, когда был одним из инициаторов не только ареста руководителей II Всероссийского съезда воинов-мусульман, призванного осуществить идею Идель-Уральского штата, но и роспуска всех национальных организаций, за исключением созданных Советской властью и большевиками.

Именно в начале 20-х годов он убеждается сам и доказывает другим, что нация, стремящаяся к независимости и созданию своего государства, не имеет права раскалываться на партии и классы. Единство национальных революционно-демократических сил - верная гарантия победы. Ко-

нечно, в зародышевой форме эта идея сама по себе не нова. Ее в той или иной форме высказывали муфтий Галимджан Баруди, Садри Максуди, Гаяз Исхаки. Однако, тогда ни один из них не определил цели этого единства, ни один из них не подошел к идее антиколониальной революции. Султан-Галиев же обосновал идею единства национальных революционно-демократических сил как катехизис антиколониальных революций. Вот почему, дойдя до адресата, т.е. до лидеров национальных антиколониальных революций в начале 50-х годов, уже после смерти ее автора, она стала реальной силой в борьбе против колониализма и империализма. Не исключено, что его мысли опосредствованно проникали в среду политических лидеров колоний и через слушателей Комуниверситета трудящихся - кузницы революционных кадров Востока. Во всяком случае, лекции Султан Галиева по курсу «Колониальный Восток и мировая революция» пользовались в начале 20-х огромной популярностью среди слушателей. Иногда приходилось отменять другие занятия - «Все ушли слушать Султан-Галиева». Вовсе не случайно, что портреты Султан-Галиева заняли достойное место в кабинетах лидера Египетской революции Гамаля Абдель Насера и вождя Алжирской революции Ахмеда Бен Беллы . Жаль, что эта идея не смогла осуществиться народом, более всего любимым Султан-Галиевым, - татарами и вообще народами России.

Читатель увидит, что в творчестве и конкретной деятельности Мирсаида Султан-Галиева особое место занимала Россия. Подчеркнем это особо, ибо нет-нет, да и находятся люди, желающие представить Султан-Галиева врагом России и русского народа. Это не соответствует истине. Султан-Галиев был врагом империализма, в том числе и российского, в то же время он любил все народы и особой любовью - русский, понимая, что империализм душит не только татар и других «инородцев», но и самих русских, не дает возможности развернуться творческому потенциалу ни тех, ни других.

С болью в сердце Султан-Галиев констатировал, что победа революции и создание СССР не прервали империалистического развития России, что СССР есть видоизмененная империя. Из того, что им написано и высказано в те годы, нетрудно понять, что большевики оказались не в состоянии повернуть Россию на принципиально иной, а именно на демократический путь развития. Напротив, они лишь продлили жизнь империи и сделали более мучительным ее крах. Вот почему он, глубоко убежденный в своей правоте, предсказал, что образование это временное и оно перестанет существовать, даже угадав некоторые детали сценария ее распада.

В этой связи он осуждал деятельность панрусистов, коих он видел в лице ряда функционеров большевистской партии и Советской власти, стремившихся к губернизации национальных республик, и вторивших им некоторых «нигилистов». Будто он вещал об этом сегодня, как бы заглядывая через спины в листки, лежавшие перед авторами нынешней российской Конституции и наблюдая, как эти законотворцы букву за буквой выводят статьи, упраздняющие республики, закрепляя в законе нивелировку всех субъектов Российской Федерации. Следует напомнить: Султан-Галиев предупреждал в свое время сторонников губернизации республик, что именно их деятельность приведет к развалу СССР. Как

будто в туманной дали будущего он видел и провал «новоогаревцев» , торжество «беловежцев».

Читатель, несомненно, увидит, что документальное наследие Мирсаида Султан-Галиева во многом носит глобальный характер, ибо в нем - не только история в ее противоречивом развитии и в деталях, многим неизвестных, но и завтрашний день человечества.

Можно только поразиться тому, с какой точностью обозначен Султан-Галиевым сюжет дальнейшего развития истории. Действительно, как и предсказал идеолог третьего мира, раньше всего рухнула империалистическая система Запада, колонии обрели независимость. Затем начался процесс распада Российской империи. Уже в 1917 году отпали Польша и Финляндия, в начале 1990-х годов развалился СССР, и из империи сразу ушли Прибалтика, Средняя Азия, Казахстан, республики Закавказья, Украина и Белоруссия.

Сегодня многим кажется, что на этом процесс завершился. Однако действительность убеждает нас в предположении, что он продолжится в форме демократизации и децентрализации России. Сейчас идут активные поиски новых форм сотрудничества центра и субъектов Российской Федерации, и мировые сообщества внимательно изучают опыт Татарстана в этом плане.

У истории, к сожалению, мало кто способен чему-то научиться - кажется, она никому ничего не преподает. Это заметил еще великий русский историк В.О.Ключевский. В последние годы своей жизни умнейший российский историк и политик, лидер кадетской партии П.Н.Милюков с горечью признался, что их погубила идея единой и неделимой России. К этим словам мало кто прислушался, это был глас вопиющего в пустыне. Мало кого интересует вопрос, почему империя в нынешнем ее виде разваливается, а ответ чаще видят только в том, что надо крепче держать вожжи: не пущать - и все!

А ведь это - "Чечня", возведенная в ранг государственной политики. Сегодня Чечня! А завтра?! Эта мысль тревожит многих. Не случайно Президент Республики Татарстан М. Шаймиев вместе с тремя другими видными политическими деятелями страны - В.Черномырдиным, А.Лебедем и Б.Березовским - в июле 1998 года вновь обратился к Президенту Российской Федерации с предложением определить наконец-то четкий курс по отношению к Чечне с учетом сложившихся политических реалий, не допустить нового «дрейфа» в сторону силовых решений.

Султан-Галиев предостерегает от синдрома решения политических проблем при помощи оружия, он указывает иные пути реформирования и демократизации власти.

Однако не будем пересказывать написанное Мирсаидом Султан-Галиевым. Читатель сам прочтет их и невольно многому поразится. Перед ним предстанет великий человек со своими сомнениями, переживаниями, с великой убежденностью в том, что придет большой праздник и на улицу угнетенных. И в этом он прав.

Индус Тагиров,
Булат Султанбеков.

Предисловие

М.Х.Султан-Галиев - один из наиболее ярких и дальновидных политиков XX века, признанный теоретик национально-колониального вопроса, самая крупная и авторитетная фигура из татар на политическом небосклоне страны 1918-1923 годов. Председатель Центрального мусульманского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР, председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Народном комиссариате по военным и морским делам РСФСР, начальник отдела Востока Политуправления Реввоенсовета Республики, председатель Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), председатель Федерального комитета по земельным делам, член коллегии (и ее президиума - малой коллегии) Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР на правах заместителя наркома - таков перечень должностей всероссийского масштаба, которые занимал Мирсаид Хайдаргалиевич в эти годы.

Сын сельского учителя Уфимской губернии, окончивший в 1911 г. на "отлично" знаменитую Казанскую татарскую учительскую школу и работавший сам учителем и журналистом, Султан-Галиев с детства видел социальную и национальную несправедливость и задумывался о ее причинах. К 1913 году относятся его первые шаги, направленные на изменение существующего строя. Боевая татарская организация социалистов, созданная им и его единомышленниками в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии, записала в своей программе пункты о замене монархии на демократическую республику, передаче помещичьих земель крестьянам, заводов и фабрик - рабочим, о требовании предоставления всем нациям права на самоопределение.

Члены организации вели широкую агитационную работу среди татаро-башкирского населения, распространяли прокламации. Одним из направлений их деятельности была борьба против русификаторской политики царского правительства. То, что крестьяне изгоняли учителей-миссионеров из сельских школ, было результатом этой борьбы.

В 1915 г. Султан-Галиев - в Баку, на нефтяных промыслах которого работало много татар. Здесь он пишет статьи, репортажи, зарисовки, фельетоны о жизни татар, составляет обзоры азербайджанских газет и публикует их в местных русскоязычных газетах.

Наступление после свержения царизма широких демократических свобод обусловило развертывание национально-освободительного движения народов Российской империи. Усилилась тенденция национальной консолидации. На первых порах мусульманские народы выступили единым фронтом, без разделения на национальности. Многочисленные их организации, созданные повсеместно, также назывались мусульманскими (бюро, комитетами и др.).

1-11 мая 1917 г. в Москве состоялся I Всероссийский мусульманский съезд, который избрал Всероссийский мусульманский совет (Милли шуро). Постоянно действующим органом Совета стал его исполнительный комитет, который по решению съезда должен был размещаться в столице России.

Председатель исполкома Милли шуро А.Т.Цаликов пригласил бакинского журналиста М.Х.Султан-Галиева на должность секретаря исполкома. Эта должность открывала перед ним широкое поле деятельности. Приняв приглашение и приехав в Петроград, Султан-Галиев приступил к исполнению своих обязанностей. Одним из направлений его деятельности стало участие в подготовке II Всероссийского мусульманского съезда, проведение которого намечалось в Казани в июле 1917 г. И вот все организационные дела позади. Султан-Галиев приехал в город своей юности в качестве делегата съезда. В торжественной обстановке съезд открылся 21 июля и продолжался до 1 августа. Будучи избранным в секретариат съезда, Султан-Галиев о каждом заседании писал довольно подробные репортажи, которые публиковались в газете "Казанское слово".

На съезде М.Султан-Галиев познакомился и сдружился с председателем Мусульманского социалистического комитета Муллануром Вахитовым. Единство взглядов и стремлений сблизило их. Вахитов предложил ему после окончания съезда остаться в Казани и работать в Мусульманском социалистическом комитете секретарем. Предложение было принято. С этого времени в качестве одного из руководителей Султан-Галиев активно участвовал в многогранной деятельности этого комитета.

В дни Октябрьского вооруженного восстания в Казани Мулланур и Мирсаид - в передовых рядах борцов за установление Советской власти. На расширенном собрании Казанского Совета 26 октября они оба избираются в состав Революционного комитета, являвшегося временным органом Советской власти в Казани и Казанской губернии. В Ревкоме на Султан-Галиева были возложены обязанности секретаря.

В связи с отъездом 2 января 1918 г. М.Вахитова в Петроград на Всероссийское учредительное собрание и назначением его там Совнаркомом председателем Комиссариата по делам мусульман внутренней России и Сибири М.Султан-Галиев становится председателем Мусульманского социалистического комитета, с 21 февраля - председателем губернского Мусульманского комиссариата. С этого времени, вплоть до захвата чешскими легионерами и народоармейцами Казани 7 августа 1918 г., М.Султан-Галиев находился в центре всех крупных событий в городе.

С июля 1917 г. Султан-Галиев становится членом РСДРП(б). К этому времени он был уже вполне зрелым в политическом отношении человеком. По всей вероятности, ему были известны программы многих политических партий, и он имел возможность выбрать среди них ту партию, которая бы отражала его мировоззрение, его чаяния. В программе большевиков ему импонировали особенно пункты о равноправии наций, праве наций на самоопределение. Султан-Галиев, как и Мулланур Вахитов, в отличие от таких крупных деятелей национально-освободительного движения, как Ахмедбек Цаликов, Фуад Туктаров, Гаяз Исхаки, Гумер Терегулов, поверил большевикам, связывал национальное возрождение, воссоздание государственности татарского народа с их деятельностью. Эта вера усилилась после взятия большевиками государственной власти и объявления ими в Декларации прав народов России 2 ноября 1917 г. тех начал национальной политики, которые обещал положить в основу своей деятельности Совет Народных Комиссаров, - равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких нацио-

нальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России*. В обращении "Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока" от 20 ноября 1917 г. Совнарком заверил: "Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов - Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов"**

Поверив большевикам, приняв за чистую монету их обещания относительно равенства и суверенности народов, их права на самоопределение, Султан-Галиев считал возможным решение национального вопроса в сложившихся конкретно-исторических условиях лишь на платформе Советской власти. Поэтому он участвовал в ликвидации мусульманских военных организаций старой армии, не поддержал идею создания республики "Идель-Урал", более того, был среди тех, кто пресекал попытки ее провозглашения.

Мирсаид Хайдаргалиевич проявил себя крупным военным организатором, создателем красноармейских национальных формирований из татар в годы гражданской войны, был членом Реввоенсовета 2-й армии.

Еще в феврале 1918 г., открыв в Мусульманском социалистическом комитете военную секцию и взяв на себя руководство ею, М.Султан-Галиев организовал вербовку добровольцев из бывших солдат старой армии и рабочих Крестовниковского завода и создание мусульманской социалистической дружины. В мае эта дружина была развернута в 1-й мусульманский социалистический полк. В июне Мусульманским социалистическим комитетом был организован Мусульманский коммунистический отряд. Эти формирования храбро сражались на улицах Казани в дни наступления чешских легионеров и народоармейцев. Участвуя в этих оборонительных боях в составе Мусульманского социалистического полка, М.Султан-Галиев одним из последних покинул захваченный врагами город.

Мулланур Вахитов, прибывший из Москвы в Казань во главе Центральной мусульманской военной коллегии и с отрядом красноармейцев лишь за два дня до ее падения, не успел эвакуироваться, был схвачен и 19 августа расстрелян.

М.Султан-Галиев, добравшись до Сарапула, сражался с противником в составе 2-й армии в качестве рядового красноармейца. Вскоре он отзывается в Москву. Здесь 7 сентября на объединенном заседании коллегии Центрального мусульманского комиссариата, членов Центральных комитетов партий мусульманских коммунистов и мусульманских левых эсеров он делает доклад об обстоятельствах падения Казани. На заседании рассматривался вопрос и о Центральной мусульманской военной коллегии. В связи с тем, что гражданская война развертывалась на территориях компактного проживания татар и башкир, возложенные на эту коллегию задачи руководства формированием мусульманских красноармейских частей были признаны жизненно важными и неотложными. Поэтому собравшиеся ре-

* Декреты Советской власти. - М., 1957. - Т. 1.- С.39-41.
** Там же. - С.113.

шили избрать новый состав военной коллегии. По своим личным и деловым качествам М.Султан-Галиев оказался наиболее подходящей кандидатурой, способной заменить погибшего Мулланура Вахитова. И он был выдвинут председателем военной коллегии. На этом же заседании он был утвержден председателем Центрального мусульманского комиссариата.

Участники этого заседания собрались вновь 11 сентября, уже после освобождения Казани. Они рассмотрели вопрос о восстановлении разгромленных мусульманских революционных организаций, воинских частей и создали для этого Чрезвычайную комиссию во главе с М.Султан-Галиевым. В следующий день эта комиссия, получив широкие полномочия от Наркомнаца, Наркомвоена и ВЧК, выехала в Казань.

Здесь Султан-Галиеву стало известно, что он назначен наркомвоеном Л.Д.Троцким временным председателем Центральной мусульманской военной коллегии, переданной в непосредственное ведение Народного комиссариата по военным делам. 20 ноября последовал приказ Реввоенсовета Республики об учреждении при Наркомвоене Центральной мусульманской военной коллегии под председательством М.Султан-Галиева. На этом ответственном посту ему были присущи, как свидетельствуют публикуемые материалы, инициативность в постановке злободневных вопросов и настойчивость в их решении.

М.Султан-Галиев - крупный государственный деятель. Будучи председателем Центрального мусульманского комиссариата, он вплотную занимался вопросами национальной государственности татар и башкир. Прекрасно зная социально-экономическое положение Уфимской и Казанской губерний, имея в виду родство татар и башкир, почти единый язык и общую культуру, понимая, что невозможно отделить без ущерба татар от башкир и башкир от татар никакими границами в силу расположения в Уфимской губернии татарских и башкирских деревень вперемежку, Султан-Галиев считал оптимальным вариантом создание единой республики и предпринимал действия по реализации Положения о Татаро-Башкирской Советской республике, утвержденного декретом Наркомнаца от 22 марта 1918 г. От этой идеи он не отказался и после образования в марте 1919 г. Башкирской АССР (Малой Башкирии). 28 ноября 1919 г. на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока Султан-Галиев в своем докладе по татаро-башкирскому вопросу доказывал необходимость создания Татаро-Башкирской республики с включением в нее не вошедшей в Башкирскую АССР части Уфимской губернии, где проживало около 356 тыс. башкир и более 1,3 млн.татар*. Съезд, после всестороннего и бурного обсуждения, большинством голосов принял резолюцию, признающую необходимым осуществить Положение о Татаро-Башкирской республике в границах, исключающих автономную Малую Башкирию. Поскольку вся башкирская делегация голосовала против этой резолюции, обсуждение вопроса было перенесено на Политбюро, которое 13 декабря 1919 г. постановило Татаро-Башкирскую республику не создавать и запретило членам партии агитировать за нее.

Теперь в повестку дня встал вопрос о создании отдельной от Башкирии Татарской республики. И в этом деле М.Султан-Галиев принимает актив-

* См. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. - Уфа, 1959. - С. 521.

ное участие, будучи убежденным, что эти две республики в будущем объединятся. Как член комиссии, созданной Совнаркомом для разработки материалов по вопросу об образовании республики, Султан-Галиев участвует в составлении проекта Положения о Татарской АССР. После образования республики он в 1920, 1922 гг. избирался в состав Центрального Исполнительного Комитета Советов ТАССР.

25 мая 1920 г. на заседании Совнаркома РСФСР он назначается членом коллегии Народного комиссариата по делам национальностей. Ему поручается курирование газеты "Жизнь национальностей" и ведение дел с восточными республиками.

Центральный мусульманский комиссариат, возглавляемый М.Султан-Галиевым, после образования Татарской АССР был преобразован в Татарский отдел Наркомнаца. В этом отделе было создано представительство Татарской республики при Наркомнаце. Султан-Галиев, работая заведующим Татарским отделом, председателем представительства Татарской АССР и членом коллегии Наркомнаца, имел возможность близко присмотреться к Сталину, которого уважал. И Сталин, по всей вероятности, ценил в нем широкую эрудицию, аналитический ум, деловитость, принципиальность, организаторские способности, высокий авторитет у работников восточных республик. Чем ближе узнавал Султан-Галиев Сталина, тем сильнее охватывало его чувство разочарования, явью становилось расхождение во взглядах по принципиальным вопросам национальной политики. Это расхождение проявилось выпукло в ходе дискуссий по национальному вопросу в период образования Союза ССР.

Мы теперь хорошо знаем о том, что Сталин никогда не прощал своих оппонентов. Так было и в случае с Султан-Галиевым. Еще летом 1922 г. при помощи секретаря ЦК партии и председателя ЦКК В.В.Куйбышева Сталин пытался вывести Султан-Галиева из состава коллегии Наркомнаца. Он даже был направлен на работу в Закавказье.

В связи с этим полномочные представители ряда автономных республик и областей РСФСР 7 июля 1922 г. обратились в ЦК РКП(б) со следующим письмом: "Нам стало известно, что член Коллегии НКН тов. Султан-Галиев мобилизован Центральным Комитетом РКП(б) для работы в провинции. Мы знаем, что работа его в провинции безусловно будет полезна для Советской власти. Но мы находим, что, работая в Центре, он принесет Советской власти большую пользу, чем на местах. По существу тов. Султан-Галиев является работником мест и в члены Коллегии был выдвинут Советом Национальностей. Состоял он представителем мест (от автономных республик) и в Федеральном комитете по земельным делам, будучи выдвинут туда по воле представителей автономных республик членом президиума и вторым заместителем председателя. Что же касается его линии в национальном вопросе, то она всегда отличалась у него правильностью, определенностью и твердостью */Подчеркнуто нами. - Сост./.* Присутствие в Наркомнаце такого работника, как тов.Султан-Галиев, тем более необходимо, что в настоящее время национальная политика Советской власти централизуется больше, чем когда бы то ни было, вызывая тем самым необходимость сосредоточения в Наркомнаце наиболее твердых, выдержанных и устойчивых работников в области проведения политики Советской власти по национальному вопросу. */Подчеркнуто нами. - Сост./.*

Тов.Султан-Галиев мог бы руководить одним из создаваемых при Наркомнаце федеральных комитетов.

Ввиду всего изложенного мы, нижеподписавшиеся полномочные представители автономных республик и областей, просим ЦК РКП(б) пересмотреть свое решение о тов.Султан-Галиеве и оставить его для работы в Москве, в Коллегии Наркомнаца".

Письмо подписали представители Тат.АССР, Чувашской автономной области, автономной области немцев Поволжья, Карачаево-Черкесской автономной области. Калмыцкий представитель дополнил письмо следующими словами: "Проведение т.Султан-Галиевым облпартконференции и общекалмыцкого съезда Советов в мае текущего года показало калмыцким работникам и широкой массе беспартийных, которая, к слову сказать, послала благодарственную телеграмму в Центр, какой он есть славный и незаменимый работник Центра. Всегда раздиравшиеся на национальные разновидности русские и калмыки на этих двух съездах (партконференция и съезд Советов), где т.Султан-Галиев был председателем, были замечательно единодушны. Целый ряд ораторов из мест и из областного центра засвидетельствовали это и справедливо приписали несравненным качествам т.Султан-Галиева. Поэтому считаю необходимым поддержать настоящее ходатайство".

Под письмом подписались также представители Туркестанской АССР, Марийской автономной области, Башкирской АССР.

Письмо возымело свое действие, и в сентябре 1922 г. Султан-Галиев был отозван из Кавказского бюро ЦК РКП (б) в Наркомнац и восстановлен членом коллегии. А в апреле 1923 г. был назначен членом малой коллегии Наркомнаца.

На X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 г. Сталин, выступая с докладом об объединении советских республик, говорил, что в СССР входят РСФСР, Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика, Украина и Белоруссия, и только они являются субъектами СССР. На заседании фракции РКП (б) съезда Султан-Галиев говорил о: 1) необходимости непосредственного вхождения в СССР и автономных республик, входящих в РСФСР и ЗСФСР, 2) целесообразности иметь полномочных представителей автономных республик в ЦИК и СНК СССР, подчеркнул, что деление наций на настоящих сыновей и на пасынков - явление ненормальное*.

О повышении статуса автономных республик, предоставлении им права быть субъектами СССР говорили и другие делегаты. Однако, под давлением Сталина, эти предложения не были приняты.

На XII съезде РКП (б) (17-25 апреля 1923г.) в докладе о национальных моментах в партийном и государственном строительстве Сталин свел решение национального вопроса лишь к созданию в Центральном Исполнительном Комитете Советов СССР, наряду с союзной палатой, палаты национальностей. На заседании национальной секции съезда доклад Сталина рядом делегатов был подвергнут критике. "По моему мнению, - говорил Султан-Галиев, - та постановка вопроса, которая предлагается тов.Сталиным, не разрешает национального вопроса, и мы принуждены будем опять возвращаться к этому вопросу, если не поставим его карди-

* См. С. 409-410 настоящего издания.

нально". Подчеркнув, что так называемый местный национализм, возникающий как ответная реакция на великодержавный русский шовинизм, по сути является не национализмом, а борьбой с шовинизмом, Султан-Галиев высказался за необходимость борьбы с любым национализмом, который проявляется в виде угнетения сильной нацией сравнительно слабых национальностей*.

Это выступление Султан-Галиева вывело Сталина из себя. И он решает покончить с ним при помощи партийного аппарата и карательного органа - Государственного политического управления НКВД. На девятый день после выступления, 4 мая, партколлегия ЦКК без приглашения на свое заседание Султан-Галиева, не заслушав его, вынесла решение об исключении его из партии, снятии со всех государственных и партийных должностей "как антипартийного и антисоветского элемента" и передаче его дела для доследования в ГПУ. При этом 9-й пункт протокола № 6 заседания партколлегии ЦКК от 4 мая 1923 г. оформлен так, как будто Султан-Галиев присутствовал на этом заседании, более того, якобы давал личное объяснение по поводу предъявленных ему обвинений. Он был арестован и препровожден на Лубянку.

Много лет спустя Л.Д.Троцкий в своей книге "Сталин" привел следующие слова Л.Б.Каменева об этом эпизоде: "Помните арест Султан-Галиева, бывшего председателя Татарского совнаркома *(здесь ошибочно названа его должность. - Сост.)* в 1923? Это был первый арест видного члена партии, произведенный по инициатива Сталина. Мы с Зиновьевым, к несчастью, дали свое согласие. С того времени Сталин как бы лизнул крови..."**

В тот же день, 4 мая, решение партколлегии было подтверждено Оргбюро, 10 мая - Политбюро ЦК РКП (б).

Поводом для ареста послужили несколько писем Султан-Галиева, адресованных местным руководителям и перехваченных ГПУ. В одном из них, в частности адресованном наркому просвещения Башкирии А.Адигамову, были слова: "Установи связь с Валидовым".

Во время допроса Султан-Галиев объяснил это тем, что хотел привлечь Заки Валидова к советской работе. Как известно, Заки Валидов, глава Башкирского правительства, оставивший в 1920 году из-за несогласия с восточной политикой Советского правительства свой пост, участвовал в Туркестане в басмаческом движении, в 1922 г. раскаялся и обратился к Среднеазиатскому бюро ЦК РКП (б) с просьбой простить его. 13 декабря 1922 г. в выходящей в Москве газете "Эшче" была опубликована информационная статья об этом.

Арест Султан-Галиева вызвал недоумение на местах. Как только слухи об этом дошли до Казани, группа руководящих работников республики написала письмо в ЦК партии о том, что если действительно арестован Султан-Галиев, то это чистейшее недоразумение, и просила его освободить. После подтверждения факта ареста казанцы написали второе письмо, в котором настоятельно просили ЦК освободить Султан-Галиева и передать его им на поруки.

В дальнейшем все подписавшие эти письма люди были репрессированы.

---

* См. С. 435-437 настоящего издания.

** Троцкий Л. Сталин. - М.: "Терра",

По инициативе Сталина было созвано Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, которое состоялось в Москве с 9 по 12 июня 1923 г. Участвовало в нем 28 членов и кандидатов в члены ЦК, в том числе 9 из 11 членов Политбюро, затем 7 членов ЦКК, 58 человек с мест. По составу участников и по своему значению это совещание было приравнено к Пленуму ЦК. Первым вопросом было рассмотрено "Дело Султан-Галиева". В докладе В.В.Куйбышева, составленном при участии Сталина, Султан-Галиев необоснованно представлен врагом Советской власти. На совещании, по сути, столкнулись два направления по национальному вопросу, два взгляда на перспективу развития межнациональных отношений. И судьба Султан-Галиева зависела от того, какое направление возьмет верх. Верх взяло сталинское направление, что означало для Султан-Галиева гибель.

Теперь стало известно, что вопрос о Султан-Галиеве перед совещанием был рассмотрен на Политбюро, и оно дало санкцию Сталину на политическое уничтожение Султан-Галиева.

Физическая ликвидация Султан-Галиева тогда еще не входило в планы Сталина. Ему пока важнее было другое: его политическое уничтожение. В конце своей речи Сталин сказал: "Я и до совещания говорил и теперь утверждаю, что тов.Куйбышев прав, думая, что его надо освободить. Человек признался во всех своих грехах и раскаялся. Из партии он изгнан и в партию, конечно, не вернется...С человеком покончено как с политической единицей. Чего же еще?" */Подчеркнуто нами. - Сост./*

Сталину не терпелось на примере Султан-Галиева дать урок другим оппонентам и таким путем укрепить свои позиции. Только этим можно объяснить то, что стенограмма совещания в срочном порядке была отпечатана в виде книги с грифом "Строго секретно" и разослана в партийные организации. И на местах были организованы подобные совещания, на которых принимались резолюции с осуждением Султан-Галиева. В Казани, в частности, такое совещание состоялось 19-21 июля 1923 г. Характерно то, что оно проходило под председательством начальника Татарского отдела ГПУ С.Шварца.

Таким образом, в политическом, затем и физическом уничтожении Султан-Галиева с подачи Сталина участвовала вся партия большевиков, та партия, за укрепление власти которой в годы гражданской войны Султан-Галиев отдавал все свои силы, весь свой талант, организаторские способности. Московское совещание положило начало крутому изменению курса партии коммунистов в национальном вопросе, что привело к кровавым столкновениям через десятилетия - в наши дни и стало одной из причин ее бесславной кончины.

Стенограмма Четвертого совещания до последнего времени фактически оставалась недоступной исследователям. Если кто и читал ее, то не имел права разглашать. Приходилось довольствоваться лишь резолюцией совещания, которая была включена в многократно переизданный многотомник "Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и реше-

---

* Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9-12 июня 1923 г.: (Стенографический отчет) М., 1923.-С.69. Эти слова из текста речи, опубликованного в 5-м томе Сочинений Сталина, вычеркнуты.- Сост.

ниях съездов, конференций и пленумов ЦК". Эта резолюция давала однозначно клеветническую оценку деятельности Султан-Галиева, что являлось партийной установкой, игнорирование которой вплоть до последних лет никому не позволялось. Резолюция прямо нацеливала местные партийные организации на поиск врагов в лице единомышленников Султан-Галиева, что означало крестовый поход против не согласных со сталинской национальной политикой.

В 1992 г., к 100-летию со дня рождения М.Султан-Галиева, Российский международный фонд культуры и издательство "Инсан" в Москве осуществили репринтное издание стенографического отчета Четвертого совещания ЦК РКП(б) под названием "Тайны национальной политики ЦК РКП" с обстоятельной вступительной статьей Б.Ф.Султанбекова.

Султан-Галиев был освобожден вскоре после совещания. Расследование никакого криминала в его действиях не нашло. Был еще один немаловажный фактор, толкавший Сталина на освобождение Султан-Галиева: к этому времени состояние здоровья В.И.Ленина немного улучшилось, и для Сталина возникла опасность возвращения его к руководству. Тогда за весь "спектакль" с Султан-Галиевым пришлось бы держать ответ его "режиссеру" - Сталину.

Перед освобождением Султан-Галиеву было объявлено об его исключении из партии и снятии со всех должностей. Султан-Галиев, при всем том, что он все явственнее видел элементы вырождения партии, ошибочность ее политики по национальному и национально-колониальному вопросам, воспринял эту весть крайне тяжело, она оказалась для него полной неожиданностью. Исключение из партии означало для него запрет работы по призванию, т.е. на политическом поприще, закрытие дверей даже к мало-мальски ответственным должностям, значило оказаться отброшенным на обочину, отвергнутым и изолированным. Словом, это было для него политической смертью.

Грубое нарушение действующего Устава партии при исключении из партии Султан-Галиева, фальсификация протокола заседания партколлегии ЦКК, недопущение его на Четвертое совещание, где рассматривалось его "дело", понадобились Сталину и его окружению для сокрытия от членов партии истинной причины исключения М.Султан-Галиева из партии, ареста, обвинения в несуществующих преступлениях.

Добившись после освобождения из-под ареста встречи со Сталиным, Султан-Галиев попросил у него содействия в восстановлении в партии, на что получил уклончивый ответ о том, что к этому вопросу можно будет вернуться не раньше чем через год. Сталин, конечно же, слукавил: пока он генеральный секретарь, не видать Султан-Галиеву партийного билета! Через год ему было отказано в восстановлении. К этому времени, после смерти В.И.Ленина, Сталину удалось упрочить свое положение, и ему уже не было надобности церемониться со своими оппонентами. Султан-Галиеву было заявлено о том, что-де, если он намерен восстановиться в партии, то он должен выступить в печати с публичным признанием своих ошибок. По сути, ему предлагалось отказаться от своих убеждений, кардинально изменить свое мировоззрение.

Действительно, прими он это предложение, ему бы, наверное, удалось какое-то время прожить безбедно. Однако на предательство своих едино-

мышленников, интересов своего народа он не пошел и не мог пойти. Это означало бы переступить через себя.

У него была другая возможность: оставаясь самим собой, эмигрировать и из-за рубежа вести борьбу против сталинской национальной политики.

Султан-Галиев избрал третий путь: вынести все лишения и невзгоды и остаться самим собой. Прекрасно понимая, что при сталинском руководстве партией это так долго продолжаться не будет, что он может быть уничтожен и физически, он осознанно сделал свой выбор.

Султан-Галиев оказался в положении политического изгоя, окруженного доносчиками. Вынужденный перебиваться на мизерные средства существования от малозаметных должностей, часто голодал. Его ум, эрудиция, опыт оказались ненужными Советскому государству.

В 1928 г. было сфабриковано новое дело - о "султангалиевщине" как агентуре международного империализма. Султан-Галиева вновь арестовали. Арестовали также большое количество лучших представителей татарской, башкирской, крымско-татарской интеллигенции. По количеству привлеченных к суду эти процессы превосходили даже печально известные политические процессы 1936-1938 годов. В 1930 г. Султан-Галиева приговорили к расстрелу, через полгода заменили эту меру на 10 лет тюрьмы. В 1934 г. досрочно освободили. В 1937 г. вновь арестовали, подвергли жесточайшим физическим пыткам и 28 января 1940 г. отняли у него жизнь. Так расправился кровавый тиран Сталин со славным сыном татарского народа Мирсаидом Султан-Галиевым только за то, что он отстаивал равноправие народов страны, ратовал за повышение статуса автономных республик, хотел видеть СССР союзом истинно суверенных республик и осмелился критиковать дискриминационную сталинскую национальную политику.

В сталинских застенках погибли также жена и двое детей Султан-Галиева.

После XX съезда КПСС многие "султангалиевцы" были реабилитированы. Но как только речь заходила о самом лидере движения и его ближайших соратниках, следовал отказ: "был и остается врагом". Дело в том, что его оправдание потребовало бы пересмотра многих исторических и теоретических постулатов и принципов, "поступаться" которыми было рискованно для сложившегося понимания мирового освободительного движения, перспектив социалистического развития. Представления Султан-Галиева разительно отличались от господствующей концепции, разработанной Сталиным и его преемниками. Поэтому он и был неприемлем официальному руководству партии.

Лишь в 1990 г. М.Султан-Галиев и его соратники, после тщательного изучения его многотомного "Дела" правоохранительными органами, были реабилитированы полностью. Все предъявленные к ним обвинения оказались сфабрикованными. Хотя реабилитация была осуществлена в Москве, подготовка к ней началась в Казани. В частности, 5 декабря 1988г. Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского научного центра АН СССР обратился в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов, с предложением о пересмотре дела М.Х. Султан-Галиева.

В возвращении доброго имени Султан-Галиева большую роль сыграли республиканские газеты «Социалистик Татарстан», «Советская Татария», «Вечерняя Казань», «Татарстан яшьләре», журналы «Казан утлары», «Коммунист Татарии», «Слово агитатора», которые еще задолго до реабилитации стали публиковать материалы самого Султан-Галиева, статьи о нем. Активность, гражданственность, осознание своей роли перед обществом помогли печати преодолеть сложившиеся десятками лет стереотипы оценки личности Султан-Галиева, повысили интерес у людей к его жизни и деятельности, трагической судьбе, теоретическому наследию. Тут требовалась немалая решительность не только авторов, но, пожалуй, в первую очередь редакторов изданий. Ведь в ту пору партийных решений, осуждающих Султан-Галиева, никто еще не отменял.

С обстоятельными статьями о Султан-Галиеве и предложением о его реабилитации выступили на страницах республиканской печати казанские ученые И.Р. Тагиров, Б.Ф. Султанбеков, М.И. Абдуллин, Д.Р. Шарафутдинов и другие. Они подготовили общественное мнение, помогли более решительно и настойчиво ставить перед партийными и правоохранительными органами вопрос о реабилитации М. Султан-Галиева и его соратников.

Настало время для издания духовного наследия Султан-Галиева. Впервые издание сборника трудов М.Х.Султан-Галиева на английском и русском языках было осуществлено в Англии Обществом исследования Средней Азии при Оксфордском университете в 1984 г. В сборник "Статьи" включены опубликованные в 1919-1923 гг. в газете "Жизнь национальностей" работы Султан-Галиева "Социальная революция и Восток", "Батум и Армения", "Татары и Октябрьская революция", "Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман", "К объявлению Азербайджанской Советской Республики". Сборник сопровожден обстоятельной вступительной статьей и библиографией.

Эти же статьи в виде приложения включены в книгу А.В.Сагадеева "Мирсаид Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения: Научно-аналитический обзор" (М.,1990).

Составителями данного сборника в результате изучения подшивок до двадцати наименований газет и журналов на татарском и русском языках, выходивших в Петербурге, Москве, Уфе, Баку, Казани в 1912-1923 годах, выявлено около ста статей Султан-Галиева.

К духовному наследию Султан-Галиева относятся и его многочисленные доклады и речи, выявленные тексты которых частью были ранее опубликованы в периодической печати, частью хранятся в архивных фондах.

Особую часть его духовного наследия составляют показания на следствии, письма, заявления, написанные в застенках НКВД, а также рукописи неопубликованных работ, изъятые при обысках. Ценность этих материалов заключается в том, что, во-первых, в них отражены вся драма и трагедия судьбы Султан-Галиева из-за несправедливого отношения к нему большевистской власти; во-вторых, в показаниях на следствии Султан-Галиев, не ограничиваясь краткими ответами на поставленные следователями вопросы, обстоятельно излагает свои мысли, взгляды, теоретические положения.

Каково же основное содержание духовного наследия М.Султан-Галиева?

В статьях, опубликованных до 1917 года, им рассмотрены главным образом вопросы культуры и народного образования у татар.

С 1918 г. в творчестве Султан-Галиева особое место занимает национально-колониальный вопрос. Глубоко изучив эту проблему, он в конце 1917 - начале 1918 гг. выдвигает важное в теоретическом и практическом отношениях положение об угнетающих и угнетенных народах, неоднократно возвращается к этому положению в последующих статьях и выступлениях, дополняя и углубляя его. К угнетенным он относит народы колоний и полуколоний, в том числе наиболее забитые мусульманские народы Востока. К этой же категории он относит и нерусские народы Российской империи, в том числе татар и башкир. К угнетателям отнесены народы метрополий, богатства которых созданы потом и кровью народов колоний. Западноевропейский рабочий класс, будучи одним из потребителей тех богатств, которые империалистическая буржуазия получала в результате эксплуатации колоний, отнесен М.Х.Султан-Галиевым косвенно к угнетателям. Отсюда вытекало другое, не менее важное положение Султан-Галиева о неготовности западноевропейского пролетариата к социалистической революции, ибо капиталисты этих стран имели возможность удовлетворять экономические требования своих рабочих за счет получаемых из колоний богатств и подавлять возможные революционные настроения в зародыше. Это положение было выдвинуто Султан-Галиевым тогда, когда большевистские лидеры иллюзорно ожидали со дня на день подъема западноевропейского пролетариата на социалистическую революцию. Готовым к социалистической революции Султан-Галиев считал угнетенный Восток при условии ликвидации его колониальной зависимости. Поэтому антиколониальную революцию он считал очень важным общенациональным делом. По его убеждению, нация, стремящаяся к независимости и созданию своего государства, не имеет права раскалываться на классы и партии, только единство национальных революционно-демократических сил - верная гарантия победы.

В целях сохранения национального единства на стадии антиколониальных революций выдвижение социалистических лозунгов, идеи классовой борьбы Султан-Галиев полагал преждевременным и недопустимым, ибо они могли оттолкнуть национальную буржуазию от революции, привести ее к союзу с буржуазией метрополий, упрочению позиций империализма в данной колонии и в конечном результате - к поражению революции.

Идея единства национальных революционно-демократических сил стала реальной силой в борьбе против колониализма и империализма. Вот почему Султан-Галиев признан отцом революции третьего мира.

Султан-Галиев имел свой взгляд на казавшееся аксиомой ленинское определение империализма. Он не согласился с тем, что империализм как экономическая и политическая категория свойствен лишь определенной, монополистической стадии капитализма, считал, что он присущ капитализму вообще, независимо от стадии его развития, допускал возможность в теории и на практике наличия социалистического или коммунистического империализма, если существует система колониального хозяйствования (эксплуатация национальных окраин как источников сырья для промышленности центральных районов, слабое развитие или отсутствие на окраи-

нах предприятий, перерабатывающих добываемое сырье, полная их зависимость от центра в обеспечении жизненно необходимыми промышленными товарами и продуктами питания и т.д.)

С болью в сердце констатировал Султан-Галиев, что победа революции и создание СССР не прервали империалистического развития России.

Вот почему он, как человек, глубоко убежденный в крахе империи как таковой, констатировал, что СССР есть видоизмененная, но империя, и предсказал, что это образование непрочно и оно со временем перестанет существовать.

В начале 20-х годов Султан-Галиев совместно с рядом политических деятелей выдвинул и последовательно отстаивал альтернативный вариант решения национального вопроса в стране, существенно отличающийся от сталинского, предусматривающий полное равенство наций в политико-экономической жизни, образовании, культуре, осуществление их права на самоопределение вплоть до создания своего независимого государства.

В показаниях на следствии 24 января 1929 г. Султан-Галиев следующим образом определил этот вариант: "Вкратце нашу платформу можно было сформулировать как требование о непосредственном вхождении в Союз всех национальных образований в пределах Советской России, с дополнительным созданием Великорусской республики, на принципе полного политического и экономического равенства входящих в Союз единиц, со строгим конституционным разграничением общесоюзных и республиканских прав и функций"*. По существу, Султан-Галиев и его единомышленники требовали лишь осуществления на деле Декларации прав народов России от 2 ноября 1917 г.

Однако, к несчастью, оказалось, что от декларативных заверений до их осуществления лежит непреодолимое для большевистского политического руководства расстояние. В этом отношении характерно письмо Сталина к Ленину от 22 сентября 1922 г. В нем содержатся и такие слова: "За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство ЦеКа РКП как обман и лицемерие со стороны Москвы. Мы переживаем такую полосу развития, когда... молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету..."**

В результате такой лицемерной национальной политики в стране установилось ранжирование национальностей и их государственных образований.

Это неравенство закреплялось конституциями СССР 1924, 1936, 1977 годов. Право отделения от СССР сохранялось лишь за союзными республиками, а его осуществление было практически невозможным. Существенные ущемления в правах, в экономическом развитии, в области образования и культуры испытывали автономные республики, автономные национальные области и округа. Национальные противоречия вместо их

---

* См.: С. 562 настоящего издания.

** Известия ЦК КПСС.-1989.-№ 9.-С.199.

разрешения подавлялись силой. Порочная сталинская национальная политика, которую проводили и последующие большевистские правители, привела, наряду с другими причинами, к развалу СССР, гражданской войне в ряде республик, чеченской трагедии.

Султан-Галиев подвергал сомнению и сердцевину марксизма - идею о диктатуре пролетариата. Он считал, что замена диктатуры буржуазии диктатурой другого класса, имея в виду пролетариат, ни к чему хорошему не приведет. Время доказало его правоту.

Султан-Галиев верил в мировую пролетарскую революцию как средство достижения всеобщей социальной справедливости. Однако, в отличие от многих видных деятелей большевизма, он считал такую революцию возможной лишь в отдаленном будущем.

Не все положения, выдвинутые Султан-Галиевым, выдержали испытание временем. К ним можно отнести его (и не только его!) высказывания о необходимости подготовки и направления вооруженных отрядов в другие страны для борьбы против колонизаторов. В этой связи можно вспомнить о предложении Л.Д.Троцкого (1919 г.) подготовить военный удар на Индию для того, чтобы подтолкнуть индусских революционеров в действию. Тогда у высшего руководства страны хватило мудрости отвергнуть подобные предложения, чего не доставало в 1979 г., когда было принято решение о вторжении в Афганистан. Какими печальными последствиями это обернулось - общеизвестно.

Идеи Султан-Галиева получили широкое распространение во всем мире. Они особо популярны в странах, включившихся в национально-освободительное движение с целью порвать цепи колониальной зависимости и уже добившихся успеха.

Одним из источников распространения идей Султан-Галиева явился Коммунистический университет трудящихся Востока, открытый в Москве в 1921 г. Султан-Галиев являлся инициатором создания, одним из организаторов и руководителей и преподавателем этого высшего учебного заведения, в котором при нем обучались многие будущие руководители стран Азии. Из наиболее известных можно назвать таких, как Тан Малака (Индонезия), Сен-Катаяма (Япония), Лю Шауци (Китай), Хо Ши Мин (Вьетнам).

Следует подчеркнуть роль зарубежных ученых в объективном изучении деятельности и духовного наследия М.Султан-Галиева в то время, когда их советские коллеги в условиях жесткого идеологического диктата вынуждены были писать о Султан-Галиеве, вопреки исторической истине, как о буржуазном националисте, карьеристе, изменнике, двурушнике. Наиболее значимые труды были созданы А.Беннигсеном и Ш.Лемерсье-Келькеже (Франция), Р.Пайпсом (США), М.Родинсоном (Франция), С.Зенковским (США), С.Уимбушем (США), М.Ямаучи (Япония), А.Рорлих (США), М.Броксоп (Англия). Турецкий историк Ерол Каймак написал и защитил докторскую диссертацию, издал книгу "Султан-Галиев и Колониальный Интернационал" (Истанбул, 1993 г.) на базе идей М.Султан-Галиева по колониальному вопросу. Французская писательница Кенизе Мурад пишет роман о Султан-Галиеве.

12 июня 1992г. в Татарстане широко отмечалось 100-летие со дня рождения М.Х.Султан-Галиева. Проведенные мероприятия красноречиво свидетельствовали о значимости этого исторического события для суверенно-

го Татарстана.К юбилею одна из площадей в центре Казани была названа именем М.Султан-Галиева. Академия наук Татарстана провела научную конференцию. В здании Национального культурного центра «Казань» была открыта выставка, содержащая более 300 экспонатов, отражающих жизнь и деятельность М.Султан-Галиева. На площади им. Султан-Галиева, на том месте, где будет установлен памятник славному юбиляру, был поставлен памятный камень. В здании Татарского государственного академического театра им. Г.Камала Президент Республики Татарстан, Верховный Совет РТ и Правительство РТ провели торжественный вечер. Его открыл вступительным словом Президент Республики Татарстан М.Ш.Шаймиев.С докладом о жизненном пути и многогранной деятельности М.Султан-Галиева выступил заместитель премьер-министра, президент Академии наук Республики Татарстан М.Х.Хасанов. На торжественном заседании присутствовали руководители республики и г.Казани, родные М.Султан-Галиева, делегаты Международной тюркологической конференции. К юбилею М.Султан-Галиева Татарским книжным издательством были выпущены роман Р.Мухамадиева «Сират күпере» и сборник "Мирсаид Султан-Галиев. Статьи. Выступления. Документы", который содержит часть собранного для настоящего издания материалы.

Археографическая обработка и подготовка трудов Султан-Галиева к изданию осуществлены в соответствии с действующими правилами. Не правленые стенографические записи выступлений Султан-Галиева подвергнуты редактированию без ущерба содержанию.

Произведения Султан-Галиева расположены в хронологическом порядке. Они даны на языке оригинала: или на русском, или на татарском. В пределах года публикуются сначала труды на русском языке, затем на татарском. После каждого произведения указан источник. В конце тома даны развернутые примечания, указатель имен, библиография о Султан-Галиеве, приведены в виде приложения обвинительное заключение от 6 июня 1923 г. и материалы по реабилитации.

В ходе работы над книгой мы ощущали доброжелательное и заинтересованное отношение большого круга людей, знавших Султан-Галиева лично или по его работам. Эти люди оказывали нам посильную помощь.

Родные: брат Фарит Хайдаргалиевич Султан-Галиев, сестра Зулейха Хайдаргалиевна Геокленова, племянники Мирхат Хадиевич Султан-Галиев, Гаухар Рустамбековна Письменная, родственники Кадрия Искандеровна Кутлубаева и Александр Владимирович Самцов поделились с нами нигде не зафиксированными воспоминаниями, помогли комментировать фотографии.

Ветераны гражданской войны: делегат I и II Всероссийских съездов коммунистических организаций народов Востока К.А.Абдурахманов, М.Ш.Зайнуллина дополнили некоторыми деталями биографические сведения о Султан-Галиеве как об очень эрудированном, культурном человеке.

Ряд важных сведений о Султан-Галиеве взят нами из воспоминаний и других документов соратников М.Вахитова и М.Султан-Галиева - бывшего командира 1-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады, члена Реввоенсовета Туркестанского фронта Ю.И.Ибрагимова, бывшего начальника штаба 2-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады, военного атташе в Иране А.К.Маликова, любезно предоставленных

нам их дочерьми А.Ю.Ибрагимовой и З.А.Маликовой, а также писателем Атиллой Расихом.

Вдова одного из ближайших сподвижников Султан-Галиева - бывшего заместителя председателя СНК ТАССР Г.Г.Мансурова Р.Г.Сагитова также предоставила нам ряд ценных документов.

Директор Государственного архива Российской Федерации С.В.Мироненко, зам.директора О.В.Маринин, работники Российского Центра хранения и изучения документов новейшей истории: директор К.М.Андерсон, заместитель директора главный хранитель фондов Ю.Н.Аммиантов и заведующая отделом использования документов Г.В.Горская, начальник Главного архивного управления Азербайджана А.А.Пашаев, председатель Государственного комитета Республики Башкортостан по делам архивов Д.К.Узбеков, бывший председатель Комитета по делам архивов при Правительстве Республики Калмыкия А.О.Тапкина, руководитель пресс-центра Полномочного представительства Республики Татарстан в Российской Федерации Ш.Ф.Шамсутдинов, работники Центрального оперативного архива Федеральной службы безопасности России, архивного отдела КГБ РТ, и, прежде всего, председатель КГБ РТ генерал-майор В.Г.Салимов, сотрудники архива КГБ РТ: кандидат исторических наук Р.Б.Гайнетдинов, Р.Х.Габдуллин, С.С.Багавиева, Е.П.Веревкина и бывший сотрудник архива КГБ РТ М.С.Хохлачев, научные сотрудники Центрального государственного архива историко-политической документации РТ С.С.Елизарова, Р.Б.Садыкова, заведующая отделом использования и публикации документов Национального архива РТ Н.А.Шарангина оказали неоценимую помощь в выявлении документов и материалов, которые вошли в книгу.

Ценные замечания, принятые с благодарностью, были высказаны академиком АН РТ И.Р.Тагировым, директором Института истории АН РТ Р.С.Хакимовым, профессором Б.Ф.Султанбековым, докторами исторических наук Р.К.Валеевым, А.Л.Литвиным, Р.У. Амирхановым, кандидатом исторических наук К.А. Назиповой и публицистом Х.Г.Зариповым. Всем им выражаем искреннюю признательность.

Мы благодарны сотрудникам Национального архива РТ: заведующему лабораторией копирования, реставрации и переплета документов В.И.Башкирову, заведующей отделом по автоматизации архивных технологий Н.А.Спирюхиной, Г.М.Беловой, Е.В.Косовой, Н.Н.Максименко, А.А.Посаженниковой, И.Ф.Якуповой, сотруднице ЦХДЛС РТ Н.П.Артюхиной, специалисту ГАУ при КМ РТ Г.Ф.Минзяновой за оказанную помощь в технической подготовке текстов к публикации.

И. Гиззатуллин,
Д. Шарафутдинов.

1912 г.

- **Среди мусульман**
- **Все о том же**
  (Крик наболевшей души)

Среди мусульман

У арабов до принятия ими ислама существовал ужасный обычай, по которому прелюбодеев подвергали позорной казни: привязывали к столбу и били камнями, или же живого закапывали в землю. Этот обычай сохранился у них и после того, как они стали исповедовать мусульманскую религию, и перешел в наследие другим народам, принявшим ислам.

Большинство современных мусульманских богословов и философов доказывают, что всякое насилие, всякая жестокость противны духу ислама. Несмотря на это, и до сих пор среди мусульман практикуются позорные казни. 2-го сентября с.г. мне пришлось быть очевидцем такой позорной казни в деревне Кармаскалы Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда. Мы были в гостях у учителя этой деревни, когда до слуха нашего дошел какой-то шум, гул, одновременно с тем в дом вбежали дети, крича: "Смотрите, смотрите: человека в телегу впрягли!" Мы все подбежали к открытым окнам, и нам представилась ужасная картина: посреди улицы шли, едва волоча ноги, два до неузнаваемости избитых парня и тащили за собой тяжелую крестьянскую телегу. Впереди, позади и по бокам шла тысячная толпа, о чем-то громко кричавшая. Кто-то спросил: что это за парни и куда их ведут? "Да вот старший из них девушку одну изнасиловал; его схватили, избили как следует, а теперь вот по улице ведем в пример другим. Больно уж "зазнались", - ответил кто-то мимоходом.

- А другого зачем?

- Не знаю.

- Почему же полиция не отнимает их у вас?

- И, батюшка! Как только начали бить их, полицейские тотчас же сами удрали.

- Да ведь убьют их, неужели ни десятских, ни сотских, ни старосты нет?

- Мулла приходил было, да его самого чуть не избили, а староста и старшина ничего не могут сделать.

Интересно, что за два дня перед тем был избит населением за "буйство" рекрут, призывающийся нынче на военную службу.

Сухой.

Уфимский вестник. - 1912. - 4 сентября. - № 196.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань. Тат. книж. изд-во, 1992.-С.26-27.

Все о том же

(крик наболевшей души)

"Дорогой брат! Как ты поживаешь, и каково у тебя здоровье?" - Так начиналось письмо моей сестры Мани, гимназистки 5-го класса. - "Я нездорова, у меня головная боль, делают уколы. Недавно я тебе послала открытку, однако ты все еще не отвечаешь. Быть может, ты потому и не отвечаешь, что я тогда просила у тебя денег? Но у кого же мне просить, как не у тебя, кто же подаст мне свою руку, как не ты? Ведь не будет же помогать мне лишь отец один. Ему скоро 60 лет, а он все еще работает, трудится, не зная ни отдыха, ни покоя. Представь, каково мое положение. Вот мне 27-го ноября нужно платить хозяевам за хлеба 14 рублей, нужно купить пальто зимнее за 18 рублей, пуховый платок за 5 р., зимние галоши за 4 рубля. Кроме того мне необходимо сшить себе или купить "форму", которая будет стоить не менее 8-9 рублей. Видишь, сколько всего надо мне. А где же достать мне все это? Стипендии не дают.

Просить денег у отца не могу. Что может он уделить из своих 28 рублей?! Ведь не сидеть же ему голодным: у него такая большая семья. У меня теперь вся надежда только на тебя. Ради Бога, пошли поскорее 10 рублей! Если ты не пошлешь, у меня к празднику не будет форменного платья, и мне никуда нельзя будет ходить, так как я принуждена буду сидеть дома... Все говорят, что я стала такая бледная, бледная и худая. Если ни ты, ни папа не пошлете денег, - скоро придется бросить гимназию. Пошлешь мне, и я тебе, Бог даст, все равно хоть и после буду помогать. Если тебя заберут на будущий год в солдаты, я тебе буду помогать: я тогда сама уже буду учительницей и каждый месяц буду посылать тебе не менее 5-ти или 3-х рублей...

Ты не знаешь, как мне горько, как тяжело. Я вот пишу это письмо, и у меня из глаз капают на бумагу слезы. Мне почему-то кажется, что все забыли меня, оставили одну безо всякой помощи. Мне даже думается, что ты забыл, что мы рождены от одной и той же матери, что я твоя родная сестра..."

Вот письмо моей сестры, будущей народной учительницы. Ей, пожалуй, нынче же придется оставить гимназию, чтобы превратиться во "второклассную" учительницу. Все равно нет возможности учиться.

Отец мой - народный учитель. Хотя он служит уже тридцатый год, но пенсии ему все еще нет. Может быть, он и выхлопотал бы себе пенсию, да все надеется, что вот-вот начнут выдавать периодические прибавки... А как многосемейный учитель, он принужден все еще служить из-за периодических прибавок, именно, только из-за них.

Если назначение народных учителей - подготовить молодое поколение к жизни, то первое условие успешности достижения этой задачи есть то, чтобы учитель сам имел возможность жить в истинном, неисковерканном значении этого слова. Но разве можно говорить, что человек живет, когда он, имея способность реагировать на впечатления внешнего мира, мыс-

лить, разрушать и творить, сознает, что ему нет физической возможности удовлетворить свои стремления?

Мой отец - человек, он тоже хотел жить, т.е. есть, пить, работать, отдыхать, наживать детей и воспитывать их. В работе у него не было недостатка. Но пить, есть и отдыхать на 28 рублей 20 коп. слишком мудрено, нажив себе детей. Также мудрено дать и надлежащее воспитание своим детям. Старшие две мои сестры получили только низшее образование. Я тоже учился лишь в учительской семинарии и теперь отцовскую дорожку топчу. Только вот Маню и отдали в гимназию. Казенной стипендии ей не дали. Оказать отцу более или менее ощутительную помощь я пока еще не в состоянии. Я учительствую только второй год. Нужно было обзавестись всем, чем необходимо обзавестись учителю-новичку. Нужно было купить всего, начиная от нижнего белья и кончая зимним пальто. Сверх всего этого летом съездил на Московские летние педагогические курсы. Поездка эта была сопряжена с расходами. А не поехать было нельзя, тянуло услышать живое, правдивое "новое" слово... Вот почему сестра и осталась в таком плачевном состоянии. Как получу жалованье, так обязательно пошлю ей 10 рублей. Есть долги. Нужно отдать своим хозяевам за хлеб за истекший месяц 2 р. 50 коп. Не мешало бы и самому сшить или купить новое пальто, а то в старом как-то "неловко" ходить: чересчур уж старо. Нужно бы послать 2 рубля в редакцию журнала "Жизнь для всех". А то начал было выписывать журнал в рассрочку, а второго взноса еще не послал.

Давно уже пора снова подписаться на какую-нибудь газету: с июля не получаю. Не худо бы было выписать книг и готовиться по ним к экзамену на аттестат зрелости. Как я ни уважаю и ни люблю должность народного учителя, но я не могу примириться с условиями его деятельности и потому часто думаю о том, как хорошо бы поступить в университет и посвятить себя другого рода деятельности. При настоящих условиях я чувствую себя не учителем, потому что учителем может быть только свободный проповедник своих идей, а рабом, лишенным свободы и права "сметь свое суждение иметь". Я чувствую, что являюсь лишь машиной, лишь средством осуществления чужих идей, чужих желаний, желаний, быть может, совершенно противных моей природе. А чувствовать себя иным я не могу. Если вы внимательней всмотритесь в окружающее, то убедитесь, что начальная школа изменилась и меняется только на бумаге. В действительности же она слишком мало изменилась, так как не изменено главное, именно - положение народного учителя, этой души начальной школы. Если и были произведены некоторые изменения в его положении, то можно еще спорить, к лучшему или же к худшему изменилось оно. Стоит лишь вспомнить прошедший через законодательные учреждения закон о воинской повинности, принуждающий народных учителей идти под ружье!

Мы, народные учителя, по-прежнему находимся в положении рабов, притом нищих рабов, просящих света, тепла и свободы, но напрасно протягивающих свои руки. Наша жизнь, начиная с того момента, как мы поступаем в учительские семинарии, и кончая моментом прекращения нашего учительствования, исполнена всяких невзгод и лишений. В большинстве не свободные от людского насилия и в пору отрочества, мы совершенно порабощаемся, как только поступаем в учительские школы. Над нами, за

редкими лишь исключениями, надзирают лица, считающие себя вправе относиться к нам так, как им заблагорассудится. Рабами остаемся мы и после выхода из учительских семинарий, т.е. став уже "учителями": мы и тогда пользуемся лишь микроскопической долей той ограниченной свободы, которой пользуются российские граждане. А как хочется, чтобы Россия была не воображаемой лишь "тройкой", а настоящей; как хочется, чтобы не стонал некрасовский мужик; как хочется, чтобы скорее заговорил так долго и упорно молчавший тургеневский "сфинкс"!...

Сын народа.

Народный учитель. - 1912. - № 38. - С.11-12.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.27-31.

1913 г.

- **Стерлитамак**
- **Новый закон о высших начальных школах и русские мусульмане (Письмо народного учителя)**
- **Аккорд (Посвящается С.Г.М-ой)**
- **Еще раз по поводу несостоявшегося татарского литературно-музыкального вечера**
- **По поводу нехватки учителей-мусульман**
- **Башкирка**
- **Редкий юбилей**
- **Сон татарки (Посвящается С.Г.М-ой)**
- **О мусульманской фракции в Государственной думе**
- **Обман жизни**
- **Бу ник болай?**

Стерлитамак

И зачем это злые языки подшучивают над нашим городом, называя его захолустным, непросвещенным?..

Ведь это же неправда!

Во-первых, Стерлитамаку недавно разрешена газета...

Правда, газета не издается, и никто не знает, где же, собственно, обретается сейчас смелый предприниматель из Оренбурга, заваривший кашу с газетой? Но все же обывателю легче дышится от одного уже сознания, что вот-де в каком он хорошем городе живет!

Газета разрешена!

Во-вторых, ... есть и во-вторых. А именно:

Обывателю г. Стерлитамака г. Маслову недавно разрешено губернатором издавать ежедневные телеграфные бюллетени...

И хотя бюллетени тоже не издаются, и самое появление их на свет находится под большим сомнением, но уже самый факт самого разрешения не говорит ли, господа, за то, что город наш достаточно и прогрессивен, и просвещен?..

Вот только по части внешнего физического просвещения или освещения плохо в Стерлитамаке. Есть фонари для освещения. Но горят они редко; а с нового года их и вовсе уже не зажигают. И если обывателю так же жутко приходится по ночам в городе, как некрасовскому огороднику "во дремучем лесу", то отсюда ничего не вытекает. Ибо беречь керосин имеются свои причины, и причины серьезные.

Прежде всего у нас проектируется железная дорога... (вот нам и непросвещенный город!)... Значит, городу нужны деньги. Значит, необходима самая строгая экономия. Сколько денег поглощают уже одни хлопоты о дороге! И непрестанная поездка в Петербург и обратно нашего уважаемого городского головы!... Вот и приходится экономить на всем. В частности и на керосине!

А потом по вечерам, а тем паче по ночам стерлитамакцам нечего шляться по улицам. Гораздо умнее сидеть дома и заниматься семейными добродетелями.

Я уже не говорю о странным случаях, упорно циркулировавших в городе и передававшихся вполне компетентными в делах городского самоуправления людьми: будто с ассигновкой на освещение что-то приключилось - забыли, что ли, включить ее в смету...

Всякое бывает, господа! Особливо в Стерлитамаке.

Забыл я сказать еще про одно учреждение, которым обогатился наш город.

Недавно на главной улице города поселилось... похоронное бюро... Говорят, вместо умирающего клуба... На той же улице... Через дом от кинематографа... Рядом с банком...

Солидная вывеска, солидный гроб на вывеске невольно наводят обывателя на размышления о ничтожестве и суетности мира сего...

Полезные размышления!

Он.

Уфимский вестник. - 1913. - 1 февраля. - № 28.

Новый закон о высших начальных школах и русские мусульмане

(Письмо народного учителя)

Цель высших начальных школ, как говорится в 1-й статье "Положения" о них, - это дать учащимся в них законченное начальное образование. Когда я читаю эту статью закона, то мне невольно приходит в голову вопрос: а разве дети русских мусульман, которым до сих пор на практике не было доступа, за редкими лишь исключениями, в городские училища, так и должны будут остаться без законченного начального образования? А ведь от разрешения вопроса о том, могут ли пользоваться те или иные народности, населяющие Россию, предоставленными им новым законом правами, в значительной степени зависит и разрешение вопроса о том, насколько демократичен этот закон, насколько удовлетворяет он естественную потребность народных масс в получении дальнейшего образования. Но современное состояние начальных школ, открытых для мусульман, ничего положительного в этом отношении не обещает.

По 3-му примечанию к 16-й статье закона о высших начальных школах дети инородцев, поступающие в высшие начальные школы по окончании курса в том из указанных 16-й статьей училищ и школ, где преподавание велось не все время на русском языке, должны подвергаться при поступлении в высшую начальную школу проверочному испытанию по русскому языку и арифметике. Дети инородцев мусульман очень хорошо знают, к чему сводится роль этих "проверочных" экзаменов на практике в большинстве русских гимназий и городских училищ. Как это ни прискорбно, но это факт - пресловутыми проверочными экзаменами нередко пользуются как средством преследования политики русского национализма в смысле ограничения доступа инородцев в учебные заведения. Я не сомневаюсь в том, что это ненормальное явление исчезнет, когда ряды учащих высших начальных школ будут пополняться учителями и учительницами народных школ, обвинять которых в узком, извращенном понимании задач русского национализма было бы по меньшей мере непростительной ошибкой... Но и не в этом еще вся беда. Главный вопрос в том, могут ли русско-башкирские, русско-киргизские и русско-татарские начальные школы, которые причисляются к разряду школ, где преподавание ведется не все время на русском языке, подготовить детей 10-13 лет в 1-ый класс высших начальных школ... В городах и местностях, населенных русскими, где дети инородцев имеют возможность практиковаться в русской разговорнойречи, еще возможно достигнуть того, что учащиеся инородцы усвоят русский язык в той мере, в какой потребуется усвоение его для поступления в высшие начальные школы. Но научить каких-нибудь башкирят или татарчат 10-13 лет правильно и сознательно говорить по-русски в местностях, где весьма редко услышишь русскую речь, - задача если не невыполнимая, то слишком трудная, требующая для своего выполнения коренной реформы вообще инородческой школы. Она может быть выполнена при условии, если русский язык в инородческих начальных школах явится предметом,

входящим, как специальный предмет учения, в курс родного языка учащихся, но никак не предметом, объединяющим в своем курсе все предметы обучения в начальной школе за исключением вероучения, как это и ведется в настоящее время на практике. Но специализация русского языка, как и вообще специализация предметов учения в начальной школе, в силу многих чисто педагогических причин может быть достигнута в инородческой школе лишь при условии наличности известного уже развития в детях. А так как большинство детей инородцев при поступлении в русско-инородческую начальную школу ею не обладает, то, естественно, специализировать русский язык в инородческой школе не представляется возможным. Вот где и кроется причина того печального факта, что ученики инородческих школ в среднем не получают ни общего развития, ни должного знания русского языка... Правда, в некоторых местностях, где существуют мусульманские учебные заведения - медресе, роль русско-инородческой начальной школы сводится к роли открываемых на средства Министерства народного просвещения русских классов при медресе, где вполне возможна специализация русского языка, так как в эти школы и классы поступают дети, прошедшие не менее 4-х или 5-и классов медресе, в возрасте не менее 12-13 лет. Но это нисколько не даст возможности даже ученикам таких школ поступать в высшие начальные училища, так как самое большое число лет, которое необходимо иметь для поступления в высшее начальное училище, определено числом 13, хотя педагогическим советам высших начальных училищ и представлено право принимать в первый класс с разрешения директора народных училищ и детей 14-ти лет...

Реформа русско-инородческой начальной школы, необходимость которой так ощущается при введении в жизнь закона о высших начальных училищах, тем более необходима, что она внесла бы струю животворной силы в ту мертвечину, какую представляет из себя в настоящее время эта школа. Давно бы, кажется, пора дать русским мусульманам соответственную их культуре духовную пищу, давно бы, кажется, пора более энергично приняться за их просвещение и вывести их из векового хаоса невежества.

Учитель-татарин.

Народный учитель. - 1913. - № 5. - С. 17-18.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.31-34.

Аккорд

(Посвящается С.Г. М-ой)

Она выплыла из темной глубины соленой морской воды...

Она была рождена Океаном, великим, могучим, вечно холодным и вечно рокочущим безбрежным Океаном...

Ее назвали Волной.

Как она красива... Как много силы .... Как говорлива и как шаловлива она...

Подунет малейший ветерок, и Волна тотчас же выплывает на поверхность Океана и начинает резвиться на широком его просторе...

Волна довольна жизнью.

Как много ей простора, как много свободы. Она не знает предела этому простору и этой свободе.

Прошло много времени...

В холодную душу Волны стала закрадываться тайная грусть... Ее не занимали ни безудержные скитания по водной поверхности, ни жизнь самого Океана, ни причудливые животные морских глубин, ни красивые леса морского дна.

Тоска снедала ее душу...

По суше тосковала она... Звуки, звуки манили ее... Звуки земли... Нежные, ласкающие, чарующие звуки... Она забывала все, что только находилось перед нею. Ей чудились одни лишь звуки, звуки и звуки... Она забывала и себя... Все вставало перед нею в образе могучего, сильного, покоряющего душу звука земли. Она сама обращалась в единый чудный аккорд, сама как бы сливалась с этими звуками...

О, зачем не может она обняться со звуками и улететь в бесконечную заманчивую, голубую даль таинственно раскинувшегося неба; зачем не может она облететь все небо, все пространство, весь мир?..

Небо привлекло ее внимание...

Как ярко светило днем солнце, как ласкала по ночам луна своими мягкими, спокойными лучами и как заманчиво мерцали в ночной дали звезды...

О, как желала Волна в эти минуты обняться с этими мирами, заключить себя в объятия грустной луны и пуститься в бесконечное туманное пространство...

Пропала беззаботность Волны...
Не слышен монотонный ее рокот...
Она страдает... Неудовлетворимо ее желание...
"О, зачем же я тогда родилась?" -
вырывается, наконец, у Волны...
"Ты не родилась, тебя родили!" -
кажется, хочет сказать молчаливая тьма...
"Так зачем же родили меня?" -
вопрошает Волна...
"Этого ты никогда не узнаешь..." -

кажется, хотят шепнуть холодные уста безмолвной тишины...

Волна вопиет:

"Я бы не хотела родиться, не хотела бы появиться на свет... Родившись, я осознала свое бытие и бытие мира... Осознавши бытие, я страдаю..."

Все молчит...

"О тот, чье молчание так жестоко гнетет меня!.. Скажи, как избавиться мне от этого гнета, от тоски и грусти... Скажи, как избавиться мне от мук и боли... Скажи, как уничтожить мне осознание своего бытия, как освободиться мне от гнета осознания бытия..."

"Уничтожь себя!..." -

кажется, хочет промолвить сам Океан...

Прошли года.

Океан по-прежнему лениво рокочет.

Кульку-Баш.

Мусульманская газета. - 1913. - 23 июля. - № 20.

Еще раз по поводу несостоявшегося татарского литературно-музыкального вечера

Видно, и вправду "злополучен" этот несостоявшийся "адабият кичаси". Приходится еще раз написать о нем несколько строк. Что поделаешь, такова уж судьба провинциального корреспондента. Похвалишь - по головке погладят; а скажешь горькую правду - не прогневайся: выругают.

Как помнит читатель, я в своей заметке о несостоявшемся татарском литературно-музыкальном вечере указывал как на причину расстройства предполагавшегося вечера на отказ от участия в нем братьев К. Братья К., как это видно из появившегося в 159-м номере "Уфимского вестника" их "опровержения", совершенно с этим согласны.

Не согласны они со мною лишь в одном: в мотиве их отказа, хотя они и сами признают, что главной-то причиной этому явилась боязнь, опасение возможности упадка их "престижа", их "авторитетности" как участников этого вечера. Но братья К. теперь выдвигают как один из мотивов своего отказа отсутствие распорядителя, авторитетного не только среди мусульманского, но и русского общества. Так ведь распорядитель нашелся! (г. А.). Этот распорядитель соглашался принять на себя даже пополнение убытка, если бы таковой случился. Говорить о его некомпетентности как руководителя только потому, что он не имеет еще авторитета среди общества, было бы неправильно. Компетентность не так уж тесно связана с авторитетностью, как это представляется братьям К. Также несправедливо пенять и на инициатора только потому, что последний не хотел взять на себя ответственность за успешную постановку вечера; как в отношении художественном, так и в отношении материальном, эти две функции: инициатора и ответственного лица - две совершенно различные вещи.

Совершенно непонятно далее, почему братья К. требуют какого-то "авторитета" даже и среди немусульманского, русского общества. Неужели идея авторитетности до того глубоко засела в воображении братьев К., что они без громкого имени и представить себе ничего не могут? Пора бы, кажется, и нам, русским мусульманам, признать за правило, что нет резона быть слепыми поклонниками всяческих, а тем более самозванных, авторитетов.

Второй мотив отказа братьев К. - невозможность получить сбор - также не выдерживает критики. Если даже согласиться, что зал Шахматного клуба не особенно вместителен, то ведь это еще нисколько не доказывает, что сбор непременно был бы мал. Ожидать большого числа посетителей, чем может вместить в себя зрительный зал Шахматного клуба, в настоящее время, когда почти вся учащаяся молодежь разъехалась на каникулы, мы и не могли. Притом сбор мог бы увеличиться за счет суммы, вырученной от продажи бутоньерок и программ. Последнее обстоятельство и имелось главным образом в виду при обсуждении вопроса о распределении цен на места. Затем вопрос об открытом буфете также был обсужден и разрешен в том смысле, чтобы просить администрацию клуба закрыть буфет, когда там будет происходить вечер, и даже уплатить его содержателю

ту сумму прибыли, которой он мог лишиться в случае закрытия в этот день буфета, конечно, при условии, если последняя была бы не слишком велика. Само собой разумеется, боязнь лишиться учащейся молодежи в последнем случае отпадала. Но даже если бы буфет остался и открытым, то это нисколько не помешало бы как самим устроителям вечера, так и публике можно было бы утолить чем-нибудь голод и жажду. Ни к чему была после всего этого и боязнь "уронить престиж" литературно-музыкального вечера. Не следует забывать, что к "адабият кичаси" (но не к "адабияту", как выражаются братья К., потому что "адабият" означает не литературный вечер, а литературу) мусульмане-фанатики и теперь еще относятся отрицательно. Так что едва ли когда и удастся создать престиж литературно-музыкального вечера в их глазах. "Адабият кичаси" и не устраивался для них. В виду имелись мусульмане, более или менее свободные от духа фанатизма. И было бы смешно, если бы последние стали рассуждать в духе первых: в сосуде содержался "запрещенный плод" - одурманивающий напиток; нам хочется выпить воды, а другого сосуда нет; и однако утолить свою жажду мы не можем, не вправе, ибо сосуд, в котором содержалось "запретное", тоже составляет нечто дурное и не может быть употреблен для питья воды.

Сухой.

Уфимский вестник. - 1913. - 26 июля. - № 162.

По поводу нехватки учителей-мусульман

Местные органы различных самоуправлений, ведущие делом народного образования, испытывают большую нужду в учителях из мусульман. Из-за недостатка учителей рушатся их планы и их предположения об осуществлении всеобщего обучения среди мусульманского населения. Многие земства (Уфимское губернское, Белебеевское и Екатеринбургское уездные) хлопочут поэтому об открытии учительских семинарий для мусульман. К их ходатайствам присоединяются и другие губернские и уездные земства. Но семинарий этих все еще нет. И будут ли они когда открыты, никому неведомо. А те учебные заведения, которые имеются сейчас для подготовки учителей в русско-мусульманских начальных школах, работают в совершенно противоположном направлении. По-видимому, они в своей работе руководствуются не ясно выраженною потребностью народа в учителях-мусульманах, а совершенно другими, никаких отношений к ним не имеющими соображениями. Так, до прошлого года в Казанскую татарскую учительскую школу ежегодно принимали обыкновенно не менее 28-30 человек. В прошлом же году было принято всего 25 человек. И то из них 7 были уволены, так как не могли своевременно внести плату за обучение. Нынче из 120 экзаменующихся принято только 18. Может быть, было бы принято и больше, но все получившие переэкзаменовки ученики 1-го класса "провалились", а потому и нельзя было принять больше. "Провалились" ли ученики сами или их провалили, чтобы ограничить число вновь принимаемых, сказать трудно. Но если принять во внимание, во-первых, то, что за 30 лет существования этой школы ни разу не было случая, чтобы в первом классе оставляли на второй год 10-12 учеников, а во-вторых, что все "провалившиеся" ученики оказались лицами, одержавшими "победу" при поступлении в школу в состязании более ста желающих поступить туда, то, пожалуй, вопрос этот придется решить во втором смысле... Еще хуже обстоит дело в Оренбургской и Актюбинской киргизских учительских семинариях. Хотя они открыты только для киргизов, но в последнее время туда стали принимать и русских , и с этих пор их двери для детей киргизов постепенно закрываются. Как сообщает татарская газета "Вакыт", в Оренбургскую киргизскую учительскую семинарию принято нынче всего лишь 4 человека, а в Актюбинскую - только 2. Все остальные вакансии заняты русскими. По этому поводу "Вакыт" выражает удивление. "Как это,- спрашивает газета,- можно удовлетворить потребности народа просветиться, выпуская ежегодно тут одного, а там двух учителей?"

И, действительно, удивишься нашему учебному ведомству. Оно ищет "врагов" совсем не там, где они могли бы быть. Когда представители общественной и научно-педагогической мысли и лучшие общественные деятели всех времен и всех народов доказывали и доказывают ныне, что широкий путь к просвещению отдельных народностей может быть открыт только тогда, когда каждой из них дадут учителей той же национальности и того же вероисповедания, наше учебное ведомство всеми силами стре-

мится набить русско-мусульманские начальные школы учителями православной веры. Между тем это только усиливает отрицательное отношение темного населения к русской школе. Следовало бы, кажется, дать сперва народу начальные школы, которые действительно удовлетворили бы их потребности в получении более или менее законченного начального образования, и тогда только задаваться вопросами о замене учителей-инородцев русскими учителями.

Все у нас делается слишком спешно и прямолинейно. Были у нас кое-какие начальные школы. И держались-то они только благодаря учителям-мусульманам. Будут ли они продолжать свое существование и теперь, когда учителями в них будут не мусульмане, а русские? Будут ли они служить рассадниками культуры и просвещения?

Оставим пока в стороне чисто педагогический вопрос о целесообразности назначения учителей из русских в мусульманские школы. Обратим внимание на другую сторону вопроса, общественно-политическую. Будут ли любить мусульмане такие школы, будут ли они посылать туда своих детей? Не будут ли они относиться отрицательно ко всему тому, что будут слышать из уст "русского"; не будут ли отворачиваться от него?.. Не нужно забывать, что русские мусульмане веками воспитывались в отрицательном отношении ко всему русскому, ко всему "немусульманскому" и сохранили это отношение и до сего времени. Одно слово "урыс" (русский) все еще приводит фанатика мусульманина чуть ли не в содрогание. Кажется, нет для него большего оскорбления, когда его назовут "урысом". Нечего смотреть на это с закрытыми глазами. Разве мало случаев, когда мусульмане гнали и гонят от себя не только учителей русских, но даже и мусульман.

И вменять это им в вину было бы безрассудно. Виноваты не мусульмане, а те исторические условия, которые способствовали развитию в них такого отрицательного отношения ко всему русскому. Вот почему нам, мусульманской интеллигенции, больно видеть, что учебное ведомство нисколько не считается с этой основной психологической чертой нашего народа, когда насаждает среди них культуру, когда предлагает ему освободиться от векового невежества и стать просвещенным русским гражданином. Оно не хочет приспособиться к его психике и этим вредит своему же делу. Кто знаком с народом, кто прислушивается к его голосу, тот знает, как падает там авторитет русского "начальства". "Начальники хотят сделать нас русскими. Они посылают к нам русских учителей крестить наших детей...", - говорит народ.

А ведь это слишком печально...

Сухой.

Уфимский вестник. - 1913. - 11 сентября. - № 199.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.34-37.

Башкирка

I

Маги была башкирка. До семи лет никто не обращал на нее внимания. Она играла и бегала с городскими ребятишками по пыльным улицам города, по его остриженным садам с чахлыми деревьями и чувствовала себя вольной и веселой только тогда, когда уходила далеко за город на поля, в луга и леса...

Когда же ей минуло семь лет, ее отдали учиться в школу, и она никак не могла понять, зачем это ей мертвые буквы, эти ручки с острыми перьями и скучные звуки...

Жизнь шла. Маги росла. В ее карих глазах появился какой-то постоянный блеск. Не мертвый, не пронизывающий душу холодом и мраком, а живой, нежный и согревающий душу блеск...

Казалось, этот блеск говорил окружающим о чем-то новом, неведомом, неиспытанном. Когда люди чувствовали на себе ее пристальный, спокойный взгляд, то почему-то безграничной тоской наполнялись их сердца. Им начинало казаться, что в мире чего-то не хватает и что этот великий, могучий мир тихонько плачет о когда-то утерянном людьми и им самим благе, плачет, зная, что никогда, никогда больше не вернется оно и не коснется их живительной струей своей. Им хотелось уйти подальше от всевозможных сует холодного мира. Им начинало казаться пустой, мелочной и бесцельной их настоящая жизнь...

Красивая, вытянутая немного вперед грудь Маги и немного приподнятая голова говорили о ее силе и решительности. Гибкий сильный стан ее и такие же руки и ноги с сильными мускулами, казалось, напоминали людям, что когда-то башкирка свободно разъезжала на бешеных конях по широко раскинутым полям и лугам когда-то свободной и дикой Башкирии...

Но что отдаляло ее во внешности и роднило в духе со своими предками, так это ее небольшой, правильный орлиный нос. Казалось, этот нос, видоизменившийся от приплюснутого лица широкоскулой башкирки, показывал, что башкирка никогда не выродится, что она никогда не будет стерта с лица земли сифилисом, чахоткой и другими бичами человечества...

II

В ярко освещенном электричеством саду играет музыка. Стройно и плавно льются звуки музыки Чайковского. Куда-то далеко уносишься мыслями. В разнеженной душе встает целый рой запыленных образов безвозвратно утекшего прошлого. Тут и бурные желания, и тихая радость, и нежная грусть вечно рвущейся к свету и воле души. И горе, и радость - все сливается здесь в единый, чудный, стройный аккорд жизни...

Шумно гуляет в саду компания какой-то молодежи. Серебристые раскаты чистого женского смеха сливаются с бархатным тембром грудного смеха мужчин. Их шумный, полный гортанных звуков непонятный говор

неприятно режет непривычный слух. Между ними мелькает красная шапочка Маги...

Как стройна и грациозна она !..

Как сильны и страстны ее движения!..

Мужчины лихорадочно впиваются в нее страстными глазами и с трепетом ждут, когда, наконец, проскользнет по ее странно напряженному лицу оживляющая улыбка любви, сильной и страстной, как бурно кипящий поток.

Напрасно... Все погибает в глубине бесконечной темноты ее жгучих глаз...

III

В тихом, темном уголке, под густыми листьями сирени сидит влюбленная парочка. Сплелись горячие руки, слились губы в долгом, сладком поцелуе...

Только луна лишь одна с высоты небес глядит на них. Только она одна видит их лихорадочно горящие глаза, их трепещущий стан...

Маги отдалась Алию... Отдалась вся, всем существом своим...

Она безумно целует его большие черные глаза, его крупные влажные губы, запустив дрожащие пальцы свои в мягкие кудри его волос.

Все тело горит... Рвется судорожно душа... Его, его лишь жаждет она...

IV

Маги осквернена...

Она не понимает, что творится с ней.

Беспокойный, недоумевающий взгляд ее красивых глаз с немым вопросом останавливается на людях, и все они начинают казаться ей какими-то таинственными, молчаливыми, холодными.

Ей кажется, что за веселым смехом женщин, за самоуверенно-твердым голосом мужчин и нежным лепетом малюток кроется страшная, непостижимая, великая сила - вечное, холодное молчание... Временами она усиленно вперяет в себя жгучие глаза свои и чутко прислушивается к волнениям надрывающейся души своей, но не может освободиться от страшной пустоты, овладевшей оскверненной душой...

Всю душу наполняет страшная, жгучая, мучительная боль...

V

Ночь. Прозрачный воздух пропитан сыростью и осенним холодом. Чистое небо с мириадами беспокойно мерцающих светил в своей необъятной глубине тихо и спокойно отражается в серебрящейся от игривых лучей полной луны реки. Переливающаяся ярким серебром в середине и незаметно темнеющая к подернутым кое-где легким туманом молчаливым берегам, широкая река торопливо несет свои воды все дальше и дальше от неподвижных берегов. Гладка и ровна она. Беспокойный ветер-шалун устал, и не скоро ему проснуться. Лишь изредка нырнет какая-нибудь неугомонная рыба, и нехотя побегут по воде маленькие, дрожащие круги.

Отдыхают и усталые волны. Они давно уже ушли вглубь и, собравшись в тесный круг, ведут там тихую беседу о спокойно сияющей в бездонном

небе молчаливой луне и таинственно неподвижной, засыпающей к вечеру твердой земле. Напрасно извиваются около них хитрые рыбы. Им не подслушать беседы волн. Так тиха, так неслышна она.

Утихла жизнь и на берегу. Спокойно спит усталый от дневной суеты город. Улеглись там все. Всех глубокий сон объял. Только порой долетают оттуда собачий лай, грохот запоздавшего экипажа или же беспокойный плач трещотки ночного караульщика. Да еще через каждые полчаса раздаются удары часов на каланче. Ударит одна, ударит другая, а там опять мертвая тишина...

Тягуче и протяжно пробило три...

VI

Но кто же и зачем так поздно спускается по лестнице к реке?

Кто?

Это - Маги.

Торопливо спустилась она к воде и на миг остановилась. Грудь лихорадочно подымалась. Губы что-то невнятное шептали... Еще миг, и Маги с закинутыми за шею руками бросилась в воду...

Раздался плеск воды...

Кинулись в стороны пугливые волны и рыбы: и никто не услыхал последнего крика девушки. Этот крик заключал в себе и последнее нежное "прости" кому-то близкому, родному, остающемуся на земле, и бессильное проклятие разрушившему гармонию ее души, разорвавшему живые ее струны. Этот крик был криком протеста против насилия и криком отчаяния побежденной им красивой души...

Вот на поверхности реки появилась черная голова. Казалось, руки слабо боролись с сильным теченьем. Все дальше и дальше уносилось это слабо барахтающееся тело и, наконец, совсем пропало...

Вот подплыла одна рыбка к самому лицу Маги и стала обнюхивать ее. Казалось, она удивленно рассматривала ее тонкие черты и не могла понять, как это такая молодая, полная жизни и сил девушка очутилась на глубоком и темном дне холодной реки. Она тронула нежными усиками ее розовую щеку и в недоумении остановилась: похолодевшая щека Маги показалась ей теплой... За ней подплыли другие рыбы, и скоро целая стая рыб и мелких рыбешек стала виться вокруг бесчувственной Маги. Порой появлялись раки и другие обитатели вод. И Маги не видела, как иногда, неизвестно из какой засады, стремительно подплывала к стае какая-нибудь большая, остроузубая щука и, проглотив две-три рыбки, останавливалась около нее, удивленно шевеля своими жесткими губами...

VII

Успокоились и волны. Прошел их мгновенный испуг. Они предались прежней беседе о луне и земле.

Все приняло прежний вид.

Кульку-Баш.

Мусульманская газета. - 1913. - 11 сентября. - № 23.

Редкий юбилей

15-го сентября в селе Киишки Уфимского уезда мусульманами отпразднован 50-летний юбилей Киишкинского медресе. Со всех концов Уфимской губернии прибыли туда мусульманские духовные лица, дабы вспомнить создателя этого медресе и главного мударриса (профессора) Мирсайяф-хазрета. Указанное медресе за 50 лет своего существования выпустило более 500 одних только указных мулл. А сколько выпущено муэдзинов и других лиц духовного звания! Почти в каждой мусульманской деревне вы встретите киишкинцев. Благодаря популярности Мирсайяф-хазрета, как хорошего преподавателя и талантливого оратора, в Киишки всегда стягивалась масса учащейся молодежи .

Киишкинское медресе слыло всегда и теперь еще слывет как медресе, откуда всегда выходили и выходят самые ярые фанатики-мусульмане. Кроме религии, ничего там больше не преподается. Проучившись лет 12-15, оттуда выходят лица, ничего другого, кроме своей религии, не признающие. Эти фанатичные приверженцы национальной и вероисповедальной самобытности народа всегда оказывали отчаянное сопротивление лицам, проповедующим оевропеизирование в смысле усвоения положительных завоеваний западноевропейской культуры. Все европейское (в данном случае "русское"), как "немусульманское", ими безусловно отвергалось. Они стремились изолировать самих себя от всего того, что создавалось европейцами (урысами). А темный народ беспрекословно верил им, считая их чуть ли не посланниками Бога. Что скажет "мулла", то свято.

Много способствовали эти муллы своими фаталистическими рассуждениями распространению в народе лени, беспечности и безотчетной фанатичности и недоверчивости к каким бы то ни было иноверцам. Всякое свободное проявление индивидуализма, личности признавалось ими за святотатство. Как мужчина, так и женщина не должны были иметь своих мыслей, своих суждений. Коран и учение Магомета они истолковывали всегда под этим углом зрения... Всякое нововведение, в какой бы области оно ни происходило, ими отвергалось. Всякий новатор являлся в их глазах чуть ли не отступником от веры ("кряшен", "дягри").

Много боролись они против ношения европейского костюма и даже против малейшего изменения татарского костюма; всеми силами стояли, а многие и теперь еще стоят, против какой бы то ни было реформы мектебов и медресе. Обучение по более или менее определенной программе, введение в курс этих учебных заведений гражданских предметов (математика, естественная история, география и история и пр.), употребление классных и аспидных досок, парты - все ими отвергалось. В их мектебах обучали без всякой определенной программы, по старинному буквослагательному ме-

тоду (иджик). Обучали совершенно чуждым детской психологии вещам. Ребенок с первого же дня поступления принимался за вызубривание молитвенника, написанного на чуждом ему арабском языке. Когда же ученику наступало время приняться за изучение арабской грамматики, в руки ему давали учебник, написанный на персидском языке. Учебники, написанные на татарском языке, совершенно изгонялись. "Учить следует тому, что неизвестно". Что толковать в школе об обыкновенных, обыденных, окружающих человека предметах и вещах: учащиеся без учения эти вещи знают. Нужно учить неизвестному, в частности, догматам религии.

Разумеется, русская начальная школа встречалась ими всегда враждебно. И если распространение ее среди мусульман за 30 лет своего существования никаких успехов не сделало, то этим обязано отчасти и киишкинским "проповедникам".

Сухой.

Уфимский вестник. - 1913. - 20 сентября. - № 206.

Сон татарки

(Посвящается С.Г.М-ой)

Ей снилась пустыня... Одиноко шла она по ней.

Как тяжело было идти!.. Нет ничего, на чем бы мог остановиться взор, что бы манило, притягивало к себе...

Кругом ни души...

Песок, песок и песок...

А над головой окрашенное в мутно-серый цвет пустыни безоблачное небо...

Мертвая тишина.

Казалось, здесь все вымерло, все погибло, все уничтожено здесь палящими лучами знойного солнца...

Казалось, этот великий источник жизни посеял здесь одну лишь смерть, одно лишь небытие...

Ей жутко...

Она хочет услышать голос человека.

Но ей лишь изредка слышится зловещее шипение гибкой змеи или серого скорпиона и хватающий за сердце вой голодных шакалов и угрюмых гиен, лишь изредка попадаются ей колючие кусты ядовитых трав...

Как жутко!.. Как скучно и тяжело идти!..

"О, Боже !.. - с болью думает она, - неужели не будет конца этому скучному однообразию, неужели не будет перемены в этой пустыне, неужели я обречена на погибель, неужели я вечно должна носиться по этому дикому саду смерти?!.."

Но вот за холмом показался оазис...

Замелькали стройные пальмы и кусты разновидных цветов; послышались веселые, оживленные голоса людей...

Жизнь била там ключом...

О, как радостно ринулась она вперед!..

С какой энергией неслась к этому залитому благотворными лучами солнца саду жизни!..

Как сладостно трепетало ее сердце, как сильно пробудилась в ней жажда жизни, жажда всеми фибрами своей души отдаться власти этой жизни...

Но откуда-то несется этот леденящий все существо голос: "Остановись, о женщина!.. Напрасно ты стремишься туда... Ты обречена на гибель. В пустыне нет жизни, - это мираж!.."

О, зачем раздался ты, жестокий голос?!..

Зачем так беспощадно нанес удар свой невидимый?!..

Да, это был мираж, он исчез...

Осталась прежняя голая, суровая, мутно-серая пустыня...

Кульку-Баш.

Мусульманская газета. - 1913. - 25 сентября. - № 24.

О мусульманской фракции в Государственной думе

По сообщению татарской газеты "Тарджиман" ("Переводчик"), председатель мусульманской фракции Государственной Думы, член Думы всех четырех созывов Кутлуг-Мухамет Тевкелев лежит больной в Ялте и предполагает отказаться от звания члена Государственной Думы. По этому случаю "Тарджиман" публикует статью о мусульманской фракции.

В 1-й и 2-й Государственной Думе, - говорит он, - мусульманская фракция была довольно сильна количественно и качественно. Но благодаря избирательному закону 3-го июня число членов-мусульман сильно уменьшилось: в 3-й Думе мусульман было 10, а в 4-й - всего 6 человек.

Казалось бы естественным, что с ослаблением нашей фракции количественно, соответственно этому должно бы повыситься стремление мусульман поддерживать фракцию и помочь ей всякими средствами продуктивно работать. В действительности же вышло совершенно обратное. В Думе 1-го и 2-го созывов мусульманское население оказывало своей фракции помощь и людьми, и деньгами, оказывало материальную и моральную поддержку. В 3-ей Думе все это уже прекратилось, а в 4-й и совсем позабылось. Стали раздаваться голоса, что фракция ни к чему не способна, что она не удовлетворяет запросам многомиллионного мусульманства России...

Действительно, надежды мусульманского населения России не осуществились. Но винить в этом только наших депутатов - большая несправедливость. Разве допустимо упрекать фракцию из 6 лиц в том, что она не осуществила того, осуществления чего мы так ждали, когда вся-то Государственная Дума, состоящая из 400 членов, не может добиться "узаконения" более важных своих проектов? Напротив, следовало бы, кажется, удивляться тому, как это она, фракция, еще может существовать и функционировать при тех условиях, в какие она поставлена. По мере сил своих фракция работала и работает. Ее члены выступают с речами с думской трибуны, речами, которые бесследно не пропадали. Не пропала бесследно и работа мусульман в думских комиссиях...

В Думе мусульманское население как бы там ни было, все же имело свою фракцию, и если теперь ожидается ее распад, то только потому, что члены не могут возместить расходы фракции из своих средств, а население прийти на помощь не желает.

"Тарджиман" кончает призывом к мусульманам - оказать материальную поддержку своей фракции, дабы тем спасти ее от погибели; в частности, к уфимским мусульманам - газета рекомендует выбрать на место собирающегося подать в отставку Тевкелева не менее энергичного и трудоспособного депутата.

Сухой.

Уфимский вестник. - 1913. - 1 октября. - № 215.

Обман жизни

О, как радостно мне!..

Волны неги трепетно вливаются в глубь моей жаждущей света и тепла души...

Кажется, я тихо плыву в спокойном море вечной неги и блаженства...

Кажется, я постиг тайну бытия. Кажется, моя душа незаметно сродилась, слилась со всем миром, со всей природой и с самой вечностью...

Как нежно шелестят зеленые листья девственных берез...

Как мягко рассекают душистый воздух живые трели соловья...

Как нежит тело прохладный утренний ветерок...

Как игриво пробиваются сквозь лесную чащу сверкающие лучи восходящего солнца...

Как радостно играют они на просыпающихся от сладкого сна серебристых , дрожащих от утренней свежести росах...

Как много счастья обещает далекое, далекое, бесконечно раскинувшееся небо...

Оно манит, зовет в свою бездонную глубину, в тайные объятья свои...

Я чувствую его мысль...

Я слышу мощный голос его : "Хочешь, волью в тебя дух вечности, дух бесконечности и безграничности!.."

О, небо!.. Как я благодарен тебе!..

Ты воскресаешь меня от ограниченности, ты увеличиваешь мое существо, ты вливаешь в меня содержимое всего мира, ты - источник бесконечных благ...

Но что же это?

Куда так стремительно лечу я?..

Куда делось яркое солнце?

Куда делся благодатный воздух и куда скрылось бездонное небо?..

Откуда явился этот холодный мрак?..

Откуда взялось это бесконечное безразличие?..

Куда я лечу?..

Зачем все окутано вокруг непроницаемой мглой?

Зачем так холодно?..

Куда же делись тепло и свет?

Откуда взялся этот однообразный, режущий слух шум?..

Где же его источник?..

Мне жутко...

Мне тяжело...

О, дайте мне свет и тепло!..

Дайте мне ласки прохладного ветерка!..

Дайте мне шум жизни!..

Верните мне жизнь мою!..

Не отделяйте меня от природы, от бытия!..

Но глух мой голос... Он бесплодно теряется в пустыне темноты...

Кульку-Баш.

Мусульманская газета. - 1913. - 24 декабря. - № 25.

Бу ник болай ?

Жомга көн кичкә таба иде...

Мин язынып арганнан соң урынымнан тордым да, яхшы һавада бераз йөрим дип тышка чыгарга киенә башладым. Әни нидер тегенеп утыра иде. Өйдә балалардан бары дүрт яшьлек кечкенә сеңелем Суфия гына иде. Урта бүлмәгә чыгарга дип ишеккә корылган чаршауның бер як читен күтәргән идем, 6-7 яшьләрдә кечкенә генә бер малай күрдем. Мин башта бераз аптырап киттем: ничек ул һич сиздерми монда кергән? Аңа бит монда чикле килеп җитәр өчен ике бүлмә үтәргә кирәк...

Баланың өстендә ертылып, ямалып беткән, изүе ачык, ак киндердән теккән күлмәк белән кызыл бәздән теккән ыштан, ә башында түбәтәй иде...

Әллә нинди бала... Мине күргәч тә, курыкты, аптырады бугай. Тиле кеше кебек як-якка карана, төрле нәрсәләргә тотынгалый башлады. Мин йомыш әйтер дип көтәм. Ул һаман эндәшми.

- Сина кем кирәк? - дим.

- Инәң өйдәме? - ди.

Аның бу сүзләренә аптырыйм да, эчемнән генә көләмен дә... Әгәр бу бала йомышка килгән булса, миннән дә сорар иде бит. Мина әйтергә ярамыймени? Мин бит барыбер йорт хуҗасы. Күрәсең, бу бала йомышка йөреп өйрәнгән бала түгел.

Кем соң?... Теләнче баласы дияр идең, ул вакыт аның янтыгында капчыгы булыр иде. Алай да булмаса ул теләнче балалары сымак: "Абзый, бер тиен генә акча бир әле..." дияр иде. Аннан соң теләнчеләр бит өйнең хуҗалары чыкмыйча һич кузгалмый ишек төбендә басып торалар.

- Нигә ул сина? - дим. Бер сүз дә әйтми. Әни дә күреп калды.

- Кем баласы син? - ди.

Теге жавап бирми. Ахырысы атасының исемен белми. Әни дә аптыраган кебек кабатлап сорый.

- Сина кем кирәк? - ди.

Теге жавап бирү урынына:

Әйдә әле монда... ди дә, артына борылып өйдән чыга башлый. Бүлмәләр ашасыннан тышка чыга торган ишек янында бер хатын күренә. Без дә әни белән икәү теге малай артыннан китәбез. Кечкенә сеңелем Суфия дә безгә иярә...

Ишек төбендә кара ситса күлмәк кигән, зур кызыл "бөркәнчек" ябынган, озын гына буйлы, кулына кечкенә бала күтәргән хатын басып тора. Мин аны качар бу дип уйлаган идем дә, ул уйламады да. Белмим, ник? Мине рус дип белгәннәнме? Әллә татар икәнемне белсә дә, русча киенгән кешеләрдән качмаска ярый дип уйлаганнанмы?...

Хатынның яше утыздан артык булмаса да, аның чырае бик карт иде. Маңгаенда тирән-тирән җыерчыклар сузылган. Кап-кара күзләре бер дә янып тормыйлар. Тиздән сүнәбез инде дип кенә караган кебек карыйлар. Мескен күзләр бу чикле кайгылы, бу чикле өметсез караш белән кararлар икән!.. Мескенә... Баласы кебек үк ялтыр-йолтыр карана, әйтер сүзен әйтергә оялган кебек эндәшми тора.

- Абыстай, ни кирәк? - диде әни.

Хатын бөркәнчек астыннан әллә ни эзләгән кебек күтәренә башлады да:

- Абыстакайгынам, сөт бир әле, - диде.

Белмим, сөт кар базында булу белән анда төшәргә иренгәннәнме, әллә сөте әзгә күрәме, әни:

- Бирер идем дә, үзебездән артмый шул, - диде.

Теге бер сүз дә әйтми тик тора. Әни дә ни әйтергә белми. Ул арада теге малай ялт итеп тышка да чыгып китте.

- Кем хатыны соң син, ирең өйдәме? - ди әни.

Кызык кына елмаеп:

- Ирем өйдә булса мин монда да килмәс идем, - ди.

Ул арада әни сөт алып менәргә дип савыт эзләргә тотынды. Теге сөйләнә башлады:

- Шәйхетдин җизниләргә килгән идем дә, алардан бераз сөт алдым... Ирем эшкә киткән иде дә, кайтмый әле. Бер ай булды инде, Идел буена киткән иде.

Әни сөт алырга чыгып китте. Мин кырын күзләрем белән генә теге хатынның йөзен карый башладым. Бу чикле бозылыр икән кешенең тәне!... Ни ак түгел, ни кара түгел, ни сары түгел - әллә нәрсә. Авызының ике читеннән ике тирән сызык сызылып төшкән. Әйтерсең лә Леонид Андреевның "Анитма"сы.

Мескенә!.. Ахырысы, безгә сөт сорарга килүенә ояла... Үзен "гаепләмәсәләр ярар иде" дип уйлый.

- Шәйхетдин жизниләргә килгән идем дә, аларның да сөтләре беткән икән...

Бөркәнчек астында ул сул күлы белән әллә нәрсә тотып тора иде. Мин шунда таба карадым. Хатын минем карашымны сизеп калды, ахырысы. Берәр нәрсәләрен алгандыр дип уйлыйдыр дип шикләнде:

- Әле дә Шәйхетдин жизниләр бар әле, менә тоз бирде әле әзрәк, - ди.

Үзе миңа бөркәнчеге астыннан алып кечкенә генә агач чиләккә салган тозын күрсәтә. Минем йөрәгем әрни... Ник мин юкка карадым?.. Ул арада ишектән бик тиз генә теге бала да килеп керде. Ул күлмәк астына әллә ни яшергән иде. Мин аны күреп калсам да, күрмәгәнгә салынып тәрәзәгә карый башладым. Алган икән, алсын, ни генә алса да, әллә ни алмас әле. Әйдә, әз булса да рәхәтләнеп калыр дип уйлыйм. Мин анар угырлашырга ярамый дип ни хәтле сөйләсәм дә, ул төзәлмәс инде: урлашу тойгысы бу кечкенә татарның йөрәгенә нык сеңешкән. Теге хатыннын ачуланып әйткән сүзләре мине бу уйлардан туктатты.

- Ник алдың кеше әйберен?! Ташла! Тиз ташла димен! Кара, оятсыз!..

Теге бирми чыгып китәргә маташа. Хатын малаеның күлыннан боргалап итәк астына яшергән нәрсәсен алды да идәнгә ташлады. Агач тавышы ишетелде. Мин нәрсә икәнен карамадым. Теге хатын:

- Мин үзем һич кеше әйберенә тотынганым юк, - ди.

Аннан соң нишләргә белмәгән кебек "чат" иттереп баласының яңагына чапты да жибәрде. Сискәнеп киттем. Бала берни дә әйтмәде. Тик күзләрен тутырып кына миңа карап куйды. Менә әни дә килеп керде.

- Савытың бармы? Кая, китер, салыйм.

Хатын кесәсеннән яртылаш сөт салынган шешә чыгарды.

- Менә шунда сал инде, абыстай...

Әни сөт салып шешәне тутырды да, хатын рәхмәт әйтеп чыгып китте.

Мин бала "урларга" иткән нәрсәне барып карадым. Балалар тартып уйный торган агач арбаның бер як көпчәге сынган, ярылган күчәр белән кечкенә агач тәгәрмәч. Күрәсең, балалар эшкә яраргалыктан чыккач баскыч астына ташлаганнар.

Мин әле генә нинди шат идем. Ә менә хәзер алар чыгып киткәч, минем йөрәгем сызлый, бәгырем кайный башлады.

Бу ник болай?..

Минем пессимизм агуыннан төзәлә башлаган күңелемнең тагы бер җире кителде. Әйтерсең, теге кайгылы күзләрнең үтә күңелсез карашлары минем йөрәгемә дә өметсезлек уты салды.

Бу ник болай?..

Әй татар хатыны!... Синең биек үләнле киң болыннарда симез кыр атлары өстендә ирләре кебек чабып йөргән ана-әбиләрнең кызымыз савыт тотып икенчеләргә сөт сорарга барып дип уйладылар микән?... Балаңны урлашмаска өйрәтергә көчең җитмәсне белделәр микән?

Әй татар баласы!... Иректә туып, ирекне яратып үскән ата-бабаларың углымыз ач йөрер, углымыз үз көче белән яши алмас, урлашырга мәҗбүр булыр диделәр микән?...

Ник эндәшмисең?... Ник тавышың чыгармыйсың?... Үз тавышыңнан да куркасыңмы әллә?... Ник алай кайгылы карыйсың?... Ник көлмисең бер дә, шатланмыйсың, елмаймыйсың?...

Көлке баш (М.Солтангалиев).

Тормыш. - 1913. - 28 ноябрь. - № 8.

1914 г.

- Я - человек (Штрих)
- В тумане
- Яблоко раздора (Татарская легенда)
- Совещание по внешкольному образованию
- Авыл школлары хәленнән
- Мөселман авылларында китапханәләр ачу мөнәсәбәте илә
- Мөселман авылларында халык китапханәләре ачу мәсьәләсе
- Халык йортлары нигә кирәк?
- Авылларда
- Авыл хуҗалары съезды
- Кемгә упкәләргә ?

Я человек

(Штрих)

Бегут...

Распростерли вперед лихорадочно трясущиеся руки с похожими на липкие щупальца морских животных судорожными пальцами и бегут все, бегут вперед...

Какой ужас веет от зияющих вместо глаз впадин на лбу. Кажется, они куда-то устремлены вдаль, в глубь нескончаемого, вечного мрака...

Куда же ты спешишь, о род людской?

Молчит...

Остановись!..

Видишь, мрак окутал тебя?.. Чувствуешь, какой глубокий, бездонный мрак лежит пред тобою?..

Ты говоришь - мне только вечность - и все безумно несешься в мрак.

Слышатся стоны и вопли раздавливаемых на пути сильными...

Слышатся мольбы нежных матерей и дев, отторженных от мужей, отцов и детей...

Слышится дикий рев обезумевшей от напряженной ярости толпы и робкий лепет раздавливаемых ею безвинных детей.

Если бы я был Ормуздом*, я бы дал зрение этим людям, и они остановились бы и застыли. Они бы увидели вокруг себя один лишь мрак, одну лишь темную бесконечность. Они слепцы и думают, что, стремясь вперед, достигнут безмрачия. Станут зрячими, увидят опять бесконечный, холодный мрак.

Я бы открыл людям обман Ормузда-самозванца и тем положил бы конец творящемуся в природе обману...

Я бы открыл несовершенность Ормузда-самозванца и тем положил бы конец стремлению к несуществующему совершенству...

Я бы открыл бессилие Ормузда-самозванца и тем положил бы конец восторгам ложной силы...

Я бы открыл безвольность Ормузда-самозванца в его вольности и тем положил бы конец стремлению к ложной свободе.

Я бы отнял у людей их слепую веру в Ормузда-самозванца, разъединил бы толпу на личности и тем спас бы их от безличия...

Я бы создал ормуздов-людей и тем положил бы конец существованию Ормузда-самозванца.

Отвернулся бы тогда человек-ормузд от двух вековых врагов своих - самозванцев Ормузда и Аримана - и создал бы себя-человека.

И крикнул бы тогда ормузд-человек:

"Прочь ты, Божественное!..

Прочь и ты, Сатаническое!..

Мне нужно мое, человеческое!.."

Но я, я не Ормузд...

Я - человек...

Кульку-Баш.

Мусульманская газета. - 1914. - 5 января. - № 1.

---

* Ормузд и Ариман - имена богов в древнеиранской религии - манихействе. Первое олицетворяло светлое начало, добро, второе - тьму, зло.

В тумане

Мужа нет дома... Не скоро еще вернется он...

Амине не спится... Уже и ребенок давно заснул, уже давно стихла и трещотка ночного сторожа, но не смыкаются ее глаза...

Она встала с постели и подошла к окну...

Высоко на небе светила полная луна. Сверкал и искрился серебристый снег...

Было тихо...

Ормузд и Ариман имена богов в древнеиранской религии-манихействе. Первое олицетворяло светлое начало, добро, второе - тьму, зло.

В душе ощущалось какое-то смутное беспокойство, какое-то недовольство всем тем, что дала ей жизнь, но чем она когда-то была довольна...

Глухой, но сильный протест ощутила она в себе. Протест против всего того, чем она жила и чем должна была жить.

Как бы мгновенно пробудилось в ней неукротимое желание чего-то нового, неиспытанного.

Ей вдруг захотелось стремительно понестись куда-то вдаль, всем существом своим окунуться в гущу другой жизни; в гущу новых ощущений и новых переживаний...

Все, что только находилось перед нею, окрасилось вдруг в какой-то грустный, монотонный цвет. Грустили, казалось, и эта спокойно светившая, тихая луна, и это усеянное мириадами мерцающих звезд бесконечно далекое и глубокое небо, и переливающийся отливами голубоватого света морозный снег, и молчаливые серые дома, и убранные серебристым инеем кусты и деревья...

Грустный цвет приобрели и мгновенно пробудившиеся в ее тоскующей душе воспоминания, воспоминания прошлой жизни, прошлого существования.

Казалось, будто она прошла сквозь сырой и холодный туман безутешной грусти; казалось, что таинственная мгла, в которой она шла, рассеивалась лишь на короткие мгновения, но рассеивалась, чтобы стать еще таинственнее, гуще и беспросветнее...

Амина и не заметила, как унеслась воспоминаниями в прошлое...

Вот она - молоденькая-молоденькая учительница, только что вступившая в трудовую жизнь... Ей встречается студент Барий, по призванию ставший народным учителем.

Он служил недалеко от той деревни, где служила она. Его пылкие речи о правде и справедливости, о свободе и красоте, его высокий, немного худощавый, но мощный стан, его сверкающие карие глаза, его энергичные жесты и оживленное лицо, выражавшее вечное стремление, - все это пробудило в ней сильное и нежное чувство любви к нему...

Она отдалась Барию, отдалась вся, всем телом и душой...

Как счастливы были минуты их встреч, с каким восторгом бросалась она в объятия к нему, с каким упоением целовала его губы, глаза и вьющиеся кудри его волос...

О, как счастлива была она, забываясь в его объятиях!.. С какой силой воскресают теперь в ее памяти образы ароматных летних ночей, когда она, нежно прижавшись к теплому телу своего друга, слушала сладкие трели соловья.

Как живо встают перед ней воспоминания длинных зимних ночей, когда она, восторженно настроенная, каталась с ним при свете луны на быстром коне...

На короткий миг теченье мыслей Амины прервалось... Откуда-то прилетела на растущую пред окном и увешанную инеем березу какая-то ночная птица, и с веток березы посыпались на землю белые хлопья...

Картины счастья сменились другими картинами.

Бария арестовали и куда-то увели...

О, с каким напряжением ждала она его возвращения и с какой лихорадочностью прочитывала его письма!..

Каждое слово, каждый выдох стоном и болью отдавались в ее душе...

Он старался утешить ее, писал, что настанет когда-нибудь час его освобождения.

Но не верилось ей. Что-то смутно говорило ее душе, что не слиться уж им в одно, не соединиться...

Все реже и реже писал он и, наконец, совсем перестал писать... Не выдержало молодое, неокрепшее в суровой борьбе тело, и он угас, как цветок пахучий без тепла и света...

Чахотка унесла его в тот мир...

О, как тяжело было ей!.. Сколько невидимых другими слез пролила она!..

Но прошло несколько лет, и любимые черты незаметно сгладились в памяти, постепенно стушевалась их привлекательность. Их место заняли черты другого лица... Последнему суждено было сделаться ее мужем...

Когда она выходила замуж за него, она не ощутила в себе того сильного чувства любви к нему, какое она питала когда-то к Барию... Но жизнь не ждала. Она безостановочно шла вперед, разрушая существующее и тем созидая новое... В ней тогда сильно было одно чувство - боязнь остаться старой девой. А все остальное было окутано каким-то туманом...

Если бы она искренне взглянула тогда в свою душу, то увидела бы в ней один лишь холод, одну лишь пустоту. Но у нее не было времени искренне сделать это: жизнь не ждала. Амина находилась в лихорадочном бреду. Она неискренне отдалась другому, неискренне сделалась "женой".

Действительно ли то было так или это только казалось ей, но только она в первое время своего замужества чувствовала себя счастливой, довольной...

Домашним кругом ограничилось все ее существование. Она пекла хлебы, шила, мыла, варила, нянчила своего ребенка и не имела времени думать о ценности того, что она брала у жизни...

И вот, когда она меньше всего думала об этом, ей встретился человек, который ничем не выделялся на первый взгляд, но который с течением

времени достаточно овладел ее вниманием. Она как бы бессознательно заинтересовалась им...

Странно... Ее привлекало в этом человеке какое-то равнодушие ко всему, какая-то апатичность. Казалось, он о чем-то сосредоточенно думал и боялся прервать течение своих дум... Казалось, иногда он намеревался освободиться от овладевшего им безучастия ко всему происходившему вокруг него, но не мог или же не хотел окончательно сбросить с себя гнет этой своеобразной разочарованности, этого своеобразного равнодушия ко всему бытию... Казалось, его глаза говорили: "Напрасно все, что существует; напрасно все, что существовало и будет существовать; напрасны ощущения, напрасны мысли и чувства; напрасен процесс творения, процесс созидания, напрасен и процесс разрушения..."

Своими действиями и словами он невольно наталкивал ее на эти мысли...

И вот во всем ее существе как бы инстинктивно возник вопрос: не напрасно ли то, что она имеет сейчас, можно ли ей довольствоваться своим настоящим?..

Амина неосознанно искала ответ на этот вопрос. Вскоре явился и ответ. Он ужаснул ее...

Она полюбила этого живого мертвеца!

Эта любовь сказала все...

Она недовольна настоящим, она желает другой, новой жизни...

Но ведь она связана с другим...

Она раба! - Она не имеет права относиться к тому или иному лицу так, как это ей самой хочется; не имеет права быть свободной в проявлении своих подлинных чувств, своего "я": у нее законные дети и законный муж.

- Закон.. право... нравственность...

Мгновенно пронеслось все это в голове Амины...

О, как ненавидела она в эту минуту всякие "законы" и всякое "право".

Ее душа не хотела мириться с тем, что посягают на ее свободу: душа признавала одно лишь право - право быть свободной...

Протест Амины был протестом против всяких ограничений этой свободы...

Ей хотелось крикнуть во всеуслышание:

"Я не хочу быть рабой!.. Оставьте мне мою свободу!.."

Чу... в дверь стучат... Она знает, чей этот стук... Это муж вернулся...

Кульку-Баш.

Мусульманская газета. - 1914. - 20 апреля. - № 12-13.

Яблоко раздора

(татарская легенда)

Когда отец-Адам стал жить с Хавой (Евой), Аллах призвал его к себе, дал деревянный плуг, пять волов, длинный кнут для стеганья и сказал:

"Иди по лику земли и паши.

Пусть потомство твое научится питаться от земли..."

Адам трижды поклонился Аллаху, поблагодарил Его и отправился домой.

Дома его ждала Хава, радостная и спокойно-величавая.

Она снарядила отца-Адама в дорогу.

Далеко-далеко хотел идти отец-Адам пахать.

Солнце только восходило, озаряя пробуждающиеся ото сна деревья и кусты... Все пробуждалось к жизни: и зверь дикий, и пташка-певунья, и трусливый длинноухий зайчик, и беззаботно порхающие с цветка на цветок мотыльки, и вечно радостные мухи и букашки...

Все ожило... Всюду играла жизни волна, переливаясь солнечными бликами, звеня о чем-то вечно молодом и неувядающем... Чистой, непринужденной улыбкой улыбалось небо, спокойно сияло величавое озеро...

Адам пустился в путь...

Когда далеко-далеко позади остались и Хава, и жилище Адама, когда лишь пятном сверкающим стало видеться озеро, Адам остановился и стал думать, долго ли и много ли ему пахать.

Долго думал он, и ему века грядущие представлялись...

Адам взялся за плуг и погнал волов. Казалось, земля не хотела, чтобы раздирали ее грудь. Казалось, с плачем и стоном разрывались корни растений. Но Адам не останавливался. Он шел все вперед и вперед... Его мысли в грядущее ушли... О будущих сынах земли думал он.

И чем дальше уходил Адам, тем отчетливее проступали мысли и ярче, яснее вставало перед ним будущее.

Вот растет, ширится адамово племя. Раскинулось по всему лику земли. Ни горы могучие, ни реки, ни леса - не препятствие ему. Оно растет безостановочно...

Разрослось так, что есть стало нечего...

И показалось отцу-Адаму, что люди стали друг друга пожирать.

Сжалось его сердце, и он вскрикнул:

- Остановитесь, о сыны мои!..

Я от голода всех спасу!..

Волы подумали, что Адам это им говорит, и остановились...

Адам очнулся...

Перед ним стояли усталые волы. Солнце немилосердно жгло. С Адама градом катился пот...

Он обернулся и посмотрел назад. Черной змеей извивалась глубокая борозда. Не было видно ей конца...

Адам распряг волов и пустил их пастись на лугу, а сам уселся перекусить. Потом лег на землю, и скоро глубокий сон его глаза сомкнул...

И приснилось Адаму, что в счастье и довольствии живет его потомство.

Вся земля садами и цветущими полями была покрыта. Всюду счастье и радость царили...

Когда улеглась жара, Адам проснулся. Волы уже стояли подле него. Они твердо помнили веление Аллаха служить Адаму.

Адам наладил плуг, надел ярмо на волов и повернул обратно, торя вторую борозду.

Уже солнце садилось, когда он достиг начала первой борозды.

Так длинна была вспаханная отцом-Адамом первая борозда...

Адам пустил волов на свободу, а сам отправился к Хаве.

Усталый, но радостный шел он к ней.

Хава стояла у порога и ждала Адама. Счастье сияло в ее глазах...

С тех пор Адам ежедневно ходил в поле и вспахивал глубокие борозды.

На сороковой день Аллах призвал к себе Архангела Джабраиля и сказал ему:

- О, верный мой Ангел! Иди к Адаму и испытай его... Если он захочет владеть землей безраздельно, не давая возделывать ее и другим, то пусть дарованная ему земля будет вечным яблоком раздора между людьми. Но если не будет алчен Адам, то пусть довольство и мир найдет в земле его потомство.

Джабраиль преобразился в человека, взял плуг деревянный, запряг в него волов и направился пахать туда, где Адам пахал.

Адам очень удивился, когда, придя утром на пашню, услышал чей-то могучий голос, покрикивающий на волов.

"Ужель Аллах другого Адама создал?" - подумал он.

Когда же он достиг середины пашни, впереди показался пахарь. Он шел прямо на Адама.

Адам остановил волов.

- Скажи мне, кто ты и почему пашешь чужую землю? - спросил он Джабраиля.

- Аллахом я создан, - отвечал гордо Джабраиль, - он послал меня на землю. Я пашу, чтобы питать потомство свое.

Рассердило это Адама.

- Прочь! - воскликнул он. - Мне лишь одному дарована земля, и я не уступлю ее никому... Иди к Аллаху. Велик Он... Другую землю Он даст.

Тщетно умолял его Джабраиль уступить половину земли. Неумолим был Адам.

- Все мое! - твердил он пахарю.

Гневом и печалью возгорелись глаза Джабраиля. Он поднял руки к небу и произнес:

- О, Аллах Великий!.. Да будет так, как Ты велел!

Много времени прошло с тех пор...

Много воды утекло. Но земля по-прежнему служит яблоком раздора между людьми... Народы воюют с народами, брат поднимает руку на брата, отец травит сыновей, сыновья - отцов, и всюду льется священная кровь струей, всюду питает она плачущую землю.

И над трупами погибших в бою слышится голос сквозь туман кровавый:

- Земли мне, земли!..

И так будет продолжаться до конца мира...

Кульку-Баш.

Мусульманская газета. - 1914. - 8 июня. - № 16-17.

Совещание по внешкольному образованию

17 июля [1914 года] вечером в здании [Уфимской] земской управы состоялось 1-е совещание уездных и районных заведующих внешкольным образованием. Председательствовал член управы Товарищев.

Первым обсуждался вопрос, выдвинутый в докладе заведующего отделом внешкольного образования М.Е.Субботина о включении существующей при каждой уездной управе "центральной" библиотеки для земских служащих в общую библиотечную сеть и об оставлении этих библиотек в ведении губернского земства.

Губернским земским собранием прошлой сессии было вынесено постановление о том, что центральные библиотеки должны перейти к 1915 году в ведение уездных земств; по многим соображениям это представляется весьма нежелательным: вот почему на данном совещании и был выдвинут этот вопрос.

Во время прений по докладу указывалось, что существующие районные библиотеки при нынешнем характере их комплектования не могут удовлетворять растущие потребности населения в чтении; в связи с чем возникает вопрос о создании в каждом из уездов таких публичных библиотек, которые удовлетворяли бы растущий спрос на книги всего уезда, удовлетворяли непосредственно (в пунктах, где они находятся) и через районные библиотеки.

Для достижения этой задачи можно было бы существующие центральные библиотеки из домашних преобразовать в публичные, тем более, что они за последнее время функционируют фактически как публичные, снабжая книгами и неземских служащих.

Совершенно другую точку зрения высказал заведующий отделом народного образования городской управы г. Обухов.

Он доказывал, что центральные библиотеки при плохом развитии у нас путей сообщения и в силу многих других весьма важных причин не в состоянии всесторонне и полно обслуживать целый уезд, как бы рационально ни организовать их. По мнению г. Обухова, лучше комплектовать достаточным количеством книг районные библиотеки, а центральные оставить в качестве справочных библиотек для земских служащих.

После долгих прений совещание постановило:

1) Центральные библиотеки должны войти в общую библиотечную сеть и остаться в ведении губернского земства.

2) Так как центральные библиотеки должны обслуживать и инородческие районные библиотеки, то комплектовать их и татарскими книгами.

Следующий вопрос - о библиотечном помещении.

Заведующие районными библиотеками настаивали на необходимости сооружать специальные здания для библиотек-читален. "Плодотворность нашей работы в значительной степени зависит и от помещения, где мы работаем... Пусть здание библиотеки отвечает всем тем требованиям, кото-

рым должна отвечать всякая правильно организованная библиотека", - говорят они.

Но председателю совещания и некоторым из уездных заведующих внешкольным образованием мысль эта представляется невыполнимой по финансовым соображениям. Нужно, по их мнению, найти другой выход.

Возбуждается вопрос о субсидировании лиц, которые пожелали бы приспособить свои дома под библиотеки-читальни с тем, чтобы сдать их в аренду земству. Вследствие, однако, неразработанности этого вопроса прийти к более или менее определенному решению по нему не удалось. Некоторые предлагают сойтись в этом деле с кооперативными учреждениями. Но это предложение оказывается тоже неразработанным.

В конце концов по предложению председателя вопрос о помещении для библиотек-читален снимается с повестки и передается на обсуждение в специальную комиссию.

Таким же неразработанным и запутанным оказался и следующий вопрос: о помощниках для районных библиотекарей и о создании на каждые пять библиотечных районов участкового инструктора.

Губернская управа, видимо, не слишком торопится с назначением помощников районным заведующим внешкольным образованием, тем более что последние требуют к себе в товарищи не помощников, а вторых библиотекарей с равными правами и обязанностями. Управа предпочла бы назначить участковых инструкторов, которые организовали бы все виды внешкольного образования на своем участке и являлись бы "народными лекторами" (?).

Последнее предположение об инструкторах на совещании встретило сильный отпор со стороны представителей районных библиотекарей и некоторых из уездных заведующих. Заведующие библиотеками убеждены, что инструкторы ничего полезного не сделают, будут лишь мешать работе "районников". Кроме того, совершенно немыслимо, чтобы одно какое-нибудь лицо взяло на себя роль лектора в целых пяти районах.

"Дайте нам или вторых районных заведующих внешкольным образованием или же подготовленных к своему делу библиотекарей, оставив в последнем случае за нами заведывание всеми видами внешкольного образования", - так можно сформулировать позицию районных заведующих внешкольным образованием.

Вследствие позднего времени обсуждение двух последних вопросов было отложено на следующий день.

Сухой.

Уфимский вестник. - 1914. - 19 июля. - № 159.

Авыл школлары хәленнән

Русия мөселманнары арасында русча ибтидаи* школларның ачыла башлавына 35 еллар булса да, ул школлар халыкка һич файда китермәделәр, яисә бик аз китерделәр.

Буның сәбәпләре күп. Мин хәзердә анларны тикшермим. Тик авыл школларының ни дәрәҗәдә җансыз-рухсыз булганлыкларын гына күрсәтәсе килә...

Үткән ел Стәрлетамак өязенең инспекторы тарафыннан шул өяздәге Иске Атҗитар авылына учительлеккә тәгаен кылынып бардым. Инспекторның сүзенә караганда Атҗитар авылының школасы күптәннән бирле ачылган булса да, бик рухсыз, үләргә якынлашкан школа булыр кебек күренә иде. Аны яманлап сөйләгәннең соңында ул миннән шул школаның артка калуының сәбәпләрен белеп, аны аякка бастырырга үтенгән иде.

Бердән, "аякка бастырачак" школамның рухсызлыгы нәрсәдә күренгәнлеген, икенчедән, мөселманнар арасында ачылган школларның ни дәрәҗәдә эшлекле булуларын белөсе килгәнлектән, мин Атҗитар авылының школасына бару белән аның үткәнен тикшерергә тотындым...

Ләкин аның эшлекле икәнчеләген белер өчен бары бер генә юл бар иде. Ул да булса школа ачылганнан бирле школаны тәмам итеп чыккан шәкертләрнең санын белү.

Иске Атҗитар авылындагы хәзердәге министерский школа башында 1885 елда Стәрлетамак өязендә Табылды дигән авылда ачылган. Никтер биш ел буена школаны тәмам итүче һич булмаган. Тик 1890 елда гына ике шәкерт шәһадәтнамә** алып чыкканнар. Моннан соңгы елларда школа тәмам итүчеләр саны шулай: 1891 дә - 5; 1892 дә юк; 1893 тә - 2; 1894 тә - Табылдыдан Атҗитарга күчкән. Шулай итеп, Табылды авылындагы школадан 10 ел эчендә бары 9 кеше бетереп чыккан.

Атҗитар авылында беренче имтихан школа күчеп дүрт ел узганнан соң гына булган. 20 ел буенча дәвам итеп килгән бу школаны тәмам итеп чыккан шәкертләрнең саны шуннан гыйбарәт: 1897 елда 4 шәкерт, 98 дә - 3 шәкерт, 99 да - 1 шәкерт, 1900 да - 3 шәкерт, 1901 дә - 1 шәкерт, 1902 дә юк, 1903 тә - 2 шәкерт, 1904 тә - 3 шәкерт, 1905 тә юк, 1906 да юк, 1907 дә - 3 шәкерт, 1908 дә - 4 шәкерт, 1909 да - 3 шәкерт, 1910 да юк, 1911 дә - 4 шәкерт, 1912 дә - 2 шәкерт, 1913 тә юк. Мәҗмугсы*** 33 шәкерт. Елына 2 шәкерт тә килми. Беръярым шәкерттән чак кына артык. Уртача хисап белән салганда, һәрбер школаны тәрбияләр өчен елына 600 сум акча киткәндә, Атҗитар авылының школасын бетереп чыккан һәрбер шәкерт 393 сумнардан артыгракка төшкән була.

Ләкин школаны тәмам итүчеләр үзләренең укуларыннан файдаланганнармы? Бу сөалгә җавап итеп хәзердә русча рәтле укый-яза белгәннәр һич юклыгын күрсәтергә мөмкин. Күп еллар мөкаддәм**** ачылган русча

---

* Ибтидаи - башлангыч.

** Шәһадәтнамә - таныклык язуы.

*** Мәҗмугсы - биредә "барысы" мәгънәсендә.

**** Мөкаддәм - элек.

китапханәнең китапларына һич кул тиелмәгән. Хәтта киселмәгән китаплар да юк түгел...

Шундый күңелсез эшне күреп, мин эшлеклерәк саналган, ләкин авыл халкы школа салырга урын бирмәгәнлектән, 1909 елны хөкүмәт тарафыннан ябылган Бозауяз школасының үткәнен белергә теләдем. Моның өчен школаны бетереп чыкканнарга бирелгән шәһадәтнамәләр языла торган дәфтәрне эзләп табып, аны карап чыктым. Ләкин бу эшлекле дип сөйләнгән школа да эшлекле булып чыкмады.

Бозауяз авылының школасы "русский класс при медресе" исемендә булып, 1879 елны ук ачылган булса да, үзендә беренче имтихан 1885 елда гына, ягъни школа ачылганнан соң 6 ел узгач кына булган. 30 ел буенча школаны бетереп чыгып шәһадәтнамә алган шәкертләрнең саны түбәндә күрсәтелгәннән гыйбарәт. 1885 елда - 3 шәкерт, 86 да юк, 87 дә 1 шәкерт, 88 дә 2 шәкерт, 89 да юк, 90 да 5 шәкерт, 91 дә 3 шәкерт, 92 дә 6 шәкерт, 93 тә 3 шәкерт, 94 тә - 95 тә 12 шәкерт, 96-97 дә 10 шәкерт, 98 дә 5 шәкерт, 99 да 1 шәкерт, 1900 да 2 шәкерт, 1901-1902 дә 3 шәкерт, 1903 тә 8 шәкерт, 1904 тә 6 шәкерт, 1905 тә 6 шәкерт, 1906 да 4 шәкерт, 1907 дә 10 шәкерт, 1908 дә 15 шәкерт, 1909 да 8 шәкерт. Мәжмугысы 116 шәкерт.

Уртача хисап белән хисаплаганда һәр елга 4 шәкерт тә туры килми.

Бу школаны бетергәннәрдән дә хәзердә Бозауяз авылында 3-4 кешедән башкасы укырга һәм язарга да онытмаган диярлек ярый...

М. Солтангалиев.

- 1914. - 15 январь. - № 20.

Мөселман авылларында китапханәләр ачылу мөнәсәбәте илә

Газеталарда язылуына күрә, земство тарафыннан ачылган китапханәләрнең эшләре бик күңелле башланган күренә. Чынлап та гажәпләнерлек...

Белмим, рус авылларында ачылган китапханәләрдә укучы күп булырмы, юкмы. Ләкин мөселманнар арасында ачылганнарында укучыларның саны көннән-көн арта. Мисалга Стәрлетамак өязе Яңа Карамалы авылын алыйк. Андагы китапханә 20 гыйнварда гына башланды. Карамалы китапханәсенең соңгарак калып ачылуының сәбәбе губернский земский управа жибәргән китапларның өяз земствосы аркылы килүе булды.

Карамалыга килгән көннән башлап халык миннән китапханә тиздән ачыламы дип, тиздән ачыламы дип туктаусыз сорыйлар иде. Анларның тиздән укырга тотынырга теләүләре тик минем күңелемне генә шатландыра иде. Китапханә ачылуга 200 дән артык кеше язылган иде. Хәзерендә китап алучылар 400 дән артты. Язылучыларның өч өлешеннән ике өлеше мәдрәсә шәкертләре. Укучыларның саны озакламыйча меңнән дә артыр. Чөнки Карамалы тирәсендәге 20 дән артык мөселман авылларының барысына да китап бирелачәк. Ул авылларның 5-6 сында гына язылдылар әле. Калганнарыннан язылучылар булырында һич шөбһә юк.

Укучылар күплек җәһәтеннән мөселман авыллары рус һәм башка авылларга караганда күп алда торачак. Моның сәбәбе мөселманнар арасында тәртипсезлек булса да, борыннан уку-укыту дәвам иткән. Хәзердә дә һәрбер авылда начар гына төзелгән булса да бер мәктәп бар. Ләкин укырга икътидарлылык* җәһәтеннән караганда рус укучыларын мөселманнардан алгарак куярга тугры килә. Моның сәбәбе безнең иске мәдрәсәләремезнең дини мәдрәсәләр генә булуы өстенә, ысул җәдидә** мәктәпләремезнең тотрыклы һәм тигез юлга кереп җитә алмавы булырга кирәк. Мәктәпләремезнең күбесе шәкертләрне мәктәптән чыкканнан соң үзләренең мәгълүматларын китап укып арттырырга хәзерли алмыйлар. Авыл шәкертләре ялгыз роман, хикәя һәм башка әдәби әсәрләр генә укый алалар. Җәгърафия, тарих, хифзыссыйхәт*** һәм башка мәгыйшәткә даир**** фәннәр укылмый, укылса да, аннар тарафыннан тиешлесенчә аңланмый. Хәер, китапларның аңланмавының сәбәбе мәктәпләрдә генә түгел, язучыларда да бар. Күбесе гыйлем-әл-рух (психология)дән хәбәрдар булмаганлыктан, укучыларның аңлау куәсе бик сирәк искә алына. Мәктәп балалары өчен мәктәптән тыш уку китаплары (дәрес китапларыннан башкалары) юк диярлек. Тарихтан һичнәрсә юк. Хифзыссыйхәттән язылган нәрсәләр халык теленнән башка тел илә язылганнар. Җәгърафиядән Фатих Кәрими тәрҗемә иткән Поциковичның әсәрләре бар (төреклөр, гарәпләр, кытайлар, французлар һәм башкалар). Ләкин бу әсәрләрнең русчалары халык аңлый торган телдә язылган булсалар да, белмим, ник-

---

* Икътидарлылык - мөмкинлек

** Ысул җәдидә - яңача, деньяви

*** Хифзыссыйхәт - *гигиена.*

**** Мәгыйшәткә даир - тереклек итүгә, көнкүрешкә кагылышлы

тер, татарчага тәржемә кылыну илә тел җәһәтеннән бөтенләй икенче төскә кергәннәр. Укуы авыр һәм тартынкы.

Роман, хикәя һәм башка әдәби әсәрләргә килгәндә, балалар әдәбиятының фәкыйрьлеге күзгә бәрелә. 450 әсәрдән бары 70-80 е генә балалар өчен язылган. Алар да яшь балаларгамы, уртача яшьтәгеләргәме, һичбере билгеләнмәгән.

Татар милләтенең терелүе, аның мәдәни бер милләт булып яши алуы үзенең милли әдәбияты булган тәкъдирдә генә мөмкин икәнчелеген аңлап, татар әдәбиятын дөньяга тугдыру юлында эшләгән милләт хадимнәремез өчен бу көндә беренче фарыз булып килгән нәрсә - балалар әдәбиятын җыеп, чүп-чардан тазартып, аны чын әдәби саналган әсәрләр илә баету. Милләтемезнең киләчәге, аның мадди һәм мәгънәви көчле булуының шартларыннан берсе балаларымызның тәгълим* тәрбия кагыйдәләре буенча тәрбия кылынуларындадыр. Аларга иң яхшы тәрбия бирүче әдәбият булырга тиешле татар әдәбияты яшь татарларның күзләрен ачар. Аңлар үзләренең кем икәнчелекләрен һәм кем булырга тырышырга кирәклеген аңлар. Юкса хәзер эш күңелсез. Балалар китабы аз булу илә аларга олугларга язылган китапларны бирергә тугры килә. Бирмичә мөмкин түгел: сорыйлар. 8 әр, 12 шәр чакрым җирдән буранлы салкын көннәрдә мәктәп балалары җәяүли китап сорарга киләләр. Аларга ничек бирмисең?! Ә китапханәдә ни барысы 633 китап. Никтер! Земствоның ялкаулыгынанмы, әллә юкса китапханәләргә китап сатып бирергә үз өстенә алучы "Сабах"** ның начарлыгындамы, монда килергә тиешле китапларның 171 данәсе һаман да килеп җитмәгән әле. Аңлар кайчан алына да, кайчан төпләнеп, кайчан монда жибәрелә?.. Ә халык көтми. Ул тик укырга соравын белә. Ул - китапханә ачкач китабы житәрлек булырга тиеш дип уйлый. Һәм дөрес тә, хәзердә китапханәдә 20 данәләп гыйльме хисап*** , дөрес китапларыннан башка һичбер китап калмады. Барысы да оборотта. Көненә йөздән ким китап бирелми. Берсе китерә, икенчесе алып китә. Шкафлар бөтенләй буш торалар. Базар көннәрендә (шимбә) чит авыллардан халык күп килү сәбәпле 150-200 дән артык китап бирелә. Халык сусаган. Ике күзләп китап һәм китап көтә.

М.Солтангалиев.

Тормыш. - 1914. - 9 февраль. - № 29.

---

* Тәгълим - укыту.

** «Сабах» - 1908 елда Казанда бертуган Габделвәли һәм Мөхәммәтвәли Әхмәдуллиннар тарафыннан оештырылган нәшрият исеме.

*** Гыйльме хисап - математика.

Мөселман авылларында халык китапханәләре ачу мәсьәләсе

Халыкны яктыру, аны укыту эшен үзенең өстенә йөкләгән земствоның вазыйфаларыннан берсе - халык арасында китапханәләр ачып, халыкка бушлай китап укырга юл ачу. Моның сәбәпләре күп: шуларның берсе - халык өчен ачылган ибтидаи* школларның начарлыгы, аларның үз максатларына тиешлесенчә ирешә алмаулары.

Кая гына земстволарны алсак та, русларда ибтидаи мәктәпләрнең яхшы хәбәрдар булган затларның кайсыларыннан гына сорасак та, аларның һәрбере халык өчен ачылган уку йортлары (школлар) аларны тормышка чыгып хәзерли алмыйлар, аларга тормышка файдаланырлык тәгълим бирә алмыйлар, дип әйтәчәкләр.

Моның тугрысында күп сөйләнде, күп язылды. Бу көндә дә һаман язылмакта, һаман да сөйләнмәктә. Бер яктан, халык өчен ачылган школларның начар булуы, икенчедән, авылда китап булмау сәбәпле халыкның шул уку урыннарыннан алынган өзек-ертык мәгълүматлары да школлардан чыгу илә онытылуы, "тозлануы" земстволарны халык арасында тәртипле китапханәләр ачарга мәҗбүр итә килде.

Халык китапханәләре ачу юлында земстволар тарафыннан ниләр эшләнгәнен сөйләү гомуми бер мәсьәлә булганлыктан, аны хәзергә читкә куеп, тик мәсьәлә бөтенләй караңгы калмасын өчен генә шуны әйтеп узу лазыйм күрелә.

Китап тарату мәсьәләләрендә земстволарның һәрбере халык өчен якын булган, аның тормышының эчке һәм тышкы якларыннан яхшы хәбәрдар булган кешеләрнең фикерләренә кушылып эшләде һәм хәзердә дә шулай ук эшләмәктә. Хәзердә безнең өчен мөһим булып килгән мәсьәләләрнең берсе губернамыздагы мөселман авылларында китапханәләр ачу мәсьәләсе.

Мөселманнарга китап тарату эшендә ни тәдбирләр** кылынган, ниләр эшләнәчәк вә һәм ничек эшләнергә тиеш?... Менә өскә калыккан мәсьәләләр.

Әлбәттә, бер мәкаләдә генә бу сөальләрнең барына җавап бирү мөмкин түгел. Соңгы мәсьәләне киләчәк бер вакыт карарга калдырырга тугры килә.

Алыйк әүвәлге мәсьәләне: губернамыздагы мөселман авылларында китапханәләр ачу юлында ниләр эшләнгән, ниләр кылынган?... Бу сөальләргә җавап буларак үткән елга чикле файдалы һичбер эш эшләнмәгән дияргә тугры килә. Эшнең бу рәвешчә булуы, әлбәттә, безнең күңелемезне шатландырмый. Ничә еллардан бирле Уфа земствосы рус авылларындагы школларда русча китаплар илә тутырылган халык китапханәләре ачып килгән чакта, земство эшен алып баручыларның һичберенең башына мөселман авылларына мөселманча китаплар җибәрү фикере килмәгән.

Хәер, моңа гаҗәпләнергә дә ярамый, яңа татар әдәбиятының дөньяга чыгуына да күп булмый бит әле. 7-8 елдан узмый. Дөрес, земство мөселман авылларының кайберендә школларда русча китапханәләр ачкан

---

* Ибтидаи - башлангыч.

** Тәдбирләр - тиешле чаралар.

иде. Ләкин болар халыкка һич файда китермәделәр. Алардан файда килүне көтү дә, әлбәттә, бер зур ялгышлык кына иде. Чөнки мөселман авылларында ачылган ибтидаи школлар мөселман балаларын китапханәдә булган русча китапларны укырга яраклык иттереп хәзерли алмыйлар иде; чөнки ул китаплар бөтенләй татар рухына, татар гакылына карап язылмаган, руслар өчен язылган, алар өчен тәгаенләнгән иде. Халык ул китапханәләрнең барын-югын да белми, белсә дә, аннан файда ала алмасына күнел беркеткән, иман китергән иде.

Бу китапханәләрнең мөселманнар өчен файдалы булуының шарты бер генә, ул да булса: мөселман школларын рәтләү, аларны нык бер нигезгә кую иде. Ләкин берничә еллардан бирле көтеп тә, Уфа земствосының бу тугрыда авыз ачып сөйләрдәй эшләрен күргәнебез юк әле. Эшләргә вәгъдә кылынган эшләр эшләнерме, юкмы, киләчәк көннәр күрсәтер.

Мөселман авылларына мөселманнарга дип язылган китап тарату фикере Уфа земствосында 1910-11 елларда гына кузгала. Бу фикернең кузгалуына нәрсә сәбәп булып килгәндер: русча китапханәләрнең нәтиҗәсез булулары, татар әдәбиятының, татар матбугатының дөньяга килүеме, яисә бер милләтнең тәрәкъкыйдә булуы* өчен аңар үзенең теле, үзенең әдәбияты, үзенең матбугаты илә файдаланырга юл ачарга кирәк дигән фикер гомуми әшкәннәнме, билгеле түгел...

Без тик шуны гына белибез: Уфа земствосы 1911 елда мөселман авыларындагы школларда ачылган китапханәләр хакында мәгълүмат җыйганда учительләрдән китапханәгә татарча китаплар кирәк түгелме, кирәк булганда нинди китаплар вә нинди газета һәм журналлар алдырырга хаҗәт күрелә, дип сорады.

Мөселман учительләренең күбесе мөселманча китап кирәкләген язганнар, бәгъзылары** алынырга мәгъкуль*** күрелгән китапларның спискаларын да жибәрделәр. Шулай итеп школлы мөселман авылларының һәрберенә мөселманча китаплардан хасыйл булган халык китапханәләре ачарга юл ачылды. Ләкин 1912 елда җәй көне мәгариф министерствосы тарафыннан китапханәләр хакында чыгарылмыш циркуляр буенча школларда ачылган китапханәләр инспекторларның карамаклыгына күчте.

Эш уңайга әйләнү илә мөселман авылларындагы китапханәләргә мөселманча китаплар алу мөмкинчелеге бөтенләй диярлек өзелде. Чөнки земство тарафыннан жибәрелгән китапларның 95 процентын кире земствога җибәртүче инспекторлар, әлбәттә, татарча китапларны бөтенләй үк китапханәләргә алырга рөхсәт бирмәслəр иде, рөхсәт биргән тәкъдирдә дә аннан-моннан чүпләнеп җыелган китапларны гына алдырырлар иде. Уфа земствосы мәгариф министерствосының ул циркулярын законга хилаф**** табып, аның хакында сенатка гариза бирде. Китапханәләрнең үз кулында калуларын телəдегеннән земский собраниенең китапханәләр хакында ачык бер карарга килгән вакытына чикле китапханәләрнең инспекторлар карамаклыгына калуы беленгәч, земство бөтен губернада булган авылларда үзләренә башка китапханәләр ачмакчы булды. Быел мөселманнар да искә алынып, алар арасында "тәжрибә" өчен дип кенә өяз саен берәр төбәк китапханә ачарга карар бирелгән иде. Бу карарның вәжүдкә***** чыккан-лыгы хәзерендә һәркемгә мәгълүм. Өяз саен берәр генә буларак ачылган

---

* Тәрәкъкыйдә булуы - алга китүе.

** Бәгъзылары-кайсылары.

*** Мәгъкуль-кирәк, лаек.

**** Хилаф - каршы, туры килмәү.

***** Вәжүд - бар булу, тормышка ашырылу.

мөселман китапханәләре югарыда әйтелгәнчә "тәэҗрибә" өчен дип кенә ачылганнар иде.

Һәркемгә мәгълүм, берәр эш хакында тәэҗрибә ясалганда, анардан дөрес нәтиҗә чыгару өчен тәэҗрибәнең хасил булуы, дөрес ясалуы лазыйм. Уфа земствосының мөселман авыллары китапханәләр ачуына тәэҗрибәгә караган кебек караганда, ул тәэҗрибәнең тиешлесенчә ясалынмаганлыгы аңлашыла; әлбәттә, без моның барысын да земствоны гаепләү фикере белән язмыйбыз, тик мөселманнар арасында китапханәләр ачканда нилләр эшләнергә тиеш булып та эшләнми калган - шуны гына күрсәтмәкче буламыз.

Халык арасында мәктәптән тыш уку эшендә күп тәэҗрибәләр күргән земстволар авылларда китапханәләр ачар алдыннан ачылачак китапханәләргә китапларны җитәрлек кую нияте илә китапханәләрне ачмастан элек аның файдаланачак авыллардагы укый һәм яза белгән кешеләрнең саннарын белгәннең соңында китапханәләрдән иң киме ничә кеше китап алуны чамалыйлар. Безнең Уфа земствосы исә губернада китапханәләр ачу алдыннан боларның һичберен эшләмәде.

Бәлки рус авыллары хакында мондый мәгълүмат җыю артык эш булып та килгәндер, чөнки төбәк китапханәләре ачылган рус авылларының барысында да диярлек кечкенә китапханәләр була килгән. Ләкин мөселман китапханәләре ачылачак авыллардагы укучыларның чамаларын белү безненчә земствоның мөселманнар арасында мәктәптән тыш уку эшендә иң тәүге адымы булып килү тиеш иде.

Моңа әллә ничаклы вакыт та кирәкмәс иде. 1912 елның сентябрь аеннан башлап җыела башлаган мәктәпләр хакындагы мәгълүматлар бу хакта бик күп нәрсә бирерләр иде, дип уйлыймыз.

Әгәр дә земство мөселман китапханәләре ачылуга, мөселман мәктәпләре хакындагы мәгълүматларны тикшереп бетеп, губернамызда мөселманнар арасында уку эшенең ничек күелганлыгы һәм ничек барганлыгы ачык булган булса, хәзерге төбәк китапханәләре исеме илә исемләнеп йөргән китапханәләрнең кечкенә генә татар авылын да канәгатьләндерә алмасын күргән булыр иде.

Хәзерге төбәк китапханәләргә җибәрелгән китапларның саны шуннан гыйбарәт:

1. Әдәбият 441 китап
2. Дин вә әхлак 129 китап
3. Тарих 31 китап
4. Җәгърафия 68 китап
5. Гыйлем вә фөнүн* 68 китап
6. Мәгыйшәткә даир** фәннәр 87 китап

Барысы 814 китап.

"Тормыш"та язылдыгынча, бу китапларның барысы да китапханәләргә бармаган. Хәзер дә мөселман төбәк китапханәләренең барысында да китап 600 дән бик аз артык.

Ләкин җибәрелергә дип уйланган 814 китапның барысы җибәрелгәндә дә, аның илә генә мөселманнар арасында ни чаклы вә нинди китаплар укылуы хакында нәтиҗәле тәэҗрибәләр ясалуы мөмкин булмас иде. Безгә,

---

* Гыйлем вә фөнүн - гыйлем һәм фәннәр

** Мәгыйшәткә даир - көнкүрешкә бәйләнешле

бәлки, татарларның әдәбиятлары фәкыйрь булу сәбәпле мәселман китапханәләренә шунардан артык китап жибәрү юлы өзек иде, диярләр.

Безнең уемызча, бу жавап дөрес түгел, чөнки, әүвәлән* , мәселман авылларына жибәрелергә тәгаен кылынган китапларның спискасын төзегән чакта сатуда була торып та никтер спискага керми калган китапларны спискага керткәндә, китапларның саны 800 ләрдә генә тукталамас иде; икенчедән, китап житмәслегe аңлашылгач, халык арасында укылыр дип уйланган китапларны берәр генә нөсхә жибәрмичә, икешәр, өчәр, хәтта дүртәр нөсхә дә жибәрү тиеш иде. Юкса хәзердә эш күңелле түгел. Китап аз булу сәбәпле, бердән, халыкның уку теләге тиешлесенчә ида ителенми** , икенчедән, китап таралу, китап укылу статистикасы эшне бөтенләй яңгылыш төстә күрсәткәнлегеннән, халыкның нинди китапларны укырга яратмаганлыгы яисә көче житмәгәнлеге һәм шуның кебек күп мәсьәләләрәр карангы көенчә калалар.

Мисалга кулымда булган Яңа Карамалы китапханәсен алыйк:

Бу китапханәдә хәзерендә 600 дән бик аз гына артык китапка 600 гә якын мәселман укучылар туры килә. Карамалының үзеннән генә 217 укучы бар. Китапларның 50-ләбе мәктәптә укыла торган дәрес китапларыннан гыйбарәт булганлыктан, халык тарафыннан соралып укылырдай китап укучыларның саныннан гына ким күренә. Эш бу рәвешчә булгач, әлбәттә, укучыларга аларның үзләре теләгән китапны бирү һич тә мөмкин булмый дияргә ярый. Китапханәгә килгәндә, өстәлдә нинди китап булса, укучы шуны алырга мәжбүр була. Ана бүген "Татар хатыны ниләр күрми?" әләгә икән, икенче көнне ул "Егет кешегә житмеш төрле һөнәр дә аз", шуннан бере "Көзге һөнәре" дигән китап илә канәгатьләнергә мәжбүр... Ярый, әгәр дә ул бичара өченче килгәнендә берәр әдәби әсәргә очраса, күп вакыт ана тагы да яисә "Жәгърафия мөгаллиме", я "Гыйльме хисап кагыйдәләре" илә кайтып китәргә тугры килә.

Бигрәк тә мәктәп шәкертләренең хәлләре мөшкел. Балалар өчен язылган китап бары 50 ләп кенә. Аларның да күбесе һич балалар рухына, аларның уку һәм аңлау күнекмәләренә каралып язылмаган. Хәзердә шул 50 ләп китапка Карамалы китапханәсенә дә түбәндәге жәдвәлдә*** күрсәтелгән бала хисабы тугры килә.

Балаларны ң яшьләре	Карамалы авылыннан		Чит авыллардан		Барысы
	Ир бала	Кыз бала	Ир бала	Кыз бала	
8	1	1	1	-	3
9	2	1	-	2	5
10	7	1	1	1	10
11	11	3	6	1	21
12	30	2	20	3	55
13	13	2	17	4	36
14	16	4	27	1	49
15	12	1	24	-	37
Барысы :	96	15	97	12	216

Уйлап карагыз, 50 ләп китапны ничек итеп 216 балага булеп бирмәк кирәк!... Олугларга язылган китапларның балаларга бирелүе ни чикле зур

---

* Әүвәлән - беренчедән.

** Ида ителми - ачыкланмый, анализланмый.

*** Жәдвәл - таблица.

яңлышлык икәнлеген белсәк тә, аларга олуглар китабы бирергә тугры килә. Ә укучыларның иң һәвәсләләре* - балалар. Китапны иң күп укучы - шул ук балалар.

Бу тугрыда татар балалары илә рус балаларын чагыштырганда, татар балалары бөтенләй икенче бер яктысыз, жылысыз, айсыз-кояшсыз, үләнсез-урмансыз, сусыз һәм кырсыз бер дөньяда үскән кебек сизелә. Русларның балалар әдәбияты гүя бер киң дәрья: теләсәң кая йөз, теләсәң кая кит, безнеке исә - чокырга жыелган су... Безнең балаларыбыз шул чокырда пычранырга мәжбүрләр.

Халыкның уку теләге тиешлесенчә ида ителмәве югарыда әйтдегебезчә мөселманнар арасында китап таралу статистикасының чын төстә күренмәвенә бик зур сәбәп булып килә. Аның шулай булуы исә земствоның үзе өчен дә, мөселманнар өчен дә күнелле булган эш түгел. Хәзерге вакыт - Уфа земствосының мөселманнарны яктырту, аларны укыту эшен ныклы бер нигезгә корырга тырышкан вакыты. Хәзерге вакыт - Уфа земствосының мөселманнарны укыту эшендә уйланган тәдбирләренең** , аларны яктылыкка алып бару юлында эшләргә дип вәгъдә кылынган эшләренең вәжүдкә чыгар*** вакыты. Бу исә Уфа губернасы мөселманнары өчен генә мөһим булмыйча, бөтен Россия мөселманнары өчен дә мөһим бер мәсьәлә булырга тиеш, чөнки халыкның байтагы мөселман булган губерналардагы земстволар мөселманнарны укыту эшендә үзләренә күчергеч итеп Уфа земствосын алачаклар. Уфа земствосы ни эшли, алар да шуны эшләячәкләр; Уфа земствосы ни сөйли, алар да шуны сөйләячәкләр.

Шундый вакытта мөселман китапларының ниндиләре күбрәк укылганлыгы һәм кайсылары азрак, яисә бөтенләй үк укылмаганлыгы хакындагы статистиканы үз төсендә күренә алмавы мөселманнар арасында мәктәптән тыш уку эшендә нинди чаралар башлап, нинди тәдбирләр кылырга кирәк - шул мәсьәләнең ап-ачык булып чишелүенә бер зур тоткын булып килә.

Хәзерендә мөселман китапханәләренең статистикасына караганда, мөселманнар һәртөрле китапны да укыган булып күренәләр: алар әдәбиятны да, дини вә әхлакый китапларны да, фәнни китапларны да укыйлар. Статистикага караганда, мөселманнар өчен язылган фәнни китапларның барысы да (жәгърафия, хисап, гыйльме нәбатәт**** , гыйльме хайванат***** , гыйльме тәшрих****** , хифзыссыйхәт******* вә башкалар) халык тарафыннан сорала һәм укыла булып күренә.

Бу дөрес түгел, бу яңгылыш. Хәзерге мөселман китапларының статистикалары мөселманнарның тәракъкыять******** юлларын күрсәтә алмый. Татарлар кая баралар, кая омтылалар: искелеккәме, яңалыкмы?... Алар үзләренең искелек дөньяларына нык бәйләнгәннәрме, әгәр дә нык бәйләнгән булсалар, ник нык бәйләнгәннәр һәм аларның ул искелеккә дә бәйләнүләре үзләренең киләчәкләре өчен ни бирәчәк, ни китерәчәк? Әллә халык арасында яңалыкка омтылу да сизелә ме? Сизелсә, ул омтылудан файда чыгачакмы, кайвакыт чыгачак?... Аның яңалык дөньясына ом-

---

* һәвәсле - сәләтле, омтылышлы, максатчан.

** Тәдбир - чара.

*** Вәжүдкә чыгу - тормышка алу.

**** Гыйльме нәбатәт - ботаника.

***** Гыйльме хайванат - зоология, ветеринария.

****** Гыйльме тәшрих - хирургия.

******* Хифзыссыйхәт - гигиена.

******** Тәракъкыять - усеш, прогресс.

тылуын кай юл белән, нинди агым белән агыздырырга кирәк һәм агызып буламы?

Хәзердә бу сәяльләрнең берсенә генә дә дөрес җавап бирергә мөмкинлек юк...

Карамалы китапханәсеннән гыйнварның 20 сеннән башлап 1 апрельгә чикле 50 рәт китап бирелү көнендә 5231 китап алынганлыгы күренә. Болардан:

1.	Әдәби әсәрләр	3520
2.	Дин вә әхлак китаплары	554
3.	Тарихтан	122
4.	Җәгърафиядән	446
5.	Гыйлем вә фәнүннән	233
6.	Мәгыйшәткә даир фәннәрдән	356

Уртача хисап белән хисаплаганда, шул вакыт эчендә һәрбер китапка 8 рәт алынырга тугры килгән. Отделларга бүлеп чагыштырып караганда, ошбуны күрәмез:

Әдәби әсәрләрнең һәрберсе 10 рәт бирелгән. Дин вә әхлак китаплары - 6 рәт; тарихтан - 6 рәт; җәгърафиядән - 7,5 рәт; гыйлем вә фәнүннән - 5,5 рәт; мәгыйшәткә даир фәннәрдән - 6 рәт.

Әгәр дә мөселман китапханәләренә китаплар укучыларның уку теләгән канәгатьләнерлек кадәр җибәрелгән булса, эш бөтенләй икенче төстә булыр иде, чөнки халыкъ үзенең укырга теләгән китабын алгач, аның ни сәбәпләрдәндер укырга теләмәгән китапларының укылмаганлыгы күренер иде. Ул вакыт өскә халык өчен язылган фәнни китапларның укылмавының сәбәпләрен тикшерү мәсьәләсе калкыр иде. Әгәр дә буның сәбәбе ул китапларның халык аңлардай, халык төшенердәй, халыкны кызыктырырдай сүрәттә язылмаганлыклары да күренсә, матбугатымызда һәм земствоның үзендә халык өчен аңланырдай телдә фәнни китаплар язу, яисә русчадан тәрҗемә итүчеләр түгәрәге төшкил итү мәсьәләсе кузгалыр, әгәр дә инде ул китапларның укылмавының сәбәпләре, китаплар яхшы язылып та, халыкның ул фәннәрдән һичбер хәбәрдар булмауларында икәнлеге аңлашылса, халык өчен шул фәннәрдән лекцияләр сөйләү мәсьәләсе кузгалыр иде. Халык авыл эшләре хакында язылган китапларны аз укый икән, ул вакыт мөселман авылларында тизрәк авыл эшләре хакында курслар ачу, алар арасында шул хакта лекцияләр сөйләү мәсьәләләре алга килеп басарлар иде.

Ләкин хәзердә бу мәсьәләләрнең барысы диярлек караңгыда кала, чөнки статистика мөселманнарның китапханәдә булган китапларның һәрберен укылганлыкларын күрсәтә...

Өстемезгә алган бурычымыз шуны язу иде.

М.Солтангалиев.

. - 1914. - 25 апрель. - № 56; - 27 апрель. - № 57.

Халык йортлары нигә кирәк?*

Стәрлетамак өязе земствосы үзенең үткән 39 нчы очередной собраниесендә авылларда халык йортларын (народные дома) салу мәсьәләсен тикшергәннең соңында ул хакта мәхәллә халкының үз фикерен белү юлында анкета ясарга карар биргән иде. Шул карарны вөҗүдкә** чыгармак ошбу көннәрдә Стәрле земствосы рус һәм татар авылларының учительләренә, вак бурыч җәмгыятьләренә, доктор, агроном һәм башка шуның кебек ил хадимнәренә хитабнамә*** таратты.

Хитабнамәдә авылларда җыен ясаттырып, анда булган халыкка халык йортлары салуның төп максатын һәм аның салынырга кирәк икәнлеген бик ачык һәм аңгартып сөйләдектән соң халыкның шул хакта үз фикерен белеп, управага доклад язарга кушылган. Ниндидер булса бер сәбәптән җыен ясалмаса, халыкның аңлы саналган сыйныфының фикерен белдерергә үтенгәннәр...

Мондый халык йортлары бүтән губерналарда да күптән түгел ачыла башлады. Безнең Уфа губернасында исә бу ел гына башланачак. Стәрлетамак өязендә башлап Табын (Табынск) исемле зур рус авылында ачылачак. Халык йорты мәктәптән тыш уку урыны булып киләчәк. Монда һәрбер мәдәни эш эшләнәчәк. Бу йортта бик яхшы китапханә, кыйраәтханә**** соңгы ысуллар илә укыту әсбаблары җыелган музаханә (музей наглядных пособий), халыкка сатып таратыр өчен китап склады, лекцияләр сөйләү өчен һәм төрлечә берегенеп эшләүче җәмгыять җыеннары ясар өчен зур зал (аудитория) һәм олугларны укыту мәктәбенең бүлмәсе (класс) булачак. Стәрлетамак өязенең мөселманнары бу эшкә зур әһәмият илә карарлар дип уйлыймыз. Бу халык йортлары халыкка бик күп файда китерәчәк. Халык үзенә кирәк булган мәгълүматның һәрберен монда табачак. Һәрбер аңламаган нәрсәне аңлаячак. Бу йортларда халыкка файдалы булып килгән төрле мәсьәләләрдән лекцияләр укылудан башка, халык спектакльләре, әдәбият кичәләре һәм шуның кебек башка файдалы эшләр эшләнәчәк.

Мирсәет Солтангалиев.

Тормыш. - 1914. - 23 май. - № 67.

---

* Мәкалә исеме шартлы рәвештә төзүчеләр тарафыннан бирелде.

** Вөҗүдкә чыгару - тормышка атыру.

*** Хитабнамә - мөрәҗәгать.

**** Кыйраәтханә - уку залы, уку өе.

Авылларда

Майның 18 ендә 1914 ел Стәрлетамак өязе Солтанморат авылында Сабан туе ясалды. Көннең болытлы һәм жилле булуына карамыйча Сабан туе ясалыр көндә тирә-як авылларның һәрберennән атлы һәм жәяүле халык килде. Жәяүле килүчеләрнең күбесе хатыннар иде. Кайда гына карасаң да төркем-төркем киенгән һәм ясанган хатын-кыз күзгә чалына иде.

Сабан туе башлануга әллә ни кадәр йомырка, 70-80 ләп тастымал һәм 5-6 шәл жыелган иде.

Солтанморат авылыннан ерак түгел торучы Ситникова фамилияле бер бояр хатынының управляющие ике шәл биргән һәм алдан килгән атка 20 сум акча вәгъдә иткән.

Мәйдан сәгать 11 дә жыенга жыелган муллаларның берсе тарафыннан коръән укылганның соңында көрәш башланды. Көрәш гадәтчә 14-15 яшьлек балалардан башланып, бик тиз зурларга килеп житте. Монда шуны әйтеп китәргә кирәк, бу чакларда Сабан туйларында башкортлар арасында начар бер гадәт таралып бара. Әгәр дә бер көрәшче ике кешене екса, аңар каршы үз авыллашлары яисә үз кардәшләре ничек булгач та өченчегә жиңелер өчен бер кеше чыгаралар да, теге өч көрәшчене еккан булып күренгәннең соңында тастымал-яулык ала.

Солтанморат авылының Сабан туенда бу күңелсез вакыйга беленмәде... Шулай да халкымызда торгырыйлык тойгысы сүнмәгән. Халыкның байтагы алдаш булмасын, алдаш булмасын, дип кычкыралар һәм яклап көрәшүчеләрне мәйданнан чыгарттыралар...

Югарыда әйткән управляющий көрәштә алдашу барлыгын белгәч, өч кешене рәттән еккан кешегә 1 сум бирәм дип кычкыртты. Ахырысы 1 сумга кызыгучы күп булды. Тиздән менә дигән таза көрәшчеләр чыгып көрәшергә тотындылар. Чын көрәш башланды. Ялгансыз көрәш... Көрәш мәйданы сәгать 5-6 га чикле сузылды. Бу көрәштә беренче батыр саналып калучы Морзакай авылының 18-19 яшьлек бер башкорт булды. Гәрчә гәүдәгә бик үк зур булмаса да, 50-60 чакрымнардан көрәш өчен генә дип килүче атаклы башкорт, типтәр һәм мишәр көрәшчеләрен күтәреп бәргәләде...

Атларны ике мәртәбә чаптырдылар: берсе 8 чакрым ераклыктан 25 ләп ат бар иде. Икенчесе 4 чакрым ераклыктан: ерактан чапкан атлардан карап торырга дик начар гына, ябык кына күк төстә бер бия килде.

Жәяүлеләр 3 чакрым ерагыннан йөгерешteләр. Гәрчә алда килүче бер татар булса да, ахырдан халык арасында алда килүче бер чуваш иде дә, аны килеп житәрәк юри туктатучылар булган дигән хәбәр таралды. Бу хәбәр дөрес булганда, әлбәттә, күңелле хәбәр түгел...

Зур мәйданнарда исереклекнең күп булуы хәзерендә һәркемгә мәгълүм бер нәрсә булса да, бу жыенда исереклек бик сирәк күренде. Шулай да Сабан туе таралып беткәч, кичкә таба урамда бик кызу-кызу, атларны кызганмый чабышып йөргән агайлар бик еш кына күренгәлиләр иде. Һич исереклек булмаганда ни ямьле булыр иде. Сабан туеның ямен күрмәгән кем дисән, ул да безнең хатын-кызларымыз... Әллә кайда ераста бер жиргә жыелышып ирләрнең уйнаганнарын, йөгергәннәрен карашып торалар. Ләкин аннан ни күренә? Алар тик гармун көенә биеп кенә юаналар. Бүтән уеннары юк.

М. Солтангалиев.

Тормыш. - 1914. - 25 май. - № 68.

Авыл хуҗалары съезды.

11 июнь мәҗлесе

Съездда мөселманнар бармы?

Съездны җыючылардан алган хәбәрләргә күрә, съездга килгән членнарның хисабы 372 булып, боларның бары 40 гына мөселман. Күрәсең, безнең мөселманнар бу съездга бигүк зур әһәмият илә карый алмаганнар. Юкса губернамызда җир эше илә мәшгуль булган мөселманнарның саны башка милләт кешеләре илә бәрабәр диярлек булганда, авыл халкы өчен иң әһәмиятле булып килгән съездда мөселманнарның саны 10 процент кына булуы әллә ни күрсәтми.

Ул мөселманнарның да күбесе берегеп эшләү җәмгыятьләре тарафыннан җибәрелгәннәр. Мөселманнарның саны аз булу өстенә, аларның съездда тик кенә авыз йомып утыруларын әйтмичә узып булмый.

Хохол һәм латышлар бездән бик күп аз булсалар да, аларның араларыннан үзләренең фикерләрен ап-ачык итеп чыгып сөйләүчеләр бик күп, русча начар сөйләүләреннән көлүчеләр булыр дип куркып тормыйлар, һаман да үзләренең кирәкләрен сөйлиләр.

Съездга әһәмият биреләме?

Русларның бу съездга бик зур әһәмият биргәнлекләре анлашыла. Һәрбер доклад диярлек кызу-кызу мөзакәрәләр* башлануына сәбәп була. Докладта кузгатылган мәсьәләләр хакында үзләренең фикерләрен сөйләүче хатиблар гәрчә 10 гына минут сөйләргә тиеш булсалар да, аларның күбесе нотыкларын ул вакыт эчендә генә сөйләп бетә алмыйлар. Рәис аларның сөйләү мөддәте** үткәнен белгертеп звонок бирсә дә, съездга җыелган членнар хатиблардан сүзләрен ахырынача сөйләтәләр. Шуның өчен булса кирәк мәҗлес бик озакка сузыла. 10 июньнең кичке мәҗлесе сәгать 9 дан сәгать 12 гә чикле сузылды. 11 июньдәге иртәнге мәҗлес 7 сәгать, кичкесе 6 сәгать булды.

---

* Мөзакәрә - фикер алышу.

** Мөддәт - вакыт, срок.

11 июньдә иртәнге җыелыш.

Иртәнге җыелышта ике доклад укылды. Берсе "Уфа губернасында авыл хуҗалык эшләрен юлга салу" хакында - губернский агроном Рязанов доклады. Икенчесе Закржевский фамилияле агрономның "Безнең авыл хуҗалыгыбызның чын хәле һәм агрономнар" дигән доклады.

Беренче доклад гаять тә мөһим бер мәсьәләне кузгатканлыктан, укылысы бетдеге соңында бик озак мөзакәрә кылынды. Чынлап та бу доклад хакында безгә дә бераз тукталырга ярый.

Элгәре заманда иген игеп шөгыльләнгән адәмнәр үзләре өчен иген иккәннәре, аларның чәчкән ашлыклары, чапкан печәннәре, чәчкән җитен һәм пәжиләре сатар өчен булмыйча, үзләренә тотылыр өчен булган. Мондый авыл хуҗалыгын натуральное хозяйство (табигый хуҗалык) дип йөртәләр. Хәзердә инде өс-баш киемнәре тегелә торган нәрсәләр фабрик һәм заводларда эшләнә башлап, халыкка аларны алырга бик аз көч (акча) сарыф итү илә генә мөмкинчелек ачылгач, авыл халкы үзенең жиреннән эшләп тапкан ашлыкларын һәм яланнарда көтелеп йөргән малларын сата башлый. Шулай итеп, әкрен-әкрен генә аның иген игүе баштагы кебек үзе өчен генә игелгән булмыйча, сәудә өчен "алыш-бireш" була башлый. Уфа губернасына килгәндә дә шул ук хәл күренә. Бездә дә хәзерендәгечә бөтенләй үк булмаса да, ашлык игенчеләрнең үзләренә тотылыр өчен игелмичә, жыелган ашлыкны сатып, акчага әйләндергәннең соңында, ул акчаны читтән килгән, игенчеләр сатуга куйган нәрсәләрне алыр өчен игелә.

Ләкин игелгән ашлыкларыбызны шул тәртиптә алмаштыру хәзерге көндә Уфа губернасындагы игенчеләр өчен файдалымы, юкмы?... Докладчының сүзенә караганда, һич файда юк дияргә ярый.

Халкымызның игеп тапкан ашлыгы көчкә-көчкә генә ачлы-туклы торырга житә, чөнки урта хисап илә хисаплаганда, бер дисәтинә арышка саф файда елына 2 сум 30 тиен, бодайга 2 сум 88 тиен тугры килгәндә, солыга 10 сум 38 тиен зарар тугры килә. (Докладчы иген иккәндә булган бар кебек эшне - сөрү, чәчү, уру, чабу, ташу, сугу, илтеп сатуны расходка кертә).

Моның сәбәпләрен докладчы ике нәрсәдә күрә: берсе - бездә төрле сәбәпләрдән ашлыкларның начар чыгышлы булуы (соңгы 12 елларда урта хисап илә дисәтинәгә арыш 52 пот, бодай 45, солы 41 пот тугры килә); икенчесе - ашлык начар туып та, аның мондагы бәһасе губернамызның зур ашлык базарларыннан ерак булуы сәбәпле мәмләкәтемезнең урта жирләренә караганда потына 20-25 тиен ким булуы.

Бездә тимер юллар күбәйгән хәлдә дә һаман да зур ашлык базарларыннан читтә торачакмыз; шуның өчен дә безнең ашлыкларымызны ашлык озатыла торган йортларга илтеп житкерер өчен генә потына 32 тиен кирәк булга.

Безнең сатуга куелган ашлыгыбызга бәһа Германия, Англия һәм Голландия тарафыннан билгеләнә. Сатылган ашлыгыбызның Германиягә яртысы исә озатыла. Ләкин без үзебезнең ашлыгыбызның Германиягә сатылуы өчен Германия хөкүмәтенә Россия илә Германия арасында сәудә

хакында ясалган могаһәдә* буенча арышка һәр потка 38 тиен, солыга һәр потка 39 тиен, бодайга 46 тиен пошлина (ясак) түләргә мәҗбүрмез.

Шулай итеп, Уфа губернасының читтә булуы губернадагы игенчеләрнең ашлыклары чит мәмләкәт базарларына баруы өчен арышка потына 70 тиен, солыга 71 тиен, бодайга 73 тиенгә якын югалтырга тиеш булыналар.

Шуларның барын да ачык итеп сөйләгәннең соңында докладчы Уфа губернасында булган игенчеләргә файдасыз күрелгән иген игүдән яңа ысуллар буенча әүвәлдән чәчеп** мал үрчетүгә һәм шул малдан алынган ит, май, йон, тире илә кәсеп итәргә тәкъдыя*** итә.

Бу юлга ул бигрәк тә Уфа губернасының шәрекъ тарафындагы (Иделнең**** уңъяк ярында) игенчеләрне өнди. Май һәм ит сәүдә итүнең файдалы икәнлеге бик ачык аңлатыла: ашлыкны зур базарларга илтү өчен юл расходы аның бәһасенең яртысыннан күп киткәндә, май өчен 23 нче өлеше генә китә. (Майның хакы Уфада 13 сум, бер пот майны Ригага чикле озату 63 тиен тора). Әгәр дә без бер пот май урынына Германияга солы җибәрергә уйласак, ул вакыт 13 сумлык, ягъни 24 пот солы җибәрергә мәҗбүр булыр идек. Ул вакыт безнең кесәмездән 7 сум 44 тиен юл расходы, 9 сум 12 тиен пошлина, барысы 16 сум 52 тиен расход чыгар иде. Бер пот май илтү исә 2 сум 11 тиенгә генә төшә...

Бер пот май табар өчен бик күп салганда урта хисап илә азык 6 сум 42 тиенлек кенә (8 пот солы 54 тиеннән - 4 сум 32 тиен, 15 тиеннән 12 пот печән - 1 сум 80 тиен, салам 6 пот 5 тиеннән - 30 тиен). Эш хакы исә бер пот май өчен кешегә 8 сыер тугры килгәндә, 2 сум 28 тиен була. Әгәр дә май бересеп эшләүчеләрнеке булса, төрле сөт һәм май машиналарына тотылган расход 1 сум 30 тиен төшә. Бу хисаплар май эшләп сатуның файдалы икәнлеген бик ачык күрсәтсә кирәк. Докладчик мисалга Иглин һәм Тавтиман станциясенә якын утырган латышларны алып күрсәтә. Боларның урта хисап илә һәрбер йортка килгән 27 дисәтинә жирләреннән чәчәргә ярыклысы 13 десәтинәдән бик чак кына артык. Болар арыш, солы һәм бодай кебек ашлыкны бик аз чәчәләр икән. Күбрәге әүвәлдән чәчеп сыер, сарык һәм башка дүрт аяклы мал асрап, ит һәм май сатып хуҗалык итәләр. Боларның көн итешенә киткән бар кебек расходларыннан тыш елга 728 сум саф файда кала икән...

Бу доклад бик озак мөзакәрә кылынды.

10 июньдә авыл эшләренең алга бармавының сәбәпләре хакында сөйләгән Шубин әфәнде халыкны иген игүдән мал асрау эшенә капыл өндәүне урынсыз күрә. Аның фикеренчә, иген игүнең файдасызлыгы күренми. Әгәр дә авыл игенчеләренең тәненә төрле селекләр кадалып, әкрен генә, сиздерми генә аның канын суыручылар булмаса, халык иген игү белән тапканын үзенә житкерәлер иде, ди. Ул хөкүмәт һәм земство тарафыннан халыктан налоглар (ясаклар) алынмавын теләү өстенә Германия илә Россия арасында ясалган сәудә хакындагы могаһәдә буенча түләнергә тиеш булган пошлинаның бетерелүен дә тели. Иген игүнең файдасызлыгы губернамызның зур базарларга ерак булуында түгел, иген

---

* Могаһәдә - килешү, договор.

** Текстта шулай языпган.

*** Тәүсыя - кинәш бирү.

**** Биредә Агыйдел күз алдында тотыла.

игеп алынган акчаларның яртысыннан күбесе төрле байлар кулына керүдән, ди.

Башка хатибларның фикерләве шуннан гыйбарәт: халкымыз надан, иген игу һәм башка авыл хуҗалыгы эшләренең ысулларын белми, ченки халыкка бу эштә иң якын булырга тиеш булган агрономнар халыкка файда китерердәй мәгълүматларны аның күңеленә сендерә алмыйлар, аларны төшендерә алмыйлар. Чит мәмләкәтләрдә тәгълим гомумләшүенә* 100 ел булса да, бездә укый-яза белүчеләрнең саны һаман да 100 гә 80 генә туры килә. Моның өстенә бездә игеп тапкан ашлыкларны берегеп сату һаман да юлга салынмаган. Игенчеләр үзләренең ашлыкларын 40-45 тиен илә сатарга мәжбүрләр. Аларның акчалары капиталистлар кулына керә.

Кайсыбер хатибларның фикеренчә, халыкны мал асрау юлына кертеп жибәрү өчен аңар иң әүвәл яхшы мал һәм мал асраганда кирәк кораллар сатып алырга казна түләү мөддәтен** озын ясап, бик аз процент илә акча бирелүне таләп кылырга кирәк.

Матвеев фамилияле бик оста сөйләүче бер рус докладчының фикеренә бөтенләй каршы килде. Аның фикеренчә, мал асрау юлына керешмәстән элгәре, мал асраганнан табылган товарны (май, ит, йон һәм тире) сатарга чит мәмләкәтләрдә базарларның барлыгын, анда безнең товарларның үтүен һәм үтмәвен белергә кирәк. Юкса, әгәр дә бөтен Уфа губернасы мал асрау эшенә тотынып, бик күп ит, май һәм башка товарлар чыгарылса, ул вакыт бәлки товарлар кирәктән тыш эшләнгән булу илә аларның базары төшәр. Ул вакыт авыл малчыларының хәлләре бигрәк тә мөшкел булачак. Икенчедән, авыл хуҗалары мал асрау эшенә бирелсәләр, хәзердәге жир эше илә мөшгуль булган эшчеләрнең күбесе эшсез калу илә читтәге заводларга, фабрикаларга таралып, эш урыннары тыгызланыр. Заводчылар моның илә файдаланып, эш хакын киметерләр. Шуның сәясендә күп эшче эшсез калыр.

Мозакәрәләр соңында доклад бераз үзгәрешләр илә хәзергечә иген игүдән мал асрауга күчү Уфа губернасының кайбер урыннарында файдалы күрелеп кабул ителде.

Закржевскийның доклады.

Үзенең кыска гына, ләкин бик уйланып язылган докладында Закржевский Россиядә ничә еллардан бирле халыкка агрономлык ярдәме ителеп килсә дә, ул ярдәмнең нәтиҗәсез булуын аңлатканның соңында, аның сәбәпләрен күрсәтә.

Чыннан да, бу докладка караганда, без агроном жәһәтеннән һич тә алга китә алмаганбыз. Агрономнар тотуга ничәмә миллионнар киткән

---

* Тәгълим гомумиләнүе.

** Мөддәт - срок, вакыт.

булса да, моңарчы халыкның көн итеше элгәрге ноктасында тора дияргә ярый.

Икътисади мәсьәләләрдән яхшы хәбәрдар булган Агроновский фамилияле бер зат бу хакта шуны күрсәтә: соңгы уникә елларда Россиядә урманнарны һәм тугайларны тазарту илә ашлык чәчү аланнары 9% киңәйсә дә, ашлыкның чыгышы бөтен Россия өчен һичбер артмаган; һаман да элгәргечә дисәтинәсенә 46-47 пот көенчә бер. Сибириядә хәтта 49 дан 46 га төшкән. Халыкның саны исә шул арада 30% арткан. Мал асрап файдаланыга килгәндә дә кимү күренә. Мисал: 1910 елдан 1912 елга чикле сыер 5%, сарык 27%, чучка 15% кимегән.

Моның сәбәпләрен Закржевский русларның халкын яктырту, аңар файдалы берәр нәрсә басарга керешкәндә, эш өчен эшләмичә, күренер өчен генә эшкә тотынганлыкларыннан һәм шул сәбәптән ул эшләрнең яртылашлы булуыннан күрә. Без хәзер мәмләкәтемездә тәгълим гомуми кертәмез. Ләкин ачкан мәктәпләремез һаман да шул ук иске черек нигезгә корыла, ди. Берегеп эшләү хәмгыятьләре ачылса да, аларның бергә кушылуларына ирек бирмибез, һаман да юк-бардан куркамыз, ди.

Икенче сәбәпне ул агрономнарга бик күп эш бирелгәнлектән һәм агрономнарның үзләреңең халыкка якын бара белмәү, аның тормышына катыша белмәүләреннән күрә.

Агрономнарга төрле эшләр тапшырылу илә алар кайсы эшкә тотынырга да белмиләр. Ары сугыла, бире сугылалар; берсен башлый, икенчесен ташлыйлар. Шулай итеп аларның гомерләре бушка уза. Моннан башка земство да аларга торырга йортлар салып бирми, хезмәт хакын да аз бирә. Шулай булгач агрономнар бер урыннан икенчегә күчеп йөриләр. Безнең Уфа губернасында уртача хисап илә һәрбер агроном бер урында 16 айдан артык тормый. Шуның өчен дә халыкка һич ни аңлатылмаган.

1. Авыл хуҗалары һаман да үзләреңең җирләрен тиешлесенчә эшли белмиләр.
2. Яхшы орлык чәчкәндә генә яхшы ашлык чыгачагын аңламыйлар.
3. Асраган малларына җитәрлек азык табу юлын (үлән чәчүне) белмиләр.

---

11 июнь кичке мәҗлес.

Съезд Гоппин фамилияле агрономның авыл хуҗаларының районный (төбәк) съездлары хакындагы доклады илә башлана.

Доклад ошбудан гыйбарәт:

Моңарчы авыл хуҗалыгын яхшырту хакында съездлар һәм киңәш мәҗлесләре ясалса да, алардан авыл хуҗаларына кереп эшләргә

мөмкинчелек юк иде, чөнки аларның барысының да ишеге авыл хуҗаларына ябык иде дияргә ярый: 1) Икътисади киңәш ("Экономический совет") мәҗлесләрендә илә агрономнар гына киңәшләләр иде; 2) агрономнар киңәшендә исә агрономнар, техниклар һәм управа членнары эшлиләр, авыл хуҗалары кермиләр иде; 3) төрле вакытларда губернский шәһәрләрдә ясалган авыл хуҗалыгы съездларында да авыл хуҗалары аз була, чөнки мондый съездларның шәһәрләрдә булуы илә авыл халкы съездга килер өчен кесаләреннән юл һәм башка расходлар өчен байтак акча чыгарырга мәҗбүр булалар.

Доклад укылып беткәннең соңында съезд бераз үзгәртеп, түбәндәге тезисларны кабул кылде.

1. Бөтен губерна аисә бер-ике губерна өчен ясалган авыл хуҗалыгы съездларыннан башка өязләр өчен аисә һәрбер агрономлык төбәге өчен кечкенә төбәк съездлары ясалсын.

2. Мондый съездларны башлап чакыруны өяз земский управаларына аисә авыллардагы берегеп эшләү җәмгыятьләренә тапшырырга.

3. Бу съездларда түбәндәге затлар булырга тиешле: земский управаның бөтен агрономия шөгыльбәсе, авыллардагы төбәк агрономнары, мал докторлары, берегеп эшләү җәмгыятьләре, вак җирбиләүчеләр, кеше җирен биләүчеләр (арендаторлар) һәм бар кебек авыл хуҗалыгы илә шөгыльләнгән аисә авыл хуҗалыгына әһәмият биргән кешеләр.

4. Съезд әгъзасы булган затлардан акча алынмасын.

5. Съездның беренче гомуми җыелышын өяз управасының председателе аисә съездны ясаучы берегеп эшләү җәмгыятенең вәкиле тарафыннан ачылырга тиешле.

6. Съездның программасы өяз агрономнарының киңәшендә аисә съездны чакыручы берегеп эшләү җәмгыяте тарафыннан төзелсен.

7. Мондый съездлар мөмкин кадәр ешрак чакырылсын, шуның өчен дә киләчәктә төрле кыенлыклар булмасын өчен хәзер үк хөкүмәттән шундый съездлар чакырылуына ризалык алып куярга кирәк.

Хөкүмәт банкасының вәкиле Смирновның доклады.

Смирнов бер сәгатьтән артык хөкүмәт банкасының салган ашлык урыннары (элеваторы) хакындагы докладны укый. Үзенең беткесез цифрлардан мөрәккәб* булган докладында чит мәмләкәтләргә чыга торган ашлыкларның бәһасе күтәренке булсын өчен халыкның сатуга куела торган ашлыкларын Россиянең төрле урыннарда салынган элеваторларда җыеп саклауны сөйли һәм хөкүмәтнең бу юлда ниләр эшләгәнен курсәтә.

Хөкүмәт ашлык саклау урыннарының түбәндәге сигез губернамызда салынуын мәгъкуль күрә: Тамбов, Воронеж, Пенза, Сембер, Самара, Саратов, Оренбург һәм Уфа губерналары. Бу губерналарда 84 элеватор салынырга тиеш. Боларның барысы да 1916 елның көзенә салынып бетәргә тиешләр. Ләкин бу элеваторлар гына 8 губернадагы халыкның ашлыкла-

---

* Мөрәккәб - гыйбарәт.

рын жыеп сакларга һич тә җитмәячәк. Шуның өчен дә хәзер үк авыллардагы берегеп эшләү җәмгыятьләренең кечкенә элеваторларын салулары мәгъкүл күрелә һәм хөкүмәт банкасы шундый элеваторлар салу өчен авыл җәмгыятьләренә бик аз процент илә акча да бирә.

Докладтан соң бик кызу мозакәрә башлана. Вак бурыч җәмгыятьләренә акча тарата торган губернский земский кассаның рәисе Харкевич хөкүмәтнең бу эшендә дә үзе генә эшләргә теләгәнлеген, земство һәм берегеп эшләү җәмгыятьләренең тавышына һич әһәмият бирмәгәнлеген сөйли.

Бөтен Русияне элеваторлар илә каплап алу кирәк иде. Әмма хөкүмәт банкасы бары 8 губернада гына салырга тели, анда да җитәрлек салмый, барысы 84 не генә салырга итә, ди.

Харкевичның сүзенә караганда, хөкүмәт банкасының эше кай тараф илә барганы бик ачык аңлашыла: хөкүмәт элеваторлар салырга урын сайлауда һич тә земство һәм авыл җәмгыятьләренең сүзенә карамый, кайда тели, шунда сала. Земство тарафыннан бер-ике мәртәбә Сулия станциясендә элеватор салынуының киреклеге банкага күрсәтелсә дә, банк һич тә анда салырга теләми.

Мәскәүдәге авыл хуҗалыгы җәмгыятенең Уфа төбәге күптән бирле Бәләбәй-Аксаково дигән станциядә элеватор салынуын телән йери иде. Ләкин никтер хөкүмәт банкасы элеваторны тимер юл янына салмыйча, тимер юлдан читтә утырган Бәләбәйгә салмакчы була.

Губернский земство элеваторларда ашлык киптерер өчен урыннар ясалуын теләп банкага гариза бирсә дә, никтер банк бу гаризага каршы җавап бирмәде.

Харкевичтан башка сөйләгән хатипларның барысы да шул ук мәфһүмдә* сөйләделәр. Тик Каргалы авылының вак бурыч җәмгыятеннән килгән Терегулов фамилияле бер мөселман гына чыгып эшне боза язып куйды. Бөтен земство һәм берегеп эшләү җәмгыятьләренең вәкилләре хөкүмәтнең эше тиешле нәтиҗәләрне бирә алмас дип торганда, Терегулов әфәнде хөкүмәт банкасы элеваторлар салганда халыкның сүзенә дикъкать итә дигән кебегрәк сөйләде. Әлбәттә, бу сүзләр бик урынсыз, бик килешсез чыкты. (Морза абзыйның ничек тә куштанлык күрсәтәсе килде ахрысы).

Мозакәрәләрдән соң Харкевичның үтенүе буенча съезд түбәндәге карарларга килде:

1. Элеватор тимер юл станцияләрендә яисә пароход пристаньнәрендә салынсын.

2. Элеваторлар салырга урын сайлаганда хөкүмәт банкасы халык җәмгыятьләренең сүзенә зур игътибар бирсен.

3. Арбитражный комиссияләрдә (ашлыкны нинди бәһә илә алырга яраганлыгын тәгаен итүче комиссия) куелган мәэмүрләр** халык җәмгыятьләре тарафыннан сайланып куелган вәкилләрдән кимрәк булсын.

4. Элеваторларга бигрәк тә халык игене яисә берегеп эшләү җәмгыятьләренең ашлыклары алынсын, сатар өчен җыючы байларныкы алынмасын.

5. Элеваторның янында ашлык киптергечләре дә булсын.

---

* Мәфһүм - мәгънә, эчтәлек.

** Мәэмүр - бирәр эшне үтәүче кеше, чиновник.

12 июнь. Иртәнге мәҗлес. Тулаиков доклады.

Докладчы Самара губернасы ягъмурлар* юклыгы җәһәтеннән иген игәр өчен бик начар бер як булса да, төрле тәҗрибәләр ясаганның соңында шундый коры якта да ашлыкларның яхшы үскәнлекләрен белергә мөмкинчелекне сөйли. Һәр җирдә дә ашлык чәчәргә мөмкин, ләкин ничек чәчәргә, кайвакыт чәчәргә һәм ни нәрсә чәчәргә, шуны белергә кирәк, ди.

Тулаиков тәкъдим иткән иген игү ысуллары бик күп булдыктан без аларның барын да яза алмыйбыз. Тик кайсы мөһимрәкләрен әйтеп китүне лазыйм күрәмез.

1. Җир төрле урында төрлечә була. Шуның өчен дә бер урында борай, икенче урында тары, өченче урында арыш, дүртенче урында тагы да дүртенче төрле бераз ашлык яхшы уңа. Ашлык чәчүчеләр бу җәһәттән үзләреннең җирләрен бик яхшы белергә тиешләр.

2. Орлыкның эре һәм чүпсез булуы өстенә шуны да игътибарга алырга кирәк: күп тәҗрибәләр ясаганның соңында агрономнар хәзерендә һәрбер ашлыкны ике төрле орлыклы ясыйлар. Бер төрлесе иртә җитә торган орлык, икенче төрлесе - соң җитә торган. Янгырсызлыктан курыккан кеше ашлык чәчкән җирләренең яртысына иртә җитә торган орлык, яртысына соң җитә торганны чәчсен.

3. Җирнең дымы (влага) озакка барсын өчен аны көздән сөреп куярга кирәк. Уҗымга сөргәндә тәүге "пар"ны каты ашлыкларны җыеп беткәч тә сөрергә кирәк.

Шул ысуллар илә чәчкәндә хәзерендә Самара губернасында, гәрчә ул губернабызның Уфа губернасына караганда җиренең һәм һавасының корылыгы җәһәтеннән бик күп артта торса да, дисәтинәсенә 150-200 пот ашлык алалар.

Тулаиковның докладыннан соң иртән тагы да өч доклад укылды:

1. Орловның "Уфа губернасында авылларда берегеп эшләү җәмгыятьләре"
2. Шимановскийның "Кечкенә авыл хуҗалыгы җәмгыятьләре, аларны юлга салу, аларның максатлары һәм өсләренә йөкләнгән эшләре".
3. Юловның "Берегеп эшләү һәм кечкенә авыл хуҗалыгы җәмгыятьләре"

Бу өч доклад хакында мозакәрәләр 13 июньдә булды.

---

12 июнь. Кичке җыелыш.

Кич җыелыш ике урында булды. Берсе йорт хайваннарын асрау хакында, икенчесе жир эшләү ысуллары хакында (губернский управада).

---

* Ягъмур - янгыр.

Хайван асрау хакында өч доклад укылды. Өчесе дә йорт хайваннарының нәселләрен яхшырту хакында иде. Аерма шунда гына булды. Иванов фамилияле докладчы безнең мондагы йорт хайваннарының нәселләрен яхшыртыр өчен үгез һәм айгырларны чит мәмләкәттән китертүне лазыйм күрә. Малавин һәм Ляхов исә үзебезнең Россиядәге үгез һәм айгырларны яхшы табалар. Бу хактагы мозакәрәдә барысы 20 ләп хатип сөйләде.

---

13 июнь. Иртәнге җыелыш.

Иртәнге җыелышта Саламатов фамилияле бер агентның "Авыл кешеләре, берегеп эшләү һәм земство" дигән доклады укылды. Аның доклады шунардан гыйбарәт.

Кай урыннарда авыл халкының көн итеше алга барган кебек күренә, кай урыннарда артка барганлыгы сизелә. Урта чама белән исәпләп караганда исә авыл халкының көн итү эшенең алга китүе халык үрчүе артыннан җитә алмый. Халкының үрчүе авыл халкының көн итеше аруланудан ел саен арта бара. Моның сәбәбе авыл халкының җире азлыгы. Әлбәттә, җире җитәрлек кәсепләр дә бар. Ләкин шулай да жирсезләр яисә жирләре азлары күбрәк. Жирсезләрнең саны ел саен арта бара... Халыкның көн итешен яхшыртыр өчен аларның барын да жирле ясарга кирәк. Бу эш, ягъни фәкыйрьләрне жирле ясау, земствога һәм авылдагы берегеп эшләү жәмгыятьләренә йөкләнергә тиеш. Земство илә берегеп эшләү жәмгыятьләре бергә катышып, шул максатны вөжүдкә чыгару юлында эшләргә тиешләр.

Кимчевскийның фикеренчә, жирсезләрне жирле ясау өчен казнадан бурычка вак бурыч жәмгыятьләренә түләү мөддәтен озакка сузу белән алдан акча биреп, алар аркылы халыкка бик аз процент илә 30-40 елларга бирергә кирәк. Хәзердәге 9 айга гына бирелгән акча халыкка һич тә рәтле файда китерми, ди.

Шубин исә һаман да земствога һәм агрономнарга бәйләнә... Земство бернәрсә бу елда эшләмәле һәм эшләми, агрономнар исә халыкка якын килә белмиләр, ди.

Шимановский да хәзерге земствоны алпавытлар земствосы дип таба. Без мондый земстводан бернәрсә дә көтәргә тиеш түгел, ди. Ул әйтә: халык үзенең матди һәм сәяси хәлен яхшылатыр өчен үзе тырышырга кирәк, земстводан да, Государственный думадан да бернәрсә дә чыгар дип көтәргә ярамый, ди.

Бу сүзләрдән соң мәжлестә булган полиция мәэмуре урынныннан торып рәис әфәндедән хатипны туктатуны үтенә... Рәис Шимановскийны туктата.

13 ендә кечкенә мәжлестә авыл халкының мал асрауларын яхшылату хакында өч доклад укылды. Бу докладның өчесе дә бер мәсьәләне тасвир кылдылар, гәрчә губернский управа Уфа губернасындагы аяклы малның нәселен яхшырту юлында үгез һәм айгырларны чит мәмләкәтләрдән китерсә дә, бу юл ялгыш юл. Нәселгә үз мәмләкәтемездән алынырга тиеш,

чөнки Русиядә булган күп нәселләр читтәгегә караганда яхшырак һәм чыдамлырак.

Съездның докладлары татарчага тәрҗемә кылынырмы дип авыл хужалыгы съездының председателе илә сөйләштем. Ул: съезд ясауга бик күп акча тотылу илә хәзерендә кулда бик аз калганлыктан, съезднын докладлары татарчага бөтен көенчә бәлки тәрҗемә кылынмастыр, диде.

Мирсәет Солтангалиев.

. - 1914.-15 июнь. -№ 76; -19 июнь. -№77;-22 июнь. -№78.

Кемгә үпкәләргә?

"Тормыш"ның үткән бер номерында (23 май, № 67) мин Стәрлетамак земствосының авылларындагы учительләргә, вак бурыч җәмгыятьләренә вә башка ил хадимнәренә халык йортлары хакында хитабнамәләр таратып, халыкның ул эшкә карашын белергә үтенгәнлеген язган идем.*

Бу көннәрдә Стәрлетамак земствосына барырга йомышым төшеп, мәктәптән тыш уку эшен карый торган шөгьбәгә** кереп, халык йортлары хакындагы хитабнамәгә каршы мөселман авылларыннан нинди жаваплар килгәнлеген белдем.

Белмим, никтер мөселман авылларындагы ил хадимнәренең бу эшкә тиешлесенчә карамауларыннанмы, юкса халкымызга андый йортларның кирәклеген аңлаткан кешеләр булып та, халык үзе аңларга тырышмаганнанмы, - моңар чикле Стәрлетамак земствосына тик ялгыз Табылды дигән мөселман авылыннан гына гариза килгән. Ул гаризада да тик школага һәм халык йортына бер дисәтинә жир бирәмез..., диеп кенә язылган.

Безнең мөселманнар шулай тик ятсалар да, рус авыллары тик ятмый, алар ничек булса да бу турыда да мөмкин кадәре файдаланып калырга тырышалар. Стәрлетамак өязендә мәктәптән тыш уку эшен караучы Прозоров әфәнде рус авылларыннан килгән гаризаларны алып курсәтте. Боларның һәрбере диярлек йорт салырга бушлай урын бирүдән башка, йорт салу расходларының бераз өлешен үз өсләренә күтәрәчәкләрен белдерәләр. Хәзер әле 6 авылдан килгән бу гаризаларның күбесе вак бурыч жәмгыятьләреннән. Күрәсең, рус авылларындагы вак бурыч урыннары эшнең файдалы икәнлеген аңлап житкәннәр. Бу ел халык йорты салыначак Табын (Табынск) дигән авылның вак бурыч жәмгыяте халык йорты салырга авылның урта бер жиреннән 900 сумга йорт урыны алырга карар биргән һәм аның өстенә 1000 сумнан артык акча бәрабәренә халык йорты салганда кирәк булачак нәрсә бирмәкче була.

Ирдә дигән авылдан алынган хәбәргә күрә, ул авылның халыклары 1600 мәрәббәгъ*** сажень жир бирүдән башка, үзләренең урманыннан йортка кирәк агач та бирмәкчеләр. Әлбәттә, земство буны бик кабул итәчәк.

Боголюбовка авылыннан вак бурыч ширкәте халык йорты салу расходының 5000 сумын үзенең өстенә күтәрергә разый була. Нарзовка дигән рус авылының вак бурыч жәмгыяте исә 7000 сум бирергә уйлый.

Татьяновка вак бурыч жәмгыяте үткән елның февраль аенда ук авылда халык йорты ачуга карар биргән икән һәм шул карарны вөҗудкә чыгару максаты илә жәмгыятьнең һәрбер членнарыннан йорт салу файдасына дип бераз акча алып кала барганнар. Бу көнгә чикле җыелган акчалары хәзердә 1000 сумга тулган. Хәзер болар Стәрлетамак земствосына мөрәҗәгать итеп, халык йорты салуда ярдәмләшүне үтенәләр һәм йорт салу расходының ярты өлешен үзләренең өсләренә алачакларын белдерәләр.

---

* Бу китапның 73 битләрен кара.

** Шөгьбә - бүлек.

*** Мәрәббәгъ - квадрат.

Ново-Федоровка дигән авылдан алынган хәбәргә күрә, андагы руслар халык йорты салырга җыю максаты илә авылларында булган дүрт пивоханәнең һәрбереннән елына 300 сум ясак алырга карар биргәннәр. Пивоханә тотучылар өчәр йөз сумны түләргә разый булганнар.

Рус авыллары шулай кызу эшләп яткан чакта, безнең мөселманнарның гыйлемгә русларга караганда күп артык мохтаҗ булып та тик ятулары күңелне бик борчыта.

Дөрес, хәзер мөселман авылларының бу эшкә ничек карауларын белеп булмый, чөнки күп авылларда земство тарафыннан хитабнамәләр илә жибәрелгән әфәнделәр халыкка һичбер нәрсә сөйләмәгәннәр, һични аңлатмаганнар, икенчедән, халыкка сөйләнгән авылларда халык "зур" жыен ясалып, шунда иркенләп сөйләшүне көтә. Ләкин шулай булганда да эшнең башы аның ахыры ничек булуын да бик ачык күрсәтә.

Боларның бары да хәтеремә килгәчтән, мин Прозоров әфәндедән:

- Әгәр дә рус авыллары халык йорты салынуга йорт урыны бирүдән башка акча биреп тә, мөселман авыллары йорт урыны гына бирсәләр, ул вакыт халык йортлары мөселман авылларында ачылырмы? - дип сорадым.

Монар каршы ул шу [текстта шулай. - Төзүчеләр.]илә жавап бирде:

- Әгәр дә мөселман авыллары халык йортлары ачтырту юлында йорт урыны бирү илә генә туктасалар, без хәзергә халык йортларын мөселман авылларында ача алмамыз, чөнки мөселманнарның ул эшкә үзләренең кесәләреннән бер тиен дә акча бирмәүләре халык йортларын ачылуны теләмәүләреннән килә дип аңлата. Без халык йортларын гыйлемгә сусаган авылларда гына ачамыз. Мөселманнар гыйлемгә сусаганнар икән, ул вакыт земство ярдәменә генә карап тормаслар, руслар кебек үк үзләреннән дә акча кушсыннар...

Мин моңар гажәпләнгән кебегрәк:

- Мөселманнар халык йортларын салдыртуда йорт урыны гына бирсәләр дә, сездән йортлар ачтыртырга хаклары бар, чөнки сез әйткәнчә, мөселманнар андый йортларның кирәклеген аңлап житәлмәгән булсалар, аларның шуны да анламаулары русларга караганда да гыйлемгә сусаганлыкларын аңлата. Икенче яктан караганда да мөселманнар ничә еллардан бирле Стәрлетамак өязендә булган рус вә башка милләт кешеләре илә бәрабәр земский налог (ясак) түләп килсәләр дә, моңа кадәр земстволың мөселманнарга тиген ярдәме дингездән бер тамчы шикелле генә. Моңар мөселман авылларында школларның аз һәм начар булып та, рус авылларының һәрберендә диярлек әллә ничә меннәргә төшереп салынган школларның барлыгы бик зур бер дәлил булып килсә кирәк... дидем.

Ул моңар каршы:

- Сез бик дөрес әйтәсез... Ләкин без иң әүвәл мин ярдәмгә мохтаж, миңа ярдәм итегез, диючеләргә ярдәм бирәмез... Берәүләр шулай кычкырып ярдәм сорап торганда, ярдәм кирәклеге турысында тавыш та чыгармый тик яткан мөселманнарга ярдәм итүе гакылга да сыеп бетми шул: үзеңез белөсез, еламаган балага имчәк бирмиләр, дип жавап бирде...

Күрәсең, мөселманнар үзләрен үзләре кайгыртырга тиешләр, юкса безнең тугрымызда кайгыручылар күп түгел...

Мирсәет Солтангалиев.

Тормыш. -1914. -2 июль. - № 82.

1916 г.

- **Такса**
- **К призыву инородцев на оборонительные работы**
- **Белый городок. К сегодняшнему открытию высшего начального училища**
- **Об учебнике для русско-татарских начальных школ**

Такса

Все в семье знали, что Иван Иванович, - так звали главу семейства, - купит новые ботинки только тогда, когда опубликована будет в городе "министерская" такса на обувь...

И как только расклеены были листки о "таксе", Маша и Миша - дети Ивана Ивановича - прибежали к нему в комнату...

- Иван Иванович только что встал с постели и собирался натянуть на ноги свои дырявые штиблеты (в ожидании "министерской" таксы он не отдавал их в починку).

- Папа, папа ! Таксу вывесили !.. Таксу ! - загалдели ребята, шумно ворвавшись в комнату.

Иван Иванович сразу догадался, в чем дело, но только не решался еще поверить шалунам: по неоднократному опыту он знал уже, что доверять, особенно в нынешнее время, нельзя и детям...

- А не врете ? - внушительно спросил он, глядя в упор им в глаза. - Смотрите, а то вздую...

- Нет, нет, папа !.. Ей-Богу, нет... Вот иди, посмотри сам...

Голоса детей звучали правдиво, и Ивану Ивановичу ничего не оставалось делать, как поверить им.

Он быстро выпил приготовленный ему стакан чаю и, торопливо одевшись, отправился на службу. По пути он завернул в ближайший переулок, где, по словам детей, наклеена "такса".

Еще не доходя до угла переулка, Иван Иванович увидел, что там толпится кучка прохожих и что-то читает на стене. А когда он подошел ближе, все сомнения у него исчезли: действительно, такса на обувь была, наконец, расклеена.

Иван Иванович протискался сквозь толпу и не без удовольствия прочитал, что ботинки, какие он хотел купить себе, будут стоить теперь всего 21 рубль... С таким же чувством удовлетворенности констатировал он, что и детская обувь обойдется ему теперь гораздо дешевле, чем "без таксы".

И, радостный, он побежал на службу...

- Я вам покажу теперь, - думал он вслух по адресу торговцев, предвкушая удовольствие при мысли о том, как будет морщиться и кривить губы торговец, когда он явится к нему и, забрав ботинки, заплатит по "таксе"...

Явившись на службу, Иван Иванович сообщил радостную весть о таксе своим сослуживцам. Последние тоже все единогласно решили, что торговцам следует "показать"...

Иван Иванович решил идти после обеда в обувной магазин со всей семьей.

Об этом он, придя со службы, сообщил жене и детям, а сам пошел в свою комнату за деньгами... Деньги эти уже давно лежали в ящике стола, с минуты на минуту ожидая решения своей участи. При небольшом бюджете Ивана Ивановича они составляли довольно крупную сумму.

Перебирая сейчас в руках засаленные трехрублевки и рублевки, Иван Иванович радовался, но вместе с тем и удивлялся тому, что у него хватило

силы воли столько времени хранить их у себя: ведь очень легко можно было протереть им глаза в каком-нибудь местном "вертепе".

В пять часов вечера семейство вышло из дома и в полном составе торжественно направилось на главную улицу города в обувные магазины...

И тут только Иван Иванович заметил, что многие магазины обуви совсем закрыты и вместо прежних красивых вывесок над ними висят бумажные плакаты, на которых крупными синими буквами написано: "С такого-то числа торговля ликвидирована..."

Несколько странным казалось и то, что в витринах у окон многих "открытых" магазинов вместо красовавшихся недавно ботинок и полуботинок всех видов и форм выставлены были лишь несколько пар дамских туфель и старомодных ботинок с длинными и узкими носками...

Иван Иванович направился в самый лучший магазин.

Покупателей было много, и Ивану Ивановичу едва удалось "поймать" приказчика.

Постепенно, одна пара за другою, были выбраны ботинки самому Ивану Ивановичу, его жене и четверым детям. О цене Иван Иванович не спрашивал; он знал только одно - таксу и высчитывал в уме, сколько придется заплатить. Он очень хорошо запомнил, какой товар сколько стоит. Выходило, что у него даже останется лишних девять рублей. Приказчик завернул все купленное, написал чек и стал подводить итог на счетах...

Мужские ботинки - 35 рублей, женские - 27, четыре пары детских по 25 - 100 рублей, итого 162 рубля...

Иван Иванович вытаращил глаза.

- Подожди, милейший! Что ты делаешь?.. Да ты не так кладешь... Клади: мои - 21, женины 17, детские по 15 - 60, итого 98 рублей.

Приказчик в ответ только улыбнулся.

- Вы, по-видимому, хотите, чтобы мы по таксе продали? - спросил он.

- Ну да, разумеется...

- Ну, так у нас еще таксы нет...

Иван Иванович остолбенел...

- Как нет?.. Что ты ерунду плетешь?..

И начал горячиться, доказывая, что приказчик не прав, что такса уже действует, что они не вправе нарушать министерское распоряжение и т.д.

Подошел хозяин магазина.

- Вы что это, милостивый государь, делаете? - накинулся на него Иван Иванович. - Хотите, чтобы вас в тюрьму засадили?..

Хозяин ехидно улыбнулся, ткнув под самый нос Ивана Ивановича "министерскую таксу", внушительно сказал:

- Нет, господин, мы торгуем вполне законно... Ежели же сумлеваетесь, прочитайте, пожалуйста, пятый пункт министерского постановления...

Иван Иванович взял "таксу" и тут только заметил, что в пункте пятом примечания было написано: "Вышеприведенные цены не распространяются на покупки, совершенные ранее опубликования настоящей таксы в местных "Губернских ведомостях".

- Что же, вы хотите сказать, что у вас товар закуплен до опубликования и вы имеете право продавать его по какой угодно цене? - спросил он упавшим голосом.

. - Ну да... Совершенно правильно... И не мы одни это делаем, а все. Зайдите, вон, спросите... Вот, после 15-го августа, к началу сентября, будет получен новый товар, тогда можете покупать и по таксе...

Иван Иванович уныло опустил голову.

- Только я вам советую, - продолжал торговец, - купить сейчас. Оно, конечно, дорого, но зато товар хороший, настоящий... А то после и товар будет хуже, да и такса все равно изменится, дороже будет...

- Как изменится?..

- Да так... Мы это уже знаем...

Между тем другие покупали обувь, не считаясь с тем, что с них брали чуть ли не в два раза выше "таксы".

- Заберут всю обувь... Не оставят, - промелькнула в голове Ивана Ивановича мысль...

В отчаянии он бросился к прилавку за свертком с выбранными ботинками и протянул руку, чтобы взять его.

Но приказчик предупредил его и из-под самого носа Ивана Ивановича унес сверток с ботинками в дальний угол магазина.

Иван Иванович даже побледнел от волнения. И вдруг, взглянув на растерянную жену и детей, крикнул им что было мочи:

- Пошли вон!..

В первую же ночь Иван Иванович оставил все свои деньги где-то на Молоканской улице в вертепе.

Кульку-Баш Султан-Заде.

Кавказская копейка. - 1916. - 22 июля. - № 199.

К призыву инородцев на оборонительные работы

В одном из последних номеров газета "Сүз" ("Слово") останавливается на вопросе о мобилизации призываемых к оборонительным работам мусульман степных губерний, Туркестана и Кавказа.

Газета думает, что провести мобилизацию мусульманского населения только силами местной администрации, без участия в этом деле мусульманских общественных организаций в лице мусульманской фракции Государственной Думы и Центрального мусульманского комитета по оказанию помощи пострадавшим от войны, будет очень трудно.

Аргументируя свою мысль, газета указывает на некультурность мусульман в общем и в особенности мусульман степных губерний (киргиз) и Туркестана и на их неподготовленность к отправлению воинской повинности. Значение же последнего обстоятельства усугубляется, по мнению газеты, еще и тем, что в указанных районах нет общественных организаций, которые могли бы удовлетворять экономические и другие нужды населения в случае их призыва на войну; чины же местной администрации, в руках которых находится управление этими местностями, слишком не подготовлены к этому и слишком далеки от правильного понимания и правильного разрешения действительных нужд и потребностей населения.

Между тем, по мнению газеты, работа эта ввиду своей сложности и серьезности требует самого внимательного к себе отношения, тем более, что еще не установлены ни форма, в какой должна происходить эта мобилизация, ни ее характер и неизвестно, каким образом и какие именно части будут образовываться из призванных мусульман.

Мусульманские же общественные организации в данном случае оказались бы весьма полезными для русского правительства, так как их знакомство с бытом и нравами мусульман, знакомство с привычками и навыками оказало бы огромную услугу в этом серьезном деле. Организации эти явились бы посредниками между мусульманами и чинами администрации, взаимно непонимающими сейчас друг друга. Инициатива привлечения мусульманских общественных организаций к этому делу, по мнению "Сүз", должна исходить от самих же этих организаций. Они не должны ждать того, пока их пригласят свыше: этого может и не случиться. Газета советует мусульманской фракции созвать по этому поводу совещание из общественных деятелей - мусульман и сообща обсудить там все связанные с мобилизацией вопросы.

Мир-Саид.

Кавказская копейка. - 1916. - 16 июля. - № 194.

Белый городок. К сегодняшнему открытию высшего начального училища

До сего времени ежегодно число оканчивавших низшие начальные школы в Заводском районе (г.Баку) достигало свыше 120 человек обоего пола, из коих только немногим удавалось поступать в высшие городские училища; большая же часть оставалась, так сказать, за бортом школы, не имея возможности продолжать учение, за отсутствием в Заводском районе высшего начального училища. Мальчики, по достижении известного возраста, требуемого правилами фабричной инспекции, вынуждены были поступать на заводы и др. места; а девочки, очень немногие, определялись в школы кройки и шитья, а больше оставались дома. Городские высшие начальные училища явно уклонялись от приема детей из Заводского района, указывая на то, что-де, о вас должен заботиться совет съезда бакинских нефтепромышленников. "Мы же, - говорили они, - принимаем прежде всего своих - горожан". В прошлом году несколько служащих на заводах Белого городка, а именно - гг. Рубцов, Борисов и др., отправились лично к председателю совета съезда нефтепромышленников г. Гукасову и, объяснив ему печальное положение оканчивающих низшие начальные школы в Заводском районе, просили его открыть на средства съезда бакинских нефтепромышленников высшее начальное училище. К сожалению, г. Гукасов категорически отказал в этой просьбе, заявив, что на это дело потребовалось бы слишком много средств, так как пришлось бы открыть такие же училища не только в Заводском, но и в промысловых районах, и что съезд нефтепромышленников и без того затрачивает крупные средства на содержание школ и т.д.

Как это ни странно, такой ответ получили представители заводского рабочего люда от председателя съезда бакинских нефтепромышленников, располагающего многомиллионным бюджетом...

После столь неожиданного отпора со стороны представителя нефтепромышленников представители заводского рабочего люда стали усиленно пропагандировать среди самих рабочих и служащих мысль о необходимости дальнейшего образования их детей, и через короткое сравнительно время составился кружок из нескольких лиц, в состав которого вошли популярные деятели в Заводском районе гг. Эминов, Давыдов, Пуревич, Качань и др., при непосредственном и ближайшем участии г. Фролова, и в результате организовалось заводское просветительное общество, которое ближайшей своей целью поставило открытие высшего и низшего училища для детей обоего пола, на что скоро было получено разрешение надлежащей власти. В низшее начальное училище, которое будет помещаться в школе завода Каспийско-Черноморского общества, будут приниматься дети служащих и рабочих фирм, не участвующих в организации совета съезда нефтепромышленников, а в высшее начальное училище - дети без различия национальности, окончившие начальные училища. Курс

4-летний, по окончании которого ученики могут переходить в соответствующий класс мужских гимназий, а ученицы - в 5-й класс женских гимназий. Плата 25 руб. в год.

Ввиду того, что правление не имело возможности за такое короткое время подыскать подходящее помещение теперь же, решено пока занятия производить в школе Шибаева, в послеобеденные часы. Немедленно за высшей школой открывается и начальная, в которую подано около 50 прошений, и здесь занятия также будут происходить (в школе Каспийско-Черноморского общества) в послеобеденные часы.

В высшем начальном училище открываются два отделения первого класса. Прошений подано 102, в том числе 12 от живущих в городе, но принято 90 детей.

Сегодня, в 12 часов дня, в помещении школы Шибаева будет совершено молебствие и последует открытие высшей начальной школы.

Предполагается также открыть два детских сада по образцу тифлисского, один - на заводе "Электрическая сила", а другой - на станции Восточного общества.

Средства на открытие высшего начального училища составляются из членских взносов и добровольных пожертвований. Первый почин щедрого пожертвования в 3000 рублей сделал всегда отзывчивый в делах благотворительности К.В.Быховский.

Просветительное общество надеется, что и другие фирмы Белого и Черного городков последуют примеру г. Быховского и своими пожертвованиями, единовременными или ежегодными, поддержат существование вновь народившегося высшего начального училища для детей рабочих, тяжелым трудом, потом и кровью коих фирмы составили себе богатства.

Остальное население правление общества приглашает записываться членами. Незначительный взнос (1 рубль в год) не обременит никого...

Он.

Баку. - 1916. - 14 сентября. - № 202.

Об учебнике для русско-татарских начальных школ

На днях нами приводилось сообщение о том, что в собрании учителей и учительниц городских русско-татарских училищ решено составить специальный учебник по русскому языку для русско-татарских начальных школ. Приводилось также сообщение о постановлении собрания образовать с этой целью особую комиссию из учителей-мусульман.

Вопрос о специальном учебнике по русскому языку для русско-татарских начальных школ не новый. Так, еще в прошлом году он был возбужден на областном совещании педагогов-мусульман, созванном уфимским губернским земством в г.Уфе для выбора учебников для русско-татарских и русско-башкирских начальных школ. И на этом совещании единогласно было признано, что существующие учебники по русскому языку, по которым ведутся в настоящее время занятия в русско-мусульманских начальных школах, не отвечают ни по своему содержанию, ни по методу изложения в них материала тем специфическим методологическим требованиям, какие обычно предъявляются к такого рода учебникам. И тогда же было постановлено обратиться к уфимскому губернскому земству, как инициатору совещания, с просьбой взять на себя составление и издание удовлетворительного учебника. В настоящее время, насколько нам известно, уфимское губернское земство занято практическим осуществлением этого дела.

Но для тюрко-татар Кавказа вопрос этот является новым, так как, если бы даже и был составлен специальный учебник для мусульман центральной России и Поволжья, то он по своему содержанию окажется неподходящим для русско-татарской начальной школы на Кавказе.

Мы хотим указать здесь на одно обстоятельство, которое может быть ложно понято некоторой частью кавказского населения и растолковано не в пользу мусульман. Мы говорим о справедливости желания учителей-мусульман иметь специальный русско-татарский учебник для школ и находим, что это желание диктуется не только национальными тенденциями, но и интересами общегосударственными. Бесспорно, что для самого государства выгодно, чтобы кавказские мусульмане, в частности, кавказские тюрко-татары, знали русский язык.

Государство не только вправе, но и обязано требовать от них знания русского языка. С другой стороны, и мусульмане вправе требовать от тех, кто обучает их детей общегосударственному языку, чтобы детям были даны такие учебники, по которым действительно можно выучиться.

Если мы возьмем те учебники, по которым ведутся сейчас занятия в русско-татарских начальных школах, то увидим, что ни один из них не подходит для этих школ. Одни из этих учебников составлены для детей определенной национальности, как, например, учебник Корханиди, Троппа и др. с совершенно чуждым для детей мусульман содержанием; другие же, как, например, учебники Дависа, Вольпера и Михеева, составлены просто для детей, "не умеющих говорить на русском языке" или же "для детей инородцев". И материал в этих учебниках приспособлен не к живым лицам, а к каким-то отвлеченным собирательным единицам. В этих учебниках изо-

бражается только русская жизнь. Действующими лицами отдельных статеек и рассказов всегда являются "Маши", "Миши", "Иваны", "Марии" и "Степаны", т.е. русские мальчики, русские девочки и русские мужики и бабы. Все явления внешнего мира изображаются в условиях чисто русской национальной действительности. И нет в них решительно ничего "инородческого". Да, в сущности, специально "инородческой" жизни и не существует, так как и русский, и поляк, и еврей, и татарин, и армянин есть прежде всего человек, и только некоторые особенности быта и религии налагают на людей разных национальностей свои отличительные черты. Но отсюда вовсе, конечно, не следует, что можно игнорировать эти бытовые и религиозные особенности. Когда дети учатся по чуждым их жизни учебникам, они принуждены бывают отрываться мысленно от настоящей их действительности, от всего того, к чему они привыкли и переноситься в совершенно чуждый для них мир вещей и представлений. Они должны жить поэтому какою-то двойственной жизнью: дома, на улице, в жизни - в условиях своего национального быта, вместе с Мамедами, Алекперами и т.д., и в школе - с Иванами или Мариями, которых они, может быть, ни разу в глаза не видели. Особенно тягостным должно быть в этом отношении положение деревенских детей, никогда не видавших ничего русского.

Вполне понятно поэтому, что русская школа не интересует мусульманских детей, скоро им надоедает, и они учатся лишь по принуждению, привыкая мыслить о ней, как о чем-то ненужном для них, оторванном от их настоящей жизни. Иначе говоря, из-за преподавания в этих школах по таким учебникам русская начальная школа создает лишь отрицательное отношение к себе мусульман, т.е. совершает преступление и по отношению к государству, и по отношению к самим мусульманам.

Между тем, всего этого давно можно было избежать тем самым путем, по которому хотят сейчас пойти учителя-мусульмане, наметившие создание специального учебника по русскому языку для русско-татарских школ Кавказа, учебника, основной материал для которого должен быть взят из жизни самих кавказских татар и который должен быть изложен сообразно с особенностями татарского языка.

Но, говоря о необходимости составления такого учебника, мы вовсе не настаиваем на том, чтобы материалами учебника служили только явления из жизни одних татар и чтобы изображению жизни других "чуждых" татарам народов не было в них места. Напротив, мы находим, что ознакомление детей мусульман с другими народностями необходимо, но только говорим, что доминирующее значение при этом должно отводиться родному быту и родной действительности.

Что же касается самого способа составления такого учебника, то поручение этого дела комиссии едва ли, по нашему мнению, правильно. Нам кажется, что комиссия должна наметить только общие требования, которые должны соответствовать учебнику. Составить же учебник могут и другие. Всего проще было бы взяться за это дело училищному отделению городской управы, которое могло бы объявить конкурс на составление премированного учебника. Это, по нашему мнению, самый лучший способ разрешения данного вопроса.

Мир-Саид.

Баку. - 1916. - 27 октября. - № 237.

1917 г.

- Информация об объединенном заседании всероссийских мусульманского, мусульманского военного и мусульманского духовенства съездов, состоявшемся в Казани 22 июля 1917 г.
- Клеветникам
- Идарәгә мәктүб

Информация
об объединенном заседании всероссийских мусульманского, мусульманского военного и мусульманского духовенства съездов, состоявшемся в Казани 22 июля 1917 г.

22 июля вечером в Городском театре при многолюдном стечении публики состоялось соединенное заседание происходящих сейчас в Казани мусульманских съездов: Всероссийского мусульманского[1], Всероссийского военного[2] и Всероссийского же съезда мусульманского духовенства[3], устроенное по инициативе Всероссийского мусульманского совета[4]. Съезд открыл член Всероссийского мусульманского совета и член президиума Всероссийского мусульманского совета Ф.Каримов. Затем была прочитана муфтием Оренбургского магометанского духовного собрания сура из Корана и собрание приступило к слушанию докладов. Председателем собрания был избран член Государственной думы депутат И.Ахтямов.

Первым выступил С.Максудов. В своем обстоятельном и, как видно, строго продуманном докладе С.Максудов в ярких примерах из истории политических движений Европы и современных течений общественной мысли в России нарисовал картину необходимости установления мусульманами Поволжья, Приуралья и Сибири полной автономии их в культурно-национальных и духовных делах. Оратор неоднократно прерывался шумными аплодисментами.

Затем выступил небезызвестный в мусульманском мире России деятель по народному образованию Г.Терегулов. В сильных и ярких выражениях оратор развил перед аудиторией мысль о необходимости перейти к немедленному осуществлению культурно-национальной автономии мусульман Поволжья и говорил, что только сейчас этого и можно достигнуть.

Доклады вызвали оживленные прения.

Некоторые из представителей окраин настаивали на том, чтобы съезд одновременно вынес аналогичное постановление и по вопросу установления автономии мусульманских окраин.

В заключение съезд при всеобщем энтузиазме и восторге и при шумных аплодисментах выносит следующее постановление:

"Объединенное заседание трех съездов - духовенства, военного и общемусульманского - обсудив вопрос о культурно-национальном самоопределении мусульман внутренней России и Сибири и, принимая во внимание постановления 1-го Всероссийского съезда мусульман, постановило:

1. Немедленно, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, приступить к осуществлению культурно-национального самоопределения мусульман.

2. Выработку подробного проекта об устройстве органов самоопределения возложить на 2-й Всероссийский съезд мусульман, заседающий сейчас в Казани"[5].

По принятии резолюции по установившейся традиции и, по-видимому, ввиду торжественности момента, муфтием прочитывается краткая молитва, после которой весь театр встает на ноги и произносит "Аллах-Экбер".

Затем делается перерыв.

По возобновлении заседания и по открытии занавеса на сцене, где заседает президиум, перед аудиторией развертываются скрещенные вместе большое красное революционное и мусульманское национальное зеленого цвета знамена. Под шум аплодисментов державшие знамена солдаты обходят всю аудиторию. Публика подхватывает солдат и качает их.

Затем выступает с докладом по поводу созыва Государственной думы председатель Всероссийского мусульманского совета Ахмед Цаликов. Оратор цитирует речи некоторых из членов Государственной думы, произнесенные ими на последних заседаниях Думы, и, подробно останавливаясь на истории политических движений за время революции, развертывает мрачную картину того, как постепенно поднимают свои головы контрреволюционные силы в стране. Оратор касается и событий в Петрограде 3-5 июля и видит в них отражение частичной победы контрреволюционеров над революционными силами России. Проявлением контрреволюции считает оратор и выступление Государственной думы.

Нарисовав в ярких выражениях ту картину рабства и унижения, которая постигнет народы России, а в том числе и мусульман, если только победит контрреволюция, оратор призывает мусульман вооружиться всеми силами против проявлений последней и послать телеграммы Временному правительству и Центральному Исполнительному Комитету Советов рабочих и солдатских депутатов с выражением протеста по поводу созыва Государственной думы и Государственного совета.

Собрание единогласно принимает следующую резолюцию:

"Объединенное заседание трех съездов, Всероссийского мусульманского, Всероссийского съезда мулл, Всероссийского съезда воинов-мусульман, принимая во внимание опасность, которая грозит свободной России со стороны деятелей контрреволюции, постановило: призвать многомиллионное мусульманство к самому тесному сплочению с революционной демократией России и выдвинувшими ее к власти органами.

Да станут мусульмане сплоченными рядами на стражу свободы рядка!

В то же время объединенное заседание съездов мусульман считает своим долгом протестовать против попытки воскресить к жизни умершие учреждения: Государственную думу и Государственный совет, которые в условиях современной деятельности явятся, несомненно, оплотом мобилизации всех контрреволюционных сил страны.

Эта попытка, грозящая стране лишить ее добытых свобод, должна быть пресечена всей мощью, какой в настоящее время располагает революционный народ в лице своих верховных органов: Временного правительства и Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Наряду с этим съезд считает своим долгом указать на необходимость самого тесного единения Правительства с центральными национальными организациями народов России. Только такое единение избавит Прави-

тельство от ошибочных шагов в области национальной политики и сплотит все живые силы страны вокруг Великого знамени "Спасения революции".

Затем выступает член Всероссийского центрального мусульманского военного совета У.Токумбетов.

Оратор развивает ту мысль, что стать оплотом свободы в этот момент мусульмане могут лишь тогда, когда у них будет своя организованная военная сила. Только объединенные в одну компактную массу солдаты-мусульмане и смогут сыграть ту или иную роль при столкновении мусульман с контрреволюционными силами. Практическое осуществление этой мысли оратор видит в создании самостоятельных мусульманских полков.

Ту же мысль развивает и председатель Всероссийского центрального мусульманского военного совета И.Алкин. Оратор знакомит собрание с историей возникновения этого вопроса и теми резолюциями, какие вынесены по этому вопросу съездом воинов-мусульман и состоявшимся на днях объединенным заседанием президиумов трех съездов.

Собрание единогласно выносит постановление послать в Петроград делегацию для переговоров с Временным правительством о необходимости немедленного образования отдельных мусульманских полков, и в том же случае, если переговоры не приведут к положительным результатам, то образовать эти полки явочным порядком.

Затем выступает член особого совещания по созыву Учредительного собрания, член Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета Ш.Мухамедьяров по вопросу о необходимости участия в предстоящем в Москве особом совещании по составлению национального Временного правительства. Докладчик указывает, что центральный орган самоуправления мусульман - Всероссийский мусульманский совет стоит на той точке зрения, что в кабинете министров должно быть предоставлено место и мусульманам.

Всероссийским мусульманским советом в этом направлении уже предприняты некоторые шаги, именно во время петроградских событий 3-5 июля, когда Временному правительству угрожал серьезный кризис, Мусульманский совет обратился во Временное правительство с предложением своих услуг. Обращение было сделано к князю Львову, который тогда выразил свое принципиальное согласие.

Решено настаивать на предоставлении мусульманам постов министра общественного призрения и товарищей министров народного просвещения и земледелия. В заключение оратор указывает на необходимость возбуждения перед Временным правительством вопроса о необходимости допущения на чрезвычайное совещание в Москве и представителей мусульман.

Собрание единогласно принимает предложение.

Последними выступают председатель Мусульманского социалистического комитета М.Вахитов и А.Цаликов по поводу социалистической конференции в Стокгольме[6].

Вахитов говорит об истории социалистического движения среди мусульман разных стран и о той роли научного социализма, которую он должен сыграть в будущем этих народов. Своей проникновенностью, ис-

кренностью и внешней и внутренней красотой, и образностью речь Вахитова была исключительна и, можно сказать, даже превосходила речь даже такого маститого оратора, как А.Цаликов. Собрание наградило оратора шумными и долгими аплодисментами[7].

А.Цаликов прочитал перед собранием текст обращения турецких, египетских, индусских и персидских представителей к социалистической конференции в Стокгольме.

Оратор развивал мысль, что мусульмане России должны присоединиться к их голосу и потребовать от Временного правительства решительной внешней политики в деле признания права на национальное самоопределение и за народами Азии. Собрание единогласно выносит следующее постановление:

"Объединенное заседание трех мусульманских съездов, заслушав сообщение о заявлениях делегаций Востока - Египта, Индии, Персии и Турции, обращенных к стокгольмской конференции, постановило довести до сведения Временного правительства о необходимости проведения решительной и последовательной внешней политики в деле признания за народами не только Европы, но и Азии и Африки права на полное национальное самоопределение. Свободная Россия должна быть решительна в этом вопросе."

М. Султан-Галиев.

Казанское слово. - 1917. - 26 июля. - № 80/1153/.

Клеветникам

Все помнят, как перед II Всероссийским мусульманским съездом среди русского населения Казанской и прилегающих к ней губерний кем-то усердно распространялись слухи об образовании поволжскими мусульманами ... Казанского ханства.

Ничего, кроме улыбки, слухи эти у нас, мусульман, разумеется, вызывать не могли. Происхождение таких наивных слухов мы объясняли тогда лишь незнакомством русского общества с общественно-политической и культурно-национальной жизнью мусульман, с их общественно-политическими идеалами и стремлениями.

Мы все помним, что ответил тогда съезд на все эти темные обвинения.

Правда, ответ этот, быть может, и покоробил несколько корнилофильствующих калединцев-кадетов, питавших надежду на пресловутую "лояльность", т.е. контрреволюционность мусульман, но он открыто показал русской демократии истинную политическую физиономию мусульман и тем рассеял всякие их сомнения в этом отношении.

Устами социалиста Ахмед-бека Цаликова Всероссийский мусульманский съезд громогласно заявил сомневающейся русской демократии:

"Если для отстаивания завоеванных революцией свобод потребуется пролитие крови, то, будьте уверены, наши вечно зеленые знамена будут рядом с вашими вечно революционными красными знаменами".

Открыто, твердо и уверенно прозвучал тогда этот возглас старого социалиста-мусульманина. И, мы знаем, тогда же нашел он живой отклик во всех юных сердцах честных бойцов, тогда же стал священным лозунгом мусульманской демократии.

Мы помним также, что ответил тот же мусульманский съезд 23 июля на попытку контрреволюционеров "воскресить" Государственную думу Родзянки и Государственный совет Дурново.

Съезд в категорической форме заявил тогда Временному правительству, что мусульмане в этой попытке усматривают организацию контрреволюции и всячески будут препятствовать ей.

Этот день никогда не забудется в памяти мусульман, так как он был днем объявления ими культурно-национальной автономии мусульман Поволжья и Сибири.

Но русская пресса слишком мало уделила, к сожалению, внимания этому съезду, и большинство русской демократии так и осталось в неведении относительно истинной политической физиономии мусульман.

Но произошла Октябрьская революция, и опять воскресла вновь, казалось, забытая уже всеми легенда о "Казанском ханстве".

Опять за кулисами политической сцены появились какие-то темные лица и занялись усиленной фабрикацией среди населения слухов о якобы готовящемся провозглашении татарами своего "ханства".

И опять перед запуганным обывателем встает кровавый призрак "татарского нашествия".

Казалось, не должно бы быть сейчас места таким нелепым слухам. Ведь мусульмане достаточно ярко показали, с кем они идут сейчас.

Постановления Всероссийского мусульманского военного шуро[8], Казанского мусульманского военного комитета[9] и Мусульманского социалистического комитета[10] о признании ими необходимости перехода власти в руки Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов еще до осуществления власти Советов, участие их представителей в Казанском Революционном штабе[11] за все время его существования должны бы, кажется, являться самыми вескими аргументами против вздорности всей этой темной клеветы.

Тем не менее слухи идут и изо дня в день усиливаются.

Уж не приняли ли второпях близорукие ревнители реакции за "объявление Татарского ханства" избрание в первые дни переворота секретарем Революционного штаба мусульманина?

Возможно...

Но ведь секретарем-то* был избран чистейший социалист.

Остается сказать одно.

Видно, мало еще врагам революции той крови, которою оросили они поля и нивы России...

Видно, кому-то хочется поссорить русскую демократию с мусульманской...

Видно, кому-то хочется разрушить их единый лагерь и, пользуясь этим, "воскресить" опять романовых, корниловых, калединых и прочих душителей народа и революции.

"Рано радуетесь!" - сказали бы мы этим клеветникам.

"Рано радуетесь!", ибо вы еще не знаете революционного мусульманина."

Он не продает того, кому он обязан своей свободой!..

Не удастся вам натравить русских солдат на солдат-мусульман. Не удастся вам озлобить рабочих мусульман на русский пролетариат. Не удастся восстановить их друг против друга.

Вы сил своих не рассчитали.

Не старайтесь напрасно. Бойтесь народного гнева.

Иначе острие их оружия будет направлено против вас же.

М. Султан-Галиев.

Известия Всероссийского мусульманского военного шуро.-1917.-19 ноября.-№ 1.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.44-47.

* В тексте газеты написано "председателем".

Идарәгә мәктүб

Мөхтәрәм мөхәррир әфәнде! "Кояш"ның 17 декабрьдә [1918] чыккан 1192 нче номерында "Милли хулиганлык" исемендәге баш мәкаләдә миңа зур гаеплә ыргытыла. Имеш мин 13 декабрьдә Казан социалист партияләренең киңәш мәҗлесләрендә[12] Идел буе татарларының Милли мәҗлесенә[13] һөҗүм иткәнмен, имеш мин большевикларны Милли мәҗлесне куарга котыртканмын. Мәкаләдә бөтен татар милләте, бөтен татар солдатларының күзләре минем өстемә юнәлдерелә, мине татар милләте арасыннан алып ташларга кушыла.

Мәкаләнең гыйбараләре әрнүле, ачулы, бөтен вөҗданны сыкрата.

Мин - "милли хулиган", мин - "авантюрист", мин - "рус большевикларының штыкларына аркаланып татарларны һәм эчке Россиядә булган вак милләтләрнең канын эчәргә теләүче", мин - "милләтлар арасында каты суғыш башларга теләүче", мин - "большевикларны милләт өстенә, аның хөрияте өстенә өстерергә теләүче", мин - милләт дошманы, мин - провокатор, мин - тагын да әллә нәрсәләр...

Мәкаләне укып чыккач, минем күңелем әллә нишләде. Әллә нәрсә минем күңелемдә сүнде, әллә нәрсә үлде, бетте. Тавышсыз, тынсыз гына вөҗданымның иң нечкә жиренә китереп суктылар, китереп бәрделәр. Мин аптырап, кайда тотынырга белмәгән кеше кебек күңелемнән артка, узган көнемә әйләнеп карадым.

Кем мин?

Бер татар баласы, күкрәген татар балалары укытып череткән татар учителенең баласы. Бала чагымнан ук мин рус һәм Европаның мәшһүр мөхәррирләренең әсәрләрен укып үстем. Минем күңелемдә кешегә мәхәббәт бик нык урнашкан. Алар мине кечкенәдән үк бөтен галәмне яратырга өйрәткәннәр. Алар минем күңелемдә бөтен инсаниятка сүнмәс мәхәббәт илкыны кабызганнар. Мин яратам кешеләрне барысын да. Минем өчен алар һәммәсе тигез. Юк минем өчен руслар, юк татарлар, юк кытайлар; юк минем өчен французлар, юк. Һәммәсе тигез. Ләкин минем күңелем аларны икегә бүлә, көчлеләргә, көчсезләргә, һәммә нәрсәләре бар, житеш тормыш белән тора торган байларга, бернәрсәләре юк вә бар нәрсәгә мохтаҗ фәкыйрьләргә. Бүлмәс идем. Аермас идем. Нишлим соң? Күңелем бүлә, вөҗданым бүлә. Ул әйтә миңа - фәкыйрьләр, көчсезләр "бәхетсезлектән" фәкыйрь, көчсез түгел, тигезсезлектән фәкыйрь, тигезсезлектән көчсез, ди.

Ләкин шул тигезсезләр арасында ике исем бар. Мин аларга тукталмый үтә алмыйм. Аларның берсе татар, икенчесе мөселман. Болар иң күп изелүчеләр, болар иң күп тапталучылар.

Һичкем, һичнәрсә минем күңелемнән моны тартып алачак түгел. Ни генә булса да, ул бетәчәк түгел. Үзем беткәндә генә үзем белән бергә сүнәчәк.

Менә шул мәхәббәт, шул ярату мине бер жирдән икенче жиргә ташлый, минем хәят юлыма сызык сыза. Ул сызыкка бөтен көченне халкың өчен бир, диеп язылган.

Ләкин мин бер жирдә яшимен. Минем утым төрле жирләрдә, төрле урыннарда чәчелә, вакланып сарыф ителә, шуның өчен дә күренми. Шу-

ның өчен дә мин "мәрхәмәтсез большевик" булгач кына белендем. Ләкин курыкмагыз..., мине белә̆ләр. Мине белә̆ләр миннән авыл мәктәбендә укып кеше булган авыл агайлары. Мине белә̆ләр беренче мәртәбә Уфа губернасында земство тарафыннан ачылган китапханәләрдән минем кулымнан китап алып укучы балалар, картлар, хатыннар. Мине белә̆ләр минем 15 яшьтә шәкерт чагымда Толстойдан татарчалаштырган китапларымны укыган балалар, авыл мужиклары.

Толстойдан алып язылган "Ни чәчсәң, шуны урырсың", "Утны әүвәлендә сүндерү тиеш" дигән китаплар - минем язуларым. Балалар мөхәррире Засодимскийның "Мич алдында" дигән хикәясенең тәрҗемәсе - минем тәрҗемәм[14]. Уфа "Уфимский вестник" газетасының идарәсенә барып, 1911-1914 елларда Россиядә реакциянең иң көчәйгән, мөселманнарның иң изелгән чагында, аларны яклап, шул газетада "Сухой", "Ул", "М.С." һәм "Кармаскалинец" имзалары белән мәселман тормышыннан алынып язылган мәкаләләрне кем язадыр иде, дип сорауучыларга минем исемемне әйтерләр.

"Тормыш"ның беренче елларында чыккан номерларын алып караучылар минем исем белән мөселманнар арасында мәгариф тарату юллары хакында язылган байтак кына мәкаләләр очратырлар. Әгәр дә Стәрлетамак өяз земствосының 1911-1912 еллардагы архивларын актарсалар, минем тарафымнан земское собраниегә мөселман авылларындагы школларны милли мәктәпләргә әйләндерү хакында бик зур әһәмият биреп язылган доклад табарлар. Ул вакытта земстволарның берсендә дә мөселман мәгариф шәгъбәләре* юк иде әле. Ул вакыт миссионер инспекторларның иң көчле, иң куркынычлы заманалары иде. Әгәр дә Оренбург учебный округының инспекторы канцеляриесендә казынсалар, бәлки, минем шул мәсьәләне земствода күтәрүем өчен бөтеләй урынымнан төшерергә тырышылганны күрерләр.

Барыгыз Мәскәүдә "Русский учитель"** исемендә чыккан журнал идарәсенә. 1912 елларда "Халык углы", "Татар мөгаллиме" имзалары белән язылган мәкаләләрне кем язадыр иде, диегез. Сезгә минем исемемне әйтерләр.

Барыгыз 1911-1914 елларда "Мусульманская газета" исемендә Әхмәтбәкләр*** белән бергә кушылып, русча телдә мөселман газетасы чыгарып килгән кавказлы Сәет Габиевкә. Сорагыз аңардан, сезнең газетагызда "Көлке баш" имзасы астында кем хикәяләр һәм шигырьләр язып килә иде, дип. Ул сезгә минем исемемне әйтер. Сез анда минем "Аккурат", "Башкирка", "Сон татарки", "В тумане", "Недопетая песня", "Я - человек", "Обман жизни" дигән һәм башка хикәяләремне һәм вәзенсез**** язылган шигырьләремне табарсыз.

Барыгыз Бакуга, сорагыз анда Мөхәммәд Әмин Рәсүл-задәдән, Кавказда мөселман матбугатын аякка бастырган Сөнгатулла Ибраһимовтан, кем ул 1915 елдан башлап инкыйлабка кадәр "Кавказское слово", "Баку" һәм "Кавказская копейка" газеталарында "Мирсаид", "Кульку Баш" имзалары астында русларга, әрмәннәргә, грузиннарга мөселманнарның моңын

*Шәгъбә - булек.

**Журнал "Народный учитель" дип аталган.

***Әхмәтбәк Цаликов булса кирәк.

****Вәзен - шигырьдә такт, ритм, ижек саны.

моңлап, зарын зарлап килде, диенез. Алар сезгә минем исемемне әйтәчәкләр.

Әгәр дә ул газеталарны актарып карасаңыз, күрерсез, аларның һәрбер номерында диярлек Россия мөселманнарының милли һәм сәяси уйлану дәверләрендә түзә алмый кычкырган сүзләренең һәммәсен табарсыз. Сез анда табарсыз Гаязның* "Сүз"ендәге, "Ил"ендәге сәяси баш мәкаләләрен. Сез анда табарсыз "Вакыт"тан, "Тәрҗеман"нан, "Тормыш"тан, "Йолдыз"дан һәм шул ук "Кояш"тан алып язылган мәкаләләрне. Сез анда, бәлки, үз мәкаләләреңезне дә табарсыз. Сез анда табарсыз ялкынлы М.А.Рәсүл-заденең, Гомәр Фаикъның, Талип-заденең, Гүшәншинның, Касыйм-заденең һәм башка Кавказ мөселман публицистларының ялкынлы фикерләрен.

Әгәр дә мин хәзердә сезнең алдыгызга Русиянең төрле почмакларына таралган 1913-1914 елларда мөселман яшьләренең яшерен түгәрәкләрендә минем белән бергә эшләгән кешеләрне китертә алсам да, мин сезгә алардан үземнең башымны кызганмый Уфа губернасының мөселман авылларында рус хөкүмәтенә каршы язылган прокламацияләр таратып, мөселман школларына рус, керәшен, чуваш учительләре тутырылганда, инспекторларның бу эшләренә халыкка каршы аякка бастырырга котыртып йөргәнлегемне сөйләттерер идем.

Мин март аенда гына** дөньяга чыккан кеше түгелмен. Минем мартка кадәр эшләгән эшләрем дә күп.

Соргагыз Бакуда яшәүче Идел буеннан барган татар эшчеләреннең. Кем аларны оештырды? Кем аларга бөтен Русия мөселманнары арасында шураларның исемнәре дә юк вакытны тырышып-тырмашып шура төзеп йөрде. Алар сезгә минем исемемне әйтерләр.

Бакуга барып минем турымда сүз кузгатсагыз, инкыйлабтан соң Бакуда булган бөтен мөселман тәшкиләтләре тарафыннан "Известия бакинских мусульманских общественных организаций" исемендә русча телдә чыгарыла торган газетаның дөньяга килүендә минем дә иштирәк иткәнемне белерсез.

Минем милли мәсьәләләргә карашымны беләсегез килә икән, мин сезгә шул газетаның 16 майда чыккан номерында милли мөтәнасиб*** сайлау исулының социализм ноктаи назаренннән**** миллият мәсьәләләрен хәл кылыр өчен иң яхшы булган бер юл икәнен күрсәтеп язган "Принцип национально-пропорциональной системы представительства" дигән мәкаләмне укып чыгарга тәүсыя***** итәр идем. Вакытында ул мәкалә Кавказ мөселманнарының үзләренең хокуклары өчен көрәшүдә зур тәэсир итте.

Минем чын милләт углы булган бер кеше икәнемне беләсегез килсә, Әхмәтбәкләрдән, Шакир Мөхәммәдьяровлардан минем Мәркәз милли шурада сәркәтиблек иткән чагымда ничек эшләгәнлегемне соргагыз. Алар сезгә әйтерләр.

---

*Гаяз Исхаки.

**1917 елның Февраль буржуаз-демократик революциясеннән соң мәгънәсендә.

***Мөтәнасиб - пропорциональ.

****Ноктаи назар - караш.

***** Тәүсыя - кинәш биру.

Хәзер килик минем "большевиклар" янына барып эшләвемә. Мин шуны әйтәм. Мин алар янында "тәлинкә ялау өчен" йөрмим. Мине шул күңелемә чыкмаслык булып урнашкан халкыма булган мәхәббәтем уты өстерәп йөртә. Мин анда милләтемне сатар өчен, "канын эчәр" өчен йөрим. Юк! Юк! Мин анда большевикларның эшләре хак ни икәнлекләренә бөтен күңелем белән ышанганга йөрим: мин белəм - бу минем иманым. Шуның өчен моны һичнәрсә белән минем күңелемнән алып ташлап булмый. Мин белəм ки, большевиклар гына инкыйлабның башында вәгъдә кылынган вәгъдәләрнең барысын да вәжүдкә чыгара алалар. Алар гына суғышны туктаттылар. Алар гына милләтләргә үзләренең тормышларын үз кулларына алып бирергә тырышучылар. Алар гына дөнья суғышын кемнәр башлаганын яшерми әйтеп бирделəр. Мин ничек алар янына барырмын? Алар бит бөтен Һиндстанны, Мисырны, Әфганстанны, Иран һəм Гарəбстанны үзенең кулында изеп килгән инглиз империализмына суғыш ачкан кешеләр. Алар бит Фас* , Җəзаир** һəм башка Африкада булган гарəп мəмләкəтләрен коллыкта тотып килүче француз империализмына каршы корал күтәргән кешеләр. Мин ничек алар янына барырмын? Алар бит дөнья яратылганнан бирле Русия хөкүмәтенең тарихында булмаган сүзләрне әйттеләр. Бөтен Русия һəм бөтен Шəрекъ мөселманнарына хитабан, Истанбул мөселман кулында калырга тиеш, дип кычкырдылар. Болар бит моны Инглиз гаскəрләре Каддəс шəрифкə*** барып алып, яһудиләргə жылегыз тизрəк Фəлəстингə! Без Сезгə яһуди мəмләкəтe ясап бирəбез! дип кычкырганда кычкырдылар.

Большевикларның халык дошманы булмыйча, халык дусты булганлыклары хакында мин бик күп нəрсə әйткән булыр идем. Ләкин вакыт һəм урын тарлыктан хəзергə шуның белəн генə кифаяләнергə**** мəҗбүрмен.

Тагы да әйтəм. Мин авантюрист түгел. Мин бер кешенең дə тəлинкəсен ялаучы түгел. Мине Казанга авантюра ясау телəге өстерəп китермəдe. Милләтемə файда итү телəге китерде. Мине монда чакырдылар. Мин земствога кергəндə бер кешегə дə ялынып-ялварып кермəдем. Мин анда чакырылып килдем. Халкымны агартыйм, дип килдем. Агарта алдыммы, эшли алдыммы, берəр нəрсə чыгара алдыммы, анысы икенче мəсьəлə, анысына икенче вакыт жавап булыр. Мин тик шуны гына әйтеп китəм. Миңа земствода әйткесез авыр мөхит эчендə эшлəргə туры килə. Ике фронт белəн суғышып барырга туры килə: земстволың үзе белəн, икенчедəн, "янача укуга" телəмəгəн халкымыз белəн. Земство минем өчен "җылы урын" түгел. Минем анда алган вазыйфам ашарыма, киенеремə дə житми. Хəзерге көндə инде трамвай кондукторлары да миннəн күбрəк алалар. "Җылы урын" эзлəп йөрсəм, мин аена ике йөз илле тəңкəгə көнен-төнен күкрəгемне черетеп өстəл артында утырмаган да булыр идем, башка эш табар идем. "Җылы урыннар" күп жирдə - Бакуда, Петроградта калган булыр идем. Ләкин мин утырам, мин эшлим. Октябрь инкыйлабыннан соң гына минем күңелемдə көрəшү бара. Вəжданым мине большевиклар янына чакыра, мөселман солдатлары, мөселман эшчеләре, мөселман крестьяннары арасына дəшə. Шук ук вəжданым өяздə ачылган

---

* Фас - Марокко.

** Җəзаир - Алжир.

*** Каддəс шəриф - Иерусалим.

**** Кифаяләнергə - канəгатьләнергə.

иңе йөз мәктәпне, аларда булган ике йөз мөгаллимне, үн меңгә якын кечкенә сабыйларны ташлап китмәскә өнди, мине шул ук өстәл артына алып барып утырта.

Тагын бер әйтәм: мин эшче, солдат һәм крестьян вәкилләренең Шурасында "тәлинкә ялар" өчен йөрмим, аңлашмау аркасында татарлар белән урыслар арасында ызгыш-сугыш чыкмасын дип барам. Моны мөселманнарның хәрби тәшкиләтләре яхшы белсәләр кирәк.

95-полкны мөселманнарга алып бирүдә[15] минем ничек тартышканым хакында бу тәшкиләтләр үзләренең сүзләрен әйтерләр, дип уйлыйм.

Хәзер килик асыл мәсьәләгә.

13 декабрьдә булган социалистлар комитетының жыелышында Советның исполнительное бюросыңа мөселманнардан һәм чуашлардан вәкилләр кертү мәсьәләсе каралды. Ул шуның өчен жыелган иде дә. Анда Мөселман социалистлары комитетының вәкиленнән башка чуашларның хәрби һәм социалистлар комитетыннан да вәкилләр бар иде. Минем ниләр сөйләгенемне алар һичвакыт яшермәсләр, дип уйлыйм.

Мин анда Милләт мәҗлесенең буржуазный икәнчелеге турысында берсүз дә әйтмәдем. Милләт мәҗлесенә нинди күз белән карау мәсьәләсе анда кузгалмады да. Казан губернасында власть нинди рәвештә каралырга тиеш икәнлеге мәсьәләсен караганда, үзеннән-үзе Идел буенда яшәүче вак милләтләрне идарә итү эшен үзләренең кулына тапшыру мәсьәләсе калыкты. Мәҗлес бу мәсьәләләрне хәл кылганда Советлар белән милли организацияләр арасында тартышу булмасын өчен Идел буендагы Советларны жыеп, шул мәҗлестә Идел буенда үзенә аерым милләтләр өчен республика кирәклек мәсьәләсе тикшерелеп, ахырдан шул территориядә булган милләтләрнең Учредительное собраниесен жыярга карар бирделәр. Бу карарны чыгарырга сәбәп булган нәрсәнең иң мөһиме мөселманнар белән руслар арасында дошманлык чыкмасын дигән фикер, шундый дошманлыкның башланып китү ихтималы күздә тотылуы иде.

Идел буе туфраклы федерациясенең территориясе мәсьәләсе каралганда мин бу хакта мөселманнарның Милли мәҗлесе чыгарган карарын әйтеп уздым.

Милли мәҗлесне мөселман Учредительное собраниесе дип йөртүемнән миннән Милләт мәҗлесенең ничек төзелүләрен сораучылар булды. Мин, әлбәттә, Милләт мәҗлесенең Русиянең гомуми Учредительное собраниесе тәртибенчә дүрт коерыклы сайлаулар белән сайланмаганын яшерүдә хажәт юк дип беләм. Минем Милләт мәҗлесенә сайланган кешеләрнең катлаулы сайлаулар белән сайланганнарын әйтеп, үзем бер дә мәҗлестә булган вәкилләргә татарларның "карталарын ачып бирү" ниятe белән булмады. Мин мәҗлестә ачык әйттем: Милләт мәҗлесе контрреволюционный булырга охшамый, минем ышанычлы кешедән алган хәбәрләргә күрә, Милләт мәҗлесе әгъзалары Уфага юнәлгән контрреволюционер Дуговтан мөселман казакларын аерып алырга итәләр икән. Бу бик яхшы шаһит дип әйтеп уздым. Бу хәбәрне Милләт мәҗлесе әгъзаларыннан берәве сөйләгән иде.

Тагы әйтәм. Мин ул мәҗлескә татарлар белән большевиклар арасында дошманлык салыр өчен бармадым. Кара көчләрнең тырышулары аркасында кабынырга торган дошманлык утын сүндерергә дип бардым. Анда бөтен көчем белән хәзерге Советның милли мөтәнасиб исулына корылырга тиеш булганлыгын, хәзерге Советны үзгәртүгә чикле

мөселманнардан Советның Исполнительное бюросына мөселманнарның хәрби комитетларыннан һәм социалистлар комитетыннан вәкилләр кертүне якладым. Ләкин, тәәссефкә* каршы, "Знамя революции" газетасында минем сөйләгән сүземне газетаның мөхбире чуалтып бөтенләй икенче төрле иттереп чыгарган[16]. Мин моны "Кояш"та "Милли хулиганлык" мәкаләсен укыгач кына белдем. Газетаның чыккан көнендә үк белгән булсам, әлбәттә, шунда ук рәддия** җавабы язып җибәргән булыр идем.

Сүземнең дөреслеген мәскүр*** киңәш мәжлесендә булган партия лидерларыннан икърар**** иттерәчәкмен.

Ихтирам илә Мирсәет Солтангалиев.

Бәгъдә: "Знамя революции" яки "Кояш"тан күчереп минем хакымда чыккан ялгыш хәбәрне баскан газеталардан минем шушы изахымны***** да басуларын үтенәм.

Солтангалиев.

- № 1193; 21 декабрь.-№ 1194.

---

* Тәәсеф - кызганыч, кайгы, үкенү.

** Рәддия - кире кагу, юкка чыгару, дөрес түгеллеген күрсәтү.

*** Мәскүр - әйтелгән, күрсәтелгән.

**** Икърар - тану.

***** Изах - аңлату, ачыклау.

1918 г.

- Выступление на областном съезде Советов Поволжья и Южного Урала
- Приветствие на IV Казанском губернском съезде крестьянских депутатов
- Тезисы доклада об организации мусульманского отдела Комиссариата просвещения Казанской республики
- Запись сообщения Комиссариату по делам мусульман внутренней России по прямому проводу о событиях, происходивших в Казани в феврале-марте 1918 г.
- Сообщение председателю Комиссариата по делам мусульман внутренней России М.М.Вахитову, копии: Совету Народных Комиссаров, комиссару по национальным делам, - о ликвидации "Забулачной республики" в Казани.
- Сообщение Центральному комиссариату по мусульманским делам, Совету Народных Комиссаров, Комиссариату по делам национальностей, "Известиям" Московского Совета о ликвидации "Забулачной республики" в Казани
- К вопросу Татаро-Башкирской республики
- Наш путь
- Социалисты-мусульмане в дни контрреволюционного заговора
- Митинг рабочих и красноармейцев-мусульман
- Русская революция и Восток (Беседа с профессором Мустафой Субхи-беем)
- Мусульмане, к оружию!
- Я был метеором (Посвящается голубоглазой Рау)
- Мираж жизни
- Жизнь и люди
- Недопетая песня (Памяти Абдуллы Тукаева)
- К вопросу о Татаро-Башкирской Советской Республике
- Скатертью дорога
- Месть араба (Посвящаю другу и врагу Султан-Гирею)
- Изгоняйте провокаторов

- Письмо председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому о необходимости скорейшего создания мусульманских частей Красной Армии
- Апелляция в СНК на постановление коллегии Народного комиссариата по делам национальностей от 19 октября 1918 г. по поводу временной инструкции о местных отделах Наркомнаца
- Информация Народному комиссариату по делам национальностей об участии мусульманского пролетариата в борьбе против интервентов и белогвардейцев в 1918 г.
- I Всероссийский съезд мусульманских коммунистов. Москва. 4-12 ноября 1918 г.
- Выступления по организационному вопросу
- Тезисы доклада о деятельности Центрального мусульманского комиссариата
- Письмо политическому отделу Высшей военной инспекции РККА об издательской деятельности Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене РСФСР
- Письмо уездным и губернским мусульманским комиссариатам в Мензелинске, Елабуге, Казани, Симбирске, Нижнем Новгороде, Перми, Чистополе, Саратове, Петрограде, штабу 2-й армии Восточного фронта о преобразовании Центрального мусульманского комиссариата в Татаро-Башкирский комиссариат
- Обращение к башкирам и татарам, сражающимся против Советской власти в рядах интервентов и белогвардейцев с предложением перейти на сторону советских войск
- Бөтенрусия мөселман гаскәриләренең II съездында тәбрикләү нотыгы
- Казанның Швейцария бакчасында уздырылган кызылармиячеләр митингысында чех-словак корпусы фетнәсе турында чыгыш

Выступление
на областном съезде Советов Поволжья и Южного Урала[17]

22 февраля 1918 г.

Передо мной стоят три принципиальных вопроса, на которые должен ответить съезд. Чем должен разрешиться вопрос о национальном самоопределении народов? Вопрос этот уже разрешен Советом Народных Комиссаров и самой русской демократией в лице Советов. Совет Народных Комиссаров с самого начала заявил, что всем нациям принадлежит право самоопределения. Сейчас демократия вносит небольшое добавление, что право национального самоопределения принадлежит пролетариату национальности. Об этом не может быть спора.

В вопросе об определенной территории - о Средневолжском и Среднеуральском штате окончательное решение остается за пролетарским классом народностей этой территории.

Быть или не быть штату - зависит всецело от него. Первый съезд мусульман определенно заявил, что национальный вопрос может быть разрешен только путем плебисцита, а потому мусульмане должны и сейчас защищать этот принцип, но плебисцист этот должен пониматься как пролетарский, а не в виде прямого, равного и тайного голосования.

Еще вопрос о национальном движении у мусульман в России и в других станах. Это движение не националистическое, а национально-классовое.

Мусульманские страны являются пролетарскими народностями. В экономическом положении пролетариата английского, французского и пролетариата Марокко, Афганистана - большая разница. Можно подчеркнуть, что национальное движение мусульманских стран носит характер социалистической революции. Эта же тенденция выражалась в национальном стремлении мусульман России. Если налоги брались со всех одинаково, то мусульмане гораздо меньше русских пользовались культурными благами. Из этого не следует, конечно, что в своем национальном движении татарский пролетариат должен идти совместно со своей буржуазией. В первые дни революции он не пошел за кадетами. И никогда за ними не пойдет.

Национальный вопрос можно решить не в смысле конкретном, категорическом, а в смысле пожелания. Вопрос в том, какой характер придать этому национальному движению. Это движение могло принять характер столкновения татарской и русской демократии. Но этого не будет, и съезд рассеет все сомнения в этом смысле.

Знамя революции. - 1918. - 8 марта. - № 44.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.175-176.

Приветствие
на IV Казанском губернском съезде крестьянских депутатов[18]

8 (21) марта 1918 г.

2. От Мусульманского левого социалистического комитета Султан-Галиев. Произнося первоначально приветствие съезду на татарском языке, а затем по-русски, оратор приветствует делегатов как землеробов, приветствует также свободу национальностей. При этом оратор говорит, что царь и прежнее царское правительство угнетали как татар, так и евреев. Со времени же перехода власти в руки народных комиссаров и Советов он полагает, что в контакте со всеми они решат национальный вопрос в желаемой форме. Самоопределение Финляндии и других народностей прошло перед нашими глазами. Буржуазия в настоящее время цепляется, как утопающий за соломинку, за всевозможные комитеты, стоящие против Советов. Она вошла в союз с Украинской радой, но советские войска вырвали власть из рук Рады. В настоящее время в Казани, а также в Казанской губернии буржуазия стремится захватить власть в свои цепкие руки, вырвав таковую из рук Советов. Оратор надеется, что в Казанской губернии демократия не допустит этого.

НА РТ.-Ф.98.-Оп.1.- Д.38.-Л.7; За землю и волю.-1918.-24 марта.-№ 53 (91).
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.177-178.

Тезисы доклада
об организации мусульманского отдела Комиссариата просвещения Казанской республики[19]

10 марта 1918 года

1. Особенности дела народного образования мусульман, обусловленные, с одной стороны, отсталостью дела народного образования среди них, а с другой, особенностью их бытовых условий, кладущих особый отпечаток на все дело народного образования мусульман, выдвигают необходимость образования при комиссариате народного образования особого мусульманского отдела, который бы ведал делами просвещения мусульман.

2. Отдел народного образования мусульман является вполне автономным в решении входящих в круг его компетенций вопросов и подразделяется на подотделы школьный и внешкольный.

3. Главной задачей отдела является организация дела народного образования мусульман согласно с потребностями, созданными в общественной жизни мусульман Революцией.

4. Смета содержания отдела определяется в сумме 4650 руб. в месяц и 55800 руб. в год.

Комиссар по народному образованию М.Султан-Галиев.

Наверху документа пометка: 17 мая 1918 г. № 1348.
Резолюция: "К делу".

НА РТ. - Ф.98. - Оп.1. - Д.58. - Л.82. Подлинник.

Запись сообщения Комиссариату по делам мусульман внутренней России по прямому проводу о событиях, происходивших в Казани в феврале-марте 1918 года[20]

10 марта 1918 г.*

Петроград, улица Жуковского, 4. Тел. № 18-00. Комиссариату по мусульманским делам. Копия в Москву. Москва, СОВДЕП, передать переехавшему из Петрограда Центральному комиссариату по мусульманским делам.

У аппарата Султан-Галиев. Передаю события, произошедшие в Казани. Я уже сообщал, что в связи с известной телеграммой Казанского СОВДЕПа о задержании и разоружении Финляндского полка[137] настроение военного съезда изменилось в смысле оппозиционности по отношению к Советам. Сообщал также и о том, что левое крыло съезда покинуло съезд. После этого мы в тот же вечер решили образовать при Казанском СОВДЕПе Комиссариат по мусульманским делам. Левая фракция решила не пойти обратно на съезд ввиду того, что предстояли решительные действия. Образовано было временное исполнительное бюро в составе шести лиц, которое за ночь разработало подробный план действия. Но на другой день утром фракция перерешила свое постановление - на съезд не пошли обратно только большевики в числе 10 человек. Совместно с ними мы образовали комиссариат, который приступил к действиям. Вскоре к нам перебежали и другие члены левой фракции съезда. Заявила о своем решении покинуть съезд и башкирская фракция. К этому времени был издан общий приказ о роспуске регулярной армии, замене его социалистической. Мусульманские войсковые части стали быстро таять. Спохватившиеся шуро и остальные мусульманские военные организации приступили к организации мусульманской социалистической армии. Ввиду же того, что мы ни в коем случае не могли ручаться за степень их верности социализму, мы заявили им, что мусульманскую социалистическую армию может организовать лишь социалистический комитет, и открыли со своей стороны запись желающих вступить в нашу армию. Между нашим комиссариатом и ВОШУРО началась глухая борьба. Мы поставили перед последними ультиматум, чтобы оно убрало своих комиссаров из тех учреждений, где находились таковые к этому времени. В мусульманских войсковых частях, а также в мусульманском военно-окружном комитете был поднят вопрос об упразднении всех мусульманских военных организаций. Видя такое положение вещей, военный съезд решил идти напролом. Совместно с ВОШУРО они решили объявить 1-го марта Средне-Волжский и Южно-Уральский штат. К этому времени, после получения из Петрограда сведений о наступлении германцев, СОВДЕПом был образован Военно-революционный штаб в составе 7 лиц, куда вошли два представителя и от комиссариата. Революционный штаб установил, что в день объявления штата готовится

* Дата установлена по содержанию. - Сост.

выступление белогвардейцев. Решено было в ночь на 28-е февраля произвести массовые аресты. Среди лиц, намеченных к аресту, были и члены ВОШУРО: братья Алкины, Юсуф Музаффаров.* все свои усилия ... в результате нами было достигнуто следующее: советский революционный штаб встал на точку зрения сохранения выжидательного положения. Решено (было) открыть военные действия из артиллерии лишь в случае выступления сил Забулачья. На устроенном по инициативе Революционного штаба совещании партийных комитетов большевиков, левых эсеров, интернационалистов и нашего социалистического комитета решено было преобразовать местный СОВДЕП на национально-пропорциональных началах, а также настоять перед Казанским СОВДЕПом о принятии им срочных мер к созданию Урало-Волжской республики и вступления в сношение по этому вопросу с Уфимским, Оренбургским СОВДЕПами. Партия большевиков (Казанский комитет РКП (б)) голосовала против этого. Нас поддерживали интернационалисты и левые эсеры. Большевистская партия находится под сильным влиянием Грасиса, последний стоит только за культурное самоопределение мусульман. Нам удалось провести нашу позицию и в Совете, правда, незначительным большинством. Большевики были против, так как Грасис находит это уступкой буржуазии и защищает точку зрения решительных действий против этого движения[2]. Может быть, вы придете нам на помощь в этом деле, иначе мы боимся, что может получиться катастрофа. К сведению сообщаю состав комиссариата. Я состою комиссаром связи и председателем комиссариата, член левой фракции военного съезда Саид-Галиев - военным комиссаром, член левой фракции Юмагулов - комиссаром финансов, Хусаинов - комиссаром по делам печати, Ахмадиев Шагид - комиссаром народного просвещения, Зиганшин и Рахматуллин - комиссарами по борьбе с контрреволюцией, Вахитов (Минулла) - комиссаром труда. Работы очень много. Действуем прокламациями и воззваниями в татарской части города, распространяем на автомобилях. Под обстрелом сеннобазарцев позавчера на башню Сююмбике водрузили полумесяц. В этот же день были похороны сардара Ваисова. Его похоронили в саду в крепости, в стороне от башни Сююмбике, перед дворцом. Мусульманская буржуазия отсутствовала. Среди рабочих был пущен провокационный слух, что мы будто бы собираем народ, чтобы расстрелять их из пушек и пулеметов. Поэтому рабочих мусульман на торжестве было сравнительно мало. Мусульманская буржуазия, вне всякого сомнения, действует заодно с русской. Расследованием раскрытого заговора белогвардейцев установлено, что Сайдашев скупал для них на свои средства оружие, в день волнения он раздал их восставшим, кроме того, по показанию главных свидетелей - организаторов гвардии, о существовании такой организации было известно и руководителям ВОШУРО, но участие ВОШУРО в создании самой организации белой гвардии не установлено. Некоторые из организаторов белой гвардии находились на службе ВОШУРО в качестве офицеров. Одни из них, Робакидзе - грузин, состоял казначеем комитета мусульманских драгун.

---

* Текст оторван. - Сост.

Просьба относительно средств. У местного СОВДЕПа совсем нет средств. Нельзя ли выхлопотать нам средства через центральный комиссариат? Смета расходов пока исчислена приблизительно в 72 тыс. рублей в месяц. Можете послать сразу тысяч пятьсот, дела бы сразу подвинулись вперед. Широко развили бы издательскую деятельность. Мы хотели бы наложить контрибуцию на богачей мусульман, да вот все эти обстоятельства помешали. Вчера от вас получили телеграмму, что вы переезжаете в Москву. Я хотел было справиться, переехали еще или нет, звонил к вам в шесть вечера - не добился. Разбудили ночью в три часа. Пришли сюда, говорят что-то такое испорчено, пришлось послать только записку. Если Муллануp Вахитов, Ибрагимов и Манатов выехали уже из Петрограда, то немедленно передайте им все содержание телеграммы в Москву. Передайте еще, что из Зайсана на имя ВОШУРО получена следующая телеграмма:

31 декабря произошел погром от воинских частей. Ограблен, сожжен базар. Пострадали исключительно мусульмане. Убыток огромный. Защиты нет. Опасность велика. Воинские чины насильно отбирают имущество мирных мусульман в квартирах. Просим содействия распустить местный гарнизон, охрана очень нужна. Просим походатайствовать в образовании национальной милиции. Мусульманский комитет.

Телеграмма эта доставлена нам, так как сейчас вся корреспонденция на имя мусульманских военных организаций поступает непосредственно в наш комиссариат. Такие телеграммы мы будем направлять на ваше имя, так как они относятся всецело к вашей компетенции. Со своей стороны комиссариат питает уверенность, что вы будете решительны и тверды в деле защиты интересов мусульманской демократии России. Пока до свидания. Привет от всех товарищей.

Член революционного штаба Мирсаид Султан-Галиев.

НА РТ. - Ф.Р-98. - Оп.1. - Д.8. - Л.203-205.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.245-249.

Сообщение председателю Комиссариата по делам мусульман внутренней России М.М.Вахитову, копии: Совету Народных Комиссаров, комиссару по национальным делам о ликвидации "Забулачной республики" в Казани

29 марта 1918 г.

28 марта в 3 ч. 20 мин. дня Комиссариатом по мусульманским делам был предъявлен ультиматум татарской части города о немедленном разоружении, сдаче оружия комиссариату и выдаче организаторов контрреволюционной "железной гвардии". Ультиматум был предъявлен штабу районов милиции татарской части, стоявшему во главе "железной дружины". Совместными усилиями СОВДЕПа, мусульманских социалистических дружин и приехавшего из Москвы отряда моряков удалось без малейшего кровопролития ликвидировать "Забулачную буржуазную республику"[22]. "Железные дружины" сложили оружие и отдали себя в распоряжение Комиссариата по мусульманским делам и Революционного штаба. Мусульманский штаб районов милиции разбежался. Население отдает оружие. В целях планомерной ликвидации контрреволюции в татарской части города Комиссариатом по мусульманским делам организован Временный пролетарский мусульманский революционный штаб. № 598.

Председатель комиссариата Султан-Галиев.

НА РТ. - Ф.Р-98. - Оп.1. - Д.8. - Л.11, 12. Телеграфная лента.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.251.

Сообщение
Центральному комиссариату по мусульманским делам, Совету Народных Комиссаров, Комиссариату по делам национальностей, "Известиям" Московского Совета о ликвидации "Забулачной республики" в Казани

3 апреля 1918 г.

Контрреволюционная "Забулачная республика" окончательно ликвидирована. Оплот контрреволюции - мусульманские "железные дружины" - сдались без боя. Мусульманский контрреволюционный штаб был застигнут врасплох благодаря решительным действиям мусульманских социалистических дружин, Красной Армии и прибывшего из Москвы геройского отряда моряков товарища Соболева. Вся операция прошла бескровно, убито случайными выстрелами всего три человека. Вся мусульманская часть города признала власть Советов и Комиссариата по мусульманским делам. Мусульманское духовенство и рабочие заявляют, что они находились в заблуждении и призывают народ к полному подчинению Советской власти. Всюду выносятся постановления с выражением полного доверия Комиссариату по мусульманским делам. Возможность всякой попытки контрреволюционного движения со стороны мусульман совершенно исчезла. № 650.

Председатель Комиссариата по мусульманским делам
Казанской Рабоче-Крестьянской Советской Республики
Мирсаид Султан-Галиев.

НА РТ. - Ф.Р-98. - Оп.1. - Д.8. - Л.50. Телеграфный бланк.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.252.

К вопросу Татаро-Башкирской республики

16 апреля 1918 г.

МОСКВА, 16 апр. При Татаро-Башкирском комиссариате открылось совещание из представителей Советов и национальных комиссариатов по вопросу об образовании Татаро-Башкирской Советской рабоче-крестьянской республики. В президиум совещания вошли Султан-Галиев, Алексеев и Зиновьев. После трехдневного обсуждения вопроса о границах территории, в пределах которой должен быть созван Учредительный съезд Советов республики, совещание постановило остановиться на границах, указанных в Положении Народного комиссариата по национальным делам о Татаро-Башкирской республике. Окончательную же границу республики должен установить Учредительный съезд Советов республики. В состав комиссии по созыву Учредительного съезда постановлено включить с правом решающего голоса и представителей национальностей : чуваш, мари, вотяков и мордва отдельно, как от входящих в республику , так и остающихся за ее пределами. Помимо организационной комиссии по созыву съезда, учреждается комиссия по научному обследованию создаваемой республики и прилегающих к ней губерний и областей в этнографическом, географическом, геологическом, историческом и культурно-промышленном отношении и разработке имеющихся по этим вопросам материалов.

Председатель совещания
Султан-Галиев.

Знамя революции. - 1918. - 18 апреля. - № 75/121/.

Наш путь[23]

Что и говорить, потребность в издании органа на русском языке, более или менее полно освещающего жизнь мусульманского пролетариата, ощущалась давно и не только со стороны самой мусульманской трудовой массы, но и со стороны русского пролетариата.

Как это ни печально, существующая русская рабочая пресса слишком мало или даже совсем не уделяет внимания освещению жизни мусульманского пролетариата, и многие стороны его общественно-политической и культурной жизни остаются совершенно без освещения или же освещаются неправильно.

Правда, иногда лишь на страницах некоторых буржуазных газет "писаки" из среды мусульманской буржуазной интеллигенции помещают ничего не говорящие ни уму, ни сердцу статейки. Но они бывают или слишком бездарны или же чересчур тенденциозны.

Ходить далеко за примерами не приходится. В Казани в последние дни происходили III Всероссийский съезд учащих-мусульман[24], конференция казанских рабочих-мусульман[25] и еще целый ряд более мелких совещаний тех или иных мусульманских пролетарских организаций. И обо всем этом вы не найдете на страницах русских газет ни одного слова.

Но далее такое ненормальное положение терпимо быть не может, и Казанский комитет партии социалистов-коммунистов мусульман[26], приступая к изданию своего органа, надеется по мере сил и возможности заполнить этот пробел.

Но, не ограничиваясь только стереотипной передачей отражений всех сторон жизни мусульманского пролетариата, наш орган в то же время будет служить защитником интересов мусульманской трудовой массы и проводником обусловленных историческим ходом вещей ее культурно-исторических и общественно-политических задач.

Одной из этих задач, и самой главной, является осуществление областной автономии татаро-башкирских трудовых масс путем создания Татарско-Башкирской Социалистической Советской Республики.

Мы верим и надеемся, что нам, коммунистам-мусульманам, вопреки всей той грязи и неприкрытой ничем провокационной клевете, которые кидает нам в лицо сейчас со страниц "Знамени революции" наш бывший "товарищ" по сокрушению пытавшихся пойти за контрреволюцией мусульманских организаций Карл Грасис[27], удастся доказать русскому рабочему и русскому крестьянству, что наши стремления образовать Татаро-Башкирскую республику чисты и непорочны, что они вызваны лишь желанием укрепить завоевания Октябрьской революции, желанием сохранить нетронутым разгорающимся и все усиливающимся пожаром международной контрреволюции хотя бы этот уголок России.

Мы заранее открыто и смело заявляем, что все выступления К.Грасиса против образования Татаро-Башкирской республики провокационны и ложны.

Ослепленный ли своим фанатизмом или же по каким-либо другим непонятным нам причинам, он, - и мы говорим это твердо и во всеуслышание, - нагло лжет и клевещет на нас, намеренно подтасовывая факты, выставляя те из них, которые "угодны" ему, и умалчивая о тех из них, которые "вредят" его "намерениям".

Все эти запугивания "национальной враждой", "панисламизмом" и еще бесконечным числом других хитроумных (с первого взгляда) "измов" объясняются просто незнанием сущности вопроса или же умышленными стремлениями скрыть их от пролетариата и придать им другое, превратно тенденциозное освещение.

Стоя на страже интересов мусульманского трудового класса, "Красное знамя" будет являться революционным стражем всего пролетариата, всех обездоленных рабочих и крестьян, без различия их национальностей, и зорко будет следить за тем, чтобы ставшие у рабочей власти честно осуществляли выставленные на их революционных знаменах пролетарские лозунги и не продавали бы их интересы международным или отечественным капиталистам и акулам международного империализма.

Следуя провозглашенному еще год тому назад его старшей сестрой - "Кызыл байрак" ("Красное знамя" на татарском языке) священному лозунгу диктатуры пролетариата[28], "Красное знамя" в то же время будет бороться и призывать к беспощадной борьбе с диктаторством отдельных маньяков, какими бы громкими названиями они ни старались прикрывать свое интеллектуальное и моральное убожество.

"Красное знамя" всегда будет напоминать трудовым классам, что прежде всего они должны быть самостоятельные и не должны полагаться на краснобаев, умеющих красиво говорить, но не умеющих дело делать.

Видное место будет уделять "Красное знамя" и национальному вопросу.

Мы склонны думать, что одно только провозглашение диктатуры трудового народа не разрешает еще в окончательной форме все национальные вопросы, как это кажется некоторым прямолинейным социалистам, но что для этого нужен целый ряд коренных переустройств и не в какой-либо одной, но во всех областях жизни, и не на словах и бумаге только, а на деле.

Главным же условием правильного разрешения всех этих вопросов мы считаем сотрудничество населяющих данную территорию или данную местность народностей в лице их организованных трудовых масс, сотрудничество, основанное на свободных коммунистических началах.

К этому будет призывать "Красное знамя" трудовые слои всех народностей.

Наши задачи оказались бы неполными, если бы мы не включили в их число еще ознакомление наших читателей с татарской художественной народной литературой. В последних целях на страницах "Красного знамени", в отделе художественной литературы будут даваться произведения татарских народных писателей и поэтов в оригиналах и переводах.

Тамерлан.

Красное знамя. - 1918. - 5 июля. - № 1.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.56-59.

Социалисты-мусульмане во дни контрреволюционного заговора[29]

Социалисты-мусульмане о существовании контрреволюционного заговора в Казани узнали позже всех, когда уже почти всей Казани известно было о готовящемся выступлении некоторых красноармейских частей против Казанского совдепа.

Социалисты-мусульмане были крайне удивлены поведением своих партийных товарищей - коммунистов и левых эсеров, не известивших их вовремя о политическом положении дел в Казани.

Работавшие с первых дней революции рука об руку с левыми социалистическими партиями во имя торжества идей социальной революции и почти своими собственными руками задушившие гидру контрреволюции среди мусульман внутренней России, они, казалось, имели полное право на доверие со стороны своих товарищей по партийной работе, а в частности, со стороны совдепа.

Социалистам-мусульманам казалось, что их заслуги перед революцией не могут быть позабыты партиями, представляющими интересы сознательного русского пролетариата.

На деле же оказалось совершенно обратное.

Совет вспомнил о существовании в Казани социалистов-мусульман лишь в самую критическую минуту, когда от того или иного образа действия последних зависело решение участи военного совета*, да и то в лице некоторых отдельных членов крестьянской секции Совета .

В ту ночь, когда партийные руководители Совета перебрались из боязни выступлений спровоцированных частей Красной Армии в батальон Карла Маркса[30], в Мусульманском социалистическом комитете происходили беспрерывные заседания партийных комитетов коммунистов-мусульман и левых эсеров.

В это время партии коммунистов-мусульман было уже известно, что в городе творится что-то неладное и ожидается выступление некоторых частей. Но кто хотел выступать, против кого и почему, об этом ничего не было известно.

Не мог дать удовлетворяющего ответа и явившийся от имени Совета в Мусульманский социалистический комитет представитель Совета - член президиума Губернского Исполнительного Комитета Абдиев. Он знал только одно, что в городе ожидается выступление против Совета каких-то банд, и что вся надежда Совета только на Мусульманский социалистический полк[31].

После заявления представителя Совета состоялось бурное закрытое заседание [комитета] партии коммунистов-мусульман.

Некоторые члены партии указывали, что в последнее время с опубликованием Положения о Татаро-Башкирской Советской Республике Казанский Совет в лице своего официоза - "Знамени революции" ведет откры-

* Автор имеет в виду солдатскую секцию Казанского Совета.

тую агитацию против руководителей социалистического движения среди мусульман.

Указывалось на статьи К.Грасиса о Татаро-Башкирской республике, в которых он кидает грязные обвинения председателю [Центрального комитета - сост.] мусульманской коммунистической партии М.Вахитову[32] и члену Исполнительного Бюро Центрального [мусульманского социалистического] комитета М.Султан-Галиеву.

Совет обращается к нам за помощью только в самые критические минуты, а потом совершенно забывает о нас... Надо дать почувствовать руководящим партиям Советской власти, чтобы они всегда считались с нами и не как с каким-либо бессловесным придатком российских социалистических партий, а как с преданными делу пролетарской революции друзьями своими.

Тем не менее все ораторы указывали на необходимость мобилизации имеющихся в распоряжении коммунистов-мусульман сил и в случае выступления с чьей бы то ни было стороны против Советской власти дать дружный отпор этому выступлению.

В результате решено было не считаться сейчас с такими мелкими, по сравнению с грозившей Советской власти бедой, "семейными" неладами и открыто выступить на защиту Советской власти, если только последует на нее нападение с чьей бы то ни было стороны.

Немедленно отправлены были в Мусульманский социалистический полк и в прибывший из Москвы по распоряжению Центральной мусульманской военной коллегии татаро-башкирский батальон[33] представители Комиссариата по мусульманским делам и Социалистического комитета с наказом удерживать эти части красноармейцев от какого бы то ни было выступления впредь до выяснения положения дел в Казани партийными комитетами социалистов-мусульман.

В то же время было вынесено категорическое постановление: двинуть в критический момент указанные части красноармейцев на восставшие части, если бы даже на стороне контрреволюции оказался весь остальной гарнизон.

Одновременно с этим приняты были экстренные меры к выяснению действительного положения вещей и настроения отдельных частей Казанского гарнизона.

Всю эту ночь Мусульманский социалистический комитет имел вид военного лагеря.

На другой день после срыва собрания трех секций Совета представителями гарнизонного комитета [Мусульманский] социалистический комитет совместно с агитационным отделом Комиссариата по мусульманским делам[34] созвал общее собрание полкового комитета Мусульманского социалистического полка. Обсудив создавшееся положение вещей и принимая во внимание возможность выступления спровоцированных частей Красной Армии, полковой комитет единогласно вынес решение пойти на гарнизонное собрание с определенным постановлением о том, что Мусульманский социалистический полк не допустит никаких выступлений против Совета. Ввиду раздававшихся провокационных призывов со стороны издаваемой мусульманской фракцией крестьянской секции Совета газеты

"Игенче" против левых социалистов-мусульман и, в частности, против советского Комиссариата по мусульманским делам полковой комитет вынес аналогичное же постановление и по отношению к Комиссариату по мусульманским делам.

Постановление это гласило:

О батальоне моряков и текущем моменте.

1) Принимая во внимание тот беспорядок, который происходит в батальоне моряков, постановлено для расследования этого дела выбрать следственную комиссию из представителей солдатской, рабочей и крестьянской секций.

О втором отряде, который убежал с фронта[35].

2) Полковой комитет I-го Мусульманского социалистического полка побег красноармейцев с фронта находит преступным и выносит порицание против такого отряда, который опозорил имя Красной Армии, поэтому постановлено расформировать этот отряд, находя его несоответствующим своему назначению.

О гарнизонном комитете.

3) Принимая во внимание, что в Казани существуют две военные организации, как-то: солдатская секция и гарнизонный комитет, функции которых одинаковы, а также и то, что конфликт, который произошел среди частей Казанского гарнизона, произошел благодаря темным элементам, которые попали в гарнизонный комитет, постановлено гарнизонный комитет как таковой слить с солдатской секцией и негодных элементов оттуда убрать.

О социалистическом полку.

4) Принимая во внимание происходящий беспорядок в гарнизонном комитете и не доверяя мусульманский полк не соответствующим организациям, полковой комитет всю ответственность за мусульманский полк берет на себя, все приказы и распоряжения должны исходить через полковой комитет.

О власти.

5) Мусульманский социалистический полк всецело доверяет Совету и Мусульманскому комиссариату и до последней капли крови будет отстаивать власть Советов, а также заявляет, что с Мусульманским комиссариатом считается как с демократической организацией, выражающей волю всей мусульманской демократии и будет беспощадно преследовать тех, кто будет идти против этих организаций.

Председатель Хайруллин
Секретарь Хасаншин.

Общее собрание татаро-башкирского батальона также вынесло постановление о беспощадном подавлении всякого выступления против Советской власти. Постановление это было принято единогласно и гласило следующее:

Резолюция

общего собрания красноармейцев I татаро-башкирского батальона, посланного Центральной мусульманской военной коллегией для борьбы с контрреволюцией, о текущем моменте и последних событиях в Казани.

"Заслушав доклад тов. Маликова [А.К.] о текущем политическом моменте и последних событиях в Казани, общее собрание красноармейцев I татаро-башкирского батальона единогласно постановило:

1. Защищать до последней капли крови Казанский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Комиссариат по мусульманским делам.

2. Если в Казани найдутся части, готовящиеся свергнуть Советскую власть, решительно выступить против таких частей.

3. Выразить горячий протест контрреволюционной газете "Рабочая воля", пытавшейся в своем воскресном номере посягнуть на честь батальона.

Обе эти резолюции были оглашены на гарнизонном собрании и защищались представителями полков.

И мы смело можем сказать, что такой твердый и уверенный тон красноармейцев-мусульман повлиял и на остальных красноармейцев, так как дальнейший ход дел определенно показал, что это действительно так.

Сухой.

Красное знамя. - 1918. - 5 июля. - № 1.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.59-64.

Митинг
рабочих и красноармейцев-мусульман

В прошлую пятницу 27-го июня нов. стиля [1918 г.] на Юнусовской площади* состоялся митинг рабочих мусульман и красноармейцев, устроенный по инициативе Центрального мусульманского социалистического комитета[36] и Центрального комиссариата по мусульманским делам при Совете Народных Комиссаров[37]. Присутствовало очень много и трудовой интеллигенции.

Митинг проходил под председательствованием члена агитационно-организационного отдела Казанского губернского комиссариата по мусульманским делам Г.Касимова. Первым выступил с кратким докладом по поводу раскрытия в Казани контрреволюционного заговора член Чрезвычайной следственной комиссии товарищ И.Рахматуллин. Затем выступил член Центрального мусульманского социалистического комитета М.Султан-Галиев.

Оратор подробно остановился на анализе развития социалистической мысли среди мусульман внутренней России. Сопоставляя затем стоящие сейчас перед мировым пролетариатом, а, в частности, перед пролетариатом главной жертвы европейского империализма - мусульманского Востока, социальные задачи и реальное положение застрельщиков мировой революции - российских революционеров, - оратор выводит заключение о необходимости напряжения трудовым мусульманством всех его сил к тому, чтобы не дать погибнуть завоеваниям Российской революции, а, напротив, всеми силами способствовать его расширению и углублению. Заключительные слова оратора были покрыты аплодисментами.

После М.Султан-Галиева выступил председатель агитационно-организационного отдела местного губернского Комиссариата по мусульманским делам тов. И.Галиев.

Этот оратор остановился на чехословацком вопросе и начавшемся в связи с общим правоэсеровским и кадетско-октябристским заговором против Советской власти черном и белом терроре. Призывая рабочих и красноармейцев мусульман не поддаваться провокации, оратор заявил собравшимся, что если контрреволюция вздумает поднять свою голову и среди мусульман, то пощады таким лицам не будет. «За каждого убитого контрреволюционерами революционного деятеля-мусульманина буржуазия будет отвечать десятками голов», - говорит оратор под шумные аплодисменты собрания.

Последними выступили: председатель Центрального мусульманского комиссариата и Центральной мусульманской военной коллегии[38] Мулланур Вахитов, член коллегии Центрального мусульманского комиссариата писатель Г.Ибрагимов, председатель Казанского губ. комиссариата по му-

* Перекресток улиц Ф.Карима и Г.Тукая г.Казани.

сульманским делам С.Саид-Галиев и лидер казанских мусульман-максималистов Ш.Ахмадиев.

Речь М.Вахитова представляла из себя краткий отчет о деятельности Центрального комиссариата по мусульманским делам и Центрального мусульманского социалистического комитета. Центральное место в докладе товарища М.Вахитова, как и следовало ожидать, заняли вопросы о причинах ликвидации Центральным комиссариатом Национального парламента мусульман внутренней России и опубликования Положения о Татаро-Башкирской Советской республике[39].

Более подробный отчет речи тов. М.Вахитова мы дадим в следующем номере*. Здесь же укажем лишь на основные ее контуры.

Причиной ликвидации мусульманского Национального парламента и выбранного первыми двумя всероссийскими мусульманским съездами Всероссийского мусульманского совета[40] М.Вахитов указывает их буржуазно-соглашательский характер и вытекающие отсюда последствия.

Что же касается опубликования Положения о Татаро-Башкирской республике, то здесь, по словам оратора, главную роль играли чисто психологические мотивы, имеющие целью революционизирование Востока, этого главного ресурса мирового империализма и капитализма.

Если бы был создан какой-нибудь Урало-Волжский штат, то это в психологическом отношении для мусульманских стран Востока не имело бы того значения, какое имеет создание Татаро-Башкирской республики. Эта республика, по мнению М.Вахитова, и будет служить тем революционным факелом для изнывающих под игом европейского империализма сотен миллионов мусульманского пролетариата, который будет зажигать в их душе революционное пламя.

Г.Ибрагимов остановился на вопросе о характере российской революции и ее сущности и о тех очередных задачах, какие стоят сейчас перед российским, в частности, перед мусульманским пролетариатом.

На русскую революцию тов. Г.Ибрагимов смотрит оптимистически. Про его мнению, социальная революция на Западе неизбежна. Советскую власть оратор находит очень устойчивой и непоколебимой.

Речи М.Вахитова и Г.Ибрагимова неоднократно прерывались шумными аплодисментами. Остальные ораторы в своих речах призывали мусульман не поддаваться провокации, которую стараются сеять среди них наймиты буржуазии, и, как один человек, встать на защиту завоеваний революции. Последние речи были также ярки и сильны и дышали уверенностью и революционным оптимизмом.

Митингом **единогласно** постановлено послать следующую телеграмму на имя Совета Народных Комиссаров:

"Революционная мусульманская демократия города Казани в лице рабочих, красноармейцев и трудовой интеллигенции, собравшись на многолюдный митинг на Юнусовской площади, постановила приветствовать Совет Народных Комиссаров и передовых борцов русской революции то-

* Отчет обнаружить не удалось. - Сост.

варищей Ленина и Троцкого за их стойкость в борьбе с международным империализмом и врагами социальной революции. Революционный мусульманский пролетариат питает твердую уверенность, что в лице Совета Народных Комиссаров он найдет истинных своих друзей в деле создания и укрепления рождаемой самой революцией Татаро-Башкирской Советской Социалистической Республики.

Вместе с тем мусульманский пролетариат заверяет, что в его лице Совет Народных Комиссаров всегда найдет непоколебимых бойцов за священные лозунги социализма, он ни перед чем не остановится, чтобы сломить упорство врагов социальной революции[41].

Кан-Темир.

Красное знамя. - 1918. - 5 июля. - № 1.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.65-68.

Русская революция и Восток

(Беседа с профессором Мустафой Субхи-беем)

Наш сотрудник посетил прибывшего из Москвы на съезд социалистов-коммунистов мусульман в Казань известного в мусульманском мире турецкого социалиста - эмигранта профессора Мустафу Субхи-бея, состоящего редактором издаваемой Центральным мусульманским социалистическим комитетом газеты на турецком языке "Ени Дунья".

В своей беседе М.Субхи-бей коснулся вопроса о революционизировании Востока и, в частности, Турции.

М.Субхи-бей высказывает мысль, что одной из основных задач русской революции, как носительницы идей всемирной социальной революции, должно являться принятие необходимых мер к спешному революционизированию Турции и других мусульманских стран Востока.

По мнению М.Субхи-бея, это диктуется, с одной стороны, сравнительно большой отсталостью классового самосознания пролетариата этих стран, а с другой, тем положением его, которое занимает он в международной политике западных империалистов.

"Если пролетариат мусульманских стран не будет вовремя революционизирован и подготовлен таким путем к быстрому усвоению социалистической культуры, то мировой империализм может использовать его в целях борьбы против развития международной социальной революции, и, таким образом, мусульманский пролетариат Востока совершенно неожиданно может явиться камнем преткновения для последней", - говорит турецкий социалист.

В случае своего поражения мировой капитализм будет искать убежище для себя на Востоке, главным же образом в мусульманских странах, и оттуда будет орудовать *(имеется в виду "организовывать" - Сост.)* борьбу с социальной революцией.

Весьма симптоматичными и показательными являются в этом отношении те события, которые произошли после октябрьского переворота на окраинах России с восточным населением: Туркестане, Закавказье и Крыму. Буржуазия использовала там мусульманский пролетариат в своих классовых целях.

Не менее важен в этом вопросе, по словам М.Субхи-бея, и второй фактор, а именно то, что мусульманский пролетариат является объектом эксплуатации западноевропейских буржуазно-империалистических государств в лице Англии, Франции, Италии и отчасти Австрии с Германией.

Если первый фактор имеет предупредительное значение, то второй фактор имеет значение нанесения непосредственного удара западноевропейскому империализму.

Переходя затем к вопросу о том, какими путями революционизировать Турцию и другие мусульманские страны Востока, М.Субхи-бей указал, что самым верным и надежным средством в этом отношении является создание в Российской Советской Республике турецких революционно-социалистических организаций путем сконцентрирования в крупных революционных центрах России наиболее революционных элементов этих стран.

Ближайшей задачей в этом отношении, по его мнению, является созыв в скором будущем съезда находящихся в России турецких социалистов.

М.Султан-Галиев.

Красное знамя. - 1918. - 5 июля. - № 1.

Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.68-70.

Мусульмане, к оружию !

К оружию, веками страдавший под гнетом капитализма российской и иностранной буржуазии мусульманский пролетариат!

Угнетенный рабочий и исстрадавшийся крестьянин! Вашей свободе угрожает опасность. Черносотенцы, монархисты и целая плеяда их прислужников в союзе с англо-французскими империалистами и международными пиратами других империалистических стран стараются вырвать из ваших рук завоеванную ценой сотен тысяч жертв и целого моря крови и слез свободу. Они с корнем хотят вырвать рабоче-крестьянскую власть и заменить ее властью буржуазии или же кровавым царизмом.

Не допустите же этого!

Не допустите того, чтобы миллионы десятин земли Башкирии и Татарии, отнятых когда-то силою у мусульманского крестьянства господами Крыжановскими и другими опричниками русских царей, но перешедших, благодаря пролетарской революции, вновь к крестьянам, были бы опять отняты у них и переданы тем же помещикам и их прихлебателям.

Не допустите же того, чтобы ваш язык, получивший после великой российской революции право гражданства в ваших национальных школах и советских учреждениях, был бы насильно изгнан оттуда вернувшимися к власти царскими русификаторами.

Не допустите же того, чтобы ваши процветающие, благодаря Советской власти, национальная школа и национальное образование были бы заменены школами миссионеров ильминских, победоносцевых и кассо, преследующими цели насильственного обрусения, насильственной ассимиляции мусульманского населения России.

Не допустите же того, чтобы сотни тысяч ваших братьев, рабочих-мусульман, были бы отданы опять бесконтрольному хозяйничанью "отечественных" и иностранных биржевиков.

Не допустите же того, чтобы усилился англо-французский и итальянский империализм, под гнетом которого все еще стонут сотни миллионов трудовых мусульман Индии, Персии, Аравии, Египта и других африканских колоний.

Не допустите же того, чтобы рождающаяся в муках Татаро-Башкирская Советская Социалистическая Республика была раздавлена контрреволюционными бандами белогвардейцев и наймитами союзнического капитала - чехословаками.

Все, как один, встаньте под ружье и дайте дружный отпор всем этим потерявшим стыд и совесть наглецам...* Пусть же не останется от них и следа. Пусть не останется следа и от всех тех, кто прямо или косвенно поддерживает их и сочувствует им, из какого бы лагеря они ни были.

Скорее же, скорее к оружию!..

К оружию, во имя защиты всех завоеваний социальной революции!

---

* Многоточие в тексте. - Сост.

К оружию, во имя защиты власти рабочих, крестьян и органов этой влâсти - Советов.

К оружию, во имя защиты молодой Татаро-Башкирской Советской Социалистической Республики от вторжения в нее чехословаков и белогвардейцев.

К оружию, во имя свержения англо-французского империализма над многомиллионным мусульманским пролетариатом Востока и Индии.

К оружию, во имя торжества священных лозунгов социализма на всем земном шаре.

К оружию!

Все, до одного!..

Тамерлан.

Красное знамя. - 1918. - 12 июля. - № 2.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.70-72.

Я был метеором...

(Посвящается голубоглазой Рау)

Я был метеором и в пустоту
Бесконечности носился...
Я слабо светил... И свет мой лишь
Мглу бесконечную мне освещал...
Не знал я, кто носит меня по пустыне
Темноты.
Не знал, зачем свечу я...
И казалось мне, что нет конца
этому морю мрака и что бесконечно долго
носиться я буду в нем, одинокий и
слабо светящий...

Раз сильнее куда-то меня потянуло...
Не знал я, кто тянет меня...
Быстрей и быстрей летел я вперед
и сильно возгорался...
Сильней и сильней светить я стал...
Далеко, далеко осветил мне мой свет темноту...
Навстречу мне тихие волны неслись...
Они ласкали меня и согревали...
То были волны синего света...
Я быстрее понесся навстречу волнам
И в освещенном полумраке увидел
Синюю звезду...
Она тянула меня к себе...
И волны синие она испускала...

Синие волны в меня проникли,
И я Душу в себе ощутил...
То был освещенный Эфир, легкий и нежный
И тихо горящий невидимым пламенем...
То был тихий аккорд неуловимонежных звуков...
То была Любовь, любовь без границ,
пространства и времени...
Любовь ожившего Метеора к Синей
Звезде...
Она к звезде меня несла,
И звезда поглотила меня...
Поглотила всего...
И Мгла осветилась...
Осветились миры, носящиеся в ней...

Осветились далекие звезды, горящие
разноцветными огнями.
Осветились бесконечные планеты,
озаренные их светом...
Осветилась вся жизнь, все Бытие,
весь Мир...
И как красив был Мрак, освещен-
ный светом любви звезды и
Метеора.

Кульку-Баш.

Красное знамя. - 1918. - 12 июля. - № 2.

Мираж жизни

Ты все глядишь...
Туда, вперед, где жизнь, где люди...
Расширены зрачки...
Вздулись ноздри...
И затаено дыхание...

Ты видишь Свет?
О нет!.. То не Свет...
То - Тьма... То - Мрак...
Глубокий Мрак... Бесконечная Тьма...

Ты видишь Солнце?
Уже играет улыбка у тебя на устах...
Улыбка Радости и Торжества...
О нет!.. Не улыбайся!..
То не Солнце... То не Свет...
То - темное пятно...
Неподвижное и мертвое...

Ты видишь, как кружатся во Вселенной
Миры...
Как кружатся в них,
Играют и гоняются друг за другом
Звезды и Планеты...
И горящие, и не горящие...

Ты видишь эфир...
Легкий и нежный...
Видишь волнение Мировой Крови
и биение Сердца Вселенной...
Как стройно танцуют Планеты...
Как плавно течет Эфир...
О нет!.. Не радуйся!..
Это только кажется тебе...
Недвижимы планеты...
И застыл Эфир...
Холодна и мертва Мировая Кровь...
И вечно спокойно Сердце
Вселенной...

Ты улыбаешься...
И печальна и радостна улыбка
твоя...

Ты звуки слышишь?..
Чуешь Музыку Мировую?..
Звучит... Звучит... Звучит...
И сердце в ответ дрожит...
Дрожит... Дрожит... Дрожит...
О, нет... Тебе только чудятся звуки...
Их не было и нет...
Это дышит Молчание...
Молчание Вечности и Смерти...

Понюхай...
Понюхай...
Чуешь, Смертью пахнет.
Смертью...
Но это - не Смерть...
Это - лишь Жизни Мираж.

Кульку-Баш.

Красное знамя. - 1918. - 12 июля. - № 2.

Жизнь и люди...

Рвут... Жуют и, захлебываясь, глотают...
И дико хохочут...
Кровью налиты глаза...
Окровавлены руки...
Искажены лица...
Рвут... Жуют... Глотают...
Кусок за куском...
Кусок за куском...
Лишь хохот слышен дикий и скрежет зубов.
Рвут... Жуют... Глотают,
Но не чуют запаха трупа...
Не чуют смрада...
Смрада смерти...
Смрада трупа и могилы...
Лишь рвут, жуют и, захлебываясь,
глотают...
Кричат, смеются и дико хохочут...
И все меньше и меньше становится труп.
Вот уж кости голые обнажились...
Но ненасытны еще они...
Лишь шире открыли глаза...
Лишь громче хохочут...
И ожесточеннее рвут последние остатки
сгнившего зеленого мяса...
Рвут... Жуют... Захлебываясь, глотают...
И жадно ищут глазами, нет ли еще
поблизости трупа...

Кульку-Баш.

Красное знамя. - 1918. - 12 июля. - № 2.

Недопетая песня*

(Памяти Абдуллы Тукаева)

Долго он пел...
Пел длинную песню...
Песню о муках народа, о его
страданиях...
Он тосковал тоскою народа и его
радостями он жил...
Он пел...
Но все слабей и тише раздавался
его голос нежный...
Не выдержала скорбящая душа.
Не выдержала...
Улетела в тот чистый мир,
Где нет ни слез жгучих,
Ни горькой нищеты...
Остался лишь Саз один от поэта.
Никто не трогал его... Он на стене
висел и пылью покрылся... Иногда
лишь приходили друзья поэта и
пытались извлечь из Саза те звуки,
которые извлекал из него при
жизни сам поэт.
Но Саз молчал...
Как будто о чем-то тяжелом и глубоком
он думал...
Прошел год. И в день кончины поэта
друзья его собрались в комнату,
где висел Саз молчаливый,
и стали петь песни умершего
друга...
Холодно и темно стало на душе у
друзей... Безысходной тоской веяло
от этих песен длинных...
Слез, слез просили они... Надрывали
грудь...
Кто-то взял Саз со стены, бережно
стер пыль с него и тихо ударил
по его струнам...
Но он по-прежнему ни звука не издавал...
Когда же пробил час кончины поэта,

* Стихотворение это было помещено в одном из номеров издававшейся в Петербурге "Мусульманской газеты", но не все: старательная рука царской цензуры вычеркнула тогда "Недопетую песню" поэта, и она вышла наполовину белой.

Саз вдруг оживился и громко запел
недопетую песню поэта:
"Друзья!..
Пусть мглою темной окутано все
вокруг.
Пусть стон и вопль народный в
стране раздаются,
Пусть слышен громкий победный клич врагов,
Пусть ослабли мы, -
Не унывайте, друзья, вперед все
риньтесь!..
И нам засветит наша звезда!..
Не бойтесь смерти, друзья!..
Смелей вперед!..
Еще напор, и далеко будет откинут
наш враг коварный...
Смелей, друзья...
Пусть мало нас,
Пусть со всех сторон окружены
врагами мы...
Не бойтесь смерти...
Вперед идите...
С нами правда, с нами Бог"...

Смолк Саз...
И теплее стало на душе...
Радость засветилась в глазах...
Светлой надеждой лицо озарилось...
Могучая сила пробудилась в груди...
И казалось, чей-то могучий голос
все звал:
- Смелей вперед!..
Смелей вперед!..

Кульку-Баш.

Красное знамя. - 1918. - 12 июля. - № 2.

К вопросу о Татаро-Башкирской Советской республике

Одним из лозунгов, рожденных Великой Российской революцией, бесспорно, является лозунг самоопределения народностей, видоизмененный впоследствии в лозунг самоопределения трудовых масс отдельных народностей[42].

Россия, прежняя империалистическая Россия, искусственно или скорее насильственно, не могла все время сохранять положения "конгломерата народностей" и самым естественным образом должна была распасться на свои составные части, как только был получен ею более или менее сильный толчок извне в виде ударов германского бронированного кулака.

Империалистическая политика обрусения всех находящихся под игом русских царей и их "светлейших князьков" мелких народностей сделала свое дело, и если бы мы занялись специальным исследованием вопроса о том, какие факторы играли главную роль в создании после свержения Николая Романова условий, благоприятствующих дальнейшему развитию начавшейся революции, то мы не без удивления, быть может, констатировали бы то, что одним из таких факторов являлось стремление населяющих Россию "инородцев" выйти из-под "опеки" русских царей и их опричников и стать самостоятельными народностями.

Как результат этого явления мы и видим стремление окраин России, населенных "недержавными" народностями, к обособлению путем создания отдельных федераций (Украина, Кавказ, Крым, Туркестан) или даже самостоятельных государств (Финляндия, Башкирия).

Лозунг свободного самоопределения народностей явился в этом отношении лишь зажигательным огнем к тому горючему материалу, который уже был накоплен в реальных условиях российской действительности.

Нужно быть слепым и не знать совершенно условий российской действительности, чтобы оспаривать или отрицать этот фактор.

Все это я говорю потому, что среди российских социалистов все еще находятся лица, которые на лозунг национального самоопределения смотрят как бы на политическую атрофию, как на ни к чему не нужный и ничем не порождаемый "буржуазный предрассудок".

По их мнению, все эти лозунги являются лишь плодом измышления "буржуазных умов", желающих, в целях создания национальной буржуазной власти, околпачить служившую объектом их воздействия народность, чтобы понадежнее усесться затем на ее шею.

Но такой взгляд мы считаем ложным, выражающим лишь прямолинейность и недостаточную вдумчивость в сущность вопроса тех, кто так думает.

Мы, напротив, думали и думаем, что стремление той или иной угнетаемой национальности к самостоятельности, независимо от того, является ли оно выражением воли всей этой нации или же только воли одной лишь трудовой ее части, вполне естественно и законно, поскольку оно не простирается за пределы известных границ, за переходом которых оно может

превратиться в империалистический национализм, и заслуживает всяческую поддержку со стороны тех, кто находится в рядах борцов за социализм.

Социалист, препятствующий такому стремлению, делает это бессознательно. Если же он делает это сознательно, то он не социалист. Для него в данном случае оправдаемы лишь два вида препятствия: один, когда стремление данной нации к самоопределению в действительности является выражением воли лишь ее буржуазии, стремящейся к власти над своим "национальным" пролетариатом; и другой, когда движение это является хотя и общенациональным или даже чисто пролетарским, но выражает тенденцию перейти в националистическое или вернее - империалистическое.

Все эти вопросы имеют непосредственное отношение к так взбудоражившему некоторых социалистов вопросу о Татаро-Башкирской Советской республике.

Опубликование Положения о Татаро-Башкирской республике, как откровенно признаются некоторые из провинциальных коммунистов, явилось для них чуть ли не снегом на открытую голову. Не разобравшись достаточно ясно в чем дело, они открыли ожесточенную борьбу против этого Положения и против... руководителей мусульманского социалистического движения, совершенно не считаясь с тем, к чему могло привести это в конечном итоге.

Получилось какое-то в высшей степени ненормальное и нетерпимое положение вещей: с одной стороны Комиссариат по национальным делам и Совет Народных Комиссаров утверждают и опубликовывают Положение о Татаро-Башкирской республике и устраивают целые совещания и конференции по этому вопросу; а с другой - на местах господа грасисы открывают на страницах советских официозов форменную травлю социалистов-мусульман, идеологов Татаро-Башкирской республики, и правдами-неправдами стараются возможно больше запугать ими русский пролетариат. На голову социалистов-мусульман льются целые ушаты грязи и ничем неприкрытой лжи. Их называют и провокаторами, и панисламистами, и чуть ли даже не наймитами буржуазии, задумавшими "реставрацию" мусульманских буржуазных организаций.

Совет Народных Комиссаров в лице товарищей Ленина, Троцкого и других обращается к мусульманскому пролетариату с призывом защищать Татаро-Башкирскую Советскую республику от вторжения в нее чехословаков и других контрреволюционеров. А в это время товарищи уфимские коммунисты выгоняют с батрацкого съезда участников государственного совещания о Татаро-Башкирской республике[43], не позволяя им сделать доклад о работе этого совещания. Не довольствуясь только этим, они начинают вести политику внесения раздора в среду социалистов-мусульман. Опираясь на несколько темных лиц из башкир (оказавшихся потом провокаторами), они открывают подпольную травлю против социалистов, сторонников Татаро-Башкирской республики.

Все это приводит к тому, что приютившиеся у товарищей коммунистов башкиры открывают агитацию среди башкир против главарей социалистического движения среди мусульман, как против татарских национали-

стов, последствием чего является то, что к чехословацким отрядам, действующим против Советов, присоединяются и отряды башкир.

Цитируя выдержку из речи М.Вахитова о Татаро-Башкирской республике, где он обращается к мусульманскому пролетариату с призывом поддержать эту республику, выдававший себя за левого коммуниста К.Грасис с видом удивленного человека спрашивает: каким образом попал в советский орган такой панисламист?

А этот "панисламист" в это время организовывает отряды мусульманских красноармейцев для борьбы с внутренней контрреволюцией, ликвидирует все мусульманские буржуазные организации и Национальный парламент мусульман внутренней России, организует пропаганду социализма среди турецких военнопленных, не говоря об организации мусульманского пролетариата России.

Сформированный М.Вахитовым отряд красноармейцев татаро-башкирский батальон - спасает Казанский Совет от разгрома спровоцированных агентами буржуазии красноармейцев.

Все это побуждает нас выступить на страницах нашей газеты с целым рядом статей, в которых мы постараемся познакомить своих читателей с историей возникновения вопроса о Татаро-Башкирской республике, о его сущности и значении для мировой и, в частности, для русской революции.

Если мы обратимся к истории развития населяющих Поволжье и Приуралье мусульман татаро-башкир по покорении русскими царями Казани, то ясно увидим, что развитие этих двух народностей шло под усиленным давлением русского самодержавия. Особенно отчетливо выражалось это в последнее столетие, когда империализм русских помещиков достиг своего высшего пика. История расхищения башкирских земель Уфимской и Оренбургской губерний в времена оренбургского генерал-губернаторства и ничем неприкрытая политика русификации татар и башкир и искусственное отделение их от культуры Запада являются достаточно яркими и красноречивыми примерами этого.

Русскому самодержавию необходимо было во что бы то ни стало парализовать татар и башкир как самостоятельное целое. Иначе они представляли для него довольно опасную для его "благополучия" народность. А потому все силы русских царей и помещиков были направлены к обессиливанию татаро-башкир в экономическом и культурном отношениях. В последних целях территория, населенная компактной массой татаро-башкир, искусственно была разделена на три части: Уфимскую, Казанскую и Оренбургскую губернии. Не вошедшие в эти три административные единицы части отошли частью в Пермскую, частью в Вятскую, частью в Симбирскую и Самарскую губернии.

В данном случае испытанный принцип империалистов "разделяй и властвуй" был применен по отношению к татарам и башкирам во всем своем объеме.

Наряду с этим русские крепостники очень много усилий приложили и к тому, чтобы навсегда лишить указанные две народности возможности установления ими естественной территориальной связи между собой.

В этих целях русские помещики занимали пограничные линии, отделяющие отдельные административные единицы разделенной территории

Татарстана и Башкирии, и заселяли их своими крестьянами. Группировали они русское население и вокруг городов, вызывая тем самым рост и расцвет последних.

Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на этнографическую карту Татарстана и Башкирии. Все выгодные в отношении естественных богатств местности этого края - побережья судоходных рек, леса, города и окружающие их земли - заселены 80-90 процентами русского населения. Остальное население края, несмотря на то, что оно в среднем составляет процентов 70 общего числа его населения, в эксплуатации указанных естественных богатств участвует лишь в 10-12 процентах.

Одновременно с этим агенты самодержавия в лице "деятелей" в области народного образования вели определенную политику лишения татаро-башкир очагов просвещения - школ.

Вопрос об открытии татаро-башкирами русских школ был поставлен на такую ногу, что большинство населения из-за бытовых своих соображений лишено было возможности открывать их.

Что касается национальных школ, т.е. школ с преподаванием на родном языке, содержимых на средства самого народа (не на обычные государственные средства), то русское правительство, как только эти школы стали выходить из состояния первобытности и принимать вид более или менее реформированных школ, стало беспощадно бороться с ними путем массового их закрытия или не позволяя их открыть.

Борьба русского абсолютизма со свободным национальным развитием татаро-башкир преследовала определенную цель: лишить их в корне национально-классового самосознания в широком смысле этого слова.

Одним из мотивов, побуждающих русскую империалистическую государственность к такой борьбе с татаро-башкирами, несомненно, служила боязнь пресловутого панисламизма, а в последние годы - пантюркизма и пантатаризма.

Все эти "паны" русской государственности внушали серьезный страх, особенно первое. В глазах русских государствоведов панисламизм являлся такой же угрозой, как и та пресловутая "желтая опасность", которая заставляет дрожать всю империалистическую Европу.

Последние два десятка лет национальное развитие татаро-башкир, как и вообще всех мусульман России, шло при самых тяжелых репрессивных условиях русской действительности.

Казалось, не было уголка, куда бы ни проникали агенты.

Даже самые безвинные и носящие в себе лишь чисто культурное стремление движения и начинания татаро-башкир в корне пресекались этими услужливыми палачами абсолютизма. Татаро-башкирская литература, татаро-башкирская печать, татаро-башкирский театр, не говоря уже о татаро-башкирской школе, - все подвергалось страшной репрессии. Над каждой свободной мыслью, над каждым свободным чувством стоял приставленный к ним палач, и, как только начинал замечать, что они выражают тенденцию просветиться, он гасил их, "отрубал им головы".

Все эти пинегины, различные уфимские епископы андреи и прочие потомки обрусителей русских инородцев - господ ильминских, победоносце-

вых и других - стояли всегда начеку и беспощадно выкалывали глаза только что рождающимся на свет чистым стремлениям татаро-башкир.

Но татаро-башкирская народность, как таковая, не могла оставаться лишь спокойной зрительницей того, как боролись со всяким свободным течением мысли ее национально-классового самосознания, и постепенно уходила в подполье. В связи с этим в более или менее крупных центрах мусульманской жизни, как в Уфе, Казани, Троицке и др., среди мусульманской учащейся молодежи возникал целый ряд тайных кружков, преследующих цели борьбы с русской монархией.

Это было вполне естественно, так как все те репрессии, которые производились по отношению к татаро-башкирам, рождали лишь ответное стремление противостоять этим репрессиям и искать в этом отношении пути наименьшего сопротивления.

Все эти факторы приводятся нами потому, чтобы ярче оттенить те условия, в которых находились татаро-башкиры перед революцией. Отказаться от этого мы не могли, так как обзор этих факторов, хотя бы сделанный очень бегло, даст возможность нашим читателям понять все те стремления и движения татаро-башкир, которые наблюдались у них после революции.

Но даже и беглый обзор их достаточно ясно показывает, что к моменту революции татаро-башкирская национальность представляла один из самых угнетаемых объектов русского империализма, искусственно лишенного самых необходимых для нормального развития человеческого организма естественных и культурных богатств, лесов, судоходных рек, городов, пригородов; свободного развития языка, школы, литературы и остальных видов искусства.

(Продолжение следует)*

Кан-Темир.

Красное знамя. - 1918. - 12 июля. - № 2; - 19 июля. - № 3.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.72-80.

* Продолжение не обнаружено. - Сост.

Скатертью дорога[44]

Мы всегда были уверены, что рано ли поздно ли рабоче-крестьянская власть очистится в конце концов от всех тех элементов, которые тормозили до сего времени ее работу.

Мы были уверены, что это должно произойти, так как это диктовалось непримиримостью интересов пролетариата и сжимающих его со всех сторон тесным кольцом контрреволюционных сил буржуазии.

К таким колеблющимся, постоянно лавирующим элементам мы относили левых социалистов-революционеров, не сумевших с начала же революции занять более или менее определенную позицию в борьбе пролетариата с буржуазией.

Нам казалось порой даже непонятным поведение товарищей коммунистов, продолжавших идти в деле углубления и закрепления завоеваний Октябрьской революции вместе с партией, скрывающей истинную свою физиономию от пролетариата.

Мы это принимали ни больше ни меньше как за выражение определенного соглашательства, связывающего руки товарищей большевиков и отнимающего у них возможность проявления чистой классовой политики в их революционной работе.

Но продолжаться долго так не могло. Рано или поздно левые эсеры должны были уйти от власти или же устранить от участия в ней большевиков.

Левые эсеры прекрасно чувствовали это и сами. Прекрасно видели, что к ним все эти милюковы, керенские, церетели и либерзоны и целая плеяда их прислужников гораздо ближе по своей сущности, чем пролетарская партия коммунистов.

Они прекрасно видели, что эта партия никогда не согласится идти за ними, а именно по пути возобновления "союза" с англо-французскими империалистами.

Но вместо того, чтобы сказать, что они не сочувствуют политике коммунистов, отвергающих такой постыдный союз, и уйти от власти, левые эсеры вступили на путь открытой измены и предательства и в этом отношении опередили даже своих предшественников социал-предателей меньшевиков и правых эсеров.

Пользуясь тяжелым положением Советской власти, они совершили на нее нападение из-за угла.

Но авантюра эта не удалась, и левые эсеры принуждены сейчас покинуть власть.

Перед нами во всей своей полноте встает вопрос, сумеет ли удержаться рабоче-крестьянская власть без этих саботажников пролетарской революции. Справятся ли коммунисты со всей той работой, которая стоит сейчас перед ними, требуя от них героического усилия и напряжения воли и энергии.

На этот вопрос мы даем только один ответ: уход левых эсеров нисколько не затрудняет общее положение Советской власти, убавляя, с одной

стороны, ее ряды, а с другой - увеличивая оппозиционную силу против нее. Но в то же время это дает громадную гарантию Советской власти успешности ее работы по осуществлению поставленных перед нею задач: в ее среде не будет элементов, мешающих этой работе, притом оставшиеся у власти коммунисты будут знать, кто их друзья и враги.

Заверениям же левых эсеров, что за ними стоит крестьянство и добрая половина рабочих, мы не придаем ни малейшего значения, так как все эти заверения ни больше ни меньше как мыльные пузыри.

С их уходом деятельность Советов лишь оживится, так как в ней будут отсутствовать все те элементы нерешительности, слабости и малодушия, которыми характеризовалась деятельность Советской власти, когда в ней участвовали левые эсеры.

Покидающим революционные ряды пролетариата левым эсерам мы можем сказать только одно:

- Скатертью дорога!

Мы в вас не нуждаемся.

Тамерлан.

Красное знамя. - 1918. - 19 июля. - № 3.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.80-82.

Месть араба

(посвящаю другу и врагу Султан-Гирею)

Уж в третий раз снился ему Абу-Сеид. И все в одном и том же виде.

Лишь только закрывал Омар глаза, как перед ним появлялся в черном покрывале и белой чалме этот рослый бедуин и, скрестив на широкой груди железные руки, исподлобья смотрел на него.

Смотрел и не двигался. И молчал, как сфинкс.

Но глаза его жгли. Жгли всю кровь, весь мозг и сердце.

Их взгляд выражал сдавленный крик, страстный и сильный. Крик дикой злобы и мести. Он смущал Омара, и сердце его горело. Горело и дрожало. Дрожало и билось, как бьются звери в когтях у льва.

Он проникал в самую душу его. Проникал и нарушал царившую в ней тишину и выжигал ее радость и торжество. Выжигал и превращал их в невидимый пепел.

И казалось Омару, что чем дольше глядит на него Абу-Сеид, тем тесней становится в груди у него, тем больнее сжимается сердце и тем явственней стучит в висках встревоженная кровь:

- Смерть... смерть... смерть...

Со стоном и криком проснулся Омар и сам испугался своего крика...

Он походил на проклятие. На самое страшное и кошмарное проклятие.

Он походил и на предсмертный крик, каким кричит перед последним ударом торжествующего врага побежденный.

Он походил и на рычание голодного барса, с каким кидается он ночью на жертву свою.

Приснившийся образ был так жив и ясен, что Омар не мог очнуться сразу от овладевшего им кошмара. Ему казалось, что на него все еще глядят глаза Абу-Сеида.

Блуждающими, полными дикого ужаса и страха глазами глядел он по сторонам, но ничего не видел. Кругом царила тьма, и слышно лишь было, как спит и дышит рядом с ним его Зулейха.

И Омар продолжал смотреть в темноту.

Но вот раздался стон.

Далекий и протяжный.

Казалось, он исходит откуда-то из-под земли, из сырой и глубокой каменной темницы.

Казалось, будто там кого-то пытали, подвергали нечеловеческим мукам.

Казалось, будто кому-то резали сердце и рылись в его мозгу ядовитым ножом.

Это стонала Зулейха.

Как безумный кинулся к ней Омар, схватил ее за плечи и начал трясти что было силы.

- Зулейха, проснись!.. Проснись, Зулейха!.. Проснись и плюнь на Шайтана!..

Сильней застонала Зулейха и проснулась.

Проснулась и кинулась в объятия Омара, пряча у него на груди свою голову.

- Омар!.. Омар!.. Спаси меня... Прогони мой страх... Мне снился Абу-Сеид... Твой враг Абу-Сеид... Он гнался за мною и хотел убить меня... Я была одна и была бессильна...

Омар нежно прижал ее к себе и начал ласкать...

Ласкал и утешал. Говорил ей, что не надо бояться врагов, что только бесстрашие спасает человека от смерти и дает ему жизнь, что только оно лишь одно и может доставлять человеку и радость, и счастье, и тихий покой.

Внимательно слушала Зулейха слова Омара и радовалась. Радовалась тому, что у нее такой сильный и бесстрашный муж.

Она не знала, что то сердце, которое так мирно бьется сейчас в этой груди, лишь перед этим судорожно жалось и трепетало. Жалось от страха, трепетало от неизвестности.

Ни слова не сказал Омар Зулейхе о сне своем. Ему стыдно было признаться, что его сердце не послушалось его и первый раз в жизни забилось от страха.

Но он сам не знал, был ли то страх иль просто кошмар, навеянный коварным шайтаном пустыни.

II

Абу-Сеид был другом детства Омара. Они вместе росли, вместе играли, вместе пасли в детстве бедуинские стада и вместе учились потом, когда выросли, всему тому, что должен знать взрослый бедуин: и грабежам, и убийствам, и разбойничеству.

Их отцы были главарями известных разбойничьих шаек. Приобрели постепенно известность и Омар с Абу-Сеидом. Постепенно имена их отцов сменились их именами, и все с трепетом и тайным ужасом произносили имена Абу-Сеида и Омара.

Далеко кругом в пустыне разнесена была их слава как самых страшных, отчаянных и беспощадных разбойников. Горе было караванам, встречавшимся с ними. Их не спасали ни просьбы, ни моления, ни сан их, ни святость и ни деньги...

Неумолимы были наукиры грозной шайки. Без малейшего сожаления убивали они тех, кто сопротивлялся, и уводили в плен к себе изъявлявших покорность и продавали их потом жителям далеких пустынь.

Не одна капля горячей крови обагрила руки Омара и Абу-Сеида. Не одно предсмертное проклятие слышали они из уст издыхавших под ударами их сабель и ножей.

Не знали пощады у них ни старые, ни молодые, не смягчали их сердца ни детский плач, ни женские вопли. И богатого и бедного, и поклонников Святого Каабы и простых смертных, и грешных и безгрешных - всех постигала одна общая участь.

И вот раз, когда Омару было двадцать три года, а Абу-Сеиду двадцать пять, судьба свела их друг против друга.

Раз напали они на богатый караван из Палестины. Караван был небольшой, и руководила им знатная бедуинка Зулейха. В нем было всего лишь пятнадцать стрелков с самой Зулейхой.

Но не скоро удалось Омару с Абу-Сеидом разбить его. Отчаянно защищались палестинцы, защищались до изнеможения сил, до истечения последней капли крови. И немало удальцов выбыло из строя шайки Омара и Абу-Сеида. Даже сам Абу-Сеид получил рану в правую руку и не мог уже биться. Рану эту нанесла ему сама Зулейха.

Звонким голосом призывала она своих наукиров к борьбе и поминутно стреляла из маленького карабина своего, поражая одного за другим нападавших...

В безумной дикости кидались в бой ее наукиры. Грудью вперед, с пеной у рта и с красными, как у льва, глазами. Стреляли из ружей, поражали врагов и падали, сраженные потом их коварными пулями... Падали без крика и стона, лишь со скрежетом зубов и тяжелым вздохом.

Таков был обет, данный ими прекрасной главе каравана - Зулейхе.

Лишь после того, когда вышли все пули у палестинцев и нечем уже было стрелять им, лишь после того удалось разбить отряд Зулейхи.

Никого не осталось в живых из палестинцев. Все они предпочли смерть позорному рабству. Хотела убить себя и Зулейха. Но ее успели предупредить. Метким выстрелом из карабина сбил один из бедуинов из рук ее булатный нож, который она занесла было уже над собой, увидя поражение и смерть своих верных наукиров.

И она была взята в плен.

Когда Зулейха была привезена в оазис, где свила гнездо отважная шайка, ее заключили в каменный дом с тенистым садом и фонтанами. К ней были приставлены десятки невольниц. Они обязаны были прислуживать и оберегать ее.

Через месяц Зулейха должна была сделаться наложницей Абу-Сеида. Такова была воля самого Абу-Сеида. И все знали, что исполнится воля его: он был старше Омара, и ему принадлежало право выбора. Знала об этом и Зулейха. Но иначе думал Омар.

Никогда еще не видел он такой красавицы, какой была Зулейха, и нигде еще не встречал он такой отважной женщины. Никогда еще не билось так сильно его сердце и не горели так сильно его глаза при виде женщины, как это было при виде Зулейхи.

Уже в тот момент, как прострелила Зулейха руку Абу-Сеида в битве с их шайкой, уже в тот момент загорелась в груди Омара страсть к ней, и уже тогда решил он втайне во что бы то ни стало сделать ее своею.

Но знал Омар, что также пленяется Зулейхой и также жаждет ее и Абу-Сеид. Знал, что и он лучше жизнь отдаст, но не уступит Зулейху даже отцу родному.

Знал все это Омар, и в душе у него крепло решение похитить Зулейху и увезти ее в пустыню.

С первого же момента, как была взята Зулейха в плен, исчезло чувство близости и дружбы между Омаром и Абу-Сеидом и установилось что-то новое и непонятное, то, чего еще не знали они...

Им вдруг показалось, показалось ясно, как день, что один из них лишний и должен погибнуть, чтобы не мешать жизни другого... Недавние друзья, друзья-братья, превратились вдруг в злейших врагов, в самых коварных и опасных друг для друга.

Уже с того момента, как была схвачена Зулейха Омаром и скована в его сильных руках, уже с того момента перестали они смотреть в глаза друг друга, как бы зная, что, если встретятся случайно их взгляды, то уж не разойтись им, пока не произойдет между ними дикая схватка не на жизнь, а на смерть.

Исподлобья кидали они друг на друга пристальный горящий взгляд, полный ненависти и непонятной тревоги, и тотчас же опускали глаза, как только замечали, что могут встретиться их взгляды.

(продолжение следует)*

М.Султан-Галиев.

Красное знамя. - 1918. - 19 июля. - № 3.

* Продолжение не обнаружено. - Сост.

Изгоняйте провокаторов

Все обрушились сейчас на Советскую власть. Меньшевики, правые эсеры, анархисты, кадеты. Присоединились к их компании и "обидевшиеся" на коммунистов левые эсеры.

И трудно разобрать сейчас на митингах русских рабочих, меньшевик ли там выступает, кадет или же левый эсер. У всех у них на устах одни и те же избитые фразы о большевистском "засилье", о том, что большевики будто бы "расстреливают" рабочих и т.д. и т.д. И все они, как бы спевшись между собой, пользуются в своих выступлениях демагогическими приемами явной клеветы и лжи.

Большевики продали вас германскому империализму!..

Большевики вводят смертную казнь, - кричат они рабочим, брызгая по сторонам слюной.

Обрадовавшийся случаю встряхнуться немножко от спячки обыватель приятно позевывает и ждет не дождется перемены власти.

Метаморфоза эта представляется ему в виде неуловимо быстрой замены одной политической партии другой и завершением всех этих перемен приходом чехословаков, а за ними японских, английских, французских и других "союзнических" войск.

Начинают поддаваться этой провокации и некоторые из рабочих. Забывая себя и окружающее, они бессознательно начинают вторить соединенному вою объединившихся в борьбе против коммунистов остальных партий, начиная от анархистов и кончая монархистами.

Готовый еще только вчера повесить на первом попавшемся на глаза дереве всех "буржуев" и "капиталистов" рабочий сегодня уже не стесняется аплодировать адвокатам этих самых буржуев, когда они выступают с заявлением о необходимости прекращения гражданской войны.

Но все это мы объясняем ни больше ни меньше, как бессознательностью, а с другой стороны, отсутствием партийной организованности и дисциплины.

Нам думается, что все эти осмеливающиеся кричать сегодня "долой" по адресу коммунистов рабочие одумаются и сами же увидят, насколько жестоко ошиблись они, аплодируя изменникам социальной революции, прикрывающимся громкими лозунгами той же революции.

Нам думается, что русский рабочий не даст в конечном итоге проникнуть в свою среду темной агитации прикрывающихся лозунгами революционного социализма врагов пролетарской революции и пойдет по тому же пути, по которому идет сейчас мусульманский пролетариат.

Если движение чехословаков и повсеместное выступление белогвардейцев повлияло на товарищей русских рабочих ослабляюще на их революционную волю и революционный пыл, то у мусульманского пролетариата они не только не ослабли, но, напротив того, окрепли и оформились.

Мусульманский пролетариат не позволяет выступать на своих митингах не только меньшевикам и правым эсерам, но даже левым эсерам. На одном

из таких митингов рабочие мусульмане даже избили пробовавшего выступить против коммунистов левого эсера-мусульманина.

Мы бы напомнили товарищам русским рабочим не слушаться сказок уже известных своими предательскими делами меньшевиков и правых эсеров и примкнувших к ним левых эсеров и не возвращаться обратно на тот путь соглашательства, от которого они отказались в октябре прошлого года, а твердо продолжать идти по намеченному раз и навсегда пути: к всемирной социальной революции.

Не давайте же, товарищи, проникнуть в вашу среду контрреволюционной заразе, изгоняйте из своей среды меньшевиков, правых эсеров, примкнувших к ним левых эсеров и скрывающуюся за ними "отечественную" и иностранную буржуазию.

Не время церемониться с ними.

Провокаторам революции не место в ваших рядах.

Тамерлан.

Красное знамя. - 1918. - 2 августа. - № 5.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.82-84.

Письмо
председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому о необходимости скорейшего создания мусульманских частей Красной Армии

Позже 12 сентября 1918г.

По имеющимся в руках Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией среди мусульман Поволжья, Приуралья и Сибири сведениям, мусульманская буржуазия этих областей делает попытку восстановления ликвидированных мусульманскими революционными организациями буржуазных учреждений. В Оренбурге образовано временное Башкирское правительство, в Уфе восстановлен ликвидированный молодыми революционными организациями Национальный парламент мусульман внутренней России и Сибири - Милли идарэ. Помимо этого всюду восстанавливаются ликвидированные нами после Октябрьской революции буржуазные и мусульманские национальные Советы - "Милли шуро". Организации эти работают в тесном единении с Комитетом учредиловцев и другими белогвардейско-контрреволюционными организациями. Усилиями этих организаций в настоящее время создано несколько белогвардейских полков из татар и башкир, которые сражаются против советских войск. Все это диктует нам необходимость спешного создания с нашей стороны мусульманских частей Красной Армии в виде отдельных батальонов, полков и даже дивизий. Организующейся мусульманской буржуазии должен быть противопоставлен бронированный кулак мусульманского пролетариата. По мере очищения Поволжья и Урала от белогвардейских банд этот кулак будет использован нами для борьбы с наймитами англо-французского капитализма в Туркестане, Закавказье, где последний организует контрреволюцию. Ввиду вышеизложенного прошу Вас издать приказ по всем революционным советам и штабам отдельных армий, а также по всем окружным, областным, губернским и уездным военкомам, во-первых, о выделении мобилизованных рабочих мусульман в отдельные войсковые единицы: взводы, роты, батальоны, полки и так далее и сведении их в более крупные единицы, во-вторых, о сведении действующих против чехословаков красноармейцев мусульман в отдельные боевые единицы, поскольку это возможно технически, в-третьих, о регистрации и направлении в Казань в распоряжение мобилизационного отдела Центральной мусвоенколлегии всех офицеров из мусульман, в-четвертых, о всяческом содействии перечисленными организациями представителям и особо уполномоченным Центрмусвоенколлегии в образовании мусульманских частей Красной Армии.

Выражаю уверенность, что мое предложение не останется без внимания с Вашей стороны. Деятельность мусульманских революционных организаций ни в коем случае не может быть взята под сомнение, ибо они за период революционной борьбы достаточно ясно доказали свою революционность: все же мусульманские контрреволюционные организации, которые

подняли свою голову, опираясь на чехословацкие штыки, были задушены их собственными руками. Создание бронированного пролетарского кулака из мусульман имеет значение еще и потому, что Советскому правительству в скором будущем придется сделать организованный нажим на англо-французский империализм в его мусульманских колониях: Афганистане, Белуджистане, Индии и Аравии.

Временный председатель Центральной мусульманской военколлегии Центрального комиссариата по мусульманским делам и председатель Чревкома по восстановлению мусульманских революционных организаций и борьбе с контрреволюцией среди мусульман Поволжья, Урала и Сибири
М.Султан-Галиев.

ЦГА ИПД РТ. - Ф.36. - Оп.1. - Д.276. - Л.165-166.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.255-257.

Апелляция в Совет Народных Комиссаров на постановление коллегии Народного комиссариата по делам национальностей от 19 октября 1918г. по поводу временной инструкции о местных отделах Народного комиссариата по делам национальностей[45]

Не ранее 19 октября 1918г.

На заседании коллегии Наркомнаца от 19-го октября принят проект об организации местных отделов Наркомнаца.

По проекту отделы центральных комиссариатов отдельных национальностей превращаются лишь в секции местных отделов Наркомнаца. Вся роль центральных отделов национальностей или комиссариатов таким образом сводится почти к нулю. Правда, проект оставляет за ними право утверждения заведующих соответствующими национальными секциями (п.5) и установления надзора за правильностью их отчетности (п.9), право полного руководства ими в финансовом и политическом отношении. Они, являясь лишь секцией общих отделов Наркомнаца, всецело подчиняются непосредственно Наркомнацу.

Центральный комиссариат по мусульманским делам на такую конструкцию национальных комиссариатов не мог согласиться и своевременно известил Наркомнац о коренном расхождении с последним в вопросе конструкции местных отделов Наркомнаца.

На заседании от 17-го октября коллегией Ценмускома было постановлено в случае принятия коллегией Наркомнаца указанного выше проекта обжаловать его в Совет Народных Комиссаров, а в случае утверждения его последним оставить за собою право апелляции к VI Всероссийскому съезду Советов.

Основными пунктами расхождения Ценмускома с коллегией Наркомнаца являются следующие положения:

Центральный комиссариат по мусульманским делам выдвигает следующие принципы:

1) Конструкция Наркомнаца и национальных комиссариатов должна определяться теми принципами, которые положены в основу образования Рос. Соц. Фед. Сов. Республики, а именно: принцип свободного федерирования трудовых элементов отдельных наций и вытекающий отсюда принцип культурно-национальной автономии для пролетариата этих наций.

2) Конкретно этот принцип может выразиться лишь в создании отвечающим задачам развития всемирной революции постоянных и единых органов культурно-национальной автономии нации. Такими органами являются национальные комиссариаты с их провинциальными разветвлениями.

3) Взаимоотношения государства в целом и национальных комиссариатов в отдельности должны регулироваться созданием Народного комисса-

риата по делам национальностей по компромиссному сочетанию принципа пропорционального представительства пролетариата отдельных национальностей и принципа установления государственного контроля над центральными при Наркомнаце национальными комиссариатами. Конкретная форма выражения такого сочетания: коллегия Наркомнаца конструируется из представителей трудовых элементов входящих в него наций, избираемых национальными секциями Всероссийского съезда Советов. Комиссариат возглавляется народным комиссаром по делам национальностей, избираемым Всероссийским съездом Советов. Все решения Наркомнаца принципиального значения санкционируются Совнаркомом.

4) Централизация местных органов культурно-национальной автономии трудовых элементов отдельных наций (губернских и уездных национальных комиссариатов) проходит через центральные национальные комиссариаты, централизованные в свою очередь при Наркомнаце. Этим совершенно устраняется необходимость искусственного создания на местах Наркомнаца, непосредственно подчиняющих себе отделы центральных национальных комиссариатов. Централизованный государственный аппарат культурно-национальной автономии наций, населяющих Рос.Соц.Фед.Советскую Республику, выразится тогда в следующей конструкции:

а) Народный комиссариат по делам национальностей (с большой и малой коллегией);

б) при нем центральные комиссариаты по делам отдельных национальностей (Мусульманский, Еврейский, Латышский и т.д.);

в) в провинции существуют отделы центральных комиссариатов по делам национальностей (отдел Центрального комиссариата по мусульманским делам, отдел Центрального еврейского комиссариата и т.д.).

Что же касается представленного Наркомнацем на утверждение Совнаркому проекта, то он в корне противоречит выдвигаемым Ценмускомом принципам, так как стремится как раз к обратному, а именно: децентрализации отделов центральных комиссариатов национальностей, т.е. к распылению частей единого целого и к сведению таким путем на нет аппаратов культурно-национальной автономии отдельных национальностей.

Обойти же молчанием этот вопрос Центральн.комиссариат по мусульманским делам не может.

Возможно, что для комиссариатов других национальностей, право культурно-национальной автономии которых, в силу их высокого культурного положения, не нуждается в декретировании, совершенно безразлично, будет ли санкционирован этот проект Совнаркомом или нет. Но для Комиссариата по мусульманским делам вопрос этот имеет громадное принципиальное значение.

Дело в том, что до сего времени Ценмуском и все его провинциальные отделы рассматривались как центральной властью, так и Советами на местах как единое целое, возникшее в процессе революционной борьбы мусульманского пролетариата со своей и международной буржуазией. История возникновения всех этих организаций красноречиво подтверждает сказанное.

После первых же дней Февральской революции русские мусульмане создали органы культурно-национальной автономии в лице Всероссийского мусульманского милли шуро (национального совета) и его провинциальных отделов - губернских, уездных и даже сельских мусульманских национальных советов. Наряду с этой организацией в скором времени возник Всерос.мусульманский военный совет, объединявший в себе всех воинов-мусульман Русской армии.

В июле м-це на 2-м Всероссийском съезде мусульман, состоявшемся в Казани, возникла мысль о создании для мусульман внутренней России и Сибири Национального парламента (Миллет меджлесе). Открытие Миллет меджлесе совпало с моментом Октябрьской революции. Все эти организации возникли явочным порядком и строились по принципу коалиционной власти.

Тенденция создания самостоятельных органов культурно-национальной автономии в виде Миллет меджлесе стала проявляться и в других населенных мусульманами областях - Туркестане, Кавказе и Крыму, выливаться потом в форму образования временных национальных правительств этих территорий.

Развитие Октябрьской революции, выдвинувшее лозунг установления диктатуры пролетариата, потребовало уничтожения этих организаций как построенных не по принципу диктатуры пролетариата.

Такими организациями и явились комиссариаты по мусульманским делам.

Так, Центральный комиссариат по мусульманским делам возник как противовес Мусульманскому национальному совету и Миллет меджлесе, которые и были затем упразднены им.

Возникновение мусульманских комиссариатов на местах - в Казани, Уфе и Оренбурге - также имеет за собою показательную в этом отношении историю. Так, Казанский комиссариат по мусульманским делам возник в процессе упорной и длительной борьбы казанских большевиков мусульман с находящимися тогда в Казани Всероссийским мусульманским военным советом и II-м Всероссийским мусульманским военным съездом.

Созданием этого комиссариата мусульманский пролетариат предотвратил возможность организованного выступления мусульманской буржуазии совместно с буржуазией других национальностей Поволжья и Сибири против Советской власти (ликвидация Военного совета, разгон II-го Мусульманского военного съезда и ликвидация знаменитой "Забулачной республики").

Уфимский комиссариат возник в процессе борьбы с Миллет меджлесе и Национальным управлением мусульман внутренней России и Сибири.

Оренбургский комиссариат возник в процессе той же борьбы с Башкирским курултаем (парламентом) и Временным башкирским правительством, работавшим в контакте с Дутовым.

Революционная деятельность этих комиссариатов ни в коем случае не может быть взята под сомнение.

Созданные Казанским мусульманским комиссариатом мусульманские красноармейские части (1-й Мусульманский социалистический полк и

один из татаро-башкирских батальонов) всегда являлись наиболее надежным элементом в борьбе Казанского Совета с контрреволюцией.

В момент, когда спровоцированные правыми эсерами и меньшевиками русские красноармейские части организовали в Казани восстание против Советской власти, красноармейцы Мусульманского комиссариата в один голос заявили, что они с оружием в руках принудят их признать Советскую власть.

То же самое можно сказать и относительно Уфимского комиссариата. Из показаний оперирующих в Уфимской губернии против чехословаков частей Красной Армии определенно выясняется, что самым революционным элементом в этой губернии являются мусульмане. Почти повсеместным явлением считается тот факт, что, в то время, когда русские селения проявляли враждебное отношение к советским войскам, мусульманское население выражало им свое сочувствие, всячески помогая им и облегчая их борьбу с чехословаками. Все это, разумеется, является плодом работы Уфимского комиссариата по мусульманским делам.

И если Совет Народных Комиссаров утвердит проект Наркомнаца, то будет разрушена вся работа мусульманских революционных организаций по созданию единого органа, объединяющего мусульманский пролетариат России.

Об отрицательных результатах этого шага не приходится говорить: у революционеров-мусульман будет отнят главный аргумент, которым они пользовались до сего времени при агитации за Советскую власть и за мировую социальную революцию, а именно: мысль о замене коалиционных мусульманских общенародных организаций мусульманскими же пролетарскими организациями. Не имея под собой реальной почвы, революционеры из мусульман должны будут тогда отойти в сторону.

На последнее обстоятельство следует обращать тем более серьезное внимание, что игнорировать значение революционеров из мусульман в истории развития русской и всемирной революции не приходится, особенно в настоящее время, когда с выступлением союзного империализма в качестве организатора контрреволюции в России создается благоприятная почва для Советской России к тому, чтобы организовать среди мусульманского пролетариата Востока широкую агитацию против империализма.

На основании вышеизложенного Центральный комиссариат по мусульманским делам просит Совет Народных Комиссаров не утверждать представленного со стороны Наркомнаца проекта инструкции отделов Наркомнаца на местах, а предложить последнему разработать его в соответствии с теми принципами, которые выдвигаются Центральным комиссариатом по мусульманским делам, хотя бы в части, касающейся мусульман.

Председатель комиссариата: Султан-Галиев,
Члены: Кильдибяков, Гайнуллин, Альмухаметов,
Секретарь: Г.Альмухаметов.

ЦГА ИПД РТ. - Ф.36. - Оп.1. - Д.234. - Л.118-125.

Информация

Народному комиссариату по делам национальностей об участии мусульманского пролетариата в борьбе против интервентов и белогвардейцев в 1918 году

31 октября 1918 г.

Для Советской власти, стремящейся к Всемирной Революции и встречающей на этом пути всяческие препятствия со стороны отечественной и международной буржуазии, чрезвычайно интересно знать, как относится пролетариат отдельных национальностей Российской Республики к попыткам буржуазии восстановления власти капитала путем свержения Советской власти.

Особенно большой интерес в этом отношении представляет позиция мусульманского пролетариата.

В зависимости от того или иного отношения мусульманского пролетариата к Советской власти в значительной степени предопределяется и вопрос о том, насколько Советской власти удастся подчинить себе мусульманский Восток в отношении подготовления там почвы к восстанию против международного империализма.

Игнорировать значение последнего вопроса не приходится, так как при внимательном изучении тех форм взаимоотношений, какие установлены ходом исторического развития между Востоком и Западом в социально-экономическом отношении, становится ясно, что мусульманский пролетариат, и не только Азии, но и Африки, представляет в высшей степени подходящий материал для нанесения удара международному империализму в силу того обстоятельства, что этот пролетариат уже в течение целого ряда веков составляет главный объект эксплуатации международного капитализма.

Положение это настолько ясно, что не требует и доказательств.

Вся история развития западноевропейской промышленности красноречиво говорит о том, что это так.

Отсутствие сообщения с Туркестаном, Кавказом и Крымом не дает нам возможности точно определить настроение мусульманских трудовых масс этих областей. Правда, твердость Советской власти в Туркестане как бы является показателем того, что мусульманский пролетариат этой области всецело на стороне Советской власти, но, с другой стороны, почти беспрепятственное продвижение туда англо-французских войск со стороны Персии и Закаспия как будто указывает на индифферентное, или даже сочувственное, отношение туземного населения к стремлению союзного империализма оккупировать Туркестан.

Отрывочные сведения, поступающие с Кавказа, свидетельствуют о том, что часть горцев-мусульман Северного Кавказа (чеченцы, лезгины и осетины-магометане) сражаются с рядах Советских войск против восставшего против Советской власти терского и кубанского казачества. Но мы совершенно не можем сказать, какой именно процент составляют защищающие Советскую власть горцы и каково отношение к этой власти остальной их части. По некоторым сведениям, число сражающихся в рядах советских войск горцев-мусульман достигает ста тысяч, но едва ли эта цифра соответствует действительности. Во всяком случае все эти сведения нуждаются

в проверке. Но как бы там ни было, факт тот, что горцы-мусульмане Кавказа в настоящее время стоят за Советскую власть и поддерживают ее.

Более или менее точно можно определить в этом отношении лишь позицию мусульманского пролетариата Поволжья и Приуралья, превратившихся с нашествием чехословаков в театр военных действий.

Как известно, к моменту выступления чехословаков мусульманский пролетариат этих областей только что организовывался. Все мусульманские буржуазные организации в лице Всероссийского мусульманского национального совета, Всероссийского мусульманского военного шуро, Национального парламента мусульман внутренней России и Сибири и Учредительного собрания башкир (Башкирский курултай) были ликвидированы.

Что же касается мусульманских комиссариатов, возникших на местах в процессе революционной борьбы мусульманского пролетариата со своей буржуазией, то они находились, как и большинство Советов, лишь в состоянии конструирования.

Предпринятое Центральным мусульманским комиссариатом и его отделами на местах создание мусульманских частей Рабоче-Крестьянской Армии шло не вполне успешно, так как местная власть под разными предлогами старалась препятствовать развертыванию мусульманских частей Красной Армии в более или менее крупные боевые единицы. Объяснялось это отчасти тем, что после состоявшегося в мае месяце совещания о Татаро-Башкирской республике некоторые из пользовавшихся авторитетом среди русской рабочей массы советских работников выступили на страницах местных советских официозов с резкой критикой как политики Центрального комиссариата по мусульманским делам, так и политики Народного комиссариата по делам национальностей, выставляя перед читателями стремление создания означенной республики ни больше ни меньше как выражение политического сумасбродства (статьи К.Грасиса в газете Казанского Совдепа "Знамя революции").

Такие выступления кидали некоторую тень сомнения на деятельность мусульманских революционных организаций, вылившегося потом в форму скрытого недоверия к ним и вытекающего отсюда препятствования их работе по организации мусульманских частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Между тем позднее (но уже было поздно) местным СОВДЕПам стало ясно, что сомнения эти не имели почвы и что созданием препятствий к росту мусульманских частей Красной Армии они сделали глубокую ошибку.

Весьма показательная в этом отношении история произошла в Самаре и Казани.

Еще до занятия Самары чехословаками из Казани был отправлен на защиту Уфы отряд красноармейцев, состоявший из одной роты Мусульманского социалистического полка, роты интернационального батальона и отряда матросов. Последние по дороге взбунтовались, арестовали весь командный состав отряда и предались бесчинствам. Увидя это, красноармейцы-мусульмане запротестовали и, сговорившись с интернациональным отрядом, отбили у матросов арестованный ими и приговоренный к расстрелу командный состав и отправились далее к месту назначения, оставив матросов на произвол судьбы.

Такая же история случилась и в Самаре недели за две до ее падения.

Прибывшие из Казани и спровоцированные буржуазией матросы присоединились к максималистам и анархистам и хотели выступить против Самарского СОВДЕПа. Но прибывшая вместе с ними мусульманская рота красноармейцев, несмотря на свою малочисленность, твердо и решительно заявила, что она не позволит такого выступления, и тем решила вопрос в пользу Самарского СОВДЕПа.

Но еще разительнее был пример, произошедший после всего этого в Казани.

Вскоре после взятия Самары чехословаками в Казани, Нижнем Новгороде и других городах агентами контрреволюции был организован широкий заговор против Советской власти.

Заговор предполагалось осуществить путем провоцирования Красной Армии. В Казани это выразилось в виде подкупа членов красноармейского гарнизонного собрания и создания конфликта между ним и Советом. В дело вмешались и матросы, дезертировавшие с фронта.

В результате на стороне контрреволюции, совершенно неожиданно для Совета, оказалось около 5-ти тысяч спровоцированных русских красноармейцев. Восставшие красноармейцы требовали удаления некоторых из членов исполкома Совета и военного комиссара. Но было ясно, что под видом борьбы с отдельными советскими работниками организовывалась чистейшая контрреволюция.

Положение Совета было в высшей степени критическое. Он должен был временно разойтись, выделив из себя тайный военный революционный совет.

Но восстание не удалось и провалилось, так как благодаря своевременно принятым мерам Мусульманского комиссариата и Комитета коммунистов-мусульман красноармейцы-мусульмане в составе одного полка и прибывшего из Москвы татаро-башкирского батальона категорически потребовали роспуска гарнизонного собрания и разоружения дезертировавших матросов и неподчиняющихся Советской власти красноармейцев и решительно заявили о том, что с оружием в руках выступят против повстанцев.

В результате такого поведения красноармейцев-мусульман, несмотря на то, что их численность не превышала даже 1000 человек, весь этот конфликт был разрешен в пользу Советской власти.

Свою преданность делу революции красноармейцы-мусульмане не раз доказывали и после этого случая.

Так, в период борьбы с левоэсеровским мятежом Советская власть в Казани в деле борьбы с присоединившимися к ЦК партии левых социалистов-революционеров опиралась, главным образом, на красноармейцев-мусульман.

Всего сказанного достаточно, чтобы сделать соответствующий вывод о том, что, если бы к моменту чехословацкого восстания мусульманскому пролетариату была дана возможность создать в пределах предполагаемой территории Татаро-Башкирской республики достаточно большую Красную Армию, то это движение в начале же было бы подавлено, и Советской России не пришлось бы тратить тех миллионов, которые тратятся сейчас на подавление чехословацкого мятежа.

М.Султан-Галиев.

ГА РФ. - Ф.1318. - Оп.1. - Д.37. - Л.103-105об. Подлинник.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.257-262.

I Всероссийский съезд мусульманских коммунистов Москва. 4-12 ноября 1918г.

1. Выступления по организационному вопросу[46]

9 ноября 1918г.

Султан-Галиев. С теми товарищами, которые настаивают на организации секций, он не соглашается. Ведь перед мусульманскими партийными работниками стоят великие задачи, и поэтому он предлагает создать самостоятельный центральный орган. К созданию такого органа, я думаю, не будет препятствий со стороны власти, т.к. Рабочая коммунистическая партия (большевиков) есть партия интернациональная. В настоящее время происходит революция в Германии, Австро-Венгрии и т.д. Допустим, произошел переворот в Англии и пролетариат Англии, то это значит, что богатство данной страны переходит в их руки. Но ведь в руках английской буржуазии главным образом на эксплуатации туземцев и таким образом английский пролетариат перейдет в мещанство*. Мы должны будем протестовать. В тактике мы должны привлечь на свою сторону партийных работников и революционизировать не только пролетариат России, но и всего мира. Поэтому должны иметь самостоятельную центральную организацию, дабы мы имели влияние среди мусульманского населения и установить тесную связь с Всероссийским ЦК. На счет же содержания этого аппарата нет надобности поднимать вопрос, т.к. он будет признан Всероссийским ЦК. Этим вопрос исчерпывается. Если же он не будет признан, то пусть сам (т.е. Всероссийский ЦК) попробует исполнить задачи, взятые нами.

***

Султан-Галиев. Говорит, что некоторые его не поняли. Они из его речей поняли так, как будто он настаивает на образовании отдельной партии. Ничего подобного. Он говорит лишь об учреждении организации, а не партии.

РЦХИДНИ. - Ф.583. - Оп.1. - Д.1 - Л.106об.-107; 108. Стенографическая запись.

* В стенограмме написано так. - Сост.

2. Тезисы доклада о деятельности Центрального мусульманского комиссариата

11 ноября 1918г.

1. Условия деятельности комиссариата.

Территория деятельности была отрезана от центра (по мере освобождения этих территорий зарождается необходимость их организации).

2. Что предполагали сделать?

а) в военном отношении - создать стойкие части Красной Армии из мусульман;

б) в отношении организации рабочих-мусульман - рабочие клубы и т.д;

в) в культурно-просветительном отношении - организация научной коллегии, открытие семинарий, учительских курсов и т.д.;

г) в отношении агитации - издание газеты на русском языке "Красное знамя", на татарском языке - "Чулпан", "Кызыл Армия", переводы сочинений, расширение типографии;

д) посылка агитаторов на Кавказ, в Крым, Туркестан.

Что сделано: Теми же отделами и отделами статистическим, юридическим.

Статистика

1) мусульманские социалистические комитеты;

2) комиссариаты.

Картограмма границы Татаро-Башкирской республики. Количество мусульманского населения в России, на всем земном шаре.

Юриспруденция. Кодификация декретов.

РЦХИДНИ. - Ф.583. - Оп.1. - Д.1. - Л.176 с об. Автограф.

Письмо
политическому отделу Высшей военной инспекции РККА об издательской деятельности Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене РСФСР

Позже 9 ноября 1918г.

В ответ на отношение отдела от 9-го сего ноября за № 132/7770[47] Центральная мусульманская военная коллегия сообщает, что политическим отделом Коллегии издается мусульманская газета "Кызыл Армия" ("Красная Армия"), которая с 4 по 11 номер печаталась в количестве 6000 экземпляров и с 12 номера в количестве 20 000 экземпляров.

Газета главным образом распространялась среди красноармейцев-мусульман Восточного фронта через штаб Волжской военной флотилии. Так, за время пребывания Коллегии в гор. Казани отправлялись газеты 15000 экземпляров: из них

1 армии	.....	1500 экз.
2 "	.....	3000 "
3	.....	3000 "
4	.....	3000 "
5	.....	3000 "
и в штаб Восточного фронта		1500 "
Всего		15000 экз.

и 5000 экземпляров разослано по почте различным рабочем-мусульманским организациям и крестьянской бедноте Поволжья, Сибири и Приамурья.

Максимальное количество экземпляров не могло быть выпускаемо по двум причинам: первая из них это та, что Центральная мусульманская военная коллегия, не успевшая еще сформироваться, должна была по распоряжению тов.Троцкого выехать из Москвы на Казанский фронт для непосредственного руководства мусульманскими отрядами на фронте, при взятии Казани чехословаками не успела эвакуироваться, была разгромлена и два члена коллегии попали в плен, в том числе председатель коллегии - судьба последнего до сего времени неизвестна.

Вследствие этого работа Коллегии была прервана и восстановлена только после пополнения Коллегии новыми членами и после обратного занятия Казани советскими войсками. По восстановлении Коллегии пришлось начать работу сначала, т.к. все дела были уничтожены. И вторая причина это та, что в Москве не имеется хорошо оборудованной типографии для татарской печати. Газета "Кызыл Армия" и др. издания Коллегии печатаются в типографии "Восточная печать", которая имеет 100 пудов мусульманского шрифта и является единственной типографией, обслуживающей все центральные мусульманские учреждения России, а потому рассчитывать на нее особенно не приходится.

Ныне политическим отделом Коллегии принимаются все меры к достаточному снабжению фронтов литературой через военный отдел издатель-

ства Центрального Исполнительного Комитета, восстановлено издание специальной красноармейской газеты "Кызыл Армия", выпущен ряд брошюр на татарском языке, а также предполагается к выпуску целый ряд брошюр и довести газету до самого максимума. С этой целью Коллегия в самом непродолжительном времени войдет с ходатайством в Высшую военную инспекцию об ассигновании специальных средств на оборудование типографии Коллегии.

Председатель коллегии М.Султан-Галиев.
Заведующий политическим отделом
Секретарь*

РГВА. - Ф.17. - Оп.1. - Д.14. - Л.3 с об. Отпуск.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.262-264.

* Подписи отсутствуют. - Сост.

Письмо
уездным и губернским мусульманским комиссариатам в Мензелинске, Елабуге, Казани, Симбирске, Нижнем Новгороде, Перми, Чистополе, Саратове, Петрограде, штабу 2-й армии Восточного фронта о преобразовании Центрального мусульманского комиссариата в Татаро-Башкирский комиссариат

14 декабря 1918г.

Ввиду постановления Центрального бюро мусульманских коммунистических организаций коллегия Наркомнаца ликвидировала Центрмуском, восстанавливает Татаро-Башкирский комиссариат. Для закавказских татар создается особый комиссариат. На заседании бюро я отстаивал точку зрения необходимости сохранения органа, объединяющего пролетариат мусульманских народностей республики, но был в единственном числе. Постановлением Бюро в Татаро-Башкирском комиссариате остаются лишь отделы общий, статистический, издательский, культурно-просветительный. Остальные отделы упраздняются.

№ 2061.

Татаробашком Султан-Галиев.

ЦГА ИПД РТ. - Ф.36. - Оп.1. - Д.265. - Л.91-92. Копия.

Обращение
к башкирам и татарам, сражающимся против Советской власти в рядах интервентов и белогвардейцев с предложением перейти на сторону советских войск

29 декабря 1918г.

Братья башкиры и татары!

Вы обмануты, жестоко обмануты!

Ваши вожди, продавшиеся русским и казацким помещикам и банкирам - заки валидовы, алкины, исхаковы, максудовы и туктаровы, обманули вас.

Призывая вас бороться с Советской властью, формируя из вас башкирские полки и кавалерийские эскадроны, они говорили вам, что будто бы Советская власть идет против вашего самоопределения, что она отнимает у вас ваши земли и изгоняет из ваших мектебе (школ) ваш язык и религию.

Какая наглая ложь!...

Вдумайтесь хорошенько во все то, что происходит сейчас вокруг вас, и вы увидите, что это так.

Вы увидите, что всем этим лицам важно не ваше национальное самоопределение, не ваш язык и религия, а важно то, чтобы вы были в их руках, чтобы вы находились в заблуждении.

Действуя от имени "нации" и "религии", они хотят лишь установить над вами свою власть.

Власть алчных помещиков и кулаков и продажного духовенства.

Но если вы вдумаетесь еще глубже, то увидите, что за спиной ваших "вождей" стоят другие, те, под гнетом и кабалой которых веками страдали, мучались и стонали башкиры и татары.

За их спиной стоят русские помещики, потомки царского генерал-губернатора Крыжановского, ограбившего вас и раздавшего ваши земли царским холопам и приспешникам, разным князьям, графам и дворянчикам.

За их спиной стоят русские попы и миссионеры-монархисты, когда-то насильно заставлявшие вас креститься и не позволявшие вам открывать школы на родном языке.

За их спиной стоят банкиры, купцы, кулаки и мироеды, крепко присосавшиеся к вашему телу и пьющие вашу кровь.

А за спиной всей этой своры стоят иностранные банкиры и капиталисты, капиталисты Англии, Франции, Японии и Америки, но от вас скрывают эту правду. Скрывают ту горькую правду, что ваши "вожди" - это лишь пешки в руках мирового капитала.

Слушайте же правду!

Слушайте же правду, трудовые башкиры и татары!

Четыре года тянулась кровавая бойня между народами земного шара. Миллионы жизней унесла она. Потоками крови орошена земля. Миллионы сирот и вдов осталось на земле.

Из-за чего же произошло все это?

Из-за того, товарищи, что два самых сильных в мире капитала, с одной стороны, союзный капитал Англии, Франции, Японии, Италии и России, а с другой - союзный же капитал Германии и Австрии, вступили в борьбу между собой.

Каждый из них хотел быть владыкой мира.

Главным же яблоком их раздора был Восток и мусульманские его страны - Индия, Персия, Турция, Аравия, Египет, Трипполи, Тунис, Алжир и Марокко.

Германо-австрийские банкиры хотели вырвать их из рук англо-французов и подчинить их себе, англо-французские капиталисты стремились сохранить над ними свое владычество.

Война кончилась поражением германо-австрийского капитала, и владыкой мира хочет сделаться сейчас англо-французский империализм.

Но остался еще один враг, этот враг опаснее и страшнее для них даже Австро-Германского союза. Враг их это - Российская Революция, Российская Советская власть и стоящая во главе ее партия коммунистов-большевиков.

Они прекрасно видят, что если русская революция будет развиваться, то она перекинется и в другие страны и станет всемирной социальной революцией, и что тогда все колонии англо-французского капитала отойдут от него и станут самостоятельными трудовыми республиками.

Вот почему англо-французский и союзный с ними японо-американский капитализм стремятся во что бы то ни стало задушить русскую революцию и, свергнув в России Советскую власть, заменить ее монархией.

Они напрягают все свои усилия и пускают в ход всю свою хитрость, чтобы добиться этой цели.

Они подкупили чехословаков, подкупили старых царских генералов-холопов и контрреволюционных офицеров, подкупили казаков, подкупили и ваших "вождей".

Подкупили их, - одних деньгами, а других обещанием "автономии".

Но это ложь, товарищи!

Посмотрите, что делают сейчас англо-французы и американцы.

Они занимают Германию и Австрию. Они заняли Турцию, Персию, Закавказье и стремятся занять Туркестан, Киргизию, Кавказ, Крым, Украину, Татаро-Башкирию и всю Советскую Россию.

Они не "автономию" дают, а устанавливают свою гегемонию.

Но им не удастся это. Они так же быстро лопнут, как лопнули германские банкиры, пожелавшие проглотить Украину и западные части Российской Республики.

Им не удастся затушить пожар Мировой революции.

Посмотрите, что делается вокруг.

Уже восстали рабочие Германии, Австрии и Болгарии. Правительство германского императора рухнуло, и в Германии сейчас Советы, образуются Советы и в Австро-Венгрии.

Весь русский рабочий люд, как один, встал под ружье и мощными ударами отражает всех тех, кто идет против него.

Вам говорят, что Советская власть и большевики идут против национального самоопределения.

Но разве не Советская власть дала вам Положение о Татаро-Башкирской Советской республике?

Разве не она дала мусульманам Туркестана молодую Туркестанскую республику?

Разве не она призывала и призывает весь Восток и все мусульманские ее страны восстать против векового гнета англо-французского капитала и, свергнув власть английских чиновников, создать самостоятельную республику?

Товарищи, Советская власть стремится освободить **рабочий класс всего мира** от гнета капитала. Она твердо и решительно идет по этому пути и все, что ни попадется ей по этому пути, будет беспощадно стирать с лица земли.

Если вам дороги интересы трудового класса; если вам дороги интересы тех сотен миллионов трудовых мусульман, которые страдают под непомерно тяжелой кабалой обманувших вас англичан и французов; если вы не хотите того, чтобы под этот гнет попали рабочие Турции, Персии, Туркестана, Киргизии, Кавказа и Крыма, то вы не должны сражаться против Советской власти, а должны восстать против своих главарей и, покинув ряды чехословаков, перейти на сторону советских войск.

Скорее, скорее!..

Скорее же спешите перейти на стороны ваших единственных друзей - рабочих Советской России, чтобы дружным натиском ударить потом по наймитам обманувших вас англичан и французов.

Скорее же спешите, чтобы общими усилиями спасти попавших под гнет англо-французского капитала рабочих Турции, Персии, Кавказа и других мусульманских стран.

Спешите же, скорее!..

Иначе будет поздно - и проклятие страдающих под гнетом западноевропейского империализма сотен миллионов рабочих-мусульман падет на ваши головы.

От имени десятков тысяч красноармейцев-мусульман, татар, башкир и турок, сражающихся против чехословаков, мы призываем вас к восстанию.

Восстаньте против ваших главарей!

Расстреляйте их и переходите на сторону советских войск.

Иначе будет поздно - и рука Истории не пожалеет вас.

Председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Народном комиссариате по военным делам Рос.Соц.Фед.Сов.Республики
Мирсаид Султан-Галиев.
Члены Коллегии: Набиулла Вахитов, Камиль Якубов, Ахмеджан Алмаев.

Жизнь национальностей. - 1918. - 29 декабря. - № 8.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.264-269.

Бөтенрусия мөселман гаскәриләренең II съездында тәбрикләү нотыгы

9 январь 1918 ел.

Тәбрик итәмен сезне, изелгән, тапталган мөселман эшчеләр исеменнән. Тәбрик итәмен сезне идеалы мөселман мәмләкәтләрен Европа капитализмыннан коткаруны гайяи* максат итеп тоткан Мөселман социалистлар комитеты исеменнән.

Һәр мәмләкәттә вә һәр милләттә төрле сыйныфлар булып, аларның араларында берсе хаким вә берничә сыйныфы изелүче булган кебек, милләтләрнең дә шундый ук хаким булып килгәннәре вә изелгәннәре бар. Изелгән милләтләр арасында һәммә җирдә дә без мөселманнарны күрәбез. Алыгыз Һиндстан, Мисыр, Фас, Җәзаир вә Траблисны. Һәммәсе Европа милләтләре тарафыннан изеләләр. Алар, ягъни мөселманнар эксплуатируемый халык. Бөтен Европа мәмләкәтләре үзләренең бөтен эшләрен, көчләрен мөселман каны, мөселман халкы тире белән тәшкил итә. Менә шул ноктадан карап, мөселман социалистлары харижи** сәясәттә бөтен көчләрен империализм белән көрәшергә сарыф итәләр. Россия мөселманнары үзләренең съездларында бик ачык әйттеләр Европа империализмын яклаучылар артыннан барачак түгелбез, дип. Садри Максуди Мәскәүдә, кадетлар съездында "Истабулны алу фикереннән кайтсаңыз, мөселманнар сезгә кушылырлар", дип кадетларга әйткән иде. Мөселманнар бу сүзгә каршы торулары белән Һичбер вакытта Европа милитаризмы белән бармаячакларын әйттеләр. Бу эш һәммә съездларда да ачык күренде. Бу үткәннәрне искә төшерергә хәзерге хәлләр мәҗбүр итәләр.

Хәзерге хәлләргә күз салсак, күрәбез: Учредительное собрание ачу, аны яклау тиеш, дигән якта Европа капиталының һәм Россия буржуазиясенең бармагы уйный. Мөселманнар башта "без кадетларга кушылмыйбыз", дип кычкыргач, хәзер үк эсерларга "сезнең арттан бармыйбыз", дип әйтергә тиеш. Учредительное собрание җыелды. Җыелудан элек аннан халык нәрсәдер көтәдер иде. Ләкин ана кадетлар вә үң эсерлар кереп утырдылар. Шул сәбәптән ул мөселман илләренең идеалына каршы. Аны яклыйк, дисәләр, без "Юк, ул мөселманнарның идеалларына каршы, шул сәбәптән без аны якламыйбыз!" дияргә тиеш.

Безнең тавыш.-1918.-11 январь.-№ 7. Газета хисабы.

---

* Гайяи - биредә "тәп" мәгънәсендә.

** Харижи - тышкы.

Казанның Швейцария бакчасында* уздырылган кызылармиячеләр митингысында чех-словак корпусы фетнәсе турында чыгыш

2 август 1918 ел.

Чех-словаклар фетнәсе үз-үзеннән генә килеп чыкмады. Аны чыгарырга русларның мөселманнарга дошман булган уң партияләре һәм Англия, Франция жиһангирлары ярдәм иттеләр. Инде хәзердә түбәндә мәскүр** сәбәпләргә бинаән*** мөселманнарның һәммәсенә чех-словакларга каршы тору тиеш.

Чех-словаклар галәбә тапкан**** тәкъдирдә аларга каршы тору өчен бу тирәгә Германия дә үзенең гаскәрен кертәчәк. Аңа каршы - Себер тарафыннан инглиз, француз һәм япон гаскәрләре дә киләчәкләр вә шуның нәтиҗәсендә мөселманнар тора торган вилаятләр киң сугыш мәйданы булып әвереләчәк.

Чех-словаклар жиңгән тәкъдирдә славян галәме һәм Англия-Франция жиһангирлары куәт табачаклар. Ул вакытта Һиндстан, Бәлүҗстан, Траблис, Фас шикелле жирләрдә торучылар бөтен Европага кол булып калу гына түгел, иң актык Төркияне дә бүлеп бетерәчәкләр вә шулай итеп ислам галәме бөтенләй бетәчәк.

Советлар жиңелгән вакытта Россиянең хакимияте буржуалар кулына күчәчәк. Бөтен хәрриятләр бетәчәк. Россия мөселманнары янәдән поплар-миссионерлар тәэсиренә биреләчәкләр.

Жир мәсьәләсендә дә мөселман крестьяннарына күп зарар киләчәк. Алар тагы әүвәлдәге шикелле жирсез-сусыз калачаклар.

Менә шул эшләрне игътибарга алганда, хәзерге көндә Россия мөселманнарына чех-словакларга каршы тору гына мөкатдәс итеп тотылырга тиеш.

Эш.-1918.-4 август.-№ 56. Газета хисабы.

---

* Хәзер М.Горький исемендәге Үзәк культура һәм ял паркы.

** Мәскүр - әйтелгән, күрсәтелгән.

*** Бинаән - нигезләнеп, таянып.

**** Галәбә - тапкан-жиңгән.

1919 г.

- Доклад заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э.М.Склянскому о деятельности Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене РСФСР за 1918 год
- Письмо председателю Совета обороны Республики В.И.Ленину, копии: народному комиссару по делам национальностей И.В.Сталину, председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому, заместителю народного комиссара по военным делам Э.М.Склянскому, заместителю председателя Центральной мусульманской военной коллегии Н.Г. Вахитову, заместителю председателя Центрального мусульманского комиссариата А.М.Енбаеву, - о необходимости сохранения и упрочения Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене РСФСР.
- Письмо наркому по делам национальностей И.В.Сталину, копия: политбюро ЦК РКП(б), - о необходимости широкого использования мусульман в борьбе против Колчака
- Доклад председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому о революционных мерах, которые необходимо принять в целях использования мусульман Поволжья (татар) для борьбы с Колчаком
- Письмо Центральному бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), копия: ЦК РКП(б), - о нецелесообразности создания центрального бюро татаро-башкирских организаций РКП(б) Восточного фронта
- Письмо Реввоенсовету Восточного фронта о необходимости отзыва бывших офицеров-мусульман для работы в формируемой 2-й татарской стрелковой бригаде
- Информация Реввоенсовету Восточного фронта, копия: политбюро ЦК РКП(б), председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому о бунте в татарском запасном батальоне в Казани 25 июня 1919 г.
- Письмо командиру 1-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады Ю.И.Ибрагимову, политкомиссару бригады Ш.Х.Усманову, копии: ЦК РКП(б), Центральному бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому, народному комиссару по делам национальностей И.В.Сталину, - с осуждением резолюции о неприятии Цебюро коммунистических организаций народов Востока, принятой на совещании политработников-татар в Самаре
- Приказ № 10 Центральной мусульманской военной коллегии о недопустимости агитации против Башкирской республики и репрессий в отношении башкирского населения
- Доклад Реввоенсовету Республики о необходимости изменения его постановления о временном подчинении Центральной мусульманской военной коллегии Управлению по формированию Восточного фронта
- Письмо комиссару Главного управления военно-учебными заведениями Всероглавштаба с ходатайством об открытии

при Казанских мусульманских пехотных и кавалерийских курсах командного состава постоянных двухмесячных подготовительных отделений
- Письмо В.И.Ленину с просьбой об аудиенции
- Социальная революция и Восток
- Приветственная речь при встрече Афганского чрезвычайного посольства во главе с Мухаммедом Вали-ханом в Москве
- II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока. Москва. 22 ноября - 3 декабря 1919 г.
- Речь при открытии съезда
- Резолюция съезда по докладу В.И.Ленина о текущем моменте
- Выступление при обсуждении отчетного доклада Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б) за период с декабря 1918 г. по ноябрь 1919 г.
- Выступление при обсуждении доклада о деятельности Центральной мусульманской военной коллегии
- Доклад о деятельности Центрального мусульманского комиссариата.
- Доклад по восточному вопросу
- Проект резолюции по восточному вопросу
- Выступление при обсуждении проекта резолюции по восточному вопросу
- Ответная речь после выступления председателя ВЦИК М.И.Калинина
- Доклад по татаро-башкирскому вопросу
- Ответы на вопросы по докладу по татаро-башкирскому вопросу
- Заключительное слово после обсуждения доклада по татаро-башкирскому вопросу
- Резолюция по татаро-башкирскому вопросу
- Выступления при обсуждении доклада ревизионной комиссии
- Выступление при обсуждении вопроса о местонахождении нового Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б)
- Приветственная речь на VIII Всероссийской конференции РКП(б)
- Письмо В.И.Ленину с анализом мнений противников создания Татаро-Башкирской Республики Б.М.Эльцина и М.Н.Исрафилбекова (Кадирли) на совещании политбюро ЦК РКП(б) 13 декабря 1919 г.
- Арчада крестьяннар митингысындагы чыгыш
- Казан Советының V Казан вилаяте партия конференциясе, профессиональ союзлар конференциясе, профсоюзлар идарәсе, фабрика-завод комитетлары һәм Кызыл гаскәр булекләре, Казан өязе Советлары съезды вәкилләре белән катнаш мәҗлесендә татар запас батальонында булып узган вакыйгалар турында чыгыш
- Безнең тоткан юлыбыз - туры юл
- Яшьләр, мөселман командный курсларына ашыгыңыз!

Доклад
заместителю председателя Революционного военного совета Республики Э.М.Склянскому о деятельности Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене РСФСР за 1918 год

январь 1919г.

Работа Центральной мусульманской военной коллегии разбивается на два периода:

1) период времени от образования военного отдела при Центральном мусульманском комиссариате до момента падения города Казани, когда Центральная мусульманская военная коллегия была взята в плен чехословаками (с января месяца 1918г. до 6-го августа истекшего года);

2) период времени после обратного занятия города Казани советскими войсками (от 12-го сентября по настоящее время) по воссоздании Коллегии.

За первый период времени работа Коллегии выразилась:

1) в ликвидации контрреволюционного Всероссийского мусульманского военного совета (Харби шуро) и его областных, губернских и уездных разветвлений;

2) в деморализации созданных этими органами мусульманского национального войска (в Казани 20 тысяч, в Оренбурге 12 тысяч, в Уфе 15 тысяч и рассеянных по другим городам Поволжья 10 тысяч);

3) в способствовании организации в крупных мусульманских центрах - Казани, Уфе, Астрахани и других городах частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии из мусульман и образования в этих целях военных отделов при советских мусульманских комиссариатах.

В результате этого были организованы в Казани 1-ый мусульманский советский полк; в Астрахани - мусульманский красноармейский отряд; в Уфе - мусульманский советский полк; в Белебее, Мензелинске - мусульманские красные отряды; в Москве - 1-ый и 2-ой татаро-башкирские батальоны.

Из этих частей особенно выделились: Казанский 1-ый мусульманский советский полк, Астраханский красноармейский отряд и 1-ый татаро-башкирский батальон. Благодаря стойкости этих частей были ликвидированы красноармейские мятежи в г.Казани и Астрахани и было предупреждено восстание левых эсеров в г.Казани. 1-ый мусульманский советский полк был разбит при взятии г.Казани чехословаками;

4) Коллегией был разработан широкий план создания красноармейских частей из мусульман и сведения их в более крупные единицы, но работа ее в этом направлении была приостановлена из-за того, что Коллегия попала в плен к чехословакам.

За время от 6-го августа по 12-ое сентября включительно Коллегия, ввиду указанной причины, не могла работать.

За второй период времени работа Коллегии в новом составе выразилась в следующем:

1) в восстановлении Коллегии;

2) в установлении связи ее со штабами отдельных армий;

3) в восстановлении разбитых мусульманских частей (были восстановлены в г.Казани 1-ый советский пехотный мусульманский полк и на Симбирском фронте - 1-ый татаро-башкирский батальон);

4) в способствовании созданию мусульманских частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии в освобождаемых частях Поволжья и Приуралья (созданы в Казани - 1-ый Казанский советский запасный мусульманский пехотный полк; в Астрахани - пехотный мусульманский полк им.Туйбактина и в Самаре - мусульманский пехотный батальон; в Елабуге - мусульманский пехотный батальон);

5) в урегулировании политической жизни мусульманских частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

В последних целях Коллегией направляются политические руководители в мусульманские части в виде политических комиссаров и организаторов коммунистических ячеек.

Помимо того, Коллегией были приняты меры по снабжению мусульманских частей литературой (газета "Кызыл Армия" на татарском языке в количестве 20000 экземпляров каждого номера и брошюры политического характера).

В целях введения известной системы и определенной планомерности в создание мусульманских частей Коллегия вошла в контакт со Всероссийским главным штабом. Мусульманские части будут создаваться впредь по определенным нарядам.

В этих же целях Коллегией в настоящее время ведется регистрация всех имеющихся в Рабоче-Крестьянской Красной Армии мусульманских частей и отдельных красноармейцев-мусульман и выясняется их дееспособность в смысле обеспеченности надлежаще подготовленным командным составом и политическими комиссарами.

Для удовлетворения мусульманских частей подготовленным к своему делу командным составом Коллегия открывает специальные командные курсы для мусульман (уже открыты Пехотные командные курсы в г.Казани и открываются Кавалерийские курсы в г.Астрахани).

По вопросу относительно политических комиссаров Коллегия вошла в сношение с Центральным бюро коммунистических организаций при ЦК партии и с ЦК партии левых социал-революционеров мусульман, работавших в полном контакте с коммунистами и с их провинциальными организациями.

В деле подготовки командного состава мусульманских частей деятельность Коллегии выразилась еще в способствовании к поступлению на общекомандные курсы красноармейцев-мусульман.

В заключение необходимо указать на те условия, в каких приходилось работать Центральной мусульманской военной коллегии за период времени ее восстановления, так как дееспособность Коллегии непосредственно определялась этими условиями.

Главным условием, тормозившим работу Центральной мусульманской военной коллегии в смысле ее наибольшей продуктивности, было то, что Центральная мусульманская военная коллегия, как таковая, официально

не существовала, так как почему-то о создании Центральной мусульманской военной коллегии не было своевременно отдано соответствующего приказа.

Все полномочия членов восстановленной Коллегии на период времени от 13-го сентября по 12-ое ноября истекшего года заключались лишь в мандатах Наркомвоена, т.е. удостоверением того, что предъявители их являются членами Центральной мусульманской военной коллегии.

Когда Центральная мусульманская военная коллегия приехала в г.Казань и приступила было к формированию мусульманских частей, то она через некоторое же время встретила препятствия со стороны местного военного комиссариата, так как последним весьма определенно было заявлено, что допустить формирования отдельных мусульманских красноармейских частей в г.Казани и Казанской губернии он не может за неимением соответствующих указаний из центра.

Аналогичное же явление наблюдалось и в Московском военном округе. По устному приказу товарища Муралова в Москве был расформирован 2-ой мусульманский социалистический батальон за его малочисленность. В это время в Москве и в Московском округе объявлялась мобилизация, так что имелись все реальные условия к восстановлению указанного батальона и созданию более крупной красноармейской единицы из мобилизованных мусульман. Положительность мотивов создания такой единицы усиливалась еще тем, что в ближайшем будущем ожидался наплыв в Москву из Германии и Австрии десятков тысяч возвращающихся оттуда отдельными крупными партиями военнопленных мусульман.

Тем не менее при предварительном (устном) же разговоре по этому поводу с тов.Мураловым последним категорически было отказано в деле создания каких бы то ни было мусульманских частей.

Между тем, с мест Московского военного округа, со стороны мусульманских органов Советской власти поступили определенные указания с требованием выделения красноармейцев-мусульман в отдельные единицы в целях усиления среди них агитации.

В точно таком же положении очутился вопрос и относительно создания на местах вспомогательных органов Коллегии по созданию мусульманских частей в виде военных отделов при советских мусульманских комиссариатах и с коллегиями во главе. Этот вопрос также был предоставлен на усмотрение местных властей. Разрешение его в ту или иную сторону всецело зависело от личного усмотрения того или иного влиятельного члена коллегии, местных военкомов. Этим и должно объясняться то, что когда в Астрахани, Перми и Петрограде существовали местные мусульманские организации по формированию мусульманских частей (в первом - в виде краевого военно-политического комиссариата, а в двух последних - в виде военных коллегий), в таких крупных пунктах с мусульманским населением, как г.Казань, Самара и Симбирск, таковых не существовало.

Аналогичное же препятствие, хотя и пассивное, встретила Центральная мусульманская военная коллегия и со стороны штабов армий, когда она в начале же своего восстановления телеграфно обратилась к ним с просьбой сообщить данные о численности мусульманских частей и красноармейцев-мусульман в отдельных армиях, об их обеспеченности надлежаще подготовленным командным составом и политическими работниками (телеграмма от 28-го сентября за №№ 30, 31 и 32). Характерно отметить,

что на эту телеграмму откликнулся один лишь штаб Южного фронта, да и тот констатировал лишь нужду Южного фронта в агитаторах из горцев-мусульман, не приводя совершенно цифровых данных по интересующим Военную коллегию вопросам.

Безответными остаются и анкеты военного отдела Коллегии (приложены к докладу), разосланные по штабам армий по переезде коллегии в Москву и выясняющие в подробностях численность мусульманских частей и красноармейцев-мусульман в отдельных армиях.

Естественно, что такое положение вещей заставило Военную коллегию серьезно задуматься над упрочением своего положения. Решено было выработать положение о Центральной мусульманской военной коллегии и по утверждении его Наркомвоеном приступить к проведению в жизнь тех задач, которые вставали перед Мусульманской военной коллегией по мере развития Российской революции и в связи с тем положением, которое занимал мусульманский пролетариат в международном политическом положении.

Задачи эти в конечном итоге сводились к следующему:

1) создать из пролетариата мусульманских народностей России, первым долгом из татар и башкир, более или менее крупные части Рабоче-Крестьянской Красной Армии;

2) свести в этих целях уже созданные явочным порядком мелкие боевые единицы (взводы, полуроты, роты и батальоны) в более крупные - полки, бригады, впоследствии даже в дивизии, создавая единовременно с этим пополняющие их резервные части.

Этими основными задачами и должны были определяться все остальные планы работы Центральной мусульманской военной коллегии.

Схема этой работы представлялась в следующем виде:

1) централизация работ отдельных военных организаций на местах в деле формирования мусульманских частей;

2) создание в этих целях легкой и не громоздкой сети местных отделов Центральной мусульманской военной коллегии в штабах армий или окружных, губернских и уездных военкомах как вспомогательных органов для последних в деле проведения декрета о всеобщем обучении военному искусству мусульманского населения.

Планомерное проведение в жизнь этих задач возможно было только в том случае, если бы Центральная мусульманская военная коллегия имела в своем распоряжении все данные о численности отдельных мусульманских частей и о численности красноармейцев-мусульман в смешанных частях, а также точные данные об обеспеченности первых говорящим на родном языке красноармейцев-мусульман командным составом и политическими комиссарами.

Но так как выяснение всех этих вопросов только анкетным путем представляется невозможным, тем более, если принять во внимание частые перетасовки в отдельных армиях имеющихся там частей, то перед Военной коллегией само собой вставала задача необходимости создания при штабах армий (в политических отделах) своих представителей, через которых Военная коллегия и могла бы связываться со всеми штабами армий и через них с военкомами на местах.

Положение о Центральной мусульманской военной коллегии было выработано и представлено вместе со штатами Коллегии и сметами непо-

средственно на утверждение народного комиссара по военным делам товарища Троцкого.

Ввиду того, что по положению члены Военной коллегии должны были рекомендовываться Центральным комиссариатом по делам мусульман при Наркомнаце, что косвенно связывало ее с другим ведомством, товарищем Троцким на нашем положении была наложена резолюция о необходимости представления отзыва о положении со стороны Наркомнаца.

Положение нами в Наркомнац своевременно было представлено с отзывами Всероссийского бюро военных комиссаров, Главного управления военно-учебных заведений и назначенной Вами специальной комиссии по рассмотрению штатов и смет Коллегии с положительными отзывами их о необходимости существования Центральной мусульманской военной коллегии.

Но до сего времени почему-то Наркомнац не дает ответа на наше отношение, несмотря на то, что положение туда было представлено 16 ноября № 301 и затем, в измененном виде, - 14 декабря прошлого года за № 626 ввиду постановления Наркомнаца об упразднении Центрального мусульманского комиссариата и создания вместо него двух комиссариатов - Татаро-Башкирского и Закавказского.

Пункт положения Центральной мусульманской военной коллегии о том, что члены Коллегии выдвигаются Центральным мусульманским комиссариатом, был изменен в том смысле, что они выдвигаются Центральным бюро мусульманских коммунистических организаций, и Военная коллегия до последнего времени остается в неведении по этому вопросу.

Ждать же, когда даст свой отзыв Наркомнац, Центральная мусульманская военная коллегия не могла и в свое время непосредственно обратилась к Вам за своей фиксацией, тем более, что к этому времени все члены Коллегии товарищем Троцким были утверждены в своих должностях (20 ноября 1918г.).

Вами был издан приказ об образовании Коллегии и была назначена особая комиссия из представителей центральных организаций военного ведомства для рассмотрения штатов и сметы Военной коллегии.

Как Вам известно, штаты и смета Центральной мусульманской военной коллегии получили окончательное утверждение лишь на днях.

И только сейчас Центральная мусульманская военная коллегия имеет возможность приступить к планомерной работе.

В ближайшем будущем Коллегия намерена приступить к формированию мусульманских красноармейских бригад в г.Уфе, Астрахани и Казани. В настоящее время Коллегией производится выяснение на месте условий возможности этих формирований.

Есть основание надеяться, что вопрос этот разрешится положительно.

По получении нарядов на эти формирования все члены Коллегии поедут на места и лично будут руководить формированием.

Председатель Центральной
мусульманской военной коллегии
М.Султан-Галиев.

РГВА. - Ф.17. - Оп.1. - Д.14. - Л.13-17 с об. Подлинник.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.269-277.

Письмо

председателю Совета обороны Республики В.И.Ленину,

копии: народному комиссару по делам национальностей И.В.Сталину, председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому, заместителю народного комиссара по военным делам Э.М.Склянскому, заместителю председателя Центральной мусульманской военной коллегии Н.Г.Вахитову, заместителю председателя Центрального мусульманского комиссариата А.М.Енбаеву, -

о необходимости сохранения и упрочения Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене РСФСР

28 февраля 1919г.

Мне из Москвы сообщают, что заместитель наркомнаца Каменский, выступивший не так давно в печати против товарища Троцкого и получивший за это публичный выговор от имени ЦК партии[48], вошел во Всероссийский главный штаб с ходатайством от имени Наркомнаца о необходимости упразднения Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене и создании вместо нее военно-политического отдела мусскомиссариата при Наркомнаце[49]. Комиссар Главштаба Дзевялтовский, которому передан этот вопрос, стоит, оказывается за совершенное упразднение Центромусвоенколлегии, хотя результат обследования деятельности последней, произведенного с распоряжения Склянского, оказался положительным в смысле продуктивности[50]. Я всей душой протестую против упразднения Центромусвоенколлегии и заявляю, что мнение коллегии Наркомнаца фальсифицировано: при решении этого вопроса в коллегии Наркомнаца с решающим голосом присутствовали лишь двое, тот же Каменский и секретарь коллегии Товстуха, абсолютные профаны в национальном и, тем более, восточном и мусульманском вопросах. Мое присутствие на заседании коллегии Наркомнаца при разборе этого вопроса умышленно было устранено, так как объявленное к 4 часам дня заседание по этому вопросу было перенесено задним числом на 4 с половиной часа вперед, извещение меня об этом телефонограммой не могло состояться, так как в Мускоме ввиду перехода его в другое помещение телефона не было. Между тем Каменскому отлично было известно, что в этом вопросе Мусульманский комиссариат стоит на противоположной точке зрения и что он выступать по вопросу в коллегии Наркомнаца уполномочил меня, но ни в каком случае не Юмагулова, опираясь на которого и действовал А.Каменский. Заявляю: пролетариат мусульманских народностей России не уполномачивал Каменского и Товстуху решать судьбу этих народностей. Почти единодушным требованием красноармейцев-мусульман татар, число которых на одном только Восточном фронте достигает почти 50 процентов всей армии этого фронта, является требование создания отдельных мусульманских частей Красной Армии. Подавляющее большинство политических работников из мусульман за исключением лишь совершенно безавторитетных среди мусульманского пролетариата недальновидных лиц, весьма справедливо указывают, что пока не признана на деле политическая самостоятельность мусульманских народностей

России в виде создания отдельных национальных советских республик для татар, башкир, киргизов и туркестанцев, Центральная мусульманская военная коллегия должна продолжать существовать. Упразднить Центромусвоенколлегию при настоящем международном положении, когда в связи с оккупацией англо-французскими империалистами Турции, Персии, Закавказья, частей Туркестана в мусульманских массах России пробуждается стихийное стремление к борьбе с вековыми поработителями Востока, это значит лишить мусульманский пролетариат органа, способствующего созданию из них самых надежных борцов за социальную революцию, это значит лишить их возможности сплочения с чувством справедливого возмущения против мировых империалистов в отдельные мусульманские части Красной Армии. Пролетариат мусульманских народностей России и Востока кипит сейчас глубокой ненавистью, возмущением и чувством мести против всех тех, кто так долго держал его в цепях. Нужно дать простор проявлению этих чувств, а не задерживать их. Создание интернациональной Красной Армии не нужно понимать как вливание в раздробленном виде пролетарских элементов отдельных национальных групп в одну общую кашу. Создание в ней отдельных групп по этнографическому признаку нисколько не противоречит интернациональной армии, напротив, вносит ясность и определенность в разрешение национального вопроса. Поскольку он еще не разрешен, тем более, когда эти группы при дальнейшем развитии международной революции могут превратиться в отдельную многомиллионную армию, каковыми безусловно являются группы тюркотатарских и других мусульманских племен. В настоящее время отдельные работники в центре и на местах, не представляя себе перспективы развития революции в дальнейшем, ввиду своей недальновидности вопрос о существовании отдельных мусульманских частей в составе Красной Армии разрешают отрицательно. Характерным является в этом отношении поведение командующего 1-ой армией Гая, который разоруживает и расформировывает в настоящий момент перешедшую на сторону Советской власти для совместной борьбы с ней против Колчака и Дутова башкирскую дивизию. Вместо того, чтобы использовать перелом в настроении и сознании башкирского народа в отношении признания им Советской власти и объявления врагом тех, кто недавно натравливал их против Советской власти, для борьбы с международной контрреволюцией, Гай и ему подобные обезоруживают их, основываясь лишь на непроверенных и, может быть, даже провокационных показаниях командиров и начальников отдельных мелких передовых частей действующей армии, отнимая тем самым у них их естественное право самозащиты от русского монархизма. Безусловно, все это неправильно. Если агенты Советской власти будут действовать в таком духе, то они приведут ее к могиле. Центромусвоенколлегию следует не упразднять, а упрочить ее положение расширением ее правомочий. Об этом вас прошу[51]. Для доклада об организации мусульманских частей, в частности, мусульманской дивизии или бригады из татар и башкир в Оренбурге, мною направляется в Москву командир Оренбургского мусульманского батальона Шамиль Усманов[52].

Председатель Центромусвоенколлегии при
Наркомвоене мускомиссар Мирсаид Султан-Галиев.

РГВА. - Ф.17. - Оп.1. - Д.13. - Л.21об.-22.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.278-281.

Письмо
наркому по делам национальностей И.В.Сталину, копия: политбюро ЦК РКП (б), - о необходимости широкого использования мусульман в борьбе против Колчака

Ранее 19 апреля 1919 г.

Положение фронта катастрофическое, отдельные действующие полки 2-й армии состоят из тридцати-сорока человек. Со слов местных работников выясняется, что рассчитывать на настроение рабочих особенно нельзя, не исключена возможность различных провокационных эксцессов. Ближайший тыл в лице Цивильского уезда и соседних с ним уездов с чувашским, черемисским населением плохо обеспечен в политическом отношении: в случае продвижения Колчака к Казани нас могут отрезать там в пути отступления разборкой железнодорожного полотна. При этих условиях допускать даже возможности сдачи Казани через неделю* ... все это, по-видимому, объясняется излишней паникой среди верхов. Тем не менее имеются условия, при наличии которых мы можем если не прорвать фронт Колчака, то задержать его под Казанью. Мы подразумеваем мусульман. Все они почти поголовно настроены против Колчака. Близорукость некоторых известных работников, по-видимому, явилась причиной того, что обстоятельство это своевременно**

[Обсудив] создавшееся положение между собою, работники из мусульман, делегированные центром, и местные[53] единодушно пришли к следующему решению: первое - Реввоенсовет 2-й армии немедленно и в срочном порядке должен быть пополнен двумя представителями из мусульман, выставляются кандидатуры Султан-Галиева, Юсуфа Ибрагимова, или же заменой в крайнем случае одного из существующего состава мусульманином. Вторая просьба: ЦК РКП(б) разрешить в срочном порядке и [разослать] категорическое распоряжение всем губернским и уездным городам внутренней России, за исключением городов Восточной прифронтовой полосы, о том, чтобы они экстренно направили в Казань в наше распоряжение минимум шестьдесят процентов всех имеющихся партийно-советских работников-мусульман. Третье: просить ЦК РКП(б) сделать категорическое распоряжение местному [Казанскому] губкомитету партии, чтобы губвоенком был пополнен работниками из мусульман[54]. Если наши предложения срочно будут проведены в жизнь, то мы надеемся удержать мусульман в Казани. В противном случае наше присутствие в Казани не достигнет цели, так как вся роль наша в деле организации мусульман сводится к роли лишенных революционной инициативы простых пешек. Ждем срочного ответа по адресу: Вознесенская 8, кв.8.

Мускомиссар Султан-Галиев.
Член Центробюро мускоммунорганизаций - Ялымов.
Член Центромусвоенколлегии Юсуф Ибрагимов.

ЦГА ИПД РТ. - Ф.868. - Оп.1. - Д.35. - Л.23-24.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.282-284.

---

* Пропуск в тексте. - Сост.
** Пропуск в тексте. - Сост.

Доклад
председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому о революционных мерах, которые необходимо принять в целях использования мусульман Поволжья (татар) для борьбы с Колчаком

6 мая 1919 г.

1. Стремление международного империализма к задушению русской, а вместе с ней и международной социалистической революции, с одной стороны, и инстинктивное стремление трудовых масс колониальных владений англо-французского капитала на Востоке в лице Индии, Египта, Турции, Афганистана и т.д., с другой, освободиться из-под кабалы этого капитала, естественно, вызвало в трудовых массах мусульман Поволжья революционное настроение.

Особенно усиливается это настроение в настоящее время продвижением на Восточном фронте Колчака, который на территории своего продвижения устраивает резню татар и ее трудовой интеллигенции, открыто сочувствующей Советской власти, пользуясь в этом национально-классовым антагонизмом между татарами - с одной, и между башкирами, вотяками, черемисами и чувашами - с другой стороны.

Перечислять все факты такого настроения татар я не буду, так как это заняло бы слишком много времени. Укажу лишь на самые характерные из них.

а) Когда я при отступлении 5-ой армии из-под Бирска и Уфы проезжал через Уфимскую и Самарскую губернии, то в татарских селениях, узнавая о наступлении белых, с искренним сожалением говорили о том, что они все время ждали объявления своей мобилизации Советской властью для борьбы с "надоевшими им белыми", но почему-то они этого так и не дождались. "Неужели нам опять придется стонать под игом белых", - этот вопрос был почти общим для всех них вопросом.

б) По приезде своем в Казань по Вашему вызову я увидел, что у большинства местных работников, в связи с неуспехами наших на фронте, царило подавленное настроение. Этим настроением были заражены и рабочие. Некоторые из местных работников даже допускали возможность бунтов со стороны рабочих и крестьянских восстаний в тылу. Несмотря на такое настроение и на всю ту провокацию, которую обыкновенно сеют в таких случаях наемные и добровольные агенты наступающего противника, рабочие-татары г.Казани в лице рабочих Алафузовского и Порохового заводов, на первом же митинге, устроенном по инициативе приехавших из центра коммунистов-мусульман, единодушно вынесли постановление отдать все свои силы на борьбу с Колчаком и призвать к этому остальных рабочих и крестьян республики. В своей резолюции они требовали самой беспощадной борьбы с теми, кто подрывает сейчас авторитет и престиж Советской власти и с дезертирством в Красной Армии.

Это настроение рабочих-мусульман, безусловно, передалось и остальным рабочим Казани.

в) Сформированный в Казани 1-й татарский стрелковый полк[55] заявляет, что он ляжет костьми, но не даст Колчаку продвинуться к Волге и Казани.

Солдаты этого полка открыто заявляют: надоело нам находиться в душном городе с его сплетнями о разных небылицах и провокационной атмосферой, мы хотим на воздух, на дикий простор лесов и полей и сойтись в единоборстве с врагом трудового мусульманства и всего рабочего класса - Колчаком: мы хотим на фронт.

г) Единственными пионерами идей Советской власти среди широких кругов татарского крестьянства являются учителя татарских советских школ. Все они вышли из народа и прекрасно понимают сущность русской революции. В этом отношении они составляют прямую противоположность русскому учительству, которое в своей массе относилось отрицательно к Советской власти.

Колчак прекрасно учитывает это обстоятельство, и первыми от рук его банд в занятых ими областях от белогвардейских пуль падают учителя татарских советских школ.

Но, разумеется, этим Колчак лишь увеличивает наши революционные ряды.

В настоящее время в Казани имеются несколько сотен учителей и учительниц-татарок из занятых неприятелем и угрожаемых им территорий, которые просятся добровольцами в татарский стрелковый полк.

Только вчера была у меня делегация от татарского учительства Лаишевского и Чистопольского и некоторых других уездов Казанской губернии, которая от имени своих товарищей предлагает мобилизовать их в ряды татарского полка.

2. Все указанное выше с достаточной очевидностью говорит за то, что и трудовые массы мусульман Поволжья должны быть использованы в настоящую трудную минуту как один из самых надежных средств местного значения для организации более или менее упорного сопротивления продвижению Колчака. Конкретно это должно выражаться в спешном приведении в состояние боевой готовности формируемой в настоящее время в Поволжье 1-й татарской стрелковой бригады.

Почему же окрвоенком формирование этой бригады поставил во вторую очередь?

Так, например, 1-й татарский полк до последнего времени не был снабжен в достаточной мере лошадьми, походными кухнями и т.п., что ставило его в крайне ненормальное положение, так как, несмотря на такое положение полка, он уже в течение десяти дней почти ежедневно проводит тактические занятия и полевые маневры.

По сведениям, полученным из Алатыря, формируемый там 2-й татарский полк в отношении снабжения также поставлен в условия, устраняющие всякую возможность успешности этого формирования.

Способствует этому, по-видимому, и недостаток командного состава из мусульман.

Принимая во внимание, что при таком положении вещей остается неиспользованным революционное настроение поволжских мусульман (татар) в должной степени, я со своей стороны предлагаю следующие меры, которые способствовали бы его конкретизированию в борьбе с Колчаком.

1) Формирование 1-ой отдельной татарской стрелковой бригады и ее вспомогательных частей поставить в первую очередь.

2) Приступить к спешному формированию в Казани запасного полка бригады.

3) Издать приказ о придаче к бригаде или формировании при ней по штатам, объявленным в приказе РВСР за № 220, следующие вспомогательные части:

а. легкого артиллерийского дивизиона 3-х батарейного состава;

б. полевого тяжелого артиллерийского дивизиона 2-х батарейного состава, вооруженного 42-х линейными полевыми скорострельными пушками;

в. парков к ним;

г. кавалерийского дивизиона (2-х эскадронного состава);

д. отдельной саперной роты;

е. ружейно-пулеметного парка 1-й очереди;

ж. перевязочного и дезинфекционного отряда;

з. этапно-ветеринарного лазарета;

и. продовольственного транспорта с полевой хлебопекарней.

4) Произвести по всей территории Республики (в крайнем случае в Приволжском, Уральском и Московском военных округах) мобилизацию находящихся в тыловых учреждениях бывших офицеров-мусульман.

5) Создать при Центральной мусульманской военной коллегии регистрационно-вербовочный отдел с поручением ему производить вербовку добровольцев в татарские части Красной Армии.

Отпустить на это из особого фонда авансом 500.000 рублей.

6) Предоставить Центральной мусульманской военной коллегии право назначения, утверждения и перемещения политкомов и командиров всех формируемых на территории Поволжья и Приуралья татарских частей Красной Армии и распространить ее право политического контроля на башкирские, киргизские и др. части[56].

Председатель Центральной мусульманской
военной коллегии, член Реввоенсовета 2-ой армии
М.Султан-Галиев.

РГВА. - Ф.17. - Оп.1. - Д.14. - Л.70-73. Подлинник.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.284-290.

Письмо

Центральному бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), копия: ЦК РКП (б), о нецелесообразности создания Центрального бюро татаро-башкирских организаций РКП(б) Восточного фронта

6 июня 1919 г.

Отвечаем на вашу телеграмму от 21 мая за № 904.* Не возражая в принципе по поводу организации в пределах Поволжья и Приуралья татаро-башкирских организаций РКП, мы находим, что создание особого бюро коммунистической организации для Восточного фронта[57] лишне, тем более, что функции распределения политработников по Восточному фронту и их единого руководства и вообще политработа в армиях выполняются под непосредственным руководством членов Центрального бюро политотделом Центральной мусульманской военной коллегии. По этому вопросу мы предлагаем следующую конкретную меру: создать при политотделах всех армий Восточного фронта мусульманские подотделы, применив их штаты к действительным потребностям последних и проведя это приказом через Реввоенсовет Республики[58]. Организацию этих подотделов будет вести политотдел Центральной мусульманской военной коллегии под руководством и контролем Центрального бюро. Ввиду этого мы предлагаем выделенное Сызранской конференцией бюро татаро-башкирских организаций РКП Восточного фронта упразднить, добавить в то же время председателем Реввоенсовета Республики издание приказа о создании мусульманских подотделов при армейских политотделах Восточного фронта с подчинением их в политическом отношении политотделу Центральной мусульманской военной коллегии.**

Члены Центрбюро мусульман:
М.Султан-Галиев, Ялымов, Якубов.

Переписка секретариата ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. (Июнь-июль 1919 г.): Сборник документов. VIII. -М., 1974. - С.237-238.

* О какой телеграмме идет речь, не установлено.
** Такого приказа не последовало. - Сост.

Письмо
Реввенсовету Восточного фронта о необходимости отзыва бывших офицеров-мусульман для работы в формируемой 2-й татарской стрелковой бригаде

16 июня 1919 г.

Необходимость формирования 2-й татарской стрелковой бригады в Симбирске требует отзыва в распоряжение Центромусвоенколлегии бывших офицеров из мусульман, занятых в общих частях армий, для распределения их в формирующихся и действующих мусульманских частях. Центромусвоенколлегия ходатайствует перед вами об издании соответствующего приказа по отдельным армиям Востфронта. По мнению Центромусвоенколлегии, распоряжение это никакого ущерба делу не принесет, так как количество подлежащих отзыву бывших офицеров-мусульман весьма невелико и никакого влияния на ход действий отдельных частей не будет иметь. Одновременно с этим ходатайствуем о переводе в распоряжение нашего представителя при штабе Востфронта Брундукова, трех бывших офицеров-мусульман из Казанского укрепленного района[59]: Мамлеева, Маликова и Крымова для назначения их в формируемую в Симбирске 2-ю бригаду. № 127[60].

Председатель Центромусвоенколлегии,
член Реввоенсовета 2-й армии М. Султан-Галиев.

РГВА. - Ф.169. - Оп.1. - Д.27. - Л.147 с об. Телеграфная лента.

Информация
Реввоенсовету Восточного фронта,
копия: Политбюро ЦК РКП (б),
председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому, -
о бунте в татарском запасном батальоне в Казани 25 июня 1919 г.

27 июня 1919 г.

Сегодня Реввоенсоветом 2-й армии получено сообщение из Казани, что при отправке 2000 красноармейцев-татар из запасного батальона 1-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады последние взбунтовались[61], в результате чего произошло кровавое столкновение, в котором приняли участие и остальные части батальона. Причем красноармейцами убит в казарме член Центромусвоенколлегии и Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока т. Камиль Якубов. Комендант Казанского укрепрайона Авров с выступлением указанного батальона связывает и происшедший одновременно с этим в Адмиралтейской слободе взрыв семи вагонов взрывателей к ручным гранатам. Настаиваю на назначении срочного расследования происшедшего и привлечения виновных к самой строгой ответственности. Я всего лишь пять дней назад был в Казани и вынес самое благоприятное впечатление относительно настроения красноармейцев татарского батальона: в то время, как на рабоче-крестьянском митинге на Пороховом заводе прибывшие из Нижегородской и Владимирской губерний красноармейцы-крестьяне не давали говорить приехавшим из центра ораторам, крича по их адресу "долой", красноармейцы татарского батальона в количестве семи тысяч человек единогласно и под громовые крики "ура" приняли резолюцию с выражением готовности поддержать Советскую власть и вождей коммунистического движения и беспощадно бороться с врагами международной революции. Всю тяжесть вины в допущении восстания и кровавых столкновений между татарами и остальными частями Казанского гарнизона я взваливаю на Казанского губвоенкома, который, по словам уже погибшего члена Центромусвоенколлегии тов.Якубова и работника Военколлегии, своим намеренно халатным и небрежным отношением к делу формирования татарского батальона ставил красноармейцев-татар в невозможные условия существования: красноармейцы жили впроголодь, питались гнилой рыбой, многие не получили обмундирования. У меня лично после опроса отдельных работников батальона и ответственных работников Коллегии еще тогда сложилось впечатление, что местный губвоенком намеренно ставит татарский батальон в такие условия, чтобы вызвать в нем брожение и недовольство и тем спровоцировать его на выступление, дабы тем самым дискредитировать идею создания отдельных мусульманских войсковых частей. Подтверждением к такому предположению для меня служит и то обстоятельство, что еще в дни, когда Казани угрожала непосредственная опасность со стороны Чистополя, в Казани среди ответ-

ственных работников находящихся тогда в этом городе военных учреждений распространялись всякие клеветнические и вздорные слухи про отправленный потом на фронт 1-й армии мусульманский полк[62], несмотря на то, что этот полк был самый революционный из всех имеющихся в Казани и сам просился на фронт. Расследование прошу поручить мне как председателю Центромусвоенколлегии. Одновременно с этим прошу отстранить от должности Казанского губвоенкома Шелыхманова и предложить окрвоенкому назначить вместо него другого. Со своей стороны предлагаю сотрудника Центромусвоенколлегии Резепова, уже выдвинутого членами Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока в помощники Казанского губвоенкома. № 145.

Член Реввоенсовета 2-й армии, председатель Центромусвоенколлении
М.Султан-Галиев.

.17. - Оп.1. - Д.131. - Л.44 с об. Отпуск.

Письмо

командиру 1-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады Ю.И.Ибрагимову, политическому комиссару бригады Ш.Х.Усманову,

копии: ЦК РКП (б), Центральному бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП (б), председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому, народному комиссару по делам национальностей И.В.Сталину, -

с осуждением резолюции о непризнании Цебюро коммунистических организаций народов Востока, принятой на совещании политработников-татар в Самаре

3 июля 1919 г.

Мне совершенно случайно стало известно, что в Самаре без предупреждения ни политотдела Центромусвоенколлегии, ни Центробюро коммуно-организаций народов Востока отдельные работники некоторых политорганов мусульманских частей Красной Армии устроили совещание[63], на котором вынесли резолюцию о непризнании ими Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП. Требую немедленного сообщения самых точных сведений об участниках этого совещания, по чьей инициативе оно созвано. Укажите также участников совещания от политотдела бригады, а также их позицию в этом вопросе. Ставлю вас в известность, что политотдел татарской стрелковой бригады существует для организации политической работы, создания твердой сознательной дисциплины в ее частях, а не для того, чтобы превращать его в орудие политической борьбы отдельных недовольных политикой центра политиканствующих групп. Руководителям татарской* бригады должно быть известно, что во главе Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока стоит член ЦК РКП товарищ Сталин, и отдельные его члены в своей работе строго придерживаются всегда директив центра. А потому непризнание его является непризнанием ЦК РКП. Центру виднее, и он знает, когда, какие съезды ему созвать, так не нуждается он и в уроках с мест относительно мер, какие необходимо принять по оздоровлению разлагающихся или больных организаций на местах. Категорически требую немедленного исправления ошибки, прекратить всякое самостийное политиканство и заняться прямой своей работой. Предупреждаю, что если будет обнаружено то, что действительно было проявлено вами, и если это выскажется потом на политическом и строевом состоянии бригады, то первыми будете привлечены к ответственности вы, как ответственные работники, выдвинутые тем же Центральным бюро.

---

* В тексте - политической. - Сост.

Предупреждаю: за уклонение от ответа или же несвоевременное или неправильное информирование будете преданы суду Реввоентрибунала. №375.

Председатель Центромусвоенколлегии,
член Центробюро коммуноорганизаций
народов Востока М.Султан-Галиев.

ЦГА ИПД РТ. - Ф.868. - Оп.1. - Д.35. - Л.32-33.

Приказ № 10

Центральной мусульманской военной коллегии о недопустимости агитации против Башкирской республики и репрессий в отношении башкирского населения

6 июля 1919 г.*

До сведения Центральной мусульманской военной коллегии доводят, что некоторыми политическими сотрудниками-мусульманами в войсковых частях ведется агитация против идей Советской Башкирской Республики, а также ее правительства, кроме того, сообщают, что красноармейцами татарских войсковых частей совершаются особенные репрессии по отношению мирных жителей Башкирии и перебежчиков со стороны Колчака. На основании вышеизложенного Центральная мусульманская военная коллегия приказывает:

1. Немедленно прекратить агитацию против Башкирской Советской Республики и ее правительства.

2. Всем командирам и политкомам, руководящим татарскими красноармейскими частями, строго следить за поведением подчиненных им красноармейцев и отнюдь не допускать в частях произвольных репрессий по отношению к башкирам.

3. С перебежчиками поступать так, как приказано наркомвоеном т.Троцким[64] и не допускать самочинных расстрелов. За неисполнение настоящего приказа виновные будут предаваться суду военно-революционного трибунала.

ЦМВКоллегия напоминает всем, что существующая Башкирская Советская Республики признана Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и работает в полном контакте с ними и что вред, причиняемый Башкирской Советской Республике, есть вред для Российской Советской Республики.

Товарищи красноармейцы-татары, те из вас, которые допускают репрессии по отношению к жителям Башкирии, совершают преступление. Это может твориться лишь по несознанию и из чувства мести, что, безусловно, недопустимо. Советская власть уже давно провозгласила, что она прощает врагам, которые, осознав свои ошибки, идут в ее ряды, - и вы не должны нарушать этих обещаний Советской власти. Не чувством мести и озлобленности вы должны руководствоваться на полях сражений, а здравым рассудком, который один способен вывести вас к победе. Не против мирных жителей Башкирии и перебежчиков из стана врага вы должны направлять оружие, а вместе с ними против международного капитала и его сторонника Колчака должно быть направлено наше оружие. Товарищи, в момент, когда на Советскую власть со всех сторон обрушивается союзный империализм, чтобы подавить развивающуюся социальную революцию,

* Дата публикации. - Сост.

надо быть особенно бдительным и не вносить раздор внутрь, который может оказаться роковым для революции.

Все на борьбу с международным капиталом и его приспешником Колчаком! Теснее ряды!

Да здравствует Всемирная социалистическая революция и союз трудящихся!

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах, командах мусульманских войсковых частей и принять к руководству и неуклонному исполнению.

Председатель Центромусвоенколлегии при
Наркомвоене М.Султан-Галиев.

Знамя революции. - 1919. - 6 июля. - № 149.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.291-292.

Доклад
Реввоенсовету Республики о необходимости изменения его постановления о временном подчинении Центральной мусульманской военной коллегии Управлению по формированию Восточного фронта

31 июля 1919 г.

Постановлением Реввоенсовета Республики от 21 июля [1919г.] ЦМВКоллегия временно подчиняется Управлению формирований Восточного фронта. Постановление это, очевидно, вызвано недоразумением и нуждается в отмене или же в коренном изменении.

Дело в том, что по своей конструкции и своим внутренним функциям Центромусвоенколлегия является скорее военно-политической организацией, чем органом формирования, и обслуживает не только один лишь Восточный, но и другие фронты, например, Южный, а также и тыловые части, большинство из которых Востфронту не подчинено. В настоящее время основные функции ЦМВКоллегии сводятся к следующему:

А. В области политической:

1. учет и распределение политических работников и партийных сил из мусульман на фронтах;
2. руководство политическим воспитанием формируемых приказом Реввоенсовета Республики и действующих на фронте татарских частей;
3. подготовка политических работников (татар, башкир и киргизов);
4. концентрирование издательства военной литературы (газеты "Кызыл Армия" и ряд красноармейских брошюр, воззваний, листовок и т.д.) на татарском языке;
5. организация передвижных библиотек с литературой на татарском языке;
6. организация татарских артистических трупп.

Б. В области военного строительства:

7. подготовка комсостава из мусульман (татар, башкир, киргизов и т.д.);
8. учет и распределение наличного комсостава из мусульман;
9. популяризация среди татар идеи всеобщего военного обучения и выделения из них добровольческих кавалерийских частей;
10. организация вербовки добровольцев в ряды Красной Армии среди мусульман внутренней России, Поволжья и Приуралья, за исключением Малой Башкирии и Киргизии.

Ясно, что при таких функциях ЦМВКоллегия Управлению формирований Востфронта подчинена быть не может, тем более, что деятельность ЦМВКоллегии в области формирования тех или иных красноармейских частей по своему характеру и объему совершенно не требует этого.

Вся деятельность Центр.мус.воен.коллегии в этой области в настоящее время выражается в следующем:

В области учета комсостава ЦМВКоллегия строго согласует свою деятельность с организационным управлением Всероссийского главного штаба. Также разграничена и строго регулирована ее деятельность и в области их распределения, т.к. распределяемый ЦМВКоллегией комсостав проходит через аттестацию соответствующих губернских, окружных или фронтовых военных организаций в зависимости от того, куда они направляются: в запасные или действующие части.

В области подготовки комсостава деятельность Коллегии проявляется лишь в укомплектовании открываемых по ее инициативе Гувузом пехотных и кавалерийских комкурсов курсантами и руководство их политическим воспитанием. Также строго разграничена и регулирована и не нуждается поэтому в каком-либо непосредственном контроле и руководстве со стороны какой-либо другой военной организации деятельность коллегии и в отношении выделения кавалерийских частей из татар и вербовки добровольцев в ряды Красной Армии. Первое ограничивается нахождением затерявшихся в запасных пехотных красноармейских частях старых кавалеристов и вербовкой добровольцев и сведением их в отдельные кавалерийские единицы, сотни, дивизионы и т.д. Для дальнейшего формирования сведенные таким путем кавалерийские части сдаются инспекции кавалерийских формирований Всероглавштаба.

Вербовка же добровольцев производится агентами-вербовщиками коллегии при содействии, где это требуется, местных военных органов - губернских, уездных, волостных и т.д.

Ввиду всего сказанного ЦМВКоллегия находит свое подчинение, хотя бы даже временно, Управлению формирований Востфронта излишним и просит отменить постановление об этом Реввоенсовета Республики.

В целях же устранения тех или иных возможных недоразумений между Центромусвоенколлегией, с одной стороны, и органом формирований на местах - с другой, Центромусвоенколлегия предлагает со своей стороны разрешить ей держать своих представителей на правах членов Коллегии в следующих организациях:

а) при Реввоенсовете Востфронта (будет работать при Упраформе),

б) при Приволжском окрвоенкоме,

в) при Уральском окрвоенкоме,

и соответственно этому увеличить штат ЦМВКоллегии.

Председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене М.Султан-Галиев.
Члены коллегии

РГВА. - Ф.17. - Оп.1. - Д.14. - Л.93-94.
Пост. РВСР См.: Там же. - Д.13. - Л.50.

Письмо
комиссару Главного управления военно-учебными заведениями Всероссславштаба с ходатайством об открытии при Казанских мусульманских пехотных и кавалерийских курсах командного состава постоянных двухмесячных подготовительных отделений

22 августа 1919г.

Как Вам известно, в Казани открываются пехотные и кавалерийские курсы для подготовки комсостава из мусульман.

Комплектование этих курсов в настоящее время идет не в достаточной мере успешно. Объясняется это, с одной стороны, тем, что курсы только что открываются, и широкие круги мусульманского населения недостаточно еще осведомлены о них, а с другой - тем, что ввиду плохой постановки массового преподавания русской грамоты среди мусульман контингент лиц, желающих поступать на курсы, бывает не в достаточной степени подготовлен к тем условиям, которые от них требуются в отношении знания русского языка для поступления на курсы. Но ввиду того, что среди желающих поступать на курсы очень много лиц, которые при 2-3-месячной специальной подготовке вполне свободно могли бы поступить на курсы, желательно было бы открыть при мусульманских пехотных и кавалерийских курсах специальные и постоянные 2-х или 3-х месячные курсы по предварительной подготовке курсантов для поступления на курсы.

Особенных затрат это нововведение не требовало бы, так как для этой цели можно бы было использовать аппарат курсов.

Курсы эти, способствуя надлежащему усвоению курсантами русского языка, одновременно с этим содействовали бы увеличению их знаний в области необходимых им общеобразовательных предметов.

Ввиду всего указанного от имени Центральной мусульманской военной коллегии ходатайствую об открытии при пехотных мусульманских курсах "постоянных двухмесячных курсов по предварительной подготовке курсантов на пехотные и кавалерийские курсы".[65]

Председатель Центромусвоенколлегии М.Султан-Галиев.

РГВА. - Ф.11. - Оп.3. - Д.37. - Л.18 с об. Подлинник.

Письмо
В.И.Ленину с просьбой об аудиенции

27 августа 1919г.

Дорогой Владимир Ильич!

Я - один из главных инициаторов и активных борцов с мусульманскими буржуазно-соглашательскими организациями в Советской России.

Ликвидация Всероссийского мусульманского военного совета, Всероссийского мусульманского национального совета, Национального парламента мусульман внутренней России в момент, когда все они угрожали превратиться в активных противников большевизма, - вот моя основная заслуга перед революцией.

Ликвидация этих органов произошла в процессе революционной борьбы в первый период Октябрьской революции, и декреты об их упразднении были изданы лишь после совершившегося факта, когда уже восставшая против большевизма и социальной революции мусульманская мелкая и крупная буржуазия была окончательно раздавлена.

Мне и работающим вместе со мной товарищам коммунистам-татарам крайне обидно, что руководители революционного движения мусульман внутренней России после смерти Мулланура Вахитова не удостаиваются приема с Вашей стороны, тогда как к Вам имеют свободный доступ мусульманские националисты (З.Валидов, Баракатулла, Муса Бигиев и другие).

Думаю, после моей записки Вы примете и выслушаете меня.

Я имею больше права на это, чем З.Валидов, М.Бигиев и другие, и даже только потому, что Вы меня ни разу не принимали.

Примите меня в первый и последний раз: я больше ни разу не буду беспокоить Вас.[66]

С глубоким уважением

Председатель Центр.мусульм.воен.коллегии,
Комиссар по делам мусульман вн.России и
член Реввоенсовета 2-й армии М.Султан-Галиев.

ЦГА ИПД РТ. - Ф.8237. - Оп.1. - Д.2. - Л.19-22. Ксерокопия.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.312-313.

Социальная революция и Восток

I

Социальная революция в России - это только начало, один из этапов мировой международной социальной революции. Рано или поздно она должна вылиться в форму революционной борьбы, отчаянной и решающей схватки двух непримиримых врагов, двух противоположных и противоречащих друг другу сил - международного пролетариата и международного империализма. Границы и территория происходящей сейчас в пределах бывшей Российской монархии гражданской войны должны расшириться и углубиться как во внутреннем своем содержании, так и во внешних своих проявлениях. Постепенно, с развитием революции, в эту войну, являющуюся в целом последней человеческой бойней на земном шаре, втянутся и должны втянуться помимо их воли целые народы и страны. Это неминуемо и неизбежно. Старый мир слишком уж одряхлел. Он кряхтит и рушится. Трескается по всем сгнившим насквозь швам своим. Вся земля, все ее атомы жаждут и требуют своего обновления, требуют, чтобы их переставили на совершенно новый лад. И не только для отдельных индивидов человечества, но и для целых народов и государств, как культурно-исторических разновидностей, настал решительный момент, когда каждый из них должен определить свою судьбу и бесповоротно решить, на какую сторону баррикады ему становиться. Хочешь не хочешь, ты должен принять участие в ней и сознательно или бессознательно стать иль "красным" иль "белым".

Что это так, мы видим на деле. Октябрьской революции еще не было, но труд и капитал в России, пролетариат и буржуазия, как две враждебные друг другу силы, уже начинали дифференцироваться, начали самоопределяться и готовиться к решительному бою друг с другом.

Октябрьская революция была лишь моментом столкновения этих сил в России, когда русская буржуазия, разбитая наголову у себя на родине, принуждена была перенести концентрацию остатка своих сил туда, где ей на более или менее короткий срок обеспечено было сравнительно "свободное" существование: на окраины России и в страны Антанты.

Но с этого момента борьба против все развивающейся и проявляющей тенденцию превратиться во всемирную революцию приобретает международный характер. В походе против победивших свою буржуазию рабочих и крестьян России участвуют уже не одна только русская, но и отдельные части международной буржуазии, вначале разрозненно, а потом объединенно. Центральной и организующей их силой, где сходятся, как в фокусе, все контрреволюционные силы всего земного шара, становится Лига Наций.[67] Она превращается в черный интернационал, объединяющий вокруг себя все то, что так или иначе может мешать и служить преградой развитию революции.

Таковы предпосылки общего положения условий развития международной социальной революции в настоящем. И только исходя из них мы можем предугадать те формы, какие может принять ее развитие в будущем.

Одной из проблем, которую выдвигает перед нами в настоящее время в практической форме наша революция, является **восточный вопрос**. И нам необходимо немедленно разрешить его. Этот вопрос в условиях современной действительности и международной политической ситуации является ни больше ни меньше как одной из фаз естественного развития мировой социальной революции. В этом заключается его неизбежность и неминуемость. Если бы даже мы и не хотели признать и игнорировать его, он все равно встал бы перед нами во всей своей внутренней и внешней сложности и запутанности. Неправы были бы мы и в том случае, если бы ограничились лишь поверхностным разрешением вопроса. Он нуждается во всестороннем и крайне внимательном изучении, и не только в социально-экономическом, но и международно-политическом отношениях.

Мы должны рассмотреть и предопределить все те конкретные формы, в какие может вылиться развитие Востока в общем ходе международной соцально-классовой дифференциации в том или ином случае, и тем самым определить раз и навсегда наше отношение к нему со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сколько бы нам ни казалось, что взятый нами общий курс международной политики в социальной революции вполне правилен и не нуждается в коррективах, тем не менее приходится сознавать, что вопрос в отношении Востока нуждается в серьезном корректировании. Как это ни печально, но приходится признать, что до сего времени все те меры, которые мы принимали в деле установления правильного взаимоотношения между Советской Россией и Востоком, до последнего времени носили слишком случайный и паллиативный характер. В этой области совершенно не было заметно твердого проведения планомерной и уверенно-решительной политики.

В худшем случае она являлась отражением и признанием нашего собственного бессилия, как, например, отозвание русских войск из Персии,[68] и в лучшем случае - выражением сочувствия и обещания поддержки революционным стремлениям Востока, как, например, мы сделали это после восстания афганцев против англичан, но не больше. Более или менее определенный характер начинают принимать наши действия в этом отношении лишь с момента выяснения неуспехов социальной революции на Западе, когда самый ход развития событий (поражение спартаковцев в Германии, срыв всеобщей забастовки протеста против вмешательства в русские дела и падение Венгерской Советской Республики) заставили нас, наконец, признать ту простую истину, что нам без участия Востока совершить международную социальную революцию невозможно. Но и сейчас эти меры не имеют еще того установленного характера, которого требуют от них законы правильного развития социальной революции.

Задачей настоящей статьи и является более или менее полный анализ этого вопроса.

II

Советский строй как выражение коммунизма - это антипод буржуазно-капиталистической государственности. Существовать рядом друг с другом и мирно сожительствовать эти два строя не могут. Они могут лишь вре-

менно терпеть друг друга, и терпеть до тех пор, пока не окажется хотя бы некоторый лишь перевес сил на той или другой стороне, которая затем неминуемо должна начать наступление на противоположную, оказавшуюся в этот момент более слабой, сторону.

В силу этого непреложного и основного закона развития социальной революции российская революция с первых же дней своего возникновения должна была начать развиваться во всемирную, в противном случае такие Советы в России представляли бы из себя небольшой лишь оазис в бушующем море империализма, ежеминутно рискующий быть стертым с лица земли смерчем всемирно-империалистической вакханалии.

Руководители Октябрьской революции прекрасно понимали это положение и старались направить ее в течение по международно-интернациональному руслу. Да иначе оно и не могло быть, так как в противном случае социальная революция в России теряла бы всякий свой внутренний смысл.

Но этот процесс развития революции в тактическом отношении был направлен по неправильному пути. Казавшийся правильным внешне в отдельных своих проявлениях (спартаковское движение в Германии, венгерская революция и т.д.), в общей своей совокупности он носил односторонний характер. Односторонность эта заключалась в том, что почти все внимание руководителей революции было обращено на Запад. Осуществление задачи развертывания Октябрьской революции в международно-социалистическую представлялось им в механической передаче энергии российской революции непосредственно на Запад, т.е. в ту часть земного шара, где, как казалось, наиболее остро и рельефно выступают противоречия классовых интересов пролетариата и буржуазии, и где поэтому имеется более или менее твердая почва для развития классовой революции.

Восток же с его закабаленным западноевропейской буржуазией полуторамиллиардным населением в этом отношении был почти совершенно позабыт. Течение основного процесса развития международной классовой борьбы шло, минуя Восток, и вопрос о последнем, как вопрос революционизирования Востока, существовал лишь в умах отдельных голов, представлявших из себя в общем не больше капли воды в бушующем море революции.

Незнание Востока, с одной стороны, и обусловливаемый этим страх перед ним - с другой, делали то, что идея участия Востока в международной революции явно профанировалась.

Между тем, ориентироваться в вопросе международной социалистической революции исключительно лишь на Запад было неправильно.

Правда, западноевропейские государства, включая сюда и их союзницу - Америку, являются странами концентрации всех материальных и моральных сил международного империализма и, казалось бы, в этом отношении представляют из себя главную территорию, где должно быть дано генеральное сражение ему с нашей стороны, - но, с другой стороны, мы ни в коем случае не могли уверенно сказать, что для поражения западноевропейской буржуазии достаточно силы одного лишь западноевропейского пролетариата уже в силу того обстоятельства, что буржуазия эта является мировой, международной, требующей для своего свержения концентра-

цию революционной воли и революционной энергии всего международного пролетариата, в том числе и пролетариата Востока.

Действуя на международный империализм только через западноевропейский пролетариат, мы оставляли ему полную свободу действий и свободу маневров на Востоке. Пока международный империализм в лице Антанты имеет в своих руках Восток как колонию, где он является полновластным хозяином всех его природных богатств, ему гарантирован удачный для него исход всех отдельных столкновений его с рабочими массами метрополий на экономической почве, так как при таком положении он имеет полную возможность "затыкать им рты", соглашаясь на удовлетворение их экономических требований.

Бесплодное ожидание нами революционной помощи с Запада в течение этих двух лет революции в России красноречиво подтверждает это положение.

Но даже в том случае, если бы западноевропейскому рабочему удалось одержать победу над своей буржуазией, то и тогда нам неминуемо пришлось бы столкнуться с Востоком, так как в последнем случае западноевропейская буржуазия, по примеру своей товарки по несчастью - русской буржуазии - занялась бы концентрацией своих сил на своих "окраинах" и в первую голову на Востоке. Она бы не постеснялась того, чтобы в деле подавления социальной революции в Западной Европе использовать вековую национально-классовую ненависть, которая таится в груди Востока к Западу как к носителю идеи империалистического гнета, и организовать поход чернокожих на Европу.

И мы не только допускаем эту возможность, но уверены в ней, так как двухлетний опыт борьбы пролетариата России со своей буржуазией в этом отношении научил нас очень многому.

III

Рассматривая Восток с социально-экономической точки зрения, мы видим, что почти весь он является объектом эксплуатации западноевропейского капитала, главным ресурсом его промышленности и в этом отношении представляет из себя очень богатый для нас материал в смысле революционной горючести.

Если бы можно было высчитать степень эксплуатируемости Востока западноевропейским капиталом и в связи с этим косвенного участия его в создании мощи и силы всей кичливой буржуазной культуры и цивилизации эксплуатировавших и продолжающих его эксплуатировать Европы и Америки, то мы бы увидели, что львиная доля всех материальных и духовных богатств "белых" награблена на Востоке и создана за счет пота и крови сотен миллионов трудовых масс "туземцев" всех цветов и рас.

Нужно было погибнуть десяткам миллионов аборигенов Америки и чернокожих Африки и совершенно исчезнуть с лица земли всей богатой культуре инков, чтобы образовалась современная "свободолюбивая" Америка с ее "космополитической" культурой "прогресса и техники". Гордые небоскребы Чикаго, Нью-Йорка и других городов европеизированной Америки были воздвигнуты на костях замученных бесчеловечными план-

таторами "краснокожих" и негров и на дымящихся развалинах разрушенных городов инков.

Христофор Колумб!... Как дорого и как много говорит это имя сердцу европейского империалиста. Ведь он "открыл" дорогу европейским хищникам в Америку. Англия, Франция, Испания, Италия и Германия - ведь все они одинаково участвовали в грабеже, разорении и опустошении "туземной" Америки, воздвигая за ее счет свои капиталистические города и свою буржуазно-империалистическую культуру. И нашествия на Европу Тамерланов, Чингис-ханов и других монгольских князей далеко бледнеют по своей жестокости опустошительной силы перед всем тем, что творили европейцы в "открытой" ими Америке.

Высказанное мною в начале статьи положение ярко подтверждается и всем дальнейшим периодом развития западноевропейского империализма, когда он, использовав со всех сторон "туземную" Америку и вдоволь насытившись ею, обратил все свое внимание на Восток с Индией в центре, которая почти с первых дней появления на свет этого империализма не переставала возбуждать в нем чувства вожделения.

Вся история крестовых походов и вся длинная вереница дальнейших буржуазно-империалистических войн на Востоке представляют из себя точно рассчитанную политику экономического порабощения Востока западноевропейскими феодалами и их потомками, постепенно увенчавшуюся почти полным успехом для последних.

И если бы мы занялись сейчас изучением состояния промышленности западноевропейских стран на Востоке в последний период ее развития, т.е. к моменту начала общемировой империалистической войны, то мы бы увидели, что к этому времени Восток был действительно крепко стиснут и судорожно корчился в тисках международного капитала.

Вся Азия и вся Африка были разделены Европой на ряд "сфер влияния" с чисто декоративным признанием "самостоятельности" наиболее крупных их государственных образований, как Китай, Персия и Турция.

Последняя империалистическая война являлась также отражением этой политики и выражением ее кульминационного периода, когда международный империализм, в предвидении скорого своего падения, должен был вступить в борьбу сам с собой.

В настоящее время, с победой Антанты над Германией, вопрос о Востоке пока как будто получил более или менее определенную форму решения, а именно в виде положения, что хозяином Востока становится Антанта.

Но уже и сейчас, хотя и не совсем еще ясно, начинают вырисовываться противоречия интересов на Востоке основных элементов этого "священного союза", и рано или поздно должно будет произойти серьезное столкновение между отдельными конкурентами за первенство в разбойной Лиге Наций входящих в нее крупных империалистических государств.

Не следует ни на минуту забывать, что коли Восток в целом находится в полном экономическом порабощении Запада, то вторым прессом, который оказывает не менее тяжелое "внутреннее" давление на трудный район Востока, является его национальная буржуазия.

Мы ни на минуту не должны упускать из виду того, что дело развития международной социалистической революции в части, касающейся Востока, ни в коем случае не может оканчиваться лишь свержением там власти западноевропейского империализма. Оно должно продолжать идти дальше, так как за этим периодом перед Востоком встает сложный вопрос свержения своей, либеральничающей до известной поры, но грубо деспотической по своему существу и клерикально-феодальной буржуазии, способной ради своих шкурных интересов ежечасно менять свою позицию по отношению к своим отсталым "чужеземным" врагам.

Мы должны твердо и навсегда запомнить одно: Восток в целом является основным ресурсом питания международного империализма и в этом отношении в обстановке общемировой социалистической гражданской войны является крайне выгодным для нас и крайне невыгодным для международных империалистов фактором в нашем столкновении с ними. Лишенный Востока и оторванный от Индии, Афганистана, Персии и других своих азиатских и африканских колоний западноевропейский империализм должен будет зачахнуть и умереть своей естественной смертью.

Но в то же время Восток является колыбелью деспотизма, и мы нисколько не гарантированы от того, что там к моменту свержения западноевропейского империализма не начнет возрождаться находящийся пока под тяжелым прессом своего европейского собрата восточный империализм. Мы не гарантированы от того, что "освободившиеся" при нашей помощи от иноземного ига феодалы Китая, Индии или Персии с Турцией не соединятся с империалистической Японией и еще с кем-нибудь из Европы и не организуют поход на своих "освободителей", чтобы спастись тем самым от заразы "большевизма".

(Продолжение следует)*

М.Султан-Галиев.

Жизнь национальностей. - 1919. - 5 октября. - № 38 (46); - 12 октября. - № 39 (47); - 2 ноября. - № 42 (50).
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.88-97.

* В последующих номерах газеты продолжение отсутствует. - Сост.

Приветственная речь
при встрече Афганского чрезвычайного посольства во главе с Мухаммедом Вали-ханом в Москве[69]

10 октября 1919 г.

Ваша маленькая, но героическая страна ведет борьбу за освобождение от врага, в течение многих лет угнетавшего Восток - английского империализма. Мы знаем, что вы нуждаетесь в помощи и эту помощь ждете от Российской Советской республики. От имени Революционного военного совета Республики и революционных организаций многомиллионных трудящихся мусульман Советской России я заверяю Вас: Советская Россия окажет вам такую помощь, потому что она борется против мирового империализма за интересы угнетенных всего мира.

Кызыл Армия.-1919.-21 октября.-№ 173. Газетный отчет. Перевод с татарского. Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.178-179.

II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока. Москва. 22 ноября - 3 декабря 1919 г.

1. Речь при открытии съезда[70]

22 ноября 1919 г.

Товарищи, наш съезд открывается при исключительных обстоятельствах международного масштаба. С одной стороны, пролетариат России, рабочий класс, идет к социализму, пробивает себе дорогу к мировому социализму, с другой стороны - мировая буржуазия, в лице обанкротившейся буржуазии бывшей Российской империи и представителей западноевропейского международного империализма, старается задушить начавшуюся в России социалистическую революцию, старается обеспечить себе главное положение в международной политике, на экономическом рынке. Мы видим, как пролетариат России напрягает все свои усилия к тому, чтобы достичь этого идеала, чтобы достичь тех целей, которые он поставил перед собой с первых дней Октябрьской революции.

Товарищи, недавно один из западноевропейских дипломатов грозил направить на Советскую Россию, на эту арену классовой борьбы, на эту базу международной революции, 14 буржуазных государств...[71] Товарищи, на этот вызов Черчилля Коммунистическая партия ответила достойно - она ответила мобилизацией своих сил. Настоящий наш съезд, по нашему мнению, является таким же ответом на заявления вильсонов, клемансо, ллойд-джорджев и прочих продажных авторитетов международного империализма. Наш съезд является красноречивым ответом о том, что Коммунистическая партия, партия революционеров, не боится таких пустословных заявлений, что Коммунистическая партия давно уже наметила себе определенный революционный путь, по которому она, несмотря ни на какие препятствия, продолжает идти и будет идти. Наш путь ясен, наш путь давным-давно определен - это путь коммунистической революции, это путь к ниспровержению капиталистического строя и установлению строя социалистического на всем земном шаре.

Товарищи, наш съезд, по нашему мнению, является тем самым съездом, который должен перенести зародившуюся в Советской России энергию коммунизма на Восток для того, чтобы взбудоражить Восток, для того, чтобы отнять у Клемансо, Ллойд-Джорджа и прочих представителей мирового империализма возможность обманывать Восток, тех, кто первый поставил перед собой лозунг освобождения всего мира от хищников мирового империализма.

Товарищи, одним из тех борцов, которые горят огнем ненависти к международному империализму и которые давным-давно уже провозгласили социалистическое, экономическое и политическое освобождение Востока, является уважаемый наш товарищ Сталин. Предлагаю вам приветствовать товарища Сталина. *(Долгие аплодисменты).*

Товарищи, открывая наш съезд, я надеюсь, что мы найдем коммунистический язык, который нам необходим для того, чтобы мы пришли к тем целям, которые стоят перед нами. Заканчивая свою речь, предлагаю почтить вставанием память борцов во имя революции.

(Все встают).

Жизнь национальностей. - 1919. - 7 декабря. - № 46 (54).
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.179-181.

2. Резолюция съезда по докладу В.И.Ленина о текущем моменте*

22 ноября 1919 г.

Социальная революция в России разгорается в международную гражданскую войну, в отчаянную схватку между капиталом и трудом. Зная хорошо, что российская революция - это начало мировой социальной революции, несущей смерть всему прогнившему насквозь капиталистическому строю и зараженному ядом проказы международному империализму, - мировая контрреволюция в лице капиталистов могущественной пока Антанты и всей остальной шайки международных пиратов уже два года ведет борьбу против пролетарской России и ее руководительницы - партии коммунистов. Но мы видим, как одна за другой проваливаются все козни мировой контрреволюции.

Мы твердо и уверенно констатируем, что, несмотря на все те усилия, которые делал черный интернационал в деле задушения российской революции и парализования революционно-классовой воли рабочих и крестьян Советской России, ему не удалось сделать этого, и мы видим, как рабочий класс Республики Советов в лице своей Красной Армии разбивает и уже наносит последний решительный и победоносный удар субсидируемой Антантой контрреволюции на окраинах Советской России.

Мы уверены, что такой же удар будет нанесен скоро и всей остальной контрреволюции.

Уже пробуждается классовое самосознание обманутых социал-предателями II Интернационала рабочих масс Западной Европы и Америки.

Уже разносится по всему Востоку ропот возмущения против порабощающей Антанты, и недалек уже тот момент, когда восставшие народы угнетенного Востока совместно с рабочим классом Западной Европы окончательно свергнут диктатуру мирового империализма.

В ответ на все действия контрреволюционной Лиги Наций, которые она будет предпринимать против власти Советов и партии коммунистов, мы твердо и решительно заявляем: мы не сложим своего оружия до тех пор, пока не будет освобожден от ига капитала весь мир и пока на земном шаре не воцарится социалистический строй.

* Текст доклада см.: Ленин В.И. Полн. собр.соч. - Т.39. - С.318-331. - Сост.

„Да здравствует авангард мирового пролетариата - Российская Коммунистическая партия (большевиков)!
Да здравствуют ее вожди тт. Ленин и Троцкий!
Да здравствует Мировая Федерация Советов!
Да здравствует III Интернационал![72]

Жизнь национальностей. - 1919. - 7 декабря. - № 46 (54).
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.181-182.

3. Выступление при обсуждении отчетного доклада Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б) за период с декабря 1918г. по ноябрь 1919г.[73]

23 ноября 1919 г.

Исходя из того положения, что слово "мусульмане" или "мусульманский" заключает в себе чисто религиозное понятие, а не понятие классовое, отдельные работники говорили о том, что организации, носящие название "мусульманская", например, Мусульманский комиссариат, Чрезвычайная комиссия по восстановлению пролетарских мусульманских организаций, Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией среди мусульман, Мусульманская научная коллегия, - они должны быть переименованы иначе. И вот, исходя из этого положения, я уже указал относительно Мусульманского комиссариата... (продолжает по-татарски).

Все мусульманские военные части должны были быть сохранены, также и все пролетарские организации, профессиональные союзы, Мусульманский комиссариат, Мусульманский рабочий клуб и т.д. Но Центральное бюро постановило эту Чрезвычайную комиссию упразднить, находя, что достаточно существования общей Чрезвычайной комиссии. На VIII партийном съезде по национальному вопросу было вынесено определенное ясное решение, что мы признаем право наций на полное самоопределение, а также было подчеркнуто на этом съезде, что к пролетариату угнетенных национальностей, т.е. пролетариату наций, которые до революции являлись угнетенными, что по отношению к угнетавшимся нациям должно быть проявлено самое осторожное отношение. И после VIII съезда начинается перелом в настроении Центрального бюро в отношении признания тех организаций, которые существовали, в отношении признания Центральной мусульманской военной коллегии, Мусульманского комиссариата и т.д. Но после этого момента Центральное бюро как таковое уже работать не могло. Приближался Колчак. Это вызвало со стороны Центрального Комитета партии командировку членов Бюро на Восточный фронт. Мы были командированы на Восточный фронт, в Казань[74], тов. Юмагулов - в Башкирскую республику... Члены Центрального бюро работали во 2-й армии в течение трех месяцев...[75] Здесь находился

тов.Эшба, который будет отвечать на те требования, которые должны быть предъявлены к работе Центрального бюро. С Восточного фронта мы вернулись по истечении 3 месяцев. Первая задача, которая встала перед нами, была необходимость созыва II съезда, а также необходимость развить шире работу в отношении революционизирования Востока, включив сюда и Ташкент, и Башкирию, и киргизов. На Восточном фронте в полевом штабе 2-й армии было выработано предложение созвать в самом скором времени съезд. Это было 4 или 5 месяцев тому назад. Мы предлагали превратить бывший Лазаревский, а сейчас Армянский, институт в Восточный институт по подготовке советских ориенталистов, дальше во всех центральных советских школах, в партийных и организационных, в Академии Генерального штаба, в Центральной партийной школе, в Пролетарском университете открыть восточные отделы[76]. Все наши пожелания остались лишь пожеланиями. Съезд удалось созвать только к этому моменту. Когда рассматривали этот вопрос в Центральном комитете, там определенно говорили, что при сложившемся положении на фронте, на Южном фронте, когда Деникин подвигался к стенам Москвы и когда со стороны нашей партии надо было проявить максимум энергии по работе в армии и в тылу, созывом съезда мы отрываем массу активных работников с мест. Возник также вопрос о том, насколько целесообразным является созыв такого съезда, когда ставился вопрос о мобилизации всех членов на фронт. В заключение (продолжает по-татарски) я нахожу, что наш II съезд является учредительным съездом нашей мусульманской организации. До VIII съезда РКП (б) в отношении национальной политики не было определенной тактики, определенно намеченного пути были колебания, эти колебания и отражались на работе Центрального бюро.

РЦХИДНИ. - Ф.583. - Оп.1. - Д.4. - Л.12-13. Стенографическая запись.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.183-185.

4. Выступление при обсуждении доклада о деятельности Центральной мусульманской военной коллегии

26 ноября 1919 г.

Я, как председатель Центральной мусульманской военной коллегии, хотел бы дать маленькую фактическую справку. Справка эта заключается в следующем. Если мы смогли противостоять тому течению, которое было вначале среди бывших офицеров, течению непризнания Военной коллегии[77], течению, отрицающему необходимость создания каких бы то ни было мусульманских частей, и этим мы, главным образом, обязаны своим организациям. В частности, инициатива сохранения Центральной мусульманской военной коллегии, а также инициатива создания мусульманских частей принадлежала Центральному бюро коммунистических организаций народов Востока.

Я должен констатировать, что центральная власть в лице т.Троцкого и его заместителя т.Склянского всегда шла нам навстречу, так как центральная власть прекрасно сознавала, что рано или поздно нам придется двинуться на Восток, что гражданская война будет простерта и на Восток, что Восток будет также принимать участие в общемировой гражданской войне, и что одним из положительных факторов в этом явлении станут именно мусульманские и прочие восточные части, части, которые в революционной борьбе России приобретут революционный опыт, которые пойдут на Восток и будут заражать его идеей большевизма. Так что я должен констатировать, что в своей работе мы со стороны центра никаких препятствий не встречали. Если были препятствия, то они были на местах и объяснялись в значительной степени тем, что наше стремление создавать мусульманские части многими понималось как стремление возродить мусульманский национализм, в чем нас упрекать ни в коем случае нельзя было.

РЦХИДНИ. - Ф.583. - Оп.1. - Д.4. - Л.120-121. Стенографическая запись. Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.185-186.

5. Доклад о деятельности Центрального мусульманского комиссариата

26 ноября 1919 г.

Товарищи, всем нам известно, что Центральный мусульманский комиссариат при Народном комиссариате по делам национальностей возник в тот самый момент, когда татарский буржуа, свивший себе гнездо в так называемых мусульманских национальных советах всероссийских, областных, губернских, уездных и проч., в так называемом Всероссийском мусульманском военном совете и во всех его областных, губернских и прочих разветвлениях, а также в так называемом Национальном парламенте мусульман внутренней России и Сибири и создавший свою военную организацию, скалил свои зубы и мечтал о том, чтобы направить 50-тысячное татарское войско на красную Москву; когда татарский буржуа совместно с русскими националистами, совместно с русским шовинизмом, совместно с меньшевиками и правыми эсерами мечтал о восстановлении разогнанного большевиками Учредительного собрания.

Товарищи, те работники, которые работали тогда в Казани, знают, насколько тяжела была борьба с нашей татарской буржуазией. Она была организована. Она имела своих друзей, разумеется, в противоположном для нас лагере.

Тем не менее Мусульманский комиссариат возник и стал сильнее только что перечисленных мною организаций. После своего возникновения Мусульманский комиссариат наметил свой путь. Этот путь - путь объединения пролетарских и полупролетарских элементов мусульманских народов России, Туркестана, Киргизии*, Кавказа, Крыма, Поволжья и Урала. Но

* Имеется в виду Казахстан. - Сост.

так как к этому моменту Кавказ, Туркестан, Киргизия и другие окраины были отделены от революционной России, то Мусульманскому комиссариату поневоле пришлось вести свою работу только среди мусульман внутренней России, только в Поволжье и на Урале.

Цель Мусульманского комиссариата была ясна, именно: объединение мусульманского пролетариата и полупролетариата России, а также революционизирование и способствование революционизированию мусульманского населения Туркестана и зарубежной Турции, Персии и т.д.

Вначале в Мусульманском комиссариате были отделы труда, военный, статистический, международной пропаганды, а также отделы Туркестана, Закавказья, на которые была возложена обязанность установления связи с Кавказом, Туркестаном, с Киргизией и другими мусульманскими окраинами.

Мусульманский комиссариат с первых дней своего возникновения организовал различные совещания. Было, например, организовано совещание рабочих-мусульман[78]. Потом было организовано совещание по вопросу о создании Татаро-Башкирской Советской республики[79]. Об истории возникновения этого вопроса я не буду сейчас говорить, потому что будет особый доклад, а только укажу, что в области конкретного разрешения вопроса национального самоопределения населяющих Россию мусульман Мусульманский комиссариат наметил определенный путь. Мусульманскому комиссариату было известно, что самоопределение Туркестана вылилось в ненормальную форму. Желая разрешить туркестанский вопрос, Мусульманский комиссариат через Центральный Исполнительный Комитет послал в Туркестан своего представителя[80] для отстаивания той мысли, что Туркестан должен быть автономной советской республикой.

Желая организовать полупролетарские и пролетарские элементы Киргизии и дать национальному самоопределению Киргизии нормальные формы и нормальный вид, Мусульманский комиссариат вначале проявил заботу о том, чтобы сгруппировать вокруг себя киргизские революционные элементы, которые смогли бы работать в организуемом киргизском отделе.

Если возьмем работу отдела международной пропаганды, то мы видим, что в этом отношении Центральный мусульманский комиссариат сделал очень много. Комиссариатом издавалась газета на турецком языке под названием "Ени Дунья", редактором которой был Мустафа Субхи. Газета распространялась в большом количестве и пользовалась большой популярностью. Против издания этой газеты заявило протест Турецкое правительство. Оно указывало, что на основании Брестского мирного договора Советское правительство не имеет права вести агитацию среди турецких военнопленных и требовало закрытия этой газеты, грозя в противном случае занять Карс, Батум и другие города Закавказья. Советское правительство ответило Турецкому правительству, что газета издается Мусульманским комиссариатом. Действительно, в газете указывалось, что она издается Мусульманским комиссариатом, и фактически она издавалась им.

Мусульманский комиссариат руководил революционной работой среди мусульман. Под руководством военного отдела создавались мусульманские красноармейские части. Об их роли указывалось в докладе о деятель-

ности Центральной мусульманской военной коллегии. Привожу лишь один пример. В Казани, когда готовилось контрреволюционное восстание, 1-й мусульманский социалистический полк, верно оценив обстановку, заявил, что он выступления против Советской власти не допустит и этим отнял у контрреволюционеров возможность захвата власти в Казани. Это было в тот момент, когда Симбирск и Самара были в руках у чехословаков.

Товарищи, несмотря на то, что Мусульманский комиссариат во главе с М.Вахитовым в своей деятельности был революционен, в центре нашлась определенная группа лиц, которая развернула деятельность против Мусульманского комиссариата. Нашлись лица, которые стали обвинять газету "Ени Дунья" в том, что она якобы восхваляет германский империализм. Нашлись лица, которые утверждали, что будто бы Мусульманский комиссариат представляет собой панисламистский центр, который действует, чтобы объединить мусульман на панисламистских началах. Несмотря на всю вздорность подобных утверждений, они все-таки помогли установлению определенного отрицательного отношения к Мусульманскому комиссариату. И это в то время, когда другие комиссариаты пользовались вниманием и доверием. Мусульманский комиссариат сразу лишился доверия.

I съезд мусульманских коммунистов вынес постановление о реорганизации Комиссариата и поручил осуществление этого Центральному бюро. Это постановление должно было пониматься в принципиальном смысле. Было необходимо, чтобы вместо многих созванных лиц в Комиссариат вошли более работоспособные люди, которые могут поставить Центральный комиссариат на определенную высоту. Но Центральное бюро поняло это в другом смысле. На первом же заседании Центральное бюро постановило ликвидировать отделы труда, юридический, международной пропаганды и научную коллегию. Все восточные вопросы подвергались разработке в научной коллегии. Она разработала проект мусульманского народного университета. В ней были сосредоточены кадры работников в области школьной, внешкольной и т.д. Несмотря на это, Центральное бюро нашло, что научная коллегия не нужна, раз существует Наркомпрос.

На известном съезде казанских работников в центре[81] было признано необходимым образование особой Чрезвычайной комиссии по восстановлению разрушенных белогвардейцами мусульманских пролетарских организаций: Мусульманского комиссариата, Мусульманского профессионального союза, клубов и т.д., и даже Чрезвычайной комиссии для борьбы с контрреволюцией среди мусульман. Нам было известно, что мусульманские контрреволюционные элементы в лице Илиаса Алкина, в лице Ахмета Цаликова и других ведут свою провокационную работу, что их агенты имеются и здесь, в деле централизации борьбы с контрреволюцией. Вот почему татарским и вообще мусульманским населением было признано необходимым создание Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией среди мусульман. По этому вопросу было достигнуто соглашение между Мусульманским комиссариатом, Комиссариатом по военным делам, Наркомнацем и ВЧК. Эта комиссия только что приступила к своей работе, тем не менее Центральное бюро нашло необходимым ликвидиро-

вать ее, мотивируя тем, что якобы для борьбы с контрреволюцией есть ВЧК и поэтому нет необходимости создавать параллельную организацию.

В процессе реорганизации Комиссариата участвовали члены Центрального бюро. Когда обсуждался вопрос о том, кто должен быть комиссаром и членами коллегии комиссариата, участвовали 4 товарища: я, Юмагулов, Ялымов, Каменский. Каменский решающего голоса не имел. Сначала выставили кандидатуру т.С.....,* , но он не умел писать на татарском языке и не был знаком с рабочей жизнью татар. Ялымов не получил голоса, я получил 2 - за и 1 голос против. Таким образом, я остался комиссаром по делам мусульман. Затем нужно было иметь заместителя комиссара по делам мусульман. Мне казалось, что право выбора принадлежит мне. Но оказалось, что были выставлены т.Юмагулов и Опр...** , они получили 1 голос за, 2 против, и все-таки прошел т.Юмагулов, и он стал моим заместителем.

После такого преобразования перед Центральным бюро возник вопрос о том, как назвать этот комиссариат. Енбаев заявил, что незачем называть его мусульманским, так как это понятие религиозное, и решили Комиссариат называть Татаро-Башкирским. Но тут запротестовал Петроградский комиссариат и предложил назвать его Петроградским комиссариатом. Нашли, что под таким названием Комиссариат не может существовать, и предложили называть его Поволжским комиссариатом. Я настаивал, чтобы называть его Комиссариатом мусульман внутренней России и Сибири или просто России, так как Сибирь была у Колчака. Но это тоже было отклонено. Склонялись называть комиссариатом Поволжским, но тогда куда денем Петроград и т.д.? Тогда вспомнили, что существует декрет об учреждении комиссариата с четким его названием - "Комиссариат по делам мусульман внутренней России" и решили, что комиссариат и теперь так должен называться.

После всех этих пертурбаций в Мусульманском комиссариате возникли отделы общий, издательский, статистический, культурно-просветительный, но потом культурно-просветительный был отдан в национальный отдел Комиссариата народного просвещения. Весь этот процесс реорганизации Комиссариата закончился к концу января 1919г. В это время Комиссариат и все его отделы переводили, т.е. перевозили в другое помещение. В новом помещении не было ни мебели, ни телефона, и эти условия тормозили работу. Но когда вопрос разрешился, когда пришли к определенному решению, что комиссариат с такими-то отделами имеет дело, и с такими-то лицами, то комиссара, т.е. меня, командировали в освобожденную от чехословацких легионеров Уфу для постановки партийной работы среди мусульман. Туда нужно было ехать около 10 дней. В Уфе я работал около месяца. Потом под напором колчаковцев началось отступление наших войск, и я уехал в Москву. После моего приезда командировали в Оренбург т.Юмагулова, моим заместителем Центральное бюро назначило т.Енбаева.

Работа в Комиссариате оживилась, но работать не удалось, так как к этому времени положение Восточного фронта стало угрожающим, и по

* В стенограмме - многоточие. Вероятно - Б.Сардаров, член Центрального бюро. -Сост.
** Так в стенограмме, выяснить не удалось. - Сост.

постановлению Центрального Комитета партии все ответственные работники из мусульман были направлены в Казань. Меня назначили членом Реввоенсовета 2-й армии, и я находился там около 2 месяцев. Приехав в центр, я узнал, что Комиссариат почти окончательно ликвидирован, его жизнь была изменена в том смысле, что издательский отдел был переведен в Казань. Но мусульманскому издательскому отделу ни бумаг не отпускали, ничего, и он не мог развиваться. Других отделов не было. Общий отдел состоял из председателя, секретаря, машиниста и прислуги. При этих условиях комиссариат работать не мог. В мое отсутствие за председателя оставался т. Мансуров, но он работать не мог, так как все время был болен и в конце концов принужден был пойти в санаторий.

Теперь я укажу на штрихи, которые характеризуют условия, при которых происходила работа Комиссариата. Когда все вопросы относительно Комиссариата были нами выявлены, нами была представлена смета приблизительно на 17 млн.руб. Но эта смета была урезана, нам оставили на всю Россию, на все мусульманские и местные комиссариаты около двух с половиной млн. Между прочим, получилась такая картина, что в Нижегородской губернии 85 тысяч мусульман, около 6 тысяч латышей и 3 тысячи поляков-помещиков, пришлого элемента, красноармейцы - беженцы, которые сегодня здесь, а завтра в другом месте. Несмотря на все это, Нижегородскому мусульманскому комиссариату на 6 мес. было отпущено около 20 тысяч, латышскому комитету на такое же время отпустили 63 или 53, а польскому отделу 57. Из этого выходило, что Народный комиссариат по делам национальностей, его финансовый отдел при урезывании нашей сметы до того разошелся, что дальше идти некуда. Ясно, что при таких условиях Комиссариат не мог работать, не мог проявлять интенсивности в своей работе и в работе местных отделов, и мы видим, как один за другим мусульманские комиссариаты начали закрываться: в Нижнем, в Казани, в Тетюшах, в Спасске и т.д. После того, как я вернулся, передо мной встал вопрос о Мусульманском комиссариате во всем своем ужасе, потому что на местах в комиссариатах ощущалась острая нужда. Мусульманское население в городах представляет из себя или полупролетарские элементы, или мелкую буржуазию. Ввиду того, что торговый класс совершенно ликвидирован, и ввиду своего некультурного состояния мусульмане не могли принимать участия в советских учреждениях из-за незнания языка, из-за своей неразвитости. В городах мусульманское население принуждено было или умереть с голода или за неимением работы в советских организациях вести спекуляцию. Перед Мусульманским комиссариатом поневоле вставал вопрос о необходимости открытия коммунального отдела, который бы взял на себя организацию трудовых артелей, трудоустраивал бы мусульман в целом ряде кооперативных объединений, а также на предприятиях кустарной промышленности.

Когда я вернулся в центр, в это время был поднят вопрос относительно ликвидации Народного комиссариата по делам национальностей и передачи его аппарата во ВЦИК.* Относительно Мусульманского комисса-

* См. об этом: Макарова Г.П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. 1917-1923 гг.: Исторический очерк.-М.,1987.-С.22-23. - Сост.

риата было решено о его переходе в отдел Ближнего Востока Народного комиссариата по иностранным делам. На этой почве происходили недоразумения. Мусульмане подавали просьбы, они направлялись во ВЦИК, ВЦИК направляет обратно, говорят, что они должны передать просьбы в Комиссариат иностранных дел. Создавалось такое положение, что все татары, живущие в России, признаны иностранцами. Мне пришлось обратиться к т.Ленину и указать, что вопросы относительно татар и башкир должны решаться в организациях и аппаратах, которые они должны иметь как государственную власть; пока же вопрос не решен, Национальный комиссариат должен быть сохранен. В результате Национальный комиссариат не был ликвидирован и было вынесено решение расширить его деятельность.

После этого была составлена смета Мусульманского комиссариата на 20 млн.руб. Получили возможность расширить существующие центральный и местные мусульманские комиссариаты и отделы. Многие миллионы должны были оказаться в комиссариатах на местах. Затем предполагалось открыть мусульманские комиссариаты в отвоеванных у контрреволюции местностях, в Сибири и на Урале при губернских ревкомах и исполкомах. Предполагалось открыть следующие отделы при Центральном комиссариате: общий, учетно-регистрационный, экономический, издательско-справочный, информационный и научную коллегию. Был поставлен вопрос и о восстановлении закрытых отделов. Эта смета пока не рассмотрена, но на днях будет рассмотрена.

Теперь, останавливаясь на причинах разложения Мусульманского комиссариата, я должен указать, что главным являются неясность политики Центрального бюро мусульманских коммунистических организаций Востока, неясность политики и неумение работать тех лиц, тех господ, которые стояли во главе Наркомнаца - тт.Пестковский и Каменский, которые, по моему мнению, в восточных вопросах, в мусульманских вопросах являются профанами. Находясь во главе такого учреждения, как Национальный комиссариат, который по существу являлся комиссариатом, регулирующим и контролирующим деятельность остальных аппаратов Советской власти в отношении удовлетворения естественных социально-экономических потребностей бывших в угнетении национальностей, такие лица руководить работой в этом Комиссариате не могли. Это 1-я причина. 2-я причина - причина внутреннего характера и внешних условий работы Комиссариата. Проводимая реорганизация государственного аппарата предусматривает усиление централизации всей работы. Комиссариат просвещения, например, заявлял, что "все дело народного образования должно перейти в мои руки", и отдел просвещения должен перейти туда. Так же рассуждали и другие комиссариаты и отделы, например, статистический отдел должен быть переведен в Народный комиссариат внутренних дел. Затем гражданская война, как вы знаете, на Восточном фронте происходила на территории, населенной мусульманами, и это требовало концентрации всех мусульманских работников на этом фронте. Направили туда и меня. Я проболтался там в продолжении 6 мес. Потом отправили т.Юмагулова, так что он работать в Комиссариате не мог. Одной из причин, которые препятствовали нормальному ходу работы комиссариата,

являются особые условия Москвы. Вы прекрасно понимаете условия продовольственные, отсутствие топлива, все это мешает работе. Замещавший меня в комиссариате Мансуров работать совершенно не мог. Сегодня здоров, завтра болен и целую неделю не является на работу. Совершенно невозможно найти более или менее трудоспособных, подготовленных к свой работе, также машинистов, потому что все подготовленные работники уходят в военный и другие комиссариаты, потому что там их обеспечивают продовольствием, а мы ничего сделать в этом отношении не могли. Вот причины, которые являются главным тормозом в работе Мусульманского комиссариата.

РЦХИДНИ.- Ф.583.-Оп.1.-Д.-4.-Л.121-130. Стенографическая запись.

6. Доклад по восточному вопросу

26 ноября 1919г.

Товарищи, восточный вопрос для нас, коммунистов, как и всякий вопрос, является вопросом тактики, а не вопросом программы. Тем не менее этот вопрос не является вопросом одного момента, не вопросом одного года, двух-трех лет, а вопросом, по моему мнению, быть может, нескольких десятилетий, если не многих веков.

Социальная революция, которая началась в России, есть начало международной социальной революции. Это не есть только революция в России, революция крестьян и рабочего класса или революция русского рабочего класса, а начало международной классовой борьбы, начало борьбы международного пролетариата с международным капиталом за воссоздание на земном шаре социального строя.

Руководителям Коммунистической партии осуществление социальной революции представлялось в том виде, что достаточно вызвать революционное брожение в рабочем классе Западной Европы, Англии, Франции, Америки, Германии, т.е. в тех странах, где сконцентрированы материальные и моральные силы международного империализма, где с внешней стороны как будто имеются все конкретные условия для того, чтобы вызвать классовую революцию. Действительно, если мы возьмем Западную Европу и будем рассматривать с точки зрения условий развития социальной революции, мы увидим, как будто там имеются все условия для того, чтобы рабочий класс понял, что там он эксплуатируется капитализмом и имеет достаточную фазу развития для того, чтобы началась социальная революция, для того, чтобы там произошел социальный переворот. Руководители нашей партии, как всем известно, вели очень интенсивную работу по революционизированию Запада. Коммунисты России были связаны с коммунистическими партиями Запада, со спартаковцами, со всеми социальными элементами Австрии, Венгрии и других стран, но мы видим, что, несмотря на то, что уже прошло два года как произошла Октябрьская революция, на Западе социальной революции как таковой все еще нет. Мы видели, как возникло спартаковское движение в Германии, мы видели стремление, с

одной стороны, западноевропейского пролетариата к победе над своей буржуазией, с другой стороны - стремление западноевропейского капитализма, западноевропейского империализма к восторжествованию над всем трудовым элементом. В результате борьбы различных течений, например, в Венгрии, где возникла республика, мы видели, что Венгерская советская республика погибла, спартаковское движение было подавлено. Мы видим, как в Западной Европе все попытки западноевропейского пролетариата взять власть в свои руки, свергнуть буржуазию, установить диктатуру пролетариата над капиталом не осуществляются и терпят крах.

В чем, товарищи, причина? Причина в том, что международная социалистическая революция без участия Востока не может быть осуществлена, не может быть совершена по следующим причинам. Допустим, что в один прекрасный день рабочие Англии, Франции, Германии свергли буржуазию, установили там диктатуру рабочего класса. Что же могло произойти в этом случае, если мы, социалисты, если мы, коммунисты, не обеспечим своего положения на Востоке? Повторится та же картина, которая произошла в России, именно, когда русская буржуазия была побеждена в центре, она устремилась на окраины, она стала концентрировать силы, которые могли действовать, свою контрреволюционную энергию в ...*, в Финляндии, в Польше, на Украине, в Крыму, на Кавказе, т.е., иначе говоря, на окраинах России, на бывших колониальных владениях русского империализма, русской национальности. То же самое, я говорю, произошло бы, но в общем мировом масштабе, если бы произошла социалистическая революция в Западной Европе. Все ллойд-джорджи, клемансо, черчилли и прочие идеологи международного империализма устремились бы на Восток в свои колонии и постарались бы использовать эти колонии в целях удушения социалистической революции в Западной Европе, т.е. в большом масштабе, в международном масштабе повторилось бы то, что мы видим на опыте социалистической революции в России. Это первое положение, т.е. то положение, когда мы предполагаем участие Востока в использовании революционного движения мира в качестве революционных сил, в качестве сил, действующих за социалистическую революцию, за развитие международной социалистической революции. Мы, товарищи, видим, что этого еще нет. Рабочие Западной Европы пока еще не в состоянии взять за горло западную буржуазию. Мы пока не видим, чтобы английские рабочие взяли бы за горло своего Черчилля и сказали бы ему: довольно тебе пить нашу кровь и кровь угнетенных народов Востока. Мы видим, что пролетариат Запада продолжает идти за лжесоциализмом, за руководителями лжесоциализма - II Интернационала.

В чем же причина? Причина, товарищи, по моему мнению, в том, что в эксплуатации Востока, в эксплуатации колониальных владений международным империализмом косвенно участвует, быть может, помимо своей воли и рабочий класс Западной Европы. Когда рабочие Запада начинают предъявлять те или иные экономические требования своей буржуазии, то эта буржуазия почти всегда удовлетворяет все экономические требования своих рабочих, потому что она имеет возможность их удовлетворять, по-

* Пропуск в тексте стенограммы. - Сост.

тому что у этой буржуазии имеются ресурсы, имеются бесконечные источники, откуда она высасывает все необходимые соки, которые необходимы ей для продолжения своего господства и не только над своим рабочим, но и над рабочим своих колоний.

Перед нами встает вопрос - чем же должен являться Восток в процессе развития социальной революции? Для нас, для коммунистов, ответ может быть только один - мы должны стараться использовать Восток как силу, которая будет действовать против международного империализма при разрешении наших задач. Мы должны исходить из общих задач, которые мы поставили перед собой.

Мы говорим: "Мы должны произвести международную социальную революцию". Для этого в первую голову мы должны победить международный империализм, для этого мы должны в первую голову победить международный капитализм. Где же он, международный империализм, где он, международный капитал? Международный империализм есть западноевропейский империализм, международный капитал есть западноевропейский капитал. Японский империализм, возрождающийся, быть может, китайский империализм - это хвосты международного империализма.

Мы в своем стремлении к нашей основной цели, к международной социалистической революции подходим следующим образом: произошла социалистическая революция в России, ее нужно развернуть в международную революцию, энергию социалистической революции в России нужно перебросить на весь мир. До сего времени в отношении Запада все это проделывалось, но не проделывалось или проделывалось слишком слабо по отношению к Востоку. По моему мнению, это была ошибка руководителей нашей партии.

Если Восток будете рассматривать с социалистической точки зрения, то увидите, что весь Восток, включая сюда всю Азию, Африку, Австралию, является объектом эксплуатации международным империализмом. Все соки, которые необходимы международному империализму для удержания своего положения, он высасывал, главным образом, с Востока, со своих колониальных владений. Даже империалистическая война, война между конкурирующим друг с другом капиталом, с одной стороны Германии, Австро-Венгрии, с другой - Англии, России, Италии, Франции, Америки, эта война тоже была вызвана конкуренцией между ними, стремлением каждого из них завоевать на Востоке более прочное положение. Каждый из этих конкурентов стремился к тому, чтобы сделаться полновластным хозяином над народами, населяющими Восток, т.е. над народами, которые по своему культурному положению более подвержены подавлению, являются хорошим материалом для эксплуатации.

Если обратимся к истории возникновения западноевропейской культуры в том виде, в какой ее видим сейчас, то мы увидим, что в процессе развития, создания материальных и культурных богатств Запада участвовал главным образом Восток, колониальные владения Западной Европы. Возьмите Америку с ее небоскребами, с ее воздушными железными дорогами, туннелями и т.д., с ее миллиардами. За счет чьих сил создано это богатство? Оно создано за счет миллионов аборигенов Америки - краснокожих, за счет миллионов чернокожих Африки. Нужно было погибнуть

культуре инков, нужно было погибнуть десяткам миллионов краснокожих Америки и чернокожих Африки, чтобы образовались эти 42-этажные, 50-этажные небоскребы.

В эксплуатации туземного населения Америки, а также в косвенной эксплуатации туземного населения Африки участвовали не только Англия, Франция, Испания, Германия, но и все другие западноевропейские государства.

Если возьмем развитие капитализма, развитие европейского милитаризма и империализма в позднейшее время, то увидим, что западноевропейский империализм перенес центр тяжести на Восток. Когда были исчерпаны все богатства Америки, начали использовать источники эксплуатации из Африки, затем перенесли центр тяжести на Ближний Восток, на Индию, на Афганистан, на Персию.

Если можно бы было выразить в цифрах источники эксплуатируемых богатств восточных колоний Западной Европы, мы наглядно бы увидели, что 95% всех материальных богатств Западной Европы являются основой духовной культуры, сознания рабочей массы, это есть кровь и пот Востока. Если мы подходим к Востоку с этой точки зрения, мы видим, что Восток является как раз тем революционным котлом, который может потопить в революции всю Западную Европу. По моему мнению, от нашего умелого подхода к вопросу зависит, сумеем ли мы использовать ту энергию, которая вырабатывалась в груди угнетенных народов колониальных владений Западной Европы. К этому вопросу мы должны подходить, как я сказал вначале, как коммунисты.

Наша главная задача заключается в том, чтобы вызвать пожар мировой революции. Мы видим, что вызвать этот революционный пожар только через посредство рабочих самой Западной Европы нет возможности, потому что западноевропейская буржуазия, западноевропейский империализм не есть империализм только самой Западной Европы, а есть империализм всего земного шара. Тут недостаточно сил одного западноевропейского пролетариата, а тут нужны еще силы угнетенных народов Востока. Наше отношение к Востоку должно определяться этой основной целью в вопросе о международной социальной революции. Мы видим, что так или иначе мы должны войти в тесное соприкосновение в Востоком. Я уже указал вначале, что если мы не хотели пойти на Восток, даже если бы была вызвана социальная революция на Западе, все равно нам пришлось бы столкнуться с Востоком как с силой, которая могла бы действовать против нас. Но в наших целях и интересах, чтобы Восток действовал не против нас, а чтобы он был с нами.

Что мы должны сделать для того, чтобы Восток был с нами? Я уже указал, что социально-экономические условия развития Востока говорят о том, что там заложено очень много конкретного материала для возникновения революции. Восток, как объект эксплуатации международного империализма, может быть восстановлен против этого империализма. И действительно, мы видим, как Восток инстинктивно направляется против западноевропейского империализма, как там возникают различные течения, вызванные давлением со стороны западноевропейского империализма. Там образуются так называемые панисламистские течения, пресле-

дующие цель объединить все мусульманские народы для борьбы против мирового империализма. С другой стороны, там образуются панмонгольские течения, которые хотят объединить все монгольские племена Востока.

В настоящее время положение международного империализма складывается следующим образом. Мы видим, как международный империализм в лице Антанты стремится использовать Восток в целях борьбы с международной революцией. Мы видим, как Англия заключает договор с Персией и требует, чтобы она участвовала в подавлении социальной революции в России. Мы видим, что Франция и другие страны направляют все империалистические войска на Турцию, стремясь внести там разложение, стремясь разделить это государство на кусочки и сразу в корне подавить то течение, которое может быть начато против них. Но мы видим, как империалистические элементы Востока объединяются между собой и ищут объединения с теми империалистическими элементами Западной Европы, которые по отношению к торжествующей Антанте являются врагами, стремятся объединиться с германским империализмом. Когда началась империалистическая война, германские империалисты образовали союз с Турцией. Это было. Это симптоматично в том отношении, что германские империалисты увидели то положение, что на Востоке возрождаются новые течения, что на Востоке возрождается национальная революция, которая будет направлена против международного империализма, главным образом против английского империализма.

Перед нами само собой встает вопрос - как мы должны работать на Востоке, какой политики придерживаться на Востоке. Перед нами наличие социального движения на Востоке, перед нами движение панисламизма и движение панмонголизма. Наша тактика в восточном вопросе должна являться нашей основной задачей. Нам нужно в первую голову покончить с международным империализмом, следовательно, мы должны поддерживать всякое движение, которое направлено к этой цели. Мы видим, что Восток, как объект эксплуатации международного империализма, вооружается против этого империализма. Она восстает против него, восстает против этого империализма под тем или иным названием. Ясно, что мы это движение должны поддерживать до тех пор, пока не будет свергнут международный империализм и пока рабочий класс Западной Европы не получит возможности установить свою диктатуру, не получит возможности образовать власть Советов рабочих и крестьянских депутатов в Западной Европе.

Но с этого момента, момента поражения международного империализма в лице империализма Западной Европы, может быть, начнется другой период, когда в восточных странах зародится восточный империализм, когда империалистические элементы Турции, Персии, Индии, Китая, Японии объединятся между собою и начнут поход желтокожих на Европу. Это, возможно, путь нового грабежа, так как ясно, что империализм каких бы то ни было стран никогда не откажется от своих целей. К этому моменту мы должны подготовиться. В этих целях мы должны начать организацию антиимпериалистической партии Востока. Мы знаем, что в Персии, в Азербайджане имеются империалистические партии, но в Турции импе-

риалистических партий нет, нет в Китае, в Японии есть левые социалистические партии, но нет определенно выявленной коммунистической партии.

Следующей нашей задачей, основной задачей работы на Востоке, является стремление к созданию коммунистической партии. Мы должны заложить для этого фундамент. Мы должны начать там немедленно эту работу.

Итак, по моему мнению, работа на Востоке должна идти в двух направлениях:

Первое направление. Оно определяется социально-экономическим положением Востока. В настоящее время Восток вооружается против Западной Европы, как подавляющей восточные силы. Следовательно, чтобы обезоружить международный империализм, мы должны поддерживать движение Востока. В настоящий момент в условиях развития международной социалистической революции мы должны поддерживать национальное стремление Востока.

Второе направление. Имея в виду, во-первых, наши основные цели, именно воссоздание на всем земном шаре социалистического строя и, во-вторых, возможное возрождение империализма на Востоке, восточного империализма, мы должны проводить твердо политику по отношению к Востоку в том смысле, чтобы образовывать там коммунистические партии, должны группировать в каждой стране те социалистические элементы, которые впоследствии так или иначе могут послужить ядром для образования коммунистических партий в этих странах.

Для того чтобы начать работу на Востоке, мы должны, во-первых, извлечь все то революционное, которое может работать на Востоке, из Советской России. Мы знаем, что в составе народов, населяющих Советскую Россию, имеются народы, как, например, татары, башкиры, киргизы, сарты, которые тесным образом связаны с Востоком, которые в отношении как экономическом, так и культурном, этнографическом являются как бы связующим звеном, устанавливающим тесную связь Советской России с Ближним, Средним и Дальним Востоком.

Необходимость работы на Востоке нам диктует прежде всего необходимость обратить серьезное внимание на социализирование этих народностей. Всю нашу революционную энергию мы должны направить на то, чтобы потом передать на Восток, которая должна всасываться в организм Востока и вызвать на Востоке революционные инстинкты, и вся эта энергия должна быть сконцентрирована в одном месте. Такой территорией, по моему мнению, является территория, населенная восточными народами, т.е. татарами, башкирами, киргизами в Туркестане.

Какие конкретные меры по социализированию Востока мы должны проводить? В первую очередь, по моему мнению, в этом вопросе мы должны исходить из того соображения, что недостаточно только проводить идеи коммунизма, но нужно дать Востоку в этом отношении что-нибудь реальное. Мы должны проводить творческую работу на всем Советском Востоке в созданных и создаваемых республиках татар, башкир, киргизов Туркестана и других восточных народов. Например, в отношении военном мы знаем, что территория гражданской войны, безусловно, расширится. Гражданская война с нашей победой над Деникиным, над Колчаком может прекратиться. Но это будет передышка, так как ясно, что гражданская

борьба, международная борьба международной революции не может скоро закончиться. Территория гражданской войны расширится, и в ней будут принимать участие и восточные народы России, и угнетенные народы Персии, Турции, Индии, Афганистана и т.д. К этому мы должны подготовиться. В этих целях мы из революционизированных народов Востока: из татар, башкир, революционизированных туркестанцев, киргизов должны, во-первых, образовать восточную Красную Армию как ядро той Красной Армии, которая будет действовать на Востоке против международного империализма или против самого Востока, если Восток будет использован международным империализмом и будет действовать против международной революции. В этих целях нужно созвать съезд восточных народов.

Мы видим, как башкиры строят свои дивизии. Они действуют на различных фронтах. Они не объединены. То же самое можно сказать относительно татар. Кое-где создаются полки, в другом месте - бригады, но они не объединены,нет регулирующих начал в их создании.

Мы на нашем Ближнем Востоке должны проводить политику дифференциации пролетариата и пролетарских элементов. Многие наши товарищи указывают, в особенности из Туркестана, что в Туркестане нет пролетариата, там, как будто, квалифицированного пролетариата нет. Это происходит отчасти от империалистической политики бывших русских монархистов. А если возьмем весь Восток, то его положение является результатом политики международного империализма. Туркестан, являясь колонией русского империализма, снабжал центр хлопком, который привозился сюда, перерабатывался на заводах и фабриках и переправлялся в Туркестан. Мы должны определить, как развить индустрию в Туркестане. Мы должны искать способы коммунального ведения хлопководства, т.е. приступить к изучению тех форм, в которых должно выразиться коммунистическое строительство на Востоке в условиях творческого образа жизни.

Другая задача, которая возникает перед нами, когда мы идем на Восток в целях его революционизирования, - это вопрос подготовки работников. До сего времени, несмотря на то, что уже два года происходит социалистическая революция в Советской России, не было сделано ничего, чтобы подготовить работников для работы на Востоке. Когда говорим о Востоке, наши работники не знают, что это за Восток. Они считают, что Восток этот как будто является чем-то таким, где может зародиться новый империализм. Незнание, во-первых, Востока, во-вторых, задач, которые стоят перед Востоком, не позволяло решения этого вопроса.

Перед нами встал теперь вопрос о подготовке советских работников для Востока, иначе говоря, советских ориенталистов. Для этой цели у нас имеются технические средства, имеется бывший Лазаревский институт, имеется Восточный факультет в Петрограде, Казанский университет. Все эти возможности нужно мобилизовать и использовать в тех целях, чтобы немедленно приступить к подготовке советских ориенталистов.

С другой стороны, сознавая необходимость организации Красной Армии в восточном крае, мы приходим к мысли, что мы должны взяться за создание там кадров для этой Красной Армии. Что мы должны сделать? Мы немедленно должны организовать Восточную академию Генштаба или образовать Восточный отдел [Академии] Генерального штаба, мы

должны открывать курсы для подготовки командиров Красной Армии из татар, башкир и т.д.

В области просвещения мы видим, что до сего времени кинематограф не приспособлен к восточным народам, нет картин, которые изображали бы быт, жизнь татар, башкир, киргизов в понятном для них виде.

Возьмем театр. Мы видим, что у киргизов театр только создается, у туркестанских мусульман - также, у татар театр имеется, и, кажется, хотят создать народный театр.

Перед нами встает вопрос о концентрации руководства культурно-просветительной работой среди этих народностей. В этих целях было бы целесообразным создать специальный орган в виде комиссариата просвещения народов Востока.

В заключении речи я прочту проект резолюции, который хотел предложить по восточному вопросу: "Съезд находит....."(читает)*

РЦХИДНИ. - Ф.583. - Оп.1. - Д.4. - Л.140-148. Стенографическая запись.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.186-198.

7. Проект резолюции по восточному вопросу

26 ноября 1919г.

1. Съезд находит, что проблема международной социальной революции без участия Востока, как известной социально-экономической величины, неразрешима.

2. РКП(б), занимающая в настоящее время по своему международному положению место руководительницы мирового коммунистического движения, должна перейти к конкретно-действенным мерам по революционизированию Востока.

3. Революционная работа Коммунистической партии на Востоке должна идти в двух направлениях, определяемых, с одной стороны, основной классово-революционной программой партии, диктующей ей необходимость постепенного образования коммунистических партий в странах Востока как секций III, Коммунистического Интернационала, а с другой стороны политическим и, естественно, историческим и социально-экономическим положением Востока в настоящем, диктующим необходимость поддержания на Востоке до известного момента его национального движения, направленного к свержению там власти западноевропейского империализма, поскольку это движение не противоречит классово-революционному стремлению международного пролетариата свергнуть международный империализм.

4. В указанных целях необходимо немедленно приступить к самой серьезной и широкой деятельности по организации партийной работы на Востоке, с одной стороны, и организации противоимпериалистической пропаганды - с другой.

---

* См. С. 222-223 настоящего издания.

5. Указанная работа должна проводиться через центральный орган коммунистических организаций народов Востока, выделяющий из себя отдельные территориальные секции и функциональные отделы и работающий под непосредственным руководством ЦК РКП.

6. В целях концентрации всей той революционной энергии, которая должна будет передаваться на Восток и, всасываясь в его организм, вызывать в нем инстинкт революции, необходимо централизовать революционную работу на Востоке и уже существующих и могущих быть созданными в будущем советских республиках восточных народов (Туркестанская, Киргизская и другие), превратив их в главную базу революционной работы на Востоке.

7. В этих же целях необходимо немедленно приступить к выработке конкретных форм того объединения и того взаимоотношения, которые должны установиться между этими республиками в условиях превращения их в очаг революции на Востоке.

8. Для осуществления всех этих мероприятий съезд считает необходимым провести в первую очередь и в срочном порядке следующие конкретные меры:

1) усилить подготовку партийно-советских работников для Востока;

2) приступить к созданию кадров советских ориенталистов на Востоке;

3) приступить к созданию восточной интернациональной классовой красной армии, как части международной красной армии;

4) интенсировать (усилить) подготовку красных командиров из среды пролетариата восточных народов.

Жизнь национальностей. - 1919. - 7 декабря. - № 46 (54).

8. Выступление при обсуждении проекта резолюции по восточному вопросу

27 ноября 1919г.

Я должен уточнить, что мои слова поняты неправильно. Я не говорил о том, что Советская власть ведет колониальную политику в Туркестане. Мы не мальчики. Мы коммунисты, мы революционеры и мы с первого дня работаем в рядах революционеров и мы знаем политику Советской власти, ее отношение к угнетенным национальностям бывшей Российской монархии. Я здесь говорил только о том, что Туркестан по внешнему своему положению в настоящее время как бы является колонией Советской России. Если вы возьмете Туркестан в отношении индустриального развития, то тов.Катанян не отрицает, что там нет городов, нет фабрик, нет индустриального пролетариата. Я Туркестан приводил только в виде примера. Тов.Катанян сам не отрицает положения, что индустрия должна быть перенесена, что в Туркестане должна развиваться промышленность. Я прекрасно понимаю, что раз в Туркестане нет фабрик, следовательно, хлопок, само собой разумеется, должен быть перенесен туда, где он может быть переработан. И, конечно, в Советскую Россию, а не куда-нибудь в Анг-

лию, Германию, Турцию или Персию. И второе положение: я не говорил о том, что мусульманские части должны быть сконцентрированы в одном месте. Я говорил только о том, что должен быть создан восточный отряд. У меня в проекте относительно создания восточных красноармейских частей, относительно подготовки создания восточной Красной Армии говорится о том, что восточные части по постановлению Революционного военного совета могут быть перебрасываемы туда, где они окажутся более полезными в этом отношении, по крайней мере, ко мне упрека не может быть сделано, так как до сего времени, создавая мусульманские части, мы не создаем национальных частей, а создаем части единой интернациональной революционной Красной Армии, которая идет по определенному пути уничтожения международного империализма и которая установит на всем земном шаре социальный строй и равноправие всех трудовых элементов всех наций.

РЦХИДНИ. - Ф.583. - Оп.1. - Д.4. - Л.203-204. МФК.

9. Ответная речь после выступления председателя ВЦИК М.И. Калинина[82]

27 ноября 1919г.

Дорогой товарищ Калинин! Я думаю, что выражу общую мысль всего съезда, если скажу, что то Красное знамя коммунизма социальной революции, которое мы получили от своих учителей, от своих товарищей руководителей социальной революции России, что это Красное знамя мы будем держать высоко и твердо в своих руках.

Товарищ Калинин, мы уверены в том, что общими усилиями при помощи Вашей, при помощи вождей русской революции, при помощи руководителей коммунистического движения в России нам удастся перенести пожар социальной революции на Восток. Нам удастся разбудить Восток и направить его против международного империализма. Нам удастся также сплотить рабочий класс и революционное крестьянство Востока между собой и направить их против буржуазии. Нам удастся вызвать социальную революцию на Востоке после того, как будет свергнут международный империализм. *(Аплодисменты)*.

Да здравствует международная социальная революция!

Да здравствует русский пролетариат, первый поднявший знамя восстания против ига капитализма и международного империализма! *(Аплодисменты)*.

РЦХИДНИ. - Ф.583. - Оп.1. - Д.4. - Л.204. Стенографическая запись.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.199.

10. Доклад по татаро-башкирскому вопросу

28 ноября 1919 г.

Товарищи, когда мы приступаем к какому-нибудь вопросу, к его анализу, то мы всегда стремимся представить его себе в полном виде. Во-первых, что это за вопрос, каким образом он возник, в чем его сущность? Приступая к рассмотрению татаро-башкирского вопроса, мы также определенно и ясно должны себе представить, что это за вопрос, как он возник исторически и в чем заключается его социально-экономическая сущность. Но, приступая к рассмотрению этого вопроса, мы должны заранее определить тот путь, тот метод, с которым мы должны подойти к разрешению этого вопроса. Ясно, что для нас, коммунистов, помимо нашей программы, общекоммунистической программы, никаких других принципиальных программных вопросов не существует. Если перед нами возникает тот или другой вопрос, то этот вопрос является только вопросом тактики, только вопросом известного момента, который должен быть разрешен в соответствии с нашей основной программой. Таким вопросом является и татаро-башкирский вопрос. Это не есть вопрос программный, это не есть вопрос принципиальный, а это есть вопрос тактики, вопрос момента.

Что же это за вопрос? Как он возник? Какова его история?

Товарищам революционерам, товарищам большевикам, работавшим в эти два года революции в Поволжье, ясно, каким образом возник этот вопрос. С одной стороны - татарская буржуазия, а с другой стороны башкирское кулачество с первых дней революции стремились удержать власть в своих руках, стремились к тому, чтобы не допустить проникновения большевизма, проникновения идей большевизма в Поволжье, туда, где поселены татары и башкиры. Мы видим, как после Февральской революции созывается Всероссийский мусульманский съезд, и на этом съезде избирается Всемусульманский национальный совет во главе с известным меньшевиком, новожизненцем Ахметбеком Цаликовым.[83] Этот Национальный совет в начале своего возникновения стал определенно агрессивным по отношению к социально-революционным задачам. Достаточно вспомнить о II Всероссийском мусульманском съезде, который был в Казани и который по своей идее должен был объединить либеральные круги, интеллигентские круги татар и башкир, населяющих Россию, Кавказ, Крым, Туркестан, Киргизию и Башкирию. На этом съезде, как всем известно, состоялось общее пленарное заседание представителей Всероссийского мусульманского съезда, происходящего тогда 1-го Всероссийского военно-мусульманского съезда и Всероссийского съезда мусульманского духовенства. На этом пленарном заседании было постановлено создать для мусульман внутренней России и Сибири так называемую культурно-национальную автономию. Но в то же время между отдельными элементами стремившихся к объединению татарской, башкирской, киргизской, сартской и прочей буржуазии, мусульманской буржуазии, мы видим, как они начинают ссориться между собой. Башкиры по своему экономическому положению занимают лучшее положение и являются более обеспеченными землей. Еще до награбления башкирских земель русскими помещи-

ками, русскими аграриями, еще до того каждый башкир имел на одну душу по 100 десятин земли и после Февральской революции, когда в естественном процессе революционной борьбы на местах в результате революционно-аграрного движения эти земли перешли к башкирскому трудовому народу, то на долю каждого башкира пришлось минимум по 40-50 десятин. Если возьмем татар и будем рассматривать их с этой точки зрения, то увидим, что в этом отношении они приближаются к более пролетарским элементам, потому что в этом отношении наблюдается малоземелье. В среднем на каждого татарина приходится 2-1 десятины, а может быть, и меньше земли. И вот мы видим, как башкирское кулачество вначале, после первых дней Февральской революции, проявляет определенную тенденцию объединения, но в то же время определенную тенденцию раскола с татарской буржуазией. И когда был создан Национальный парламент, тогда башкиры в лице Валидова, который стоял за башкирскую учредилку, выступил с протестом и говорил, что башкиры не признают Национального парламента. Как всем известно, Национальный парламент на своем последнем заседании принял пункт о необходимости выделения Среднего Поволжья и Южного Урала в отдельную республику под названием "Средне-Южноволжские и Уральские штаты"[84]. Башкиры, безусловно, воспротивились этому, исходя из того, что, если Башкирия войдет в эту республику, в эти штаты, то башкиры проиграют в отношении земли, потому что в эту республику войдут малоземельные татары и чуваши, малоземельные русские и прочий малоземельный пролетариат, так что идеология башкир была определенной, именно буржуазно-националистической идеологией. Социальная революция, Октябрьская революция разрушила мечты как татарских националистов, так и башкирских националистов. Несмотря на то, что башкирская буржуазия в лице своих соглашательских элементов, буржуазных организаций - Всероссийского национального совета, Всероссийского мусульманского военного совета и Национального собрания мусульман внутренней России и Сибири, сколько бы она ни хотела оградить себя национальной теорией, как китайской стеной, от большевизма и социальной революции, им это не удалось. Мы видим, как скоро после Октябрьской революции начинается борьба. С одной стороны, левые социалистические элементы из татар, объединившиеся со своими товарищами русскими большевиками, открывают отчаянную борьбу не на жизнь, а на смерть с татарскими и башкирскими соглашательскими организациями. Эта борьба особенно рельефно и остро выявляется в период созыва II Мусульманского военного съезда, именно в начале 1918 года. Мы видим, как возглавляющие Всероссийский мусульманский совет илиас алкины, ахметбек цаликовы ведут определенную политику в отношении национального вопроса. Мы видим, как татарская буржуазия хотела воспользоваться теми великими лозунгами, которые были брошены на весь мир руководителями социальной революции, взявшими или вырвавшими власть у русской буржуазии. Мы видим, как она стремилась воспользоваться лозунгами национального самоопределения, воспользоваться этим лозунгом, провозглашенным в Декларации Советского правительства о том, что населявшие бывшую Российскую империю народы отныне явля-

ются свободными и могут отделиться от России*. Право на самоопределение татар и башкир она хотела узурпировать.

Мы видим в дальнейшем следующее. На Всероссийском военном мусульманском съезде хотели на словах объединить татар и башкир, но в сущности хотела объединиться и царствовать татарская буржуазия совместно с башкирским кулачеством. Эта борьба окончилась тем, что как раз накануне провозглашения Южноуральских и Волжских штатов братья Алкины, руководители съезда арестовываются большевиками-мусульманами в Казани. Но, товарищи, на другой день происходит восстание в татарской части города. Арест этих лиц татарская буржуазия старалась выставить перед татарским пролетариатом и перед татарским крестьянством в том виде, что якобы большевики отрицают право на национальное самоопределение, что большевики сами выбрасывают красивые лозунги, как свобода и национальное самоопределение, а сами арестовывают тех людей, которые хотели дать право на национальное самоопределение татарам и башкирам. Провокация усиливается. Дело заканчивается тем, что вся татарская часть города изолируется совершенно от остального мира, обставляет себя пулеметами, ружьями и т.д. и в течение целого месяца между татарской частью города и русской прерывается всякое сообщение. Провокация начинает распространяться на провинцию. Начинается вооруженное восстание, начинают группироваться отдельные воинские части, отдельные группы, которые начинают бороться с образовавшейся на местах Советской властью или советскими органами.

Как раз с этим моментом совпадает арест в Оренбурге Башкирского национального курултая большевиками-мусульманами. Башкиры понимают это как стремление большевиков идти против права на национальное самоопределение башкир. В этот период у Советской власти был очень сильный враг - Дутов, и мы видим, как Дутов и остальные контрреволюционные элементы, которым удалось ускользнуть из наших рук, начинают концентрироваться в определенных местах. Мы видим, как ахметбеки улепетывают, главным образом, в Турцию и начинают вести противобольшевистскую агитацию, главным образом, среди татарских военнопленных, которых там насчитывалось около 25-30 тысяч. Такую же агитацию ведут и члены разогнанного Всероссийского военного мусульманского совета в Турции. Они ведут агитацию против большевиков, обвиняя их в том, что большевики-де идут против национального самоопределения, что они изрезали на куски членов Национального парламента. Их выставляли как новых грабителей, эксплуататоров, как новый вид империалистов.

В этот момент центральная власть сразу разрешает все эти вопросы. Чтобы показать татарскому пролетариату и крестьянству, а также трудовым элементам Башкирии, чтобы показать, что Советская власть, что партия большевиков вовсе не идут против национального самоопределения наций, против трудовых элементов, чтобы показать это, Советская власть объявляет Положение о Татаро-Башкирской Советской республике. Этим

* Имеется в виду Декларация прав народов России, принятая СНК 2 ноября 1917 г. - Сост.

Советская власть определенно сказала, что если татаро-башкирский пролетариат хочет иметь свою республику, если он хочет самоопределиться, то Советская власть этому не мешает. И вот Положение о Татаро-Башкирской Советской республике. Вопрос этот был разрешен, и все национально-буржуазные организации после этого само собой ликвидируются, потому что масса от них уходит. Не прошло 3-4 дней, как было опубликовано это Положение, после ареста и разгона членов Национального совета казанская "Забулачная республика" сама собой пала. Достаточно было вызвать 300 человек из Москвы, достаточно было 600 красноармейцев мусульман, чтобы свалить это контрреволюционное гнездо без единого выстрела, почти что без единой капли крови нам удалось ликвидировать эту "республику"[22].

После объявления Положения о Татаро-Башкирской республике Центральная власть в лице Комиссариата по делам национальностей созвала особое совещание из представителей Советов Казани, Перми, Оренбурга, Вятки, Самары, одним словом, тех территорий, где предполагалось объявление Татаро-Башкирской республики, или тех, которые соприкасались с этой территорией или входили той или другой частью в эту республику. На совещании, состоявшемся в Москве 10-16 мая, присутствовали также представители мусульманских комиссариатов Казани, Оренбурга, Уфы и других крупных городов.

Нужно сказать, что мусульманские комиссариаты на местах, как в Казани, Уфе, Оренбурге, возникли в процессе ожесточенной борьбы мусульманского пролетариата со своей буржуазией. Мусульманский комиссариат в Казани возник в процессе борьбы с мусульманским национальным советом, а также со Всероссийским мусульманским военным советом и II Всероссийским мусульманским военным съездом. Мусульманский комиссариат в Уфе возник в процессе борьбы с Национальным парламентом мусульман внутренней России и Сибири. Оренбургский комиссариат возник в процессе той же отчаянной, жестокой борьбы с башкирским Курултаем и башкирскими националистами. Так что создание этих комиссариатов, права их были декретированы только потом.

На совещании большинством голосов было решено образовать комиссию по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской республики. Товарищи руководители советской политики в центре, между ними тов. Сталин, стояли на той же точке зрения. Несмотря на это, на совещании нашлась маленькая группа лиц, которая находила, что никакой Татаро-Башкирской республики учреждать не нужно, что это чуть ли не контрреволюция в Поволжье и Заволжье. Эти лица исходили из того соображения, что они являются в национальном вопросе унитаристами, что они никакой национальной республики не признают и, следовательно, не признают обоснований для осуществления какой-либо Татаро-Башкирской Советской республики. Эта группа покинула совещание. Центральный Комитет партии коммунистов к поведению этих товарищей отнесся отрицательно. Среди них имеется известный всему мусульманскому пролетариату и всем мусульманским организациям своей дезорганизаторской работой, даже часто своими провокаторскими выступлениями по данному вопросу Карл Грасис, который в один период Астраханским гу-

берским партийным комитетом за свою невероятную дезорганизаторскую работу был даже арестован. Там был также товарищ Шамигулов. Несмотря на то, что ЦК РКП(б) выступил против этих товарищей, которые покинули совещание, несмотря на то, что этим товарищам ЦК вынес выговор, осуждающий их поведение, они повели на местах пропаганду. Грасис на страницах казанской газеты "Знамя революции" открыл кампанию против организации Татаро-Башкирской республики. Товарищи, создалось такое положение, и как раз этот момент совпал с моментом чехословацкого восстания, в этот момент приступила к своей работе Комиссия по созыву Учредительного съезда Советов Татаро-Башкирской республики. Там были представители мусульманских комиссариатов и Советов Уфимской и Казанской губерний, а также представители Народного комиссариата по национальным делам. Эта комиссия разработала положение о созыве съезда Советов предполагаемой территории Татаро-Башкирской республики. Положение было готово, но осуществлять его комиссии не удалось, потому что началось чехословацкое движение и как раз на территории предполагаемой к созданию Татаро-Башкирской республики.

На местах создалось крайне ненормальное положение. После выступления чехословаков центральная власть в лице товарищей Ленина, Троцкого, комиссара по мусульманским делам Вахитова и заместителя Наркомнаца Розиня обратилась с воззванием к татаро-башкирскому трудовому народу, в котором указывалось, что Советская власть призывает его защищать в муках рождающуюся Татаро-Башкирскую Советскую республику. Но в это время, когда мы, большевики-мусульмане, распространяли это воззвание среди татар и башкир, призывая их не поддаваться агитации чехословаков и националистов алкиных и заки валидовых, в это время в Казани Грасис вел провокацию и клевету на товарища Мулланура Вахитова, называя его панисламистом, т.е. того человека, который одним росчерком пера ликвидировал Всероссийский мусульманский национальный совет, Национальный парламент мусульман внутренней России и Сибири.

Создалось такое положение: рабочие и крестьяне татаро-башкиры спрашивали: "Что же делать? Центральная власть, власть Советов призывает нас защищать Татаро-Башкирскую республику, а представитель Казанского Совета той же самой губернии, которая должна войти в эту республику, [Грасис] призывает не создавать эту республику, не признавать ее." Результаты такого поведения товарищей на местах очень скоро отразились. Мы видим, как это дает почву нашим мусульманским шовинистам-националистам для того, чтобы вести агитацию среди татаро-башкир. Среди них начинается агитация о том, что якобы центральная власть обманывает нас.

Как быть? Создалось ненормальное положение, которое привело к тому, что башкиры поддались провокации чехословаков, и мы в дальнейшем видим, как башкиры почти все переходят на сторону контрреволюции. Они идут к Дутову, к самарской учредилке и участвуют в борьбе против нас, против пролетарской революции, против социальной революции.

Но, товарищи, революционное сознание татар, революционное сознание татаро-башкир, - я называю их так, потому что, например, в Уфим-

ской губернии, если мы возьмем территорию, предполагаемую к созданию на ней Татаро-Башкирской республики, то увидим, что в глубине Азии и к Казани, к Поволжью концентрируются татары, но средняя полоса этой территории сплошь состоит из татаро-башкирских селений, рядом с татарским селом - башкирское, башкиры там ассимилировались с татарами, - революционное сознание татар и татаро-башкир подсказало им, где правда. И мы видим, что вскоре после чехословацкого восстания в Уфимской губернии и Казани создаются добровольческие красноармейские части, и мы знаем, какую роль они играли в деле борьбы с контрреволюцией. Когда пали Самара и Симбирск и когда очередь дошла до Казани, когда в Астрахани контрреволюция хотела поднять восстание и попытка такого восстания была и в Нижнем Новгороде, в Казани гарнизонный комитет потребовал передачи ему всей гражданской и военной власти и наметил вооруженное выступление красноармейцев всего гарнизона против Советской власти. И создается такое положение, что, действительно, контрреволюция может захватить власть. В это время положение спасают 1-ый мусульманский социалистический полк и прибывший из Москвы татаро-башкирский батальон. Несмотря на то, что восставших было 6 тысяч, в мусульманском полку только 800 человек и в татаро-башкирском батальоне - чуть более 100. Решено было заявить, что никакого выступления против Советской власти ни под каким видом не будет допущено. Это вносит ясность в положение, и предполагавшееся восстание постепенно само собой ликвидируется.

То же самое происходит в Астрахани. Астраханские товарищи об этом упоминали. Подобно Мусульманскому социалистическому полку организовалась воинская часть в Уфимской губернии в виде общей красноармейской части.

Мы видим, что в первый период чехословацкого восстания все эти части играли громадную роль в деле подавления чехословацкого мятежа. Этого никто опровергнуть не может.

Тот фронт, который был создан для борьбы с чехословаками, развернулся в Восточный фронт. История развития этого фронта, история подавления чехословацкого мятежа, эта история вам всем известна.

Я хочу остановиться на истории башкирского вопроса. Башкирские националисты сговорились и начали создавать свои части. Сначала они действовали разрозненно. Нужно сказать, что у Колчака эти части считались самыми твердыми и стойкими. Когда нужно было закрыть брешь, остановить наступление советских частей, Колчак и Дутов направляли туда башкир, которые дрались отчаянно, не сдавались в плен или умирали, или отступали. Перед Советской властью после занятия Уфы встал следующий вопрос: мы видели, что татары и татаро-башкиры сражаются в подавляющем большинстве за Советскую власть. Объясняется это в значительной степени их социально-экономическим положением, на которое я уже указывал. Перед Советской властью в центре стал определенно вопрос о том, что башкиры дерутся на стороне Колчака только потому, что была спровоцирована идея национальная, идея татар и башкир, потому что они думали, что Советская власть отказывает им в самоопределении. Это нужно было им разъяснить. С этой целью Советская власть направила в Уфу сво-

их представителей, чтобы объяснить, что Советская власть не идет против национального самоопределения башкир, что если башкиры той части, где они составляют компактную массу, захотят образовать автономную организацию, то Советская власть против не пойдет и только выставляет требование, чтобы эта автономия была не буржуазная, чтобы та республика, которую они образуют, не была бы буржуазной республикой, а Советской республикой, т.е. чтобы эта республика была организована на основании Конституции РСФСР.

Для ведения переговоров с башкирами со стороны Наркомнаца был уполномочен я. Я приехал в Уфу. Переговоры велись Революционным военным советом 5-й армии. Имелась телеграмма т.Ленина, в которой указывалось, что представители Советской власти не должны отталкивать башкир* . Переговоры начались. Башкиры выставили требование, чтобы Малая Башкирия была объявлена автономной советской республикой. В то же время они говорили, что взамен уступки они предлагают свои войска в распоряжение Советской власти против тех, в рядах которых они только что были. Но соглашение в окончательном виде с 5-й армией не могло состояться, потому что башкирские войска перешли на сторону Советской власти в районе 1-й армии. Там началось их разоружение, и это в известной степени вызвало отрицательное отношение к Советской власти. Оказалось, что до перехода башкирского войска на сторону Советской власти среди башкирского войска велась определенная агитация со стороны членов Башкирского правительства, как оказалось, контрреволюционеров. Тогда во главе Башкирского правительства стоял М.А. Кулаев** . Самарская и Казанская губернии были отняты от чехословаков, и Кулаеву нужно было куда-нибудь деться. Для Кулаева и других членов Башкирского правительства создалось крайне щекотливое положение: с одной стороны - наступление Советской власти, а с другой стороны - Колчак и Дутов проявили тенденцию не признавать Башкирского правительства. Кулаев и Заки Валидов показались не слишком левыми, и, как только начались переговоры с Советской властью, Колчаком был издан приказ об аресте членов Башкирского правительства, так что Башкирское правительство во главе с Кулаевым и Заки Валидов и другие очутились между двух огней. С одной стороны, их не признает Колчак, с другой - наступает Советская власть, а с третьей стороны башкирское войско начинает открыто возмущаться против Башкирского правительства, против Кулаева и Заки Валидова и против прочего продажного элемента, говоря: "Вы обманули нас". Что было делать ? Пойти к Колчаку - там их ждал арест, оставаться, начинать переговоры с Советской властью ? Это было в тот момент, когда между башкирским войском шла агитация, и Кулаеву и Заки Валидову нужно было так или иначе оправдаться перед башкирами. Они объявили о своем желании войти в переговоры с Советской властью. Они говорили, что вначале воевали против Советской власти, потому что она не соглашалась на созыв Учредительного собрания. Теперь Колчак не признает Учредительного собрания, идет с монархистами. Как же быть? Имеется

* См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. - Т.50.- С.252. - Сост.

** Написано "Алкимов". - Сост.

два выбора. Монархизм с его помещиками-аграриями. Или Советская власть с ее большевизмом. Что лучше ? По нашему мнению - Советская власть.

Председатель. Разрешите обратиться к собранию с заявлением, что уже 3 часа. Угодно сделать перерыв или дальше продолжать слушать доклад?

Голоса. Просим продолжать.

Докладчик. Перешедшая на сторону Советской власти башкирская армия разоружается. Это вызывает отрицательное отношение к Советской власти, и начинается агитация. Башкиры начали говорить: "Нам сказали, что Советская власть нас не тронет, что не отнимет оружия и что мы будем защищать нашу самостоятельность". Оказывается, дутовские офицеры, которые были в рядах башкир, говорили: "Смотрите, Кулаев хочет вас продать большевикам". И действительно, в сознании башкирских солдат получилась такая картина, что дутовские офицеры были правы: Советская власть не дает возможности вооружаться башкирскому народу. Но центральная власть и местная власть поняли это положение, и оно было урегулировано. Только что прекратившиеся переговоры были перенесены в центр и разрешены в том смысле, о чем вам уже известно, т.е. что Малая Башкирия объявляется автономной, башкиры создают свою армию из одной кавалерийской дивизии и пехотной бригады. Башкирия объявляется республикой. Посылает своих представителей и т.д. Было также указано на ненормальное положение, которое было в 1-й армии. В результате башкирское войско было разогнано по домам и эти башкиры перешли обратно на сторону Колчака уже ожесточенные против Советской власти. Мы видим, как башкирская бригада Муртазина пробивает фронт, занимает Уфу и начинается отступление Красной Армии почти вплоть до Волги. Ликвидация этого прорыва нам стоила больших и очень больших трудов. После объявления Башкирии Советской республикой создалось такое положение: татары и татаро-башкиры, среди которых популярна была идея о необходимости создания Татаро-Башкирской республики, среди татаро-башкир, которые дрались с первого момента образования Восточного фронта, дрались против контрреволюции, среди них возник вопрос о том, будет ли объявление автономии Малой Башкирии способствовать созданию Татаро-Башкирской республики, не аннулируется ли этим положение Наркомнаца о создании Татаро-Башкирской республики? Этот вопрос был вполне естествен, потому что татаро-башкирское войско сознавало, что оно борется не только за идеал международного социализма, борется не только за то, чтобы на всем земном шаре установить социальный строй, но сознавало, что борется за защиту Татаро-Башкирской советской республики, т.е. за лозунг, который был выброшен Советской властью в самый критический момент. И вот, товарищи, после этого начинаются недоразумения. Представители Малой Башкирии начинают вести агитацию как среди башкир, так и среди татар о том, зачем, мол, создавать Татаро-Башкирскую республику. И в результате образуются следующие течения среди мусульман Поволжья.

Первое течение: Малая Башкирия должна оставаться автономной и должна развернуться в Большую Башкирию. И действительно, если мы

обратимся к истории переговоров Башкирского правительства с Советской властью, то мы увидим, что в первое время у Заки Валидова существует договор с Кулаевым, по которому Малая Башкирия должна превратиться в автономную Большую Башкирию, но зато Кулаев должен поддержать Заки Валидова. Он проговорился, и нам стало известно о вожделениях башкирского кулачества: распространить свою власть на большую территорию. Это первое течение.

Среди татар и башкир развивалась и такая мысль: зачем Татаро-Башкирская республика? Необходимо образовать Татарскую республику. Эта мысль исходила, главным образом, от Заки Валидова и других, которые нарочно толкали и толкают татар к тому, чтобы они образовали автономную Татарскую республику, хорошо зная, хорошо чувствуя, что из такой республики ничего не получится и не получится вот почему: потому что, если будет образована Татарская республика, то где ее образовать? Там, где татары? Но мы знаем, что сплошное население татар составляет только 2-3 уезда Казанской губернии и один уезд в Уфимской губернии. Если бы было принято такое решение и была бы проведена такая мысль, то получилось бы, что Малая Башкирия автономна и Татарская республика автономна, а между ними большое пространство со сплошным населением татар и башкир вместе. Что бы произошло в результате? Произошла бы драка между татарами и башкирами, потому что башкиры говорили бы: мы хотим иметь Башкирскую республику, мы не хотим вашей Татарской республики, а татары говорили бы: мы не хотим Башкирской республики, хотим Татарскую. Таким образом, скрытые цели всяких кулаевых и заки валидовых осуществились бы, татарский и башкирский пролетарии опять стали бы драться между собою, и в результате получилось бы, что и Башкирская республика - к черту и Татарская республика - к черту, а выплыло бы какое-нибудь новое контрреволюционное правительство Кулаева или Заки Валидова или татаро-башкирская Колчакия.

Существует еще течение, отрицающее всякую республику. Говорят, что не нужно никакой республики, потому что имеется единая Советская республика. Я думаю, что на этом вопросе едва ли придется долго останавливаться, потому что вся история революционного движения в Поволжье и история татаро-башкирского вопроса ясно говорит о том, что двух мнений здесь быть не может. Этот вопрос уже разрешен революционным порядком, центральной Советской властью в самый критический для Советской власти момент, именно в том смысле, что должна быть создана Татаро-Башкирская республика и что татаро-башкирскому пролетариату дается право на национальное самоопределение. Те люди, те товарищи, которые твердят о ненужности Татаро-Башкирской республики, базируются на том, что якобы создание республики приведет к развитию татаро-башкирского национализма. Этот страх излишен. Революционное развитие ясно показало, что этот страх неоснователен. Наоборот, если аннулируется Положение о Татаро-Башкирской республике, то тогда начнется бешеная агитация о том, что вот, мол, в критический момент, когда Ленину и Троцкому понадобилась наша кровь, наши силы, в этот момент был выброшен этот лозунг, а теперь они нам отказывают в самоопределении. Я думаю, что враги Советской власти в этом направлении поведут агита-

цию, и первыми пойдут за ними наши националисты, и результаты этого могут плохо отразиться.

Второй мотив, который выставлялся против создания республики, был - отсутствие сил. Говорят: нет сил. Я думаю, товарищи, что это неправильно. Мы вовсе не говорим о том, что в Татаро-Башкирской республике должны работать только татарские или башкирские коммунисты. Мы обратимся в очаг революции, призовем всех честных коммунистов, которые нам помогут в этом деле, мы призовем всех, кто признает право на национальное самоопределение, а не стоит за шовинизм.

Я еще забыл указать на одно течение. Это так называемые татаристы, они в силу необходимости говорят: "Мы против образования Татаро-Башкирской республики ничего не имеем в принципе, но поневоле нам приходится ее создавать, потому что Малая Башкирия.....*, так что в принципе они идут на объединение татарского и башкирского населения, но отрицают возможность создания республики, сознавая свое бессилие. Они говорят: "Мы должны считаться со свершившимся фактом, а потому, по нашему мнению, нельзя создавать Татаро-Башкирской республики".

Теперь следующее течение, так называемое татаро-башкирское течение. Они мотивируют свое стремление создать Татаро-Башкирскую республику на следующих основаниях: 1/ *(читает)*. Необходимо соединить вместе и изъять татарское население от татарской буржуазии, а с другой стороны, башкир от башкирского кулачества. 2/ Необходимо *(читает)*. Мы знаем, что в отношении социально-экономическом татары стоят во многом выше башкир и киргизов, которые нуждаются в политической ассимиляции.

Так что нельзя говорить о естественной этнографической и социально-просветительной ассимиляции со стороны башкир. Мы видим в истории, что башкиры в культурно-просветительском отношении ассимилируются с татарами. Кто являются учителями? Татары. Литература общая, язык общий. Мы видим, что Башкирское правительство издает газеты для башкир на татарском языке, а меньшевики-националисты и шовинисты говорят, что нет, у башкир есть своя культура, свой язык и должен быть свой язык, должна быть своя литература. В своем стремлении доказать, что башкиры - это действительно отдельная нация, а вовсе не похожа на татар, они доходят до такого абсурда, что начинают говорить о том, что арабский и татарский шрифты не походят друг на друга. Между прочим, об этом додумался член революционного совета, русский миссионер д-р Кулаев, который изобрел хитроумную азбуку, написанную русскими буквами, и восхваляет способность русских просвещать башкир. Он говорит, что татарская литература не подходит башкирам и, преподнося им эту азбуку, говорит: "Вот вам мой первый революционный подарок". Он вводит транскрипцию известных русских миссионеров Победоносцева и других. Башкирские националисты говорят, что башкиры должны развиваться самостоятельно. Из этого получается то, что это стремление отделить башкир выливается в форму самого низкого шовинизма. И мы видим, как шовинизм проникает в башкирский пролетариат. Были случаи, когда под влиянием такой агитации избиваются агитаторы. Тов. Юмагулов мне об

* Пропуск в стенограмме. - Сост.

этом говорил. Есть свидетели того, что мне и другим товарищам угрожали и предлагали не посылать своих агитаторов, иначе мы будем, говорили они, их избивать. У нас есть своя чрезвычайная комиссия. От этих слов товарищ Юмагулов отказаться не может.

Итак, товарищи, татаро-башкиры говорят, что, принимая все это во внимание, мы должны разрешить вопрос в принципе, какая форма национального самоопределения для нас, татаро-башкир, наиболее приемлема. Такой формой, безусловно, является создание единой Татаро-Башкирской республики. Далее. Мы признаем, что Малая Башкирия автономна, и мы эту автономию разрушать не будем, потому что мы считаемся с программой, а во-вторых, потому, что наша тактика не позволяет разрушать автономные организации. Мы говорим, что мы Малую Башкирию не тронем. Пролетариат Башкирии сам разрешит свою судьбу на своем Учредительном съезде Советов и выскажется о том, хочет ли этот пролетариат примкнуть к Татаро-Башкирской республике или нет. Мы Малую Башкирию как автономную единицу не трогаем, мы берем остальную территорию, где обитают татаро-башкиры и составляют абсолютное большинство населения. Мы говорим, что в Малой Башкирии всего 800 тысяч башкир, а 2,5 млн. башкир в эту территорию не входят, следовательно, Заки Валидов на этих башкир претендовать не имеет права, и мы говорим, что 2,5 млн. башкир и 6 млн. татар здесь имеются, и это является конкретным основанием для того, чтобы объявить эту территорию Татаро-Башкирской Советской республикой. *(Голос: А как это осуществить?)* Разрешая этот вопрос с юридической стороны, мы говорим, что Положение о Татаро-Башкирской республике объявлено. Была комиссия по созданию этой республики, но теперь этой комиссии нет, потому что члены ее погибли во время борьбы с Колчаком, как, например, товарищ Якубов. Самое правильное разрешение этого вопроса в такой форме: мы находим необходимым осуществление Положения Совета Народных Комиссаров* о Татаро-Башкирской республике. В то же время мы говорим, что вопрос о том, будет ли включена в Татаро-Башкирскую республику Малая Башкирия как автономная единица, пусть решит башкирский пролетариат. Если ему угодно будет присоединиться к этой республике, то он присоединится, а если он будет находиться под влиянием своих шовинистов и выскажется за то, чтобы остаться автономной, то мы против этого протестовать не будем. Таким образом, будут существовать два органа: Мало-Башкирская Советская республика и Татаро-Башкирская республика.

Затем, я забыл сказать, мы не представляем себе такой республики, какую представляют себе киргизские националисты или башкирские националисты. Это будет не автономная республика, а будет одной из областей единой Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Мы стоим за тот лозунг, чтобы эта республика была организована на тех началах, о которых говорил в своей речи т.Сталин на совещании по вопросу о созыве Учредительного съезда Советов предполагаемой Татаро-Башкирской Советской Республики[85].

---

* Имеется в виду Наркомнац. - Сост.

Товарищи, я свой доклад заканчиваю тем лозунгом, который был выдвинут Муллануром Вахитовым на совещании по созыву Учредительного съезда Советов Татаро-Башкирской республики. Он в своей речи призвал трудовые элементы Туркестана и Кавказа сходиться на защиту Татаро-Башкирской Советской республики от надвигающейся контрреволюции[86].

Я воскликну, товарищи: "Да здравствует Татаро-Башкирская Советская республика!

Да здравствует единение татаро-башкирского пролетариата!

Да здравствует единение между пролетариями всего мира!" *(Аплодисменты)*[87]

РЦХИДНИ. - Ф.583. - Оп.1. - Д.5 - Л.14-28. Стенографическая запись.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.200-219.

11. Ответы на вопросы по докладу по татаро-башкирскому вопросу

28 ноября 1919 г.

Вопрос т.Фахрутдинова я понимаю так: кто толкал центральный орган к объявлению Положения о Татаро-Башкирской республике? Информировали те революционеры, которых выдвинула сама революция в момент, когда произошло классовое расслоение между татарским пролетариатом и татарской буржуазией. Это Центральный мусульманский комиссариат во главе с Мулланором Вахитовым. Этот Комиссариат составился из членов Учредительного собрания, покинувших Учредительное собрание вместе с большевиками. Сам Мулланур Вахитов работал в рядах большевиков с 1905 года. Информировали также те работники, которых выдвинула сама революция, например, из Казани. Когда т.Сталин обращался в Казань с этим вопросом ко мне и т.Саид-Галиеву, мы совместно информировали о положении в Казани и потом о положении этого вопроса на местах: в Уфимской и Казанской губерниях. Помимо Центрального мусульманского комиссариата центральную власть информировали местные советские органы. Теперь относительно тех башкир, относительно Манатова и других, которые после разгона Национального собрания разъехались. Относительно Шафиева и относительно других я ничего не знаю, но я могу дать определенные сведения относительно Манатова. Он - член Учредительного собрания, был избран в Центральный мусульманский комиссариат в первый период его существования и входил в этот Комиссариат как представитель Башкирии. Но у представителей Центрального мусульманского комиссариата имелись сведения о Манатове, что он, Манатов, имел связь с Дутовым, что Манатов входил с Дутовым в соглашения по вопросу о создании автономной Башкирии. Когда стали известны о Манатове такие сведения, предполагался его арест. Но т.Манатов исчез. Тов. Ибрагимов арестовал его в Уфе, но каким-то образом он улизнул и оттуда. Это объясняется тем, что Уфа была занята белогвардейцами, он был в числе освобожденных белогвардейцами[88]. По тем сведениям, которые стали известны

после перехода на нашу сторону Башкирии, Манатов потом присоединился к Заки Валидову. Башкирским правительством, до перехода Башкирии на нашу сторону, он был послан в Париж на конференцию[89]. 3-й вопрос. Каково отношение Малой Башкирии к Татаро-Башкирской республике? Отношение башкирского трудового народа к Положению о Татаро-Башкирской Советской республике опубликовано комиссией по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики. Она имела телеграммы из тех мест, где живут башкиры, говорящие о том, что трудовой народ Башкирии считает эту идею правильной. Доказательством этого является и то, что в комиссии по созыву Учредительного съезда был представитель Башкирии*. Вопрос т. Сайфи: в руках каких элементов будет власть в созданной нами Татаро-Башкирской Советской республики? Ну, разумеется, не в руках буржуазии, а в руках коммунистов. Мы не говорим, что в руках только татарских или башкирских коммунистов, вообще коммунистов, потому что мы, как коммунисты, не можем отказаться от своих прав диктатуры над буржуазией, следовательно, ни в коем случае не можем допустить, чтобы власть в созданной нами республике находилась в руках буржуазии - вопрос ясен. На какой класс думаете опираться или будет опираться власть в этой республике? Разумеется, не на башкирских кулаков, на татарских торговцев, а на башкирских и татарских батраков и крестьян, на татарских рабочих, татарский полупролетарский элемент, а также на пролетариат Великороссии, на чувашей, черемисов, и на пролетариат мордвы и всех остальных наций, входящих в эту республику. Вопрос товарища Лукашева: "Насколько были разожжены национальные страсти среди татар и башкир, и насколько сознательное отношение к этому вопросу проявляет в настоящее время татарский и башкирский пролетариат?" На первый вопрос отвечу, что, действительно, страсти были разожжены, что об этом, мне кажется, указывал в своем докладе как я, так и т.Саид-Галиев. Второй - сознательное отношение - я, лично наблюдавший на месте отношение к этому вопросу татарского и татаро-башкирского пролетариата, могу с уверенностью сказать, что отношение было вполне сознательное. Они не думали об этом вопросе, что идея Татаро-Башкирской республики осталась от буржуазии. Они не так думают, как нарисовал т. Саид-Галиев. Они говорят, что татарская буржуазия хотела спровоцировать, она хотела узурпировать наши права, она хотела остановить наше стремление к национальной свободе, стремление быть свободным и культурным было в груди татарского и татаро-башкирского пролетариата. Вопрос т. Умерова о положении Астраханской губернии и других пунктов, которые не находятся в предполагаемой республике. Вопрос ясен - раз они не находятся , в эту республику они не войдут. Но так или иначе придется разрешить вопрос, в каких взаимоотношениях будет находиться эта республика по отношению к таким частям, как, например, Астраханская губерния, населенная татарским и татаро-башкирским элементом.

Лукашев: Я просил указать количество пролетариата.

Султан-Галиев: Я на этот вопрос отвечу. Тут поднимался вопрос, кем выдвинута идея создания республики. Идея создания республики, о кото-

---

* Губайдулла Давлетшин. - Сост.

рой кричали алкины, о которой кричала буржуазия, это - форма. В той форме, о которой кричали татарские буржуи, идея исходит от татарской же буржуазии, но самая суть идеи могла исходить только от татарского пролетариата, только от татарского крестьянства, как испытавшего на своей спине вековой гнет русского империализма, русского царизма. Количество пролетариата и крестьян - это вопрос т.Лукашева. Большинство населения Татаро-Башкирской республики, как и большинство населения Советской Федеративной Республики - крестьянство, которое занимается хлебопашеством. Конкретно: какой процент составляет пролетариат в Татаро-Башкирской республике, какой процент составляет фабричный пролетариат и какой процент составляет неквалифицированный элемент - насколько мне известно, об этом более или менее полной статистики нет еще во всей России. Вопрос, не будет ли против создания Татаро-Башкирской республики Малая Башкирия. Я отвечу на этот вопрос так: башкирский пролетариат не будет против, но башкирская буржуазия и кулаки - заки валидовы и их лакеи - они будут против. Тут был еще одни вопрос: почему при заключении соглашения Башкирии с Советской властью не было предусмотрено Положение о Татаро-Башкирской Советской республике? Я отвечу задавшему этот вопрос, что, во-первых, Татаро-Башкирская республика не была объявлена, если бы она была объявлена как республика, мы этот вопрос сейчас не обсуждали бы. Было объявлено Положение о создании Татаро-Башкирской республики, согласно этому Положению была избрана комиссия по созыву Учредительного съезда; я указал, почему комиссия не могла привести в исполнение созыв съезда - потому что территория была занята чехословаками, в то время, когда велись переговоры, эта территория была на военном положении и не была вполне освобождена от чехословаков. Но когда Башкирия вела переговоры с Советской властью, она не требовала аннулирования Положения о Татаро-Башкирской Советской республике, она выставила одно только требование - мы хотим, чтобы Малая Башкирия была объявлена автономной, одним словом, мы кроме Малой Башкирии ничего не знаем, делайте что хотите. Советская власть ответила точно так же: нате вам Малую Башкирию, а на остальную территорию вы не имеете права предъявлять ту или иную претензию. И действительно, в договоре, заключенном между правительствами Советской республики и Малой Башкирии, нет такого пункта, где бы Малая Башкирия претендовала на те пункты, которые остаются за пределами Малой Башкирии. Тов. Каспранский спрашивает, какое распределение земли входит в проект Татаро-Башкирской республики, за исключением Малой Башкирской республики.

Каспранский: был второй вопрос. *(По-татарски)*...Было ли... стремление населения к созданию такой республики и, если было, в чем оно выражалось?

Султан-Галиев: Это выражалось в революционной борьбе татаро-башкирского пролетариата, во-первых, в борьбе против чехов. Товарищ Ленин, Троцкий, а также и Сталин в своих воззваниях определенно подчеркивали о республике, а также о том, что на вашу республику идут враги - защищайте. Этот призыв ко всему татаро-башкирскому народу восстановил его против чехословаков. Поэтому был вопрос товарища Умерова: ис-

ходя из каких данных я утверждаю, что башкирское правительство, сжатое с двух сторон, принуждено было пойти на переговоры с Советской властью? Фактически имеются данные, которые дала контрразведка, которые подтвердились потом. Эти сведения следующие. Когда Заки Валидов и Алкин оттянули войска, вы помните, после первого падения Оренбурга, сразу красные войска продвинулись вперед. Это было причиной того, что между Заки Валидовым и башкирами были нелады. Этого не отрицали и сами члены Башкирского правительства. Второй факт, что Башкирия была зажата советскими войсками, мне кажется, для этого доказательств не требуется. Достаточно взять хронологию наступательного движения советских войск. И тогда они увидели, что в то же время, когда они вели переговоры, действительно советские войска были в Малой Башкирии. *(Читает записку тов.У.....*).* По этому вопросу у меня имеются сведения, говорящие о том, что башкирский пролетариат не против объявления Башкирской республики, потому что там территория как раз делится Уфимской губернией. И на партийной конференции Уфимской губернии говорили, что они признают необходимость создания Татаро-Башкирской республики. По этому вопросу мог бы дать полную справку тов. Атнагулов, т.е. коммунист, вышедший из Башкирии, из этой территории. Я думаю, он даст эту справку в прениях. *(Читает записку).*

Голос: Я имею в виду, что в данном случае имеется тут представители Башкирии, если он скажет "да", имеет ли он право на это?

Султан-Галиев: На это ответить трудно. Действительно, товарищ, который приехал из Башкирии, действительно ли он выражает мнение башкирского пролетариата? Я думаю, что он должен выражать. Но другой вопрос, чье мнение он выражает. *(Читает: в случае объявления Татаро-Башкирской республики не может ли это обострить отношения и послужить поводом к инциденту между Малой Башкирией и Большой Башкирией?).* Я по крайней мере убежден в том случае, если мы разрешим вопрос о создании Татаро-Башкирской республики в положительном смысле, если будет агитация вестись Башкирией, что нужно стремиться к Башкирской республике, а татарами будет вестись агитация за Татарскую республику, то, я думаю, будут недоразумения.

Вопрос: Какой язык будет общегосударственным?

Султан-Галиев: Я думаю, те языки, которые сейчас в Башкирии считаются официальными, т.е. русский язык и татарский язык. Я говорю это потому, что официальная башкирская газета издается на татарском языке.

Председатель: А кто издает?

Султан-Галиев: Она издается редакционной коллегией.

Председатель: В Туркестане, где татар, может быть, не насчитывается и десятой части процентов, издается газета на татарском языке, это еще не значит, что это должно послужить какой-нибудь основой для того, чтобы татарский язык считать государственным. *(Читает по-татарски).*

Султан-Галиев: Башкирское правительство еще за 2 месяца или за месяц послало своих представителей для переговоров с Советской властью, оно указывало, что мы посылаем своих представителей в то время, когда Кол-

* Пропуск в стенограмме. - Сост.

чак арестовал самарцев*. Но вина тут самих делегатов, которые оказались трусами. В этом виновато само Башкирское правительство. *(Читает по-татарски).* Этот вопрос был. Рабочие имеются всюду - и квалифицированные, и неквалифицированные. Потом относительно того, как посмотрит на создание республики те татары и башкиры, которые не входят в республику, у меня имеются такие данные. Губернский съезд в Саратове высказался за немедленное объявление Татаро-Башкирской республики. Этот съезд происходил всего лишь месяц тому назад, между прочим, в большинстве участвовали коммунисты. Товарищи, это говорит за то, что массы желают создания республики. В том же смысле высказались мусульмане, находящиеся в Нижегородской губернии.

РЦХИДНИ.- ф.583.- Оп.1.- Д.5.- Л.44-49. Стенографическая запись.

12. Заключительное слово после обсуждения доклада по татаро-башкирскому вопросу

29 ноября 1919 г.

Товарищи, я со стороны тех товарищей, которые выступили контрдокладчиками или не контрдокладчиками, а просто противниками создания в настоящий момент Татаро-Башкирской Советской республики, не усмотрел ни одного серьезного возражения. Начнем с того возражения, которое некоторые товарищи находили самым серьезным, именно возражения т.Саид-Галиева. Я должен сказать, что после заключительных слов т.Саид-Галиева у меня осталось такое впечатление, что он в своем заключительном слове как раз высказал ту же мысль, какую мы повторили в своем докладе. Он сам отверг те мысли, те идеи, которые он положил в основу своего контрдоклада. Товарищ Саид-Галиев в основу своего доклада положил такую мысль, что сознание необходимости национального самоопределения среди татар и башкир внедрялось буржуазией. Товарищи, я с этим в корне не согласен. Не согласен я с тем, что нет права у того или иного народа на национальное самоопределение. Это выходит, что если т.Саид-Галиев так рассуждает, что он отрицает всякое право на национальное самоопределение, между тем, мы, коммунисты, признаем это право, признавали это право и нам нужно признавать это право, потому что это право, как естественное право, как вполне реальное, нечто законное, отрицается буржуазией, отрицается буржуазными идеологами, и если мы в первые дни социальной революции стали направлять свои удары в России на русских националистов, на русских шовинистов, на русскую буржуазию, на национальную буржуазию, то мы, главным образом, их били в национальном вопросе лозунгом национального самоопределения, лозунгом, что если трудовые элементы той или иной национальности хотят

* Вероятно, имеются в виду члены комитета Учредительного собрания, образованного в Самаре после его занятия интервентами в июне 1918г. - Сост.

самоопределения, то никто не имеет права этого у них отнимать. Мы на весь мир объявили, что никто не имеет права властвовать над той или иной национальностью, что каждая национальность сама по себе хозяин, но в то же время мы выдвинули классовый принцип, мы не признавали буржуазного самоопределения, мы признавали в национальном вопросе именно пролетарское самоопределение. Я хочу указать, что это право на национальное самоопределение является - по крайней мере до известного времени, до известного периода, пока оно не осуществлено - оно является вполне законным и вполне естественным правом. Возьмите тех же татаро-башкир. Татаро-башкиры угнетались в течение веков русским национализмом, русским империализмом. Для того чтобы эти народности представляли из себя осколки, чтобы эти народности не могли объединиться, чтобы они не могли представлять угрозы для русского национализма, для русского империализма, русский империализм разделил их на части. Тут кто-то как раз упомянул о Екатерине Великой, но как раз по проекту Екатерины их и разделили на несколько частей: часть татаро-башкир отошла в Уфимскую, другая часть в Казанскую, а отдельные части отошли в Вятскую, Пермскую, Нижегородскую и другие губернии. Одним словом, империализм в своих империалистических, в своих националистических целях сделал так, чтобы расчленить их на мелкие кусочки, чтобы эти народности не представляли из себя целой единицы, и мы видим в результате этого империалистического развития русской истории, что эти народности к моменту социальной революции пришли в состояние вырождения, в особенности башкиры. Возьмите историю. История говорит, что когда-то башкир было до 7-8 млн., в настоящее же время их только 3 млн. Разве мы можем отрицать этот факт, что это вырождение прогрессировало все больше и больше перед революцией? Сейчас, после социальной революции, те недостатки, которые являются результатом такого империалистического хода истории, необходимо исправить.

Мы видим, что у татаро-башкир не развита в достаточной мере литература, что они недостаточно развиты в культурном отношении, но в то же время из-за того, что и после социальной революции сохранились те административные деления, которые были установлены русским империализмом, что из-за этого татаро-башкиры всюду в этих административных единицах составляют меньшинство и лишаются возможности участвовать в аппаратах Советской власти и не могут проявлять своей воли и принимать участия в государственном строительстве, не могут проявлять инициативы, не могут являться активными элементами, активными создателями социалистической культуры, социалистического прогресса, и ввиду этого возникает необходимость исправления этих империалистических пережитков. И перед нами встает вопрос, что татаро-башкирский пролетариат, татаро-башкирское крестьянство как один из элементов всего российского пролетариата, как один из элементов международного пролетариата, надо выделить, но мы, товарищи, мы не говорим здесь о том, чтобы их отделить, это два совершенно разных понятий. Выставляя вопрос о необходимости создания для них республики, мы не говорили и не могли говорить о том, что мы хотим отделить их от российского проле-

тариата, что мы их хотим отделить от международного пролетариата. Нет, мы их хотим выделить таким образом, чтобы можно было организовать среди них работу, чтобы можно было поставить в наиболее благоприятные условия для того, чтобы татаро-башкирский пролетариат мог принимать самое активное, живейшее участие в советском строительстве. Подходя к вопросу с этой стороны, мы видим, что в этом случае никакого возражения быть не могло. Товарищ Саид-Галиев хотел указать, что лозунг о необходимости образования этой республики, что лозунг об образовании Татаро-Башкирской Советской Социалистической Республики был брошен буржуазией. Нет, товарищи, буржуазия этого лозунга не выбрасывала, буржуазия хотела только воспользоваться правом, естественным правом татаро-башкирского пролетариата на национальное самоопределение. Она знала, что в недрах народного сознания, в недрах сознания татаро-башкирского пролетариата таится естественное стремление выделиться для созидательной работы, чтобы стать вполне естественным человеком, а не вырождающимся выродком. Буржуазия знала, что пролетариат таит в себе это чувство, что оно находится в нем только как инстинкт. И вот мы видим, как наша буржуазия старается возглавить это течение. Буржуазия наша старается провоцировать социальную революцию. Все эти алкины, все эти музаффаровы - они хотели показать пролетариату: вот вам даем национальное самоопределение мы, а вовсе не большевики, что, хотя право на национальное самоопределение и декларировано большевиками, но на самом деле большевики это делают из тактических соображений, а мы это можем осуществить. Но мы тогда татаро-башкирскому пролетариату объяснили, и он нас понял, что они врут, что буржуазия не может провозглашать лозунга национального самоопределения, потому что если бы буржуазия провозгласила этот лозунг, она сама себя зарезала бы. Она провозглашает только лозунг буржуазного национального самоопределения. Мы видим, как в начале войны английская буржуазия, буржуазия других стран и Германии, буржуазия каждой из этих стран утверждала, что будто бы они ведут эту войну в целях защиты прав угнетенных меньшинств. Мы это очень хорошо знали, что они обманывают, что они не в состоянии этого провести, так как это противоречит их классовым целям, их основному классовому стремлению. Я утверждаю, что стремление буржуазии, с одной стороны, и башкирского кулачества, с другой, провоцировать социальную революцию, захватить власть в свои руки не удалось, так как мы указали татаро-башкирскому пролетариату, что большевики не против национального самоопределения, но что мы против того, чтобы в той республике, которая должна быть создана, чтобы во главе этой республики власть не находилась в руках буржуазии, чтобы она не находилась в руках алкиных, музаффаровых и т.д. Мы на всех митингах, которые нам приходилось проводить среди солдат, крестьян и рабочих, определенно заявили, что мы не против национального самоопределения татаро-башкирского пролетариата, но мы против того, чтобы, пользуясь этим правом национального самоопределения, власть взяла в свои руки татарская или башкирская буржуазия.

Второе возражение, оно по существу идентично возражению т.Саид-Галиева, - это т.Нариманова, который тоже отрицает необходимость существования таких республик. Это были возражения принципиальные и как принципиальные возражения не выдерживают критики, потому что в их основу положен принцип отрицательного отношения ко всякому национальному самоопределению. Так что, если бы т. Саид-Галиев и т. Нариманов стали развивать свой взгляд дальше, то они пришли бы к такому сознанию, что Татаро-Башкирскую республику нельзя основывать, потому что хотя там татаро-башкиры будут в большинстве, но имеются также чуваши, черемисы и т.д., и что власть там может перейти к буржуазии. Но если мы пойдем дальше, то, исходя из этого, они неизбежно должны прийти к такой мысли, что в таком случае нельзя признавать права на самоопределение и всего российского пролетариата, т.е. крестьян и рабочих, населяющих Россию, тогда нельзя признавать за ними этого права и тогда надо сказать: никаких республик социалистических, федеративных и т.д. - никаких республик не должно быть на земном шаре. Весь земной шар должен представлять из себя такую планету, где никаких республик, никаких властей не должно быть, так что мы, товарищи, приходим, отрицая создание каких бы то ни было административных единиц, именующихся республиками, в основу которых ложатся известные социально-экономические, естественные, исторические условия, отрицая создание такой республики, мы приходим к анархическому выводу, что никакой государственности, никаких республик не нужно. *(Голос: Мы к этому придем).* Но пока мы не можем прийти, я уверен, мы придем к этому. Но когда придем - сегодня? Нет, придем, возможно, через тысячу лет, когда действительно выработается интернациональный язык, а может быть, через сто лет. Но во всяком случае не сегодня и не завтра. Мы к интернационализму, естественному интернационализму в отношении этнографическом и социально-экономическом, т.е. во всех отношениях, мы придем только тогда, когда будет создан интернациональный язык, когда он создастся как этнографический фактор. Когда и башкирский, и русский пролетариат, и китайский, и японский будут в своем культурном уровне уравнены, когда все они достигнут одинакового состояния и в культурном отношении, и в социально-экономическом, и во всех других отношениях, и в то же время будут в состоянии изъясняться друг с другом вполне понятно, т.е. будут понимать друг друга во всех отношениях.

Как видите, возражения товарищей, более или менее серьезные, критики не выдерживают. Следующее возражение по существу является не возражением, а просто сомнением. Например, т.Ибрагим Садриев и все остальные товарищи, которые говорили против осуществления такой республики, - они по существу никакого возражения не приводили, они только сомневались. Их можно разделить на следующие категории. Одни говорили, что в процентном отношении татаро-башкиры составляют меньшинство, но в этом отношении нет достаточных оснований, так как они составляют всего 53 процента. Товарищи, по моему мнению, это возражение не выдерживает критики: во-первых, татаро-башкиры составляют очевидное большинство по отношению к каждой остальной национально-

сти, ведь чувашей всего 4 процента, крещеных татар 2 процента, вотяков 3 процента. Самый большой процент среди национальных меньшинств в этой республике - это великороссы - 33 или 35 процентов, но я должен указать, что, во-первых, эти сведения основаны на старых статистических данных, которые разрабатывались еще во времена царизма, а вы знаете, как разрабатывалась статистика инородческого населения в царской России. Царские чиновники, по преимуществу миссионеры, нарочно старались выставлять число национальных меньшинств, так называемых инородцев, в меньшем количестве, по крайней мере выставлялись в меньшем количестве мусульмане, особенно татаро-башкиры, потому что в первое время, когда объявлялась перепись населения, царское правительство само пускало провокационный слух среди мусульманского населения, что эта перепись объявляется в целях насильственного крещения татар, и, действительно, мы видим, как после объявления переписи татарское население старается избегать переписи. Ведь все, наверное, помнят историю переселения татар после объявления переписи, не помню только какого года, лет 25-30 назад, так что практически те данные, которые приводил т.Брундуков, они не соответствуют действительности. Напротив, там процентное отношение татаро-башкирского населения гораздо выше, чем показано в этой статистике, и я могу смело утверждать, что татаро-башкиры будут составлять не ниже 65 процентов. Затем не нужно упускать из виду и то обстоятельство, что в период гражданской войны население городов - преимущественно русское население, средняя буржуазия и крупная - (добровольно) выселилось, и нам известно, что 80 тыс. русского населения: всякие лавочники и т.д., даже мелкая буржуазия, не только крупная, целые эшелоны попов - потянулись* в Сибирь к Колчаку. То же самое мы можем указать и относительно Казани. В тот период, когда Казань, Уфа и другие города, уездные центры, где население преимущественно русское, эксплуатировало татар, башкир и другие национальности этих городов, они как определенный класс выселились из территории этих губерний вместе с Колчаком и Дутовым. Возможно, что они захотят приехать. Пролетариат, конечно, мы примем, а попов и буржуазию не примем. Второе возражение заключается в том, что едва ли хватит у нас работников для этой республики. Товарищ Саид-Галиев указывал, между прочим, что не придется ли нам по примеру т. Заки Валидова бегать по Петрограду и искать работников да профессоров. Да, товарищи, мы будем бегать и искать профессоров. Разве русский пролетариат изгоняет профессоров от себя? Разве мы не знаем, что все наши учреждения полны этими саботажниками, но ведь мы принуждены это делать, потому что буржуазная интеллигенция, все эти профессора и т.д., одним словом, вся эта буржуазная интеллигенция представляет из себя некоторые материальные ценности, они представляют из себя известный багаж, известное богатство, если такого профессора можем использовать, отчего же нам его не использовать до тех пор, пока пролетариат даст своих. Ведь вопрос в том, если Заки Валидов берет всяких профессоров, монархистов и т.д., то ведь он питает к ним,

* Написано "выселялись" - Сост.

может быть, другое отношение, чем мы. Мы их берем как техническую силу, он же их берет как учителей, т.е. учителей того, какую политику устроить в Башкирии.

Говорят, что остальные нации, которые находятся на территории Татаро-Башкирской республики, могут быть против Татаро-Башкирской республики. Я, товарищи, утверждаю, что это не так. В прошлом году, вскоре после объявления Положения о Татаро-Башкирской республике, в Казанской губернии в результате агитации т. Грасиса чуваши, черемисы, вотяки и мордва заявили определенно, - по крайней мере их работники, их ответственные советские работники - что они против Татаро-Башкирской республики*. На предварительном совещании по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики они определенно говорили, что они протестуют против этой республики. Но, товарищи, в нынешнем году эти самые лица не только говорят о том, что необходима эта республика, но они сами толкают нас на создание этой республики. Например, когда я находился во 2-ой армии, самым ярым противником Татаро-Башкирской республики был представитель чувашей - старый партийный работник т.Эльмень. И вот по инициативе этого товарища состоялся в старой семинарии съезд-совещание ответственных работников чувашей, мордвы, вотяков и татаро-башкир, и на этом совещании вынесена была резолюция о необходимости основания Татаро-Башкирской республики, т.е. я характеризую это так: те товарищи, которые в прошлом году, поддавшись провокации т.Грасиса, открыли кампанию против Татаро-Башкирской республики - эти лица сейчас нас за горло берут: давайте поскорее создадим республику. Иначе мы не можем работать. Почему? Потому, что они, составляя всюду меньшинство, не могут работать в советском аппарате и заявляют, что в советском аппарате засилье русских товарищей, которые совершенно не понимают наших интересов и в каждом нашем стремлении проникнуть в советские организации усматривают какие-то националистические и шовинистические цели. Еще одно возражение - опасение перехода власти в руки буржуазии. Особенно подчеркивал это опасение т. Нариманов. Он даже утверждал, что он убежден, что власть в Татаро-Башкирской республике непременно перейдет в руки буржуазии. Я утверждаю, товарищи, что это опасение ни на чем фактически не основано. Если т. Нариманов это утверждал, то он это утверждал только потому, что он совершенно не знает татаро-башкирского вопроса, совершенно не знаком с историей развития революционного движения среди татаро-башкир. Он, по моему мнению, исходил, по-видимому, из того опыта, который он имел по своей работе в Закавказье. Но Закавказье занимает другое положение. Например, в Азербайджане мы видим: там крупная мусульманская буржуазия, которая конкурирует с известными английской, американской и другими фирмами, но, с другой стороны, власть там не удержалась в большевистских руках и перешла в руки меньшевиков. Но на территории Татаро-Башкирской республики, во-первых, нет сильной татаро-

* Об этом подробнее см.: Марийский археографический вестник. - 1996. - №6. - 133. - Сост.

башкирской буржуазии, она еще слишком молода, и в тот момент, когда татаро-башкирская буржуазия хотела играть активную роль в международной политике, она только зарождалась, она была в пеленках, мы не дали развиваться этой буржуазии, мы сразу ей отсекли голову, и в Татаро-Башкирской республике татаро-башкирская буржуазия ожить не может. Напротив, если где буржуазия и пробуржуазия и проявляет тенденцию захватить власть в свои руки, то это делается в Малой Башкирии. Этого отрицать никто не может. Но мы, товарищи, затем и создаем Татаро-Башкирскую республику, чтобы притянуть на свою сторону автономную Башкирию, потому что, я уверенно говорю, что достаточно обосновать на той территории, которая зовется Малой Башкирией, социалистическую республику, Малая Башкирия растает как носительница известной буржуазной идеологии и присоединится к Татаро-Башкирской Советской республике. Это, безусловно, будет так. Выставлялось еще возражение о том, что вот русское население, может быть, против. Но, товарищи, это есть боязнь русского национализма, это есть боязнь русского шовинизма, но мы, коммунисты, этого не должны бояться. Коммунисты должны бороться с проявлением всякого национализма, всякого шовинизма, и не только башкирского, не только мусульманского, но также и русского национализма. И если в Татаро-Башкирской республике русский национализм, русский шовинизм будет в том или ином виде проявляться, мы с этим будем беспощадным образом бороться, так что это опасение ни на чем не обосновано. Напротив, я думаю, если такое опасение имеется, то, я думаю, наш долг, а также долг русских товарищей коммунистов бороться с этим злом. Я думаю, русские товарищи коммунисты нам в этом никогда не откажут.

В одном из возражений, именно т. Нариманова, запугивали нас тем, что Германия развивает там свою агитацию, конечно, он это не от своего имени заявил, а как представитель отдела мусульман Ближнего Востока Комиссариата иностранных дел, т.е. как представитель Народного комиссариата иностранных дел, но я, товарищи, представляю себе вопрос в следующей форме. Почему-то Народный комиссариат иностранных дел обращает внимание на агитацию германских шпионов и не обращает внимания на агитацию английских империалистов. Ни для кого не секрет, что шпионы английского империализма как руководителя международного империализма, как союзника русского империализма, что его шпионы во всех советских учреждениях кишмя кишат в виде различных технических работников, военных и других, которые по существу отрицают Советскую Республику, по существу отрицают коммунизм и всегда при удобном случае поддерживают всякие белогвардейские выступления, т.е. поддерживают стремление международного империализма, а в том числе и английского, разрушить социальную революцию. Я думаю, что нам, татарским и башкирским коммунистам, а также и товарищам русским коммунистам, которые будут с нами работать, нам в Татаро-Башкирской республике, главным образом придется бороться не с германскими шпионами, их не так много - два или три пока появилось, а нам придется главным образом

вести борьбу с английскими шпионами, со шпионами английского и русского национализма и империализма.

Я остановлюсь, товарищи, на выступлении т.Шамигулова. У меня после его выступления создалось такое впечатление, что выступление т.Шамигулова носит просто провокационный характер. Во-первых, сознательный провокационный характер, а во-вторых, бессознательный характер. Сознательный в той части его выступления, где он утверждает, что Уфимский Совет был против Татаро-Башкирской республики. Товарищи, это есть фальсифицированное мнение татаро-башкирского пролетариата. Товарищ Касымов вчера фактически указал, что съезд батрацких депутатов был фальсифицирован. Он был созван с целью сорвать его. Но т.Шамигулов и работающий вместе с ним т.Л.....*, который также являлся противником Татаро-Башкирской республики, а потому все время вел работу в этом направлении, чтобы образовать разлад между татарами и башкирами, что им и не удалось на этом съезде батрацких депутатов. Когда они поставили вопрос о необходимости обсуждения татаро-башкирского вопроса, то большинство батрацких депутатов стояло на точке зрения защиты Татаро-Башкирской республики. 130 депутатов покинули заседание, и затем они сделали так, что собрали человек 20-30 из разных частей этого съезда и созвали новый съезд. Товарищ Шамигулов выставлял здесь то положение, что идеологами Татаро-Башкирской республики являются якобы левые социалисты-революционеры. Но разве среди отрицателей этой республики нет бывших левых эсеров? *(Голоса: "Нет".)* Есть, товарищи. Товарищ Фахрутдинов на II Всероссийском мусульманском военном съезде входил в правое крыло. *(Голос: "Неправда").* Когда большевики и левые социалисты-революционеры покинули съезд, чтобы его сорвать, в их числе т.Фахрутдинова не было. Он остался на съезде сидеть с правыми. Но т.Фахрутдинов вилял, ему не хотелось, с одной стороны, казаться шуристом перед нами, а перед шуристами не хотел быть левым. Когда мы его спросили: "Кого вы поддерживаете?", он заявил: "Я - левый эсер." А потом он оказался большевиком. Это после ликвидации "Забулачной республики", когда мы с этой гидрой покончили.

Товарищи, я займу немного времени и остановлюсь лишь на резолюции о татаро-башкирском вопросе башкирской конференции[90]. Во-первых, она называет себя всебашкирской. Это, по-видимому, подражая всекиргизскому съезду. Они, во-первых, говорят, что татаро-башкирский вопрос в настоящее время разбирается социалистами-революционерами, даже не указывая, правыми или левыми, по крайней мере среди коммунистов мы эсеров не знаем. Этот же вопрос разбирается коммунистами. Товарищи коммунисты, работающие в башкирско-татарском вопросе, между прочим, проговариваются, что в настоящее время всюду, в особенности в Башкирии, недоразумения и конфликты. Мы из уст товарищей коммунистов, работающих в Башкирии, знаем, что там происходят конфликты, но где причина этих конфликтов ? Товарищи, причина** ... в Башкирию башкир-

* Так в тексте стенограммы - Сост.

** Пропуск в стенограмме. - Сост.

ских коммунистов. Когда, например, т. Юмагулов говорил со мною по прямому проводу из Казани и говорил: "Дайте нам работников", и я ему предлагал работников и открыто говорил, что самые лучшие работники - это люди, которые стоят за необходимость создания Татаро-Башкирской республики, то товарищ Юмагулов отказывался и говорил: "Дайте нам или башкиров, или таких, которые никакой республики не признают". И мы принуждены были дать таких работников, которых он находил нужным взять в Башкирию и, между прочим, сейчас т. Шамигулов проговорился, что башкирский пролетариат, может быть, присоединится к Федеративной Советской Республике или аннулирует свою автономию, но я, товарищи, советую вам не поддаваться этой провокации. Заки Валидов делает этого нарочно. Он видит, что эта республики все равно погибнет, но он хочет сделать так, чтобы эту "автономную" республику скушали большевики, чтобы эта автономная республики была разрушена руками т.т.Шамигулова, Каспранского и других, т.е. рукою большевиков, чтобы заки валидовы, алкины и другие могли оправдаться, что вот мы, товарищи, дали вам завоевать автономную республику, а вот большевики Шамигулов и другие ликвидировали эту республику. Вот в чем заключается провокация, и на эту провокацию вы не поддавайтесь. Характерное, между прочим, явление. За республику стоят Уфимская губерния, так как Уфимская конференция полностью высказалась за создание республики, Казанская губерния, т.е. как раз те губернии, которые составляют основу Татаро-Башкирской республики. За эту республику стоит и Вятская губерния, хотя т.Гиззатуллин выступил против, но он выступил от своего имени, так как ясно из наказа его, что вятский пролетариат стоит на той мысли, что татаро-башкирский пролетариат должен быть объединен, что у них должна быть общая организация, а по фактической справке другого товарища оказалось, что им говорили определенно о создании Татаро-Башкирской республики. Пермская губерния за республику, Симбирская губерния за республику (*Голос: "Против").* Представитель Симбирской губернии говорил "за", отдельные личности против. Самарская губерния стоит, оказывается, тоже за республику. *(Голос: "Ничего подобного").* Товарищ Садриев хотя и говорил от имени конференции, но, оказывается, что в Самарской губернии большинство мусульманского населения, большинство татаро-башкирского населения как раз находится в Бугульминском уезде. 200 тысяч населения этого уезда целиком стоит за образование Татаро-Башкирской республики, так как часть Бугульминского уезда войдет в эту республику, так что в этом случае губернская конференция или т. Садриев выражали мнение только кучки отдельных работников и не той местности, где находится татаро-башкирский пролетариат. Затем возьмем губернии, которые не имеют соприкосновения с этой республикой: Саратовская губерния - там губернский съезд вынес резолюцию немедленно объявить эту республику. Астраханские представители за республику, архангельские - там рабочие тоже за республику, за исключением Петрограда. Москва, Пенза - тоже за республику. Возьмем Пензенскую губернию и исключим - там мало мусульман. Туркестан принципиально "за", но, разрешая этот вопрос на практике, они говорят - мы не можем подавать голо-

са "за" или "против", потому что недостаточно знакомы с этим вопросом. Азербайджан разделился. Товарищ Нариманов - с одной стороны и т.....* указывали, что они против всякой республики, но в то же время оказывается, что несколько месяцев назад, когда составлялся проект образования Азербайджанской Социалистической Советской Республики, то т. Нариманов не был против этого проекта, а одобрил проект т. Эфендиева. С другой стороны, выступал тоже член партии т. Эфендиев, но он допускал возможность образования республики. Хотя т. Нариманов в своей речи тоже указал, что, хотя он убежден, что власть может перейти там в руки контрреволюционеров и буржуазии, но он подчеркивал, что если съезд найдет это нужным, то значит это необходимо. Значит, эту необходимость он не отрицал. Малая Башкирия против, но об этом я уже говорил.

Итак, товарищи, я резюмирую свое заключительное слово, мы приходим к следующему заключению: во-первых, мы констатируем, что объявление Положения о Татаро-Башкирской республике было таким актом, который поднял революционный энтузиазм среди татаро-башкирского пролетариата, во-вторых, мы находим, что большинство согласно на образование республики на территориях, населенных в большинстве татаро-башкирским пролетариатом. С другой стороны, мы находим, что раз башкирская автономия объявлена, раз она претендует на то, чтобы она была самостоятельной, значит мы с этим фактом считаемся, но в то же время мы должны признавать, что факт объявления Малой Башкирии республикой совершенно не является фактором, отрицающим создание рядом с этой республикой отдельной Татаро-Башкирской Советской республики. Здесь я забыл указать, что, создавая эту республику, мы вовсе не хотим создавать эту республику по типу Башкирской автономной республики, по типу Киргизской автономной республики, а просто мы образуем областную автономию в смысле культурно-просветительном, в смысле необходимости вовлечения башкиро-татарского пролетариата в советский аппарат. Мы в военном отношении не будем создавать отдельные части, а будем отдаваться в распоряжение Советской власти, которая будет направлять войска наши туда, где они будут нужны. Мы предлагаем следующую резолюцию *(читает)*.

РЦХИДНИ. - Ф.583. - Оп.1. - Д.5. - Л.116-129. Стенографическая запись.

13. Резолюция по татаро-башкирскому вопросу*

Заслушав доклады тт. М.Султан-Галиева, М.Брундукова и С.Саид-Галиева по татаро-башкирскому вопросу и обсудив этот вопрос, II Все-

* Пропуск в стенограмме. - Сост.
* Составлена совместно с М.Ю.Брундуковым. - Сост.

российский съезд коммунистических организаций народов Востока постановил:

Констатируя,

во-первых, что провозглашение Положения о Татаро-Башкирской Советской республике произошло в самый критический и тяжелый момент для Советской власти, в период гражданской войны, и имело своим прямым последствием решительный поворот татаро-башкирских трудовых народных масс на сторону Советской власти, вырвав идеологическую почву из-под ног татарской и башкирской мелкой и крупной буржуазии, а этот акт крупного политического и тактического значения своей исторической, политической и социально-экономической роли не утратил еще и по сие время; при отрицательном же отношении к нему, при известных благоприятных для контрреволюции условиях гражданской войны, может сыграть реакционную роль;

во-вторых, что объявление Малой Башкирии автономной советской республикой совершенно не аннулирует Положения Наркомнаца о Татаро-Башкирской Советской республике и не разрешает в окончательной форме татаро-башкирского вопроса в его целом, так как эта республика включает в себя лишь треть всех имеющихся в Советской Республике башкир;

в-третьих, что самым правильным разрешением татаро-башкирского вопроса, как с политической, так и естественно-исторической и социально-экономической стороны, является создание для них общей Советской республики, объединяющей вместе татаро-башкирский пролетариат; в состав республики входят губернии: Уфимская, Казанская и прилегающие к ним части с татаро-башкирским населением Самарской, Симбирской, Вятской и Пермской;

в-четвертых, что татаро-башкирский вопрос является назревшим вопросом национальной политики Советской Республики, требующим немедленного своего разрешения;

исходя из принципа самоопределения наций, декларированного Конституцией РСФСР, Всероссийскими съездами Советов и VIII съездом РКП(б), а также принимая во внимание,

а) что социальная революция и водворение социального строя возможны только при ничем не затемненном сознании классовой дифференциации и полной солидарности пролетариата всех народов мира, а последние достижимы лишь при радикальном разрешении национального вопроса и восстановлении диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства каждой народности над своей буржуазией;

б) что крушение империализма и успех всемирной социальной революции становятся на твердую почву лишь при лишении экономических ресурсов западноевропейской буржуазии на Востоке, что возможно только при условии восстания угнетенных веками трудовых масс народов Востока против своих поработителей и чему будет способствовать правильное разрешение национального вопроса среди мусульман Ближнего Востока и между ними среди татаро-башкир, являющихся в культурно-политическом отношении авангардом для мусульманских народов Востока;

съезд признает необходимым:

1. Осуществить Положение Наркомнаца о Татаро-Башкирской Советской республике в границах, исключающих Автономную Малую Башкирию.

2. Вопрос о включении в Татаро-Башкирскую Советскую республику автономной Малой Башкирии оставить на разрешение пролетариата самой Малой Башкирии.

3. Осуществление постановления съезда возложить на особый Ревком[91], выделяемый настоящим съездом по соглашению с ЦК РКП (б), поручив последнему созыв Учредительного съезда Советов Татаро-Башкирской Советской республики.

РЦХИДНИ. - Ф.583. - Оп.1. - Д.6. - Л.9-10. Стенографическая запись.

Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: Сборник документов и материалов. - Уфа, 1959. - С.420-422.

14. Выступления при обсуждении доклада ревизионной комиссии

ноябрь 1919 года

1

Если вы хотите внести вопрос о недоверии всему составу Бюро, то, значит, это уже будет относиться не только к Ялымову, который составлял Бюро, но это будет относиться также и к председателю Бюро тов.Сталину, который является председателем Военного революционного совета всего Южного фронта. Отсюда выходит, что съезд не доверяет также и мне, как члену этого Центрального бюро, и тов.Юмагулову, который является членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Что касается моей справки, то она заключается в следующем. Фактическим руководителем и ответственным лицом за деятельность Бюро является тов. Ялымов. Последнее время все члены Центрального бюро отсутствовали. В составе Центрального бюро помимо тов. Ялымова был только я, но когда между нами бывали разногласия, то инициатором в разрешении вопросов всегда был т. Ялымов. Он проводил всегда свое решение. Я приведу такой пример. После объявления мобилизации партийные работники были мобилизованы и местными партийными комитетами направлены в распоряжение политуправления Революционного военного совета Республики. Тогда был возбужден вопрос о том, что если будут среди мобилизованных мусульмане, то надо их направить в мусульманские части через политотдел Центральной мусульманской военной коллегии*, но тов. Ялымову это не понравилось, и он пожелал отправить мусульман в политуправление Реввоенсовета Республики. Он потребовал, чтобы все мобилизованные коммунисты обязательно направлялись в Центральное

* См.: Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. (Апрель-май 1919г.): Сборник документов. - Т.7. - М., 1972.- С.563. - Сост.

бюро, и оно уже будет их распределять само. В один прекрасный день, когда он отсутствовал, а я находился в Бюро как член организационной комиссии по созыву съезда, являются два товарища, которые как раз накануне были у меня и просили, чтобы их направили в мусульманские части. Они как раз здесь присутствуют и могут все подтвердить. Я послал их в политуправление Реввоенсовета Республики с отношением о том, чтобы их направили в мое распоряжение для направления в Казань в политотдел Центральной мусульманской военной коллегии для дальнейшего распределения. На другой день эти товарищи пришли с отношением от политуправления, в котором указывалось, что они направляются в распоряжение Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока. Так как тов. Ялымов отсутствовал, то я, как член Центрального бюро, с одной стороны, и как председатель Центральной мусульманской военной коллегии, с другой, сделал распоряжение, чтобы они немедленно отправились в Казань, так как там политотдел военной коллегии ощущал острую нужду в работниках. Было написано отношение от Центрального бюро, и товарищи направились на вокзал. Тогда является тов. Ялымов и начинает возражать, почему их я направил в Казань, когда он хотел направить их в другое место. Причем тов. Ялымов сказал мне: "Вы никакого права не имели направлять их в Казань. Это мое право, так как Центральное бюро это я, а не вы." Я подумал, что вопрос уже разрешен и, следовательно, поднимать шум не стоит. Вопрос этот был позабыт. Созывается съезд, и приезжают на него товарищи Мангутов и Ризванов. Я спрашиваю их:"Вы из Казани?" - "Нет, из Петрограда." Я удивился, каким это образом они попали в Петроград. Оказывается, когда я ушел к себе в Комиссариат, тов. Ялымов послал секретаря Центрального бюро прямо на вокзал вернуть этих товарищей, привести их в Бюро и потом от имени Бюро отправил их в другое место. Я утверждаю, что я, как член Центрального бюро, об этом в известность поставлен не был. Привожу это как характеристику того, что фактически руководителем и ответственным лицом в Центральном бюро был тов. Ялымов. Есть еще и разные такие подробности, о которых я не буду говорить. Еще хочу сказать по поводу одного вопроса относительно восточного поезда* . Перед нами возник вопрос, кто должен быть комиссаром восточного поезда. Утверждали, что Центральный Комитет выдвигает тов. Сафарова, известного журналиста. В организационной комиссии по созыву нашего съезда после приезда представителей мусульманских организаций обсуждался этот вопрос, и большинством голосов, за исключением тов. Ялымова, мы пришли к заключению, что политическим комиссаром должен явиться человек, знакомый с восточным вопросом и, значит, старший партийный работник, умеющий говорить на языках сартов, на киргизском языке и т.д. Таким лицом, который подходит для этой цели, совещание нашло тов. Эфендиева, и было единогласно постановлено, за исключением тов. Ялымова, выдвинуть его кандидатуру на восточный поезд. Между тем тов. Ялымов пришел в Центральный Комитет и об-

* Имеется в виду агитационно-инструкторский поезд ВЦИК и ЦК РКП(б) "Красный Восток", который формировался в Москве и в начале 1920 г. был направлен в Туркестан. - Сост.

рисовал положение в таком виде, что Центральное бюро стоит за то, чтобы тов. Эфендиев не был назначен. Это является характеристикой того, что тов. Ялымов воображал себя ...* как всем Центральным бюро.

2

Когда мы были в Казани, то от имени Центрального бюро я послал доклад в ЦК партии, в котором указывал на необходимость проведения тех или иных мероприятий в области практического социалистического строительства среди мусульман. Там указывалось, например, на необходимость открытия восточных отделов при Центральной партийной школе, указывалось на необходимость преобразования Армянского института (бывшего Лазаревского) в Восточный институт, т.е., другими словами, указывалось на необходимость приступить к подготовке кадров квалифицированных советских работников для восточных народов - мусульман, чувашей и других. Затем, когда нам стало известно, что бывший председатель Казанского Совета тов. Малютин выдвигается председателем Крымского областного правительства, мы решили между собой, что тов. Малютин этой должности не соответствует, и выдвинули на эту должность тов. Фирдевса. Между прочим, там указывалось, что по случаю нашего приезда мы сделаем подробный доклад в Центральном Комитете партии о положении на местах и о ненормальности этого положения. Затем в отдельных телеграммах с мест, например, после восстания [Татарского] запасного батальона в Казани[61] отдельным руководителям Советской власти тов. Ленину, Сталину и Троцкому мы также указывали все время на ненормальность такого положения и говорили, что со стороны некоторых товарищей русских коммунистов выражается к нам недоверие, в результате чего получается ненормальное положение на местах. После того, как мы приехали в Казань, вопрос этот по моему настоянию мы должны были возбудить в Центральном Комитете, и мы обратились сюда. Здесь мы узнали, что Центральный Комитет постановил открыть отдел мусульман Ближнего Востока при Народном комиссариате иностранных дел, но Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока об этом ничего не знало. Оно узнало это уже после свершившегося факта. Во главе отдела был поставлен тов. Нариманов, и об этом Центральное бюро узнало также только после его назначения. После его назначения мы получили от имени Центрального Комитета такую телефонограмму, что Центральное бюро коммунистических организаций должно работать в тесном контакте с отделом мусульман Ближнего Востока. Эта телефонограмма была неясна, и мы могли вынести из нее такое заключение, как будто Центральное бюро коммунистических организаций в своей работе должно быть подчинено этому отделу Ближнего Востока. Этот вопрос надо было выяснить и выяснить также и необходимость созвать съезд. Лично мне казалось, что все эти недоразумения, происходящие на местах, в полном объеме могут быть разрешены только тогда, когда будет созван съезд партийных работников мусульман, т.е. настоящий съезд. По этому поводу у нас было совещание, тов. Ялымову было доложено, что обсуждались во-

* Пропуск в тексте стенограммы. - Сост.

просы относительно восточного отдела и взаимоотношений с ним Центрального бюро. Мы постановили, что так как Центральное бюро - партийная организация, а Восточный отдел - организация государственная, то у них должны быть такие же отношения, как между Центральным Комитетом партии и ЦИК, Совнаркомом, т.е. что они должны работать в тесном контакте, и если происходят какие-нибудь разноречия, то они должны разрешаться в Центральном Комитете партии. Я настаивал на этом совещании на созыве съезда, так как благодаря информации по поводу совещания в Самаре[63] Центральный Комитет мог думать, что происходят совещания татаро-башкир для образования Центрального бюро татаро-башкирских коммунистических организаций Восточного фронта. Говорилось, что в Самаре собираются вынести постановление о том, что они не признают никакого Центрального бюро. Таким образом, благодаря такому положению, благодаря направляемой информации я настаивал на созыве съезда. Например, информация Казанского партийного комитета говорит, что ответственные работники-мусульмане ведут себя здесь крайне националистично, и сказано было, что они употребляют очень скверные приемы. В Центральном Комитете партии тов. Стасова определенно указывала, что съезд сейчас созывать не придется. Более или менее основательной причиной выставлялось положение на фронте, так как в то время Деникин наступал на Москву. Она говорила, что сейчас на фронте очень усиленная работа и потому нецелесообразно созывать съезд. Вот я прочту вам эту телеграмму. *(Читает)*. Телеграмма эта исходила от Центрального Комитета партии за подписью тов. Стасовой. Она была составлена неудачно в редакционном отношении, и из нее ничего нельзя было понять. Там говорилось о Центральном Комитете татар-большевиков, и непонятно было, разумеется ли под этим комитет татарских социал-демократических организаций или Центральное бюро татаро-башкирских коммунистических организаций Восточного фронта. Получалась какая-то каша. Я настаивал перед тов.Стасовой, что в Казани ответственные партийные работники совершенно не понимают психологии мусульман и перекрашивают там все по-своему и освещают вопросы тенденциозно. В ответ на это официально, как член Центрального Комитета, тов.Стасова указала, что лица эти ни в коем случае отозваны быть не могут куда-либо в другие места. Конечно, мне все было ясно, но тем не менее я пошел к председателю Центрального Комитета тов. Ленину*. Один из товарищей указывал, что Султан-Галиев обегал верхи с какими-то проектами. Нет, я ходил с протестом против того, что иногда на местах и в центре отдельные работники не понимают некоторых вопросов. Я указывал также на ненормальность относительно Мусульманского комиссариата, указал, что работа по подготовке** партийных работников и других работников ведется Центральной мусульманской военной коллегией, тогда как она должна вестись Центральным бюро коммунистических организаций народов Востока. Я настаивал перед тов.Лениным, чтобы был созван партийный съезд. Затем лично мною было это указано и тов.Сталину, конечно, неофициаль-

* См.: С. 197 настоящего издания.

** В стенограмме написано "созданию". - Сост.

но, не в письменном виде, а устно. Я указывал на то, что тов.Эльцин, ответственный партийный работник, направленный Центральным Комитетом, ведет себя крайне нетактично. Не имея, например, никакого права, он давал мандаты русскому населению Башкирии о том, что они хотят отделиться от Малой Башкирии. Никаких отношений у товарища Эльцина с Башкирией не было и к русскому населению Башкирии он никакого отношения не имел, между тем, я имею данные, что тов.Эльцин выдавал им мандаты, чтобы их немедленно пропускали в Москву. С другой стороны, я получил такие сведения, что в Коммунистическую партию поступили новые работники через какие-то задние двери и такие работники, которые тормозят работу по организации коммунистического движения среди мусульман. По этому поводу я тоже имел разговор с тов. Сталиным, и он сказал мне, что если тов.Эльцин возбуждает вопрос о реорганизации Башкирской республики, то в данном случае, как выразился тов.Сталин, выявляет еврейскую трусость. Некоторые ответственные работники, по словам тов.Юмагулова, говорили, что башкиры пугали уфимскую Советскую власть тем, что если им не дадут Уфу, то они займут ее башкирской дивизией. По этому поводу в центре поднялся шум. Получалась такая картина, как будто башкиры не сегодня-завтра начнут наступать на Уфу, Казань и Москву и т.д. Затем с тов.Сталиным я говорил и относительно кавказцев, и он, как член Политического бюро Центрального Комитета, знал, что в Казань как ответственные работники направлены такие лица, и он сказал по этому поводу, что в скором времени хочет вернуться в Москву и, засучив рукава, приняться за это дело, за дело урегулирования национального вопроса в общегосударственном масштабе, но, однако, приехать ему не удалось, так как положение на Южном фронте заставило Центральный комитет направить его туда.

3

Наш нравственный долг указать тем работникам, которые работали в 1-й татарской стрелковой бригаде, что заниматься политиканством не должны - телеграмма моя* была послана по адресу командира бригады Ибрагимова, и я определенно указывал, что участвовать в таких совещаниях и вносить такие постановления они не могли. Я хотел подчеркнуть перед ответственными работниками и перед тов. Троцким и [Революционным] военным советом Республики, что мы не позволим, чтобы бригада была превращена в орудие политической борьбы отдельных политиканствующих групп. Вы все знаете, я думаю, что на местах было совершенно ненормальное положение. Там образовались разные течения и т.д., и если каждая группа в целях своей борьбы использовала войсковые части, это было бы ненормально. Никто им не запрещает иметь свободные мнения, но втягивать в борьбу войсковые части, тем более, когда они сражаются на фронте, это ненормальное явление и потому я обязан был послать эту телеграмму.

* См. С. 190-191 настоящего издания.

4

Я хотел привести маленькую фактическую справку. Тов. Пестковский при ликвидации отделов Мусульманского комиссариата и при тех нападках, какие делались на Центральную мусульманскую военную коллегию, никакого участия не принимал. Давление было оказано со стороны тов.Каменского. Если Военная коллегия осталась Военной коллегией и ее не упразднили, то этому мы обязаны главным образом тов.Сталину. Когда ему доложили об этих предложениях, то он протестовал и настоял на том, чтобы она была сохранена как Народный комиссариат этих отделов, национальный народный комиссариат.

5

Тут и исходит некоторое непонимание, и я думаю, это происходит вот почему. 1-ый съезд [мусульман-коммунистов] постановил, чтобы формирование красноармейских частей происходило усиленным темпом. Затем, предвидя возможность социальной революции, он постановил, чтобы были сконцентрированы в определенном месте турецкие военнопленные и чтобы из них формировалась Красная Армия. И действительно, Центральное бюро в этом отношении ничего не делало. Но это не значит, что Бюро должно само формировать ...* военная коллегия, то Центральное бюро должно было ее поддерживать. Если оно хотело возбудить вопрос о формировании каких-либо восточных отрядов, то оно должно было передать этот вопрос в Центральную мусульманскую военную коллегию. Вместо того, чтобы поддерживать Военную коллегию в ее работе, Центральное бюро в ....** старалось взять это дело в свои руки[93], не имея для этого абсолютно никакого аппарата. Потом вопрос этот все же был передан в военную коллегию.

РЦХИДНИ. - Ф.583. - Оп.1. - Д.5. - Л. 246-248, 248-251, 251, 253, 254. Стенографическая запись.

15. Выступление при обсуждении вопроса о местонахождении нового Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП (б)

декабрь 1919 г.

Я поддерживаю предложение тов.Саид-Галиева, чтобы Центральное бюро находилось в Москве, по следующим соображениям: 1) Москва является революционным центром в настоящее время для всего мира, и те работники, которые будут приезжать в Центральное бюро, например, из Индии и других стран, будут приезжать в Москву как в революционный центр, а не только в наше Центральное бюро, т.е., главным образом к

* Следующие два слова не прочитаны.

** Одно слово не прочитано. - Сост.

тов. Ленину, Чичерину и т.д. Если же наше бюро будет находиться в Казани, то оно оторвется от этих областных* людей, которые будут приезжать с Востока. Тогда бюро будет представлять собою не Центральное бюро Востока, а Центральное бюро Поволжья. Это одно. А другое это то, что Центральное бюро должно быть в тесной связи и с Центральным комитетом партии - с центральной революционной организацией. Оно должно постоянно входить с ним в тесное соприкосновение. Оно постоянно должно заражаться теми революционными идеями и мыслями, течениями, которые имеются в центре. Если же мы переведем бюро в Казань, то оно будет оторвано от центра, не будет иметь с ним тесной связи. Если выдвигается то положение, что Центральное бюро должно перенести центр тяжести всей работы на места, то для этого имеется следующий выход. В центре будет находиться президиум Центрального бюро, а отдельные его члены будут работать на местах. Один может поехать в Туркестан, другой в Закавказье, третий в Поволжье и, таким образом, объезжать места, если это необходимо и если этим членам не будут поручаться какие-нибудь функции при самом Бюро или заведование теми или иными отделами. Во всяком случае вопрос о распределении сил состава Центрального бюро придется оставить на усмотрение самого Бюро.

РЦХИДНИ. - Ф.583. - Оп.1. - Д.5. - Л.265. Стенографическая запись.

* Так написано. - Сост.

Приветственная речь на VIII Всероссийской конференции РКП (б)[94]

2 декабря 1919 года.

Товарищи, приветствую партийную конференцию РКП(б) от имени II Всероссийского съезда мусульманских коммунистических организаций народов Востока. *(Аплодисменты).*

Товарищи, наш съезд собрался в тот самый момент, когда РКП(б) начинает руководить революционным движением во всем мире, когда эта партия из российской партии коммунистов превращается фактически в международную коммунистическую партию, ведущую за собой международный пролетариат.

Товарищи, несколько месяцев тому назад один из западноевропейских дипломатов Черчилль громогласно и гордо заявил о том, что западноевропейская буржуазия направит на Советскую Россию 14 буржуазных держав. В ответ на это заявление западноевропейского дипломата - дипломата западноевропейской буржуазии, РКП(б) объявила мобилизацию своих членов. Вы, товарищи, знаете результаты этой мобилизации. Несмотря на то, что агент международного империализма Деникин с его бандами подошел почти к стенам красной Москвы, рабочий класс и крестьянство Советской России заявили, что они вступили в ряды коммунистической партии. И в ответ на это же заявление Черчилля коммунисты мусульманских организаций РКП(б) объявили мобилизацию своих членов. Мы знаем, что та гражданская война, которая происходит сейчас в Советской России, скоро превратится в международную гражданскую войну - в гражданскую войну международного пролетариата и международной буржуазии. И вот, собравшись на своем съезде, мы, коммунисты мусульманских народов, громогласно заявили о том, что то Красное знамя, революционное знамя коммунизма, которое мы получили из рук наших учителей, товарищей русских коммунистов, мы понесем на Восток, разбудим спящий Восток и нанесем последний, решительный удар международному империализму на Востоке. С другой стороны, мы организуем на Востоке коммунистическую партию как секцию единой международной коммунистической партии. И мы уверены, товарищи, что при вашем содействии, при содействии РКП(б), коммунистам Востока удастся довершить то дело, которое было начато вами, удастся установить окончательную победу над международным империализмом и восстановить на всем земном шаре социалистический строй.

Да здравствует РКП(б)!

Да здравствует III, Коммунистический Интернационал!

(Аплодисменты).

Восьмая конференция РКП(б): Протоколы. 2-4 декабря 1919 г.-М., 1934 г. - С.7-8. Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.219-220.

Письмо
В.И.Ленину с анализом мнений противников создания Татаро-Башкирской республики Б.М.Эльцина и М.Н.Исрафилбекова (Кадирли) на совещании политбюро ЦК РКП(б) 13 декабря 1919 года

Позднее 13 декабря 1919г.

Фактическая поправка к тому, что говорили о Татаро-Башкирской республике ее противники - Эльцин и Исрафилбеков на совещании Политбюро ЦК РКП(б) 13-го декабря с.г.

т.Эльцин указывал, что, во-первых, будто бы башкиры поголовно против Татаро-Башкирской республики. Во-вторых, против этой республики и чуваши с мари (черемисы).

Это не соответствует действительности:

1. а) Башкиры Уфимской, Пермской и Самарской губерний, не вошедшие в состав автономной Башкирии, за Татаро-Башкирскую республику. б) Башкирская беднота автономной Башкирии целиком за присоединение Башкирской республики к Татаро-Башкирской. г) Главная опора, на которую надеялись башкирские и работающие вместе с ними татарские националисты в своем стремлении не допустить слияния автономной Башкирии с Татаро-Башкирской республикой, а именно: Башкирская дивизия и Башкирская бригада на Петроградском фронте - уже вынесли резолюцию о полном своем сочувствии всем резолюциям съезда коммунистов Востока и полной поддержке нового состава Цебюро комвостока.

2. Чуваши и мари (черемисы) и крещеные татары, в лице их ответственных партийных работников, стоят за Татаро-Башкирскую республику. В Цебюро имеются официальные данные , подтверждающие это обстоятельство.

Тов.Исрафилбеков (случайный эмигрант с Кавказа и никакого отношения к татаро-башкирскому вопросу не имеет) указывал, что будто бы:

1. Вопрос о Татаро-Башкирской республике на съезде комвостока прошел потому, что докладчики пугали, что если вопрос этот разрешится отрицательно, то татаро-башкирские части покинут фронт.

2. Большинство съезда состояло из бывших левых эсеров и молодых коммунистов.

3. Одним из докладчиков по татаро-башкирскому вопросу был бывший левый эсер.

4. Все воздержавшиеся при голосовании татаро-башкирского вопроса были против Татаро-Башкирской республики.

Все это ложь и клевета.

1. Никаких запугиваний "уводом" татаро-башкирских частей с фронта не было. Напротив, даже представители Центральной мусульманской военной коллегии определенно заявили, и это зафиксировано в стенограмме, что они запретили вести какую бы то ни было агитацию в армиях по тата-

ро-башкирскому вопросу, выставив лозунг: "бить белогвардейцев до полной победы над ними".

2. Бывшие левые эсеры из татаро-башкир ни в коем случае не могли попасть на съезд по той простой причине, что ЦК РКП (б) был установлен для участников съезда стаж до 1919 года, что лишало их [возможности] принять массовое участие в съезде, так как татаро-башкирская левоэсеровская организация перешла в партию коммунистов только в февралемарте нынешнего года. Из бывших левых эсеров участвовало лишь 3-4 человека, но не больше, и то никакой "активности" не проявляли.

3. Докладчиками по татаро-башкирскому вопросу выступили: Султан-Галиев, Брундуков и Саид-Галиев. Никто из них никогда в партии левых эсеров не состоял, причем т.т.Султан-Галиев и Саид-Галиев состояли в РКП(б) еще до Октябрьской революции.

4. Воздержались 14 человек. Из них член партии "Гуммет" Эфендиев на съезде защищал идею Татаро-Башкирской Советской республики. Большинство воздержавшихся представителей башкирских частей заявили, что они за Татаро-Башкирскую республику, но воздерживаются только потому, что представители Малой Башкирии решили в этом вопросе воздержаться.

Председатель съезда и временный председатель
Центрбюро коммуннистических организаций
народов Востока М.Султан-Галиев.

РЦХИДНИ. - Ф.2. - Оп.1. - Д.12040. Подлинник.
ЦГА ИПД РТ. - Ф.8237. - Оп.1. - Д.2. - Л.23-24. Фотокопия.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.313-315.

Арчада крестьяннар митингысындагы чыгыш

12 май 1919 ел.

Дүшәмбе көн, 12 майда, Арча шәһәренең базар площаденда базарга килгән авыл крестьяннары өчен митинг булды. Митингта 2 нче армия революционный хәрби совет әгъзаларыннан Сафонов, Солтангалиев һәм башка иптәшләр тарафыннан кызу һәм ялкынлы нотыклар сөйләнде.

Иптәш Сафонов русча, иптәш Солтангалиев татар телендә "Советлар хөкүмәте нәрсә, аның крестьяннарга мөнәсәбәте ничек һәм международный контрреволюционерлар" мәүзугында* сөйләп, Колчакның ни өчен килтәнлеген һәм үзе белән нәрсә китергәнлеге хакында крестьяннарга аңлаттылар.

Бөтен ораторлар крестьяннар тарафыннан шатлык берлән каршы алынып, бигрәк иптәш Солтангалиевнең сөйләгән сүзләреннән риза булдылар. Аның нотыгы ахырында крестьяннар үзләренең ризалыкларын белдереп, бер авыздан "рәхмәт" диеп кычкырдылар.

Крестьяннар үзләренең бердән-бер юлбашчылары һәм үзләренең бердән-бер сакчылары ялгыз Советлар хөкүмәте генә икәнлеген яхшы аңлап Колчакка каршы рәхимсез көрәшергә кирәк дигән фикер берлән таралыштылар.

Кызыл Армия. -1919. -28 май. -№ 67. Газета отчеты.

*Мәүзугында - турында.

Казан Советының V Казан вилаяте партия конференциясе, профессиональ союзлар конференциясе, профсоюзлар идарәсе, фабрика-завод комитетлары һәм Кызыл гаскәр бүлекләре, Казан өязе Советлары съезды вәкилләре белән катнаш мәҗлесендә татар запас батальонында булып узган вакыйгалар[61] турында чыгыш

6 июль 1919 ел.

2 нче армия военный революционный советының әгъзасы Мирсәет иптәш Солтангалиев докладлар хакында сүз алып, тәэсирле нотык сөйләп, татар запасный батальонында булып үткән вакыйгаларга зур нәрсә итеп карауның тиешсезлеген, вакыйгаларның сәяси төстә булмаучылыгын бәян итте. Мәхәллә власть кешеләре тарафыннан солдатларны кием-салым, жалованье, ашам-эчем ягыннан кайгыртуда ни өчендер кимчелек итә килүләреннән зурайган бер аңлашылмау - бер кыйсем* солдат хәрәкәте булуын әйтте.

Татар кызыл гаскәрләре, эшчеләре, игенчеләре һәм эшләп көн итүчеләреңең башка милләт эшче, крестьян, кызылармеецлары белән бергә барачакларына, Совет властена, революциягә һәрвакыт ярдәмгә килергә хәзер булуларына ышаныч күрсәтте.

Кызыл Армия. -1919. -11 июль. -№ 96.

* Кыйсем - төркем.

Безнең тоткан юлыбыз - туры юл.

"Правда" газетасының язуына күрә, 21 июльдә көтелгән Гарби Европа эшчеләренең эш ташлаулары булмый калган. Күрәсең, Европа эшчеләре Европа меньшевикларының сүзләрен тыңламаганнар, эшләрен ташламаганнар. Моның шулай булуы безнең өчен көтелмәгән бер нәрсә түгел, Европа эшчеләренең һаман да үзләренең байлары берлән бер юлда барулары безгә күптәннән мәгълүм инде.

Чынлап та...

Англичан, француз, Америка һәм Италия байлары көпә-көндез Германияне, Төркияне һәм Австрияне кычкыртып талыйлар. Көпә-көндез рус байларына һәм алпавытларына Россия революциясен сүндерергә булышалар, Колчак, Деникин һәм башка контрреволюционерларның кылган кабахәтләрен күрә торып, аларга Советлар хөкүмәте белән көрәшер өчен акча һәм корал бирүдә дәвам итәләр.

Ләкин, шулай була торып та, Англия, Франция һәм Италия эшчеләре моңар чикле үзләренең байларының бугазларына ябыша алмыйлар. Аларны бөтен дөнья йөзе революциясе белән көрәшүләреннән ваз кичәргә мәҗбүр итә алмыйлар. Хәзерге көндәге бөтен дөнья йөзенең сәяси хәле моңар бик яхшы шаһит.

Дөрес, без күрәмез, Европа эшчеләренең бер өлеше үзләренең байлары белән көрәшә, забастовкалар ясый, хәтта француз һәм англичан байларының Версаль шәһәренә жыелып, үзләренең жиңү бәйрәмнәрен бәйрәм итәргә теләгән көннәрен дә бәйрәм итә алмый калганнар, чөнки ул көнне ресторан һәм кафе хезмәткәрләре эшләрен ташлаганнар.

Ләкин бу забастовкаларның күбесе эш хакы арттыруны, эш бирүче хезмәтчеләренә мыек үстерергә рөхсәт итүне таләп итүдән артмый.

Англичан һәм француз байларына моңдый таләпләрне үтәве, әлбәттә, берни дә түгел.

- Хак арттыруны телисеңме?.. Мә, тыгыл...

- Сиңа ни кирәк, энекәш?.. Мыек үстерергә телисеңме?.. Ярый, котырма юкка... Иртәгәдән башлап сиңа мыек үстереп йөрергә рөхсәт...

Моңардан бит ул берни югалтмый. Аның тик Һиндстаннары, Кечек Азияләре, Гарәбстаннары, Мисырлары, Фаслары, Траблислары, Ираннары һәм башка колонияләре исән булсын...

Шуның өчен дә без күрәбез:

- Ә йөк һаман үз урынында...

Күрәбез, ничек Бухарин, мәрхүм Свердлов һәм башка "сул" большевикларның бөтен дикъкатьләрен үзенә текәгән һәм менә бүген революция күтәрә, менә күтәрә дип күз терәтеп көттергән Гарби Европа бернигә карамый һаман да үзенең иске юлы белән бара.

Анда Вильсон, Клемансо һәм Ллойд-Джорджларны суккән кешеләр дә табылмый. Ләкин без күрәбез, ничек алар һәммәсе бергә Крылов бабайның "Кот и повар" дигән хикәясендәге кебек "А кот Васька все слушает да ест"ләрендә дәвам итәләр. Моны күреп без Россия революциясенең сүндерелмәвен Гарби Европа эшчеләренең инкыйлабыннан гына көткән "европачы" коммунист иптәшләребезгә әйтәбез.

Европа эшчеләрен ярлы халык инкыйлабына катыштыру эшенә, ягъни, Англия, Франция, Америка һәм Италия мәмләкәтләрендә эшчеләр сыйныфы белән байлар сыйныфы арасында кызыш һәм тартыш чыгаруга, әлбәттә, зур әһәмият бирергә кирәк. Ләкин бөтен дикъкатьне анда юнәлдерү - хата.

Дикъкатьнең иң зур өлешен Шәрекъка таба, Европа капиталы кул астында изелеп, ничек аның кул астыннан ычкынырга белми яткан мәмләкәтләргә, шулар җәмләсеннән мөселман мәмләкәтләренә юнәлдергә кирәк, дибез.

Сигезенче партийный съезддан соң Шәрекъта булган милләтләргә тотыла башлаган сәясәтне көчәйтергә, тирәнәйтергә кирәк.

Сигезенче партийный съезддан соң Россиянең шәркында изелеп яткан милләтләргә иркенлеккә чыгарга ачылган капканы киңрәк иттереп ачарга кирәк.

Тизрәк татарларны, башкортларны, кыргызларны, Төркестан һәм Кавказ мөселманнарын аякка бастырырга, көчләндерергә кирәк. Аларны тупландырып, коралландырып һәм берләштереп, Иран һәм Әфганстан аркылы андагы инкыйлаби көчләр белән бергә Төркия, Гарәбстан, Һиндстан сәхраләрен Гарби Европа капиталыннан котылдырырга юнәлдерергә кирәк.

Бөтен дөнья инкыйлабы башлануының юлы бер генә. Без, Шәрекъ большевиклары, ул юлны күптәннән бирле күрсәтеп киләбез инде. Ул да булса, иң әүвәл иң көчле булган Европа капиталы кулыннан Шәрекъ мәмләкәтләрен тартып алу; аны бөтенләй азыксыз калдыру. Моның юлын без күрсәттек инде.

Тик шуннан соң гына англичан, француз һәм башка Европа мәмләкәтләреңең эшчеләре үзләренең байларының бугазларына ябышачаклар. Шул вакытта гына бу мәмләкәтләрдә инкыйлаб башланачак. Европа капитализмы кулы астында изелгән милләтләрне аякландырмый, аларны җанландырып, шул ук капиталга каршы коралландырмый торып, бөтен дөнья йөзе инкыйлабы башланачак түгел.

Империализм, ягъни бер милләтне икенче милләт изү һәм капитализм дигән нәрсәләр бетерелеп, бөтен җир йөзендә социализм урнашыр өчен иң әүвәл Шәрекъ дөньясындагы изелгән милләтләр коралландырылырга тиеш.

Бәйнәлмиләл* инкыйлабны тудыру юлында безнең шигаремез бер генә. Без аны бүген яңадан кычкырып әйтәбез:

Россиядә башланган сыйнфый көрәшнең фронтын тизрәк Шәрекъ дөньясына күчерергә кирәк, чөнки аның урына анда...

Советлар хакимиятенә Европага туры юл Шәрекъ дөньясы аркылы бара...

Мирсәет Солтангалиев.

Кызыл Армия. -1919. - 28 июль. - № 110.

---

*Бәйнәлмиләл - бөтенденья, халыкара, интернациональ.

Яшьләр, мөселман командный курсларына ашыгыңыз!

Дөнья йөзендә тигезлек кертү өчен башлап бөтен дөнья йөзе каракларының оясын, Европаны, туздырырга, аның буржуазный шәһәрләрен жимерергә, буржуазный тормыштан башка тормышка һичвакытта да күнмәслек дәрәҗәгә килгән кешеләрен кырырга, себерергә кирәк.

Бер кеше икенче кеше көче белән, бер милләт икенче милләт көче белән дөньяда яшәмәсен өчен иң әүвәл буржуазный стройны туздырырга һәм аны тешләре, тырнаклары белән яклаучы Европа мәмләкәтләрен тармар китерергә, аларны бөтенләй жир йөзеннән юк итәргә кирәк, бөтен дөньяны диярлек жиңгән хәзерге Англия, Франция һәм аларның кул астына төшеп тә, һаман да астыртын гына элгәрге "зур һәм көчле мәмләкәткә" әйләнергә уйлап яткан Германия мәмләкәтләрен зурлык жәһәтеннән үзләренең элгәре "табигый" хәлләренә китереп, анда Советлар хакимияте төземичә торып, дөнья тынычланачак түгел; шул вакытка чикле монар кадәр Европа өчен "савым сыер" булып изелеп килгән Шәрекъ дөньясы һәм мөселман милләтләре коллык хәленнән чыгачак түгелләр.

Шәрекъ дөньясын һәм андагы милләтләр жәмләсеннән мөселман халыкларын элгәрге "Русия империясе" мөселманнарын, әфганнар, төрекләр, иранлылар, гарәпләр һәм башкаларны камил аякка бастырып, һичкем тарафыннан жәберләнмәс, һичкем тарафыннан изелмәс һәм богауланмас хәлгә китерер өчен аларны оештырырга, укмаштырырга һәм коралландырырга кирәк.

Русия мөселманнары шунысын онытырга тиеш түгелләр:

Татар, башкорт, кыргыз һәм башка Русия мөселманнарының азатлыгы турыдан-туры Шәрекъ халыкларының азатлыгына бәйләнгән, чөнки алар шул дөньяның бер кисәге, чөнки Шәрекъ милләтләре кол булып яшәгән чакта Русия мөселманнары һичбер вакытта да ирекле булып яшәячәк түгел; аларның ирекләре тик кәгазьдә генә, сүздә генә калачак.

Менә ни өчен алар хәзерге көндә бөтен көчләрен Европа империализмын һәм Европа капитализмын жимерергә бирү белән бәрабәр тизрәк Шәрекъ дөньясының аяклана башлавын, аның туплануын, оешуын, кораллануын, ягъни көчләнүен куәтләргә тиеш.

Шуны онытырга ярамый: Русиядә башланган инкыйлаб - бөтен дөнья йөзе инкыйлабының башы. Хәзерге көндә Русия яланнарында барган сыйнфый көрәш, сыйнфый сугыш киләчәктә бөтен дөнья йөзенең сыйнфый сугышына әйләнәчәк. Аның иң куркыныч, иң каныз, бөтен мәсьәләләрне хәл кылачак фронты Шәрекъта, мөселман милләтләре яшәгән жирләрдә булачак. Моның шулай булачагы хәзерге көндә үк күренеп тора. Бер яктан, безнең Шәрекъ фронтыбыз әкренләп, үзеннән-үзе Шәрекъ дөньясына таба борыла: Себердә озак туктамыйча, Шимали Төркестан һәм Магулстанга таба юнәлә.

Икенче яктан, Шәрекъ мәмләкәтләрендә англичаннарга каршы сугышлар башлана. Әфганстан сугыша инде. Шулай ук Иранда Иран халыкларының да англичаннар хужалык сөрүенә эчләре поша. Версаль мо-

гаһәдәсе* буенча солдатларын коралсызландырып, авылларга таратып жибәрергә "тиеш" булган Төркия һаман да аларны таратмый, коралландырган көенчә тота.

Кыска гына әйткәндә, без Шәрекъ дөньясының бәйнәлмиләл инкыйлабының утын сүндерергә йөргән ерткыч Европа мәмләкәтләренә сызганып сугыш ачарга торганын күрәбез.

Менә бу сугышка Русия мөселманнары башкаларга караганда да ныграк хәзерләнергә тиеш. Чөнки, бердән, алар бу сугышта Шәрекъ милләтләренә үзләренең ике ел буенча Русия инкыйлабыннан алган тәжрибәләре белән, үзләренең инкыйлаби рухлары белән файда итәчәкләр. Икенчедән, алар ул сугышның "милләтләр" сугышына әйләнмичә бөтен дөнья масштабында булган сыйнфый көрәш булып баруына тырышачаклар.

Күзе ачык, колагы бар кешеләргә безнең шул юл белән барганыбыз билгеле булырга тиеш.

Без мөселман гаскәрләре төзибез.

Татар һәм башкортларны "көчәйтеп", аларны икенче милләтләргә "хуҗа" ясар өчен түгел. Бәлки югарыда күрсәтелгән максатлар өчен төзибез.

Иң әүвәл Русия эшчеләре белән бергә Русия байларын, рус милләтчеләрен изеп, аларны тар-мар китереп, Русиядә Совет хөкүмәтен ныгытырга, аннан соң Шәрекъкә йөзләп мөселман дөньясын изгән англичан һәм француз байларының тамырына балта чаба башлар өчен төзибез.

Безгә үзебездән ышанычлы һәм нык гаскәр башлыклары, кызыл командирлар кирәк. Мөселманнарда элгәредән дә "офицер" дигән нәрсәләр бик сирәк иде. Ләкин аларның да күбесе мирза һәм байлар сыйныфыннан булу сәбәпле хәзерге көндә алар аклар ягында йөриләр.

Кызыл командирларсыз безгә мөселманнардан гаскәр төзүе гаять дәрәжәдә читен. Эшнең бөтен терәге шунда. Әгәр дә без мөселманнарның үзләреннән кызыл командирлар хәзерли алмасак, гаскәр башлыклары житештерә алмасак, ул вакыт безнең моңар чикле төзегән гаскәрләребез "эреп" бетәчәк, яңаларын тудыру исә бөтенләй мөмкин булмаячак.

Шуларның барысын искә алып Мәркәз мөселман хәрби коллегиясе бу көннәрдә Казанда мөселманнар өчен җәяуле һәм атлы командирлар курсы ача.

Хөррият сөйгән яшь татарлар!

Ашыгыныз шул курсларга керергә.

Европа капиталын жимерү эше сезнең кулыгызга тапшырылачак...

М.Солтангалиев.

Кызыл Армия. - 1919. - 30 июль. - № 112.

*Могаһәдә - килешү, договор.

1920 г.

- Заявление в ЦК РКП(б) с просьбой отозвать И.В.Сталина с фронта и поручить ему заняться непосредственным руководством внутренней национальной политикой и внешней политикой Советской власти на Востоке
- Письмо Политуправлению Реввоенсовета Республики об откомандировании красноармейцев-мусульман в Казань на военно-политические курсы
- Батум и Армения
- К объявлению Азербайджанской советской республики
- Положение Турции в последнее время
- Выступление на совещании ответработников по вопросу о Киргизии
- Доклад в ЦК РКП(б) по поводу покушения на председателя Совнаркома Татарской АССР С.С.Саид-Галиева и ареста ряда сотрудников Центральной мусульманской военной коллегии
- Представление в комиссию ЦК РКП(б) по поводу покушения на председателя Совнаркома Татарской АССР С.С.Саид-Галиева
- Восемьдесят влиятельных принцев, султанов и потентатов
- Информация о функциях Центрального татарского отдела Народного комиссариата по делам национальностей
- Татарский /мусульманский/ отдел Наркомнаца за три года его существования
- Шәрекъка
- Бакудагы үзгәреш мөнәсәбәте белән
- Бөтен Шәрекъ инкыйлабчыларына

Заявление
в ЦК РКП(б) с просьбой отозвать И.В. Сталина с фронта и поручить ему заняться непосредственным руководством внутренней национальной политикой и внешней политикой Советской власти на Востоке

2 января 1920 г.

Немедленность развития революционного движения среди рабочих Западной Европы и Америки, с одной стороны, все растущее недовольство народных масс Азии и Африки колониальной политикой западноевропейских империалистов - с другой, международное положение социальной революции - с третьей, заставляет нас обратить в настоящее время особое внимание на Восток. Настоящий момент, по нашему мнению, является самым подходящим моментом для ориентации Советской власти на Восток. При умелой внутренней и внешней восточной политике Советской власти, несомненно, удалось бы реально восстановить колониальной Восток против международного империализма в лице Антанты и тем, если не на две трети, то наполовину разрешить задачу мировой социальной революции. Почва для этого на Востоке вполне заложена, и она ждет лишь своего пахаря. Пахарем же этой нивы должна явиться РКП (б). Она должна перейти от слов и мечтаний к делу, к действительному революционизированию Востока путем намечания и проведения в жизнь определенно-конкретных мероприятий в области выявления революционно-сознательной воли угнетенных масс Востока.

Что же касается существующей восточной политики Советского правительства, как внутренней, так и внешней, то она страдает недостаточно рельефно выраженной определенностью и полнотой. В ней нет той смелости, решительности и идейного единства, которые свойственны всякой идее революции. Действия Советского правительства в этом отношении невольно напоминают известную поговорку: "хочется и колется". Все это, по нашему мнению, объясняется тем, что Советская власть не выделяла из своей среды авторитетного как в глазах революционного Востока, так и в смысле понимания и познания Востока, человека, который постоянно, не отрываясь от своего дела, сидел бы над ним и творил бы его. Таким лицом, по нашему глубокому убеждению, был бы народный комиссар по делам национальностей т. Джугашвили-Сталин. Своей открытой, честной, прямой и решительной политикой в национальном вопросе он сразу привлек к себе внимание широких слоев населения всех национальных меньшинств Советской России, особенно же народов восточного происхождения, и завоевал у них громадный авторитет. Человек, вышедший из Кавказа, т.е. из страны, представляющей из себя до сотни разных языков и племен, а потому в высшей степени чуткий ко всякому национальному вопросу, поскольку он имеет естественно-исторический и пролетарско-классовый характер, тов. Сталин вполне правильно оценивал значение национального вопроса в развитии социальной революции, и та форма разрешения его,

какую получал этот вопрос у него в отдельных случаях, была единственно правильной формой его разрешения как принципиально, так и тактически.

Но почему-то до последнего времени тов. Сталину не давали возможности как следует работать в области национальной политики и, в частности, восточной. Несмотря на то, что формально тов. Сталин продолжал считаться комиссаром по делам национальностей, фактически же его делом руководили другие или, вернее, никто не руководил, т.к. те люди, которые заменяли тов. Сталина, слишком были далеки от правильного понимания своих задач и лишь тормозили начатую им работу. Мы слишком редко видали тов. Сталина в своей прямой обязанности, мы видим лишь одно: как его назначают то комиссаром продовольствия на Северный Кавказ, то отправляют на расследование причин отдельных неудач отдельных фронтов, то назначают членом РВС фронтов и т.д. По нашему мнению, продолжаться дальше такое положение не может. Тов. Сталина необходимо отозвать с фронта и поручить ему руководство всей внутренней и внешней политикой Советской власти на Востоке, назначив его комиссаром иностранных дел на Востоке и соответствующим образом реорганизовать Наркоминдел. Считаем своим долгом заявить, что все те недоразумения, которые происходили и происходят в настоящее время с башкирами, киргизами и туркестанцами, объясняются в значительной степени отсутствием тов. Сталина в центре и неумением других работников наладить с ними правильные отношения.

Ввиду всего указанного мы, нижеподписавшиеся члены Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока, считаем необходимым просить ЦК РКП (б) о следующем:

1. Отозвать тов. Сталина с фронта и поручить ему заняться непосредственно руководством внутренней национальной политикой и внешней политикой Советской власти на Востоке.

2. Реорганизовать Восточный отдел и отдел по делам мусульман Ближнего Востока при Наркоминделе с тем, чтобы вся внешняя политика на Востоке была выделена и сконцентрирована в этом отделе.

Члены коммунистических организаций
народов Востока М. Султан-Галиев,
Ш. Измайлов, А. Мухитдинов.

РЦХИДНИ. - Ф.583. - Оп.1. - Д.33. - Л.22-23. Подлинник.

Письмо
политуправлению Реввоенсовета Республики об откомандировании красноармейцев-мусульман в Казань на военно-политические курсы

26 апреля 1920 г.

По подготовке политических, культурно-просветительских работников для работы среди красноармейцев-мусульман в частях Красной Армии Республики, а также среди гражданского мусульманского населения, политотделом Центромусвоенколлегии организованы в г.Казани периодические военно-политические курсы, которые функционируют с 1 февраля сего года, и первый выпуск будет в мае месяце текущего года. На курсах обучаются более 300 человек. При комплектовании курсантов политотдел, в целях подготовки работников из среды той массы, в которой работники должны проводить коммунистические идеи, придерживается по возможности принципа комплектования людьми из красноармейских частей, но по обстоятельствам, не зависящим от политотдела, в настоящее время состав курсантов сравнительно пестрый, что в предстоящих приемах необходимо устранить, а потому политотдел просит политуправление Реввоенсовета Республики принять соответствующие меры, чтобы желающие поступить на курсы мусульмане, находящиеся в различных частях Красной Армии Республики, по возможности без задержки командировались бы на эти курсы во всякое время.

Продолжительность курсов по степени знания курсантов при поступлении - от 2 до 8 месяцев.

Принимаются на курсы мусульмане-красноармейцы из рабочих и крестьян, могущие читать и писать по-татарски и вообще по-мусульмански. Партийность не обязательна.

Председатель Центромусвоенколлегии М. Султан-Галиев.
Помначполитотдела/подпись неразборчива/

РГВА - Ф.9. - Оп.1. - Д.184. - Л.57. Подлинник.
Партийно-политическая работа в Красной Армии /март-1919-1920 гг./: Документы. - М., 1964. - С.487-488.

Батум и Армения

Советской России при ее продвижении на Восток неминуемо придется столкнуться с Арменией, так как в настоящее время эта страна в результате стараний дашнаков[95], с одной стороны, и при благосклонном содействии Антанты - с другой, превращается в черное гнездо международной контрреволюции.

Армянские националисты, мечтавшие с давних пор о создании "Великой Армении", послали на мирную конференцию[89] делегацию с требованием образования независимого армянского государства в составе 6-ти турецких вилайетов (Эрзерум, Ван, Трапезунд, Даир-Бешир, Харпут и часть Сиваса) и 4-х областей бывшей России (Эривань, Карс, Нахичевань, Батум и Ардаган). Несмотря на то, что в настоящее время в турецких областях армяне составляют лишь 10-15 % населения, мирная конференция пошла им навстречу и обещала содействовать образованию Армении, имея в виду, разумеется, вовсе не интересы армянского трудового народа, а свои собственные, так как она намеревалась использовать ее как средство борьбы против надвигающегося большевизма Советской России и нарождающегося революционного движения в Турции. Мандат на управление Арменией был дан Америке. Взамен этой поддержки Армения обещала Антанте вооруженное выступление против Советской России и препятствование ее союзу с Турцией и Азербайджаном. В этом смысле между Арменией и Деникиным в период наступления Деникина на Москву был заключен тайный договор. В настоящее время в Армению ежедневно прибывает из Америки большое количество всякого оружия, продовольствия и военного снаряжения. Отступавшие через Азербайджан белогвардейцы направляются в Армению и находят там приют и покой. Всех их там вновь вооружают и к чему-то подготовляют. Карабахское восстание было подготовлено и спровоцировано Арменией. Целью восстания было, очевидно, захват в свои руки Елизаветполя и отвлечение зараженных большевизмом азербайджанских аскеров в сторону национализма. Но если бы Армения и вздумала по науськиванию Антанты выступить против Советской России, все равно при теперешнем ее положении должна будет потерпеть жестокое поражение, так как рискует быть окруженной с трех сторон: Советской России, Советского Азербайджана и восставшей и вооруженной с ног до головы Анатолии. Действовать в более или менее "бодром настроении" она может только в том случае, если Антанте удастся обеспечить ее тыл со стороны Турции. А для этого Антанте нужно сначала покорить Анатолию, для чего ей нужно поднять на ноги всю Англию, т.е. официально объявить войну Анатолии. Другого выхода для них нет. Но едва ли решится на это Антанта при теперешнем ее положении на Востоке, когда последний со всех сторон охватывается широкой волной восстаний против западноевропейского империализма.

О положении в Батуме и Армении турецкие товарищи передают следующее: до перемирия Турции с Антантой Батум находился в руках турок. После перемирия турецкие войска оттуда ушли, и их заменили там англий-

ские войска. Почти до последнего времени было неизвестно, будет ли он передан Грузии, как обещала Антанта, или же хозяином его сделается Армения, которая также претендовала на него. Положение определилось лишь месяц тому назад, когда в Батум был введен 10-тысячный отряд английских, французских и итальянских войск и город был объявлен "временно" международным. Оккупация Батума союзными войсками вызвала восстание местного населения, в большинстве своем мусульманского. К местным повстанцам присоединились мусульмане Аджарии. При столкновении с повстанцами союзные войска потеряли 300 человек ранеными и убитыми. Но все же перевес остался на стороне оккупационных отрядов. Восстание было подавлено с очень большой жестокостью. В настоящее время местное население почти поголовно, за исключением лишь армян, настроено против Антанты и ждет лишь прихода Красной Армии, чтобы снова восстать.

Член Центрального бюро коммунистических
организаций народов Востока М. Султан-Галиев.

Жизнь национальностей. - 1920. - 29 апреля. - № 13 (70).
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.99-106.

К объявлению Азербайджанской Советской Республики

Красная Армия не вступала еще в предгорья Северного Кавказа, когда со стороны Советской России было предложено Азербайджанской Республике вступить в военно-политический союз с ней в целях наискорейшего разбития Деникина. Предложение это было сделано прямо и открыто, без всяких виляний и дипломатических прикрас, которые так свойственны буржуазной дипломатии. Несмотря, однако, на это, правительство Азербайджана всячески уклонялось от прямого ответа, прикидываясь как бы непонимающим смысла обращения Советской власти. Все помнят, наверное, ответы азербайджанского министра иностранных дел Фатали-Хана Хан-Хойского на ноты товарища Чичерина.

- Как же мы можем говорить о каком-нибудь союзе: ведь мы... независимое государство.

Таков был смысл всех радиотелеграмм Ф.-Х.Хан-Хойского.

Более курьезного и более характерного ответа со стороны буржуазно-националистического правительства новоиспеченной "полудемократической" республики и не могло быть.

Иного ответа Хан-Хойский и не мог дать, так как все "независимое" правительство Азербайджанской Республики, с возглавляющей его буржуазно-националистической партией Мусават[96], целиком зависело от местных и иноземных нефтяных королей - тагиевых, муса нагиевых, нобелей и т.д. и принуждено было плясать под музыку стоящих за их спиной банкиров и акционерных компаний Антанты.

Но отчего же тогда Азербайджан не последовал примеру своей "покровительницы" Антанты и не ответил наподобие английских министров иностранных дел:

- Не желаем разговаривать!...

На это тоже были свои причины, и, как потом подтвердилось, более основательные и грозные, чем чувство симпатии или антипатии к Антанте.

Причины эти крылись в том, что рабочие и все остальное трудовое население Азербайджана питало глубокую ненависть к правительству мусаватистов, предавшему их на разорение шакалам международного империализма, а также во все усиливающемся и разгорающемся пожаре революции на Востоке.

Весь Азербайджан, как передают прибывающие оттуда товарищи, в последние месяцы своего существования представлял из себя клокочущий вулкан, ежеминутно готовый взорваться и разнести в пух и прах все великолепное с виду здание мусаватистов. Рабочие Баку открыто манифестировали за союз с Советской Россией. Тридцатитысячное войско поголовно было заражено большевизмом. Крестьянство требовало земельных реформ и восставало. Союз с представителями белогвардейского казачества не удавался, так как в здания, где устраивались совещания с белогвардейцами, бросались бомбы (смотри № 97 (944) "Известия ВЦИК").

Положение на Востоке тоже не улыбалось. Там изо дня в день усиливалась ненависть к Антанте и росло революционное настроение против нее. В Индии бросались бомбы в английских чиновников и высокопоставленных лиц. Египет окончательно отделился от Англии и изгонял от себя всех англичан. Возмущенные оккупацией Константинополя и частей Азиатской Турции, турки подняли восстание в Анатолии, собираясь прогнать Антанту и из Константинополя, и из Дарданелл. Арабы воевали в французами. Вспыхивали революционные движения и в Персии, которая, как казалось, наиболее прочно "прикреплена" к Антанте. Хива свергла свое деспотическое правительство. Бухара вошла в переговоры с Советской Россией.

Весь Ближний Восток, как бы скрежеща зубами, кричал:

- Смерть поработителям!.. Долой империалистическую Антанту!..

Положение мусаватистов было пиковое. Рабочие, крестьянство и сознательная трудовая интеллигенция Азербайджана и угнетенные веками народы Ближнего Востока требовали войны с Антантой, а "питающие" мусаватистов тагиевы, бабаевы и прочие "нефтесосы" требовали "дружественного" к ней отношения.

Ясно, что при таком положении правительство мусаватистов не могло долго усидеть на своем месте. Достаточно было освобождения от белогвардейщины Северного Кавказа, как буржуазно-националистический Азербайджан сам по себе взорвался изнутри. Бакинский пролетариат, руководимый Азербайджанской коммунистической партией Гуммет, не дожидаясь прихода Красной Армии, сверг правительство Усуфбека Насиббекова и объявил г.Баку и Азербайджан Советской Республикой.

Какое же значение имеет для нас объявление Азербайджана Советской Республикой? - вот вопрос, который невольно возникает у нас в настоящее время.

Целью моей статьи и был ответ на этот вопрос.

Нечего и говорить об экономическом значении Азербайджана для революции. Баку - это главный источник, который будет снабжать жидким топливом Советскую Россию. Но каждый наш плюс - это минус для международной контрреволюции. Приобретая Баку для социальной революции, мы "отрываем" его от Антанты. В последнее время Антанта усиленно вывозила оттуда по Военно-грузинской дороге через Батум нефть, керосин и бензин. В этом отношении значение объявления Азербайджана Советской Республикой для нас громадно.

Но еще большее значение имеет оно в деле революционизирования Ближнего Востока, не говоря уже о Закавказье в его целом.

Если Красный Туркестан до сего времени играл роль революционного маяка для Китайского Туркестана, Тибета, Афганистана, Индии, Бухары и Хивы, то Советский Азербайджан с его старым и опытным революционным пролетариатом и уже довольно окрепшей коммунистической партией Гуммет в этом отношении явится красным маяком для всей Персии, Аравии и Турции. Он будет влиять и непосредственно на Закаспийскую область, через Красноводск. То, что азербайджанский язык является языком, понятным и для стамбульских турок, и для тавризских персов и курдов, и для тюркских племен Закаспийской области, и для армян, и для грузин, лишь усугубляет международное политическое значение Советского Азер-

байджана на Востоке. Отсюда можно тормошить англичан в Персии, протянуть руку в Аравию и руководить революционным движением в Турции, пока оно не выльется в форму более или менее самостоятельной классовой революции. И мы уверены, что это так и будет. Мы уверены, что недалек тот час, когда возмущенные своим продажным англофильствующим буржуазно-националистическим правительством персидские коммунисты сбросят его вместе с его друзьями, чиновниками империалистической Антанты, и объявят страну богатырей Рустема и Зораба частью международной федерации советских республик.

Мы уверены, что недалек тот час, когда исстрадавшиеся, голодные и оборванные массы народов Востока сбросят с себя тяжелые цепи, которые надел на них западноевропейский империализм, и тем самым помогут стать свободным западноевропейскому пролетариату.

Мы уверены, что недалек тот час, когда пока еще меньшевистская Грузия и пропитанная насквозь мусульманофобством и тюрконенавистничеством и пляшущая под дудку международной контрреволюции Армения также последуют и, сбросив своих социал-предателей, грузинских меньшевиков и армянских дашнаков, вступят в братскую семью советских республик...

Нам остается лишь крикнуть: "Да здравствует международная социальная революция!

Да здравствует освобождающийся пролетариат Востока!"..

М.Султан-Галиев.

Жизнь национальностей. - 1920. - 29 апреля. - № 13 (70).

Положение Турции в последнее время.

До последнего времени наша пресса о положении в Турции и вообще на Востоке осведомлялась в большинстве случаев из источников, исходящих от буржуазно-империалистических стран, не признавших Советской власти и относящихся враждебно ко всякому революционному движению на Востоке, поскольку оно бьет по карману банкиров всей Западной Европы, а потому освещавших положение в этих странах явно тенденциозно. Мы видим, как Антанта все время кричит о "национальном движении" в странах Востока, готовящейся резне со стороны турок над христианами и о пресловутом "панисламизме". Тем не менее, правда, горькая и "обидная" для международного империализма правда, проскальзывала и в этих сообщениях. Из них нам было известно об отпадении от Англии Египта, о революционном движении среди подпавших под "опеку" французских буржуа арабов, о нарастании сильного революционного движения против англичан в Индии и восстании в Анатолийских частях Турции. Победы Красной Армии на Восточном, Туркестанском и на всем Южном фронтах дали возможность войти в непосредственную связь со странами Востока , и теперь мы не нуждаемся в информациях о них Американского бюро печати и телеграфных агенств Антанты, так как имеем полную возможность доставать необходимые нам сведения непосредственно через своих естественных "агентов" и "союзников" - коммунистов этих стран. Прибывшие на днях из подполья в Турции несколько товарищей турецких коммунистов передают следующие подробности положения в Турции.

1. Причины повстанческого движения в Анатолии.

По мирному договору между Антантой и Турцией полтора года тому назад Дарданелльские проливы были открыты для английских судов. По открытии проливов суда Антанты зашли в Константинополь. Пользуясь слабостью Турецкого правительства, Антанта, вопреки договору, ввела в Константинополь свои войска вначале в количестве 10-ти тысяч человек, число коих в последнее время возросло до 60-65 тысяч. По вступлении в столицу Турции войск Антанты началась реквизиция больших домов и зданий, вначале частных, а затем и правительственных, для войск Согласия и их штабов.

Вскоре после этого, нарушая мирный договор и с согласия Антанты, греческие войска заняли Смирну, а французские оккупационные отряды заняли Киликию, Мирадж и Орфу. При оккупации Киликии и Смирны местными армянами и греками с благословения французов была устроена турецкая резня. Было вырезано до 10 тысяч беззащитных турок. Резня эта в Смирне не прекращается и сейчас. На оккупацию и резню турецкое население ответило образованием повстанческих партизанских отрядов, кото-

рые и по сие время ведут непосредственную борьбу с оккупационными войсками.

Турецкое правительство против поведения Антанты протестовало, но протест его был слишком слаб и безуспешен. Да иначе не могло и быть, так как правительство практически являлось ставленником самой Антанты, пришедшим на смену правительству партии "Единение и прогресс". На все писклявые протесты Турции Антанта отвечала, что она занимает Константинополь и другие части Турции лишь "временно", для "восстановления порядка".

Все это создало крайне благоприятную почву для развития недовольства среди турецкого населения существующим правительством и Антантой. В результате начались волнения в Анатолии, где были сконцентрированы остатки турецкой армии и где вообще подготовлялась почва для революционного движения в Турции.

Воспользовавшись этим, группа противников Антанты, бывшие члены партии "Единение и прогресс" в лице генералов турецкой армии Мустафы Кемаля и Рауф-бея под видом необходимости производства контроля над находящимися в Анатолии войсками добились от правительства своей отправки в эту область. Прибыв туда, они созвали (в мае месяце прошлого года) Национальный конгресс Анатолии, где ребром поставили вопрос о своем отношении к Антанте. На конгресс, помимо представителей Анатолии, прибыли и представители оккупированных частей Азиатской Турции.

Конгресс вынес постановление с протестом против поведения Антанты и с требованием увода оккупационных войск союзников из Константинополя и других частей Турции, угрожая в противном случае добиться их ухода вооруженной силой. Конгресс протестовал также против раздробления Турции и, в частности, против образования Армении (армяне добивались у мирной конференции создания Великой Армении из шести турецких вилайетов и четырех областей Кавказа).

Протест этот был передан в Константинополь, но Антанта и кабинет Дамад-Ферид-паши ответили на это молчанием. После этого анатолийцы порвали всякую связь с Константинополем и объявили себя вне подчинения константинопольскому правительству. Образовалась партия "Куваи-миллия" ("Национальная сила"), поставившая себе целью во что бы то ни стало добиться свержения (власти) Антанты и их ставленников. Вся власть в пределах Анатолии перешла в руки повстанцев. Образовался фронт против греческих войск в Айденском вилайете (Смирне). Созданием этого фронта повстанцы задерживали дальнейшие передвижения оккупационных войск внутрь Малой Азии, что неминуемо должно было произойти в случае неоказания им сопротивления.

Через три месяца после этого состоялся второй конгресс в городе Сивасе. Этот был многолюднее и организованнее первого. Конгресс принял полное решение о свержении во что бы то ни стало кабинета Дамад-Ферида-паши и вооруженной силой отстоять свободу турецкого народа. Решено было созвать Национальный парламент. Константинопольское правительство увидело, что бороться против восставших нет возможности, и, сознавая свое полное бессилие, кабинет Дамад-Ферида-паши, вопреки настояниям Антанты, подал в отставку.

Создавшееся положение не особенно улыбалось Антанте, и она решила действовать компромиссным путем. Составление нового кабинета султаном было поручено члену "Меджелис-Айян" ("Государственного совета") Али-Риза-паше, который стоял в стороне от кабинета Дамад-Ферид-паши, руководимого англофильствующей партией "Хуррият-Иттиляф" ("Союзная свобода"). Али-Риза сделал попытку войти в переговоры с восставшими и для этой цели послал в Анатолию министра морских дел Салиха-пашу. Переговоры происходили в городе Аммансия (близ Сиваса). Повстанцы заявили, что они могут отказаться от власти только в том случае, если будет созван избранный вновь Национальный парламент. Кабинет Али-Ризы согласился на это, и спустя три месяца после переговоров в Константинополе открылся Национальный парламент нового состава. Выборы в парламент дали значительный перевес сторонникам Мустафы Кемаля, т.е. противникам союзнической ориентации. Из 120 депутатов на их долю приходилось до 75 членов. Партия "Хуррият-Иттиляф" собрала лишь всего до 20 голосов. Остальные члены примыкали к представителям повстанцев. Руководители повстанческого движения в Анатолии Мустафа Кемаль и Рауф-бей также были избраны в парламент, но из них в Константинополь поехал один лишь Рауф-бей. Мустафа Кемаль остался в Анатолии. Очевидно, они не совсем доверяли "дружественности" стамбульцев и боялись попасть в ловушку Антанты.

В результате переговоров между членами парламента и кабинетом Али-Риза-паши последний был признан правительством всей страны. Антанта увидела, что проиграла, компромиссно согласившись на кабинет Али-Ризы, так как после признания его Национальным парламентом кабинет этот явно встал в оппозицию по отношению к Антанте и взял более твердый курс в своей политике в дальнейшем. С этого момента Антанта начинает уже открыто вмешиваться во внутренние дела Турции. Первым делом ее в этом направлении является устранение из кабинета Али-Ризы путем соответствующего нажима на султана военного министра Кучук-Джемала, а также начальника Генерального штаба Турции Джевад-паши, поддерживавших связи с Мустафой Кемалем. В дальнейшем Антанта в лице командующего оккупационными войсками Франше-Деспери стала создавать всевозможные препятствия работе кабинета Али-Ризы, и 2 марта сего года последний под давлением Антанты принужден был подать в отставку. Антанта настаивала перед султаном на возвращении к власти кабинета Ферида. Большинство парламента в лице депутатов Анатолии препятствовало этому. Тогда Антанта предложила образование кабинета Тауфику-паше. Но последний отказался. Парламент настоял на поручении образования кабинета Салиху-паше, занимавшему в кабинете Али-Ризы пост военно-морского министра. Салих-паша, как и его предшественник, работал, разумеется, не в пользу Антанты.

Официально кабинет Салиха-паши просуществовал не более 10 дней, так как 16 марта Антанта официально оккупировала Константинополь и заняла учреждения военного министерства, министерства по морским делам, почту и телеграф и все военные заводы и отрезала сообщение с Анатолией.

После этого члены Национального парламента стали расходиться, многие из представителей повстанцев были арестованы, среди них - Рауф-бей, Кара-Васиф и председатель парламента Джалалетдин-Ариф, пользующийся большим авторитетом среди населения. Кроме них были арестованы Кучук-Джемал-паша и Джевад-паша. Были арестованы также несколько членов "Меджелис-Айян" и среди них Чурух-Сулу-Махмут-паша, также весьма популярный в народе. После этого кабинет Салиха-паши сделался лишь игрушкой в руках Антанты. Последние сведения из Турции говорят о возвращении к власти кабинета Дамад-Ферида-паши.

2. Политические партии в Турции.

"Куваи-Миллия" ("Национальная сила")

Сравнительно слабое развитие классовой дифференциации и соответственно этому слабое политическое самосознание трудовых масс Турции, с одной стороны, слишком поздний приступ нашей партии к пропаганде среди них идей коммунизма - с другой, сделали то, что в связи с поражением Турции в мировой империалистической бойне и захватом ее в результате последней Антантой имелись все объективные условия к развитию в Турции социальной революции. Руководство революционным движением Турции перешло и, по крайней мере, до сего времени продолжает оставаться в руках партии националистов "Куваи-Миллия", представляющей из себя при данной политической ситуации в Турции партию обороняющегося национализма.

Партия эта, склонявшаяся вначале к некоторому соглашательству с "антантовцами", убедившись на практике в негодности этой тактики, резко отмежевалась в последнее время от константинопольского правительства и стала искать тактического сближения с турецкими коммунистами и Советской Россией. Очевидно, руководители "Куваи-Миллия" прекрасно понимают, что рано или поздно турецкие трудовые массы прозреют и разочаруются в ней, как мелкобуржуазной по своему существу, и что за свержением Антанты неизбежно настанет очередь и за самой партией "Куваи-Миллия". Стремление же к союзу с Советской Россией у лидеров "Куваи-Миллия" было также естественно, так как, возглавляя собой повстанческое движение против Антанты, она ни на кого больше не могла опираться, как на Советскую Россию, с первых дней революции громко возвестившую на весь мир право наций на самоопределение и на практике доказавшую, что ее лозунги никогда не расходятся с делом.

И мы видим, как на Кавказе и в Закавказье "Куваи-Миллия" в последнее время старалась создавать условия, облегчающие проникновение туда советских войск.

Наступление в России реакции, которую так жаждала вместе с русскими контрреволюционерами империалистическая Антанта, могло лишь ухудшить положение анатолийских повстанцев, так как в этом случае число их

врагов увеличилось бы еще одним - монархической Россией. Сознавая это, "Куваи-Миллия" во время наступления Деникина на Москву послала своих агентов на Северный Кавказ и Азербайджан с целью вызвать в тылу у Деникина восстание и тем самым заставить его в самый разгар столкновения с Красной Армией снять один или два из лучших его корпусов с фронта и перебросить их в тыл. По таким же директивам работали агенты "Куваи-Миллия" и в Батумской, Карской и Ардаганской областях. Представитель 2-го Анатолийского Национального конгресса д-р Фуад имел связь с Кавказским крайкомом партии, работая с ним в контакте в деле подготовки в Баку и Азербайджане "советского" наступления. Турецкие офицеры, работавшие в азербайджанской армии, подпольно вели среди солдат усиленную агитацию за соединение с Советской Россией.

Линия поведения "Куваи-Миллия" в этом направлении еще ярче определилась после официальной оккупации Антантой Константинополя и разгона ею турецкого Национального парламента. Еще за полтора месяца до переворота в Баку туда к д-ру Фуаду прибыл специальный курьер от Мустафы Кемаля с извещением, что анатолийские повстанцы желают войти в связь с Советской Россией и предлагают ей или послать в Анатолию своих представителей или же принять миссию от них.

Руководители партии "Куваи-Миллия", как ставшие во главе повстанческого движения против Антанты и султана с его продажным правительством, пользуются большим авторитетом среди всего населения Турции. Вся Анатолия в настоящее время находится в их руках, причем повстанцы располагают хорошо обученной и снабженной армией в 200000 штыков.

Партия "Хуррият-Иттиляф" ("Союзная свобода")

Это буржуазно-националистическая партия союзнической ориентации. До занятия Константинополя Антантой она работала против правящей до этого националистической партии "Единение и прогресс". После заключения перемирия с Антантой и занятия Константинополя оккупационными войсками партия "Хуррият-Иттиляф" заняла положение правящей партии. Добрая половина ее состоит из агентов греческого национализма. Среди турецкого населения партия эта абсолютно никаким доверием не пользуется и, как ставленница Антанты, встречает с его стороны враждебное отношение. При этих условиях "Хуррият-Иттиляф" принуждена действовать, опираясь лишь на союзнические штыки.

Враждебное отношение населения к партии особенно усилилось после турецкой резни в Киликии и Смирне, которую устроила там Антанта после оккупации, так как "Хуррият-Иттиляф" была бессильна протестовать против этого перед союзниками. При таком положении партия просуществовала у власти лишь 9 месяцев; а затем она под давлением народных масс принуждена была передать власть в руки партии "Куваи-Миллия". Когда для Антанты стало очевидным, что "Куваи-Миллия" работает явно против нее, она должна была отстранить эту партию и захватить власть в Константинополе целиком в свои руки.

Предприимчивые англичане организовали в Константинополе вспомогательно-вербовочный орган партии "Хуррият-Иттиляф" под видом

"Общества английских друзей", существующего исключительно на английские деньги. Общество это занимается вербовкой сторонников Антанты, но безуспешно. Имеет свой печатный орган "Вечерний Стамбул".

Социал-патриотическая партия

Социал-патриотическими являются партии правых социалистов-патриотов "Сулхе-Селимет" ("Здоровый мир") и "Милли-Ахра" ("Национальные свободы"), а также партия "Чевче" ("Пахарь"), соответствующая партии эсеров. Все они работают против Антанты, но очень слабы. Установили контакт с социал-демократами. Каждая из них имеет в Константинополе свой орган.

Турецкая социал-демократическая партия

Эта партия работает организованнее социал-патриотических и имеет некоторое влияние на массы. Во главе ее стоит старый турецкий социал-демократ Хилли. Партия издает газету "Иштиряк" (уже закрыта агентами Антанты) и двухнедельный журнал "Куртулуш" ("Спасение"). В последнее время социал-демократы вместе с коммунистами издают газету "Ени дунья" ("Новый мир") и карикатурный журнал "Неувяни".

Турецкая группа коммунистов

Эта группа состоит из подпольных работников, бывших военнопленных турок в России, отправленных туда на подпольную работу Центральным бюро коммунистических организаций народов Востока. Группа эта не особенно еще большая, тем не менее она работает очень интенсивно. Центральный комитет группы находится в Константинополе, имеет связь с Анатолией и другими частями Азиатской Турции. По инициативе группы в Анатолии недавно была проведена конференция всех революционных партий Турции, где была вынесена резолюция о полной поддержке Советской России как единственной защитницы угнетенных народов Востока. В распоряжении группы имеется несколько партизанских отрядов общей численностью до 8000 человек, действующих в разных направлениях против оккупационных отрядов Антанты. Во главе отрядов стоят опытные партизаны, коммунисты и сочувствующие. Во всех отрядах имеются коммунистические ячейки.

Помимо непосредственной работы среди рабочих и крестьян группа усиленно работает и среди оккупационных войск Константинополя. Последняя наполовину состояла из арабов и индусов и совершенно не знала той роли, которую заставляла выполнять их Антанта. Оказывается, что, оккупируя отдельные части Турции, их предварительно уверяют, что их ведут "спасать мусульман от большевизма". Режим среди оккупационных войск ужасный. Доступ почти невозможен. При этих условиях очень трудно вести агитационную работу среди них. Тем не менее один из оккупационных отрядов более чем в 10000 человек, состоящий исключительно из

арабов и индусов, товарищам турецким коммунистам удалось сагитировать в свою пользу и разъяснить им действительность. Предполагалось использовать этот отряд для восстания в Константинополе против Антанты. Но английская разведка вовремя почуяла грозившую ей опасность, и зараженный большевизмом отряд немедленно был увезен на пароходах в море. Что стало с ними, неизвестно. Передают, что всех их утопили в море, как "прокаженных ленинизмом".

В последнее время все остальные социалистические партии Турции установили связь с коммунистами и работают под их влиянием.

Жизнь национальностей.-1920.-16 мая.-№ 14 (71); - 23 мая.-№ 15(72).

Выступление
на совещании ответработников по вопросу о Киргизии

9 августа 1920г.

Т. Султан-Галиев. Управление Киркраем не должно быть разделено параллельно в трех административных центрах. Власть должна принадлежать Кирревкому, остальные центры должны работать по выработанному Кирревкомом единому национальному и социально-экономическому плану и лишь помогать проводить этот план, руководствуясь директивами Кирревкома...*

Т. Султан-Галиев. Если власть слаба даже в Туркестане и Сибири, что никто не отрицает, то можно ли гарантировать, что их (местной власти - Сост.) действия не будут расходиться с действиями Кирревкома и Центральной власти? Потому ревкомы этих областей должны руководствоваться директивами Кирревкома и Центра....

.1318.-Оп.1-Д.3.-Л.48; Д.4.-Л.71,73.

* Пропуск в тексте. - Сост.

Доклад
в ЦК РКП(б) по поводу покушения на председателя Совнаркома Татарской АССР С.С.Саид-Галиева[97] и ареста сотрудников Центральной мусульманской военной коллегии

14 октября 1920 г.

К Казанской склоке

(к покушению на Саид-Галиева[97] и аресту сотрудников Центромусвоенколлегии)

Доклад
РКП(б) члена Коллегии Наркомнаца, председателя Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока и председателя Центромусвоенколлегии М.Султан-Галиева

1. Начало раскола между татарскими коммунистами

Еще на I съезде коммунистических организаций народов Востока в 1918 году среди татарских коммунистов наметился резкий раскол. Основным моментом раскола явилось различие тактики в разрешении национального и восточного вопросов.

Первая группа, состоявшая из так называемых "вахитовцев" и руководимая после смерти М.Вахитова мной, в национальном вопросе стояла на точке зрения, которая затем в 1919 году была проведена на VIII партийном съезде и на которую встал сейчас окончательно товарищ Сталин. По восточному или, скорее, колониальному вопросу мы еще тогда развивали, правда, не в таких ясных формах, как сейчас, ту точку зрения, на которую встали в этом вопросе II съезд коммунистов Востока в 1919 году, а затем и II конгресс Коминтерна. В этой группе, помимо меня, были товарищи Фирдевс и турецкие коммунисты во главе с Мустафой Субхи.

Противоположная группа, именующая себя "интернационалистами" или "левыми коммунистами-бухаринцами", стояла на точке крайнего интернационализма и старалась выставлять нас как "националистов", так как она совершенно отрицала существование национального и колониального вопросов. Почти все они представляли круг весьма ограниченных в интеллектуальном отношении людей, и вся их "оппозиционность" по отношению к нашей группе объяснялась ни больше и ни меньше, как стремлением "завоевать власть" в Центре и на местах в мусульманских организациях в свои руки под маской "кристально чистого интернационализма". Группа эта возглавлялась Х.Юмагуловым

(впоследствии "изменил" свои взгляды, скомпрометировал себя в башкирском вопросе и скрылся неизвестно куда) и состояла из следующих лиц, характеристика которых весьма интересна и показательна:

1. **Рахматуллин** [Исмагил Шигабутдинович], старший (за взяточничество при службе в Казанской Губчека был приговорен к 20-ти годам каторги, а затем, кажется, скрылся).

2. **Рахматуллин** [Исхак Шигабутдинович], младший (скрылся вместе с башкирскими комиссарами)[98].

3. **Каспранский** [Камал Нуриевич] (тоже скрылся с башкирскими комиссарами).

4. **Дулат-Али** [Махмут Вахитович] (бежал вместе с башкирскими комиссарами, но был пойман и расстрелян).

5. **Гайнуллин** [Хасият Зайнуллович] и **Конов** [Мингаз Гайнутдинович] (при Муллануре Вахитове абсолютно ничем не выделялись и занимались... исключительно интригами против Вахитова). Ныне - члены Президиума Татарского ЦИК.

Все они были из Казани и раньше идейно руководились Саид-Галиевым. Поддерживал их тогда и Бурхан Мансуров (ныне председатель ТатЦИК). Ко II съезду группа эта идейно была разбита и деморализована, так как на местах по спорным вопросам татарские коммунисты и широкие слои татарских трудовых масс окончательно встали на нашу точку зрения. И даже среди самой группы "интернационалистов" произошли окончательные изменения. Почти все они, за исключением надолго оторвавшегося от масс Саид-Галиева (остался месяцев 5-6 на стороне чехословаков) и Шамигулова (уже отозванного из Башкирии за свою "левизну"), стали ярыми "республиканцами".

II. Появление Саид-Галиева

На II съезде [Коммунистических организаций народов Востока] этот раскол еще больше усилился. Появившийся на сцене Саид-Галиев (был почти целый год оторван от нас) сгруппировал вокруг себя совершенно случайно недовольных этим съездом работников в числе 12-14 человек и, встав во главе их, открыл борьбу против нас.

Нападение на нашу группу происходило с трех направлений:

а) со стороны противников идеи Татаро-Башкирской Республики. Тут соединились два противоположных течения: Шамигулов и подпавший под влияние башкирских националистов Каспранский. Нас обвиняли в "связи" с бывшими левыми эсерами, якобы вошедшими в партию для ее взрыва изнутри;

б) со стороны "левой группы гумметистов" в лице Нариманова и Исрафилбекова, обвинявших нас в шпионаже и связи с германскими шпионами, с одной стороны, с агентами "панисламистов", с другой - в лице Рашитказый Ибрагимова и Баракатуллы;

в) со стороны Саид-Галиева, который старался доказать, что мы в сущности будто бы ничем не отличаемся от наших националистов.

Не желая углубления раскола между татарскими коммунистами, мы пошли на компромисс и включили в состав Цебюро Саид-Галиева, причем

совершенно случайно он получил большинство голосов при баллотировке (за него голосовали и "меньшинство", и "большинство"). Но это лишь усилило раскол в дальнейшем и создало обострение в отношениях этих групп. Основываясь только на том, что он получил большинство голосов, Саид-Галиев поставил передо мной ультиматум с требованием предоставления ему места председателя Цебюро комнарвостока. Его поддержали Мансуров и Яруллин, до того прикидывавшиеся сторонниками нашей группы. Так как отказ в этом требовании означал бы окончательный распад Цебюро комнарвостока и вообще коммунистических организаций, расстройство их рядов, я принужден был поддаться этому давлению и "уступить" свое место Саид-Галиеву. Сделал я это и по тому соображению, что в это время из-за различных интриг против меня РКП(б) ко мне питал скрытое недоверие. Мне было известно, что за мной установлен надзор особого отдела ВЧК.

Произошло это потому, что II съезд коммунистических организаций народов Востока, которым я руководил, происходил в условиях полной провокации, связанной со стечением целого ряда обстоятельств и без малейшей вины с нашей стороны. Центральный Комитет почему-то не захотел объективно разобраться во всем этом, но я ошибся. Дальнейшее поведение тов.Саид-Галиева ясно показало, что, добиваясь места председателя Цебюро комнарвостока, а затем председателя Татревкома, он имел совершенно другие задачи.

III. Углубление раскола

Углубление раскола между двумя группами начинается с момента, когда Саид-Галиев получает назначение в председатели Ревкома Татреспублики. Произошло это, с одной стороны, потому, что в вопросе "получения" Татреспублики Саид-Галиев проявил крайнюю бесхарактерность, неустойчивость и беспозвоночность. Ответственным татарским работникам он заявил, что он "добьется" у Центра так называемой "большой" Татарии[99] и что, в случае отрицательного разрешения вопроса Центром, "бросит все и уйдет". Это же настроение было передано им и на места. Перед Центром же Саид-Галиев выставлял себя совершенно иным, а именно: что ему все равно - будет Татреспублика или нет. И когда на заседании Политбюро ЦК партии представители местных татарских работников заявили, что они не берут на себя ответственности за создание "малой" Татарии, то Саид-Галиев заявил о своей готовности работать и в "малой" Татарии. Ясно, что такого шага Саид-Галиева татарские работники простить ему не могли. Они восприняли его как ренегата.

В Казани ему был оказан очень холодный прием. Но, вместо того, чтобы успокоить и приблизить к себе татарских работников, т.Саид-Галиев взял совершенно другую, чисто ликвидаторскую линию. Вся его работа в продолжение 3-х месяцев существования Ревкома представляла сплошную борьбу с находившимися в Татреспублике активными и ответственными татарскими работниками, с теми организациями, в которых они работали.

Главный удар был направлен на так называемых "татаристов", т.е. на тех татарских работников, которые правильное решение татаро-башкирского вопроса в условиях существования Башкирской автономии находили единственно в создании Татреспублики, т.е. стояли на той же точке зрения, на какую встал в этом вопросе Центр.

На какие же группы опирался Саид-Галиев в своей борьбе?

Во-первых, на русских работников в лице Казанского губкома, который целиком был против объявления Татреспублики.

Во-вторых, на группу бывших татаро-башкиристов, враждебных татаристам, в лице Баимбетова и Атнагулова, которых он сам перед этим только что всяческими путями компрометировал в Центре, доказывая, что все они вошли в РКП для провокационной работы.

В-третьих, на случайные авантюристические элементы, обиженные так или иначе на татаристов, и которым абсолютно все равно, с чьей руки получают они подачки.

В результате всего этого все более или менее ответственные татарские работники, которые могли работать как в партийных, так и в советских органах Татреспублики, оказались выброшенными. Окружившие Саид-Галиева бывшие татаро-башкирские левые эсеры открыто "восхваливали" за это Саид-Галиева в мусульманской печати. Так, в одном из номеров уфимской газеты "Шэрекъ ярлылары" исключенный Уфимским губкомом из партии Г.Касымов поместил статью "**По-октябрьски**", где буквально сообщал следующее: "**Нами из достоверных источников получены сообщения, что в Казани образовалась группа твердых коммунистов для решительной чистки Татарской Республики от татарских националистических коммунистов**"

Несколько статей в этом же духе было помещено и в казанских газетах Баимбетовым и Атнагуловым за их собственной подписью или под псевдонимами, где они, выставляя себя "интернациональными коммунистами", старались всех татаристов изобразить как националистов. В результате всего этого из Татреспублики за два месяца существования Ревкома "выжиты" (высланы, отстранены или так или иначе изолированы от участия в работе) из одной только Казани под тем или иным предлогом 15 человек ответственных татарских работников губернского и республиканского масштаба[100]. В таком же количестве, если не больше, выжито из уездов. Это число для малой Татарии довольно ощутительно. Одновременно с персональным выживанием отдельных ответственных татарских работников шла такая же лихорадочно-спешная борьба и по ликвидации мусульманских организаций. С первых же дней создания Ревкома Саид-Галиев поднял вопрос о ликвидации татарских секций РКП и, несмотря на протест татарских работников, под давлением Областкома они были ликвидированы. Почти через несколько же дней после объявления Татреспублики из Казани были уведены Мусульманские (татарские) пехотные командные курсы, и лишь после долгих усилий и протестов со стороны Центромусвоенколлегии удалось добиться организации новых курсов[101]. То же самое случилось и с Татзапполком. К моменту возникновения склоки в Казани в Татарском полку из 6500 человек было всего лишь около 400

человек татар, остальные были русские, т.е. фактически он превратился в русский полк[102].

По отношению к выживаемым работникам была широко применена система **очернения** их перед Центром. Доверие Центра к себе товарищ Саид-Галиев и сгруппировавшиеся вокруг него использовали для "потопления" противоположной группы и всех тех, кто сочувствовал ей. В частности, внимание Татревкома было обращено на Центромусвоенколлегию, которая в истории возникновения Татреспублики действительно сыграла большую роль, чего мы никогда и ни от кого не скрывали и не скрываем. Ее старались изобразить как контрреволюционную организацию, которая якобы концентрирует вокруг себя татарских националистов. Посылались телеграммы в Центр о том, что будто бы орган Центромусвоенколлегии - газета "Кызыл Армия" ведет неправильную политику.

А в это время за кулисами Ревкома творилась какая-то свистопляска. Приезжающие из Татреспублики передавали, что сам Саид-Галиев стал опять наркоманом (кокаинистом) и что время от времени отдельные члены Ревкома устраивают попойки.

В наркоматах же Республики происходила настоящая "министерская чехарда".

Так, за два месяца существования Ревкома в руководстве Татнаркомпроса перебыло 5 человек, Татвоенкомата - 4, Наркомвнудела - 3, полиграфического отдела СНХ - 3 и т.д. **В уездах назревает форменная контрреволюция**. Об этом говорят все работники, кто только ни приезжает оттуда. Не замечает этого лишь Татсовнарком. У него "все спокойно".

IV. Склока

При таком положении все происходящее в Казани в последнее время (покушение на Саид-Галиева, арест 8-ми ответственных работников Центромусвоенколлегии и других)[103] носит[4] характер симуляции Саид-Галиевым и его группой организованного заговора против него со стороны татарских коммунистов, находящихся в оппозиции к нему и сконцентрировавшихся в Центромусвоенколлегии. Что это было так, указывают следующие обстоятельства, на которые следует обратить внимание ЦК:

1. К моменту "покушения" и вызванного этим ареста сотрудников Центромусвоенколлегии Татревком через Запармию провел "русизацию" Татарского запасного полка. Это указывает на то, что план ареста сотрудников Центромусвоенколлегии был выработан заранее, и нужно было лишь подыскать подходящий предлог, чтобы арестовать всех неугодных работников Центральной мусульманской военной коллегии. Очевидно, предполагали, что при наличии в этом полку татарских красноармейцев последние могут выступить в защиту Центромусвоенколлегии, так как авторитет последней среди них действительно громадный.

2. Оппозиционная группа татарских коммунистов, в какой бы оппозиции к Саид-Галиеву они ни находились, ни в коем случае не могла совершить этого покушения, так как:

а) идейно отрицает персональный террор;

б) не было смысла в убийстве Саид-Галиева, т.к. это могло создать почву для выступления контрреволюции;

в) террор этот углубил бы вражду и раскол между указанными группами коммунистов-татар.

3. Если бы покушение было, то оно было бы организовано, и тогда уже Саид-Галиев не отделался бы маленькой царапиной.

Если же покушение действительно совершено, то ни в коем случае не может быть, чтобы оно было сделано руками татарских коммунистов. Тогда - это уже организованное выступление контрреволюции, старающейся использовать взаимную вражду татарских коммунистов в своих темных целях.

Но чтобы то ни было, вся эта склока наглядно указывает, что положение в Татреспублике ненормальное и что эту ненормальность самым решительным образом спешно надо искоренить. Со своей стороны предлагаю назначить от Центрального Комитета партии авторитетную комиссию в составе представителя ЦК, ВЧК и Наркомнаца для немедленного объективного расследования этой склоки и, в зависимости от выяснившихся условий, раз и навсегда решить вопрос о той или иной группе татарских работников, чтобы окончательно очистить и оздоровить атмосферу не только в Татарской, но и в других восточных республиках, освободить заключенных коммунистов-татар.

С коммунистическим приветом:
председатель Центромусвоенколлегии,
Цебюро комнарвостока и член коллегии Наркомнаца
М.Султан-Галиев.

Архив КГБ РТ. - Ф.4. - Оп.1. - Д.14. - Л.322-325.

Представление
в комиссию ЦК РКП/б/ по поводу "покушения" на председателя Совнаркома ТАССР С.С.Саид-Галиева

21 октября 1920г.

Комиссии ЦеКа РКП/б/ по расследованию Казанской склоки члена коллегии Наркомнаца и председателя Цебюро комнарвостока и Центромусвоенколлегии М.Султан-Галиева.

Мое мнение по поводу "покушения" на предсовнаркома Татреспублики С.Саид-Галиева

(в дополнение к докладу в ЦеКа РКП/б/ по тому же вопросу)

Вся история возникновения и развития вопроса о Татарской Республике, а также тех группировок в среде коммунистов-татар, которые образовались вокруг этого вопроса, ясно убеждают меня, что "покушение на предсовнаркома Татреспублики тов.Саид-Галиева" - или просто симуляция со стороны самого Саид-Галиева и его группы, старающихся "добить" всех тех, против которых они вели до этого борьбу, или же провокация со стороны других политических группировок, старающихся "спекульнуть" на этой провокации в свою пользу.

В своем предположении о симуляции я исхожу из следующих вполне ясных и неоспоримых для меня **данных**:

1. Политическая ситуация в Татарской Республике в момент "покушения"

Назначением Саид-Галиева председателем Татревкома татарские массы были недовольны, т.к. он в этом вопросе стоял на той точке зрения, что создание этой республики **есть зло**, с которым мы должны временно считаться. (Взгляд этот Саид-Галиев развивал на II съезде коммунистических организаций народов Востока).

Свое назначение предревкомом Татреспублики тов.Саид-Галиев, очевидно, понял в том смысле, что Центр поддерживает эту его точку зрения и всю дальнейшую работу повел именно в смысле ликвидации Татреспублики.

Вместо того, чтобы сгруппировать и приблизить к себе татарских работников, он повел борьбу против них, ориентируясь в этой борьбе своей, с одной стороны, на недовольных объявлением Татреспублики (а следовательно, и теми татарскими коммунистами, которые добивались ее) русских

коммунистов, а с другой - на недовольных "татаристами" бывших татаро-башкирских левых эсеров и сгруппировавшихся вокруг них прочих "недовольных". Первым шагом тов.Саид-Галиева в этом направлении была передача функций Татобласткома Казанскому губкому, пополненному им самим и двумя работниками из Мензелинска и Бугульмы, который почти целиком (за исключением двух-трех татарских работников) был против объявления Татарской Республики. Естественно, что это только укрепило их позицию как противников татарских коммунистов, стоящих за Республику. Пользуясь этим, они с первых дней объявления Татарской Республики повели организованную борьбу против активных татарских коммунистов, добивающихся этого акта. Не успел еще Саид-Галиев и приняться за эту работу, как был возбужден вопрос о ликвидации татарских секций РКП.

Секции эти были необходимы, т.к., составляя в партии организационное меньшинство, татарские коммунисты могли вести успешную работу среди татарских трудящихся масс только при системе секционной работы. Кроме того, нужно было подготовить областную партийную конференцию и учредительный съезд Советов Татреспублики. И, несмотря на постановление областной конференции татарских коммунистов[104], татарские секции были упразднены под давлением Саид-Галиева и его группы. Одновременно началось выживание активных ответственных татарских работников, и все это делалось под видом борьбы с "националистическими" коммунистами. Особенно широко была использована в этом отношении объявленная Центром 5-типроцентная мобилизация коммунистов-татар.

К моменту созыва областной конференции и учредительного съезда Советов все более или менее ответственные татарские работники были выжиты, и на обоих из них царили "тишь да гладь и (божья) благодать". Вместо выжитых работников Саид-Галиев приблизил к себе совершенно второстепенных работников, абсолютно неспособных к более или менее правильному руководству государственной работой и играющих у него лишь роль "послушных" и "преданных" **пешек** (Мансуров Бурхан, Конов, Яруллин, Касимов, Гайнуллин, Султанов и др.).

Съезд был созван наспех, и заседания происходили лишь два дня, и искусственным образом был составлен в большинстве из русских (на 350 с лишним человек было более двухсот русских), причем, в целях обеспечения большинства за русскими, выборы в горсовет были произведены не по одному на 500 человек, как обыкновенно полагается, а по два, т.е. по одному на 250 человек.

Все это вместе взятое вносило лишь недовольство в широкие слои трудовых масс татар. Поднять же свой голос они не могли, т.к. были терроризированы и боялись выступить, зная заранее, что ожидает их в случае выступления.

Саид-Галиев прекрасно чувствовал всю ложь своего положения как "руководителя" татарского пролетариата и, очевидно, желая предупредить неизбежную катастрофу, решил раз и навсегда (...)* ческий "трюк", как симуляцию организованного "покушения" со стороны выжитых им

* Пропуск в тексте. - Сост.

"зеленых" татарских коммунистов. Этим трюком своим, очевидно, Саид-Галиев хотел "убить двух зайцев": оклеветать и загрязнить навсегда и убрать с политической сцены своих "конкурентов" в лице той группы, против которой он боролся, а во-вторых, поднять его поколебавшийся "авторитет" в глазах народных масс, разыгрывая из себя "татарского Ленина".

Немаловажную роль играла в нападении на "татаристов" и группа из бывших татарских левых эсеров во главе с Баимбетовым и Атнагуловым. Главным и основным их аргументом в этой борьбе является стремление не дать укрепиться "малой Татарии", дабы тем самым иметь возможность снова поднять вопрос о создании Татаро-Башкирской Республики, и в этих целях поддерживать и углублять начавшееся разложение в рядах татарских коммунистов. Но так как сделать открыто это они не могут, то борются против группы так называемых татаристов - Усманова, Казакова, Енбаева, Брундукова и их сторонников под другим видом, а именно: выставляя их как "националистов" или бывших "шуристов", клевеща на них всюду и везде, а себя - "левыми интернационалистами".

Они вполне правильно сознают, что, расправившись при помощи саид-галиевцев с сильной группой "коммунистов-татаристов", они без всякого труда могут "покончить" потом с саид-галиевцами, т.к. последняя группа представляет из себя чисто случайную и совершенно беспочвенную и малочисленную группу.

Это видно из того, что еще до "покушения" и Баимбетов, и Атнагулов выступали в некоторых из татарских газет Казани с нападками на татаристов, и, между прочим, Баимбетов в своем стремлении доказать существование среди мусульманских коммунистов организованной группы националистическо-авантюристических элементов дошел до того, что, рассуждая о съезде народов (Востока) в Баку[106], договорился до такого абсурда, что (якобы) этот съезд был созван **под давлением** "восточных авантюристов" и что он не являлся идеей ни ЦеКа РКП, ни Коминтерна (статья Баимбетова в газете "Эшче"). Удары баимбетовых были направлены главным образом против Казакова, Усманова и Брундукова, но так как они лично против них ничего плохого выставить не могли, то все свое внимание направили на то учреждение, где они фактически руководили работой, а именно на Центромусвоенколлегию. Баимбетов придирался ко всем мелочам, чтобы как-нибудь и во чтобы то ни стало "доказать" ее "контрреволюционность". Но что скверно, и на что я обращаю особое внимание членов комиссии, так это то, что у этой группы помимо политических мотивов фигурируют и мотивы личного характера, а именно: сведение личных счетов с теми из татарских коммунистов, которые так или иначе "обидели их".

Так, на **Брундукова** они были сердиты за то, что последний, работая в 1918 году в Перми, преследовал их группу за левоэсеровскую агитацию против Советской власти уже после того, как был ликвидирован московский мятеж левых эсеров. Даже став коммунистами, они сохранили к нему неприязненное отношение и всячески старались компрометировать его в глазах товарищей русских коммунистов.

На тов.**Усманова** они "сердились" из-за **Баимбетова.** Баимбетов был назначен мною начальником политотдела Центромусвоенколлегии. Сделал это я потому, что хотел втянуть их группу в работу, дабы этим самым не дать развиться тому антагонизму, который существовал между бывшими татаро-башкирскими левыми эсерами (ныне коммунистами) и между старыми татарскими коммунистами. Но Баимбетов не сумел удержаться на своем месте. Вместо того, чтобы спокойно сидеть и работать, он почти с первых же дней своего назначения занялся интригой против татарских коммунистов-татаристов. Ни с кем не посоветовавшись и никому ничего не говоря, он от имени политотдела Центромусвоенколлегии разослал телеграммы в особый отдел Востфронта, в Самару, Симбирск и Уфу, а также и по другим адресам с предупреждением, что будто **идея создания Татарской Республики исходит от башкирских и татарских националистов.** Этим он, очевидно, хотел добиться того, чтобы поднятый в это время перед II съездом коммунистических организаций народов Востока среди татарских и татаро-башкирских коммунистов татаро-башкирский вопрос был разрешен в смысле необходимости создания единой Татаро-Башкирской республики, т.е. **в смысле отрицания отдельной от Башкирии Татарской Ркспублики.** Лучше оставить вопрос открытым и неразрешенным, чем разрешить его в смысле создания отдельной Татарской Республики, а тем более "Малой Татарии". Вот главная мысль, которая была положена в основу всех действий Баимбетова и других более или менее видных бывших татаро-башкирских левых эсеров. Телеграмма эта сделалась потом достоянием широких кругов татарских масс и вызвала целую бурю протестов с их стороны. Открыл ее первый Усманов. Члены Центромусвоенколлегии и прочие ответственные татарские работники настояли передо мною на устранении Баимбетова от занимаемой им должности и назначении вместо него **Усманова.** Я принужден был согласиться на это, но, не желая окончательного раскола между этими двумя группами коммунистов, тем более, что группа коммунистов из бывших левых эсеров была довольно организованна и богата интеллектуально, - я настоял на том, чтобы назначить Баимбетова заведующим Военно-политическими курсами Центромусвоенколлегии, но и здесь он не сумел быть достаточно хладнокровным. Ему не нравилось положение подчиненного по отношению к Усманову, и он всюду и везде третировал его как "молокососа" и "шовиниста". Впоследствии Баимбетов свою неприязнь перенес целиком на Центромусвоенколлегию и работавших там людей всюду поносил как "контрреволюционеров". В интригу были втянуты и другие из бывших татаро-башкирских левых эсеров, и в их числе другой из их "лидеров" - Атнагулов, который за свои нетактичные выступления был отстранен от редактирования газеты Центромусколлегии ["Кызыл Армия"]. В результате в других татарских газетах Казани, перешедших в руки атнагуловых, началась бесстыдная и ничем не прикрытая травля против Усманова и вообще против Центромусвоенколлегии. На этот раз уже баимбетовы взяли курс на "левизну" и на "левый интернационализм", выдвигая противную сторону как "татарских шовинистов". **Против Фирдевса** (арестован) бывшие левые эсеры точили свои зубы и по другим соображениям:

а) Столкновение с бывшими татаро-башкирскими левыми эсерами при организации Мусульманских пехотных курсов. Техническая организация курсов Центромусвоенколлегией была поручена, как военспецу, некоему Крымову, состоявшему в партии татаро-башкирских левых эсеров. Политическая сторона была передана тов.Фирдевсу. Но Крымов, несмотря на принадлежность свою к левым эсерам, "претендовал" на должность политкома сам. Его поддерживал и их лидер Галимджан **Ибрагимов**, работавший тогда в Казани в издательском отделе Центрального мусульманского комиссариата. Центромусвоенколлегия оставила на должности политкома курсов тов. Фирдевса. Левые эсеры объясняли это "кознями" последнего против "ихнего" Крымова. Рассердившись на Фирдевса и на Центромусвоенколлегию, которая "не поддержала" его, Крымов совершенно сепаративно и без разрешения Коллегии вошел через местную военную власть с докладом к тов.Троцкому (он приезжал тогда в Казань, а Центромусвоенколлегия находилась тогда в Москве) о "временном" закрытии Муспехкурсов. Курсы действительно были ликвидированы, и восстановить их удалось лишь по истечении 5-6 месяцев усилиями тов.Фирдевса.

б) "Обида", нанесенная т.Фирдевсом бывшему лидеру татаро-башкирских левых эсеров **Галимджану Ибрагимову**, с которым они не прерывают "связи" и после того, как перешли в РКП(б). Обида эта заключалась в том, что Галимджан Ибрагимов по совершенной случайности Фирдевсом не был приглашен на ужин при первых выпусках красных командиров из Муспехкурсов. Быть может, это покажется курьезным, но тем не менее это было так, что могут подтвердить и работники Центромусвоенколлегии.

Енбаева и **Казакова** баимбетовская группа считала "усмановцами" и третировала их так же, как и самого Усманова. Понятно, что и Баимбетов, и Атнагулов, и скрывавшийся за их спинами Галимджан **Ибрагимов** (продолжает еще, кажется, оставаться левым эсером) ждали лишь удобного момента, когда можно было обрушиться гурьбой на указанную группу татарских коммунистов. И недаром сейчас Галимджан **Ибрагимов** в органе Татсовнаркома "Татарстан" (статья помещена в номере 47 от 13 октября с.г.) мечет гром и молнию по поводу покушения на Саид-Галиева, намекая и указывая на причастность к этому "зеленых" (т.е. националистов) в красном прикрытии.

2. Характерность обстаятельств покушения

Достаточно серьезно вдуматься в те обстоятельства, при которых происходило покушение, по рассказу самого САИД-ГАЛИЕВА (напечатано в газете "Известия Татреспублики" от 12 октября), чтобы убедиться, что, действительно, это не больше и не меньше, как симуляция или, в крайнем случае, неорганизованный провокационный выстрел, сделанный именно для подготовки нападения на татарских коммунистов.

По рассказу **Саид-Галиева** выходит, что покушение было совершено при следующих обстоятельствах:

1) Он был вызван по телефону на заседание какой-то комиссии **в** Совнарком, в 9 часов вечера.

2) Покушение было совершено **на обратном пути**.

3) На выстрелы **никто** не явился и не откликнулся, о покушении им было заявлено при приходе домой.

4) Саид-Галиев не мог узнать покушавшегося, т.к. царила тьма.

5) Саид-Галиевым замечено, что на ногах у покушавшегося **мягкая обувь.**

6) На спине пальто Саид-Галиева имеются 3 пулевых прострела.

Достаточно проанализировать все эти положения, чтобы увидеть, что они крайне противоречивы и не выдерживают малейшей критики.

Во-первых, как Саид-Галиев так скоро мог пойти на заседание **какой-то комиссии**, и тем более, что звонить ему должен был **покушавшийся**, т.е. лицо, не имеющее отношения к этой комиссии. Саид-Галиев мог пойти в эту комиссию только в том случае, если бы ему звонило **знакомое** лицо, в противном случае он должен был проверить, действительно ли назначена эта комиссия.

Во-вторых, покушавшийся мог напасть на него лишь **по пути** в Совнарком, а не на обратном пути, как указывает на это Саид-Галиев, т.к. для него было невыгодно ждать обратного возвращения его домой по следующим мотивам:

а) В Совнаркоме Саид-Галиев мог раскрыть **обман** и вовремя принять меры к его **раскрытию**, а рассчитывать на глупость или непредусмотрительность **покушавшиеся** (предполагается целая группа) не могли.

б) **На обратном пути** Саид-Галиев случайно мог захватить кого-нибудь с собой из Совнаркома и помешать выполнению **«заговора»**.

Во всяком случае этот момент с достаточной очевидностью указывает, что если в Саид-Галиева и стрелял кто-нибудь, то это явилось не результатом обдуманного и организованного **«заговора»** (как стараются выдать его Саид-Галиев и его группа), а результатом скорее единичной мести, или же это провокационный выстрел.

В-третьих, выстрелы (несколько выстрелов покушавшегося и **три** выстрела [по словам] Саид-Галиева), как видно, никем не были замечены. Не могло быть, чтобы в центре и недалеко от здания Совнаркома... в такое сравнительно раннее время (было всего лишь десять минут десятого) не было ни одного человека: ни постовых, ни случайно проходящих людей.

В-четвертых, (это самое главное), каким образом преступник мог **узнать** Саид-Галиева в темноте? Ведь не мог опознать Саид-Галиев стрелявшего, и как на причину этого он указывает именно на то, что **«царил мрак»**.

В-пятых, каким образом Саид-Галиев мог узнать, что у стрелявшего **мягкая обувь**, если царила тьма? Не скрывается ли здесь просто усилие "доказать", что стрелявший был не русский, а татарин, и, следовательно, подосланный татарскими работниками.

В-шестых, каким это "странным" образом пальто Саид-Галиева на спине прострелено в 2 или 3-х местах, а пуля лишь задела **локоть**?

В-седьмых, каким образом Саид-Галиев мог почувствовать **толчок в спину**, если пуля попала в локоть?

В-восьмых, незначительность раны и мелкокалиберное оружие. Если бы какая бы то ни было группа подослала убийц, то, во-первых, они бы прислали опытного "стрелка", а, во-вторых, покушавшийся ни в коем случае не решился бы производить выстрел из мелкокалиберного оружия.

Ясно, что или Саид-Галиев ранил самого себя, чтобы иметь возможность кричать о "заговоре", или же это - выстрел из-за мести, но ни в коем случае это не есть организованный заранее групповой заговор, тем более со стороны коммунистов.

Помимо всего этого здесь следует указать и на то, что момент "покушения" совпал с моментом конфликта [правительства] Татреспублики и ТатЧека с Центромусвоенколлегией, когда за тормозы в эвакуации политотдела последней (по приказу Реввоенсовета Республики) Саид-Галиев и ТатЧека должны были быть преданы суду Военного революционного трибунала за превышение власти и за противодействие этому приказу. И Саид-Галиеву необходимо было выдумать какой-либо "трюк" (по своей профессии он артист - шантанный балетный танцор), чтобы как-нибудь выпутаться из этой крайне неприятной для него истории.

3. Поведение Саид-Галиева и его группы, а также группы бывших татаро-башкирских левых эсеров после «покушения»

Все поведение группы Саид-Галиева после "покушения" указывает на их ничем не прикрытую пристрастность. После "покушения" же Саид-Галиевым разослана телеграмма о "покушении" на "главу и вождя татарского пролетариата" по всей РСФСР. Татарские и русские газеты Казани раздувают события в определенно-провокационном направлении обвинения в этом деле пожелавших якобы обмануть татарский пролетариат, но выжитых из Татарии небольшой кучки татарских работников (буквальное выражение редактора газеты "Эшче" Шафигуллина в номере 47 этой газеты).

В том же номере "Эшче" помещена статья указанного выше татаро-башкирского левого эсера Г.Ибрагимова, где он тоже в довольно ясных намеках высказывает ту же мысль.

На то, что Саид-Галиев в этом вопросе работает в контакте и по совету Баимбетова и его группы, указывает и то, что в заседании "ответственных" работников-татар после "покушения" принимал участие и Баимбетов. Об этом он рассказал потом некоему Хабибрахману Забирову, бывшему заведующему типографией "Умит", а последний передал это сотруднику издательского отдела Цебюро комнарвостока (в Казани) Гильмутдину **Шарафу**. По словам последнего, там, между прочим, поднимался вопрос и о необходимости ареста широких кругов мусульманской беспартийной интеллигенции для "большого загрязнения" арестованных коммунистов-татаристов. Арест этот не был произведен в широких размерах только потому, что инициаторы предложения об аресте вовремя "вспомнили", что тогда они могут остаться без "спецов" из мусульман.

4. Отсутствие каких-либо прямых указаний на причастность к «покушению» арестованной группы коммунистов

Как видно было из слов приехавшего по делу о "покушении" члена президиума ТатЦИКа **Яруллина** (он это передал "по секрету" мне и Брундукову), против арестованных коммунистов выдвигаются следующие "улики":

А) **Против Мамина и Фирдевса**, что они "внезапно" появились в Казани, нигде не зарегистрировались и что накануне или в день "покушения" долгое время сидели у **члена коллегии Татнаркомюста А.Мухутдиновой**... в ее комнате в помещении общежития Совнаркома и что **Мамин** неоднократно выходил из комнаты, как бы прислушиваясь, не следят ли за ними. Против **Мамина** выставляется еще то обвинение, что он после ареста долгое время не спросил, зачем он арестован, а также и то, что он должен был находиться в неприязненных отношениях с Саид-Галиевым, т.к. был устранен им от должности секретаря **Ревкома**, и что будто бы в Сибири "служил у Колчака".

Может быть, **Мамин** и "служил" у Колчака по мобилизации, об этом нам ничего неизвестно, но то, что он формировал партизанские отряды против него, это действительно известно Центромусвоенколлегии.

Но я должен здесь указать, что **Мамин** взят был в секретари Татарского Ревкома самим Саид-Галиевым, причем Центромусвоенколлегия предупреждала его, что **Мамина** она знает недавно и не может рекомендовать его на такую ответственную должность.

Что же касается "внезапного и неожиданного" их появления в Казани, то это могло показаться лишь **испуганному воображению больного Саид-Галиева** (еще в 1918 году, работая в Казани, Саид-Галиев усиленно принимал кокаин и дошел тогда почти до полусумашествия; указывают, что сейчас у него эта болезнь опять возобновилась, и в очень серьезной форме) и окружавших его.

Заявляю, что Фирдевс уехал в Казань за своими вещами ввиду наступления холодов и для вербовки студентов в Восточный институт, которые уже начинают прибывать (прибыли уже из Казани 10 человек). Здесь я должен указать еще на то, что лично сам он не хотел ехать в Казань, высказывая опасение, что группа Саид-Галиева может найти какой-нибудь повод и арестовать его и даже убить. За своими вещами он хотел послать одного из сотрудников **восточного отдела ПУР** - М.Салимова. На поездке настоял я, указав ему, что поездку свою он сможет использовать для вербовки курсантов, тем более, что Татревком и Татсовнарком на наш запрос о присылке курсантов ничего не отвечали. Об этом известно моей жене, тов. Брундукову и указанному М.Салимову (заявление при сем прилагается).

Что же касается **Мамина**, то он поехал в Казань за пополнением для Татарской бригады в Туркестане (после отстранения его от должности секретаря Татревкома он был направлен в Туркестан с татарскими маршевыми ротами от Центромусвоенколлегии, а оттуда Туркфронт послал его в Москву к Главкому Республики с ходатайством о присылке нового пополне-

ния для татарских частей, откуда он по получении разрешения на эти пополнения уехал в Казань (в подтверждение прилагаю письмо из Казани от 8-го октября к Брундукову)).

Что же касается предположения **Яруллина** о том, что они у Мухутдиновой устраивали какое-то "тайное совещание", то это является только предположением, и то, что будто бы **Мамин** неоднократно выходил из комнаты, где они сидели, нисколько не может являться показателем того, что **Мамин** "подслушивал", не следят ли за ними. **Мамин** мог выходить в уборную или курить, т.к. ни Фирдевс, как больной туберкулезом, ни А.Мухутдинова не курят. Посетил Мухутдинову Фирдевс, очевидно, потому, что он жил у них раньше на квартире и был с ней в дружеских отношениях.

Что же касается того, что **Мамин** в течение суток не спросил у арестовавших, почему его арестовали, то тут могли быть разные причины: или он был лишен этой возможности, или же он думал, и это всего скорей, что Центромусвоенколлегия возьмет его на поруки и,следовательно, незачем особенно беспокоиться за свою судьбу.

Против Енбаева и Таканаева выставляется то, что **Енбаев**, присутствуя на заседании КАПО (Казанского потребит[ельского] о[бщест]ва), будто бы сильно нервничал и несколько раз был вызван на секретный разговор своим помощником **Таканаевым**.

Я, во-первых, сомневаюсь в этих данных, т.к. во главе КАПО стоит причастный к этому делу и заинтересованный в загрязнении "татаристов" **Баимбетов.** Во-вторых, если бы это и было так, то она ни в коем случае не может являться "уликой". Енбаев мог нервничать по следующим причинам:

а) Саид-Галиев и ТатЧека вмешались в дело эвакуации Центромусвоенколлегии, арестовали его сотрудников, производили обыски и накладывали аресты на имущество Политотдела;

б) С фронта было получено сообщение об окруженной врангельскими войсками 2-й татарской стрелковой бригады вместе с той дивизией, в состав которой она входила. Таканаев вызвал его, очевидно, по вопросам Центромусвоенколлегии, не имеющей ровно никакого отношения к КАПО, так что никто из присутствующих на заседании КАПО не имел права претендовать на то, чтобы **Таканаев** говорил с **Енбаевым** "открыто" при всех.

Резюме

Все условия, предшествовавшие "покушению", и характер партийных группировок татарских коммунистов в Татреспублике, а также условия, при которых происходило "покушение", говорят за то, что все это есть **искусственно созданная история** (быть может, даже задним числом), направленная, с одной стороны, к спровоцированию определенной группы ответственных татарских партийных работников и Центромусвоенколлегии, и с другой - к "ограждению" Саид-Галиева и заведующего ТатЧека Иванова от предания суду военного революционного трибунала, которому они подлежали за незаконные обыски, аресты и выемки, учиненные ими при

эвакуации из Казани в Москву политотдела Центромусвоенколлегии по приказу Реввоенсовета Республики.

Если же выстрел действительно произведен, то он ни в коем случае не мог явиться результатом заговора со стороны группы татарских коммунистов, отвергающих в принципе персональный террор, а мог явиться или провокационным выстрелом или же выстрелом на почве личной мести.

Провокационный выстрел мог быть сделан двумя группами:

а) **Баимбетовцами**, чтобы углубить рознь между татарскими коммунистами и перессорить их между собой для их ослабления;

б) **Русскими белогвардейцами** в лице "спецов" Запасной армии: после передачи Запасной армии Татарского запасного полка оказалось, что к моменту "покушения" в последнем на 6500 человек оказалось всего лишь около 500 красноармейцев татар, остальные были русские.

Выстрел из-за мести мог быть произведен на романтической почве: между прочим, рассказывали, что Саид-Галиев будто бы ухаживал за какой-то телеграфисткой и что на этой почве у него с кем-то произошел какой-то конфликт.

Председатель Цебюро комнарвостока
при ЦеКа РКП(б) и Центромусвоенколлегии
и член коллегии Наркомнаца М.Султан-Галиев.

21 октября 1920 года. г.Москва
С подлинным верно: (подпись).

Архив КГБ РТ. - Ф.4. - Оп.1. - Т.14. - Л.283-294.

Восемьдесят влиятельных принцев, султанов и потентатов...

«Восемьдесят мусульманских влиятельных принцев, султанов и потентатов Востока - Турции, Аравии и Египта созывают конференцию в связи с восстанием мусульманских народов против владычества Англии, Франции и др. европейских государств на Востоке. Центральный комитет из 5-ти важнейших государей Востока уполномочен созвать эту конференцию, которая будет иметь место где-нибудь в Малой Азии. Конференция будет тайной и послужит началом мировой кампании в пользу народов Востока».

Так сообщают буржуазные газеты Западной Европы "Дойче Альгемайне Цейтунг" и "Чикаго трибюн".

Как видно, "на воре шапка горит".

Еще за несколько лет до мировой империалистической бойни западноевропейские "ученые-ориенталисты Востока" диким голосом кричали о "желтой опасности".

- Европа должна вооружаться: иначе мы рискуем быть растоптанными дикими полчищами косоглазых азиатов! - говорили они, указывая на все крепнущую Японию, на пробудившиеся от вековой спячки Китай и другие восточные страны.

И Европа вооружалась. Но, вооружаясь, каждая из западноевропейских стран исподтишка и с опаской то и дело поглядывала в сторону своих соседей.

- Уж не вооружаются ли они сильнее, чем мы...

Но на самом деле короли и банкиры Европы вооружались не от "желтой", а от красной опасности, вооружались против надвигающейся грозы всемирной пролетарской революции. "Азиатская опасность" была лишь прикрытием, ширмой, за которую скрывались истинные намерения алчного европейского капитала.

Если существовала какая-нибудь "опасность" со стороны "косоглазых", то существовала лишь опасность конкуренции "желтого" капитала в лице Японии с господствовавшим "белым" капиталом...

Но на что употребили западноевропейские государства свое вооружение, об этом сейчас знает уже весь мир. Четыре года ужасной империалистической войны. Миллионы убитых, раненых и искалеченных навеки рабочих Европы. Миллионы беспризорных сирот и вдов. Полный застой и хаос в промышленности Европы. Грабеж среди бела дня сотен миллионов трудящихся колоний. Открытый разврат...

Во время империалистической войны "желтая опасность" на время как будто была позабыта. Каждая из грызущихся между собой "коалиций" кричала о "варваризме" противной стороны.

"Желтая опасность" выплыла опять на сцену после Октябрьской революции в России, но уже ввиду "большевистской" опасности. Западноевропейская буржуазия видела, что все ее попытки задушить социальную революции в России не удаются, что все их усилия организовать "взрыв Советской власти изнутри" лопаются, как мыльные пузыри. К восставшим рабочим и крестьянам Советской России спешили на помощь отряды революционных рабочих Европы и миллионы угнетенных рабов Востока. Призыв Советской власти по колониям на Востоке[105] нашел могучий отклик в сердцах трудящихся. Всколыхнулся и возгорелся революционным пламенем весь угнетенный Восток...

- Культура Европы в опасности!..

- Цивилизации человечества угрожает опасность!..

- Большевики соединяются с Азией! - кричали в один голос лакеи международного империализма - ллойд джорджи, клемансо и мильераны.

- Большевики иначе и не могут поступить: ведь Россия и сама еще - азиатская страна, - многозначительно указывали "ученые" мужи европейской лженауки, кивая в сторону Советской России.

Но эта ловушка не удалась. На революционном съезде народов Востока[106], созванном Коминтерном, представители передового западноевропейского пролетариата честно и открыто протянули свои руки восстающим революционным массам Востока:

- Будем вместе бить хищников западноевропейского империализма, он общий наш враг, - сказали им рабочие Европы и Америки.

- Объявляем священную войну международному империализму, - ответил им восставший трудовой Восток.

Как гроза, как молния, разнеслась эта весть по всем странам земного шара и ударила по сердцам всех врагов пролетарской революции.

Как видно, сейчас уже западноевропейские империалисты выпускают следующий, очередной номер своей международной провокации. Сообщением о "тайном" заседании восьмидесяти влиятельных мусульманских принцев, султанов Востока и т.д., собирающихся открыть какую-то "мировую кампанию в пользу народов Востока", очевидно, западноевропейская буржуазная дипломатия хочет убить сразу двух зайцев. Западноевропейским рабочим она хочет сказать:

- Смотрите, не увлекайтесь вашей восточной политикой... Вы стоите перед опасностью объединения мусульманского мира во главе с его принцами, султанами и "потентатами". Бросайте вашу внутреннюю классовую борьбу между собой и вооружайтесь против надвигающейся опасности...

Одновременно с этим они, как видно, думают запугать и Коминтерн, также Советскую Россию.

- Если вы организуете никому не известных "дехканов" и "мишари", то мы организуем влиятельных принцев и султанов: они на нашей стороне.

Борьба на два фронта...

Вопрос - еще будут ли все эти "принцы, султаны и потентаты" на стороне европейского империализма, если они на самом деле думают созывать какую-нибудь конференцию. Во всяком случае, ни для кого не секрет, что интересы империалистов Востока, хотя бы и "доморощенных", очень и очень даже противоположны интересам западноевропейского империа-

лизма. Тут даже больше всяких противоречий и путаниц, чем между отдельными империалистическими группами европейских стран.

Но если бы даже все эти восемьдесят разных международных политических шарлатанов Востока и оказались временными сторонниками Антанты, то это нисколечко и ни на йоту нас не страшит.

Пусть будет их не восемьдесят, а восемьсот - мы этого не боимся. Уже прошли те времена, когда пролетариат свободных народов Советской России можно было запугать сказками "о четырнадцати мелких держав" во главе с Черчиллем или "восемидесяти влиятельных принцах и потентатах" во главе с Ллойд-Джорджем или Мильераном.

Пусть не думают лакеи европейской буржуазии и дипломатии, что им удастся обмануть рабочих Европы и Советской России.

Они уже достаточно прозрели и знают, кто их друг и кто враг. Знают это и прозревшие трудящиеся колониального Востока. Они пойдут не за "принцами" или "потентатами", а за III, Коммунистическим Интернационалом и Советской Россией.

М.Султан-Галиев.

Жизнь национальностей. - 1920. - 8 декабря. - № 39(95).
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.106-109.

Информация
о функциях Центрального татарского отдела Народного комиссариата по делам национальностей

10 декабря 1920 г.

Согласно запросу управления делами Наркомнаца от 7/XII за № 4450 предоставляются следующие сведения:

1) Центральный татарский отдел (Центротатотдел), телефон № 5-37-56.

2) Заведующий тов.Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич.
Секретарь тов. Ерзин Али Ахмедович.

3) Функции: а) информирование Советской власти о нуждах татарского населения; в) информирование татарского населения о всех шагах и мероприятиях Советской власти; г) организация и инструктирование местных татарских отделов; д) удовлетворение через органы Советской власти экономических и культурно-просветительских нужд татарских масс; е) агитация и пропаганда идей Советской власти среди татарских трудовых масс; ж) издание периодических и непериодических изданий на татарском языке по различным вопросам.

Заведующий Центротатотделом — М.Султан-Галиев.
Секретарь — (подпись)

ГАРФ. - Ф.1318. - Оп.17. - Д.121. - Л.24 с об. Подлинник.

Татарский (мусульманский) отдел Наркомнаца за три года его существования[107]

15 декабря 1920 г.

Первый период. Существующий ныне Татарский отдел Наркомнаца вначале возник под названием Центрального комиссариата по делам мусульман внутренней России и Сибири. Во главе его стояли члены Учредительного собрания Мулланур Вахитов (коммунист), Шариф Манатов (левый башкирский социалист) и Галимджан Ибрагимов (лидер татаро-башкирских левых эсеров), покинувшие вместе с большевиками и левыми эсерами Учредительное собрание. Центральный мусульманский комиссариат (Центромуском) был создан в самый разгар гражданской войны в России, когда на Советскую власть двигались, с одной стороны, германские империалисты, а с другой - внутренняя контрреволюция в лице дутовщины, калединщины и национально-шовинистического движения окраин, руководимая меньшевиками и правыми эсерами (Грузия, Армения, Украина) или же чистейшей воды националистами (Туркестан - "Шуро-и-Ислам"; Азербайджан - мусаватисты; Татаро-Башкирия - татарские шуристы и башкирские курултайцы).

Красной Армии еще не было. Старая царская армия разлагалась. Существовали лишь хотя и крепкие духом, но не спаянные внутренней дисциплиной, а потому разрозненные, отряды красногвардейцев.

Взбудоражен был и тридцатимиллионный мусульманский мир России. К моменту разгона Учредительного собрания в среде мусульманского населения России определенным образом и довольно резко наметилось классовое расслоение. Особенно сильно было оно в Татарии. Объяснялось это наличием известного процента квалифицированного промышленного пролетариата среди татар, тогда как среди остальных мусульманских народностей России процент таковых был очень низок, а у некоторых почти отсутствовал. Этим и объясняется, что в то время, как в Туркестане, Крыму и Азербайджане при столкновении Советской власти с местным "туземным" населением на ее стороне почти не было большевиков "туземцев" - коммунисты татары и татарские левые эсеры при столкновении Советской власти с татарской буржуазией и башкирским кулачеством сыграли в нем чуть ли не первенствующую роль.

Мусульманская мелкая буржуазия, объединенная в своих "национальных советах" ("Милли шуро"), представляла в то время опасную силу для Советской России. Вся территория, населенная тюрко-татарскими народами, была покрыта сетью Милли шуро. Движущим центром национального движения мусульман являлся Искомус - Исполнительный комитет Всероссийского мусульманского национального совета, избранный еще в мае 1917 года на I Всероссийском мусульманском съезде и представлявший из себя чисто соглашательский, коалиционный орган эпохи керенщины: рядом с кадетами Садри Максудовым и Букейхановым и мусаватистом Фатали-ханом сидели правые эсеры Гаяз Исхаков и Тана-

чев и из меньшевиков известный политический авантюрист Ахметбек Цаликов, Мамлеев и И.Алкин, не говоря уже о чистейшей воды националистах, как Осман Токумбетов, Досмухаметов и другие.

Искомус имел областные, губернские и сельские объединения.

Помимо Искомуса мусульмане внутренней России и Сибири имели еще две крупные организации, сгруппировавшие вокруг себя впоследствии национально-шовинистические элементы татар. Это - Всероссийский мусульманский военный совет (Харби шуро), работавший в Казани, со своими областными, окружными и армейскими разветвлениями, и Национальный парламент мусульман внутренней России и Сибири (Миллет меджлесе) во главе с упомянутым выше Садри Максудовым, созданный по буржуазному принципу культурно-национальной автономии.

Уже к моменту Октябрьской революции стало ясно, что мусульманскому пролетариату не по пути с этими организациями. Они то "восставали" против Временного правительства, то лизали ему пятки. Когда Керенский не разрешил Харби шуро созыв Всероссийского съезда воинов мусульман, то последним был заявлен громкий протест, и съезд был созван явочным порядком, но когда позднее против того же Керенского восстал Корнилов со своей "дикой дивизией", то и Харби шуро, и Искомус заявили полную преданность Временному правительству и готовность защитить его от нападков "как справа, так и слева".

Столкновение татарского пролетариата и Советской власти с этими организациями было неизбежно. Особенно ясно стало чувствоваться это положение после Октябрьской революции.

До созыва Учредительного собрания и Искомус, и Харби шуро, и Миллет меджлесе путем всяких "лавирований" кое-как сохранили себя. Мусульманский пролетариат был еще слаб и неорганизован и не мог поэтому вступить с ними сразу в решительную схватку. Момент этот наступил гораздо позднее, а именно: после разгона учредилки, когда сознание татарских трудовых масс окончательно прояснилось, укрепив тем самым их ряды и спаяв их между собой внутренней революционной дисциплиной.

После разгона Учредительного собрания Искомус обратился с воззванием к мусульманскому населению России с призывом встать на защиту учредилки и к свержению "большевистского засилья". Его члены разъезжали по провинциям и вели там агитацию среди мусульман, призывая их к восстаниям против Советской власти. За Искомусом выступил и Харби шуро.

Заявивший после Октябрьской революции о своей "верности" Советской власти (заявление было сделано представителем Харби шуро Багаутдиновым на торжественном заседании Казанского Совета рабочих и солдатских депутатов на другой же день после свержения Временного правительства), Харби шуро после разгона Учредительного собрания делает громкие предостережения по адресу Советской власти и большевиков, что он двинет на Москву и Петроград мусульманские национальные части. Начинается лихорадочная подготовка к этому "выступлению". Харби шуро вступает в связь с Украинской радой. Объявляется созыв II съезда воинов мусульман. На фронтах и в армиях ведется бешеная агитация против "москалей-большевиков" В центрах этнографического преобладания та-

тар, башкир и киргизов начинают концентрироваться возникающие в армиях мусульманские войсковые части. К моменту кризиса, вызвавшего столкновение Харби шуро с мусульманскими социалистами-большевиками и с Советской властью, оказываются сосредоточенными: в Казани - до 20.000, в Оренбурге - до 10.000, в Уфе - 12-15 тысяч мусульманских солдат и масса отдельных мелких войсковых соединений по другим городам Поволжья и Сибири - Астрахани, Самаре, Омске, Иркутске, Екатеринбурге и т.д.

К этому времени открывает свои действия в г.Уфе и Национальный парламент внутренней России и Сибири, сразу вставший в оппозицию к Советской власти.

Когда левое крыло Миллет меджлесе, руководимое татаро-башкирскими левыми эсерами, предложило Миллет меджлесе послать приветственную телеграмму Совнаркому, то большинством Меджлеса [предложение] было отвергнуто. Меджлес открыто запрещает председателю Искомуса Ахмедбеку Цаликову "вступать в переговоры с большевиками" в ответ на его запрос, можно ли ему согласиться на пост комиссара по делам мусульман, предложенный ему большевиками.

Над Средней Волгой и всем Южным Уралом нависает грозный призрак организованного контрреволюционного выступления против Советской власти мусульманской мелкой буржуазии, руководимой "коалицией" мусульманских националистов с татарскими социал-соглашателями, плясавшими под дудку своих "старших собратьев и руководителей" - русских меньшевиков и правых эсеров. Политическим своим лозунгом они выставляют национальное самоопределение мусульман внутренней России, выливая его в конкретную форму необходимости создания так называемого Южно-Уральского и Средне-Волжского штата.

Вот в этот самый момент и возник Центральный комиссариат по делам мусульман. Он сразу взял в свои руки руководство начавшейся на местах и все ожесточавшейся революционной борьбой мусульманского пролетариата со всеми указанными выше организациями и решительными, короткими, но сильными ударами в два счета покончил с ними. Этому способствовал и удачный персональный подбор ответственных руководителей комиссариата. Каждый из них представлял собою полное выражение отдельных революционных течений, стихийно возникших в среде татаро-башкир. Так, председатель Комиссариата Мулланур Вахитов, талантливо соединивший в себе и революционность энергии, решительность характера, ясность ума и редкую ораторскую способность, являлся лидером и организатором Мусульманского социалистического комитета г.Казани, сыгравшего впоследствии чуть ли не первенствующую роль в борьбе с шуристами и в их поражении, его (Мусульманского социалистического комитета - Сост.) отделений в других городах Поволжья и внутренней России. Галимджан Ибрагимов являлся лидером татаро-башкирских левых эсеров, главным революционным штабом которых являлся город Уфа - культурный и политический центр татаро-башкир. Эта организация в свое время сыграла громадную роль как революционный фактор в деле борьбы Советской власти с татаро-башкирскими националистами во главе с упомянутым выше Миллет меджлесе. Шариф Манатов представлял собою ре-

волюционную, ориентирующуюся на Советскую власть, часть башкирских народных социалистов-автономистов.

Создание Центромускома является сигналом к объединенному выступлению всех революционных сил мусульманского пролетариата против организующейся контрреволюции. Один за другим возникают на местах областные и губернские мусульманские комиссариаты в Казани, Оренбурге, Уфе и Астрахани. Искомус разгоняется. Члены Харби шуро арестовываются. Созванный ими съезд воинов мусульман распускается*. Та же участь постигает и Миллет меджлесе. Мусульманская буржуазия не успевает захватить власть в свои руки. Мусульманские национальные части оказываются зараженными большевизмом. Их провоцируют на восстания, но неудачно. Героическими усилиями мусульманских большевиков удается перетянуть их на сторону Советской власти. Шуристы бегут в татарскую часть г.Казани и организуют там "Забулачную республику". Постепенно руководство этой "республикой" переходит в руки настоящих белогвардейцев, которые начинают организовывать там свои "железные" дружины. Но созданные к этому времени Казанским мусульманским комиссариатом мусульманские красноармейские части, совместно с посланными из Петрограда и Москвы отрядами революционных матросов, в течение нескольких часов сносят до основания этот карточный домик. Аналогичное явление происходит в Уфе, Оренбурге и Астрахани.

Главная историческая задача создания Центромускома, а именно: поворот рычага истории среди мусульман России в сторону пролетарской революции - была таковым образом достигнута.

Организационная работа Центромускома в первый период его существования выразилась в следующих основных моментах:

Во-первых, в организации и руководстве деятельностью местных мусульманских комиссариатов. Возникшие в Казани, Оренбурге, Уфе, Астрахани и других местах мусульманские комиссариаты нуждались в руководстве. Необходимо было организовать такие же комиссариаты и в других городах с мусульманским населением. Постепенно все Поволжье покрывается сетью губернских и уездных мусульманских комиссариатов. И в деле закрепления завоеваний Октябрьской революции среди темного и забитого мусульманского крестьянства и рабочих мусульман они сыграли громадную роль. В первый период установления Советской власти, когда многое делалось чисто анархически и когда еще не были определены в точности конкретные формы отдельных сторон советского строительства, мусульманские комиссариаты являлись всем для пробудившихся трудовых мусульманских масс. При них было сконцентрировано все: и административное управление, и народное образование, и суд, и военное дело. И лишь после окончательного сконструирования аппаратов общих советских органов они постепенно передали им эти свои функции.

Второе, что сделал Центромуском, это положено начало организации мусульманских красноармейских частей. Эта работа Центромускомом целиком была возложена на его военный отдел, преобразованный позднее в

* Здесь допущена неточность. II Всероссийский мусульманский военный съезд не был распущен, работал до 3 марта 1918г. - Сост.

Центральную мусульманскую военную коллегию при Наркомвоене. В Москве создаются два татаро-башкирских батальона из добровольцев. Организуются I-й мусульманский социалистический полк в Казани. Создаются революционные татарские и татаро-башкирские отряды в Астрахани, Уфе, Перми и Оренбурге. Все они в истории развития революции в Поволжье сыграли громадную роль. При ликвидации левоэсеровского мятежа и при отдельных попытках контрреволюции поднять восстания в отдельных крупных городах Поволжья - Казани, Астрахани и т.д. - мусульманские части показали себя с наилучшей стороны. Благодаря стойкости и преданности мусульманских частей, и только этих частей, в свое время было ликвидировано восстание спровоцированных гарнизонов Казани и Астрахани вскоре после перехода Самары в руки чехословаков. Если бы восстание в Казани своевременно не было ликвидировано мусульманскими частями, то, безусловно, Казань гораздо раньше перешла бы в руки контрреволюции, чем это произошло.

Громадное значение имели эти части и при ликвидации чехословацкого движения. Из одной лишь Казани на чехословацкий фронт было отправлено до 12-ти маршевых мусульманских рот. Посланные из Астрахани татарские отряды, отправленные из Уфы татаро-башкирские батальоны впоследствии образовали вокруг себя целые отряды, втягивая в ряды Красной Армии лучшие элементы татаро-башкирского пролетариата. И неудивительно, что впоследствии на Восточном фронте число красноармейцев татаро-башкир достигло до 50%, а местами даже превышало это число.

Третье, на что обратил особое внимание Центромуском, - это было народное образование.

Отдел народного образования Центромускома еще весной 1918 года созывает в Казани Всероссийский съезд деятелей просвещения среди мусульман* . Съезд выносит ряд постановлений в области улучшения постановки дела народного образования среди мусульман. По постановлению съезда образуется Центральная мусульманская научная коллегия, которой передается научная разработка всех вопросов народного образования мусульман и изыскание способов практического их осуществления. Научной коллегией разрабатывается проект мусульманского университета в Казани, а также намечается целый ряд мероприятий в отдельных отраслях деятельности просвещения мусульман. Открывается ряд учительских семинарий и педагогических курсов, которые впоследствии передаются в ведение общих органов наробразов на местах.

Самым главным и значительным, что было сделано Центромускомом в этот период его существования в области чисто политической работы, это было объявление Положения о Татаро-Башкирской республике и созыв совещания о ней. Помимо принципиального значения как выражение политики Советской власти по национальному вопросу, этот акт имел и громадное агитационное значение. Объявлением Положения о Татаро-Башкирской республике Советская власть выбила из рук татарских националистов то главное их оружие, которым они пользовались в своей агита-

* Имеется в виду III Всероссийский съезд учителей-мусульман, состоявшийся 23-31 мая 1918 г. - Сост.

ции против нее: татарский пролетариат воочию убедился, что Советская власть не на словах только, а на деле проводит лозунги национального самоопределения.

Совещание, созванное по этому вопросу весной 1918 года Центромускомом, дало самые положительные результаты: была создана комиссия по созыву Учредительного съезда Советов Татаро-Башкирской республики, определена ее территория и намечена в основном ее Конституция. Но в самый разгар работы комиссии, когда был уже объявлен созыв съезда, территория Татаро-Башкирской республики была занята чехословаками, что лишило ее возможности дальнейшей работы. Но, как революционный стимул в борьбе татаро-башкирского пролетариата против чехословаков и заменившего их Колчака, Положение о Татаро-Башкирской республике долгое время продолжало действовать. Призыв вождей революции - тт. Ленина, Троцкого и Сталина к татаро-башкирскому пролетариату встать на защиту территории Татаро-Башкирской республики от контрреволюционных банд[108] был ими услышан. Но история их героической борьбы с чехословаками и Колчаком требует отдельного своего освещения.

Отдел труда. Центромускомом была положена основа и развития профессионального движения среди рабочих-мусульман. На I-й конференции рабочих-мусульман, состоявшейся в Москве вскоре после организации Центромускома[78], был принят ряд постановлений, определивших направление всей дальнейшей деятельности Центромускома в этой области.

Серьезное внимание было обращено Центромускомом на пропаганду среди оставшихся в России турецких военнопленных. Отделом международной пропаганды, который для этой цели был организован, издавалась специальная газета на турецком языке "Ени Дунья", также велась во всех ее формах агитационно-пропагандистская работа: выпускались воззвания, посылались агитаторы-организаторы и т.д. Летом 1918 года была созвана в Москве I конференция турецких социалистов[109], положившая начало созданию Турецкой коммунистической организации.

Очень большое внимание было уделено Центромускомом и издательской работе. Издавалась газета "Чулпан" на татарском языке с тиражом 40-50 тысяч экземпляров. В первый период существования комиссариата были изданы до 12-15 различных брошюр и других изданий от 20 до 200 тысяч экземпляров каждое издание и масса воззваний в таком же количестве экземпляров.

После объявления Положения о Татаро-Башкирской республике Центромуском преобразовывается в Центральный татаро-башкирский комиссариат. Но вскоре его вновь переименовывают в Центромуском, так как к этому времени при нем создаются туркестанский, закавказский и горский отделы. Через эти отделы Центромуском устанавливает живую связь с восточными мусульманскими окраинами России. А связь эта была чрезвычайно необходима. Под влиянием национально-шовинистических элементов туземной интеллигенции, с одной стороны, и под влиянием контрреволюционной агитации укрывшихся в них русских меньшевиков и эсеров - с другой, окраины эти проявляли ярко выраженную тенденцию к отделению от Центральной России. Задачей Центромускома было удержать их за Советской Россией. Если в двадцатимиллионном Туркестане

"шура-и-исламцами" был выдвинут лозунг Автономного Туркестана, то Центромуском в противовес им выставил лозунг Автономной Туркестанской Социалистической Советской Республики. Трудовые массы Туркестана пошли за лозунгом Центромускома. На II съезде рабочих, дехканских и солдатских депутатов Туркестана торжественно была провозглашена его автономия, вызвавшая громадный восторг и энтузиазм в сердцах трудящихся туземцев.

Живая и плодотворная работа Центромускома нарушается чехословаками. Агенты Антанты захватывают в Казани в плен комиссара по делам мусульман тов. Мулланура Вахитова, поспешившего на Восточный фронт восстановить против чехословаков татаро-башкир, и расстреливают его. Ввиду внезапности падения Казани там остаются и некоторые другие из членов коллегии Комиссариата, приехавшие туда вместе с товарищем Вахитовым, которым с большим трудом удается вернуться обратно в наш лагерь. Оставшийся в центре член коллегии, замещающий комиссара[110], заболевает, и на довольно продолжительное время Центромуском остается без руководителя.

Второй период. Второй период работы комиссариата начинается с обратным переходом Казани в наши руки, когда удается сгруппировать вокруг комиссариата оставшихся в живых активных его работников. Комиссаром назначается член коллегии М.Султан-Галиев.

Основной задачей Комиссариата в этот период явилось восстановление разрушенных чехословаками всех центральных и местных гражданских и военных мусульманских советских организаций. По соглашению Наркомнаца, Наркомвоена и ВЧК создается особая комиссия под названием "Чрезвычайная комиссия по восстановлению мусульманских пролетарских организаций и борьбе с контрреволюцией среди мусульман". Комиссия во главе с комиссаром по делам мусульман выезжает на Восточный фронт и принимается за работу. Перед комиссией стояла трудная задача. Из центральных органов Центральная мусульманская военная коллегия и Центральная мусульманская научная коллегия были совершенно парализованы. Многие из мусульманских частей были ликвидированы в боях. Губернские и уездные мусульманские комиссариаты были поголовно разрушены. Ответственные работники их были или перебиты, или расстреляны. Несмотря, однако, на все трудности, все эти организации в короткое время были окончательно восстановлены. Были восстановлены и разбитые в боях с чехословаками мусульманские части - I-й Мусульманский социалистический полк и I-й татаро-башкирский батальон, а также отряд турецких военнопленных, сражавшийся вначале на Восточном, а затем переброшенный на Южный фронт. Центромусвоенколлегия была пополнена новыми членами и переведена в Москву.

Восстановление деятельности научной коллегии было труднее. Большинство из более или менее крупных научных сил "эвакуировалось" вместе с чехословаками в Сибирь. Тем не менее и эта организация благодаря усилиям Чрезвычайной комиссии была восстановлена. К концу 1918 года ею было созвано Всероссийское совещание по упрощению татарского правописания, давшее очень хорошие результаты[111]. Коллегия проделала ценную работу по пересмотру всех существующих учебников на татарском

языке и определению пригодности их к употреблению в трудовых школах и ряд других довольно значительных научных работ. По восстановлении на местах мусульманских комиссариатов и других мусульманских организаций Чрезвычайная комиссия была упразднена.

После I съезда коммунистов мусульман и создания Центрального бюро мусульманских организаций при ЦК РКП Центромуском коренным образом реорганизуется. Партийно-политические его функции переходят целиком к Цебюро. Туда же переходит и все партийно-политическое издательство. Постановлением Цебюро ликвидируется ряд отделов Центромускома: отдел труда, социального обеспечения, международной пропаганды и научная коллегия. Комиссариат переименовывается в Татаро-Башкирский комиссариат. Закавказский и Горский отделы выделяются в Закавказский мусульманский комиссариат и Горский отдел Наркомнаца. Туркестанский отдел ликвидируется и переходит целиком в ведение представительства Туркестанской Республики. Поднимается вопрос и о ликвидации Центральной мусульманской военной коллегии, но по настоянию т.Сталина она остается[112]. Устанавливается лишь персональное прикрепление Центромусвоенколлегии к Татаро-Башкирскому комиссариату путем назначения татаро-башкирского комиссара председателем Коллегии.

Почти весь 1919 и половина 1920 года в Татаро-Башкирском комиссариате проходят на фронтах в области военной работы. В период наступления Колчака на Поволжье все живые силы Комиссариата были брошены на Восточный фронт, начиная от комиссара и кончая заведующими отделами и секретарями; они работали в политотделах и штабах армий и в мусульманских частях. Ими была проделана громадная работа среди красноармейцев-мусульман. Очень большая агитационная работа была проделана и среди мусульманских солдат белой гвардии, особенно среди башкир. Посылались подпольные работники, которые агитировали башкирских солдат за переход их на сторону Советской власти. В очень большом количестве посылалась и литература. И, несомненно, что переходу башкир на сторону революции Советская власть главным образом обязана была Татаро-Башкирскому комиссариату.

Много живых сил Комиссариата поглотила и Центромусвоенколлегия, переведенная в момент отступления Колчака обратно в г.Казань для поднятия духа красноармейцев мусульман. В последующий период очень много работников Комиссариата было переброшено в Туркестан и на другие фронты.

Работа Центромусвоенколлегии. Центромусвоенколлегией была проделана колоссальная работа как в области политической, так и в строевой. Ее работа самым тесным образом была связана с Татаро-Башкирским комиссариатом.

Расширение арены гражданской войны, и главным образом, на территории, населенной мусульманским населением - татаро-башкирами, киргизами, сартами и т.д., вызвавшее массовое вовлечение в Красную Армию мусульман, требовало усиления и интенсификации политической работы среди них. Перед Центромусвоенколлегией встал вопрос о создании тысячных кадров политработников и красных командиров из среды пролета-

рията этих народностей и снабжение красноармейцев-мусульман военно-политической литературой.

Не менее остро стоял вопрос и с мусульманскими формированиями. На местах стихийно возникали отдельные мусульманские части. Необходимо было эту работу централизовать, дать ей определенный смысл и содержание и направить ее по более правильному руслу. Нужно было упорядочить плановые формирования, а также вербовку добровольцев. При плановых формированиях из мусульман Центромусвоенколлегия сразу встретилась с полным почти что отсутствием военспецов и других военно-технических сил из мусульман. Небольшие кадры мусульманского офицерства военного и мирного времени в своем большинстве находились на стороне белых. Необходимо было быстро подготовить красных командиров. Усилиями Центромусвоенколлегии удается создать в Казани мусульманские пехотные и кавалерийские курсы командного состава. Создается мусульманский эскадрон при 2-х московских кавалерийских курсах. В 1920 году организуются Мусульманские пехотные курсы с кавалерийским и пулеметным отделениями в Баку. Со дня своего существования одни только казанские Муспехкурсы дали более 300 красных командиров пехоты. Выпущено более 200 красных командиров кавалерии. Не ограничиваясь специальными курсами, Центромусвоенколлегия командировала курсантов-мусульман и на различные общие курсы, в Академию Генштаба и т.д.

По инициативе Центромусвоенколлегии были сформированы две отдельные татарские стрелковые бригады; татарский запасный батальон, развернутый впоследствии в Татарский запасный полк, не считая части, сформированные в первый период ее существования. Деятельное участие принимала Центромусвоенколлегия и в формировании целого ряда добровольческих татаро-башкирских батальонов против Колчака и татарских батальонов против белой Польши, а также специальные добровольческие отряды из народов Ближнего Востока - турок, персов и т.д. Татарский запасный батальон за время своего полуторогодового существования дал на разные фронты более 90 татарских маршевых рот.

Политическая работа Центромусвоенколлегии протекала в трех направлениях: а) создание вспомогательных органов политработы при политотделах армий и округов в виде мусульманских секций или подотделов, б) в подготовке политических и культурно-просветительных работников и в) в издании и снабжении политотделов и округов военно-политической литературой.

В Казани были созданы специальные военно-политические курсы для подготовки кадров политработников. Такие же курсы организовались при политотделах армий и восточных округов. При Татарском запасном батальоне и в других запасных частях был создан целый ряд студий, школ I-й и II-й ступени, задачей коих, помимо ликвидации общей и политической неграмотности, являлось создание кадров культурно-просветительных работников из среды самих красноармейцев-мусульман.

Издательская деятельность Центромусвоенколлегии выразилась в издании ежедневной газеты на татарском языке[113] и целого ряда брошюр, листовок, плакатов, воззваний. Издано до 80 названий брошюр. Написано и переведено до 70 названий разных революционных пьес[114]. В последний

год коллегия издавала и еженедельную газету на русском языке под названием "Красный Восток"[115]. Особенно усиленно работал издатотдел Центромусвоенколлегии в период наступления Колчака. Выпускались сотни тысяч воззваний для белогвардейских солдат и населения прифронтовой полосы с призывом к восстаниям против Колчака и с разъяснением необходимости его отражения. В своей работе Центромусвоенколлегия руководствовалась приказами Реввоенсовета Республики.

В настоящее время, с объединением военной деятельности всех автономных республик с РСФСР и с расширением работы на Востоке, Центромусвоенколлегия реорганизована в Восточный отдел политуправления Реввоенсовета Республики и в восточный отдел Всероглавштаба[116]. Все работники Центромусвоенколлегии переданы в эти отделы.

Третий период. Третий период работы Мусульманского комиссариата охватывает собою весь 1920 год. Самым важным, что было сделано комиссариатом за этот период, была подготовка объявления Татарской Социалистической Советской Республики. Комиссариат принимал самое деятельное участие в разработке Положения о Республике и определении ее границ. Положение о Татарской Социалистической Советской Республике, разработанное Центромускомом, легло потом в основу Положения об автономных советских республиках и областях вообще.

С объявлением Татарской Социалистической Советской Республики Центромуском реорганизовался в Татарский отдел Наркомнаца, включающий в себя и представительство Татарской Социалистической Советской Республики.

Организационная работа Татарского отдела за этот период заключалась, главным образом, в создании татарских отделов Наркомнаца в тех местах, где таковых не имелось или где таковые почему-либо закрывались местными губернскими и уездными исполкомами. Последнее явление наблюдалось вследствие постановления VII Всероссийского съезда Советов об отделах губернских и уездных исполкомов, где об отделах по делам национальностей ничего не говорится. Многие губисполкомы, как Оренбургский, Астраханский и другие, уже позакрывали у себя губотделы по делам национальностей, и стоило больших трудов снова их восстановить.

Работа по обследованию местных татарских отделов выражалась в инструктировании их, а также в удовлетворении всех их специальных требований к Центру на те или иные предметы: типографские машины, шрифты, бумагу и т.д.

Ввиду обращения татарского населения из отдельных мест об образовании новых административных единиц - волостей, уездов и т.д. отделом была разработана и разослана особая подробная инструкция с разъяснением, куда следует обратиться по этому вопросу, по какой инстанции и в какой форме.

Большое внимание обратил отдел и на организацию вербовки среди татарских трудящихся на различные курсы. Отделом рассылались циркулярные указания, как производить вербовку курсантов на те или иные крусы и школы и куда их направлять. Местные отделы в этом отношении проявили очень большую энергию. Ими командировались десятки и сотни курсан-

тов на различные командные и военно-политические и другие курсы и Центральный институт живых восточных языков.

Большую работу проделали отделы на местах по усилению Западного фронта. Устраивались митинги, концерты, выпускались воззвания, собирались пожертвования, вербовались добровольцы. Вся эта работа делалась под руководством Центрального татарского отдела.

Серьезное внимание обратил Отдел и на работу на Украине. Разъездными инструкторами Центрототатотдела организованы: в Харькове Центральная татарская секция при Наркомпросе Украины и местные его секции в Криворожско-Донецком бассейне. Организованы школы I-й ступени, клубы и библиотеки-читальни во всех рабочих районах с наличием татарского населения. Проведено также обследование их экономического положения.

Отделом начата также работа по общему обследованию культурного и экономического положения татарских трудовых масс. Для этой цели отделом были командированы специальные работники в населенные пункты Поволжья. На основании полученных материалов отделом разрабатывается проект организации для татар через соответствующие центральные и местные органы целой сети различных культурно-просветительных и экономических организаций: клубов, библиотек, школ, как общих, так и профессионально-технических, а также сельскохозяйственных коммун, кустарных артелей т.д.

Отделом разрабатывается статистика татарского населения и его расселения по РСФСР и по отдельным автономным советским республикам. Работа эта уже заканчивается и будет издана отдельной брошюрой.

Издательская работа Центрототатотдела была сосредоточена в Казани ввиду концентрирования там всех татарских типографий и для удобства была объединена с издательским отделом Казанского губотнароба; последнему были переданы функции снабжения татарскими учебниками всех населяющих Поволжье татар. Развивать же издательскую деятельность в нормальных размерах Татарский отдел не мог из-за отсутствия бумаги. 90% переводных и оригинальных брошюр Центрототатотдела остаются неизданными только из-за отсутствия бумаги.

Нормальному развитию Центрального татарского отдела мешали общие условия гражданской войны и экономической разрухи, а также необеспеченность сотрудников. Все более или менее видные работники из татар мобилизованы военным ведомством. Из-за отсутствия работников даже закрывались некоторые местные отделы. Но все же в общем и при этих тяжелых условиях Отдел вполне выполнил и оправдал возложенные на него задачи.

Заведующий Центральным татарским
отделом Наркомнаца М.Султан-Галиев.

ГА РФ. - Ф.1318. - Оп.1. - Д.1045. - Л.27-34. с об. Подлинник.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.293-310.

Шәрекъка

Уян, Шәрекъ!

Әгәр хәзер уянмасаң, ул вакыт мәңге йокыда калып, шул көе каберга кереп китәрсең. Сизмисеңме, ничек сине изәләр, өзгәлиләр, мәсхәрә итәләр?

Кара! Бәйнәлмиләл жиһангирларның кылычлары синең башың өстенә күтәрелгән. Муеныңны кисеп өзәргә торалар.

Уян тизрәк! Уян!... Юк исә башсыз каласың. Ач күзләреңне, башыңны күтәр! Яныңдагы кылычны ал да, дошманнарың өстенә бар. Бетер аларны, ислəре, эзләре калмасын.

Сине бәйнәлмиләл жиһангирлар үзләренә кол ясап, хайван урынына жигәләр. Кемнәр өчен көннәр-төннәр буенча жилкәңне бөгеп, син тырнашасың урманнарда, кырларда, тауларда?

Кемнәр өчен синең ач-ялангач балаларың канлы яшьләрен түгәләр, кемнәр өчен синең сөйгән кыз-хатыннарың мәсхәрә ителәләр? Шулар өчен, шул, шул Европа капиталының караклары өчен! Алар синен бөтен жир-суыңа, тау-урманыңа хуҗа булганнар. Алай гына да түгел, синең үзеңә, бала, хатын-кызларыңа да хуҗа булганнар, барыгыз да тик алар өчен генә яшисез.

Әй бичара мәзлум* Шәрекъ!

Ач күзеңне, күрәмсең, Россия Шуралар жөмһүриятеннән сиңа ярдәм килә?.. Күрәмсең, Россиянең эшче-крестьяннары калыктылар да, үзләренең залим түрәләрен һәм үзләренең бөтен бай-байгуларын йөзтүбән кадалдырдылар... Инде алар коллыктан чыгып, үзләренә үзләре хуҗа булдылар.

Ишетәмсең, алар бөтендөнья бай, жиһангирларының очлы тырнакларыннан сине дә тартып алырга ашыгалар.

Ишетәсеңме? Кызыл Армия азатлык шигаралары** белән ташкын булып Шәрекъка килә. Әнә, туп тавышлары яңгырый. Әнә, Шәрекъ өстендә аэропланнар оча.

Әй таланган Шәрекъ!

Уян, сине коллыктан коткарырга дип канын, жанын кызганмый сугышып барган кызыл гаскәргә ярдәмгә чык... Кораллан тизрәк!... Күтәр югарыга азатлык байрагын.

Ташлан дошманның өстенә...

Юк ит аны дөньядан...

Бетсеннәр гасырларча сине коллыкта тотып килгән Европа капиталистлары!

Бетсеннәр сине аларга буйсындырган Шәрекъның ханнары, ялган руханилары, байлары һәм бәкләре!...

Әй Шәрекъ ярлысы!...

Бел вакытның кадерен. Кара, шомлы көннәр яңадан килмәсен. Инглиз, француз жиһангирларын бетер һәм үз хан, бай вә бәкләреңжин дә, хакимиятне үз кулыңа ал.

Синең күкрәгең таза, йөрәгең көчле, уян, Шәрекъ!...

Үзенә үзең хуҗа бул!

Мирсәет Солтангалиев.

Кызыл Армия. - 1920. - 2 февраль. - № 251.
("Кызыл Шәрекъ"[117] газетасыннан күчермә).

---

*Мәзлум - изелгән, жәберләнгән, рәнжетелгән, кыерсытылган.

**Шигар - өндәү, лозунг, байрак.

Бакудагы үзгәреш мөнәсәбәте белән

Бу көннәрдә Төркиядән Баку аркылы Мәскәүгә килгән иптәш төрек коммунистлары үзгәреш алдыннан Баку һәм бөтен Азербәйҗандагы хәлләр хакында түбәндәге тәфсиләтне хәбәр иттеләр.

Азербәйҗан хөкүмәте башында милли буржуалар партиясе "Мосават" әгъзаларыннан тәшкил ителгән Йосыф-бәк Насиббеков кабинеты булган. Соңгы вакытларда мосаватчылар, Антанта тарафыннан "ярдәм"гә ышанып, союзниклар тарафында булганнар. Ләкин азербәйҗан халкы, Бакуны телгә алмаганда да, күбрәге мөселманнардан (Закавказье татарлары) гыйбарәт булганга һәм Антантаны Шәрекътагы ерткыч империализм сәясәте өчен дошман күрү канына кадәр сеңгәнгә күрә, табигый, мосаватчыларның андый сәясәтләре халыкка охшамаган һәм бөтен халык хөкүмәткә каршы булганнар. Баку эшчеләре исә хөкүмәт мосаватчылар кулына күчкән көннән бирле ачыктан-ачык большевиклык тарафында булдылар. Соңгы вакытта Бакуда яхшы оешкан эшчеләрнең саны 76 меңгә житте. Шуларның 60 меңнән артыграгы татар эшчеләре. 30 мең штыктан гыйбарәт булган Азербәйҗан гаскәре бөтенләй дип әйтерлек большевиклык рухы белән сугарылганнар. Моңа жирле коммунистлар оешмасы "Һиммәт" партиясенең агитациясеннән башка Азербәйҗан гаскәренең башында тора торган төрек офицерлары да күп ярдәм иткәннәр. Чөнки алар Азербәйҗан халкы шикелле Антантага дошманнар. Шуңа күрә алар солдатлар арасында яшерен рәвештә агитация ясап, Шәрекътагы мәзлүм милләтләрне бәйнәлмиләл империализм золымыннан коткару өчен бердән-бер тырышучы булган Советлар Россиясе белән иттифак ясарга өндәгәннәр. Соңгы вакытларда Азербәйҗан хөкүмәтенең гаскәре Әрмәнстан чикләренә жыелган. Чөнки күбрәк халкы әрмәннәрдән гыйбарәт булган Карабахта (Кәнҗә губернасында) әрмән милләтчеләренең котырыгы белән жирле мөселманнарны кисү башланып, соңыннан ачыктан-ачык татарлар белән әрмәннәр сугышына әйләнгән. Дагстан чикләрендә калган сакчы гаскәрләр күп булса 200-300 кеше калган. Барыш шулай булганлыктан, әлбәттә, Азербәйҗан хөкүмәте ачыктан-ачык большевиклар белән көрәшә алмаган.

Коммунистларның краевой комитетлары ачыктан-ачык эшләп килгән эшчеләрнең яхшы күелган клублары булып, шул клуб эшчеләр арасында коммунизм фикере тарату өчен баш штаб хезмәтен үтәгән. Татар телендә большевиклар тарафыннан 4-5 газета чыгарылган. Алар һәммәсе хөкүмәткә каршы тарафта булганнар. Жирле партия комитеты башында торган "Һиммәт" әгъзасы иптәш Галихәйдәр Караев яшь кеше булса да, үз эше өчен яхшы хәзерләнгән, тәжрибәле һәм тырыш эшче. Иптәш Галихәйдәр Баку эшчеләреннән Милләт мәжлесенә сайланып, ул берүзе генә булдыгы хәлдә мосаватчылар белән бик каты көрәшкән.

Үзгәрештән бер ай гына әүвәл хөкүмәт коммунистларга каршы "катгый" тәдбирләр күрә башлап, аларны кыса башлаган. Сәбәбе дә үзенә бер төрле түбәндәге вакыйгадыр. Җәнүби фронтта һәм Шимали Кавказда аклар жиңелгәч, алар бергәләшеп Кызыл Армиягә каршы тору хакында Азербәйҗан хөкүмәте белән сөйләшү өчен Дон, Кубань һәм Терек казачийлары исеменнән Бакуга вәкилләр жибәргәннәр. Шул вәкилләр белән

ясалган киңәш мәҗлесе бинасына бомба ташланган. Ләкин бинага зарар килмичә, бары тәрәзәләре генә ватылган. Бу эш ике контрреволюция көченең иттифак ясавына каршы протест галәмәте буларак жирле партия эшчеләре тарафыннан эшләнгәнме, яки халыкның ачуын китерү ниятe белән Азербәйҗан хөкүмәтенең провокациясе белән эшләнгәнме, хәзергә мәгълүм түгел. Ләкин шул көнне үк хөкүмәт, гуяки бомба ташлаучынын кесәсеннән чыккан документлар бу эшнең коммунистлар тарафыннан эшләнгәнлеген күрсәтә, дип игълан иткән. Шуннан соң үк большевикларны тикшерә, кыса башлаганнар. Жирле партия эшчеләре арасында яхшы урын тота торган иптәш Бәйрәмов кулга алынып, хөкүмәт зинданында газапланып үтерелгән. Аның гәүдәсен мосаватчы җәлладлары кеше йөрми торган сәхрәгә чыгарып ташлаганнар. Калган иптәшләр вакытында тау араларына качып өлгерү сәбәпле ул газаплардан котылып калганнар.

Баку эшчеләре үзләренең башлыкларын үтерүгә каршы, аны кадерләү белән җавап кайтарганнар: иптәш Бәйрәмовның гәүдәсен эзләп табып, Бакуга китереп, берничә үн мең эшче хозурында, музыка белән, тантаналы рәвештә күмгәннәр. Насиббеков хөкүмәте, үзенең оттырганлыгын күреп, иң соңгы чарага ябышкан: Советлар Россиясе белән "иттифакка" килергә карар биргән. Насиббеков хөкүмәт идарәсен тышкы эшләр вәзире Фатихгали Хан-Хойскийга биреп, ул Советлар Россиясе белән "яхшы күршеләр" булу тугрысында мөзакәрә башлар дип кәтә башладылар. Ләкин Баку пролетариаты үзенең сыйнфый дошманнары нинди тозак корганлыгын сыйнфый һәм инкыйлаби хис белән аңлап, ул тозакка төшмәс өчен нинди юл белән барырга кирәклеген үзе тәгаен итте. Кызыл Армиянең килгәнен дә көтмичә, буржуазия соглашательләре мосаватчылар хөкүмәтен төшереп, Азербәйҗан һәм Баку шәһәрендә Совет хөкүмәте игълан итте.

. - 1920. - 22 май. - № 45.

Бөтен Шәрекъ инкыйлабчыларына

15 августта Бакуда Якын Шәрекътагы инкыйлабчы партияләрнең съездлары булачак булганлыктан III Интернационалның Шәрекъ комиссиясе шушы түбәндәге зәминнәрне* эшләп чыгарды ки, шул зәминнәрдә докладларын хәзерләнүләре мәтлүбтер**

Беренче баб
Төркия

1. Төркия мәмләкәтенең жимерелүе.
2. Мосаләха соңында Европаның бөек хөкүмәтләренең Төркия өчен көрәшүләре.
3. Төркиядә революция тарихы һәм 1908 елдан башлап 1918 елга кадәр булган ике арада революция соңындагы дәвер.

Инкыйлабның һәм партиянең инкыйлаби көрәше соңындагы икътисади һәм ижтимагый хәлләрне аңлату.

4-5. Грек-төрек көрәшләре, әрмәннәр мәсьәләсе. Әрмән-төрек һәм төрек-грек дошманлыкларының икътисади һәм ижтимагый сәбәпләре.

6. Кәнәҗ төрекләр партиясе, аның ижтимагый яктан ни рәвештә икәнлеге һәм аның икътисади эшләрдә тоткан урыны, мөсаләмә*** соңында Кәнәҗ төрекләр партиясенең төсен үзгәртүе һәм аның эшләгән эшләре һәм аның башка партияләргә һәм группаларга, милли хәрәкәтләргә һәм жир мәсьәләсенә мөнәсәбәте.

7. Мөсаләмәдән соңыннан башлап хәзерге көнгә кадәр Төркиядәге төрле партияләрнең тоткан урыннары һәм аларның әһәмияте.

8. Урыннардагы мәсьәләләр: Сүрия, Гыйрак, Гарәбстан, Көртстан, Анатолия, Фракия, Батум, Лазстан мәсьәләләре (һәр мәмләкәтнең эчендәге сыйнфый мәсьәләләр, жир мәсьәләләре, икътисади мөнәсәбәт, аларның метрополия белән төрек халкы арасындагы мөнәсәбәт һәм галякалары****, түләү, түләүләр системындагы идарәләр).

Икенче баб
Әрмәнстан

1. Әрмән-төрек мәсьәләсенең сугышка кадәр, сугыш вакытында һәм хәзерге көндә булган хәле. Әрмәннәр белән төрекләрнең мөнәсәбәтләре.
2. Гарби Европа хөкүмәтләренең Әрмәнстанга, сугышка кадәр, сугыш вакытында һәм сугыштан соңгы мосаләхә***** вакытындагы карашлары.

---

* Зәмин - нигез.
**Мәтлүб - таләп ителү.
*** Мөсаләмә - тынычлык, татулык.
**** Галяка - бәйләнеш, үзара мөнәсәбәт.
***** Мосаләхә - килешү, тынычлашу.

3. Әрмәнстандагы төрле сыйныф халыкларның бер-берсенә булган мөнәсәбәтләре, дашнакчыларның сәясәтләре.
4. Рус һәм төрек Әрмәнстаннарындагы жир мәсьәләләре.
5. Мөстәкыйль Әрмәнстанның хәзерге икътисади хәле, андагы түләү системалары.
6. Сугышка кадәр һәм хәзерге көндә Әрмәнстанның каумият (нәсел-нәсәп) ягыннан булган хөдүд-границалары. Качаклар мәсьәләләре.

Өченче баб

1. Персия революциясе һәм анар Россия белән Англиянең мөнәсәбәтләре.
2. Иранның тәрәкъкый тарихыннан башлап хәзерге көнгә кадәр булган тарихы.
3. Англия һәм Россиянең Персия өчен көрәшләре.
4. Англия белән Персия арасында 1918 елда ясалган могаһәдә.
5. Ирандагы сәяси партияләр һәм аларның көрәшләре һәм Күчүк-ханның хәрәкәтләре.
6. Иранның ижтимагый яктан булган мөнәсәбәтләре.
7. Иранда жир мәсьәләсе.
8. Иранның хәзерге көндәге икътисади хәлләре.
9. Ирандагы күчмә халыклар шаһсүннәр һәм бәхтиярлар һәм аларның икътисади хәлләре.
10. Ирандагы нефть һәм анар Англиянең омтылу тарихы.
11. Түләүләр системы.

Дүртенче баб
Русия Азербайҗаны

1-2. Татар-әрмән дошманлыгы һәм ул мәсьәләнең хәзерге хәле.
3. Азербайҗандагы сыйнфый мәсьәләләр һәм жир мәсьәләсе.

Бишенче баб
Грузия мәсьәләсе

1. Грузия мәсьәләсе. Аның хәзерге хәле һәм Русиядән аерылуы. Сыйныф көрәшләре һәм аларның сәяси партияләренең көрәшләре. Жир мәсьәләсе. Грузиянең хәзерге хәле. Түләүләр системы.

Шул зәминдә эшләүчеләргә шул хакларда докладлар хәзерләргә, аларны Бакуга съезд жыю комиссиясенә, копиясен Мәскәүгә Интернационал комитетының Шәрекъ комиссиясенә һәм Шәрекъ халыкларының Мәркәз бюросына жибәрергә тәкъдим итәм[118].

Шәрекъ халыклары коммунистлары
Мәркәз бюросының рәисе Солтангалиев.

Эшче. - 1920. - 21 июль. - № 66.

М.Х. Султан-Галиев. 1919г.

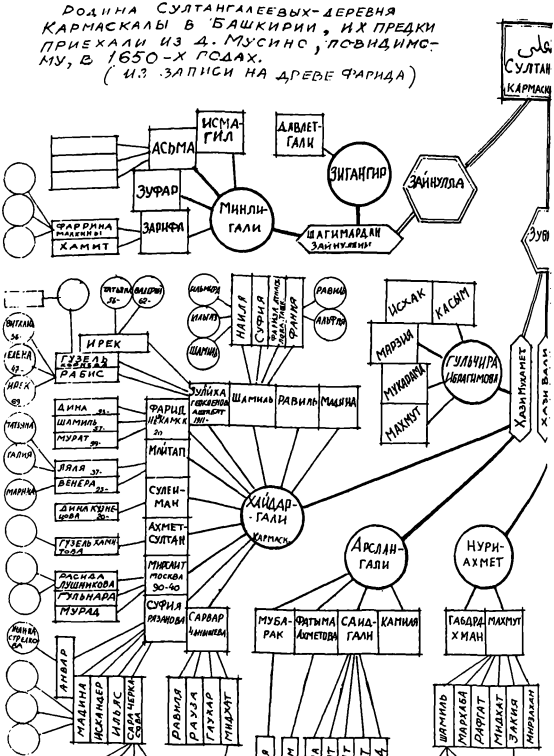
Хайдаргали Хаджимухаметович Султан-Галиев, отец М.Х. Султан-Галиева.
Б/д (ЦГА ИПД РТ.-Ф.8237.-Оп.1-Д.41.)

Магитаб Хайдаргалиевна Султан-Галиева, сестра М.Х. Султан-Галиева. Не позднее 1937г.
(ЦГА ИПД РТ.-Ф.8237.-Оп.1.-Д.47.)

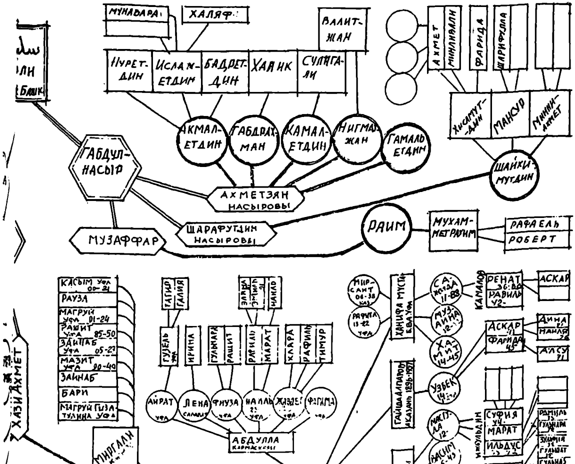
Газиза Ракушевна Чанышева, мачеха М.Х. Султан-Галиева.
Б/д. (ЦГА ИПД РТ.-Ф.8237.-Оп.1.-Д.48.)

Дом Хайдаргалия Султан-Галиева, отца М.Х. Султан-Галиева, в Кармаскалах.
Б/д. (ЦГА ИПД РТ.-Ф.8237.-Оп.1.-Д.50.).

Родина Султангалеевых-деревня Кармаскалы в Башкирии, их предки приехали из д. Мусино, по видимому, в 1650-х годах.
(из записи на древе Фарида)



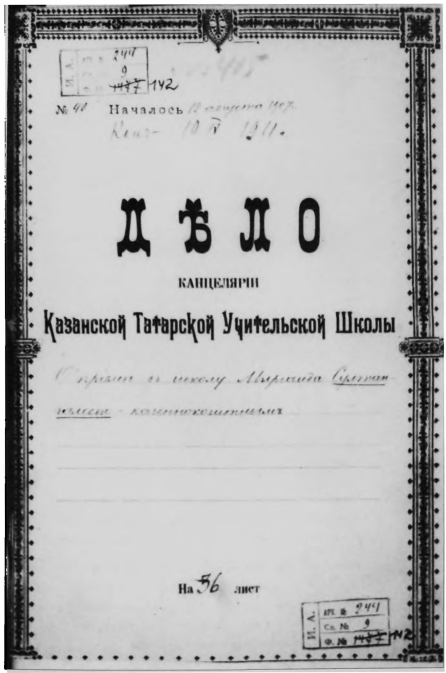
Генеологическое древо рода Султангалеевых составил Герат известного политического деятеля Мирсаита Рассылая свою схему древа родственникам Фар лет, и выслать ему, он писал: «моя мечта - чтоб нашего рода». Выполняя волю ныне покойного я, у древо Фарида, дополнив потомками Нургалея - пр



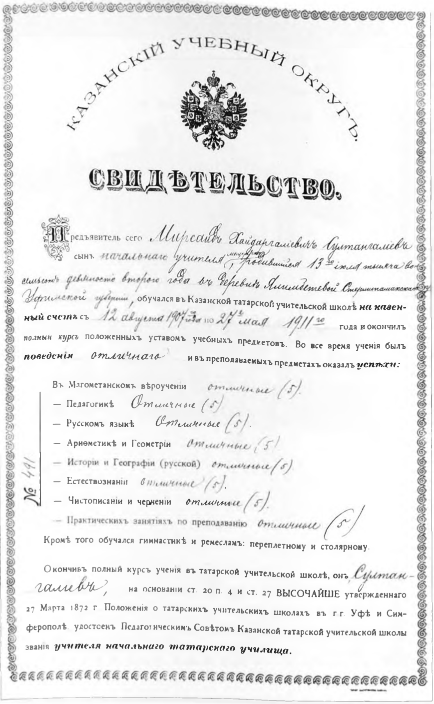
...д диктовку своего отца Хайдар-Галея в 1932 году Фарид ...лтангалеева) а в 1973 году частично дополнил его.
Просил каждого внести в него дополнения последних
этот документ превратился в эстафету поколений
...ек, сын Гайши Сулеймановны, в 1992 году перечертил
...нука Султан-Галея

г. Казань 1992 г.

Здание Татарской учительской школы в Казани (ул. Тукаевская, 73).



Обложка личного дела М.Х. Султан-Галиева,
заведенного канцелярией Татарской учительской школы.
(НА РТ.-Ф.142.-Оп.1.-Д.244.-Л.1.).



КАЗАНСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Предъявитель сего Мирсаидъ Хайдаргаліевичъ Султангалиевъ сынъ начальнаго учителя мещанина, родившійся 13-го іюля тысяча восемьсотъ девяносто второго года въ деревнѣ Ямилдетевой Стерлитамакскаго уѣзда Уфимской губерніи, обучался въ Казанской татарской учительской школѣ ***на казенный счетъ*** съ 12 августа 1907-го года по 27-е мая 1911-го года и окончилъ *полный курсъ* положенныхъ уставомъ учебныхъ предметовъ. Во все время ученія былъ ***поведенія*** отличнаго и въ преподаваемыхъ предметахъ оказалъ ***успѣхи:***

Въ Магометанскомъ вѣроученіи отличные (5).
— Педагогикѣ Отличные (5)
— Русскомъ языкѣ Отличные (5).
— Ариѳметикѣ и Геометріи отличные (5)
— Исторіи и Географіи (русской) отличные (5)
— Естествознаніи отличные (5).
— Чистописаніи и черченіи отличные (5).
— Практическихъ занятіяхъ по преподаванію отличные (5)

№ 491

Кромѣ того обучался гимнастикѣ и ремесламъ: переплетному и столярному.

Окончивъ полный курсъ ученія въ татарской учительской школѣ, онъ, Султангалиевъ, на основаніи ст. 20 п. 4 и ст. 27 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 27 Марта 1872 г. Положенія о татарскихъ учительскихъ школахъ въ г.г. Уфѣ и Симферополѣ, удостоенъ Педагогическимъ Совѣтомъ Казанской татарской учительской школы званія ***учителя начальнаго татарскаго училища.***

Свидетельство об окончании Татарской учительской школы выданное М.Х. Султан-Галиеву. 1911г. (НА РТ.-Ф.142.-Оп.1.-Д.244.-Л.28.).

Рауза Султан-Галиева (в девичестве Чанышева),
жена (первая) М.Х. Султан-Галиева, с их дочерью Росидой.
Б/д. (ЦГА ИПД РТ.-Ф.8237.-Оп1.-Д.48.).

М.Х. Султан-Галиев с женой (второй) Фатымой Ерзиной. 1919г.
(ЦГА ИПД РТ.-Ф.8237.-Оп.1.-Д.32.).

М.Х. Султан-Галиев, Ф.А. Ерзина, И.К. Фирдевс. 1919г.
(ЦГА ИПД РТ.-Ф.8237.-Оп.1.-Д.34.).

М.Х. Султан-Галиев, И.К. Фирдевс. 1919г.
(ЦГА ИПД РТ.-Ф.8237.-Оп.1.-Д.36).

Гульнар и Мурат, дети М.Х. Султан-Галиева. 1942г.
(ЦГА ИПД РТ.-Ф.8237.-Оп.1.-Д.44.).

Илиас Алкин (1895-1937) - председатель Всероссийского мусульманского военного шуро (с июля 1917г. по февраль 1918г.), начальник штаба Башкирских войск (с января по декабрь 1918г.), член Башревкома (с февраля 1919г. по июнь 1920г.). Профессор. Экономист. Историк.

Мулланур Вахитов (1885-1918) - председатель Мусульманского социалистического комитета в г. Казани (с апреля 1917г.), председатель Центрального мусульманского комитета и член Коллегии Наркомнаца (с января 1918г.), председатель Центральной мусульманской военной коллегии (с 31 мая 1918г.).

Казанскій избирательный округъ.

№ 10

Мусульманскій Соціалистическій Списокъ.

Алкинъ, Ильясъ Сендгереевичъ. Воскресенская ул. д. Алкина.

Цаликовъ, Ахметъ Бекъ Тимбулатовичъ, Петроградъ, Конно-Гвардейскій пер. № 6.

Вахитовъ, Мулла-Нуръ Мулла Зяновичъ, Казань, Ананаевское Подворье.

Мухамедіаровъ, Фатыхъ Гарифовичъ, Луцкъ, Исполнительный Комитетъ. Особой Арміи.

Алкинъ, Джангиръ Сендгереевичъ, Казань, Воскресенская ул. д. Алкина.

Ахмадѣевъ, Шагидъ Гимазудиновичъ, Казань, Мостовая ул. д. Забѣлина.

Багаутдиновъ, Гатаулла Багаутдиновичъ, В. Мѣщанская, д. № 31.

Султангалѣевъ, Мансадъ Хайдаръ Галеевичъ. Казань, Набережная Кабана, д. № 168.

Мухетдиновъ, Хатыбъ Камаловичъ, Казань, Екатерининская ул., Татарская учительская Школа.

Список кандидатов в депутаты
от Мусульманского социалистического комитета в Учредительное собрание. 1917г.
(НА РТ.-Ф.Р-87.-Оп.2.-Д.3.-Л.224, 224 об.).

М.Х. Султан-Галиев среди делегатов I Всероссийского съезда мусульманских коммунистов. Между 4-12 ноября 1918г.
(ЦГА ИПД РТ.-Ф.8237.-Оп1.-Д.37.)

М.Х. Султан-Галиев среди делегатов II Всероссийского съезда мусульманских коммунистических организаций народов Востока. Декабрь 1919г. (ЦГА ИПД РТ.-Ф.8237.-Оп.1.-Д.37.).

Здание в Москве (ул. Кремлевская набережная, д.9),
где размещались Центральный мусульманский комиссариат
и Центральная мусульманская военная коллегия.
(Фото из книги Р.И. Нафигова «Мулланур Вахитов»).

Здание в Казани (ул. Тукая, д.1), где с апреля 1917г. по декабрь 1917г. размещался Мусульманский социалистический комитет. Июнь 1998г.
Фото В.И. Башкирова.

Дом Землянова в Казани (ул. Кирова, д.37), где с января 1918г. размещался Мусульманский социалистический комитет. Июнь 1998г.
Фото В.И. Башкирова.

Дом Стахеевых в Казани (ул. Лобачевского, д.9), где в 1918г. размещался Мусульманский комиссариат. Июнь 1998г.
Фото В.И. Башкирова.

Здание в Казани (ул. Островского, д.6), где в 1919-1920гг. размещалась Центральная мусульманская военная коллегия. 1998г.
Фото В. Башкирова.

Члены Малой коллегии Народного комиссариата по делам национальностей.
Слева направо: Г.К. Клингер, Г.И. Бройдо, М.П. Павлович, М.Х. Султан-Галиев. 192[illegible]
(ЦГА ИПД РТ.-Ф.8237.-Оп.1.-Д.39.).

Дом Асадуллаева в Москве (Татарский переулок, д.8), где в 1918-1923гг. проходили собрания, конференции, съезды мусульманских военных и партийных организаций. 1998г.
Фото А. Багаутдинова, корр. журнала «Родина».

Здание в Москве (ул. Пятницкая, д.13), где помещалась типография «Восточная печать». Здесь печатались татарские газеты «Чулпан» (орган Центрального мусульманского комитета), «Кызыл Армия» (орган Центральной мусульманской военной коллегии), «Эшче» (орган Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока) и брошюры на татарском языке.

1998г. Фото А. Багаутдинова, корр. журнала «Родина».

Здание в Москве (Трубниковский переулок, 19), где размещался Народный комиссариат по делам национальностей, членом коллегии которого М.Х. Султан-Галиев являлся с мая 1920г. по 4 мая 1923. 1998г.
Фото А. Багаутдинова, корр. журнала «Родина».

М.Х. Султан-Галиев. 14 декабря 1928 г. Тюремное фото.

1921 г.

- **Доклад Народному комиссару по делам национальностей И.В.Сталину, копию - в ЦК РКП(б), о положении в Крыму**
- **Мустафа Субхи и его работа**
- **В царстве голода. /Из путевых впечатлений/**
- **Выступление на совещании ответработников тюркских народов о создании в Москве издательства литературы на тюркских языках**
- **Заявление в Татарскую областную комиссию по проверке и очистке членов партии об А.М.Енбаеве**
- **О периодической литературе на тюркских языках. (К вопросу об издании центрального коммунистического журнала)**
- **Татары и Октябрьская революция**
- **Выступление на IV Татарской областной партийной конференции с опровержением обвинения в обособленчестве**
- **Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман**

Доклад
народному комиссару по делам национальностей И.В.Сталину, копия в ЦК РКП (б), о положении в Крыму

14 апреля 1921г.

Постановлением коллегии Наркомнаца и Оргбюро ЦК партии я был командирован в Крым в качестве представителя от Наркомнаца. В Крыму я находился около полутора месяца (с 13 февраля по 29 марта) и за это время достаточно хорошо ознакомился с постановкой партийной и советской работы в Крыму. И партийная, и советская работы в Крыму поставлены крайне ненормально. Если Центр не обратит на это свое внимание и не примет срочных и решительных мер к исправлению допущенных по отношению к Крыму ошибок и к устранению наблюдающихся там ненормальностей, то через несколько месяцев Советская Россия опять может очутиться перед фактом потери Крыма. Эта мысль моя разделяется и большинством самих крымских работников.

1. Партийная работа

а) Общая

Организованно-планомерной работы в Крыму не видно. Как и все остальное, партийная работа там носит кустарнический характер. Объясняется это, с одной стороны, непостоянным, "текучим" и неудовлетворительным составом областкома, а с другой слабостью и деморализованностью всей партийной организации в целом.

Вначале секретарем областкома была тов. **Самойлова** (Землячка) крайне нервная и больная женщина, отрицавшая в своей работе какую бы то ни было систему убеждения и оставившая по себе почти у всех работников память "аракчеевских времен". Не нужное ни к чему нервничание, слишком повышенный тон в разговоре почти со всеми товарищами, чрезмерная требовательность там, где нельзя было ей предъявлять ее, незаслуженные репрессии ко всем тем, кто имел хотя бы небольшую смелость "сметь свое суждение иметь" или просто "не понравиться" ей своей внешностью, - составляли отличительную черту ее "работы". Высылка партийных работников из Крыма обратно на север, особенно после постановления Оргбюро ЦК партии о направлении партийных работников в Крым только с разрешения ЦК, приняла эпидемический характер. "Высылались" все без разбора, кто бы то ни был, и не единицами, а целыми пачками - десятками и сотнями. Такая терроризация организации дала самые отрицательные результаты. В бытность тов.**Самойловой** в Крыму буквально все работники дрожали перед ней, не смея ослушаться ее хотя бы самых глупых или ошибочных распоряжений. Но стоило ей удалиться из пределов Крыма, как почти вся организация "восстала" против нее, и это "восстание" вылилось в самую ненормальную форму. Отрицательное отношение подавляющего большинства организации, обвинение всего Центра в «бюрократическом централизме» с выставлением в противовес этому "демократического централизма", доходящий порой до резкости антаго-

низм между "центровиками" и "местными", - вот реальные последствия диктаторства тов.**Самойловой**. В крайности "демократических централистов", как и следовало ожидать, там естественно возникла и противоположная группа сторонников "бюрократического централизма", которые на официальных собраниях, защищая мысль о преждевременности введения в Крыму как в оккупированной стране (?) принципов пролетарской демократии, доходила до такого абсурда, что восхваливала "красных аракчеевых" (Вишневский - на общем предвыборном собрании Симферопольской организации). Несмотря на то, что группа эта составляет очевидное меньшинство в организации, руководство партийной работой в Крыму фактически продолжает оставаться в ее руках.

После отъезда тов.**Самойловой** ее заменил член реввоенсовета 4-й армии тов.**Лидэ**, замещавший также до приезда из Центра тов. Полякова должность председателя Крымревкома (после Бела Куна). Тов.**Лидэ** - больной психически, сильно утомившийся и нуждающийся в отдыхе работник. У него парализованы оба плеча и одна нога, и он с большим трудом двигается. Исследовавшие его недавно врачи утверждают, что переутомление его организма достигло крайних пределов, и что если он не будет лечиться, то через несколько месяцев может сойти с ума. Ясно, что требовать от такого работника умелого руководства партийной работой было нельзя. Он пошел по пути тов.Самойловой, правда, временами с некоторыми ослаблениями, но это "ослабление" носило непостоянный характер и лишь раздражало организацию, вызывая в ней внутренние трения. Непостоянность эта, между прочим, сказывалась в непрочности позиции областкома в вопросе областной партконференции. Настроение организации требовало созыва областной конференции. Но ее не созывали, выставляя мотив некристаллизованности организации. Тем не менее через некоторое время областком объявил созыв конференции. Но когда на местах в укомы стали приходить работники, настроенные оппозиционно к областкому, то последний отменил областную конференцию от имени ЦК партии, и в настоящее время Крымская организация имеет выборные укомы и райкомы на местах и "назначенский" областком в центре[119]. Недавно на заседании ответственных работников Симферопольской организации опять был поднят вопрос о созыве областной конференции, и было решено созвать ее к 1-3 мая. Но с приездом Акулова (назначен из Центра секретарем областкома) конференция опять отложена до неопределенного времени. Ясно, что кроме раздражения и недовольства, все это ничего другого в партийную среду не вносит, тем более, если принять во внимание последовавшие после приезда из Центра тов.Полякова и Акулова отзывы из Крыма некоторых местных работников (отзываются члены Ревкома Гавен, Измаил Фирдевс и член областкома Бабахон), пользовавшихся гораздо большим авторитетом среди местных работников и населения, чем все остальные.

б) Работа среди татар и национальных меньшинств.

Слабо поставлена работа и среди национальных меньшинств, особенно среди татар. В Симферополе, в этом центре Крыма, имеется всего лишь десятка три коммунистов татар, а на местах их еще меньше. Например, вся татарская секция Севастопольской организации, включающей в себя и Бахчисарайский район со сплошным татарским населением, состоит из

12-14 человек кандидатов в члены партии и не имеет ни одного действительного члена. Объясняется это, с одной стороны, общим деморализованным состоянием всей Крымской организации в целом, а с другой - отсутствием партийных сил из среды самого местного населения и их несплоченностью и неорганизованностью: интригующие между собой общие работники втягивают в свои интриги и татарских работников, стремясь создать среди них своих "сторонников". В частности, одной из главных причин слабости партийной работы среди татар является, как на это указывают и сами татарские работники, отсутствие у областкома какой бы то ни было позиции в определении социальной базы, опираясь на которую татарские работники могли бы вести работу. Татарские работники вначале определили свои позиции в этом отношении. Они как временную меру предложили организацию в татарских селениях комбедов как единственное первоначальное средство расслоения татарской деревни, тем более таковые стихийно возникали с первых дней прихода Советской власти в Крым. Но областком почему-то не согласился с этим, перенес вопрос на рассмотрение Центра, а оттуда все еще нет ответа. Таким образом, работа по расслоению татарской деревни в начале же развалилась, создав тем самым еще большие затруднения для татарских работников в их работе.

II. Советская работа.

Ненормальное состояние партийной организации в Крыму отразилось и на состоянии советской работы. Но в развитии советской работы, помимо этой причины, были еще и другие специфические условия, которые породили ненормальность ее постановки.

Первой и очень крупной ошибкой в этом отношении явилось слишком широкое применение в Крыму красного террора. По отзывам самих крымских работников, число расстрелянных врангелевских офицеров достигает во всем Крыму от 20 до 25 тысяч. Указывают, что в одном лишь Симферополе расстреляно до 12000. Народная молва превозносит эту цифру для всего Крыма до 70000. Действительно ли это так, проверить мне не удалось[120].

Самое скверное, что было в этом терроре, так это то, что среди расстрелянных попадало очень много рабочих элементов и лиц, оставшихся от Врангеля с искренним и твердым решением честно служить Советской власти. Особенно большую неразборчивость в этом отношении проявили чрезвычайные органы на местах. Почти нет семейства, где бы кто-нибудь не пострадал от этих расстрелов: у того расстрелян отец, у этого брат, у третьего сын и т.д.

Но что особенно обращает на себя в этих расстрелах, так это то, что расстрелы проводились не в одиночку, а целыми партиями, по нескольку десятков человек вместе. Расстреливаемых раздевали донага и выстраивали перед вооруженными отрядами. Указывают, что при такой "системе" расстрелов некоторым из осужденных удавалось бежать в горы. Ясно, что появление их в голом виде почти в сумасшедшем состоянии в деревнях производило самое отрицательное впечатление на крестьян. Они их прятали у себя, кормили и направляли дальше в горы. Насколько все это соответствует действительности, трудно сказать, но это утверждают почти все центральные и местные работники.

Такой бесшабашный и жестокий террор оставил неизгладимо тяжелую реакцию в сознании крымского населения. У всех чувствуется какой-то сильный, чисто животный страх перед советскими работниками, какое-то недоверие и глубоко скрытая злоба.

Второе, что создало ненормальные условия в Крыму, - это его экономическое обескровливание, искусственно созданное Южным фронтом. После завоевания Крыма на этой маленькой территории пребывало целых 6 армий: Первая и Вторая конные армии Буденного, армия Махно, шестая и четвертая и еще какие-то из армий[121]. Все они питались за счет Крыма и каждая из них, покидая Крым, увозила с собой очень большое количество "трофейных продуктов", а также лошадей и т.д. Отдельные красноармейские отряды занимались грабежами, и никто их от этого не мог остановить. (Это подтвердил мне и Лидэ). Характерно, что в Симферополе, где в мирное время вмещалось не более 80000 населения, в настоящее время, с пребыванием там 4-й армии, помещается до 200000 человек. Ясно, что все это, вместе взятое, создает ужасный экономический кризис во всем Крыму. Продовольственное положение ухудшается изо дня в день. Весь южный район (потребляющий), населенный преимущественно татарским населением, в настоящее время буквально голодает. Хлеба дают лишь советским служащим, а остальное население, как в городах, так и в деревнях, абсолютно ничего не получает. В татарских деревнях наблюдаются уже случаи голодной смерти. Особенно усиливается детская смертность. На областной конференции женщин Востока делегатки-татарки указывали, что татарские дети "мрут, как мухи".

Третье, что дезорганизует правильную работу Советской власти, - это обилие чрезвычайных органов. На маленькую территорию Крыма существует 3 органа по борьбе с контрреволюцией: особый отдел 4-й армии, КрымЧК и особый отдел морского ведомства (вместо бывшей морской царской охранки)[122], действующий на протяжении 50-ти верст береговой полосы. Помимо них, на местах существуют еще уездные политотделы, которые ведут параллельную работу в этой же области. Никакого разграничения их компетенций на деле не существует. Каждый действует по своему усмотрению. В результате этого, между прочим, в деревнях, особенно татарских, очень часты всякие аресты, облавы и т.д. В особом отделе морведа, между прочим, работают бывшие врангелевские стражники. В этом признался сам начальник этого отдела. Мотив - исполнительность в работе. Между тем в деревнях, где мне пришлось бывать, определенно указывали, что эти кадры сотрудников особого отдела свое служебное положение используют в целях пресечения всякой возможности уличения их в преступных действиях против Советской власти, совершенных ими при Врангеле, и для этого производят изоляцию "контрреволюционеров" - тех, кто знает за ними эти преступления. В этом же направлении работают, как указывают в своих заявлениях представители татар, и состоящие сотрудниками особых отделов греки, особенно на южном побережье Крыма, где живут выходцы из Турции. Свое положение они используют в целях сведения личных счетов "национальной вражды" с татарами и турками и, путем ложных доносов на них и симуляцией их контрреволюционности, добиваются посылки на них карательных отрядов и экспедиций. Характерно при

этом.то, что, несмотря на манифест Советской власти в Крыму во второй ее период об амнистии татарских националистов-курултаевцев - за выступление их против Советской власти в прошлом, последние в этот период почему-то все еще преследуются. Преследуют даже тех, кто при Врангеле активно боролся с ним и поддерживал красно-зеленых. Так, например, преследуется видный левый курултаевец Чапчакчи, приговоренный Врангелем за агитацию против него к расстрелу. Преследование его началось после того, как он официально обратился ко мне за защитой арестованных татарских крестьян. Перед отъездом моим из Крыма я узнал, что, боясь дальнейших преследований, Чапчакчи скрылся неизвестно куда.

Обилие чрезвычайных органов при их нецентрализованности и при отсутствии какой бы то ни было серьезной работы рождает лишь почву для контрреволюции. Характерным в этом отношении является следующий пример. Ко мне в Симферополь приезжает представитель от 2-х населенных татарами волостей Красноармейского уезда (бывш. Ялтинского) с приговорами от сельчан о необходимости освобождения арестованных особым отделом морведа татарских крестьян. Татары ручаются, что они арестованы по ложному доносу и никогда ни в каких политических организациях не участвовали. Я посылаю телеграмму в Севастополь с просьбой приостановить суд над арестованными до моего приезда и, объезжая южное побережье Крыма, заезжаю в особый отел морведа. Мне там указывают, будто раскрыт монархический заговор, и что татары, за которых ходатайствуют ялтинцы, имели связь с заговорщиками. Узнаю также еще одну подробность - что, несмотря на то, что следствие по этому делу еще не было закончено, подозреваемые в заговоре были уже расстреляны.

Все это крайне терроризирует местное население. В южных районах, как мне указывают в своем докладе инструкторы и организаторы представительства Наркомнаца, татарское население, опасаясь арестов и облав, ночует вне дома - у соседей или в соседних деревнях. Многие уходят в горы и присоединяются там к зеленым. В некоторых селениях до половины населения уже ушло в горы.

Что же касается самих чрезвычайных органов и их сотрудников, то они чувствуют себя совершенно безнаказанными. Незаконные реквизиции, конфискации и изъятия стали обычными явлениями. Характерен следующий случай. После X-го съезда Партии и после опубликования в местной печати всех речей, статей и принятых съездом постановлений об уступках крестьянству, в один прекрасный день особый отдел 4-й армии производил разгон городского базара в Симферополе. Разгон производился самым бесшабашным и хулиганским образом. Поднимают стрельбу, публику ловят, все у них отбирают, вплоть до обручальных колец. И никто об этом не предупреждается: ни областком, ни ревком. Поднимается шум, гам... И только после этого, слишком уж "ощутительного" выступления особого отдела на заседании ответственных работников открыто ставится вопрос о ненормальности постановки советской работы в Крыму.

Одним из неправильных действий Советской власти в Крыму, лишь дезорганизовавших правильную ее постановку, было также так называемое изъятие излишков у буржуазии. Возникнув и начавшись в Центре (Симферополь), оно быстро перекинулось затем в провинцию и в некото-

рых местах превратилось в хроническую болезнь. Проводилось оно страшно неорганизованно и напоминало собой скорее грабеж, чем "изъятие". Отбирали буквально все - оставляли лишь пару белья. Мне самому пришлось быть свидетелем такого "изъятия" в г.Алупке. Все партийные и советские работники были заняты этой работой. Учреждения не работали. "Изъятие" производилось вооруженными отрядами красноармейцев. Красноармейцы почему-то все были пьяны. Когда мы обратились к председателю ревкома с вопросом, почему это так, то он объяснил, что вино "это очень плохое", "никудышное", и что красноармейцы едва ли от него опьянеют. Проходя вечером мимо казармы, мы невольно стали наблюдателями следующей картины: командир отряда, весь красный от вина, отдавал какие-то бессвязные приказы красноармейцам. Те не слушались и перебранивались. "Ты сам во как выпил, а нам всего лишь по две кружки досталось", - укоризненно и возбужденно говорили ему красноармейцы. Как мы потом выяснили, они требовали себе еще по стакану вина.

Распределение изъятых вещей произведено также неорганизованно. Например, в Симферополе татарская беднота, несмотря на свою страшную нужду (женщины ходят в мешках, босые и полуголые), абсолютно ничего не получила. А между тем среди татар очень много произведено изъятий излишков, вплоть до подушек и одеял, служащих им вместо мебели.

Красная Здравница

Еще до поездки в Крым я находил, что объявление Крыма **Красной Здравницей** до ее политического самоопределения было ошибочным. Необходимо было декларировать сначала автономность Крыма с тем, чтобы он сам потом, по своей инициативе, объявил себя здравницей. Посетив Крым, я еще больше убедился в этом. Организация Красной Здравницы происходила и происходит при таких ненормальных условиях, что все это предприятие может легко рухнуть. Как известно, все южное побережье Крыма, где организуются курорты, в продовольственном отношении является потребляющим районом. Там производят лишь табак и фрукты. Население на 90% состоит из малоземельных татар, для которых в старое время буржуазные курорты являлись в некотором отношении источником заработка (проводничество, сдача квартир, сбыт табака, вина и фруктов). Организуя курорты, необходимо было в первую голову обеспечить продовольствием местное население. Но их не только не обеспечили, а напротив, произвели у них "изъятие излишков": табака, вина, муки и т.д. Привозить со стороны продовольствие им не разрешалось: всюду были расставлены заградительные отряды. В результате этого получился полный контраст в положении местного туземного населения, с одной стороны, и советских служащих и курортных больных, с другой: "питающиеся" курортные больные и советские служащие и буквально голодающие и умирающие от голодной смерти и туберкулеза туземцы - табаководы и садоводы.

Ясно, что при таком положении местное население как к самим курортам, так и к больным, кроме вражды, ничего не может питать. Но не лучше обстоит дело и с больными. Более или менее твердой продовольственной базы для курортов не было создано. Все, что могло обслуживать курорты, как, например, громадные запасы сгущенного молока и прочих доставшихся от Врангеля продуктов, - почему-то было вывезено из Крыма. Жи-

ров совершенно не было. Больным в ненормальной дозе отпускается вино. Среди них замечается обратная тяга на север. Очевидно, угнетающе влияет на них окружающая атмосфера. В последние дни в Ялте наблюдался случай, когда больные собирали список желающих уехать в Россию. Таких набралось до 200 человек. Дальнейшую подписку удалось прекратить лишь благодаря вмешательству органов ЧК. Административный персонал управления курортами набран почти исключительно из спецов. Партийных крайне мало. Контрреволюция может свить там себе очень удобное гнездо. Взаимоотношения между курортным управлением и местной властью, как в центре Крыма, так и на местах, установились крайне ненормальные. Цукисты (работники центрального управления курортами)[123] смотрят на местные органы как-то свысока: все советские органы в Крыму в их глазах являются лишь побочными органами по обслуживанию ЦУКа и курортов. А местные органы только лишь нервничают от этого, на Южном берегу ЦУК забрал себе все лучшие помещения. Все дачи и гостиницы находятся в его руках, и 90% их пустует в ожидании прибытия новой партии больных. В Ялте, где в старое время помещалось до 80-100 тыс. народу и даже больше, а сейчас живет не более 10-15 тыс. человек, уже "кризис в помещениях". Почему-то курортное управление и местные советские учреждения помещаются в лучших гостиницах, а приезжая публика остается на улице (например, я вместе с членом Крымревкома по приезде в Ялту не мог найти себе квартиры в течение 5-6 часов и добился ее лишь при вмешательстве особого отдела). Благодаря такому "кризису" татарские школы в Ялте ютятся где-то на краю города в маленьких лачужках, где обучается до 60-70 человек детей.

В организации курортов есть еще одна ненормальная сторона, вызывающая отрицательное отношение к ним местного населения. Это то, что при разверстке больных интересы местного, крымского населения почти совершенно не учтены. Крыму предоставлено всего лишь 150-200 мест: 20 мест ревкому, 30 мест областкому, а остальные - профсоюзам. Ввиду того, что местное туземное население почти не обслуживается профсоюзами, оно лишено возможности пройти на курорты по всем этим учреждениям. И за получением права на поступление в санатории местное население должно приезжать в Москву, к т.Семашко. Между тем коренное население Крыма - татары, и именно на южном побережье Крыма почти 70-80% заражено туберкулезом и нуждается в санаторном лечении не меньше рабочих севера.

Национальный вопрос

Национальный вопрос в Крыму в основном сводится к правильному разрешению ряда специфических социально-экономических и культурно-просветительных нужд основного населения Крыма - татар, обусловленных целым рядом исторических причин. Одной из таких нужд, и самой основной, является, безусловно, земельный вопрос. Татарское крестьянство, особенно на юге и на крайнем севере, малоземельно. На Южном берегу нет ни одного селения, где бы землепользование татар хотя бы немножко приближалось к норме. Все лучшие земли забраны были там под усадьбы помещиков и царских холопов. Недостаток земельной площади татары пополняли арендой помещичьих земель. В настоящее время все эти земли

находятся в руках Южсовхоза[124], который подчиняется непосредственно Центру и абсолютно не считается с местной властью и интересами местного населения. Таким образом, татары в настоящее время фактически лишены права обработки этих земель. Но Южсовхоз, не довольствуясь одними лишь помещичьими землями, накладывает руки и на те земли, которые издавна принадлежали туземцам и обрабатывались самими туземцами. Сделано это очень просто: все виноградники, не менее одной десятины были объявлены национализированными.

Что же касается советских хозяйств, то они представляют печальную картину. Во главе их сидят в большинстве случаев бывшие управляющие помещичьими усадьбами и имениями (переменили лишь место жительства), зараженные до мозга костей духом старого колонизаторства. Организация же совхозов произошла не планомерно, анархически. Всякий, кому не лень (исключая, конечно, забитое и бесправное татарское население), захватывал усадьбы и поместья и объявлял себя совхозом.

Добрая половина захваченных таким образом земель, если не больше, была лишена обработки, и вся плодовая культура южного берега Крыма обречена на гибель. Характерным примером бесцеремонного захвата земель у татарских крестьян может служить факт отнятия последних 70-ти десятин земли у населения Ай-Василь (близ Ялты) ялтинским муниципалитетом. Земля эта служила табачной плантацией, а сейчас на ней посеяли ячмень.

Совхозы беспризорны. Проезжая по усадьбе графа Воронцова-Дашкова, я был свидетелем, как в роскошном парке (принадлежит 3-м хозяйствам: совхозу, Наробразу и еще кому-то) ценные южные культурные растения уничтожались пасущейся тут же безнаказанно коровой заведующего хозяйством (бывший управляющий имением у Воронцова-Дашкова).

Следующим вопросом, интересующим татарское население, является народное образование. Внешне для этого как будто сделано все: заведование наробразом поручено татарину, для татар создан специальный орган - татарский п/отдел с органическими отделами. Но в действительности почти ничего не сделано, так как у наробразов отнята всякая возможность интенсивной и организованно-планомерной работы в этой области. 90% помещений наробраза занято под военные учреждения, казармы и лазареты. Единственное культурное учреждение татар - татарская учительская семинария - закрыта, так как помещение ее занято под какую-то воинскую команду. Сам наробраз и его учреждения ютятся в маленьких помещениях. Особенно плачевны в этом отношении учреждения, обслуживающие татарское население. Например, Татарская драматическая студия помещается в одной грязной комнате, которая одновременно служит и общежитием для курсантов. Курсанты же и преподаватели со дня открытия студии в течение двух-трех месяцев не получали ни жалования, ни пайков, и добрая половина их разбежалась. Единственная сила, которая широко может быть использована в культурно-просветительной работе среди татар, - это татарская интеллигенция. Между тем попытки наробраза к привлечению на работу татарской интеллигенции остаются безуспешными: единицы идут, а масса стоит в стороне, так как они привлекли к себе исключительное внимание чрезвычайных органов. Отстранение татар от участия в

культурно-просветительной работе, как видно, способствует и неудачный подбор в наробразе русских работников, которые все еще не освободились от своих русификационных взглядов на татар. Так, например, заместитель заведующего наробраза тов.**Смолин** (партийный) в отсутствие в Симферополе заведующего наробразом делает официальное предписание татарскому отделу о том, чтобы на совещании учителей татар доклады делались обязательно на русском языке. Он это ставит непременным условием разрешения созыва указанного совещания. Ясно, что такое распоряжение по отношению к крымским татарам, среди которых грамотных по-русски не больше 10-12%, вызывает лишь вполне законный протест, так как в Крыму даже при царизме русский язык не был обязательным для татар.

Чтобы дать более или менее наглядную картину ненормальной постановки народного образования среди татар, достаточно привести следующие цифры о школьном образовании татар. Из 1035 школ 1-й ступени и 78 - II-й ступени для всего Крыма на долю татар приходится всего 312 школ I-й ступени и ни одной II-й ступени. И это при наличии татарского населения Крыма более, чем 45%. При этом несоответствие между процентом учащихся татар и процентом общего количества татарского населения получается колоссальное. Так, в Джанкойском уезде, где татарское население исчисляется в 24%, число учащихся татар в школах I-й ступени достигает лишь 4-5%, в Симферопольском уезде это отношение выражается в цифрах 15/42, в Евпаторийском - 9/40, в Феодосийском 10/37 и т.д.

Также плачевно обстоит, как показало обследование, среди татар и дело народного здравия. В татарских селениях Крыма нет ни одной больницы, ни одной лечебницы, ни одной амбулатории. Из татар на весь Крым имеется всего лишь 2-3 человека медицинского персонала. Правда, 99% всех этих ненормальностей являются наследием прошлого, но вся беда в том, что Советская власть в Крыму не принимает, да и не может принять при теперешнем своем состоянии, необходимых радикальных мер к их устранению и исправлению.

Насколько далеки руководители партийного и советского строительства в Крыму от понимания политики Центра в национальном вопросе, можно судить по целому ряду, быть может, и мелких на первый взгляд, но значительных по своим последствиям их действий в этой области. Так, например, когда я явился к тов.**Лидэ** и заявил ему о необходимости организации в Крыму представительства Наркомнаца, то им было указано, что создание каких бы то ни было отделов по делам национальностей в Крыму он считает лишним, и поэтому мне было предложено заняться лишь партийной работой среди татар. Формальное разрешение на организацию представительства я добился через областком лишь спустя две недели после своего приезда в Крым, и то лишь после приезда тов.Полякова. В течение полутора месяцев не удавалось найти квартиры для представительства. Представительству пришлось работать сначала при татарском областном бюро[125], а затем при татарском женском клубе. Характерен еще один случай. Во время съезда председателей уездных, районных и сельских ревкомов Крыма я предложил татарским работникам использовать прибывших на съезд представителей ревкомов татарских селений для обсуждения с ними вопросов поднятия политического самосознания татарских

масс и вообще работы среди них. Вначале они не соглашались, говоря, что областком не разрешит им этого. Но потом согласились. Тем не менее секретарь областкома не разрешил этого из опасения, что после доклада о национальной политике Советской власти (предполагается мой доклад) татары могут поднять вопрос о Крымской республике. Лишь после вторичного настояния было "разрешено" оставить татарских делегатов на один день после съезда. (На татарских работников ревкома (Фирдевс, Идрисов, Меметов) и областкома (Дерен-Айерлы) смотрят, как на "мебель"). С их голосом стали считаться лишь в последнее время с приездом тов.**Полякова** и с усилением бандитизма в населенной татарами горной полосе. В общем отношении советских работников к татарам, за некоторым лишь исключением, чувствуется какая-то отчужденность и недоверие, чувствуется боязнь проявления у них широкой самоинициативности в активном участии в государственной жизни. Этим, очевидно, объясняется расформирование в Крыму отдельного татарского красноармейского батальона из добровольцев, сформированного в свое время в гор. Бугуруслане по приказу Реввоенсовета Республики для направления на Польский фронт. Батальон этот участвовал в боях с Врангелем, а также принимал активное участие в ликвидации махновщины, но тем не менее его расформировали, а красноармейцам и комсоставу объяснили, что мера эта проводится по приказу Центра. Между тем батальон этот мог быть использован как самое хорошее средство для агитации и для привлечения крымских татар в Красную Армию. Такая же участь постигла и отряд зеленоармейцев из местных татар, действовавших в тылу у Врангеля. Этот отряд держали голодным в продолжение нескольких месяцев, обманывая их всяческими обещаниями. Видя, что ничего не выходит, зеленоармейцы разбрелись кто куда, а часть, говорят, ушла обратно в горы (информация члена областкома Дерен-Айерлы).

III. Заключение

а) Общее политическое положение Крыма

Как партийная, так и советская работа поставлены в Крыму ненормально. Ненормальность эта увеличивается обилием чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией, а также центральных гражданских органов, лишь дезорганизующих работу местной власти (ЦУК, Южсовхоз, Внешторг и т.д.). Национальный вопрос в корне разрешен неправильно. Неправильно разрешен и земельный, а также продовольственный вопросы. Местное туземное население обижено во всех отношениях. Татарское население видит полный контраст между тем, что оно ожидало от Советской власти при Врангеле и что она преподнесла ему в действительности: 1) при буржуазно-капиталистическом строе татары имели возможность аренды помещичьих земель и на этом зарабатывали себе кусок хлеба; при Советском же строе их малоземельность лишь усилилась; 2) в старое время крымские татары имели свои национальные войсковые части: татарские кавалерийские эскадроны в Симферополе и Бахчисарае, охраняющие Крым, помещались в лучших казармах; Советская власть ликвидировала не только национальные войсковые части, но даже испытанные в боях татарские интернациональные красноармейские части из добровольцев; 3) в старое время буржуазные курорты давали татарам средства к сущест-

ванию, а Красная Здравница не только ничего не дает, но косвенно отбирает у них последние средства к существованию; 4) при буржуазном строе татарское население пользовалось свободой передвижения, а в настоящее время оно лишено такой возможности, так как стеснено особыми отделами; 5) при старом режиме татары потребляющих районов имели возможность свободного обмена производимых ими продуктов на хлеб и мануфактуру; Советская власть отняла у них все запасы вина, табаку и фруктов, а взамен ничего не дала.

Вот голые факты, на которых строят свое суждение о Советской власти крымские татары. Все это в сознании татарского населения преломляется как проявление организованной, но скрытой колонизационной политики Советской власти, порожденной ее недоверием к Востоку как к стране мелкобуржуазной стихии, и преследующей цели полной экономической и политической деморализации тюрко-татар как авангарда неизбежных в будущем наступательных волн освободительного движения колоний. Советская власть и коммунизм являются новой формой европейского империализма, основанной на отрицании права частной собственности, а потому еще более могущественной и грозной, чем раньше, - вот та ядовитая мысль, которая отравляет насквозь сознание умирающих от голода и вымирающих от туберкулеза крымских татар. Отзыв из Крыма таких работников, как **Гавен** и **Фирдевс**, с заменой их "левым" в национальном вопросе Акуловым должен лишь усилить это их настроение. И не удивительно после всего сказанного, что татарское население, так радостно встретившее Советскую власть (об этом отзываются буквально все работники), в настоящее время уже настраивается против нас, передавая свое настроение через приезжающих из Турции турецких судоходов и в Анатолию. Оно бежит в горы, ища там спасения, и попадает там в руки бывших врангелевских офицеров. Бандитизм в горах изо дня в день усиливается. Нападения на советских работников учащаются. Еще больше они должны усиливаться сейчас, с наступлением тепла.

Правда, в последнее время после объезда мною и татарскими работниками ревкома Южного района и сделанного нами доклада на соединенном заседании областкома с ревкомом принят ряд решений, направленных к исправлению допущенных по отношению к татарам ошибок: о централизации борьбы с контрреволюцией с упразднением особого отдела морвода; о повторении манифеста об амнистии бывших курултаевцев за их прошлые преступления; о необходимости обследования земельной нужды татарских крестьян, о запрещении изъятия излишков и т.д. Но все эти решения пока остаются на бумаге, и нет твердой уверенности в том, что меры эти в скором времени и до конца будут проведены в жизнь.

б) Какие меры необходимо принять по отношению к Крыму

Рассеять сгущенную атмосферу Крыма и установить там нормальное положение, по моему глубокому убеждению, могут лишь следующие меры:

1) декларирование Крыма автономной Советской Социалистической Республикой с Конституцией, соответствующей конституции Дагестана и Горской Республики[126];

2) немедленное проведение, и без всяких уклонений, по отношению к Крыму тех уступок, которые проводятся по отношению к Грузии[127];

3) немедленно удовлетворить земельную нужду татарского малоземельного крестьянства за счет бывших помещичьих земель на юге и за счет колонистов[128] на севере;

4) усилить областком партии татарскими работниками; тов.Деренайерлы, включенный в состав областкома, очень молод и не годится для руководства партийной работой в областном масштабе; я бы выставил членов Крымревкома тт.**Фирдевса** и **Меметова**;

5) назначить председателем Крымревкома до созыва учредительного съезда Советов Крыма татарина; тов.**Полякову** можно поручить ведение партийной работы; из местных татарских работников на должность председателя Крымревкома соответствует тов.**Фирдевс**, тем более, что он в первый период Советской власти в Крыму состоял секретарем крымской организации и в совершенстве знаком с условиями Крыма;

6) отозвать из Крыма тов.Акулова и ряд других товарищей, проявивших в своей прошлой работе в областях с мусульманским населением лишь вредную для классового расслоения татар политику "крайней левизны" в национальном вопросе;

7) провести срочную мобилизацию татарских работников, владеющих крымским наречием, для направления их на партийную работу в Крым;

8) централизовать борьбу с контрреволюцией во всекрымском масштабе с передачей всех функций в этой области КрымЧека и упразднить совершенно оставшееся наследие царизма - особый отдел морведа;

9) начать постепенную разгрузку Крыма от Красной Армии, разрешив татарам формировать отдельные красноармейские части с передачей им защиты Крыма от внутренних и внешних нападений;

10) оставить тов. **Гавена** и **Фирдевса** в Крыму; из всех работников тов.**Гавен** - единственный работник, знакомый с историей развития Советской власти в Крыму и способный восстановить там нормальное положение; он имеет довольно большой авторитет как среди партийных, так и беспартийных масс, кроме того, страдает туберкулезом легких и конечностей и нуждается в крымском воздухе.

Б.член коллегии Наркомнаца Султан-Галиев.

Крымский архив. - 1996. - № 2. Публикация и примечания С.А.Усова.

Мустафа Субхи и его работа

Поистине прав был изрекший истину о том, что пророки не признаются своей родиной. Глава турецких коммунистов Мустафа Субхи родился в том же городе, где он, истерзанный спровоцированной слепой и фанатичной уличной толпой, был брошен на дно Черного моря[129]. Город Трамкаунд был его родиной. Там он родился и рос до юношеского возраста. Отец М.Субхи, провинциальный чиновник, готовил своему сыну карьеру "большого" паши, и М.Субхи попадает в высший правительственный лицей имени султана. Но судьба готовила ему другую карьеру. По окончании университета в Турции т.Субхи едет во Францию и поступает в Париже на юридический факультет. В Париже он знакомится с основами научного социализма. Пробыв в университете два года, т.Субхи возвращается обратно в Турцию и поступает преподавателем политической экономии в Константинопольский высший коммерческо-сельскохозяйственный институт. Во время мировой империалистической войны, когда в нее усилиями партии "Единение и прогресс" была втянута и Турция, Субхи выступает с решительной и широкой общественной критикой турецких милитаристов. Турецкое правительство предъявляет ему обвинение в "англофильстве" и, как государственного преступника, сажает в крепость. И только в начале 1917 года ему удается бежать в Россию, куда он попадает к началу Февральской революции. В качестве "военнопленного" он попадает сначала в Сибирь, а затем в Киргизию (гор.Уральск). После Октябрьской революции тов.Субхи приезжает в Москву и предлагает свои услуги только что организованному при Наркомнаце Центральному мусульманскому комиссариату. Это был первый турок, предложивший свое сотрудничество Советской власти.

Работа т.Субхи вместе с большевиками вызывает бешеную ненависть к нему мусульманской националистической интеллигенции и социал-соглашателей, открывших против него дикую травлю на страницах своих газет ("Кояш" и "Йолдыз" в Казани и др.). Татарские националисты не могут понять, как это профессор-турок может сотрудничать с большевиками, когда "вся мыслящая Россия" борется против них саботажем. Сочинялись сказки о том, что будто бы тов.Субхи получал десятки миллионов от Советской власти за свою работу в Мусульманском комиссариате и т.п. То был самый мрачный период, когда горсточке смельчаков большевиков и новых мусульманских социалистов приходилось выдерживать героическую борьбу с угаром национального шовинизма мусульманских народностей Советской России. Тов.Субхи поручается ответственная работа - создать и руководить отделом международной пропаганды при Центромусколе. Тов.Субхи удается в очень короткое время создать и поставить на ноги еженедельный орган социалистической пропаганды для турецких военнопленных под названием "Ени дунья" ("Новый мир"). Популяризуя перед турецкими военнопленными основы научного социализма и марксизма и разъясняя им роль и значение Октябрьской революции, газета "Ени дунья" одновременно ведет усиленную агитацию против буржу-

азно-националистического правительства Турции, открыто бичуя продажных пашей и их приспешников и призывая бывших эсеров к их свержению и установлению в Турции Советского строя. Газета завоевала громадный авторитет среди турецких военнопленных и в тысячах экземплярах распространялась среди них. Постепенно вокруг "Ени дунья" создается небольшое, но твердое ядро турецких марксистов.

Заслуга тов.Субхи перед международной социальной революцией в том и состоит, что он за все время своей работы с коммунистами России вел последовательную и твердую линию создания организованной Коммунистической партии Турции. Эта работа носила у него не интеллигентно-резонерский и кабинетный характер, а характер живой и кипучей революционной деятельности среди низов пролетариата и на передовых постах борьбы. Мы видим, как т.Субхи, включенный мусульманскими делегатами V Всероссийского съезда Советов в состав коллегии Центромускома, за несколько недель до падения Казани едет туда на созванную Центральным мусульманским социалистическим комитетом конференцию мусульманских социалистическо-коммунистических комитетов[130] и организует прибывших туда социалистов-турок. По его же инициативе и под его руководством организуется отряд из турецких военнопленных для борьбы с чехословаками. В Казани же составляется план созыва в Москве Всероссийской конференции турецких социалистов. Конференция эта созывается в июле месяце того же года. Правда, на ней было не более 25-30 человек, но и этого количества для начала работы было достаточно. Руководимая т.Субхи конференция решает объединить всех турецких социалистов-эмигрантов в одну коммунистическую организацию, приняв за основу программу РКП(б).

Как и следовало ожидать, деятельность т.Субхи обращает на себя внимание "недремлющего ока" турецкого правительства. Оно не на шутку обеспокаивается. И мы видим, как московский посол тогдашнего правительства Турции посылает одну за другой ноты Советскому правительству с требованием "на основании Брестского договора" прекращения "большевистской пропаганды" среди турецких военнопленных и закрытия газеты "Ени дунья".

Мы видим дальше, как тот же посол со свойственной восточным дипломатам хитростью начинает добиваться падения "престижа" т.Субхи в глазах Советской власти. Ему удается провести на указанную конференцию под видом "социалиста" шпиона-провокатора. Провокация эта вовремя раскрывается, но следы ее остаются.

Какой-то боснийский мусульманин, австрийский военнопленный, находившийся на службе у московских татарских националистов, некто Булбулович, неизвестно каким образом пробирается в информационный отдел одного из центральных органов Советской власти и пишет там грязный, провокационный донос на Мусульманский комиссариат и стоявших во главе его работников, включая и т.Субхи[131].

В настоящее время, когда мы оплакиваем потерю т.Субхи как коммуниста, мы с презрением вспоминаем то, что писали тогда, в 1918 году, под диктовку турецкого паши доносы булбуловичи и тому подобные провокаторы. Но тогда эти доносы, несмотря на ряд внутренних противоречий,

все же сыграли довольно большую роль как в личной жизни, так и в работе т.Субхи.

Долгое время ему приходилось работать в атмосфере недоверия и подозрительного отношения. И это ужасно тяготило его. Тем более и внешние обстоятельства сложились так, что почти все товарищи, знавшие его лично и работавшие вместе с ним, находились на фронтах, а комиссар по делам мусульман т.Мулланур Вахитов был схвачен в Казани чехословаками и расстрелян. В это время т.Субхи был выдвинут в члены Чрезвычайной комиссии по восстановлению разрушенных чехословаками мусульманских пролетарских организаций и борьбе с контрреволюцией среди мусульман Поволжья и Приуралья, но ввиду указанных обстоятельств в первое время не мог принять участия в работе до приезда т.Сталина.

Вторую половину 1918 г. и первую половину 1919 г. т.Субхи проводит в Казани, отдавшись там делу восстановления разрушенной чехословаками Центральной мусульманской научной коллегии, а также принимая деятельное участие в партийной работе среди местных татар и военнопленных. В сентябре 1918 года под его руководством созывается Всероссийская конференция по упрощению татарского правописания и татарского алфавита, давшая ценные практические результаты[132]. Проделан и ряд других серьезных работ в области постановки социалистического просвещения среди татар. Принимает участие т.Субхи и в работе Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене, помогая ей в формировании красноармейских отрядов и частей из турецких военнопленных. Не забывает он работу и среди турецких коммунистов. Устанавливается связь с Москвой и теми городами, где были сконцентрированы турецкие рабочие массы и военнопленные. В последних создаются ячейки турецкой коммунистической организации.

Деятельное участие принимает тов.Субхи в "интернациональных митингах"[133], устроенных Наркоминделом осенью 1918 г. в городах Москве, Петрограде и др. В марте 1919 года принимает участие в 1-м организационном конгрессе III, Коммунистического Интернационала. После занятия Крыма советскими войсками едет туда для работы от Коминтерна. Работа в Крыму, среди татар, отшатнувшихся от Советской власти после столкновений 1918 года, требовала умелого подхода к ней. Подход этот товарищем М.Субхи был найден. Состоя членом областкома РКП(б) и председателем татарского бюро при нем, а также редактором перенесенной в Симферополь "Ени дунья", тов.Субхи целиком отдается работе и в сравнительно короткое время завоевывает широкий авторитет как в партийных кругах, так и среди населения. Организованный по инициативе т-ща Субхи из крымских татар и турецких рабочих восточный интернациональный отряд сражается против высадившегося десанта генерала Слащова, прикрывая собою отступление наших. Не забывает он там и партийную работу для Турции. Несмотря на сравнительно короткое пребывание свое в Крыму, ему удается послать в Константинополь и другие города Турции несколько десятков коммунистов, явившихся первыми кадрами коммунистического отряда Турции. Результаты работы тов.Субхи в Крыму сказались потом, во время Врангеля. Все его мобилизации, объявленные в Крыму среди татар, провалились.

Английская контрразведка, в свою очередь, чрезвычайно заинтересовалась личностью тов.Субхи. Не успели белые занять Крым, как во все его концы были посланы шпики для поимки М.Субхи. Очевидно, думали, что он остался в Крыму для подпольной работы. После усиленных розысков М.Субхи "был найден и повешен". Так, по крайней мере, заявили в одно время белогвардейские газеты Крыма[134]. Между тем тов.Субхи в это время уже находился в 12-й армии, окруженной под Киевом петлюровско-деникинскими отрядами, и вместе с ее героями пробивался сквозь тесное кольцо белогвардейских штыков к своим. Тов.Субхи отправляется потом в Туркестан с намерением пробиться через Афганистан и Персию в Турцию для подпольной работы. По дороге в Туркестан, в ожидании прорыва дутовско-колчаковского фронта, некоторое время работает в Самаре, в политотделе Туркфронта. В Туркестане т.Субхи работает до весны 1920 года, когда с провозглашением Советской власти в Азербайджане едет в Баку. Как в Туркестане, так и в Баку его работа отличается большим многообразием и плодотворностью. В Ташкенте он стоит во главе бюро интернациональной пропаганды при крайкоме партии и организует турецких, персидских, афганских, бухарских и индусских коммунистов. Принимает он одновременно деятельное участие в партийной работе среди местного туземного населения: сартов, таджиков, туркменов и т.д.

С переходом в Баку тов.Субхи посвящает себя почти исключительно турецкой работе, не теряя, однако, связи с коммунистическими организациями других восточных стран. Здесь он находит сфабрикованную под руководством и при ближайшем участии "иттихадистов" (передовых слоев турецкой буржузно-националистической партии "Единение и прогресс") "Коммунистическую партию Турции". Иттихадистам тов.Субхи заявляет: "Прочь руки от пролетарского дела!..", а их лжекоммунистическую партию распускает.

В дальнейшем перед т.Субхи встает громадной сложности вопрос об объединении и централизации всех работавших в Турции подпольных коммунистических групп и организаций, а также вопрос выяснения взаимоотношений с левыми турецкими социалистическими партиями. Необходимо было определить свое отношение и ко все развивающемуся в Анатолии национально-освободительному движению. Создается Центральное "Бюро турецких коммунистических организаций". Устанавливается связь со всеми существующими в Константинополе и Анатолии коммунистическими группами. В середине сентября в Баку созывается конгресс коммунистических организаций Турции. Конгресс принимает решение об объединении и централизации всех коммунистических групп Турции в единую Турецкую коммунистическую партию. Председателем ЦК партии избирается т.Субхи. В коммунистическую партию вливается признавшая платформу III, Коммунистического Интернационала лево-социалистическая партия "Чефче". Переходят в ТКП и члены Турецкой партии социал-демократов. Руководимый т-м Субхи ЦК ТКП за время его работы в Баку проделывает колоссальную организационную работу. Организуются отделы ЦК во всех крупных пунктах Анатолии и в оккупированных Антантой частях Турции. Создаются секции и ячейки и в различных городах Кавказа и Юга России, где имелись турецкие военнопленные и рабочие. Для подго-

товки агитаторов были организованы политкурсы с широкой программой. Из военнопленных в Баку был организован коммунистический полк, отправленный потом в Анатолию. Особенно усиленно была развита издательская работа. Большая работа была проделана также по вовлечению в партийную работу молодежи и женщин. Потеря такой фигуры, как М.Субхи, нанесла чувствительный удар коммунистическому движению Турции. В его лице Турецкая коммунистическая партия лишилась своего вождя и руководителя, прошедшего четырехлетнюю практику социалистической революции в Советской России и детально изучившего ее последовательное развитие и многообразные проявления во всех восточных ее окраинах, начиная от Татарии и кончая Закавказьем.

Покойному было всего лишь 34-35 лет.

М.Субхи был слишком силен и энергичен, чтобы его политические противники не обратили на него своего внимания. Убийцы знали, с кем они имеют дело...

Спи же спокойно в своей безвестной могиле, безвременно погибший боец революции!.. Начатое тобою дело довершат живые...

М.Султан-Галиев.

Жизнь национальностей. - 1921. - 16 августа. - № 14 (112).
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.110-117.

В царстве голода

(Из путевых впечатлений)

Сызрань. Яркий солнечный день. Жарко и душно.

- Дя-а-день-ка-а-а... дай-ка кусочек хлиибцааа...- жалобно и протяжно тянут усталыми голосами снующие, как тени, на платформе голодные дети...

Оборванные, грязные, с впалыми и потухшими глазами, с бледными и изможденными лицами.

Переходят от одного вагона к другому, монотонно повторяя перед каждым окном один и тот же тягучий и надрывающий душу напев.

Но поезд, как видно, привык уже к этому...

Лишь изредка высунется из открытого окна сострадательная рука и протянет что-нибудь собравшимся у вагона или просто бросит наземь объедки... Начинается крик и шум. Все бегут к окну, стараясь первым вырвать брошенный кусок...

- Мне... Дяденька, мне... Мне, тетенка... - галдят десятки голосов со всех сторон.

Дерутся... Кто-то визжит. Кто-то кричит и ругается. Кто-то рыдает...

В стороне стоит маленький мальчик в тюбетейке. Видно, татарин... Бледный и грустный... Молчит, но все глядит в окно...

Окликаю его по-татарски...

Удивился, услышав родную речь, как-то машинально раскрыл рот и весь превратился в слух. Но продолжал стоять, не решаясь подойти ко мне...

- Ну что же стоишь... Подойди ко мне...

Подошел... Робко и боязливо...

- Как попал сюда?

- Из Сибири еду...

- А зачем туда ездил?...

- Подкармливаться...

- Ну что же, подкормился?..

- Да, подкормился... собирал милостыню...

История мальчика коротка. Он из Татреспублики. Круглый сирота. В живых осталась лишь бабушка одна... У них сильный голод. До нового урожая нет ничего. Бабушка послала его в Сибирь "подкормиться". Сейчас возвращается обратно к ней...

- А давно не ел?..

- Уж целую неделю...

- А чем же будешь питаться дома ?..

- Еще не знаю...

Говорит спокойно, без смущения. Как будто все так и должно было случиться... Настоящий фаталист, твердо вручивший свою жизнь слепой судьбе...

Подаем мальчику хлеба и немного денег. С волнением выхватывает он все протянутое и, то и дело озираясь по сторонам, торопливо отходит от поезда, жадно уписывая хлеб...

- Рахмет* - доносится издали его дрожащий голос...

И чем ближе к Уфе, тем все больше и больше встречается татар. В Абдулино начинают попадаться и башкиры... С широкими, скуластыми, смуглыми, простодушными лицами и косыми глазами... Много взрослых... Некоторые торгуют: в руках несколько кусочков масла и вареной баранины...

- Тауаришь... а тауаришь... Покупать масло за кусочек хлеба...- заискивающе говорит он, вопрошающе глядя в глаза...

- Покупать... Хоть одна гна** кусочек покупать...

Но - покупателей нет... Масло совсем растаяло от жары и покрылось пылью...

Остальные молчат. Лишь подойдут под окно и уставятся печальными глазами на пассажиров... И глядят, все глядят на них, не отрываясь...

Но как много говорят их глаза тому, кто умеет их читать...

Быстро мчится поезд. Мелькают телеграфные столбы, станционные будки, села и деревни. Кругом все выжженные солнцем поля. Лишь кое-где попадается чахлая, низкая и редкая рожь и только что показавшийся из-под земли такой же редкий овес или пшеница...

Параллельно с линией дороги тянутся караваны переселенцев. На волах, лошадях и пешком тянется бесконечная вереница людей: стариков, молодых и детей.

Вон движется караван повозок. Потупя голову, тяжело тащат за собой нагруженные домашним скарбом, сундуками и больными, изнуренные долгим переходом лошаденки.

На возах мелькают бледные лица сидящих на них женщин, стариков и детей. Невесело шагают за возами усталые мужики. Тут и русские, и татары, и мордва. Все Поволжье: разноязычное, разноплеменное... Кто-то отстал. Еле волочит ноги, без надежды догнать ушедших вперед...

А вон какое-то одинокое татарское семейство расположилось на отдых... Отдыхает пыльная телега... Дымит костер. Над ним чернеет котле. На приподнятой оглобле телеги висит колыбель... Вокруг костра уселись женщины и дети.

А вон какая-то оборванная и худая татарка тащит за собой ручную тележку. В тележке на тряпках сидит маленькая девочка и держит на руках ребенка. За телегой тащится полуголый мальчик.

Остановились и смотрят, как убегает шумный поезд, поднимая пыль за собою... И когда только они дойдут...

---

* Рахмет - спасибо.

** Гна (гына) - только, лишь.

Уфа... Трудно узнать город - так он изменился. Гражданская война оставила на нем глубокие свои следы: ведь он несколько раз переходил из рук в руки, то к белым, то к нам... Побыли в нем и чехословаки, и учредиловцы, и Колчак...

Куда делись прекрасные сады и парки Уфы?... Все разрушено, уничтожено...

Весь центр города, базарная площадь, улицы и тротуары... полны голодающими беженцами из Поволжья... Тут же едят, пьют, родятся, живут и умирают...

В городе паника...

- Голод... Холера... Идет мобилизация врачей и фельдшеров...

В толпе слышны разговоры:

- Знаете, отчего это мобилизуют врачей?... Началась война, говорят, наступают японцы... Уже половина Сибири в их руках... А с Запада, говорят, наступают поляки и немцы... Во главе с самим Михаилом Павловичем...

- Говорят, большевики пошли на уступки и соглашаются на реставрацию монархии...

Из темных углов выступает отвратительная, наглая и зловонная ложь... Сначала робко и незаметно, но затем все смелей и смелей! Потирает руки от удовольствия скрывшийся на время в свою кожуру буржуа... Радуется старый чиновник-бюрократ...

От Уфы до Стерлитамака едем на лошадях...

По дороге встречаются голодные аулы... Все мертво, нет жизни. У всех чувствуется какая-то усталость и безнадежность...

- С весны уже нет дождей... Погибли все посевы...

- Ржи давно поспеть пора, а она только что колосится... Да и рожь-то какая... Глядеть не хочется ... - жалуется ямщик...

И действительно. На всем протяжении дороги не видно ни одной десятины настоящей ржи: что-то низкорослое, редкое и чахлое. Виднеются маленькие в пуговку величиной ... пустые...

- Что-то уж будет нынче с нами, - говорит тягучим голосом ямщик, окидывая взором пустующие поля... - перемрем, наверное, все...

И странно. Почему-то в его голосе не слышно отчаяния и печали. Тон его совсем равнодушен. Видно, люди привыкли уже к мысли о голодной смерти...

- Перемрем... ну, так что же... Все равно когда-нибудь да надо же помирать, - заключает он, закуривая цигарку.

- А леворвер-то есть у тебя? - спрашивает он, немного погодя.

- Есть... А что?

- Да так... Опасно сейчас разъезжать без оружия. Нападают. Вот намедни лишь на большой дороге напали на чувашина. Отняли деньги, завязали руки и ноги, бросили в канаву, а сами сели да уехали на его лошади...

И дальше начинается длинный рассказ о том, где на кого напали, кого ограбили и кого убили, и при каких обстоятельствах все это происходило.

Ночуем в поле, близ большого татарского аула. Ночь холодна и темна. Полная противоположность тому, что творится днем... Лишь кое-где на

горизонтах освещается небо каким-то зловещим заревом, то усиливающимся, то потухающим...

- Это все пожары, - объясняет нам ямщик...

И он начинает рассказывать о пожарах...

- В Кармаскалах было три пожара... Сгорело более трехсот дворов. Это самое большое татарское селение в Башкирии... А вот в Бекетове позавчера лишь выгорело до семидесяти дворов...

Идет длинный перечень, где и сколько сгорело... Там сотни, тут десятки...

- Знойно и сухо, - продолжает ямщик,- да притом и ветрено... Загорится избенка - всю деревню и спалит. Да и поджоги, кажется, есть...

- Кому же это нужно?

- А кто их знает...

Вот и Стерлитамак... Столица Башкирской Республики. Захолустный уездный городишко.

Но он производит лучшее впечатление, чем грязная Уфа: много зелени, чище и меньше разрушений...

Мы попали на съезд Советов. Настроение у всех повышенное. Все бегают как угорелые...

- Голод.

Шутка ли сказать, в день открытия съезда в Стерлитамак нахлынуло до двенадцати тысяч голодных башкир из окружных аулов. Оборванные, худые и полуголодные... с детьми, со всем домашним скарбом.

- Девайте куда хотите!

- В распоряжении Башкомпрода всего лишь триста пудов муки, - нервничает Башнаркомпрод, не зная, как выйти из создавшегося положения...

Тут же заработала холера... Косила всех без разбору: русских и башкир, взрослых и детей, комиссаров и обыкновенных граждан...

Всюду и везде слышишь только одно:

- Вчера умер такой-то... Сегодня скончался такой-то...

- Белая и Ашкадар заражены, нельзя ни пить, ни купаться...

Наркомздрав Башкирии в отчаянии. Не хватает противохолерной сыворотки, не достает медицинского персонала.

Умирают не десятками, а сотнями... Умирает и половина всех выздоравливающих: нет диетической пищи, нужен рис, а его-то как раз и нет...

Стоит тяжелая, душная атмосфера. Весь город пахнет карболовой кислотой.

Эпидемия холеры вызвала эпидемию уколов. У больниц, амбулаторий и у квартир врачей длинные хвосты прививающихся...

Устраиваемся на окраине города, при каком-то заводе. Тут же детский приют...

Рядом с нашей комнатой умерла от холеры женщина. Захворал и муж ее. Слышно за перегородкой, как мучается... Во дворе умерли двое. А в приюте ежедневно умирало по пять и шесть человек в день... И от голода, и от холеры...

Приют открыт лишь недавно. Он еще необорудован... И дети мрут в нем, как мухи...

Из приюта не выпускают: боятся заразы, но их не удержать там... Все они разбредутся днем в сад, растущий тут же при приюте. Заберутся под кусты и целый день лежат там неподвижно, ожидая, когда выгонит их оттуда приютский "дядька"...

Вот дикий маленький башкиренок-горец... Оборванный, босой и без штанишек, на нем лишь грязная рубашка, да и та еле держится на теле... Ему не больше шести лет, но он уже знает жизнь и по-своему понимает ее... Как-то недоверчиво и исподлобья смотрят его красивые, черные, как уголь, глаза с густыми и длинными ресницами. Упрямо нахмурены густые черные брови... Настоящий маленький дикий горный орленок. Заговариваем по-башкирски:

- Откуда пришел?
- С гор, - отвечает коротко, лаконично.
- Родители есть?
- Есть...
- Где же они?
- Не знаю... Бросили меня и убежали.
- Почему же ты не побежал за ними?
- Я спал... Не заметил... А то бы не отстал...
- Нравится тебе в приюте ?
- Нет... голодно и скучно...
- А ты подожди, скоро будет лучше.
- Все равно я не останусь здесь.
- Куда же уйдешь?
- Убегу в горы, в родной аул.
- А ведь могут поймать и обратно привести.

У мальчика слезы на глазах.

- А я опять убегу, - говорит он дрожащим голосом, еле сдерживая слезы...

И, действительно, из приюта убегает по несколько человек в день. И никто не знает, куда они потом деваются.

Понятна их душа, понятна их тоска по родному аулу и родным скалам. Какая же сила может удержать их, когда перед их глазами постоянно высятся могучие вершины синеющих вдали гор... Такие красочные и живописные...

По ночам со стороны приюта слышится песня. Чей-то юный, совсем еще детский и нетронутый голос выводит заунывные башкирские мотивы...

Безысходной тоской и печалью веет от них...

Дети не привыкли еще к мысли о смерти...

Выезжаем из Стерлитамака. Едем в Табынский кантон, один из самых сильно пораженных голодом мест Башкирии.

Около Стерлитамака, хоть и редко, но все же встречались в поле копны снопов старой ржи. Попадались кое-где и довольно сносные яровые хлеба: просо и гречиха. Выпавшие к концу июля обильные дожди, хотя и поздно, немножко поправили их. Запаханы здесь и пашни, и под озимь. И вид их дает душе отраду. Но все это тянется всего лишь несколько верст.

Чем дальше от Стерлитамака, тем картина все мрачнее и мрачнее. Вместо ржи растет лебеда, а вместо яровых - одна лишь редкая и жесткая сорная трава. Луга выжжены. Скота совсем не видно. Иногда лишь попадается на глаза лошаденка или две-три коровы. Худые, еле держатся на ногах...

Лица попадающихся навстречу людей насуплены и серьезны. То и дело попадаются переселенцы. Одни на лошадях, другие пешеходом.

Вот приехали в большой аул. Вокруг мечети сидят башкиры. Все одеты в белое: белые штаны, белая рубашка и белая войлочная шляпа на голове. Уселись полукругом на дороге. Молчат, чего-то ждут...

Посередине круга стоит деревянная телега, а на телеге лежит окровавленный большой и безобразный труп какого-то животного: не то лошади, не то коровы - не разберешь.

Неподалеку от телеги в разных направлениях лежат четыре человеческих трупа. Окровавленные и обезображенные. У одного вывалились наружу кишки.

Встречная женщина объяснила нам, в чем дело: это поймали воров на месте их преступления, когда они резали корову, и до смерти избили их. Сейчас ждут еще двоих. Их тоже убьют...

- Это всюду сейчас делается, - объясняет равнодушным тоном ямщик. Как будто дело шло о ловле мышей или кроликов.

Едем дальше... Переезжая какой-то овраг, ямщик почему-то остановил лошадей и стал слезать с козел.

- Куда?

- Да вот тут неподалеку труп лежал. Хочу посмотреть, там ли еще...

Он позвал и нас. Мы пошли.

Действительно, в глубине оврага лежал человеческий труп, почерневший и слизисто-мокрый. Шел смрад. Возле трупа копошились черви, доедая последние остатки сгнившего мяса. Одной ноги и руки по локоть не было, очевидно, стащили собаки или волки...

Большой череп все еще был покрыт почерневшей и разложившейся кожей, и на ней кое-где виднелись рыжеватые волосы.

Неподалеку от трупа чернела неглубокая яма: видно было, что труп извлечен оттуда. Но кем и как - овраг об этом ничего не говорил.

И никто не мог сказать, был ли похоронен здесь своими беженец, не перенесший страданий далекого и мучительного пути, или вор и преступник, или же кто-нибудь другой, никому неведомый и неизвестный...

Когда приехали в деревню, пошли на базар.

Вот "мучной" ряд. И тут была целая коллекция всяких суррогатов: "мука" из ольховой коры, из липовых листьев, из рябины, из бузины и из каких-то корней. А вот мука из костей...

Сама природа шла против людей...

Весной и летом был зной. Не было ни капли дождя. Лишь к концу лета выпало немного. Но бесполезно: появились холода. Вся надежда голодных была на лебеду. Ее берегли, как зеницу ока. Но откуда-то принес ветер целую кучу белых мотыльков: появились гусеницы, в два-три дня уничтожившие всю лебеду, а потом напали на другие растения...

С тяжелым чувством покидаем Башкирию.

Вот последняя станция, где можно еще увидеть башкир. Дальше их нет. Стараемся сильнее вглядеться в их измученные голодом и болезнями лица, чтобы унести с собою в Москву их страданий образ...

Яркий солнечный день...

Слышится жалобный, протяжный, надрывающий насквозь всю душу детский голос:

- Миленький дяденька, дай-ка, пужаласта, маленький гна кусочек хлеба...

Перед окном стоит маленький подслеповатый башкирский мальчик, весь опухший, с большим выпяченным вперед животом и тоненькими-тоненькими руками и ногами. Одет в какие-то грязные лохмотья, обнажающие голые части смуглого детского тела... Громко плачет. Неимоверные страданья слышатся в его голосе... Кто-то сунул ему в руки деньги. Но он не взял, бросил.

- Хлеба... хлеба...

Какой-то мальчик поднял брошенные деньги и сунул их в руки мальчика.

Некрасивое лицо мальчика побледнело и он отчетливо и резко выругался по-башкирски:

- Не мешай мне, шайтан!

Отрезали кусок хлеба и протянули мальчику. Он перестал плакать...

- Смотри, держи крепко, а то еще утащат мальчики...

Лицо его заволновалось...

- А что, разве кто-нибудь хочет отобрать его у меня?

И с беспокойством шарит свои лохмотья, ища, куда бы надежнее спрятать полученное...

Вот идет старик. Весь в лохмотьях. Лысая голова. Длинные, но редкие седые волосы на нем. Посиневшие губы покрыты язвами. Ломаным русским языком просит хлеба.

Вышел проводник и прогнал всех...

- Не велено тут ходить. Идите дальше!

Поезд тронулся. Кто-то бросил в окно белую лепешку. Раздался крик и шум. Все бросились к ней... Вот сплелись в кучу... Дерутся... Лепешка уже была схвачена какой-то маленькой, худенькой девочкой, когда к ней подлетел лысый старик и силой вырвал у нее из рук. Но борьба продолжалась. Было видно, как на старика саранчой налетели дети и стали бить его... Старик не выдержал и, сконфуженный, отдал лепешку...

Голодные дети защищали свое право на жизнь...

А кругом над горизонтом величаво и гордо высились красивые горы. Почему-то улыбалось чистое небо... И воздух был прозрачен и спокоен...

Москва... Магазины, рестораны... Белые булки, печенья и фрукты...

На стенах воззвания:

- Помогите голодным!

Равнодушно проходит мимо них сытая, нарядная и вечно суетливая и бегущая куда-то толпа...

Трамваи, автомобили...

Москва живет...

Только вчера получили письмо из Башкирии.

Последняя надежда на просо и гречиху пропала, - пишут в письме, - заморозки погубили все...

Дали по два пуда ржи на семена, но только поздно... Не взошли...

Едим лебеду. Но и ее становится мало. Дорожает с каждым днем. Сейчас пуд лебеды шестьдесят тысяч... В нашем ауле уже стали умирать с голоду...

М.Султан-Галиев.

Жизнь национальностей. - 1921. - 17 октября. - № 22 (120).
Идел. - 1994. - N1/2. - С.33-35.

Выступление
на совещании ответработников тюркских народов о создании в Москве издательства литературы на тюркских языках

20 октября 1921г.

В своем докладе т. Султан-Галиев проводит параллель между состоянием дела издательства литературы на тюркских языках до революции и после и находит, что это дело в настоящее время находится в самом плачевном состоянии: издаваемых газет совершенно не хватает даже для советских органов; учебников почти совершенно нет, а о художественной литературе не приходится и говорить. Многие автономные республики и губернии с тюркским населением не имеют типографии и шрифтов; ощущается громадный недостаток в изданиях на тюркских языках.

Учитывая это обстоятельство, он находит необходимым создать центральный регулирующий аппарат издательства на тюркских языках при Наркомнаце, со своей типографией и словолитней, привлекая для последней (если это будет нужно) даже и частную инициативу, связав также его с Госиздатом, Наркомпросом и Главполитпросветом.

Затем он доводит до сведения присутствующих, что Наркомнац со своей стороны приступает к этой работе, желая в скором будущем издавать журнал на всех тюркских языках. Так как данный вопрос довольно срочный, то он предлагает его обсудить детально.

.1318.-Оп.1.-Д.1.-Л.120,120 об.

Заявление
в Татарскую областную комиссию по проверке и очистке членов партии об А.М.Енбаеве

23 октября 1921 г.

Мне случайно стало известно, что на члена РКП(б) тов. Арифа Енбаева, состоящего в настоящее время представителем Наркомнаца Татреспублики, сделан отвод с обвинением его в выступлении против Советской власти в прошлом.

И так как я знаю тов.Енбаева как по Казани, так и по Москве, то считаю своим долгом дать имеющиеся о нем сведения в целях установления объективности суждения о нем Комиссии по очистке.

Первый раз я встретился с тов.Енбаевым вскоре после Октябрьской революции в гор.Казани на окружном военном съезде (общем). Там он находился во фракции левых эсеров и руководил ею. Своими удачными выступлениями против меньшевиков и правых эсеров (а влияние их было довольно сильно) он сделал нам громадную услугу в завоевании нашей позиции среди военных организаций.

Я состоял тогда председателем Мусульманского социалистического комитета, уже к Октябрьской революции определенно порвавшего со всякими меньшевистско-эсеровскими и соглашательскими элементами и твердо ставшего на путь решительного захвата власти пролетариатом. Состоял также членом Казанского военно-революционного штаба (пятерки) и членом Исполнительного бюро Казанского губсовдепа. Во время "Забулачной республики" занимал должность комиссара по делам мусульман. При этих условиях я имел полную возможность наблюдать за работой тов.Енбаева.

"Участие" тов.Енбаева в истории "Забулачной республики" произошло в следующей обстановке.

Когда между нами и II Всероссийским мусульманским военным съездом, происходившем тогда в Казани, стала назревать возможность вооруженного столкновения, Центральным мусульманским социалистическим комитетом было решено произвести раскол на этом съезде, оторвав оттуда большевиков и левых эсеров с целью создания начала классового расслоения среди мусульман. Конкретно мы это представляли в виде создания Мусульманского комиссариата с широкими революционными полномочиями. В дальнейшем намечался разгон всех мусульманских националистических организаций (Харби шуро, Харби комитета и Милли шуро и др.).

Но попытка эта наша окончилась неудачно. Этому способствовало, во-первых, неудачное и слишком резкое выступление на съезде тов.Саид-Галиева, оттолкнувшего от себя большинство левой фракции съезда, а также неумелое и слабое руководство им последней. Во-вторых, тут сыграло роль неумелое вмешательство в дело тогдашнего комиссара по военным делам тов.Шелыхманова, который, не понимая в чем дело, добивался

разоружения двинутого нами секретно из Финляндии в Казань большевистского мусульманского полка (разоружение было приостановлено при вмешательстве Центра после моих переговоров по прямому проводу с Москвой). Этот шаг тов.Шелыхманова был использован националистами для агитации против нас же. В результате военный съезд вместо всей левой фракции (30-40 человек) покинули всего 4-5 человек (тт.Саид-Галиев, Касимов, Галиев, Юмагулов и Садык Ахтямов), тогда как лишь накануне на состоявшемся в Мус.соц.комитете совещании было решено покинуть съезд всем. Там же остался тогда и тов.Енбаев. Помимо него там же остались из довольно крупных мусульманских работников: т.Камиль Якубов (состоял тогда в социал-демократической рабочей партии большевиков, впоследствии, как и т.Енбаев, втянулся в работу и на I Всероссийском съезде коммунистов мусульман был избран членом Центрального бюро мусульманских коммунистических организаций при ЦК РКП и членом Центромусвоенколлегии; трагически погиб при восстании татарского запасного батальона в Казани в 1919-м году), т.Минникеев (фронтовой работник, скончался в 1918-м году). Сулейман Султан-Галиев (сочувствовал большевикам и, состоя одним из секретарей Харби шуро, предупреждал нас о секретных решениях последнего) и из левых эсеров - Нигматулла Еникеев (впоследствии вступил в Коммунистич.партию и проявил себя как преданный работник и истинный революционер, находясь во главе политотдела 1-ой отдельной татарской бригады в Туркестане), Салах Атнагулов (в настоящее время занимает ответственный пост в Татпрофсоюзе, а в Коммунистическую партию вступил почти в одно время с Енбаевым).

Но выступление, хотя и неудачное, было уже сделано, поправить его мы не могли, и нам ничего не оставалось, как развить его дальше. Был создан Мусульманский комиссариат, и накануне объявления Урало-Волжского штата нами был арестован президиум Мусульманского военного съезда. В ответ на наш шаг татарское население ответило стихийным восстанием. Восстала и значительная часть татарских солдат (главная опора, на которую мы рассчитывали), общее количество которых в Казани доходило до 20 тысяч. И мы встали перед фактом кровавого столкновения с татарским населением при неравных с нашей стороны силах: в нашем распоряжении имелась лишь артиллерия, прикрытая пехотой, состоящей не более как из 300-400 человек; а красногвардейцы с заводов оказались не на высоте своего положения - помню факт, когда в самую критическую минуту на наше требование о высылке из Крестовниковского завода 300 человек вооруженных красногвардейцев в наше распоряжение явилось толь лишь 7 человек невооруженных рабочих.

Атмосфера среди татар была сгущена и участием на нашей стороне ваисовцев, крайних мусульманских сектантов, которые, как потом выяснилось, стремились использовать нашу борьбу в целях захвата власти в свои руки. Это лишь озлобляло мусульман, пробуждая у них религиозно-национальный фанатизм (глава ваисовцев был убит восставшими). При неопределенности положения мусульманского съезда восставшее татарское население рисковало попасть в руки белогвардейцев.

Даже простой учет реальных сил говорил за то, что нам без соглашения, хотя бы временного, нельзя обойтись. Это обстоятельство было быстро

учтено всеми более или менее дальновидными работниками, как с той, так и с другой стороны. Между прочим, подавляющее большинство членов Мусульманского соц.комитета (Шахит Ахмадиев, бывш.максималист, занимал тогда должность комиссара печати, а в настоящее время работает в Туркестане; Мухутдинов Хатып и целый ряд других работников) встали на ту же точку зрения. Из членов революционного штаба я, Гинцбург, Милх и покойный Якубов также стояли за соглашение. Против соглашения были лишь тов.Грасис и, кажется, если не ошибаюсь, тов.Шейнкман, т.Саид-Галиев занимал, насколько мне помнится, неопределенное положение.

Со стороны Мусульманского военного съезда участвовало несколько человек и в их числе тов.А.Енбаев. Мы с ними вели переговоры не как с представителями повстанцев, а как с представителями военного съезда, авторитет которого мы могли использовать против восставших татар. И у меня тогда же осталось впечатление, что представители Мусульманского военного съезда искренне желают мирного разрешения вопроса. Лично тов.Енбаев занимал положение нейтрального человека, сочувствовавшего скорее нам, чем тем, кого он представлял. Лишь благодаря его влиянию на остальных представителей съезда нам удалось достигнуть соглашения, которое гарантировало нам более или менее прочное положение (ликвидация Харби шуро, роспуск съезда, передача татарских частей Мус.комис., отказ от самочинного объявления Урало-Волжского штата и т.д.).

Дальнейшее развитие событий в "Забулачной республике" произошло без участия и помимо тов.Енбаева. Он находился там лишь в первые дни, и его роль сводилась к борьбе с реакционными (Апанаевы, полковник Якубовский, капитан Биглов и т.д.) и другими крайними элементами татарских работников (Джангир Алкин, Музафаров, Токумбетов и друг.), которые выражали недовольство "предательским" соглашением и могли толкнуть татар на вооруженное столкновение с нами. Почва же для последнего имелась.

Когда в связи с изменением взгляда ответственных работников на "Забулачную республику" произошло коренное изменение нашей позиции по вопросу самоопределения татар (в революционном штабе Казанского Совета я, Якубов, Гинцбург и Милх против одного Грасиса при воздержавшемся Саид-Галиеве вынесли постановление о рассмотрении этого вопроса на пленуме Казанского Совета, а последний по моему докладу разрешил в смысле необходимости создания отдельной Советской Республики на территории национального преобладания татар[21] с образованием комиссии в составе меня, Вегера и еще одного работника), - произошел открытый раскол и в среде работников "Забулачья". Тов.Енбаев тогда же открыто порвал с Алкиным и Музафаровым и уехал из Казани. Об этом, насколько мне помнится, даже была статья в "Знамени революции". Его примеру последовали и другие из левого крыла татарских работников (мой брат С.Султан-Галиев, С.Ловчицкий, Ф.Сайфи, работающий в настоящее время в Казани в Госиздате и друг.), которые разъехались в разные стороны. Раскол этот произошел после требования Енбаева и остальных перечисленных работников полной ликвидации "Ревкома" в татарской части города и признания шуристами Мусульманского комис-

сариата. Особенно усилился раскол между ними после объявления Центром, на основании указанного выше постановления Казанского Совета, первого Положения о Татаро-Башкирской республике.

Резюмируя все вышеизложенное, я делаю следующий вывод: тов.Енбаев никакой реакционной роли в истории "Забулачной республики" не играл как при ее возникновении, так и в первый период ее развития (во второй период, охватывающий собой целый месяц времени, когда "Забулачная республика" выступила действительно как контрреволюционная сила, там его совершенно не было). Вся роль его в это время сводилась лишь к стремлению уладить разгоревшиеся тогда крайние страсти как с той, так и с другой стороны. Всякий объективный исследователь должен признать, что при тех условиях, в каких тогда находилась Казань (отсутствие твердых и надежных сил у нас при столкновении с татарами в конечном результате дало бы отрицательные результаты, родив контрреволюцию и надолго оттолкнув от нас татар), это было не преступлением, а заслугой перед революцией, т.к. тов.Енбаеву тогда действительно удалось предупредить совершенно бессмысленное и нужное лишь для контрреволюции кровопролитие.

В дальнейшем я встретился с тов.Енбаевым на работе в Центральном мусульманском комиссариате в гор.Москве. Тов.Енбаев еще в мае 18-го года был включен Московским совещанием по татаро-башкирскому вопросу в комиссию по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской республики и с тех пор непрерывно работал с нами, занимая ряд ответственных должностей.

Втянулся он в советскую работу в то самое время, когда мусульманская националистическая интеллигенция бешено саботировала нас, отчаянно нападая на Центральный мусульманский комиссариат и его работников на страницах мусульманских буржуазно-националистических органов печати, и один этот факт достаточно ярко доказывает, что тов.Енбаев ни в коем случае не может быть отнесен к числу работников, заслуживающих отрицательного отношения со стороны нашей партии. К левоэсеровскому мятежу он не присоединился. После его ликвидации же ушел из этой партии.

Если он не перешел тогда в нашу партию, то не сделал это только потому, чтобы не быть заподозренным в примазании и в карьеризме (это могут подтвердить тов.Ялымов, бывш.заместитель председателя Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП, и тов.Рахимкулов, член Советского посольства в Ангоре, который очень хорошо знает тов.Енбаева по его работе в Москве). Характерным для данного случая может явиться факт мобилизации тов.Енбаева по инициативе тов.Сталина Центральным бюро комнарвостока весной 19-го года на Восточный фронт на ответственную политическую работу во время последнего наступления Колчака на Поволжье, несмотря на то, что он тогда в нашей партии не был: тов.Енбаеву была поручена ответственная работа заведования регистрационно-вербовочным отделом Центромусвоенколлегии при Наркомвоене Республики.

Лично нападки на тов.Енбаева я объясняю обострением отношений между татарскими коммунистами в связи с уходом из Татарии тов.Саид-Галиева, когда группа "саид-галиевцев" стала обвинять оставшихся в Та-

тарской республике работников в "предательстве" и "соглашательстве" с русскими "шовинистами" (как известно, тов.Саид-Галиев, чувствуя свое "падение" перед последней областной партконференцией, пытался "объединить" татарских коммунистов, противопоставляя их русским коммунистам вообще) и во всяком вновь появившемся в Татарии татарском работнике усматривала "сторонника Мухтарова". Если тов.Енбаев за свои переговоры с нами во время возникновения "Забулачной республики" в начале 18-го года заслуживает исключения из партии, то как историческая, так и логическая последовательность требуют исключения и всех остальных коммунистов и левых эсеров, которые не ушли тогда со II Мусульманского военного съезда вместе с 5-ю отделившимися от него коммунистами, тем более тех из них, которые принимали активное участие в работе "Забулачной республики": Салаха Атнагулова, Фатиха Сайфи и Нигматуллу Еникеева и др. Следуя той же исторической последовательности, мы принуждены будем тогда поставить вопрос об исключении из партии и самого тов.Саид-Галиева, т.к. им гораздо позднее, а именно во время вооруженной ликвидации "Забулачья", был создан соглашательский татарский ревком в татарской части города со включением туда правых реакционных элементов "Забулачья" и без санкции на то как партийного комитета, так и Казанского Совета (ревком этот по протесту татарских коммунистов был тогда распущен Казанским Советом как самочинно организованный).

Прошу областную комиссию по проверке и очистке членов партии в Татреспублике принять мое заявление к сведению при разборе дела тов.А.Енбаева[135].

За достоверность данных мною сведений ручаюсь.
Член РКП(б) Московской организации, партбилет № 225399
(Член Наркомнаца)М.Султан-Галиев.

ЦГА ИПД РТ. - Ф.8237. - Оп.1. - Д.23. - Л.30-37. Ксерокопия.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.315-323.

О периодической литературе на тюркских языках

(К вопросу об издании центрального коммунистического журнала)

Все центральные органы, издаваемые Коминтерном, ЦК РКП(б), профсоюзами и отдельными партийными и советскими организациями, выходят на русском или каком-нибудь другом западноевропейском языке; уж одно лишь это обстоятельство лишает их возможности стать органом популярной партийно-советской мысли, доступной для широких трудовых масс тюрко-татар. Исключение составляет лишь орган коммунистической молодежи тюркских народов "Яшь эшче" ("Юный рабочий"), издаваемый Центральным бюро тюркских организаций РКСМ в Москве. Но и этот орган по существу является не тюркским, а скорее татарским органом, так как издается лишь на татарском языке, да притом как по своему размеру, так и содержанию далеко не удовлетворяет тем требованиям, какие могут и должны быть предъявлены к нему.

Что же касается содержания центральных органов, то они совершенно не отвечают тем специфическим требованиям, которые могут быть предъявлены к ним рядовым читателем: киргизом, сартом и т.д., так как совершенно не затрагивают их жизни, а если и затрагивают иногда, то делают это вскользь и поверхностно или же слишком односторонне и однобоко.

Даже "Жизнь национальностей", являющаяся единственным центральным органом на русском языке, уделяющим более или менее серьезное внимание освещению жизни отдельных национальностей как таковых, в этом отношении оставляет желать очень многого, требуется более детальное и всестороннее освещение отдельных сторон партийно-советской, общественно-политической и социально-экономической жизни тюркских народов.

Причина последнего явления кроется, впрочем, в отсутствии у нас литературных сил, которые могли бы дополнить указанный пробел в постановке нашей прессы на русском языке: девяносто процентов журналистов тюркских народов России ввиду незнания ими русского языка лишены возможности сотрудничать в русской прессе, а те, кто имеет эту возможность, заняты более серьезной работой в других областях партийно-советского строительства.

Что же касается состояния тюркской коммунистической печати на местах, то оно, в общем, является далеко неудовлетворительным и еще больше говорит о необходимости идейной централизации этого дела.

Неудовлетворительность эта объясняется, с одной стороны, невнимательным, а подчас непростительно халатным и небрежным отношением к делу со стороны местных губернских или областных партийных и советских организаций, а с другой - неспаянностью и дезорганизованностью рядов отдельных групп самих тюркских коммунистов.

В виде примера, подтверждающего первое положение, можно привести хотя бы состояние тюркской (татаро-башкирской) периодической партийной печати в Уфимской губернии. В то время, как до и во время Октября там издавалось три или четыре печатных органа на татаро-башкирском языке, в настоящее время издается жалкий информационный листок, выходящий раз в 2-3 недели. Между тем, в той же Уфе издается ежедневная газета и еще несколько еженедельных журналов и двухнедельников на русском языке. И это делается в губернии, 60% населения которой составляют

татаро-башкиры, среди которых и грамотность на их родном языке стоит значительно выше, чем среди остальных. Аналогичное явление почти до последнего времени наблюдалось и в другом крупном тюркском центре, столице Киргизской республики - г.Оренбурге. В то вермя, как до революции там издавались две газеты ("Вакыт" и "Казак"), одна на татарском, а другая на киргизском языке, и несколько журналов ("Шура", "Кармак" и другие), Оренбургский губком и губисполком не смогли сохранить там даже татарских типографий, а мы были свидетелями того, как целый край с 10-12 миллионным населением остался во время революции без печати. Лишь в последнее время, и то лишь после объявления Кирреспублики, в Оренбурге организовалась вновь тюркская типография, дав возможность издания газеты на киргизском языке. Таких примеров можно привести массу.

Но гораздо важнее вопрос об отсутствии внутренней спайки и единства во взглядах отдельных групп самих тюркских народов, что весьма чувствительно отражается и на положении их периодической печати на местах.

Недавно лишь можно было наблюдать, как Казань ругала Москву, Ташкент и Баку, и как на нее, в свою очередь, нападали Уфа, Астрахань и т.д. Недавно лишь (в мае нынешнего года) мы были свидетелями того, как в Казани был исключен из партии, а потом переведен в кандидаты один из довольно видных татарских журналистов за свою действительно националистическую статью в газете "Татарстан", а редактор устранен от редакторства[136]. Между тем, оба эти товарища заявляли о себе как о самых непоколебимых интернационалистах.

Изживанию таких явлений могло способствовать создание централизованного коммунистического органа, который сумел бы сплотить вокруг себя разрозненные литературные силы марксистского направления тюркских народов, являясь для них лабораторией коммунистической мысли, где будут изучаться методы осуществления коммунизма в условиях переходного момента от феодализма к капитализму, т.е. область мало освещенная теоретически в западноевропейской и в русской марксистской печати.

Орган этот мы мыслим в виде ежемесячного научно-популярного журнала на татарском, киргизском, узбекском и турецком языках агитационно-пропагандистского характера, уделяющего место всем вопросам партийного и советского строительства на Востоке. По своему содержанию он значительно должен будет отличаться от обыкновенных агитационно-пропагандистских журналов, так как в нем придется сконцентрировать не только вопросы чисто агитационно-пропагандистского, но и академического характера и не только в области партийного или советского строительства, но и по вопросам экономики, просвещения и профессионального движения.

Не меньшее значение имеют вопросы чисто информационного характера. До сего времени наши восточные окраины не знают того, что творится у каждого из них в отдельности. А это крайне важно для их внутренней связи между собой и правильного развития. Недостаточно информируются они и в вопросах общей федерации, а это лишь вредит делу.

Вопрос об издании марксистского органа на тюркских языках созрел... Надо лишь поскорее приступить к нему.

М.Султан-Галиев.

Жизнь национальностей. - 1921. - 25 октября. - № 23(121).

Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.117-121.

Татары и Октябрьская революция

Говоря о роли татар в истории развития социальной революции в России, нельзя не упомянуть, хотя бы вкратце, о предшествовавших Октябрьской революции периодах их общественно-политического развития.

В этом отношении историю революционного движения татар можно разделить на два периода: период националистический, охватывающий собой промежуток времени с 1905 года до Февральской революции, и период мелкобуржуазно-демократический, охватывающий всю Февральскую революцию до марта 1918 г., когда татарская мелкобуржуазная "демократическая" интеллигенция наголову была разбита соединенными силами татарского и русского пролетариата.

Периоды эти соответствовали общественно-политическому состоянию России в целом и находились от него в прямой зависимости.

Волны революции 1905 года не прошли бесследно для татар. Они глубоко затронули основы их общественно-политической и культурно-бытовой жизни, дав сильный толчок к разрушению их и без того пошатнувшейся патриархальности и подготовили тем самым почву к восприятию ими идей социальной революции в дальнейшем.

Мы видим пробуждение целой закабаленной царизмом и обреченной на полное культурное и экономическое вырождение и вымирание нации. Забивает ключом освободившаяся от оков новая мысль. Начинается лихорадочное искание новых путей развития. В крупных татарских центрах - Оренбурге, Казани и Астрахани начинают издаваться газеты и журналы на татарском языке. Зарождаются татарская литература и татарский театр. Возникает новая, гражданская школа, заменившая архаические "старометодные" духовные медресе и мектебе.

У татар появляются крупные литературные силы как в области художественной, так и беллетристики.

В прессе и литературе поднимается во всей своей широте вопрос о женском равноправии. После ожесточенной кампании татарка получает доступ в школу, в общество и в театр. Правда, все это происходит в рамках и формах, какие разрешил тогда государственный строй России, но и при этих условиях все эти явления имели громадное революционное значение.

Лейтмотивом всей общественно-политической мысли этой эпохи была идея национального возрождения татар. Вокруг этой идеи шла отчаянная борьба. Революционная часть общественных сил татар, складывавшаяся из молодежи и студентов, главным же образом из тех элементов, которые получили европейское (русское) образование, спасение татарской нации видела в усвоении начал западноевропейской культуры и в решительной ломке всего старого и обветшалого, что мешало их усвоению.

Вначале в лагере противников находились лишь одни закоренелые фанатики, рьяно отстаивавшие старые и закостенелые формы общественной жизни татар. Но постепенно, с развитием и углублением этого движения, их лагерь заполнялся недавними "новаторами" и "революционерами". И уже к моменту Февральской революции мы видим три определенно вы-

явившихся течения в общественно-политической жизни татар: это, во-первых, отъявленные реакционеры "кадимисты", издававшие журнал "Дин ва магишет" ("Религия и жизнь") в Оренбурге, заключившие союз с подголосками "Союза русского народа" "сыратульмуслимистами" ("Общество спасения мусульман"), организованные при ближайшем участии последнего до революции муфтия мусульман внутренней России и Сибири монархиста Баязитова и боровшиеся с революционным движением татар через царскую охранку; во-вторых, группа умеренной интеллигенции, сгруппировавшейся, с одной стороны, вокруг казанских газет "Йолдыз" и "Кояш" и уфимской - "Тормыш" (более умеренной группы) и вокруг оренбургской "Вакыт" - с другой (менее умеренной группы); в-третьих, группы революционной интеллигенции, группировавшейся вокруг газеты Гаяза Исхакова "Ил" ("Страна") и «Сүз» ("Слово") и казанского журнала Галимджана Ибрагимова "Аң" ("Сознание") и т.д.

Ясно, что в условиях существовавшего тогда строя татарская общественность дальше известных пределов развиваться не могла и была не в состоянии решать самостоятельно те задачи, которые ставила перед ней история. Их могла разрешить только революция, что и подтвердилось впоследствии самой жизнью.

Если общественно-политическая жизнь татар до Февральской революции выражала в целом идею национального возрождения, то период Февральской революции знаменует у них идею борьбы за самостоятельную национальную политику. "Самостоятельность" эта мыслилась реально в форме осуществления, с одной стороны, культурно-национальной автономии татар, и с другой, территориальной автономии - в форме образования самостоятельного "штата" на территории с преобладанием татаро-башкирского населения ("Идель-Уральский"). Это в довольно яркой отчетливой форме подчеркивается на всех "учредительных" съездах и конференциях татар, начиная с I Всероссийского съезда мусульман (май 1917 г. в Москве) и кончая II-м Всероссийским мусульманским съездом в Казани.

Мы видим, что татарская мелкобуржуазная демократия лихорадочно готовится к этой "самостоятельности".

Все "российские" мусульманские организации попадают в их руки. И Исполнительный комитет Всероссийского мусульманского национального совета (Искомус) с его известным кавказским меньшевиком Ахмедбеком Цаликовым и Всероссийский мусульманский военный совет (Харби шуро) плясали под их дудку, не говоря уже о Милли идарэ (Национальное управление татар Поволжья и Сибири) и созванном к моменту Октябрьской революции Миллет меджлесе (Национальном парламенте).

Подготовка идет не только в политическом, но и в военном отношении. Если татарские эсеры - Гаяз Исхаков и Туктаров в трогательном союзе с кадетом Садри Максудовым "обрабатывают" татарскую интеллигенцию, женщин и мулл, то меньшевики в союзе с националистами обрабатывают татарских солдат: на фронтах и в тылу создаются мусульманские (татарские) национальные части: роты, полки, эскадроны и т.д. Части эти концентрируются в Казани, Уфе, Оренбурге и частью в Астрахани.

В момент Октябрьской революции и после нее все эти органы выступают против нас. Некоторые из них пробуют лавировать, но из этого ничего

не выходит, и рано или поздно они обнаруживают свою враждебность пролетарской революции.

Уже к моменту Октябрьской революции стало ясно объединение Искомуса и Харби шуро с Керенским. В дни наступления корниловской дивизии на Петроград Искомус сыграл решающую роль, задержав ее наступление. Во время октябрьского переворота в Казани руководители Харби шуро действуют солидарно с Временным правительством, входя в их "революционный комитет" и пытаясь втянуть мусульманские части в борьбу с восставшими частями. Во враждебную позицию становится и Национальный парламент, руководимый кадетом Садри Максудовым. Когда левая фракция парламента, руководимая татаро-башкирскими левыми эсерами, настаивает на признании только что образованного Совета Народных Комиссаров и приветствии его, парламент отвечает на это отказом.

С этого момента начинается новый период в развитии общественно-политической жизни татар. Уже на I Всероссийском мусульманском съезде в Москве (май 1917г.) наметилось левое течение, возглавляемое мусульманскими левыми социалистами. Правда, оно было еще слабо, но видно было, что в будущем ему суждено сыграть крупную роль в революционном движении татар. На II Всероссийском съезде мусульман, состоявшемся в конце июля в Казани, татарские левые социалисты выступают уже как организованная сила. В день открытия съезда лидер казанских татарских социалистов (с.-д.большевиков) тов.Мулланур Вахитов произносит знаменательную речь, направленную против татарских кадетов и социал-соглашателей. Усиленно работают на левом крыле съезда и левые эсеры во главе с т.Галимджаном Ибрагимовым.

Во время октябрьского переворота левые татарские социалисты выступают как определенный, окончательно сложившийся революционный фактор. Члены Мусульманского (татарского) социалистического комитета входят чуть ли не в подавляющем большинстве в I-й революционный штаб Казани в дни Октября (М.Вахитов, М.Султан-Галиев, К.Якубов и Я.Чанышев), играя в нем в дальнейшем видную роль.

В Уфе работают левые эсеры, сгруппировавшиеся вокруг газеты "Алга".

После разгона Учредительного собрания, когда изгнанные оттуда меньшевики-эсеры из татар становятся в резко оппозиционное отношение к Советской власти (выпускается воззвание к мусульманам России, призывающее к вооруженной борьбе против Советской власти), перед татарскими левыми социалистами встает задача ликвидации всех мусульманских псевдореволюционных организаций. Происходит довольно продолжительная, но решительная борьба между ними. В Петрограде при только что возникшем Народном комиссариате по делам национальностей создается Центральный комиссариат по делам мусульман (татар) внутренней России и Сибири во главе с председателем Казанского мусульманского (татарского) социалистического комитета тов.М.Вахитовым. Искомус разгоняется.

Но самая решительная и действительная борьба происходила на местах, в Казани с Харби шуро и в Уфе с Национальным парламентом.

Борьбу с Харби шуро возглавлял Казанский мусульманский социалистический комитет. Под его руководством стали формироваться отряды красногвардейцев из татарских рабочих. Одновременно шла усиленная агитация среди татарских частей Харби шуро и среди татарских рабочих и крестьян. Генеральное сражение между Харби шуро и Мусульманским социалистическим комитетом произошло на II Всероссийском мусульманском (татарском) военном съезде в Казани в феврале-марте 1918 г. Под руководством Социалистического комитета там была создана левая фракция из большевиков и левых эсеров, которая сыграла историческую роль в развитии классовой революции среди татар и башкир (на съезде были и башкиры).

Несмотря на свою организованность, сторонники "демократического национализма" на съезде морально были разбиты (съезд по вопросу об Учредительном собрании вынес резолюцию, одобряющую его разгон). Чувствуя свое поражение, руководители правой части съезда пошли на хитрость. Воспользовавшись нетактичностью некоторых наших товарищей[137], оттолкнувших от себя часть левой фракции, они решились пойти "напролом" и "декретировать" объявление так называемого "Идель-Уральского штата" (включая нынешнюю Татарию, Башкирию, Уфимскую губернию, часть Киргизии, Марийскую и Чувашскую области)[138]. Но "пролом" этот не удался, так как по постановлению Совнаркома Казанской Республики (Казанской губернии) президиум военного съезда был арестован, что вызвало в дальнейшем столкновение двух сторон, разрешившееся в конечном результате в нашу пользу: разгон съезда*, разоружение воинских частей Шуро, отказ шуристов от самовольного объявления акта территориально-национального самоопределения татар и т.д.

Задача борьбы с Национальным парламентом татар была возложена на уфимцев - татаро-башкирских левых эсеров. Говорить о значении этой борьбы не приходится. Если в лице Харби шуро мы имели военную силу "национального" блока татарских кадетов и социал-соглашателей, то в лице Национального парламента мы имели их политическую силу. И эту силу во что бы то ни стало необходимо было рассеять, так как в противном случае она претендовала на захват власти в Заволжье и Южном Урале, стремясь распространить свое политическое влияние и на всю остальную Среднюю Азию. Задача эта уфимцами была выполнена блестяще. Национальный парламент был разогнан.

С момента ликвидации этих органов в политической жизни татар наступает новая эра - период усиленной классовой дифференциации. Работа эта происходит в двух направлениях: классового расслоения татарской деревни и втягивания трудовых их масс в Красную Армию. Первую задачу взяли на себя мусульманские (татарские и татаро-башкирские) комиссариаты, а вторую - Центральная мусульманская (татарская) военная коллегия при Наркомвоене. Внутренне же работа эта была тесно связана.

Мусульманские комиссариаты на местах в первое время являлись как бы штабами революционного движения татар. Они являлись не только

* Здесь допущена неточность. Съезд не был разогнан, работал до 3 марта 1918 г. в Забулачной части Казани. - Сост.

вспомогательными политическими органами местных Советов, но органами власти вообще, как политической, так и административной. И ими была проделана колоссальная работа на местах, особенно в области агитационной, пропагандистской и культурно-просветительной.

Что касается работы Военной коллегии, то она была поистине громадна. Работа ее шла в двух направлениях: привлечения татар к Красной Армии, политического их воспитания и подготовки из среды рабочих и беднейших крестьян-татар красных командиров и политработников. За время своего более чем двухлетнего существования Центромусвоенколлегии при почти полном отсутствии работников удалось создать несколько отдельных татаро-башкирских батальонов и полков и две отдельные татарские стрелковые бригады (на правах дивизий), а также мусульманские (татарские) пехотные и кавалерийские командные и, отдельно, военно-политические курсы. Но главная ее работа заключалась на фронтах в политотделах армий. Там создавались специальные отделы по обслуживанию красноармейцев-татар[139]. В результате число татарских красноармейцев достигло громаднейших размеров: во время разгара гражданской войны на Восточном и Туркестанском фронтах число татарских красноармейцев составляло более половины всего их состава, доходя в некоторых из них до 70-75% (5-я армия)[140]. Каждая из отдельных татарских частей имеет свою историю. Достаточно здесь указать хотя бы на 1-ю Татарскую отдельную стрелковую бригаду, прошедшую всю Киргизию и Туркестан и участвовавшую в Бухарской революции[141], или на Казанский отдельный татарский запасный батальон, давший за один год более 70 маршевых рот на один лишь Туркестанский фронт.

Красноармейцы-татары оказались пионерами социальной революции на Востоке, разнося по далеким кишлакам Средней Азии и юртам Сибири, а также горным аулам Кавказа красное знамя классовой борьбы .

Что же касается курсов командного состава, то они также имели громадное значение в развитии революции среди тюрков России. За полтора года своего существования они дали тысячи красных командиров-татар в Туркестан и Кавказ[142].

Громадная работа была проделана военной коллегией и в области издательской и культурно-просветительной. Газета "Кызыл Армия" и политические брошюры ЦМВколлегии распространялись в сотнях тысяч экземпляров среди красноармейцев-татар.

Большую интенсивность проявила ЦМВколлегия и в деле подготовки кадров специалистов из татар в других областях. Так, ею на разные курсы (радиотелеграфные, инженерные, саперные и в Академию Генштаба) было откомандировано несколько сот человек красноармейцев-татар.

Говоря о татарских красноармейских частях, нельзя не отметить их заслуги перед революцией. Так, 1-й Казанский мусульманский (татарский) социалистический полк, организованный под руководством Казанского мусульманского комиссариата из кадров татарских красноармейцев Социалистического комитета, сыграл историческую роль в борьбе Казани с белогвардейщиной еще до чехословаков. Во время военного восстания в Казани, руководимого "Комитетом спасения родины", Мусульманский социалистический полк и присланный туда из Москвы татаро-башкирский

батальон Центрального мусульманского комиссариата имели решающее значение в его ликвидации, решительно выступив, несмотря на численное превосходство восставших, против них. Решающую также роль сыграл этот полк и в дни левоэсеровского мятежа. Его красноармейцами был разогнан штаб готовящихся выступить против нас левых эсеров.

Почти аналогичное явление наблюдали мы и в Астрахани. Октябрьский переворот там был произведен при энергичном участии татарских частей. И лишь благодаря стойкости и самоотверженности этих частей Астрахань всегда твердо держалась против контрреволюции, даже в самые тяжелые для Советской Родины дни. Астраханский татарский военный комиссариат, стоявший во главе татарских частей, в этом отношении твердо стоял на страже революции.

Криворожско-Донецкий угольный бассейн дал несколько десятков тысяч красногвардейцев-татар. В дни наступления на Украину германского империализма татарские рабочие отряды самоотверженно защищали Советскую власть от его нашествия. В одном лишь организованном тов.Булушевым отряде насчитывалось до 6000 красногвардейцев-татар шахтеров. Отряд этот прикрывал отступление наших частей под Харьковом в начале 1918г., участвуя в кровавых сражениях под ст.Лихая-Царицын.

В заключение надо сказать несколько слов о значении Татреспублики в истории развития социальной революции на Востоке, так как этот фактор имеет громадное значение в этом отношении. Все культурные силы, которых создает и выковывает сейчас Татария, явятся в будущем пионерами культурного развития остальных наших восточных окраин. Уже сейчас мы являемся свидетелями того, как со всех концов Урала, Сибири, Средней Азии и Туркестана, Хивы и Бухары и даже далекого Афганистана приезжают в Татарию со спросом на культурников: учителей, журналистов и т.д. В последнее время в связи с этим даже ощущается острый кризис в татарских работниках: Татария обескровливается.

Подводя итоги четырехлетней годовщины Октябрьской революции и участия в ней татар, мы должны сказать, что татарские рабочие массы и татарская беднота не участвовали в революции, но способствовали ее распространению в странах Востока. Эту силу надо поддержать, пополнив ее ряды новыми, свежими, еще нетронутыми элементами. Базой для такой работы должна служить Татарская Республика. Поднять работу в Татарии и поддержать в ней уже работающих там в этом направлении товарищей - вот та очередная задача, которую ставит сейчас перед нами революция.

М.Султан-Галиев.

Жизнь национальностей. - 1921. - 5 ноября. - № 24 (122).
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.121-130.

Выступление
на IV Татарской областной партийной конференции[143] с опровержением обвинения в обособленчестве

2 декабря 1921 г.

Товарищи, сегодня здесь уже два раза упоминалась моя фамилия. Тов.Муслимову я отвечу потом, но тов.Тарпищеву я сейчас же должен сказать несколько слов. Стараясь доказать неправильность работы областной комиссии по очистке, тов.Тарпищев уклонился в сторону и говорил о существовании среди татарских коммунистов какой-то "обособленческой" группы. Все это - чистейшая ложь и клевета. Я считаю, областная комиссия в вопросе оценки различных группировок среди коммунистов татар встала на действительно правильную и объективную точку зрения. Она установила, что группировки эти не имеют под собой серьезных принципиальных расхождений, а носят характер личных отношений. И это действительно так. Если русская рабочая оппозиция в РКП и имеет под собой некоторую реальную почву, то "оппозиция" группы татарских коммунистов абсолютно никакой серьезной почвы, кроме характера личных интриг, не имеет. Если т.Тарпищев говорил здесь о требовании башкирскими националистами "самостоятельного" войска и т.д., то он ошибается, утверждая, что будто бы в этом движении участвовала и та группа татарских коммунистов, на которую он здесь нападал. Если в этом движении кто-нибудь и принимал участие, то это не та группа, на которую он нападает, а как раз группа коммунистов, которая выдавала себя за левых коммунистов. Меня удивляет выступление т.Тарпищева. Он хочет выдавать нас за националистов, но он, как видно, забывает, что в то время, когда мы здесь в 1917-1918 гг. вели отчаянную борьбу с татарскими националистами, он сидел в Москве в редакции татарской буржуазной националистической газеты "Ил", с которой мы также вели борьбу. Тов.Тарпищев говорит, что мы, якобы, требуем обособленной восточной коммунистической партии. Но не тот ли тов.Тарпищев на заседании Политбюро Центрального Комитета партии в 1919 году перед II съездом коммунистов народов Востока первый выставил требование об автономности восточных коммунистических организаций? Из этого ясно одно, что товарищи татарские коммунисты, кричащие о своей левизне и о нашем стремлении к отделению от русских товарищей, занимаются ни больше ни меньше, как ребячеством. Я знаю одного из этих товарищей, который также кричал постоянно о своей левизне. Но когда этот товарищ был направлен Совнаркомом и ВЦИК в одну из автономных республик, он там через головы русских и татарских коммунистов протянул руку татарским националистам. И это не голословное утверждение, а факт. Об этом говорит резолюция только что закончившейся областной партийной конференции этой республики.

ЦГА ИПД РТ. - Ф.15. - Оп.1. - Д.84. - Л.39об.-40. Стенографическая запись.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.221-222.

Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман

I

Вопрос о методах антирелигиозной пропаганды среди мусульман - вопрос очень щекотливый и сложный. Осложняется он, с одной стороны, тем положением, которое занимает ислам в жизни мусульман как религия, а с другой - социально-политическим положением мусульманских народностей вообще.

Самый вопрос о необходимости ведения антирелигиозной пропаганды среди мусульман и не только в России, но и далеко за ее пределами, разумеется, никаких споров и разногласий у нас, коммунистов, не возбуждает и не может возбудить. Для нас все религии одинаковы, и в этой части своей вопрос совершенно ясен и никакого анализа не требует. Вопрос лишь о том, какие методы надо установить, чтобы вернее и безболезненнее прийти к его разрешению и осуществлению в жизни. А верная победа над кем или над чем-нибудь может быть обеспечена лишь тогда, когда, приступая к борьбе, мы заранее знаем, с кем именно мы имеем дело. Вступать же в борьбу с какой-нибудь силой, не зная серьезности ее природы, значит заранее рисковать, если не поражением, то, по крайней мере, промахом в этом деле. Вот почему, прежде чем говорить о методах антирелигиозной борьбы среди мусульман, нам необходимо, хотя бы в общих чертах, установить, что представляет из себя ислам как религия, и пригодны ли по отношению к нему те методы пропаганды, какие установлены революционной практикой по отношению других религий.

Разбирая последний вопрос, приходится констатировать, что имеется ряд причин и данных, которые показывают и диктуют необходимость установления совершенно иных методов антирелигиозной борьбы среди мусульман и не только в отношении народностей других религий, но также и в отношении отдельных народов среди самих мусульман.

Первым и самым основным фактором, определяющим положение ислама в этом вопросе, является его позднее происхождение. Из всех "великих" религий земного шара ислам является самой молодой, а потому самой крепкой и сильной по влиянию религией. Указание на этот факт можно найти у всех серьезных европейских исследователей ислама. В этой религии больше, чем в какой бы то ни было другой, имеется гражданско-политических элементов, тогда как в других религиях преобладают чисто духовно-этические мотивы. Шариат, или мусульманское право, представляет из себя кодекс законов и правовых норм, регулирующих все стороны земной жизни мусульманина. Вы тут найдете все указания о том, как должен вести себя мусульманин в молитве, в работе, в обществе, семействе и обыденной жизни вплоть до мельчайших подробностей. И, безусловно, среди этих законов имеется очень много таких, которые по своему существу носят вполне положительный характер. Достаточно в данном случае перечислить: обязательность просвещения (хадис Магомета - "әтлабел-

гыйлем миннә әл-мәһде әли әл-ләхеде", т.е. - жажди познаний от колыбели до могилы), обязательность промышленности и труда (кясеб), обязанность родителей воспитывать своих детей до совершеннолетия, допустимость гражданского брака; отрицание частной собственности на землю, воды и леса; отрицание суеверий, запрещение колдовства, азартных игр, роскоши, расточительности, золотоношения и шелконошения, употребления спиртных напитков, взяточничества и людоедства (имело значение в Северной Африке); установление детально разработанной прогрессивно-налоговой системы - натуральной и финансовой ("закят", "ушар" и др.). Даже семейное и наследственное права ислама содержали в себе положительные начала, поскольку они регулировали в период своего возникновения и в дальнейшем анархическое состояние этого вопроса у арабов-язычников. Так, например, хадис Магомета о многоженстве исследователями ислама толкуется как закон, ограничивающий существовавшее тогда многоженство.

И, как религия с гражданско-политическими мотивами, ислам крепче всосался в организм его исповедующих, а потому и борьба с ним труднее и сложнее. Ярким доказательством справедливости этого положения является большая прочность мусульманского духовенства, чем положение духовенства других религий.

Примером в данном случае может служить положение мусульманского духовенства хотя бы у нас, в России. В то время, как у русских один церковный приход приходится не менее, чем на 10-12 тысяч населения, у мусульман каждая мечеть приходится на 700-1000 душ, причем при каждой из них имеется не менее трех духовных лиц: мулла, его помощник и муэдзин (пономарь).

Упрочению же мусульманского духовенства способствовало и его общественно-политическое положение по отношению к остальному населению. Он является и жрецом (исполнение религиозных обрядов), и преподавателем (каждый мулла имел при мечети конфессиональную школу - "мектеб" или ""медресе"), и администратором (раздел наследства, регистрация актов гражданского состояния и др.), и судьей (бракоразводные и наследственные дела и т.д.), а при необходимости и врачом. Имела тут значение и выборность мусульманского духовенства. Это ставило его в гораздо лучшее и прочное положение, чем, например, русское духовенство. Назначаемый сверху, русский священник, безусловно, пользовался гораздо меньшим авторитетом у своей паствы, чем татарский мулла или узбекский улема перед своей "махаллей": как-никак последние считали себя "слугою народа" и прислушивались к его голосу, а потому были более демократичны и доступны для него и пользовались большим уважением и влиянием перед ним, чем поп перед русским мужиком.

Вторым серьезным фактором, затрудняющим и осложняющим антирелигиозную пропаганду среди мусульман, является международное социально-экономическое положение мусульманских народов в последние столетия. Поражение арабской культуры, с одной стороны, и тюрко-татарской - с другой (изгнание арабов из Испании и тюрко-татар из Юго-Восточной Европы, завоевание европейцами североафриканских и средневосточных мусульманских владений, покорение русскими татар, башкир,

горцев Кавказа и тюркских государств Средней Азии) повлекло за собой политическое и социально-экономическое порабощение почти всего 300-миллионного мусульманского мира. Весь этот мир в последние столетия являлся объектом эксплуатации западноевропейского империализма, ресурсом его экономики. Это отразилось и на положении религии мусульман. Если западноевропейский империализм, начавшийся в своем первоначальном продвижении в мусульманские страны с "крестовых походов", и принял в последнее время характер чисто экономической борьбы, то в глазах мусульман, по крайней мере, их большинства, эта борьба и сейчас еще воспринимается как политическая борьба, т.е. как борьба с исламом в его целом. Иначе и не могло быть, так как в понятии мусульман весь мусульманский мир, без различия национальностей и племен, является одним нераздельным и единым целым.

Результатом такого положения вещей является то, что ислам, как религия, носил и сейчас еще носит, по крайней мере, в глазах самих мусульман, характер угнетенной и защищающейся религии. Иначе говоря, исторически ислам находился в условиях, развивающих чувство солидарности среди отдельных групп его последователей и усиливающих психологически его проникаемость и впитываемость, т.е. в условиях, затрудняющих ведение агитации против него. В условиях русской действительности положение это усугубляется еще тем, что, организуя антирелигиозную пропаганду среди мусульман, мы рискуем попасть в положение недавних "борцов с исламом", русских миссионеров, тративших миллионы народных средств на эту "борьбу". И в самом деле, ведь недавно лишь вся населенная мусульманами территория России кишмя кишела целой плеядой этих отъявленных черносотенцев, отвратительно распространявших там зловонный дух миссионерского гнилья; недавно лишь вся эта территория была покрыта густой сетью всяких духовных "учебных заведений" - духовных семинарий и академий, где вырабатывались "специалисты" по борьбе с "мохаметанством". И всякое неумелое выступление среди мусульман с антирелигиозной пропагандой при этих условиях будет напоминать им это недалекое прошлое и вместо пользы даст лишь глубоко отрицательные результаты.

Говоря о причинах, тормозящих успешное ведение антирелигиозной пропаганды среди мусульман, мы не можем не упомянуть еще об одном факторе, который также имеет немаловажное значение в этом отношении. Это - культурная отсталость мусульман вообще. Разбираться подробно в этом мы здесь не будем, так как едва ли найдется кто-нибудь, кто бы оспаривал истину о том, что культурная отсталость и религиозный фанатизм неразрывно связаны и взаимно дополняют и усиливают друг друга.

II

Итак, мы видим, что внутренняя сущность ислама, с одной стороны, определяемая большей его живучестью, чем остальные религии, и объясняемая поздним его происхождением, а с другой - психологическое состояние мусульманских народов вообще, как угнетаемых или угнетавшихся недавно (мусульмане России) народов, требуют иного подхода и иных методов антирелигиозной пропаганды среди них.

Каковы же должны быть эти методы?

Прежде всего, осторожный и умелый, а главное, жизненный подход к вопросу. Всякая казенщина или излишняя крикливость в этом деле должны быть устранены. Вся постановка вопроса должна носить не характер антирелигиозной борьбы, а характер антирелигиозной пропаганды. Мы должны раз и навсегда выбить из рук наших противников то орудие, которым они могут бить нас в этом вопросе: нужно открыто сказать кому это следует, что мы никакой борьбы с какой бы то ни было религией, как с таковой, не ведем, а лишь ведем пропаганду своих атеистических убеждений, осуществляя свое вполне естественное право на это. Только такая постановка вопроса и может дать нам твердую гарантию в том, что нас не будут смешивать и ставить на одну доску с черносотенным русским миссионерством. Нужно дать понять мусульманам, что, ведя среди них антирелигиозную пропаганду, мы не продолжаем дела победоносцевых и ильминских, а продолжаем дело их же культурников, недавно лишь ведших среди них эту же самую работу.

Второе - необходимо окончательно отмежеваться в этом вопросе от прежних миссионерских элементов, если они случайно затерлись в нашу среду, предоставив ведение антирелигиозной пропаганды среди мусульман. Участие в этом деле головотяпствующих элементов абсолютно недопустимо. Это будет лишь дискредитировать нас в глазах населения.

Третье - это жизненность работы и умелая агитация. Необходимо антирелигиозную пропаганду поставить на самую жизненную ногу. Недостаточно только написать какую-нибудь брошюрку или статейку с крикливым названием на эту тему (их никто и не будет читать) или прочитать лекцию и провести диспут, а необходимо вести агитацию в самой жизни, примером и делом, т.е. вести не агитацию слов, а агитацию действий. Пусть тот, на которого вы хотите воздействовать, и не заметит, что вы собираетесь вести перед ним антирелигиозную пропаганду.

Иначе вы спугнете и заранее психологически отдалите и оттолкнете от себя. В этом отношении даже одно лишь постоянное присутствие в мусульманской деревне или среди рабочих мусульман выдержанного коммуниста (атеиста), твердо пренебрегающего установившимися религиозными обрядами мусульман, даст гораздо больше, чем десятки лекций или бесед хотя бы самого красноречивого и убедительного оратора. Пусть мусульмане увидят около себя настоящего атеиста и привыкнут к нему. Пусть они наглядно ощутят того, кто отрицает существование религии, и ощутят его не с отрицательной, а с положительной стороны. Пусть они увидят, что атеист вовсе не есть человек в образе черта, каким обыкновенно рисуют ему его, а есть такой же человек, как и они сами, только более положительный, развитой, твердый и энергичный. Если вы сумеете сделать это, то заранее можете быть уверены, что идейная победа за нами обеспечена. Важен первый шаг, а следующие пойдут легко.

Наблюдая постановку антирелигиозной пропаганды на местах, можно установить ряд примеров, доказывающих справедливость этого положения. Приезжает в деревню какой-нибудь захудалый агитатор, татарин, грозный, страшный, суровый, с револьвером и шашкой за поясом, и начинает ругать "Аллаха и пророков", демонстрируя при этом свой "ярый"

атеизм наступлением ногой на Коран или какую-нибудь иную считавшуюся у мусульман священной книгу.

- Вот, видите, я наступил ногой на Коран, однако мне ничего не сделалось. Значит, эта книга не священна, значит, нет и Аллаха . . . и т.д.

Выступление таких горе-агитаторов оставляет после себя у населения самое отрицательное впечатление.

- Мы тут же хотели было напасть на него да и укокошить, - рассказывали мне в татарской деревне об одном из таких "ораторов", - да раздумали: побоялись, что пришлют караульный отряд - зачем-де убили бульшевика (большевика)...

Но с каким бесхитростным юмором и искренней веселостью веет от их речи, когда они рассказывают нам о выступлении "какого-то", заехавшего проездом, русского "большевика", который рассказывал "веселые сказки" про попов и мулл:

- Сам такой веселый и простой. И все время смешил. Рассказывал про русских попов, как они обманывают народ. А мы стояли и думали между собой, что-де, и муллы наши, ведь, такие же обманщики...

Вот вам истина жизни. И ее никак нельзя отвергнуть. Я был свидетелем и другого случая, когда в башкирской деревушке в день мусульманского праздника "Айди-Курбан" (в этот день каждый "правоверный" мусульманин должен пойти в мечеть) молодежь не пошла в мечеть, подражая в этом единственному в деревне коммунисту-башкиру, состоящему у них заведующим клубом.

Пропаганду действий не следует понимать, однако, в смысле отрицания какой бы то ни было формы пропаганды словом. Безусловно, нет. Словесная пропаганда также должна быть применяема, но там, где для этого действительно имеется почва. Почему бы не устраивать диспуты о религии среди рабочих мусульман в городах, на фабриках и заводах, перенося их постепенно в деревню. Все это вполне возможно и не только в области устной, но и печатной пропаганды.

Но, ведя антирелигиозную пропаганду среди мусульман, ни на минуту не следует забывать, что все же главный корень зла заключается в их культурной отсталости и политическо-моральной забитости. Русский царизм, в течение веков давивший на них, оставил глубокие следы свои. Примером может служить то обстоятельство, что даже после образования автономных республик зачастую мусульмане остаются в стороне от участия в государственной жизни этих республик. И пока мы не снимем с них этих оков и не сделаем их, не на словах только, а на деле, свободными и равноправными гражданами Советской Республики, никакая антирелигиозная пропаганда среди них не даст ожидаемых от нее результатов. Улучшение постановки народного образования среди мусульман во всех его видах и ступенях, широкое вовлечение их в хозяйственно-экономические и административно-политические органы государственной власти, где это только возможно, расширение и углубление среди них партийной работы - вот что должно составить очередную задачу нашей деятельности среди них. Все это является основными предпосылками успешности ведения среди них какой бы то ни было новой и творческой работы.

III

В заключение мы считаем необходимым сказать несколько слов об индивидуализации антирелигиозной пропаганды среди мусульман России по отдельным этнографическим группам. Необходимость эта диктуется тем, что "мусульманские" народности России по своему хозяйственно-бытовому положению и культурному состоянию значительно отличаются друг от друга. Те методы антирелигиозной пропаганды, о которых мы говорили выше, характерны лишь как методы общего подхода к вопросу. Поскольку же нам приходиться иметь дело с отдельными этнографическими единицами или даже целыми их группами, мы встаем перед необходимостью их индивидуализации и детализации. Но индивидуализация эта возможна только в том случае, если мы установим и зафиксируем те особенности их быта и культуры, которыми отличаются они между собой. Производимый ниже анализ и является первым опытным шагом в этом направлении.

Особенности условий работы среди татар

Особенности условий работы среди татар можно разделить на 2 категории: отрицательные, затрудняющие антирелигиозную пропаганду, и положительные, или облегчающие эту пропаганду. Отрицательными условиями здесь являются следующие факторы:

1) Твердость организации духовенства. Татарское духовенство (Поволжье, Урал, внутренняя Россия и Сибирь) более твердо организовано, чем, например, духовенство Киргизии или Туркестана. Объясняется это, с одной стороны, тем, что оно стояло всегда в авангарде борьбы с русским миссионерством и приобрело громадный навык в этой борьбе, а с другой стороны, тем, что оно в последние годы подверглось внутренней реорганизации, как в отношении личном, так и организационном. Внутренней или "личной" трансформации татарского духовенства способствовало политическое воздействие на него со стороны младотурецкой интеллигенции после революции 1908 года в Турции, о характере и значении которой поговорим ниже. Организационное же усиление татарского духовенства произошло после Февральской революции, когда оно путем созыва всяких съездов, конференций и совещаний изменило внутреннюю конструкцию своей организации в смысле большей ее жизненности, подвижности и "демократичности", поставив во главе ее реорганизованное на новых же началах духовное правление мусульман внутренней России и Сибири.

2) Внутренняя психологическая реакция, произведенная "пропагандистской" деятельностью разных русских миссионерских обществ и деятелей из лагеря "Союза русского народа". Вызывая естественное противодействие со стороны мусульман, "пропаганда" эта лишь усиливала их религиозный фанатизм. Примером в данном случае можно привести стихийную эмиграцию татар в Турцию в эпоху религиозных гонений на них в последние годы царствования Александра III. Следы деятельности этих "обществ" еще остались, и нужны десятилетия для их изжития.

Положительными условиями являются:

1) Сравнительно большая пролетаризация татарских масс, чем остальных "мусульманских" народностей России. Малоземелье и постоянные неурожаи и голод, с одной стороны, бедность местной добывающей и обрабатывающей промышленности, с другой, значительно способствовали этой пролетаризации, вызывая эмиграцию татарских рабочих в промышленные районы России. В последнее время в одном только Криворожско-Донецком каменноугольном бассейне число татарских рабочих доходило до 100 тысяч. Десятками тысяч насчитывались они и на бакинских и грозненских нефтяных промыслах. Довольно много работало и на заводах Урала и золотоносных приисках Сибири. Рабочие пристаней реки Белой, нижнего течения Камы и среднего течения Волги почти наполовину, если не больше, состояли из татар. Можно было встретить их и на далеком Мурмане и Амуре, где они работали на постройке железных дорог. Нужда гнала их из одного конца России в другой, из одной шахты в другую. И в их души закладывались постепенно семена атеизма. Думать об Аллахе было некогда, так как желудок требовал работы. Отрываясь от "родины" и ведя скитальческую жизнь и заражаясь примером от своих русских товарищей, рабочий татарин разрушал устои патриархального быта татар, а вместе с тем и устои их религиозного фанатизма.

2) Большая культурность по сравнению с другими мусульманскими народностями окраин. Последние 15-20 лет жизни поволжских татар до революции можно считать периодом их национального возрождения. Русская революция 1905 года, с одной стороны, революция персидских демократов и младотурок, с другой, дали громадный толчок этому пробуждению. Туркестан и Бухара, игравшие до того времени роль центров притяжения татар, а в действительности являвшиеся центром распространения среди них культурной косности и религиозного фанатизма, с этого момента уступают свое место Константинополю, Бейруту и Каиру. Студенты из татар, побывавшие в университетах этих городов, по приезде в Россию начали развивать новые идеи, идеи культуры и прогресса. Заснувший совершенно 5-миллионный татарский мир, о котором один из татарских писателей Гаяз Исхаков отозвался как о "вырождающемся мире", пробуждается. Начинается отчаянная борьба между "кадимистами" (приверженцы старины) и "джадидистами" (новаторы). Проводится реформа мусульманских конфессиональных школ - "мектеб" и "медресе". Туда вводятся гражданские предметы. В 1906 году в Казани ставится первый спектакль на татарском языке, вызвавший бурю протестов со стороны мусульманского реакционного духовенства и фанатично настроенной толпы. После революции 1905 года появляются первые газеты на татарском языке. Вскоре во всех крупных татарских центрах: Казани, Астрахани, Оренбурге и Уфе, а впоследствии даже в Москве, - начинает выходить масса газет и журналов. Появляется художественная литература. В Казани организуется несколько крупных издательств. Поднимается и женский вопрос. Новаторы требуют снятия чадры с татарки. Духовенство и кадимисты оказывают отчаянное сопротивление всему этому. Новаторы предаются "проклятию", местами открытые ими так называемые новометодные школы насильно закрываются, введенные ими в употребление

учебники гражданских предметов на татарском языке предаются сожжению, учителя подвергаются избиениям и т.д. Но все это не помогает, победа остается в конце концов на стороне новаторов. В результате появляются татарская литература, татарский театр и татарская национальная гражданская школа. Татарки скидывают свою чадру. Духовенство подвергается беспощадной общественной критике: выходившие тогда карикатурно-юмористические журналы уделяли этому вопросу самое серьезное внимание ("Чүкеч", "Яшен", "Кармак" и др.). Борьба между кадимистами и джадидистами захватывает и духовенство. Все реакционное, гнилое и фанатичное отходит к кадимистам, а все новое и трезвое и революционное - к новаторам. Среди последних появляются своего рода реформаторы, как, например, Муса Бигиев, Абдулла Буби и Зия Камали. Муса Бигиев выступает с трактатами по отдельным казуистическо-догматическим вопросам ислама, нападая на архаические взгляды мусульманских "фетваистов". В своем сочинении "Рахматэ Илейхи" он разрушает веками установившийся взгляд мусульман о том, что рай является достоянием одних лишь мусульман. Основываясь на отдельных статьях Корана, М.Бигиев доказывает, что он может стать достоянием всякого, и мусульманина, и "гяура", лишь бы они были достойны этого. В сознании фанатичного мусульманина, привыкшего смотреть на "гяуров" как на "окончательно погибших людей", все это должно было произвести целую революцию. Тот же М.Бигиев пишет другое сочинение, где доказывает допускаемость неисполнения известного догмата мусульманской религии о посте. Это тоже производит своего рода фурор, так как до того фанатичное мусульманское духовенство - а влияние его на народ было слишком еще сильно - абсолютно отвергало такую возможность.

Зия Камали и Абдулла Буби первые пробили брешь в деле реорганизации мусульманских высших и средних учебных заведений-медресе. Они открыли высшие мусульманские школы, где были введены наряду с изучением Шариата и "европейские" науки: математика, история, география и естественные науки, гуманитарные науки. До того же введение их в конфессиональные школы считалось чуть ли не вероотступничеством.

А один из мулл, некто Гафури*, в своей брошюре "Исабет" прямо поставил вопрос о лжепророчестве Магомета. Правда, автор этого произведения был потом опять "возвращен в лоно ислама", но тем не менее произведение его оставило глубокие следы в деле развития самосознания татар.

Реакционная часть татарского духовенства старалась "обезвредить" от этих "младо-мусульман" татарское общество, сначала агитацией в его среде, а впоследствии, когда это средство не помогло, грязными доносами в царскую охранку, выдавая их за "панисламистов" и т.д., но из этого ничего не выходило. Реакционно-фанатичное татарское духовенство, как какая-нибудь политическая сила, умерла еще до Февральской революции. На смену ему явилось новое духовенство, способствовавшее ослаблению религиозного фанатизма татар.

* Гафури - Галиасгар Чыгытай (Гафуров).

3) Влияние социальной революции. Социальная революция лишь усугубила и расширила рамки антирелигиозной борьбы среди татар. И в этой борьбе многие из недавних "революционеров" очутились на стороне реакции. Произвела революция раскол и в среде татарского духовенства. Образовалось два враждующих между собой лагеря - красных мулл, сторонников Советской власти, и белых колчаковцев и учредиловцев, формально "признавших" Советскую власть и исподтишка ведущих агитацию против нее. Характерно при этом то, что реакционные муллы всюду и везде заключили союз с русским контрреволюционным духовенством, образовывая, таким образом, "единый фронт" против "мулл-коммунистов". И при белогвардейских восстаниях от их палачей попадало и этим муллам. Примером могут служить крестьянские восстания весной 1920 года в Мензелинском, Белебеевском и Бугульминском уездах, когда восставшие наряду с коммунистами расстреливали также татарских учителей и мулл-джадидистов.

Из всех этих данных мы можем сделать вывод, что среди татар почва для антирелигиозной пропаганды достаточно разрыхлена и нужно лишь засеять ее семенами. Положительных элементов для работы там больше, чем отрицательных.

Работа в Башкирии

Башкирия находится в несколько других условиях, чем Татария. Здесь мы видим меньшую подверженность религиозному фанатизму. Но вместе с тем мы здесь наблюдаем большую их подверженность суевериям, носящим характер остатков прежнего язычества. Слабое развитие религиозного фанатизма башкир объясняется рядом причин. Главная из них та, что башкиры все еще не вышли из кочевого образа жизни и продолжают сохранять остатки родового быта. Что кочевой образ жизни вообще является преградой развитию религиозного фанатизма, можно увидеть из наблюдений над киргизами и туркменами или же арабами-бедуинами. Все исследователи, как европейские, так и восточные, подтверждали всегда эту черту их. И вполне понятно. Кочевой образ жизни ставит человека лицом к лицу с природой и, заставляя его вести постоянную борьбу с ней, не дает ему возможности думать о религии, а тем более совершать те или иные религиозные обряды. Ведь все религии возникли в городах, а в пустыню и в деревню они шли лишь потом, развившись.

Вторым, что пособствовало слабому развитию у башкир религиозного фанатизма, является то, что ислам они восприняли не непосредственно у арабов или персов, а через татар, культурная ассимиляция с которыми у них началась еще до принятия ислама. Татарский мулла является у них пионером этой религии. Вполне понятно, что при этих условиях ислам носил у них характер наносной, искусственно привитой религии. Имел тут значение и чисто классово-расовый антагонизм между татарами и башкирами, происходивший на чисто экономической почве: татары, как более культурные, давили башкир. При этих условиях иметь особенный вес и авторитет в башкирских аулах татарский мулла не мог. И при первом серь-

езном столкновении между башкирами и татарами (после Февральской революции, когда башкиры требовали обособленной от татар автономии, а татары противились этому), татарский мулла слетал со своего насиженного места. Как известно, избиение татарских мулл и учителей в башкирских деревнях одно время приняло хронический характер.

Что же касается подверженности башкир суевериям, то это объясняется их культурной отсталостью. Достаточно в данном случае указать хотя бы на то, что они до сего времени не имеют еще своего литературного языка, пользуясь для этого татарским языком. Литература, театр и искусство переняты ими у татар.

Почва для антирелигиозной пропаганды здесь имеется. Надо лишь побольше разрыхлять ее и увлажнять.

Работа в Киргизии*

Наибольший успех антирелигиозная пропаганда должна иметь в Киргизии. Киргизы, как кочевой народ, религиозным предрассудкам и фанатизму подвержены слабее всех остальных. В отношении характера восприятия ислама киргизы находились в аналогичных условиях с башкирами: духовенство среди киргизов насаждалось татарами. (Киргизия подчинялась оренбургскому магометанскому духовному собранию). Причем туда шли самые слабые его элементы, отбросы. Каждое лето и весну туда отправлялось из мусульманских духовно-конфессиональных школ несметное количество шакирдов (бурсаков), имея целью дешевую эксплуатацию доверчивых киргизов именем религии. Все те, кто среди татар не годился даже в "фараши" (сторож мечети), там делался "мулла-аки": духовным "руководителем". Ясно, что создать что-нибудь более или менее твердое и организованное они там не могли. И быт, и нрав киргизов поэтому сохранился чистым. Не мог повлиять ислам в Киргизии даже на положение женщины. В то время, как в других местах он всюду наложил на нее свои оковы, киргизка сохранила свою свободу. И те ограничения, которые мы наблюдаем у ней в настоящее время, носят скорее бытовой, чем освященный религией характер.

Туркестан, Хива и Бухара

Условия работы на этой территории совершенно другие, чем среди татар, башкир или киргизов. Бухара почти до последнего времени являлась одним из крупных рассадников религиозного фанатизма в Средней Азии. Ее влияние в Туркестане и Хиве все еще громадно. Они не прошли еще той стадии развития, которую прошли татары. Литература, театр и искусство у сартов лишь в зачаточном состоянии, а у бухарцев и хивинцев только лишь рождаются. Лишь после Октябрьской революции сарты увидели

* До 1925 года киргизами назывались казахи. - Сост.

гражданскую (трудовую) школу. А у бухарцев и хивинцев она начинает прививаться только сейчас, и то лишь благодаря родству культурников татар и турок. Положение женщины там остается все еще неизменным. И тут антагонизм, который мы наблюдаем между сартами и бухарцами, с одной стороны, и татарами - с другой, в значительной степени объясняется тем, что идейную борьбу с религиозным фанатизмом и культурной отсталостью в Туркестане и Бухаре возглавляют татары. Ведь недавно только, всего лишь в 1918 году, бухарское духовенство во главе с эмиром устроило грандиозный погром, вырезав более 5-ти тысяч татар как джадидистов. Насколько укоренился ислам в Бухаре, можно судить по тому, что там даже после установления Советской власти шариат во многих областях продолжает играть роль действующего закона (например, натуральная налоговая система по шариату). Правда, в этом отношении Туркестан занимает несколько другое положение. Завоевание этого края русскими сделало то, что там религия перестала играть роль гражданского и административного права. Тем не менее религиозный фанатизм там все еще силен, и бороться с ним безусловно труднее и сложнее, чем в Татарии и Киргизии.

Антирелигиозную борьбу здесь можно вести лишь по тем методам, которые применялись в 1905-1910 гг. джадидистами в Поволжье.

Азербайджан, горцы Кавказа и Крым

Азербайджан в отношении постановки антирелигиозной пропаганды находится в лучших условиях, чем Туркестан. Близость к Турции, более развитая промышленность, наличие более или менее сознательного туземного пролетариата, а также более раннее культурное его пробуждение (в Азербайджане уже 25-30 лет тому назад начали издаваться газеты на татарском языке, тогда как в Туркестане первая газета на сартском языке вышла лишь в 1915 году, правительственную миссионерскую газету мы не считаем) сделали то, что Азербайджан оказался на несколько десятков лет впереди Туркестана и Бухары. Азербайджан пережил аналогичный с поволжскими татарами период развития, правда, в более слабой форме, чем у них, но все же пережил. И, безусловно, вести там антирелигиозную пропаганду гораздо легче, чем в Туркестане и Бухаре.

В аналогичных же условиях находится и Крым. Здесь, пожалуй, еще больше почвы для работы, чем в Азербайджане, меньше религиозного фанатизма. Крым занимает среднее положение между Азербайджаном и Татарией.

Трудно обстоит дело в Дагестане и среди горцев Северного Кавказа. Остатки недавнего имамства (Шамиль и др.), сохранение так называемых адатов (обычного права) как элементов юрисдикции, отсутствие национальной литературы (заменяется арабской) и национально-религиозная замкнутость являются причинами того, что здесь мы наблюдаем большую подверженность религиозным предрассудкам, чем в других восточных окраинах России. Достаточно указать в данном случае, как, например, хотя бы на то, что и в настоящее время в Дагестане и во многих местах Горской республики введены так называемые "шариатские суды". В эпоху граж-

данской войны на Северном Кавказе можно было наблюдать, когда целые селения горцов и даже отдельные горские племена становились на борьбу с бичераховцами[144] и деникинцами на стороне Советской власти по чисто религиозным мотивам: Советская власть дает большую свободу нашей религии, чем белые, говорили они. В рядах кавказской Красной Армии были целые "шариатские" сотни и отряды из горцев (шариатские сотни кабардинского муллы Каткаханова, которые впоследствии достигли количества нескольких десятков тысяч).

Почва здесь для антирелигиозной пропаганды совершенно еще не затронута или затронута очень поверхностно.

Заканчивая свою статью и резюмируя высказанные в ней мысли, мы можем сказать в заключение следующее: если ислам, отличаясь своей сущностью и историческим положением от других религий, требует иных методов борьбы и противопропаганды, то и каждая отдельная народность, исповедующая его, в силу своих естественно-исторических и культурно-бытовых особенностей, а также социально-экономического положения, требует того же: методы антирелигиозной пропаганды, годные для татар, не годятся для киргизов; методы, применяемые к мусульманам России, не применимы где-нибудь в Афганистане или Бухаре и наоборот. Для каждой из них должны быть выработаны отдельные методы работы, отвечающие состоянию их ума и психики. Всестороннее и детальное изучение этого вопроса на местах и освещение в партийной печати во всех его проявлениях и особенностях должно составить одну из очередных задач нашей агитационно-пропагандистской деятельности на Востоке. Без такого шага мы никогда не встанем на твердый и надежный путь разрешения поставленных нами задач и не выйдем из того состояния разброда мыслей, в котором находимся сейчас.

М.Султан-Галиев.

Жизнь национальностей. - 1921. - 14 декабря. - № 29(127); - 23 декабря. - № 30(128).
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.131-150.

1922 г.

- **Содоклад об очередных задачах партийного строительства среди татаро-башкир на I Всероссийской конференции коммунистов татаро-башкир, не вошедших в автономные республики тюркских народов. 4-12 марта 1922г.**
- **Тезисы об очередных задачах партийного строительства среди татаро-башкир, не вошедших в автономные республики тюркских народов. 4-12 марта 1922г.**
- **Тезисы о задачах советского строительства среди татаро-башкир на 1-й Всероссийской конференции коммунистов татаро-башкир, не вошедших в автономные республики тюркских народов**
- **Письмо в Коллегию Наркомнаца о дополнительном субсидировании учащихся-татар в Германии**
- **Выступление на заседании Совета национальностей о предоставлении автономиям экономических свобод**
- **Доклад на заседании Совнаца о колонизационном съезде**
- **Доклад о международном и внутреннем положении Республики (РСФСР) на III-й Калмыцкой областной конференции РКП(б)**
- **Приветственная речь на III-м Калмыцком областном съезде Советов**
- **Речь при закрытии III-го Калмыцкого областного съезда Советов**

- **Особое мнение члена Коллегии НКН к постановлению коллегии от 4 июля 1922г. о привлечении к ответственности (к суду) представительств автономных республик за правонарушения уголовного характера по представлению РКИ**
- **Выступление (особое мнение) на заседании Малой коллегии Наркомнаца по вопросу об объединении Института востоковедения и Петроградского института живых восточных языков**
- **Выступление на заседании Большой коллегии Совнаца по проекту Положения ВЦИК и СНК «Об объединении статистических учреждений»**
- **Выступление на заседании Большой коллегии Совнаца о предоставлении в Федкомземе права решающего голоса представителям национальных областей**
- **Приветственная речь на III съезде Советов Татарской АССР**
- **Выступление на III Всебашкирском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов**
- **Выступление на заседании фракции РКП(б) X Всероссийского съезда Советов**

Содоклад
об очередных задачах партийного строительства среди татаро-башкир на I Всероссийской конференции коммунистов татаро-башкир, не вошедших в автономные республики тюркских народов[145]

4-12 марта 1922 г.

Т. Султан-Галиев: Товарищи, я выступаю в качестве содокладчика, так как не согласен со 2-м, 3-м и первой половиной 4-го пунктами тезисов **т. Ибрагимова** в той их форме и постановке, какую им придает т. Ибрагимов. Со всеми остальными пунктами его тезисов я, в принципе, согласен.

Главной ошибкой т. Ибрагимова я считаю прежде всего немарксистский подход к вопросу: он рассматривает татаро-башкирских коммунистов как отдельную партийную организацию вне пространства и времени. Отсюда его коренная ошибка - неправильная оценка исторических условий развития коммунистического движения среди татаро-башкир и неправильные выводы о том, на что мы должны обратить главное наше внимание в партийном строительстве. Определяя диагноз состояния татаро-башкирских коммунистов и объясняя его лишь отсутствием «пролетарской базы» среди них и «мелкобуржуазным» их составом, т. Ибрагимов совершенно забывает, что, во-первых, татаро-башкирские коммунисты в действительности не составляют отдельной организации, а являются членами общей нашей Партии, во-вторых, при этих условиях они не могут миновать общих условий развития всей Партии в целом и отражают в себе все общие для нашей Партии болезни. Поэтому я и говорю, что болезненное состояние татаро-башкирской организации есть отражение общего болезненного состояния нашей партии. Групповая внутрипартийная борьба, бюрократизм и карьеризм, которые особенно сильно развились среди нас в период военного коммунизма - все это было перенесено и в нашу среду. И если наша партия в целом изживает уже эти болезни, то в нашей среде они еще не изжиты. Почему? Потому что помимо общих причин имеются еще специфические черты, которые обусловили собой это положение. В своих тезисах я их перечисляю* . Это прежде всего наша молодость и ряд других причин. Одной из таких причин, я, между прочим, указываю на вхождение в нашу среду целых партий (татаро-башкирских левоэсеровских организаций) и групп бывших националистов и т.д. У тов. Ибрагимова всего этого нет. Все это у него туманно и неопределенно. Я определенно указываю, что татаро-башкирских левых эсеров мы должны [были] принять в свою среду, так как таковы были условия развития революции на Востоке. Но это не значило, что мы им позволили сохранить групповую обособленность в нашей партии. Между тем они ее сохранили - если не вся их масса, то верхушки, бывшие руководители. Этим они лишь усиливают раскол в нашей среде.

---

* см. С.379-381 настоящего издания.

Отсюда я делаю вывод, что в вопросе очередных задач партийного строительства главное наше внимание должно быть направлено прежде всего в сторону оздоровления нашей среды. В этих целях я предлагаю прежде всего прекратить внутри себя групповую борьбу, а затем уже говорить о «создании базы» татаро-башкирской коммунистической организации. Я совершенно не возражаю против открытия дверей Партии для татарских рабочих. Это надо сделать. В моих тезисах имеется отдельный пункт, где говорится об усилении притока свежих молодых сил из среды татарских рабочих и о выделении этой работы как ударной и первоочередной* . Но я говорю: давайте сначала оздоровим нашу среду, давайте прекратим всякую групповую борьбу твердым установлением внутри себя нормальной партийной дисциплины и решительной борьбой с каким бы то ни было уклонением как в сторону мелкобуржуазной стихии, так и анархо-синдикализма, хотя бы в извращенной его форме. Только после такой операции мы можем начать организованное привлечение в нашу среду татаро-башкирских рабочих. Иначе мы их будем только развращать, заражая их своими болезнями, и от этого, кроме вреда, никому никакой пользы не будет. Оглашая свои тезисы, т. Ибрагимов, между прочим, указал, что у него имеются еще какие-то поправки. Он их не огласил и мы не знаем, что кроется в кармане у т. Ибрагимова. Но я решительно заявляю, что основная мысль т. Ибрагимова в той форме, в какой он делает сейчас, т.е. без каких бы то ни было поправок, неправильна и ошибочна.

Архив КГБ РТ.- Ф.4.- Оп.1.- Д.403.- Л.304-305.

* см. С.381 настоящего издания.

Тезисы
об очередных задачах партийного строительства среди татаро-башкир, не вошедших в автономные республики тюркских народов[145]

4-12 марта 1922 г.

Параграф 1.

Вставший перед партией в связи с ликвидацией военных фронтов и переходом к мирному хозяйственному строительству вопрос о воспитательной работе членов нашей партии в еще более серьезном виде возникает среди татаро-башкирских коммунистов.

Параграф 2.

Обуславливается это, с одной стороны, крайне слабым состоянием партийной работы среди татаро-башкирских коммунистов, за последнее время выражающемся в общем ее застое и дезорганизованности, а с другой - внутренним состоянием самой татаро-башкирской организации, характеризующимся в основном отсутствием в ее среде твердой спайки и товарищеской дисциплины и оторванностью от масс.

Параграф 3.

Основные причины такого состояния партийной жизни среди татаро-башкир кроются в следующих факторах:

а) отражение на татаро-башкирских коммунистах, особенно в период военного коммунизма, всех тех болезней и ненормальностей, которыми страдала вся наша партия в целом до проведения партийной чистки. Групповая борьба внутри партии, бюрократизм, карьеризм, оторванность от масс, разные уклонения в сторону мелкобуржуазной стихии и анархо-синдикализма - все эти черты наблюдаются в большей или меньшей степени и среди татаро-башкирских коммунистов. Подчиняясь в своем развитии общим для всей партии законам и условиям развития, татаро-башкирские коммунисты не могли составить исключения в этом отношении и перенесли эти черты развития в свою среду, в результате чего возникшие еще вначале разногласия среди татаро-башкирских коммунистов на почве теоретического, а главным образом практического, разрешения национального и колониального вопросов впоследствии в связи с указанными условиями выродились в форму недопустимого вида партийной групповой борьбы. В настоящее время татаро-башкирские коммунисты начинают подвергаться новой болезни, развивающейся внутри РКП в связи с новой колониальной политикой, а именно - усиленному уклону в сторону мелкобуржуазной стихии;

б) специфические условия развития партийной жизни татаро-башкир, сделавшие задержку ее прогресса в положительную сторону. Такими условиями являются:

1. молодость организации. В силу ряда исторических причин развитие социалистического, а затем коммунистического движения среди татаро-башкир как конкретно выявленного политического течения началось лишь после Февральской революции;

2. слабая теоретическая подготовка общей партийной массы;

3. слабый процент вышедших из среды фабрично-заводского пролетариата и получивших марксистское воспитание работников;

4. разбавленность коммунистов татаро-башкир вступлением в нее зараженных мелкобуржуазной идеологией партий и групп эсеров, бывших националистов и т.д., а также карьеристских элементов;

в) **неправильность организационной постановки партийной работы среди татаро-башкир,** заключающаяся в основном в ликвидации Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока и заменившего его Центрального бюро агитпропа тюркских народов **без сохранения центрального аппарата** для руководства партийной работой среди оставшихся за пределами Татарской и Башкирской республик татаро-башкирских коммунистов. Ликвидация этих органов в указанной форме в момент перехода от военного коммунизма к методам широкой пролетарской демократии внутри партии совершенно дезорганизовала партийную работу среди татаро-башкир, так как: во-первых, лишила места необходимого руководства Центра; во-вторых, усилила на местах «ликвидаторскую» тенденцию и тем самым задержала общее развитие партийной работы, приток в партию, хотя бы и слабый, свежих молодых сил из среды рабочих и беднейших крестьян; в-третьих, задержала издание необходимой партийной литературы для татаро-башкир; в-четвертых, открыла место развитию вредной в партийном деле децентрализации.

Параграф 4.

Дезорганизованность партийной работы среди татаро-башкир усилилась еще стихией голода в Поволжье, отодвинувшей на задний план партийную работу среди татаро-башкир.

Параграф 5.

Такое состояние партийной работы среди татаро-башкир рождает среди здоровой части татаро-башкирских коммунистов на местах и в Центре естественное стремление к исправлению создавшегося положения, настоятельнейшим образом диктует необходимость принятия энергичнейших мер в направлении оздоровления и поднятия партийной работы среди татаро-башкир всеми имеющимися в распоряжении партии средствами.

Параграф 6.

Первой и основной задачей в этом отношении является ликвидация групповой борьбы **среди коммунистов татаро-башкир и вызывающих ее условий** твердым установлением разрешения возникающих в партийной среде отдельных спорных вопросов в порядке нормальной партийной дисциплины и партийного устава, а также решительной борьбой с каким бы то ни было уклонением в сторону мелкобуржуазной стихии и **анархо-синдикализма** во всех ее формах и проявлениях.

Параграф 7.

Следующей и не менее важной задачей является создание соответствующих условий - материально-правовых и организационных, гарантирующих правильную постановку партийной работы среди татаро-башкир. Одним из таких условий являются создание в Центре и на местах постоянного руководящего партийного органа в виде центрального и губернских бюро коммунистов татаро-башкир и усиление применения среди татаро-башкирских коммунистов методов пролетарской демократии.

Параграф 8.

[Перво]очередной работой татаро-башкирского бюро должны являться:

а) усиление партийной сознательности, повышение уровня теоретического развития членов партии из татаро-башкир путем увеличения издания периодической и непериодической марксистской литературы на татаро-башкирском языке, привлечения их (татаро-башкирских коммунистов - Сост.) в возможно большем количестве в партшколы в Центре и на местах и практикования в самом широком масштабе созывов конференций и совещаний, устройств лекций, дискуссий, диспутов и т.д.;

б) усиление партийной работы среди рабочих татаро-башкир, особенно же на Урале, Сибири и Криворожско-Донецком бассейне, в направлении поднятия их классового самосознания и повышения сознательности их политического развития и культурного положения;

в) усиление привлечения в ряды партии рабочих татаро-башкир, выделив эту работу как ударную и внеочередную.

Архив КГБ РТ.- Ф.4.- Оп.1.- Д.403.- Л. 311 с об. - 312.

Тезисы
о задачах советского строительства среди татаро-башкир на I-й Всероссийской конференции коммунистов татаро-башкир, не вошедших в автономные республики тюркских народов (Москва, 4-12 марта 1922 г.)[145]

I. Условия развития советского строительства среди татаро-башкир.

1. Основные задачи советского строительства среди татаро-башкир определяются теми же условиями, какими определяются задачи текущего советского строительства вообще: это поднятие производительности сельского хозяйства и промышленности с одной стороны, и упрочение установившегося союза между рабочими и крестьянами - с другой.

2. Специфические же задачи среди татаро-башкир в этой области определяются теми общими для них, но отличающими их от остального населения Республики чертами, которые характеризуют современный уклад их социально-бытовой, хозяйственно-экономической и культурно-политической жизни.

II. Хозяйственно-экономическая жизнь.

3. Хозяйственно-экономическая жизнь татаро-башкир, зависящая, в общем, от законов развития экономики России в целом - с одной стороны, и от развития революции во всей Советской Федерации - с другой, характеризуется крайней отсталостью - с одной стороны, и состоянием полной разрухи и разлада - с другой. Сельское хозяйство татаро-башкир, этот главный источник их экономики, в результате империалистической и гражданской войн и постигшей Поволжье стихии голода, окончательно разрушено и требует героических усилий для своего восстановления.

В таком же плачевном состоянии находится среди них и развитие промышленности кустарной и мелкой, и рост последней прогрессивно отстает от роста начавшегося процесса вынужденной пролетаризации татаро-башкирского крестьянства.

4. Такое состояние экономики татаро-башкир объясняется следующими причинами:

А. Культурная, политическая и экономическая порабощенность татаро-башкир до революции.

Военно-колонизаторской, царской и буржуазно-помещичьей властью была установлена особая система гнета в этом отношении.

Система эта заключалась в следующем:

а) искусственное обезземеливание татаро-башкир путем насильственного отчуждения земельных угодий у башкир и искусственного лишения малоземельных татар права приобретения земель, перешедших в крестьян-

ские поземельные банки от земельно обанкротившихся помещиков, особенно в Башкирии и прилегающих к ней губерниях;

б) ограничение татаро-башкир в правах на недвижимую собственность на окраинах;

в) искусственное экономическое обессиливание татаро-башкир в районах колонизации путем материальной и "моральной" поддержки конкурирующих с ними в хозяйственном отношении переселенческих и колонизаторских элементов;

г) политика культурного вырождения татаро-башкир, выразившаяся:

1) в лишении их школ и культурных учреждений;

2) в насаждении черносотенного клерикализма путем поддержки реакционного духовенства и реакционной части татаро-башкирской интеллигенции;

3) в преследовании через охранки национально-революционного движения, революционной мысли вообще под видом борьбы с панисламизмом и пантюркизмом.

Результатом такой "системы" их "управления" явилось то, что экономически татаро-башкирское крестьянство оказалось в несколько раз слабее окружающего его русского, а тем более переселенческого населения.

Состояние же башкирского хозяйства в этом отношении было еще хуже. Насильственное отчуждение башкирских земель царской властью в пользу помещиков и переселенцев-колонизаторов, лишившее башкир возможности продолжения их исторически сложившегося и основного хозяйства - скотоводства и животноводства и вынуждавшее их переходить к новым формам хозяйства, а именно: к земледельческо-зерновой культуре при отсутствии необходимой для этого организованной и планомерной помощи со стороны государства в виде обеспечения их семенами, сельскохозяйственным инвентарем и нужным опытом и знанием ведения новой культуры (специальные сельскохозяйственные школы, курсы и т.п.) окончательно парализовало хозяйство башкир и привело его в состояние полной катастрофы, обусловив тем самым физическое и культурное вырождение башкир.

Революция застала хозяйство татар и башкир в этом слабом, деморализованном и дезорганизованном состоянии.

Б. Большее отражение на хозяйстве татаро-башкир последствий империалистической и гражданской войн, чем на хозяйстве остального крестьянства республики.

Причины: а) как хозяйство слабое и неразвитое, татаро-башкирское хозяйство раньше подверглось разрушению, причем и процесс разрушения происходил быстрее общего темпа;

б) татаро-башкирское население попало в полосу самых ожесточенных и разрушительных столкновений между борющимися во время гражданской войны на Востоке (моменты основных и решающих кровавых схваток в Поволжье и на Урале) и, слабо приспособленное к борьбе за существование, больше пострадало от нее, чем остальное население.

В. Стихия голода.

Почти все татаро-башкирское население Советской Федерации попало в полосу охватившего страну голода (Татреспублика, Башреспублика,

Киргизия, Марийская, Чувашская и Вотская области, Самарская, Симбирская, Уфимская, Саратовская, Царицынская и Архангельская губернии), и это окончательно сломило их хозяйственную устойчивость. Голод раньше всего и больше всего побил и продолжает бить татаро-башкир.

5. Указанное состояние экономики татаро-башкир настоятельнейшим образом диктует Советской власти и ее хозяйственным органам необходимость выделения работы по восстановлению и возрождению хозяйства татаро-башкир в смысле ударности, первоочередности; из общей системы работы в этой области татаро-башкирскому крестьянству должна быть оказана двойная помощь государством в восстановлении его хозяйства как мертвым и живым инвентарем, так и семенами и другими видами сельскохозяйственной помощи. В этих целях необходимо провести срочное обследование состояния сельского хозяйства татаро-башкир и их кустарной и мелкой промышленности.

III. Социально-бытовые особенности.

6. Структура социально-бытового уклада татаро-башкир в значительной степени определяется состоянием их экономики и характеризуется наличием следующих социальных элементов:

а. Пролетариат, складывающийся из рабочих фабрик, заводов и шахт Поволжья, рабочих каменноугольных копей и шахт Криворожско-Донецкого бассейна и Сибири, транспортных рабочих и др. рабочих, разбросанных по всей Советской Федерации, являясь значительным меньшинством (8-10%) среди остальных социальных групп татаро-башкир, но проявляющий в настоящее время тенденцию прогрессивного, количественного роста, составляет главную опору Советской власти среди татаро-башкир, и на улучшение его экономического, политического и культурного положения должно быть обращено первое внимание.

По своему политическому и культурному, а также и экономическому состоянию татаро-башкирские рабочие в настоящее время стоят на очень низкой ступени развития. Объясняется это, с одной стороны, общей отсталостью татаро-башкир, а с другой - недостаточностью заботы о них соответствующих органов и учреждений.

Очередной задачей советского строительства среди этой социальной группы татаро-башкир является, главным образом, политическая и культурная работа. Политическая работа должна быть направлена в сторону поднятия профессионально-классового самосознания татаро-башкирских рабочих путем организации среди них школ и курсов политической грамоты и устройства лекций, рефератов, докладов и т.д. и массовым привлечением их к участию в профсоюзах. Культурная работа должна идти по лозунгам полной массовой ликвидации безграмотности среди татаро-башкирских рабочих и общего поднятия их культурного состояния. В этих целях должна быть проведена планомерная организация сети культурно-просветительных учреждений, обслуживающих интересы татаро-башкирских рабочих: клубов, библиотек, школ и курсов для взрослых и учреждений детского воспитания. Одновременно с этим должно быть обращено самое серьезное внимание на организацию доступа татаро-

башкирской рабочей молодежи в высшие профессионально-технические учебные заведения.

б. Пролетаризирующиеся элементы крестьянства и полупролетариат.

Эта социальная группа в основной своей массе составляет оторвавшихся от своего хозяйства обедневших крестьян, разбавленных оставшейся без работы мелкой трудовой интеллигенцией (учителя) и выкинутыми на улицу вследствие сокращения государственной промышленности безработными и является в значительной своей части продуктом разрушения и распада крестьянского хозяйства татаро-башкир, вызванного войной и стихией голода.

Количественно элементы эти в настоящее время превышают занятых в промышленных предприятиях татаро-башкирских рабочих, проявляя тенденцию к дальнейшему и прогрессивному росту. Качественно же они стоят еще на более низком уровне, чем пролетарская группа татаро-башкир, и отражают в себе мелкобуржуазную психологию оторвавшихся от земли крестьян.

Очередной задачей Советской власти и Коммунистической партии по отношению к этой социальной группе является организованное привлечение ее к участию в промышленности путем планомерного ее доступа через биржи труда и другие организации труда к отдельным ее отраслям и организациям их в производственных коллективах и различных кооперативных объединениях, связывая их непосредственно с советскими, хозяйственно-экономическими и кооперативными органами.

Лозунгом дня по отношению к этим элементам является обеспечение их работой, создание для них определенного реального положения в промышленности и в отдельных ее предприятиях.

Только осуществление этого лозунга даст возможность партии и Советской власти улучшить их экономическое положение и перейти к следующей задаче - интенсивной организации политико-просветительной работы среди них.

в. Деклассированная мелкобуржуазная масса, складывающаяся из сбитых с колеи кулацких элементов крестьянства, торговцев, мелкобуржуазной интеллигенции и бросивших свою профессию мулл.

В связи с новой экономической политикой количественный рост этой социальной группы татаро-башкир увеличивается изо дня в день. Базой ее является оторвавшееся от своего хозяйства крестьянство, с одной стороны, и оживающая вновь татаро-башкирская мелкая торговая буржуазия - с другой. Качественно эта группа является выразительницей идеологии обыкновенного мелкобуржуазного мещанства и носит в себе тенденцию завоевания не только экономического, но и политического влияния среди татаро-башкир.

Для Советской власти эта группа в данный момент при условиях новой экономической политики представляет единственную лишь ценность как организатор частной, мелкой и кустарной городской, сельскохозяйственной промышленности.

Задачи Советской власти по отношению к этой социальной группе татаро-башкир определяются, с одной стороны, необходимостью делового хозяйственного сотрудничества с ней на почве создания мелкой и кустар-

ной промышленности среди татаро-башкир, а с другой - необходимостью борьбы с ней как с определенной, враждебной Советской власти и Коммунистической партии, политической силой. Первая из этих задач достигается правильным рациональным использованием инициативы и опыта этой группы в деле организации кустарной и мелкой городской, сельскохозяйственной промышленности и для торговых целей как спецов, а вторая - организованной внутренней политической борьбой в направлении моральной изоляции и дискредитирования их в глазах трудящихся масс - с одной стороны и политического воздействия - с другой, как путем организации занятых в отдельных частных предприятиях рабочих в целях борьбы с эксплуатацией, так и путем применения других необходимых мер в этом направлении;

г. Крестьянство. Эта социальная группа является основным и главным элементом татаро-башкир. Основа его экономики - сельское хозяйство, развивавшееся в тех же неблагоприятных условиях, в каких развивалась экономика татаро-башкир вообще. Разрушенное войной и голодом хозяйство нуждается в энергичном и интенсивном восстановлении. Субъективные условия для этого имеются: татаро-башкирское крестьянство, убедившись на тяжелом опыте жизни в непригодности старых форм и методов ведения сельского хозяйства, чувствует сейчас сильнейшее тяготение к новым формам землепользования. Задачей дня является создание необходимых для этого объективных условий. Главным из этих условий является планомерное государственное снабжение сельского хозяйства татаро-башкир семенным материалом и долгосрочной денежной ссудой, перенося эти меры по мере повышения производительности сельского хозяйства на беднейшие элементы деревни. Кампания эта должна сопровождаться широкой устной и печатной сельскохозяйственной агитацией во всех ее формах и направлениях (коллективные формы землепользования, культурные способы обработки, развитие сельскохозяйственной кооперации и т. д.).

IV. Условия культурно-политической жизни.

Социально-экономическое положение татаро-башкир целиком определяет собой состояние их культурно-политической жизни.

Положение это характеризуется общей политической и культурной отсталостью татаро-башкир и дезорганизованным состоянием политико-просветительной работы среди них в настоящем. Серьезность последнего положения усугубляется переводом содержания школ и культурных учреждений на местах в связи с новой экономической политикой на местные средства. Лишенная серьезной материальной базы культурно-просветительная работа среди татаро-башкир обрекается на тяжелый и затяжной кризис. Из этого кризиса его может вывести лишь широкая государственная помощь.

V. Ближайшие задачи советского строительства.

Указанное состояние социально-экономической и культурно-политической жизни татаро-башкир выдвигает перед нами следующие за-

дачи ближайшего будущего, от проведения которых зависит правильная постановка советской работы среди татаро-башкир.

А. В области экономического строительства

а) восстановление сельского хозяйства татаро-башкир всеми имеющимися в распоряжении государства средствами;

б) развитие кустарной и мелкой промышленности;

в) вовлечение к участию в организации и развитии крупной промышленности;

г) массовое и организованное вовлечение в сельскохозяйственную и потребительскую кооперацию;

Б. В области культурной

1. Усилить, выделив как ударную, сельскохозяйственное и профессионально-техническое образование татаро-башкир как путем организации специальных самостоятельных учебных заведений, так и путем планомерного использования в этом деле соответствующих учебных заведений отдельных автономных республик (Татарии и Башкирии) и всей Советской Федерации в целом.

2. Принять меры к обеспечению доступа татаро-башкирским трудящимся в средние и высшие общеобразовательные школы путем организации для них специальных подготовительных учебных заведений, татаро-башкирских отделений рабфаков, периодических краткосрочных курсов, т.д.

3. Усилить содействие к пробуждению инициативы трудящихся татаро-башкир к организации различных культурно-просветительных кружков и обществ, имеющих целью культурно-просветительное развитие татаро-башкир.

В. В области политической

1. Усилить влияние татаро-башкир в местных советских органах (исполкомах и их отделах) путем введения туда связанных с массами татаро-башкирских работников.

2. Усилить широкое и массовое применение среди татаро-башкирских трудовых масс методов пролетарской демократии в обсуждении и разрешении как вопросов местного, так и общефедеративного значения путем созыва широких беспартийных съездов, конференций, совещаний и устройства собраний, митингов, рефератов, дискуссионных лекций и т.д.

3. Созвать в ближайшем будущем всероссийские беспартийные съезды, конференции и совещания:

а) татаро-башкирских крестьян и рабочих по вопросу восстановления сельского хозяйства и промышленности, сельскохозяйственной кооперации и по др. вопросам;

б) татаро-башкирских работниц и крестьянок (по вопросам работы среди женщин);

в) татаро-башкирской молодежи (по вопросу о работе среди молодежи);

г) татаро-башкирских культурно-просветительных работников (по вопросам организации просвещения среди татаро-башкир);

д) заведующих татаро-башкирскими подотделами губернских отделов по делам национальностей (по общим вопросам советской работы среди татаро-башкир);

е) политработников среди татаро-башкирских красноармейцев;

ж) татаро-башкирских этнографов, этнологов (по вопросам установления единообразной и упрощенной татаро-башкирской орфографии и алфавита и создания народного литературного языка);

з) совещания работников профсоюзов.

На первом листе надпись: Утвержд.(ены).

ГАРФ. - Ф.1318. - Оп.17. - Д.4. - Л.29-36. Подлинник;
1-я Всероссийская конференция коммунистов татаро-башкир, не вошедших в автономные республики тюркских народов от 4-12 марта 1922 г.: (Резолюции и постановления). - М., 1922. - С.8-15.

Письмо
в коллегию Наркомнаца о дополнительном субсидировании учащихся-татар в Германии

25 марта 1922г.

Представительство Татреспублики, представляя при сем копию доклада о деятельности представителей Татнаркомпроса в Германии за время с 1 ноября 1920 года по 1 ноября 1921 года, свидетельствующего о крайне критическом материальном положении учащихся-татар за последние 7-8 месяцев и вместе с сим переписку Наркомнаца с Наркомпросом по вопросу о принятии на себя субсидирования группы упомянутых учащихся, просит Вас войти в срочном порядке с ходатайством в МСНК об ассигновании дополнительного кредита в счет сметы Наркомпроса РСФСР или же наркомпроса ТССР на предмет субсидирования учащихся-татар в Германии. Вопрос этот Наркомпросом был внесен на обсуждение МСНК и 15 и 17 февраля с.г. должен был быть рассмотрен, но, к сожалению, за вторичной неявкой докладчика Наркомпроса, вопрос был снят с обсуждения. Вследствие чего Наркомнац своим отношением от 28 ноября с.г. за № 2517/616 просил Наркомпрос вторично внести на рассмотрение МСНК вышеназванный вопрос, на что им было сообщено, что Наркомпрос признает крайне желательным оказать поддержку группе обучающихся в Германии татар, однако, со своей стороны лишен возможности сделать что-либо в этом направлении, не располагая для сего каким бы то ни было кредитом. Из этого вытекает, что если Наркомпрос РСФСР и Наркомпрос ТССР не имеют средств для субсидирования крайне нуждающихся учащихся-татар в Германии, то необходимо исходатайствовать эти средства, чтобы по возможности скорее оказать помощь будущим полезным работникам для Республики.

Член коллегии Наркомнаца:
Временно исполняющий
дела представителя ТССРСултан-Галиев.
Секретарь Коллегии:Ерзин.

ГА РФ.- Ф.1318.- Оп.1.- Д.13.- Л.103.

Выступление
на заседании Совета национальностей о предоставлении автономиям экономических свобод

25 апреля 1922г.

Т. Султан-Галиев. Остается сказать совсем немногое, что не совсем ясно поняли некоторые товарищи. Тов. Ибрагимов указал, что в принципе мы не возражаем против экономического союза автономных республик с общей Федерацией, и возражение против данного проекта не есть возражение против экономического сотрудничества автономных республик с общей Федерацией. Мы возражаем не против экономического союза, сотрудничества, это мы приняли и считаемся с этим, но против уничтожения экономически самостоятельных автономных единиц. Профессор Александров указывает, что революция изменила экономическое положение России, так что сейчас необходимо исходить из других данных, после революции они изменились. Но ведь природа не изменилась, как и климат, природные богатства, но что-то изменилось. Авторы проекта считают, что произошли изменения в положении промышленности, сельского хозяйства, экономики России, но почему-то не считаются с теми изменениями, которые внесла революция в разрешение национального вопроса. Нельзя смотреть на предоставление автономии национальным единицам просто; мы думаем (и это подтверждено нашими партийными съездами), что, предоставляя автономию отдельным национальностям, мы предоставили им право самостоятельной экономической работы. Теперь что касается сущности вопроса, я вполне присоединяюсь к мнению всех товарищей, что, исходя из этих принципов, отдельные области приходится рассматривать как отдельные единицы, и разделение таких крупных единиц, как Украина, Киргизская республика, на 2-3 района тоже недопустимо, это внутренний вопрос самих республик. В отношении экономического районирования им должна быть предоставлена автономия. Что касается вопроса о том, как поступить с маленькими автономными областями, то надо предоставить им право заключения экономических союзов, им должно быть предоставлено право самим разрешить вопрос о том, куда им примкнуть, войти ли в союз или быть самостоятельным районом. Например, если Калмыцкая область не может быть отдельным районом, то она должна решить, куда ей присоединиться.

.1318.-Оп.1.-Д.9.-Д.27, 28.

Доклад
на заседании Совнаца о колонизационном съезде

2 мая 1922г.

Т. Султан-Галиев сообщает, что идея созыва колонизационного съезда возникла в Наркомземе (Мелиоземе). Выделенный для этой цели организационный комитет первоначально наметил состав съезда в 136 человек, по преимуществу профессоров-специалистов. Впоследствии были намечены к приглашению персонально еще 42 человека (тоже в большинстве специалисты) и представители от ряда учреждений, а также от мест, подлежащих колонизации, и мест, откуда предполагалось произвести переселение. Сущность задач предполагаемого съезда и физиономия его явствуют как из предполагаемого состава съезда, так и из воззвания по поводу съезда и программы съезда, разработанных организационным комитетом (*воззвание и программа зачитываются*).

Исходя из тех соображений, что, во-первых, колонизационный съезд главным образом касается окраин, до сих пор еще не изживших периода борьбы с колонизаторством и крайне чутко относящихся ко всем вопросам, связанным с колонизацией, что вызывает необходимость сосредоточения подготовительных работ и руководства съездом в НКН, компетентном в проведении национальной политики Советской власти, и коренного изменения состава съезда в смысле широкого привлечения к участию в нем представителей окраин; во-вторых, в виду того, что одной из основных задач НКН является поднятие производительных сил, к осуществлению коей необходимо приступить, т. Султан-Галиев предлагает:

а) Настаивать перед СНК через Коллегию НКН о роспуске созданного при Мелиоземе Наркомзема организационного комитета по созыву колонизационного съезда.

б) Признать необходимым созыв широкого съезда по вопросам поднятия производительных сил окраин России в связи с задачами экономического возрождения РСФСР, поручив организацию этого съезда НКН при участии центральных и областных экономических органов и выделив для этого комиссию в составе 5 лиц.

ГА РФ.-Ф.1318.-Оп.1.-Д.9.-Л.43 об.

Доклад
о международном и внутреннем положении Республики (РСФСР) на III Калмыцкой областной конференции РКП(б) 10 мая 1922 г.[146]

Протокольная запись.

Тов. Султан-Галиев. Говорит, что внутреннее положение России в настоящий момент определяется не только условиями, в которых мы находимся внутри страны, но и нашим положением на внешнем фронте. Внутреннее и внешнее положение взаимно определяют друг друга. В настоящий момент, после империалистической и гражданской войн хозяйство Советроссии разрушилось. Это ставит перед Советвластью и руководящей партией коммунистов крайне серьезный вопрос о восстановлении промышленности и сельского хозяйства. Одновременно с вопросом о восстановлении промышленности и сельского хозяйства возник вопрос о нашем отношении к крестьянству. Мы должны были пойти на уступки крестьянству; крестьянство является по количественному состоянию фактическим хозяином России. Эта мысль была высказана т.Лениным на XI Всероссийском съезде партии коммунистов (большевиков).

Еще X Всероссийский съезд партии коммунистов (большевиков) сказал, что уступка должна быть сделана, и эта уступка выразилась во введении новой экономической политики. Но это еще не есть уступка тех позиций, которые мы заняли за время революции. Мы должны стать хорошими торговцами и завладеть рынком. Если мы выполним эту задачу, то успех Советской России в завершении путей, намеченных Октябрьской революцией, будет обеспечен.

Переходя к внешнему положению Республики, т.Султан-Галиев отмечает все еще продолжающуюся борьбу с Антантой. Голод, постигший Советскую Россию, дал повод западноевропейской буржуазии вновь попробовать свои силы в попытке свергнуть Советскую власть. Использовать голод в своих целях контрреволюции не удалось. Призыв III, Коммунистического Интернационала к рабочим всего мира следить за своим правительством и оказывать давление на него сделал свое дело не только в западноевропейских государствах, но и на Востоке. Мы видим пробуждение рабочего класса. Но Антанта все еще не отказывается от мысли использовать экономическую разруху, она "мирным путем" хочет проникнуть в Советскую Россию, забрать концессии и превратить Россию в свою колонию, что подтверждается новым меморандумом, выработанным на Лондонской конференции[147], требующим возвращения бывшим владельцам их фабрик и заводов. Но Советская Россия и в международном положении заняла ту позицию, которую она должна была занять по своему внутреннему положению.

Вестник агитации и пропаганды Калмыцкого обкома РКП(б).- 1922.-№ 4. - С.3.

Приветственная речь
на III Калмыцком областном съезде Советов[148] 16 мая 1922 г.

Стенографическая запись.

Тов. Султан-Галиев: Товарищи, я приветствую III областной съезд Советов трудящихся Калмыцкой области от имени Центрального Комитета РКП(б) и от имени Наркомнаца. Товарищи, III съезд Советов калмыцкого трудового народа собирается в чрезвычайно важный момент, в тот момент, когда вся трудовая Советская Россия взялась за борьбу с той разрухой промышленности и сельского хозяйства, которую мы получили в результате 4-х летней империалистической войны, которую затеяла буржуазия капиталистических государств, и также в результате 3-х летней гражданской войны. Вы все знаете, что империалистическая война создала экономическую разруху не только у нас, но она также создала разруху во всех богатейших странах Европы, Америки. Среди отдельных рабочих партий нашлась единственная партия, которая громко высказала протест против войны. Она сказала, что если рабочие хотят, чтобы кончилась эта война, если они хотят, чтобы мир угнетения, мир угнетателей-капиталистов был сменен новым строем, миром трудящихся, миром дружбы и братства, то эту войну нужно заменить другой войной - классовой, войной рабочего класса и угнетенных национальностей всего земного шара против капиталистов и империалистов. Это говорилось, это было сделано со стороны вождей нашего III, Коммунистического Интернационала и со стороны вождей Российской коммунистической партии большевиков т.Ленина, Зиновьева, убитых и растерзанных германскими меньшевиками Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

От имени ЦК Российской коммунистической партии и от имени Наркомнаца я еще раз приветствую вас, товарищи.

Та задача, за которую взялись сейчас рабочие и крестьяне Советской России, - восстановление нашей разрушенной экономики - основная задача существования власти Советов. От успеха разрешения этой задачи, от того, удастся ли рабочим и крестьянам Советской России без различия национальностей, без различия языков и племен восстановить это разрушенное хозяйство, от этого в значительной степени зависит успех разрешения задач, которые поставили себе рабочие и крестьяне Советской Республики еще со времени Октябрьской революции. Эти задачи - международный переворот рабочего класса, международная революция, установление братства между трудящимися отдельных национальностей.

Товарищи, наши враги - капиталисты отдельных стран, так же, как и капиталисты самой России, боролись против нас, боролись против власти Советов рабочих и крестьян, они также продолжают бороться и сейчас. Ясно, что основной задачей трудящегося класса Советской России является задача восстановления разрушенного хозяйства. Они все свои силы направили на то, чтобы в Советской России удалось достичь этой задачи, чтобы удалось восстановить хозяйство нашей страны.

В Генуе, где представители России должны были сесть за один стол с представителями западноевропейских капиталистов, идет разговор о восстановлении разрушенного хозяйства всего мира. Капиталисты отдельных стран понимают, что, если Россия будет восстановлена, то этим самым окрепнет тот базис, на котором будет построена мировая социальная революция. С одной стороны, капиталистам выгодно восстановление Советской России, ибо иначе они не смогут получить с нас долгов, поэтому они говорят о восстановлении России, но, с другой стороны, они направляют все свои усилия, чтобы не допустить нормального развития экономического и политического благосостояния России.

Представитель английских капиталистов Ллойд-Джордж хочет мира с Россией, но представители Франции, Бельгии, некоторая часть японской делегации говорят, что они ни на какие реальные уступки Советской России не пойдут. Французские банкиры требуют от нас не только того, чтобы мы вернули фабрики и заводы иностранного капитала их бывшим владельцам-капиталистам Западной Европы, не только того, чтобы мы заплатили им военные, империалистические и даже довоенные долги, они требуют еще и возобновления частной собственности на средства производства, т.е., чтобы мы вернули фабрики и заводы и другие предприятия в руки их бывших владельцев - русских капиталистов.

Я спрашиваю вас от имени всех русских рабочих и крестьян, которые на своих плечах вынесли все тяжести революции: разве мы все страдали и боролись для того, чтобы затем снова посадить буржуев владеть тем, что по праву принадлежит нам? Мы на это не пойдем.

Товарищи, если сейчас одной из основных задач трудящихся области является вопрос о восстановлении хозяйства Калмобласти, устройство кочующих калмыков, помощь вымирающим от голода, с другой стороны, не менее важной является разрешение другой задачи - необходимость превращения Калмыцкой Автономной области в одну из мелких, но твердых частей великой Российской Социалистической Федерации. В отношении этого я выношу глубокую уверенность в том, что трудящиеся массы области в лице представителей III областного съезда Советов твердо скажут иностранным и русским капиталистам, которые еще не перестали думать о свержении Советской власти в России, что это им не удастся, что трудящиеся Калмыцкой области, без различия национальностей и племен, по призыву центральной власти, по призыву Российской коммунистической партии все как один человек возьмутся за оружие и пойдут на фронт сражаться с нашими заклятыми врагами. Подтверждая готовность трудящихся России встать на защиту завоеваний Октябрьской революции, этот голос будет голосом не только трудящихся Москвы и Петрограда, не только голосом трудящихся Калмавтообласти, это будет голосом трудящихся всех областей и республик великой Российской Социалистической Федерации Советов. В этом нас убеждает опыт социальной революции. Когда наступали трудные моменты на Восточном фронте, рядом с русскими рабочими и красноармейцами дрались также и красноармейцы татары, башкиры, чуваши и другие мелкие народности России. Помню, когда Колчак приступил к Казани, когда он хотел отрезать Россию от этой водной артерии, тогда половина красноармейцев состояла из татар, башкир и других

мелких народностей Поволжья; на фронте Деникина, Юденича среди славных частей Красной Армии, которые отражали белых генералов, мы видели красные отряды калмыцкого народа. Я надеюсь, что III областной съезд Советов подтвердит, что если не сегодня, то завтра, когда только понадобится это Советской России, трудящиеся Калмобласти, как и все трудящиеся элементы всей России, выступят на защиту своих классовых прав против капитала.

Да здравствует братский союз между всеми трудящимися Советской России!

Да здравствует союз между авангардом социальной революции - рабочими и крестьянством!

Да здравствует единый фронт трудящихся всего мира против единого фронта капиталистов, банкиров и международной буржуазии!

Да здравствует авангард социальной революции - III, Коммунистический Интернационал!

Да здравствует славная часть великого и единого Коммунистического Интернационала, авангард социальной революции - Российская коммунистическая партия!

Да здравствуют наши вожди тт.Ленин, Троцкий и Зиновьев!

Да здравствует вождь трудящихся угнетенных национальностей т.Сталин!

Национальный архив Республики Калмыкия.-Ф.Р.-3.-Оп.2.-Д.229.-Л.11 об., 12 об., 13 с об.

Речь при закрытии III Калмыцкого областного съезда Советов

19 мая 1922 г.

Тов. Султан-Галиев: Товарищи, разрешите мне сказать несколько слов от имени Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков) и Народного комиссариата по делам национальностей. Товарищи, III областной съезд Советов закончился. Мы благополучно разрешили все стоявшие перед нами вопросы и достигли полного единодушия по ним. Приступая к работе, мы определили наше внутреннее, хозяйственное положение, а с другой стороны, наше внешнее, международное положение. Ничего особенного с того времени в нашем положении не изменилось. Последние сведения о Генуэзской конференции говорят за то, что международные капиталисты как будто бы объединились в вопросе об отношении к Советской России. Сегодняшнее радио гласит, что международные капиталисты сошлись на том, чтобы организовать специальную комиссию, которая будет разрешать российский вопрос в течение 4-х месяцев. Если в течение 10 дней не будет разногласия между капиталистическими державами, то будет приглашен в эту комиссию и представитель Советской России.

Мы чувствуем, что капиталистические державы надеются, что в течение 4-х месяцев Советская власть изживет саму себя, что она будет низвергнута руками же рабочих и крестьян. Мир капиталистов надеется, что с помощью своих агентов контрреволюции в России удастся восстановить крестьянство и малосознательную часть рабочих против Советской власти. Это будет тяжелый момент.

При таком положении вещей перед всеми трудящимися Советской России стоит одна лишь задача - эта задача в том, чтобы во что бы то ни стало спасти Советскую власть, во что бы то ни стало организоваться таким образом, чтобы никакие агенты контрреволюции, как внутренние, так и внешние, не могли бы проникнуть в нашу среду, среду рабочих и крестьянства.

Товарищи, в этом отношении я выражаю уверенность, что то единодушие, к которому вы пришли на этом съезде, съезде трудящихся Калмыцкой Автономной области, как кочевых калмыков, так и оседлых русских крестьян, что это единодушие и в будущем явится залогом твердости Советской власти. III областной съезд Советов Калмыцкой Автономной области своими решениями пришел к тому, что действительно среди трудовых слоев Калмобласти, как среди калмыков и русской части населения, есть единодушие в разрешении основных вопросов развития экономической и политической жизни области.

Разрешите вынести уверенность, что и в будущем на многие годы и многие столетия трудящиеся Калмобласти без различия национальностей и племен, рука об руку будут идти против своих врагов - капиталистов и главного врага - против природы, той скудной природы, которая не дает

возможности калмыцкому трудовому народу стать культурным и развитым народом.

Разрешите мне еще раз выразить уверенность, что трудовые массы Калмыцкой Автономной области при всех тяжелых условиях, которые бы ни выставила против Советской России история, что эти трудовые массы найдут единый революционный язык. Этим языком будет: Да здравствует власть Советов!

Да здравствует союз трудящихся и угнетенных национальностей всего земного шара!

Долой мировой капитал!

Да здравствует III, Коммунистический Интернационал!

Национальный архив Республики Калмыкия. - Ф.Р-3.- Оп.2.- Д.299. -Л.46, 47 об.

Особое мнение члена Коллегии НКН М. Султан-Галиева к постановлению Коллегии от 4 июля 1922г. о привлечении к ответственности (к суду) представительств автономных республик за правонарушения уголовного характера по представлению РКИ

Целиком поддерживая необходимость предания суду представительств, допустивших то или иное правонарушение, тем не менее считаю, что Коллегии **необходимо запросить предварительно объяснение соответствующих представительств по каждому конкретному случаю в отдельности**, не довольствуясь в своем решении лишь данными РКИ, т.к. и по существу вопроса, и в освещении его со стороны органов РКИ могут быть недоразумения.

Член Коллегии НКН М. Султан-Галиев.

ГА РФ.-Ф.1318.-Оп.1.-Д.16.-Л.15.

Выступление (особое мнение)
на заседании Малой коллегии Наркомнаца по вопросу об объединении Института востоковедения и Петроградского института живых восточных языков

14 октября 1922г.

Перевод Центрального института востоковедения из Москвы в Петроград считаю нецелесообразным. Нахожу, что нет ни одного серьезного мотива для этого. Единственный «мотив», по поводу которого еще можно спорить, - это то, что Московский институт востоковедения будто бы не на высоте своего положения, и поэтому лучше ликвидировать его совершенно, слив с Петроградским.

Если бы это и действительно было так, то и оно не могло бы служить мотивом к переводу или, вернее, к ликвидации Московского института, т.к. ясно, что если бы мы встали на такую точку зрения, то пришлось бы добрую половину наших центральных учреждений перевести из Москвы куда-то в другое место, и в первую очередь - Наркомпрос, на который так много сейчас нападают.

Я нахожу, что после всех «реорганизаций», которые выпали на долю Московского института, всех тех рогаток, установленных для поступающих в Институт, а также многократных чисток существующего состава - как слушателей, так и профессуры, нельзя сказать, чтобы Московский институт был «гнилым» учреждением. Если начать копаться, то в любом учреждении можно выкопать «гнили» сколько угодно.

Если имеются «гнилые» места в Московском институте, то их надо обнаружить и ликвидировать. Но ликвидировать только из-за этого весь институт нецелесообразно.

Что же касается высококвалифицированных Петроградских профессоров-востоковедов, то их не так много, и они периодически могут приезжать в Москву для чтения своих лекций. Пусть уж лучше Магомет подойдет к горе, а не наоборот.

Не менее важным я считаю и политический момент, заключающийся в том, что переводом Института в Петроград и отдаляя его таким образом от этнографических центров нашего собственного, «русского», Востока, мы еще больше затрудним туда доступ трудящихся Востока. Между тем среди последних мы наблюдаем сильную, почти стихийную тягу **к научному изучению Востока**. И я думаю, что если не сегодня, то завтра трудящиеся Востока будут в состоянии перескочить существующие сейчас и затрудняющие доступы в Институт рогатки (образовательный ценз и прочее) и заполнят Институт соответственно своему процентному отношению.

Думать же, что Институт востоковедения подготовляет лишь переводчиков и чиновников - значит совершенно не понимать задач Института и той великой роли, которую суждено играть ему в деле научного изучения и познания Востока трудящихся Советского государства.

Центральный институт востоковедения надо оставить в Москве и органически связать его с Всероссийской ассоциацией востоковедения. Петроградский институт надо ликвидировать, влив его состав, после предварительной и тщательной очистки, в Московский. Это будет лучшей гарантией того, что Московский институт востоковедения не будет являться лишь «Курсами восточных языков» для «чиновников Наркоминдела и Наркомвнешторга», а будет правительственным учреждением, где действительно будут изучать и познавать Восток.

М. Султан-Галиев.

ГА РФ.-Ф.-1318.-Оп.1.-Д.18.-Л.22, 22об.

Выступление
на заседании Большой коллегии Совнаца по проекту Положения ВЦИК и СНК «Об объединении статистических учреждений»

21 ноября 1922г.

Т. Султан-Галиев констатирует, что разные автономные области и республики относятся по-разному к этому вопросу (к вопросу объединения статистических учреждений - Сост.). Так, например, Горская Республика, Татарская Республика, Крымское представительство и Туркестанское представительство протестуют против объединения; некоторые представительства, например, Киргизское, возражают условно; представительства же: Дагестанское, Якутское и Киргизское*, высказываются за объединение, но с некоторыми поправками. Находит целесообразным для разработки этого вопроса образовать комиссию из представителей автономных республик и Центрального статистического управления.

Т. Султан-Галиев в своем заключительном слове указывает, что никто из представителей не против согласования статистической работы, вопрос только в форме объединения, и здесь мыслимо бюрократическое подчинение или согласованность и строгая контактность в работе. Необходимо создать комиссию для установления этих форм и проведения объединения.

ГА РФ.- Ф. 1318.- Оп. 1.- Д. 19.-Л. 91об.

Выступление
на заседании Большой коллегии Совнаца о предоставлении в Федкомземе права решающего голоса представителям национальных областей

21 ноября 1922г.

Т. Султан-Галиев перечисляет поправки, вносимые Малой коллегией в Положение о Федкомземе, указывает, что представители автономных республик входят в Федкомзем с правом решающего голоса, представители же автономных областей - с правом совещательного голоса.

Представители областей считают необходимым предоставить право решающего голоса в Федкомземе и представителям автономных областей.

ГА РФ.-Ф.1318.-Оп.1.-Д.9.-Л.92, 92 об.

---

* Так в тексте.- Сост.

Приветственная речь
на III съезде Советов Татарской АССР [149]

5 декабря 1922 г.

Султан-Галиев: Товарищи! Приветствую III съезд Советов рабочих, крестьян и красноармейцев Татреспублики от имени Наркомнаца.

Товарищи! Вы собрались подытожить работу вашего Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров и отдельных наркоматов. Вы скажете ваше слово относительно вашего правительства.

Я, товарищи, хочу сейчас остановить несколько ваше внимание на том, чем является Татарская Республика для Советской Федерации в целом и чем являлась она в развитии революции в России. Почти с первых дней Февральской революции и до последнего момента гражданской войны мы можем констатировать одно отрадное явление, что трудящиеся Татарской Республики и, вообще, трудящиеся татары Поволжья всегда выступали в своей революционной борьбе против международной буржуазии совместно с русским пролетариатом. Еще в первые дни Февральской революции, когда раздался призыв к революции в Петрограде и Москве, татарская буржуазия Казани пыталась захватить в свои руки влияние среди рабочих татар. Татарская буржуазия во главе со своими лидерами - Фуатом Туктаровым, Садри Максудовым и другими лидерами татарских националистов выкинула знамя "объединенной" работы татарских рабочих и татарской буржуазии на почве завоевания "национальной свободы" татар.

И что же мы видим?

Несмотря на то, что татарские рабочие находились под двойным гнетом, под гнетом русского империализма и своей национальной буржуазии, несмотря на это, татарские рабочие на первом же митинге[150], устроенном мусульманским гражданским комитетом, заявили, что их пути с буржуазией не сходятся и что они не пойдут по тому пути, по которому их хочет повести буржуазия, а [пойдут] по пути пролетарской революции и совместно с русскими рабочими.

И когда после неудачного своего выступления в Петрограде 4 июля русские большевики принуждены были уйти в подполье, татарская буржуазия под крылышком Временного правительства Керенского собирает II мусульманский всероссийский съезд, мы видим, что татарские рабочие в лице т.Вахитова заявили татарской буржуазии, что если она попытается пойти против революции, против трудящихся, то пути татар-рабочих и буржуазии разойдутся. Они громогласно и твердо заявили тогда своей буржуазии, что пусть она мечтает о том, чтобы обмануть татарских рабочих и повести их за Временным правительством, которое задушило движение рабочих в Петрограде. Товарищ Вахитов от имени рабочих алафузовского и порохового заводов, от имени многомиллионной татарской крестьянской бедноты громогласно заявил, что Временное правительство душит рабочую революцию в Петрограде, душит революцию во всей России и что татарские рабочие за этим правительством не пойдут и заставят буржуазию отказаться от ее наглой идеи - предать интересы рабочих.

Мы видим, что и в дальнейшем развитии революции татарские рабочие пошли рука об руку с русскими рабочими. Кто из казанцев не помнит, что во время выступления солдат Казанского гарнизона и казанских рабочих против Временного правительства 23-24-25 октября, когда представители татарской националистической буржуазии - все эти алкины, туктаровы и др. заседали совместно с лакеями Временного правительства в их "революционном комитете", - татарские рабочие и татарские солдаты выступили совместно с русскими солдатами и русскими рабочими против буржуазии, против юнкеров. Войсковые части татарской буржуазии, а именно: отдельная татарская рота, где насчитывалось до 2000 солдат, - эта часть войск в момент решительной схватки, под командой т.Набиуллы Вахитова, впоследствии зам.председателя Центромусвоенколлегии, выступила против юнкеров и поддержала революцию русских рабочих и крестьян.

Товарищи! Кто из вас не помнит те страшные дни черной грозы, которая нависла над всей Казанью и над всем Поволжьем в январские и февральские дни 1918 г., когда против нас выступили татарские националисты. Товарищи, которые участвовали в Октябрьской революции в Казани, по всей вероятности, помнят, что после свержения Временного правительства представители Мусульманского военного совета в лице Гатауллы Багаутдинова и др. заявляли о том, что шуро клянется поддержать пролетарскую революцию. Что же они делали на самом деле? Они творили контрреволюцию, готовясь устроить резню между татарами и русскими под лозунгом создания Идель-Уральского штата и организуя силы татарской буржуазии против Октябрьской революции. Этот момент выдвинул перед татарскими рабочими и крестьянами великую задачу, задачу свержения своей собственной буржуазии. Товарищи! Этот момент был самым серьезным моментом в жизни трудящихся. Если бы тогда татарской буржуазии удалось захватить власть в свои руки, то мы были бы свидетелями того, что чехословацкое нашествие было бы раньше и оно имело бы большой успех. Так говорит история. В тот момент Советская власть переживала критическое положение. Был обнажен Западный фронт, откуда наступали немцы. Было неспокойно в Туркестане. Там готовилась резня между трудящимися туземцами и русскими. Красной Армии еще не было. Были лишь неорганизованные отряды Красной Гвардии. Но много было революционного порыва, хотя не было еще дисциплины. В этот самый момент татарская буржуазия решила объявить свою власть в Казани. У татарской буржуазии в одной только Казани было почти 20 000 регулярных войск, было 10 000 вооруженных солдат в Уфе. В их руках находился Оренбург, который закрывал дорогу на Ташкент и держал, таким образом, дорогу во всю Среднюю Азию. Там было около 12-15 тысяч войск. История и революция сказали тогда татарским трудящимся: если они хотят быть свободными, то они должны поддержать своих товарищей русских рабочих и совместным выступлением должны оторвать голову нарождающейся гидре контрреволюции. Все товарищи должны помнить, что татарские трудящиеся выполнили эту задачу с честью. Кто из товарищей не помнит, как в начале марта со стороны центральной части Казани на татарскую часть города двинулись красноармейские отряды татар и русских, двинулись вызванные нами матросские части, а если имеются това-

рищи, которые не помнят этого, то пусть они пойдут на Тукаевскую улицу и посмотрят на дома, которые носят следы революционных пуль красноармейцев, которые обстреляли засевших там белогвардейцев. Революционная роль татарского пролетариата в этот период на этом заканчивается. Вся история развития революции в дальнейшем является историей совместной борьбы татарского и русского пролетариата против контрреволюции. Были дни, когда в самый ожесточенный момент гражданской войны, когда на нас наседал Колчак и другие, мы видели, что на одном Восточном фронте число красноармейцев-татар доходило до 50 %, а в некоторых случаях до 70 %.

Татарские трудящиеся поддержали революцию не только штыком и жизнью, но и тем, что отдавали последний кусок хлеба рабочим Москвы, Петрограда и других революционных центров России и Красной Армии. Кто не знает того факта, что лишь с 1919 по 1920-й год Татреспублика дала 22 миллиона пудов продовольствия.

Трудящиеся Татреспублики честно справляются с той великой задачей, которую выдвинула перед ними революция после окончания гражданской войны, - задачей восстановления сельского хозяйства, этого базиса нашей промышленности. Если бы не было того великого бедствия - голода, о котором сейчас говорил тов.Сабиров, то мы были бы свидетелями того, что Татреспублика и в отношении возрождения своего сельского хозяйства и своей промышленности стояла бы на первом месте наряду с красной Москвой, Петроградом и др. революционными центрами Советской Федерации. Я, товарищи, хочу здесь остановиться на двух маленьких фактах, которые показывают, что трудящиеся Татреспублики, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия, в которых они находились, несмотря на голод, на людоедство, все-таки взяли твердую и решительную линию в отношении осуществления этой последней задачи революции. Мы видим, что, несмотря на голод, хозяйственные органы Татреспублики, органы развития промышленности выполнили задание Центра почти на 130 %. Разве это не является доказательством жизнеспособности трудящихся Татреспублики, доказательством того, что люди не сидят, а работают, что люди трудятся, что вся их воля и вся энергия, как татар, так и русских и всех остальных, все их помыслы направлены к тому, чтобы победить нового врага революции - разруху! Если после тяжелого голодного года Татреспублика довела размеры озимых полей почти что до 75 % довоенных размеров, то это означает, что трудящиеся Татреспублики выйдут победителями из борьбы с экономической разрухой. На что же все это указывает? Это указывает на то, что трудящимися Татреспублики твердо усвоены и проводятся в жизнь все те принципы революции, которые были выдвинуты ею еще в первые дни ее возникновения. Эти принципы говорят о необходимости совместной борьбы всех трудящихся всех национальностей во имя свободы, во имя освобождения от ига капитала и от ига империализма. И мы уверены, что та дружба, которая установилась между трудящимися отдельных национальностей Татреспублики, послужит примером для работы и всех остальных восточных окраин Советской Федерации.

Товарищи! Мы заботимся не только о Татреспублике, но также и о Туркестане, о Киргизии и т.п. И мы смело можем сказать, что среди всех

остальных восточных республик Советской Федерации Татреспублика по своей организованности занимает первое место. И да здравствует Татреспублика и ее трудящиеся, которые показали всему миру, каким образом можно строить дружбу когда-то враждовавших между собой, благодаря козням буржуазии, трудящихся!

Разрешите выразить уверенность, что и в дальнейшем трудящиеся Татарской Республики пойдут рука об руку по пути борьбы с разрухой и помогут Федерации Советских Республик подняться до того уровня, когда мы сможем, наконец, пойти по пути наступления на мировой капитал.

Товарищи! Работа Татреспублики по восстановлению сельского хозяйства и промышленности означает поддержку Советской России как революционной величины, против которой сейчас направляет свои когти мировая буржуазия.

Мы уверены, что победа будет за нами, что она не за горами, сколько бы Ллойд-Джордж, Пуанкаре и другие дипломаты международной буржуазии ни старались строить козни против Советской Федерации в союзе со II Интернационалом и международным меньшевизмом. Трудящиеся мира пойдут по тому пути, по которому пошли трудящиеся Советской России.

Да здравствует первый застрельщик мировой революции - русский рабочий!

Да здравствует братский союз между трудящимися Советской Федерации и такой же союз между трудящимися всего мира!

Бюллетень III съезда Советов Татарской АССР № 1, 7 декабря 1922 г. - Казань, 1922. - С.2-6.

Выступление
на III Всебашкирском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

12 декабря 1922 г.

Тов. Султан-Галиев приветствует III Всебашкирский съезд Советов, как представитель Наркомнаца, а также от имени III съезда Советов Автономной Татарской Советской Республики, на котором он присутствовал. Президиум Татарского съезда Советов, узнав, что тов.Султан-Галиев направляется на III Всебашкирский съезд Советов, просил передать съезду от Татреспублики, в знак солидарности всех трудящихся, скромный подарок в виде двух кос и двух серпов, как символ, что весь урожай и вся трава на территории Башкирии в будущем году будут собраны в пользу трудящихся Башкирии. Башкирская Республика всегда служила и сейчас еще служит объектом внимания как всей Советской Республики в лице исполнительного ее органа - ВЦИКа, так и специального органа его по разрешению национального вопроса - Наркомнаца. Этот интерес объясняется тем, что трудящиеся основного населения Башкирии - башкиры исстари находились и продолжают находиться в крайне тяжелом положении: вековое угнетение их русским империализмом, перенесенные ужасы гражданской войны, кошмар голода - все это привело хозяйство Башкирии в полное разрушение, и в данное время оно нуждается, как никто, в помощи и в поддержке. Надо найти правильные пути для скорейшего восстановления разрушенного хозяйства Башкирии. Правильное же разрешение этой задачи возможно только тогда, когда мы при оценке действительности башкирской жизни будем исходить из всей совокупности естественно исторических и прочих условий, в которых находились и развивались башкиры. Если же оглянуться назад и вспомнить, чем являлась Башкирия до революции, по какому пути приходилось идти башкирским трудящимся, то мы увидим, что вся история развития башкир была историей самого бесцеремонного расхищения башкирских земель русскими помещиками, историей полного экономического и политического закабаления башкир и их вытравливания. В этом отношении достаточно вспомнить генерал-губернатора Оренбурга Крыжановского, расхитившего башкирские земли, и институт земских начальников с их репрессиями и политикой задушения башкир. Русские помещики могли отделиться от малоземельных крестьян и, стремясь таким образом сохранить в своих руках награбленные земли, искусственно толкали русское крестьянство и казачество на колонизацию башкирского края. Конечно, трудовое русское крестьянство, колонизировавшее таким путем в Башкирии земли из-за необеспеченности землею у себя на родине, было не виновато в колонизаторской политике царского правительства. Но все это ложилось тяжелым бременем на башкирское скотоводческое крестьянство. Башкирское крестьянство, занимающееся скотоводством, нуждалось в обширной территории, так как требовались луга, пастбища, без чего скотоводство Башкирии развиваться не могло. Лишившись же лугов и пастбищ, башкиры лишились и тех основных условий, которые гарантировали бы нормальное развитие их хозяйства. Пе-

рейти же к более культурным формам сельского хозяйства, т.е. к земледельческо-зерновому хозяйству, Башкирия не могла ввиду необеспеченности и неоказания помощи правительства в обеспечении живым и мертвым сельскохозяйственным инвентарем, а также из-за отсутствия навыка и планомерных мероприятий правительства в этом направлении. В результате получилось то, что башкирское хозяйство, задержанное в своем естественном развитии и лишенное нормальных условий перехода к высшим формам, пришло в состояние упадка и затяжного кризиса.

Все перечисленные выше причины вызвали вырождение башкирского населения: если когда-то его насчитывалось до 3 миллионов, то перед революцией его насчитывалось всего до полутора миллионов, а после пережития кошмарного голода - меньше, чем миллион.

На этом оратор заканчивает обзор состояния Башкирии в период до революции и переходит к описанию того, по какому пути шло развитие Башкирии во время революции. Башкирский народ, находясь под вечным гнетом и выйдя из кабалы путем самоопределения, первоначально понял национальное самоопределение в узком смысле этого слова, ограничиваясь созданием национальной Республики. Нельзя подходить к разрешению вопроса только в узком понимании его, как самоопределения, без участия в правительстве представителей других национальностей, нельзя было выселять поголовно русское население, переселенное на башкирские земли еще в царское время по той причине, что эти земли принадлежали когда-то башкирам; раз русское крестьянство является трудовым населением, то оно имеет право владеть землей. Впоследствии башкиры поняли свою ошибку и изменили в этом отношении свое мнение, выдвинув лозунг, что только в союзе со всеми трудящимися без различия национальностей есть возможность работать, и это сознание охватило башкирскую массу. И когда Колчак, а за спиною его буржуазия, стали вести наступление на Советскую власть и положение последней стало критическим, башкиры встали на сторону Советской власти и сыграли громадную роль в поражении Колчака. Башкиры, найдя истинный путь понимания интересов всех трудящихся, помимо воли своих вождей, братски протянули свою руку трудящимся - русским. Таким образом, башкирские вожди под давлением башкирских трудящихся масс вынуждены были перейти на сторону Советов.

Далее оратор переходит к изложению состояния Башкирии в данное время. Перед нею стоит огромная задача по восстановлению сельского хозяйства и спасению вымирающего башкирского населения. Конечно, Башкирия самостоятельно из создавшегося положения выйти не могла. Центр же не был в состоянии уделить ей исключительное свое внимание, и в результате Башкирия, бессильная противостоять обрушившемуся на нее бедствию, оказалась на краю гибели, и теперь Башкирия более, чем когда бы то ни было, нуждается в братской помощи более сильных наций, и от степени этой помощи и быстроты подачи ее будет зависеть жизнь или смерть башкирского народа. Помощь может быть оказана своевременно и правильно лишь при полном дружеском сотрудничестве всех, и это должно быть хорошо понято как башкирскими, так и русскими работниками.

Зачастую башкирские работники неправильно оценивают действия русских работников, истолковывая их как стремление действовать в интересах русского населения и совершенно забывая о том, что в действительности

меры эти вызываются прежде всего общим состоянием сельского хозяйства Башкирии и, может быть, жестокой необходимостью оказывать поддержку как раз сильным хозяйствам, каковыми являются преимущественно хозяйства русского населения. В значительной мере и на Правительстве Башкирии лежит тяжелая ответственность за то, что им своевременно не было заявлено самым настойчивым образом Центру о том, что Башкирии угрожает тяжелый голод и что ей нужна немедленная помощь.

Помощь эта не была своевременно оказана, десятки тысяч трудящихся башкир погибли в тяжелой борьбе с голодом, их хозяйства разрушены. Выйти из этого положения можно только братским сотрудничеством всех живущих в Башкирии, без различия национальностей; нужно изжить национальную рознь и помнить, что от поднятия сельского хозяйства Башкирии зависит благополучие не только Башкирии, но и всей Федерации.

Далее тов.Султан-Галиев говорит, что он только что со Всетатарского съезда Советов, где он был свидетелем полного согласия и дружного сотрудничества между татарами и русскими. Там во главе большинства наркоматов стоят татарские работники, делают доклады на русском языке, все их понимают. В то же время проводится реализация татарского языка, и все ответственные русские работники изучают этот язык. Почему же Башкирия не употребляет своего языка? Пусть частично с низов проводится реализация башкирского языка; будет очень желательно, если русские ответственные работники, живя в Башреспублике, будут учиться и знать башкирский язык. Но это не значит, что реализация башкирского языка должна быть немедленно проведена в башреспубликанском масштабе.

Вместе с тем следует всемерно стремиться к вовлечению в государственное строительство граждан башкирского происхождения. Пусть они сейчас стоят, может быть, ниже в культурном развитии; непосредственное же участие их в работе поднимет их культурный уровень и поставит наравне с хорошими советскими работниками. Если же мы останемся инертными в привлечении башкир к государственной работе, то мы будем ждать еще годы, десятилетия и ни одного работника башкира не получим.

Довольно недоразумений, довольно недоверия; пора все это изжить, бросить, протянуть братски руку друг другу и начать дружную работу. Если союз трудящихся русских, татар и других мелких национальностей, тесно сплотясь воедино, сумел побороть буржуазию, то мы должны сказать себе, что и мы сумеем достигнуть единства, достигнуть дружной, братской работы, без чего успех невозможен.

Да здравствует тесный, нерушимый союз между башкирами и русскими!

Да здравствует тесное, нерушимое братское сотрудничество всей Российской Федерации!

Да здравствует тесное сотрудничество всех трудящихся земного шара! *(Аплодисменты).*

3-й Всебашкирский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноар-мейских депутатов. 12-16 декабря 1922г. г.Уфа: Стенографический отчет. Уфа, 1923. С.33-37.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.222-227.

Выступление
на заседании фракции РКП(б) X Всероссийского съезда Советов[151]

26 декабря 1922 г.

Султан-Галиев: Товарищи, вопрос, который выдвигается сейчас нашей партией о необходимости создания союзного ЦИКа и СНК, иначе говоря, о ликвидации независимости договорных республик, поднят своевременно. Мы, представители автономных республик и областей, считаем, что пора кончить игру в эту независимку, но, товарищи, надо все-таки определить те организационные формы, в которые должна вылиться работа бывших независимых республик в Союзе Советских Республик. В этом вопросе можно идти двумя путями. Первый путь, который определяется докладом тов.Сталина, именно - объединение в Союз четырех республик: РСФСР, Закавказской СФСР, Украины и Белоруссии и создание союзного ЦИКа и СНК. Второй путь, который, по нашему мнению, являлся бы более правильным, - это путь прямого вхождения отдельных республик в Союз, а не в составе Федеральных образований. Мы находим, что форма слияния независимых республик лишь в составе Федераций, которая выставляется в докладе тов.Сталина, создает* только лишнюю проволочку, лишнюю инстанцию. Получится так - допустим, независимый Азербайджан или быв. независимая Грузия должны при разрешении того или иного вопроса проходить целых три инстанции - ЦИК Азербайджана, ЦИК Закавказской Федерации и союзный ЦИК. То же самое - в отношении автономных республик, входящих в состав Российской Федерации. Допустим, тот или иной вопрос, который будет выдвигаться в Туркестанской республике; этот вопрос должен проходить через ЦИК Туркестана, дальше идти во ВЦИК или СНК РСФСР и потом этот вопрос должен будет пройти ЦИК союзного Совета или союзный СНК.

Для нас является неясным вопрос участия в союзном ЦИКе и союзном СНК автономных республик. Например, мы можем задать вопрос относительно участия в этом деле таких крупных единиц, как Туркестан и Кир(гизская) республика. Чем, скажите, пожалуйста, отличается Туркестанская Советская Республика от Грузинской Республики? Отличается тем, что там в несколько раз больше населения, территория в несколько раз больше, чем территория Грузинской Республики, и кроме того, по своему стратегическому и политическому положению Туркестан занимает в отношении "независимости", я беру в кавычках это слово, которая могла бы быть предоставлена Туркестану, гораздо более выгодное положение, чем Грузия. Вот ввиду этих положений разделение национальностей советских республик на национальности, которые имеют право вхождения в союзный ЦИК, и на национальности, которые не имеют этого права, разделение на пасынков и на настоящих сыновей - безусловно, по нашему

---

* В тексте - "создать". - Сост.

мнению, является ненормальным. И потому, вполне присоединяясь к мысли о необходимости упразднения независимости Азербайджана, Грузии и т.д. и других республик, которые входят в этот Союз, одновременно с этим мы высказываем пожелание, чтобы и остальные республики входили, как равноправные члены общей федерации, в общий Союз Советских Республик. Иначе это только игра, и от этой игры, по нашему мнению, пора отказаться. *(Аплодисменты).*

РЦХИДНИ. - Ф.94. - Оп.2.- Д.10. - Л.96-98.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.228-229.

1923 г.

- **Выступление на совместном совещании членов коллегии Наркомнаца и делегатов X Всероссийского съезда Советов от автономных республик о преподавании мусульманам вероучения**
- **Заявление в ЦК РКП(б) с опровержением обвинений в нарушении партийной дисциплины**
- **Татарская Автономная Республика**
- **Доклад о работе Федкомзема на заседании Большой коллегии Совнаца Народного комиссариата по делам национальностей**
- **Письмо народному комиссару юстиции Крымской АССР И.К.Фирдевсу**
- **Выступление на заседании секции по национальному вопросу XII съезда РКП(б)**
- **Тезисы о национальной политике РКП(б): Из записной книжки**
- **Тезисы о "левых": Из записной книжки**
- **Показания на следствии о содержании и способах переписки с местными работниками, совещаниях по национальному вопросу во время работы XII съезда РКП (б). 7 мая 1923г.**
- **Автобиографический очерк «Кто я?» : Письмо членам Центральной контрольной комиссии, копия - И.В. Сталину и Л.Д. Троцкому. 23 мая 1923г.**
- **Показания на следствии о мотивах связи с местными руководящими работниками. 1 июня 1923г.**
- **Показания на следствии о характере басмаческого движения в Туркестане и мерах борьбы с ним, письме А.К. Адигамову с просьбой установить связь с З. Валидовым. 4 июня 1923г.**

Выступление
на совместном совещании членов коллегии Народного комиссариата по делам национальностей и делегатов X Всероссийского съезда Советов от автономных республик о преподавании мусульманам вероучения

1 января 1923 г.

Тов. Султан-Галиев в своем докладе знакомит с материалами, накопившимися по этому вопросу в Наркомнаце. Указывает, что в разных местах законоположения о преподавании вероучения толкуются по разному. В некоторых местах воспрещается преподавание вероучения детям на дому, в других же местах вероучение преподается даже в общегражданской школе. На этой почве часто происходят стычки между верующими и органами власти. В Москву постоянно приезжают делегации верующих мусульман с жалобами и за разъяснениями. Вряд ли целесообразно будет по этому вопросу с одинаковой меркой подойти ко всем местностям РСФСР. Нужно учитывать некоторые специфические условия отдельных местностей. Есть, например, местности, где общегражданской школы нет из-за отсутствия средств, а общество обещает содержание школы взять на себя, но с тем условием, если будет разрешено преподавание вероучения. Такие случаи необходимо учитывать и на них соответствующим образом реагировать. Туркестанский Центральный Исполнительный Комитет по отношению к некоторым местностям внес послабление и разрешил преподавание вероучения детям в школах.[152]

ГАРФ. - Ф.1318. - Оп.1. - Д.56. - Л.21. Протокольная запись.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.230.

Заявление
в ЦК РКП(б) с опровержением обвинений в нарушении партийной дисциплины

21 января 1923 г.

11-го января с/г Оргбюро ЦК РКП по докладу тов.Куйбышева вынесло постановление обо мне, состоящее из 3-х пунктов:

1) обвинение меня в нарушении партдисциплины (решительное осуждение за допущенное мною, якобы, выступление в присутствии беспартийных с предложениями, идущими вразрез с постановлениями фракции Х-го съезда Советов по вопросу о союзном Совете),

2) признание нецелесообразности моей работы в коллегии Наркомнаца и

3) поручение тов.Сталину проведения этого постановления ЦеКа через большую коллегию НКН.

Не возражая против 2-го и 3-го пунктов постановления ЦК, так как оценка целесообразности или нецелесообразности нахождения того или иного лица в том или ином центральном учреждении и соответствующий из этой оценки вывод составляют исключительное право и компетенцию ЦК, независимо от того, насколько правильна данная оценка и данный вывод, я решительно возражаю против 1-го пункта постановления ЦК, так как нахожу это решение основанным на односторонней и непроверенной информации.

Постановление это, очевидно, вызвано письмом в ЦК замнаркома тов. Бройдо. Я не знаю, о чем идет речь в этом письме и в чем еще я в нем обвиняюсь, так как тов. Бройдо этого письма мне не показывал и о существовании последнего я узнал лишь случайно. И я вынужден пока ограничиться дачей объяснения лишь по поводу моего выступления на совещании при Наркомнаце по вопросу о федеральных комитетах (делать предложения, идущие вразрез с постановлением фракции по вопросу о союзном Совете я мог только при обсуждении этого вопроса).

Выступление мое на означенном совещании сводилось к следующим трем основным положениям:

а) после создания союзного ЦИКа и при существующей (еще не измененной) конструкции Наркомнаца, когда последний является органом лишь одной из союзных частей, было бы нецелесообразно требование включения хотя бы "на договорных началах" в федеральный комитет при Наркомнаце представителей союзных республик;

б) также было бы нецелесообразно создание и двух федеральных комитетов: одного при Наркомнаце для автономных республик и другого при союзном ЦИКе - для союзных республик, так как это явилось бы излишним параллелизмом;

в) включение в федеральный комитет при Наркомнаце необъединенных наркоматов союзных республик при этих условиях требует превращения

Наркомнаца из органа РСФСР в союзный орган с соответствующим изменением его конструкции.

Исходя из вышеизложенного, я предлагал вопрос о федеральных комитетах разрешить в зависимости от судьбы Наркомнаца: включить в них и представителей союзных республик в случае превращения НКН в союзный орган и не включать их туда, если НКН останется только федеральным органом, работающим в масштабе РСФСР.

Но предложение мое не было поставлено на голосование, так как товарищи находили, что этот вопрос требует отдельного и самостоятельного доклада.

Занимая в этом вопросе указанную позицию, я совершенно искренне был убежден в том, что она нисколько не противоречит постановлению фракции X-го съезда Советов по следующим соображениям:

1) фракция X-го съезда отвергла мысль о непосредственном вхождении в союзный ЦИК автономных республик и притом как цельных союзных единиц. В моей же постановке вопроса предусматривается, когда я допускаю возможность преобразования Наркомнаца в общесоюзный орган, вхождение туда лишь необъединенных наркоматов этих республик и то не непосредственное, а через ряд инстанций: через союзкомы и союзный Наркомнац;

2) неясность и неразрешенность вопроса. Мне было известно, что за несколько дней до этого собрания на совещании наркомпросов союзных и автономных республик при Наркомпросе РСФСР по вопросу о Федкомпросе по предложению тов.Луначарского единогласно принято решение о целесообразности создания вместо Федкомпроса союзного Комитета просвещения при союзном ЦИКе со включением туда представителей как автономных, так и союзных наркомпросов. Тов.Луначарский, тов.Ходоровский и др. ответственные руководители Наркомпроса РСФСР, а также все автономные и союзные наркомпросы участвовали в X съезде Советов и голосовали на заседании его фракции по вопросу о союзном Совете, если только они там присутствовали, за тезисы ЦК партии.

И если эти товарищи на другой или третий день после заседания фракции голосовали за участие в Союзкоме просвещения при союзном ЦИКе и автономных республик, то следовательно, они считали этот вопрос для себя неясным и неразрешенным.

Это первое. Во-вторых, на это указывает, с одной стороны, сам факт включения этого вопроса в повестку для совещания при Наркомнаце (правда, повестка эта была составлена до съезда, но ведь тов.Бройдо мог изменить ее, если считал вопрос ясным и разрешенным и тем более, если он видел, что на заседании присутствуют и беспартийные), а с другой - факт принятия совещанием по предложению туркестанского делегата тов.Паскуцкого решения, обязывающего Наркомнац "принять меры к надлежащему представлению интересов автономных республик в случае создания при союзном ЦИКе органов, регулирующих работу необъединенных наркоматов союзных республик" (кстати сказать, тов.Бройдо не отказался поставить на голосование это предложение и сам же голосовал за него).

Что же касается обвинения меня в несоблюдении партийной этики, выразившемся в том, что свои взгляды по этому вопросу я высказывал в присутствии беспартийных, то я считаю это недоразумением, так как за несколько дней до вынесения ЦК указанного постановления обо мне в "Известиях ВЦИК" была помещена дискуссионная статья тов.Луначарского (очевидно, вопрос не ясен и для тов.Стеклова, так как он напечатал эту статью) по вопросу о Федкомпросе, где перед всем читающим миром ставился вопрос о необходимости создания при союзном ЦИКе союзного Комитета по делам просвещения со включением туда и представителей автономных республик. Полагаю, что ни тов.Луначарский, ни тов.Стеклов за это выступление свое не будут наказаны.

Чем вызвана информация тов.Бройдо о моем неэтичном поведении на совещании, я не знаю. Предполагаю лишь, что она является последствием обстоятельств личного характера, которые могли возникнуть между мной и тов.Бройдо и о которых я могу сделать отдельный доклад, если ЦК этого потребует.

Я считаю, что, давая обо мне ту или иную информацию, тов.Бройдо, во-первых, должен был предупредить меня об этом как члена коллегии Наркомнаца, дабы я мог выставить свое объяснение перед ЦК, а во-вторых - озаботиться приведением в порядок формальных документов, которые должны были бы послужить материалами к моему "обвинению", т.е. протоколов совещаний при Наркомнаце с моим выступлением: протоколы же эти и по сей день еще им не подписаны, и я имею законное основание допускать, что они после создавшегося конфликта могут быть переделаны т.Бройдо в смысле приспособления их к сделанной им же информации в ЦеКа.

Ввиду всего изложенного прошу ЦК РКП о следующем:

1) пересмотреть свое решение обо мне от 11-го января с/г в отношении 1-го пункта, где констатируется нарушение мною партдисциплины и выносится резкое осуждение моего поведения;

2) выдать мне копию письма тов.Бройдо обо мне, дабы я мог знать, какие обвинения выдвигает против меня тов.Бройдо, и дать на них исчерпывающий ответ;

3) передать конфликт, возникший между мной и т.Бройдо, на рассмотрение специальной комиссии из нейтральных товарищей или в Центральную Контрольную Комиссию.

Член РКП, партийный билет № 120822,
М.Султан-Галиев.

ЦГА ИПД РТ. - Ф.8237. - Оп.1. - Д.5. - Л.16-19. Ксерокопия.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.323-327.

Татарская автономная республика

Если главным действующим лицом Октябрьской революции в России явился пролетариат с его авангардом - Коммунистической партией, то одной из составных частей этой могучей силы явились и продолжают оставаться трудящиеся отдельных, находившихся раньше в кабале у русского империализма, национальностей. Задачей настоящей статьи является осветить в общих чертах основные и наиболее характерные моменты участия одной из этих национальностей - трудящихся татар в развитии Октябрьской революции.

Какие же задачи стояли перед татарскими трудящимися на отдельных этапах развития революции и насколько полно и своевременно они выполнялись?

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, приходится разделить историю участия татар в революции на три периода: 1) период Октябрьского переворота с предшествовавшей ему предреволюционной полосой, 2) период гражданской войны и 3) период мирной работы по восстановлению народного хозяйства.

Основной задачей татарских рабочих и татарской крестьянской бедноты в первый из этих периодов являлась массовая поддержка пролетариата Центральной России и его авангарда - Коммунистической партии - в их борьбе с российской и международной буржуазией и борьба с растущей татарской буржуазией, стремившейся использовать момент классовой борьбы в России в своих националистических целях. И нужно сказать, что эта задача татарскими трудящимися была выполнена с честью.

Положение татар в царской России было таково, что от их поведения зависело успешное или, наоборот, безуспешное развитие революции на Востоке России. Занимая промежуточное положение между Западом и Востоком не только в географическом, но и в социально-экономическом и политическом отношениях, татары очень сильно могли влиять на развитие революции в том или ином направлении. Рассеянные по всему Поволжью, Уралу, Сибири и Средней Азии трудящиеся татары являлись одним из главнейших проводников революционной энергии как в окружающую их среду, так дальше по линии Востока.

В чем же конкретно выразилось участие татарских трудящихся в Октябрьской революции?

Прежде всего в подготовке к ней.

Февральская революция, открывшая дорогу "самоопределению" татарской буржуазии, открыла глаза, с другой стороны, и татарским трудящимся.

И если татарская буржуазия во главе с националистической мелкобуржуазной интеллигенцией на другой же день после Февраля лихорадочно принялась за "работу" и мобилизовала свои силы "на защиту завоеваний революции", то и татарские трудящиеся не остались спокойными зрителями того, как организовывались их классовые враги.

Мы видим, как, несмотря на все советы и призывы тогдашних татарских националистических газет к сохранению "национального единства" и "единого национально-революционного фронта", татарские трудящиеся с первых же дней революции резко отмежевываются от "вождей татарского народа" туктаровых, максудовых, исхаковых и прочих "доброжелателей". На первой же общемусульманской манифестации после Февраля в Казани татарские рабочие отказались встать под знамя татарской буржуазии и выставили свое красное знамя классовой борьбы и победы. На первом же "общемусульманском" митинге устами погибшего революционера, коммуниста Мулланура Вахитова татарские рабочие Казани громогласно заявили татарской буржуазии и их лидерам, что пути их расходятся и что нечего надеяться буржуазии на то, чтоб заморочить голову татарского пролетариата[150].

- Прочь грязные руки от пролетарского дела! - сказали татарские рабочие организующейся в "мусульманские комитеты" татарской буржуазии и сами стали организовываться вокруг Мусульманского социалистического комитета. И напрасно татарские националисты старались направить "на истинный путь" "заблудившихся"

На всех организованных ими мусульманских съездах: на I съезде мусульман в мае 1917 года в Москве, на II Всероссийском июльском съезде в Казани, когда была объявлена культурно-национальная автономия татар внутренней России и Сибири, на съездах воинов мусульман и в Национальном парламенте мусульман внутренней России и Сибири, - всюду мы слышим протестующие голоса татарских рабочих и крестьянской бедноты в лице "беспокойных бунтарей" - левых социалистов.

Эти голоса принимают постепенно все более и более твердый, настойчивый и даже угрожающей характер. И если в своих выступлениях против "правых" "левые революционеры" во главе с татарским пролетарским писателем Галимджаном Ибрагимовым на I московском съезде мусульман не могли идти дальше протестов "с трибуны", то уже в "Национальном парламенте мусульман внутренней России и Сибири" вскоре после Октябрьского переворота тот же Г.Ибрагимов уже руководит твердо организованной фракцией левых социалистов, оказывая систематическое давление и воздействие на решения "парламента"; а на II послеоктябрьском съезде воинов-мусульман в Казани, на этом последнем съезде, прикрывшемся лозунгами революционного демократизма татарской воинствующей буржуазии, руководимая Казанским мусульманским социалистическим комитетом "левая фракция", состоявшая из небольшой лишь группки татарских большевиков и левых эсеров, не остановилась перед "татарским октябрьским переворотом", разогнав съезд[153] и ликвидировав решительным своим выступлением все осиное гнездо татарских националистов в тот самый момент, когда они собирались активно выступить против Советской власти в союзе с Украинской радой и другими буржуазно-национальными организациями.

Итак, если татарская буржуазия проявила стремление использовать Февральскую революцию в своих буржуазно-националистических целях, то татарский пролетариат использовал ее для накопления революционной

энергии в целях классовой борьбы, и по первому зову пролетарской революции он встал в ряды бойцов за социализм.

По первому же призыву Октября татарский рабочий, татарский солдат и татарский крестьянин выступили плечом к плечу со всем российским пролетариатом. Всюду они выступали за власть Советов и против Временного правительства. Характерно, что даже Всероссийский мусульманский военный совет в Казани, Харби шуро, колебавшийся в момент Октябрьского переворота и ставший впоследствии центральным штабом татарской буржуазии, принужден был заявить на другой же день после Октябрьского переворота[154], что он "дает священную клятву поддерживать Советскую власть до последней капли крови" (заявление представителя Харби шуро Г.Багаутдинова на первом заседании Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов после свержения Временного правительства). Ясно, что это заявление делалось под давлением революционных татарских масс, не пожелавших остаться "нейтральными" в такой важный и решительный момент схватки классов.

Октябрьский переворот в Казани, Уфе и Астрахани - в этих основных этнографических центрах татар - происходит при непосредственном и активном их участии. Отдельная татарская рота в Казани*, мусульманские части в Уфе сыграли решающую роль в критический момент борьбы солдат и рабочих с юнкерами Временного правительства.

Систематическую и упорную борьбу с окопавшейся в "сочувствующем Советской власти" Харби шуро татарской буржуазией пришлось вынести татарскому пролетариату уже после Октября.

Только тот, кто был непосредственным участником этой борьбы с "шуристами", кто кипел в самом котле тогдашних событий в нынешней Татарии и Башкирии, только тот может оценить, насколько была серьезна опасность, угрожавшая Советской власти со стороны татарских националистов. Теперь, когда Советская власть окрепла и когда окончательно уже определилось и твердо установилось сознание широких трудящихся масс татар и башкир, мы можем открыто говорить об этом.

Окрепшие и набравшие силы в период керенщины, но притихшие и надевшие маску во время Октября, татарские националисты показали свое истинное лицо, как только подвернулся удобный к тому случай.

Продолжая под шумок начинающейся тогда гражданской войны концентрировать в Казани, Уфе, Оренбурге и других городах Поволжья татарских солдат, покидавших вместе с прочими солдатами фронты империалистической войны, они исподволь приготовляли почву к выступлению и завязывали сношения со всеми враждебными большевикам силами; а таких "сил" вскоре оказалось достаточно много. Это были отстраненные от власти меньшевики и эсеры, "обиженные" большевиками окраинные самостийники - Украинская рада, Войсковой круг, Башкирский курултай, туркестанские автономисты и более мелкие буржуазно-националистические птицы: националисты чувашей, мари, вотяков и т.д. Сюда же присоединилась и "истинно русская" буржуазия, вплоть до попов

* В Казани в Октябрьском вооруженном восстании приняли участие пять татарских рот, в которых насчитывалось до 3 тысяч человек. - Сост.

и архиереев, которые вдруг заговорили о "культурности" и "человечности" татар, о своей надежде на то, что "история сделает татар спасителями русской государственности" и т.д.

- Лучше татарское ханство, чем большевистское царство... - говорили они и помогали Харби шуро. А Харби шуро, заявлявшее в первые дни Октября о своем "сочувствии" Советской власти, стало все более обнаруживать свое подлинное лицо. Оно становится рьяным защитником Учредилки и открыто заявляет, что силою оружия будет защищать ее от разгона[155]. Наглость Харби шуро доходит до крайнего предела перед II съездом воинов-мусульман и во время этого съезда. Оно назначает своих "комиссаров" в национализированные Советской властью банки, а также в разные крупные военные и гражданские учреждения. На национализированных сейфах рядом с советской печатью накладывается "шуристская" печать. Все находящееся в банках Казани золото и ценности объявляются "национальным достоянием татар".

В день открытия II съезда воинов-мусульман один из лидеров националистов, "морской капитан" Токумбетов разражается "громовой" речью по адресу Советской власти. В ответ на присутствие представителя Советской власти, выражавшего надежду на то, что самоопределение татарских трудящихся пойдет не по буржуазному пути, а по пути пролетарской революции, г.Токумбетов, с пеною у рта, угрожая своим капитанским кортиком, надменно заявил:

- Вам нечего учить нас, как нам самоопределяться. Это наше собственное дело... Если же вы имеете намерение вмешиваться в наши внутренние дела, то знайте, что за нами миллион штыков.

Такие разглагольствования сделали свое хорошее дело. Они, во-первых, заставили очнуться кое-кого, кто не понимал достаточно характера этого движения или не придавал ему значения, и, во-вторых, заставили насторожиться как татарских, так и русских трудящихся.

И те, и другие ясно и наглядно увидели, что "шутить" дальше с этим нельзя и что, если не будет вырвана с корнем злокачественная язва, образовавшаяся вокруг Харби шуро и других татарских националистических организаций, то они в скором будущем поплатятся своею кровью за проявленную беспечность.

Мы знали, что никаких "миллионов штыков" за токумбетовыми и алкиными (руководители Харби шуро) нет и не будет и что в решительный момент татарские трудящиеся от них отвернутся. Но мы также знали, что на всех фронтах и в тылу солдаты-мусульмане разваливающейся царской армии стягиваются в отдельные мусульманские части, что на границе с Румынией формируется целый мусульманский корпус, что в Казани, Уфе, Оренбурге и других пунктах Южного Урала и Среднего Поволжья сконцентрировано до 50-ти тысяч татарских солдат. Мы знали, что неспокойно на Кавказе и в Туркестане, что на Украину наступают войска кайзера и что нельзя вести регулярной фронтовой войны одними лишь неорганизованными партизанскими красногвардейскими отрядами. Мы еще знали, что татарская буржуазия, как и всякая буржуазия, способна спровоцировать малосознательные элементы крестьянства и рабочих на кровавые выступления и что, в случае захвата ею власти в Татаро-Башкирии, она не-

медленно протянет "руку помощи" националистам Киргизии, Туркестана и дальше, создав тем самым твердый и прочный затор продвижению Октябрьской революции в степи и равнины Сибири и Средней Азии. Мы можем смело утверждать сейчас, что при нашем тогдашнем внутреннем и внешнем положении такое выступление "шуристов" принесло бы гораздо больше бед Советской власти, чем случившееся гораздо позже этого выступление чехословаков, породившее и "Самарскую Учредилку", и Колчака. Вот почему мы и думаем, что момент этот был наиболее ответственным в истории татарских трудящихся, когда от их воли зависело или рассеять окончательно нависшую в Поволжье угрозу Советской власти, или же бесславно и позорно отступить перед нею.

И экзамен на политическую зрелость татарскими трудящимися был выдержан.

В тот самый момент, когда "шуристы" собирались уже захватить власть в свои руки в Казани, имея намерение распространить ее и дальше по территории Татарии и Башкирии, в этот самый момент татарские рабочие и крестьяне, руководимые татарскими социалистами, одним решительным ударом парализовали все их махинации.

Арест членов Харби шуро - братьев Алкиных, Токумбетова и Музафарова, роспуск войсковых частей шуро и ликвидация с оружием в руках засевших затем в "Забулачной республике" (татарской части г.Казани) "волков" с их "железными дружинами" и т.д., создание Комиссариата по делам мусульман с передачей ему всей работы среди татарских трудящихся - таковы отдельные моменты революционной деятельности в эту горячую пору.

За ликвидацией Харби шуро[156] следует ликвидация всех остальных мусульманских националистических организаций, возглавляемых татарскими националистами. Разгоняется по приказу Центрального комиссариата по делам мусульман (татар) при Наркомнаце Исполнительный комитет Всероссийского национального совета мусульман во главе с "левым" меньшевиком Ахмедбеком Цаликовым, а также татарский Национальный парламент в Уфе во главе с кадетом Садри Максудовым.

Выступление Казани находит живейший отклик и в провинции. Везде и всюду между татарской буржуазией и татарскими трудящимися происходит борьба. "Национальные советы" Милли шуро всюду ликвидируются и вместо них создаются татарские комиссариаты при Советах.

II

С этого момента мы вступаем во второй период участия татар в революции. Весь этот период насыщен фактами гражданской войны и заканчивается в политической жизни татар крупным историческим актом - созданием Автономной Татарской Социалистической Советской Республики.

По своему основному характеру период этот является периодом военно-революционной работы.

Еще в первые дни Октября на местах, наряду с мусульманскими полками Харби шуро, мусульманскими социалистическими комитетами создавались отряды татарских красногвардейцев (Татарская Красная гвардия,

организованная Казанским социалистическим комитетом из рабочих-татар алафузовского и порохового заводов; отряды красногвардейцев из рабочих-татар, организованные "дедушкой" татарских коммунистов С.Ахтямовым и З.Булушевым). С переходом к системе Красной Армии эти отряды послужили ядром для создания татарских и татаро-башкирских красноармейских частей.

Первое место в деле создания татарской Красной Армии принадлежит Казани, а именно - военному отделу Казанского мусульманского комиссариата. Насколько популярна была еще тогда среди татарских рабочих и крестьян идея создания классовой армии, видно из того, что I-й Казанский мусульманский социалистический полк, начавший формироваться после роспуска Харби шуро, уже к моменту вооруженного столкновения с "Забулачной республикой" имел в своем распоряжении до 600 красноармейцев. К моменту выступления чехословаков их насчитывалось уже несколько тысяч. Этот полк дал в общем несколько батальонов на чехословацкий фронт и почти до последнего человека лег на улицах Казани, защищая ее от чехословаков.

Второе место по формированию татарских красноармейских частей заняла Астрахань. Астраханские татарские части также выросли в дыму пороха гражданской войны. Из отдельной мусульманской роты, сыгравшей славную роль при установлении в Астрахани Советской власти, впоследствии выросли стальные татарские красные батальоны, о стойкость которых разбивались все попытки белогвардейцев и контрреволюционных казаков захватить в свои руки "ворота на Восток". Через Астраханский Мусульманский военный комиссариат прошли десятки тысяч красноармейцев, и не только татар, но и других восточных народностей - киргизов, туркмен, ногайцев и горцев северного Кавказа.

На третьем месте стояла Пермь. Она дала три или четыре батальона на фронт в самые критические для нас моменты. Качественно отряды пермяков стояли выше даже астраханских. Тут большинство состояло из рабочих уральских шахт и заводов.

На четвертом месте стояла Москва. Из-за отдаленности ее от этнографических центров татар формировать в Москве татарские части было очень трудно. Тем не менее благодаря энергии комиссара по делам мусульман внутренней России т.Мулланура Вахитова и здесь было сформировано два татаро-башкирских батальона. Из них первый почти целый год сражался на чехословацком фронте, постоянно пополняясь людьми, и выдержал ряд боев, участвуя во взятии Сызрани, Самары, Бугульмы и т.д.; второй был слит со 2-м Казанским мусульманским социалистическим полком[157], сформированным после очищения Казани от чехословаков.

Выдающуюся роль в деле вовлечения в Красную Армию татарских рабочих и крестьян сыграла Центральная мусульманская военная коллегия при Наркомвоене. Ее усилиями были созданы 1-я и 2-я отдельные татарские стрелковые бригады[158], два отдельных стрелковых полка и несколько отдельных батальонов. Организованный Центромусвоенколлегией в Казани отдельный татарский запасный батальон лишь за один год и на один лишь Туркестанский фронт дал до 70-ти маршевых рот. Центромусвоенколлегия положила начало подготовке красного комсостава из татар, от-

крыв в Казани мусульманские пехотные и кавалерийские курсы. Но главная работа Центромусвоенколлегии заключалась непосредственно на фронтах, главным образом в области политической. Через своих уполномоченных в мусульманских отделах политотделов фронтов и армий Центромусвоенколлегия регулярно снабжала фронты литературой и политработниками, руководя одновременно- и вербовкой татар в Красную Армию. Насколько продуктивна была работа татарских революционных организаций в этом направлении, можно судить хотя бы по тому, что в моменты самого напряженного состояния Восточного фронта число красноармейцев-татар на этом фронте составляло более чем половину всего его состава, доходя в некоторых армиях (5-я армия) до 70-75%.

Мы не будем говорить здесь о всех тех испытаниях, которые выпали на долю татарского крестьянства во время гражданской войны, так как это было общей участью крестьян всех национальностей в тех местностях, где происходила война. Отметим, однако, что самые жестокие и разрушительные бои с чехословаками и Колчаком происходили на территории, населенной, в большинстве случаев, татарским крестьянством.

Мы можем с гордостью отметить, что татарские трудящиеся в этот период развития Октябрьской революции с беззаветной преданностью и самоотвержением несли свою революционную службу в Татарии, Башкирии, Сибири, Киргизии, Туркестане, на Украине, на Сиваше, под Петроградом и в войне с панской Польшей.

III

В конце 1919 года, когда среди отдельных ответственных товарищей татар стали раздаваться голоса о необходимости осуществления мартовского декрета 1918 года о Татаро-Башкирской республике или создания отдельной Татарской Социалистической Советской Республики, из уст некоторых товарищей приходилось слышать, что "пора поставить вопрос о том, что же собственно дала Октябрьская революция татарам"... Некоторые товарищи (Мингаз Конов в октябрьском и ноябрьском номерах газеты "Кызыл Армия")* договорились даже до утверждения, что "в сущности революция почти ничего не дала татарам".

Возражая этим товарищам, мы всегда указывали на неправильную и нереволюционную постановку самого вопроса. Мы говорили, что в переживаемый период революции вопрос этот может ставиться лишь в обратной форме, а именно: не "что дала революция той или иной национальности", а "что дали и что сделали трудящиеся той или иной национальности для революции". И сейчас мы еще не можем ставить вопрос о максимуме "положительных результатов революции" как для всего пролетариата в целом, так и для трудящихся отдельных национальностей. Мы можем говорить об этом лишь условно и относительно.

Все же - что дала татарам революция в политическом, экономическом и культурном отношениях?

На этот вопрос мы даем лаконичный ответ:

- Все! . .

---

* См.: Кызыл Армия, 1919, 7 ноября, №187. - Сост.

Татарское крестьянство испытало, правда, на себе все ужасы войны, разрухи и голода; татарские рабочие в массе своей продолжают еще голодать, холодать, испытывая подчас все трудности безработицы и т.д. Тем не менее мы вполне сознательно, твердо и уверенно, уверенней, чем когда бы то ни было, говорим:

- Татарские рабочие и татарское крестьянство имеют все, так как в результате революции получили то, чего не имели в прошлом, а именно: возможность свободного развития.

Разве это не факт возрождения хозяйства, когда крестьянство Татреспублики, давшее 22 миллиона пудов хлеба по разверстке в 1919-1920 гг., кормившее целых полтора года всю Запасную армию Советской Федерации[159], но затем испытавшее на себе тяжелый кошмар голода 1921 года с его людоедством, разрухой и т.д., - когда это крестьянство уже сейчас в октябре выполнило продналог в размере 85%* и доводит засев озимых полей на 1922 год почти до 75% прежних площадей. Разве не является ярким доказательством живучести татарских рабочих то обстоятельство, что производство Татреспублики в голодный год (1921 г.) составляло 130% задания, а в настоящее время, несмотря на тяжелый кризис, также продолжает развиваться, хотя и медленно, но все повышаясь.

И разве не является доказательством пробуждения татарских трудящихся масс их все растущее стремление, несмотря на самые невыносимые условия существования, в храмы науки: в рабфаки, университеты и институты?

Чтобы ярче осветить современное положение татарских трудящихся, приведем несколько цифр, характеризующих состояние сельского хозяйства, промышленности и народного образования автономной Татарской республики.

Вот цифры, которые характеризуют состояние одной из важнейших отраслей сельского хозяйства - животноводства:

По переписи 1916 г. на всей территории Татреспублики имелось: лошадей - 571 607 голов, крупного рогатого скота - 724 800, мелкого (овец, коз и баранов) - 2 224 299 и свиней - 278 052.

По переписи 1920 г.: лошадей - 477 041, крупного рогатого скота - 522 936, мелкого - 1 261 037 и свиней - 196 318.

По данным Статуправления, к весне 1921 г.: лошадей - 174 297, крупного рогатого скота - 177 560, мелкого скота - 273 170 и свиней - 5 722.

По этим данным, проценты убыли скота в Татарии за голодный год, т.е. по сравнению с 1920 г., выражается в следующих цифрах: лошадей на 64,41%, крупного рогатого скота на 67,44%, мелкого рогатого скота - на 80,66% и свиней - на 96,32%.

С качественной стороны Цеветупромом** установлено до 42,59% неработоспособных вследствие истощения лошадей, 17,3% яловых коров, за совершенным недостатком быков-производителей, с понижением годовой удойности коров до 48 ведер, а сокращение молодняка крестьянского рогатого скота, по обследованию Татуправления, достигает 85,29%.

---

* По сообщению газеты "Татарстан" Татреспублика к 15 октября выполнила продналог на 3 670 тыс.пудов.

** Центральное ветеринарное управление. - Сост.

И если в 1920 году в Татарии на каждую рабочую лошадь приходилось 5,6 десятины посевной площади, то в 1921 году посевная площадь повысилась до 8,2 дес., а в 1922 году до 16-ти десятин в двух полях.

В соответствии с убылью скота в Татарии падала и посевная площадь. Вот цифры:

	озимых	яровых
В 1917 году	1 050 854 дес.	1 076 447 дес.
" 1920 "	924 374 "	834 637 "
1921	815 447	856 112
1922	359 161	500 000 "*

Казалось, что эти цифры ничего хорошего в будущем не предвещают. Меж тем из доклада заместителя Татнаркомзема на последней партконференции видно, что текущая осенняя посевная кампания на 75% уж ликвидировала недосев в озимом клину. Это значит, что, несмотря на самые тяжелые условия существования, трудящиеся Татарской республики героическими усилиями прокладывают дорогу к возрождению своего хозяйства.

А вот цифры, характеризующие некоторые отрасли фабрично-заводской промышленности Татреспублики.

По кожевенному производству: фабрика "Афузо" выработала за март месяц 1922 г. обуви: армейской - 92,9%, гражданской - 109,6% задания.

Фабрика "Поляр" выполнила армейской обуви на 39,8% задания и гражданской на 46,2%.

За это же время выработано крупных и мелких кож:

"Афузо" - крупных - 74,5% и мелких - 115% задания.

№ 3 Шабанова - крупных - 102,4% задания.

Финкельштейна - крупных - 236% и мелких - 125,5% задания.

Козлова - крупных - 161,9% задания.

По текстильному отделению фабрика "Афузо" выработала от 162,4% до 276,4% задания.

Стекольный и завод силикатного кирпича выполнили задания на 101%.

Предприятия Татпищетреста не только выработали требуемое по программе, но и превысили норму.

Одновременно с этим мы наблюдаем сильный рост кустарно-ремесленного производства. Так, число трудовых артелей и товариществ Татреспублики с 1 января по 1-е мая 1922 г. возросло с 581-го до 702-х.

Сильное повышение работы замечается и во всей трестированной промышленности. Всего выделенных в объединения и самостоятельные хозяйственные единицы предприятий по ТССР насчитывалось ко 2-й половине 1922 г. 250, с количеством рабочих в 16 000 и служащих в 2 427 чел.

При сдаче в аренду отдельных предприятий ТСНХ обязывал арендаторов поднять их производительность по возможности до довоенных размеров. Так, сданная в аренду бывш.государственная суконная фабрика, производительность которой при эксплуатации ее ТСНХ выражалась в 9600 аршин в год, должна выработать в первый год аренды 70000 аршин, доведя свою производительность в течение ближайших десяти лет до 170 000

* Все эти цифровые данные взяты из №8 "Бюллетеней Татсовнаркома" за июль 1922 г.

аршин в год. Аналогичным обязательством закреплены договоры с арендаторами и других предприятий.

После приведенных данных становится понятным деловой оптимизм, каким дышит доклад Татсовнархоза о задачах поднятия промышленности ТССР, сделанный им на последней областной партконференции Татарии. "Нельзя не отметить, - говорится в докладе завтатсовнархоза т.Забицкого, - что пролетариат Татреспублики, накопивший производственный опыт в деле восстановления хозяйства, вывел промышленность Татреспублики из тяжелого испытания. Наша промышленность вышла победительницей из ряда кризисов, выпавших на ее долю. Самое страшное осталось позади. Хотя впереди и предстоит трудная работа, но живучесть наших хозорганов и умение приспособляться и преодолевать препятствия дают уверенность, что мы наладим наше хозяйство".

Если мы обратимся к делу просвещения Татреспублики, то и здесь увидим аналогичную картину. По количеству учебных заведений и культурно-просветительных учреждений Татария занимает первое место среди всех автономных и независимых восточных советских республик. Мы там имеем восемь высших и до 76-ти средних и низших профессионально-технических учебных заведений, а также 10 научных обществ. Среди высших учебных заведений имеются: государственный университет с факультетами медицинским, физико-математическим и общественных наук и рабфаком; Ветеринарный институт, Восточный педагогический техникум, Высший сельскохозяйственный техникум, Северо-Восточный археологический институт, Высшее техническое училище, Высший лесной институт и Коммунистический университет. По всем этим высшим учебным заведениям количество студентов из татарских трудящихся достигает, по последним данным, всего лишь около 250-300 чел., что составляет только 5-6% общего числа учащихся в них, но это, несомненно, большой прогресс, если учесть, что до революции в казанских высших учебных заведениях количество студентов-татар никогда не превышало полутора-двух десятков и то лишь за последние годы. В настоящее время Татнаркомпрос озабочен тем, чтобы постепенно увеличивать количество учащихся-татар в этих учебных заведениях путем открытия различных курсов по подготовке их в вузы, главным образом усиливая работу в этом направлении в профессионально-технических учебных заведениях.

В настоящее время по всей Татарии имеется 73 профессионально-технических учебных заведения с общим количеством учащихся по производственному плану 1922-1923 года в 6 302 чел., из которых на долю татар падает 26,8%, на другие нерусские нацменьшинства - 13,6%. Голод и переход школ на местные средства сильно затруднили дело просвещения в Татреспублике. Вот цифры, дающие сравнительные данные о положении школ и культурно-просветительных учреждений Татарии в период максимального их развития (в 1921 г.) и по сокращении (в 1922 г.).

А. По социальному воспитанию

а) Школы 1-й ступени

в 1921 г.		в 1922 г.		Уменьшение в %%	
учреждений	учащихся	учреждений	учащихся	учреждений	учащихся
2 996	7 796	1 741	3 264	на 47,2%	58,1%

б) Школы II ступени

в 1921 г.		в 1922 г.		Уменьшение в %%	
учреждений	учащихся	учреждений	учащихся	учреждений	учащихся
125	693	46	132	63,2%	81%

в) Детские дома ("закрытые детучреждения")

в 1921 г.		в 1922 г.		Уменьшение в %%	
учреждений	учащихся	учреждений	учащихся	учреждений	учащихся
93	4 408	250	23 477	268,8%	532,6%

Б. По политпросвету

	в 1921 г.					в 1922 г.				
учреждений	школы для взрослых	школы по ликв. безграмотности	народ. Дома	клубы	библиотеки	школы для взрослых	школы по ликвидации безграмотности	народ. дома	клубы	библиотеки
татарских	27	2 142	17	8	495	3	50	2	5	98
русских	60	2 631	142	70	749	10	165	31	25	163
Всего	87	4 773	159	78	1 244	13	215	33	30	261

В. По профобру*

	в 1921 г.		в 1922 г.	
	учреждений	учащихся	учреждений	учащихся
татарских		400		593
русских	142	6 004	76	3 275
Всего	142	6 404	76	3 868

Эти цифры с очевидной ясностью показывают, в каком тяжелом положении находилось дело просвещения в ТССР в связи с голодом. Если в период стихийного революционного роста культурные учреждения ТССР

* Профобр - профессиональное образование. - Сост.

достигли 23 500 рабочих единиц, то к началу нынешнего учебного года их число сократилось до 12 000 раб.единиц.

Каковы же перспективы дела просвещения в Татреспублике на ближайшее будущее? Ответ на этот вопрос дает производственный план Татнаркомпроса на 1922-23 уч.год.

По этому плану количество учебных заведений и культурно-просветительных учреждений ТССР по отдельным отраслям народного образования возрастает до следующих размеров:

А. Учреждения соцвоса.*

Школы I-й ступени: учреждений - 2 473, учащихся - 324 374, педагогический и технический персонал - 5 852.

Школы 2-й ступени: учреждений - 55, учащихся - 7 802, учащих - 416.

Детсады: учреждений - 96, детей - 10 101, воспитателей - 239.

Закрытые детучреждения (детдома).

Детдома: учреждений - 234, детей - 18 482, педагогический и технический персонал - 2 050.

Дома ребенка: учреждений - 44, детей - 2 568, персонал - 457.

Б. По политпросвету

Совпартшкол: учреждений - 5, учащихся - 950, школ ликвидации безграмотности - 682, школ взрослых - 35, изб-читален - 243, клубы - 38, нардома - 37, библиотеки - 296.

В. По профобру

Число учреждений - 73, учащихся: русских - 3 695, татар - 1 750, нацмен - 857, всего - 6 302.

При сравнении этих данных с приведенными выше данными о состоянии просвещения в Татарии в 1922 году получаем следующие "плюсы" по Татреспублике на 1922-23 уч.год.

А. По соцвосу

Школ I-й ступени: учреждений - 732, учащихся - 2 588,

Школ II-й степени: учреждений - 9, учащихся - 274.

Б. По политпросвету

Школ для взрослых - 22, школ ликбезов - 467, изб-читален - 243, клубы - 8, библиотеки - 35, нардомы - 4.

В. По профобру

"Минус" в учреждениях (было 76, стало 73), но "плюс" в отношении количества учащихся (на 2 438 чел.), в особенности татар (на 1 157 чел.) и нацменьшинств (на 600-700 человек).

Мы были бы неполны в нашем освещении состояния дела просвещения в Татреспублике, если бы не упомянули хотя бы вкратце о положении татарской печати.

В общем, в отношении постановки издательской работы Татария стоит на первом месте среди всех остальных наших восточных республик. Достаточно отметить, что до настоящего дня одним лишь Наркомземом ТССР выпущено до 30-ти названий научно-популярных брошюр на татарском языке. Не отстают от Наркомзема и другие учреждения Татреспублики.

---

* Соцвос - социальное воспитание. - Сост.

Так, Наркомпросом ТССР в текущем учебном году предполагается выпустить на татарском языке разных учебников и учебных пособий:

а) по татарскому языку	19	названий
б) по географии	9	-"-
в) по естествознанию	14	-"-
г) по истории	5	-"-
д) по математике	9	-"-
е) по методике	3	-"-
ж) по детской литературе	50	-"-
и) по худож.литературе	18	-"- и т.д.,

всего на 1 304 печ.листа.

А вот перечень периодических изданий Татреспублики.

Газеты:

1. "Известия ТатЦИК", ежедневный орган на русском языке.
2. "Татарстан", ежедневный орган на татарском языке.
3. "Безнең байрак" - орган Татобласткома на татарском языке - 3-4 раза в неделю.
4. "Клич юного коммунара", орган Татобласткома РКСМ, на русском языке.

5-6. "Сельскохозяйственный листок", еженедельная крестьянская газета на татарском и русском языках, орган Татнаркомзема.

Журналы:

7. "Коммунистический путь" - ежемесячник Татобласткома на русском языке.
8. "Безнең юл" ("Наш путь"), то же, на татарском языке.

9-10. "Бюллетень Татсовнаркома", еженедельник на татарском и русском языках.

11. "Бюллетень Татобласткома" на русском языке.
12. "Сельское хозяйство Татарстана", ежемесячник Татнаркомзема на русском языке.
13. "Игенче" ("Пахарь"), то же, на татарском языке.
14. "Кызыл Шәрекъ яшьләре", орган Татобласткома РКСМ на татарском языке.
15. "Вестник просвещения", ежемесячник Татнаркомпроса на русском языке.
16. "Магариф" ("Просвещение"), то же, на татарском языке.
17. "Казанский музейный вестник", 5 раз в год, на русском языке.
18. "Казанский медицинский журнал".

19-20. "Бюллетень Татнаркомвнудела", еженедельник на татарском и русском языках.

21-22. "Бюллетень Статуправления", на татарском и русском языках.

23. Орган "Бюро Истпарта", на русском языке.
24. "Сборник Бюро научной организации труда", ежемесячник на русском языке.

Эти цифры с несомненной очевидностью доказывают, что молодая Татарская республика и на фронте просвещения идет по пути возрождения и прогресса.

И мы еще раз повторяем, что татарские трудящиеся получили все от Октябрьской революции.

Они получили то, чего не имеют и о чем лишь мечтают рабочие культурной Западной Европы и угнетенные трудящиеся отсталых колоний. И, что всего ценнее для них как для трудящихся бывшей в угнетении нации, так это то, что в осуществлении своей свободы, как классовой, так и национальной, они заручились непосредственной и искренней поддержкой и сочувствием рабочих и крестьян всей федерации, связавшихся с ними самыми крепкими и неразрывными узами пролетарской дружбы и братства. Сознание, что дело освобождения татарских трудящихся не является лишь делом одних татарских трудящихся, а есть дело трудящихся вообще, является одним из величайших политических приобретений Октябрьской революции для татар. Руководимые этим сознанием, татарские трудящиеся никогда не собьются с верного пути в своем развитии и смелыми шагами пойдут к конечной цели человечества - коммунизму.

Если сотни лет тому назад татарский стрелок Золотой Орды с усердием ковал латы и точил острое копье свое "в честь и славу Тамерлана", то сегодня он в Советской социалистической Татарии совместно со всеми трудящимися точит свое сознание и кует свою пролетарскую волю для укрепления власти трудящихся на всем земном шаре.

И никаким токумбетовым, никаким исхаковым или максудовым, никаким "современным тамерланам" - энверам и их жалким приспешникам не заставить изменить это их сознание и эту их волю.

М.Султан-Галиев.

Жизнь национальностей. - 1923. - кн.1. - С.25-39.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.150-172.

Доклад
о работе Федкомзема на заседании Большой коллегии Совнаца Народного комиссариата по делам национальностей

19 февраля 1923г.

Свой доклад т. Султан-Галиев излагает в форме отчета о деятельности Президиума ФКЗ за период с сессии ФКЗ до настоящего времени. Основной задачей ФКЗ является приспособление советского законодательства в области земельных вопросов к нуждам и условиям автономных республик и областей. В этой области и протекала работа Президиума ФКЗ за отчетный период. С этой целью рассмотрен целый ряд проектов декретов, и в них внесены соответствующие поправки и дополнения, так, например, рассмотрены: декрет о мерах развития хлопководства в Туркестане, о порядке распределения лесосечного фонда, декреты об охоте и охотничном налоге, о мероприятиях по борьбе с вредителями, об организации виноградно-винодельческого треста в Крыму и т.д., и т.п.

Далее рассмотрен ряд вопросов отдельных автономных единиц, так, например, пограничный спор между Калмыцкой областью и Царицынской и другими губерниями, ходатайство Якутской республики о сельскохозяйственных машинах и орудиях, которые были закуплены уже давно, но каким то образом попали в распоряжение Сибревкома.

Президиум ФКЗ участвует также в работах разных других центральных органов как то: в Высшей судебной коллегии по земельным делам, в которую входят два представителя ФКЗ.

В Комитет содействия сельскому хозяйству также входит представитель ФКЗ. Первой работой этого Комитета была организация сельскохозяйственного кредита.

Главной работой Президиума ФКЗ было рассмотрение поправок к Земельному кодексу; для большинства республик и областей эти поправки уже рассмотрены. Для Туркестана внесение поправок было отсрочено до 15 февраля, для Бурят-Монгольской области - до 15 апреля, для Ойратской области - до 1 марта.

По целому ряду статей приняты общие поправки для всех автономных республик.

ГА РФ.-Ф.1318.-Оп.1.-Д.19.-Л.1, 1 об.

Письмо
народному комиссару юстиции Крымской АССР И.К.Фирдевсу

9 апреля 1923 г.

Дорогой Измаил!

Здравствуй. Привет. Прими и посылаю с подателем сего т.Гасановым.* Он болен туберкулезом и едет сейчас в Крым лечиться. Это один из лучших, энергичнейших и преданнейших товарищей. Он сам из Персии, учится в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока и одновременно ведет через Коминтерн персидские дела. С ним можешь быть совершенно откровенен. Через него можешь узнать и положение дел в Персии.

Очень прошу тебя, когда он поедет в санаторий, следить за тем, чтобы уход за ним был хороший. Надо бы постараться сделать так, чтобы он там не нуждался и мог бы выздороветь совершенно. Быть может, даже будет полезно после выздоровления оставить его некоторое время в Крыму, дабы он окреп здоровьем. Относись к нему так же, как ты относишься ко мне. После Крыма он поедет в Персию. Перед его отъездом подробно поговори с ним о работе в Персии. Серьезно обмозгуй этот вопрос и дай ему директивы, как работать, какие вопросы выдвинуть, какие конкретные лозунги выбросить. Ведь ты у нас в этой части незаменим. Если он поедет туда через Москву (и я буду в Москве), то пошли с ним необходимую информацию о крымских делах.

Дальше о тебе и формах связи нашей. Телеграфная связь не годится. Тем более в такой форме, как это ты делаешь: "выехали с информацией обо мне, без моей визы не доверяй". К чему давать лишние поводы подозревать нас в том, что между нами существует какая-то организационная связь. Я это говорю еще вот почему. Недавно в центр в руки Сталина передано, как он мне пишет, "одно из моих конспиративных писем" к работникам Башреспублики. Я еще не знаю, подлинник письма или копия. Подозреваю, что это письмо аналогично моему последнему письму тебе, которое было послано тебе через Б. Но там ничего не было такого, из чего можно было бы сделать заключение "о существовании в Москве... подпольной организации валидовского типа, ставящей целью борьбу с партией" (такой вывод делает Сталин).

Об этом тебе подробно расскажет Гасанов.

В Татарии партконференция прошла блестяще. В областком вошли в подавляющем большинстве наши ребята. Между ними Мухтаров, Сабиров, Енбаев, Багаутдинов (наркомюст), Гасым Мансуров и т.д.

Проводить партконференцию ездил Сапронов. Пользуясь его приездом, "саид-галиевцы", вернее, бывшие левые эсеры, а также оппозиционная

---

* Гасанов один из завербованных ОГПУ доносчиков. В следственном деле М.Х.Султан-Галиева можно прочитать не одну грязную клевету этого подонка, о котором так трогательно заботился его "подопечный". - Сост.

часть русских коммунистов (остатки антиповых, ходоровских и т.д.) попробовали было поднять шум, но ничего не вышло. Ребята оселись.

В Башкирии наоборот. Проводить конференцию туда ездил "сам" Петерс, начальник Восточного отдела ГПУ. Уже второй раз. Как видно, все ищет там "контрреволюцию". Из 30-и человек обкома попало всего лишь 10 башкир, да из них половина "молодые, подающие силы" в лице быв. левых эсеров (Газым Касымов, Юсупов Муса) и сторонников Шамигулова, "интернационалистов".

"К чему башкирский язык, нужны экономические мероприятия" - вот основной тон Петерса, проводимый им (вернее, проводимый через него "великодержавцами") на конференции.

"К чему это говорить о замене русских комиссаров башкирскими, это неправильно... ведь все равно руководящая роль в Башкирии принадлежит русским, т.к. из мусульман еще нет подготовленных работников", - вот буквально что говорилось на конференции.

Есть слухи, что Петерс настаивает на произведении "генеральной чистки" в Башкирии: убрать оттуда Халикова, Кушаева и др. башработников.

Но, думаю, ему этого не удастся сделать, т.к. в центре в последнее время сильный перелом в национальном вопросе. Да и мы попытаемся вмешаться.

В Средней Азии. В Восточной Бухаре усилилось басмачество. Имеются сведения, что на границе Бухары и Афганистана состоялось совещание "революционеров Средней Азии и стран Востока" в составе башкир, узбеков, киргизов, афганцев, турок, персов и индусов, которое выработало ряд мероприятий по усилению басмачества. Там появился из татар какой-то Селим-Паша (Ибрагимов) "наместник Энвера" и еще какой-то турок, выходец из Кавказа - Сами-бей. Заки Валидов тоже там же. Говорят, афганцы открыто поддерживают это движение.

Глава Бухарского правительства Файзулла Ходжаев в связи с ухудшением дел в Бухаре приехал в Москву. Говорят, что будто бы отказывается ехать обратно.

В Грузии. В пленуме ЦеКа недавно стоял вопрос о Грузии. Указывают, что будто бы грузинские работники, обиженные Сталиным, пожаловались Ильичу и последний будто бы оставил записку т.Троцкому с поручением ему "защитить Грузию от Сталина". В связи с этим т.Троцкий выступал на пленуме ЦеКа с защитой грузинских "уклонистов". В результате в новый состав Грузинского ЦеКа допущены и "уклонисты" ("националисты") в количестве 25-30% во главе с Махарадзе. Один из "уклонистов", известный грузинский работник Мдивани, отзывается, но одновременно с ним отзывается несколько человек из "левых". Стоял вопрос об отзыве и Орджоникидзе. Говорят, на этом весьма решительно настаивал Троцкий, но его пока не тронули.

Москва. В общем настроение центра довольно чувствительно изменилось. На XII партсъезде будет национальная секция. Я тоже получил право участия в партсъезде с совещательным голосом: только позавчера получил выписку из постановления ЦеКа. Статью Троцкого по национальному вопросу, тезисы Сталина, а также дискуссионные статьи других товарищей, наверное, читал.

Во чтобы бы то ни было постарайся приехать в Москву ко времени партсъезда. Можно будет пройти в секцию по национальному вопросу. В крайнем случае используем твой приезд для "переоценки ценностей".

Был большой бой между Федкомземом (мной) и Наркоземом по вопросу о поправках к земельному Кодексу по автономным республикам и областям. Дело дошло до Политбюро ЦеКа. Политбюро встало на точку зрения Федкомзема.

Если не приедешь, то пришли хоть свои соображения по национальному вопросу. Используем.

Если до приезда Саид-Галиева оставишь нас без информации, то будем в очень большой обиде на тебя. Так, брат, не годится.

Напиши, о какой информации ты телеграфировал. Кто и как... за что.

Пока хуш. Твой Мирсаид.

P.S.Еще раз прошу - не оставь Гасанова и окажи ему полное содействие. Попроси кого следует, чтобы его поместили в хороший санаторий. Если у тебя есть автомобиль, то не откажи доставить его в санаторий. Навещай его в санатории, а то он будет скучать.

Еще раз хуш. М.С.

Сожги.

ЦГА ИПД РТ. - Ф.8237. - Оп.1. - Д.5. - Л.35-37. Ксерокопия.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.327-331.

Выступление
на заседании секции по национальному вопросу XII съезда РКП(б)[160]

25 апреля 1923 г.

Султан-Галиев: По моему мнению, та постановка вопроса, которая предлагается тов.Сталиным[161], не разрешает национального вопроса, и мы принуждены будем опять возвращаться к этому вопросу, если не поставим его кардинально. Я это говорю вот почему, потому что весь вопрос сводится к созданию двух палат, если мы создадим эту вторую палату, то она разрешит все спорные вопросы национальной политики, это неправильно.

Да, вторая палата нужна. Но что означает эта вторая палата? Это означает, что в системе управления в Союзе Советских Республик нам надо установить двухпалатную систему, т.е. один орган Союза - ЦИК избирается по принципам пропорционального представительства. Так как этот принцип может дать перевес одной более крупной национальности, входящей в Союз, то для того, чтобы не было этого перевеса, не было уклонения в сторону великодержавности, не было гнета, нужно выдвинуть вторую палату, которая будет строиться по принципу представительства на началах равенства. Этим вопрос не исчерпывается.

Не исчерпывается вопрос относительно организационной неразберихи, которая на самом деле существует, на которую правильно указывал тов. Раковский, о которой говорили и другие товарищи. Группа товарищей выступала на X съезде Советов, указывая на то, что та форма конструкции власти общесоюзной, которая предлагалась тов. Сталиным, ЦК партии, что эта конструкция едва ли разрешит постановку национального вопроса[162].

Мы исходили из следующего. Почему образовалась организационная неразбериха в области взаимоотношений, допустим, советских органов РСФСР и органов автономных республик? Я буду говорить пока только об автономных республиках, потому что так называемые органы РСФСР возникли еще до практического осуществления нашей национальной политики, до возникновения, до образования автономных республик, автономных областей и т.д.

У нас происходил процесс выделения из состава бывшей Российской империи, из состава Российской Советской Федерации. У нас федеративных единиц не было, были только губернии. Происходил процесс выделения национального государственного образования. Это означало, что выделялись маленькие государственные образования. Мы им давали ЦИКи, совнаркомы, наркоматы и т.д. Установлена была система автономных наркоматов и неавтономных, централизованных. Автономные, нецентрализованные наркоматы были числом шесть: земледелия, просвещения и т.д.

Что же у нас получилось?

В делах просвещения, в делах земледелия как будто бы эти республики автономны. Как будто бы тов.Луначарский не имеет права вмешиваться в дела просвещения автономных республик. Но на самом деле это было так или нет? На самом деле тов.Луначарский, как Наркомпрос РСФСР, он называет себя русским наркомом, каковым он и является. Тов.Яковенко является наркомом Наркомзема русской части РСФСР, и Луначарский, и Яковенко участвуют в Совнаркоме, в общефедеральном Совнаркоме, следовательно, принимают участие в выработке, в обсуждении и принятии тех или других декретов, которые касаются и автономий, и не только по вопросам централизованных государственных учреждений, но также и в части вопросов, касающихся нецентрализованных, необъединенных областей государственной жизни. И вот отсюда ясно, что нам при создании Союза необходимо устранить эту неразбериху.

Как это сделать?

Нужно довести до конца практическое разрешение национального вопроса.

Как довести?

Завершить конституционным оформлением фактически существующую Российскую Советскую Республику и на этом строить дальнейшее разрешение национального вопроса. Оно выливалось в ту форму, которая предлагается тов.Мдивани[163]. В Союз Советских Республик входят Российская Республика и все автономные республики, бывшие независимыми республиками, все национальные области. Нельзя говорить, что эта национальность доросла до того, что ей можно предоставить автономию, а эта - не доросла. Это, по моему мнению, совершенно нелогическое рассуждение. Если мы будем так рассуждать, до чего мы дойдем?

Относительно федерации, по постановке вопроса тов. Сталиным[164]. Эту постановку поддерживают отдельные товарищи. Выходит, что мы, образуя Союз, должны исходить из принципа необходимости сохранения существующей федерации, т.е. Российской, с одной стороны, и Закавказской, с другой стороны. Хорошо, будем последовательны. Мы Союз будем организовывать по принципу федерирования внутри отдельных национальных частей этого Союза. Почему тогда говорить, что обязательной является только Закавказская Федерация? Почему не Кавказская? Или почему рядом с Закавказской не Северо-Кавказская?

Мы сейчас бьем грузинских уклонистов за то, что они не соглашаются на образование Закавказской Федерации, и мы в то же время не разрешаем чеченцам и кабардинцам объединиться в одну федерацию. *(ГОЛОС: Они никогда этого не требовали).* Требовали *(ГОЛОС: Нет)*. Ну не требовали, так будут требовать и могут требовать.

Почему в 1919 году, когда на съезде коммунистов народов Востока, правда, молодые коммунисты, выставили требования объединения Башкирии и Татарии, тогда эта республика не была образована. Я хочу сказать следующее: надо быть логичным до конца. Если мы внутри Союза Советских Республик сохраняем принцип федерирования отдельных национальных частей этого Союза, т.е. допускаем это для Закавказья, почему мы не должны допустить это в отношении других частей, допустим, Туркестана, Киргизии, Башкирии, Бухары и т.д.

Дальше я хочу несколько слов сказать по следующему поводу. Здесь говорили, что, борясь с великодержавным шовинизмом, необходимо одновременно бороться с местным национализмом. Это означает, что надо бороться со всяким национализмом, потому что проявление великодержавного шовинизма есть проявление национализма более крупной национальности, прогрессирующей и наступающей. Что же такое местный национализм? Если местный национализм есть проявление борьбы против этого великодержавного шовинизма, это не национализм, а это просто борьба с проявлением великодержавного шовинизма.

С национализмом, когда это есть на самом деле, национализмом, который в виде угнетения более мелких национальностей, необходимо бороться. Но здесь необходимо отчетливо указать, с чем мы должны бороться, а то на практике борьба с этим национализмом часто принимает самые ненормальные формы.

Здесь очень много говорили о Закавказье и ни слова не было сказано о Башкирии. Какое там положение? Тов. Орджоникидзе выставлял цифры и щеголял тем, что в Грузии - сидит то грузин, то русский, то армянин, то еврей, то мусульманин на руководящем месте* . А если взять Башкирию, то вы увидите, что во главе почти всех центральных органов, главным образом, автономных наркоматов - НКЗем, НКЮст, НКВнудел - это очень важные наркоматы для автономного существования Башкирии - во главе этих наркоматов сидят русские молодые товарищи партийцы. Некоторые из них во время Колчака были членами Земской управы. Кому там поручать борьбу с национализмом? Если поручим тем товарищам, которые сами заражены великорусским шовинизмом и прикрывают его борьбой с местным национализмом, то, конечно, они будут этот шовинизм проводить. И вместо того, чтобы бить великодержавный русский шовинизм, они будут бить башкирского коммуниста под видом башкирского националиста.

Я хотел бы указать еще на одно, а именно: борьба с местным национализмом может принять ненормальные формы. Нужно сказать, что происходит полное разложение партийных организаций на окраинах. Вот цифры относительно Киргизии. На последнем партийном съезде Киргизии указывается, что за один год было 2 296 преступлений партийных, из них 482 - нарушения партийной дисциплины. Кто же совершает преступления? Главным образом ответственные работники, потому что из этих преступлений на ответственных работников падает 1 323. И если в этих условиях такой организации поручить борьбу с национализмом, то получится целая вакханалия.

Известия ЦК КПСС. - 1991. - № 4. - С.161-163.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.231-235.

* См.: Двенадцатый съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М., 1968. - С.593. - Сост.

Тезисы
о национальной политике РКП(б): из записной книжки

Ранее 4 мая 1923 г.

1. Внутрипартийный смысл настоящей позиции т.Сталина - отступление от ленинизма **к русской государственности** под флагом ленинизма, фактически - **ликвидация нашей национальной политики**.

2. Почему это так? Это вполне **естественно,** так оно и должно было случиться, потому что мы переживаем полосу **отступлений**, полосу **реакции:**

а) провал революции на Западе,

б) изолированность наша от Востока.

Наше одиночество

Почему?

Мы оказались трусами, мы побоялись национально-революционного движения Востока (мы извлекли из архива охранки царя Николашки и западноевропейского империализма все эти "страшные" слова - панисламизм, пантюркизм, панмонголизм, паназиатизм и т.д. и т.д.).

Мы не доверяли, не оценивали значения национально-революционного движения отдельных восточных стран. Нам хотелось, чтобы там была **обязательно классовая революция**, пролетар/ская/, **В результате**:

а) провал революции в **Персии**;

б) мы проворонили революцию в **Турции**;

в) мы оттолкнули от себя **Афганистан**;

г) мы не поддержали и тем помогли Англии ликвидировать, задержать развитие революционного движения в **Индии**;

д) мы пять лет колебались, не зная, на ком остановиться в **Китае**: **Сун-Ятсене** или на ком-нибудь другом.

Мы сделали правильный диагноз мировой социальной революции, но у нас не хватило смелости и решительности осуществить ее.

3. **Какой выход?**

а) Исправление ошибок, мы это делаем,

б) одновременно усиление спайки (партийной и государственной) между отд/ельными/ национальн/остями **созданием русской государственности.**

4. **Как?**

Не декларативно, не директивно, а реально **организационно**

а) завершить нацполитику конституционным оформлением образования в процессе выделения **русской республики**,

б) союз советских Республик и областей с установлением двухпалатной системы,

в) привлечение в центр/альные парторг/аны и сов/етские/ учреждения работников Востока.

Саид-Галиев

Группы:меньшевики, большевики, **Классовики.**

Федерац/ия/ - это есть Республика.

. - Д.401. - Т.2 - Л.197 с об.

Тезисы
о "левых":
из записной книжки

Ранее 4 мая 1923 г.

"Левые". Кого из себя представляют "левые" вообще и так назыв[аемое] их " правое крыло" (Ибрагимов Шайм[ардан] и др.).

Соц[иально]-эконом[ическая] и полит[ическая] база возникновения и существования "левизны".

Историческая почва:

1) Русский национализм, как выражение объективно сохранившейся в русской революции инерции старой русской государственности. Защита этого национализма от штурмов действительно интернационалистических элементов колониальных частей России. Субъективно-личный карьеризм. Тактически - флаг "крайнего" империализма. Ради того, чтобы быть у власти, можно идти на все, вплоть до того, что в этой власти совсем не иметь власти. **Призрак** власти. Да это и естественно, так как их ставят именно для **отличия** власти у националов.

2) Как держали себя "левые" во время отдельных исторических моментов разрешения национального вопроса:

а) Вопрос о Тат.-Башк. Республике (Казань, Грасис) 1918 г.

Теоретическая

б) -"-" Башкирск. республ. (Оренбург) 1919 г.позиция

в) -"-"- Татарск. республ. (Москва) конец 1919 г.

г) Вопрос Ц[ентрального] Б[юро] ком[мунистических организаций народов] Востока (упразднение),

На практике

д) другие центр. органы нар[одов] Востока (Центромусвоенколлегия, восточные отделы ПУР и Штаба РККА),

е) **В республиках** (саид-галиевщина в Татарии, шамигуловщина в Башкирии, саид-галиевщина в Крыму).

3) Дифференциация среди левых: а) из каких элементов состоят "левые" вообще:

1) разношерстность, 2) деклассированность(деклассированные мелкобуржуазные элементы, анархизм (эсеровщ.)).

Группы левых: а) саид-галиевцы, б) левые эсеры, в) шамигуловщина, г) ибрагимовцы (к буржуазии не пристал, от пролетариата отстал), наиболее беспринципные, наиболее карьеристы (Крым), наиболее трусливые, шкурнич[еские] элементы.

4) Выступление [Ш.]Ибрагимова и Х.Бурнашева. Беспринципность. Противоречивость. Мягкотелость.

Трусливость (зачем кричать о колонизаторстве).

А в это время **Смирнов** проводит **колонизаторск**[ую политику]. Есть ли национализм в русской организации? Есть. Это подтверждает и постановление Коминтерна (Речь Молотова об "уклонах" в русск. организации).

"Восстановление" Москвы - "Китайск. город", "Собор Блаженного", "Троицкие ворота".

Зачем же воспитывать в духе самоотвержения и [огра]ничения во имя революции? Одни лишь окраины. Почему не всегда в том же духе и русских, а тем более членов ЦК вроде того же **Смирнова**?

Архив КГБ РТ. - Ф.4. - Оп.1 - Д.401. - Т.2. - Л.198 с об.

Показания
на следствии о содержании и способах переписки с местными работниками, совещаниях по национальному вопросу во время работы XII съезда РКП (б)

7 мая 1923 г.

1) Из имеющихся материалов видно, что Вы занимались организацией недовольного нашей национальной политикой элемента, как партийного, так и беспартийного, что выразилось посылкой во все окраины подробных сведений о том, что происходит на заседаниях ЦК, и в даче директив отдельным группам этого элемента делать нажим на ЦК для достижения своих планов, в чем сознаете себя виновным?

Организацией против ЦК партийных и беспартийных я не занимался. Относительно секретных решений ЦК могу заявить, что мною дана была информация о том пленуме ЦК, где рассматривался вопрос о 2-й палате, кроме того, я написал тов. Фирдевсу в Крым о рассмотрении ЦК грузинского вопроса. Больше ни о каких секретных решениях или заседаниях я никому не писал. Письма о пленуме ЦК, где рассматривался национальный вопрос, я написал, насколько мне помнится, в Башкирию т.т. Халикову, Кушаеву и Адигамову, в Татарию - т. Мухтарову, в Крым - т. Фирдевсу и в Туркестан - т. Рыскулову. Все эти т.т. партийные, члены РКП и занимают (по постановлению областных комитетов РКП) ответственные должности.

2) В бытность Вашу в Башкирии на III съезде Советов Вы организовали фракцию из партийных и беспартийных т.т. башкир против русских коммунистов?

Фракцию башкир, а тем более партийных с беспартийными я на указанном съезде не организовывал, отдельные башкирские т.т. (в том числе и некоторые из беспартийных) беседовали со мной в целях освещения передо мною, как перед представителем Наркомнаца, положения Башкирии.

3) Кто Вам передавал сведения о заседаниях ЦК РКП?

От тов. Рахимбаева.

4) Почему со своими письмами Вы обращались к отдельным лицам, а не к парторганизациям?

Потому что из отдельных парторганизаций, заинтересованных в национальном вопросе, я знал этих товарищей и доверял им. Во-вторых, не обладаю правом давать те или иные информации отдельным парторганизациям, как таковым.

5) Существовали ли у Вас для связи с вышеупомянутыми т.т. курьеры?

Связь с Татарией и Башкирией, а также с Крымом я устанавливал через соответствующие представительства и через случайных попутчиков, которых мне рекомендовали отдельные товарищи.

6) Платили ли Вы посылаемым товарищам за исполнение поручений?

Некоторым платил суточные и проездные.

7) Откуда получали и брали средства для оплаты?

По командировкам от Представительства[165] за счет средств последнего, поскольку командировался его курьер (курьер обыкновенно командировался по делам Татпредставительства). В Крым заплатил из своих средств.

8) Обращались ли Вы в Башреспублику к т. Адигамову (наркомпрос) за присылкой крупной суммы для организации Вашей организации?

Относительно крупной суммы я ни к кому не обращался, но просил его, если у башкирских товарищей имеются средства, чтобы они снабжали ими тех товарищей, которых я посылал или мог посылать к ним с письмами, так как платить в таких случаях из своих средств я не мог. О том, что я просил денег мне для организации, я не помню. Деньгами я просил снабжать курьеров и то в том случае, когда им нужно было ехать обратно в Москву, поскольку мне помнится, о присылке денег крупной суммы для организации в Москву я никому не писал.

9) Существовал ли у Вас шифр?

Нет.

10) Существовала ли у Вас секретная переписка?

Когда я писал тому или иному товарищу о чем-либо секретном, я всегда обыкновенно предупреждал или старался предупредить т.т. об этом, следовательно, считал эту переписку секретной. Делал это я в тех случаях, чтобы т.т. не разглашали их среди беспартийных.

11) Не предлагали ли Вы сами знакомить с Вашими письмами некоторых беспартийных (письмами с точки зрения партийной чрезвычайно секретного характера)?

Нет.

12) Существовала ли у Вас переписка с т.т., которую Вы скрывали от партии?

Поскольку те вопросы, о которых я писал отдельным т.т., не составляли секрета для партии в лице ЦК, я не думал, что я их скрываю от партии. Повторяю, я писал очень редко - два раза в год и лишь некоторым товарищам, в честности которых я не сомневался.

13) Почему в таком случае Вы не пользовались официальной связью (как то фельдъегерской или иной), которая, Вам, как члену Наркомнаца, была доступна?

Я пользовался для связи с Татарией почтой (спешной), некоторые письма к т. Фирдевсу также посылал через почту. Причиной же того, что я при сношении со своими т.т. не всегда пользовался почтой, является то, что я, состоя представителем Татарии, привык посылать переписку через попутчиков. Кроме того, спешная почта появилась лишь недавно.

14) Перед отъездом из Башкирии, после III Всебашкирского съезда Советов имели ли Вы разговор с Адигамовым о предстоящей работе по организации работы по связи с окраинами и что Вы порешили?

Никакого разговора по этому вопросу с т. Адигамовым в Башкирии у меня не было. Лишь после X съезда Советов в разговоре с ним я указывал, что в целях выявления перед ЦК нашего взгляда на национальный вопрос следовало бы выявить по этому вопросу мнение отдельных восточных т.т., находящихся на местах, путем установления связи с ними (письменной). Относительно средств, необходимых для этой связи, мы никогда не говорили.

15) Почему письмо в Башкирию Вы писали как от третьего лица, а не как Султан-Галиев?

Насколько мне помнится, письмо мною было написано как будто в первом лице.

16) Почему Вы информировали работников на местах неправильными сведениями, что на Вас и других работников в ЦК готовят гонение?

А) Что я написал в Башкирию по поводу моего отзыва из Коллегии Наркомнаца и сопровождавших его обстоятельств, я в подробностях не помню, мне кажется, я указал лишь на то, что постановлением Оргбюро мне было вынесено решительное осуждение моего выступления в большой коллегии Наркомнаца по вопросу о союзном совете, а также было решено отозвать меня из коллегии Наркомнаца, но после моих разговоров с т. Сталиным и моего заявления в ЦК Оргбюро отменило свое решение.

Б) Что же касается моего письма к т. Фирдевсу, где я указываю, что будто бы тов. Петерс собирается войти с докладом в ЦК об отзыве из Башкирии т. Халикова и других некоторых башработников, то я об этом писал не в категорической форме, а в форме допущения этой возможности (по слухам). Об этом мне было передано одним из башкирских работников тов. Терегуловым, который пришел ко мне и сообщил, что ему стало известно через его связи с ГПУ, что якобы т. Петерс готовится отозвать из Башкирии Халикова, Кушаева и других башработников с националистическим уклоном. Тов. Терегулов просил у меня совета как быть и, в частности, не возьмусь ли я переговорить по этому вопросу с т. Сталиным.

17) Почему Вы сознательно сгущали краски по поводу взаимоотношений русских с мусульманскими т.т. на окраинах, в частности, в Башкирии, в письме к тов. Фирдевсу привели цитату, заключенную "из моего доклада на Башконференции". Цитата, которая не находится ни в стенографическом отчете, ни в отчете, помещенном в газете, противоречащая всему смыслу ваших выступлений?

Никакого желания сгущать краски, а тем более сознательно, в отношении выступления т. Петерса на последней Башконференции я не имел. Я прочел стенографический отчет конференции, где была помещена (№ 2) речь т. Петерса по текущему моменту и где в конце своей речи, говоря о Башкирии, тов. Петерс бросает упреки по адресу башработников в непонимании или детском понимании ими национального вопроса. Цитата эта не является точной цитатой его речи, а приблизительно характеризующей основной тон и смысл его речи, поскольку часть его речи о работе в Башкирии по изложении стенограммы, по моему впечатлению, заключала это. Я лишь при допросе узнал, что, оказывается, эта часть, вообще вся речь тов. Петерса, была передана в стенограмме неправильно и что об этом им было заявлено в органе Башобкома.

18) Был ли у Вас разговор с кем-нибудь или где-нибудь о том, чтобы во время XII съезда партии [созвать] совещание по национальному вопросу в Москве для наметки общего плана действий, на которое, помимо делегатов съезда, намечали ли людей, [чтобы] вызвать целый ряд работников с окраин для участия на этом совещании?

Разговора о необходимости такого совещания (т.е. предварительной подготовки) не было, но я в своем письме к отдельным т.т. писал о том, что для полного и всестороннего выявления точки зрения на национальный вопрос восточных работников желательно было бы их присутствие на съезде с решающим или совещательным голосом, где бы мы в указанных целях устроили отдельное и частное совещание восточных работников.

Когда я писал по этому вопросу т. Фирдевсу в Крым, то, говоря о переоценке ценностей, подразумевал наши отношения к так называемой левой группе татаро-башкирских коммунистов, именующих еще себя группой рабочей оппозиции. Конкретно, например, тов. Фирдевс предлагал устроить маленькое совещание с т. Саид-Галиевым, как лидером группы левых. Предлагал сделать это после съезда, между прочим, и т. Бройдо. Устроить совещание это с тов. Саид-Галиевым не удалось, т.к., во-первых, я хотел после съезда поехать в Крым и там договориться с ним, тем более т. Саид-Галиев на это тоже согласился, а, во-вторых, татарские работники т.т. Мухтаров и Мансуров отказались от этого совещания, вернее, нашли неудобным. Что же касается моего письма об этом башкирским товарищам, то я думал, что после их приезда в Москву через ЦК можно будет достать им совещательные голоса.

19) Состоялись ли совещания по время XII съезда партии, организованные Вами, и кто в них участвовал?

А) Состоялись два совещания в гостинице бывш. "Париж" в комнате т. Нариманова. На первое совещание я был вызван по телефону от имени т. Нариманова. Участвовали там т. Нариманов, Махардзе, я (Султан-Галиев), Мдивани, т. Рыскулов и еще как будто Коркмасов. Присутствовали еще двое товарищей из Грузии, фамилии их я не знаю. Один, кажется, был тов. Гамбаровым. Совещание это носило характер беседы относительно позиции отдельных работников по вопросу об организации Союза Советских республик.

Б) Второе совещание состоялось там же. Присутствовали те же товарищи за исключением Рыскулова. Позднее зашли т.т. Рахимбаев и Мухтаров. Тов. Рахимбаев посидел не больше 20 мин., потом, узнав, что мы зачитываем проект организации союзного ЦК т.т. грузин, ушел. Тов. Коркмасов также явился лишь к концу совещания. Больше никаких совещаний не было.

20) Вы категорически отрицаете, что шифровка, писанная на имя Адигамова, принадлежит Вам?

По получении записки от тов. Сталина о том, что ему вручено одно из моих конспиративных писем, написанных в Башреспублику, я написал от руки [печатными] буквами письмо к т. Адигамову, в котором изложил приблизительно содержание этой записки, с просьбой сообщить, действительно ли письмо, писанное мною ему, передано т. Сталину. Написал я это потому, что боялся, что кто-нибудь из моих политических противников мог наклеветать на меня. Письмо это я послал со случайным попутчиком, фамилии его я не знаю. Указал мне его Тарджиманов, член мусульманского духовного правления, говоря, что в Уфу едет его хороший знакомый. Тарджиманов был у меня в Наркомнаце по делам мусульманского духовенства, и я его случайно спросил, не знает ли он о поездке кого-нибудь в Уфу.

21) В чем разница Вашего письма от шифровки?

Разница заключается в том, что в письме не было указаний, кому его читать, и необходимости установления связи с Заки Валидовым.

22) Какая причина натолкнула Вас на мысль, что Вас хотят арестовать?

Я не думал, что могу быть арестован. Лично я сам боялся возможности ареста татарских коммунистов, исходя из следующих соображений:

1) В 1920 г. после объявления Татарской республики была арестована группа татарских коммунистов (т. Фирдевс, Ганиев, Бикчантаев, А. Енбаев и др.) с обвинением их в покушении на тогдашнего Предсовнаркома тов. Саид-Галиева, что вызвало вслед за этим высылку из пределов Татреспублики группы товарищей, стоявших за образование Татреспублики[97.100]. Товарищи эти не допускались тогда для работы в Татарии.

2) Встретившись случайно в гостинице "Париж" с бывш. работником Восточного отдела ГПУ (ВЧК) т. Вадимом Лукашевым (при бытности которого в Востотделе были проведены, между прочим, указанные аресты) перед XII партсъездом, я в разговоре с ним узнал от него, что нападал он тогда на этих татарских работников якобы по директивам ЦК и т. Сталина, который будто бы указал ему тогда "столкнуть лбами татарских коммунистов". Кроме этого, тов. Вадимом было указано, что он по вечерам работает и в ГПУ. Правда, словам т. Вадима я окончательно не верил, но его заявление о том, что его вернули в ГПУ, напомнило мне об арестах в 1920г. Тем более, что в разговоре со мной он сделал характерное заявление относительно т. Фирдевса и Брундукова (наркомпрос Татарии), что относительно первого из них он дал в ГПУ и в ЦК отзыв, как о "неисправимом националисте" (и что он потому никогда не получит ответственного политического поста), а относительно Брундукова - что он тоже националист, но с карьеристским уклоном, а потому "исправим" или, вернее, терпимый (если ему дать работу, он будет работать). Между прочим, говоря о Брундукове, тов. Вадим указал, что после его назначения на ответственную должность ГПУ будто бы собирается протестовать по поводу этого назначения.

3) Мне через тов. Рыскулова стало известно, что тов. Сталин, беседуя с ним о туркестанских делах, между прочим, предупреждал его, чтобы он был осторожен при привлечении работников, и указал на то, что он некоторых работников Татарии, в частности и меня, подозревает в связи с басмачами и, в частности, с Заки Валидовым.

4) Еще до этого (на партийном съезде и после), когда я подошел было к тов. Сталину с желанием попросить его дать мне высказаться на пленуме съезда по национальному вопросу (я был записан, кажется, 40-м) он резко оборвал меня, заявив, что он не хочет разговаривать со мной. Не ответил он мне и на мой поклон, когда я на другой день съезда встретился с ним в Совнаркоме. Из этого я сделал заключение, что тов. Сталин сердит на меня за мои сношения с "уклонистами".

Из всего этого я сделал вывод, что татарских работников Татреспублики, работавших со мной и солидаризировавших со мной в своих взглядах, могут отозвать из Татреспублики. Я серьезно боялся, что это лишь приведет к расстройству и партийной, и советской работы в Татарии, наладившейся было после долгих и упорных трудов.

Повторяю еще, о своем аресте я не думал. Я беспокоюсь за работу в Татарии, за своих товарищей, которых все время третируют как "националистов".

Ответы на перечисленные вопросы даны мною собственноручно, в чем и расписываюсь.

М. Султан-Галиев.

ЦГА ИП РТ. - Ф. 8237. - Оп. 1. - Д. 5. - Л. 51-57. Ксерокопия.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань, Тат. книж. изд-во, 1992.-С.331-339.

Автобиографический очерк "Кто я?": Письмо членам Центральной контрольной комиссии, копия - И.В. Сталину и Л.Д. Троцкому

23 мая 1923г.

Кто я ?

Член Российской Коммунистической Партии - большевиков... Член коллегии Народного комиссариата по делам национальностей... Член Центрального бюро Татаро-башкирских коммунистических организаций при ЦК РКП... Председатель Федерального комитета по земельному делу... Член комитета содействия сельскому хозяйству и сельскохозяйственной промышленности при ВЦИКе... Член Особой коллегии высшего контроля по спорным земельным делам... Член ЦК Последгол при ВЦИКе.

Да, я был им в тот момент, когда мне заявили, что я должен быть изолирован.

Сейчас я... обыкновенный арестант... "важный государственный преступник"... - таковым я должен предстать, как видно, перед Советским судом. **Своим советским судом**, так как я тоже участвовал в создании **советской власти и ее суда**.

Мне говорят, что сознательно и умышленно сеял недовольство среди членов партии, а через них и среди беспартийных и что объединял этих недовольных для борьбы с партией, с ее высшим органом - Центральным Комитетом, а через них - с Советской властью.

Мне говорят, что я разглашал секретные постановления ЦК, что на советском языке означает "разглашение государственных тайн"...

Мне хотят сказать, что я был центром, вокруг которого организовались все недовольные Советской властью элементы мусульманского Востока.

Кто же я в конце-концов ?..

Коммунист и революционер или же... политический шантажист, авантюрист и провокатор?.. Контрреволюционер?..

Я перебираю сейчас в своей голове все свое прошлое и вижу, что я был революционером, был коммунистом. Я вижу, меня родила сама Стихия, Стихия Рабства, тяжелого угнетения и вековой нищеты... Я был сыном угнетенных, угнетенного народа... Да... я был революционером, но революционером-рабом. Я всегда чувствовал это и всегда был недоволен собой. У меня были мысли, были чувства, были стремления, но не всегда было достаточно воли. Ее было меньше, чем мыслей и чувств. И в этом отклонении я походил на одного из великих древних персидских поэтов, который говорил:

Всю жизнь я стремился к свободе,
Но всю жизнь я чувствовал себя рабом...

И мысли, и чувства, и стремления мои часто оставались поэтому невысказанными и недоговоренными, или я их доказывал и договаривал, но уже тогда, когда от этого не было пользы...

Я чувствовал себя "свободным" лишь во время Октября и в первые годы революции...

Но с того дня, когда мне сказали: **ты раб, и мы тебе не доверяем**, - а это было на третьем году революции Октября, - я опять почувствовал себя рабом. Временами я оживал, **когда мне начинали верить**. Но когда я чувствовал к себе хотя бы малейшее недоверие, я опять впадал в уныние. Последние три года моей жизни были для меня лихорадкой. Я страшно истощился и заболел туберкулезом.

Мне давали советы: если не доверяют - отказаться от работы, отойти в сторону. Но я этого не сделал, так как почему-то верил, что все же в конце-концов мне **поверят**.

Да ведь я и требовать не мог, чтобы мне **все** и **всегда** верили...

Да, я был революционером, так как я был сыном стихии Рабства, Унижения и нищеты.

Я стал рабом, так как мне не поверили.

Но я не могу быть рабом... Я хочу остаться и умереть революционером...

Почему же я оказался в оппозиции?

Чем же объяснить тогда мои письма к отдельным восточным работникам и вообще мое "поведение" в последнее время?..

Очевидно, моим недовольством.

Чем?

Неправильной позицией ЦеКа в национальном вопросе.

В чем же она выражалась?

В недостаточном понимании значения национального и колониального вопроса для революции и произошедшем отсюда недостаточно сильном отпоре идеям великорусского шовинизма.

В чем же это проявилось?

В неправильной постановке работы в национальных республиках и областях: в сохранении за ними в общем колониального положения по отношению в центральной великорусской части Республики со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это первое.

А второе - это переоценка роли и значения западноевропейского пролетариата в деле международной социальной революции в современном его положении и недооценка в этом такой же роли и значения национально-революционного или, вернее, освободительного движения колоний.

Мне казалось, что освободительное движение колоний и полуколоний и революционное движение рабочих метрополий теснейшим образом и неразрывно связаны между собой и что только **гармоничное** сочетание их обеспечит действительный успех международной социальной революции.

В чем же заключалась переоценка роли и значения пролетариата метрополий в деле международной социальной революции?

В неправильном представлении, что для полной победы над мировой буржуазией достаточно сил одного лишь западноевропейского пролетариата - во-первых, и что он уже дозрел до этого - во-вторых.

Почему нельзя было допускать, что для поражения мировой буржуазии достаточно сил и одного западноевропейского пролетариата?

Потому что мировая буржуазия являлась не западноевропейской лишь, а **международной, мировой** величиной и требовала для своего поражения концентрации против нее всех противоречивых ей сил, т.е. сил, возникших не только на основе противоречий массовой эксплуатации (пролетариата), но и на основе эксплуатации национально-классовой (революционной энергетики колоний).

Почему нельзя было думать, что западноевропейский пролетариат "дозрел" для международной социальной революции?

Потому что в системе экономики капиталистических метрополий он занимал положение сотрудника буржуазии в деле эксплуатации колоний; он невольно участвовал в известной доле барышей своей буржуазии. И материальное положение английского или американского рабочего было во много раз лучше положения рабочих колоний. И не только это: он имел возможность пользоваться культурой, которую метрополии создавали за счет эксплуатации колоний.

Это положение западноевропейского пролетариата отразилось и на его классовой идеологии; в этом источник оппортунизма западноевропейской социал-демократии.

Весь ход развития революции в Западной Европе за последние годы с необычайной наглядностью доказал эту истину.

Провал германской революции, провал революции в Венгрии и Италии ясно, кажется, доказали, что нельзя было эти движения просматривать вне их общей зависимости от колониального вопроса и пытаться развивать их "самостоятельно".

Мне, может быть, укажут на Россию, что революция в ней имела успех, несмотря на то, что развивалась "самостоятельно".

Но как раз пример России и подтверждает правильность моего вывода. Успех революции в России именно и объясняется тем, что в ней гармонически сочетались интересы русского пролетариата с одной, и национально-классового освобождения ее колониальных окраин - с другой стороны. И в этом смысле Россия имела все черты большого "опытного поля" мировой революции. И если рабочий Петрограда сделал выстрел, то окраины ответили тем же, одни тогда же (Казань, Уфа, Оренбург, Баку), а другие же потом (Башкирия, Киргизия, Туркестан).

В чем же заключалась недооценка значения освободительного движения колоний? В том, что мы его на деле рассматривали как движение исключительно мелкобуржуазное, ограниченное "задачами" нарождающейся или возрождающейся туземной буржуазии колоний, полуколоний и не придавали ему должного значения. У нас к этому движению было скорее отрицательное, чем положительное отношение.

Между тем интересы международной социальной революции требовали от нас поддержки этого движения. И не только поддержки этого движения, но и **руководства** им. А мы не только не стремились руководить этим, а, напротив, своими неумелыми действиями или отталкивали его, или же заставляли развиваться во враждебном нам направлении (Афганистан).

Мне скажут, что мы уже в 20-ом году (на II Конгрессе Коминтерна) сделали правильный диагноз этого вопроса, приняв известную резолюцию по национальному вопросу.

Да, диагноз был сделан правильный, но выводы были сделаны не совсем удачные.

Мы признавали революционное значение в международном масштабе национально-освободительного движения колоний и полуколоний, но в то же время говорили о необходимости борьбы с панисламизмом, пантюркизмом, паназиатизмом и т.д. Это было все равно, что сказать: классовую борьбу европейского пролетариата надо поддерживать, но надо бороться с коммунизмом. Этой самой второй половиной нашей резолюции мы наполовину убивали значение первой ее части, не говоря уже о чисто декларативной ее нетактичности.

И у нас в действительности в нашей работе на Востоке получилась полная неразбериха. Мы не знаем, с чего подходить и как подходить.

В 20-ом году в Персии начиналась революция, возглавляемая тогда Кучук-Ханом. Да, эта была своеобразная персидская Февральская революция, которая могла привести Персию к народно-демократической республике, а затем к "крестьянским советам".

Как же мы к ней подошли?

Я помню, как мы, делегаты II-го Конгресса [Коминтерна] от Востока, обсуждали этот вопрос в поезде по дороге в Петроград (когда поехали на открытие Конгресса). На нашем собрании присутствовали тогда т.т. **Павлович, Султан-Заде, я, Каменский, т. Ибрагимов, Ф. Махардзе** и еще кто-то.

Т.т. **Султан-Заде** и **Павлович** "с пеной у рта" доказывали, что в Персии, и не только в Персии, но и в других странах Востока настало время **поднять знамя социалистической революции**. Тов. Султан-Заде "с цифрами на руках" и "классовым анализом" доказывал, что стоит нам кликнуть клич социальной революции в Персии, как она мгновенно преобразится в "Персидскую Социалистическую Советскую Республику".

У меня не было этих "цифр на руках", но было революционное чутье и здравый рассудок. К тому же я тогда немножко знал Персию: ее историю, современную экономику и соотношение отдельных классов персидской общественности.

И взял на себя смелость усомниться в слишком большом и розовом оптимизме т.т. Султан-Заде и Павловича и развил ту точку зрения, что единственным жизнеспособным движением при тогдашних условиях Персии будет не социально-классовое, а национально-революционное движение под лозунгом борьбы с иноземным капиталом. Я высказал свое опасение, что выставление (тогда) лозунгов социалистической революции лишь задушит и приведет к гибели начинавшуюся тогда национально-освободительную революцию в Персии.

За это выступление свое меня тов. Павлович окрестил тогда "удивительным оппортунистом", а кое-кто "националистом". Присоединился тогда ко мне лишь один тов. Каменский.

Товарищи потом поехали в Баку и думали оттуда "производить" задушенную ими "социальную революцию"... Но "творить" революцию оказалось труднее, чем говорить или писать статьи и брошюры о ней.

И разве вся революция в Персии не была провалена ?

И разве ошибку свою мы в конце-концов не осознали?.. Потом, когда проиграли...

А вот вам Ангора.

Разве мы не могли в начале этого движения, когда оно только что еще зарождалось, захватить его при известном напряжении сил и энергии в свои руки?

Да, могли, если не целиком, то по крайней мере наполовину.

Почему же этого не произошло?

Потому что мы не обращали на него внимания, не придавали ему значения (тов. Ленин в своем выступлении на VIII съезде Советов назвал кемалистов "турецкими октябристами"*).

А когда поняли его значение, то стали колебаться: на ком остановить свой выбор - на Мустафе Кемале, на Энвере или на "левых" энверистах?

Почему мы не предвосхитили события?

Почему мы вплоть до 19-го года почти абсолютно никакого **серьезного** внимания не обращали на положение турецких коммунистов: на Мустафу Субхи и его группу?

Почему мы не оберегали их от нападков отдельных товарищей (таковые были), не доверяли им и послали их в Турцию (вернее, толкнули) лишь в тот момент, **когда им нельзя было там открыто появляться** (причина трагической кончины т. М. Субхи и его товарищей). А ведь гораздо раньше этого был момент в Турции. **Когда там авторитет Советской России и Советской власти вообще был страшно высок**: ведь не зря же М. Кемаль создал в 20-м году зубатовскую "Коммунистическую" партию.

И сейчас Кемалистическая Турция уже действует с нашими противниками, по крайней мере, "заигрывает" с ними. Почему?.. Потому что мы не имели там своих людей...

Аналогичные же вопросы можно задать и в отношении революционного движения в Индии и Китае.

Почему, например, мы лишь на шестом году революции пришли к сознанию, что в Китае мы должны ориентироваться на Сун Ятсена, или почему мы также долго блуждали в этом вопросе насчет Индии?

Мне казалось, момент (18-19-20 года), когда имелась великолепнейшая почва для поднятия революционного пожара на всем Ближнем и Среднем Востоке.

Ангорское движение в Турции, движение Кучук-Хана в Персии, противоанглийский переворот в Афганистане, национально-освободительное движение народов Северной Африки могли быть той самой базой, опираясь на которую мы могли бы вести организованную борьбу с мировой буржуазией.

Но мы моменты эти не сумели использовать.

Мы были нерешительны или слишком половинчаты в своих действиях...

Сейчас мы уже осознали, кажется, свою ошибку и принимаем меры к ее исправлению.

Возможно, что мы, быть может, и наверстаем утерянное.

Лучше поздно, конечно, чем никогда...

Мне могут сказать:

- Причем же тут наша внутренняя национальная политика?

Да очень просто: неудача нашей "вылазки" на Западе и наших "рекогносцировок" на Востоке заставили русскую революцию "замкнуться

---

* См.: Ленин В.И. ППС.-Т.42.-С.125. - Сост.

в самой себе" и сузить ее задачи рамками восстановления России (как государства, конечно, советского), а это вызвало, особенно в первое время, суровый и судорожный централизм со всеми его отрицательными последствиями для окраин, тем более при условиях НЭПа.

Но тут имелась еще другая сторона - это, как мне казалось, не совсем твердая линия ЦеКа в борьбе с так называемым "ликвидаторским" течением в национальном вопросе.

А что такое течение имелось в нашей партии, это не подлежит сомнению.

В этом отношении у нас в партии существовали и продолжают еще существовать два типа работников:

а) не признающих значения национального вопроса, его важности, а потому скептически или в лучшем случае безразлично относящихся к работе партии в этой области, а иногда тормозящих эту работу (это особенно сильно у русских товарищей, т.к. они никогда не испытывали на себе, **что значит национальный гнет**, а потому не задавались этим вопросом; сильно оно в центре). И

б) зараженных предрассудком великодержавности, а иногда и чисто великорусским шовинизмом. Эта группа работников обыкновенно всегда борется с национальными государственными образованиями, стараясь не допускать им образоваться, и борется за власть в этих национальных образованиях в случае их возникновения, сопротивляясь на каждом шагу росту влияния в них туземных работников ("душат националы").

Велась ли борьба с этими работниками? Временами велась, но постоянной систематической и упорной борьбы не было, Напротив, даже иногда они поощрялись.

Почти вся история развития национальных республик и областей - живой этому свидетель.

Почему почти все русские работники Казани были против создания Татарской, а вначале - Татаро-Башкирской республики, и почему этих работников можно было оставить в Казани после образования Татреспублики, а татарских работников, высказывавшихся за Татреспублику, снять оттуда, да еще как. Не просто снять, а налепить предварительно на спину большой бубновый туз "национализма".

Почему это после II съезда коммунистов народов Востока нужно было начать преследования восточных коммунистов: меня, Фирдевса, С.М. Эффендиева, Рыскулова, Х.Юмагулова и целую группу казанских товарищей с обвинением нас в национализме и в противовес этим товарищам выделить группу так называемых "левых" или "интернационалистов" и искусственно их выращивать?

В чем состояло наше «преступление» на II съезде комнарвостока?

Единственно в том, что мы открыто и откровенно высказали некоторые свои соображения о работе на Востоке и, в частности, по татаро-башкирскому вопросу.

По восточному вопросу мы сказали, что на Востоке (при этом мы имеем в виду зарубежный Восток, т.е. Турцию, Персию, Афганистан, Индию, Китай и т.д.) нужно поддерживать национально-освободительное движение, **поскольку оно не противоречит классовой борьбе международного пролетариата**, ведя одновременно с этим и работу по организации трудящихся восточных стран через соответствующие организации коммунистов. И это

было сказано в декабре 19-го года, т.е. ровно на 7-8 месяцев раньше II Конгресса Коминтерна, когда эта же мысль была высказана, только в более подробной и пространной форме, Владимиром Ильичом.

По татаро-башкирскому вопросу мы сказали, что должна быть создана **одна** республика - Татаро-Башкирская, с правом областного самоуправления для башкирской ее части.

Из чего мы исходили?

Во-первых, из классово-экономического принципа: "привязать" скотоводческо-земледельческую Башкирию к промышленно-земледельческой Татарии, т.е. к территории, где имеется пролетариат.

Во-вторых, из единства культур и языка башкир: нам казалось, что стремление башкир к обособленному существованию от татар является в значительной степени искусственным стремлением, "племенным самоопределением".

В-третьих, из сознания необходимости: вредности для революции и для мирного труда татар и башкир того национального антагонизма, который развивался между ними на почве, **как нам казалось**, отдельного их существования, т.е. искусственного отделения их друг от друга.

Да, мы были неправы тогда в одном: в нашем требовании слить Башкирию с Татарией тогда же. Логика вещей требовала тогда образования не Татаро-Башкирской, а Татарской Республики.

В этом отношении позиция тов. Сталина, безусловно, была целиком правильна. На этой же точке зрения стояла тогда почти целиком и казанская организация татарских коммунистов. (Партконференция татар в Казани вынесла постановление создать Татарскую республику[166]).

Почему же мы тогда не встали на эту позицию?

Потому что, во-первых, нам нужно было продемонстрировать наше согласие на "племенное самоопределение", а во-вторых, мы боялись, что если мы согласимся на Татарскую республику, то между этими двумя республиками образуется "буфер" в лице частей Уфимской губернии (фактически так оно и случилось), что лишь осложнит в будущем вопрос.

Но если мы ошиблись в этом вопросе, то мы его осознали и подчинились в этом отношении ЦеКа; из казанских татарских работников все были готовы встать на работу и встали, а я взял на себя работу по представительству Татарской Республики в Москве.

Почему же надо было открыть поход против этих товарищей?..

Какая польза была от этого? - Никакой...

Я не буду сейчас говорить о себе, т.к. я никогда не был националистом и не буду им.

Но к чему этим пятном надо было загрязнить т. **Измаила Фирдевса**? Какое преступление он имел за собой?..

То ли, что во время наших столкновений в Крыму с татарскими националистами в конце 1917-го и в начале 1918 года он был **единственным местным** туземным коммунистом, принимавшим самое активное и деятельное участие в борьбе против них (он тогда занимал должность секретаря Областкома партии и члена Революционного комитета) совместно с тов. **Миллером** и другими тогдашними крымскими работниками.

То ли, что он после занятия Крыма белыми, не жалея ни сил, ни жизни, до **наживания туберкулеза** работал в Центральном мусульманском комис-

сариате и в других революционных организациях мусульман внутренней России (в Москве, Астрахани и в Казани).

То ли, что всякий раз, как только освобождался Крым, он летел туда для работы.

Я знал лишь два его "преступления".

Одно то, что он страшно брезгливо относился к крымским татарским националистам - "Милли-Фирковцам" и всегда входил из-за них в конфликты с т. Гавеном за его мягкое отношение к ним; а другое то, что на II съезде коммунистов народов Востока выступил с отводом двух товарищей, кандидатуры которых были выставлены в члены Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока: т. Саид-Галиева и т. Вадима Лукашева, причем, отводя последнего товарища, он имел "неосторожность" выразиться, что этот товарищ имеет единственную ценность - это то, что он является "бесплатным приложением к съезду".

И мне вполне понятно, почему и т. Саид-Галиев, и т. Вадим Лукашев характеризовали в ГПУ т. Фирдевса как "неисправимого" националиста. А вот когда я однажды спросил тов. Бела Куна, когда он вернулся из Крыма после Врангеля, какое впечатление оставил в нем тов. Фирдевс, то он искренне ответил мне: "О, это великолепный работник... и он, знаете ли, по-моему, работник не только Крымского, но и всероссийского масштаба... и даже больше - международного масштаба", - добавил он потом.

Дали ли мы тогда отпор этому?

Нет. Мы отозвали из Башкирии Х. Юмагулова и З. Валидова (он тогда уже был коммунистом).

Правильно ли было это?.. Нет, неправильно...

У них были шероховатости в работе, но их можно было исправить другим путем. Это была ошибка.

Но еще большей ошибкой было направление туда для работы т.т. Шамигулова и Мансырова. Оно было сигналом для русских колонизаторских элементов к "расправе" с взбунтовавшимся "башкирьем", тем более после расстрелов тов. Мансыровым в Баймаке 11-ти человек башкирских коммунистов. Мы этим лишь обострили тогда положение.

Центральному Комитету нашей партии известно, какие ненормальные формы приняла тогда "борьба с национализмом" в Башкирии. Это был ничем не оправданный террор над беззащитным башкирским населением с вырезыванием ушей, с выкалыванием глаз и т.д.

И башкиры восстали. И восстание это было вполне естественно: оно было актом самозащиты против разгулявшегося под прикрывательством "левого коммунизма" обыкновенного русского шовинизма. Быть может, я бы и не думал бы так, если бы я не знал башкир и Башкирию, а также того несчастного башкирского коммуниста Мурзабулатова, который возглавил потом "Повстанческую башкирскую армию" с ее реввоенсоветом и политотделами.

И разве ЦеКа после X-го съезда партии не осознал эту ошибку? Разве т. Сталин не сделал такую же оценку "левизны" в "национальном вопросе" тов. Преображенского (как раз тов. Преображенский и проводил тогда башкирскую операцию)?

И разве сам лидер левого течения в национальном вопросе тов. Бухарин не признал в конце-концов глупости этой левизны? Конечно, это очень "благородно", когда человек сознается в своих ошибках. Но от этого нис-

колько не легче нам, несчастным башкирам, которые на своей шкуре испытали тогда последствия, и очень даже «реальные» последствия этой "глупости", а многие башкирские работники оказались в "националистах"...

Но тов. Бухарин одно, а "бухаринцы" на местах - другое. И если тов. Бухарин "глупил", то эти последние обыкновенно "переглупали"...

После Х-го съезда была сделана попытка исправить башкирскую.....

Арестованные башработники были освобождены. Участвовавшие в башкирском восстании работники, в том числе Мурзабулатов, были амнистированы. Власть на месте была передана в руки башкир.

Но что это вызвало?

Такое же сопротивление со стороны русских товарищей.

Башкирия голодала. У башкир не было ни фунта зерна. Необходимо было отбирать излишки у русских и татар: у них все же был хлеб.

Они сопротивлялись, особенно русские. И, конечно, им было выгодно не признавать "башкирской" власти.

В чем же проявилось сопротивление русских товарищей?

В подготовке столкновения с башкирами под видом "раскрытия" "башкирского заговора" (столкновение т.т. Муртазина и Каширина).

Позднее - в организации через органы ГПУ (т.т. Гузаковым, Мосоловым и Опотиным) своеобразных "восстаний" против башкирской власти ("восстание" Абзалилова и т.д.).

Была использована в этом и партийная чистка, когда почти все башкирские работники оказались вычищенными из партии.

Русские товарищи, организовавшие эти "восстания", были отозваны ЦеКа.

Большая часть исключенных башкирских работников была возвращена в партию.

Башкирским работникам было выставлено требование: выпустить воззвание к населению Башреспублики с призывом к беспощадной расправе с валидовцами.

Башработники сделали это. Но не так, как этого требовал ЦеКа. Воззвание было составлено чересчур мягко. И часть башработников (Муртазин, Баишев) также была отозвана. Я не знаю, почему башработники не выпустили того воззвания, которое требовал от них ЦеКа, но думаю, что, очевидно, они руководствовались боязнью, что это опять может привести к столкновению русских с башкирами: русское население считало валидовцами не только всех рядовых башкир, но и всех сидевших у власти башкирских коммунистов.

Знаменательна была поездка в Башкирию тов. Пестуна, уполномоченного ЦеКа. Это был человек новый в Башкирии. Какое же впечатление он вынес из башкирских дел?

Только одно, что на башкирских работников нападают зря.

Что русские товарищи в Башкирии отражают психологию русского переселенческого кулачества.

Тов. Пестун был отозван.

Поехал, кажется, т. Жеханов или Жихарев.

Этот товарищ также вынес подобное же впечатление.

---

* Обрыв текста. - Сост.

И он также был отозван.

Остался один лишь тов. Волленберг, начальник Башотдела ГПУ, который в склоке между башкирскими и русскими товарищами склонен был более благосклонно отнестись к башкирским товарищам, чем к русским, считая позицию последних не совсем правильной. Он также был снят.

Была организована Большая Башкирия. Уфимская губерния была включена в Башкирию. Но исправилось ли положение?

Ничуть. Даже ухудшилось.

Почему?

Очень просто: потому что уфимские товарищи (русские коммунисты), несмотря на всю их честность и преданность революции, оказались абсолютно непригодными для разрешения национального вопроса.

Почему эти товарищи, если это не так, не смогли правильно разрешить национальный вопрос в Уфимской губернии до ее перехода в состав Башреспублики? Ведь несмотря на то, что в составе этой губернии имелось 55-60% татаро-башкир и она обладала всеми данными для выделения из себя татаро-башкирских работников, ни в составе губкома, ни в составе губисполкома Уфимской губернии не было почти ни одного татаро-башкирца и почти в таком же состоянии находились все ее уезды.

Почему эта губерния во все первые годы революции была в состоянии выделить из себя сотни татаро-башкирских работников, и почему она потеряла эту способность при т.т. Нимвицком, Зубареве и остальных уфимских "ответственных" работниках?.. Ведь постановка и партийной, и советской работы среди татаро-башкирского населения губернии в моменты ее перехода в Башкирию была хуже всякой критики.

Отчего же это произошло?

Оттого, что эти товарищи не понимали значения национального вопроса - во-первых, и были не способны проводить нашу национальную политику - во-вторых. Они понимали одну лишь ее сторону - это необходимость борьбы с "национализмом"...татаро-башкир.

Могли ли эти товарищи внести освежающую струю в жизнь Башкирии в смысле правильного разрешения тех запутанных и ненормальных отношений, какие установились в Башкирии между русскими и башкирскими работниками?

Конечно, нет.

Они лишь еще больше запутали их.

В результате мы видим известное обращение башкирских работников в ЦеКа перед III съездом Советов Башкирии. Они жаловались на неправильную работу русских товарищей.

Распутал ли представитель ЦеКа (тов. Смидович) этот узел?

Нет, лишь запутал.

При открытии съезда, приветствуя съезд, он обрушился с обвинением башкирских работников в национализме (говорят, будто бы он исправил потом стенограмму своей речи).

Тов. Смидович и не мог распутать этого "узла", т.к. он был неспособен на это. Неспособность эту он проявил потом в комиссии ВЦИКа по поправкам к Земельному кодексу, где он встал на совершенно неправильную позицию, единогласно отвергнутую потом Политбюро ЦеКа.

Т. Петерс, ездивший от ЦеКа проводить последнюю партконференцию Башкирии, указывает, что сейчас там как будто нет уже недовольства сре-

ди башкирских работников, что там идет процесс привлечения башкир и к партийным, и к советским аппаратам. Я бы хотел, конечно, чтобы тов. Петерс не ошибся.

Но откуда же тогда последнее обращение башкирских работников в ЦеКа, где они говорят о том, что башкирская организация нездорова и т.д. Почему же тогда тов. Халиков, предсовнаркома Башкирии, пишет мне о том, что башкирские работники, в том числе сам он, остались недовольными результатами конференции?

Как же все это, вместе взятое, отразилось на положении башкир?

Ведь весь вопрос в этом.

Очень и очень плачевно.

Занятая внутренними склоками, Башкирия запоздала с получением продовольственной помощи во время голода: русские товарищи старались доказать центру, что Башкирия обойдется и своими силами. И в результате: во время голода погибло 30% башкир...

Но это не все. Нынче голодают еще 4-5 кантонов.

Когда я был в Башкирии, ко мне приезжали из деревни мужики и рассказывали:

- Школ нет. Страшно развилось пьянство... Башкиры продают все, что только имеют, покупают у русских самогон и пьют запоем... В деревнях развивается сифилис... Лечить некому...

А чем заняты русские товарищи?

"Округлением границ Башкирии":

Надо Аргаяшский кантон передать Оренбургу или Челябинску, "округлить" и некоторые северные районы.

И какой-то тов. Старков (кажется, заместитель предгубисполкома Екатеринбургской губернии) пишет другому товарищу: "Башкирские работники уперлись, как хорошие племенные быки, и не хотят уступать... Наши ребята (Зубарев, Соколов... (перечисляются еще двое русских товарищей) стояли за передачу"...

Дальше тов. Старков пишет, что данные, на которых они обосновали свои претензии на части территории Башкирии, "сейчас уже, пожалуй, «устарели» и не годятся, и что самое лучшее - обосновывать свое требование "на будто бы" экономическом тяготении их к нам" и предлагает товарищу, которому он пишет, заготовить соответствующий доклад в центр и написать письмо "товарищу Ломову".

Ясно, кажется, комментарии тут излишни.

(Письмо т. Старкова в копии было доставлено мне башкирскими работниками, я посоветовался с т. Бройдо, как мне быть с ним, я хотел передать его в ЦКК, но т. Бройдо находил, что пока не следует его передавать, т.к. ожидалось поступление новых "дел" об "округлении" границ Башкирии. Когда же я узнал о поездке в Башкирию т. Петерса, то написал брату своему, чтобы башкирские товарищи подлинник этого письма передали ему. Не знаю, передано ли оно тов. Петерсу или нет).

Неправильным я считал и удаление т. Рыскулова и его группы из Туркестана. Я считал, что у него были ошибки, были "увлечения", но их можно было исправить другим путем. В основном он подходил правильно к разрешению Туркестанской проблемы: он рассматривал его как плацдарм нашего "наступления" на Восток. А без предоставления Туркестану элементарнейших основ государственности (Туркестанская коммунистическая

партия, Туркестанская туземная Красная армия, самостоятельный государственный бюджет и т.д.) превращать его в таковой нельзя было. Мне будут, кончено, возражать и указывать, что это привело к "пантюркизму", к образованию Турана с тяготением и присоединением к нему остальных прилегающих тюркских территорий: Киргизии, Кашгарии, Хивы, Бухары, тюркских частей Афганистана и Персии. Но что же тут страшного с точки зрения интересов международной социальной революции? **Это страшно для русского национализма, это страшно для западноевропейского капитализма. А для революции это не страшно**, т.к. оно являлось одним из радикальных средств пробуждения к жизни колониального Востока, по крайней мере, той его части, где наиболее прочно свил себе гнездо английский империализм. Ведь нужно же было втянуть в орбиту международной социальной революции страны Востока. Да... Но как? Одними только обещаниями? Пустыми побрякушками? Нет..., а чем-то реальным, действительным.

...**Советское** самоопределение Туркестана, превращение его в более или менее самостоятельное советское **государство** с самым **широким** привлечением к этому трудящихся туркестанского туземного населения являлось в наших глазах одним из реальных и действительнейших средств нашего укрепления на Востоке и, следовательно, вовлечения его в орбиту начатой нами международной социальной революции.

Рыскулова мы сняли. Поставили там "левых" товарищей. Начали, с одной стороны, "борьбу с колонизаторством" (т. Сафаров об этом больше кричал, чем боролся), а с другой - классовое расслоение туземцев, которое фактически превратилось в "классовое расслоение" туземных коммунистов, лишь задержав действительный, начавшийся при т. **Рыскулове** процесс классового расслоения Туркестана.

В результате мы привели в полное расстройство хозяйственную жизнь Туркестана, вычеркнув его тем самым на целый ряд лет из участия в общей хозяйственной жизни нашей республики как одну из ценных хозяйственных величин (хлопок), а с другой стороны, получили бесмачество на нашей советской территории и сочувствие к нему отдельных стран Востока (а ведь могла быть обратная картина: мы могли видеть бесмачество на **чужой территории** - в Афганском Туркестане, в прилегающих к нам частях Персии, в северных провинциях Индии, направленное против наших врагов).

А во внутренней жизни Туркестана создался сумбур, в котором первое время не могла разобраться ни одна голова. Т. Томский оказался "русским шовинистом", т. Петерс "колонизатором". "Левые" оказались "правыми", "правые" - "левыми", "националисты" оказались "русскими колонизаторами", "интернационалисты" - "националистами".

Конечно, в каждом хаосе можно найти организующее начало. Нашел его ЦеКа и в "Туркестанском хаосе". Туда обратно направлен т. Рыскулов.

Я не буду говорить о наших ошибках на Северном Кавказе, в Закавказье, в Крыму и в отдельных национальных областях, так как это отняло бы очень много времени (да притом было бы странным требовать, чтобы у нас совсем не было бы этих ошибок, - мы учимся на них), не буду я говорить также о том "настроении", которое царило после НЭПа в центре и на местах; как неправильное и извращенное отражение **государственного** капитализма ("капитализм есть мать империализма", "государственный ка-

питализм рождает и государственный империализм" - так XII-й партийный съезд точно и полно их [ошибки - Сост.] выявил, констатировавший усиление великорусского шовинизма и тенденции великогосударственности), но скажу лишь одно; усиление идей великодержавности, а отсюда - "ликвидаторских" течений в национальном вопросе я объяснял себе как результат недостаточной твердости линии ЦК в национальном вопросе в последнее время; мне казалось, что занятые "непосредственными" вопросами управления члены ЦК пропускали несколько "мимо" этот вопрос.

- Значит, Вы были в оппозиции к ЦК, а в лице его ко всей нашей партии, а потому создали организацию, ведущую борьбу с ней? - спросят меня товарищи.

- Нет..., - отвечу я им.

Быть недовольным отдельными действиями ЦК или даже общим направлением его линии в тот или иной момент, в тот или иной период и в том или ином вопросе - это не значит еще быть к нему в оппозиции и организовать борьбу с ним.

Мне скажут:

- У вас была своя организация: вы группировали вокруг себя недовольных ЦеКа восточных работников, получали от них информацию и информировали их.

Никакой такой "организации" у меня не было. Была группа товарищей, связанных со мной общей работой во время революции и разделявших мои взгляды на национальный и колониальный вопросы. Но мы никогда не считали себя отдельной от Коммунистической партии организацией и не ставили себе задач "борьбы с партией". Если мы и "боролись" за что-нибудь, то единственно за укрепление авторитета **Советской власти и нашей партии** в самых широких слоях восточных народностей и с так называемым ультра-левым течением в национальном вопросе, поскольку это течение лишь отталкивало и отдаляло от Советской власти и Коммунистической партии широкие слои населения отсталых национальностей. Мы думали, что это наш коммунистический долг и революционная обязанность, поскольку постановления VIII-го и X-го съездов партии говорили о необходимости самого осторожного и вдумчивого отношения к интересам этих национальностей и всем своим смыслом и содержанием отвергали целесообразность "кавалерийских набегов и скачков" в национальном вопросе.

И если мы сняли, допустим, в Татарской республике т. Саид-Галиева и заменили его тов. Мухтаровым и другими товарищами, то это было сделано всей партийной организацией Татреспублики в лице ее большинства, т.к. организация находила его работу в Татарии неправильной, склочной, отталкивающей от Советской власти татар. И весь ход развития партийной и советской работы Татреспублики показал, что организация Татарской республики мыслила тогда правильно: там нет сейчас "национальной" склоки, и между русскими и татарскими работниками существуют самые тесные товарищеские отношения, т.к. есть доверие друг к другу - это самое главное в работе.

Да, были в Татаро-Башкирской организации нашей партии группы, которые нападали на нас, существуют они и сейчас. Но они возникли на почве неправильного понимания ими национального вопроса или на основе личных отношений ко мне и к другим, работавшим вместе со мной това-

рищам. Там нападали на меня в одно время (еще в 1918 году) казанские товарищи: Х.Юмагулов, Исмаил Рахматуллин, И.Галиев, Х.Гайнуллин, К.Каспранский, Исхак Рахматуллин и еще кое-кто.

За что?

За то, что я был "вахитовцем" и стоял за Татаро-Башкирскую республику.

За то, что я не позволил им тогда нападать слишком рьяно на татаро-башкирских левых эсеров: последние были с нами и я не хотел, чтобы они были оттолкнуты в стан контрреволюции.

Еще за то, что они... были в оппозиции к Муллануру Вахитову за то, что тот не одобрил их поведения при сборе "контрибуций" с татарской "буржуазии" (товарищи хотели прикарманить часть этой контрибуции себе), а в этом вопросе я был солидарен с М. Вахитовым.

Но что же стало с этими товарищами?

Тов. **Юмагулов** признал впоследствии правильной мою позицию в национальном вопросе.

Тов. **Исмаил Рахматуллин** оказался обыкновенным уголовным преступником (использовал свое положение в Казанском Губчека для личной наживы: брал взятки, приобрел дома, за что был приговорен к 20-ти годам заключения)[167].

Исх. Рахматуллин, Дулат-Али и К.Каспранский оказались **правее** меня в национальном вопросе: они покинули Башкирию и убежали с башкирскими комиссарами в 1920 году[98], причем **И.Рахматуллин** вернулся лишь через несколько месяцев, **Дулат-Али** был расстрелян, а **К.Каспранский**, говорят, скрывается где-то в Турции. И. Галиев оказался подпавшим под влияние (разлагающее) **Исм. Рахматуллина** (Уфимская история)[168].

В чем же они меня "обвиняли"?

В "национализме"... Надо же было в чем-нибудь "обвинять".

По преемственности эта роль перешла от них к т. Ялымову - заместителю председателя Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока 1-го состава, которого указанная выше группа товарищей выставила в качестве своего "лидера".

Этот товарищ также "обвинял" меня в "националистическом уклоне" и строил свою карьеру на отрицании национального вопроса и "ликвидаторстве". Мы формировали мусульманские части для борьбы с чехословаками и Колчаком, а этот идиот (извините за выражение) поднимал вопрос и добивался ликвидации Центральной мусульманской военной коллегии. Мы говорили, что для успешности борьбы с контрреволюцией на Восточном фронте необходимо создать особую вспомогательную организацию - Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией среди мусульман и создали было ее, но Ялымов ее ликвидировал. Мы говорили о расширении деятельности Мусульманского (Татаро-Башкирского) комиссариата, а Ялымов добивался ее сокращения. Мы говорили о необходимости выделения турецких коммунистов в отдельную организацию для усиления работы среди турецких эмигрантов и военнопленных и для подготовки работы в Турции, но он действовал наоборот: т. М. Субхи, глава турецких коммунистов, не находил покоя от его постоянных преследований. Я, М. Субхи и тов. Фирдевс - это было "националистическое трио", какими нас рисовал Ялымов в ЦеКа перед т.Новгородцевой, а затем перед т. Стасовой.

Ему действительно удалось настроить против меня тов. Стасову. Когда я осенью 1919 г. вернулся с Восточного фронта и вошел к тов. Стасовой с докладом по поводу восстания в Татарском запасном батальоне в Казани (это восстание явилось последствием непростительно пренебрежительного отношения к этому батальону со стороны русских товарищей, которым было вверено снабжение этой части всем необходимым)[61], то она, вместо того, чтобы выслушать меня, разъяренно напала на меня и требовала у меня объяснений, почему я формирую национальные части.

И вместо благодарности за свою неутомимую и преданную работу на колчаковском фронте я от тов. Стасовой (а ведь она была секретарем ЦеКа партии) получил безжалостно сказанного "националиста".

Но если т. Ялымов гнушался мной, турецким коммунистом М. Субхи и И. Фирдевсом, то он не гнушался проводить дни и ночи и строить какие-то планы "работы на Востоке" в обществе "бывшей германской миссии в Афганистане" Баракатуллы, Р. Ибрагимова, Абдур Рабба и других.

Какая же судьба постигла его в конце-концов?

Во время партийной чистки в Туркестане он оказался в числе вычищенных, за что - я не знаю. Но т. Петерс, я думаю, должен это знать.

Удалился Ялымов, появились другие. После него меня и моих товарищей стали травить бывшие левые эсеры. Оружием своей травли они вначале использовали т. Саид-Галиева (они толкали его в 1920г. к арестам татарских коммунистов - Фирдевса, А. Енбаева и др.[100]), когда же он ушел из Татреспублики, - т. Ш. Ибрагимова. В настоящее время группируются опять вокруг Саид-Галиева.

Почему же они нападают на меня? Ведь я же защищал их раньше от нападков слишком "рьяных" наших товарищей. (А защищал я их тогда потому, что не хотел, чтобы они ушли от нас в подполье вместе с русскими левыми эсерами: в наших интересах было оторвать их от общей левоэсеровской партии и ее остатков, по этому вопросу соглашался со мною и т.Сталин).

А потому, что я воспротивился передать инициативу в развитии революционного движения на Востоке их бывшим лидерам, когда они захотели это сделать. Попытка такая была еще в середине лета 1919 г., т.е. на другой же день их перехода в партию. Они в Сызрани* организовали конференцию татаро-башкирских коммунистических организаций (их вчерашних левых эсеров), где избрали свой организационный комитет под названием **Центрального бюро татаро-башкирских коммунистических организаций Восточного фронта[57], включив туда исключительно бывших левых эсеров татаро-башкирской организации** и даже одного товарища (Баимбетова), **который в то время и не состоял еще членом РКП.** В это **МУСБЮРО** были включены: С.Атнагулов, Баимбетов, Альмухаметов, С. Улемаев и еще несколько человек.

Конечно, я был против утверждения такого Бюро и сразу же высказался за его ликвидацию, тем более оно никем из "старых" татарских коммунистов не организовывалось**

Это первое.

---

* В тексте ошибочно указана Самара. - Сост.

** См. С.186 настоящего издания.

Во-вторых, эти товарищи требовали от меня, чтобы я был тверд до конца в татаро-башкирском вопросе, запугивая меня тем, что покинут меня, если я соглашусь на образование Татарской республики и работу в ней. Они хотели, чтобы я был принципиальным татаро-башкиристом. Но я отказался от этой принципиальности и подчинился постановлению ЦеКа по этому вопросу и дал такой же совет и остальным казанским товарищам.

С тех пор они считают меня оппортунистом в татаро-башкирском вопросе и занимаются травлей меня и работающих со мной товарищей, и в том числе т.т. Фирдевса и Брундукова (на Брундукова они нападают еще и потому, что во время конфликта, возникшего в 1918г. между тат.-башк. левыми эсерами и т. Эльциным в Уфе, они предлагали Брундукову выступить во главе татарского полка против большевиков, тот был беспартийным, сочувствовал большевикам и отказался от этого и сообщил обо всем т. Эльцину).

Но тут есть еще и третья причина. Это то, что в составе бывшей татаро-башкирской лево-эсеровской организации имеются товарищи, примкнувшие к ним лишь потом, во время Октября и борьбы нашей с татарской буржуазией состоявшие в рядах активных националистов. Это Салах Атнагулов (состоял членом комиссии Харби шуро и военно-мусульманского съезда по организации Идель-Уральского штата, активный участник "Забулачной республики", вначале считался федералистом, потом анархистом, а потом левым эсером, во время чехословацкой авантюры скрывался в Башкирии и был направлен оттуда к Советской власти Заки Валидовым для переговоров о переходе башкир на сторону Советской власти, но, перешедши сюда, побоялся явиться куда следует и месяца два прожил у себя в деревне. Когда же все обнаружилось, то заявил, что он в Башкирии был на подпольной работе, и, конечно, левые эсеры подтвердили это, но есть товарищи, как тов. Шамигулов, который утверждал, что будто бы он работал у З. Валидова и даже принимал участие в расстреле известного татарского коммуниста Нуриманова. В настоящее время левый коммунист, Фатых Сайфи тоже состоял членом комиссии Харби шуро по организации Идель-Уральского штата, вначале был правым эсером, во время Самарской учредилки работал в Казани, был и в Самаре и, кажется, работал там в татарской газете мусульманской фракции учредиловцев; до революции был секретарем клерикально-черносотенского органа "Маглюмат", издававшегося известным агентом царской охранки муфтием Баязитовым; сейчас "левый коммунист", состоит одним из лидеров татарской рабочей оппозиции в Казани, организуя агитацию против правительствующей группы татарских коммунистов.

Ис. Рамеев, [Н.] Еникеев и [Ш.] Худайбирдин (первые из них были лидерами фракции правых на мусульманском военном съезде, а третий был одним из рядовых наших противников). Ис. Рамеев, кажется, и сейчас еще не вошел в Коммунистическую партию, несмотря на это, уфимские товарищи из бывших левых эсеров в прошлом году поручили ему редактирование юмористического журнала "Бабич", где он открыто высмеивал татарских коммунистов, называя их по фамилиям, и других.

Меня спросят, какую же цель преследуют бывшие левые эсеры своим преследованием меня и моих товарищей.

Очень простую: захват власти на территории Башкирии и Татарии в свои руки методами внутрипартийной борьбы. Пользуясь наличием лево-

го течения в партии в национальном вопросе, они поддерживают его и его сторонников (т.т. Саид-Галиев, отчасти Ш. Ибрагимов), чтобы тем самым углублять раскол между старыми кадрами татарских коммунистов и подготовлять почву для того, чтобы иметь своих сторонников среди русских товарищей. Они по тактическим соображениям до последнего времени (начиная с момента объявления Татарской республики) работают как левые коммунисты в национальном вопросе, перекрашиваясь в цвет татарской рабочей оппозиции (когда в бытность свою в Казани я спросил их лидера Галимджана Ибрагимова, почему они ведут эту игру в левизну, он мне ответил, что они вообще привыкли быть в левом крыле). В партии они существуют как отдельная организация, но тщательно это скрывают. Имеют "своих людей" в Уфе, в Казани, Москве, Крыму и Сибири. Интеллектуально стоят выше старых татарских коммунистов.

В Уфе им удалось уже провести двух товарищей в Башобком (Г. Касымов и М. Юсупов). В Татарии они пока находятся в оппозиции, в Москве концентрированы в Коммунистическом университете трудящихся Востока и ведут борьбу с т. Бройдо за захват университета в свои руки. В Москве главным их представителем является т. Атнагулов. Через него они устанавливают связь с Крымом. Роль подвижного агитатора выполняет у них т. Баимбетов, курсируя между Москвой, Казанью, Ташкентом, Бухарой и Крымом. Имеют своего человека и в Коминтерне (т. Альмухамедов). В Казани у них работают Галимджан Ибрагимов, Фатых Сайфи (оба перешли в партию лишь в конце 1920 г.), Ш. Ахмадиев, З. Баимбетова, Г. Худояров, А. Алмаев и другие. В Уфе они поддерживают борьбу против башкирских коммунистов.

И, конечно, в глазах всех этих товарищей я являюсь сейчас националистом. Они травят нас и кричат по всем закоулкам о существовании среди татарских коммунистов националистической группы.

Но разве не было в Российской Коммунистической партии различных групп, начиная с группы рабочей оппозиции т. Шляпникова кончая группой демократического централизма т. Осинского, которые так же кричали о существовании олигархической группы партии в лице ЦеКа или его основного ядра?

Являлся ли я националистом хоть когда-нибудь? Нет и нет.

Если бы я был националистом, я бы не ставил интересы революции выше интересов национальных. А в истории развития революции среди татаро-башкир были моменты, когда я мог ставить национальный интерес выше интересов революции, если бы я был националистом. Какие же это моменты?

Во-первых, момент наивысшего напряжения националистического движения татар в дни военного съезда мусульман в Казани, когда татарская нация поставила вопрос о создании татарского национального государства. Я решительно отверг тогда национальные домогания татар, т.к. интересы революции требовали этого. И когда нужно было, с оружием в руках выступил против своей нации. Если я потом стал защищать идею Татаро-Башкирской республики, то я защищал ее условно: как советскую и социалистическую. Здесь нужно сказать, что с национальным вопросом в революции я столкнулся после Октября на практике жизни. В Октябрьской революции я лично участвовал не как национальная, а как социальная, как классовая величина, причем до столкновения с этим вопросом вплотную я

считал себя унитаристом и был скорее сторонником культурно-национальной, чем территориальной, автономии. Но жизнь доказала мне обратное.

Во-вторых, момент, когда революция поставила перед нами вопрос о прорыве идей Татаро-Башкирской республики и создании отдельной Башкирской республики. Если бы я был националистом, то как татарин я бы был татарским националистом и был бы против этого прорыва единого национального фронта и старался бы не допускать выделения отдельной Башкирии.

В-третьих, момент объявления Татарской республики. В этом вопросе я признал свою ошибку и согласился с мнением ЦеКа об образовании не Татаро-Башкирской, а Татарской республики. Я ставил тогда вопрос о включении в Татарию и оставшихся частей Уфимской губернии. Но и в этом вопросе я подчинился решению ЦеКа и с момента образования Татарии прекратил всякую агитацию за увеличение или уменьшение ее территории. Но это не все. Когда началась Польская война, я сделал предложение о направлении на Польский фронт формировавшейся в Белебее Второй отдельной татарской бригады. Если бы я был националистом, то не сделал бы этого. Предложение это я сделал на торжественном собрании Московского Совета, когда была объявлена Польская война (т.т. Каменев и Троцкий должны это помнить).

В-четвертых, момент нашего столкновения с башкирами после отзыва из Башкирии Х.Юмагулова и З.Валидова, когда башкирское население на высшей степени бестактное действие наших левых товарищей ответило поголовным восстанием. Да, я считаю это восстание явлением вполне естественным и нормальным, поскольку оно возникло как отражение извращения нашей национальной политики (ведь считали же мы естественными и нормальными крестьянские восстания как результат нашей неправильной налоговой политики), но я принял все, что я в силах был принять, чтобы возможно скорее ликвидировать это восстание. Мне тогда не доверяли в ЦеКа и не пустили на съезд народов Востока в Баку, меня подозревали тогда в связи с Заки Валидовым и убегавшими башкирскими комиссарами), и это было абсолютно неправильно, но об этом в конце); все это для меня было страшно тяжело, и временами даже задумывался над самоубийством. И тем не менее, когда я увидел, что восстание Мурзабулатова растет и ширится, грозя превратиться в среднеазиатское движение и в очаг новой контрреволюции (а при неудачах на Польском фронте оно было бы гибельно для нас), я позвал к себе проезжавшего в это время через Москву т. Муртазина и дал ему совет поехать в Башкирию и ликвидировать это восстание:

- Иди, скажи башкирам, чтобы прекратили восстание, т.к. оно будет для них их несчастьем, и прими все меры к тому, чтобы подружить их вновь с Советской властью.

И Муртазин, этот бесхитростный и честный степняк, он понял меня, и мое искреннее и доброе слово подействовало на него больше тех пушек и снарядов, какие были выставлены против восставших, и он выполнил данное им тогда мне обещание, повел агитацию среди башкир, организовал партизанский отряд, борясь и против Мурзабулатова, и против безобразничавших отрядов наших экспедиций, и привел тогда башкир вновь к миру и дружбе с Советской властью.

А ведь об этом я до сего времени никому ничего не говорил, а хранил его где-то, как бедняк на черный день случайно найденную золотую копейку.

Мне могут сказать: а чем же объяснить, что я в национальном вопросе стоял за автономное образование и отстаивал его?

Я скажу: очень просто - потому что в данной стадии развития человечества, когда оно состоит не только из классов, но и национальностей, притом самых разнообразных в социально-экономическом и культурно-бытовом отношении, тот путь разрешения национального вопроса, который я проводил в жизнь и за который боролся, когда встречал на своем пути препятствия, - единственно правильный путь разрешения национального вопроса. Кроме того, та линия в практическом разрешении национального вопроса в его принципиальной части, которую я проводил, была целиком линией ЦК партии. Если же в отдельные моменты (во время X-го съезда Советов и XII съезда партии) я хотел идти дальше того, до чего мы дошли, то это объяснялось моим стремлением дать вполне законченную формулу разрешения национального вопроса в России в данный исторический момент, а эту формулу я мыслил как завершение нашего строительства на национальном фронте юридическим оформлением фактически существующей русской Российской Республики, независимо от того, сохранит свое существование РСФСР или вольется отдельными самостоятельными своими частями в единственный Союз советских республик. Но из этого вовсе не вытекало, что если партия и его высший орган ЦК не согласятся с этой точкой зрения, то я непременно должен был создать какую-то организацию для борьбы за осуществление своей идеи.

Мой национализм могут усмотреть в том, что создавал почему-то "татарские и татаро-башкирские национальные красноармейские части". Да, я их создавал, но через меня их создавала революция, Советская власть, партия, иначе нельзя было, потому что в эпоху ожесточеннейшей гражданской войны в условиях борьбы с татарской и вообще мусульманской буржуазией это было единственно реальным и могучим средством организованного вовлечения татарских и вообще мусульманских трудящихся масс в борьбу за революцию. И разве это не оправдалось? Чем иначе объяснить, что почти половина Восточного фронта состояла из татаро-башкир? А разве на XII съезде партии мы не признали их необходимость и целесообразность?

Наконец, мне могут указать, что я в своих выступлениях среди мусульман бил почти всегда на их национальные чувства.

Да, я это делал, но не всегда. А если делал, то потому, что во время революции у угнетенных раньше национальностей вообще оказались сильно натянутыми именно национальные струны. А как же я бил по этим струнам? Особыми ударами, которые извлекали нужные нам, революции, звуки. Я говорил о национальном освобождении, но я никогда не бил на их шовинистические и национальные чувства. Вопросы же национального освобождения являлись наиболее понятными, близкими и интересующими вопросами и для них. И я **начинал** с этого... Но чем же я кончал? Кончал же я всегда тем, что полное и действительное национальное освобождение мыслимо лишь в условиях **советской власти** и диктатуры пролетариата...

Где же тут был национализм?

Прежде чем перейти к объяснению истории происхождения своих последних писем, я хочу дать ответ на несколько вопросов, которые мне задавались отдельными товарищами в ЦКК.

1. Почему я получал информации с мест и информировал места?

Должен сказать, что в постоянной переписке я находился лишь с казанскими товарищами и с т. Фирдевсом в Крыму. С этими товарищами, как я уже указал, я был связан общностью нашей работы во время революции и общностью судьбы, когда на нас нападали как на националистов. С тов. Фирдевсом меня связывало еще то, что наша судьба как-то странно совпадала; и я, и он, совершенно не зная друг друга, действовали во время Октября как сговорившиеся люди. Мы оба первыми из татар участвовали в Октябрьском перевороте: я в Казани, он в Крыму. Дальше, с момента столкновения Советской власти с татарской буржуазией, оба мы оказались возглавлявшими борьбу с националистами: я возглавлял борьбу с "шуристами", а он с "курултаевцами". В отдельные моменты революции (перед VIII, X съездами партии и перед осенней партконференцией 1920 г., после нашего напряжения под Варшавой) мы производили предварительный диагноз, как разрешат руководители революции отдельные острые вопросы революции (кто этого не делал?) и всегда оказывалось, что наш диагноз правилен, что мы мыслим правильно. Помню, как мы разговаривали с ним после Варшавской катастрофы. И на мой вопрос о том, где же выход, т. Фирдевс, не долго думая, ответил: "По-моему, единственный - это заключить, хотя бы позорный мир с Польшей, направить удар на Врангеля, добить его и заняться основательной передышкой, сосредоточив внимание на внутреннем фронте. И точь-в-точь почти буквально то же самое повторил в своей речи Владимир Ильич тогда на партийной конференции, и оба мы, однако, оказались вне доверия. И если я ему писал об усилении басмаческого движения в Туркестане или о ненормальном положении вещей еще где-нибудь, то я этим просто хотел лишний раз подчеркнуть перед этим товарищем правильность наших взглядов по национальному вопросу (я их уже изложил).

Переписываться с башкирскими работниками я стал лишь после X-го съезда Советов, послал два или три письма, причем только одно из них было информационным. Что же касается информации с мест, которые я получал или мог получить, то это было вполне естественно при том положении, какое я занимал в своей работе в центре: какой же я был бы член Коллегии Наркомиссариата по делам национальностей, если бы я не получал информации с мест: я никому не запрещал обращаться ко мне со своими просьбами и нуждами, и всякий, кто знал меня, обращался с ними. И не только не запрещал, но даже просил иногда товарищей, чтобы они писали, правильно ли у них разрешается на месте национальный вопрос.

2) Устраивал ли я во время моего пребывания в Уфе на III съезде Советов (перед X-м Всероссийским съездом Советов) отдельную фракцию башкир и фракцию беспартийных?

Никаких фракций - ни партийных, ни беспартийных и ни тех и ни других вместе - я не устраивал. Я устроил с ними два совещания: одно для выяснения, чего хотят в действительности башкирские работники от русских товарищей, а другое для выяснения, кого они хотят выставлять в предсов-

наркома и в предЦИК. Но это совещание было устроено по просьбе самих башкирских работников. Участвуя в этих совещаниях, я думал лишь об одном: полнее и яснее представить себе действительную картину положения вещей в Башкирии и по выяснении ее постараться найти общий язык между башкирскими и русскими товарищами. А что этого общего языка не было, свидетельствовало, во-первых, обращение башработников перед этим съездом в ЦК, а, во-вторых, то ненормальное настроение, которое царило на съезде к моему туда приезду (я опоздал дня на три на съезд). Эта ненормальность особенно бросалась в глаза после Казани, где я перед этим лишь присутствовал на всетатарском съезде Советов и был свидетелем живой и дружной работы татарских и русских товарищей. Ненормальность эта заключалась в том, что башкирские работники не доверяли русским, а русские работники - башкирам. Каждая сторона считала противоположную националистами и шовинистами. Так что к моему приезду фракционность между башкирами и русскими уже была.

Выступление т. Смидовича с обвинением башкир в национализме (об этом говорили буквально все башкирские работники) лишь обострило, по-моему, это положение, так что не считаться с этим положением мне, как представителю Наркомнаца, было уже нельзя. На совещании с башкирскими работниками я установил следующее: что башкирские работники, во-первых, недовольны тем, что самые важные для башкир наркоматы, как Наркомзем, Наркомюст и Наркомвнудел, находятся в руках русских товарищей; во-вторых, слабостью работы Халикова и Кушаева. Общий тон их жалобы был тот, что русские товарищи игнорируют привлечение башкир в советские аппараты.

Когда же я их спросил, кого же они хотят видеть в качестве предсовнаркома и предбашЦИКа, то они ответили, что желали бы, чтобы центр прислал в Башкирию меня самого и т. Муртазина (т. Халиков и т. Кушаев были тут же). Я наотрез от этого отказался и указал, что самое большее, на что я могу настаивать перед русскими товарищами, это то, чтобы Халиков и Кушаев остались на своих местах (а русские товарищи как будто тоже были не прочь заменить их "левыми"), и чтобы автономные наркоматы были переданы в руки башкирских товарищей. После этого я просил т. Нимвицкого и т. Халикова, чтобы они пригласили меня на заседание бюро областкома, где я хотел попытаться договориться с русскими товарищами по этим двум вопросам.

Но на бюро обкома почему-то меня не пригласили, и я должен был выступить со своим предложением о передаче автономных Наркоматов в руки башкирских товарищей лишь на пленуме обкома, где оно, конечно, не прошло; на заседании пленума кто-то предложил в предсовнаркома мою кандидатуру и кандидатуру т. Муртазина (в предбашЦИКА), но я отказался выставить свою кандидатуру, заявив, что нахожусь в распоряжении ЦК, отвел кандидатуру и т. Муртазин (он присутствовал), как отозванного ЦК из Башкирии. Уехал я из Башкирии с определенным впечатлением, что атмосфера там создалась нездоровая (в этом я винил главным образом русских товарищей), что для оздоровления атмосферы необходимо заменить часть русских товарищей новыми и свежими людьми, понимающими нашу национальную политику, а также послать в Башкирию несколько выявившихся уже восточных работников, сняв их из других восточных республик. Во время X-го съезда я условился было с т. Сталиным, что я

представлю об этом письменный доклад в ЦК. Но доклада своего я не представил, т.к. после неудачного своего выступления во фракции X съезда, чувствуя недоверчивое отношение к себе со стороны ЦК, счел это бесполезным.

Что же касается фракции беспартийных, то таковой я не устраивал. Подходили ко мне во время съезда почти все башкирские работники, делились своими впечатлениями, спрашивали советов. Были среди них и беспартийные. Кончено, я их не гнал, принимал, разговаривал, и ничего тут, по-моему, не было преступного: это был мой долг. А чего же отгораживаться от беспартийных какой-то китайской стеной, а тем более, если я этих беспартийных знал по своей прошлой работе в Башкирии. По моему мнению, на моем месте и в условиях Башкирии всякий рассудительный товарищ поступил бы совершенно так же.

Распространял ли я секретные решения ЦеКа?

Нет...

Я написал на места знавшим меня товарищам лишь об одном секретном решении ЦеКа: это заседание пленума ЦеКа, когда там рассматривался национальный вопрос.

Написал я еще т. Фирдевсу (только ему одному) о грузинском вопросе, но и это не в категорической форме, а с указанием, как слухи:...."говорят, будто бы т. Ленин оставил записку"*

Я останавливаюсь на первом письме.

Почему я написал об этом заседании ЦеКа.

Потому что я хотел предупредить восточных работников о совершившемся резком переломе в ЦеКа в национальном вопросе в смысле изменения отношения ЦеКа к вопросу об участии националов в союзном Совете (2-ая палата), во-первых, и в смысле углубления и расширения его постановки, во-вторых.

Почему же это необходимо было? Во-первых, потому, что почти все туземные ответственные работники национальных республик и некоторых автономных областей подписали во время X-го съезда Советов известное заявление ЦеКа о необходимости включения в Союз не только независимых республик, но и автономных республик и областей, и после слишком резкого выступления т. Сталина против выступавших по этому вопросу восточных работников разъехались по местам в очень угнетенном настроении.

Во-вторых, потому, что в связи с развитием великодержавных тенденций в центре (стремление к полной централизации работы в автономиях во всех отраслях государственной жизни) и великорусского шовинизма (особенно в Башкирии), на местах у восточных работников существовало очень подавленное настроение.

Надо было рассеять это настроение и возможно скорее.

И я это сделал. Я написал об этом в Башкирию (т.т. Халикову, Кушаеву и Адигамову), в Татарию (предсовнаркома т. Мухтарову), в Туркестан (т. Рыскулову), в Крым. В Башкирию написал длинно, всем остальным коротко. Основной тон письма был тон, что весь пленум ЦеКа встал на точку зрения т.т. Сталина и Троцкого, а именно, что национальный вопрос имеет колоссальное значение для революции и что к нему нужно относить-

* См: С. 432-434 настоящего издания.

ся серьезно. В письмах я указывал, чтобы товарищи старались попасть на XII партсъезд, чтобы здесь посовещаться между собой для всестороннего выявления в национальной секции съезда наших взглядов на национальный вопрос. Некоторым товарищам, как, например, т. Фирдевсу и т. Адигамову, я писал о том, что вообще желательно их прибытие в Москву, т.к. я думал, что через т. Сталина им удастся получить совещательный голос на национальную секцию. Между прочим, во всех письмах я писал о том, что решение ЦеКа об этом секретное и чтобы они его не разглашали.

Меня спросят о том, почему, когда т. Сталин спросил меня о том, писал ли я в Башкирию о заседании пленума ЦеКа, я не ответил всего. Потому что, во-первых, мне было тяжело сознаться в разглашении мною секретного решения Цека, а, во-вторых, я боялся, что т. Сталину могли передать не то письмо, которое написано мной, а его переделки.

Тем более т. Сталин обещался прислать мне это письмо, и я думал дать ему исчерпывающий ответ. Но письма он мне этого не прислал.

Из слов т. Петерса я выяснил, что мое письмо т. Адигамову снято в копии на память. Кто его снимал - я не знаю. Но должен признаться, что там очень много всяких нелепостей, чего я не мог писать. Это ругать членов ЦеКа за то, что они боятся, что т. Ленин пойдет еще дальше. О существовании в Москве какой-то организации, которая работает хорошо, призыв к тому, чтобы готовились к решительному бою и т.п. Почему все это было сделано - я не знаю.

Я перехожу к последнему вопросу.

Мною ли написано перехваченное по дороге шифрованное письмо.

Да, мною.

Мною ли написано предложение к т. Адигамову установить связь с Заки Валидовым?

Да, мною.

Почему?

Потому что я хотел войти в сношение с Заки Валидовым и сказать ему, чтобы он вернулся к Советской власти. Почему же я это сделал через Адигамова?

Потому что думал, что, может быть, он связан с ним. Это было мое предположение. Я ждал ответа, который должен был выяснить, имеет он эту связь или нет. Ответа я не получил, т.к. письмо мое оказалось перехваченным.

Из чего же я исходил, думая, что мне удастся уговорить З. Валидова перейти на сторону Советской власти?

Из того, что я надеялся доказать ему, что басмаческое движение есть гибель мусульманского Востока, что оно **при всех условиях** приведет к тяжелой и непоправимой катастрофе всю **среднюю** Азию, а также Киргизию, Татарию и Башкирию.

Я надеялся доказать, что если даже допустить возможность наибольшего успеха басмаческого движения (и то как интервенционистского), с отделением от Советской России всех восточных ее окраин, то и тогда оно в конце концов привело бы к неизбежной катастрофе, т.к. результатом этого явилось бы восторжествование в России самой черной реакции, а эта последняя неизбежно вызвала бы за антисемитизмом рано или поздно страшнейшую и невиданную в истории резню и истребление татаро-башкир, киргиз и тех же туркестанцев, так как русские реакционеры счи-

тают одной из причин своего поражения в борьбе с Советами "предательство" татаро-башкир и других народностей России.

Кроме того, мне было известно о колебаниях З. Валидова и о том, что им подавалось заявление в Среднеазиатское Бюро ЦК о переходе на сторону Советской власти[169].

Из чего я исходил в своем предположении, что, может быть, Адигамов имеет связь с З. Валидовым? Я знал, что связи с З. Валидовым у башкирских коммунистов нет. Неоднократно я пробовал - и очень осторожно - выяснить, нет ли у них этой связи. В бытность свою в Башкирии в 1921г. я спрашивал некоторых из них в случайном разговоре, почему они не возбуждают перед центром вопрос о возвращении в Башкирию З. Валидова, и все они отвечали, что в этом они нисколько не нуждаются, т.к. считают действия З. Валидова неправильными и, как бы угадывая мои мысли, говорили: "Уж и Вы не считаете ли нас все еще связанными с Валидовым?". То же самое делал т. Адигамов. Адигамов лично оценивал уход З. Валидова к басмачам как непростительную ошибку, а басмачество рассматривал как самую пагубную для Туркестана вещь. Но я думал, что **при желании** любой из башкирских работников может установить связь с З. Валидовым, т.к. З. Валидова знает почти каждый рядовой башкирин. Меня могут спросить, а почему же я обратился к Адигамову, а не к кому-нибудь другому. А потому, что из всех башкирских коммунистов я считал его наиболее искренним, выдержанным и твердым и больше знал его, чем всех остальных. Но я перейду к существу вопроса. Какие же **психологические мотивы** вызвали во мне желание установить связь с Валидовым в этот именно момент?

Эти мотивы были очень сложны.

Записка т. Сталина о том, что судя по моему письму к башработникам у меня "имеется организация валидовского типа", ставящая целью борьбу с партией, и его вопрос о том, что он еще не совсем уверен в том, чтобы я мог так низко опуститься, страшно сильно удручило меня и заставило меня глубоко задуматься над вопросом: "кто же такой З. Валидов и какое отношение я имею к нему". Я перебрал в своей голове все факты и пришел к следующему выводу: З. Валидов - один из тех "самородков", которые создаются лишь веками, человек без цельного воспитания и законченного образования, он все же сумел во время революции встать во главе национально-освободительного движения целой народности. Он не был коммунистом, но постановка национального вопроса у него в основном его направлении совпадала с нашей, и не случайность, что З. Валидов голосовался в одном списке с коммунистами в Учредительное собрание: в Уфимском "Башкирском списке" З. Валидов и его сторонники фигурировали рядом с татаро-башкирскими коммунистами с Ш.А.Манатовым, А.Шамигуловым, Нуримановым и др. Список этот боролся с двумя "мусульманскими списками" националистов (Г. Терегулов, З. Кадыри, Ибн. Ахтямов и пр.) и эсеров (Галимджан Ибрагимов, Баимбетов и др.).

Переход на нашу сторону со стороны чехословаков у него был безусловно честный и искренний. Переход его в Коммунистическую партию также был искренен. Если у него были некоторые шероховатости в марксистском миропонимании и в работе, то их можно было исправить. И я уверен, что если бы мы не оттолкнули его от себя, это был бы один из честнейших работников Коммунистической партии на Востоке. К руководи-

телям нашей революции у него было глубокое уважение. Когда у него спросили после первого приема его т. Сталиным и т. Троцким, какое у него впечатление они оставили, он искренне ответил: "Я увидел, что это действительно великие и честные люди".

Но почему же мы его оттолкнули?

Я перебирал факты и увидел, что главной причиной этого было то, что, увлеченный идеей Татаро-Башкирской республики, я закрыл глаза и относился пассивно, а на II съезде коммунистов народов Востока активно поддержал ту агитацию, которую повели против З. Валидова бывшие левые эсеры (С.Атнагулов, Г.Баимбетов, Гал. Ибрагимов, другие), т.е. идеологи Татаро-Башкирской республики, думая устранить этим одного из главных противников Татаро-Башкирской республики. Агитация эта началась с того момента, как выяснилось, что З.Валидов решительно против Татаро-Башкирской республики (как потом мне удалось выяснить, Галимджан Ибрагимов делал попытки сговориться с Валидовым еще в первое время его перехода к нам, но безуспешно), и когда среди группы татарских коммунистов возникла идея создания Татарской республики, татаро-башкиристам пришлось работать на два фронта: против "башкиристов" и против "татаристов". Вернейшим средством агитации явилось, конечно, обвинение с той и с другой стороны в национализме, а З. Валидова - в контрреволюционных намерениях. Организация татаро-башкиристов была очень сильна, и им действительно удалось различными способами создать благоприятное настроение вокруг этого вопроса. Помогли нам в этом потом и левые, а в Башкирии вдобавок к этому еще русское кулачество, сопротивлявшееся закреплению "башкирья" (башкиры были у них на положении батраков). Поддерживая эту (конечно, искусственно созданную) агитацию, я думал сломить сопротивление З. Валидова и заставить его согласиться на Татаро-Башкирскую республику, совсем не думая о его снятии из Башкирии. Но я ошибся в своих расчетах. Он оказался упрям, как черт.

Да, я потом увидел свою ошибку, особенно когда мне стали ясны задачи татаро-башкиристов. **Но было уже поздно.** И когда З. Валидов был уже отозван из Башкирии, я был лишен возможности заступиться за него и высказать перед т. Сталиным свои соображения об ошибочности этого отзыва. К тому же, как было видно, и т. Сталин уже присоединился тогда к мысли т. Преображенского о замене З. Валидова и Х. Юмагулова А. Шамигуловым.

Но это не все. Мне было известно, что, покидая Москву (он тогда уехал на кумыс в Астраханскую губ. и не говорил о своем намерении скрыться), он уезжал в твердой уверенности, что т. Сталин все равно поймет свою ошибку и вызовет его обратно для работы в Башкирии. Знал я это потому, что, когда в Башкирии был совершен переворот, З. Валидов приходил ко мне перед своим отъездом и спрашивал совета, как ему быть. Он боялся преследования. Я не имел тогда возможности дать ему защиту, и мой ответ был краток: "Как хочешь".

Мне кажется, моей нравственной обязанностью было сообщить об этом т. Сталину (я видел, что З. Валидов действительно искренно верил в него), но я не мог этого сделать, так как т. Сталин завязал со мной разговор на эту тему (после возвращения своего из Баку зимой 1920г.), то я замолчал об этом, боясь, что если я это скажу, то меня сочтут находящимся в связи с

3. Валидовым, а меня в этом подозревали и некоторые товарищи, даже травили. А был я с ним в связи? Нет.

Если бы я был в связи, то не было бы этого шифрованного письма, написанного мной сегодня, где я предлагаю Адигамову установить с ним связь.

Если бы я был в связи с ним, то я бы стоял за его точку зрения о созыве съезда коммунистов народов Востока в Баку в 1920 г. перед II конгрессом Коминтерна. А я этого не сделал.

Напротив, стоял за то, чтобы созвать не съезд, а совещание, и не в Баку, а в Москве, и об этом в свое время говорил с тов. Радеком и предупреждал Исполком Коминтерна (но почему-то секретарю Цебюро т. Ш. Ибрагимову нужно было "потерять" потом секретное мое отношение об этом на имя Исполкома Коминтерна и когда мне в ВЧК нужно было доказать мою непричастность ко всему этому).

Из всего этого повторяю, я сделал тот вывод, что если З. Валидов находится сейчас в стане наших противников, то в этом есть и значительная вина с моей стороны.

Мог ли я мириться при таких условиях с его нахождением там?

Понятно, нет.

И не только потому, что я считал себя одним из "случайных" виновников того, что он оказался выброшенным из нашей среды, но и потому, что его нахождение среди басмачей самым скверным образом отражается на работе отдельных восточных республик, особенно Башкирии, рождая естественное сомнение у русских товарищей по отношению к туземным коммунистам: «А нет ли у них связи или сочувствия к движению З. Валидова?» и вызывая взаимное недоверие и непонимание друг друга со всеми отрицательными последствиями их для нормальной работы на местах.

Тут было и желание ослабить и, если можно, окончательно ликвидировать басмаческое движение. Я опасался, что оно может превратиться в орудие новой интервенции со стороны западноевропейской буржуазии (английской или японской).

Я думал в случае выражения З. Валидовым согласия перейти на сторону Советской власти и желания искренно раскаяться в своей ошибке пойти к тов. Сталину и выпросить у него прощение этому заблудившемуся не по своей вине человеку.

Вот те психологические мотивы, которые заставили меня в одну из моих бессонных ночей встать с постели и написать дрожащей рукой... "установить связь с З. Валидовым"..."только осторожно".

Меня спросят, почему же я сразу не рассказал всего этого в ЦКК. Потому что, во-первых, меня застали врасплох, а во-вторых, как мне тогда показалось, к этому вопросу товарищи в ЦКК отнеслись слишком скоропалительно, и я опасался, что если я сразу выскажу, то мне все равно не поверят. И я хотел немного оттянуть вопрос. Кстати, и шифровка была написана... не моей рукой, а рукой моего братишки, которого я попросил "переписать мне эту бумагу". Он, конечно, ничего не знал, не знал содержания бумаги, но так **перестарался**, что действительно некоторые буквы точь-в-точь как мои, но цифры не мои. Двойку, четверку и семерку я никогда так не пишу. Так что эксперты ваши, дорогой т. Петерс, никуда не годятся, ни в Уфе, ни в Москве. **Надо их сменить**...а то ведь я мог упереться, и тогда было бы трудно доказать, что она написана моей рукой... Но я не

хотел этого сделать, т.к. потом уже увидел, что **когда я говорю искренне**, товарищи не верят. И я решил быть искренним во всем.

Еще маленький вопрос. Меня спрашивали, почему я допускал возможность преследования татарских коммунистов и почему по этому вопросу я пошел не к т. Сталину, а к т. Троцкому.

По первому вопросу я уже дал свое показание. По второму же вопросу могу сказать лишь то, что я думал, что т. Сталин меня не примет, так как видел, что он на меня сердит, а к т. Троцкому я пошел потому, что не мог же я пойти куда-нибудь в Турецкое или Афганское посольство.

Я сказал все. Я не скрыл ничего, даже в своей личной жизни. Не скрыл и своих мыслей о моем отношении к отдельным вопросам революции. Я старался предстать перед судом таким, каков я есть на самом деле.

Дело Центральной Контрольной Комиссии решить мою дальнейшую судьбу. **Я готов принять на себя какое угодно решение ЦКК**. Я думаю, оно будет справедливым.

Но я бы просил лишь об одном: принять при решении обо мне все обстоятельства моей жизни, отразившиеся на ненормальном ее развитии, а также мою революционную работу во время царизма и после Октября. Прошу также принять во внимание, что многие из тех товарищей, которые могли бы подтвердить мою работу во время революции и до нее, уже давно умерли (т.т. Шейнкман и М.Вахитов расстреляны, т. Якубов убит при восстании, т.т. Кадрачев и С. Кайбишев застрелились). Знают меня, но за гораздо поздний период, т. Малютин Д.П., работники НКНаца, Татреспублики и т. Сталин.

Я прошу оставить меня в партии, дать мне трехмесячный отпуск для поправления своего здоровья и разрешить мне потом заняться литературной работой. Я хочу вернуться к прежней своей работе и думаю, буду полезен революции и в этой области...

Когда же партия призовет меня вновь к боевой работе, я по первому зову стану туда, куда мне прикажут.

А главное я прошу к себе доверия.

Когда нет доверия, нельзя работать. Когда имел доверие к себе, я работал хорошо.

М. Султан-Галиев.
19/V-1923г.

Поскриптум. Оказывается, я забыл об одном. Это - почему я передал письмо через Тарджиманова. Передал я его через него потому, что больше некому было его передать. Зашел он в Наркомнац по своим издательским делам, и я случайно узнал от него, что едет какой-то товарищ, как утверждал т. Тарджиманов, человек честный. Я и решил послать письмо через него. Тем более, что оно было зашифровано.

М. Султан-Галиев.

Прошу еще об одном: сказать товарищам в Башкирии, чтобы...*

---

* Пропуск в тексте. - Сост.

Кто же я?

Я хочу, чтобы я был выслушан.

До революции

Детство.

Родился я в Башкирии в башкирской деревне Шипаево (по-русски, кажется, называется Белембеевой, Стерлитамакского кантона, в 1892г. 13-го июля от родителей: **Айнильхаят** (дочь прогоревшего татарского мурзы) и отца **Хайдар-Галия** - народного учителя. Отца моего в одной деревне не держали, а переводили из одного места в другое. Перекочевал он за свою жизнь в качестве народного учителя (русского языка) следующие места: башкирскую деревню Яушево, башкирскую деревню Шипаево (в Стерлитамакском уезде), Благовещенский завод (Уфимский уезд), татарскую деревню Терсюк или Кызылбаево (Кадымский уезд Пермской губ.), татарскую деревню Нижнее (Уставо-Багорябской волости Шадринского уезда, ныне в Башкирии), башкирское селение Ново-Муслюмово (Златоустовского уезда) под...* родное село моего отца Кармаскалы. Мне было 11 лет, когда мы вернулись на родину (дер. Кармаскалы, ныне в Башкирии, т.е. Стерлитамакского кантона).

Постоянные переходы с одного конца Башкирии на другой то по жел. дороге (Уфа, Златоуст, Челябинск), то на лошадях (большей частью с переменой впечатлений и самых разнообразных) создали во мне большую впечатлительность и наблюдательность. Жили мои родители очень бедно. Там имели кучу детей (двенадцать человек детей, из них двое умерли в детстве, одна - когда стала взрослой) и так как скудного, учительского жалования не хватало, то отец мой занимался еще столярством, делал шкафы, парты, стулья, а летом занимался в небольших размерах хлебопашеством.

Материальное положение отца немного улучшилось, когда он вернулся в родную деревню: увеличил постепенно площадь посевов (до 4-5 десятин). Родители мои не брезговали никакой физической работой. Отец косил, жал, боронил, вязал снопы, рубил дрова, ухаживал за скотом, зимой учил ребят. Мать вела всю домашнюю работу: ухаживала за детьми, варила, мыла полы, шила. Была безграмотна, немного лишь "бороздила" по-татарски.

Отец мой, в общем - тоже был человек добрый и отзывчивый, но в семейной жизни был немного деспотом. Особенно в первые годы нашего возвращения в родную деревню, когда мы очень бедствовали (жили лишь ржаным хлебом и чаем). Это время охватывает период моей жизни от 11-ти до 16-ти лет, важнейший период формирования детской души.

---

* Пропуск в тексте.- Сост.

Он постоянно ругал мать, был очень требователен к ней. Особенно жестоко обращался он со мной. Часто бил меня и заставлял заниматься непосильным трудом: поднимать бревна до упадка сил, рубить или колоть дрова и грести снег. Однажды весной, очищая двор от снега, я изнемог (мне было всего лишь 12 лет). Я захворал воспалением легких и чуть-чуть не умер. 11-ти - 12-ти лет я часто задавался мыслью - убежать из дому. Почему,не знаю, но мне почему-то хотелось бежать в РИГУ.

Но все же я люблю сейчас отца. Он приучил меня к труду и относился с уважением к человеческой личности. Он любил бедных и всегда помогал им. Учил этому и меня.

«Работай, трудись,» - говорил он мне всегда, и я полюбил труд. Ездил в лес еще мальчиком за дровами, ездил в деревню за водой, возил снопы, молол хлеб, ходил за коровой и лошадью, боронил и т.д. Одного я в нем не любил: это его упрямство. Он был упрям и не любил, чтобы сопротивлялись его распоряжениям. Не любил и того, чтобы "рассуждали", а я чувствовал, что я должен рассуждать...

Из ранних детских впечатлений в моей памяти осталось впечатление о "волке" и путевые впечатления при поездках по Башкирии. "Волк" - это сын одного бедняка татарина в деревне Терсюк. Они были очень бедны. Матери у них не было. "Волк" приходил во двор к нашим хозяевам (мы снимали у них отдельную маленькую избу) и просил всегда хлеб. Его всегда гнали и били, говоря, что он вор. "Волк" был мальчиком лет 12-13-ти, оборванный,босой и без тюбетейки. Мальчики всегда нападали на него и били. Я жалел его, у него была сестра моложе его, лет 5-6-ти. Грязная, оборванная, косматая, она ела своих вшей. Дети всегда издевались над нею. Ее я тоже жалел. Раз летом я пошел с девочкой к ним. Отец у нее строил дом - избенку аршина в 3-4 длины и ширины и с окошком в квадратную четверть. Отец "волка" и девочка кончали стены. Стал помогать им и я. Работали мы вчетвером. "Волк" и его сестренка, да и сам старик страшно радовались, что у них будет "дом". Я тоже радовался. Остался у них на целый день до вечера. Мне хотелось есть, но у них, конечно, ничего не было. Все же старик откуда-то достал краюху хлеба и разделил поровну между нами. Как он был вкусен!

Когда я пришел домой, сестры мои ругали меня, зачем я ходил к ним. «Завшивеешь ведь», - говорили они.

Из впечатлений от поездок у меня сохранился следующий характерный случай. Мы проездом остановились в одной горной башкирской деревушке. Деревушка была маленькая, всего из нескольких дворов и очень бедная. Состояла из одних маленьких юрт из дикого камыша. Когда я вышел, пока взрослые отдыхали на стоянке, из двора, ко мне подошли башкирские ребятишки, полуголые, и стали дразнить меня, говоря: "татар... татар... карга атар" (т.е. татарин, татарин, стрелец ворон). Я вздумал вступить в драку, но не успел даже схватить находящегося поблизости "противника", как они все отскочили в сторону, схватили камни и открыли по мне "бомбардировку". Мне было лет 10 , а самому старшему башкиренку не больше 7-ми лет, тем не менее они заставили меня заплакать и убежать. Они так метали камнями, что я в одну только голову получил несколько раз.

Остались еще в памяти три татарки-старухи: Хуммейти, Картчиби-аби, Азас-аби. Они часто приходили к моей маме поговорить, поболтать. Вязали чулки и рассказывали про то, как им плохо живется. Одна из них была вдова и рассказывала о том, как "урусы" (русские) убили ее мужа. Хуммейта-аби лечила наш дом: когда кто-нибудь из детей захворывал, она наговаривала на них и давала пить воду, которой она смывала ручки двери (от злых духов и дурного глаза). Осталось в детской памяти еще то, как в деревне Терсюк каждую...* по всей деревне производились обыски. Эта деревня славилась конокрадством и разбоями на «большой дороге». И не раз мне приходилось подслушивать разговоры мужиков о том, кто, где, и при каких обстоятельствах совершал набеги в лесу или на большой дороге, кто убил, что ограбил и как это происходило.

При обысках во главе ходил стражник, за ним - сотский, десятники и вся уличная толпа.

И все-таки воров не находили.

Учиться я стал с 6-ти лет, был довольно способным. Окончил начальную школу с "похвальным листом". Отдать меня в гимназию или реальное училище не могли, так какие были средства, на казенный счет не принимали. А потому с 11-ти до 15-ти лет я учился в деревенском мэктебе - "пополняя" свое мусульманское образование. Мои пять цветущих лет пропали даром. В мэктебе я ничему новому не научился, да и не мог научиться, это была полуконфессиональная школа со смешанным методом обучения. Проходил я там Коран со всеми толкованиями, проходил арабскую грамматику, написанную на **персидском языке** и т.п. ерунду.

В первый же год учения я был морально искалечен еще и тем, что мой учитель, желая исправить меня от шалостей, публично наказал меня розгами (телесное наказание было распространено в мусульманских школах).

Но все же эти годы постарался использовать для своего развития. Я страшно любил читать и за эти годы прочел всю библиотеку отца: почти всех русских классиков, а из иностранных писателей - Вальтера Скотта, Александра Дюма, Майн Рида и т.д. Особенно я полюбил Короленко, Загоскина, Мамина-Сибиряка, Лермонтова и Гоголя.

Когда вся имеющаяся в библиотеке беллетристика была пройдена, я взялся за чтение научно-популярной литературы (издание Лунковича и других), и когда я поступил 15-ти лет в 1907 году в Казанскую татарскую учительскую школу (семинарию), я был вполне подготовлен к тому, чтобы выдержать туда испытание, а испытание было тяжелое: из ста человек на казенный счет приняли только троих.

Я вернусь немного назад.

То, что меня не отдали учиться в гимназию или в другое среднее учебное заведение, **страшно угнетало меня**. Я чувствовал великую жажду к знаниям. Кроме того, дети наших родственников по линии матери: ее братья и дети ее родных и двоюродных сестер и братьев, мои ровесники, - учились в гимназиях, реальных училищах или кадетских корпусах. Летом все они обыкновенно съезжались на хутор моего дедушки. Радостные, веселые, одетые, держали себя свободно со всеми, ухаживали за барышнями, а ба-

* Пропуск в тексте. - Сост.

рышни - за кавалерами и т.д. Они чувствовали себя счастливыми и довольными.

Раза три или четыре я тоже приезжал к ним на хутор с матерью. Отец не хотел ехать. Когда его приглашали на хутор в гости, он всегда отказывался. На этой почве у него всегда происходили ссоры с матерью. Она обижалась на моего отца, что он не уважает ее родственников. Я не понимал вначале отца, почему он так упрямился. **Понял его только потом.** Моя мать была дочь мурзы - дворянка, а отец простой мишар (мещеряк). И отца моего частенько кололи этим в глаза.

И вот, когда я побывал на хуторе, я понял разницу между мной и моими родственниками. Все они - эти Терегуловы, Еникеевы, Мамсеевы и Чанышевы - были высокого дворянского рода. А я, мои сестры и братья... Мы были плебейского рода: мишары. Это было между 11-и и 15-ю годами моей жизни.

Помню, как за столом, когда соберутся все, начинали иногда разбирать, кто и от кого происходит, чья фамилия и в какой царской книге записана, кто и за что получил дворянство... Одни получили при Грозном, другие позже, одни за то, что служили псарями при царях, а другие за какие-то другие "услуги".

Я слушал и молчал.

Когда же доходила очередь до моего происхождения, то обыкновенно кто-нибудь с усмешкой говорил: "Его род самый знатный среди нас всех: он мишар". Все хохотали, и никто из них не думал даже о том, чтобы смягчить эту "шутку".

Но эта "шутка" пробуждала в глубине моей детской души глубокую ненависть ко всем этим шутам.

Во время игры на меня так же нападали и постоянно тыкали в глаза моим плебейством.

К этому прибавились еще насмешки над моим физическим недостатком (один тестикул у меня от рождения остался внутри, кроме того, я имел паховую грыжу).

Да кроме того я и одет был плохо. Кальсонов не имел, ходил все время в шароварах. Имел лишь одну рубашку на голом теле.

Таким образом, хутор моего дедушки был для меня первой и самой реальной революционной школой, воспитавшей во мне чувство классовой ненависти.

О, как глубоко я понимал в эти минуты моего отца и его ненависть к Тау Баши (название хутора). И как полюбил то, что я не мурза, а простой мишар.

Помню случай, когда я жестоко отомстил одному из таубашинцев, когда они приехали к нам в гости в деревню.

Мы с деревенскими мальчиками пошли в лес за ягодами. Пошел с нами и один таубашинец - Махмутка. Когда мы пошли обратно домой, Махмутка стал придираться ко мне. Он был на год моложе меня, но рослее, сильнее и здоровее. Желая оскорбить меня, он обозвал меня мишаром. Я едко стал издеваться над ним, т.к. все остальные мальчики были тоже мишары, они меня поддержали. Тогда я еще с большим издевательством

начал рассказывать мальчикам, как живут мурзы, как они важничают и много воображают о себе и какие они большие дармоеды.

- Они едят белый хлеб, масло, яйца, - говорил я мальчикам возмущенным голосом, - и совсем не работают: только едят и спят.

- Да, потому что у нас белая кость, а у вас черная. Поэтому мы и едим белый хлеб, - гордо ответил Махмутка.

И он, смеясь, начал рассказывать мальчикам о том, как мы живем бедно и как мы даже не могли угостить их как следует.

- Они едят только черный хлеб и лапшу из черной муки, - закончил [он] с высокомерием.

- Но мы все едим черный хлеб, - ответил я ему в сердцах.

- Да, мы все едим черный хлеб...,- повторили за мной крестьянские мальчики.

Махмутка не знал, что делать от злости, кинулся на меня, но я собрал все силы и вцепился ему в горло. Он разорвал ворот моей рубашки. А я оторвал его погоны (он был кадет) и бросил в сторону. Мальчики выступили в мою защиту, и гордый Махмутка был позорно избит нами. Он расплакался. **Это был первый классовый бой** мой с моими противниками.

Мне было тогда 14 лет.

И с тех пор я перестал ездить на хутор дедушки. Но я не знал, как мне стать выше умом дворянских детей. Я рвался в город, к учению. Но меня не пускали. Я горевал и тосковал дни и ночи. Частенько по ночам просыпался и плакал горькими-горькими слезами. Лермонтов с его "Мцыри" стал единственным моим утешителем. Я читал его поэмы, где описывается борьба диких сынов Кавказа за свою независимость, и уносился воображением в далекие края. "Измаил-Бей", "Хадым-Абрек" и др. были такими же любимыми моими вещами, как и "Мцыри".

Юность.

Юность моя прошла в Учительской семинарии. Учился я там хорошо. Был всегда первым учеником в классе. Окончил школу также первым. Из предметов преподавания полюбил литературу и естествознание, психологию. В 16 лет был уже настоящим атеистом. С 15-ти лет **начал заниматься литературной работой**. Перевел, учась еще в 1-ом классе, два рассказа Л.Н.Толстого на татарский язык, нравоучительного характера: "Упустишь огонь, не потушишь и свечку". Последний рассказ был переведен авторизированно. Назвал я его "Что посеешь, то и пожнешь". Переводы эти продавал издательству бр. Каримовых в Казани и получил за первый 4 рубля, за второй 1 рубль серебром. В договоре, заключенном между мной и издательством, говорилось, что я уступаю свое произведение на какое угодно количество экземпляров и издательств. **Но и эти деньги для меня были очень большими**. (Отец меня не баловал деньгами. В первый год учения за всю зиму прислал 1 рубль и 3 рубля на проезд домой на каникулы. Во второй год три рубля, третий - пять рублей и в четвертый десять рублей. **Да и не по карману было** : когда в первый год он привез меня в Казань, он наси-

лу добрался домой. От Самары до Уфы проехал в товарном вагоне "зайцем" среди лошадей).

В этом же году весной перевел "Принца и нищего" Марка Твена. Но перевод этот не приняли, говоря, что он написан на народном языке (...)

Были переведены еще два рассказа о времени борьбы испанцев с французами. Но издателям не понравилось.

- Нам таких вещей не надо: там написано о гяурах.

Я рассердился и бросил переводы в огонь (а сидел я над ними целый месяц).

Во втором классе, 16-ти лет, я перевел рассказ Вересаева про холерный год, под названием, кажется, "Без вины виноваты˘". Но издательство потеряло его .

В третьем классе написал рассказ на татарском языке из жизни башкир под названием "Около башкир" ("Башкурдлар янында"), но издатели (татары) не приняли его, т.к. я, во-первых, высмеивал там казанскую татарскую мещанскую интеллигенцию в лице одного "поэта" - франта, а во-вторых, побоялись цензуры, т.к. содержание его было революционным (изображение "детей природы" - башкир и призыв к их национальному возрождению). Рассказ этот еще и сейчас хранится у меня.

В четвертом классе (18-ти лет) перевел рассказ Загоскина "Перед печкой" из жизни городской бедноты (издан Каримовым в Уфе) под псевдонимом Кульку-Баш.

Помимо литературной деятельности, учась, я давал уроки (частные): еще находясь в третьем классе школы, подготовил к экзаменам на звание учителя двух татарских мугаллимов.

Из преподавателей в моей памяти остались (оставили впечатление) трое: учитель русского языка Я.Х.Якимов (он научил меня любить русский язык и русскую литературу, через него я научился декламации), учитель истории Траубенберг (он не учил нас почти ничему по истории, но рассказами и прибаутками посвящал в ее интимную часть, раскрывая перед нами настоящую истину истории. Посвящал он нас как бы между прочим и в политическую экономию. Когда я окончил школу и прощался с ним, он, пожимая мои руки, дал мне искренний совет: "Учи политическую экономию")... и брат Брюханова - В.П.Брюханов (педагог), человек, отличавшийся большой проницательностью, умом и знанием, честный и прямодушный. Он был замечательным психологом.

На ученических вечерах я выступал с декламацией. На спектаклях исполнял женские роли (был мал ростом и имел подходящий для этого голос). Во мне находили артистический талант, и многие советовали пойти по линии сценического искусства. Отсутствие средств помешало мне в этом. Любил гимнастику, имел успех.

Первые уроки о социализме я получил в этой же школе. Моими учителями были - А. Насыбуллин (из Астрахани, в настоящее время в Казани, член коллегии Татцеветупра) и ...Аухади Ишмурзин, в настоящее время, кажется, сидит в ГПУ или расстрелян за участие в басмаческом движении). В них тогда еще была очень жива память о 1905 годе. Насыбуллин непосредственно участвовал в революции 1905 г. Но Ишмурзин был больше мечтателем и романтиком, чем реалистом-революционером и пошел впо-

следствии по пути национализма. Из книг и брошюр, которые они мне давали, я ознакомился с теорией научного социализма. Усвоил я ее легко. Осмыслил я ее и впитал в себя уже по выходе из семинарии.

В общем Татарская учительская школа дала мне мало, и мне по выходе из школы пришлось заняться самообразованием.

Из впечатлений, характерных для моего развития, у меня в памяти сохранилось из школьной жизни следующее:

Башкиры, главным образом выходцы из Башкирии, составляли почти половину всех учащихся, причем на долю чисто башкир приходилось 25-30%. Башкиры были страшно бедны, но очень усердны и, главное, революционны. Помню, как в 1907 году один башкирский ученик, некто Азнабаев, организовал забастовку по всей школе, даже в младших классах, требуя улучшения условий существования учащихся. Условия были улучшены, но Азнабаев был изгнан из школы. В общем большинство из них [учащихся - Сост.] были больны, обыкновенно туберкулезом.

Увольнение «бунтовщиков». В 1907 же году было несколько других увольнений. Были уволены некто Душкин, рабочий - рослый, краснощекий и всегда улыбающийся. Он повздорил с учителем. Уволили еще одного рабочего из Набережных Челнов Мензелинского кантона за призыв к забастовке.

Князь Кудашев. Он поступил со мной вместе и в первое время учился за свой счет. Он был потомком захудалых татарских князей Кудашевых. Он страшно был зол на меня за то, что я не провалился на экзаменах при приеме. Он сам был с 4-хклассным гимназическим образованием, но попал в школу последним. Был хромой, с кривыми руками и, когда говорил, шепелявил. Остался он в памяти у меня, потому что, во-первых, он распространял про меня в школе слухи, что я шпион, а сам исподтишка шпионил за учениками. Я не был в состоянии доказать, что я не шпион, и целый год ко мне все относились с подозрением, и даже некоторые не прочь были "проучить" меня. Я был тогда очень тщедушен и мал ростом (меня дразнили, обзывая блохой). Все остальные были рослы, и я страшно боялся их. Мне казалось, что они убьют меня, считая за шпиона.

Во-вторых, князь Кудашев остался в моей памяти еще потому, что моя первая жена (Рауза Чанышева), приходящаяся ему сводной сестрой, была изнасилована им в детстве в продолжении 4-5 лет (с 9 до 13-14 лет). Об этом я узнал лишь потом, перед женитьбой.

Учитель **Васильев**. Он тоже остался в моей памяти (с 3-го класса), т.к. я постоянно воевал с ним, когда писал сочинения. Он не любил меня за странное и самостоятельное направление мыслей. И когда я в 4-ом классе в одном из своих сочинений раскритиковал Печорина Лермонтова и Евгения Онегина Пушкина с чисто классовой точки зрения классовой морали, он перечеркнул красными чернилами почти всю тетрадь и не вернул мне, и я получил ее лишь по выходе из школы.

Жизнь после школы.

Школу я окончил в 1911г., в 1911-12 и 1912-13 годах учительствовал сначала в Татарской (Ново-Атзитарово) деревушке, а затем [Старо-] Татарской (Старо-Атзитарово) в Башкирии. Летом 1912-го года был в Москве на летних педагогических курсах. Летом 1913-го года работал в Уфимском губернском земстве по обследованию мусульманских национальных школ Уфимской губернии. **Тогда и началась моя первая подпольная работа** (об этом немного после). Я хотел остаться в губернском земстве для работы, но Министерство народного просвещения потребовало от меня уплаты стипендии, которою я пользовался в Учительской семинарии (600 руб.) и я принужден был уехать в деревню. Год я состоял районным заведующим внешкольным образованием в Стерлитамакском уезде, заведуя одновременно районной библиотекой. Район охватывал несколько волостей. Свое пребывание здесь я использовал для агитации среди крестьянства. Библиотека эта была **первая в России народная библиотека на татарском языке, открытая земством**. В середине 1914 г. я был приглашен Оренбургским губернским земством на только что образовавшуюся должность заведующего губернским отделом нар.образования мусульман, но не сумел поехать, т.к. принужден был опять вернуться к учительству. Началась война, организация наша распалась, и я уехал учительствовать в башкирскую деревню Шарипово Уфимского уезда. К этому времени я был женат и мы учительствовали вдвоем. Проучительствовав год, мы поехали в Баку. Я думал продолжать там свою революционную работу, но мне этого не удалось сделать в тех размерах, в каких я этого хотел.

Причиной этого послужило то, что в Баку мы попали в очень тяжелые материальные условия.

Будучи вызваны туда известным бакинским миллионером Тагиевым для учительствования в открытой мусульманской женской гимназии (мы прочли в газетах объявление, что для означенной гимназии требуются: инспектриса, надзирательница и учительницы). По приезде в Баку мы остались почти буквально на улице. Уезжая, мы продали все свое имущество, но денег, вырученных от этой продажи стульев, посуды и т.д.. едва хватило на дорогу. Вдобавок при нас находились мать жены и только что родившийся ребенок. Жизнь в Баку была страшно дорога. Номера были дороги, квартиры тоже. Жену приняли в конце концов в качестве учительницы географии, но платили ей в месяц всего лишь 60 рублей. Из этих денег 30 рублей мы должны были платить за квартиру. Остальных лишь хватало только на хлеб.

Я остался без места. Обращаться с жалобой на Тагиева было некуда: он был там всесильным. Я просил, чтобы мне дали какую-нибудь другую работу. Работы этой не нашли. Имея опыт корреспондентской работы, просил принять сотрудником газеты "Каспий". Не приняли, говоря, что у них сотрудники-мусульмане имеются. Лишь через 3 мес. я устроился сотрудником по освещению мусульманской жизни и мусульманской прессы в местных газетах "Баку" и "Кавказское слово". Газета эта издавалась армянской буржуазией во главе с небезызвестным Вермишевым. Освещать им в своей газете местную мусульманскую жизнь было необходимо. Но у них не

было сотрудников, т.к. из местных мусульманских работников печати никто не хотел идти в "армянскую газету". И это было вполне понятно при том бешеном национальном антагонизме, который существовал между татарами и армянами. Это было в 1915г. (осенью) в самый разгар войны на Кавказском фронте. Газета "Баку" вела открытую тюркофобскую агитацию.

Армяне приняли меня, т.к. я был казанским татарином, а может быть, еще и потому, что редактором "Баку" был русский Старцев, он и принял меня. Работал я в газете не на жалование, а построчно. Зарабатывал в среднем 50-60 руб., а иногда и больше, в месяц. Вел мусульманский отдел.

Но в первое время моей работы положение у меня было отчаянное. Когда татары узнали, что я работаю в армянской газете, они на меня стали смотреть косо, как на армянского шпиона. А часть армянских работников редакции принимали меня наоборот за татарского шпиона.

Помню следующий характерный случай.

Для конкурирования с "Каспием" мне необходимо было брать татарские газеты к себе на дом еще с вечера (газеты выходили с вечера), чтобы успеть вовремя сдать материал в редакцию. И вот когда я дня через 3-4 зашел вечером в редакцию газеты "Садон хак" и стал дожидаться выхода газеты, вдруг совершенно неожиданно для меня началась бешеная бомбардировка редакции камнями с улицы. Я моментально скрылся за перегородку и лишь тем спас себя от травм. В редакции кроме меня никого не было. На шум разбитых стекол выбежали из типографии рабочие. Но никого они на улице не обнаружили.

Но я чувствовал, что это означало. Это означало молчаливое предупреждение по моему адресу.

Потом это недоверие ко мне прошло. Татары увидели, что я вполне объективен в освещении мусульманской жизни и успокоились. И даже больше в мусульманских газетах ("Басирят", "Икбал") стали появляться статьи о том, что в газете "Баку" мусульманская жизнь и пресса освещаются гораздо полнее и ярче, чем в "Каспие", несмотря на то, что последний имеет целый штат специальных сотрудников для этого. И некоторые журналисты-мусульмане перед революцией предлагали мне даже редактировать мусульманский еженедельник на русском языке, который они проектировали организовать совместно со мной.

"Штатную" работу я нашел гораздо позднее: к 1916-го году. Поступил торгово-хозяйственным агентом в Бакинскую городскую думу. Помог мне в этом один русский товарищ, сотрудник газеты "Каспий", некто Калмыков (работал с анархистами).

От редакции "Баку" я постепенно отошел, т.к. редакция перешла в руки армянских работников, которые не хотели почему-то, чтобы на страницах их газеты освещалась мусульманская жизнь.

Работать в газете мне, особенно в первое время, было очень трудно, т.к. я не знал азербайджанского языка, литературный же язык включал в себя массу персидских и арабских слов. И я работал при помощи словарей.

После Февральской революции я уехал из Баку в Петроград (в мае).

Моя литературная работа.

Как я уже указал, свою литературную деятельность я начал с 15-ти лет переводами на татарский язык Л.Н. Толстого. По выходе из школы я занялся и журналистикой. Свою деятельность...* газету Уфимский вестник", где раскрыл злоупотребления одного из земских начальников Стерлитамакского уезда (Дуван-Табинской волости) при раздаче им семян голодающим крестьянам. Это было в 1911г. Земский начальник (некто Дегтяров) за это поплатился своим постом.

Работал я в этой газете до 1915г., до поездки в Баку, под псевдонимами "Сухой", "Он", "Кармаскалинец" и т.д.

В 1913-14 гг. сотрудничал в татарской газете "Тормыш", помещая статьи по народному образованию и кооперации.

В 1913-14 гг. помещал в издававшейся в Петрограде Саидом Габиевом (дагестанец, ныне коммунист) на русском языке "Мусульманской газете" свои поэтические произведения, написанные на русском языке. Поместил я там и маленькие рассказики "Башкирка", "В тумане" и стихотворения в прозе: "Я - Человек", "Аккорд", "Мираж" ("Она"), "Недопетая песня" (цензура пропустила лишь первую половину стихотворения, а вторую половину, саму "недопетую песнь", вычеркнула. Она так и осталась "недопетой". Это был призыв к борьбе и восстанию. "Яблоко раздора" и др. Писал под псевдонимом "Кульку-Баш".

Во всех этих моих произведениях красной нитью проходит одна мысль: это глубокая печаль и недовольство жизнью, желание "быть Ормуздом" - чтобы превратить людей "в ормуздов - людей" (людей-богов) и сознание того, что ты "... не Ормузд, а **человек**".

Сотрудничал я еще в те года (1912-13) в московском журнале "Народный учитель" под псевдонимом "Сын народа" ("Все о том же") и "Учитель-татарин" ("Вопросы просвещения среди мусульман").

О журналистской работе в газетах "Баку" и "Каспий" я уже сказал, в "Каспие" я работал в качестве хроникера два месяца после Февральской революции).

После Февраля, да и после Октября принимал деятельное участие в органе Казанского мусульманского социалистического комитета "Кызыл байрак" ("Красное знамя"), а в 1918г. редактировал его же орган на русском языке под названием "Красное знамя" (я успел лишь выпустить 7 номеров, т.к. Казань...**

Социалистический комитет был слит с общим партийным комитетом. Работал я в этой газете один. Сам писал статьи, составлял обзоры печати, добывал корреспонденцию, корректировал и т.д.

Работал в "Жизни национальностей". Добывал статьи. По поручению ЦеКа написал в 1921г. "О методах антирелигиозной пропаганды среди мусульман" (напечатана отдельной брошюрой).

Развить в полной мере свою литературную деятельность, особенно в области беллетристики и поэзии, мне не удалось, т.к. помешала Октябрь-

---

* Пропуск в тексте.- Сост.

** Пропуск в тексте.- Сост.

ская революция. Между тем, отдаваясь революции, я думал, что как только укрепится власть пролетариата, я опять вернусь к этой любимой мною работе.

Убийство Оруджиева.

Я бы был неполон в освещении себя, если бы не остановился на вопросе о том, почему я совершил это убийство (весной 1918г.).

Когда в ЦеКа было решено объявить Татарскую республику (1920г.), т. Сталин, уезжая на Западный фронт, спросил меня: не желаю ли я поехать в Татарскую республику председнаркомом, и, не дожидаясь ответа, добавил:

- А не забыта ли на местах эта история Ваша с доктором **Оруджиевым?**

Я подумал тогда про себя : "К чему воскрешать мертвых" и ответил:

- Нет, не хочу...

И указал на т. **Саид-Галиева**.

Сейчас мне приходится "воскрешать" этого мертвого, т.к. это убийство в моей жизни играло очень большое значение.

Почему я совершил это убийство?

А вот почему.

В 1913г., работая в подполье в Уфе, я познакомился с одной татарской барышней. Звали ее Рауза. Она была очень развита и помогала нам в работе, распространяя или храня у себя литературу и прокламации. Я полюбил ее горячо и нежно. Она ответила мне тем же. И когда я объяснился ей в любви, она мне с великой печалью и слезами рассказала свою трагедию девичьей души. Она мне рассказала, как ее с шести лет мучили мужчины: вначале мальчики приюта (отец ее был там учителем), а с 11-12-ти лет - взрослые.Она с ужасом рассказала, как ее насиловал ее сводный брат ("князь" Кудашев), который был старше ее на пять-на шесть лет.

Я женился на ней.

И когда она вспоминала свое мрачное детство, я ее утешал и успокаивал.

После Февральской революции она поехала в Казань на съезд мусульманок, куда попала через Всероссийское совещание делегаток-мусульманок (до октября).

Я поехал в Питер. Мы переписывались. Проездом в Казань я заехал за ней. Это было в конце июля 17-го года. И я узнал, что она мне изменила.

- С кем?..
- С одним коммерсантом...
- Коммерсантом?..
- Да... студентом...
- Кто он такой?..
- Не все ли равно тебе?..
- Нет...

Но она не сказала.

Я уехал от нее. С разбитым сердцем: ведь это была моя первая любовь. У нас был ребенок.

Потом она приехала ко мне в Казань.

Я ее простил и мы соединились вновь.

Но разве это был союз?.. Конечно, нет...

- Почему же ты отдалась другому?..

- Потому что ты не удовлетворял меня...

- Давно?

- С первых дней...

- Почему же ты не говорила?..

- Чтобы тебе не было больно...

Я не разводился с ней: боялся, что она пойдет по наклонной плоскости.

Я мучился почти целый год. Я чувствовал себя в аду.

Почему?..

Потому что... потому что была одна тайна, которая была известна ей, но которая, очевидно, умрет вместе со мной.

Я потом узнал, кто этот коммерсант. Это был один студент. После долгих раздумий я пришел к убеждению убить его.

Почему?..

Потому что я хотел "жить". **А я был убит** - морально, духовно, психически.

Я рассуждал так:

Тот, кто дерзнул тронуть ее, прежде чем сделать это, должен был знать, что тот, кого он может оскорбить и обидеть, **может не простить его.** Очевидно он этого не сделал. Если сделал, то, очевидно, остался в уверенности, **что ему ничего не будет.**

Кто дал ему право так думать?

Никто...

Если так, то он должен быть наказан за свою глупость.

"И если ты не сделаешь этого, то ты будешь не человек, а тряпка," - говорил мне тот внутренний голос.

Я разыскал этого студента. Я приехал в Москву. Но когда я явился к нему на квартиру с брауниигом в кармане (его не было дома), я... засмеялся. Это была маленькая комнатушка, грязная, не убранная. На столе валялись корки хлеба, на окошке висело завернутое в бумагу масло...

"Какой же это коммерсант... Это голь, такая же голь, как и я сам...,- думал я.

Я махнул рукой и ушел...

Но через несколько дней я случайно узнал, что соблазнителем моей жены был доктор **Оруджиев.** Я узнал и подробности... Что жена моя ходила к нему за каким-то советом. Вместо совета он "дал ей лекарство".

- Кто же он?.. Кавказец?..

- Да, доктор...

- Богатый?..

- Да, не бедный...

- Молод... красив?..

- Какой там молод. Под сорок, наверное, перевалило... Толстый, обрюзглый... Большого роста... Некрасивый.

Я слушал и думал: "Она была такая красивая, маленькая и хрупкая..."

И я убил **Оруджиева**, днем, у него на квартире. Меня видели. За мной была погоня. Но меня не поймали. Я мог не объявляться. Так как никто в Москве меня не знал. Но я пошел и объявился. Я не хотел, чтобы потом могли сказать, что среди коммунистов-мусульман скрываются убийцы. Я хотел суда. Но суда не было . Комиссар по делам мусульман М. Вахитов (уже покойный) настоял на том, чтобы прекратить это дело, хотя я его просил тогда не делать этого.

- Ну что ж, одним ярым мусаватистом меньше стало, - говорил он, хмуря брови.

С женой мы разошлись, и каждый из нас пошел своей дорогой.

- Ну и что же, успокоились?.. - спросите Вы меня...

- Да,- скажу я Вам,- успокоился: только после этого я почувствовал себя настоящим человеком. Осталась лишь мысль в голове, что все-таки истину я не мог убить.

Моя революционная работа.

Моей революционной работе предшествовала глубокая работа над самим собой, над выработкой направления своего мировоззрения. Конечно, искусственно нельзя "вырабатывать" направления мировоззрений или сами эти "мировоззрения". Но можно толкать, заставлять себя задумываться над отдельными вопросами жизни и бытия. А у меня было достаточно всяческих импульсов к этому "заставлению". Та сумма впечатлений, которую я получил в жизни и через книгу, была вполне достаточной, чтобы я мог выработать в себе какое-то мировоззрение.

Работа моя в этом направлении облегчалась и тем обстоятельством, что я с детства привык мыслить и критически относиться к отдельным явлениям.

Я задавался вопросом, почему моя мать такая нерадостная.

Я задавался вопросом, почему мой отец так жесток временами.

Какая польза ему и всем нам от этой жестокости?

У меня была "странная" привычка: если я задавался каким-нибудь вопросом, я его обязательно должен был решить и точно (привычка эта у меня выработалась еще в начальной школе, когда я должен был решать арифметические задачи. Помню, в 12 лет я не мог решить две задачи, для решения которых, оказалось, требовалось знание дробей и алгебры, а я не знал ни того, ни другого, но все-таки, промучившись полгода, я решил их).

И я "решал" эти вопросы. Я неожиданно для себя (а ведь мне было всего лишь 13-14 лет) приходил к ясному сознанию, к открытию той мысли, что жизнь дается людям для радости, что она высший дар, которую надо ценить и относиться к ней терпеливо. Жизнь коротка, и незачем ее заполнять печалями.

Но я видел эти "печали" у всех. Я видел нищету, видел рабство, видел угнетение людей людьми, видел их горе, унижения, тоску и тяжелый непосильный труд.

И своими мыслями шел дальше.

Откуда все это? Где же корень всех зол?

Этот вопрос неотступно преследовал меня, не давал мне покоя.

Помню лето 1908г. Я приехал домой на каникулы с 1-го класса Учительской семинарии. Почему-то в это лето я особенно нервничал. Я вставал ночью с постели, выходил на двор, прислушивался к ночной тишине, чутко думал. Почему-то мне казалось, что весь мир полон скорби и печали. Что идет какой-то протяжный,.. протяжный стон... Что кого-то режут,.. мучают,.. бьют... Весь мир казался мне наполненным злом, насилием, угнетением и муками... И я плакал. Жгучими слезами, слезами отчаяния и скорби...

И вот когда раз рубил дрова и думал о том, почему это наш сосед такой скряга (был такой сосед: с утра и до поздней ночи работал и трудился, заставлял работать жену и детей, копил деньги, а жил как нищий), вдруг мою голову осенила яркая мысль о том, что несчастье людей происходит от того, что они живут "для себя".

Я бросил топор, быстро побежал домой, вынул мою записную тетрадь и торопливо написал нервным почерком на последней странице:

"Несчастье людей, нищета, страдания, грабежи и убийства, гнет и рабство, войны "сильных" со слабыми происходит оттого, что люди живут для себя... Люди будут жить мирно и счастливо, прекратятся войны и будет мир, если каждый человек будет жить не для себя, а для всех..."

- Как же это сделать? - спрашивали меня некоторые из моих друзей, когда я им показывал и объяснял свое "открытие".

- Об этом я еще не думал, - был ответ...

С течением времени мой кругозор расширился. Я день за днем, неделю за неделей, год за годом чеканил и точил свою мысль, сознание.

Во 2-ом классе школы (17-ти лет) я "открыл" закон "приличности". Это было после моей болезни, во время которой я прочел "Рассказ о 7-ми повешенных" Л. Андреева.

Перебирая в своей голове отдельные факты жизни и явления природы, я пришел к заключению, что в мире нет ничего "законченного", "цельного", "самостоятельного" и "независимого", что всякое явление имеет **какую-то** причину, его вызвавшую, или ряд причин и, следовательно, зависит от чего-то предшествующего во времени или пространстве.

На этом я строил свои выводы об "отсутствии" преступников или, вернее, об отсутствии "свободы воли" и людей.

Дальше я думал, а где же "первопричина".

Я видел, что первопричиной отдельных явлений человеческой жизни на земле является сумма естественных **материальных** условий, в каких находится Земля (ее "собственные" условия и особенности и зависимость ее от Солнца, от Млечного Пути, от Мира Миров).

Я задумывался над самым страшным для человека и вообще живых: над Смертью. И приходил к выводу, что смерти вообще в природе не существует.

- Мир вечен... он стар и не знает ни начала, ни конца... Он **вечно** существует и будет существовать, - говорил я себе.

Однажды, задумавшись над самым, казалось бы, простым вопросом о том, что такое "**единица**", я сделал великое для себя открытие о "неповторяемости единиц" и отсюда - о "законченности" Мира. Я ясно

осознал, что Мир "закончен" в самом себе, в своей бесконечности и что никогда и нигде не будет другого "нового" мира. Он "ограничен" в самом себе. Отсюда я строил следующую теорию:

На свете нет ничего "нового". То, что появляется "вновь", оно не "ново", т.к. давно уже существовало, но в другой форме или комбинациях форм. Существовало в "обязательном" продукте, как должное совершиться и «свершалось» в тот момент, когда не могло не совершиться.

Разве в Уральских горах не лежали в "проекте" паровозы, железные дороги, машины, двигатели? Разве в недрах земли, в воздухе, океанах не находился и не существовали в других формах, в других видах пароходы, аэропланы, пушки и снаряды?

Разве Солнце не включало в себя "проект" Земли и всей системы солнечных планет, когда еще эти планеты составляли "неразрывное с ним целое"?

Я думал о человеке и увидел, что человек - это не больше как "аппарат сознания Бытия", весьма и весьма ограниченный в своих "обязательных силах", а тем более в волевых импульсах. Я видел, что человек может оперировать в своих "опытах" лишь над тем, что **досягаемо его сознанию**, но что он никогда не достигнет такого состояния, когда бы мог охватить своим сознанием **весь мир, все бытие, т.к. оно бесконечно**.

Я видел, что человек ограничен в своих волевых импульсах.

Может ли он достичь такого развития, когда бы он мог "освободить" Землю от влияния Солнца?

Может ли он "добиться" того, чтобы **Солнце вечно светило человечеству**, чтобы оно никогда не **потухало?**

Может ли он достичь такого состояния, когда не будет нуждаться в Солнце, а будет черпать необходимую энергию из пространства?

Но ведь какие-то грани **возможного максимального развития человека** существуют? Да...

Где эти грани?

Закончатся ли они "победой" человека над "Землей" или так же победой над "периферией" Земли: Солнцем, его системой, всем Млечным Путем, всеми существующими мирами или Миром Миров?

Я сказал: "Ищи... Найди..."

Я искал и нашел, что если человек хочет стать "царем" Природы хотя бы над Землей (в ограниченном смысле), в первое время **он должен разрушить все, что мешает его развитию**.

Что же мешает его развитию?

Полный и исчерпывающий ответ я нашел в книге П.Когана "Философия социал-демократии", которую я достал у одного московского букиниста в 1912г.

Литературы революционной у меня было немного. Где же найдешь ее в деревне? Вся моя "библиотека" состояла из указанной книги П. Когана, двух книг Кропоткина, двух книг Каутского "История революционного движения в России", Туна "Памятка марксиста", "История чартизма" и нескольких мелких брошюр 1905г.

Свою революционную работу я начал летом 1913г. Началось это так. Весной того года в Уфе я познакомился с башкирским учителем Гиреем

Кадрачевым. Я с ним вступил в разговор. Мы стали спорить, и я обнаружил в нем замечательно оригинального человека. О нем я слышал и раньше, но не знал его. Насколько мне было известно, он работал еще в 1905 году с анархистами.

Теория его была такова:

Человек испортил Землю. Он уничтожил ее естественную дикую красоту. Он не живет, а воображает лишь, что живет, он гниет и лишь продолжает портить природу. Люди, обитающие сейчас на Земле, никуда не годятся. Это не люди, а никому не нужные паразиты, выродки... Человечество надо оздоровить. А для этого мало уничтожить всех больных, калек, уродов и, кроме того, 99 % всех живущих на Земле людей. Пусть сгниют и удобрят почву. Надо оставить лишь самых здоровых, красивых и способных. Природа вернется тогда к своей естественной красоте. Человек будет дик, здоров и счастлив.

- Если бы я был изобретателем, я бы выдумал кнопку, нажатием которой можно было бы привести в исполнение этот план.

Я был не согласен с ним в его "принципиальных" положениях, но мне понравились его простота, решительность и революционный характер его мыслей.

И я решил начать с ним "работу".

К нам присоединились еще двое товарищей, тоже народные учителя, некто А. Богданов и З. Валиев, и мы решили создать "Боевую татарскую организацию социалистов". И так как никто из присутствующих не разбирался достаточно хорошо в оттенках мыслей русских социалистов, то мы решили добавить к нашей организации слово "интернационалистов".

Первое "организационное" собрание прошло у нас в сарае моего квартирохозяина (члена Государственной думы 1-го созыва Целоусова).

На собрании Гирей заявил, что он будет социалистом с анархическим уклоном. З. Валиевым было сделано аналогичное заявление, что он по существу является национал-социалистом.

Мы сошлись на следующей программе:

1) замена монархического строя демократической республикой;

2) передача помещичьих земель крестьянству;

3) передача заводов и фабрик рабочим;

4) национальное самоопределение окраин.

Ближайшей своей задачей мы поставили:

1) агитацию среди татарских и башкирских крестьян и рабочих и интеллигентов;

2) организацию учащейся молодежи;

3) создание ячеек нашей организации в уездах.

Работа среди учителей была поручена Гирею Кадрачеву и Богданову.

Работу среди национальной туземной интеллигенции поручили З. Валиеву.

Работу среди учащейся молодежи и среди крестьян взял я .

Работу мы начали с крестьян. В это время царское правительство, стараясь обезопасить себя от проникновения в татарскую и башкирскую деревню революционных элементов, через Министерство народного просвещения старалось посылать в татарские и башкирские деревни русских

учителей или крещеных татар из Союза русского народа, в большинстве выходцев из миссионерских школ. Преследовались одновременно и цели русификации.

....* деревню от этого элемента. Была написана прокламация на татарском языке к татарскому и башкирскому населению с призывом к борьбе против этой попытки.

Прокламация начиналась с указания, как русские цари угнетали и угнетают татар и башкир и другие народы России. Раскрывалась обрусительная политика правительства и т.д. Прокламация была составлена З. Валиевым и перепечатана на шапирографе в деревне Гиреем Кадрачевым.

Распространение было поручено мне. Распространял я ее через почту, адресуя учителям и мугаллимам и некоторым муллам - "новометодистам", частью - через созданную мною организацию учащейся молодежи. Прокламация была отпечатана в 400 экземплярах, и бедный Гирей трудился над ней целый месяц.

Прокламация имела колоссальный успех. Почти повсеместно начались "бунты". Взбунтовавшиеся крестьяне местами избивали этих "учителей", местами просто выпроваживали из села, а когда таких "изгнанников" или "изгнанниц" инспектора посылали вновь, то население не пускало в эти школы своих детей.

Выпустили мы еще две прокламации: одну - в связи с шумом, который был поднят среди мусульман в связи с неправильным печатанием Корана (мы хотели использовать этот момент для агитации и завоевания доверия фанатичных мусульман), другую - по объявлении войны. Во второй мы обращались к солдатам татаро-башкирам с призывом поднять бунт и покидать армию. В воззвании указывалось, что русский народ не довольствуется только тем, что им покорены татары, башкиры, туркестанцы, кавказцы и т.д., он хочет покорить еще турок и персов. Прокламация эта была составлена Гиреем. Он же был направлен в Стерлитамак для агитации. Там ему удалось войти в связь с некоторыми товарищами и поднять восстание в солдатских частях. Были бунты и в других местах: Бирске, Белебее. При подавлении Стерлитамакского восстания было расстреляно несколько татар и башкир.

Это была наша "центральная организация". Фактически мы там работали вдвоем: я и Гирей.

Кроме этой организации мною было создано еще две организации: учащейся молодежи и татарских анархистов. Во главе организации учащейся молодежи был создан свой "Комитет" из пяти лиц. Входил туда и один татарский меньшевик, некто Сумбаев. Через Сумбаева я хотел связаться с т. Брюхановым, который тогда работал в Уфе, но это мне не удалось, т.к. я вскоре принужден был уехать в деревню. «Комитет» добывал средства, ставя спектакли и концерты совместно с Мусульманским женским благотворительным обществом (мы там имели "своих сестер"). Комитет этот руководил работой трех революционных кружков, которые работали под видом кружков по изучению истории и литературы татар.

---

* Пропуск текста. - Сост.

Один кружок обслуживал татарскую учащуюся молодежь русских учебных заведений, два других - учащихся мусульманских учебных заведений.

Организация татарских анархистов была недолговечна. Она была организована неким Саидом Кайбишевым, анархистом-индивидуалистом. Мы с ним заключили "союз на началах взаимного недоверия". Связь с нашей организацией он держал через меня. У нас был установлен шифр. Отбытие мое в деревню прекратило связь между нами. Присылал он мне по условленному адресу два шифрованных письма. В одном сообщалось, что ему удалось создать небольшую постоянную организацию, во втором он просил меня достать сто рублей для покупки оружия: он готовился совершить нападение на две помещичьи усадьбы и ограбить почту. Денег я ему не мог послать, так как таковых у меня в то время не было. Жил он в деревне. Когда началась война, я с ним хотел устроить "совещание". Но этого не удалось сделать, т.к. он был мобилизован и почему-то застрелился (осенью 1914г. в г. Уфе).

С началом войны организация наша распалась. Гирей Кадрачев был мобилизован и отправился на фронт. З. Валиев тоже. А. Богданов зарылся в деревню, а впоследствии перешел к эсерам.

Связаться с большевистской организацией при всем моем желании не мог, т.к. она была очень "подпольна". С меньшевиками - не хотел. Среди мусульман были лишь националистические организации.

С наступлением Февральской революции я организовал из татарских рабочих Поволжья (их было до 9-ти тысяч) "Совет поволжских мусульман" в противовес организованному интеллигенцией "Обществу культуры и просвещения". Совет этот я организовал в три дня. С моим отъездом он попал, кажется, под влияние националистов и распался.

В Питер я приехал для работы в Искомусе - Исполнительном комитете Всероссийского мусульманского национального совета, как секретарь Комитета. Я был приглашен туда Ахмедбеком Цаликовым (левый меньшевик). Поступил я туда для работы единственно с целью воскресить прежнюю свою организацию и использовать для этого аппарат Искомуса как всероссийской организации. Ни в какой из официальных русских партий я тогда не состоял. Сочувствовал большевикам. Случайно я узнал о том, что Гирей Кадрачев жив и находится в Крыму. Я написал ему письмо с вызовом в Питер. Он приехал с ходатайством от имени крымских татар об организации татарских войсковых частей. Мы с ним вдвоем составили план нашей работы. Он решил работать в Крыму, я в Казани, т.к. этот город становился политическим центром поволжских татар. Мы приняли следующую схему работы: создание в мусульманских социалистических комитетах большевистских фракций; группирование вокруг себя левых социалистов-мусульман с тем, чтобы отколоть их от татарских националистов. Что же касается организаций татарских националистов - мусульманских советов и комитетов, то было решено иметь при них свои конспиративные ячейки. Общее направление работы определялось поддержкой восстания большевиков. Договорились. Кадрачев поехал для установления связи с Мусульманским социалистическим комитетом и с его организатором и руководителем Мулланур Вахитовым в Казань. Мулланур с нашей схемой работы согласился. Решено было, что я должен находиться со

II Всероссийского съезда мусульман в Питере. Попытка наша перетянуть на свою сторону А. Цаликова не удалась. В одно время он как будто и согласился, но потом отказался и остался у меньшевиков (новожизненцем)[83].

Во время мирной демонстрации 18-го июня, устроенной большевиками, я принял участие в ней. К вечеру выступал на открытых летучих митингах (у Зимнего Дворца), но меня чуть не избили и не арестовали. Я выступил с предложением передачи власти рабочим и конфискации банков и средств производства. Но оказалось, что в этом районе совсем нет рабочих. Меня окружили мелкие буржуа и я чуть не поплатился жизнью. Спасли меня случайно проходившие рабочие.

На другой день, во время демонстрации, организованной Временным Правительством в связи с наступлением на Западном фронте, меня на Невском проспекте чуть не избил один итальянец. Оказалось, он видел накануне, как я вел агитацию среди солдат, говоря, что нужно прекратить войну. Когда проходила демонстрация, он подошел ко мне с криком: "Вот он, большевик" и едва не запустил мне чурбаном по голове. Спасло меня присутствие около меня Кадрачева, который "резонно" объяснил, что "гражданин итальянец" имеет дело не с большевиком, а с «представителем 30-тимиллионного мусульманского населения". Окружившая и готовая броситься на меня толпа отступила. Во время столкновения в 1918г. Гирей Кадрачев действовал на стороне Советской власти, с уходом наших оттуда попал в Киев, где совершенно неожиданно, шутя и играя, покончил жизнь самоубийством.

В Казань я поехал 12-го июля после поражения июльского выступления большевиков (официально я еще не состоял тогда членом РСДРП (б), но всем телом и душой считал себя большевиком). К тому времени в Казани созвался II Всероссийский съезд мусульман (перед выборами в Учредительное собрание). Назначены были еще два съезда: военный и духовенства. Инициатива находилась в руках "национального блока", составленного из меньшевиков (Ахмедбек Цаликов, Мамлеев, И. Алкин и др.), эсерствующих националистов (Гаяз Исхаков, Фуад Туктаров, З. Шамиль, Ш. Мухамедьяров и др.), кадетствующего Садри Максудова и националистов (Г. Баруди, Г. Шараф, Н. Хальфин и др.). Оппозиция на съезде была воплощена в лице татарского писателя Галимджана Ибрагимова, стоявшего на позиции левых эсеров, и его группы. Фактически эта группа являлась группой "левых" националистов, принявших платформу левых эсеров (они выступали с требованием территориального национального самоопределения, "национальный блок" же стоял на точке зрения культурно-национальной автономии).

Большевиков на съезде не было. Заподозренный в большевизме делегат Питера - некто Г. Енгалычев (им в Питере был организован "Союз мусульманских рабочих и крестьян", от имени коего он и прибыл на съезд) был с позором изгнан со съезда: его уличили в провокаторстве. Было несколько человек, сочувствующих большевикам лишь на военном съезде (К. Якубов - впоследствии член Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене, С.Султан-Галиев и Минникеев - скончался от болезни в 1918 г.).

Сказать свое слово мы могли лишь в приветствии. Сказал его председатель Мусульманского социалистического комитета Мулланур Вахитов. В блестящей своей речи (он говорил на русском языке) он развернул картину предстоящей "мировой" борьбы пролетариата и угнетенных колоний с врагом человечества - капитализмом. Он нападал на кадетиков, старающихся использовать великое восстание рабочих для своих темных националистических целей, и кончил указанием, что только в лучах социализма - спасение угнетенного мусульманского мира.

Выступил он и на объединенном заседании трех мусульманских съездов, где была провозглашена культурно-национальная автономия мусульман внутренней России и Сибири.

В этом своем выступлении М. Вахитов также резко и красочно подчеркнул расхождение интересов кадетиков и эсериков с подлинными интересами мусульманского пролетариата. В своем выступлении он нападал и на Временное правительство Керенского за то, что он "усмиряет" восставших рабочих Петрограда казацкой нагайкой.

Для нас, работников Мусульманского социалистического комитета, было ясно одно, что сколько бы руководители национального движения мусульман внутренней России не становились временами в оппозицию ко Временному правительству (Харби шуро созвало первый съезд воинов-мусульман в Казани против воли Временного правительства : съезд этот Керенским был запрещен), все равно в решительный момент выступления пролетариата они окажутся на стороне буржуазии, так как их классовая сущность была однородна. И мы не ошиблись. Это так и произошло. И если, когда в августе на Петроград двинулся Корнилов с "дикой дивизией", Искомус спас своим вмешательством Временное правительство от разгрома "справа", то так же Искомус и Харби шуро выступили и против власти Советов после Октября.

И мы решили усилить работу Мусульманского социалистического комитета. Было решено обратить особое внимание на татарских рабочих и солдат. Я съездил в Баку за семейством и по приезде оттуда (в августе 1917 г. взял на себя секретарствование в Комитете. Мы быстро сгруппировали вокруг Социалистического Комитета татарских рабочих (до 20 тысяч человек), связались с мусульманской ротой (там было до 2 тысяч человек татарских солдат-фронтовиков). Установил я связь и с Казанским комитетом большевиков (через т.Олькеницкого).

Председатель Харби шуро Илиас Алкин еще до меня записался членом Мусульманского социалистического комитета как меньшевик-интернационалист. Были там и просто мусульманские социалисты (Х. Мухутдинов, Э.Мухутдинова), а также часть левых эсеров (Ш. Ахмадиев и кое-кто из приказчиков). В большевистскую фракцию входили: М. Вахитов, я, моя жена, Я.Макеев (рабочий), Казаков (рабочий), Шафигуллин (солдат) и еще несколько человек рабочих Крестовниковского, Алафузовского и Порохового заводов. Были организованы и районные комитеты, которые состояли исключительно из сочувствующих нам рабочих.

И. Алкину мы не доверяли. Социальное его происхождение, с одной стороны (сын мелкого татарского помещика), занимаемое им положение в революции, с другой стороны (он с первых дней Февральской революции

бросил лозунг военной организации татар, создав в Казани Мусульманский военный совет и, нужно отдать ему справедливость, благодаря своему организаторскому таланту и спокойному, уравновешенному характеру сумел завоевать широкий авторитет среди татар), заставляли нас быть начеку. Нам удалось организовать свою небольшую конспиративную ячейку в Харби шуро, состоящую из т. К. Якубова, Сулеймана Султан-Галиева и Минникеева. "Наблюдение" за И. Алкиным было поручено С. Султан-Галиеву (он состоял секретарем Харби шуро).

Незадолго до Октябрьского переворота мы через т. С. Султан-Галиева узнали, что комиссаром Временного правительства по Казанской губернии создан какой-то тайный революционный комитет для борьбы с ожидающимся выступлением большевиков и что в этот комитет вошли и братья Алкины (второй Алкин, Джигангир, также входил в Харби шуро). Сообщалось также и о готовящихся арестах некоторых русских товарищей (Ершова, К.Грасиса и других). Обо всем этом нами немедленно было сообщено т. Ольхеницкому. В то же время мы предупредили своих людей в татарской роте, чтобы они "не спали". Командиром этой роты был дядя М. Вахитова - Набиулла Вахитов.

Братья Алкины проиграли. Татарская рота выступила против юнкеров Временного правительства. Вызванная Алкиным со станции Алатырь другая татарская рота также перешла на нашу сторону.

Мы с тов. Мулланауром Вахитовым прошли в первый Революционный штаб Казани. Я был избран секретарем.

Работа после Октября.

Основной нашей задачей (т.е. задачей работников Казанского мусульманского социалистического комитета) после Октября явилось недопущение атаки Советской власти со стороны пробуждающейся и возрождающейся татарской буржуазии. Атака эта была предпринята - и очень организованно - через два-три месяца после Октября. Можно было предупредить ее еще в дни Октября, путем переворота в Харби шуро, снятия оттуда И. Алкина и др. за ним. Но М. Вахитов с этим не согласился, находя это преждевременным (от отдельных мусульманских частей тогда же приходили татарские солдаты, прося разрешить им поднять на штыки весь Харби шуро). Мы повели там работу, положив за основу тактику "взрыва изнутри". Под влиянием агитации нашей ячейки и под впечатлением удачи Октябрьского переворота в Харби шуро образовалось сильное течение за сотрудничество и солидарную работу с Советской властью. Через день после переворота Шуро прислало своего представителя в Революционный штаб (К. Якубов). Прислал его и Окружной мусульманский военный комитет (Я. Чанышев). И.Алкин уехал в Уфу в Национальный парламент мусульман вн.[утренней] России и Сибири. После бурного заседания Харби шуро по предложению большевистской фракции большинством решено было созвать II съезд воинов-мусульман. Мы стали готовиться к этому съезду.

С усилением националистического движения на окраинах (Украинская рада, правительство Азербайджана, движение туркестанских автономи-

стов), и с выяснением того, что в Татарском парламенте национальный блок имеет большинство, Харби шуро переменил свой тон и встал в резко оппозиционное отношение к Советам.

Особенно усилилась агитация против нас и Советской власти, когда по глупости сотрудника "Знамени революции" на страницу газеты попало мое конспиративное сообщение о планах татарской буржуазии и татарских националистических организаций, сделанное мной на заседании пленума исполнительного бюро Казанского Совета, давшее повод татарской газете "Кояш" выступить "с разоблачением" татарских социалистов и "никому не известного, подкупленного большевиками политического авантюриста - некоего М. Султан-Галиева". В передовице, посвященной этому событию, "Кояш" открыто призывал татарских воинов расправиться со мной и «раз и навсегда выкинуть его из татарской среды» (статья носила название "Национальное хулиганство")... Обрушились на нас и другие татарские газеты: "Корылтай", "Йолдыз", "Безнең тавыш". На съезд приехала в большинстве беспартийная масса. Коммунистов оказалось всего лишь 10-12 человек. Мы быстро принялись за их организацию. Первым коммунистом, приехавшим на съезд, был товарищ Х.Юмагулов (впоследствии предревкома Башкирии, постановлением ЦКК исключен из партии). Мы его немедленно запросили на работу. Затем приехал представитель рабочих Донбасса С. Ахтямов. К открытию съезда приехал вызванный нами из Екатеринбурга т. Саид-Галиев. Решено было создать на съезде левую фракцию, куда вошли коммунисты, сочувствующие и часть левых эсеров. Центральным штабом фракции был Мусульманский социалистический комитет.

При открытии съезда я от имени Мусульманского социалистического комитета выступил с программной речью. Я предостерегал съезд, что разбитые нами эсеры и меньшевики организуют контрреволюцию и хотят использовать национальное движение угнетенных народов России как средство борьбы против Советской власти. Я указал, что всем этим орудует англо-французский капитал. Я призывал съезд не поддаваться провокации эсеров и меньшевиков, не разрывать дружбу с Советской властью. Подробно остановился я и на Учредительном собрании. Дело в том, что Харби шуро после разгона Учредилки заявил свой "громкий протест" против этого разгона и запугивал Москву, что он с оружием в руках будет защищать его. Я раскрыл всю похабную ложь позиции Харби шуро, кажется, удачно:* съезд сразу раскололся на "левых" и "правых". Питать надежду только на фракцию "левых" было, конечно, нельзя. Нужно было вести работу за стенами съезда. Вследствие отъезда в Питер на Учредительное собрание М. Вахитова вся тяжесть этой работы легла на меня. Работников было мало. Приходилось работать за десятерых, проводя бессонные ночи.

Я создал в Комитете военный отдел и лично взялся руководить его работой. Мною наспех был сколочен небольшой отряд татарских красногвардейцев из рабочих Крестовниковского завода (40 человек). При их помощи и преданных нам солдат старой мусульманской роты я установил связь со всеми находящимися в Казани мусульманскими частями, число

* См.: С. 171 настоящего издания.

солдат в коих достигло к этому времени 20-ти тысяч. Я организовал делегатское собрание из представителей отдельных частей. На собрание пришло 50-60 делегатов. Харби шуро и Окружной мусульманский военный комитет страшно испугались этого. Не зная, что делать, последний кончил тем, что... прислал на собрание своих делегатов, которых мы, конечно, не приняли.

Одновременно с этим велась такая же упорная работа среди рабочих. Среди них почти через день устраивались митинги. Рабочие вынесли резолюцию о непризнании ими Национального парламента.

Атмосфера в Казани была накаленной. Русская буржуазия и все наши противники эсеры, меньшевики и даже русские черносотенцы подстрекали мусульман объявить Татарское ханство. Национальный парламент вынес постановление о создании Средне-Волжского и Южно-Уральского штата со включением территории нынешней Татарии, Башкирии, Чувашской и Марийской областей и Оренбурга. Харби шуро готовился установить на этой территории свою власть "явочным порядком"[13].

Нужно было это предупредить.

В январе из Финляндии к нам в Мусульманский социалистический комитет прибыла делегация от находящегося там Мусульманского полка с просьбой взять их в Казань. Полк называл себя большевистским полком. Мы послали людей. Подтвердилось. Дали им знать, чтобы выехали.

Но тут произошло досадное для нас недоразумение. Военный комиссар Казани т. Шелыхманов, узнав о движении этого полка на Казань, снесся с т. Подвойским, прося его разоружить полк. Он предполагал, что полк этот вызывается Харби шуро. Когда Харби шуро узнал об этом, то он использовал это для агитации против нас, говоря, что русские большевики разоружают даже большевистские мусульманские части. В связи с этим на съезде они создали благоприятное для себя настроение.

Я снесся по прямому проводу с Москвой и добился отмены этого распоряжения, и полк прибыл в Казань в "распоряжение" Мус.соц.комитета.

По прибытии полка (в нем было 800 стрелков), мы решили приступить к решительным действиям. Решено было левой фракции покинуть съезд и образовать Мусульманский комиссариат как единственный правомочный революционный орган мусульман, разогнать съезд и ликвидировать Харби шуро.

Но маневр этот удался лишь наполовину. Из покинувших съезд 40 человек "левых" подавляющее большинство ушло обратно на съезд (вернулись они в созданный нами Мусульманский комиссариат лишь потом, маленькими группами).

Несмотря на все мои старания, мне удалось удержать лишь пятерых. Это были: Юмагулов, С. Ахтямов, С. Саид-Галиев, Касимов и Галиев.

Свой обратный уход на съезд "соглашатели" мотивировали тем, что они опасаются, что такой резкий раскол среди татарских революционеров приведет к гибели идеи самоопределения татаро-башкир.

Мы остались одни. Тем не менее духом не пали. Был создан Мусульманский комиссариат. Было выпущено воззвание к населению. Комиссаром по делам мусульман был назначен я.

Атмосфера накалялась. Руководители съезда решили объявить Идель-Уральский штат и тем вырвать почву из-под наших ног.

Было созвано экстренное совещание Казанского губ.комитета большевиков с участием меня и тов. Саид-Галиева.

Был поставлен вопрос, как быть. На совещании председательствовал т.Шейнкман, т. Саид-Галиев стоял за то, чтобы дать им объявить республику, т.к., по его мнению, эти люди все равно не сумеют справиться с властью.

Я думал наоборот, а именно: что, если мы допустим объявления штата, то уже потом будет поздно исправлять. Я исходил из следующих соображений:

а) самый акт объявления Татарского государства мог совершить перелом в настроении татарского населения в пользу националистов;

б) войти в вооруженный конфликт мы бы тогда не могли, т.к., во-первых, у нас совершенно не было в Казани вооруженных сил, а во-вторых, Харби шуро путем мобилизации мог довести количество татарских солдат милиции до 60-80 тысяч в одной лишь Казани;

в) националисты могли немедленно снестись и поднять восстание в Уфе, Оренбурге (там было сконцентрировано по 10-12 тысяч татарских солдат) и раскинуть его дальше на Восток: Киргизию, Туркестан, Астрахань, Азербайджан.

Я предложил не допускать объявления националистами штата и как предупредительную меру предложил хотя бы на время арестовать руководителей движения.

Совещание согласилось со мной. И так как в нашем распоряжении имелась лишь одна ночь, было решено аресты возложить непосредственно на меня и т. Саид-Галиева.

Было поздно. В Мусульманском комиссариате мы нашли лишь четырех товарищей: С.Ахтямова, Урманова (впоследствии погиб в подполье в Крыму) и еще двоих товарищей.

Когда мы сообщили товарищам о решении совещания, некоторые из них заколебались. Заколебался и т. Саид-Галиев.

Твердым оказался лишь "старик" Ахтямов.

Я заявил товарищам твердо, что если они колеблются, то я проведу аресты сам, под личную свою ответственность. Колебание их было сломлено. Мы вызвали десять человек русских красноармейцев из ближайшей части и пошли за арестантами.

Отряд наш разбился на два. Один пошел за арестом бр. Алкиных, другой - остальных.

Арестованы были члены Харби шуро и президиума военного съезда Илиас Алкин, Джигангир Алкин, Осман Токумбетов и Юсуф Музаффаров.

Намеченных к аресту командира [95-го] татарского полка Биглова, военного ахуна Багаутдинова, С.Атнагулова и еще нескольких человек нам арестовать не удалось, так как наступило утро и начался день.

Аресты руководителей Шуро вызвали восстание в татарской части города. Восставшее татарское население напало на оружейный склад [95-го мусульманского полка], захватило 20.000 винтовок со всеми припасами.

Восставшие совершили нападение на квартиру главы революционной секты мусульман - сардара Г.Ваисова (секта эта не признавала мечети и проповедовала классовую борьбу. Г.Ваисов имел к Казанской организации письмо от В.И. Ленина, где Владимир Ильич просил оказывать всяческое содействие Ваисову) и убили его. Вслед за тем было совершено нападение на мою квартиру, но меня там не нашли, т.к. я еще накануне, чувствуя грозу, перевел свое семейство в русскую часть города. Мусульманские части заняли выжидательное положение. Часть работников Мус.соц.комитета запротестовала, почему мы совершили эти аресты, не сговорившись с ними (левые эсеры: Ш.Ахмадиев, Алмаев и социалисты-мусульмане Мухутдиновы и др.) и требовала освобождения арестованных. Запротестовал и Финляндский мусульманский полк, почему мы не предупредили их об арестах.

Нужно было принять какое-то быстрое решение, чтобы ликвидировать конфликт в нашу пользу.

И здесь центром, от поведения которого зависело решение этого вопроса, оказался я.

Из пяти членов нашего революционного штаба т. Грасис предлагал немедленно же начать артиллерийскую стрельбу по татарской части города, т. Шейнкман был в нерешительности, т. К.Якубов растерялся совсем, т. Саид-Галиев молчал. Слово было за мной.

Положение я оценил следующим образом:

Открытие артиллерийского огня по татарской части города могло лишь усилить раздражение татарского населения. При вооруженном же столкновении мы могли бы потерпеть при этих условиях полное поражение: красноармейских частей у нас еще не было. Войсковые части были распущены. Всю нашу пехоту представляли нестройные красноармейские отряды в несколько сот человек и 300 человек, прикрывающие артиллерию. Мусульманские части колебались. Из мусульманского полка по телефону сообщили, что солдаты разделись и легли спать, заявив, что не будут защищать Алкиных. Но то, что они легли спать, не означало, что они собираются защищать нас. При таком положении восставшие могли захватить всю нашу артиллерию и повернуть ее против нас. Но если бы даже националисты были побеждены в городе, они могли быстро поправить свои дела в деревне, втянув в борьбу с нами татарское крестьянство. Был ли для Советской власти выгоден такой конфликт? Безусловно, нет. Как раз в этот момент с Запада наступал кайзер. Конфликты в Крыму, в Туркестане, в Башкирии и др. местах настроили мусульман враждебно к нам. Но конфликт с татарами Поволжья был во много раз опаснее конфликтов с туземцами других окраин: они умели воевать и при необходимости могли в несколько дней выставить против нас несколько сот тысяч солдат. Красной Армии у нас тогда еще не было. При сочувствии движению шуристов со стороны русской буржуазии и интеллигенции (когда со стороны Советской власти началась реквизиция ценностей, имеющихся в Троицко-Сергиевской Лавре, то русское духовенство обратилось по телеграфу к Харби шуро, прося у него "защиты от насилия", русские белогвардейцы предлагали шуристам свои услуги и при этом восстании), восстание татар могло распространиться по всему Поволжью и Средней Азии.

И я предложил постараться избегнуть открытого вооруженного столкновения и начать "мирные" переговоры с представителями съезда. Тов. Шейнкман встал на мою точку зрения. Голосовал за это предложение и т. Якубов.

В результате переговоров с парламентерами съезда нами был найден великолепный выход из создавшегося положения. Соглашение было достигнуто на следующих условиях.

1) Харби шуро и Мусульманский военный съезд распускаются и всю полноту власти передают Мусульманскому комиссариату.

2) Все военные части Харби шуро переходят в ведение Мусульманского комиссариата.

3) Представители Шуро отказываются от провозглашения Идель-Уральского штата, предоставив это право съезду Советов Поволжья и Южного Урала.

4) Руководители Харби шуро освобождаются с обязательством не выступать против Советской власти.

Много содействовал такому успешному разрешению конфликта член Казанского военного окружного комитета из левых эсеров т. А. Енбаев, принимавший участие в переговорах как арбитр.

Прежде чем выпустить арестованных шуристов, от них была отобрана подписка, что они отказываются от выступлений против Советской власти.

Последующий ход событий для нас был не страшен. Организовавшаяся после этого в татарской части города "Забулачная республика" для нас была не так страшна. Мы же получили возможность организованной ликвидации остатков националистического движения.

Объявление Центром Положения о Татаро-Башкирской Советской Республике дало нам моральное орудие для борьбы с шуристами. Кроме того, мы приступили к формированию Красной Армии и отдельного мусульманского красноармейского полка. Стянули мы небольшой отряд матросов из Москвы. И "Забулачная республика", почти на месяц оторвавшая от нас татарскую часть города, почти без боя сдалась нам со всеми своими "железными батальонами", когда туда были двинуты наши части. Сопротивление татарской буржуазии было окончательно сломлено[22].

Таким же центром, от воли и энергии которого зависела судьба Советской власти в Казани, а через Казань - во всем Поволжье, оказался я и в июльские дни 1918 г., когда в Казани после занятия чехословаками Самары было поднято так называемое гарнизонное восстание[29] (эти восстания в одно и то же время происходили по всему Поволжью: Астрахани, Н.Новгороде, Костроме, Ярославле). За двухмесячное мое отсутствие в Казани (я приезжал в Москву на совещание по татаро-башкирскому вопросу и здесь задержался на целый месяц в тюрьме, вследствие убийства Оруджиева) работа среди татар оказалась разваленной. Между т.Саид-Галиевым (он был назначен комиссаром по делам мусульман Казанской губернии после моего задержания) и т. Шейнкманом произошел конфликт на почве сбора контрибуций с татарской буржуазии после ликвидации "Забулачной республики". Дело в том, что кому-то из татарских работников пришла в голову мысль поживиться немного за счет этой контрибу-

ции, Решено было удержать из этой контрибуции 50.000 рублей золотом и поделить их между членами Мусульманского комиссариата. Против этого запротестовал "старик" С. Ахтямов. И дележку решено было произвести лишь между узким кругом лиц. Кажется, т. Шейнкман также решительно запротестовал против этого. Отношения между Саид-Галиевым и Шейнкманом были явно ненормальны. Все это случилось за время моего отсутствия. После моего приезда мусульманские работники стали настаивать на передаче Мусульманского комиссариата в мои руки. Я отказывался. Тем не менее меня избрали на эту должность. Тов. Саид-Галиев заперся у себя в комнате и совершенно ушел от работы.

Перед восстанием красноармейцев произошла странная история с т. Шейнкманом, его женой и т. Ольхеницким. На них в лесу напали несколько вооруженных людей в матросских костюмах, требуя от них, куда они спрятали "забулачное золото". Тов. Ольхеницкий был убит, т. Шейнкмана спасла его жена. На этой почве среди отдельных товарищей ходили весьма "неожиданные" разговоры. Говорили, что будто бы одним из нападавших был "видный казанский мусульманский работник".

За неделю до восстания т. Саид-Галиев "уехал" в Уфу (лишь после ликвидации восстания мы случайно обнаружили, что он никуда не уезжал, а лежал, скрываясь у себя в комнате).

Восстанием руководили анархисты из матросского отряда.

О готовящемся восстании нам стало известно лишь накануне. Положение рисовалось так: все красноармейские части (до 7.000) готовились выступить против Советской власти, требуя снятия т.т. Шейнкмана, Милха и Грасиса, т.е. головки власти. К восстанию не присоединился лишь интернациональный батальон, состоящий из венгров, военнопленных немцев и латышей. Решающее слово оставалось за Мусульманским социалистическим полком. Президиум Совета скрылся в штабе интернационального батальона.

Положение было критическое. Было созвано экстренное собрание членов Мусульманского социалистического комитета, Мусульманского комиссариата. Во время совещания раздавались довольно резкие выпады со стороны некоторых товарищей по адресу коммунистов русских товарищей с указанием на то, что они вспоминают о татарских коммунистах лишь в те минуты опасности, что мусульманским работникам не дают работать и т.д.

После моего выступления и выступления т. Юмагулова решено было все силы употребить на то, чтобы не дать Мусульманскому полку присоединиться к восставшим. Но было решено настоять перед русскими товарищами, чтобы по ликвидации восстания были приняты меры к вовлечению мусульманских работников в активную работу.

Обследование мусульманского полка обнаружило не совсем веселую картину. Выяснилось, что руководители восстания связались с полком. Почти во всех ротах батальонов полка было обнаружено в очень большом количестве вино. Настроение было выжидательное. Во все батальоны и роты были посланы люди для связи. Полку было объявлено, что он в оперативном отношении подчиняется Мусульманскому комиссариату. Было приказано никаких распоряжений гарнизонного собрания (оно было за-

хвачено агентами контрреволюции) не исполнять. На другой день после нашего собрания состоялось экстренное заседание Совета, где т. Шейнкман выступил с докладом о готовящемся контрреволюционном выступлении. После бурных прений представители красноармейских частей и гарнизонного собрания покинули заседание с угрозами по адресу оставшихся, что они им "покажут".

Было решено образовать военно-революционный совет, в который вошли т.т. Шейнкман, Грасис и еще несколько товарищей.

После первого же заседания Совета я направился в штаб Мусульманского полка: мне секретно донесли, что посланные туда для связи товарищи (Касимов и Галиев) не могут "участвовать" в полковом комитете.

Когда я прибыл в полковой комитет, то там уже происходило собрание, где обсуждался вопрос о том, какой ответ дать гарнизонному собранию.

Я сразу догадался по выражению лиц, улыбкам, по тону голосов, по разговорам, что полковой комитет не искренен, что отдельные его члены о чем-то думают и что-то скрывают.

Выступали наши агитаторы громко, революционно, но нудно и без влияния. Члены же полкового комитета говорили коротко, но содержательно.

Я слушал, наблюдал и молчал.

И думал, как заставить этих людей пойти в бой за нас.

В этом была вся соль...

Я уловил одно, что мусульманский полк боится выступать.

- Почему?.. - спрашиваю я их.

- Потому что нас всего 700-800 человек, а их 7.000, кроме того, у нас только пехота, а у них и пехота, и кавалерия, и артиллерия.

- Но ведь они тоже боятся... Вас... Меня... Советской власти... И если вы скажете, что выступите против них, то они побоятся и откажутся выступить.

- Да, это, может быть, и так... Но ведь чехословаки уже под Симбирском...

- Что же из этого?..

- Они придут и сюда и будут резать нас и всех мусульман...

- Напрасно вы боитесь. Тогда не надо было записываться в Красную Армию. Сюда из Москвы идут уже войска. Завтра или послезавтра они будут уже здесь. И если вы сейчас же не скажете гарнизонному собранию, что вы против Советской власти не выступите, а выступите против восставших, тогда мы вам больше никогда не поверим и перестреляем, как только прибудут новые войска. Вот сегодня только прибыл татарский батальон (действительно, в это время в Казань случайно прибыл этот батальон, он состоял из персов, афганцев и турок, татар и башкир, в нем было всего лишь 125 стрелков, но очень преданных)...*

Это на них немного повлияло. Почувствовав это, я взял более решительный тон. Я выступил зло и сердито. Каждым своим словом я старался зажечь их сердца. Я обвинял их в трусости, в отсутствии мужества и кон-

* Обрыв текста. - Сост.

чил заявлением, что я всех их сейчас же перестреляю, если они сейчас же не скажут мне, что пойдут про...*

Бледные и дрожа от волнения, они заявили мне, что готовы выполнить все. что им ни прикажу.

Я сел и быстро написал резолюцию, где Мусульманский полк давал клятву, что он выступит с оружием в руках против восставших частей, и призывал и другие части быть верным Советской власти.

- Подпишитесь...

Подписались...

Четверть оказались безграмотны

- Наложите тамгу.

Наложили.

- Клянитесь, что не измените своему слову!

Поклялись.

Резолюция немедленно была вручена одному из товарищей (т. Урманову) для оглашения на гарнизонном собрании. Полку был дан приказ - быть готовым к бою.

Но я только этим не ограничился.

Я срочно вызвал к себе прибывшего с Татаро-Башкирским батальоном т. Маликова (он сейчас в Турции в составе сотрудников нашего посольства).

- Сейчас же поезжайте на гарнизонное собрание и заявите от имени Татаро-Башкирского батальона, что вы будете защищать Советскую власть от всяких посягательств и выступите против восставших.

- Но как же, ведь я не батальон...

- А ты знаешь настроение своего батальона?..

- Знаю...

- Хорошее?

- Да, хорошее.

- Ну, что же, резолюцию прочтете батальону потом... Надо спешить.

Он взял заготовленную мной резолюцию и поскакал на гарнизонное собрание.

Выступление представителей Мусульманского полка и "прибывшего из Москвы" Татаро-Башкирского батальона для гарнизонного собрания было неожиданно. Когда же к этому присоединилось и заявление Интернационального батальона, то оно окончательно растерялось. Собрание пришло в полное замешательство. Было закрыто для выяснения положения. Но выяснить им положение так и не удалось. Выступление треснуло по всем своим швам. Быстрыми мерами оно было ликвидировано окончательно.

Вовремя принятое непосредственное психологическое воздействие на членов полкового комитета Мусульманского полка, а через них - на всех остальных восставших, предупредило страшное восстание в тот самый момент, когда оно готово было развернуться во всю ширь.

Если бы это восстание не было предупреждено вовремя, то в Казани мы имели бы второй и более страшный Ярославль и едва ли сумели бы подтя-

* Обрыв текста. - Сост.

нуть к Казани те силы, которые брошены были туда к моменту подхода к ней чехословаков.

Значение татаро-башкирских частей тогда местными товарищами было понято недостаточно. Воспользовавшись создавшимся тогда настроением, можно было объявить мобилизацию среди татар и наспех сколотить несколько полков, которые при защите Казани имели бы, безусловно, в несколько раз большее значение, чем отряды из китайцев Трофимовского, разбежавшиеся при первом выстреле со стороны чехословаков[170]. Оно было понято. Но уже тогда, когда под Казанью стояли чехословаки, мобилизация татар была объявлена лишь накануне входа в Казань чехословаков.

Говоря о мусульманских частях Казани в истории революционного движения, я хочу остановиться еще на одном факте. Это ликвидация левоэсеровского мятежа. Выступление лев. эсеров в Казани не удалось почти исключительно благодаря твердости и преданности Мусульманского полка (тогда в Казани работал т. Межлаук).

Говоря о своей роли в развитии революции в Поволжье и на Урале, я не могу обойти молчанием еще два момента, когда я оказывался тем центром, от энергии, преданности и честности которого зависело очень многое для успеха Советской власти. Эта моя работа, способствовавшая переходу башкир на сторону Советской власти в 1919 г., и моя работа в Казани и во 2-й армии в период наступления на Казань Колчака.

Кажется, в 1920 г., после отъезда из Башкирии т. Х. Юмагулова и З. Валидова или перед этим, как-то в разговоре со мной т. Сталин раздраженным голосом заявил мне, что я тогда присылал неправильную информацию о Башкирии.

Мне было страшно тяжело слышать это от т. Сталина, именно от него, а не от кого-нибудь другого. И вместо того, чтобы возражать, я замолчал. Я лишь подумал про себя:

- Какую же неправильную информацию я мог прислать?..

Последствия этого недоверия ко мне были очень тяжелы. В тот момент, когда я готовился ехать вместе с т. Зиновьевым в Баку на съезд народов Востока, вмешался т. Сталин, и по постановлению Политбюро ЦеКа я был оставлен в Москве... Между тем работа на Востоке была всегда моей заветной мечтой во все время революции.

Я неоднократно порывался спросить т. Сталина, в чем же заключалась неправильность моей тогдашней информации о Башкирии. Неоднократно решался написать ему об этом, но всякий раз меня почему-то останавливала мысль о том, что ведь все равно я его не разубежу, или же мысль о том, что мое обращение может быть понято как заискивание.

И я молчал и думал, что когда-нибудь т. Сталин поймет свою ошибку ко мне.

Сейчас я занимаю такое положение, что едва ли кто-нибудь может подумать о том, что я заискиваю или стараюсь переубедить кого-то в чем-то. Но что моим судьям было ясно все, я хочу остановиться сегодня и на этом вопросе.

Я утверждаю и готов отказаться от всего и даже от жизни, если мне не поверят в этом, что я бвл абсолютно чист и честен в своих сношениях с башкирами во время переговоров наших в Уфе (январь-февраль 1919 г.).

Так же был я чист и честен в своих переговорах с татаро-башкирскими левыми эсерами.

Уезжая с мандатом от ЦеКа в Уфу, я получил от т. Сталина твердый наказ войти в сношение с башкирами, заявить им о готовности Советской власти не препятствовать образованию отдельной и автономной Башкирии и всеми силами стараться добиться перехода башкир на сторону Советской власти.

Я это выполнил. Но выполняя, встречал препятствия.

В чем же они заключались?..

Заключались в том, что среди татаро-башкирских работников существовали группы, сопротивляющиеся образованию Башкирии. Были таковые и среди русских товарищей (оренбуржцы).

Группы эти были представлены, с одной стороны, татаро-башкирскими левыми эсерами, с другой - приехавшими в Уфу из Казани без разрешения ЦеКа татарскими коммунистами-интернационалистами и, в-третьих,- работавшими в 1-й Армии оренбургскими татарскими коммунистами-бухаринцами.

Татаро-башкирские левые эсеры, возглавляемые татарским писателем Галимджаном Ибрагимовым - с одной стороны, и Г. Баимбетовым - с другой, в это время переживали глубокий кризис. Они сочувствовали Советской власти и не присоединялись к левоэсеровскому мятежу. Продолжая работать вместе с большевиками, они тем не менее чувствовали себя ненормально: на них нападали татарские коммунисты, требуя снятия их с работы; русские товарищи глядели косо, с недоверием. Среди низов организации образовалось сильное течение перехода в РКП (б). Но лидеры удерживали их от этого. Но некоторые все же переходили.

Против создания отдельной самостоятельной (а не Татаро-Башкирской) Башкирии левые эсеры были потому, что они еще во время Февраля и в первые дни Октября в Татарском национальном парламенте отстаивали необходимость создания Идель-Уральского штата (Татария, Башкирия), ведя борьбу за эту идею, с одной стороны, с татарскими унитаристами (Ахмедбеком Цаликовым, Г. Исхаковым и С. Максудовым), а с другой - с З. Валидовым, отстаивающим идею автономной Башкирии. Особенно злы были они тогда на З. Валидова, так как с унитаристами левые эсеры спелись (Национальный парламент принял их проект создания Идель-Уральского штата), а З. Валидов покинул Национальный парламент и организовал свой Башкирский курултай (съезд). Фактически татаро-башкирские левые эсеры были группой татарских левых националистов, принявших платформу левых эсеров. Называли они себя еще "туфракчы" (туфрак - значит земля); туфракчы значит сторонник земли; понималось это как "территориалист", т.е. сторонник территориального самоопределения).

По приезде в Уфу я связался с ними. Они работали в политотделе 5-й армии. Я устроил с ними совещание, где поставил перед ними вопрос, почему они не хотят войти в РКП. На совещании я уловил одно, что низы стремятся к нам, но не хотят этого лидеры. Лидеры ставили условия: принять в партию всю организацию целиком с тем, чтобы татаро-башкирские коммунисты существовали в РКП (б) как отдельная национальная органи-

зация. Я снесся с ЦеКа, и от тов. Сталина была получена телеграмма, что ЦеКа предлагает уфимским товарищам дать татаро-башкирской левоэсеровской организации возможность легального существования. Телеграмма эта была вызвана еще тем, что я сообщал о преследовании т.т. бывших левых эсеров некоторыми из татарских коммунистов (а это было).

Я установил еще одно, что левые эсеры уже имели связи с З. Валидовым через политотдел 5-й армии. Они посылали туда своего человека З.Аминева, который принес подробную информацию о положении дел у З. Валидова. Приехавшие для переговоров от З. Валидова в Уфу Халиков (сейчас предсовнаркома Башкирии), Бикбавов и М. Кулаев также завязали сношение с Реввоенсоветом 5-й армии и мной через левых эсеров. Сведения, привезенные З.Аминевым, совпадали с теми сведениями, которые мне удалось достать и от некоторых татарских коммунистов (К. Якубов и Урманов), а также от отдельных лиц, побывавших в отрядах З. Валидова.

Сведения эти говорили о том, что после разгона Колчаком Самарской учредилки работавший вместе с учредиловцами И. Алкин (он был членом Учредительного собрания) поехал в Башкирию к З. Валидову и ведет там агитацию за переход башкир на сторону Советской власти, что З. Валидов также склонен к этой мысли и что им все действовавшие на отдельных фронтах башкирские части отозваны на территорию Башкирии, что Колчак старается удерживать башкир в своих руках и что в случае неудачи переговоров с нами башкиры хотят скрыться в киргизских степях.

Я немедленно сообщал обо всем в Центр.

В целях выяснения позиции в башкирском вопросе и бывших левых эсеров я устроил с ними еще одно совещание. Вначале они были против создания отдельной Башкирии, т.к. стояли, ка и раньше, за "Татаро-Башкирскую" республику. Но когда я им доказал историческую необходимость отступления от Татаро-Башкирской республики в смысле уступок башкирам, они согласились с этим.

Был против один лишь Баимбетов, но и тот в конце концов согласился с остальными товарищами, заявив, что он будет признавать Башкирию лишь временно и что в будущем будет настаивать на образовании Татаро-Башкирии.

Тем не менее приглашенный на заседание Реввоенсовета 5-й армии, он совершенно неожиданно для меня сделал заявление, что никаких уступок башкирам не надо делать, что никакой угрозы З. Валидов из себя не представляет и т.д. (на совещании этом были т.т. И.К.Смирнов, Голощекин, я и другой т. Смирнов). Это обнаружило, что среди татаро-башкирских левых эсеров, по крайней мере, среди их верхов, существовало сопротивление к образованию Башкирии.

Второй группой, сопротивлявшейся образованию Башкирии, были, как я уже указал, прибывшие из Казани татарские коммунисты, так называемые интернационалисты во главе с молодым коммунистом Галиевым. Присоединился к ним и член Уфимского ревкома Якуб Чанышев. Эта группа была принципиально противником национального вопроса. Лидером этой группы был т.Х. Юмагулов и отчасти (раньше) С. Саид-Галиев. В Уфу они были посланы по секретному поручению Х. Юмагулова, когда

он находился в Центральном бюро мусульманских коммунистических организаций в Москве.

Группа эта была противником и Татаро-Башкирской республики и отчаянно нападала на татаро-башкирских левых эсеров. Последние в Уфе были буквально терроризированы ими. Ломать сопротивление этой группы мне не пришлось: после моей первой же телеграммы в ЦеКа т. Сталину о дезорганизующей работе этой группы ЦеКа предписал немедленно же направить их в Москву в распоряжение ЦеКа, тем не менее они пытались остаться в Уфе, но потом сломили сами себя. Як.Чанышев и И.Галиев были арестованы Особым отделом 5-й армии (т. Павлуновским с уличением в вымогательстве)[168]. Обнаружилось, что эти товарищи создали организацию, которая, действуя от имени ЦеКа, терроризируя тем самым мусульманское население, занималась вымогательством у них денег. Такая же "организация" обнаружилась и в открытой ими школе политграмоты: там этим делом занялись курсанты. (Постановлением Особого отдела было решено, кажется, расстрелять этих товарищей, но оно не было приведено в исполнение вследствии захвата Уфы Колчаком. Впоследствии эти товарищи явились в Казань, чистосердечно раскаялись в своих поступках и ввиду наступления на Казань Колчака были прощены нами и отправлены на фронт).

Третьей группой были татарские коммунисты Оренбурга во главе с т.т. Шамигуловым и Хакимовым. Эта группа также была принципиальным противником национального вопроса и называла себя бухаринцами, т.е. последователями т. Бухарина в национальном вопросе (т. Бухарин на XII партсъезде открыто признался в глупости той практики в национальном вопросе, которую он выставлял в начале революции). Группа эта представляла серьезную опасность при переговорах с башкирами, т.к. своей нетактичностью могла оказать Советской власти лишь медвежью услугу. И на самом деле дело клонилось к этому. Башкирские войсковые части перешли (накануне подписания договора между нами и башкирами в Уфе) на сторону Советской власти, но не в районе 5-й, а 1-й армии, т.е. в районе, где находилась указанная группа товарищей. На башкирские части начались гонения. Вместо того, чтобы их использовать немедленно же против Колчака, их стали разоружать и распускать по домам. Башкиры стали нервничать. Особенно большую рьяность в этом деле проявил командующий 1-й армией т. Гай. Среди башкир стали говорить, что т. Гай нападает на них не как советский работник, а как армянин.

Я боялся, что разоружение башкирских частей даст лишь отрицательные результаты, и немедленно сообщил свои соображения по этому поводу в Центр. Одновременно с этим я снесся с находившимся в Оренбурге т. Юмагуловым (он был направлен туда с мандатом от ЦеКа). Я ему подробно изложил положение дел, а также отношение ЦеКа к башкирскому вопросу (в это время началась эвакуация Уфы и аппарат, по которому я говорил, был последним аппаратом) и высказал свои опасения насчет поведения оренбургских товарищей. Тов. Юмагулов ответил мне, что он вполне разделяет мою точку зрения в этом вопросе и солидарен со мной. За несколько дней до этого я был вызван к прямому проводу перешедшим на нашу сторону З. Валидовым. Он доводил до моего сведения о всех тех

безобразиях, которые были учинены над башкирскими частями после их перехода на нашу сторону. Видно было, что этот человек страшно угнетен и нуждается в защите. Я понял, что если я ему не окажу этой защиты, то мы навсегда или надолго потеряем башкир. Я постарался успокоить его, твердо заявив, что центр Советской власти в лице Политбюро нашей партии и в лице руководителей революции имеет твердую линию в башкирском вопросе и неуклонно будет проводить ее. Когда же З. Валидов повторно начал указывать на притеснения, какие делались в отношении башкирских частей в 1-й армии, то я счел необходимым указать, что требовать так настойчиво ограждения башкирских частей от разоружения он все же не может, т.к. эти части перешли на нашу сторону до подписания вырабатываемого нами в Уфе договора (впоследствии из этого моего разговора оренбургские товарищи заключили о моем желании предупредить З. Валидова о том, что он слишком рано перешел на сторону Советской власти, прислали от имени губкома к т. Стасовой т. Хакимова с жалобой на меня и т. Юмагулова: на последнего они жаловались на то, что он переменил свои взгляды в башкирском вопросе).

Повторяю, никакого желания "подкузьмить" Советской власти в башкирском вопросе я не имел и не мог иметь. Я горел лишь одним желанием - добиться всеми силами перехода башкир на сторону Советской власти и борьбы их с Колчаком, и в то же время показать угнетенному и брошенному всеми башкирскому народу, что единственным другом его является Советская власть и Коммунистическая партия. К чему было взваливать на меня всякую напраслину в этом вопросе и почему обратный уход к Колчаку некоторых башкирских частей (Муртазина и других) надо было приписать моим разговорам с Валидовым?

Я не знаю.

Если кто и был виноват тогда в обратном уходе частей башкир на сторону белых, то ни в коем случае это был не я и не т. Юмагулов: были виноваты те, кто не сумел понять великого значения для революции в тот момент башкирского вопроса и своим неправильным вмешательством в это дело сыграл на руку Колчаку: мы дали ему опомниться и нанести удар по Уфе.

Теперь я перейду к своей работе в Казани и во 2-й армии.

Поехал я туда, кажется, в конце апреля 1919 г., когда вернулся из Уфы. Мне было предложено вначале поехать в Башкирию в качестве представителя Центра. Лично я был расположен и в пользу того, чтобы ехать туда, но против этого решительно запротестовали татарские товарищи, говоря, что никого не останется для работы среди татар. Я сообщил об этом т. Сталину, но он уговорил меня поехать в Башкирию. Но в связи с наступлением Колчака и его угрозой Казани я был послан туда. Я выехал в тот же день. Уезжая, я получил наказ от т. Сталина быть беспощадным к врагу, поднимать у него в тылу восстания и ни за что не допускать его к Казани. Поехал я туда во главе Центральной мусульманской военной коллегии, председателем которой я состоял. В Казани я обнаружил печальную картину. "Интернационалисты" мои передрались между собой и с русскими работниками. Среди русских товарищей также назревала склока: недовольные "деспотизмом" и "жестокостью" т. Малютина (он был тогда

предгубисполкома Казанской губ.) работники сгруппировались вокруг прибывшего из Питера т. Антипова и его жены т. Ратнер. Т.т. Антипов и Ратнер почему-то всех работников оценивали с той точки зрения, "голосуют они с Малютиным или нет". Вмешался в это еще член Реввоенсовета 2-й армии покойный Штернберг. Меня почему-то отнесли сразу к числу сторонников Малютина. Чувствовалось, что работы среди татарских рабочих никакой не было. Слабо шла она и среди русских рабочих.

С вокзала я прямо поехал в губком. Там встретил меня т. Малютин. Обнявши, поцеловав меня, он крикнул: "Ну, теперь Колчак нам не страшен!" Вечером в президиуме Губкома т. Малютин сделал доклад о положении дел на фронте (он был введен членом Реввоенсовета 2-й армии). Сущность доклада сводилась к следующему: 2-я армия совершенно разложилась, во многих полках осталось по 40-50 человек; армия по всей линии отступает. Среди рабочих Казани нарастает недовольство. Крестьянство по пути нашего возможного отступления от Казани готово к восстанию против нас; вывезти из Казани все ценности нет возможности: на станциях образовался затор. Максимум через 7 дней Казань может быть захвачена Колчаком. Предлагалось выйти из состояния расхлябанности и организоваться как только можно. Как только я узнал обо всем этом, немедленно же созвал заседание ответственных работников татар[53]. Заседание напоминало историческое заседание Мусульманского социалистического комитета перед Гарнизонным восстанием[29]. Казанские татарские коммунисты стали жаловаться, что русские товарищи не дают им работать. На всех ответственных постах нет ни одного татарина, Татарское бюро губкома РКП(б) помещается около уборной и т.д. Когда же я им обрисовал тяжелое положение армии и возможность сдачи Казани Колчаку, то все они поняли, что сейчас не время таким разговорам. Решено было прекратить также всякие разговоры о национализме и интернационализме и думать лишь об одном: об отражении Колчака. Был составлен следующий план работы: 1) просить ЦеКа об объявлении мобилизации татарских коммунистов и направлении их в распоряжение Центральной мусульманской военной коллегии для работы в организующейся Татарской бригаде;

2) просить ЦеКа о введении в Реввоенсовет 2-й армии и военсовет Казанского укрепленного района[59] по одному мусульманскому работнику (кандидатами в Реввоенсовет 2-й армии был выставлен я, в военный совет Казанского укрепленного района - Ю. Ибрагимов);

3) усилить и ускорить формирование Татарской бригады;

4) усилить агитацию среди рабочих-татар;

5) послать в тыл к противнику подпольных агитаторов.

По окончании заседания я срочно передал обо всем по прямому проводу т. Сталину, я считал это своим долгом.

Помню, я выступил на митинге татарских рабочих на Алафузовском заводе. Большой зал театра был полон. Я говорил два часа, и когда я стал рисовать перед рабочими те ужасы, которым подверглись бы они, если бы Колчаку удалось задушить Советскую власть, я заплакал. Мой голос был суров и звенел, звенел как сталь, но из глаз моих закапали слезы... Я не мог их удержать. Плакали и рабочие... Помню, как встал высокий седобородый старик, выпрямил стан, вытер глаза платком и сказал: "Давно я не

плакал, но ты, сын мой, заставил меня прослезиться... Мы принимаем твой зов и все запишемся добровольцами в Красную Армию, только скажи, есть ли у вас твердые люди, которые поведут нас в бой?".

- Да , дедушка, найдутся.

В своей резолюции, принятой после этого митинга, татарские рабочие призывали и других рабочих к самоотверженной защите Советской власти и требовали суровой борьбы с дезертирами из Красной Армии. Такое же настроение было создано и в других районах. Настроение татарских рабочих быстро передалось и русским. Закипела работа и в Центральной мусульманской военной коллегии. Заработали печатные станки. Сотни тысяч экземпляров агитационной литературы потекло к нашим и полетело к отрядам Колчака.

С т. Троцким я выехал на фронт на передовые позиции, он говорил перед красными бойцами таким же точно голосом, каким он выступает в Большом театре. Но здесь его голос был все же резче и звучнее... Кроме того, у него здесь на фронте капали слезы из глаз, капля за каплей...

Тогда наши части стояли по эту сторону р. Вятки. По ту сторону находился Колчак. Лишь у моста по ту сторону наши выдвигались вперед версты на две, на полторы. Помню последние слова т. Троцкого: "Ни шагу от моста! Он должен остаться нашим. Ни шагу от Вятки!"

Колчаком был сделан прорыв. Около Малмыжа в районе 21-й дивизии переправился через реку и сразу занял шесть наших селений. Это означало - открыть дорогу на Казань. Созвали Реввоенсовет: т. Сафонов, командарм т. Шорин и я. Кому-нибудь надо ехать на фронт, поддержать дух бойцов.

- Кому же ехать?

Шорину было нельзя: он командовал всей армией...

Малютин и Штернберг находились в Казани. Т. Сафонов не имел красноречия.

- Давайте поеду я.

Сел и поехал. По железной дороге, а потом на лошадях. К моему приезду прорыв был ликвидирован, но ожидался вновь. Я целую неделю скакал верхом от одной части к другой. Приезжал, узнавал состояние частей, выступал. Были недовольства. Выспрашивал чем, почему и как. Давал объяснения. Сообщал в штаб армии. А за рекой стерег нас враг, каждую минуту готовясь переплыть реку и броситься на нас. 21-я дивизия была самой плохой нашей дивизией, но оказалась она потом очень хорошей и ничуть не отставала от знаменитой дивизии Азина.

Колчак был прогнан из-под Казани.

Останавливаться подробно на том, какую работу я нес еще во время Октябрьской революции, я не буду. Центральному Комитету партии это должно быть известно. Я лишь перечислю те должности, какие я занимал в отдельные моменты революции. Вот они:

1) член Реввоенштаба Казанской губ. во время Октябрьской революции;

2) член возникавших в последующем ревкомов и революционных штабов до апреля 1918 г.;

3) казанский губернский комиссар по делам мусульман (февраль-апрель, июнь, август 1918 г.);

4) член Революционного штаба во время вооруженной ликвидации "Забулачной республики";

5) губернский (Казанский) комиссар по продовольствию (в июне, августе, работал вместе с тов. Малютиным, когда нужно было выкачать для голодающей Москвы хлеб), стоял на своем посту до захвата Казани чехословаками и чуть не попал к ним в плен: спасла лишь моя находчивость);

6) член Совнаркома Казанской Советской Республики и 2-й комиссар по делам просвещения этой республики (февраль-апрель 1918 г.);

7) секретарь, с декабря 1917 г. - председатель Казанского мусульманского социалистического комитета (июнь 1917 г. - июль 1918 г.);

8) рядовой красноармеец во 2-й армии под Сарапулом после занятия Казани чехословаками (об этом знает т. Стельмах, состоявший тогда комендантом г. Сарапула, а сейчас работающий в Отдельной Кавказской армии). Должен был быть назначен на должность начальника снабжения 2-й армии, но был вызван в Москву;

9) комиссар по делам мусульман Внутренней России (с 12 сентября 18 г. до мая 20 г.), т.е. до ликвидации Комиссариата);

10) председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене (с 12 сент. 1918 г. до ноября 1920 г., т.е. до ликвидации);

11) председатель Чрезвычайной комиссии по восстановлению мусульманских пролетарских организаций и борьбы с контрреволюцией среди мусульман (была создана такая временная организация после освобождения Казани по соглашению с НКНацем, НКВоеном и ВЧК ... Тов. Петерс, мой мандат был подписан Вами);

12) начальник Восточного отдела ПУРа (ноябрь 1920 - январь 1921 г.);

13) член коллегии Наркомнаца (с мая 1920 г. с небольшими перерывами);

14) представитель Татарской республики (два раза: при т.Саид-Галиеве некоторое время и сейчас);

15) представитель НКНаца в Крыму (февраль-март 1921 г.);

16) представитель Крыма (март-август 1921 г.);

17) член президиума федерального комитета по земельным делам при НКЗеме и при ВЦИКе (с октября 1921 г. по ноябрь 1922 г.);

18) председатель [федерального комитета по земельным делам] - при НКНаце (с ноября 1922 г.);

19) представитель НКНаца, НКЗема в отдельных центральных земельно-хозяйственных органах, в Особой коллегии высшего контроля по спорным делам;

20) член Казанского губкома [РКП(б)] (август 1919 г.);

21) член ТатЦИКа 1-го и 3-го созыва;

22) кандидат в члены ВЦИК 7-го созыва;

23) член, впоследствии Председатель Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока (с ноября 1918 г. по 1921 г.);

24) член бюро башкирских коммунистических организаций при ЦК (с декабря 1921 г.).

М. Султан-Галиев.

ЦГА ИПД РТ. - Ф. 8237. - Оп. 1. - Д. 8. - Л. 1-183. Ксерокопия.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань: Тат. кн. изд-во, 1992.- С.340-444.

Показания на следствии о мотивах связи с местными руководящими работниками

1 июня 1923 г.

Допрошенный 1/VI-23 г., я, в ответ на предложенные мне вопросы, показал следующее:

Я просил **Фирдевса** Измаила /наркомюст Крымской республики/ приехать в Москву к XII съезду партии, желая с ним переговорить и взаимно друг друга информировать, так как меня с ним объединяла общность взглядов по национальному вопросу. Несогласие с некоторыми крупными, а также и мелкими проявлениями советской политики в отношении восточных республик и государств и давало возможность искать сближения и объединения деятельности коммунистов разных восточных республик и стран, несогласных с этой политикой и считавших эту политику ошибочной. Например, с т. Фирдевсом /Крым/, Мухтаровым и Енбаевым и другими татарскими работниками нас объединял инстинкт самосохранения и революционной самозащиты, поскольку мы подвергались преследованиям со стороны определенной группы татарских и отчасти русских работников, а также общая революционная работа. С т.т. туркестанцами /Рыскуловым и др./ нас объединяла общность взглядов по национальному вопросу и, в частности, по работе в Туркестане, поскольку мы не были согласны с проводившейся там национальной политикой. С башкирами /Адигамовым, Халиковым, Кушаевым, Мурзабулатовым и Бикбавовым/ нас объединяло сознание необходимости выпрямления линии русских работников в Башкирии.

В ответ на вопрос о том, почему я, член Советского правительства, счел допустимым установить условную переписку и сношения /пароль, условные знаки/ с лицами, находящимися вне советской территории (коммунистом **Таджи-Бахши** в Персии и коммунистом **Джелал** в Турции), тайно от Советского правительства и Коминтерна, я показываю, что эту работу я считал групповой работой, не согласованной с работой Совправительства, линией ЦК РКП и Коминтерна, и боялся преследований за эту работу. В предыдущих показаниях я отрицал, что мне было известно о беспартийности Бикбавова. Я показываю, что мне факт его беспартийности был известен, когда я писал шифровку т. Адигамову. Я рассчитывал использовать XII партсъезд и V Конгресс Коминтерна для устройства негласных совещаний с целью выявления нашей позиции по национальному вопросу и объединения деятельности.

Я признаю, что, действуя тайно от Совправительства и Коминтерна, я действовал незаконно, и в этой своей деятельности раскаиваюсь.

Исправленное /вычеркнуты две с половиной строчки/ верно. М.С.

Вышеизложенное записано с моих слов верно.

1/VI-23 года. М. Султан-Галиев.
Допросил Я. Агранов.
Верно: /А. Слинько/.

ЦГА ИПД РТ. - Ф. 8237. - Оп. 1. - Д. 5. - Л. 86-87. Копия.

Показания
на следствии о характере басмаческого движения в Туркестане и мерах борьбы с ним, письме А.К.Адигамову с просьбой установить связь с З. Валидовым

4 июня 1923 г.

Допрошенный 4/VI-23 г., я, в ответ на предложенные мне вопросы показал следующее:

1/ Из разговоров с рядом туркестанских товарищей /с Рыскуловым до его поездки в Туркестан, Тюракуловым, Рахимбаевым - отозванным из Туркестана, я уяснил себе: 1/ что басмаческое движение в Туркестане есть результат неправильной /в значительной степени/ политики Соввласти в национальной политике Туркестана; и 2/ что меры лишь военной борьбы являются недостаточными для ликвидации движения, что нужны еще меры политического и социально-экономического характера в смысле известных уступок населению /туземному/ Туркестана. Я предполагал, что это обстоятельство и будет учтено ЦК при определении им новой тактики по национальному вопросу.

2/ Групповую работу я начал вести с 1920 года. Вначале подобная работа велась в Татреспублике, где к нашей группе примыкали почти все те товарищи, которые ныне входят в правительство Татреспублики. Явилось это результатом образования группы так называемых левых /Саид-Галиевская группа и бывшие левые эсеры/, преследовавших нас провокационными путями. Возникновение нашей группы в Башреспублике и установление нами взаимной связи и информации произошло после X Съезда советов, когда у нас, в связи с подачей нами заявления в ЦК о непосредственном включении автономных республик и областей в СССР, возникло опасение преследования главным образом со стороны местных работников. Хотя мы и сознавали, что можем подвергнуться преследованиям за ведение групповой работы, тем не менее желание сохранить себя как группы и побудило нас сплотиться. В Москве к нашей группе принадлежали персидские работники **Гасанов*** , **Резаев** /полтора месяца тому назад рекомендованный мне т. Гасановым/. С туркестанскими работниками я был связан через т. Рыскулова. Шифра у нас не было, но я два раза списался с Рыскуловым и один раз отправил к нему курьера. Характер нашей переписки с ним был негласный. Мы устанавливали связь с крупными местными работниками, рассчитывая, что они уже сами смогут сплотить вокруг себя своих людей. Группа наша была небольшая.

3/ Я признаю, что поступил совершенно незаконно, сделав предложение т. Адигамову в зашифрованном письме об установлении шифрованной или живой связи с одним из руководителей басмаческого повстанческого движения /направленного против Советской власти/ Заки Валидовым,

---

* Гасанов оказался агентом ГПУ. - Сост.

скрыв этот факт от Советского правительства, членом которого я являюсь, как член коллегии Наркомнаца. В момент составления вышеуказанного письма я этого не сознавал, хотя этому и предшествовало получение мной записки от т. Сталина, в которой я был заподозрен в участии в организации типа валидовской. Я теперь сознаю, что факт установления нами тайной связи с Заки Валидовым мог в глазах последнего дискредитировать Советское правительство и показать Валидову, что в Совправительстве не все благополучно. Я не знал наверняка, но лишь предполагал, что у Адигамова уже имеется связь с З. Валидовым, причем я отдаю себе сейчас отчет (когда я писал ему шифровку, я этого не сознавал) в том, что в последнем случае Адигамов является прямым или косвенным союзником З. Валидова. Я предполагал, что Адигамов меня запросит о содержании нашей связи с Валидовым. В момент составления шифрованного письма к Адигамову я был в угнетенном и удрученном состоянии вследствие того, что я был заподозрен, что за мною следят, а также потому, что меня угнетал вопрос о том, что неужели я действительно так опустился, как указано в записке т. Сталина.

К сему добавляю, что, обдумывая сейчас все обстоятельства, при которых происходило составление этого письма, я прихожу к заключению, что, очевидно, в этот момент я находился в состоянии невменяемости.

Сознавая, что действия мои были незаконны и преступны по отношению к партии и Совласти, глубоко раскаиваюсь во всем, мной совершенном. Считаю, что мой арест был совершенно законен. Также будет законно и применение ко мне высшей меры наказания - расстрела. Я это говорю искренне.

М. Султан-Галиев.

Все поправки, внесенные на всех 4 страницах, считаю правильными /на 2-ой странице 2 вставки и одна вставка на 3 странице/. М. Султан-Галиев.

Допросили /Я. Агранов/, /В. Менжинский/.
Верно: /А. Слинько/.

ЦГА ИПД РТ. - Ф. 8237.- Оп. 1. - Д. 5. - Л. 88-90. Копия.

1924 г.

- **Письмо И.В. Сталину с просьбой о содействии в восстановлении в партии. 14 августа 1924г.**
- **Заявление в Центральную контрольную комиссию РКП (б) с просьбой о восстановлении в партии. 8 сентября 1924г.**

Письмо
И.В. Сталину с просьбой о содействии в восстановлении в партии

14 августа 1924 г.

Дорогой тов. Сталин!

Ровно год тому назад в разговоре с Вами о возможности использования меня в интересах революции (дело было накануне ожидавшихся развернуться германских событий) мною был поднят перед Вами вопрос о моем восстановлении в партии.

Тогда Вы дали мне совет подождать с этим вопросом, говоря, что поднять его можно будет не раньше, как через год.

Я последовал Вашему совету и в течение всего этого времени терпеливо ожидал наступления того дня, когда бы я мог, наконец, поставить этот вопрос перед ЦеКа.

Говорю "терпеливо", т.к. весь этот год некоторые товарищи, несмотря на то, что вопрос обо мне давно уже потерял свою актуальность, не постеснялись заниматься продолжением систематической травли против меня: открыто выступали в периодической и повременной печати (газеты "Эшче", "Татарстан" и брошюра т. Галимджана Ибрагимова "Кара маяклар" - "Черные вехи"), гнали из квартиры, следили (на виду почти всей Москвы), травили моих родственников и т.д.

Я ни на минуту не сомневался в том, что все это делается помимо Вас, т.к. не мог допустить, чтобы Вы могли позволить кому бы то ни было заниматься таким делом, как избивание обезоруженного, но не обращался к Вам, т.к. не хотел беспокоить Вас мелочами.

Итак, год, как он ни был тяжел для меня, прошел, и я бы хотел вновь поставить сейчас перед Вами вопрос о своем восстановлении. Дело в том, что оставться и дальше в таком неопределенном положении я не могу: одно из двух - или я должен быть восстановлен в партии и, засучив рукава, приняться за работу, или же мне открыто должны сказать, чтобы я не рассчитывал больше на это.

Поднимать же вопрос об этом перед ЦеКа, не сговорившись предварительно с Вами, я бы не хотел. И я убедительнейше прошу Вас не отказывать мне в личном приеме или же в том, чтобы мне было позволено изложить перед Вами в письменном виде некоторые мои соображения по этому вопросу.

В ожидании ответа -

Уважающий Вас М. Султан-Галиев.

ЦГА ИПД РТ.-Ф. 8237. - Оп. 1. - Д. -5. - Л. 125-126. Копия.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы.- Казань: Тат. кн. изд-во, 1992.- С.445-446.

Заявление
в Центральную контрольную комиссию РКП (б) с просьбой о восстановлении в партии

8 сентября 1924 г.

Постановлением центральных органов партии в прошлом году я был исключен из рядов РКП (б) за попытку установления связи с одним из руководителей басмаческого движения - Заки Валидовым помимо ЦеКа партии. Как бы то ни было тяжело для меня это постановление, но все же оно было принято мною как справедливый акт возмездия со стороны партии, поскольку еще до этого я сам признал свой поступок не только ошибкой, но и преступлением, заслуживающим известного наказания. Единственным утешением для меня за все эти тяжелые месяцы пребывания в качестве «беспартийного» была надежда на то, что партия по истечении определенного срока времени простит мне мой поступок и вновь примет меня в свою среду.

Надеялся я на это по следующим соображениям:

Во-первых, мне казалось, что решение партии об исключении меня из партии, несмотря на всю его справедливость и необходимость, было все же несколько поспешным, вызванным крайним обострением в то время национального вопроса, вернее отношения между так называемыми "националами" и "центристами". Мне казалось, что все это с течением времени уляжется, потеряет свою остроту и создаст почву к тому, чтобы подойти и к моему вопросу более спокойно и хладнокровно.

Во-вторых, мне казалось, что то обстоятельство, что мой поступок был совершен до XII партийного съезда, т.е. до момента фиксации партией роста и усиления так называемых "великодержавничества" и "великорусского шовинизма" и необходимости решительной борьбы с ними, как с крайне опасными для данного момента революции отрицательными факторами, также до некоторой степени должно было ослабить мою вину, так как все мое преступление происходило именно как реакция (быть может, и болезненная) на рост и усиление этого самого "великодержавнического шовинизма".

В-третьих, мне казалось, что все мое поведение по исключении меня из партии также дает мне право рассчитывать на это. Как известно, я безоговорочно подчинился решению центральных органов обо мне. Более того: по истечении трех месяцев со дня исключения меня из партии, накануне ожидавшихся развернуться германских событий, я явился к генеральному секретарю партии тов. Сталину и заявил ему о своей готовности встать активно на защиту революции, если бы возникла необходимость в этом. Сделал я это тогда совершенно свободно и непринужденно, искренне желая доказать кому это следует, что я и по исключении меня из партии не чужд революции и революционности и что в случае развертывания вооруженных столкновений между революцией и мировой реакцией я буду и остаюсь на стороне первой.

Если бы я был настроен враждебно по отношению к партии, то ответил бы на акт об исключении меня из партии тем, чем ответили на него Мяс-

ников, Леви, Фрассар, Траммель и Хеглунд : я бы занялся организацией агитации против РКП(б) и Коминтерна, связавшись для этого с заграницей и восточными странами. Но я не сделал этого, несмотря на то, что своими постоянными нападками, постоянным третированием и преследованием некоторые товарищи как бы сознательно и умышленно толкали меня к этому (если ЦКК интересуется этим вопросом, то я могу представить более подробные сведения об этом). Да, я не сделал этого, и не потому, что не мог, а потому, что не хотел.

А не хотел я этого по следующим соображениям:

а/ Я увидел, что линия как тактической, так и практической постановки национально-колониального вопроса у партии окончательно определилась и консолидировалась и приняла более четкие формы, чем это было раньше. Планомерно следя за развитием мысли партии (руководящей части) в этом отношении, а также за практической ее работой в этом направлении (Китай, туркестанский вопрос и т.д.), я составил себе твердое убеждение в том, что партия в конце концов действительно пришла к правильному решению о том, что колониальный вопрос является одним из важнейших и составных частей социальной революции, как необходимость уничтожения и ликвидации колониальной системы хозяйствования капиталистической Европы, и что партии Коммунистического Интернационала в этом вопросе должны перейти от положения сочувствующих зрителей к положению инициаторов и руководителей национально-освободительными движениями колоний (доклад т. Мануильского на V конгрессе Коминтерна). Прогрессом в моих глазах в этом отношении явилось и выяснение таких пунктов вопроса, как проблема о том, должна ли колониальная революция, т.е. революционное освобождение колоний от ига метрополий, предшествовать социальному перевороту в европейских странах или же наоборот, как ставили его товарищи ультра-левые, она должна последовать - не в форме революции, а в форме расплывчатого "национального самоопределения" - лишь после торжества классовой революции в Европе.

Не мог я пропустить в этом отношении и мыслей руководящей части партии, высказанных через члена Политбюро ЦеКа т. Троцкого (его доклад в Комуниверситете трудящихся Востока перед англо-советской конференцией) о том, обязательно ли для социальной революции, чтобы она была совершена непременно пролетариатом высокоразвитых в техническом отношении капиталистических стран Запада или же инициатива в руководстве мировой социальной революцией при известных условиях может перейти и в руки трудящихся и коммунистов Востока, т.е. колониальных и полуколониальных стран.

Во всех этих формах постановки национально-колониального вопроса я находил отражение моих собственных мыслей и взглядов, которыми я руководствовался в своей работе во время революции.

б/ Из глубокого анализа социальных основ системы современной капиталистической экономики, колониальной системы хозяйства метрополий и возможных революционных сдвигов международного характера на базе этой экономики в ближайшую эпоху я пришел к ясному для меня выводу о том, что вопросы классовой революции, имеющей задачей в конечном счете установление коммунистического строя на Земле, неизбежно сохранят свою актуальность и после колониальных революций, преследующих в ос-

новном цели экономической и политической эмансипации колоний и полуколоний, независимо от их результатов, т.е. если бы даже колониальные революции в результате освобождения производительных сил колоний и полуколоний от задерживающего их развитие влияния империализма метрополий и создадут базу для рациональной организации мирового хозяйства (средства производства будут приближены к источникам сырья, причем будут втянуты в производство полезных для человечества предметов сотни миллионов " сырых рабочих рук" аборигенов колоний), то все равно вопросы коммунистической революции, как вопросы наивысшего порядка, как реальная жизненная потребность человечества и как и юридическая необходимость эпохи к обобществлению труда и средства производства, останутся и властно будут требовать своего разрешения. Иначе говоря, я проделал так называемую "переоценку ценностей" с точки зрения интересов трудящихся колоний и полуколоний, как я себе их представлял, и увидел, что коммунизм в позднейшей его форме - ленинизм является не только революционной наукой, возникшей из потребностей и для потребностей трудящихся масс метрополий, но в еще большей степени превращается исторически в радикально-революционную школу, в конечный революционный идеал и в основное революционное орудие и революционный рычаг социального освобождения сотен миллионов колониальных рабов и рабынь. В этом понимании коммунизм и ленинизм представлялись мне исторической неизбежностью, призванной спасти от произвола капиталистической анархии и империалистической олигархии не только стонущих в их тисках трудящихся Европы, но и весь остальной эксплуатируемый мир.

Исходя из этих настроений, я еще в прошлом году при посещении мною генерального секретаря партии т. Сталина обратился к нему с вопросом о том, могу ли я рассчитывать на возможность своего восстановления в партии. Т. Сталин ответил мне тогда, что можно будет поднятьэтот вопрос, но не раньше, как через год.

По истечении указанного срока я обратился к нему повторно, причем не только лишь как к секретарю ЦеКа, но и как к одному из центральных работников, который знает меня больше, чем кто-нибудь другой, и получил от него предложение обратиться по вопросу о своем восстановлении в партию в ЦКК РКП (б).

Обращаясь с настоящим своим заявлением в ЦКК прошу ее пересмотреть решение об исключении меня из партии, принимая при этом во внимание следующие обстоятельства:

1/ Я бы хотел быть восстановленным в партии целиком, т.е. со старым моим партийным стажем, а также с правом ходотайствования в дальнейшем перед ЦКК о предоставлении мне революционного стажа с 1913 года, как одному из немногих татарских социалистов, дерзнувших в то время вести подпольную работу против царизма, несмотря на полную их изолированность от остального революционного мира. Что же касается вопроса о стаже с 1917 года, то я особенно прошу ЦКК не отказать мне в этом, так как в годы 1917-1923 были для меня годами, когда я искренне отдал революции - и не бесполезно - лучшие годы своей жизни.

2/ Я бы хотел, чтобы при рассмотрении моего вопроса ЦКК, помимо прочих обстоятельств, обратила внимание еще на одно чрезвычайно важное обстоятельство, а именно: на своеобразность условий развития революции в отсталых экономически и политически районах с тюрко-

татарским населением. Лично я сам из опыта моей работы среди отсталых национальностей во время революции вынес то впечатление, что развитие революции на наших восточных окраинах, очевидно, будет происходить не прямолинейно, не по "писаному плану", а скачкообразно, не кривыми даже, а ломаными линиями. Объясняется это тем, что эти районы пережили страшно тяжелый гнет царизма. Размеры и значение жестокостей, совершаемых русскими царями и их сатрапами в этих районах, начинают во всей своей выпуклости, полноте и "красочности" выплывать лишь теперь, после Октябрьской революции, когда открылась возможность действительно объективного изучения истории тюрко-татарских и др. бывших в угнетении национальностей России. Выясняется, что русские историки старательнейшим образом скрывали от кого следует те бесчеловечные и беспримерные в истории жестокости, которые совершались русскими правителями над этими народами. Объективное изучение истории Казанского ханства, общей истории колонизации восточных окраин русскими помещиками и русской буржуазией, также народных революционных движений Поволжья и Урала говорит о том, что вся история завоевания, подавления и колонизации тюрко-татарских и других восточных народов в России была сплошной историей "крови и железа". Чтобы продвинуться на Восток, к дешевым источникам сырья и дешевым рынкам сбыта, русской помещичье-феодальной и торговой буржуазии нужно было подвергнуть уничтожению цветущие города и поселения и истребить сотни тысяч и миллионы туземных крестьян, рабочих и интеллигенции. Поголовно вырезались обширные населенные районы с десятками волостей и сотнями тысяч населения. Жестокости эти вызывали восстания за восстаниями (вооруженные восстания чуваш, мари, вотяков и татар в продолжении 15-20 лет после покорения Казанского ханства, поголовное участие башкир и татар в Пугачевском движении; восстания в Башкирии, Туркестане, Крыму и Кавказе), которые в свою очередь уносили в могилу десятки и сотни тысяч здорового и способного взрослого населения туземцев, отражаясь самым губительным образом в их дальнейшем развитии. Результаты такой жестокой политики "крови и железа" с течением столетий сказались во всей своей губительности на этих народах; можно сказать, что к началу XX века все они перестали существовать как нация. Это были в полном смысле слова рабы и парии. Оживил их немного 1905 год. Но и то немного. Положительными результатами 1905 года для тюрко-татар России можно считать то, что у них появилась как политическая сила туземная торговая буржуазия и тонкий слой мелкобуржуазной туземной интеллигенции, выступившей на сцену с лозунгами "национального возрождения". Пролетариата в западно-европейском смысле этого слова, т.е. квалифицированной рабочей силы, как национально-организованной классовой политической силы, не было. Многочисленные татарские рабочие, занятые на шахтах, в рудниках, на железных дорогах и в небольшом количестве - на фабриках и заводах, представляли из себя почти поголовно рабочую силу неквалифицированного труда - чернорабочих, причем всюду они составляли меньшинство, т.е. составляли как бы часть русского рабочего пролетариата.

Все это с неизбежной силой должно было сказаться и сказалось в развитии коммунистического и революционного движения среди тюрко-татар. Если русская часть коммунистической партии выросла на фабриках и за-

водах в условиях суровой подпольной жизни, то тюрко-татарские коммунисты пришли к жизни лишь во время революции. В большинстве своем это были случайные выходцы из среды мелкой трудовой интеллигенции, последовавшей за Коммунистической партией не столько из-за лозунгов классовой борьбы и классовой революции, сколько из-за лозунгов национального самоопределения. И если среди них и попадались отдельные товарищи, пришедшие в партию по мотивам чисто классовой революции, то количество их в партии было так малочисленно, что они никак не могли выражать истинного соотношения сил внутри организации туземных коммунистов. К этому надо прибавить еще и то, что карьеристских и шкурнических элементов среди тюрко-татарских коммунистов оказывалось больше, чем среди русских товарищей.

Насколько трудно и трагично было при таких условиях положение немногих татарских коммунистов, которым пришлось взять на себя во время и после **Октября** инициативу и смелость выступления против разгоревшихся страстей националистического угара и вооруженного туземного шовинизма, я думаю, иллюстрирует следующий характерный пример из истории Казанской организации татарских коммунистов: когда весной 1918 года, вскоре после разоружения нами "Забулачной республики", по настоянию покойного т. Шейнкмана была собрана контрибуция с татарской буржуазии, то среди наиболее активной как казалось, части татарских коммунистов на одном официальном заседании возник вопрос не больше и не меньше как о делении между собой на "черный день" пятидесяти тысяч рублей золотом. На этой почве, между прочим, произошел впоследствии острый конфликт между частью татарских и русских товарищей, с одной стороны, и между самими коммунистами татарами - с другой. И когда я вернулся летом 1918 года в Казань из командировки в Москву (все это происходило в мое отсутствие), то я увидел почти полный развал местной партийной организации. И я глубоко уверен, что июньское восстание гарнизонного собрания[29] в Казани, безусловно, если не целиком, то в главной части, возникло именно на базе этой деморализованности партийной организации.

Таким примером может послужить случай с двумя уфимскими работниками в начале 1919 года: являясь один членом губернского ревкома, а другой - членом президиума губернского бюро татаро-башкирских коммунистов, товарищи эти занимались в буквальном значении этого слова мародерством: систематическим и организованным вымогательством денег среди мусульманского населения путем запугивания их органами борьбы с контрреволюцией[168], тогда как в каких-нибудь 20-30 верстах от Уфы находились войска Колчака (подробные материалы об этом может дать т. Павлуновский, работавший тогда в особом отделе 5-й армии, а ныне, кажется, в ДВР), и нужно было принимать героические усилия к тому, чтобы привлечь на сторону революции туземное население.

Не лишен, мне кажется, интереса с этой точки зрения и тот факт, что, например, в настоящее время руководящая группа татарских коммунистов почти на 70-80% состоит из сыновей мулл и торговцев, а часто и таких мулл, которые в дореволюционные и предреволюционные годы в общественной жизни татар играли самую реакционную роль.

Каково должно было быть при таких условиях положение тех татарских коммунистов, на которых история возложила чрезвычайно ответст-

венную и трудную в то время задачу вовлечения трудящихся восточных народностей в орбиту социальной революции как активно действующей силы - думаю, понятно и без объяснений.

Положение это усугубилось еще тем, что мы, коммунисты из среды тюрко-татарских народностей, помимо того, что не имели надлежащей революционной закалки подполья, лишены были сверх того и элементарных хотя бы начал правильного образования и воспитания. Если нас в детстве калечили "премудростями" арабского средневековья, то впоследствии наши головы забивались "премудростями" русских миссионеров вроде ильминских, победоносцевых и др. Не имели мы и школы революционного развития. Революционные школы русского пролетариата, каковыми мы считали социал-демократов (большевиков) и отчасти анархистов и эсеров, в условиях сильнейшей конспирации их работы были для нас недоступны. Судили мы о них по случайным брошюрам да случайным речам думских ораторов, и по случайным же прокламациям. Газеты их до нас в провинцию, а тем более в деревню, не доходили, т.к. царская власть постоянно их конфисковывала. Лично я сам, например, не мог "достучаться" до социал-демократов (б) даже в Баку, несмотря на то, что работал одно время около полугода в типографии в качестве помощника конторщика. Тем не менее наша партия социал-демократов (б) всегда оставалась в наших глазах и в нашем представлении самой революционной партией. В наших лучших чувствах и стремлениях мы были всегда с ней. Короче говоря, мы представляли из себя сырую, необработанную революционную энергию, которая при внимательном отношении и правильном революционном воспитании могла дать хорошее революционное ядро, хорошую закваску для развития революции на Востоке. Но кто мог заняться этим как следует во время революции,когда некогда было и думать об этом и когда почти каждому из нас приходилось действовать на свой страх и риск?

Это первое.

Второе - это то, что работа, которую мне пришлось осуществить во время революции (массовое вовлечение тюрко-татар и мелких национальностей в социальную революцию через лозунги национального самоопределения) была крайне сложна и многообразна и требовала чрезвычайного напряжения сил и энергии. Все это, конечно, было вполне естественно и быть иначе не могло. Из всех революций, которые знает человечество, Октябрьская революция в России явилась первой революцией, на долю которой выпало, помимо вопросов социального переустройства общества, заняться еще разрешением национального вопроса в условиях диктатуры пролетариата, и нужно сказать, что самая трудная часть этой работы, так сказать, черновая ее часть, выпала на долю туземных коммунистов наших окраин. И было бы не совсем разумно требовать, чтобы работа в этом направлении шла гладко, без борьбы, без шероховатостей, без промахов и ошибок. Тем более, что мы не предъявляем эти требования даже в отношении главной части революции, несмотря на то, что по вопросу социальной революции существовали и опыт, и достаточно богатая литература, и известная организационная подготовка рабочего класса. Ни одного из этих условий в отношении национального вопроса не было. Теоретически национальный вопрос в более или менее достаточной степени не был проработан, и его приходилось разрешать наобум и на опыт, особенно в первые годы революции. То положение, что партии за все время революции

три раза пришлось поставить национальный вопрос на съездах и два раза - на конгрессах Коминтерна, красноречиво подтверждает это.

Не было поэтому ясного представления о методах работы в области национальной политики и у партийной массы. Многие товарищи не понимали совершенно значения национального вопроса и относились к нему либо отрицательно, либо несерьезно и иронически, заражая своим нигилизмом не только русских, но и туземных коммунистов.

С этой стороны вся история образования автономных республик и областей за редким лишь исключением была историей борьбы небольшой группы опирающихся на массы туземных трудящихся и на авторитет некоторых центральных фигур (т.т. Ленина и Сталина) и стоявших за безоговорочную реализацию лозунгов национальной политики туземных работников - с одной стороны и местных русских и шедших вместе с ними и настроенных нигилистически туземных товарищей, отрицавших национальный вопрос и считающих его скорее вопросом контрреволюции, чем революции [- с другой стороны]. Я думаю, в архивах Центрального Комитета партии хранится достаточно документов, характеризующих отдельные моменты истории возникновения и существования национальных образований, когда не только возникновение, но и существование национальных автономных единиц вызывало отчаяннейшее сопротивление группы русских и части туземных товарищей.

И я еще раз прошу ЦКК партии, чтобы она не прошла мимо этих обстоятельств при рассмотрении вопроса обо мне, т.к. обстоятельства эти создавали обстановку, в условиях которой было крайне трудно вести нормальную и безошибочную всегда работу.

Резюмирую свое заявление в ЦКК:

1/ Исключение меня из партии за допущенный мною проступок я принял как справедливый акт возмездия партии.

2/ Тем не менее я не отказался и не отказываюсь от надежды на восстановление, так как считал и считаю, что при наличии целого ряда обстоятельств объективных и субъективных, которые не могут быть не приняты при повторном разборе моего дела, партия может простить мне этот проступок.

3/ Исходя из этой надежды я и обращаюсь в ЦКК с просьбой пересмотреть вопрос обо мне и восстановить меня в партии со старым моим стажем с 1917 года, предоставив мне одновременно с этим право возбуждения ходатайства перед ЦКК о зачете мне революционного стажа с 1913 года.

4/ По восстановлении обещаю быть дисциплинированным членом партии и пойти туда, куда прикажет партия.

г. Москва, 8 сентября 1924 года

М. Султан-Галиев.

ЦГА ИПД РТ.- Ф. 8237. - Оп. 1. - Д. 5. - Л. 127-138. Копия.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы. - Казань: Тат. кн. изд.во, 1992.- С.446-458.

1924-1925 гг.

- **Тезисы об основах социально-политического, экономического и культурного развития тюркских народов Азии и Европы**
- **О Шихабе Ахмерове**

Тезисы
об основах социально-политического, экономического и культурного развития тюркских народов Азии и Европы...

I. Методология.

Прежде чем приступить к базированию основ, которыми должно определяться социально-политическое, экономическое и культурное развитие тюркских народов Азии и Европы в переживаемой нами эпохе, мы должны, хотя бы вкратце, остановиться на методологии наших суждений по трактуемому вопросу.

Чтобы не было неясностей и взаимных непониманий, мы вначале же должны указать, что лично мы к этому вопросу подходим, как и вообще ко всяким другим вопросам, с точки зрения материалистического миропонимания и материалистической философии. Причем из отдельных течений этой революционно-философской школы мы останавливаемся на более радикальной ее ветви - на так называемом историческом, или диалектическом, материализме. Мы считаем, что эта ветвь материалистической философии является наиболее верной и научно обоснованной системой познания отдельных явлений социальной жизни человеческого общества, так как при ее помощи мы можем производить наиболее правильный и точный анализ их причин и предсказывать или предугадывать их последствия.

Но вместе с тем мы заранее оговариваемся, что заявление наше о принадлежности нашей к школе диалектического, вернее, энергетического, материализма не должно быть истолковываемо как слепое подражание западноевропейским представителям этой школы /т.е. так называемым марксистам или коммунистам/ и слепое копирование их всего того, что они считают или выдают за продукт этой школы.

Не делаем мы этого по следующим причинам:

1. Мы считаем, что материалистическая философия вовсе не является исключительной "принадлежностью" западноевропейской научной мысли, так как этот вид философии в той или другой форме, как известная система мышления возникла и у других - неевропейских народов /персов, арабов, китайцев, тюрков, монголов и т.д./ еще задолго до появления на свет современной европейской культуры.

2. Многие из нас еще до начала последней революции в России были проникнуты энергетическо-материалистическим мировоззрением, причем оно у нас являлось не искусственным и привитым извне, а естественным, возникшим из сущности окружающих нас условий жесточайшего экономического, политического и культурного гнета над нами русского национализма и русской государственности.

3. Наша приверженность к сторонникам исторического материализма нисколько не обязывает нас соглашаться и считать чем-то священным, бесспорным и нерушимым все то, что может быть провозглашено им, пре-

поднесено современными русскими или вообще европейскими монополистами на идею диалектического материализма. Можно объявлять себя тысячу раз материалистом, марксистом, коммунистом или, как в моде сейчас в России, ленинистом, кричать об этом на весь мир, сколько лишь хватает сил и возможности, и написать сотни и тысячи томов на сотни и тысячи тем по этому поводу, но в то же время не иметь ни малейшей дозы истинного материализма или коммунизма, ни крупицы подлинной революционности в своих суждениях и выводах, не говоря уже о действиях. И мы не только не даем поэтому каких-либо обязательств перед ними, но даже, вопреки всем ожиданиям, осмеливаемся оспаривать у них право на монополию идеи диалектического материализма.

Так, например, мы находим, что в основных вопросах переустройства социальной жизни человечества, каковыми являются, во-первых, национально-колониальный вопрос, а во-вторых, вопрос о методах осуществления коммунизма, т.е. социального строя, где не будет классов и будет отсутствовать эксплуатация человека человеком, русские, а за ними и западноевропейские коммунисты в настоящее время совершают грубейшие ошибки, результатом которых может явиться не спасение человечества от гнета анархии и стихии, а страшное его разорение, обнищание и вымирание. Мы согласны с ними /не всегда и не во всем/, когда они критикуют и бичуют хищнический европейский капитализм грабительским европейским империализмом; мы согласны с ними, когда они говорят о реакционности современной европейской капиталистической культуры и о необходимости борьбы с ней... но мы, тем не менее, совершенно не согласны с теми рецептами, какие предлагаются ими, как выводы из их рассуждений обо всем этом. Мы считаем, что рецепт, предлагающий замену диктатуры над миром одного класса европейской общественности /буржуазии/ ее антиподом /пролетариатом/, т.е. другим ее классом, никакой особенно большой перемены в социальной жизни угнетенной части человечества не произведет. Во всяком случае, если и произойдет какая-нибудь перемена, то не к лучшему, а к худшему. Это будет лишь замена менее сильной и менее организованной диктатуры централизованной диктатурой объединенных в общеевропейском масштабе сил той же капиталистической Европы /включая сюда и Америку/ над всем остальным миром. В противовес этому мы выдвигаем другое положение - концепцию о том, что материальные предпосылки к социальному переустройству человечества могут быть созданы лишь установлением диктатуры колоний и полуколоний над метрополиями, т.к. только этот путь способен создать действительные гарантии к освобождению и эмансипации закованных в цепи западным импреиализмом производительных сил земного шара.

Исходя из этой методологии, мы устанавливаем определенную систему вопросов, ответ на которые должен дать наиболее верное разрешение основной нашей задачи. Такими вопросами мы считаем вопросы на следующие темы:

1. Что представляет из себя в настоящем тюркский мир в системе современной мировой экономики и политики как социально-производственный организм?

2. Каких условий не достает /внутренних и внешних/ для нормального экономического, политического и культурного развития тюркских народов /всех вообще и отдельных их ветвей/?

3. Какими путями можно достигнуть насилия этих условий, путем ли эволюционного развития или путем революционных сдвигов?

4. Конкретные методы работы в том или ином направлении:

а/ Стратегия и тактика,

б/ формы организации.

II. Тюркский мир в системе современной мировой экономики и политики как производтсвенно-социальный организм.

Вопрос о месте и роли современного тюркского мира в системе нынешней международной экономики и политики, по нашему мнению, является основным вопросом, исходя из которого мы можем наметить правильное решение главного нашего вопроса об основах социально-политического, экономического и культурного развития тюркских народов Азии и Европы.

Не зная в точности, чем мы являемся внутри системы существующих международных социально-правовых отношений и что это за отношения, мы не можем определить и того, чем мы должны стать и во что должны превратиться.

Анализ же этого вопроса мы можем начать лишь со второй его части, т.е. с вопроса о том, чем является современная система международных социально-правовых отношений - экономических, политических и культурно-бытовых.

Отличительными признаками, определяющими особенности этой системы, мы считаем следующие факторы:

1.Рабовладельческий (колониально-империалистический) характер современной мировой экономики и политики.

Анализ социально-правовых отношений между отдельными народами земного шара обнаруживает, что национальности, из которых сложилось современное человечество, резко разделены на два враждебных друг другу и неравных по количеству и по своему социально-правовому положению лагеря; в одном лагере находятся народы, составляющие всего лишь 20-25% человечества, сумевшие захватить в свои руки почти весь земной шар со всеми заключающимися в ней и на ней "живыми" и мертвыми богатствами и установившие свое монопольное "право" на их эксплуатацию; в другом же лагере находятся народы, составляющие 4/5 всего человечества и подпавшие под экономическую, политическую и культурную кабалу и рабство народов первого лагеря, т.е. "народов-господ".

На "культурном" языке "господ" народы первой группы носят название "цивилизованных", "культурных" наций, призванных спасти человечество "от рабства, невежества и нищеты". Народы же второй группы на их языке

носят название "дикарей", "туземцев" и т.д. и созданы, по их "ученым" суждениям, для обслуживания интересов "народов-господ". "Туземцы" и "дикари" не изобрели еще специальных терминов для обозначения "цивилизованных" народов, и по бедности ли своего лексикона или "неучености", называют их просто-напросто "собаками", "разбойниками", "палачами" и другими тому подобными "неприличными", непонятными эпитетами.

К народам первой категории относятся "цивилизованные" народы Европы и Америки, распространяющиеся постепенно и по другим частям света и называемые в общем народами Запада. Ко второй относятся народы Азии, Африки и колонизированные европейцами аборигены Австралии и Америки.

Разбирая отношения между двумя группами народов, мы констатируем, что вся система экономических, политических и культурных отношений народов Запада /метрополий/ к народам колоний и полуколоний характеризует собой систему именно рабовладельческих отношений.

ряд условий исторического и естественно-географического характера, влиявших на прогресс техники и культуры народов Запада, обусловили переход в их руки средств экономического и культурного общения между народами отдельных частей света, т.е. международных путей сообщения и военно-стратегических пунктов, создав тем самым предпосылки к переходу в их руки и всей инициативы в деле развития мировых политических и экономических взаимоотношений между народами западной и восточной культур.

К известному моменту истории техника и культура народов Европы оказались более жизнеспособными и рациональными с точки зрения борьбы за существование, чем техника и культура наседавших на них тогда гегемонов мира - мусульманских народов Азии, Африки, и позволили им разбить последних и, по занятии необходимых плацдармов, беспрепятственно распространить свое влияние и на весь остальной Азиатский и Африканский материк.

Мировые торговые пути, торговые рынки и источники сырья, а также военно-стратегические пункты, за небольшими исключениями, оказались в руках народов Запада. И систему внутринационального рабовладельчества (если крепостничество в эпоху феодализма представляло из себя форму рабовладельческого хозяйства, то классовый гнет в эпоху капитализма представляет тоже рабовладельчество - эксплуатацию человека человеком, но лишь в другой, переиначенной форме) народы Запада распространили целиком и на свои колонии - на "черный" и "желтый" континенты, превратив ее таким образом в систему "интернационального", международного характера. Народы этих континентов фактически превратились в рабов, лишенных права собственности на естественные богатства своих стран и работающих на благо "культурных" господ своих - народов метрополий.

2. Паразитизм и реакционность основ материальной культуры метрополий как главный фактор мирового развития данной эпохи.

Колониально-рабовладельческий характер современной системы мирового хозяйства определяет собою целиком и следующую ее черту - глубокий паразитизм и сугубую реакционность всей внешней культуры народов Запада как основной фактор развития человечества в данную эпоху. Указанные свойства материальной культуры метрополий выражаются в следующих моментах:

а/ Момент статический - монополистическая концентрация средств производства и обращения (сбыта) необходимых человечеству предметов потребления в руках народов метрополий.

В руках метрополий с какими-нибудь 300-350 млн. населения сконцентрированы все основные средства производства /фабрично-заводская промышленность/, средства обращения /финансовый капитал и его аппараты/, пути и средства обращения и связи /морские пути, железнодорожные линии, средства воздушного сообщения, телеграф и радиограф/; а также источники сырья /нефть, уголь, руда, животные и растительные продукты/ и рынки сбыта изделий промышленности. В этом отношении Запад представляется как бы гигантским осьминогом, охватившим своими щупальцами четыре пятых человечества и сосущим из него все жизненные его соки. К этому надо прибавить еще то, что осьминог этот не простой осьминог из-под вод океана, а осьминог-броненосец, осьминог-истребитель, осьминог-смертоносец, вооруженный по последней технике военного искусства и военных "изобретений" Запада. Правда, храбрости и мужества от этого у осьминога не прибавилось. Но зато у него увеличились трусливая жестокость и кровожадность: он сосет сейчас живую кровь из живого организма народов колоний и полуколоний, обогащая одну, меньшую, часть населения земного шара за счет истощения, пауперизации, вырождения и вымирания другой, большей его части.

б/ Момент динамический - паразитизм и реакционность материальной культуры метрополий с точки зрения максимального развития производительных сил человечества.

Этот момент теснейшим образом связан с первым и является его дополнением и развитием.

В самом деле, что представляет из себя, на чем базируется и к чему стремится современная культура метрополий как регулятор развития человечества переживаемой эпохи?

Если сущность материальной культуры народов Запада заключалась в одном лишь монополистическом характере современной системы их хозяйства /монополистический капитализм, или империализм/, то это, как форма организации мирового хозяйства, составляло бы лишь полбеды. Но все дело в том, что сущность материальной культуры метрополий, основное внутреннее ее содержание, т.е. истинное содержание всех этих

"монополистических капитализмов", "империализмов" и прочих социальных категорий общественности Запада заключается вовсе не в этой форме, а в ее динамике, в специфической тенденции ее развития.

Тенденция же эта заключается в том, что существование и развитие современной материальной культуры народов Запада основаны не только на сохранении рабовладельческих и кабальных отношений к народам Востока, т.е. на эксплуатации естественно-природных сил и ресурсов колоний и полуколоний, но и на задержке процесса развития внутренних производительных сил этих последних, на подавлении роста их материальной культуры.

На чем основана современная культура Запада?

На монопольном производстве и сбыте товаров для метрополий и колоний, т.е. на положении монополиста в мировом хозяйственно-производственном процессе.

На чем она базируется?

На задержке развития внутренней экономики, на отсутствии национальной индустрии колоний и полуколоний, т.е. на сохранении аграрного, чисто крестьянского характера этих стран, когда они в силу отсутствия или неразвитости национальной промышленности принуждены прибегать в хозяйственной своей жизни к "помощи" метрополий, т.е. мировых монополистов промышленности.

Конкретно процесс этот складывается из следующих элементов:

а/ обеспечение основного элемента экономики метрополий - индустрии - дешевым сырьем. Отсюда - захватническая политика народов Запада по отношению к странам Азии и Африки как к источниками сырья, со всеми сопровождающими эту политику и вытекающими из нее явлениями: беспощадная борьба с остатками независимости полуколоний и жестокое подавление малейшего проявления политической самостоятельности со стороны колоний, во-первых, постоянные конкурентные войны из-за колониальных владений между отдельными национальными группами метрополий, во-вторых, т.е. развитие социальных противоречий между колониями и метрополиями, с одной стороны, и национальных - между отдельными национальными группами диктаторствующих метрополий, с другой.

б/ обеспечение дешевой выработки фабрикатов промышленности путем улучшения техники производства и эксплуатации труда индустриальных рабочих метрополий и подсобных рабочих колоний. Отсюда - наличие классовых противоречий в метрополиях и возникновение классовых политических партий на базе этих противоречий.

с/ обеспечение дешевых /прибыльных/ рынков сбыта для продуктов промышленности метрополий. Отсюда - углубление колониально-захватнической политики метрополий, направленной не только к тому, чтобы удерживать колонии и полуколонии в их собственных руках и под собственным их игом, но и к тому, чтобы сохранить их именно **как постоянные рынки сбыта фабрикатов промышленности метрополий.**

Результатом этой политики является лишь еще большее обострение социальных противоречий между колониями и метрополиями, причем противоречия эти приобретают значение фактора первостепенной международной важности.

Последний элемент в процессе динамики материальной культуры метрополий занимает особо важное место в системе установившихся взаимоотношений между метрополиями и колониями, т.к. элемент этот, являясь главнейшей действующей пружиной современной культуры народов Запада, одновременно с этим выступает как основная причина всех тех социальных ненормальностей, которые обнаруживаются в развитии современного человечества в его целом.

Ненормальности же эти налицо и отрицать их могут одни лишь слепцы и политические дегенераты. Заключаются они в следующем:

а/ Хищническая и непродуктивная с точки зрения общих интересов человечества эксплуатация естественных богатств земного шара, в особенности ресурсов колоний и полуколоний.

Доказательств истина эта едва ли требует, т.к. достаточно понаблюдать за хозяйничанием метрополий у себя "на дому" и в колониях, чтобы сразу убедиться в этом.

b/ Нерациональная организация мирового производственного процесса и процесса обращения в целом и вытекающая отсюда непроизводительная затрата массовой человеческой энергии: средства производства, сосредоточенные в основной своей массе в руках метрополий, отстоят далеко от основных источников и мировых рынков сбыта и вызывают тем самым необходимость переброски сырья к средствам производства, во-первых, и обратно - продуктов его переработки /товаров/ к рынкам сбыта, во-вторых; так, например, шерсть или кожевенное сырье из какого-нибудь Тибета, Индии или Афганистана должны попасть в Великобританию, превратиться там в сукно, ботинки или другие товары и затем пропутешествовать обратно на свою "родину". Или, например, Туркестанский или Закавказский хлопок /кстати, вместе с бакинской нефтью/ должны совершить сначала путешествие в страну "цивилизованных" - куда-нибудь в Москву или Иваново-Вознесенск, и, превратившись в мануфактуру или еще что-нибудь другое, совершать обратное /вторичное/ путешествие в тот же Туркестан или Закавказье, а иногда и дальше - в Персию, Афганистан и т.д. С точки зрения экономики средств и человеческой энергии было бы целесообразнее поступать как раз наоборот: перерабатывать сырье в необходимые для людей предметы на его "родине", т.е. в самих колониях и полуколониях, где, кстати сказать, за исключением средств производства /которые можно перебросить туда из метрополий или организовать вновь/, имеется сочетание всех необходимых условий для этого: сырье, жидкое топливо, неиспользованная и пропадающая даром человеческая энергия, а также массовая потребность в соответствующих фабрикатах со стороны населения колоний, и отправлять его в "заграничные путешествия" только по мере надобности, т.е. сообразуясь с соответствующим есте-

ственным потребительским спросом оттуда, и не в виде "дикого" сырья, а в виде "культурного" вполне товара.

с/ Непроизводительная затрата массовой человеческой энергии на постоянную и регулярную "охрану" существующего порядка вещей и соответствующего строя, т.е. существующей нерациональности в организации мировой экономики и вытекающих из этого социальных ненормальностей /несправедливостей/.

Выражается она в оголтелом милитаризме Запада, в чудовищном росте сухопутных, морских и воздушных вооружений и корпуса внутренних и внешних охранников. Охраняют и охраняются народы Запада не только от угнетенных народов колоний и полуколоний и от всяких "желтых", "черных" и прочих "опасностей" и "панизмов", но и "друг от друга".

d/ задержка естественного развития, естественного развития производительных сил колоний и полуколоний, т.е. большинства населения земного шара, на почве чего возникает вопиющее социальное неравенство между народами колоний и метрополий и создается преграда к культурному развитию всего современного человечества в целом.

Хищническому империализму Запада выгодно сохранять в колониальных странах отсталые формы хозяйства и социально-бытовых отношений, т.к. только на базе этой отсталости и может дышать и развиваться разбойничья культура метрополий. Держать колониальные народы во тьме и в угнетении и не давать им возможности возрождаться культурно является реальнейшей необходимостью и жизненной потребностью народов Запада, превратившихся в историческом ходе своего развития в тюремщиков свободы человечества. Отсюда то социальное неравенство, которое мы видим в положении народов метрополий, с одной стороны, и народов угнетаемых ими колоний, с другой. В то время, как народы метрополий пользуются всеми благами культуры и всеми завоеваниями техники и науки, народы колониальных стран в своей массе принуждены влачить существование полуголодных рабов и нищих. Мы видим стальные и гранитные небоскребы у одних и жалкие хижины и лачуги - у других; автомобили, трамваи, автобусы, поезда, пароходы и аэропланы - у одних, жалкие клячи и допотопные арбы и фургоны - у других; электрические плуги, тракторы, паровые молотилки, мелиорацию, искусственные удобрения полей и т.д. - у одних, деревянную соху, лопату, кирку и вилы - у других; электричество, телефон, телеграф и радио - у одних, лучину или керосиновую коптилку и отсутствие всего остального - у других; искусство и художество, игры и смех - у одних, беспросветную тьму, постоянные страдания и слезы - у других; сытость, довольство и обеспеченную жизнь - у одних, голод, холод, нищету, болезни, смерть и вырождение - у других.

Можем ли мы оправдать такое положение вещей? Можем ли назвать его нормальным положением, нормальным порядком? Нет и нет. С точки зрения какой угодно морали положение это есть выражение величайшей социальной ненормальности и вопиющей мировой социальной несправедливости.

3. Стремление национальных культур метрополий к консолидации.

Мы были бы неполны в нашем анализе материальной культуры метрополий, если бы не ответили еще на один вопрос, а именно : куда стремится и во что желает превратиться современная материальная культура народов метрополий. Вопрос этот теснейшим образом связан с динамикой развития этой культуры и выявляет одну из самых характерных и значительных ее особенностей, определяющих перспективы развития мира на всю ближайшую эпоху. Черту эту мы определяем как стремление к консолидации, т.е. к централизованному объединению разрозненных национально-материальных культур /капитала/ народов метрополий.

Существует ли это стремление?

Да, существует. Недавняя международная империалистическая война, революционные катаклизмы в России и в других странах после войны, сегодняшняя "дипломатическая" борьба между отдельными группами стран - «победительниц», лихорадочная работа отдельных политических партий народов Запада - все это разнообразнейшие проявления такого стремления.

Стремление это происходит под давлением следующих двух противоречий:

1/ несоответствия существующей структуры материальной культуры народов метрополий /национально-разрозненный, часто собственнический, или анархический капитализм/ внутренней ее сущности, т.е. потребности этих народов в более организованном и усовершенствованном грабеже и эксплуатации народов колоний и полуколоний;

2/ возникновения в связи с этим в колониях материальных и политических предпосылок к национальной независимости и социальному освобождению от гнета метрополий, т.е. усиления так называемого национально-освободительного движения колоний.

Возьмем первое противоречие. В чем оно конкретно выражается? Выражается оно в том, что существующая структура, существующая конструкция материальной культуры народов метрополий не может обеспечить им дальше безнаказанную, регулярную, а главное - полную эксплуатацию народов колоний. Материальные потребности народов метрополий переросли существующую форму их материальной культуры. Грабеж и сосание соков из организма порабощенного человечества, производимые каждым в отдельности, без единого плана и централизованной воли, оказываются недостаточно эффективными в смысле продуктивности и не только не дают максимума ожидаемых результатов, но даже, вопреки воле грабителей, оказываются чреватыми всякими неожиданностями. Оказывается, что такая система эксплуатации колоний и полуколоний и остальной угнетенной части человечества не может приостановить совершенно циркуляцию крови в их организме. Они продолжают сохранять свою жизнеспособность, продолжают жить, дышать, а временами, когда их поработители бывают заняты дракой между собой из-за чужого добра, осмеливаются даже выступать против них. Не могут ли народы Запада позволить себе такую "роскошь" со стороны народов колоний? Конечно, нет. Хочешь - не хочешь, но перед ними встает и не может не встать вопрос об изменении внутренней конструкции их материальной культуры, вопрос о переходе к

новым, высшим, более организованным и совершенным формам хозяйствования.

В чем суть внутренней структуры материальной культуры народов метрополий переживаемой /уходящей/ эпохи? Ее суть заключается в двух положениях: частная собственность внутри наций и частная же собственность между нациями, т.е. относительная разрозненность средств производства и обращения накопленных богатств как внутри самих наций, так и между отдельными нациями.

Возьмем первое положение - частную собственность внутри наций. Какие результаты она дает в ходе развития материальной культуры народов Запада? Во-первых, конкуренцию отдельных собственников /капиталистов/ и их объединений /трестов, синдикатов, картелей и т.д./ или даже целых отраслей промышленности между собой. В погоне за прибылью и за большой наживой они взаимно борются между собой и значительная часть их энергии уходит на организацию этой борьбы и этой конкуренции. Правда, конкуренция эта, являясь единственной и необходимой составной частью частнособственнического капитализма вообще, играет обычно прогрессивную роль в деле концентрации и централизации капитала. Тем не менее в общественном масштабе при условии существования стремящихся к самостоятельному развитию колоний она является для метрополий фактором, ослабляющим эксплуататорскую силу последних. Если, например, какое-нибудь капиталистическое предприятие Англии направляется для работы в Индию, то оно часть своих капиталов должно расходовать на борьбу с каким-нибудь аналогичным английским предприятием или акционерной компанией и потерять на этом определенный процент своих сил и возможностей. Благодаря нецентрализованности и необъединенности в общенациональном масштабе, грабеж английского капитала в Индии не дает полностью и на сто процентов того эффекта и тех результатов, какие он мог бы дать в случае централизации.

Принцип частной собственности неизбежно рождает и другой отрицательный с точки зрения мощи народов метрополий фактор, а именно: классовую борьбу на базе внутринационального классового неравенства. На фоне классовой борьбы на Западе возникли три основных политических течения, отражающих идеологию соответствующих основных классов метрополий: консерватизм - политическая идеология крупной буржуазии; либерализм - как политическая идеология средней и мелкой буржуазии; и социализм - как идеология рабочего класса. Борьба этих классов между собой, отражающая фактически и в известной степени их стремление к политической власти, не может не ослаблять в отдельные моменты наступательной силы народов метрополий по отношению к колониям. Здесь можно привести пример поражения России во время Русско-японской войны 1904 г., когда наличие довольно ярко выраженной классовой борьбы внутри России (либеральная русская торгово-промышленная буржуазия выступала с рядом политических требований по отношению к феодально-помещичьей [власти]; русские рабочие выступали с политическими требованиями как по отношению к той, так и к другой) явилось основной предпосылкой к поражению русских войск на театре военных действий.

Противоположным этому примеру является классический пример победы возрожденной Турции над бандами международного империализма в 1922 г., обусловившейся в значительной степени тем, что если восставшая

Турция кемалистов представляла из себя в этот момент монолитное национальное целое, объединившее в одном огненном порыве борьбы за национальную независимость все классы турецкого народа, то лагерь противников - Европа - представлял из себя клокочущий вулкан национальных и классовых противоречий.

И здесь мы должны констатировать, что **борьба классов внутри метрополий в современных условиях их развития является опять-таки фактором, ослабляющим дальнейшую наступательную силу гегемонизма Запада.**

Таким же фактором является и второе положение - частная собственность между нациями метрополий, т.е. национальная разрозненность их материальной культуры, рождающая сильнейшую конкуренцию и национальную борьбу между ними. Наличие этого фактора сильно затрудняет положение народов метрополий как гегемонов мира. Оно ослабляет их общий нажим на колонии и оставляет для последних возможность маневрирования и лавирования. На чем базируется сохранение независимости Турции, возрождение независимости Афганистана, усиление элементов независимости Египта? На чем базируется усиление национально-освободительного движения в Индии, Марокко, Китае и т.д.? На чем базируется возрождение некоторых старых /Польша/ и возникновение новых государственных образований /Чехословакия, Литва, Латвия, Эстония, Ирландия/ в самой Европе? На чем базируется, наконец, усиление национально-освободительного движения нерусских национальностей в России?

Все это в значительной мере и в значительной степени базируется именно на национальной разрозненности их материальной культуры. Борьба народов метрополий между собой за первенство и за гегемонию над миром способствует лишь ослаблению нажима с их стороны на колонии и открывает для последних возможность борьбы за политическую самостоятельность.

Переходим к анализу второго противоречия, т.е. **освободительного движения колоний и полуколоний**. Существует ли действительно такое движение и если - да, то действительно ли оно растет и прогрессирует? Мы ответим на это языком фактов.

Япония.

Полвека тому назад Япония представляла из себя небольшую полуколониальную страну, которая и думать еще не могла об участии в международной политике. Но стоило ей прийти в пробуждение, как она разбила в пух и прах грозу народов Азии и жандарма Европы - закоренелого феодального империалиста - царскую Россию. Не прошло и десяти лет, как Япония участвует в избиении следующей за Россией империалистической державы Европы - Германии. Надолго ли, нет ли, но Германия выбита пока что из колеи. А сейчас Япония формирует блок из Франции, Китая и России против Англии. Комбинация эта может измениться, но факт остается фактом. Если оправдаются эти ее замыслы, то на следующий день она будет участвовать в формировании блока против заокеанской державы - Америки. И это вполне естественно. Япония не может оставаться навеки на своих островах. Будущее японского народа требует открытия дверей в Сибирь для переселения и дверей Китая и других стран для наделений японского торгово-промышленного капитала. В ее интересах разбивать по частям великанов европейского империализма.

Турция.

Даже отъявленным врагам многострадального турецкого народа ясно теперь, что в этой стране происходит сейчас: здоровый процесс национального возрождения. Тот, кто еще не верил или сомневался в этом, испытал его на своей шкуре. Штыки предданных делу национального возрождения Турции турецких рабочих и крестьян и турецкой прогрессивной интеллигенции научили, кого следует, думать реалистически. Если четыреста лет тому назад русским царям надо было разбить Казанское ханство, эту цитадель северных тюрков и через трупы татарских бойцов перешагнуть дальше - на Восток, то империалистам Западной Европы нужно было разбить южных тюрков-османов, чтобы открыть себе дорогу на тот же Восток. Разве не предшествовала продвижению народов Запада на Восток отчаяннейшая атака Турции с их стороны? Чтобы стать действительными хозяевами положения в Азии и Африке, народам Европы нужно было перешагнуть через трупы бойцов-османов. Падение Казани под натиском русских произошло не в один день. Десятки раз нападали они на нее, и завоеванию Татарстана предшествуют десятки лет борьбы между двумя тогдашними северными титанами: Казанью и Москвой. Не сразу удалось и закрепить ее победителям. Нужно было несколько десятков лет беспрерывной партизанской войны между победителями и побежденными со всеми ужасами истребления и резни, пока не была сломлена, наконец, воля побежденных. Европе нужно было сотни лет борьбы с южными тюрками, чтобы ослабить их и отнять у них Балканы, Египет, Аравию, Месопотамию и т.д. Правителям Европы удалось оторвать от тела Турции ее части. Но им не удалось и не удастся сломить Турцию. Она жива и будет жить. Мы думаем, что она не только будет жить, но и вдохнет жизнь и в те бывшие свои части, которые были оторваны от нее насилием Европы, на весь остальной Ближний Восток.

Китай.

Долго спал Китай, этот старейший народ из всех старых народов мира, но, наконец, открыл глаза. Он пробуждается сейчас. Пробуждается от вековой спячки. Он лежит пока на постели и выпрямляет свои онемевшие суставы. Но он встанет скоро на ноги. Никакая сила не сумеет удержать его сейчас в постели. То, что происходит в последние годы в Китае, это есть глубокие признаки возрождения этого народа. Китайский народ сумел совершить революцию 1911-го года. Сумеет он совершить и следующую революцию, вслед за которой произойдет объединение пока что разрозненных частей Китая в могучий стальной кулак, от которого едва ли поздоровится народам Запада. Периодические вспышки гражданской войны в Китае - это лишь прелюдия к великому концерту - возрождению четырхсотмиллионного китайского народа. Пусть в этой кровавой борьбе китайского народа между собой погибнут десятки и сотни тысяч жертв, но жертвы эти неизбежны и даром они не пройдут. Гражданские войны в Китае - это лишь проявление великого процесса консолидации китайской нации, которая потребует для своего завершения не один еще десяток лет.

Индия.

Просыпается и Индия. Процесс возрождения Индии болезненнее процесса возрождения Китая. И это вполне понятно: ведь Индия - колония самого могущественного из европейских бандитов - Англии. Но как бы ни был страшен старый морской пират, не устоять и ему против освободительного движения Индии. Путем репрессий, подкупов, провокаций и дипломатических ухищрений Англия сумеет, может быть, оттянуть процесс эмансипации Индии, но совершенно приостановить ег она не в состоянии.

Освободительное движение Индии идет волнообразно. Подъем революционных настроений чередуется с их упадком. Но ясно одно, что всякий такой временный "упадок" в революционном настроении индийского народа является лишь передышкой, вслед за которой идет новый подъем и подымается новая волна революционных настроений, более сильная и грозная. Мы не сомневаемся, что настанет в конце концов день, когда революционная волна освободительного движения Индии прорвет все искусственные плотины, которыми заградила ее Англия, и зальет собою весь мир.

Египет, Марокко, колонии России.

Усиливает общий хор революционных усилий к освобождению от гнета Запада и движение Египта, Марокко и колоний России. По существу своему движение народов Египта, Марокко и колоний России ничем не отличается от революционно-освободительного движения Китая, Индии, Турции и т.д. Все они происходят под лозунгом освобождения от империализма, вернее, гегемонизма народов Запада. Отличается оно лишь по своей форме и темпу: оно сильнее или слабее, быстрее или медленнее, бурливее или спокойнее, крупнее или мизернее движения первых, смотря по тому, в какой стране, при каких исторических условиях и при наличии каких движущих сил оно происходит. Останавливаться более или менее подробно на движении Египта, Марокко и др. африканских или азиатских колоний Запада мы не будем, т.к. оно в основных своих чертах достаточно известно. Осветим мы здесь лишь движение колониальных народов России. Мы констатируем, что освободительное движение в колониях России /Туркестан, Кавказ, Украина, Крым, Белоруссия, тюрко-финские и монгольские народы/ налицо. Если поражение царской России от Японии в 1904 г., вызвавшее революцию 1905 г., способствовало пробуждению национального самосознания колониальных, угнетавшихся народов этой страны, то поражение ее на Западном и Кавказском фронтах в мировую войну, вызвавшее революцию 1917 г., только углубило процесс освободительного движения этих народов. Факты отделения Польши, Финляндии и мелких прибалтийских государств от России, факты возникновения Татарской, Башкирской, Киргизской, среднеазиатских, закавказских, Украинской, Белорусской и прочих республик, а также целого десятка автономных национальных областей, систематически борющихся за расширение прав суверенности, красноречиво подтверждают это положение. И сколько бы ни стремились панрусисты и их сторонники /под какой бы маской они ни находились: под маской ли "демократов" или "коммунистов"/ к ликвидации этого движения, сколько бы они ни старались низвести их роль до роли обыкновенных русских провинций, или к его ослаблению, этого им пока что не удается

сделать и, видно, не удастся, какие бы хитрые махинации не выдумывались ими в направлении борьбы с растущей активностью "националов" в их борьбе за национальную самостоятельность и независимость, пока что все это давало лишь обратные результаты.

Установлением Союза ССР панрусисты хотели бы восстановить фактически единую неделимую Россию, т.е. гегемонию великоруссов над другими народами, но не прошло и года, как все народы заявили свой громкий протест против централистических тенденций панрусистской Москвы /заседания Совета национальностей последней сессии ЦИК СССР/.

Желая ослабить экономически и политически Туркестан Москва расчленяет сегодня туранские народы на отдельные мелкие племена, но не пройдет и двух лет, как расчлененные части Турана заговорят о восстановлении единства и объединятся в более сильную, мощную и организованную государственную единицу. Сегодня Россия отделяет Монголию от Китая. Она хочет "приручить" к себе эту страну. И Монголия не прочь, как будто, побывать в объятиях Москвы. Но что скажет Монголия завтра, когда она встанет на ноги и укрепит свой "Хурулдан", это еще неизвестно. Из опыта последней революции в России мы пришли к выводу, что какой бы класс в России ни стоял или ни пришел к власти, никому из них восстановить былого "величия" и могущества этой страны больше не удастся. Россия как многонациональное государство и государство русских неизбежно идет к распадению и к расчленению. Одно из двух: или она /Россия/ расчленится на свои составные национальные части и образует несколько новых и самостоятельных государственных организмов, или же **власть русских в России будет заменена коллективной властью "националов", т.е. гегемония русского народа над всеми остальными народами сменится диктатурой этих последних над русским народом.** Это есть историческая неизбежность как производное от сочетания. Вернее, произойдет первое, а если случится второе, то оно все равно явится лишь переходом к первому. Былая Россия, восстановившаяся под нынешней формой СССР, недолговечна. Она преходяще и временна.

Это лишь последние вздохи, последние конвульсии умирающего. На фоне распадения России довольно явственно выступают фигуры следующих государственных образований: **Украина /**с Крымом и Белоруссией/, **Кавказ** может существовать как союз Северного Кавказа с Закавказьем, **Туран /**как союз Татарстана, Башкирии, Киргизии и федерации туркестанских республик/, Сибирь и Великороссия. Мы не считаем уже отделившихся от России Финляндии, Польши и мелких прибалтийских государств.

Итак, факты освободительного движения колоний и полуколоний налицо. Оно есть, существует, прогрессирует и развивается.

Где же причины и материальная база этого движения? Из чего оно возникает и в чем его реальная сущность и сумма международных социально-правовых взаимоотношений?*

Архив КГБ РТ.-Ф.4.-Оп.1.-Д.-401.-Т.2.-л.245-253.
Гасырлар авазы - Эхо веков.- 1995.-Май.-№ пробный.- С.119-131.

* Текст на этом обрывается. По всей вероятности, эта работа осталась незаконченной. - Сост.

О Шихабе Ахмерове

29 июля 1925г.

Настоящим подтверждаю, что в 1918г. в июле* месяце, когда гор. Казань была захвачена чехословаками, гражданин **Шихаб Ахмеров** предоставил мне на 2-3 дня свою квартиру в целях сокрытия меня от чехословаков. Дело было так: к моменту занятия Казани чехословаками я состоял губернским комиссаром продовольствия, выполняя чрезвычайное задание центра по выкачке хлеба из прифронтовой полосы для голодающих тогда столиц - Москвы и Ленинграда (тогда Петрограда). Накануне и, кажется, утром того же дня, когда Казань пала, мы вместе с членом коллегии Губкома тов. [Д. Малютиным] (в настоящее время в Наркомвнуторге - член Малого Совнаркома), были в штабе наших (красных) войск, где нас заверили, что Казани ничего не угрожает и что стрельба из орудий, которая слышится в городе, есть учебная стрельба нашей артиллерии. В результате такой информации штаба я и некоторые из моих сотрудников очутились в ловушке. Когда за мной в Наркомпрод прибыла лошадь, некоторые части города уже были заняты чехословаками. Незнакомый с расположением наших частей, а также частей противника, я принужден был скрыться на квартире своего родственника (двоюродного брата). Но на другой же день я должен был покинуть эту квартиру, т.к. меня предупредили о том, что мое место пребывания стало известно кое-кому из татар, которые могли сообщить об этом белым. Я попросил упомянутого выше двоюродного брата моего найти мне более надежное убежище, где я мог бы скрываться два дня, пока не сориентируюсь в положении. Таким убежищем и явилась для меня квартира гр. **Шихаба Ахмерова**. Переодетый в женское платье, я перебрался вместе с присланным с **Ш. Ахмеровым** проводником (**Аббас Ибрагимов**) к нему на квартиру. Там я скрывался два дня, а на третий, запасшись конспиративными документами, покинул Казань.

Я твердо могу сказать, что если бы в тот момент гр. **Ш. Ахмеров** не оказал мне этой поддержки (а за поддержку эту ему угрожала самая жестокая расправа от белых), то меня, наверняка, постигла бы та же участь, какая постигла всероссийского комиссара по делам мусульман - т. **Мулланура Вахитова** и предгубисполкома тогдашней Казанской губернии т.**Шейнкмана** (оба расстреляны) и других попавшихся тогда к чехословакам работников: меня бы расстреляли.

Спасши меня от смерти, гр. **Ш. Ахмеров** тем самым оказал услугу не только мне как человеку, но и революции, т.к. тем самым дал мне возможность продолжить свою деятельность на пользу революции и на довольно ответственных постах: комиссаром по делам мусульман внутренней России, председателем Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене, членом Реввоенсовета 2-ой армии, председателем Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК

* Чехословацкие легионеры и народоармейцы вступили в Казань 7 августа 1918г. - Сост.

РКП (б), начальником восточного отдела Политуправления Реввоенсовета Республики, членом коллегии Народного комиссариата по делам национальностей, председателем Федерального комитета по земельным делам и т.д.

Насколько мне известно, гр. **Ш. Ахмеров** во время пребывания в Казани чехословаков спас жизнь еще троим советским работникам: районному жилищному инспектору **Маметову Ибрагиму** и двум красноармейцам, фамилии которых я сейчас, к сожалению, не помню. Известно было об этом и членам Казанского Комитета коммунистов-татар, о чем в свое время, как мне помнится, было выдано гр. **Шихабу Ахмерову** соответствующее удостоверение*

Рецензент Органа Печати ЦК РКП (б)
«Книгоноша»
М. Султан-Галиев.

Архив КГБ РТ.-Ф.4.-Оп.1.-Д.401.-Т.2.-Л.4-5.

* Отпуск этого удостоверения см.: ЦГА ИПД РТ.-Ф.868.-Оп.1.- Д.61.-Л.64. - Сост.

1928 г.

- **Показания на следствии с изложением основных положений своего мировоззрения. 18 декабря 1928г.**
- **Показания на следствии о составе и деятельности группы «правых» в Казани, московской татарской колонии, о встречах и разговорах с татарскими учеными. 29 декабря 1928г.**

Показания
на следствии с изложением основных положений своего мировоззрения

18 декабря 1928 г.

Мне поставлен вопрос ребром: готов я разоружиться идейно и организационно или нет? Отвечаю вначале же - да, готов. В чем же заключается мое вооружение и в чем должно заключаться мое разоружение? Вооружение мое заключалось в известных идеях и мыслях, в определенном мировоззрении насчет развития революционного движения в колониях и работы Советской власти и Коммунистической партии в нац. республиках и областях, главным образом тюркских, которые постепенно складывались у меня в процессе развития революции в России, начиная еще с 1917 года.

Мировоззрение это имеет свою динамику, историю своего развития, которое определялось своеобразным восприятием мной отдельных моментов развития международной революции вообще и партийно-советской работы в национальных районах, в частности.

Основные начала моего мировоззрения были изложены мной в моих показаниях ОГПУ еще в 1923 г. при моем аресте по обвинению меня в попытке установления связи с Заки Валидовым. Я считаю необходимым повторить их сейчас вкратце. Формулировка моего мировоззрения заключалась в следующем:

Во-первых. Кризис в развитии мировой революции, заставивший партию сжаться в рамки строительства социализма в одной стране, является результатом "переоценки значения со стороны тов. европейских коммунистов роли западноевропейского пролетариата в организации мировой социалистической революции, с одной стороны, и в недооценке значения национально- освободительного движения в колониальных странах в системе международной революции, с другой".

Во-вторых. Недостаточно твердая политика партии в национальном вопросе до XII партсъезда в смысле недооценки его национальных моментов в работе в нацрайонах и, как результат этого, рост великодержавных тенденций, с одной стороны, и недовольства националов на этой почве, с другой.

Как вам известно, я признал тогда ошибочной мою попытку установления связи с Заки Валидовым, квалифицировал ее как преступление против партии, членом которой я состоял, и заявил о своей готовности принять заслуженное мною возмездие из Ваших рук.

Ясного же заявления с моей стороны об отказе от сложившейся в моем сознании оценки хода развития революции мною не было сделано.

При освобождении моем из тюрьмы у меня, по крайней мере, не было ясного ответа: кто же в конце концов прав в основных вопросах - я или партия. Помню лишь, одно у меня было твердое решение - покончить со всем моим прошлым в случае освобождения меня из тюрьмы и оставления в той или иной форме в партии. О своем исключении из партии я узнал,

как Вам известно, здесь у Вас - в ОГПУ, перед моим освобождением, после того, как Вами было принято от меня письменное обязательство об отказе от ведения антипартийной и антисоветской работы. Сообщение об этом произвело на меня удручающее впечатление. Некоторая надежда появилась у меня на возможность восстановления в правах члена партии после посещения мною тов. Сталина по истечении некоторого времени по моем освобождении из тюрьмы, когда мне было сделано указание, что вопрос этот можно будет поставить примерно через год. Где-то в глубине души таилась, кроме того, надежда на Владимира Ильича. Почему-то мне казалось, что Ильич заинтересуется моим делом и восстановит меня в партии. Я с нетерпением ожидал поэтому его выздоровления . Его смерть убила во мне эту надежду. Утрата Ильича для меня поэтому была двойным ударом. Я любил этого человека, как бога в юности. Если Вы произвели у меня обыск, то в моих бумагах должны найти небольшой листок, куда я занес впечатления свои о покойном, вернувшись с его похорон. Образ, нарисованный мною на этом маленьком клочке бумаги, навсегда останется в моей душе.

Возродилась надежда у меня на возврат в партию после заявления в ЦКК в 1924 г. Обещание поддержки моей просьбы со стороны Сталина укрепило во мне эту надежду. ЦКК, как Вам известно, отказала мне в моей просьбе. Это был третий и новый тяжелый удар по мне.

Момент ведения переговоров и рассмотрения моего ходатайства в ЦКК совпал с моментом отзыва из Татарии группы татарских коммунистов - т. Мухтарова, Енбаева и Гасыма Мансурова, - товарищей, близких мне по совместной работе с ними во время революции, а также исключением из партии местной парторганизацией Наркомзема Татреспублики Юнуса Валидова и зам. пред. Совнаркома тов. Исхака Казакова, старого революционера, работавшего среди нас со дня Октября. Предшествовало этому также открытое шельмование меня на страницах татарской и русской печати и в отдельных брошюрах как контрреволюционера. О квалифицировании моего поступка как объективно контрреволюционного со стороны IV национального совещания при ЦК партии я узнал спустя лишь через год по исключении меня из партии, а до того мне было непонятно, почему на меня идет такое яростное нападение, как на контрреволюционера (статья т. Салаха Атнагулова в "Эшче"[1923, 30 авг., № 63], брошюра т. Гал.[имджана] Ибрагимова "Черные вехи, или белоэмигрантская литература" и т.д.).

Контрреволюционный ярлык, приклеенный мне, угнетал меня еще хуже, т.к. в душе я считал себя коммунистом, ленинцем, партийцем, революционером. Я всеми частями (в моих записках Вы, может быть, найдете письмо в ЦК, которое я думал составить в одно время по этому поводу, но почему-то изуверился и бросил) моего существа протестовал против этого. Я считал это большой несправедливостью по отношению к себе и переживал величайшую трагедию. Мне тем более было тяжело, что я уже пережил тяжелую трагедию у Вас в тюрьме. Ведь я не только революционер, но и человек. Я, как революционер, подписал тогда смертный приговор самому себе. Я это считал величайшим актом революционной честности и мужеством с моей стороны и находил в этом великое моральное удовлетворение

для себя. Я думаю, Вы это поняли тогда. Но как человек, как животный организм, я все же переживал тяжелое чувство ожидания смерти. А под этим тяжелым чувством я находился у Вас целые 2 недели, пока решалась моя судьба. Вы видите сами - мне всего лишь 36 лет, а уж почти вся моя голова седая. Вы поймете поэтому то странное чувство обиды, оскорбления и униженности, которое я испытывал и переживал в моменты, когда меня выставляли напоказ как контрреволюционера. Особенно в тех случаях, когда это шло со стороны людей, с которыми я когда-то воевал как с противниками Октябрьской революции и Совласти.

Вот психологическая подоплека, на основе которой у меня постепенно созрело решение создания самостоятельной партии на основе ревизии марксизма и ленинизма по колониальному и национальному вопросам. Этому способствовала также та чрезвычайно тяжелая обстановка, которая была создана тогда вокруг так называемых "правых" татарских и отчасти башкирских коммунистов.

Результатом этого явилось составление мною первоначального наброска части тезисов "О некоторых вопросах экономического и культурного развития тюркских народностей Европы и Азии". В них я хотел обосновать противопоставление коммунистическому лозунгу о национальном самоопределении лозунга колониального радикализма - "освобождения колоний через диктатуру колоний над метрополиями". Коммунизм, по моему анализу и в новом понимании, рисовался мне как новая и прогрессивная на первое время форма европейского национализма, понимая под этим политику консолидации и объединения материальных и культурных сил народов метрополий под эгидой пролетариата. В дальнейшем я намеревался расширить эти тезисы по колониальному вопросу вообще, положив их в основу радикальной ревизии ленинской теории об империализме и сталинского ее толкования. Я говорю совершенно откровенно, т.к. хочу иметь перед Вами и перед историей, в конце концов, одно лицо, а скрывать мне его нечего. Если в Ваши руки при обыске у меня попала брошюра В.И Ленина "Империализм как новейший этап развития капитализма" с моими пометками на полях и на обложках, то по ним Вы сумеете составить приблизительное представление моего понимания империализма. По моей теории империализма получалось, что империализм присущ капитализму вообще, независимо от стадии его развития; мне казалось, что в этом отношении у Ильича все же нет ясности. Из моей постановки вытекала поэтому возможность в теории и практике существования социалистического или коммунистического империализма, поскольку в данной стадии своего развития международный капитал (должный перерасти после революции в социализм) представляет еще систему колониального хозяйствования.

Я здесь прошу Вас не путать мою концепцию с избитой и гнилой пасквилью Каутского и грязной ложью империалистической буржуазии о "красном империализме Советов". Из тех же моих тезисов Вы увидите, что я являюсь непримиримым врагом как мировой буржуазии, так и меньшевизма.

Проект моих тезисов первый раз мною был прочитан Юнусу Валидову. Он настаивал на внесении некоторых поправок, особенно в части формулирования содержания национально-освободительного движения отдель-

ных колониальных стран (в том числе тюрко-татарских народностей Совроссии) и поставил под сомнение правильность основного лозунга о "диктатуре колоний над метрополией", где мы противопоставляли себя Коммунистическому Интернационалу. Валидов жил тогда у меня на квартире. Он уже был исключен из партии. Над ним висела угроза публичного суда по обвинению его в уголовном преступлении. Мы оба терпели большую нужду. Тем не менее, обсуждение программы будущего "Интернационала колониальных народов" шло весьма интенсивно. Основные его положения нами были выработаны, но не изложены на бумаге. Тактика и стратегия определены. Социальной базой будущей нашей партии "Колониального Интернационала" мы определяли рабочих, крестьян и мелкую буржуазию. Тактически мы стояли за использование также прогрессивной части крупной национальной буржуазии (промышленной буржуазии). Решено было по окончании суда над Валидовым, если его не оставят в партии, бежать ему за границу и начать переговоры с подпольными и полулегальными колониальными революционными организациями о создании Бюро Колониального Интернационала в одной из восточных стран. В первую очередь Валидов должен был связаться с Сун Ятсеном, а затем перебраться в Индию. Я должен был оставаться в СССР и по организации здесь небольшого, но крепкого ядра также перебраться за границу и связаться с IV-м Интернационалом и с анархическими организациями Европы. Таково было наше решение перед судом над Валидовым. Валидов на суде держал себя, по моему мнению, революционно. Вы это знаете. Суд, как известно, разрешился не в его пользу... Тем не менее, приведение в исполнение нашего решения мы тогда задержали. Мы еще раз основательнейшим образом продумали вопрос и решили добиваться пересмотра решения суда перед ЦКК, а в случае отрицательного решения его и в данной инстанции обжаловать постановление ЦКК сначала на партсъезд, а потом уже в Коминтерн. Решение у Валидова в этом смысле было непоколебимое. Он верил в свою правоту. Я его поддерживал. До решения вопроса о судьбе Валидова мы решили остаться в СССР, независимо от того, будете Вы нас преследовать или нет, и ставили возможность выезда за границу, т.е. полного уже разрыва с Вами (так это следует понимать) в зависимость от исхода разрешения вопроса об оставлении его в партии. Тяжелая болезнь и последовавшая затем смерть Валидова сняли, однако, этот вопрос с порядка дня.

Потеря Валидова была тяжелым ударом для меня. В его лице я потерял одного из самых верных моих друзей и опору. Сын крепостного крестьянина, он был настоящим восставшим и революционным рабом.

Стенограмма его речи на суде сохранилась у меня. Она, наверное, попала к Вам. Там на первой странице должна быть подпись, сделанная рукою самого Валидова. В ней говорилось о росте правой опасности в стране и необходимости организованной борьбы с ней. Валидов перед смертью просил меня размножить его речь и распространить ее среди населения. Этим путем он хотел реабилитировать себя после смерти. Я, однако, не сделал этого и сохранил его речь только как исторический материал, т.к. не хотел вынести на широкую улицу наши раздоры с партией.

После смерти Валидова я работу по составлению тезисов приостановил. Мне казалось, что все же намеченный путь наших действий неправилен. В намечаемой нами программе не было ясности и четкости, во-первых, в отношении социального лица создаваемой нами организации, во-вторых, в отношении определения нашего отношения к коммунизму как к системе, как к принципу. Было неясно, что же мы должны обещать освобождаемым от гегемонии метрополий колониям: коммунизм или капитализм, или же что-нибудь третье, "небуржуазное", и как должны обеспечить организационно торжество коммунизма как системы вообще, если мы его принимаем и для колоний. Неясен был также и вопрос относительно стадий развития национально-освободительного движения в отношении коммунизма: утверждение ли коммунизма по завершении национального освобождения или же врастание его параллельно с развитием национально-освободительного движения. И я много и подолгу задумывался над этими вопросами. Кроме того, я был болен туберкулезом, который сильно изнурил меня, и я должен был поехать в Крым.

Позже, уже вернувшись из Крыма, зимой 1925 г. я прочел выдержки из моих тезисов тов. Будайли из Татреспублики. Дал прочесть также т.т. Мухтарову и Енбаеву, а еще позднее, кажется в 1926 г., показывал их тов. Дерен-Айерлы. Читая или давая прочесть тезисы, я указывал товарищам, что они представляют лишь черновой набросок моих взглядов на развитие революционного движения в тюркских районах Европы и Азии. Товарищи, соглашаясь в основном (с некоторыми поправками) с анализом тюркского мира в системе мировой экономики и политики, решительным образом полемизировали, однако, с первой частью тезисов в части противопоставления колониальных коммунистов европейским и насчет лозунга "диктатуры колоний над метрополиями".

Больше я тезисы свои никому не показывал. Как видите, тезисы не окончены, но там среди бумаг на отдельных листах имеются черновые наброски формулировок остальных частей тезисов, только не в виде законченных и готовых уже мыслей, а в виде "возможных постановок". В процессе их анализа могли возникнуть и их антитезисы.

Закончить их мне так и не удалось. У меня не было лишнего времени, не было и "Энгельса" под рукой. Это во-первых. Во-вторых, я все еще не терял надежды на свое восстановление в партии. Почему-то мне казалось, что ЦК партии в конце концов все же рассмотрит мой вопрос. Особенно усилилась у меня эта надежда в период, когда Вы заговорили об "изменении маршрута революции" в смысле поворота в сторону активного участия в национально-освободительном движении колоний, конкретно - Китайской революции. Результатом этого явилось второе мое письмо к т. Сталину в конце 1925 года или в начале 1926 г. с вопросом о том, можно ли мне поставить вопрос о восстановлении моем в партии и на каких именно условиях*. Кроме того, уже позже, под влиянием опыта Китайской революции и развития национально-освободительного движения в Индии и др. колониальных странах, а также в самой СССР, передо мной постепенно во весь рост встал вопрос о том, не ошибаюсь ли я действительно в

* Это письмо нами не обнаружено. - Сост.

основном, в главном, а именно: в определении революционного значения теории и практики ленинизма в применении их к разрешению колониального вопроса и отсюда - в определении революционной роли ВКП (б) и Коминтерна, т.е., говоря попросту, не ломлюсь ли я в открытую дверь.

Показания мои в части попыток создания второй партии в колониальных странах в противовес Коминтерну были бы неполны, если бы я не осветил еще одного момента, а именно - нашей оценки в тот момент Ваших действий на Западе и Востоке и внутри страны, так как само собой понятно, что только лишь на основе субъективных моментов не может зарождаться мысль о второй партии.

Наша оценка сводилась к следующему (я думаю, Вы, как революционеры, как большевики, спокойно выслушаете меня):

1) Вы проводите, как нам тогда казалось, недостаточно ясную и четкую революционную политику в отношении империалистической буржуазии Запада. Так мы оценивали отказ Ваш от ведения революционной пропаганды в Индии и вообще на Востоке в период приглашения Вас на Генуэзскую конференцию. Так мы оценивали Ваши заигрывания с Лигой Наций. Мы сознавали, что под этим Вы понимаете временную тактику вынужденного лавирования по отношению к мировой буржуазии и отдельным ее национальным и социальным группам в силу так называемой "необходимости". Тем не менее мы считали, что Вы могли бы избежать при этом такой постановки, когда Ваши разговоры с отдельными империалистическими державами Запада принимали невольно характер торга за счет национально-освободительного движения колоний. В данном случае я имею в виду передовую статью в "Правде" в одном из ее номеров, кажется, зимой 1924-25 гг. или весной 1925 г. в один из периодов оживления Китайской революции и обострения Ваших отношений с Англией (кажется, незадолго или в период возникновения конфликта на Восточно-Китайской жел. дороге), в которой совершенно открыто ставился вопрос приблизительно в следующей форме: "Смотри, английский империализм, лучше вступай с нами в деловую связь и прекрати твои козни против нас, пока не поздно, а то вон в Китае начинает разгораться пламя революции". Может быть здесь ошибка, может быть здесь была искажена и неправильно передана другая какая-нибудь мысль, я не знаю и это Ваше дело, - но факт тот, что такая статья в свое время действительно печаталась и читалась, нужно полагать, всем миром.

2) Нам казалось, что Вы делаете неправильно, заигрывая "сверху" с отдельными группами Амстердамского Интернационала, в частности с тредъюнионизмом. Тредъюнион мы считали самой реакционной и консервативной формой рабочего движения, а его вождей - Макдональда и др. - такими же закостенелыми империалистами в отношении колоний, как болдуины и чемберлены. Нам казалось поэтому, что общение Ваше с тредъюнионами будет способствовать не росту, а задержке развития нац. - революционного движения в колониях.

3) Нам казалось, что линия, взятая Вами в крестьянском вопросе внутри СССР, не соответствует интересам нацрайонов, поскольку в то время Вы делали упор в этом процессе на необходимость поддержки "крепкого хозяйчика". Нам казалось, что это приведет, с одной стороны, к переброске

средств производства, сельхозмашин и др. в основные базы зернового хозяйства - Украину, Северный Кавказ, Сибирь и Среднее Поволжье и оголит в этом отношении животноводческие и полузерновые районы, как Казахстан, Башкирия, Татария, Чувашия и др., а с другой - откроет дорогу к аграрной колонизации русскими переселенцами отдельных нацрайонов, укрепив одновременно с этим уже существующие кулацкие хозяйства в них (русские - в большинстве). Нам казалось, что в общем такая Ваша политика в крестьянском вопросе поведет в конечном результате к росту, оформлению и укреплению великорусского национализма, особенно в нацрайонах, на основе усиления экономической базы этого национализма. (Особенно непонятна была нам Ваша политика в отношении Центрально-Черноземного района РСФСР). Нам казалось, что если и можно говорить об экономическом, культурном и всяком ином оскудении каких-либо районов СССР, то ни в коем случае нельзя было говорить об "оскудении" Центрально-Черноземной полосы и вообще русских районов СССР. Скорее всего можно и нужно было говорить об оскудении, прежде всего и раньше всего, нацрайонов: во-первых, как районов хищнического грабежа и разорения их до революции русской буржуазией; во-вторых, как районов, где наиболее ожесточенно проходила гражданская война, и, в-третьих, как районов, которые почти поголовно были подвергнуты опустошительному действию эпидемии и голода в 1920-21 гг. (Вашу политику в отношении Центрально-Черноземной полосы мы рассматривали поэтому как уступку русскому национализму).

4) Мы считали, что Вы, под давлением роста великорусского национализма, как результата усиления экономической его базы, так называемого "частнособственнического сектора народного хозяйства", искривляете начертанную Вами же программу Коммунистической партии по национальному вопросу. Искривление нацполитики мы видели в следующих факторах:

а) Невыполнение по ряду крупных нацрайонов, как Татария, Башкирия, Казахстан и некоторые другие, решений X и XII партсъездов по вопросу о насаждении промышленности в нацрайонах и создании в них кадров национального пролетариата;

б) слабый темп коренизации аппаратов партийных, советских и профессиональных организаций в этих районах и слабое вовлечение в партию трудящихся коренного населения;

в) неравномерное распределение бюджетных ассигнований по отдельным отраслям народного хозяйства, по народному образованию и здравоохранению - в отношении большинства нацрайонов. Нам казалось, что доля участия этих районов в фондах общегосударственного расхода далеко отстает от их удельного веса в общегосударственном доходе при относительно большой нуждаемости их экономики и культуры в восстановлении и реконструкции;

г) односторонняя борьба с национализмом в нацрайонах, которая выражалась с том, что острие борьбы с нацуклоном было направлено лишь в одну сторону, в сторону туземной части населения, при почти полном отсутствии или крайне слабом ведении ее в отношении русского населения. Нам казалось странным и непонятным, почему это предаются суду и изго-

няются из партии или наказываются вообще с обвинением в национализме одни лишь туземные коммунисты, тогда как за время всей революции не было ни одного случая исключения из партии и предания позорному суду русского или какого-либо иного "европейского" коммуниста с обличением его в национализме или великодержавном уклоне. По крайней мере, мы не видели этого. Мы считали свое недоумение по этому поводу тем более справедливым, что XII партсъезд в качестве основной задачи по линии нацвопроса на данной стадии развития революции в России признал и особо подчеркнул необходимость борьбы с великодержавным шовинизмом;

д) слабая борьба с вредительской работой беспартийного русского чиновничества в аппаратах центральных учреждений и на местах в отношении нацрайонов. Сюда же мы относили также неразборчивость в подборе работников из профессуры при комплектовании органов и учреждений, работающих по вопросам нацкультуры, людьми, которые до революции играли роль политических агентов царизма среди националов ("профессор" Ашмарин, бывший царский цензор в Казани, включенный в состав Оргбюро по созыву 1-го Тюркологического съезда в Баку, миссионер Остроумов в Средней Азии и др.). К этой же категории факторов мы причисляли неосторожность органов ОГПУ в допущении в качестве следователей в нацрайонах в деле туземных коммунистов бывших работников карательных органов царизма (конкретно - допущение со стороны Тат.ОГПУ в качестве одного из следователей по делу Юнуса Валидова бывшего помощника Петроградского окружного судьи* Мельникова - я это говорю со слов покойного Валидова);

е) засорение туземной части парторганизаций в нацрайонах чуждыми для революции элементами - сыновьями мулл, национальной буржуазии и дворян - мурзаков, которые, прикрывая свою классовую сущность "левой" фразеологией и лицемерными заявлениями о своей преданности революции и партии, исподволь расправляются с теми национальными коммунистами, которые в дни Октября и позже громили их дома, мечети и имения. Среди них Вы найдете и таких, которые, быть может, в дни гражданской войны принимали участие в расстрелах вождей национальных коммунистов, имеющих мандаты лично от самого Ильича (я имею в виду казнь татарского коммуниста Муллануров Вахитова, совершенную над ним татарской буржуазией в 1918 г. после занятия Казани чехословаками). Только этим засорением можно объяснить, почему, например, татарский меньшевик Сайфульмулюков, ведший активнейшую борьбу с нами в Казани в первые дни Октября в наиболее тяжелые для Соввласти моменты, в 1925 г. оказался в "старых большевиках" и в "вождях татарского пролетариата" у органа Татобкома партии - журнала "Безнең юл".

Вот те факторы, на основании которых мы строили тогда наши выводы насчет степени революционности ВКП (б) и Коминтерна. Основным нашим выводом был вывод о том, что под влиянием неудач на Западе у Вас возникли рецидивы унаследованных Вами от II Интернационала меньшевистских предрассудков в отношении колониального вопроса. Опираясь на этот наш вывод, мы находили Коминтерн и ВКП (б) недостаточно ре-

* Написано - "суда".- Сост.

волюционной организацией и считали их организацией переходной от мéньшевизма к подлинному и радикальному большевизму.

Вы можете приписать здесь мне "дерзость" или "повторение задов оппозиции". В обоих случаях Вы ошибаетесь и будете неправы. "Дерзости" у меня нет, а есть желание передать вам правду такой, какою она была - без искажений, независимо от того, какое впечатление произведет это на Вас.

Что же касается "повторения задов оппозиции", то я должен заявить совершенно открыто, что я не разделял и не разделяю ее точки зрения по китайскому вопросу, наоборот, считал и считаю ее глубоко ошибочной, по крайней мере в той формулировке, в которой она доходила временами до меня во время Вашей с ней дискуссии. Это во-первых. Во-вторых, для меня лично находится под большим сомнением, не повторяет ли, наоборот, оппозиция проделанное мною за время моего нахождения вне рядов партии за эти пять лет как в своих формулировках, так и выводах насчет современного положения русской и международной революции.

Султан-Галиев.

Верно: (Подпись).

Архив КГБ РТ. - Ф. 4. - Оп. 1. - Д .401. - Т. 2. - Л. 20-25

Показания
на следствии о составе и деятельности группы "правых" в Казани, московской татарской колонии, о встречах и разговорах с татарскими учеными

29 декабря 1928 г.

1. Перечисленные в моем показании товарищи из "правых", работавшие в Татарии - **Магдеев, Будайли, Багаутдинов, Ганиев, Фахи, Брундуков, Саттар Еникеев** составляли основной актив, имевший за собой "правую массу", которая в основном сохранилась еще с 1923-24 гг., с момента, когда было подано известное заявление в ЦК так называемой группы "39"[171]. Из этого состава ушел только **Шамиль Усманов**, а вновь пришел, насколько я знаю, **Вели Исхаков.** Таким образом, перечисленные мной 7 товарищей являлись руководством этой группы "39" и одновременно товарищами, которых знали мы (члены московской татарской колонии). Какая фактическая работа проводилась в Казани и Татарии указанной семеркой и ее группой, я подробно не знаю, ибо все вопросы решались у них на месте, а у нас в Москве были поставлены только несколько вопросов, требовавших выявления нашего мнения. Такими вопросами, насколько я помню, были: а/ в 1927 г. секретарем Татобкома ВКП (б) т. **Хатаевичем** был выброшен лозунг о том, что "татарские "правые" являются выразителями стремлений и чаяний татарской национальной буржуазии", что получило, конечно, соответствующее отражение в парторганизации и потребовало выявления нашего мнения. Кто персонально из указанной семерки приезжал тогда в Москву - не помню, кажется, были несколько товарищей в разное время. У кого тогда с казанскими работниками обсуждался в Москве этот вопрос - я не знаю, ибо на них не присутствовал, но тов. **Енбаев** и, кажется, **Мухтаров** мне передавали, что общее мнение по этому вопросу свелось к необходимости самым решительным образом протестовать против вышеприведенной формулировки **т. Хатаевича.** Конкретно протест, видимо, мыслился в сторону соответствующих выступлений на партконференциях и т.д.;

б/ в связи с предложениями о назначении нового секретаря обкома ВКП(б) **т. Разумова** в московской колонии дискутировался вопрос о возможности договориться с ним и найти таким образом общий язык для последующей совместной работы. На специальных обсуждениях этого вопроса я не был, но мне об этом передали т.т.**Енбаев** и **Сабиров**. Я считал, что поскольку вопрос о назначении тов.**Разумова** стоит еще в плоскости предположений, постольку разговоров с ним непосредственно не вести, а лучше связаться по этому вопросу прямо с ЦК; когда же назначение т.**Разумова** стало фактом, я не стал возражать против того, чтобы отдельные товарищи сделали попытку договориться с ним самим. Кажется, эту миссию взяли на себя тов. **Мухтаров, Сабиров**, но чем она кончилась и к

каким результатам они пришли - я не знаю. Насколько я помню, первоначальное предложение об установлении этого "общего языка" с "правыми" было выдвинуто группой товарищей, работавших вместе с т.**Разумовым** в Башкирии (кажется, Касымовым, Кушаевым);

в/ о постановке вопроса об отношении к новому алфавиту - я уже показывал ранее. Вот те казанские вопросы, по коим давалось мнение нашей московской колонии и о которых я помню.

II. Основную группу Московской колонии я перечислил в составе тов. **Сабирова, Мансурова, Мухтарова, Еибаева и меня.** Кроме них, других в Москве, входящих в это основное ядро, не было. Был еще студент из Казани **Рамзи**, который в одно время примыкал к "правым" и с которым был связан по работе по линии редакции т. **Сабиров**. Кроме него в последнее время приехал из Казани т. **Вахитов**, но он на собраниях, насколько я знаю, не бывал. Мои показания о том, что я не всегда бывал в курсе дела работы московской колонии, объясняются тем, что тов. **Мухтаров и Мансуров** жили в 1-м доме Советов, т.**Сабиров** во 2-ом доме Советов, почему они при приездах товарищей из Казани и т.д. и вообще могли всегда созваниваться и чаще видеться, а у меня не было телефона и жил в отдаленном районе (Замоскворечье), почему не имел возможности постоянных встреч и разговоров. С другой стороны, одно время (до возникновения вопроса о моем возвращении в партию путем выступления в печати) т. **Гасым Мансуров** и отчасти т. **Сабиров** (последний приехал в Москву на год позже первого) выдвинули положение, что "правые" могут прийти к власти только как новая, так называемая "третья" группа, но без меня и **Ю. Валидова**, почему мое нахождение в их рядах считалось с этой точки зрения нецелесообразным, и отсюда некоторое время они определенно чуждались и обходили меня.

III. С башкирскими работниками у московской колонии связи не было и о них я ничего не знаю. Я лично вообще считал после моего провала в Башкирии из-за башработников в 1923 г. неудобным завязывать с ними новые связи.

IV. С Средней Азией, Казахстаном, Северным Кавказом и т.д. никаких связей у нас не было. Вопрос об установлении связи с этими районами поднимался мной и т. **Сабировым** в разговоре между нами летом 1927 г. в Крыму во время нашего нахождения на курорте. Тогда сильно развила свою работу оппозиция, и мы, разговаривая о ней и нашем положении, приходили к выводу, что у нас нет четкости, организационное состояние работы крайне слабо и отсюда говорили о необходимости изменения методов и форм, связях с другими, кроме Крыма и Татарии, районами и т.д. Я сделал маленький набросок об этом, но поставить его на обсуждение колонии не удалось, и этот вопрос так и остался открытым.

V. С беспартийными работниками Татарии и Крыма у нас были отдельные разговоры, но они не носили характера установления политических и организационных связей с ними. Так, например, я встречался в Москве раза 2 с татарским историком Хади **Атласовым** в 1925 и 1926 гг. Говорил с ним по вопросу об историческом развитии татар и о древнетатар-

ской литературе. Также в Москве встречал раза 2 татарского журналиста-этнографа Наджиба **Гасри**, с которым говорил о латыни и вообще по вопросам культурного развития тюрко-татарских народностей. Виделся также раза 2 с **Г. Чаготаем**, работающим в редакции журнала "Фән һәм дин".

В Крыму в 1926 г. я виделся с Сабри **Айвазовым**, с которым говорил по вопросу о латыни. В 1927 г. по вопросам крымской татарской литературы говорил в Крыму с **Абибулла Одобашем**, к которому меня направил **Сейдамет**. Раза два за все время виделся с **Чапчакчи**, но никаких разговоров на политические темы не вел.

М. Султан-Галиев.

Допросил - Балдаев.

Архив КГБ РТ.- Ф.4.- Оп.1.- Д.402.- Л.100-102. Копия.

1929 г.

- **Показания на следствии об обстоятельствах ознакомления со стенограммой IV совещания ЦК ВКП (б) с национальными работниками, изданной с грифом «Строго секретно», обсуждении крымских вопросов в московской татарской колонии. 2 января 1929г.**
- **Показания на следствии о намечавшемся расколе группы «левых». 24 января 1929г.**
- **Продолжение показаний на следствии о целях и задачах группы «правых» с изложением программных установок по колониальному, национальному вопросам, о практической работе в Татарии и Крыму. 24 января 1929г.**
- **Показания на следствии об обстоятельствах создания в Казани фонда материальной помощи нуждающимся работникам государственных учреждений. 25 января 1929г.**
- **Показания на следствии о выдвижении местных национальных работников на работу в центральных учреждениях, о своей работе в Центральном кооперативном совете. 30 января 1929 г.**
- **Показания на следствии об обстоятельствах составления вопросов анкеты об экономическом, культурном и политическом положении татарской деревни в 1926 г. 2 февраля 1929г..**
- **Показания на следствии об отношении татарских «правых» коммунистов к «рабочей оппозиции» и оппозиционному блоку во главе с Л.Д. Троцким, Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым. 3 февраля 1929г.**

- **Показания на следствии о личном отношении к оппозиционной группе Л.Д. Троцкого и оппозиционной группе Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. 5 февраля 1929г.**
- **Показания на заседании Центральной контрольной комиссии ВКП (б) о пределах организационной работы группы «правых», о своих взглядах о судьбе социалистической революции в России, о создании Туранской Федеративной Советской Социалистической Республики, о подготовке к созданию самостоятельной национальной рабоче-крестьянской партии. 27 февраля 1929г.**
- **Показания на следствии по вопросу об эмиграции. 25 июля 1929г.**
- **Показания на следствии по поводу предложений ЦК ВКП (б) выступить в печати с признанием своих ошибок. 25 июля 1929г.**

Показания
на следствии об обстоятельствах ознакомления со стенограммой IV совещания ЦК ВКП (б) с национальными работниками, изданной с грифом "Строго секретно", обсуждении крымских вопросов в Московской татарской колонии

2 января 1929 г.

1. Материалы IV совещания ЦК ВКП с нацработниками были мне известны из органа Татобласткома "Безнең юл". Стенограмму же этого совещания я получил от т. **Енбаева** или т. **Мухтарова**, точно не помню. Эту стенограмму я получил от кого-то из них для ознакомления и, бегло ознакомившись с первой частью (торопили вернуть, почему мог не успеть) и вернул ее обратно. Основательно же я с этой стенограммой ознакомился в 1926 г., когда ее получил от б/партийного студента **Девишева** (учится в МВТУ), который, в свою очередь, получил ее от **Терегулова**, кажется, Ибрагима, беспартийного, работающего в 1926 г. в Центроиздате (ранее работал в органах ГПУ в Татарии). Откуда последний получил эту стенограмму, я не знаю.

II. Из крымских вопросов, кои в той или иной мере были предметом обсуждения или разговоров между нами в московской татколонии, были:

а/ Крымские вопросы начали возникать в Московской колонии приблизительно с 1926 г., и первым большим вопросом крымской работы и деятельности местных "правых" был вопрос о конфликте между **Дерен-Айерлы** и **Фирдевсом**. Этот вопрос всплыл в связи с уходом из Крыма **Дерена** и был поставлен перед нами как вопрос о дальнейшем направлении работы (и руководства) крымской "правой", отношения к "левым" и блоке с лидером их **Меметовым**. Конкретная постановка вопроса была такова: **Дерен** после ухода из Крыма хотел идти на блок с **Меметовым** сепаратно, без надлежащего согласования с остальными работниками "правой". **Фирдевс** и **Ногаев** (оба были тогда в Москве) обвиняли его в сепаратизме и высказывались против такого блока с "левыми". На почве этих разногласий наметился между ними конфликт, грозивший дойти до раскола. Поэтому вопрос об этом конфликте между двумя виднейшими представителями крымской "правой" и был поставлен на обсуждение нашей московской колонии в квартире т. **Енбаева**. Тогда на этом совещании присутствовали я, **Енбаев, Дерен-Айерлы и Фирдевс**. На этом совещании они информировали нас о создавшейся обстановке и просили вмешательства татработников Москвы. Тогда наше совещание ограничилось только вышеуказанной информацией и никакого решения вынесено не было. Это было в начале или весной 1926 г., а второй раз вопрос обсуждался осенью или зимой того же года, в квартире того же **Енбаева**, где были **Енбаев, я, Мухтаров, Дерен-Айерлы, Вели Ибраимов** (был ли еще кто - точно не помню). В результате обсуждения этого вопроса было вынесено решение - **Дерену-**

Айерлы предложить прекратить сепаратные переговоры с лидером "левых" **Меметовым,** а **Фирдевсу** предложить прекратить то же с **Петропавловским.** Таким решением мы стали на точку зрения непримиримости по отношению как к "левым", так и **Петропавловскому**, сохранения своей физиономии и усиления дальнейшей работы в виде активной постановки перед обкомом партии текущих вопросов строительства. Кстати, нужно здесь указать, что эти решения остались на бумаге, ибо **Фирдевс** в жизнь их не провел, а **Вели** по возвращении в Крым взял совершенно новую линию;

б/ после этого, приблизительно через 1-2 м-ца, мы встретились на квартире **Памукчи** и здесь снова устроили маленькое случайное совещание (во время вечеринки) по крымским вопросам, где были **Фирдевс, я, Енбаев, Мустафин, Памукчи**. Я с т. **Енбаевым** требовали от **Фирдевса** выполнения вышеприведенного решения, он и **Мустафин** отвечали, что решено перейти к наступлению (активной политике), но в другой комбинации, чем мы настаивали, а именно - в блоке с "левыми", которых мы считали людьми, не имеющими принципиальных установок, людьми, на коих нельзя полагаться, почему блок с ними считали нецелесообразным. Они (Мустафин и Фирдевс) отстаивали свою точку зрения о блоке с ними (левыми), и мы, ни к чему не придя, разругались и разошлись.

в/ Все встречи и разговоры с Вели **Ибраимовым** как в Москве, так и в Крыму мной подробно изложены в предыдущих показаниях.

М. Султан-Галиев.

Допросил - Балдаев.

Верно:

Архив КГБ РТ.- Ф.4.- Оп.1.- Д.402.- Л.105-106. Копия.

Показания
на следствии о намечавшемся расколе группы "правых"

24 января 1929 г.

По поводу тенденций тов. **Сабирова** к отрыву от нас, вернее, от меня, сообщаю следующее:

Как-то весной [1928 г.] я вместе с т. **Ганиевым** зашел к т. **Рамзи**. Тов. **Ганиев** уезжал после съезда кустпромкооперации в Казань и зашел к **Рамзи** за своими вещами. У **Рамзи** сидели т.т.: **Сабиров, Фатхи Бурнаш, Рамзи и Фахрельислам Агеев**. Все товарищи были навеселе. Особенно тов. **Сабиров**. Предложили выпить и нам, но мы отказались. Завязался разговор о газете "Эшче". Завел его тов. **Рамзи** в форме вопроса: "У нас стоит вопрос об улучшении газеты "Эшче" («у нас» - в смысле работников "Эшче" - М. С.-Г.), как Вы думаете на этот счет, товарищи?" Разговор с начала же принял форму перебранки. Причиной этого явилось то, что я вначале шутя заявил :

- Какой же может быть разговор о газете "Эшче". Это разве газета? Это просто мешок сплетен.

Я видел, что присутствующие товарищи не в состоянии вести серьезных разговоров.

Мое заявление вывело т. **Сабирова** из себя. Началось с указания, какое я имею право вмешиваться в их разговор и вообще каким образом я попал к **Рамзи** и почему. Потом оказалось, что **Рамзи** при содействии т. **Сабирова** назначен секретарем газеты "Эшче" и уже работает там (я об этом до того времени не знал) и, очевидно, мое шутливое заявление обидело **Сабирова**. И он почему-то назвал меня "татарским Шульгиным" и заявил, что у него и у группы других товарищей (он указал на **Рамзи** и **Ф. Бурнашева** имеется решение отколоться от "правых", что ими твердо решено принять целиком программу и тактику руководящей группы партии - ЦеКа партии и т.д. Заявлено было также, что ими политика тов. **Хатаевича** в Татарии целиком разделяется.

Сравнение меня с Шульгиным повлияло и на меня, и я, обидевшись, ответил **Сабирову**, что, очевидно, его решение разрыва с нами продиктовано, если только это верно, не тем, что у него вдруг переменились взгляды и он стал ярым сторонником ЦК, а, видимо, желанием его вернуться в Татарию и занять вновь пост председателя ТатЦИКа.

Это вызвало ругань со стороны **Сабирова** по моему адресу, а затем он занялся уговариванием **Ганиева** перейти в их "новую" группу. Все это я воспринял как "очередное" пьяное выступление т. **Сабирова**, т.к. при пьяном виде он иногда выступал против меня и моей тактики. **Ганиев** же только посмеялся.

В разговор хотел вмешаться **Ф. Агеев**, но его остановил, в довольно резкой форме, т. **Ганиев**. Присоединился потом к нему и сам т. **Сабиров** и потребовал от **Агеева** оставления им собрания. **Агеев**, изрядно выпивший, отказался. Тогда **Сабиров** увел его с собой из комнаты и занялся его уго-

вором в коридоре. Потом они вернулись обратно, **Агеев** выпил еще рюмку водки и ушел. **Фатхи Бурнаш** все время лежал на постели и в разговор не вмешивался. Все, что им было сказано, это было краткое - "Бросьте ерундовские ваши разговоры".

После ухода **Ф. Агеева** мы с **Ганиевым** тоже вскоре ушли, т.к. ему надо было ехать на вокзал. Поехал с нами же и **Сабиров**. Из этого эпизода я сделал вывод о том, что, очевидно, в связи с назначением в Татарию тов. **Разумова** и переговорами с ним т. **Сабирова** (в одном из предыдущих своих показаний я указал, что переговоры должны были вестись **Сабировым** и **Мухтаровым** с общего нашего согласия, участвовал ли в нем в действительности **Мухтаров** и велись ли вообще эти переговоры, я не знаю) намечается линия на раскол "правых" с отходом от них части товарищей на основе блока с группою бывших левых эсеров (еще до этого блок этот предлагался через т. Сабирова группою работников Башкирии во главе с **Гасымом Касымовым**, бывшим левым эсером, всей группе "правых" в связи с конфликтом Гасыма **Касымова**, а также **Кушаева** и, кажется, **Гисматуллина**, с секретарем обкома Башкирии т. **Юревичем**). Говорю о группе бывших левых эсеров, потому что по моим предположениям, **Сабиров** имел с ними более или менее тесное соприкосновение по линии его близости к т. **Габидуллину**, а также к **Галимджану Ибрагимову.**

М. Султан-Галиев.
Допросил Алмаев.

Архив КГБ РТ.- Ф.4.- Оп.1.- Д.402.- Л.140-141.

Продолжение показаний на следствии о целях и задачах группы "правых" с изложением программных установок по колониальному, национальному вопросам, о практической работе в Татарии и Крыму

24 января 1929 г.

1.О целях и задачах группы "правых".

Какие социально-экономические и политические факторы содействовали образованию, оформлению и развитию группы "правых" татарских коммунистов, я уже в общих чертах говорил. Вкратце основную политическую установку группы "правых" можно формулировать, как стремление добиться радикального разрешения национального вопроса в России в рамках и на базе социалистической революции. "Правые" националистами себя не считают, а считают социалистами. Это - основное положение. Писанной программы, принятой каким-либо собранием или совещанием, у нас не имелось. Вопрос об изложении наших взглядов по нацвопросу в виде программы первый раз возник у нас, среди татарских коммунистов, на X съезде Советов после выступления группы нацработников во фракции этого съезда (**я, Мухтаров, Халиков, Хидыр Алиев**). На фракционном совещании татарских делегатов съезда, состоявшемся у меня на квартире, было решено приступить к составлению этой программы. (Между прочим, на этом совещании присутствовал и нынешний предсовнаркома Татреспублики Исмаев). Дело это было поручено мне.

Моему выступлению во фракции X съезда Советов, между прочим, предшествовала договоренность между мной и покойным тов. Наримановым летом 1922 г. в Грузии **о необходимости начать активное внутрипартийное выступление по нацвопросу.** Установки наши по нацвопросу в основном, за исключением некоторых моментов и деталей, сходились. В конкретной форме вопрос о платформе по нацвопросу встал перед нами перед XII партсъездом. При предварительном обсуждении в коллегии Наркомнаца некоторых основных моментов подготовляемого тов. **Сталин**ым проекта тезисов по нацвопросу я в одном пункте, а именно по вопросу о праве вхождения в СССР и автономных республик РСФСР, остался при особом мнении. Я считал необходимым принципиально отстаивать это их право.

Перед открытием XII партсъезда у нас происходили отдельные фракционные совещания нацработников - членов съезда. Первое совещание было созвано по моей и тов. **Нариманова** инициативе. На этом совещании присутствовали: от Азербайджана т. **Нариманов** и еще двое работников, фамилий которых я не помню, один из них был старый рабочий; из Татарии я и тов. **Мухтаров**, от Грузии т.т. **Махарадзе, Мдивани** и еще двое работников, одним из которых был, кажется, **Цинцадзе**, от Туркестана тов. **Рыскулов**, от Казахстана т.т. **Мендишев и Мурза-Галиев** и от Дагестана -

т.т. **Коркмасов и Тахо-Годи**, из Башкирии и Крыма никого не было. На первом же собрании выяснилось, что по всем основным вопросам нацполитики у всех присутствующих существует единодушие. По вопросу о форме вхождения нацобразований в союз я лично, по тактическим соображениям, пошел на уступки грузинским товарищам, которые выдвигали положение о необходимости непосредственного вхождения в Союз каждой отдельно взятой республики или области (т.е. с упразднением существующих федераций).

Принципиально же я стоял за допущение вхождения в Союз и федеративных нацобъединений. Вкратце нашу платформу можно было формулировать как требование о непосредственном вхождении в Союз всех национальных образований в переделах Советской России, с дополнительным созданием Великорусской республики, на принципе полного политического и экономического равенства входящих в Союз единиц, со строгим конституционным разграничением общесоюзных и республиканских прав и функций.

Для составления платформы и детализации отдельных ее пунктов были образованы несколько комиссий: политическая - в составе т.т. **Нариманова, Махарадзе, Рыскулова, Мухтарова** и, кажется, **Коркмасова**, экономическая - в составе **Мдивани, Мендишева и Мурза-Галиева** и военная - в составе меня, **Мдивани и Цинцадзе**. Кажется, была еще образована комиссия по вопросам социально-культурным. Проектировалась в дальнейшем, по выработке платформы, согласовать ее с украинцами.

Составить платформу, несмотря на первоначальную сговоренность, однако, не удалось. Помешал этому отказ **Рыскулова** от участия в комиссии и вообще в составлении платформы. Объяснил он свой отказ не тем, что он принципиально не согласен с нашими установками, а боязнью того, что если он поднимет платформу, то его могут впоследствии снять из Туркестана, что отразится отрицательно на постановке работы в этой республике вообще. Отказ **Рыскулова** повлиял на **Мухтарова**, который выставил точь-в-точь такой же мотив и саботировал в дальнейшем работу как комиссий, так и всего совещания. Повлияло это и на киргизских работников. В результате вся работа была сорвана. Появиться платформе нацоппозиции в партии так и не было суждено. В нацсекции XII партсъезда, а также на самом партсъезде организованного выступления националов поэтому не было. Было лишь несогласованное между собой выступление украинцев и грузин. Грузинские работники, как известно, заявили, что они платформу свою сейчас не оглашают и оставляют за собой право огласить ее в будущем.

Татарские "правые" к этому вопросу, если не считать исключенных из партии меня и Юнуса **Валидова**, больше не возвращались. Встал этот вопрос перед нами, как я уже указал, лишь в связи с последней внутрипартийной дискуссией с оппозиционным блоком, когда оппозиция в программу своих выступлений включила и нацвопрос. На этот раз наше выступление было сорвано "прорывом фронта" со стороны **Вели Ибраимова** (результат удачнейшего маневра со стороны тов. **Сталина** и того же **Мухтарова** с **Сабировым**, [которые] до решительного момента не прочь были блокироваться, как и **Вели**, с оппозицией, а в решительный момент оказа-

лись опять между двумя стульями). **Дело в том, что в выработке платформы оппозиционного блока по нацвопросу принимали косвенное участие тов. Мухтаров и Гасым Мансуров, связавшиеся по этому вопросу с т. Сафаровым. Кроме того, велись переговоры о возможности и формах блока с т. Зиновьевым (т. Мансуров) и Бабаховом (т. Сабиров). Велись ли переговоры еще с кем-нибудь, мне не известно.**

Отсутствие письменной программы или платформы у "правых" татарских коммунистов не означает, однако, отсутствия таковой вообще. Программные установки у нас, как я уже указал в предыдущих своих показаниях, существовали. Их можно подразделить на три категории: общая установка по колониальному вопросу, общая установка по нацвопросу в СССР и конкретные практические установки в отношении Татарии и Крыма. Устанавливались они как-то постепенно в процессе развития революции на Востоке и в нацрайонах СССР и оценки их с нашей стороны. Установки эти в общих чертах слагались из следующих элементов: **Общая наша установка по колониальному вопросу** была определена первый раз на II съезде комнарвостока в 1919 г. по моему докладу по восточному вопросу. Вкратце она гласила: поддержка национально-освободительных движений колоний и полуколоний, поскольку они не противоречат международной пролетарской революции. В основу же моего доклада по этому вопросы легли мысли, которые я развивал на страницах [газеты] "Жизнь национальностей" [5, 12 окт., 2 ноября 1919 г.]* по восточному вопросу (необходимость уделения внимания Востоку, о его революционном значении и возможности использования Востока против Совласти и соц.революции международной контрреволюцией, если мы не займемся своевременно вопросами работы в колониях и полуколониях). Эта первая стадия складывания наших взглядов по колониальному вопросу. Нечего и говорить, что установка эта была расплывчата и туманна. Но при тогдашних условиях, когда все внимание партии и руководителей революции было занято исключительно лишь Западом, резолюция эта наша, несмотря на свой слишком общий характер, все же имела колоссальное значение в смысле сдвига внимания руководителей революции в этом вопросе.

Уточнение же наших взглядов по этому вопросу происходило постепенно уже с развитием революционного движения в колониях и к последнему времени представляло приблизительно такую картину:

а) **Определение содержания переживаемой эпохи развития человечества в социалистическом смысле.** Мы считали односторонним определение современной эпохи развития человечества как "эпохи международной социалистической революции" . Мы находили, что этот лозунг верен лишь в одной и меньшей части человечества, а именно в отношении капиталистических стран, притом непосредственно метрополий. Современную эпоху мы определяли как эпоху социалистической революции на Западе плюс буржуазных национально-освободительных революций в колониях и полуколониях и плюс грандиознейшего процесса перемещения центров мировой экономики, политики и культуры с Запада на Восток от метрополий к освобождающимся колониальным и полуколониальным странам. Мы

* См.: С. 198-203 настоящего издания.

считали, что такими странами становятся Россия, Китай, Индия и страны Ближнего и Среднего Востока, главным же образом первые три. Последний процесс мы сравнивали по форме с процессом освобождения Америки как английской колонии;

б) **Определение характера международной социалистической революции и роли классовой борьбы в колониях.** Отсюда мы делали выводы:

во-первых, **о длительности процесса международной социалистической революции** и ее зигзагообразности, соответствующей скачкообразности развития капитализма (ленинскую теорию скачкообразности развития капитализма и сталинское ее толкование мы разделяли, за исключением определения империализма как экономической и политической категории, свойственной лишь определенной, монополистической стадии капитализма); отсюда - вывод о необходимости глубокого лавирования социалистической революции в этих процессах и восприятия национально-освободительного движения колониальных стран как буржуазной революции;

во-вторых, **о преждевременности и нецелесообразности развития, а тем более обострения классовой борьбы,** не говоря уже о лозунге социалистической революции в колониях и полуколониях (Индия, Китай, Персия и Турция) с точки зрения тактики вовлечения их в борьбу против империализма.

Мы находили, что лозунги социалистической революции и вообще классовой борьбы в колониях и полуколониях следует отложить до победоносной пролетарской революции минимум еще в 2-х и 3-х капиталистических странах Европы. Нам казалось, что лозунги эти (при условии торжества пролетарской революции лишь в одной России) обречены на неудачу и способны лишь укрепить стабилизацию империализма в колониях, способствуя отходу национальной туземной буржуазии и соглашательству ее (хотя и временно) с буржуазией метрополий и укрепить тем самым международный капитализм вообще. Мы находили, что в этом вопросе наши взгляды совпадают со взглядами Владимира Ильича **Ленина**, которые он развивал в полемике с **т. Роем** во время II Конгресса Коминтерна[172].

Выброшенный Вами в разгар китайской революции лозунг о переводе этой революции на социалистические рельсы и о гегемонии китайского пролетариата мы квалифицировали (да простит меня т. Бухарин) как бакунизм, как анархизм, как рецидив ошибок бухаринской школы по нацвопросу, т.к. считали, что такая установка вытекает из игнорирования исторического этапа развития данной национальности (соответствующий пункт постановления VIII съезда партии по нацвопросу). Подробно останавливаться на этом пункте я не буду.

С другой стороны, мы видели в этом неправильное применение ленинской теории врастания колониальных стран в социализм, минуя капитализм, т.к. считали, что ленинская теория по этому вопросу предполагает наличие, как я уже указал выше, победоносного завершения пролетарской революции минимум в двух или трех решающих капиталистических странах Запада (возможность в скором будущем пролетарской революции в Японии и в Америке мы исключали, исходя из того, что капитализм в этих странах в данный исторический период объективно представляет относи-

тельно прогрессивный фактор, как молодой капитализм "идет в гору" и труднее поддается ломке, тем более при отсутствии в них организованных и испытанных в боях революционных пролетарских партий).

С некоторой опаской относились мы и к крайнему модернизму в Турции и в Афганистане, особенно в последнем, считая таковой в значительной степени выражением интеллигентского наваждения и идеализма оторванной от крестьянских масс модернизированной национальной интеллигенции, не учитывающей конкретной исторической обстановки. Я лично считал, что тут нужна какая-то постепенность. Мне казалось, что феодализм уничтожается не по приказу, хотя бы и самого авторитетного властителя, а изменением базы экономического развития данной страны, подготовляющим идущую на смену феодализму новую общественную форму. В Афганистане же получилось наоборот: была дана общественная форма до укрепления в известной степени ее экономической базы.

Интересовались мы этими вопросами постольку, поскольку нам казалось, что увлечение этим модернизмом как в Турции, так и в Афганистане может дать отрицательные результаты и привести к падению или ослаблению в них тех сил, которые историческим ходом развития этих стран вынуждены, хотя бы временно, блокироваться с международным социалистическим движением в лице СССР (Кемаль и Аманулла-Хан), и созданию платформ против Советской России и с этой стороны.

Отклонившись в сторону, здесь я Вам хочу сказать, что, по-видимому, я был прав, когда десять лет тому назад открыто, честно и искренно предупреждал Вас со страниц "Жизни национальностей" [5 окт., 1919 г.], что игнорирование восточного вопроса или неправильная установка в нем могут привести к окружению нас мировой буржуазией не только с Запада, но и с Востока.

Тем не менее Вас я не осуждаю. Я считаю, что, несмотря на все Ваши ошибки в основных вопросах развития революции в колониях, величайшая Ваша заслуга перед историей, которую не удастся зачеркнуть ни одному "смельчаку" в мире, заключается в том, что не сидели сложа руки, а сделали революцию в этих странах и делали ее искренне, отдавая этому делу всю Вашу энергию, силу и способности.

Глубокая красная борозда, которую Вам удалось провести на ниве национально-освободительных революционных движений колониальных и полуколониальных стран, если не сейчас, то через известный промежуток времени даст свои плоды и развернет вширь и вглубь социалистическую революцию и в этих странах.

2. Общая установка по нацвопросу:

а) Политическая.

Основная политическая установка наша по нацвопросу в СССР заключалась в стремлении завоевать для нацрайонов соответствующий их экономическому значению и политической роли удельный вес в общественно-политической жизни Советского Союза. Организационно мы это мыслили как минимум действительное закрепление за нацрайонами тех конституционных прав, которые были выработаны в процессе развития Октябрь-

ской революции и окончательно зафиксированы, как неприкосновенное право националов, XII партсъездом; как максимум мы это представляли в расширении конституционных прав автономных нацобразований РСФСР, по крайней мере крупных из них, как Казахстан, Татария, до положения союзных республик.

Политически же это мыслилось в усилении активной роли националов в разрешении общесоюзных экономических, политических и соц.-культурных вопросов по линии партийной и советской, в усилении их влияния на постановку и разрешение отдельных вопросов социалистического строительства в союзном и республиканском масштабах в соответствии с интересами нацрайонов и националов вообще и в организации подлинного представительства националов в соответствующих центральных законодательных, правительственных, профессиональных, хозяйственных и общественных органах и учреждениях путем выдвижения и доверием широких трудовых масс националов на местах.

Мы считали, что радикальное разрешение национального вопроса в СССР вытекает из необходимости максимального укрепления завоеваний Октябрьской революции и социализма в СССР, развивающихся в сложных условиях многонационального государства, и создания прочной гарантии от реставрации буржуазно-капиталистического строя в России.

б) Социально-экономическая.

Социально-экономическая часть нашей платформы по нацвопросу заключалась в необходимости отстаивать для нацрайонов такие условия экономического развития, которые обеспечили бы не только восстановление их хозяйства, но и коренную его реконструкцию, исходя при этом не только из интересов общесоюзной экономики, но и специфических экономических, культурных и прочих интересов данных районов. На основании последней части нашей установки мы полагали, что учет специфических интересов нацрайонов должен быть включен в качестве составных ее частей в систему общесоюзной экономики и находить полное отражение в перспективных планах ее развития.

Специфические же интересы экономики нацрайонов, по нашему мнению, вытекали из их колониального положения до революции, обусловившего не только общую отсталость их хозяйства, общественных форм развития и культуры, но местами и глубокую деградацию туземного хозяйства (Башкирия, Дагестан, Северный Кавказ, некоторые районы Казахстана, Татарии, Крыма и т.д.) со всеми вытекающими отсюда последствиями - физическим и моральным вырождением данной национальности, его пауперизацией, широким развитием среди них социальных болезней - алкоголизма, венерических болезней, туберкулеза и проституции (характерно отметить, что, например, в Казани, в Уфе, Оренбурге и Астрахани были не только специальные дома, но и целые кварталы с проститутками из татарок, главным поставщиком которых являлась татарская деревня).

Поэтому одним из принципиальных наших положений в вопросах хозяйственного строительства нацрайонов являлось положение о том, что довоенное состояние экономики нацрайонов, по крайней мере - туземного

их сектора, не может являться мерилом, устанавливающим грани восстановления народного хозяйства этих районов и исходного момента их реконструкции.

Практическим выводом отсюда являлось положение о необходимости установления для нацрайонов, по крайней мере, их большинства, относительно высоких коэффициентов при определении размера бюджетных ассигнований, необходимых на организацию восстановительного процесса их народного хозяйства. Это первое.

Вторым нашим принципиальным положением в вопросах хозяйственного строительства нацрайонов являлось положение о неразрывности связи между восстановительным процессом и процессом реконструкции народного хозяйства нацрайонов и вытекающий отсюда тезис о необходимости форсирования этой реконструкции в направлении расширения хозяйственных функций отдельных районов.

Теоретическим обоснованием необходимости расширения хозяйственных функций национальных районов СССР, как союзных, так и автономных, являлись:

во-первых, положение о том, что всякий национальный организм, как организм общественный, может существовать и развиваться лишь на базе определенных и ясно очерченных хозяйственных функций, соответствующих естественно-географическим, историческим и социально-экономическим условиям данной среды и обеспечивающих, возможно, удовлетворение материальных и культурных потребностей данной национальности;

во-вторых, постановления X и XII партсъездов по нацвопросу, по докладу тов. **Сталина**, в которых дается исчерпывающий марксистский анализ и обоснование необходимости реконструкции экономики нацрайонов по линии насаждения в них промышленности, и

в-третьих, значительная зависимость успешности и темпа социалистической индустриализации СССР от состояния производительных сил нацрайонов, главных образом по линии производства сельскохозяйственного сырья, и вытекающая отсюда необходимость упорядочения хозяйственного развития этих районов.

Расширение же хозяйственных функций национальных районов, а вместе с тем и реконструкцию народного хозяйства в них вообще мы мыслили как перевод хозяйственной жизни этих районов из состояния элементарного, экстенсивного, местами первобытного производства необработанного сырья (зерновые и технические культуры, скотоводство, животноводство, садоводство, рыболовство и охота) до состояния рационального и интенсивного производства этих же и новых видов сырья и **первоначальной его переработки на месте, держа твердый курс на постепенную организацию полной его переработки на месте.** Говоря иными словами, мы держали курс на индустриализацию национальных окраин. Нам казалось, что взятый нами курс целиком и полностью отвечает не только решениям X и XII [партсъездов] и IV нацсовещания по нацвопросу и реальным экономическим интересам нацрайонов, но и решениям XII партсъезда по вопросу целесообразной организации промышленности в общесоюзном масштабе в

смысле необходимости приближения средств производства к источникам сырья.

Здесь я считаю необходимым сделать одну крайне существенную оговорку, без которой позиция наша по вопросу реконструкции народного хозяйства нацрайонов может быть неправильно понята. Я говорю об идее "замкнутого национального хозяйства", т.е. о той самой идее, которую приписал тов. **Рыков** в своем выступлении, кажется, на последнем съезде Советов РСФСР нацработникам, выступавшим с претензиями по вопросу о необходимости создания очагов промышленности в нацрайонах.

Я должен заявить, что лично у нас, т.е. у татарской группы "правых" коммунистов, такой тенденции не было. Идею "замкнутого национального хозяйства" мы в корне отрицали. Мы считали, что реконструкция народного хозяйства нацрайонов на базе индустриализации вовсе не предполагает обязательного развития в них всех, или, по крайней мере, основных видов промышленности и "замыкания" национального хозяйства в определенный круг, в определенную рамку. Наоборот, мы считали, что индустриализация нацокраин не исключает, а предполагает необходимость разделения хозяйственных функций между отдельными частями СССР в общем процессе социалистического строительства. Нам казалось, что создание, например, очагов текстильной промышленности в республиках Средней Азии (хлопок, шелк), Закавказье (хлопок, шерсть, шелк), Казахстане (хлопок, шерсть, кенаф и кендырь), Дагестане и нацрайонах Северного Кавказа (шерсть); кожевенной и мыловаренной - в Казахстане, Башкирии и Татарии (скотоводство и животноводство); консервной, мясной и плодоовощной - в Казахстане, республиках Средней Азии, Закавказье, Дагестане и в Крыму; мукомольной, спиртовой и пищевкусовой - в Татарии, Башкирии, Казахстане и Крыму; лесной, деревообделочной и бумажной - в Чувашии, Маробласти, Татарии, Башкирии и Вотобласти; нам казалось, что все это с успехом может быть включено в общесоюзную систему развертывания соответствующих видов промышленности без ущерба для дела социалистического строительства вообще.

Таким образом, наш лозунг об индустриализации национальных окраин (брошен он нами еще на II съезде комнарвостока в 1919 г., т.е. еще до X и XII партсъездов) выражал не стремление к созданию в этих районах "национально-замкнутого хозяйства", а стремление к созданию комбинированных типов народного хозяйства (сельское хозяйство плюс первоначальная переработка его продукции в полуфабрикаты или полная переработка ее в готовые фабрикаты), соответствующих экономической базе данного района, во-первых, специфическим социально-экономическим, политическим и культурным интересам данной национальности, во-вторых, и интересам общесоюзной социалистической экономики, в-третьих.

Исходя из трудностей для Советской власти и партии маневрирования средствами, в силу необходимости поддержки международной революции и накопления материальных резервов на случай вооруженного столкновения с империализмом, в этом пункте нашей программы мы все же допускали возможность отступления на ту позицию, которую отстаивал впоследствии на упомянутом выше съезде Советов тов. **Рыков**, а именно: что

хозяйственная роль национальных окраин на данной стадии развития революции должна определяться в основном как сырьевая база социалистической индустрии. Но отступление это наше мы обуславливали требованием необходимости создания прочной материальной, организационной (кооперация) и технической базы под сельским хозяйством национальных окраин (статья т.Енбаева от 3 июня 1926 г. в "Известиях ЦИК СССР" о кооперативном строительстве среди националов, составленная нами сообща, напечатанная за подписью тов. Енбаева, а также тезисы наши по вопросам кооперативного строительства в нацрайонах к февральскому национальному совещанию при Центральном кооперативном совете и к съезду работников торговли и кооперации нацокраин при НКТорге РСФСР и наши выступления на них). Мы считали, что в этом пункте требование наше является неоспоримо законным.

У Вас может возникнуть законный вполне вопрос: а не ломились ли мы нашими "законными" требованиями в открытые двери при наличии соответствующих решений партсъездов, партконференций, разных совещаний и самого ЦК партии по вопросам строительства в нацрайонах?

Нам казалось, что в открытые двери мы не ломимся, т.к. находили, что практика планирования и регулирования развития народного хозяйства в отношении национальных районов, как по линии промышленности, так и сельского хозяйства и производственной кооперации, не соответствует принципиальным установкам и решениям партии и его центральных органов по нацвопросу.

Несоответствие это мы видели:

а) в слабости и вообще неопределенности темпа организации и развития строительства;

б) в несоответствии размеров госбюджетных капиталовложений на развитие сельского хозяйства и производственной кооперации в нацрайонах с фактическими их потребностями в этом в сравнении с центральными районами СССР и некоторыми союзными республиками, сопровождаемым к тому же неправильным регулированием политики цен на продукцию сельского хозяйства в нацрайонах, главным образом по линии технических и специальных культур (хлопок, табак, виноделие и пр.);

в) в усилении* централизации процессов товарообращения в отношении нацрайонов по линии госторговли и трестов и, отчасти, кооперации и вообще хозяйственного строительства, ведущей, с одной стороны, к ослаблению капиталовложения в местных хозяйственных органах, т.е. в социалистическом секторе местной экономики, а с другой - к развитию бюрократизма, отрыву от масс, отчужденности местного населения, злоупотреблениям и растратам в соответствующих организациях (Средазводхоз и др.) ; и

г) в несоответствии размеров отпускаемых нацрайонам средств на просвещение, в частности, на школьное строительство, фактическим их потребностям, неорганизованности и отсутствии плановости в деле подготовки кадров молодых специалистов и технических руководителей про-

* В тексте - «изменении». - Сост.

мышленности (инженеры, техники) и сельского хозяйства (агрономы, землеустроители, зоотехники и т.д.) из националов.

Причины этого явления в целом мы усматривали:

а) в неопределенности и расплывчатости установки XII партсъезда по вопросу **о длительности** процесса установления "фактического равенства" между отсталыми национальностями и русскими частями РСФСР, позволяющий отдельным организациям и лицам, настроенным почему-либо против осуществления решений партсъездов по нацвопросу, лавировать вокруг этого вопроса;

б) в неприспособленности аппаратов центральных планирующих, регулирующих и хозяйственных организаций к планомерному выявлению и учету и систематическому обслуживанию потребностей и нужд отдельных нацрайонов;

в) в росте великодержавных тенденций в соответствующих частях аппаратов этих учреждений в связи с общим ростом и усилением мелкобуржуазной стихии в стране на почве усиления частнособственнического сектора народного хозяйства и влияния ее через беспартийную служилую интеллигенцию на работу этих аппаратов и в вопросе национальной политики (великодержавный уклон в хозяйственном строительстве нацрайонов);

г) в слабом сопротивлении партийных органов на местах росту панрусистских настроений;

д) в возможности существования тайной и строго конспиративной националфобской организации, занимающейся, наподобие шахтинской организации, сознательно или бессознательно организованным вредительством на фронте нацполитики;

е) в недостаточной активности самих национальных работников в отстаивании перед местными партийными органами и Центральным Комитетом партии отдельных постановок нацвопроса.

Исходя из всех этих наших настроений мы делали вывод о необходимости соответствующего нажима на местные парторганизации, а через них и на ЦК партии, там, где это представляется возможным, по отдельным вопросам нацполитики и практики строительства в нацрайонах. **Попытки татарских "правых" сговориться с оппозицией по вопросу о содержании их платформы по нацвопросу и вообще их попытка выступить с формулированием своих требований к партии по этому вопросу объясняется именно стремлением активизировать национальный вопрос в партии в изложенном направлении.**

Несколько слов о наших установках по вопросам сельского хозяйства в нацрайонах. В основном установки эти сводились к следующим пунктам:

а) обеспечение землей безземельного и малоземельного туземного крестьянства в перенаселенных малоземельных районах (Татария, Дагестан, районы Северного Кавказа, Узбекистан и южные районы Крыма) путем подготовки и проведения широких государственных мероприятий по землеустройству и мелиорации;

б) государственная организация, со вложением в это предприятие крупных капиталовложений, перевода соответствующей части туземного населения кочевых и полукочевых скотоводческих районов (Казахстан, Баш-

кирия, Киргизия, Калмобласть и др.) к зерновому и вообще оседлому хозяйству;

в) рационализация скотоводческого и животноводческого хозяйства в кочевых и полукочевых районах с насаждением в них кооперативных форм хозяйствования;

г) замена экстенсивных форм сельского хозяйства интенсивными в национальных районах путем соответствующих капиталовложений в хозяйство со стороны государства, переводом их на новую техническую базу и созданием условий нормального капиталонакопления в туземном хозяйстве (политика цен, стандарт и прочее);

д) усиление подготовки агроперсонала, землеустроителей и земельноводных работников из националов.

Здесь я хочу остановиться на двух вопросах, которые имели чрезвычайно важное значение в определении наших установок по аграрному вопросу в нацрайонах. Первый вопрос - это о капиталонакоплении в крестьянском хозяйстве нацрайонов и связанный с ним вопрос об определении нашего отношения к социальным группам деревни, и второй вопрос - о нашем отношении к аграрной колонизации нацокраин пришлым элементом, главным образом крестьянством из внутренних губерний РСФСР.

По первому вопросу я считаю необходимым остановиться потому, что включение вопроса о капиталонакоплении в крестьянском хозяйстве нацрайонов в систему мероприятий по восстановлению и развитию сельского хозяйства этих районов может быть истолковано как стремление поддержки усиления капиталистического сектора народного хозяйства нацрайонов, т.е. как правый уклон в вопросах отношения к крестьянству. На самом же деле такого стремления у нас не было. Мы ставили вопрос о капиталонакоплении в крестьянском хозяйстве нацрайонов вообще, подразумевая под этим в первую очередь бедняцкие, а затем уже середняцкие хозяйства. Выдвигали же мы эту проблему потому, что анализ экономической мощности крестьянского хозяйства нацрайонов в национальном (русское и туземное) и социальном разрезах показывал, что маломощные вообще по сравнению с существующим рядом русским и вообще колонизаторским хозяйством туземное крестьянское хозяйство, по крайней мере, в восточных районах (Татария, Башкирия, Казахстан, Дагестан, Марийская область и др.), в социальном разрезе представляет полную противоположность русскому хозяйству: в то время, как среди русского крестьянства преобладают (относительно) зажиточные элементы, в туземной же деревне, наоборот, преобладает беднота. Характерны в этом отношении опубликованные в печати данные статистического обследования 1925 года в Татарии, а также по Дагестану, по которым лишь 24 % населения этой республики питается по норме и выше нормы, 47 % - ниже средней нормы и 29 % - ниже голодной нормы.

Капиталонакопление в туземно-крестьянском хозяйстве мы брали, таким образом, как элемент восстановления основного его капитала, связывали его с вопросом усиления производительных сил туземной деревни вообще.

По второму вопросу я должен сказать следующее:

С вопросом колонизации национальных окраин мы столкнулись с работниками НКЗема РСФСР еще 1921-22 годах, после создания федерального комитета по земельным делам, и немного позднее - в связи с созданием колонизационного комитета, а также при внесении поправок к земельному кодексу нацреспублик и областей. Практически этот вопрос встал в связи с рассмотрением в федкомземе ряда больших земельных споров между отдельными нацрайонами и соседними русскими губерниями (Калмобласть и Царицынская, Ставропольская и Астраханская губернии, Царицынская губерния и Казахстан и т.д.) в связи с самовольным захватом русским крестьянством земельных участков калмыцкого и казахского населения в прилегающих нацрайонах. Вопрос шел о сотнях тысяч десятин. Не имея возможности оправдывать произведенный насильственный захват находящегося в пользовании калмыцкого и казахского населения земель, чиновники НКЗема (по-видимому, работники бывшего переселенческого управления) выдвинули в конце-концов открыто вопрос о возможности **аграрной колонизации нацокраин**. В качестве теоретического обоснования выдвинутого положения наркомземцы приводили цитату из одного из дореволюционных трудов **Ильича** о том, что "будущее России - в колонизации ее окраин". Позднее в сборнике "Земля" был помещен ряд статей партийных и беспартийных работников НКЗема с экономическим обоснованием необходимости колонизации нацокраин.

Не возражая против колонизации необжитых окраин вообще и против создания колонизационного комитета (в 1922 г. на заседании федкомзема под моим председательством и по предложению татнаркомзема **Юнуса Валидова** была принята резолюция, одобряющая создание колонизационного комитета), мы тем не менее категорически возражали против **аграрной** колонизации **извне** нацрайонов. Позднее этот вопрос обсуждался и на специальном расширенном заседании большой коллегии НКНаца, где наши возражения встретили поддержку решительно всех национальных работников. Возражения наши мы обосновывали следующими мотивами:

а) ленинская теория "колонизации окраин" ничего общего не имеет с "теорией" **аграрной** колонизации **национальных окраин**, а представляет часть его выводов "о развитии капитализма в России" и является выражением мысли прежде всего и ранее всего в **промышленной** колонизации окраин;

б) абстрактное применение ленинской теории колонизации окраин к нацрайонам в смысле аграрной их колонизации извне является игнорированием и извращением крупнейшей его теории мирового значения - теории по национальному вопросу и представляет по существу протаскивание контрабандой эсеровского рецепта кулацко-националистического разрешения аграрного вопроса в России;

в) переселение "излишнего" крестьянского населения центральных губерний России на окраины не разрешает само по себе проблемы борьбы с аграрным перенаселением в этих районах, т.к. последняя может быть разрешена лишь на базе развития индустрии, рациональной организации кустарной промышленности, интенсификации сельского хозяйства и широкого проведения коллективных форм землепользования, что не исключает,

однако, аграрной колонизации пустующих земель таких районов, как Сибирь, Дальний Восток и районы Севера;

г) не разрешает аграрная колонизация нацокраин извне и проблемы вовлечения в хозяйственный оборот "пустующих" земель нацокраин и связанной с этим проблемы расширения базы и повышения продукции зернового хозяйства в общесоюзном масштабе, т.к., во-первых, проблема повышения продукции зернового хозяйства в целом связана с интенсификацией полеводческого хозяйства в СССР и поднятия его урожайности количественно и качественно вообще, а целесообразное разрешение первого вопроса требует использования в первую очередь местного населения по линии организованного перевода соответствующей части туземного населения от скотоводческого или переходного к земледельческо-полеводческому хозяйству путем использования, главным образом, туземного батрачества (туземное батрачество, как известно, является основной рабочей силой в сельском хозяйстве большинства переселенческих хозяйств в нацокраинах, по крайней мере в последующие ступени их развития);

д) политическая нецелесообразность широкой аграрной колонизации нацокраин русским населением. Допуская возможность частичной колонизации нацокраин мелкими национальностями (латыши, эстонцы, татары, евреи), а также русскими и украинцами мелкими партиями, по предварительной организованной обработке общественного мнения населения соответствующего района, мы все же находили, что широкая колонизация нацокраин (речь идет, главным образом, о Казахстане, Киргизии и, отчасти, Башкирии) русским крестьянством может создать опасность отрыва симпатий туземных крестьянских масс от Советской власти. Имели мы тут в виду и то обстоятельство, что колонизация нацокраин переселенческим путем нисколько не содействует усилению и укреплению социалистического сектора сельского хозяйства этих районов, поскольку в принципе речь идет о частнособственническом индивидуальном крестьянском хозяйстве, причем и основные кадры переселенцев вербуются из зажиточных элементов крестьянства. Можно было оправдать заселение русским населением соответствующих районов отдельных нацобразований с точки зрения стратегической, т.е. создания элементов политического равновесия между соответствующими элементами населения по линии национальной, но мы лично считали этот путь скользким и обоюдоострым.

Вот почему мы еще тогда самым решительным образом протестовали против лозунга наркомземских работников "аграрная колонизация нацокраин" и в противовес этому выставили исчерпывающий, по нашему мнению, этот вопрос лозунг "индустриализации нацрайонов". Известно ли Вам, не знаю, но на последнем заседании федкомзема под моим председательством в начале 1923 г. было решено поставить перед центральными органами вопрос о созыве специального съезда по этому вопросу.

Оговариваюсь, наше возражение против широкой аграрной колонизации нацокраин извне не следует смешивать с лозунгом башработников, которые в одно время ставили вопрос о реэмиграции, т.е. деколонизации, части русских переселенцев из пределов Башкирии. Мы считали, что население, которое уже переселилось к моменту проведения землеустроитель-

ных работ, должно быть обеспечено землей наравне с коренными жителями данной территории. Соответствующая позиция твердо отстаивалась мною при проведении поправок к земкодексу по нацрайонам.

Я считаю, что новый курс, взятый партией в крестьянском вопросе, а именно на организацию крупных совхозов и колхозов, в корне разрешает и проблему вовлечния в хозяйственный оборот неиспользованных или не интенсивно используемых земель в нацрайонах. Создание мощных и крупных совхозов в этих районах не только будет способствовать вовлечению туземного [населения] (батраков) в новые формы сельского хозяйства и усиливать социалистический его сектор, но разрешит и проблему создания индустриально-земледельческого пролетариата из коренного населения.

Вот в общих чертах те установки, которые мы имели по социально-экономическим вопросам в отношении нацрайонов. **Систематической и организованной работы в направлении их осуществления в отношении отдельных нацрайонов, за исключением Татреспублики, мы не вели, если не считать обмена мнениями по отдельным вопросам при случайных встречах или столкновениях с некоторыми из нацработников.**

3. Цели и задачи в отношении Татреспублики.

Конкретные наши задачи в Татарии вытекали из основных наших установок по нацвопросу. Непосредственной политической задачей в Татарии мы ставили возврат к власти и к руководству партийно-советской работой группы "правых".

Практические задачи **по линии политической** заключались:

а) в усилении руководящей роли татарских "правых" коммунистов в партийно-политической и общественной жизни;

б) в реабилитации "правых" коммунистов как коммунистов ввиду обвинения их со стороны русского* руководства в национализме;

в) в усилении темпа коренизации аппаратов и в расширении и углублении кадров национального пролетариата;

г) в отстаивании перед соответствующими органами необходимости реальной и организованной борьбы со стихией русского национализма, влияющей не только на работу советских или профессиональных, но временами и партийных организаций.

По линии соц.-экономической мы ставили задачей:

а) расширение базы индустриализации как в области промышленности, так и сельского хозяйства. Мы находили, что база эта не расширяется, а суживается (закрытие крупных химических предприятий - Бондюжского и Кокшанского заводов, где насчитывалось до 3-4 тыс. рабочих, в большинстве татар и др.);

б) проведение в жизнь решения Политбюро ЦК партии от 1923 года по вопросу о земельной политике в Татарии в отношении организованного заселения неосвоенных бывших помещичьих земель безземельным и малоземельным крестьянством;

* В тексте - «народного». - Сост.

в) обеспечение за Татреспубликой права на самостоятельное существование в общесоюзной системе районирования. Это мыслилось в виде осуществления выдвинутого нами еще в 1922 году проекта образования экономически целостного района в составе Татарии, Чувашии, Марийской и Вотской областей, тяготеющих экономически, культурно и политически в Казани;

г) создание вообще нормальных условий экономического и культурного развития татарского народа, конкретное содержание которых излагалось разновременно в отдельных заявлениях татарских "правых" в партийные органы и в их выступлениях на обл. партконференциях или на съездах Советов.

М. Султан-Галиев.

Архив КГБ РТ.-Ф.4.-Оп.1.-Д.402.-Л.142-160. Копия.

Показания
на следствии об обстоятельствах создания в Казани фонда материальной помощи нуждающимся работникам государственных учреждений

25 января 1929 г.

Вопрос о фонде. Вопрос о специальном материальном фонде для поддержки работников казанской группы на тот или иной случай имеет свою краткую историю. Вопрос этот у казанский работников первый раз в реальной форме возник в 1918 г. перед нашествием на Казань чехословаков, когда группировок в татарской коммунистической организации еще не было. Инициатором его были некоторые работники Казанского комитета Мусульманской коммунистической партии (преобразованной из Мусульманского социалистического комитета) - работавший тогда в Казанском Губчека **Исмагил Рахматуллин**, замвоенкома **Х. Юмагулов** и **М. Дулат-Али**. Вопрос этот ни со мной, ни с центром согласован не был. Фонд был образован путем обложения татарской буржуазии дополнительной контрибуцией. Собирал эту контрибуцию и частично распределял ее потом между отдельными работниками, уже перед самым занятием Казани чехословаками, **Исм. Рахматуллин**. На этой почве, между прочим, произошел острый конфликт между приехавшим тогда с полномочиями из центра **М. Вахитовым** и казанской группой работников. **М. Вахитов** резко возразил против этого, находя, что это, во-первых, не соответствует новым распоряжениям центра по вопросу о контрибуции, а во-вторых, открывает широкий путь, ввиду его бесконтрольности, к злоупотреблениям.

М. Вахитов собирался даже арестовать кое-кого из них, но я удержал его тогда от этого.

Кроме того, этому предшествовал инцидент (за два месяца) между **М. Вахитовым** и созданной взамен Мусульманского социалистического комитета Мусульманской коммунистической партией по вопросу распределения фондов, захваченных Центральным мусульманским социалистическим комитетом при ликвидации Татарского национального собрания Миллет меджлесе в г. Уфе (кажется, около 70-и тыс. рублей в золотом исчислении, точно не знаю). Потом я уже узнал, после смерти **М. Вахитова**, от **Мустафы Субхи**, что фонд этот, по крайней мере, значительная его часть, был захвачен татаро-башкирской левоэсеровской организацией.

Вопрос о фонде непосредственно передо мной первый раз поставил в 1918 г., когда я приехал в Москву с фронта, **Мустафа Субхи**, не помню точно дату - перед обратным занятием нами Казани или после этого. Форма его постановки была такова:

Революция может не выдержать напора международной реакции. Сохранение на этот случай живой руководящей силы революции у русских коммунистов обеспечено. Они организованно могут уйти в подполье. Восточные же коммунисты, в силу своей неорганизованности, могут оставаться на месте и погибнуть. Нужно заранее позаботиться хотя бы о создании

фонда из ценной валюты и на всякий случай держать его в замаскированном виде где-нибудь за границей.

На это предложение я ответил смехом. Дело в том, что я вообще не придавал тогда значения всей этой возне с "фондом" и считал его простонапросто мышиной возней, ненужной, вредной. **Субхи** же я ответил, что я считаю это праздным разговором, т.к. крепко верю, что революция победит и не только в русском, но и международном масштабе.

Но все-таки у меня где-то в области подсознания остался туманный вопрос: а вдруг он прав, если не сейчас, то в будущем?

Второй раз этот вопрос поставил передо мной т. **Баимбетов** в бытность его завполитотделом Центромусвоенколлегии, когда он состоял уже в Коммунистической партии. Поставил он его, кажется, в связи с возможностью перехода "татаро-башкиристов" на полулегальное положение ввиду ожидавшегося провала идеи создания объединенной Татаро-Башкирской республики (точную даты Вы можете узнать в одном из писем, сохранившемся у меня: оно должно быть в числе писем, забранных Вами при обыске у меня; по крайней мере, копию этого письма в свое время я через З. Ерзину и А. Агеева передал Вам).

Делал ли что-нибудь в этом направлении сам т. **Баимбетов**, я не знаю; я же со своей стороны никаких реальных шагов в этом направлении не предпринимал.

Третий раз этот вопрос я поставил уже сам. Возбудил я его в форме вопроса перед тов. **Мухтаровым**, кажется, после X съезда Советов после нашего поражения во фракции этого съезда. Вопрос я поставил в той плоскости, что не мешало бы изыскать какие-либо источники для образования фонда для ведения организационной работы по укреплению связей с другими нацрайонами (курьеры и проч.). Тов. **Мухтаров** ответил уклончиво. Усомнился он, во-первых, относительно успеха этого дела, а во-вторых, о его необходимости вообще. Больше я к нему с этим вопросом, кажется, не приставал.

Сообщил мне образовании фонда уже через некоторое время по исключении меня из партии т. **Юнус Валидов**, когда я в один из его приездов в Москву поставил вопрос об оказании мне хотя бы частичной материальной помощи ввиду крайней моей нуждаемости.

Юнус Валидов оказал мне тогда некоторую помощь и сообщил, что им приняты меры к образованию специального фонда для оказания помощи мне и товарищам, которые могут очутиться в моем положении. На мой вопрос о том, знает ли об этом кто-нибудь еще, т. **Юнус Валидов** ответил: «Молчи, об этом еще никто не знает».

Действительно ли об этом знал только **Юнус Валидов**, и когда он приступил к созданию фонда и какими путями его создавал, мне тогда еще ничего не было известно. Лишь потом, кажется, во время суда над Валидовым или после его смерти, я узнал, что о факте создания им фонда было известно и **Сабирову**, и **Гасыму Мансурову**, и **Мухтарову, и др. работникам**, и чуть ли даже не на этой почве произошел конфликт (провал этого вопроса) между **Юнусом Валидовым** и казанскими работниками во время IV съезда Советов Татарии в конце 1923 года. Более подробно я узнал о приходе этого фонда, о его назначении и фактической роли уже после суда

над **Юнусом Валидовым**, когда он накануне своей болезни, перед тем как идти в ЦИК (он был вызван туда для окончательного разбора его дела), советуясь со мной о дальнейшем своем поведении уже перед партийным судом, сообщил мне подробности этого дела. Подробности эти суть следующие:

а) к образованию фонда **Юнус Валидов** приступил самостоятельно вскоре после прихода к власти в Татарии "правых", в связи с необходимостью организации "дополнительной" помощи погибающей от голода татарской интеллигенции и студенчеству и "дополнительных" расходов по ускорению транспортирования продовольственных грузов для голодающих Татарии вообще;

б) что им действительно оказывалась регулярная материальная поддержка голодающей интеллигенции и студенчества, но что значительная часть фонда (70-80%, сюда вошел по его словам, весь "сахарный" фонд) была употреблена на "кормление" начальствующего состава Московско-Казанской железной дороги в связи с явным их саботажем в быстрой и своевременной передвижке продовольственных грузов для Татарии во время голода. В моральное оправдание своего поступка Юн. Валидов привел следующее: в Татарии развертывалась ужасающая картина голода, особенно много погибало татар (по всесоюзной статистике в Татарии от голода в 1921-22 гг. погибло от 25-ти и до 30-ти тыс. татар), продовольственные грузы застревали, их нарочно отправляли по разным другим направления. Видно было, что тут имеется определенный саботаж, рассчитанный на некоторую "наживу" в этом деле: со стороны железнодорожников ему было сделано определенное предложение. От обращения в органы ГПУ он воздержался, т.к. думал, что аресты и прочее в связи с этим могут создать лишь озлобление среди оставшихся технических работников жел. дороги и лишь хуже затормозят своевременную и нормальную переброску жел.-дорожных составов в Казань. Между тем, каждый лишний день простойки вагонов, не говоря уже о неделях, уносил в Татарии тысячи и десятки тысяч жизней в могилу, и Валидов во имя спасения этих жизней от голодной смерти сознательно пошел на преступление: согласился на дачу взятки жел. дорожникам.

На мой вопрос о том, кому же он конкретно давал взятку, он ответил:

- Кормилась почти вся дорога от Москвы до Казани.

Далее Юнус Валидов сообщил, что обстоятельство это он скрыл от всех своих товарищей, в том числе и от Мухтарова, и что здесь скрывается источник нападок на него тех, кому стало известно потом об образовании им фонда, т.к. "растрату" фонда он объяснил присвоением, якобы, этого фонда спецами, при помощи которых он это дело организовал.

Я не знаю, чем объяснить причину откровенности в тот момент передо мной Юн. Валидова: тем ли, что этот самородок-революционер, предки которого - крепостные крестьяне, участвовали в организации восстания против палача татарского и башкирского народов мурзы **Тевкелева**, действительно осознал свою ошибку и раскаивался в ее совершении, или уже это происходило от предчувствия скорой смерти (он погиб [через] месяц или полтора после этого от сложной операции, последовавшей после из-

нурительной и тяжелой болезни в Москве), но знаю одно и со всей искренностью моей революционной совести заявляю сегодня Вам:

- Им было твердо решено заявить обо всем этом в ЦКК при ожидающемся рассмотрении его дела. Смерть помешала ему в этом.

Могу добавить маленькую подробность, относящуюся уже ко мне.

Когда мы схоронили Юнуса Валидова, я хотел выступить на его могиле с краткой речью перед теми немногими товарищами, которые пришли провожать его. Говорить я ясно не мог. Я сказал лишь несколько слов «Товарищи, придет, может быть, день, когда Вы узнаете о тайне Юнуса Валидова, о великой трагедии этого честнейшего революционера...»

Продолжить дальше я не мог и разрыдался.

И никто не знал причину моей скорби.

Узнали ее сегодня Вы. Я этому не печалюсь.

М. Султан-Галиев.

Архив КГБ РТ.- Ф.4.- Оп.1.-Д.402.-Л.161-165. Копия.

Показания

на следствии о выдвижении местных национальных работников на работу в центральных учреждениях, о своей работе в Центральном кооперативном совете

30-го января 1929 г.

1. Вместо т. Саид-Галиева, как известно, в малый Совнарком прошла кандидатура т. **Габидуллина**. По поводу выдвижения этой кандидатуры ходили слухи о том, что сделано это по инициативе т. **Смирнова** /бывший наркомзем РСФСР/ якобы в результате демонстрации тов. **Габидуллиным** в одном из своих докладов, кажется в ЭКОСО, по вопросу о состоянии промышленности в Татарии, благодушного отношения с его стороны к разрешению "русского вопроса" в Татарии.

2. Момент выдвижения в Нацотдел ВЦИКа тов. **Сабирова**. По разговорам с отдельными нашими товарищами мне известно, что по приезде в Москву в связи с его назначением в зампредсовнаркома РСФСР, тов. **Рыскулов** поставил перед татарскими "правыми" вопрос о выделении в помощь к нему работников из татар. Лично он, кажется, настаивал на кандидатуре тов. **Мухтарова**. Конкретно разговор шел о малом совнаркоме РСФСР или отделе национальностей ВЦИКа, не помню.

Товарищи советовали **Мухтарову** согласиться, но он отказался от этого. В своей среде мы объяснили это нежеланием **Мухтарова** пойти в "помощники" к **Рыскулову**. Была выдвинута, таким образом, кандидатура **Сабирова** (был назначен в подотдел нацмен отдела национальностей ВЦИКа), кто согласовал в ЦК партии проведение его кандидатуры, не знаю. Никаких наказов или директив в отношении направления работы т. **Сабирову** не давалось. Подразумевалось как-то само собой, что раз он является "правым", то будет проводить соответствующую линию как в своей практической работе, так и в отношениях с отдельными нацработниками. "Проверки" его работы со стороны остальных товарищей не было. Система эта не практиковалась и в отношении других работников. Вообще "отчитываний" в своей работе т-щи друг перед другом не производили, если не считать тех случаев информации о поездках в те или иные нацрайоны, о которых я уже говорил в одном из своих показаний.

3. Момент выдвижения нацработников в некоторые центральные аппараты. Вопрос этот встал, кажется, после назначения **Рыскулова**. После отзыва из Башкирии **Биишева** шел разговор о назначении его в НКФин. По поводу его кандидатуры татарские работники через тов. **Сабирова** дали, кажется, положительный ответ. В НКФин прошел, однако, не **Биишев**, а **Халиков**. **Биишев** же был назначен в ВСНХ. Практиковалось в одно время выдвижение кандидатуры т. **Енбаева** в НКЗем РСФСР. Ставился ли он где-нибудь, не знаю. Было ли согласовано таким же путем через т. **Сабирова** назначение т. **Гасыма Мансурова** в НКПрос, в Совнацмен, не знаю. Знаю только, что работой **Гасыма** в НКПросе все татарские "правые" были недовольны и считали, что он там не сумел развернуть работу. С уходом от-

туда **Г. Мансурова Сабиров**, кажется, "выставлял" туда свою собственную кандидатуру. Позднее среди "правых" разговоры о том, что и кандидатура **Мухтарова** в Малый совнарком была проведена в свое время будто бы в связи с тем, что **Сабиров** и тогда "подсовывал" свою кандидатуру.

Вопросы выдвижения работников т. **Сабировым** согласовывались, кажется с тов. **Эсфендиаровым**. С кем он согласовывал эти вопросы после ухода последнего из ВЦИКа, не знаю.

Распределение татарских "правых" в Москве вначале было произведено в ЦК в общем порядке. Были ли тут предварительные переговоры между собой - не знаю.

4. Момент переговоров с башработниками. Такой случай был в 1926 г. летом на даче у т. **Сабирова** где-то под Москвой. Меня на этом собрании не было. Узнал я о нем уже потом. Из башработников, кажется там был и **Халиков, Кушаев и Абдулла Гисмат;** вскоре после отзыва из Башкирии **Халикова**. Был ли там **Бишев**, не знаю. Из татарских "правых" были **Сабиров, Мухтаров, Енбаев и Гасым Мансуров**. Был, кажется, еще кто-то из казанских работников. Подробностей этого собрания я не знаю. Знаю лишь то, что татарские работники "чесали" башкир за их бездеятельность. Я лично остался недоволен этим обращением. Не потому, что я был обойден и не приглашен на него **Сабировым**, а потому, что вообще всю группу работников считал "гнилой" группой работников, неспособной на серьезную и самостоятельную работу, и принципиально был против блока с ними. Осталась недовольной этим собранием и башкирская группа работников **Муртазина**, когда узнала о нем. Организатором этого собрания, повидимому, был т. **Сабиров**.

Происходили ли такие же собрания с казанскими работниками, не знаю.

5. **Вопросы установления непосредственной связи с местами.** Вопросы установления непосредственной связи с другими нацрайонами как программные вопросы не ставились и не обсуждались. Насколько мне известно, при выезде на места выезжавшие т-щи вообще не ставили на обсуждение вопроса о линии своего поведения в данном районе. Не ставились и вопросы о блоке или вообще вхождении в организационно-фракционную связь с работниками соответствующих районов. По крайней мере, из информационного сообщения т-ща **Мухтарова** о поездке в Казахстан, в Джетысу, не видно было, чтобы этот вопрос ставился, хотя бы даже там, на месте. Из его доклада видно было другое, а именно, что в отдельные моменты он старался подталкивать казахских работников на активность при защите ими того или иного положения в правительственной комиссии, выезжавшей в Джетысу /конкретно - предсовнаркома Казахстана тов. **Нурмакова**, по каким именно вопросам, я уже не помню/. Но это не означает, что при командировках на места не производилось "нащупывание" нацработников соответствующих районов в смысле определения их физиономии вообще. Оно производилось. Так, например, т. **Мухтаров** из Казахстана, насколько можно было судить из его сообщения, вернуля с впечатлением о местных казахских работниках не в [их] пользу в смысле определения их выдержанности, настойчивости характера и общего политического развития. Деловая связь с работниками мест по отдельным отраслям советской

или хозяйственной работы осуществлялась по линии соответствующих организаций, где работали отдельные "правые" товарищи. Так, тов. **Мухтаров** имел дело с работниками здравоохранения, с врачами и со студентами-медиками, тов. **Гас. Мансуров** - по линии Центроиздата с журналистами, писателями и работниками просвещения, т. **Енбаев** - по линии Плодовинсоюза и затем Всекоопромсоюза Центркоопсовета с работниками кооперации, т. **Сабиров** - с представителями нацрайонов и с политическими работниками мест по практическим вопросам нацполитики вообще. Моя роль в ЦКС была чисто техническая, аппаратная: по подготовке постановки отдельных вопросов, составлению проектов, тезисов и резолюций и технической организации нацсовещаний при ЦКС. Из крупных вопросов, которые были полностью или в значительной своей части проработаны мной по этой линии, являются:

1/ Тезисы "О состоянии, перспективах развития и задачах кооперации в нацрайонах", - к съезду НКТорга РСФСР в 1927 г. по вопросу организации торговли в нацрайонах /совместно с т. Енбаевым/.

2/ О состоянии табаководческого хозяйства и работе Центротабаксоюза /самостоятельно, по поручению т. Тихомирова, ответ-секретаря ЦКС/.

3/ О вовлечении в кооперацию националок /самостоятельно/.

4/ О постановке культпросветработы в отношении нацрайонов в центре и на местах издательство нац.кооплитературы и подготовка нацработников /самостоятельно/.

5/ О состоянии с/х. кооперации в нацрайонах и работе коопцентров по этой линии/ в связи и перед созданием Союза союзов сельхозкооперации - совместно с т. **Абаевым**/.

6/ Проект постановления по вопросу о туземном интеграле на крайнем Севере /самостоятельно/.

7/ Тезисы о создании скотоводческого интеграла в кочевых и полукочевых районах /самостоятельно/.

8/ О состоянии кооперации в Башреспублике /самостоятельно/.

9/ Об укреплении коопсистем в Джетысуйской губернии (совместно с тов. Енбаевым)/.

10/ Об укреплении коопсистем в Дагестане /с т. Енбаевым/.

М. Султан-Галиев.

Допросил - Алмаев.

Архив КГБ РТ.- Ф.4.-Оп.1.-Д.402.-Л.166-167 с об. Копия.

Показания
на следствии об обстоятельствах составления вопросов анкеты об экономическом, культурном и политическом положении татарской деревни в 1926 г.[173]

2 февраля 1929 г.

Анкета об экономическом, культурном и политическом положении татарской деревни составлена была мною весною или летом 1926 г., под влиянием сообщений отдельных работников или приезжавших ко мне крестьян об экономическом и моральном разложении местами татарской деревни, а также появлявшихся время от времени в русской и туземной прессе сообщений о широком и массовом распространении среди населения нац. окраин социальных болезней (напр. выдержка из доклада т. **Мусабаева** на съезде Советов Азербайджана о том, что азербайджанская деревня на 75 % больна сифилисом). Кроме того, мне было известно по отзывам местных работников, я производил расспросы среди населения и у местных работников, когда находился в 1925 г. летом на Южном берегу Крыма, что, например, на Южном берегу Крыма татарское население почти на все 100 % больны туберкулезом. О сильном распространении бытовых болезней и моральном разложении туземной деревни поступали ко мне сведения из Башкирии (при разговорах с отдельными башкирскими работниками; помню такой разговор с т. **Муртазовым**).

Вопрос это интересовал меня в отношении татар еще и потому, что с обширным докладом об экономическом и культурном строительстве татарской деревни я выступал на татарско-башкирской партконференции в Москве в начале 1922 г. Решения конференции по этому вопросу остались на бумаге[145].

Никто планомерной и организованной работы в этом направлении не проводил /речь идет о татарских деревнях районов, оставшихся за пределами нацреспублик/.

Признаки же экономического разорения и пролетаризации татарской деревни внутренних районов РСФСР, т.е. русских губерний (Пензенская, Тамбовская, Рязанская и Нижегородская губернии) остро проявлялись в Москве. За годы НЭПа в Москве появилось большое количество пролетаризированных элементов татарской деревни, из которых формировались кадры неквалифицированной рабочей массы - дворники, сторожа, чернорабочие, грузчики, домашняя прислуга и т.д., а также кустари и их подмастерья отсталых видов кустарного промысла (старьевщики, портные "3-го разряда", "сундучники" и т.д. Находясь в положении почти безработного в первые годы после исключения меня из партии (литературный заработок у меня был крайне мизерен, и я жил буквально на "подачках" моих товарищей) и прогуливаясь иногда целыми днями по улицам Москвы, я останавливал при встречах татарских старьевщиков, садился с ними где-нибудь в сторону или заходил в чайную и заводил разговоры о его ремесле, о заработке, связях с деревней и о положении татарской деревни во-

обще. То же самое я делал, когда встречал на улице татарского метельщика или сторожа. Останавливался, заводил разговор и дальше потихоньку расспрашивал тоже о состоянии татарской деревни. Кроме того, я имел знакомых из грузчиков, дворников, сторожей, кустарей, а также рабочих, которые звали иногда меня в гости или сами приходили ко мне . Мой простой нрав и умение подходить к ним и к их интересам и нуждам располагал, очевидно, меня к ним. Общаясь с ними, я, например, научился пить. До исключения из партии я пил очень редко и мало.

Из всех этих разговоров у меня оставалось впечатление полнейшей заброшенности татарской деревни во внутренних районах РСФСР, а также кустарей и пролетаризированных элементов деревни в городах, в смысле изучения состояния их экономики и культурных запросов и принятия радикальных мероприятий по разрешению ряда их проблем Татаро-Башкирское бюро при ЦК партии и его секции на местах как-то не уделяли внимания этому вопросу, работая, главным образом, среди заводских и фабричных рабочих.

По моему плану я готовился произвести выборочное обследование (строго конспиративное, через людей, которых я знал лично и которым доверяю) несколько татарских деревень по нескольким отдельным районам (примерно - часть Пензенской, Нижегородской, тогдашней Тамбовской и Касимского уезда Рязанской губерний) **за три периода** - перед войной, перед революцией и к настоящему времени. Я мыслил таким образом получить наглядную и более или менее объективную картину татарской деревни отдельных районов в динамике ее развития (произошедших изменений) за время войны (1913-17г.) и за время революции (1917-26 г.).

Что интерес к этим вопросам у меня не пропадал и по исключении меня из партии, видно хотя бы из моего "предисловия" к моим переводам татарской художественной литературы на русский язык (как я указал уже в одном из своих показаний, оно не было напечатано не по моей вине), а вследствие решения Госиздата вообще не издавать переводов татлитературы, несмотря на то, что этот вопрос был согласован мною лично с тов. **Сталиным** еще в 1923 г. при первом моем посещении его по исключении меня их партии.

Основная цель такого обследования татарской деревни, которую я ставил перед собой, - это, помимо выяснения действительного положения татдеревни, желание подтянуть этот вопрос в той или иной форме перед соответствующими органами Совласти с тем, чтобы добиться уделения этому вопроеу соответствующего внимания с их стороны.

Попутно с этим я преследовал и другие цели, в частности, физическую задачу выяснения элементов боеспособности татарской деревни на случай краха революции и возможности (хотя бы временно) реставрации царизма или буржуазно-капиталистической фашистской диктатуры в России и необходимости самообороны татарского населения от вооруженного террора и резни в этом случае со стороны русской черной сотни. Опасение это возникло у меня в реальной форме после XIV партсъезда, в связи с реальной угрозой раскола в партии и вообще угрозы войны.

У меня уже к этому времени, на основании изучения настроения русской беспартийной интеллигенции, также русского крестьянства и мелкобуржу-

азной массы в городах, сложилось твердое убеждение, что если бы произошел крах революции, то это неминуемо вызвало бы страшнейшую резню татарского населения со стороны русских в Татарии, во внутренних русских губерниях и в Поволжье, а также туземного населения вообще в Башкирии, северных районах Казахстана, что должно было подготовить почву для организации широкого вооруженного восстания со стороны туземного населения против "новой" власти.

Под психозом этой угрозы я находился, между прочим, до самых последних дней, т.к. он подкреплялся как моими личными наблюдениями над настроением татарского и русского населения в Казани, так и впечатлениями от разговоров с отдельными лицами в Татарии во время моих летних командировок туда в 1928 г. Под влиянием этого психоза у меня к моменту составления этой анкеты созрело решение начать подготовительную работу по выяснению возможности создания кадров будущих повстанческих сил из Среды татарского крестьянства для переброски их в нужный момент в соответствующие районы. Стимулировалась такая постановка вопроса еще и тем, что как в Татарии, так и в Башкирии не предпринималось реальных шагов к созданию красноармейских частей из туземцев, за исключением школы комсостава в Казани[174].

По окончании выборочного обследования районов внутренней России я думал произвести обследование некоторых районов Татарии и Башкирии.

От осуществления своего плана я, однако, воздержался. Что именно послужило причиной к этому, я не знаю. Отсутствие ли людей, через которых я мог бы организовать это дело (я думал производить это обследование через партийцев или бывших партийцев, безусловно разделяющих мою постановку), неверие ли в успешность всей этой затеи в целом, боязнь ли того, что моя работа в этом направлении, если она станет известна Вам, будет непонята Вами и будет иначе истолкована, или же то обстоятельство, что при разговорах с близкими ко мне товарищами из партийцев вообще по вопросу о перспективах дальнейшего развития революции моя постановка и оценка возможности краха революции в близком будущем многими из них не разделялась (считали в этом вопросе слишком большим пессимистом) - не знаю (возможно, что все эти факторы действовали вместе), только я по этому вопросу успел договориться лишь с одним работником, а именно с **Хамзой Байбековым** (бывший партиец и красный партизан, крестьянин, состоял в 1918-19 гг. татарским комиссаром в Касимском уезде), который заходил временами ко мне при приездах в Москву с ходатайством перед ВЦИК об оставлении Татарской волости в Касимовском уезде. Дал я ему анкету эту, кажется, осенью 1926 г. или зимой 1926-27 гг., не помню. О результатах как-то не удавалось говорить, хотя он иногда и захаживал ко мне во время своих приездов в Москву. Насколько мне помнится, некоторые пункты анкеты, в частности - 24 п. о переселении еврейского населения в Крым, кажется, были изменены.

Если потребуется, я дам подробное освещение по каждому пункту, почему я ставил в анкету тот или иной пункт и о чем думал, включая его туда. Сейчас же остановлюсь лишь на некоторых из них.

п. 11. О национальности торговцев в татарской деревне до революции. Этот пункт я ставил потому, что, например, в Башкирии, которую я знаю хорошо, в крупные населенные пункты за последние годжы перед войной усиленно стал проникать русский торговый капитал. Не знал, в каком состоянии находилась в этом отношении татарская деревня в других районах.

п. 18. О социальном составе отправляющихся на учебу из татарской деревни и об их количестве по отд. периодам. Вопрос интересен с той стороны, насколько усилилась "учеба на стороне", главным образом в средних и высших учебных заведениях, в татарской деревне после революции и насколько это коснулось непосредственно крестьян. Ставил я этот пункт потому, что вследствие неорганизованности комплектования средних учебных заведений и вузов националами вообще и соответствующего подбора социального состава на учебу "в стороне" из тат. деревень и после революции уходили, главным образом, сыновья мулл, зажиточных слоев деревни.

п. 21. Вопрос о развитии проституции интересовал меня как один из самых больных, по моему мнению, вопросов социальной жизни татарского народа вообще и татарской женщины в частности. Дело в том, что до революции в крупных городах с татаро-башкирским населением, как Казань, Уфа, Оренбург и Астрахань, находились не только отдельные "дома", но и целые кварталы с домами терпимости из татарок. Кажется, я об этом уже упоминал в одном из своих показаний. Здесь не лишне привести другой интересный факт из этой области. А именно то, что вопрос о развитии проституции среди татар явился первой темой, которая положила начало новой европеизированной татарской художественной литературе еще до революции 1905 г. (рассказ "Девушка-тюбетеечница" Гаяза Исхакова, в которой рассказывается история превращения в проститутку одной девушки - городской кустарки, и его роман "Дочь нищего" - Гаяз Исхаков в свое время был революционером)... Ставя этот пункт в анкету, очевидно, я был прав, т.к. это явление, как видно, еще не исчезло и не искоренилось из социальной жизни татар и после революции. Маленький пример, который, я думаю, красноречиво докажет и Вам значение этого вопроса и в настоящее время. Зимой 1927 г. на Всесоюзном совещании при ЦИК СССР представителей комиссии по улучшению труда и быта восточных женщин (я участвовал на заседаниях этой комиссии по линии кооперации) представительница Башкирии, докладывая о работе башкирской комиссии, в одном месте своего доклада сообщила о том, что "дом матери", организованный комиссией в Уфе для татаро-башкирок, через некоторое время фактически превратился в дом терпимости. Сообщение это, между прочим, вызвало сильнейшее впечатление на совещание и возгласы протеста со стороны членов президиума (тт. Артюхина, Пахомова, Любимова и др.).

п. 23. Вопрос об оценке татарским крестьянством революции, в частности, о развитии среди них монархических настроений - я ставил потому, что из Татарии, например, ко мне из отдельных районов поступали сообщения о том, что такая "скука по царю" среди татарского крестьянства имеется (говорил мне об этом с тревогой еще в 1925 г. **Юн. Валидов**, съез-

дивший в тат. деревню, кажется, до суда над ним; рассказывал мне об этом в 1926 г. и Хади Атласов)... Сообщение это на меня лично произвело сильнейший диссонанс. Мне казалось, что, по крайней мере, в нацрайонах среди туземного крестьянства не должно бы быть этих настроений. Отсюда естественно стремление выяснить действительное настроение татарского крестьянства в этом отношении, т.к. в зависимости от этого разрешался основной вопрос об использовании его против возможной реставрации царизма в моей постановке.

п. 24. О тяге к переселению и татар в другие районы и связанный с этим вопрос переселения в Крым еврейского населения. Пункт имеет в виду татар исключительно районов вн[утренней] России, т.е. русских губерний, и включен потому. что вопросы переселения татар из этих районов в другие (многоземельные) районы поднимались и обсуждались в нашей среде (между прочим, и на упомянутой мною конференции в начале 1922 г.) еще до возникновения Комзета и, в частности, вопроса о переселении евреев в Крым. Дело в том, что большинство татарских деревень указанных районов действительно страдает от малоземелья (местами несколько сажень пахотной земли на душу населения), реальных же стимулов к их переселению в другие районы, вследствие какой бы то ни было организованной работы в этом направлении, никто не создавал, между тем тут можно было бы провести довольно большую работу. По крайней мере, мне известен опыт переселения части одной татарской деревни в Азербайджан (организовано было оно по инициативе тов. **Булушева**), оказавшийся довольно удачным. Есть, кажется, частичные переселенцы в Крым. Это - одна сторона вопроса.

Другая сторона его заключается в том, что как раз татарские деревни внутренних районов РСФСР, ввиду их связанности, через Донбасс и непосредственно, с Крымом (по линии отхожих промыслов и сезонных рабочих) могли быть в курсе вопросов переселения в Крым трудящихся евреев, и мне казалось, что последнее должно было найти среди них то или иное отражение. Меня интересовал вопрос о том, какое же именно отражение находит это обстоятельство среди татар этих районов, насколько широкую почву это отражение имеет в массах и не вызывает ли оно стремление с их стороны к переселению в Крым, т.к. в последнем случае с этим вопросом можно было бы выступить перед соответствующими правительственными органами.

п.26. Этот пункт интересовал меня потому, что из практики моей революционной работы среди туземного крестьянства Башкирии (до революции) и Татарии (после революции) я знаю, что отношение у крестьянства к муллам не всегда и не везде было положительным. Наоборот, в вопросах борьбы за свои экономические и политические интересы татарские крестьяне весьма решительно выступали против мулл. Так, например, во время выборов в Учредительное собрание по Казанскому уезду в 1917 г. татарское крестьянство поголовно голосовало за список Мус[ульманского] социалистического комитета и против списка татарских националистов (Милли шуро), поддерживаемого духовенством, причем почти во всех аулах татарские крестьяне **принуждали** мулл голосовать за список Мус[ульманского] соц[иалистического] комитета. И это в уезде, который

до того времени считался самым консервативным и отсталым в смысле подверженности его населения религиозному фанатизму и влиянию мулл. За последние же годы революции отношение татарского крестьянства к духовенству стало изменяться на почве требования в школах преподавания религии. Мне было интересно поэтому выяснить действительное отношение татарского крестьянства к духовенству в районах вн[внутренней] России. Кроме того, меня интересовал и другой вопрос, а именно: насколько распространенной является работа мулл в органах ГПУ и известно ли об этом самому населению (об отдельных фактах работы татарского духовенства в качестве секр[етных] агентов ГПУ мне сообщал, со слов крестьян, после поездки в Татарию в 1925 г. Юн. Валидов). Интересовал этот вопрос меня с точки зрения установления роли духовенства в деле информации органов Соввласти **вообще**, т.е. не только непосредственно самими муллами, но и их детьми, поскольку за последние годы в партию влилось большое количество сыновей и дочерей мулл (я допускал возможность завуалированной внутренней связи в работе тех и других).

п. 29. Поставлен в связи с сообщениями из отдельных мест о развитии нац. антагонизма между татарским и русским населением на почве, главным образом, земельных неурядиц в таких районах, где его раньше не наблюдалось. Меня интересовал вопрос, насколько это имеет глубокую почву и действительно ли это явление имеет распространенный характер. Интересовал меня в данном случае и вопрос о том, насколько отражается в отношениях между русским и татарским крестьянством стремление последних после революции к установлению "фактического равенства" с первыми в экономическом и культурном отношениях и насколько велико это неравенство в их положении в данный момент в смежных районах.

п. 30. Поставлен для выяснения действительного настроения татарского населения крестьянства - удовлетворено оно своим положением после революции или нет; пункт этот является продолжением предыдущего, т.к. обследование могло выяснить, что в результате худшей обеспеченности татарского населения землей, культурными учреждениями и т.д. по сравнению со смежным с ним русским населением, отношение его к Соввласти и к партии и вообще к революции могло быть иным, чем у окружающего русского населения. Могла быть, конечно, и обратная картина.

Анкета составлена мной совершенно самостоятельно. Ни чьего участия тут нет. Из московских "правых" о существовании ее никому не известно. Составлена была она в трех экземплярах. Одни экземпляр я передал т. **Байбекову**. Кажется, он мне не вернул. При последующих наших встречах с ним разговор на эту тему не поднимался: как-то забыли совсем о ней, а разговаривали на текущие темы строительства. Он добивался в Москве сохранения татарской волости в Касимовском уезде и с головой ушел в работу по ее устройству, а я с осени 1926 г. вовлекся тоже в кооперативную работу.

Из оставшихся экземпляров один я разорвал и бросил в печку. Другая, очевидно, сохранилась среди моих бумаг.

В заключение - дополнение относительно моего пессимизма, обусловившего в значительной степени составление анкеты и моих тогдашних планов насчет возможности в ближайшем будущем краха революции и необходимости "организованной" подготовки татарского населения к самообороне на случай торжества реакции.

Дело в том, что именно в этот самый период пессимизм достиг во мне наивысшего своего напряжения. Вспомнил я об этом сейчас, в тюрьме. Дело в том, что я не только был сорван в течение трех лет после исключения меня из партии от живой советской действительности и питался о положении нацрайонов вообще и татарской деревни в частности из односторонних субъективных источников, притом через людей, которые в большинстве случаев сами находились или в аналогичном со мной положении, или же были подвержены, как и я сам, недовольству и пессимизму, но и потому, что момент этот совпал с условиями личной жизни к тому времени. Дело в том, что незадолго перед тем мне было отказано в приеме к т. **Сталину** по вопросу о восстановлении в партии, несмотря на нашу договоренность в начале 1925 г. /после провала моего ходатайства первый раз в ЦКК) о том, что вопрос этот будет поставлен после XIV партсъезда. Я ждал этого съезда более года, а по окончании работы съезда систематически в течение почти полутора месяцев добивался изо дня в день приема у т. **Сталина** через его секретаря т. **Мехлиса**. **Мехлис** водил меня обещаниями и только по истечении нескольких недель со дня моего письма к т. **Сталину** объявил мне, что "т. **Сталин** извиняется, т.к. очень занят и не может принять". Отказ этот я встретил как закрытие дверей партии, а, следовательно, и дверей революции для меня навсегда. Это было поэтому вторым и тяжелым ударом для меня по вопросу моего восстановления в партии. Правда, по истечении двух или трех месяцев после того, встретившись както с тов. **Товстухой** и поговорив с ним, я подал вновь заявление на имя т. **Сталина**, и был впоследствии принят им в конце 1926-го или в начале 1927г.

Вдобавок ко всему этому я в июне или в июле м-це после одного-полутора месяцев работы в редакции газеты "Кооперативная жизнь" был сокращен оттуда и вновь оказался безработным. Кроме того, как раз в момент сокращения у меня произошла глубокая семейная драма, которая имела косвенное отражение на разочаровании моем от моих московских товарищей, в частности, от тов.**Мухтарова**. Дело в том, что старшая дочь **Расида** (ей было тогда 11 лет), оставшаяся от первой моей жены, Раузы Чанышевой, коммунистки, умершей от тифа в Туркестане в 1921 г., играя на дворе с моим годовалым мальчиком, уронила его на камень и разбила ему голову. У мальчишки ручьем забрызгала кровь из головы, и он впал в обморочное состояние. Нас с женой не было дома. Девочка, испугавшись и думая, что убила мальчика, вбежала домой и прыгнула со второго этажа на устланный камнем двор, желая покончить самоубийством, но, падая, зацепилась за веревку для сушки белья на дворе, в результате отделалась лишь ушибами. И девочка, и мальчик пролежали в постели целую неделю. Я на другой же день обратился с просьбой к т. **Мухтарову** помочь мне (а перед этим я по какому-то поводу повздорил немного с ним), т.к. я был лишен возможности пригласить за свой счет врачей к детям. Тов. **Мухта-**

ров обещал прислать врача. Мы ждали этого "врача" целых три дня, но так и не дождались. Ждали целыми днями и часами, довольствуясь первой помощью живших по соседству курсисток-медичек. Когда же я в эти же дни обратился за временной денежной помощью к остальным товарищам, то ни у кого каким-то образом не нашлось даже трех рублей.

Все это вместе взятое не могло не отразиться самым удручающим образом на моей психике и соответствующим образом давить на мои пессимистические струны.

На работу я устроился (через знавших меня по работе моей в Казани русских товарищей, работавших в ЦК партии, помог мне еще т. **Енбаев**) только осенью 1926 г. Я незаметно для себя втянулся в работу, общение с живой действительностью и с "живыми" людьми как-то оживило меня, и пессимизм мой постепенно стушевался как-то. По крайней мере "анкетный" вопрос мною совершенно был забыт.

М. Султан-Галиев.

Допросил - Айзенберг.

Архив КГБ РТ.-Ф.4.-Оп.1.-Д.402.-Л.171-176 с об. Копия.

Показания
на следствии об отношении татарских "правых" коммунистов к "рабочей оппозиции" и оппозиционному блоку во главе с Л.Д. Троцким, Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым

3 февраля 1929 г.

Необходимость определения нашего отношения к оппозиции в реальной форме возникла среди нас в общем после XIV партсъезда как результат неорганизованной внутренней дискуссии этого вопроса среди "правых" на местах. Это так и должно было быть, т.к. места непосредственно сталкивались с этим вопросом в жизни и должны были решить, на какую позицию встать им в решительный момент. В общем и целом отношение к оппозиции у нас было сочувственное как в Москве, так и в Крыму. Причем сочувствие это проистекало не столько из-за отдельных их лозунгов, сколько из-за того, что мы сами находились в оппозиции к оппозиции к ЦК партии по линии национального вопроса. Не разделяли мы лишь общей установки оппозиции по крестьянскому вопросу и по вопросу о революции в Китае. По этому вопросу я уже писал. Причем по крестьянскому вопросу были в отдельные моменты колебания. Так, например, после XIV партсъезда, когда ряды оппозиции усилились за счет Каменевско-Зиновьевской группы, московская группа "правых" почти целиком (в том числе и т. Мухтаров) разделяла лозунг наступления на кулака, исходя из тех соображений, что усиление кулачества усиливает и укрепляет стихию великодержавного национализма как в центральной России, так в тех национальных районах, где русское хозяйство по своей экономической мощности представляет тип кулацкого хозяйства (Татария, Башкирия, отд[ельные] районы Казахстана и Киргизии).

Удар по кулацкому хозяйству, по нашим соображениям, должен был задеть поэтому национальную деревню в гораздо меньшей степени, чем "колонизаторское" хозяйство и, наоборот, даже усилить влияние национальной бедноты в общественно-политической жизни, не говоря уже о том, что наступление на кулака и на капиталистические элементы экономики в общественном масштабе подрывает корни великодержавного национализма вообще. Как думали по этому вопросу крымские работники, я в точности не знаю. Очевидно, у них позиция по этому вопросу была неясна. Знаю лишь, что летом 1927 г. часть крымских "правых", главным образом молодежь, ориентирующаяся на т. **Дерена**, сочувствовала оппозиции и через т. **Меметова** (лидера "левых", уже тогда, кажется, отходившего от своих) блокировалась с оппозицией. Что же касается остальных "правых" Крыма, группировавшихся вначале вокруг т. **Фирдевса**, а затем **Вели Ибраимова**, то, они колебались. Показателем этого является, во-первых, то, что в момент разгара ухаживаний отдельных групп оппозиции за крымскими работниками эта группа прислала в Москву т. **Памукчи** узнавать мнение московских правых (хотя **Памукчи** говорил от *имени* вообще

"правых") по вопросу об оппозиции - присоединиться им к оппозиции или нет, а, во-вторых, во время своего пребывания летом в Крыму (1927 г.) в разговорах со мной отдельные работники этой группы выражали явно отрицательное отношение к оппозиции (Умер Ибрагимов, Сейдамет). Неопределенную оппозицию занимал и т. **Фирдевс**. По крайней мере, он был недоволен тем, что молодежь "провоцируется Меметовым на блок с оппозицией". Неопределенность его позиции, может быть, объяснялась тем, что в это время его перебрасывали из Крыма в Закавказье, и у него в связи с этим было удрученное состояние духа. Вообще же т. **Фирдевс** относился к оппозиции сочувственно. Что же касается **Вели Ибраимова**, то, по моему мнению, он готов был переметнуться и в ту, и в другую сторону. Но чувствовалось, что после приема т. **Сталиным** у него исчезло всякое желание блокироваться в какой бы то ни было форме с оппозицией и вообще выступать против ЦК партии.

Ясные позиции намечались у казанских "правых". Большинство их во главе с т.т. **Брундуковым и Ганиевым** высказывались против оппозиции и по крестьянскому вопросу разделяли позицию ЦК партии, но считали неправильной политику ЦК партии по нацвопросу, в частности - проводимую т. **Хатаевичем** линию в Татарии.

Меньшинство же казанских "правых" склонно было поддерживать лозунги оппозиции, исходя как с точки зрения нацполитики, так и крестьянского вопроса (вопросы эти внутренне связывались). Требуя от московской группы "правых" определения своего отношения к оппозиции, меньшинство это одновременно с этим требовало от нас поэтому определения нашей социальной физиономии по крестьянскому вопросу "вообще". По последнему вопросу меньшинство выдвигало формулу необходимости ориентации на бедноту. Группа эта в Казани возглавлялась т.т. **Вели Исхаковым, Гаязом Максудовым** и кажется, **Наби Вахитовым** (говорю, кажется, потому, что в тот момент, когда казанские товарищи ставили этот вопрос перед москвичами, т. **Н. Вахитов**, был уже в Москве). Лично мои симпатии были на стороне меньшинства. Сочувствовал этой группе и т. **Енбаев**. Установлением непосредственной связи с т. **Зиновьевым** в конце июня или в начале июля после своего возвращения из Татарии присоединился сюда и т. **Гасым Мансуров**. Тов. **Мухтаров**, несмотря на то, что до возникновения вопроса об определении социальной нашей физиономии по крестьянскому вопросу, кажется, успел повидаться с т. **Сафаровым** по вопросу определения физиономии оппозиции по нацвопросу (дату я не помню), по крестьянскому вопросу, в общем, разделял политику ЦК партии с оговоркой насчет неправильного ее применения в нацрайонах (раскулачивание туземной деревни в национальных окраинах). Позицию т. **Сабирова** не помню. Судя по тому, что на нашем последнем заседании с участием крымских работников т. **Сабиров** выступал с поддержкой общей оппозиции т. Мухтарова, нужно полагать, что, очевидно, он в этом вопросе разделял постановку последнего (что не исключило, однако, того, что т. Сабиров, попадая в Крым, обыкновенно вступал в переговоры с отдельными представителями оппозиции; так, летом 1926 г. он, кажется, виделся там с т. **Зиновьевым** перед выступлением оппозиции на "Авиаприборе" в Москве, и в конце августа 1927 г. там же - с тов. **Бабахоном**; вообще юж-

ный климат действовал на т. **Сабирова** крайне благотворно в смысле в нем оппозиционных настроений).

Отсюда ясно, что решение московской группы "правых" о необходимости их выступления перед XV партсъездом с самостоятельной платформой исключительно лишь по нацвопросу нужно считать компромиссным решением, рассчитанным, с одной стороны, на сохранение единства "правых" и присоединение к их платформе и не сочувствующих оппозиции нацработников, а с другой - на лавирование, по тактическим соображениям, между ЦК партии и оппозицией, т.е. решением, вытекающим из основной постановки "правых" о необходимости сохранения самостоятельной физиономии в революции. Компромисс этот, однако, в результате срыва со стороны группы **Вели Ибраимова** готовившегося единого фронта нацпартоппозиции привел к тому, что в решительный исторический момент "правые" в целом оказались вообще без физиономии.

Получилось так, что в погоне за "самостоятельной" физиономией в революции, в результате неправильно взятого нами курса по нацвопросу еще с X съезда Советов, мы потеряли в конце концов всякое лицо перед историей.

Результат является главным и основным уроком нашего отрыва от партии и, мне кажется, составляет железную логику всякой фракционности в партии вообще.

Или - или.

Или ты остаешься в партии и с партией и сохраняешь и имеешь "лицо", или же ты порываешь с ней и уходишь и теряешь тогда всякое свое лицо.

Архив КГБ РТ.- Ф.4.-Оп.1.-Д.402.-Л. 179 с об.-180 с об. Копия.

Показания
на следствии о личном отношении к оппозиционной группе Л.Д. Троцкого и оппозиционной группе Г.Е Зиновьева и Л.Б.Каменева

5 февраля 1929 г.

Перехожу к моим непосредственным "связям" с оппозицией уже после описанного мною нашего заседания на квартире у т. **Енбаева** перед ноябрьским выступлением оппозиции.

Предварительно несколько слов о моем действительном отношении к оппозиции и к ее вождям и до, и после ноябрьского их выступления.

Лично я глубоко сочувствовал оппозиции. Факта этого я от Вас не хочу скрывать, независимо от того, что сегодня оппозиция объявлена Вами контрреволюционной организацией и изолирована. Я хочу быть честным и в этом вопросе. Сочувствовал я оппозиции вообще. Вначале - "Рабочей оппозиции", а затем - троцкистской.

Я считал, что в целом оппозиция является, может быть, и болезненной, но вполне естественной реакцией на рост и усиление в стране правых тенденций в связи с НЭПом и допущением к "сотрудничеству" на известных условиях, в "нашем социальном строе" и новой буржуазии. Что я вначале же был настроен против допущения такого сотрудничества, доказывает мое выступление, кажется, в конце 1921 г., на районном собрании Замоскворецкой организации партии по отчетному докладу тов. **Кагановича** о Московской губпарторганизации (перед XI партсъездом), краеугольным камнем на которой явилось обсуждение выступления Ильича на съезде работниковполитпросветов с его известным "ошарашивающим партию" лозунгом об ошибках партии за все годы революции до введения НЭПа.

Сущность моего выступления сводилась к трем положениям:

а/ Ни тов. **Каменев** (он был докладчиком на губпарторганизации), ни даже сам Ильич с его гениальным мозгом не могут сказать уверенно, куда приведет нас в конце концов НЭП и где кончаются грани нашего отступления ("обходного маневра"), т.к. неверна основная концепция о том, что революция из положения "непосредственного штурма крепости капитализма" переходит к положению ее "осады": не мы "осаждаем капиталистическую крепость", а мировой капитализм окружает "социалистический Порт-Артур";

б/ расширение НЭПа (речь шла об этом/)при этих условиях, являясь уступкой буржуазии внутри "социалистической крепости", может привести к падению этой крепости, и поэтому, прежде чем решиться на этот шаг (против НЭПа вообще я не возражал и считал его единственно правильным выводом из создавшегося положения), еще раз необходимо продумать со всей партией вопрос о возможности "вылазки" из "крепости";

е/ слабым участком мирового капитализма, где мы можем совершить организованную и удачную "вылазку", является колониальный Восток, а потому, прежде чем открывать переговоры с мировой буржуазией (дело было накануне Генуэзской конференции), необходимо поставить перед

партией во всей его широте вопрос о крутом и решительном изменении направления курса революции - по линии ориентации на национально-освободительное движение Индии и Китая и др. колониальных и полуколониальных стран, не ослабляя, однако, работы по подготовке пролетарской революции на Западе.

Иначе говоря, еще до расширения НЭПа я ставил вопрос об "изменении маршрута революции" почти в такой же форме, в какой он был поставлен ЦК партии и Коминтерном в 1925-26 гг., т.е. через четыре года после этого, в отношении китайской революции и английского рабочего движения.

Отповедь мне дала тогда по этому вопросу т. **Землячка**.

Принципиальная моя ошибка заключалась тогда в недооценке того обстоятельства, что для дальнейшего маневрирования революции в каком бы то ни было направлении **прежде всего и раньше всего** необходимо укрепить положение революции внутри страны, найти внутреннюю точку ее опоры, а этой "точкой опоры" в тогдашних внутренних и международных условиях являлась именно НЭП. Организационная же ошибка моя заключалась в том, что прежде чем выступить по этому вопросу перед широкими массами (мое выступление сопровождалось частично критикой нацполитики партии), я, как ответственный работник, должен был выступить, поскольку у меня были сомнения насчет правильности взятого курса, пред ЦК партии.

Третьей моей ошибкой в ту пору было то, что, подчинившись в порядке партдисциплины решению XI партсъезда по вопросу "об отступлении" и связанному с этим вопросу об отношении к "рабочей оппозиции" (после съезда я выступал в качестве докладчика на оппозиционной ячейке телефонно-телеграфной фабрики "Морзе" в Замоскворечье, куда я только что был прикреплен райкомом партии, с защитой решений партсъезда, т.е. против оппозиции, на ячейке от лидеров раб. оппозиции присутствовал тов. **Медведев**), тем не менее внутренне я продолжал сочувствовать большинству лозунгов раб. оппозиции, но не сумел заявить об этом открыто партии.

Организационно я все же с рабочей оппозицией не был связан. Из ее лидеров я имел разговор, и то как-то вскользь, во время IX съезда Советов с т. **Коллонтай**, причем разговор наш носил характер общей беседы с критикой элементов бюрократизма в партии. Вообще же я считал, что основным недостатком "рабочей оппозиции" является то, что, имея социальную и организационную базу в рабочих массах, она не имела вождей. Лидеров оппозиции я считал слабыми и неспособными руководить оппозиционной массой. В частности, не верил искренности отдельных из них (напр. Медведева).

Сочувствие к троцкистской оппозиции появилось у меня, как я указал в одном из предыдущих своих показаний, после XII партсъезда, в связи с его оппозицией по нацвопросу. Я уже указывал, каким его лозунгам я сочувствовал. Лозунги эти были аналогичны лозунгам "рабочей оппозиции" и, по сути дела, в иной лишь форме и в другой несколько постановке построили их. Неясна была для меня позиция т. Троцкого лишь по китайскому вопросу. Мне казалось, что в этом вопросе он исходит из той платформы, которую он развернул по "восточному вопросу" в своем выступлении в 1924 г. (а может быть, в конце 1923 г.) в Комуниверситете трудя-

щихся народов Востока. Платформа эта в известной степени совпадала с моей тогдашней концепцией по колониальному вопросу. Только впоследствии, когда в мои руки попали его тезисы по китайскому вопросу (уже после ноябрьского уличного выступления оппозиционного блока, следовательно - после того нашего заседания, где я предлагал татарским «правым» войти в переговоры с Троцким для выяснения его позиции в целом по национальному и колониальному вопросам) я увидел, что в этом вопросе троцкизм занимал диаметрально противоположную, по сравнению с моей, позицию (отрицание буржуазно-демократического характера Китайской революции и необходимости временного блока с ней/. Я знал, что троцкизм по этому вопросу расходится с ЦК партии, но представлял это расхождение совсем иначе. На деле же оказалось, что критикуемая т. **Троцким** позиция ЦК партии по китайскому вопросу почти совсем совпадала с нашей (тат[арских] "правых") позицией по этому вопросу. Организационной связи у меня с троцкистской оппозицией не было, если не считать "связью" косвенную мою связь через татарских "правых" с оппозиционным блоком в период выработки им платформы по нацвопросу с Зиновьевско-Каменевской группой.

Кроме тех соображений, которые я уже изложил вначале насчет истинной природы и существа троцкистской оппозиции (искусственное выделение оппозиции как тактический маневр в революции), тут имело значение и то обстоятельство, что я постепенно разочаровался в т. **Троцком** как в вожде. Я увидел, что в нем отсутствует множество качеств, необходимых подлинному вождю всякой оппозиционной организации. Эти качества - решительность в действиях, напористость в отстаивании своих взглядов и тактическая гибкость и изворотливость в борьбе вообще.

Недостатком его являлось также превалирование в арсенале его оружия в борьбе с ЦК партии субъективных моментов, принимавших временами характер открытой демагогии против отдельных представителей противной стороны. С этой стороны опубликование, через подполье, писем Ильича по нацвопросу, рассчитанное на дискредитирование в широких кругах населения кое-кого из вождей противоположной стороны, по-моему, дало тов. **Троцкому** и вообще лидерам оппозиционного блока лишь обратные результаты.

Все это не могло не отразиться на моем отношении к нему как к руководителю оппозиции, которой я в целом сочувствовал.

Со стороны же руководителей ЦК партии, наоборот, проявлялись всегда решительность, напористость и гибкость тактических маневров, которые в конце концов приводили к тому, что отдельные массовые лозунги оппозиции великолепнейшим образом использовались ЦК партии для изоляции масс от оппозиции и реально претворялись в жизнь: ленинский набор рабочих в партию, борьба с бюрократизмом, семичасовой рабочий день, курс на развитие тяжелой индустрии, а в последний период - огонь по кулаку и борьба с правой опасностью и т.д., - оголяя таким образом все больше и больше принципиальную базу фракционной борьбы.

Психологическому перевороту сочувственных отношений к оппозиции особенно сильно потворствовали два момента. Это, во-первых, момент открытого разрыва с ЦК партии Зиновьево-Каменевской группы и,

во-вторых, выступление на улицу оппозиционного блока в дни октябрьских торжеств в 1927 г.

Не знаю, чем объяснить, но в дни XIV партсъезда в стенах кремлевских дворцов разгорелась борьба между ЦК партии и Зиновьево-Каменевской группой, т.е. между старыми кадрами творцов большевизма, я переживал какое-то непонятное для меня сильное нервное напряжение, соединенное с величайшей тревогой за судьбу революции. Выступление новой оппозиции я воспринял как реальную угрозу раскола в большевистской партии, как начало конца Советской власти, т.к. ясно было, что, если только одна из сторон не уступит другой, то все это кончится полнейшим крахом революции. И когда я представлял тот день, когда в России не будет больше Советской власти, последний день Советской власти и первый день торжества кровавой буржуазной контрреволюции, то мною овладевала невероятная и безумная тоска по Советской власти. Мне казалось, что если бы только это случилось, то жизнь не только в России, но и вообще на земле представляла бы страшнейшую скуку, т.к. вновь воцарилась бы повсюду лишь тьма.

Это первый момент.

Второй момент - это выступление оппозиционного блока на улицу в дни октябрьских торжеств.

Если первое обстоятельство было воспринято мною как угроза раскола партии, то второе обстоятельство было оценено как факт раскола. Демонстрация оппозиции не только мною, но и остальными нашими работниками, в том числе и т. **Гас. Мансуровым,** была воспринята поэтому отрицательно.

Это были дни самой напряженной и нервной обстановки, когда достаточно было одной провокационной спички, чтобы взорвалось все здание Советской власти. Это были дни, когда в воздухе запахло братоубийственной войной между большевиками.

Из этих двух фактов я делал вывод о том, что оппозиция, если она не хочет дальнейшего углубления раскола в партии, должна пойти на самопожертвование и демобилизоваться, отказавшись от продолжения борьбы с ЦК партии.

Мои встречи с т. **Мдивани** происходили уже после всего этого. Первый раз я его встретил, и совершенно неожиданно, по Неглинному проезду рядом с Асекоопромсоюзом весной 1928 г. Остановил его я сам. Сначала он меня не узнал, мы не виделись с ним с 1923 г., в течение 5-ти лет. Завязался разговор, тут же у двери здания, куда он собирался зайти (кажется, в книжный магазин). Разговаривали краткими отрывочными фразами, т.к. он торопился. Он мне сообщил о своем отзыве из Персии и, когда он узнал от меня, что все еще нахожусь вне партии и не могу добиться восстановления (я считал необходимым, из-за корректности, поставить его об этом в известность в начале же разговора), заявил, что он тоже исключен из партии, что исключила его ячейка торгпредства в Персии, но что он не знает еще, восстановят его здесь в Москве или нет. Так как разговаривать на улице было неудобно, кроме того он торопился, да и я занят, то решили повидаться еще на другой или третий день.

Встретиться условились на том же месте, где первый раз. Встретившись во второй раз, думали зайти куда-нибудь в столовую или кафе, но я счел

неудобным и повел его на квартиру т. **Енбаева** на М. Успенской ул. Тов. **Енбаев** в это время был на службе, и комната его пустовала. Хозяйка его квартиры и прислуга знали меня и обычно пускали в комнату т. **Енбаева** и во время его отсутствия (иногда я приходил туда заниматься). Говорили мы на этот раз около часу или полутора, не больше, т.к. **Мдивани** куда-то спешил. Встреча эта наша по существу была встречей двух нацработников, когда-то связанных тесными узами единства взглядов по нацвопросу и оказавшихся через пять лет после их последней встречи исключенными из партии, один раньше, а другой - позже.

Разговор наш начался с того, кто из нас и в каком положении находится. Я ему рассказал о результатах своих ходатайств перед ЦК партии и ЦКК о восстановлении в партии и причинах неудачи. Сообщил ему также о своем последнем свидании с т. **Сталиным** и предложении со стороны последнего выступить в печати с признанием своих ошибок и объяснил причину своего невыступления. Тов. **Мдивани** в свою очередь сообщил кое-что о себе. Что ему, очевидно, предложат работу где-нибудь из подмосковных городов - Туле или Орле, что у него также имеется возможность восстановления в партии, но что условия, которые при этом выдвигаются, являются неприемлемыми. Сообщил, что собирается или уже был у т. **Сталина**. Отзывался о нем по-прежнему с уважением, как о безусловно крупном политическом работнике. Говоря о руководящем кадре ЦК и их сторонниках, т. **Мдивани**, между прочим, указал, что оппозиционеры (**Мдивани** не скрывал от меня, что он оппозиционер) не отрицают того, что цекисты являются искренними революционерами. Дальше перешли к разговору о наших "правых" и грузинских "уклонистах". Меня лично интересовал вопрос о том, какую же оппозицию заняли или думают занять последние после поражения оппозиции. Из разговора выяснилось, что среди части грузинских "уклонистов" нарождается мысль вообще отойти в сторону от этой борьбы и не вмешиваться в нее. Какую позицию занимает в этом вопросе лично сам тов. **Мдивани**, я не спросил, т.к. счел неудобным. Информируя его со своей стороны о позиции татарских "правых", я ему сказал, что такая же тенденция имеется и среди нас. В частности, сослался на тов. **Мухтарова**. В дальнейшем разговор по моей уже инициативе перешел на тему о наметившемся тогда переломе в политике ЦК по крестьянскому вопросу и вообще по вопросу об отношении к капиталистическому сектору хозяйства и его социальной базе. Перелом этот я лично усматривал в изменении руководства НКЗемом, замене т. **Смирнова** т. **Кубяковым** и в ряде крупнейших судебных процессов, (дело Средне-Азиатского водхоза, Шахтинский процесс и др.) которые говорили о тенденциях ЦК партии, в частности, тов. **Сталина**, широким фронтом перейти в решительное наступление на экономические позиции и социальную опору опасности в стране. Постановка моя сводилась к тому, нельзя ли ожидать в связи с этим курсом ЦК демобилизации оппозиции и возврата ее обратно в партию, в частности, т.**Троцкого**. В ответ на это тов. **Мдивани** сообщил мне, что курс такой со стороны ЦК партии действительно намечается, что возглавляется он в данный момент т.т. **Сталиным** и **Молотовым,** но что возврату в партию оппозиции мешает чересчур жесткие, а потому неприемлемые условия, выдвигаемые со стороны ЦК. Я понял так, что речь идет о

реальном и не только идеологическом, но и организационном разоружении.

Говорили еще по китайскому вопросу. Меня интересовала позиция по этому вопросу тов. **Мдивани** как национального работника. Выяснилось, что по этому вопросу он стоит на точке зрения необходимости развертывания в Китае и не только в Китае, но и вообще в колониях и полуколониях, классовой революции.

Сообщение мое о том, что я по китайскому вопросу не разделяю взглядов т. **Троцкого**, вызвало, между прочим, большое удивление у т. **Мдивани**. Мою точку зрения он нашел совпадающей с "точкой зрения ЦК, от которой ЦК отказался потом и сам". Тон разговора у т. **Мдивани** в эту нашу встречу был спокойный и уверенный, что говорило, по моему выводу, о том, что оппозиция в тот момент не чувствовала еще кризиса своего внепартийного положения.

Основной вывод, который я сделал тогда для себя из этого нашего разговора, заключался в том, что оппозиция стоит на перепутье и не знает, бороться ей дальше с партией или нет, но продолжает еще упорствовать в сознании правильности выдвигавшихся ею оппозиционных установок.

В следующий и уже последний раз я виделся с т. **Мдивани** на квартире же у т. **Енбаева** вскоре после октябрьских торжеств за несколько дней до своего отъезда в командировку. Накануне этого я ходил к тов. **Юмагулову** справляться относительно дорожных условий Башкирии, т.к. мне по моей командировке предстояло проехаться на лошадях по Башкирии, что-то около тысячи с лишним верст. Я думал, что т. **Юмагулов**, хорошо знающий условия езды в Башкирии в последние годы, поможет мне установить наиболее целесообразный маршрут поездки. И действительно, поговорив с ним, я изменил потом намеченный первоначальный маршрут. Был я у него вечером, часов в 7 или 8, точно не помню, в Трубниковском пер. Так вот, направляясь туда, в одном из переулков у входа на Арбатскую площадь я увидел фигуру т. **Мдивани** - его можно узнать за целую версту, - идущего с двумя женщинами. Я окликнул его. Он остановился и подошел ко мне. Женщины продолжали идти и, пройдя немного, остановились и стали поджидать т. **Мдивани**. Узнал он меня и на этот раз не сразу, т.к. к этому времени я отпустил бородку. Обменявшись приветствиями, условились встретиться где-нибудь на другой день. Пунктом свидания назначили первое место нашей встречи. Встретившись, поехали на квартиру т. **Енбаева**. **Енбаев** в это время был в командировке в Закавказье, и квартира его, как и первый раз, пустовала. Предметом наших разговоров явились три вопроса: о последних событиях в Москве (аресты и высылки оппозиционеров), о правом уклоне и о дальнейших перспективах развития революции. Первый вопрос возник потому, что в это время в Москве среди рабочих говорили об арестах и высылках оппозиционеров в дни октябрьских торжеств. Тов. **Мдивани** подтвердил, что это действительно так и, между прочим, сообщил, что по слухам, где-то, кажется, на Украине, чуть ли не в Киеве, происходили в связи с состоявшимися и там арестами оппозиционеров демонстрации группы рабочих, требовавших их освобождения.

Говоря о правом уклоне и его росте в стране, мы сходились на том, что опасность эта действительно является реальной, но что в настоящий момент едва ли ЦК партии сумеет преодолеть ее. Тов. **Мдивани** в своем пред-

положении на этот счет пошел даже дальше. Он находил, что вообще ее нельзя уже сейчас преодолеть, т.к. она запустила слишком глубокие корни. Отсюда он делал вывод о неминуемом торжестве в России в конце концов реакции. В подтверждение этого предположения он сослался на то, что, по слухам, по этому вопросу не сумел найти общего языка и сам ЦК партии и что там по этому вопросу как будто возникли разногласия. Но как о достоверном факте т. **Мдивани** сообщил, что тем не менее группа членов ЦК, объявившая борьбу с правым уклоном и возглавляемая т. **Сталиным и Молотовым**, имеет твердое большинство и все шансы на победу.

Говорили еще, между прочим, о наших "правых". Я сообщил т. **Мдивани** свои опасения насчет возможности раскола в нашей среде в связи со стремлением некоторых наших работников, я имел в виду т. Сабирова в связи с тем инцидентом на квартире у Рамзи, о котором я Вам уже сообщал, и возможности осложнения на этой почве лично моего положения. Я не скрыл от т. **Мдивани** того обстоятельства, что нахожусь в тесной связи с татарскими "правыми".

Прежнего спокойствия на этот раз у т. **Мдивани** почему-то не было. Держал он себя несколько нервно, временами даже раздраженно. Глядя на него, я невольно вспомнил первые годы своего внепартийного существования, когда в моменты каких-либо конфликтов между Вами и нашими работниками мне также приходилось иногда говорить с кем-нибудь: имеешь определенные и ясные мысли в голове, но как-то сдерживаешься от их высказывания, т.к. сомневаешься, действительно ли человек, с которым ты говоришь, искренен с тобой, колеблешься и высказываешь их как-то урывками и многого не договариваешь.

Разговор этот наш происходил недели за две до ноябрьского пленума ЦК партии. В результате этой последней нашей встречи с т. **Мдивани** у меня лично остался глубокий пессимизм насчет дальнейших путей эволюции троцкистской оппозиции. Я увидел, что те жесты, какие делала в этот момент оппозиция, являются жестами отчаявшихся в успехе борьбы и изуверившихся в самом себе, но продолжающих упорствовать лишь по законам инерции людей.

Еще больше убедился я в этом, когда столкнулся кое с кем из сосланных оппозиционеров в Краснококшайске (я там должен был пробыть лишь два дня, но ввиду предписания из Всекохотсоюза задержался на целую неделю), а именно: с т.т. **Серафимовым, Шиловым и Заварьян** из группы демократического централизма. Из всех этих лиц серьезно разговаривал лишь с тов. **Заварьян**. Говорить серьезно с первыми двумя я не мог, потому что первый из них, т. **Серафимов**, произвел на меня впечатление совершенно разложившегося человека (он вначале выдал себя за сосланного оппозиционера **Сапронова**, а потом заявил, что им послано в Москву заявление с признанием своих ошибок и с отказом от оппозиционных его убеждений - "бумага, де, терпит", ну а потом, когда немного выпил, опять заявил о своей оппозиционности и даже предлагал мне захватить с собой для передачи кому-то по пути моего маршрута письма и "поручения", от чего я, между прочим, отказался), а второй представлял безусого молодого студента из рабочих, попавшего в оппозиционеры, как мне показалось, не в силу установившихся твердо у него взглядов, а скорее по влиянию среды.

Намерений встречаться с т. **Заварьян** у меня не было, когда мне было сделано соответствующее предложение со стороны **Серафимова**, который хотел свести нас у себя на квартире, я отказался. Дело в том, что, отправляясь как-то вечером после продолжительной работы на прогулку, я встретил т. **Шилова**, который заходил ко мне накануне в номер. Мы с ним прошлись по улицам и завернули к реке. Дойдя до одного дома, он мне сообщил, что это его квартира и предложил мне зайти к нему "попить чаю". Оказалось, что тут же живет и т. **Заварьян**. Посидев немного в общей компании, т. **Шилов** затем ушел, обещав вернуться через час (но так и не вернулся, и я вместо часа просидел у т. **Заварьян** часа полтора или два).

Основной темой нашего разговора с т. **Заварьян** явился вопрос об общей оценке положения в стране и перспективах дальнейшего развития революции. Разговору этому нашему предшествовала "проверка" т. **Заварьян** в отношении меня: тот ли я **Султан-Галиев**, который был исключен из партии в 1923 г., почему я продолжаю пользоваться "милостью" ЦК и, будучи беспартийным, занимаю сравнительно ответственную должность (инструктор кооперативного центра, имеющий возможность выездов на места), что из себя представляет группа "правых" тат. коммунистов, большая ли это организация, какова ее программа, почему она настроена оппозиционно и т.д. Словом, она осыпала меня градом вопросов, и я испытывал такое чувство, как будто сижу не в комнате у сосланной оппозиционерки, а в кабинете у партийного следователя. Расспрашивала она меня еще о московских новостях. Я ей рассказал, что слышал. Причем оказалось, что обо всем этом она уже знает и даже достовернее и больше, чем я.

Разговор об основной теме, к которой мы потом перешли, носил характер разъяснения т. **Заварьян** разницы между тактикой троцкистов и сапроновцев. Из ее разъяснения можно было установить, что т. **Троцкий** по существу стоит за организацию второй партии, но маскирует это лозунгом "реформы" существующей Коммунистической партии, боясь отхода от себя молодых и не искушенных в борьбе оппозиционеров, которых нельзя и не выгодно сразу оторвать от партии. Сапроновцы же, насколько я понял т. **Заварьян**, в этом вопросе занимают вполне определенную позицию и создают или уже создали вторую партию. Вторым пунктом разногласий она указала на оценку существующего положения в стране, а именно: сапроновцы считают, что "термидор" уже наступил, а **Троцкий** "не решается еще сказать этого", т.к. думает, очевидно, что положение может быть еще исправлено.

С своей стороны я указал т. **Заварьян**, что лично мы оцениваем положение иначе. Что мы отделяем партию, а тем более ее руководство, от стихии. Что стихия правой опасности растет и укрепляется, подготовляя почву к торжеству реакции, и частично захлестывает и партийные ряды, но сказать, что она в решительный момент не сумеет справиться с ней, не можем.

Перспективы, которые рисовала передо мной т. **Заварьян**, были чрезвычайно мрачны и глубоко пессимистичны. По ее мнению, мы неминуемо идем к краху и к окончательному провалу революции и что это неизбежно. В успех борьбы ЦК с правой опасностью она не верила, т.к. находила, что проводится эта борьба бюрократически, при отсутствии подлинного де-

мократизма со стороны самих масс (разговор наш происходил приблизительно за несколько дней до ноябрьского пленума ЦК партии).

Общее впечатление, которое осталось у меня от этого разговора, это то, что оппозиция переживает глубочайший внутренний кризис в смысле определения дальнейших перспектив своего развития, что она попала в безвыходное положение и зашла в тупик, откуда может быть лишь два выхода: или отказаться "от самого себя", т.е. безоговорочно признать свои ошибки и вернуться обратно в ряды существующей Коммунистической партии, или же погибнуть совершенно.

Все эти встречи с оппозиционерами не носили характера организационной связи или установления блока с ними. Нет, они носили характер "бродяжничества" оставшегося в живых на поле брани раненого бойца, который бродит в потемках, натыкается на трупы умерших или умирающих и ощупывает их, думая, что они еще не умерли и могут пойти вместе с ним разыскивать дорогу к своим - "к отступившим".

Подпольная агитлитература (две или три прокламации троцкистов на шапирографе) попали ко мне во время партдискуссии 1919 г. через студента-комсомольца **Саида Ерзина**, сочувствовавшего в одно время оппозиции и посещавшего их подпольные собрания (он был за это исключен из комсомола, но осознал свою ошибку и был восстановлен вновь). Передавал мне тогда еще несколько прокламаций и среди них - тезисы т. **Троцкого** по китайскому вопросу. Те я вернул. Каким образом сохранились эти, уже не помню.

По вопросу о наших переговорах с Зиновьевско-Каменевской группой.

Переговоры эти велись с трех сторон. Со стороны т. **Мухтарова** с **Сафаровым**, со стороны **Гас. Мансурова** с т. **Зиновьевым** и со стороны т. **Сабирова** с **Бабахоном** в Крыму. По чьей инициативе был вызван первый разговор, в точности не помню. Кажется, к тому моменту, когда в нашей среде начались разговоры о необходимости поставить перед оппозицией вопрос о том, какую же платформу выставляет она по нацвопросу (этот вопрос возник в силу того, что, выступая, кажется, на XIV партсъезде или на последующей за ним партконференции, оппозиция "намекала" на неправильность нацполитики ЦК партии, в частности - т. **Сталина**, но ничего не говорила по поводу того, а как же представляет она сама "правильную" политику по нацвопросу), со стороны Зиновьевско-Каменевской группы , а может быть, со стороны оппозиционного блока вообще - этого я не знаю, уже был выделен специальный человек по нацвопросу, а именно - тов. **Сафаров** (после высылки т. **Сафарова** из Москвы на его место был выдвинут кто-то другой, кажется, тов. **Прокофьев** или **Поливанов**, в точности не помню). Весьма возможно, что инициатива в переговорах исходила поэтому со стороны тов. **Сафарова**. Разговор т. **Мухтарова** с ним носил, кажется, характер постановки вопроса о том, думает ли в дальнейшем оппозиция включить в программу своих разногласий с ЦК партии национальный вопрос и если думает, то в какой именно форме. Делались ли при этом разговоре попытки договариваться по поводу общего содержания и от-

дельных пунктов выставляемой со стороны оппозиции платформы по нацвопросу, не знаю, тов. **Мухтаров** со мною об этом не говорил. Знаю лишь то, что уже позднее, чуть ли не перед опубликованием платформы (путем шапирографа) в нее вносились поправки т. **Гас. Мансурова**, отражающие нашу точку зрения по нацвопросу. В общем же мы находили эту платформу слабой и не только теоретически, но и практически. Лично меня она совершенно не удовлетворяла (этим объясняется, почему я на нашем последнем собрании выступил с предложением пойти к самому т.**Троцкому** - я считал, что т.т. **Зиновьев** и **Каменев** идут в пристяжке с ним, - и ребром поставить перед ним вопрос о принятии оппозицией как своей платформы наших установок по нацвопросу).

Маленькое дополнение к этому: к моменту вступления в переговоры с оппозицией с нашей стороны нам было известно, что такая же попытка сделана со стороны крымских "левых" через их тогдашнего лидера т. **Меметова**, посетившего, кажется, еще в марте 1927 г. т. **Зиновьева**. Была ли какая-нибудь связь с оппозицией у "левых" татар, я не знаю. Но мне известно, что председатель татземлячества в Москве, студент **Измайлов**, принадлежащий к группе татарских "левых", кажется, к группе т. **Шаймарданова**, был связан с троцкистской или даже с сапроновской оппозицией. Лично мне кажется, что в это время все группы татарских партийцев так или иначе были связаны с оппозиционными группировками, что выражало общее их недовольство политикой ЦК по нацвопросу.

Переговоры **Гас. Мансурова** с т. **Зиновьевым** первый раз происходили приблизительно в конце июля или в начале августа того же года. Возникло это стремление у него после его приезда с отдыха из Татарии. Согласован ли этот вопрос с его стороны с кем-нибудь из казанских товарищей, не знаю. Могло этого и не быть, т.к., во-первых, он отдыхал в деревне, а во-вторых, в Казани в это время, кажется, тоже почти все находились в разъезде. **Мухтарова и Сабирова** в это время в Москве тоже не было. Первый находился на отдыхе в Крыму, а второй - в командировке на Сев. Кавказе или в Сибири. Был ли **Енбаев**, не помню. О своем решении пойти к т. **Зиновьеву Гас. Мансуров** предварительно поделился со мной. Я не возразил. О содержании разговора **Гас. Мансурова** с т. **Зиновьевым** при первом их свидании я не в курсе, т.к. к этому времени уехал в Крым, на отдых. Известно мне, со слов самого т. **Г. Мансурова**, содержание второй их беседы, состоявшейся, кажется, в начале или в середине сентября. Темой разговора на этот раз явилась постановка вопроса о форме нашего присоединения к оппозиционному блоку. Вопрос этот был поставлен, видимо, в связи с требованием "эмиссаров" оппозиции на местах, в частности, тов. **Бабахона** в Крыму, от нацработников категорического и полного присоединения к оппозиционной платформе (об этом я в одно из своих показаний упоминал уже). Со слов т. **Гас. Мансурова**, т. **Зиновьев** не выставлял такой прямолинейной постановки. Он выставил четыре возможных варианта, предоставив это решить самим тат. "правым": а/ дать подпись под общей платформой со внесением, по обоюдному согласию, требуемых изменений в раздел по нацвопросу; б/ дать подпись под платформой лишь в части нацвопроса с допущением тех же изменений; в/ выступить с самостоятельной оппозиционной платформой по нацвопросу и г/ не выступать совершенно, но

воздержаться во время дискуссии на местах от выступления против оппозиции.

Как Вам известно, между нами, еще до ведения этого разговора, уже было решено выступить с самостоятельной платформой по нацвопросу. Сказал ли об этом **Г. Мансуров т. Зиновьеву** - не знаю. Если бы предполагаемое выступление тат. "правых" состоялось, то это фактически означало бы вступление их в действительный блок с оппозицией. Как Вам известно, выступление это не состоялось. Следовательно, не состоялся фактически и ожидаемый блок между нами и оппозицией. Этим я объясняю, между прочим, то обстоятельство, что в своих выступлениях на XV съезде оппозиция ни единым словом не обмолвилась по нацвопросу. Иного ответа на "дезертирство" татарских "правых", конечно, и не могло быть. Хороший исторический урок для будущих поколений, думающих посвятить себя политической деятельности.

Я упустил еще одни вопрос. Это, со слов т. **Г. Мансурова**, неустановленность, по-видимому, по крайней мере - к этому времени, единства во взглядах по нацвопросу между **Зиновьевско-Каменевской** группой и группой т. **Троцкого**. Конкретно это выразилось, кажется, в реплике т. **Зиновьева Гас. Мансурову** на заявление последнего, что позиция троцкизма по крестьянскому вопросу мешает националам присоединиться целиком ко всей их платформе в целом, реплике о том, что ошибки у т. **Троцкого** по нацвопросу в этой части имеются, но что они надеются выпрямить эту его линию.

Переговоры т. **Сабирова с Бабахоном** в Крыму летом 27 г. ни с кем не были согласованы. Из содержания их разговоров я знаю лишь одну часть, а именно: вопрос о том, кого из крымских работников следовало привлечь к блоку с оппозицией. По словам т. **Сабирова,** оппозиция относилась скептически к возможности присоединения к оппозиции **Вели Ибраимова** и вообще, кажется, намерена была соблюдать осторожность по отношению к нему, считая его человеком "не особенно чистым и стойким".

На какую тему разговаривал **Сабиров с т. Зиновьевым** в Крыму в конце лета 1926 г. перед их, оппозиции, выступлением на "Авиаприборе", я уже не помню.

После уличного выступления оппозиции в дни октябрьских торжеств в 1927 г. отношение наших работников к оппозиции, как я уже показывал, резко изменилось. Первым об этом заговорил **Гас. Мансуров**. Он квалифицировал это выступление как "прямой призыв к улице о выступлении за оппозицию".

Может быть, это и было причиной "дезертирства" татарских "правых" от оппозиции. Попыток к блоку с оппозицией с их стороны больше уже не было. Мои же встречи с отдельными оппозиционерами, как я уже объяснял, не носили характера блока или вообще организационной связи, несмотря на то, что идейно я продолжал еще сочувствовать отдельным ее лозунгам.

М. Султан-Галиев.

Допросил - Айзенберг.

Архив КГБ РТ.-Ф.4.-Оп.1.-Д.402.-Л.183-191 с об. Копия.

Показания

на заседании комиссии Центральной контрольной комиссии ВКП (б) о пределах организационной работы группы "правых" татарских коммунистов, о своих взглядах на судьбу социалистической революции в России, о создании Туранской Федеративной Советской Социалистической Республики, о подготовке к созданию самостоятельной национальной рабоче-крестьянской партии

27 февраля 1929 г.

Пределы организационной нашей работы.

Говоря о пределах организационной нашей работы, следует разграничить работу группы "правых" от моей работы, т.к. в этом отношении, как и в отношении идеологическом, я выходил за установленные в нашей среде рамки и забегал несколько вперед. Общие рамки организационной работы казанских (а в этом числе и московских) "правых" очерчивались пределами партии. Перенесение оргработы за пределы партии "правые" в общем считали неприемлемым. Я это знаю, потому что когда я после нашего поражения на X съезде Советов поставил как-то перед т. Брундуковым вопрос о возможности некоторого расширения нашей оргработы и на беспартийных, то он самым решительным образом возражал против этого. Это возражение я слышал от него, а также от других товарищей, как, например, Ганиева, Мухтарова и др. и после исключения меня из партии в связи с моей попыткой тогда установить связь с Заки Валидовым. Товарищи выставляли следующие принципы наших взаимоотношений с беспартийными:

а/ политического блока или связи с беспартийной интеллигенцией, независимо от их политической физиономии, у нас не должно быть;

б/ вопрос может идти лишь об использовании определенной части национальной интеллигенции на практической работе по линии культурной и хозяйственной на условиях действительного признания ею не на словах, а на деле принципов Советской власти и диктатуры пролетариата.

Отступление от этой линии какого-либо предоставляло остальным товарищам право отказа от него как от члена нашей группы. На этой основе, между прочим, в свое время товарищи отказались от Юнуса Валидова, поскольку последний в своих отношениях с беспартийными был не совсем разборчив.

Отступлением от этого принципа можно считать факт участия тов. Мухтарова в составлении проекта обращения в партийные органы от имени группы беспартийной интеллигенции Татарии по вопросу о латиниза-

ции алфавита[175], но это отступление значительно теряет свое актуальное значение, если принять во внимание:

во-первых, то, что вопрос латинизации алфавита не является программным вопросом Коммунистической партии;

во-вторых, то, что осуществление проекта обращения поручено лицу, зарекомендовавшему себя в течение четырех лет своей непрерывной работы на советском посту (наркомздрав Татреспублики) как преданный Советской власти работник, к тому же связанный персонально по своей работе с Мухтаровым еще с 1921 года.

На аналогичной же позиции стояли в этом вопросе в разговоре с нами и крымские работники. Я лично по этому вопросу имел разговор с тов. Фирдевсом. Точку зрения его я уже излагал. В отношении крымских беспартийных работников из бывш. "милли-фирковцев" мы думали, что они после объявления Крыма автономной республикой разоружились и превратились в искренних сторонников Советской власти, тем более, что во время Врангеля вся эта партия в целом, если не ошибаюсь, работала, блокируясь в подполье с большевиками против врангелевщины и лишилась в борьбе с Врангелем многих своих работников. Факты встреч и разговоров отдельных казанских и московских "правых" партийцев с работниками из бывш. "милли-фирковцев" ничего тенденциозного в себе поэтому не таили.

Никаких комитетов или других организаций, организованных по инициативе "правых" в целом в том или ином национальном районе, включающих в свой состав, помимо партийцев также и беспартийных, я не знаю. Существуют ли таковые вообще по этим районам, мне тоже неизвестно. Ни тов. Енбаев, ездивший в Башкирию, Дагестан и Закавказье, ни тов. Сабиров, посещавший Казахстан, районы Северного Кавказа и Сибирь, ни т. Мухтаров, съездивший в 1927 г. в Джетысуйскую губ., о чем-либо подобном мне не говорили. Если бы им было известно что-либо в этой области, думаю, что они бы не стали скрывать этого от меня.

С кем мы были связаны из крымских "правых", кого они из себя представляли и насколько глубока была эта наша связь с ними, об этом я говорил уже достаточно подробно. В каком состоянии находится крымская "правая" после ее разгрома Вами, есть ли там какая-нибудь жизнь и что думают оставшиеся в партии и выкинутые из ее рядов крымские "правые", - я не знаю, т.к. связь у меня с Крымом за последнее время совершенно прекратилась, если не считать двух-трех встреч с Памукчи и с С. Умеровым, которые и сами за последнее время не имели этой связи. Правда, передо мною лично за последние месяцы перед моим арестом встал вопрос о дальнейшей линии поведения крымских "правых", и мне казалось, что так или иначе по этому вопросу следует попытаться договориться с ЦК партии, но конкретных форм этих переговоров себе я не представлял. Серьезных разговоров на эту тему с нашими московским товарищами я не имел, т.к. в связи с той пассивностью, которую они проявили в вопросе Вели Ибраимова (я думал, что товарищи в последнюю минуту пойдут все-таки в ЦК и поставят там вопрос хотя бы о некотором облегчении его участи), я вообще охладел к ним. Так, с Мухтаровым я не виделся около года, с Сабировым разругался, с Енбаевым виделся лишь два-три раза за весь год и

держал себя с ним так же холодно. Встречи же с Гасымом [Мансуровым] носили случайный характер, но как-то и с ним на эту тему почему-то не беседовали.

Мне казалось, что кое-какие вопросы все же можно было еще выяснить и разрешить. Связывал я этот вопрос, между прочим, с вопросом о нашем собственном положении, т.е. о положении "правых" вообще, т.к. мне казалось, что продолжать сохранять "висячее" положение нам дальше нельзя. Выходом из положения я считал момент объявления Центральным Комитетом партии борьбы с правой опасностью, когда татарским "правым" можно было демобилизоваться и попытаться найти себе общий язык с ЦК партии на базе нового его политического курса, совпадающего по ряду моментов и в основных своих частях с нашей собственной установкой и направленного фактически против той самой стихии, с которой мы и вели борьбу, но борьбу безрезультатную за все эти годы нашей групповой жизни. И когда дней за 10 до моей командировки, в начале ноября, еще до моего последнего свидания с т. Мдивани (когда я имел разговор с ним по поводу этой самой правой опасности и выяснял отношение к ней оппозиции) ко мне перед поездкой своей в Казань зашли Наби Вахитов и Вели Исхаков и спросили моего мнения насчет правой опасности для передачи его казанской группе наших товарищей, - я без колебаний и самым решительным образом заявил им о том, что нам необходимо немедленно же и безоговорочно перейти в решительное наступление на правую опасность и найти на этой почве общий язык с областным комитетом партии и через него - с ЦК партии. Я думал, что этим самым, может быть, нам удастся поставить крест над нашим прошлым и вернуться к нормальным взаимоотношениям с партией. Повторил я эту точку зрения и в Казани в разговоре с т.т. Брундуковым, Ганиевым и Будайли (когда я пошел навестить тов. Ганиева и больного Будайли, были там еще двое товарищей - Шангиреев и еще один, фамилии которого я не знаю), но товарищи мне указали, что хотя они, безусловно, стоят за борьбу с правой опасностью, но вынуждены пока что занимать в этом вопросе выжидательное положение, т.к. для них в высшей степени непонятно, что как раз те русские работники, которые, по их мнению, являются на деле идеологами правой опасности, выступают на собраниях официальными докладчиками областкома о правой опасности и затушевывают фактически сущность этой самой опасности. В частности, товарищи указывали на татнаркомфина Терского, известного среди татар (и не только среди татар) как ярый татарофоб.

Мы опасаемся, говорили товарищи, как бы не повторилась история с нашим выступлением против оппозиции в 1923-24 гг., когда выступление наше было фактически использовано против нас же представителями великорусского шовинизма, сумевшими свергнуть нас при помощи оппозиции и получившими фактически одобрение своего поведения со стороны кое-кого из московских работников.

Относительно организационных связей наших с отдельными нацрайонами я уже говорил. Останавливаюсь здесь лишь на двух вопросах. Первый вопрос - это насчет Азербайджана и второй - о тех крымских работ-

никах из "правых", которые работают в настоящее время в других районах.

В Азербайджане "правыми" партийцами, которые в одно время находились в связи с нами, мы считали т.т. доктора Султан-Меджида Эфендиева, д-ра Исрафилбекова и Таги Шахбазова; Эфендиева мы знали с 1919 года, со времени II съезда комнарвостока, Исрафилбекова - с того же времени (он тогда был против нас и на совещании у Ильича резко выступал лично против меня; присоединился он к нам совместно с покойным т. Нариманом в 1920 г.), Шахбазова же я знаю с 1917 г. еще со времени Февральской революции в Баку, когда он был членом "Гуммета". С покойным Нариманом я лично был знаком еще с 1915 г. Со всеми ими, за исключением Исрафилбекова, я находился в 1923 г. в переписке. После исключения из партии я видел еще один раз Эфендиева в 1926 г., заходил к нему в номер и беседовал с ним по вопросу об отношении азербайджанских "правых" к оппозиции, а также предупреждал его о необходимости осторожного отношения к работавшему тогда в Азербайджане З.Булушеву, считавшемуся "правым", но заподозренному некоторыми из "правых" татарских коммунистов еще до 1923-24 гг. в неискренности (он был уличен мной, а затем и Юн. Валидовым в кое-каких поступках, свидетельствующих о том, что он является среди нас или секретным сотрудником ОГПУ или же агентом враждующей с нами группы бывших лев. эсеров как бывший максималист). Относительно З.Булушева я напишу дополнительно.

По вопросу о нашем отношении к оппозиции т. Эфендиев развивал ту мысль, что, по его мнению, существовавшая при Н. Нариманове точка зрения о необходимости ориентации в нацвопросе на Троцкого оказалась ошибочной и что ориентацию эту следовало бы изменить и не обострять наших отношений с ЦК партии. При этом тов.Эфендиев сообщил, что мысль эту разделяют и остальные азербайджанские "правые". Я лично против постановки т. Эфендиева не возражал, находя, что в условиях Азербайджана это, пожалуй, и верно. Больше с ним я не встречался.

С Шахбазовым после исключения меня из партии я виделся лишь в 1928 г. весной, когда встретил его за ужином у т. Енбаева. Разговоров с ним, однако, я не вел никаких, хотя и дал слово зайти к нему в номер и поговорить кое о чем. Объясняется это тем, что вообще у меня в то время настроение было демобилизационное. Вернее, может быть, я находился на перепутье. С Исрафилбековым я не виделся с 1919 года.

Товарищи из нашей группы, которые так или иначе соприкасались с азербайджанской группой "правых", находили их крайне слабыми, затертыми и забитыми. Может быть этому способствовала та самая "перемена ориентации в нацвопросе", о которой я только что говорил. Такой отзыв об азербайджанских "правых" я слышал от т.Дерена, который некоторое время работал в Азербайджане, от т.Мухтарова, который рассказывал как-то о своем впечатлении относительно Исрафилбекова, приезжавшего, не помню в котором году, на съезд работников НКЗдрава, и мельком от т. Енбаева.

Из этих фактов можно установить, что попытки лично с моей стороны, а также со стороны остальных "правых" товарищей к возобновлению связей с азербайджанскими "правыми" и оживлению их работы делались, но

наталкивались они на крайнюю инертность и бесформенность этой группы "правых" националов.

Договаривался ли с ними в последнюю свою поездку в Закавказье т. Енбаев о чем-нибудь, и если договаривался, то о чем именно, конкретно мне неизвестно, т.к. я не успел поговорить по этому вопросу с т. Енбаевым. Об этом уже я, кажется, говорил.

По второму вопросу я должен сказать следующее: из крымских работников в нацрайонах за последнее время работали: т. Фирдевс - в Грузии, в Тифлисе; после снятия из Крымского представительства некоторое время работал в Узбекистане т. С. Умеров; слышал я еще от кого-то, кажется, от Памукчи, что в Узбекистан же направился для работы и Мустафин. Других крымских работников, работающих в нацрайонах, я не знаю. Поездку свою в эти районы ни один из товарищей с нами не согласовывал. Ни один из них также не согласовывал с нами и будущей линии своего поведения в этих районах. С каким чувством и с каким настроением уезжали эти товарищи в указанные районы, я не знаю. Могу лишь сказать относительно т. Фирдевса, который уехал в Тифлис еще при мне из Симферополя. Настроение у него было в высшей степени подавленное. Чувствовалось, что он разочаровался как в крымских, так и в московских "правых". Это и естественно, т.к. московские товарищи нападали на него сильно в деревенском вопросе, а крымские "правые" фактически отошли от него, поскольку в своем совместном заявлении в ЦК вместе с "левыми" отмежевались от него. Прислал он мне как-то открытку с просьбой, чтобы я написал ему, "что слышно в наших кругах", но я ему тогда не ответил (в начале 1928 г.). Лишь после всего того, что произошло в Крыму, и я увидел всю правоту многих постановок т. Фирдевса, в частности - по вопросу о необходимости "отступления", я написал ему несколько слов об этом, воспользовавшись поездкой в те края татарского работника. Я считал своим нравственным долгом открыто заявить ему об этом.

Из этих фактов можно установить, что отъезды отдельных крымских работников в другие нацрайоны за последние год-полтора и работу в этих районах нельзя рассматривать как организационную работу группы "правых" в этих районах.

Перехожу к вопросу об организационной работе, проделанной лично мною.

Как я указал вначале же, мою работу в этой области следует разграничить от общей работы "правых". Моя работа не ограничилась рамками партии, а выходила за ее пределы, т.к. задачи, которые я ставил перед собой, были значительно шире тех конкретных целей и задач, которые ставились группою "правых" коммунистов. Программные задачи и цели "правых", как вообще по нацвопросу, так и по конкретным вопросам работы в отдельных нацрайонах, как Татария и Крым, целиком охватывались моей программой, но не выражали полностью этой программы. По ряду вопросов я шел дальше. Тем не менее я считал, что логика событий приведет в конце концов к постепенному включению в общую программу "правых" этих "расширенных частей" моей индивидуальной программы. В этом отношении я допускал даже большее: я полагал, что к программе

этой постепенно присоединится поодиночке или мелкими группками и значительная часть "левых" коммунистов.

"Забегал" я "вперед" по следующим вопросам:

1. По вопросу о судьбе социалистической революции в России.

Я полагал, что развитие социалистической революции в России, в связи со стабилизацией капитализма на Западе и усилением позиций социал-демократии среди заподноевропейского пролетариата и на основе ряда внутренних противоречий, неизбежно идет к краху. Я предвидел два пути ликвидации соц. революции в России: первый путь - это постепенное сползание Коммунистической партии и Совласти, путем разных вынужденных уступок на внутреннем и внешнем фронтах, на рельсы госкапитализма и буржуазной демократии; второй путь - это крах революции на основе вооруженного военного столкновения Совласти с мировой буржуазией. В отличие от оппозиции крах этот я все же считал временным, как в первом, так и во втором случае. Я находил, что через известный промежуток времени после поражения революции неизбежно ее повторение, но в более грандиозном масштабе, с охватом ряда капиталистических государств и колониальных стран; причем мне казалось, что с чем большим шумом провалится первая социалистическая революция, тем скорее придет вторая и тем мощнее будет созидательная сила этой последней. И так как ликвидация или поражение революции как в первом, так и во втором случае несли бы за собой ликвидацию ее завоеваний и на фронте национальном и вновь привели бы самоопределившиеся нацрайоны, независимо от степени фактического осуществления ими права на самостоятельное существование при Совласти, к колониальному состоянию (или в составе "единой и неделимой", или же в виде "мандатно-управляемых" территорий той или иной капиталистической державы), - то отсюда в моей постановке вытекала необходимость временного отступления революции в этих районах на путь туземного национализма (или шовинизма) как широкого массового движения, опираясь на которое можно было бы вести дальнейшую борьбу, уже в иных формах, с наступившей после поражения революции реакцией. Я думал, что в последнюю минуту, когда положение станет ясным, Центральный Комитет партии и сам пойдет на это и призовет нас договариваться по этому вопросу - в смысле разделения функций революционной борьбы с наступающей реакцией. Эту мысль я начал пропагандировать в туземной партийной среде еще с 1921-22 гг. в связи с переходом к НЭПу и с угрозой раскола партии еще во времена первой партдискуссии[176], причем в то время я ставил вопрос не о "неизбежности" поражения революции, а его "возможности". Требование о расширении прав автономных национальных республик и областей и вообще расширения рамок и усиления темпа экономического развития и культурного роста националов, которое мы предъявили к партии в конце 1922 года, во время X съезда Советов, а позднее и на XII партсъезде, в моей постановке вытекало именно из-за необходимости создания опорных баз соц. революции на фронте национального вопроса в предвидении этой самой "возможности" ее поражения.

По вопросу о создании Туранской Республики.

"Забегание вперед" в первом вопросе делало неизбежным также «забегание вперед» с моей стороны и в вопросе конкретизации тюркской проблемы в СССР. Необходимость конкретизации этого вопроса в моей постановке и по моему анализу вытекала из следующих трех факторов:

а/ Историческая неизбежность распада России, как государственного организма, на ряд самостоятельных национальных государственных организмов, по примеру многочисленных государств прошлого: Римской империи, Арабского государства, империи Чингисхана и Тимура и Османской империи. Сочетание социалистической революции в России с этой "тенденцией развития" Русского государства и родило, по моему мнению, идею федеративного устройства Советского государства в первую стадию развития революции и идею Союза Советских Социалистических Республик - во вторую ее стадию. Гениальность ленинского плана расширения проблемы соц. революции в разлагающемся многонациональном и полуфеодально-капиталистическом государстве в этом именно и заключалась. Ильич понимал, что национальный вопрос в России нужно не "изживать", а "разрешать". Это его буквальное выражение, которым он ответил, я помню, тов. Саид-Галиеву при посещении нами Ильича[177] перед объявлением Татреспублики, когда тов. Саид-Галиев вздумал было осветить перед ним необходимость объявления этой республики как необходимость "изжить татарский вопрос". Необходимость "разрешения" нацвопроса, а не "изживания" его, по моему мнению, в том именно и заключалась, чтобы не "тормозить" указанный выше процесс распада Русского государства, а регулировать его в соответствии с интересами революции. Исходя из этого я и полагал, что объявление Союза Советских Социалистических Республик в том составе, в какой он был [за]фиксирован первоначально в Конституции, т.е. в составе лишь РСФСР, Украины, Белоруссии, Закавказья, когда еще не было в природе Узбекской и Туркменской Союзных республик, а была Туркестанская Автономная ССР в составе РСФСР, не разрешает еще постановки вопроса национального размежевания отдельных районов СССР. Одним из таких вопросов, требующих своей конкретизации после объявления СССР, и являлось, в моей постановке, проблема государственного размежевания тюркских народов СССР.

б/ Историческая неизбежность объединения и консолидации тюркских народов СССР и сопредельных с нею восточных стран (Китайский Туркестан, тюркские районы Афганистана и Персии) в единый государственный организм. Распространяться подробно на эту тему сейчас я не буду. Процесс этот, по моему мнению, вызывается распадом патриархально-феодального строя в тюркских районах в связи с развитием в них капитализма. Социалистическая работа в России лишь усилила, углубила и расширила этот процесс и дала новые формы всему движению в этом направлении. Мне думается, что никакая сила в мире не в состоянии будет остановить дальше этот процесс, т.к. по своему внутреннему содержанию процесс этот является глубоко прогрессивным и революционным движением. Его можно лишь оттянуть, "тормозить", но остановить или разбить невозможно. Нарождающаяся тюркская национальная буржуазия стремится

использовать этот исторический процесс в своих классовых интересах и противопоставляет лозунги "освобождения" тюркских народов СССР от Советской власти и соц. революции. В этом - сущность движения пантюркизма, как буржуазно-националистического движения. Я же думал, что нарождающийся процесс консолидации тюркских народностей СССР и сопредельных с нею юго-восточных стран может и должен быть использован соц. революцией в интересах укрепления ее экономических, политических и стратегических позиций на Среднем Востоке.

в/ Революционная ситуация на Востоке в последние годы, знаменующая собою смену подъема национально-освободительных революционных движений в отдельных колониальных и полуколониальных странах (Китай, Индия), относительным укреплением в этих последних позиций международного империализма. Это обстоятельство, по моему мнению, создавало реальную угрозу среднеазиатским и вообще тюркским районам СССР со стороны Китая и Индо-Афганистана, что придавало еще большую политическую актуальность тюркской проблеме. Мне казалось, что назревает момент, когда Советская власть и партия во всю ширь должны поставить эту проблему и пересмотреть свою политику расчленения тюркских районов по признаку племенной дифференциации тюркских народностей, т.к. наступающей реакции значительно легче будет скушать тюркские национальные советские республики по отдельности, по мелким "самостоятельным" единицам, чем в целом. Короче говоря, я полагал, что возможному и ожидаемому наступлению на Советскую власть международной реакции со стороны Китая и Индии должно быть противопоставлено сильное и крепкое буферное государство - федерация тюркских советских республик, с непосредственным вхождением последней в Союз и на равных с Украиной правах.

Исходя из этих трех факторов я выдвигал положение о необходимости подготовки образования так называемого Туранского государства, как Федеративной Советской Социалистической Республики в составе Советского Союза, как народно-демократической республики на основе госкапитализма - в случае поражения революции. В последнем случае лозунг самостоятельного Туранского государства, по моей мысли, предназначался для организации широкого народного восстания против наступившей реакции. Вопрос же организации этого восстания, по моему анализу, не снимался с порядка дня, т.к. после поражения революции международная буржуазия могла по стратегическим соображениям выкинуть лозунг "сохранения единства территории России", а национальная буржуазия могла пойти на соглашательство с русской буржуазией и ограничить свои "национальные" аппетиты рамками буржуазной "автономии". Возглавлять это восстание, по моим предположениям, должны были замаскированные "правые" туземные коммунисты в блоке с экстремистской частью туземных националистов и опираясь на крестьянство, рабочих и мелкую городскую буржуазию, главным образом, кустарей и ремесленников.

3. И, наконец, вопрос, по которому я также "забегал вперед" - это **вопрос о подготовке к созданию на случай поражения революции самостоятельной партии**, опираясь на которую можно было бы осуществить только что изложенные мною задачи. Партию эту я мыслил как массовую рабоче-

крестьянскую социалистическую партию, основные кадры которой должны были состоять из замаскированной части "правых" туземных коммунистов, прошедших школу социалистической революции и практику национального вопроса в России. Актив ее должен был вербоваться из среды туземных рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Туземную интеллигенцию я при этом строго дифференцировал. Я делил ее на следующие категории:

а/ старая, русифицированная чиновничья "национальная" интеллигенция, немногочисленная и уже почти выродившаяся. Формировалась она в прошлом, главным образом, из туземного дворянства, а во время революции работала по преимуществу на стороне "белых". Это - остатки туземного феодализма. Вся эта группа целиком отвергалась мною как явно непригодный элемент для моих целей. В случае поражения революции эта группа "интеллигенции" будет служить опорой монархических элементов туземцев;

б/ старая реакционная интеллигенция, выступившая в свое время против "новаторского" движения среди тюркских народностей, служившая орудием царской охранки и уже почти выродившаяся в таких районах, как Татария и Башкирия, но достаточно еще многочисленная в районах Средней Азии, особенно в пределах бывшей Бухары. Эта группа "интеллигенции", состоявшая, главным образом, из старого духовенства, для моих целей также не годилась. В Татарии и Башкирии она бы ориентировалась на русскую монархию, а в Средней Азии - на ханство;

в/ мелкобуржуазная "новаторская" интеллигенция, возглавлявшая до революции культурно-реформистское движение тюркских народностей. Эту группу интеллигенции я также отвергал, т.к. находил ее иллюзорно-идеалистической, ограничивающей рамки национально-освободительного движения тюркских народностей вопросами, главным образом, культурного строительства. В своих политических требованиях эта группа, если бы только она получила возможность их предъявления, ограничивалась бы лозунгом культурно-национальной автономии, но не больше;

г/ буржуазная интеллигенция. Эту группу интеллигенции я также отвергал как не способную к политической борьбе и предательскую. Интеллигенция этой категории, по моему мнению, готова идти с кем угодно, лишь бы восстановить буржуазный строй. Она пойдет на всякие гнусные и предательские блоки с русским национализмом, пойдет на служение к ней за какую угодно цену;

д/ новая советская, молодая интеллигенция, вышедшая из среды трудовых элементов города и деревни, имеющая некоторый революционный стаж и прошедшая в той или иной степени марксистскую школу. Это главным образом учащаяся молодежь. Интеллигентские кадры новой партии я думал вербовать из этой среды.

Партия должна была строиться по организационным принципам большевизма, т.е. представлять централизованную партию на основе демократического централизма и включать в себя представителей всех по возможности тюркских (на первое время) народностей.

Как я уже указал, основные кадры новой партии должны были образоваться из "правых" и перешедших или переходящих в их лагерь «левых»

туземных коммунистов. Причем до поражения социалистической революции "правые" должны были оставаться в общей компартии. После поражения революции они, по моей мысли, должны были разбиться организационно на три основные группы: одна часть должна была уйти в подполье вместе с общей компартией, другая - образовать самостоятельную туземную коммунистическую партию (во избежание провалов в общей коммунистической партии) и третья - образовать замаскированный остов легальной "Туранский рабоче-крестьянской социалистической партии". Лично о себе я думал, что мне в последнюю минуту, когда угроза катастрофы станет ясной, если не для всех, то для основного руководящего ядра компартии, удастся договориться с Центральным Комитетом партии о принятии ею моей программы действий на тюркском Востоке и, восстановившись в партии (я думал, что в этом случае взаимные "обиды" будут забыты и ко мне будет доверие), руководить из подполья совместно с данными мне на помощь товарищами работою всех трех или последних двух групп "правых" туземных коммунистов. Все это в том случае, если катастрофа Советской власти угрожала как следствие вооруженного ее столкновения с капиталистическим миром, т.е. когда "смерть" Советской власти (вернее - ее временный уход с исторической арены) являлась бы "честной" смертью. В том же случае, если бы общая компартия, а вместе с нею и Советская власть пошли бы в своем развитии по пути перерождения (через то, что Вы сейчас называете правой опасностью в партии), то первая группа туземных "правых" должна была уйти в подполье с левой оппозицией в компартии. В последнем случае, по моим планам, организация массового вооруженного восстания и использование в этом отношении лозунга независимости Туранской Республики уже как лозунга полного государственного отделения от России должна была быть направлена против перерожденной и вступившей на путь буржуазной реставрации власти, как бы она себя ни именовала. Современное же состояние партии и Соввласти я еще не определил как перерождение. Я находил, что имеются налицо элементы перерождения в отдельных звеньях и в партии, и в государственном аппарате, которые при известных и благоприятных к тому условиях могут способствовать общему перерождению и того, и другого и подготовить тем самым дорогу настоящей буржуазной реакции. Между строк скажу, что партия нашла в себе, однако, достаточно много внутренних сил и решимости, чтобы ликвидировать эти элементы, доказав тем самым всю ошибочность и эфемерность моих построений. Я говорю о ноябрьском пленуме ЦК партии и последующем развитии внутрипартийной жизни.

Широкой и систематической работы по созданию самостоятельной партии, вернее - по подготовке элементов ее образования - я все же не вел. Объясняется это, во-первых, тем, что меня удерживало от этого сомнение насчет правильности всего моего анализа и выводов из него насчет характера и перспектив развития пролетарской революции вообще, которые появились у меня время от времени в связи с колебаниями революционной конъюнктуры на Западе (Германская революция в 1923 г., стачки английских горняков 1925 г.) и на Востоке (Китайская революция - победоносное восстание Шанхайского пролетариата); во-вторых, моей надеждой на восстановление в партии, которая появлялась у меня временами, и, в-третьих,

периодическим оживлением деятельности общей оппозиции в партии, которое выдвигало в порядке дня возможность партийно-политической работы и без создания самостоятельной туземной организации, т.е. на основе блока с этой оппозицией. Последнее обстоятельство, по моему мнению, играло очень большую роль в моем поведении. Если бы не было всех этих периодически повторяющихся оппозиционных вспышек, я или безоговорочно признал бы свои ошибки и стал бы работать как совершенно исправившийся партиец, или же ударился бы в сторону расширения и углубления конспиративно-подпольной работы по сколачиванию национальной оппозиции против существующей компартии в СССР и колониальной оппозиции - против Коминтерна. Разрешение же последнего зависело от исхода первого вопроса. Об этом я говорил еще в начале моих показаний. Но я думаю, что все же произошло бы первое.

Работу мою среди партийцев я ограничил лишь татарской средой: казанской, а потом уже и крымской. Я думал провести сначала подготовительную работу в этой среде, довести сознание отдельных работников до определенного уровня и затем уже через них распространить свое влияние и на нацработников других районов. Влияние мое на татработников все же было ограничено. Моя "работа" в этом смысле была поставлена в определенные рамки. О них я Вам уже говорил.

Оргработа моя среди беспартийных также была ограничена как в смысле масштаба работы, так и активности. Сосредоточена была эта работа в Казани и в Астрахани - в подпольных кружках беспартийного студенчества. С казанским кружком я был связан с осени 1926 г. через Бакиева, а с Астраханским - через аспиранта Научно-исследовательского института восточных этнических культур Шамсутдинова Вазыха - с осени 1927 года. При Юн. Валидове была попытка создания пропагандистского кружка в Москве. Он был связан тогда, еще до исключения его из партии, с группой студентов Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Происходили у нас переговоры по этому поводу с небольшой группой студентов весной 24 года, после ухода от власти "правых" в Татарии и исключения из партии Юн. Валидова. Первая встреча наша со студентами произошла на одной из подмосковных дач, кажется, в Пушкино, я уже не помню. Свел нас студент последнего курса сельскохозяйственной академии Шахмаметов, кажется, бывший член партии или комсомольской организации. Помимо Шахмаметова, меня и Юн. Валидова, на переговорах присутствовали два беспартийных студента сельскохозяйственной академии предпоследнего курса: Ходжаев из Астрахани и Хантемиров из Саратова. Собрание было созвано по нашему предложению. Разговаривали мы в поле за дачами. Вопрос с нашей стороны был поставлен о необходимости организации пропагандистских студенческих кружков среди татарского и вообще восточного студенчества по вопросам нацполитики для оживления борьбы с растущей стихией русского национализма, формулируемого нами как "панрусизм". Со стороны студентов был поставлен вопрос о том, кем же фактически являемся, коммунистами или националистами. Мы им объяснили, что мы являемся и остаемся коммунистами, несмотря на то, что исключены из партии, но с особой линией в национальном вопросе, сводящейся к требованию расширения политических и экономических прав на-

ционалов в революции. Мы им изложили сущность наших разногласий с партией. Студенты ответили, что обо всем этом им не было известно и что они до того времени представляли картину иначе, но сказать что-либо конкретное о возможности ведения какой-либо работы среди студенчества затрудняются, т.к. вопрос этот до того времени перед ними не возникал. Разговоры на этом кончились. Однако у нас с Валидовым возникло подозрение насчет искренности разговаривавших с нами студентов, т.к. в тот же день и на той же даче мы два раза натолкнулись на Вашего агента Агеева, судя по всему его поведению, за кем-то следившего. Мы оба пришли к выводу, что о предполагавшемся собрании Вам было известно, и Агеев послан Вами на проверку, действительно ли произойдет предполагавшаяся встреча. Я лично предположил, что о собрании Вам стало известно через самого Шахмаметова, т.к. он являлся, во-первых, его организатором, а во-вторых, во время наших разговоров он ни словом не заикнулся, а только слушал и молчал. Мы решили быть осторожными.

Следующая наша встреча произошла спустя, кажется, несколько месяцев после этого, в Нескучном саду. На этот раз присутствовали Шахмаметов, его брат, только что окончивший медфак Московского университета, Рауф Шахмаметов, Юн. Валидов и я. Был ли еще кто-нибудь, не помню. Мог быть Хантемиров или Ходжаев. На этот раз ставился вопрос о возможности использования Рауфа Шахмаметова для работы в Казани (он собирался выезжать туда для работы) и о нашей "конкретной" программе - чего мы хотим и к чему стремимся. Рауф Шахмаметов развертывал перед нами чисто националистическую программу. Мы с Юн. Валидовым отвергли это и заявили, что мы являемся и остаемся коммунистами и будем работать с ними только в том случае, если они целиком примут нашу установку и нашу программу, т.е. социалистическую революцию, Советскую власть и радикальное разрешение нацвопроса в этих двух условиях. С Шахмаметовым мы продолжали некоторое время лавировать, а затем заявили ему о нашем подозрении в том, что он связан с Вами. Он это решительно отвергал. Юнус был склонен поверить ему, и Шахмаметов продолжал до суда и во время суда (над Валидовым) заходить к нему и беседовать с ним на тему о том, как он будет держать себя на суде, как будет оправдываться и т.д. Я же лично продолжал не доверять ему и поставил Вас в известность о своем подозрении через З. Ерзину. Вопрос тогда шел еще обо одном студенте-партийце из Бугульмы, фамилию которого я уже позабыл, который после посещения нами однажды общежития студентов начал было время от времени захаживать к нам. И действительно, после этого и тот, и другой перестали ходить ко мне на квартиру. Правда, Шахмаметову я не подавал виду об этом и раза два встречался с ним после этого на стороне, один раз у него на квартире, но разговоров на прежние темы я с ним больше уже не вел. Это были просто "приятельские" встречи.

Что же касается Хантемирова и Ходжаева, то они после суда над Валидовым заявили, что программу нашу в части подготовки широкого массового движения в нацрайонах за независимую республику они не разделяют, а стоят на позиции необходимости эволюционного развития тюркских народов в пределах существующих границ предоставленных им прав со стороны партии и Советской власти, и отказываются от ведения какой бы

то ни было подпольной работы в предполагаемом нами направлении. При этом оба они заявили, каждый в отдельности, что думают посвятить себя исключительно практической и научной работе по вопросам сельского хозяйства. Причем Хантемиров указал еще на то, что нахождение его в наших рядах было бы нецелесообразно еще и потому, что в 1918 г. он по мобилизации находился некоторое время у белых. Я его поблагодарил за такую, хотя и несколько позднюю, откровенность и прервал с ними в дальнейшем мои политические связи. Позднее, в 1926 году и в 1928 г., во время командировки в Казань я справлялся у Бакиева и связанных с ним казанских студентов, не известно ли им о какой-либо работе в Казани Ходжаева и Хантемирова, на что он ответил отрицательно и указал, что они пытались было "втянуть" их в работу, но Ходжаев и Хантемиров отказались от этого. В последнюю поездку в Казань я звонил Хантемирову и справлялся, как он поживает. Он мне по телефону ответил, что его сейчас не узнать, что он нынче летом был в Азербайджане и вернулся оттуда совершенно "левым человеком". Я его спросил: "Ленинистом что ли стал?" Хантемиров посмеялся и ответил - не только, а вообще... Разговор на этом кончился.

Моя связь с казанским беспартийным студенчеством началась с весны 1926 года, когда ко мне обратился с предложением этой связи через знакомого мне тат. рабочего молодой советский врач - ассистент Казанской университетской клиники - Бабиков, бывший партиец, исключенный, по его словам, за нацуклон. Это была, собственно говоря, вторая попытка со стороны казанского беспартийного студенчества связаться непосредственно со мной. Первая такая попытка была проявлена с их стороны весной 1925 года после суда. От имени какого-то подпольного кружка татарских студентов приезжал к Валидову студент Казанского сельскохозяйственного института Файзуллин (он оказался впоследствии в киевском кружке) с предложением установления связи с ним. От встречи с ним я тогда отказался, предложив то же самое и Юн. Валидову. Я считал, что все это делается Вами, чтобы поймать нас на подпольной работе с беспартийными. Валидов, однако, не послушался меня и пошел, желая "выяснить", что скрывается в действительности под этим предложением. Потом он мне передавал содержание их беседы. По его словам, он выслушал Файзуллина, заявил ему о том, что относится с подозрением к его предложению и не принимает его, пока сам не поедет в Казань и не выяснит на месте, что это за "кружок" в действительности.

Смерть Юн. Валидова помешала ему, однако, произвести эту "проверку".

Следующим из Казани был, как я уже указал, врач Бабиков. Свел меня с ним по его просьбе знакомый мне татарский рабочий одного из заводов Химтреста Джиханша Енаев, которого я знаю с 1919 года, еще когда он работал экспедитором по линии [Центрального бюро] комнарвостока. Енаев мне заявил, что Бабикова он знает еще с детства, а потому доверия на этот раз к казанскому делегату у меня было больше, чем к Файзуллину. Бабиков в начале же разговора заявил, что он является представителем небольшого нелегального кружка молодежи татарских врачей и направлен ко мне для выяснения моих взглядов и соображений насчет дальнейшего

хода развития революции вообще и направлений работы среди националов - в частности. Я ему задал несколько перекрестных вопросов, в том числе о том, не знает *ли он* случайно Файзуллина, не слышно ли в Казани о существовании еще каких-либо кружков среди беспартийных, а также о том, не связаны ли они случайно с кем-нибудь из местных "правых" коммунистов. На все эти вопросы я получил от Бабикова отрицательные ответы. Из этого я сделал соответствующие выводы, а именно: а/ если существование "кружков" есть достоверный факт, то это является показателем стихийного их возникновения и отражает недовольство беспартийной татарской советской интеллигенции существующим положением в Татарии на основе отсутствия там здоровой общественности, позволяющей новой татарской беспартийной интеллигенции вести нормальную творческую работу на пользу своего отсталого народа; б/ отсутствие руководства этими "кружками" со стороны кого-нибудь; в/ возможность подсылки Бабикова ко мне с Вашей стороны. Последняя возможность, хотя я ее и допускал, не остановили, однако, меня от решения изложить перед ним мои взгляды по интересующему его вопросу. Я думал, что если они и станут известны Вам через Бабикова, то могли дать с точки зрения оживления общественно-политической жизни Татарии и вообще нацрайонов лишь положительные результаты, способствуя большему вниманию со стороны партии и Соввласти творческой работе в нацрайонах и исправлению имеющихся там недостатков в этом отношении.

Говорил я с Бабиковым около двух или трех часов. О положении революции в России в моей оценке, о китайской революции и вообще значении и роли колониального вопроса в международной революции, о состоянии нацвопроса в СССР, о моих разногласиях с партией по нацвопросу, о возможности поражения революции на почве "крена вправо" и о необходимости подготовки на этот случай организованного сопротивления наступающей реакции. Я допускал возможность захвата Казани и других городов и вообще районов Татарии и Башкирии в случае поражения революции русской черносотенной монархической организацией, которая устроила бы беспощадную резню в этих районах татарского населения, в первую очередь татарской интеллигенции, поскольку она в массе своей, за исключением единичных случаев, сочувствовала и поддерживала Советскую власть и работала вместе с нею. Предотвращение же этой резни, по моей постановке, возможно было в двух случаях: или организованный захват власти в критический момент (т.е. в момент, когда уже становится ясным поражение и уход Советской власти и замена ее черносотенной реакцией) в руки заранее подготовленной и тщательно замаскированной национальной революционной организации под лозунгом объявления соответствующих районов независимым государством, т.е. решиться на самый крайний и отчаянный шаг, или же, если это окажется почему-либо невозможным, организовать восстание туземных масс против "новой" и реакционной власти. И тот, и другой случай, таким образом, требовал подготовки организованного ядра той революционной силы, которая могла бы проделать в нужный момент эти операции Исходя из последней необходимости, я высказался за сохранение и продолжение работы представляемого Бабиковым кружка татарских врачей и, если это возможно, постепенно

расширить его организационно на основе следующих, однако, обязательных условий:

а/ подпольная работа кружка должна быть направлена не против Совласти и компартии, а против роста и оформления великорусского национализма в нацрайонах как реакционной силы и его влияния на партийные и сов. аппараты на местах;

б/ кружок на данный период времени ведет исключительно пропагандистскую работу, поставив задачей перенесение центра тяжести в своей работе на рабоче-крестьянские массы с тем, чтобы постепенно превратиться в массовую боевую революционную организацию;

в/ лозунг защиты Советской власти, независимо от нашего недовольства отдельными ее мероприятиями и независимо от отношений к ней отдельных групп населения, до конца должен оставаться действительным и реальным лозунгом. Защита Советской власти не на словах, а на деле должна быть обязательной для членов кружка и соприкасающихся с ним масс;

г/ агитацию против Совласти и компартии можно начать лишь после того, если действительно произойдет перерождение.

Против этих постановок Бабиков не возражал.

Позднее, когда я связался с Бакиевым и узнал от него о существовании в Казани подпольного татарского студенческого кружка, я справлялся относительно Бабикова о том, не известно ли о существовании подобного же кружка среди татарских врачей. Из ответа Бакиева я понял, что Бабиков в их кружке не числится и что вообще его, как общественника, в Казани не знают. Из этого я заключил, что Бабиков, очевидно, был подослан ко мне или Вами, или же кем-нибудь другим, и в следующий раз, весной 1928 г., я его уже не принял и отказался с ним разговаривать.

Перехожу к Бакиеву и его "кружку".

При каких условиях встретился я с Бакиевым, я уже говорил в одном из своих показаний. Встретился я с Бакиевым, как с бывшим редактором газеты "Кызыл Байрак" («Красное Знамя»), органа Казанского мусульманского социалистического комитета, во время разгара нашей борьбы с татарскими националистами после Октябрьской революции. Из разговора выяснилось, что Бакиева отстранили от дел и выставили из партии еще в 1919 году ставший потом известным своей уголовщиной Исмаил Рахматуллин и его компания. Рассказывал об этом Бакиев с болью в душе, говоря, что потом уже пути вступления в партию оказались для него закрытыми.

Из дальнейших разговоров выяснилось, что Бакиев относится отрицательно к той группе татарских партийцев, которые руководили в то время работой в Татарии (Габидуллинская группа "умеренно левых"). Относился он отрицательно в целом и к группе "ультра-левых", а также персонально к отдельным работникам из "правых", в частности, к Исхаку Казакову, Ганиеву и т.д. Меньших из "левых" он считал карьеристами или просто авантюристами, использующими свое пребывание в партии в личных целях, как Фатых Сайфи, Габидуллин и другие. Исхака Казакова он считал бюрократом. Ганиева недолюбливал потому, что тот отказывался беседо-

вать с ним самим и его товарищами. Оценивал он положение в Татарии в общем пессимистически, находя, что "левые" своей работой дискредитировали в глазах масс Советскую власть и партию и лишь усилили и без того сильное реакционное татарское движение среди русского населения, охватившее, по его освещению, даже определенные круги русских рабочих. Когда в этих разговорах установилась более или менее общая точка зрения по отдельным вопросам оценки существующего положения в Татарии и отдельных групп татработников, Бакиев в одном из разговоров сообщил мне, что он является членом подпольного кружка учащейся молодежи и группы литературных работников-татар в Казани и имеет поручение от имени членов кружка поговорить со мной по ряду вопросов, а именно: мои взгляды насчет дальнейшего развития революции и необходимости постановки нацвопроса и мои соображения насчет целесообразности организации подпольной работы вообще в современных условиях. Я ему изложил уже в более отчетливой форме то, о чем я говорил в свое время с Бабиковым, т.е. об усилении, как мне казалось, влияния русского национализма в революции, о неизбежности перерождения, а затем и краха революции на этой почве, если не будет оказано организованного сопротивления этому явлению, о необходимости подготовки к возможному падению Советской власти в России и временной реставрации буржуазно-монархического строя с тем, чтобы в любой момент можно было организовать против наступающей или наступившей реакции массовое вооруженное восстание, о необходимости соответствующей формы постановки нацвопроса в этом случае - конкретно о независимой Туранской народно-демократической республике и о целесообразности со всех этих точек зрения существования и дальнейшего развития всяких подпольных пропагандистских кружков и не только среди студенчества и интеллигенции вообще, но также и среди рабочих и крестьян. Возможность государственного отделения тюркских районов от России в этом случае я аргументировал тем, что независимо от возможного сопротивления этому ряда зап[адно]европейских капиталистических государств (я исходил из того, что зап[адно]европейский империализм, исходя из стремления укрепить явившееся на смену Совласти буржуазное правительство, а также из боязни политического усиления мусульманского Востока вообще, не будет поддерживать, а наоборот, будет препятствовать отделению восточных районов России; сегодняшний лозунг международного империализма об отделении из СССР ее нацокраин является, по моему мнению, лишь тактическим маневром, рассчитанным на борьбу с Совластью; "на другой день" он откажется от этого лозунга). При известной активности масс, четкости поставленных задач и организованности руководства цель эту можно достигнуть, опираясь на аналогичное стремление Кавказа, Украины и других нацокраин России и установив военно-политический союз с ближне- и средневосточными государствами - Афганистаном, Персией и Турцией. Смехотворность, а потому и иллюзорность моих предположений в последней части заключалась в том, что упускал тогда из виду одну "маленькую" вещь, а именно, что, если бы международный империализм оказался в состоянии разбить СССР, то ему ничего не стоило бы переоформить по своему "образу и подобию" правительства в указанных трех

восточных государствах и превратить в "игрушку" в своих руках и Туранскую "республику", если бы даже удалось ее создать. Сегодняшние события в Афганистане красноречиво говорят именно об этом.

Необходимость сохранения и продолжения работы представляемого Бакиевым подпольного кружка я обусловил, однако, теми же рамками, которые были выставлены мною в одно время перед Бабиковым. Предварительные разговоры между мной и Бакиевым велись в ЦКС, когда он пришел ко мне за работой, а основные разговоры - частично у меня на квартире (когда мы оставались вдвоем), а большей частью на улице или же где-нибудь в столовой.

По выработанному между нами плану Бакиев при своих выездах на места (мне удалось устроить его разъездным инструктором сначала в Центросоюз, а затем во Всекооппромсоюз, хотя т. Енбаев и возражал против этого, находя недостаточной кооперативную квалификацию Бакиева) должен был зондировать почву насчет возможности организации небольших ячеек нашей организации на местах. Он был два раза в Башкирии в конце 1926 года и весной 1928 года на курсах Башкустпромсоюза. Первый раз ему, по его словам, ничего не удалось сделать, а во второй раз он, кажется, кое с кем договорился. С кем именно, не знаю. Выезжал он также в конце ли 1927 г. или в начале 1928 г. - уже не помню, в Казахстан и Киргизию. Но там ему, по его словам, ничего сделать не удалось, т.к. всюду он встречал или большую трусливость или недоверчивое отношение к нему соприкасающихся с ним работников. При выездах на места Бакиев обычно спрашивал у меня, нет ли кого-нибудь на местах, с кем бы я мог связать его, но за отсутствием таковых, я ему никаких явок или адресов не давал. Был Бакиев несколько раз и в Казани, между прочим - во время подачи заявления тат[арской] интеллигенции по вопросу о латыни[175] (рассказывал, что "наши ребята" также приняли участие в этой петиции). Несмотря на мое доверчивое отношение к Бакиеву вначале, у меня постепенно, однако, стало вкрадываться сомнение в его искреннем отношении ко мне. На этой почве между нами, между прочим, во время встречи нового года, накануне начала 1928 года, у меня на квартире произошел инцидент, правда, уложенный потом мною, когда я его публично при всех оскорбил действием и назвал "провокатором" (вечер был созван по инициативе ассистента физмата Московского университета Муштариева и преподавателя Коммуниверситета трудящихся Востока Мухамеда Терегулова и состояла исключительно из советской "ученой" беспартийной татинтеллигенции - врачей, педагогов и т.д., присутствовало всего около 20-ти человек; собрались у меня исключительно потому, что больше ни у кого не оказалось подходящего помещения. Оскорбил я Бакиева ввиду его нетактичности по отношению ко мне, выразившейся в том, что он вздумал выступить на этом собрании с политической речью и с тостом за мое здоровье как "вождя"). Это подозрение мое в значительной степени поддерживалось еще тем, что постепенно выявлялся ряд противоречий в отдельных постановках Бакиева и известное упорство его в стремлении толкнуть меня (и не только меня лично, но вообще "правых", поскольку из отдельных разговоров с ним ему была известна моя связь с последними) на большую активность в подпольной работе. Разговоры с выражением недовольства моей тактикой (и так-

тикой "правых" вообще) и вообще требование большей активности в работе ставились со стороны Бакиева, главным образом, после его приездов из Казани. Требования эти шли по следующей линии:

а/ необходимость фиксирования на бумаге программы и вообще выработки этой программы и ее уточнения (кто мы: социалисты или националисты, наша соц[иальная] опора, основные цели и задачи и т.д.). По этому вопросу Бакиев допускал даже "возможность разрыва между нами" и т.д.;

б/ необходимость пересмотра моей тактики и тактики татарских коммунистов вообще (независимо от того, "правые" это или "левые") в смысле определения нашего отношения к этой тактике. В данном случае подразумевалась тактика внутрипартийной фракционно-групповой борьбы. Конкретно предлагалось "бросить всю эту словесную шумиху" и "словесную борьбу" со всякими хатаевичами и петропавловскими, оставить их в покое и заняться "углубленной работой среди масс". Позднее Бакиев стал развивать мысль о необходимости ухода туземных коммунистов вообще из партии;

в/ пересмотр методов работы вообще. Как идеальный метод работы для туземных оппозиционно настроенных коммунистов предлагался метод работы общей оппозиции - непосредственное обращение к массам, устная и печатная агитация и т.д.;

г/ необходимость созыва в ближайшем будущем конференции или съезда имеющихся на местах подпольных кружков (Казань, Астрахань, Москва) для выработки общей программы, тактики и стратегии, т.е. требование об оформлении партии.

Противоречия отдельных бакиевских постановок заключались в том, что он часто менял эти постановки. Так, по вопросу о выступлении казанской интеллигенции по поводу латинизации татписьменности - он разделял это выступление и считал его целесообразным революционным актом, а потом уже, после того, как начались преследования выступавших по этому вопросу, начал развивать мысль о том, что этим своим шагом туземная интеллигенция дала возможность лишь разгромить себя и т.д. Или по вопросу об "активности". Человек, выражавший недовольство тактикой "правых" коммунистов (отстаивание своих взглядов методами внутрипартийной борьбы) в последнее время вдруг заговорил о том, что туземным работникам при настоящих условиях необходимо принять тактику "полнейшего сочувствия Соввласти и партии" снаружи и "глубочайшей конспиративно-подпольной работы" на деле, т.е. тактику политического лицемерия.

Я ему заявил, что не разделяю этих его постановок. В вопросе же необходимости фиксации программы, перемены тактики и оформления существующих кружков или групп в организацию я лавировал: всячески их оттягивал или откладывал, т.к. в действительности я считал это преждевременным, ненужным и пока что вредным. Я считал, что сначала необходимо создать сеть отдельных кружков и групп на местах, строго проверив их личный состав, их истинно политическое лицо (не скрывается ли под этим настоящая контрреволюция), отсеять от них ненужные элементы и только потом уж, когда действительно назреет необходимость их объединения, созвать сначала предварительно, а затем и настоящую их конференцию.

В моей постановке, в целях конспирации и замаскирования движения в будущем, было наоборот даже выгодно иметь дело с не связанными друг с другом и не знающими друг друга кружками. Тем более, что основную стратегическую функцию этих кружков я определял как роль буфера при неизбежности столкновения туземных коммунистов с туземными националистами, если бы произошло поражение революции. Создание этого "буфера" я считал необходимым исходя из тех соображений, что без этих предохранительных мер мы в случае поражения революции могли бы потерять лучшую и самую многочисленную часть туземной интеллигенции вообще, поскольку это определялось условиями развития революции в нацрайонах. Я говорю о туземных коммунистах вообще, без подразделения их в данном случае на "правых" и "левых". Уничтожение же этой силы, а это произошло бы неизбежно при торжестве реакции, было бы равносильно уничтожению 80-90 процентов туземной интеллигенции, было бы равносильно скальпированию головы* общественного организма нацрайонов. И это было бы на руку той же реакции.

Тем не менее я вынужден был принять некоторые требования Бакиева. Дело в том, что по линии необходимости фиксации и уточнения программы и необходимости созыва для этой цели конференции нажимала и астраханская группа, о которой я буду говорить отдельно.

Результатом этих моих уступок Бакиеву явилось то, что я согласился связать его с представителями астраханской группы и свел его с ними весной 1928 года; во-вторых, согласился на совместное обсуждение в его присутствии с астраханцами вопроса о необходимости созыва подпольной конференции имеющихся в наличии кружков и, в-третьих, согласился войти в непосредственную связь и побеседовать с представителями казанского кружка во время еще первой своей командировки в Казань летом 1928 года.

Обсуждение нами вопроса о созыве конференции происходило в номерах на Зацепе** у приехавшего из Астрахани члена астраханского кружка Бадамшина (член коллегии астраханских защитников /адвокатов/; в последнее время, кажется, выдвигали пом[ощником] прокурора Астрахани). Присутствовали на совещании: Бадамшин, Бурган Бакиев, Шамсутдинов (о котором я уже упоминал в одном месте) и я. Обсуждался вопрос о созыве конференции имеющихся на местах кружков. Местом конференции определили Москву. Временем - по возможности рождественские каникулы, когда бывают свободны студенты. Основным вопросом конференции определили программный вопрос; т.е. точное определение наших целей и задач, тактики и стратегии и методов организационной и агитационно-пропагандистской работы. Должны были быть поставлены и доклады с мест о состоянии, природе и работе соответствующих кружков. Кроме того, отдельные работники на местах должны были разработать рефераты по отдельным вопросам экономического и культурного развития отдельных тюркских племен, а также по вопросу борьбы с так наз. панрусизмом.

---

* В тексте - «мозга». Сост.

** По сведениям А.Х. Халикова, эти номера находились в трехэтажном доме на месте современного здания Татпотребсоюза на площади Тукая. - Сост.

Встреча моя с работниками казанского кружка произошла вечером в первый день моего приезда в Казань на квартире у студента, быв. партийца Хади Урманчеева (Вознесенская ул., № 1 или 2). Присутствовали на нем: Бакиев, Хади Урманчеев, бывший анархист-журналист Хафизов, студент сельскохозяйственного института Файзуллин (оказался тот самый студент) и я. Бакиев до конца не досидел, а ушел , т.к. должен был выехать в тот же день в Башкирию на курсы кустпромсоюза. Свел меня с кружком Бакиев. Он ехал до Казани вместе со мной из Москвы. За исключением Файзуллина, все остальные члены кружка оказались знакомыми мне работниками. Хафизова я знаю с 1918-1919 гг., когда он работал в редакции московских татарских советских газет, как единственного экземпляра татарского анархиста, Хади Урманчеева - с 1919-1922 года по его работе в Центромусвоенколлегии, а затем по Комуниверситету трудящихся Востока (он учился там, а я был лектором; работал он некоторое время в Туркестане, где, однако, был исключен из партии). Таким образом, на собрании оказалось трое бывших партийцев, один быв[ший], а может быть не только "бывший", анархист и один беспартийный студент (а может быть, даже комсомолец - я не знаю). Целью моей связи в данном случае была проверка "кружка": что это за кружок, кого объединяет, какие ставит задачи и какую работу ведет фактически и какие вопросы имеет в отношении перспектив дальнейшего своего существования. Выяснить мне удалось следующее: кружок все еще находился в стадии оформления, т.е. в стадии собирания сил и является кружком пока что чисто пропагандистским. Отдельными членами кружка написаны рефераты по некоторым вопросам, но читаются они лишь в кругу кружка. Не членам пока не дают. В частности, по-видимому, коллективно, составлена "схема критики философии". Автором ее, судя по полемике со мной, является Хади Урманчеев. Напечатана она у них на татарской пишущей машинке, но под другим названием. У меня в делах должен быть экземпляр. Проект этот, по словам Х. Урманчеева, является лишь введением к его настоящему труду - к "критике философии", которым он думает заняться. Я заинтересовался этим делом и спросил Х. Урманчеева, долго ли он думает посидеть над ней, - лет пятьшесть, ответил он мне.

Я посмеялся, дал ему совет не затягивать этого дела на такой долгий срок, если он действительно думает заняться делом.

После первого собрания я заходил к Х. Урманчееву, познакомился с его введением в "критику философии". С первых же почти строк между нами началась полемика, т. к. с первой же страницы у него начинается утверждение о "субъективности" вообще всякой философии. В процессе чтения я уловил ряд противоречий, говорящих вообще об идеалистической основе урманчеевской философии. Дочитать до конца рукопись не удалось, т.к. было поздно. Я остался ночевать у Урманчеева. На другой день пробежал наспех конец его рукописи и оставил автору записку с указанием, что труд этот (введение) надо закончить поскорее и что пустить ее "в публику" можно будет лишь после тщательного просмотра отдельными и компетентными в этом товарищами, причем заранее предупреждал, что лично я сам буду отстаивать строго материалистическую философию. Я ставил это как обязательное условие. Так что уже в этом - и самом основном - вопро-

се с самого начала наметилось расхождение между руководящими членами кружка и мной, и я увидел, что Бакиев был прав, говоря, что при обсуждении программных вопросов «мы можем даже разойтись». Работа кружка, по словам руководителей, сосредоточена лишь в Казани среди учащейся молодежи в вузах. Основная ячейка в сельхозинституте. Численно кружок, по-видимому, не велик - от двух до трех десятков человек. Когда возник кружок, я не спрашивал. По-видимому, еще до 1925 года, поскольку Файзуллин приезжал к нам в Москву в 1925 году от уже существующего кружка. О личном состоянии кружка я не спрашивал. Думал сделать это позднее. Я дал совет членам кружка распространить организационную работу также в рабочую и крестьянскую среду. Они ответили, что они думали об этом, но решили пока что ограничить эту работу среди учащейся молодежи и интеллигенции.

Основная программа кружка сводится к следующим моментам:

а/ пропаганда необходимости фактического осуществления лозунга национального самоопределения в Татарии по линии экономической, политической и культурной;

б/ борьба с ростом черносотенных настроений среди русской интеллигенции и вообще с великорусским национализмом;

в/ пропаганда идеи федеративного объединения тюркских республик;

г/ подготовка вооруженного сопротивления против черносотенно-монархической реакции в Татарии в случае поражения Соввласти в связи с угрозой военной опасности;

д/ содействие всяческими путями культурному росту татарской деревни.

Первое наше совместное собрание (хотя оно было не только первым, но и последним, т.к. больше мы ни разу не собирались) было посвящено, так сказать, взаимному ознакомлению друг с другом. Товарищи поставили передо мною вопрос о том, что они хотели бы выслушать меня по вопросу оценки мною происходящих в СССР и в международном масштабе политических событий, о моих взглядах на дальнейшую судьбу революции в России и выхода из положения, если бы революция потерпела поражение в результате военного столкновения Соввласти с мировым империализмом. Я им изложил сложившиеся у меня по всем этим вопросам взгляды. Не знаю, какое впечатление получилось у моих собеседников. Я полагаю, что мрачное, т.к. чисто субъективные настроения мои в этот период были крайне мрачны. Я находился, во-первых, под сознанием нашего поражения (т.е. поражения "правых" таткоммунистов) по вопросу выступления с платформой по нацвопросу и одновременно - идеологического и организационного разложения нашей среды; во-вторых, под сильным впечатлением нашего поражения в Крыму, в частности - утраты Вели Ибраимова (я не хочу скрывать от Вас, что расстрел Вели я воспринял крайне болезненно, болезненно на него реагировал, т.к., несмотря на отрицательное мое отношение к поведению Вели, все же я считал наказание, которое Вы ему дали, слишком суровым). Мои выводы вкратце можно было сформулировать:

Наступает реакция; неизбежно поражение революции, если только органы, руководящие революцией, т.е. Коминтерн и ЦК партии не сделают

решительного поворота влево; надо готовиться поэтому ко всяким неприятным возможностям.

Такая постановка с моей стороны была при тогдашних условиях вполне естественной, т.к. позиция и ЦК партии, и Коминтерна по многим вопросам, в частности, по вопросу о борьбе с правой опасностью, была еще не совсем ясной. Это было перед VI конгрессом Коминтерна и накануне июльского пленума ЦК партии, следовательно, задолго еще до ноябрьского пленума ЦК партии, когда позиция ЦК по основным вопросам развития революции определялась совершенно ясно и отчетливо.

Организационный мой вывод в отношении кружка, с членами которого я беседовал, сводился к следующему:

- Продолжайте вашу пропаганду, поставьте непременной задачей расширить свое влияние на татарских рабочих и крестьян, но от агитации и всяких других активных действий пока воздерживайтесь.

Выслушав меня, товарищи поставили передо мной ряд вопросов, требующих уточнения и ясности постановки. Вопросы эти в основном сводились к следующим моментам:

а/ классовая опора и внутреннее социальное содержание проектируемой нами в будущем республики (на основе диктатуры какого именно класса она должна быть организована: пролетариата, крестьянства, буржуазии или "блока"?).

Я им ответил, что , лично по моему мнению, поскольку вопрос о создании самостоятельного государства может возникнуть реально лишь в связи с поражением социалистической революции, возникшей на этой почве необходимости самообороны нацрайонов от реставрирующейся черносотенно-монархической и великодержавной шовинистической реакции со всеми ее атрибутами "единого и неделимого", то нечего и мечтать о возможности сохранения диктатуры пролетариата на таком крестьянском "островке", каким являются тюркские районы СССР и что принцип этот придется заменить лозунгом "блока классов" с преобладанием в нем влияния крестьянства;

б/ наша стратегия и тактика в отношении международного империализма и отдельных групп империалистических государств в случае поражения революции: не возникает ли необходимость лавирования с империализмом и между отдельными его группами и не потребует ли эта "тактика лавирования" необходимости временного завуалирования нашего основного лозунга - лозунга борьбы с империализмом, т.е. не придется ли нам, попросту говоря, спрятать на время куда-то "во внутренний тайный карман" лозунг борьбы с империализмом и с отдельными империалистическими странами в целях получения от них кредитов, вооружений и вообще признания?

Я им ответил, что вопрос этот лично передо мной не стоял, т.к. я надеялся на внутренние силы тех групп народностей, которые, по моему проекту, должны были быть включены в отдельную от России Туранскую республику (между прочим, собеседники мои возражали против названия "Туранской", находя его неверным исторически), что вопрос этот действительно может встать, но что придется разрешать его в высшей степени осторожно, т.к. малейший неосторожный шаг в этом вопросе может оказать-

ся гибельным для нас и привести нас к политической изоляции не только от широких народных масс внутри проектируемого нами государственного образования, но и от сопредельных с нами восточных колониальных и полуколониальных стран;

в/ об отношении к интеллигенции. Не придется ли нам изменить наше отношение к отдельным группам нац. интеллигенции, в частности к духовенству, поскольку известные его круги будут в состоянии влиять на крестьянские массы? Я им ответил, что по моим планам, отношение к туземной интеллигенции должно быть в этом случае тактическое, но с определенным и твердым курсом на создание и воспитание собственной революционной интеллигенции, что в создаваемую нами партию может быть включена только трудовая интеллигенция, и что по отношению к буржуазной интеллигенции, в том числе к духовенству, может стоять вопрос лишь о диктатуре над ними.

Вот круг вопросов, который был затронут на этом нашем собрании. Решено было все затронутые вопросы в ясной и точной формулировке и с необходимым их обоснованием за и против, как вопросы, подлежащие общему нашему решению, перенести на предполагаемый нами к созыву зимой 1928 г. или к весне 1929 г. съезду или конференции в Москве, о котором я уже говорил. Все эти разговоры носили характер взаимного ощупывания друг друга для выявления хотя бы контура настоящего лица договаривающихся сторон. Все эти вопросы, которые должны были интересовать нас при этом, конечно, охвачены быть не могли.

Других собраний я с казанским кружком больше не устраивал. Виделся после этого раза два с Хади Урманчеевым в следующих командировках. Заходил к нему в первый раз за его "Введением в критику философии", т.к. первый раз он мне его показывал, рукопись еще не была перепечатана на машинке, и разобраться в ней было трудно. Второй раз я заходил к нему на обратном пути из Краснококшайска, рассказывал ему о своих встречах там с высланными оппозиционерами.

Встретил еще как-то на улице во время второй командировки (август 1928 г.) Хафизова; Хафизов жаловался, что его преследуют и не дают спокойно работать, и что в связи с создавшейся вокруг него тяжелой атмосферой думает уехать на время из Татарии куда-нибудь в Среднюю Азию или в другой какой-нибудь нацрайон.

Последний раз я его видел в Москве так приблизительно в начале или в десятых числах сентября пр[ошлого] года. Видел его раза три. Заходил он ко мне сам. Ездил со мной один раз на дачу. Приезд свой объяснил желанием подыскать работу где-нибудь вокруг Центроиздата или в каком-нибудь учреждении или же попытаться через кого-нибудь устроиться на работу в восточных районах. Просил меня подыскать ему какую-нибудь работу. Я ему откровенно заявил, чтобы он на меня в этом вопросе не рассчитывал вовсе, т.к. при всем своем желании не сумею сделать этого. Через несколько дней после этого он заходил ко мне во Всероохотсоюз и сообщил, что встретил приехавшего из Персии Маликова, который хорошо его знает, и последний предложил ему поехать вместе с собой за границу для работы в качестве переводчика, и что он пришел попрощаться со мной.

Мне показалось немного странным такая его "внезапная дружба" с Маликовым и такое быстрое решение его принять предложение о поездке за границу, и, смеясь, ответил: "Ладно, поезжай, если уж так решил... Не забудь лишь поагитировать среди персов за Туранскую республику".

Но дело это у него как будто не вышло, т.к. после этого Хафизов заходил ко мне еще "уже последний раз", по его собственным словам, и сообщил, что ввиду малого срока времени, оставшегося до отъезда Маликова в Персию, очевидно, не удастся выхлопотать разрешения на его имя для выезда за границу и что он решил до следующего приезда Маликова поехать в Закавказье и устроиться при его содействии на работу в Баку или в Тифлисе. На всякий случай он попросил меня написать кому-нибудь из бакинских, тифлисских работников письмо, чтобы можно было в случае нужды обратиться за содействием в подыскании работы. Я ему ответил, что в Баку никого не знаю (я воздержался от того, чтобы назвать ему кого-нибудь из бакинских "правых", т.к. допускал возможность его неискренности) и что единственный человек, которому могу направить его с такого рода письмом, - это тов. Фирдевс. Я хотел использовать передаваемое через него письмо, чтобы сообщить тов. Фирдевсу о том, что он по многим вопросам оказался прав. Письмо было очень короткое, всего на четвертушке листа, и оканчивалось просьбой содействовать подателю в приискании работы, если он будет просить об этом. Но в этом простом письме все же была скрыта небольшая тайна, которая, однако, не могла быть понятна непосвященному. Заключалась она в том, что между мной и тов. Фирдевсом еще в 1921 году было решено, что направляя друг другу кого-нибудь с письмом, мы будем ставить условную пометку в письме где-нибудь в середине или в конце с варьированием слов "яхшы" (хороший) и "яман" (плохой). Первое слово означало, что подателю можно верит вполне, второе слово означало, что ему нельзя верить совершенно. Отсутствие же в письме того или другого слова должно было означать, что к человеку следует относиться с некоторым подозрением. После же исключения меня из партии между нами было установлено, что вообще мы не будем направлять друг другу людей с письмами, и что в тех случаях, когда будут приходить те или иные лица с письмами или записками, следует относиться к этим людям с подозрением. Передал ли Хафизов это письмо Фирдевсу и где он находится в настоящее время, не знаю. Возможно, что Маликов взял его с собой в Персию.

С Файзуллиным я больше не встречался.

Бакиев заходил ко мне раза два после командировки своей в Башкирию и ставил вопрос о "перемене тактики" в том смысле, в каком я уже осветил, а именно, "глубокое сочувствие власти и партии снаружи и глубокая и подпольная работа - изнутри". Он требовал ответа на этот вопрос "от имени казанских товарищей". Я ему решительно заявил, что не разделяю этой лицемерной тактики, считаю ее противоречивой и стою за лозунг: или глубокая подпольная работа, или открытое признание существующей Советской власти и партии с полным отказом от какой бы то ни было подпольной работы.

В последнюю командировку я выяснил у тов. Х. Урманчеева, почему они так ставят вопрос и верно ли это. Х. Урманчеев ответил мне, что ни-

кто из них и не поднимал такого вопроса, за исключением самого Бакиева, и что, наоборот, Бакиев выдвигал эту постановку перед ними, выдавая его за сложившееся мнение "московских товарищей".

Что скрывалось в действительности под этим предложением Бакиева, исходило ли оно от него самого или же со стороны кого-нибудь другого, для меня, таким образом, осталось нерешенным.

Для меня было ясно лишь одно, а именно: без тщательной проверки всех тех, кто был связан со мной из беспартийной интеллигенции после исключения меня из партии, нельзя продолжать дальше подпольную работу среди беспартийных вообще. Но с выводом этим своим я "несколько" опоздал. Через две недели после моего отъезда из Казани я был арестован Вами в г. Глазове.

С астраханской группой сторонников Туранской республики я связался с начала 1925 года через упомянутого мною Бадамшина. Знаю я его с 1918-1919 г., когда он учился в Москве. В то время никаких политических разговоров с ним не вел. В начале 1925 года я его встретил в кругу студентов, с которыми мы с Валидовым вели переговоры о возможности создания сети студенческих пропагандистских кружков, т.е. Хантемирова и Ходжаева. Переговоры с Бадамшиным предварительно вел, насколько у меня сохранилось в памяти, Юн. Валидов. Бадамшин согласился вести работу в районе Астрахани. Связи с ним вплоть до осени 1927г., т.е. в течение более двух с половиной лет, я, однако, не имел. Так как я думал, что после смерти Валидова, а с другой стороны - после отказа в ведении пропагандистской работы со стороны Ходжаева и Хантемирова, находившихся в свое время в связи с Бадамшиным, астраханский вопрос ликвидируется сам собой, тем более, что Астрахань не подавала признаков жизни и сама. Связь моя с Астраханью возобновилась лишь осенью или в начале зимы 1927 года, после моего знакомства с аспирантом научно-исследовательского института этнических культур народов Востока Шамсутдиновым (он, кажется, комсомолец или кандидат в члены партии). Сообщил он мне о своей связи с астраханским кружком "туранистов" после большой моей полемики с ним по вопросам развития культуры у тюркских народов СССР и, в частности, у татар в связи с вышедшей в свое время брошюрой Галимджана Ибрагимова по этому вопросу*. Полемика эта происходила в гостях у одного татарского кустаря-скорняка Мубарака Салимова, общего нашего знакомого. Присутствовал во время полемики и старый татарский журналист из Астрахани Нэжиб Гасри, работавший в это время в Москве. (С Н. Гасри я до этого виделся два раза у М. Салимова, где он квартировал и имел разговор с ним в конце 1925 или в начале 1926 г. по вопросу о латыни и в 1927 г. к концу лета, когда мне надо было взять у него список избранных произведений художественной литературы узбеков и туркмен; имеет ли он какое-либо отношение к астраханскому кружку, мне не известно; вообще в его присутствии разговор об этом не поднимался). Н. Гасри в полемику не вмешивался, иногда лишь вставлял кое-какие замечания. Полемика развернулась вокруг вопроса о существе

* Имеется в виду брошюра Г. Ибрагимова "Татар мәдәнияте нинди юл белән барачак?"- Казан, 1927.-40 стр. - Сост.

национальной культуры и условиях ее развития. Шамсутдинов был склонен защищать в этом вопросе формулу Гал. Ибрагимова - "язык определяет культуру" и "язык - орудие культуры". В нем, так сказать, сразу сказался лингвист. Я выступил с решительным возражением против этой формулы и вскрыл всю несуразность, идеалистичность и лживость этой формулы и противопоставил ей другую формулу, формулу диалектическую, а именно: "Культуру определяет экономика, а язык является лишь надстройкой экономической базы". Исходя из этого принципа я выставил положение, что "национальную культуру", поскольку ставился вопрос о ее необходимости, можно создавать и развивать лишь на основе "национальной" экономики в широком смысле этого слова. Выводом моим явилось, таким образом, положение, что, если хочешь иметь "национальную" культуру, то добивайся известной системы национальной экономики, состояние которой определяет и состояние самой национальной культуры со всеми ее надстройками, независимо от того, в какой государственной системе развивается данная национальность - буржуазно-капиталистической или советской. Причем я отрицал возможность широкого и углубленного развития "мелких" национальных культур и высказывал предположение об ассимиляции с культурой более сильных соседних племен и народов. Речь в данном случае шла конкретно о татарской, башкирской, казахской, узбекской, туркменской и прочих национальных культурах. Я доказывал, что если эти "культуры" не сольются в одну общую массу и взаимно не ассимилируют друг друга, то неизбежен процесс постепенного "поглощения" их русскими на Западе (татары и башкиры) и китайцами или индусами - на Востоке. Отсюда мой конечный вывод о необходимости создания Туранской Федеративной Советской Социалистической Республики в системе СССР и необходимости полного государственного отделения от России в случае поражения революции. Шамсутдинов заинтересовался моей постановкой этого вопроса. Я ему ответил, что наиболее удовлетворяющей меня постановкой я считаю создание четырех крупных национально-советских массовок* на Советском Востоке, которые должны быть включены в Советский Союз на равных совершенно с Украиной правах: 1/ Федерации Урало-Волжских Советских Социалистических Республик в составе Башкирии, Татарии, Чувашии, Маробласти и Вотобласти; 2/ Общекавказской Федерации Советских Социалистических Республик и областей с включением всех нацреспублик Закавказья, нацобластей Северного Кавказа, Дагестана, Калмобласти и Кубано-Черноморья (последнее по соображениям экономической цельности всего района в целом); 3/ Казахстана как союзной единицы и 4/ Средне-Азиатской, или собственно Туранской республики в составе Узбекистана, Туркмении, Киргизии и Таджикистана, как равноправных в федерации единиц. Проект этот, по моему мнению, не противоречит, а, наоборот, гармонирует с практикой и намечающимся планом укрупненного районирования РСФСР, исключающим необходимость создания особой "великорусской" республики (Сибирь, Урал, Центрально-промышленный район, Ц[ентрально]-Черноземная о[бласть], Средне-Волжская область, Нижне-Волжская область и т.д.). По-

* Так в тексте.- Сост.

становку свою я считал поэтому идеальной постановкой разрешения нацвопроса в смысле законченного государственного размежевания СССР, вполне совпадающего и с принципами национальной политики пролетариата, т.е. с ленинизмом в нацвопросе, и с принципами целесообразной организации экономического районирования СССР. Я находил, что такая форма разрешения нацвопроса, являя собою истинное выражение и пример пролетарского интернационализма в этом вопросе, "на вечные времена" " всерьез и надолго" обеспечила бы крепкий союз угнетавшихся ранее национальностей с русским пролетариатом, гарантируя тем самым Советскую власть от поражения при нападениях на нее извне.

Развил я перед Шамсутдиновым и мои взгляды насчет моей постановки нацвопроса в России на тот случай, если бы Советской власти в результате военного столкновения СССР с мировым империализмом суждено было потерпеть поражение. Сущность этого моего взгляда Вам известна. Я ее уже излагал. Шамсутдинову я, однако, всей моей постановки в целом этого вопроса не изложил и сознательно затушевал или скрыл от него конспиративную сторону этого вопроса (о том, что этот вопрос в моей постановке в целом является тактическим маневром временного отступления на позиции туземного национализма в целях завуалирования основной цели движения за туранизм как нового и своеобразного средства борьбы с временно наступившей буржуазно-капиталистической или черносотенно-монархической реакцией в России в случае поражения революции). Я указал ему, что моя постановка вопроса в этом случае сводится к необходимости организации вооруженного восстания против наступившей реакции с лозунгом отделения от России тюркских ее районов и создания Туранской Народной Республики. Шамсутдинов осыпал меня градом вопросов: кто должен организовать это дело, что это будет за «народная» республика, откуда для этого возможно будет достать средства, вооружение и т.д., до каких пределов должна будет простираться территория Туранской республики в этом случае, до каких пределов и на какие стратегические центры необходимо будет наступать при организации восстания и т.д. Договорился он даже до того, что поставил передо мной вопрос о том, какова должна быть ... школьная программа в проектируемой мною республике. Словом, мой собеседник возбудил во мне основательнейшее подозрение насчет своей особы. И когда хозяин квартиры и Нэжиб Гасри куда-то вышли, и мы с Шамсутдиновым остались вдвоем, я ему ребром поставил вопрос, а кем же он, собственно говоря, является. И он мне сообщил, что он является членом астраханского пропагандистского кружка «туранистов», в котором состоит и Бадамшин, что он об этом сразу мне не заявлял, т.к. ввиду почти трехлетнего отрыва Бадамшина от меня, астраханцы не знают, продолжаю ли я стоять на тех же позициях, которые развивал среди беспартийного студенчества в 1924-25 гг. Я удовлетворился его ответом и спросил, имеет ли какое-либо отношение к кружку Нэжиб Гасри. Шамсутдинов ответил, что не имеет, т.к. кружок организован лишь из молодежи. Мы тогда договорились с ним, что он должен будет вести пропагандистскую работу среди учащихся московских вузов. Впоследствии, уже весной 1928 года, я познакомил его с Бакиевым, о чем я уже говорил.

Тем не менее целиком Шамсутдинову я не доверял, т.к. три случая заставили меня насторожиться по отношению к нему. Первый случай - это когда он вскоре после описанного мною разговора с ним, под предлогом совета со мной по поводу перехода в другой вуз, повернул опять разговор на уже пройденную тему и стал допытываться у меня насчет некоторых деталей и подробностей высказанных мной мыслей насчет Туранской республики, причем самое направление постановки отдельных вопросов вызывало мое подозрение. Второй раз, когда во время пребывания в номерах у Бадамшина, до прихода туда Бакиева, Шамсутдинов случайно проговорился насчет своего посещения номера Басыра Абдуллина во время его приезда в Москву, а о работе последнего в качестве Вашего секретного сотрудника мне было известно от астраханских таткоммунистов еще с 1921-1922 года. Я тогда спросил Бадамшина, как это понять, и последний мне объяснил, что они вообще сохраняют с Бас. Абдуллиным внешнюю связь в целях завуалирования своей подпольной работы, «чтобы не подпасть под подозрение». Тем не менее, известный осадок тогда у меня остался. И, наконец, третий случай, когда Шамсутдинов, уезжая на летнюю практику в районы Средней Азии, настойчиво допытывался у меня, в каких городах и кого я там имею, чтобы ему можно было установить с ним связь. Я ему указал, что никого не имею (это в действительности так, но чтобы не вызвать его подозрений, я нарочно дал ему адрес З. Булушева в Киргизии, говоря, что, может быть, Булушев даст ему кое-какие материалы по истории повстанческого движения киргизов в 1916 году против царизма). Так что Шамсутдинов находился у меня поэтому на положении испытуемого и мои встречи с ним в дальнейшем напоминали их собственные встречи с Басыром Абдуллиным. Я избегал с ним разговоров на политические темы, а когда осенью он привел ко мне одного нового студента с просьбой о том, не могу ли я оказать ему содействие в устройстве его в Москве на работу, я дал ему понять, что лучше бы было, если бы он перестал беспокоить меня. Так что вопрос об основательном ознакомлении с личным составом астраханского кружка и не только с точки зрения отсеивания его от «подозрительных» элементов, но и с точки зрения проверки идеологического, социального и интеллектуального лица его членской массы передо мною стоял, как самая актуальная задача. Последняя задача имела тем большую актуальность, что в случайно возникшей дискуссии с Бадамшиным и Шамсутдиновым по вопросу о причинах вырождения ногайцев Астраханской губернии, выяснилось, что они стоят на полуидеалистической позиции, полагая, что причиной их отсталости и вырождения является их быт, т.е. они в данном случае, как и все идеалисты, следствие путали с причиной. Так что еще до Казани у меня возникли подозрения насчет выдержанности материалистического мировоззрения астраханцев.

Насколько крупную по численности организацию представляет астраханский кружок, его личный и социальный состав, а также организационная структура, мне не известно. По словам Шамсутдинова, из их группы имеется несколько студентов в Казани. Имеются ли ячейки еще где-нибудь, не знаю. По первоначальному плану Бадамшин в своей оргработе должен был охватить еще г.г. Саратов и Уральск. Успел ли он сделать там что-нибудь, не знаю. Как-то упустил из виду при разговоре с ним.

О существовании каких-либо национальных подпольных организаций в других районах мне ничего не было известно. Связь с мусаватистами я в корне отвергал. То же самое и с алаш-ордынцами.

Вся эта моя работа с беспартийной интеллигенцией от начала до конца проводилась мной сепаратно от моих «правых» товарищей из татарских коммунистов, т.к. полагал, что, если им станет известно об этом акте, то они запретят мне эту работу. Ни одному из них об этом не известно. Не вести же этой работы я не мог. Она вытекала из всей моей позиции в революции, которую я занял, как я уже писал об этом, еще со времени X съезда Советов и даже немного раньше и из неправильной оценки мною перспектив развития соц. революции в России и вообще международной соц. революции на основе ошибочного анализа мною движущих сил революции на Западе и на Востоке. Эту работу мою родило неверие в победоносность соц. революции в России, неверие в то, что Коммунистическая партия сумеет справиться с наступающей на революцию международной и внутренней реакцией и направить развитие революции по пути побед над капитализмом, и вытекающее из этого неверия предположение «гибели» и «краха» революции и вызываемое этими двумя факторами стремление искать «спасения» от призрака наступающей реакции в туземном национализме.

Я сознаю, что фактом продолжения упорствовать в своих ошибках и отстаивать их извращенными путями внутрипартийной (через «правых») и внепартийной (через беспартийную и настроенную националистически интеллигенцию) фракционно-подпольной борьбы я способствовал оживлению мелкобуржуазного туземного национализма.

Архив КГБ РТ.-Ф.4.-Оп.1.-Д.401.-Том 2.-Л.261-283.
Султан-Галиев М. Статьи. Документы. Выступления.- Казань: Тат. кн. изд.-во, 1992.-С. 458-506.

Показания
на следствии по вопросу об эмиграции

25 июля 1929 г.

Вопрос о возможности или невозможности моего отъезда или отъезда кого-нибудь из татарских «правых» за границу, т.е. в эмиграцию, никогда не являлся специальным предметом обсуждения среди нас. Выдвигал я его перед отдельными моими товарищами лишь при обсуждении нами вопроса о моем ответе на предложения ЦК партии о выступлении в печати, мельком и косвенно и не как цельную и созревшую для постановки проблему, а как одну из отрицательных возможностей «разрешения» моего вопроса. Так я ставил вопрос среди них и в первый раз, и во второй раз, поднимая вопрос о своем выступлении в печати. Я ставил вопрос следующим образом: имеется три возможности разрешения моего вопроса: 1) или я отказываюсь от моей позиции, заявляю об этом открыто в печати и вступаю в партию, отказываясь тем самым раз и навсегда от каких бы то ни было попыток противопоставить против линии партии в нацвопросе иную линию; 2) или я не делаю этого, уезжаю за границу и уже там открыто начинаю пропагандировать свои разногласия с партией по этому вопросу и 3) остаюсь в СССР, но и не выступаю с признанием своих ошибок. Я лично начинал анализ свой с конца и указывал, что третий путь означает медленное и верное политическое самоубийство, т.к. нельзя политическому работнику, стремящемуся вернуться обратно в партию, оставаться долго вне ее рядов. Отвергал я и второй путь, как несбыточный и ведущий уже к политическому самоубийству всей группы «правых». По поводу этого пункта товарищи обыкновенно лишь смеялись и никогда всерьез его не принимали. Они в этом случае безапелляционно заявляли: «Брось ты это... об этом не стоит даже говорить...»

Таким образом, само собой передо мной и перед моими товарищами оставался первый путь. Но он оставался каждый раз неосуществленным, и фактически я занимал поэтому в действительности третье положение, т.е. положение индивидуального политического самоубийцы.

Обсуждали мы этот вопрос серьезно как проблему лишь один раз с покойным Юн. Валидовым. Я об этом Вам уже говорил. Настроение это у меня тогда действительно могло возникнуть, и оно действительно возникло и привело нас обоих к известному решению, о котором я тоже говорил уже, после отказа ЦКК в конце 1924 года в обратном приеме меня в партию. Юн. Валидов к этому времени также был вне рядов партии и возился с этим своим судебным делом. Но решение это наше так и осталось решением. Никого из наших товарищей мы в это свое решение не посвятили. Думали работать в этом направлении исподволь. Я скажу даже больше. Об этом, кажется, в первом показании я забыл указать. Перебирая в памяти отдельные факты и разговоры с Юн. Валидовым, уже здесь, в Бутырке, я восстановил в памяти, что это наше решение незадолго до смерти Юн. Валидова нами еще раз было пересмотрено и мы перерешили этот вопрос в том смысле, что уезжать за границу никто из нас не должен, а что

оба мы должны оставаться в СССР. Этому нашему решению содействовало, помимо трезвой нашей оценки всего тогдашнего положения в нашей настоящей и будущей роли в революции, еще и то обстоятельство, что в нас закралось сомнение, действительно ли правилен наш анализ современного положения революции и действительно ли правильны наши выводы. Нас остановил, главным образом, классовый вопрос, т.е. вопрос о классовой базе национально-освободительного движения колоний и его действительных движущих сил, т.е. тот самый вопрос, который через 3-4 года встал уже в процессе грандиознейшей практики революционного движения в Китае и др. колониальных странах перед всем Коминтерном. Не решив этого основного вопроса, мы не могли приступить к расширению и углублению той работы, которую мы себе тогда намечали. До решения этого вопроса мы, однако, так и не дошли. Смерть Юн. Валидова «помешала» этому. Закралось тогда в нас и другое сомнение. Это то, о чем я говорю в черновике проекта моего письма к тат. писателю Фатыху Амирхану. А именно: не толкаете ли Вы нас сознательно своими репрессиями к тому, чтобы вызвать нас на какую-нибудь глупость и вообще неправильный шаг, поскольку этот вопрос неизбежно мог возникнуть перед Вами (мы это находили вполне допустимым и целесообразным, с точки зрения законов борьбы вообще) в связи с общей вашей линией, взятой Вами по отношению к непримиримым элементам из татарских «правых». Сомнение это уже возникло, кажется, после процесса Валидова, после его поездки в Татарию (он туда съездил на несколько недель). Причиной возникновения этого сомнения послужило то, что как раз при этой поездке к Валидову кто-то из «крупных», по его словам, татарских беспартийных работников из националистов обращался с «советом» - а почему бы ему не «махнуть» за границу. Кто этот работник, Юн. Валидов мне тогда не сказал. Он лишь указал, что, по его сведениям, человек этот связан с органами ТатОГПУ и полагал, что он был «подпущен» к нему «левыми», работавшими тогда в ТатГПУ. Валидов с самым искренним видом уверял, что это действительно так, но что пока следует молчать, так как он думает «вывести на чистую воду» и этого человека, и всю эту историю. Фамилии его он тогда не называл, давал лишь знать, что человек этот находится где-то в Елабужском или Мамадышском кантоне. При взвинченности наших нервов и нашей подозрительности, конечно, такое заключение с нашей стороны могло иметь место. К тому же как раз к этому времени относится попытка Файзуллина установить связь с нами от имени беспартийного татарского студенчества. Я уже говорил Вам в своих показаниях по соответствующему вопросу, что приезд этот его нам тоже показался тогда странным и подозрительным. А что Вы интересовались вообще нашим поведением и поведением «правых», в этом у нас сомнений не было.

Единственный случай серьезного разговора, имеющего при том вполне конкретный характер - это предложение Вели Ибраимова в начале сентября 1927 года в Крыму, которое мною было отвергнуто, т.к. мною уже было решено страдать, то лучше уже получить это страдание из рук своих, т.е. Советской власти, чем из рук буржуазии. Мне почему-то всегда казалось, что, если бы я покинул СССР, даже имея за собой преступление, все равно

успокоения для себя в капиталистическом мире я не нашел бы и лишь терзался бы вечно.

Разговор на тему о возможности «второго пути», т.е. об эмигрировании моем, я ставил 1-й раз перед товарищами К. Мухтаровым, А. Енбаевым и позднее перед Сабировым. Во второй раз ставил его, помимо этих товарищей, перед Фирдевсом. Последний заявил мне, что если когда-нибудь и возникнет у меня такая мысль, то следует от нее отказаться. Он убеждал меня в том, что это ничего хорошего ни мне, ни самому делу не даст. Он был против этого принципиально. Говорил ли я на эту тему с кем-нибудь, уже не помню.

Султан-Галиев.

ЦГА ИПД РТ.- Ф.8237.- Оп.1.- Д.20.- Л.155-158.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы. - Казань: Тат. кн. изд-во, 1992.-С. 506-510.

Показания
на следствии по поводу предложения ЦК ВКП (б) выступить в печати с признанием своих ошибок

25 июля 1929 г.

По поводу этого вопроса я уже давал показания в общей части моих показаний. Должны быть там указания и относительно причин, почему я тогда не выступил. Дополнить мои показания придется лишь в небольшой части, главным образом о втором предложении ЦК.

О первом предложении ЦК было известно лишь небольшому кругу работников. Сообщил я тогда об этом из тат. работников Москвы т.т. Енбаеву и Кашафу Мухтарову. Известно было об этом и Юн/усу/ Валидову. Гас/ыму/ Мансурову я тогда не сообщил об этом, т.к. он в это время был предрасположен ко мне отрицательно. Сабирова в Москве тогда еще не было, но и при встречах с ним в Москве, когда он иногда приезжал из Татарии, я не говорил ему об этом, боясь, что он разболтает об этом. Разболтал это, однако, Юн. Валидов. Через него стало известно об этом казанским работникам, а также работникам Крыма. Товарищам я это сообщил в той форме, что предложение принципиально мною уже принято и что мною уже начаты переговоры о формах выступления с отделом печати ЦК партии. Товарищи отнеслись к этому вопросу с видимым интересом. Я их попросил помочь мне в составлении этого заявления, вернее - в определении основного его направления и главных моментов его содержания. Товарищи согласились и, в свою очередь, предложили мне заняться составлением проекта моего обращения. При этих разговорах я указывал товарищам, что лично я сам думаю придать своему выступлению широкий и принципиальный характер, связав его вообще с национально-колониальным вопросом. Насколько у меня сохранилось в памяти, Кашаф Мухтаров по этому вопросу стоял на той точке зрения, что выступить надо, не задаваясь, однако, такой чересчур широкой задачей. Тов. Енбаев, наоборот, допускал возможность и широкого выступления. Помню его характерное выражение, которое было сказано им мне как-то по этому поводу: «Мирсаид. Если решил уж покончить со своим прошлым, так умирай красиво, выступи вовсю...»

Так что задержки со стороны товарищей Мухтарова и Енбаева в этом вопросе не было. Не возражал против него вначале и Юн. Валидов. Решительно был против выступления Юн. Валидов лишь потом в связи с его процессом. Давления какого-нибудь Юн. Валидов на меня, однако, не делал.

Выступление это мое не состоялось, как я уже сказал, в связи с тем, что по неизвестным мне тогда причинам я был дискредитирован во время суда над Валидовым в Москве в Верховном суде, когда, сидя среди публики, я услышал при чтении обвинительного акта свою фамилию и фамилии ряда других татарских партийных товарищей, фигурировавших как участники в дележке «украденного» Валидовым сахара (что он якобы дал нам по 5 или

10 фунтов сахару). На мою психику это подействовало не совсем хорошо. Между прочим, я по этому вопросу никем не был допрошен ни до, ни после этого процесса, и объявление моей фамилии перед широкой публикой («публику» эту сами тат[арские] газеты называли потом «уличной» публикой) в числе «мелких воришек» для меня было полной неожиданностью. Игнорировать это я не мог, т.к. считал, что момент этот является для меня не только, вернее - не столько, субъективным моментом, сколько моментом объективным. Я допускал, что товарищи, допустившие эту нетактичность по отношению ко мне, видимо, не знали, что я в это время был занят решением вопроса о своем выступлении в печати. Но факт оставался фактом, я был публично дискредитирован как «участник», хотя и «мелкий», в «уголовных деяниях» Юн. Валидова. Но ведь не только этот «мелкий» факт, но и весь этот суд над Валидовым был не чем иным, как дискредитацией «правых», независимо от того, хотели этого или нет те, чьим постановлением решено было произвести все же этот суд.

При таких обстоятельствах выступление мое в печати с принципиальным каким-нибудь положением и с теми или иными жестами явилось бы лишь самым гнусным лицемерием и политическим авантюризмом. Я бы лишь этим еще больше дискредитировал себя в глазах масс и был бы уже бесполезен в партии (я рассчитывал, что выступление мое в печати откроет мне доступ в партию). И я воздержался от этого выступления.

Официального предложения мне со стороны ЦК о выступлении во второй раз не было. Основанием для меня в этом случае явилась моя беседа с тов. Сталиным в связи с моим заявлением на его имя как к генеральному секретарю ЦК, о возможности моего восстановления в партии и условиях этого восстановления. В беседе со мной тов. Сталин заявил мне, что условия возврата в партию для меня остаются прежние, т.е. выступление в печати с открытым и решительным признанием своих ошибок. Я дал слово т. Сталину выступить в печати. Давая это обещание, я внутренне был убежден, что сумею подавить в себе те разногласия, которые у меня были еще с партией по нацвопросу. И как раз на этом пункте я ошибся.

Атмосфера вокруг этого вопроса была на этот раз несколько другая. Тон т.Мухтарова, например, был уже несколько иной. В общем это можно было сформулировать так: «Не надо было особенно спешить, время для ведения переговоров выбрано неудачно (уже тогда чувствовалось назревание конфликта в ЦК в связи с новой позицией т.т. Каменева и Зиновьева), но раз уже пошел в ЦК, а тем более дал обещание, надо выступить». В общем московские товарищи сошлись на том, что мне выступить следует. В разговоре с ними между прочим я указал, что если я не выступлю и на этот раз, то оставаться уже в Советской России с сохранением моего политического лица мне будет нельзя, и я принужден буду покинуть ее. Этим самым я хотел лишь подчеркнуть в достаточно сильной степени положение о том, что вопрос формулируется «или-или». Или сохраняй старую твою позицию, но тогда незачем болтаться здесь, или же откажись от нее, но откажись решительно. Так что положительный ответ моих товарищей о необходимости выступления одновременно являлся ответом и на другой мой вопрос. Но все же на этот раз мое выступление товарищи рассматривали в общем как выступление, которое можно бы было и не делать, если бы я не

был связан своим обещанием в ЦК. Крымские работники почти все были против выступления. Я хотел узнать тогда по этому вопросу мнение лишь самого ограниченного количества крымских товарищей, в том числе тов. Фирдевса. По болтливости, кажется, Вели, об этом в Крыму стало известно, однако, большему числу работников. После разговора со мной Фирдевс встал на точку зрения необходимости выступления, поставил передо мной лишь одно условие, чтобы я согласовал с ним основные положения моего заявления. Он даже в одно время помогал мне в составлении этого заявления. Дерен в этом вопросе занимал противоположную точку зрения и лишь после приезда своего в Москву и поступления в Ком[мунистическую] академию, как-то в разговоре со мной упомянул, что, по его мнению, мне не следует выступать в печати. Но я считал, что заявил он об этом мне слишком поздно, когда уже у меня, как мне тогда казалось, были исчерпаны все пути к такому выступлению.

Так что это двоякое настроение большинства близких мне товарищей в известной степени повлияло на мое настроение. Не остались без влияния на меня и кое-какие разговоры, которые исходили тогда из кругов оппозиции и так или иначе доходили до меня. Так, например, мне Умер Ибрагимов, а также Вели передавали со слов, якобы т. Бабахона, который состоял тогда секретарем т. Каменева, о том, что будто бы созыв IV национального совещания, где разрешался мой вопрос, был произведен по настоянию т.т. Каменева и Зиновьева и вопреки желанию тов. Сталина, который будто бы хотел разрешить этот вопрос «слишком упрощенно и скоропалительно». Таким образом, этих двух товарищей, т.е. т.т. Зиновьева и Каменева, выставляли передо мной как людей, которые спасли меня «от худого конца». В связи с этим выступление мое по национальному вопросу рассматривалось этими товарищами как выступление, которое при тогдашней ситуации внутрипартийной борьбы (как Вам известно, в это время оппозиция готовилась поднять национальный вопрос, хотя мне лично об этом тогда еще не было известно) означало бы фактически выступление против т.т. Каменева и Зиновьева, а также Троцкого, который тоже фигурировал в представлении этих товарищей как один из моих «защитников» во время IV нацсовещания. Исходя из этого, эти товарищи находили, что мое выступление в печати при такой ситуации было бы больше, чем обычное выступление признающего свою ошибку, а имело бы значение определенного поступка, активно направленного против упомянутых уже лиц. В этом смысле моему будущему выступлению заранее приписывался характер неэтичности.

Эта версия о роли т.т. Каменева и Зиновьева в моем вопросе в 1923 году в одно время была довольно распространена среди тат. работников. Между прочим, об этом должно быть известно еще т.т. Фирдевсу, Мухтарову и Сабирову. Знают ли об этом другие товарищи, не знаю. Говорить мне на эту тему с другими работниками не приходилось.

Но все эти обстоятельства не имели бы значения в моих глазах, т.к. вопрос передо мной стоял не в том, кто и какую позицию занимал в моем вопросе в тот или иной момент, а в том, признаю ли я партию и ее правоту в моем вопросе, независимо от того, кто сегодня стоит во главе этой партии, - если бы не было поколеблено мое внутреннее убеждение о правильности

или неправильности той линии в национально-колониальном вопросе, которую я представлял в бытность мою в партии. А это было главным вопросом, вокруг которого вертелось все остальное. Ведь в конце концов окончательное решение вопроса о выступлении зависело от меня, а не от моих товарищей. Я им заявлял неоднократно, что я могу и не считаться с их мнением, а в конечном счете решу этот вопрос самостоятельно. Когда я говорил с тов. Сталиным по своему вопросу, моя совесть говорила мне, что я по нац. вопросу действительно был неправ. По крайней мере, в основном это было так. Реально передо мной стоял тогда китайский вопрос. Я видел, что тогдашнее развитие китайских событий говорит в пользу партии. Назвать «левой» тогдашнюю политику партии по китайскому вопросу было нельзя. В этот момент она, если не целиком и полностью, то в основных своих контурах, соответствовала моему представлению колониального вопроса.

Но в тот момент, когда как я должен был засесть за составление заявления, уже после того, как я после всех моих разговоров и бесед с отдельными товарищами определил форму и содержание своего выступления, положение как раз на этом фронте изменилось. В китайской революции появились, как мне тогда казалось, ультралевые тенденции (их представлял в своих выступлениях т. Бухарин - в своих заявлениях о необходимости перевода китайской революции на рельсы чисто пролетарской революции), с чем я и мои товарищи связывали поражение этой революции. Так что факт поражения китайской революции поставил снова вверх дном мое миропонимание по колониальному вопросу, укрепив меня в сознании того, что, видимо, позиция, от которой я собираюсь отказаться, была все же правильна. Мог ли я при таком состоянии моего внутреннего сознания выступить с публичным заявлением о своем отказе от той позиции, которую я защищал в бытность в партии. Я решил этот вопрос для себя отрицательно.

Тов. Сталин, видимо, понимал меня больше в этом вопросе, чем сам себя, когда я ему давал обещание о готовности к выступлению, он, помню, несколько раз спросил меня:

-А Вам не трудно будет выступать? Смотрите, подумайте... Мне кажется, Вам трудно выступать с признанием своих ошибок.

Мне тогда казалось, что я поборю себя и сумею выступить, а потому ответил ему, что «психологически я подготовлен к этому».

Но в нужный момент, когда я должен был привести в исполнение данное ему обещание и выступить в печати, у меня оказалось недостаточно сил, чтобы побороть самого себя.

А ведь борьба с самим собой - эта самая трудная борьба. Тут все идет начистую.

Я думал тогда обратиться со специальным письмом к тов. Сталину и объяснить ему чистосердечно, почему я оказался в положении человека, не сдержавшего своего обещания, но потом раздумал, т.к. полагал, что это уже для дела бесполезно.

Общее совместное обсуждение вопроса о моем выступлении было один раз, на квартире у т. Енбаева, в присутствии т.т. Енбаева, Мухтарова, Фирдевса и меня. Кажется, были еще т.т. Дерен и Г. Мансуров. Был ли

Сабиров, не помню. Когда именно происходило это наше заседание, точно не помню. Во всяком случае до появления в «Правде» статьи т. Икрамова «Оппортунистические вылазки в нацвопросе т. Зиновьева», где он, кстати, заодно «ущипнул» и меня. По какому [поводу] мы собрались тогда, я уже не помню. Я ознакомил товарищей с проектом своего выступления. Подробностей обсуждения уже не помню. Все товарищи опять повторили, что выступать необходимо и вносили свои замечания по поводу основных положений моего проекта. Общим мнением было то, что заявление должно быть не особенно «громоздко» и распространенно. Решено было, что я должен конкретизировать его и представить в виде уже готового проекта-заявления для окончательного суждения о нем.

М. Султан-Галиев.

25/VII-29 г.

ЦГА ИПД РТ.- Ф.8237.- Оп.1.- Д.20.- Л.151-166.
Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы. - Казань: Тат. кн. изд-во, 1992.- С 510-517.

ПРИМЕЧАНИЯ*

1. II Всероссийский мусульманский съезд проходил в Казани с 21 июля по 1 августа 1917 г.

М.Х.Султан-Галиев, будучи секретарем Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета /Искомуса/, являлся одним из организаторов съезда; о всех его заседаниях писал информации, которые публиковались в газете "Казанское слово" с 23 июля по 9 августа. - с. 99.

2. I Всероссийский мусульманский военный съезд проходил в Казани с 17 по 25 июля 1917 г. Съезд избрал Всероссийское мусульманское военное шуро (совет). Председателем Военного шуро был избран И.С.Алкин. - с. 99.

Известия Всероссийского мусульманского военного шуро. - 1917. -24 декабря. - № 7; - 31 декабря. - № 8; Тагиров И.Р. В борьбе за власть Советов. - Казань, 1977. - С.19-22.

3. Всероссийский съезд мусульманского духовенства проходил в Казани с 18 по 26 июля 1917 г. Он рассмотрел вопросы о состоянии и перспективах развития религиозных учреждений, о роли ислама в объединении всех мусульман. - с. 99.

4. Всероссийский мусульманский совет /"Милли шуро"/ был создан на I Всероссийском мусульманском съезде, состоявшемся в Москве 1-11 мая 1917 г. Совет образовал из 12 человек Исполнительный комитет / Искомус/, председателем которого был избран Ахметбек Цаликов. Местонахождение Совета и его исполкома съезд определил в столице России, т.е. в Петрограде. - с. 99.

Бөтенрусия мөселманнарының 1917 елда 1 - 11 майда Мәскәүдә булган гомуми съездының протоколлары. (Протоколы I Всероссийского мусульманского съезда, состоявшегося 1-11 мая 1917 г. в Москве). - Петроград, 1917.

5. В книге "Революция и национальный вопрос: Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т.3. Февраль - октябрь 1917 г. М., 1930" приведен следующий текст этой резолюции:

"Великое объединенное заседание Общемусульманского съезда России, съезда военных деятелей и духовенства, обсудив вопрос о национально-культурной автономии для мусульман внутренней России и Сибири, решило:

1. Немедленно, не ожидая созыва Учредительного собрания, приступить к осуществлению национально-культурной автономии мусульман внутренней России и Сибири.

2. Поручить проходящему в настоящее время в Казани II Общемусульманскому съезду России выработать основные положения, предусматривающие порядок создания организаций культурно-национальной автономии".

В соответствии с п. 1 и 2 резолюции объединенного заседания трех съездов 22 июля 1917 г. на II Всероссийском мусульманском съезде был заслушан доклад С.Максудова о культурно-национальной автономии мусульман внутренней России и Сибири. После его обсуждения, 1 августа, в последний день работы съезда, собравшиеся, оставив решение вопроса о требовании территориальной автономии на усмотрение самих мусульман внутренней России, в целях немедленного проведения в жизнь национально-культурной автономии приняли основные положения национально-культурной автономии.

На этом же заседании, 1 августа, была создана комиссия по осуществлению проекта культурно-национальной автономии мусульман в следующем составе: С.Максудов, И.Ахтямов, Г.Шараф, А.Мухетдинова, Ф.Каримов, К.Каримов, Н.Хальфин и А.Г.Атласов. - с. 99.

Казанское слово. - 1917. - 27 июля. - № 81 (1154); - 29 июля. - № 82 (1155); - 30 июля. - № 83 (1156); - 2 августа. - № 85 (1158).

6. 25 апреля 1917 г. исполком Петросовета принял решение выступить инициатором созыва международной конференции представителей социал-демократических партий для выработки социалистической программы мира. Конференция была назначена на 28 июня в Стокгольме.

В силу ряда причин конференция была отложена на 27 августа . В газете "Безнең тавыш" /- 1917. - 4 августа. - № 17. / помещена без подписи передовая статья под названием "Стокгольмская конференция", в которой проанализированы те причины,

* Примечания составлены И.Г. Гиззатуллиным.

которые препятствуют созыву конференции, и высказано предположение о том, что конференция вообще может не состояться. Конференция , действительно, не состоялась. - с. 101.

7. Одновременно с поддержкой культурно-национальной автономии мусульман М.Вахитов выдвинул идею "полной автономии" (т.е. территориальной), в которой рабочие и крестьяне занимали бы руководящее положение. Он отстаивал требование ликвидации частной собственности и эксплуатации человека человеком. - с. 102.

8. Всероссийское мусульманское военное шуро постановило признать переход власти в руки Советов в Казани на своем собрании 26 октября 1917 г. - с. 104.

Безиең тавыш. - 1917. - 31 октября. - № 40.

9. Казанский гарнизонный мусульманский военный комитет был организован 16 марта 1917 г. Председателем президиума комитета был избран И.С.Алкин, заместителем председателя - Х.Ю.Юмагулов, секретарем - Г.Г.Монасыпов. - с. 104.

Йолдыз (Звезда). - 1917. - 24 марта. - № 1774.

10. Мусульманский социалистический комитет образовался по инициативе М.М.Вахитова и Г.З.Сайфетдинова в Казани в начале апреля 1917 г. для ведения политической работы социалистического направления среди рабочих, солдат и крестьян-татар. В МСК вошли члены РСДРП (б) и партии левых эсеров из татар. Председателем МСК являлся М.Вахитов, секретарем (с июля) - М. Султан-Галиев. После отъезда Вахитова на Всероссийское Учредительное собрание в Петроград в начале января 1918 г. (где он и остался, будучи назначенным декретом Совнаркома от 17 января 1918 г. председателем Комиссариата по делам мусульман внутренней России) Султан-Галиев возглавил МСК. - с. 104.

11. Революционный штаб (Революционный комитет) образовался в Казани вечером 26 октября 1917 г. на расширенном заседании Казанского Совета как временный орган Советской власти. В Революционный штаб были введены представители мусульманских организаций, признавших Советскую власть, М.М.Вахитов, М.Х.Султан-Галиев (секретарь), К.Л.Якубов, Я.Д.Чанышев. - с. 104.

Иоженко И., Тагиров И. Октябрь в Казани. - Казань, 1967. - С.222-223.

12. Совещание комитетов социалистических партий и организаций Казанской губернии, стоящих на платформе II Всероссийского съезда Советов, по национальному вопросу состоялось 11 и 13 декабря 1917г. На совещании были рассмотрены вопросы о реорганизации Совета, созыв Поволжского областного съезда Советов, организации мусульманского полка, организации губернского центрального органа власти по типу Центрального исполнительного комитета в Петрограде и приняты соответствующие решения. - с. 105.

Знамя революции. - 1917. -14 декабря. - № 34; - 15 декабря. - № 35.

13. Национальное собрание мусульман внутренней России и Сибири /Миллэт мәҗлесе/ заседало в Уфе с 22 ноября 1917 г. по 11 января 1918 г. Выборы депутатов проводились в соответствии с правилами, разработанными комиссией по осуществлению национально-культурной автономии из расчета 1 депутат от 50 тыс. взрослого населения обоего пола. Избирать и быть избранными могли тюрко-татары-мусульмане обоего пола, достигшие 20-летнего возраста. На собрании присутствовало более 100 человек.

Собравшиеся рассмотрели вопросы о разработке законов национально-культурной автономии, о выборе национального управления, об отношении к Советской власти, об отделении религии от государства, об образовании территориальной автономии Идель-Урал.

Собрание отказалось признать Советскую власть.

Для осуществления территориальной автономии мусульман внутренней России и Сибири под названием Волжско-Уральский штат /Идел-Урал штаты/ собрание избрало коллегию, в состав которой вошли Г.Ибрагимов, Г.Шараф, И.Алкин, Г.Акчурин, С.Атнагулов, Ф.Сайфи, С.Енгалычев, Н.Хальфин.

На эту коллегию и Всероссийское мусульманское военное шуро собрание возложило провозглашение автономного Волжско-Уральского штата, принятие его вре-

менной конституции, избрание временного правительства. - с. 105.

Давлетшин Т. Советский Татарстан: Теория и практика ленинской национальной политики. - Мюнхен, 1974. - С.153-160.

14. Эти рассказы Л.Н.Толстого, переведенные М.Султан-Галиевым и изданные в Казани в издательстве Каримовых отдельными брошюрами в 1908 г., сохранились в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского университета. - с. 106.

15. 19 декабря 1917 г. на общем собрании солдатской секции Казанского Совета совместно с полковыми, ротными, бригадными и батарейными комитетами заслушан вопрос о мусульманизации 95-го пехотного запасного полка. В принятом постановлении говорится, что "все хозяйство 95-го полка должно быть передано мусульманам. Люди 95-го полка должны быть распределены пропорционально по полкам местного /Казанского. - Сост./ гарнизона. Предоставить солдатам 95-го полка, давно не бывшим в отпуску, отпуск в первую очередь". - с. 109.

Знамя революции. - 1917.- 21 декабря. - № 40.

16. В газете "Знамя революции" в № 35 от 15 декабря 1917 г. выступление М.Х.Султан-Галиева изложено следующим образом:

"Тов. Султан-Галиев отмечает, что вопрос вызван необходимостью локализовать национальное движение мусульман. В Уфе 20 ноября открылось мусульманское Учредительное собрание, которое вынесло резолюцию о территориальной автономии области (Казанск., Уфимск., Симбирск., Чист/опольской/. - /так написано. - И.Г./, Пермск., Вятск. губерн.). Но нужно опасаться, чтобы власть в этой области не попала в руки буржуазии. Это Учредительное собрание недействительно, т.к. созвано двухступенными и даже трехступенными выборами. Там представители мусульманских губернских, уездных комитетов /отсутствуют/. Поэтому Совет должен взять инициативу созыва настоящего Учредительного собрания на основе прямых выборов. Опасаться, что оно будет недемократичным, нельзя, т.к. выборы во Всероссийское Учредительное собрание показали, что всюду берет верх демократия". - с. 110.

17. Областной съезд Советов Поволжья и Южного Урала состоялся в Казани 21-22 февраля 1918 г. Он был созван Казанским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для того, чтобы выявить волю поволжского пролетариата и крестьянства по вопросу о самоопределении наций и противопоставить проекту Волжско-Уральского штата проект государственности народов Поволжья и Урала на советской платформе.

Председателем съезда был избран Я.С.Шейнкман, одним из двух его заместителей - М.Х.Султан-Галиев. В работе съезда участвовали 144 делегата из 11 губерний.

На съезде были обсуждены текущий момент и национальный вопрос. При этом возник вопрос о полномочиях съезда. В связи с недостаточной представленностью регионов съезд решил считать себя совещательным и выступил инициатором созыва Учредительного съезда Советов территорий Поволжья и Южного Урала, населенных нерусскими.

М.Х.Султан-Галиев был избран в состав организационного бюро, созданного для созыва Учредительного съезда.

Однако, в связи с опубликованием Народным комиссариатом по делам национальностей Положения о Татаро-Башкирской Советской республике от 22 марта 1918 г., Учредительный съезд Советов Поволжья и Южного Урала не был созван. - с. 113.

Знамя революции. - 1918. - 23 февраля. - № 33; -26 февраля. - № 35; - 8 марта. - № 44; - 10 марта. - № 45; Образование Татарской АССР: Сборник документов и материалов. - Казань, 1963. - С.35-36.

18. IV Казанский губернский съезд крестьянских депутатов проходил в Казани с 20 по 30 марта 1918 г. Присутствовало более 500 делегатов. - с. 114.

19. 26 февраля 1918 г. общее собрание Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, рассмотрев вопрос о реорганизации управления губернией, постановило создать Совет комиссаров и отраслевые комиссариаты. С этого дня губерния стала называться Казанской республикой. М.Х.Султан-Галиев был избран вторым комиссаром народного просвещения. Он же стал инициатором создания мусульманского отдела комиссариата, разработал структуру, штатное расписание и смету этого отдела. - с. 115.

НА РТ. - Ф.98.- Оп.1.- Д.58.- Л.83; Знамя революции.- 1918.-1 мрта.-№ 38 (84); Тутаев М.З. Октябрь и просвещение: (Очерки истории просвещения в Татарии накануне Октябрьской революции и в первые годы Советской власти).-Казань, 1970.-С.160.

20. Это сообщение является ответом на телеграмму М.М.Вахитова от 8 марта 1918 г., присланную в Мусульманский социалистический комитет. Текст телеграммы:

"Комиссариат никаких сведений из Казани не получает. только по газетным сведениям узнали, что в Казани произошли крупные события. Просим немедленно ознакомить нас телеграфно с содержанием событий и одновременно командировать кого-либо для доклада о событиях. 9 марта комиссариат эвакуируется в Москву. 12 марта созывается конференция рабочих-мусульман. Просим делегировать одного представителя Социалистического комитета, двух представителей Алафузовского районного комитета, одного представителя бюро приказчиков, одну представительницу женской организации Социалистического комитета, одного представителя Мусульманского комиссариата".- с. 116.

ГАРФ.-Ф.1318.-Оп.1.-Д.50.-Л.40.

21. Султан-Галиев имеет в виду общее собрание Казанского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, состоявшееся 7 марта 1918 г. На собрании при обсуждении доклада Революционного штаба при закрытых дверях произошла острая дискуссия между докладчиком - председателем Казанского комитета РКП(б), председателем Рев. штаба К.Грасисом и председателем Мусульманского социалистического комитета, членом Рев. штаба М. Султан-Галиевым по вопросу о государственности народов Урало-Волжского региона. В результате голосования была принята резолюция, содержащая те положения, которые отстаивал Султан-Галиев. Текст резолюции:

«1. Протестуя против злостной провокации, используемой темными националистическими и шовинистическими элементами, стремящимися направить мусульманство на остальную казанскую демократию, Совет заявляет решительно о своей поддержке дела национального самоопределения вплоть до полного государственного отделения.

2. Совет заявляет о полной солидарности революционных трудящихся масс России, объединяемых Советской властью, без различия национальностей.

3. Совет, идя навстречу всем национальным трудовым народам, считаясь с местными условиями, уже предрешил свою реорганизацию на национальных пропорционально-классовых началах.

4. Совет принимает срочные меры к организации областной Урало-Волжской республики, каковая республика организуется во главе с Советом Народных Комиссаров, на национальных пропорционально-классовых основах.

5. Поручить президиуму снестись с Уфимским и Оренбургским Советами по вопросу о срочном провозглашении Урало-Волжской республики». - с. 117, 351.

Упрочение Советской власти в Татарии /октябрь 1917 - июль 1918 гг./: Сборник документов и материалов.- Казань, 1964. С. 233-234. Ильин В. Победа мусульманской демократии // Трудовой путь.- 1918.- 8 марта.- № 18.

22. «Забулачная республика» - пренебрежительное название Старо-Татарской слободы г. Казани, которым «окрестили» советские органы города после 28 февраля 1918 г., когда были арестованы Революционным штабом руководители II Всероссийского мусульманского военного съезда И.Алкин, Ю.Мусаффаров, У.Токумбетов, Д.Алкин с целью предотвращения провозглашения Идель-Уральской республики, намеченной на 1 марта. Наличие революционного штаба татарской части города Казани, непризнание власти Казанского Совета, частичная изоляция от центра выставлением постов на мостах через Булак и запрещением пешеходам переходить через протоку (при этом трамваи ходили беспрепятственно), охрана кварталов днем и ночью населением и воинами «железных дружин», вооружение населения, - таковы атрибуты этой «республики», возникшей для предотвращения подобных акций со стороны Казанского Совета по отношению к татарскому населению Казани. -с. 119, 498.

Сагидуллин М. Трудящиеся татары на путях Великого Октября.- Казань, 1927; Татаров А.А. Разгром контрреволюционной авантюры татарской буржуазии в начале 1918 г. в Казани.- Казань, 1940; Литвин А.Л. Конец «Забулачной республики» // Защищая революцию: Чекисты Татарии в первые годы Советской власти. 1917-1922.- Казань, 1980.- С.36-53; Валеев Р.К. Болак арты республикасы // Мирас.- 1997.- № 7, 8, 10, 12.

23. "Наш путь" - принадлежащая перу М.Султан-Галиева программная статья, определяющая характер, направление газеты "Красное знамя" - органа Казанского

комитета партии социалистов-коммунистов мусульман. Газета выходила раз в неделю, по пятницам. Вышло всего 5 номеров, с 5 июля по 2 августа 1918 г. Составителями выявлено 4 номера (кроме 4-го). М.Султан-Галиев писал почти все статьи (многие из них - без указания автора), осуществлял переводы с татарского на русский язык, готовил газету к печати. - с. 122.

24. III Всероссийский съезд учителей-мусульман был созван Центральным мусульманским комиссариатом и состоялся в Казани 23-31 мая 1918 г. Съезд рассмотрел следующие вопросы и принял резолюции по ним: отношение к Советскому правительству и к местным органам власти, о Татаро-Башкирской республике, о Центральном мусульманском комиссариате, о научной коллегии, о программах и учебниках татарских школ, об организации учителей и другие. - с. 122.

Культурная революция в Татарии (1917-1937 гг.).- Казань, 1986.-С.109-112.

25. Конференция рабочих-татар Казани состоялась 12-21 мая 1918 г. Делегаты обсудили вопросы о Татаро-Башкирской республике, об отношении Казанского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов к созданию Татаро-Башкирской Советской республики, итоги Московского совещания по созыву Учредительного съезда Советов этой республики, состоявшегося 10-16 мая 1918 г., текущий момент и другие. - с. 122.

Мухарямов М.К. Октябрь и национальный вопрос в Татарии. (Октябрь 1917 - июль 1918). -Казань. 1958. -С.213.

26. После образования в июне 1918 г. Всероссийской мусульманской партии коммунистов /большевиков/ большевистская фракция Мусульманского социалистического комитета была преобразована в Казанский комитет этой партии. - с. 122.

РЦХИДНИ. -Ф.583.-Оп.1.-Д.1.-Л.222. (Доклад о деятельности Казанского комитета партии коммунистов (большевиков) мусульман).

27. В ряде статей, опубликованных весной и летом 1918 г. в казанской газете "Знамя революции", председатель Казанского комитета РКП(б) К.Я.Грасис выражал отрицательное отношение к проекту образования Татаро-Башкирской республики. - с. 122.

28. Газета "Кызыл байрак" /"Красное знамя"/ издавалась Мусульманским социалистическим комитетом. В 1-м ее номере, вышедшем 15 июня 1917 г., была опубликована программная статья М.М.Вахитова "Товарищи, все вперед, вперед!", в которой содержится требование передачи власти в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; передачи земли крестьянам; роспуска Государственной думы и Государственного совета; опубликования тайных договоров, заключенных между царским правительством и союзниками, признания необязательными для России их выполнение; быстрого окончания войны. - с. 123.

29. В начале июня 1918 г. Казанский гарнизонный комитет потребовал передачи в его руки гражданской и военной власти в Казани и губернии под угрозой вооруженного выступления всего гарнизона, которое было назначено на 17 - 18 июня. Благодаря энергичным действиям ряда руководителей Казанского Совета, в том числе и М.Султан-Галиева, и твердой позиции интернационального батальона им.Карла Маркса, 1-го мусульманского социалистического полка и татаро-башкирского батальона вооруженный мятеж удалось предотвратить. 19 июня Казанский Совет постановил распустить гарнизонный комитет и передать его функции красноармейской секции Совета. 27 - 29 июня состоялись перевыборы красноармейской секции Казанского Совета, в результате которых в секцию были избраны только те представители воинских частей гарнизона, которые сочувствовали Советской власти. - с. 124, 498, 507, 520.

Мухарямов М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии. (Октябрь 1917 г. - 1920 г.) - М., 1969. - С.130-131.

30. Интернациональный батальон им.К.Маркса формировался в Казани в феврале - марте 1918 г. В его состав вошли русские и татары, чуваши и марийцы, латыши и украинцы. Кроме них в батальоне было много военнопленных германской и австро-венгерской армий: венгров, чехов, немцев и др. Командиром батальона был назначен С.А.Бирюков. Батальон выделялся среди других частей и подразделений гарнизона своей организованностью, сознательной дисциплиной. - с. 124.

Бирюков С. Интернациональный батальон. // За власть Советов Сборник воспоминаний участников революционных событий в Татарии. Часть II. - Казань, 1960. - С.298-304.

31. В конце марта 1918 г. в Казани по инициативе губернского мусульманского комиссариата была сформирована 1-я мусульманская социалистическая дружина, которая в мае по указанию М.М. Вахитова была развернута в 1-й мусульманский социалистический полк. Командиром полка являлся Н.Н.Алимов. - с. 124.

32. На совещании представителей мусульманских революционных организаций Москвы, Петрограда, Казани, Архангельска, Перми, Самары, Урала, Симбирска, Саратова и других городов и регионов, проходившем в Казани с 17 по 23 июня 1918 г., была создана Всероссийская мусульманская партия коммунистов /большевиков/ и избран ее Центральный комитет из 6 членов и 6 кандидатов в члены. Председателем ЦК был избран М.М.Вахитов. - с. 125.

Эшче.-1918.-27сентября. -№ 1.

33. 1-й пехотный татаро-башкирский батальон был сформирован в Москве по приказу военного отдела Центрального мусульманского комиссариата от 1 апреля и приказу Городского военного комиссариата Москвы от 15 апреля 1918 г. В связи с наступательными действиями легионеров чехословацкого корпуса, поднявшего антисоветский мятеж, батальон 10 июня был отправлен в Самару. Однако, в связи с занятием Самары противником, батальон остановился в Казани. Батальон сопровождал секретарь Центральной мусульманской военной коллегии А.К.Маликов. - с. 125.

Гиззатуллин И.Г. Защищая завоевания Октября: Центральная мусульманская военная коллегия. 1918 - 1920. - М., 1979.- С.48-49, 51-52.

34. В соответствии с постановлением Наркомнаца об организации при губернских и уездных Советах отделений Комиссариата по делам мусульман внутренней России от 27 января 1918 г. Мусульманский социалистический комитет совместно с членами левой фракции II Всероссийского мусульманского военного съезда, покинувшими съезд 17 февраля, организовал Комиссариат по мусульманским делам Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который был утвержден исполнительным бюро Совета 23 февраля 1918 г. Председателем Комиссариата стал председатель Мусульманского социалистического комитета М.Х.Султан-Галиев. - с. 125.

Упрочение Советской власти в Татарии. (Октябрь 1917 - июль 1918 гг.): Сборник документов и материалов. - Казань, 1964.- С.157, 187; Знамя революции.-1918.-27 февраля.-№ 36 (82).

35. Второй сводный отряд был сформирован в Казани приказом по военному комиссариату от 2 июня 1918 г., № 36, параграф 7 для отправки в Самару "для подавления чехословацкого восстания". В состав отряда вошли 4-х орудийная батарея 1-й артиллерийской добровольческой бригады, полторы роты 1-го мусульманского социалистического полка, одна рота с 8 пулеметами и необходимыми к ним принадлежностями 1-го Казанского социалистического батальона моряков, полторы роты с 4 пулеметами казанской команды выздоровевших, одна рота с 2 пулеметами военно-технических курсов, пулеметная команда с 4 пулеметами пулеметного дивизиона. Командиром отряда был назначен И.Д.Фролов, помощником командира - Лебедев, комиссаром - Казакевич. Отряд был отправлен по железной дороге на Сызрано-Самарский фронт 4 июня. Однако артиллеристы и часть моряков самовольно оставили боевые позиции и вернулись в Казань. Председатель Высшей военной инспекции Н.И.Подвойский приказом от 12 июня № 137 потребовал всех бежавших со своих постов предать революционному суду. - с. 126.

36. Центральный мусульманский социалистический комитет был образован I Всероссийской конференцией мусульманских рабочих, состоявшейся в Москве 18 - 28 марта 1918 г. Председателем исполнительной коллегии ЦМСК стал М.М.Вахитов, его заместителем - М.Х.Султан-Галиев. - с. 128.

Чулпан.-1918.-3 апреля.-№ 14; -11 апреля.-№ 15.

37. Комиссариат по делам мусульман внутренней России (Центральный татаро-башкирский комиссариат, Центральный мусульманский комиссариат) при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР был учрежден декретом Совнаркома от 17 января 1918 г. Председателем был назначен М.М.Вахитов, его заместителями - Г.Г. Ибрагимов, Ш.А.Манатов. 11 июля 1918 г. на заседании левой социа-

листической фракции членов-мусульман V Всероссийского съезда Советов в состав коллегии Центрального мусульманского комиссариата были избраны М.М.Вахитов / председатель/, Г.Г. Ибрагимов /заместитель председателя/, Г.Мамина, М.Н.Кильдебеков, И.М.Казаков, М.Х.Султан-Галиев, И.К.Фирдевс, Ш.Хамидуллин, М.Субхи, Ш.Г.Ахмадиев, Ш.Худайбердин.

После гибели в августе 1918 г. Вахитова председателем Комиссариата стал М.Х.Султан-Галиев. - с. 128.

Подробнее см.: Хайрутдинов Р.Г. На путях к советской автономии: Проведение ленинской национальной политики Центральным татаро-башкирским комиссариатом в 1918-1919 гг. -Казань. 1972.

38. Центральная мусульманская военная коллегия (ЦМВК) при Народном комиссариате по военным делам - национальное учреждение военного ведомства страны, функционировала в 1918 - 1920 гг. Она была создана с согласия наркомвоена Л.Д.Троцкого 31 мая 1918 г. в результате расширения военного отдела Центрального мусульманского комиссариата. Оставаясь в составе комиссариата, она имела целью "всемерно содействовать Народному комиссариату по военным делам республики в создании могучей революционной армии, опоры и защиты Социалистической Республики". Председателем являлся М.М.Вахитов, членами - Н.Г.Вахитов и С.Ловчицкий, секретарем - А.К.Маликов.

ЦМВК издавала свою газету на татарском языке "Кызыл Армия" /«Красная армия»/.

В период ожесточенной борьбы с народоармейцами и чешскими легионерами ЦМВК 4 августа 1918 г. всем составом прибыла в Казань, которая 7 августа оказалась в руках врага. М.М.Вахитов был схвачен и расстрелян. С.Ловчицкий, изменив Советской власти, перешел в стан противника. Н.Г.Вахитову удалось выбраться из оккупированного врагами города и окружными путями добраться до Москвы. А.К.Маликов находился в подполье, сохранил служебные бумаги, значительную сумму денег. Некоторые сотрудники вместе с красноармейскими частями отступили из города. Заведующий отделом формирования ЦМВК М.Г.Конов в Арске занимался организацией отрядов из татар.

После освобождения 10 сентября 1918 г. Казани ЦМВК была воссоздана с подчинением непосредственно Народному комиссариату по военным делам и пополнена новыми членами /А.Х.Алмаев, К.Л.Якубов/. Председателем ЦМВК был назначен М.Х.Султан-Галиев, который руководил ею вплоть до ее ликвидации в октябре 1920 г. - с. 128.

Подробнее см.: Гиззатуллин И.Г. Защищая завоевания Октября: Центральная мусульманская военная коллегия. 1918-1920.-М., 1979.

39. Положение о Татаро-Башкирской Советской республике было разработано Народным комиссариатом по делам национальностей и Комиссариатом по делам мусульман внутренней России, объявлено декретом Наркомнаца от 22 марта 1918 г. - с. 129.

40. Национальное управление (Милли идарэ) и его отраслевые ведомства были избраны Национальным собранием мусульман внутренней России и Сибири. Председателем правления был избран Садри Максудов, заместителем председателя - Ибниамин Ахтямов. Руководителями ведомств были избраны: финансового - Шайхулла Алкин, просвещения - Наджиб Курбангалиев, духовного - муфтий Галимджан Баруди. Национальное правление и его ведомства размещались в Уфе.

Постановлением Наркомнаца и Центрального татаро-башкирского комиссариата от 21 апреля 1918 г. Национальное правление и все ему подчиненные учреждения, кроме Духовного управления, ликвидировались, все их имущество, финансы и документы подлежали передаче в распоряжение Центрального татаро-башкирского комиссариата.

22 мая 1918 г. в газете "Известия ВЦИК" было опубликовано постановление Наркомнаца за подписью И.В.Сталина и М.М. Вахитова о ликвидации Всероссийского мусульманского совета / "Милли шуро"/. - с. 129.

Давлетшин Т. Советский Татарстан: Теория и практика ленинской национальной политики. -Мюнхен, 1974.- С.153-160; Образование Башкирской Автономной Социалистической Республики: Сборник документов и материалов.-Уфа, 1959.- С.149.

41. В полученной Совнаркомом телеграмме перед словом "постановило" написано "единогласно"; после слова "Республики" через запятую написано "готовых во всякую минуту и всеми силами поддержать их в этом стремлении"; после слова "социализма" вместо слов "он ни пе-

ред чем не остановится, чтобы сломить упорство врагов социальной революции" написано "готовых с открытой грудью идти против врагов революции, откуда бы они ни шли". Телеграмму подписали председатель митинга Касимов, секретарь Султан-Галиев. - с. 130.

ГАРФ.- Ф.130.- Оп.2.- Д.-450.- Л.18-19.

42. В отличие от Декларации прав народов России от 2 ноября 1917 г., провозгласившей право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая III Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 12 января 1918 г. и вошедшая впоследствии первым разделом в Конституцию (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., предоставляла «рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях». - с. 141.

43. Здесь имеется в виду состоявшееся 10 - 16 мая 1918 г. совещание при Наркомнаце, созванное для рассмотрения вопроса о создании Татаро-Башкирской Советской республики. В совещании участвовало 30 человек, которые представляли Советы и мусульманские комиссариаты Казани, Уфы, Оренбурга, Перми, Симбирска, Екатеринбурга, Чистополя, Осы. Комиссариат по делам мусульман внутренней России, Наркомнац. Присутствовали также по одному представителю от чувашского и марийского народов.

Большинство выступавших одобрило Положение о Татаро-Башкирской республике. Ряд представителей выступил против. К.Я.Грасис /Казань/, Г.Шамигулов /Оренбург/, И.Я.Тунтул и Ф.Ф.Сыромолотов из Екатеринбурга, Х.Рамеев и С.С.Гафуров из Симбирска в своих выступлениях отрицали необходимость создания республики, считали это требованием буржуазных националистов.

Совещанием была организована при Наркомнаце комиссия по созыву Учредительного съезда Советов будущей Татаро-Башкирской республики в составе 7 человек: М.М.Вахитов /от Наркомнаца/, А.М.Енбаев /от Центрального татаро-башкирского комиссариата/, Г.Давлетшин /от башкир/, К.Л.Якубов /от татар/, Д.С.Эльмень /от чувашей/, В.А.Мухин /от мари/, В.Егошин /от русских/.

Учредительный съезд должен был состояться в июне 1918 г. Однако он не был созван. - с. 142.

Сайдашева М.А. Ленин и социалистическое строительство в Татарии. 1918-1923.-М., 1969.- С.63-65.

44. Статья написана в связи с постановлением V Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, принятым 9 июля 1918 г. по докладу наркомвоена Л.Д.Троцкого об убийстве членом партии левых эсеров Блюмкиным германского посла графа Мирбаха и о вооруженном восстании левых эсеров против Советской власти. В п.4 постановления записано:

"В отношении партии левых эсеров Всероссийский съезд заявляет, что, поскольку те или иные части этой партии солидаризируются с попыткой вовлечения России в войну путем убийства Мирбаха и восстания против Советской власти, этим организациям не может быть места в Советах рабочих и крестьянских депутатов". - с. 146.

Декреты Советской власти.-Т.2.-М., 1959. - С.538.

45. Анализ опубликованной в газете "Жизнь национальностей" № 6 15 декабря 1918 г. Инструкции об организации отделов по делам национальностей на местах за подписью И.В.Сталина и И.П.Товстухи показывает, что указанные в публикуемой апелляции замечания не были приняты. Результат не заставил себя долго ждать: с трудом созданная в первом полугодии 1918 г. система национальных, в том числе мусульманских комиссариатов сверху донизу была разрушена, как и предвидели М.Х.Султан-Галиев и его сослуживцы. В губерниях с многонациональным населением вместо комиссариатов создавались, согласно Инструкции, отделы по делам национальностей губисполкомов с разделением на секции соответствующих национальностей. Эта Инструкция свидетельствует об усилении у политического руководства страны тенденции игнорирования специфических интересов отдельных наций, администрирования и централизации в решении

национальных проблем. Тенденция эта в дальнейшем проявилась в форме пресловутого плана "автономизации". - с. 156.

46. I Всероссийский съезд мусульманских коммунистов был созван ЦК Российской партии мусульманских коммунистов (большевиков) и проходил в Москве с 4 по 12 ноября 1918 г. В нем участвовало 46 человек, представлявших комитеты коммунистов-мусульман, комитеты РКП (б), фракции коммунистов-мусульман мусульманских социалистических комитетов, ЦК РКП(б), Турецкой коммунистической организации из Казани, Москвы, Петрограда, Астрахани, Симбирска, Самары, Саратова, Рыбинска, Н.Новгорода, Пензы, Перми, Чистополя, Мурманска, Тетюш, Карсуни, Тамбова и др. городов.

М.Х.Султан-Галиев участвовал в съезде как делегат от Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене, был избран членом президиума и одним из трех председателей съезда, приветствовал делегатов от имени ЦМВК, выступал в прениях при обсуждении организационного вопроса, сделал доклад о деятельности Центрального мусульманского комиссариата.

Съезд избрал Центральное бюро мусульманских коммунистов при ЦК РКП(б), председателем которого был избран секретарь ЦК РКП(б) И.В. Сталин, его заместителями - Б.Сардаров и Г.Г. Ялымов. М.Х.Султан-Галиев был избран членом Цебюро.

В апреле 1919 г. в соответствии с резолюцией VIII съезда РКП(б) по организационному вопросу Цебюро стало называться Центральным бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б). - с. 163.

РЦХИДНИ.-Ф.583.-Оп.1.-ДД.1-3.

47. В письме политического отдела Высшей военной инспекции РККА, адресованном Комиссариату по делам мусульман и переправленном в Центральную мусульманскую военную коллегию, было написано:

"Уважаемые товарищи!

Донесения с мест, сводки, получаемые с фронта, доклады, поступающие непосредственно в Высшую военную инспекцию, и др. материалы указывают на абсолютный недостаток на Восточном фронте литературы на татарском языке (3-я армия, 5-я армия и др.). Между тем в интересах революции крайне важно поставить агитацию в мусульманских полках на должную высоту, так как, согласно резолюциям, мусульманские полки являются образцовыми по дисциплине и стойкости.

Ввиду вышеизложенного политический отдел Высшей военной инспекции настаивает на немедленном снабжении фронта мусульманской литературой, для чего:
1) имеющуюся литературу с надежными проводниками отправить через Всебюрокомвоен /Всероссийское бюро военных комиссаров/ в политические отделы армий;
2) принять все меры к изданию достаточного количества газет, брошюр, листков, воззваний (в десятках тысяч экземпляров) на татарском языке". - с. 165.

РГВА.-Ф.17.-Оп.1.-Д.13.-Л.7.

48. Речь идет о статье заместителя народного комиссара по делам национальностей А.З.Каменского "Давно пора", опубликованной в "Правде" 25 декабря 1918 г. В день опубликования статьи Л.Д.Троцкий обратился с заявлением в ЦК РКП(б) и в тот же день ЦК РКП(б) принял постановление "О политике военного ведомства", объявил А.З.Каменскому выговор. - с. 180.

КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы. 1917-1981.-М., 1981.-С.42-43;
Известия ЦК КПСС. - 1989.- № 9.- С.185.

49. В заключении Наркомнаца от 5 февраля 1919 г. за подписью А.З.Каменского, отправленном в Наркомвоен, записано:

"Рассмотрев проект Положения о Центральной мусульманской военной коллегии при Народном комиссариате по военным делам, Народный комиссариат по делам национальностей находит существование такой коллегии излишним ввиду того, что вся техническая часть работы коллегии может и должна производиться по общему плану Всероссийским военным штабом, работа же агитационно-пропагандистского характера может с успехом выполняться существующими уже мусульманскими организациями, как, напр., Центр. бюро мусульманских коммунистических организаций и Комиссариат по делам мусульман внутренней России.

Исходя из этого, Народный комиссариат по делам национальностей полагал бы более целесообразным образование вместо Центральной мусульманской военной коллегии особого военного отдела при Комиссариате по делам мусульман, руководитель которого и являлся бы связующим звеном

между этим отделом и Народным комиссариатом по военным делам". - с. 180.

РГВА.-Ф.17.-Оп.1.-Д.27.-Л.2.

50. Получив заключение Наркомнаца, зам. наркомвоена Э.М.Склянский поручил Всероссийскому главному штабу произвести обследование деятельности Центральной мусульманской военной коллегии. Обследование было произведено комиссаром Всероглавштаба В.Г.Шармановым при участии представителя организационного управления штаба 11 февраля 1919 г. Результат обследования оказался положительным. Несмотря на это, главный комиссар штаба И.П. Дзевялтовский на докладе по результатам обследования наложил следующую резолюцию: "Считаю, что существование в настоящей момент Мусульманской коллегии является излишним и устарелым, когда мы перешли от принципа добровольческого к укомплектованию армии путем мобилизации. Для ведения же культурно-просветительной работы в мусульманских частях необходимо создать при Всебюрокомвоене отдел агитации, остальные функции всецело передать военкомам или армиям". Такого же содержания заключение Всероглавштаба за подписью Дзевялтовского было направлено зам. наркомвоена Склянскому. - с. 180.

РГВА.-Ф.17.-Оп.1.-Д.13.-Л.13, 14 с об.- 16 с об.

51. Это письмо М.Султан-Галиева, переданное им телеграфом из Уфы, возымело свое действие: политическое руководство и руководство военного ведомства страны сочли нужным сохранить Центральную мусульманскую военную коллегию. - с. 181.

52. Ш.Х.Усманов, комиссар Оренбургского мусульманского батальона, воевавшего в течение 6-7 месяцев с дутовцами в Тургайских степях и участвовавшего в освобождении Оренбурга в январе 1919 г., на практике убедился в целесообразности применения родного языка для обучения военному делу и в политико-просветительной работе среди красноармейцев нерусской национальности. Ему также хорошо было известно желание тюркоязычных красноармейцев, служащих в общих частях, перейти в мусульманский батальон. В связи с этим он решил поставить перед соответствующими инстанциями вопрос о развертывании батальона в мусульманский полк. Однако эта идея не была поддержана командованием 1-й армии, куда входил батальон. Ш.Усманов, убежденный в своей правоте, решил обратиться с этим вопросом к председателю Центральной мусульманской военной коллегии М.Султан-Галиеву, который находился в то время в Уфе. В февральскую стужу Усманов выехал на лошади из Оренбурга в Уфу. Султан-Галиев, поддержав его, рекомендовал для решения вопроса поехать в Москву, вручил ему письмо на имя наркомвоена Л.Д.Троцкого о необходимости формирования татарской стрелковой бригады. С письменными докладами Усманов обращался во многие инстанции, в том числе и к Л.Д.Троцкому. В результате 10 марта 1919 г. Реввоенсовет Республики принял постановление о создании в пределах Приволжского военного округа мусульманской бригады, названной в дальнейшем 1-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригадой, комиссаром которой был назначен Ш.Х.Усманов. - с. 181.

РГВА.-Ф.17.-Оп.1.-Д.14.-Л.33,36 с об. - 37 с об., 62 с об.-63;-Ф.11.-Оп.5.-Д.435.-Л.40;
Приказы Приволжского окружного комиссариата по военным делам, 1919, приказ № 617 от 5 апреля 1919 г.; Литвин А.Л. Запрет на жизнь.-Казань, 1993. - С.187.

53. Имеется в виду экстренное заседание бюро мусульманской секции при Казанском губкоме РКП(б) с участием представителей Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока М.Х.Султан-Галиева, Г.Г.Ялымова, Ю.И.Ибрагимова, состоявшееся 18 апреля 1919 г. На заседании по предложению Султан-Галиева обсуждался вопрос об обороне Казани. В своей речи он говорил о необходимости обратить на этот вопрос самое серьезное внимание, предложил установить тесный контакт со всеми военно-революционными организациями путем направления к ним своих представителей, энергичным образом приняться за организацию обороны Казани и созданием мусульманских полков, и воспитанием их в боевом отношении. - с. 182, 507.

ЦГА ИПД РТ.-Ф.868.-Оп.1.-Д.199а.-Л.24 с об.

54. Все содержащиеся в записке предложения были приняты. М.Х.Султан-Галиев был назначен 22 апреля членом Реввоенсовета 2-й армии и работал в этой должности до конца июля 1919 г.

11 апреля 1919 г., еще до получения этой записки, Цебюро на своем заседании постановило мобилизовать 60 % всех членов мусульманских организаций РКП(б) и направ-

вить их в Казань в распоряжение находящихся там членов Цебюро. - с. 182.

55. Этот полк начал формироваться в Казани на основании телеграфного предписания Всероссийского главного штаба Приволжскому окружному военкому от 12 февраля 1919 г. и телеграфного извещения Центральной мусульманской военной коллегии Казанскому губернскому военному комиссариату от того же числа. Формированием руководили назначенный командиром полка И.Х.Ахмеров, помощник командира полка А.С. Сабитов, политический комиссар полка Г.С.Касимов. В связи с началом формирования 1-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады на основании постановления Реввоенсовета Республики от 10 марта 1919 г. и приказа № 037 Приволжского окружного военного комиссариата от 24 марта 1919 г. полк стал 1-м полком бригады. 13 и 14 мая полк был отправлен в Самару в распоряжение командующего Южной группой войск Восточного фронта М.В.Фрунзе, который направил полк для боевых действий под Оренбург. - с. 184.

РГВА.- Ф.17.- Оп.1.- Д.13.- Л.12;- Д.34.- Л.78 с об.-79; - Ф.5853.- Оп.1.- Д.1.- Л.38.

56. Приехав в Казань, председатель Революционного военного совета Республики Л.Д.Троцкий вызвал к себе для доклада председателя Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене, члена Реввоенсовета 2-й армии М.Х.Султан-Галиева. Встреча состоялась 6 мая 1919 г. К этой встрече Мирсаид Хайдаргалиевич составил доклад, текст которого публикуется. Ко всем предложенным в докладе мерам Троцкий отнесся положительно, и в тот же день были отправлены соответствующие распоряжения с тем, чтобы осуществить эти предложения. Предложение о распространении права политического контроля Центральной мусульманской военной коллегии на башкирские, киргизские /казахские/ и др. части не было принято. - с. 185.

57. Центральное бюро татаро-башкирских организаций РКП(б) Восточного фронта было организовано на конференции коммунистов мусульман фронта, состоявшейся в Сызрани 27-30 апреля 1919 г., с целью "быстрого и успешного проведения в жизнь всех постановлений и политики высших инстанций РКП(б) и для поднятия политического классового самосознания и боеспособности мусульманских частей Красной Армии в целях скорейшего подавления контрреволюции в ее национальных и классовых проявлениях и для централизации литературно-издательской, культурно-просветительной и организационно-пропагандистской деятельности по всему Восточному фронту".- с. 186, 460.

РЦХИДНИ.- Ф.583.-Оп.1. -Д.174.- Л.7.

58. Несмотря на отсутствие в типовом действующем штате политотделов армий национальных учреждений, в 1919 г. в 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, Туркестанской армиях и Южной группе войск Восточного фронта в их политотделах по мере надобности создавались мусульманские подотделы или секции, которые вели большую политико-просветительную работу среди красноармейцев татар и башкир и населения прифронтовой полосы, издавали на татарском языке свои газеты. - с. 186.

59. Казанский укрепленный район был создан на основании постановления Реввоенсовета Восточного фронта от 14 апреля 1919 г. с целью предотвращения захвата противником Волги на участке от села Богородск (ныне с.Камское Устье) до Свияжска и непосредственной обороны Казани. Для управления укрепрайоном образовался военный совет в составе коменданта и двух членов. Комендантом, он же и начальником Казанского гарнизона был назначен губернский военный комиссар Д.Н.Авров. Членами военного совета стали Д.П. Малютин и А.И.Израилович.

Основное внимание военного совета обращалось на инженерную подготовку района. В первую очередь создавались оборонительные сооружения на направлениях Чистополь - Лаишев - Казань, Мамадыш - Казань, от Агрыза и Мамадыша на Казань. Одновременно укреплялись районы с.Богородска, Свияжска, Услонский массив.

В связи с освобождением территории Казанской губернии от колчаковцев, на основании постановления Реввоенсовета Восточного фронта от 12 июня 1919 г., Казанский укрепленный район был расформирован. - с. 187, 507.

РГВА.- Ф.679.- Оп.1.- Д.42.- Л.11;- Д.47.- Л.2 с об.

60. В ответ на эту телеграмму начальник отдела укрепленных районов штаба

Восточного фронта В.А.Ольдерогге и политком И.Петухов 19 июня 1919 г. телеграфировали: "По приказанию Реввоенсовета сообщаю, что согласно донесению коменданта Казукрайона Мамлеев бежал, о чем производится расследование. Маликов как единственный помощник в оперативном отделении пока не может быть откомандирован с фронта". - с. 187.

РГВА.- Ф.679.- Оп.1.- Д.141.- Л.546.

61. Татарский запасный батальон, сформированный по приказу Л.Д.Троцкого от 6 мая 1919 г., функционировал в тяжелых условиях. Штатные рамки и возможности батальона не соответствовали огромному наплыву новобранцев-татар, которые прибывали со всех уездов Казанской губернии. Несмотря на то, что 29 мая и 1 июня батальон отправил 3320 человек на пополнение 2-го и 3-го полков 1 отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады, к 10 июня численность людей в батальоне превысила предусмотренную штатом численность в 4 с лишним раза. В то же время губернский военный комиссар Шелыханов и военный руководитель Бережной не выделяли батальону всего необходимого, положенного даже по штату. Красноармейцы не получали жалованья, обмундирования, спальных принадлежностей, спали на голом цементном полу, не хватало кухонь, продуктов питания. Все это вызывало вполне естественное недовольство красноармейцев. Создавшееся в батальоне положение было обсуждено на заседании Центральной мусульманской военной коллегии 10 июня. 11 июня в телеграмме в Реввоенсовет Восточного фронта М.Султан-Галиев обрисовал критическое положение в батальоне и предлагал срочно приступить к формированию 2-й татарской бригады, управления 1-й татарской дивизии в Казани, превратить татарский запасный батальон в татарский запасный полк. В переговоре по прямому проводу 16 июня М.Султан-Галиев описал военному комиссару Приволжского округа И.Л.Когану еще более ухудшившееся положение в батальоне. Военком обещал распорядиться о выделении батальону лошадей, кухонь, котелков, дал согласие на превращение батальона в татарский запасный полк, предлагал использовать батальон для формирования 2-татарской бригады.

Центральная мусульманская военная коллегия и командование батальона пытались разрядить обстановку в батальоне. Командование получило указание подготовить к отправке 3300 человек в формирующуюся в Симбирске 2-ю татарскую стрелковую бригаду, 2000 человек - в Сарапул для пополнения 7-й дивизии. 24 июня был проведен в батальоне митинг.

25 июня в 8 ч. утра красноармейцы батальона, находящиеся в Осокинских казармах, организованно и открыто потребовали выдачи жалованья. После удовлетворения этого требования красноармейцы успокоились. Одновременно выступили красноармейцы батальона, находящиеся в Артиллерийских казармах (ныне Октябрьский городок). Здесь уже звучали провокационные лозунги. Прибывший в эти казармы временно исполняющий обязанности заместителя председателя Центральной мусульманской военной коллегии заведующий ее политическим отделом К.Л.Якубов пытался успокоить возбужденных красноармейцев. Подстрекателей митинга это не устраивало. Якубов был застрелян. - с. 188, 253, 262, 463.

РГВА.- Ф.17.- Оп.1.- Д.34.- Л.380-382 с об.; - Д.131.- Л.25-31; -Д.147. -Л.54 с об.; НА РТ.- Ф.592.- Оп.2.- Д.146.- Л.127 об.;- Д.176.- Л.301, 314, 331; Литвин А.Л., Пивоков В.Н., Титов Л.Н. Защищая революцию: (Чекисты в первые годы Советской власти. 1917-1922). - Казань. 1980. - С.144-158.

62. С 18 мая по 19 июня 1919 г. 1-й советский татарский стрелковый полк в составе 1-й армии Восточного фронта вел непрерывные бои с превосходящим по численности противником. Последний бой в районе Белогорки и Матвеевки продолжался 12 часов. Полк понес большие потери, но не пропустил врага к Оренбургу. Тем не менее командующий 1-й армией Г.Д.Гай в своем донесении командующему Южной группой указал, что в бою 19 июня два батальона татарского полка отступили в неизвестном направлении, сдав орудия. В разговоре по прямому проводу Гай сообщил командиру бригады Ю.И.Ибрагимову, что якобы за несколько дней до последнего боя полк братался с казаками и в день боя предался неприятелю, поэтому оставшиеся в живых им разоружены. В связи с этим Фрунзе вызвал к себе Ибрагимова (к этому времени бригада была сосредоточена в Самаре) и сказал ему о нецелесообразности создания татарских полков. Обо всем этом Ибрагимов и комиссар бригады Ш.Х.Усманов сообщили в Центральную мусульманскую военную коллегию, добавив, что ими назначена комиссия для рас-

следования дела на месте происшествия. 27 июня они телеграфировали в ЦМВК: "Выяснено и фактически установлено, что 1 полк сражался, будучи окружен превосходящими силами конного противника. Строевые чины почти целиком погибли, хозяйственная часть спаслась..." Далее они писали, что по выяснении дела оставшиеся в живых около 500 человек возвращены в Самару в распоряжение бригады; что полк формируется заново. - с. 189.

РГВА.- Ф.17.- Оп.1.- Д.13.- Л.43;- Д.132.- Л.5.

63. Здесь речь идет о совещании активных партийных работников-татар Оренбургской, Самарской организаций РКП(б), Южной группы войск Восточного фронта, Туркестанской армии и политотдела 1-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады, состоявшемся в Самаре 14, 18, 19 июня 1919 г. На совещании принята резолюция о непризнании Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б) руководящим органом, о созыве, помимо Центрального бюро, съезда коммунистов-татар и народностей, говорящих на татарском языке. Для проведения в жизнь этого решения была создана предварительная комиссия, которой поручалось обратиться в ЦК РКП(б) с требованием созыва съезда и создания комиссии по его созыву. Предварительной комиссии поручалось также сноситься по затронутому вопросу с местными партийными организациями. - с. 190, 253.

Кызыл Армия.- 1919.- 8 июля.- № 93.

64. В приказе председателя Реввоенсовета Республики и наркомвоенмора Л.Д.Троцкого по войскам Восточного фронта № 92 от 1 мая 1919 г. говорилось: "Перебежчиков встречать дружелюбно, как освободившихся из-под колчаковской палки товарищей или как раскаявшихся противников. Это относится не только к солдатам, но и к офицерам. Кто перешел к нам, с тем делить хлеб-соль". - с. 192.

Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. (На военной работе). Т.2, кн.1-я. 1919 год.- М., 1924.- С.369.

65. В результате этого обращения на 2-х советских мусульманских пехотных командных курсах в Казани была открыта и функционировала приготовительная группа. - с. 196.

РГВА.- Ф.17.- Оп.1.-

66. М.Х.Султан-Галиев был принят В.И.Лениным в первых числах сентября 1919 г. Об этой аудиенции сообщил из Москвы М.Ю.Брундуков в своем письме-докладе от 7 сентября в Казань заместителю председателя Центральной мусульманской военной коллегии Н.Г. Вахитову. В нем написано, что Ленин по мусульманским делам был информирован плохо. Этот факт в многотомной биохронике В.И. Ленина не отражен. - с. 197.

РГВА.- Ф.17.- Оп.1.- Д.16- Л.30-37 с об.
Гасырлар авазы - Эхо веков.- 1998.- № 1/2.- С.31.

67. Лига Наций - международная межправительственная организация, действовавшая в период между первой и второй мировыми войнами. Она возникла в1919 г. и размещалась в Женеве. Учредителями ее стали государства, участвовавшие в войне на стороне Антанты или присоединившиеся к ней. В первые годы существования ее деятельность носила по отношению к Советскому государству явно враждебный характер. Она являлась одним из центров организации вооруженной интервенции против нашей страны. - с. 198.

68. В этот вопрос вносит некоторую ясность публикация Ю.Папорова. См.: Юность.- 1990.- № 1. - с. 199.

69. Посольство выехало из Кабула в конце апреля 1919 г., прибыло в Ташкент в июне, оттуда в конце сентября выехало в Москву, куда приехало 10 октября. На Казанском вокзале столицы посланцев дружественного Афганистана, сбросившего гнет английского империализма, встречали представители Народного комиссариата по иностранным делам во главе с заведующим отделом мусульман Ближнего Востока Н.Н.Нариманов и представители военного ведомства во главе с председателем Центральной мусульманской военной коллегии при Народном комиссариате по военным делам М.Х.Султан-Галиевым.

В ответ на приветствие Султан-Галиева Мухаммед Вали-хан заявил:

"Мы знаем, что теперь мусульманские народы России стали свободными, и твердо верим в то, что с помощью Советской России добьются свободы и наш Афганистан, и весь угнетенный восточный мир". - с. 204.

Кызыл Армия. - 1919.- 21 октября.- № 173.

70. II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока проходил в Москве с 22 ноября по 3 декабря 1919 г. На съезде присутствовали 71 делегат с решающим голосом и 11 - с совещательным. Съезд открыл от имени ЦК РКП(б) краткой вступительной речью И.В.Сталин. М.Х.Султан-Галиев был избран членом президиума. Он же председательствовал на первом и многих последующих заседаниях, выступил с докладами по основным вопросам, обсуждаемым съездом (о деятельности Центрального мусульманского комиссариата, по восточному и татаро-башкирскому вопросам), многократно выступал при обсуждении этих и других вопросов, составлял проекты резолюций, которые принимались за основу и после незначительных дополнений становились документами, выражающими волю съезда.

Эта речь произнесена М.Х.Султан-Галиевым на первом заседании съезда после избрания его председателем. - с. 205.

71. Сообщение об этой речи Черчилля было приведено в статье "Смертоносный удар империализма по русской революции", напечатанной в шведской газете "Folkets Daglad Politiken" ("Народный политический ежедневник") № 195 25 августа 1919 г. "Газета" Politiken" -, говорилось в этой статье, - получила из вполне достоверного источника сообщение о том, что английский военный министр Черчилль несколько времени тому назад информировал партийный съезд о подготовляемом Антантой смертоносном ударе по русской революции. После сосредоточения всевозможных военных припасов вдоль всех границ Советской России начнется наступление на Москву армий четырнадцати государств. Это наступление должно начаться в конце августа или в начале сентября... Если этот организованный в крупном масштабе концентрированный поход против Советской России потерпит крушение, то останется лишь одно - признать Ленина и заключить мир, так как иначе Европа будет потрясена войной на протяжении многих лет". - с. 205.

См.: Протоколы Восьмой Всероссийской конференции РКП(б). 2-4 декабря 1919 г. - М., 1934. - С.243. *(примечание 5).*

72. Эта резолюция была передана в президиум "для конкретизации и выработки главных тезисов, которые должны лечь в основу работы на Востоке". В результате родилось письмо ЦК РКП(б) всем партийным комитетам и политотделам о работе среди народов Востока от 21 февраля 1920г. - с. 207.

Ленин В.И. Поли. собр. соч. - Т.39. - С.514 (прим.118); КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. - 9-е изд. - Т.2. - М., 1983. - С.236-238; Мухарямов М. В чем Сталин обвинил татар? // Татарстан.- 1992. - № 5/6. - С.29-36.

73. На съезде с отчетным докладом о работе Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б) выступил заместитель председателя Цебюро Г.Г.Ялымов. - с. 207.

74. В Казань прибыли члены Цебюро М.Х.Султан-Галиев, Г.Г.Ялымов, К.Л.Якубов. - с. 207.

75. М.Х.Султан-Галиев был членом Реввоенсовета 2-й армии, Г.Г.Ялымов представлял мусульман в подотделе национальностей политотдела этой же армии. Член Центральной мусульманской военной коллегии К.Л.Якубов в мае и начале июня совершил поездки по частям 2-й армии, возглавил политотдел Коллегии и работал в этой должности вплоть до своей гибели 25 июня 1919 г. - с. 207.

76. Речь идет о письме, содержащем эти предложения, написанном М.Х.Султан-Галиевым от имени Центрального бюро и отправленном из 2-й армии Восточного фронта в ЦК РКП(б) в мае или июне 1919 г. Об этом письме его автор еще раз упомянул в одном из выступлений на съезде при обсуждении доклада ревизионной комиссии.

Это письмо составителями не обнаружено.

Предложения по подготовке квалифицированных партийных, советских, военных кадров для работы на Востоке прозвучали и в докладе М.Х.Султан-Галиева по восточному вопросу на II съезде коммунистических организаций народов Востока и включены в резолюцию съезда и постепенно проводились в жизнь. В их осуществлении в дальнейшем принимал участие и он сам.

Не без его участия, надо полагать, было принято решение ЦК РКП(б) в начале 1921 г. об открытии при Наркомнаце восточных курсов, которые по декрету ВЦИК РСФСР от 21 апреля 1921 г. были преобразованы в Коммунистический университет трудящихся Востока. М.Х.Султан-Галиев вплоть до своего ареста 4 мая 1923 г. входил

в тройку по управлению университетом и работал лектором.

Был учрежден Центральный институт живых восточных языков, который влился в состав Института востоковедения при Наркомнаце, созданного по постановлению Президиума ВЦИК от 27 октября 1921 г.

Было осуществлено и предложение М.Х.Султан-Галиева об открытии восточного отдела в Академии Генерального штаба. 29 января 1920 г. был издан приказ Реввоенсовета Республики об открытии восточного отделения Академии Генерального штаба с 1 февраля 1920 г. Этим же приказом был утвержден проект положения об этом отделении, составленный знатоком Востока, бывшим начальником Азиатской части Главного штаба А. - А.Давлетшиным в сентябре 1919 г.

В отделении готовились кадры для службы в Красной Армии на восточных окраинах советской республики и для военно-дипломатической работы в странах Среднего, Ближнего и Дальнего Востока. - с. 208.

77. После учреждения распоряжением председателя Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкого от 12 сентября 1918 г. Центральной мусульманской военной коллегии при Народном комиссариате по военным делам ее временный председатель М.Х.Султан-Галиев, члены Н.Г.Вахитов, А.Х.Алмаев, К.Л.Якубов разработали положение о Коллегии с целью определения ее цели, структуры. Положение было принято на заседании Коллегии 2 ноября 1918 г. и разослано для обсуждения и принятия соответствующего решения в ряд центральных органов военного ведомства, в Наркомнац, в Центральный мусульманский комиссариат и т.д.

20 ноября 1918 г. Реввоенсовет Республики издал приказ № 276 об учреждении Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене в указанном выше составе, а 9 января 1919 г. утвердил ее штат, предусматривающий 83 человека.

Было получено несколько положительных отзывов о положении и два - отрицательных. Коллегия Наркомнаца и Всероссийский главный штаб нашли, как уже отмечалось в примечаниях 49 и 50, существование Центральной мусульманской военной коллегии излишним.

Говоря о непризнании Центральной мусульманской военной коллегии, Султан-Галиев имеет в виду эти отрицательные отзывы. - с. 208.

78. М.Х. Султан-Галиев имеет в виду 1-ю Всероссийскую конференцию мусульманских рабочих, которая состоялась в Москве 18-28 марта 1918 г. На конференции членами Центрального мусульманского комиссариата были избраны Мулланур Вахитов, Хасият Гайнуллин и Исхак Рахматуллин. Конференция назвала себя партией мусульманских социалистов-коммунистов. На конференции был образован Центральный мусульманский социалистический комитет. М.Султан-Галиев был избран в состав этого комитета и его исполнительной коллегии. - с. 210, 310.

Чулпан. -1918. - 3 апрель. - № 14; - 11 апрель. - № 15.

79. После опубликования разработанного Народным комиссариатом по делам национальностей и Комиссариатом по делам мусульман внутренней России и Сибири Положения о Татаро-Башкирской Советской республике в конце марта 1918 г., на основании п.4 Положения о том, что "организация комиссии по созыву Учредительного съезда Советов поручается Комиссариату по делам мусульман Средней России", Комиссариат приступил к практической работе по созданию совместной республики двух братских народов. Одним из первых шагов в этом направлении явился созыв совещания представителей Советов и мусульманских комиссариатов заинтересованных в создании республики губерний. Это совещание состоялось 13-18 апреля 1918 г. в Москве при центральном мусульманском комиссариате. На совещании обсуждались вопросы о границах будущей республики; составе комиссии по созыву Учредительного съезда Советов этой республики, при том постановлено включить с правом решающего голоса не только представителей татар и башкир, но и чувашей, удмуртов и мордвы. Собравшиеся учредили комиссию по научному обследованию создаваемой республики и прилегающих к ней губерний и областей в этнографическом, географическом, геологическом, историческом и культурно-промышленном отношениях и разработке имеющихся по этим вопросам материалов.

С целью организации комиссии по созыву Учредительного съезда Советов Казанской, Уфимской, Оренбургской, Вятской, Екатеринбургской, Симбирской и Пермской губерний для определения границ и компетенции татаро-башкирской советской автономии было созвано новое сове-

щание, которое состоялось в Москве 10-16 мая 1918 г. - с. 210.

80. В Туркестан были направлены представители Центрального мусульманского комиссариата Ю.И.Ибрагимов и А.Клявлеев. В Ташкенте они участвовали в подготовке и работе V съезда Советов края, которым 30 апреля 1918 г. провозгласил образование Туркестанской Советской Республики в составе РСФСР. - с. 210.

81. Имеется в виду чрезвычайное заседание членов коллегии Центрального мусульманского комиссариата совместно с членами центральных комитетов партий коммунистов и левых социалистов-революционеров мусульман, состоявшееся в Москве 11 сентября 1918 г. В заседании участвовали от коммунистов М.Х.Султан-Галиев, Х.З.Гайнуллин, К.Н.Каспранский, К.Л.Якубов, Н.Я.Яруллин, Исхак Рахматуллин, М.Субхи, И.М.Казаков; от левых эсеров Г.Г.Ибрагимов, Ш.Г.Ахмадиев, Г.К.Альмухаметов, А.Х.Алмаев, Г[азым] Касымов, А.Рахманкулов, А.М.Енбаев. - с. 211.

ЦГА ИПД РТ.- Ф.36.- Оп.1.- Д.280.- Л.75-77.

82. Речь М.И.Калинина опубликована в книге "Шәрекъ коммунистларының II съездында кабул ителгән карарлар һәм мөһим нотыклар"(Резолюции II съезда коммунистов Востока и важные выступления). - Казань, 1920. - С.26-29. - с. 224.

83. Новожизненец - разделяющий взгляды меньшевиков-интернационалистов, группировавшихся вокруг газеты "Новая жизнь". Эта газета издавалась в Петрограде с 18 апреля 1917 по июль 1918 г. - с. 225, 491.

84. Национальное собрание мусульман внутренней России и Сибири рассматривало вопрос о создании территориальной автономии для татар и башкир на нескольких своих заседаниях и одобрило проект организации Волжско-Уральского штата (Идель-Урал штаты). Для всесторонней подготовки этого вопроса Собранием была создана комиссия (коллегия) из 8 человек, в состав которой были избраны Галимджан Ибрагимов, Галимджан Шараф, Илиас Алкин, Галим Акчурин, Салах Атнагулов, Фатых Сайфи, Сагид Енгалычев, Наджиб Хальфин. На эту же комиссию совместно со Всероссийским мусульманским военным шуро было возложено провозглашение автономного штата Идель-Урал. -с. 226.

Давлетшин Т. Советский Татарстан: Теория и практика ленинской национальной политики.- Мюнхен, 1974.- С.158-159.

85. В речи при открытии совещания по созыву Учредительного съезда Советов Татаро-Башкирской Советской республики 10 мая 1918 г. И.В.Сталин говорил:

"Мы предлагаем другой тип автономии, тип автономии областей с преобладанием одной или нескольких национальностей. Никаких национальных курий, никаких национальных перегородок! Автономия должна быть советская, опирающаяся на Совдепы. Это значит, межевание людей в данной области должно пойти не по национальному признаку, а по признаку классовому. Классовые Совдепы, как основа автономии, автономия, как форма выражения воли этих Совдепов - таков характер предлагаемой нами советской автономии". - с. 236.

Сталин И.В. Соч. - Т.4. - С.88.

86. Подлинные слова М.М.Вахитова следующие:

"Товарищи, с гор могучего Кавказа, из глубин Сибири, из сел и деревень спешите на защиту рождающейся Татаро-Башкирской Советской республики". - с. 236.

Вахитов М. Избранное: Статьи; Речи; Письма; Документы. - Казань, 1967.- С.64.

87. На съезде с докладами по татаро-башкирскому вопросу, т.е. вопросу о формах национальной государственности двух братских народов, кроме М.Х.Султан-Галиева, выступили М.Ю.Брундуков и С.С. Саид-Галиев. - с. 236.

88. В письме от 20 июля 1918 г. из Сарапульской тюрьмы Ш.А.Манатов писал И.В.Сталину о том, что он после ареста в Уфе Г.Г.Ибрагимовым был эвакуирован в г.Сарапул Вятской губернии и уже два месяца томится в тюрьме без допросов и предъявления обвинения и просил помощи в его освобождении (ГАРФ.- Ф.1318.- Оп.1.- Д.37.- Л.61.). По всей вероятности, Сталин выполнил его просьбу, так как Ш.А.Манатов вскоре оказался на свободе. - с. 237.

89. Парижская мирная конференция, созванная державами Антанты, победительницами в первой мировой войне, для выработки и подписания мирных договоров с побежденными государствами австро-германского блока, проходила с перерывами с 16 января 1919 г. по 21 января 1920 г. - с. 237, 272.

90. I Всебашкирская конференция РКП(б), состоявшаяся в Стерлитамаке 8-11 ноября 1919 г., в своей резолюции о Татаро-Башкирской республике решительно отвергла мысль о создании такой республики и требовала отмены Положения о ней. - с. 247.

Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: Сб. документов и материалов. - Уфа, 1959.- С.419-420.

91. В состав этого Ревкома были избраны С.С.Саид-Галиев, М.Х.Султан-Галиев, С.С.Атнагулов, К.Г.Мухтаров, И.М.Казаков, М.Ю.Брундуков, Ш.Х.Усманов. - с. 250.

Кызыл Армия.- 1919.- 10 декабря.- № 211.

92. Резолюция принята в результате нескольких голосований с незначительным большинством ("за" - 45, "против" - 38).

Однако споры о формах национальной государственности татар и башкир с принятием этой резолюции не утихли. Все мнения по этому вопросу были выслушаны на специально созванном совещании в Кремле под председательством В.И.Ленина 13 декабря 1919 г. На заседании Политбюро ЦК РКП(б), состоявшемся в тот же день, было решено, ввиду того, что значительная часть делегатов II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока против создания Татаро-Башкирской Советской республики, таковой не создавать, отменить декрет Наркомнаца от 22 марта 1918 г. Коммунистам предлагалось не вести в дальнейшем агитацию за Татаро-Башкирскую Советскую республику.

26 января 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило принять в принципе организацию Татарской Социалистической Советской Республики. 27 мая 1920 г. был принят декрет ВЦИК и СНК РСФСР "Об Автономной Татарской Социалистической Советской Республике".

14 июня 1922 г. ВЦИК решил упразднить Уфимскую губернию и передать ее уезды в состав Башкирской АССР. - с. 256.

93. Попыткой присвоения функций Центральной мусульманской военной коллегии Центральным бюро явилось возбуждение им ходатайства перед соответствующими военными органами о создании под его руководством отрядов Красной Армии из уроженцев Востока. В результате 26 августа 1919 г. Реввоенсоветом Республики был издан приказ № 1363/268, предписывающий Цебюро производить набор персов, турок и других восточных национальностей и формировать из них в пределах Туркестанского фронта отдельные батальоны, которые развертывать в крупные войсковые соединения. Цебюро же поручался также набор соответствующих офицеров и политработников для них. - с. 256.

94. VIII Всероссийская конференция РКП(б) состоялась в Москве 2-4 декабря 1919 г. - с. 258.

95. Дашнаки - члены армянской национально-демократической партии "Дашнакцутюн" /"Союз"/, возникшей в Тифлисе в 1890 г. Дашнаки с помощью западных держав стремились освободить армян из-под ига Турции и создать автономное армянское государство. Они вместе с грузинскими меньшевиками, азербайджанскими мусаватистами выступали против Октябрьской революции. С мая 1918 по ноябрь 1920 г. "Дашнакцутюн" - правящая партия Армянской республики. - с. 272.

96. Партия "Мусават" - точное название "Тюркская демократическая партия "Мусават" /"Равенство"/ - возникла в Баку в 1911 г. В Азербайджанской республике, провозглашенной 28 мая 1918 г., "Мусават" являлся правящей партией. - с. 274.

97. О покушении на жизнь С.С.Саид-Галиева см.: Султанбеков Б.Ф. Эхо выстрела у Лядского сада //Султанбеков Б. С грифом "Совершенно секретно": Драматические страницы истории Татарстана. - Казань, 1993.- С.4-12; Он же. Выстрел у "Лядского сада": Версия //Гасырлар авазы - Эхо веков (Казань).- 1995.- № пробный.- С.102-111. - с. 285, 445.

98. Члены Башкирского временного революционного комитета в знак протеста

против сужения прав республики со стороны федеральных властей, против отзыва из республики З.Валидова, Х.Юмагулова и игнорирования Центром неоднократных обращений с просьбой вернуть их в республику, в июне 1920 г. оставили свои посты и разъехались. В дальнейшем И.Ш.Рахматуллин, вернувшись в Казань, занимал высокие должности. - с. 286, 459.

99. Под "Большой" Татарией подразумевалась территория неосуществленной Татаро-Башкирской республики, за исключением территории Малой Башкирии. "Малая Татария" - это современный Татарстан. - с. 287.

100. В списке, приложенном к этому письму, М.Х.Султан-Галиев указал следующих лиц: И.К.Фирдевс, Ш.Х.Усманов, Г.Мансуров, О.Мамин, И.М.Казаков, Р.Алмаев, К.Хайруллин, А.Алимбекова, Кадриков, М.Ю.Брундуков, Н.Г.Вахитов, А.М.Енбаев, А.Г.Ганиев, Сулейманов, Ф.Бурнашев. - с. 288, 445, 460.

Архив КГБ РТ.- Ф.4.- Оп.1.- Д.14.- Л.296 с об.

101. 2-е советские мусульманские пехотные курсы приказом по войскам Запасной армии Республики № 190 от 11 июля 1920 г. со всем курсантским, командным составом, за исключением административного и хозяйственного персонала, были отправлены из Казани в Москву, оттуда - в Петергоф, где они были слиты с 5-ми пехотными курсами и составили мусульманское отделение. Взамен этим курсам по ходатайству Центральной мусульманской военной коллегии были открыты в Казани на основании приказа Реввоенсовета Республики № 1343 от 19 июля 1920 г. 16-е образцовые мусульманские пехотные командные курсы. - с. 288.

102. В начале октября 1920 г. татарский запасный батальон был развернут в татарский запасный полк 6-ти батальонного состава с подчинением Запасной армии Республики. В полку были созданы комендантская, пулеметная, хозяйственная, саперов, телеграфистов команды, полковая школа для подготовки низшего командного состава. - с. 289.

103. В списке арестованных, приложенном к этому письму, значатся И.К.Фирдевс, А.М.Енбаев, Таканаев, Ф.Бурнашев, Бикчантаев, Ганиев, К.Хайруллин, О.Мамин, Максудов, т.е. - 9 человек. - с. 289.

Архив КГБ РТ.- Ф.4.- Оп.1.- Д.14.- Л.295 с об.

104. 1-я областная конференция коммунистов-татар Татарской АССР состоялась в Казани 26-28 июля 1920 г. По партийно-организационному вопросу с докладом выступил И.К.Фирдевс. Он доказывал необходимость существования мусульманских секций в составе партийных комитетов и после образования республики. Собравшиеся присоединились к этому мнению. На 1-й Татарской областной партийной конференции, состоявшейся 23-24 августа 1920 г., вопрос о существовании муссекций обсуждался вновь. С.Саид-Галиев при этом заявил: "Нам отдельные секции не нужны". Конференция приняла решение о ликвидации мусульманских секций. - с. 292.

Эшче.- 1920.- 2 августа.- № 71; - 8 сентября.- № 83.

105. Призыв Советской власти к колониям на Востоке - М. Султан-Галиев имеет в виду обращение Совнаркома к трудящимся мусульманам России и Востока от 20 ноября 1917 г. Объявив об уничтожении тайных договоров царского и Временного правительств о захвате чужих земель, Советское правительство призвало мусульман Востока, персов и турков, арабов и индусов свергнуть порабтителей своих стран - хищников европейского империализма.

"Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель! - говорилось в обращении. - Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ! Вы сами должны стать хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию! Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в ваших собственных руках..." - с. 302.

106. 1 съезд народов Востока состоялся в Баку 1-7 сентября 1920 г. На нем присутствовал 1891 делегат - представитель 37 национальностей /Кавказа, Средней Азии, Афганистана, Египта, Индии, Ирана, Китая, Кореи, Сирии, Турции, Японии и др. стран/. Съезд обсудил следующие вопросы:

1/ международное положение и задачи трудящихся народов Востока;

2/ национально-колониальный вопрос;

3/ аграрный вопрос;

4/ Советы на Востоке;

5/ организационный вопрос и др.

Съезд утвердил "Тезисы о Советской власти на Востоке", в которых говорилось о необходимости использования восточными народами опыта советского строительства в России, значении Советов для уничтожения империалистической эксплуатации, для передачи земли в руки трудящихся и установления братского сотрудничества между трудящимися разных народов.

Для проведения в жизнь принятых решений съезд организовал при исполнительном комитете Коминтерна постоянный орган - Совет пропаганды и действий народов Востока. - с. 293, 302.

107. Этот документ, представляющий собой краткий отчет о деятельности Центрального мусульманского комиссариата (позже - Татарского отдела) Наркомнаца за период существования, с 17 января 1918 г. по 15 декабря 1920 г., был подготовлен М.Х.Султан-Галиевым к 1-му Всероссийскому совещанию представителей автономных республик, областей и губернских отделов по делам национальностей. Совещание состоялось в Москве 18-21 декабря 1920 г. На нем присутствовало 115 делегатов от 31 национальности. Собравшиеся заслушали доклады о национальной политике Советской власти (Л.Б.Каменев), о деятельности Наркомнаца (А.З.Каменский), о просвещении национальных меньшинств, а также рассмотрели организационные вопросы и текущие дела, приняли соответствующие резолюции.

М.Х.Султан-Галиев был избран в президиум, в первый день первым приветствовал собравшихся от имени Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), на второй день - председательствовал. - с. 305.

108. Здесь имеется в виду совместное обращение Председателя Совета Народных Комиссаров В.И.Ленина, народного комиссара по военным и морским делам Л.Д.Троцкого, председателя Центрального мусульманского комиссариата М.М.Вахитова и заместителя народного комиссара по делам национальностей Ф.А.Розина ко всем трудящимся мусульманам, опубликованное в газете "Правда" 15 июня 1918 г., в газете "Чулпан" на татарском языке 19 июня 1918 г. В обращении говорилось:

"Товарищи, братья, трудящиеся мусульмане!

Часы грозных испытаний переживает Российская Социалистическая Федерация наций. Русские черносотенцы, поддерживаемые обманутыми чехословаками, пытаются удушить вольности народов России, в борьбе за которую пало столько мужественных и благородных бойцов. Контрреволюционные банды вторгаются на территорию Татаро-Башкирской Социалистической Республики, неся за собой голод, разорение, насилие и кандалы времен кровавого царизма.

Дорогие товарищи, если вы хотите быть вольными гражданами в муках рождающейся Татаро-Башкирской Советской Республики, если надежды вашего сердца идут заодно с сокровеннейшими надеждами миллионов угнетенных и забитых, то спешите под красные знамена Мусульманской социалистической армии. Пусть же, пусть со всех концов России огненной лавой несутся победоносные революционные воины-мусульмане на защиту власти рабочих и беднейших крестьян. И верим мы, глубоко верим, что проснувшийся к новым великим судьбам мусульманский пролетариат внесет в историю революционного движения славные героические страницы". - с. 310.

Декреты Советской власти. - М., 1959.- Т.2. - С.435-436.

109. I конференция турецких социалистов-коммунистов состоялась в Москве 22-25 июля 1918 г. На конференцию прибыл 21 представитель Московской, Орловской, Ивановской, Казанской, Астраханской и других групп турецких социалистов из среды рабочих и военнопленных. Конференцию открыл заведующий отделом международной пропаганды Центрального мусульманского комиссариата, профессор, турецкий коммунист Мустафа Субхи. Он же на заседаниях председательствовал. М.Вахитов приветствовал собравшихся от имени Центрального мусульманского комиссариата.

На конференции были заслушаны доклады агитаторов, работавших среди турецких рабочих и военнопленных, об их положении; о влиянии войны на Турцию, о политическом положении Турции, о взаимоотношениях национальностей в Турции, об отношении турецких социалистов к Российской Советской Республике.

На конференции была создана Турецкая партия социалистов-коммунистов, которая за основу своей программы приняла программу РКП(б). Конференция избрала из

5 человек Центральный комитет этой партии и из 4 человек - отдел пропаганды. - с. 310.

Чулпан. - 1918.- 29 июля- № 28; - 31 июля. - № 29.

110. После отъезда председателя Центрального мусульманского комиссариата М.Вахитова в Казань 1 августа 1918 г. его замещал Г.Ибрагимов. Он же оставался заместителем и после гибели Вахитова и назначения председателем М.Х.Султан-Галиева, и после отъезда последнего 12 сентября в Казань. Газета "Чулпан" 25 сентября 1918 г. сообщала, что Г.Ибрагимов продолжал работать и после операции на горло, однако по настоянию врачей 18 сентября вынужден был лечь в больницу. С этого времени он надолго выбыл из строя. - с. 311.

111. Конференция по реформе татарского алфавита открылась в Казани 4 января 1919 г. В ее работе принимали участие М.Субхи, Г.Нугайбеков, М.Курбангалиев, Г.Шараф, Г.Диммухаметов, Ф.Сайфи-Казанлы, Н.Мухутдинов, Г.Сагди, С.Е.Малов, Н.Ф.Катанов и другие ученые-языковеды. - с. 311.

112. 27 января 1919 г. коллегия Наркомнаца в отсутствие председателя Центральной мусульманской военной коллегии и представителя Центрального мусульманского комиссариата в комиссии Наркомнаца по рассмотрению положения о ЦМВК М.Х.Султан-Галиева постановила считать существование Мусульманской военной коллегии нецелесообразным и необходимым ее упразднить.

1 февраля на заседании ЦМВК М.Султан-Галиев сообщил, что он имел беседу со Сталиным по вопросу о судьбе коллегии и что Сталин заявил определенно о том, что ЦМВК должна будет существовать в том виде, в каком признана и утверждена Комиссариатом по военным делам (имеется в виду утверждение Реввоенсоветом Республики штата ЦМВК 9 января 1919 г.), обещал со своей стороны поддержку ЦМВК, а также высказал пожелание, чтобы в центре оставался один член коллегии, а остальные разъехались для работы на места. - с. 312.

ГАРФ.- Ф.1318.- Оп.1.- .1.- Л.95 об.; РГВА.- Ф.17.- Оп.1.- Д.147.- Л.33.

113. Центральная мусульманская военная коллегия издавала газету на татарском языке "Кызыл Армия" ("Красная Армия"). С 20 апреля 1918 г. по март 1921 г. было выпущено 429 номеров. - с. 313.

114. Центральная мусульманская военная коллегия придавала большое значение переводу русской и зарубежной классической сценической литературы на татарский язык и организовала эту важное дело. В результате к июню 1920 г. она имела 75 пьес, переведенных с русского на татарский язык. Однако назвать всех их революционными было бы неверно. - с. 313.

115. Помимо газеты "Кызыл Армия", ЦМВК с 25 февраля 1920 г. издавала еженедельную газету на русском языке "Красная Армия", которая с 13 сентября (с 18-го номера) была переименована в "Красный Восток". В связи с ликвидацией ЦМВК газеты "Красная Армия" и "Красный Восток" стали органами отдела Востока Политуправления Реввоенсовета Республики. - с. 314.

116. Центральная мусульманская военная коллегия приказом Реввоенсовета Республики № 2005 от 1 октября 1920 г. была расформирована.

Этим же приказом был создан в Политуправлении Реввоенсовета Республики отдел Востока, который возглавил М.Х.Султан-Галиев. Этот отдел функционировал до февраля 1921 г.

Военно-организаторские функции расформированной ЦМВК перешли Восточному отделу Организационного управления Всероссийского главного штаба, учрежденному приказом РВСР № 2203 от 31 октября 1920 г. Возглавил этот отдел бывший военный руководитель ЦМВК М.Ю.Брундуков. Отдел функционировал до апреля 1921 г. - с. 314.

117. Газета "Кызыл Шәрекъ" ("Красный Восток") издавалась в 1920 году отделением РОСТА при агитационно-инструкторском поезде ВЦИК "Красный Восток" на русском, татарском, киргизском, узбекском, персидском, туркменском языках. - с. 316.

118.Этот документ свидетельствует об активном участии М.Х.Султан-Галиева в подготовке I съезда народов Востока, состоявшегося в Баку 1-7 сентября 1920 г. Однако он был лишен возможности участвовать в съезде. - с. 320.

119.С момента установления Советской власти в Крыму в ноябре 1920 г. созыв областной партийной конференции неоднократно переносился по разным причинам. Руководство партийной работой в Крыму осуществлял не избранный, а назначенный реввоенсоветом Южного фронта областной комитет во главе с Р.С.Землячкой /Самойловой/. После отзыва ее из Крыма ЦК РКП(б) не сразу определился с новой кандидатурой на пост секретаря обкома партии. В конце концов выбор пал на И.А.Акулова, работавшего в Оренбурге и, как предполагалось, знакомого с национальными проблемами. И.А.Акулов прибыл в Крым лишь в конце марта. В областном комитете он застал острые противоречия по таким злободневным вопросам, как земельный, продовольственный, об отношении к "зеленым" повстанцам и, наконец, о создании автономной республики в Крыму. Было принято решение запросить официальное мнение ЦК РКП(б), для чего в апреле в Москву командировали члена обкома партии А.Лидэ. Одновременно на более поздний срок переносилась партийная конференция. Она состоялась во второй половине мая 1921 г. - с. 324.

Крымский архив.-1996.-№ 2. Публикация и примечания С.А. Усова.

120. Сведения о масштабах террора в Крыму стали циркулировать по Москве уже зимой 1921 г. За рубежом об этом стало широко известно после выхода в 1923 г. книги историка-эмигранта С.Мельгунова "Красный террор в России", основанной на свидетельствах очевидцев событий. Исследования последних лет позволяют во многом восстановить картину трагедии. Очевидно, что имело место политическое решение высшего руководства большевиков. Об этом свидетельствуют скрупулезные отчеты Р.Землячки на имя члена Политбюро, секретаря ЦК И.Крестинского. Приказ о начале операции отдал председатель ВЧК Ф.Дзержинский 16 ноября 1920 г. шифровкой на имя начальника особого отдела Южного фронта В.Манцева. Пик массовых расстрелов военнослужащих армии Врангеля пришелся на ноябрь-декабрь 1920 г. Последующая волна репрессий охватила бывших служащих гражданской администрации при Врангеле, представителей буржуазных слоев, сложившихся в Крыму к концу гражданской войны, обвиняемое в контрреволюции местное крестьянство и т.д. О терроре знали находившиеся в разное время в Крыму Д.Ульянов, М.Ульянова, М.Фрунзе, И.Бухарин, Н.Семашко и др. Однако единственным, кто заявил об этом открыто на уровне совета национальностей Наркомнаца, стал М.Султан-Галиев. Учитывая "бесшабашный" характер расстрелов, которые осуществляли особые отделы по всему Крыму, точную цифру погибших установить сложно. Анализ известных источников позволяет сделать вывод, что их было не менее 40 тыс. человек. - с. 325.

Крымский архив.-1996.-№ 2. Публикация и примечания С.А. Усова.

121. В составе Южного фронта в ноябре 1920 г. в Крым вступили войска 1-й и 2-й конных армий, а также 4-й, 6-й и 13-й армий. Кроме того, по соглашению между командованием Южного фронта /М.Фрунзе/ и Махно, небольшая группировка последнего / до 5 тыс человек/ приняла участие в боях за Крым. В связи с многочисленными фактами неуправляемости махновцев, творивших бесчинства и грабежи, в отношении их были приняты жесткие меры. - с. 326.

Крымский архив.-1996.-№ 2. Публикация и примечания. С.А. Усова.

122. Особый отдел Морведа. - Речь идет об особом отделе морских сил Черного и Азовского морей. В этот период его возглавлял В.Чернобровый. Деятельность особого отдела флота распространялась практически на все побережье. Часто проводились карательные экспедиции в горной части Крыма против "зеленых", что болезненно воспринималось местным татарским населением. М.Султан-Галиев допускает неточность, утверждая, что в особых отделах сохранился тот же состав, какой был при старом режиме. В действительности же они формировались заново, на классовой основе. Однако в первое время надзирателями в местах заключения остались лица, служившие еще при Врангеле. Это обстоятельство вызывало многочисленные протесты партийных и советских работников, бывших партизан и подпольщиков - с. 126.

Крымский архив. - 1996.- №2. Публикация и примечания С.А.Усова.

123. ЦУКК - Центральное управление курортами Крыма. Образовано в декабре 1920 г. во главе с Д.И.Ульяновым. - с. 329.

124. Южсовхоз - трест, осуществлявший руководство совхозами Крыма. К началу 1921 г. на основе частнособственнических земель и усадеб было создано около 1000 совхозов. Тем самым татарское крестьянство не только не получило земли, но и утратило возможность традиционной аренды. Попытки властей вести хозяйство на основе принудительного труда в совхозах были одной из причин всплеска "зеленого" движения зимой-весной 1921 г. IV Крымская областная партийная конференция признала необходимым резко сократить /до 192/ количество совхозов. К земельной реформе в Крыму приступили лишь летом 1921 г. после приезда из Москвы полномочной комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. - с. 330.

125.Татпартбюро - татарское бюро при Крымском областном комитете партии . Образовано в ноябре 1920 г. Работало на правах национальной секции при партийных комитетах. В 1921 г. татарское бюро возглавляли О.Дерен-Айерлы, К.Хамзин, И.Фирдевс. Основная задача татарского бюро при обкоме партии и аналогичных бюро на местах состояла в ведении агитационно-пропагандисткой работы на родном языке. Однако стремление бюро к самостоятельности являлось причиной напряженных взаимоотношений между ним и обкомом партии. - с. 331.

Крымский архив. - 1996. - №2. Публикация и примечания С.А.Усова.

126. В начале 1921 г. ВЦИК декларировал образование в составе РСФСР автономных республик - Дагестана и Горской республики. Многонациональные по составу, они создавались как территориальные, а не национальные автономии. М.Султан-Галиев очень точно и дальновидно оценил значение этого опыта в вопросе об автономии в своеобразных условиях Крыма. - с. 333.

Крымский архив. - 1996. - №2. Публикация и примечания С.А.Усова.

127. Учитывая преобладание крестьянского мелкобуржуазного населения в Грузии, Председатель Совнаркома В.И.Ленин требовал более осторожного, постепенного перехода к социалистическим преобразованиям, недопущения какого-либо принуждения. Речь шла о немедленном наделении крестьян землей, сугубой осторожности и избирательности при определении и сборе сельхозналога, отказе от попыток форсировать создание коллективных форм хозяйствования и т.д. М.Султан-Галиев обоснованно считал, что этот опыт применим в условиях Крыма. - с. 334.

Крымский архив.-1996.-№ 2. Публикация и примечания С.А. Усова.

128. Колонистами в Крыму считали, в первую очередь, потомков немецких переселенцев, занимавших наиболее плодородные земли в центральной части полуострова. В то же время лидеры татарской национальной интеллигенции в 1921 году называли колонистами крестьян с Украины, которые осели на севере Крыма в годы гражданской войны. - с. 334.

Крымский архив.-1996.-№ 2. Публикация и примечания С.А. Усова.

129. В связи с трагической кончиной Мустафы Субхи и его товарищей М.Павлович опубликовал статью "Гибель турецких коммунистов" (Жизнь национальностей.- 1921.- 14 мая.- № 10/108), в которой приводится текст письма члена Турецкой коммунистической партии, члена Заграничного бюро той же партии А.Джевада от 2 апреля 1921 г. с описанием подробностей этой трагедии. Согласно письму, сформированный в Баку из турецких военнопленных полк отправился в Анатолию на помощь войскам Карабекира и Кемаля. Одновременно с полком уехали из Баку М.Субхи, 4 члена ЦК компартии Турции и 12 турецких коммунистов. 28 января 1921 г., по прибытии в Трапезунд (ныне Трабзон) они были отведены в порт при злобных выкриках спровоцированной толпы. Их обезоружили, насильно посадили в моторную лодку и отчалили от берега. Их связали, закололи штыками и сбросили в море. - с. 335.

130. Автор имеет в виду состоявшееся в Казани с 17 по 23 июня 1918 года совещание представителей мусульманских революционных организаций Москвы, Петрограда, Казани, Архангельска, Перми, Самары, Урала, Симбирска, Саратова и др. - с. 336.

131. Доклад информатора Наркомнаца (была и такая должность) А.Бульбуловича о деятельности Центрального мусульманского комиссариата был рассмотрен на объединенном заседании фракций коммунистов и левых эсеров Центрального мусульманского комиссариата 1 октября 1918 г.

В принятой резолюции эта информация названа гнусной провокацией, наглой, бессовестной клеветой и предложено возбудить уголовное дело против клеветника. В ответ на официальное представление Центромусскома Наркомнац сообщил, что Булбулович будет отстранен по делегировании Мусульманским комиссариатом другого информатора. - с. 336.

ГАРФ.- Ф.1318.- Оп.-1.- Д.37.- Л.71-75, 96 с об., 99.
Гасырлар авазы - Эхо веков.- 1997.- № 3-4.- С.77-90.
Публикация Б.Ф.Султанбекова и Д.Р. Шарифутдинова.

132. Всероссийская конференция по реформе татарского алфавита состоялась в Казани не в сентябре 1918 г., а в январе 1919 г. - с. 337.

133. "Интернациональные митинги" - митинги иностранных граждан - военнопленных в России, проводившиеся партийно-советскими органами в 1917-1919 гг. в целях вовлечения их в гражданскую войну на стороне Советов. В связи с 1-й мировой войной к 1917 г. в России находилось около 5 млн. иностранцев, в том числе около 2,2 млн. военнопленных германской армии, турецкой - около 63 тыс., болгарской - свыше 1500 и австро-венгерской - около 1,9 млн. В пределах Московского военного округа находилось 321 тыс. военнопленных, Казанского военного округа - 285 тыс., остальные - в других округах.

Среди тюркоязычных военнопленных большую разъяснительную работу проводил и отдел международной пропаганды Центрального мусульманского комиссариата, которым заведовал М.Субхи. - с. 338.

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия.- М., 1983. - С.234-235; Субаев Н.А. Родники солидарности. Казань, 1971.

134. Весть о "гибели" М.Субхи дошла и до Казани. В связи с этим Ш.Ахмадиев написал некролог, который был опубликован в газете "Кызыл Армия" /-1919. - 24 августа.- № 133/. - с. 338.

135. Чистка партии проводилась с 15 августа 1921 г. по март 1922 г. на основе резолюции X съезда РКП(б) "По вопросам партийного строительства". Постановлением ЦК и ЦКК от 21 июня 1921 г. по вопросу о проверке, пересмотре и очистке партии были определены сроки, методы чистки, порядок создания местных проверочных комиссий. ЦК партии в письме "Ко всем партийным организациям. Об очистке партии" /см.: Правда.- 1921.- 27 июля.- № 163/ рекомендовал подвергнуть самой тщательной проверке и чистке выходцев из других партий, особенно меньшевиков и эсеров.

Заявление М.Султан-Галиева, по всей вероятности сыграло решающую роль в том, что А.М.Енбаев был оставлен в рядах РКП(б). - с. 353.

136. 8 мая 1921 г. в газете "Татарстан" была опубликована статья Г.Баимбетова под названием "Не следует бросать в огонь шубу, озлобившись на вшей", в которой остро критиковалось утвержденное Совнаркомом ТАССР Положение о выборах в потребительское общество республики через профсоюзные организации. Автор убедительно показывает, что члены Татпрофсовета и Татпотребсоюза и их руководство далеки от интересов трудящихся-татар. Он ратует за то, чтобы были обеспечены их права быть избранными в руководящие органы профсоюзов и потребительских обществ республики.

В статье вполне обоснованно подвергался критике ряд влиятельных и облеченных властью лиц, в том числе и некоторые члены бюро ОК РКП(б). - с. 355.

137. Автор имеет в виду нашумевший в свое время "вопрос" о 1-м Финляндском стрелковом мусульманском полке. Полк в пределах старой армии был сформирован в районе Петрограда в конце 1917 г. Солдаты полка, желая быть ближе к родным местам, потребовали перевода своей части в Казань и добились разрешения. Под предлогом того, что полк могут использовать контрреволюционные элементы, Казанский совет тайком от мусульманских организаций решил отправить телеграмму наркомвоену Н.И.Подвойскому с просьбой полк в Казань не допустить, по дороге разоружить. Телеграмма за подписью председателя гарнизонной коллегии Шелыхманова была перехвачена на телеграфе комиссаром Всероссийского мусульманского военного шуро и оглашена на заседании II Всероссийского мусульманского военного съезда. Она вызвала бурные и продолжительные прения.

23 февраля 1918 г. эшелон Финляндского мусульманского полка, состоявший из 45 вагонов, прибыл в Казань, где был встречен представителями военного шуро и Мусульманского социалистического комитета. 22 апреля полк был расформирован. - с. 116, 359.

138. Волжско-Уральский штат /Идел-Ураlштаты/ - первый вариант проекта осуществления совместной государственности татар и башкир, составленный в соответствии с Декларацией прав народов России, провозглашенной Советским правительством 2 ноября 1917 г. Необходимость образования этого автономного штата признало Национальное собрание мусульман внутренней России и Сибири, проходившее в Уфе (прим.84).

В состав Волжско-Уральского штата должны были войти вся Казанская и Уфимская губернии, западная часть Оренбургской, южная часть Пермской, части Вятской, Симбирской, Самарской губерний, населенные татарами, башкирами и мари, прилегающие к Казанской и Уфимской губерниям.

Волжско-Уральский штат, представляя по форме своего правления демократическую республику, вместе с другими штатами должен был войти в состав Российской Федеративной Республики. - с. 359.

139. Мусульманские подотделы и секции политотделов армий Восточного фронта, созданные в период борьбы с Колчаком в 1919 г. (см. примечание 58), издавали для красноармейцев-мусульман следующие газеты на татарском языке: 1-й армии - «Кызыл йолдыз», 2-й армии - «Кызыл көрештче», 3-й армии - «Коммунист», 4-й армии - «Ьшаныч», 5-й армии - «Кызыл яу», Туркестанской армии - «Кызыл маяк», Южной группы войск - «Кызыл Идел». - с. 360.

140. Отсутствие точных статистических данных не позволяет это соотношение подтвердить. Косвенные и имеющиеся неполные сведения дают основание утвердительно говорить о большом количестве красноармейцев-татар и башкир в армиях Восточного фронта, но, однако, указанные проценты представляются несколько завышенными. - с. 360.

141. О боевом пути 1-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады см.: Рафиков М.А. От Волги до Тянь-Шаня. - Казань, 1976. - с. 360.

142. 2-е советские мусульманские пехотные курсы командного состава и Кавалерийские курсы восточных народностей в Казани в 1920 г. произвели по 4 выпуска (99 красных командиров пехоты и 261 красного командира кавалерии). Командиры из татар готовились также на 1-х Организационно-инструкторских кавалерийских курсах Всевобуча в Москве, на Оренбургских пехотных курсах командного состава восточных народностей. - с. 360.

143. IV Татарская областная партийная конференция состоялась 1-4 декабря 1921 г. Она заслушала и обсудила доклад о международном положении, отчетный доклад обкома, доклады контрольной и ревизионной комиссий, о ближайшей хозяйственной политике Татреспублики, о партийной работе в условиях НЭПа, об итогах и перспективах товарообмена.- с. 362.

144. Бичераховцы - участники антисоветского мятежа зажиточного терского казачества, офицерства и горской верхушки в июне-ноябре 1918 г., организованного Г.Ф.Бичераховым и поддержанного его братом Л.Ф.Бичераховым. - с. 374.

145. I-я Всероссийская конференция коммунистов татаро-башкир, проживающих вне своих автономных республик, проходила в Москве 4-12 марта 1922 г. Она была созвана Центральным бюро татаро-башкирских секций при агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б).

М.Х. Султан-Галиев был одним из организаторов конференции, выступил с содокладом о партийном строительстве среди татар и башкир, предложил в качестве проекта резолюции по этому вопросу свои тезисы. Конференция, после обсуждения и дополнения, приняла тезисы, предложенные докладчиком Ш.Н. Ибрагимовым. Султан-Галиев выступил с докладами о советском строительстве среди татар и башкир, составленные им тезисы по этим вопросам были приняты делегатами в качестве резолюций конференции. Султан-Галиев многократно выступал и на прениях. В связи со включением в настоящий том статьи Султан-Галиева «Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман» его тезисы по этому вопросу, в которых повторяются основные мысли, изложенные в статье, не публикуются.

Конференция избрала новый состав Центрального бюро татаро-башкирских секций /Ш.Ибрагимов, М.Тагиров, Г.Давлетшин, Ш.Измайлов, М.Султан-Галиев/.

На конференции участвовало 77 делегатов. - с. 377, 379, 382, 583.

Эшче.- 1922.- 24 марта.- № 2/153/; 1-я Всероссийская конференция коммунистов татаро-башкир, не вошедших в автономные республики тюркских народов от 4-12 март 1922.: /Резолюции и постановления/. -М., 1922.

146. III Калмыцкая областная конференция РКП(б) состоялась в Калмыцком городке /Калмыцкий базар/ 9-13 мая 1922 г. М.Х.Султан-Галиев участвовал в конференции как представитель ЦК РКП(б) и Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, единогласно был избран в президиум, на ряде заседаний председательствовал, кроме публикуемого доклада, выступил несколько раз в прениях и при закрытии. Он же являлся, как председатель комиссии, одним из разработчиков проекта резолюции об экономическом возрождении Калмыцкой области, восстановления сельского хозяйства, земледелия, охраны восстановления скотоводческого хозяйства, о концессиях в части по землеустройству и рыболовству.

Деятельное участие М.Х.Султан-Галиева в конференции было высоко оценено местными руководящими работниками. В частности, член президиума конференции, председатель Представительства Калмыцкой области при Наркомнаце Амур-Санан при закрытии конференции от имени конференции поблагодарил его за умелый и тактичный подход при разрешении вопросов, вызывавших споры между русскими и калмыками, и отметил, что только умелый подход его дал возможность конференции найти один общий язык. - с. 392.

147. Речь идет о совещании экспертов Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и Японии, состоявшемся в Лондоне в марте 1922 г. Выработанный совещанием так называемый "доклад экспертов" /лондонский меморандум/ содержал требования уплаты Советским правительством долгов предыдущих российских правительств, возвращения национализированных предприятий иностранных капиталистов прежним хозяевам или возмещения их стоимости, предоставления иностранным инвесторам больших экономических и политических привилегий в России и т.д. 11апреля 1922 г. этот меморандум был вручен советской делегации, прибывшей на конференцию в Генуе. - с. 392.

148. III Калмыцкий областной съезд Советов происходил в Калмыцком городке /Калмыцкий базар/ 16-19 мая 1922 г. Представитель ЦК РКП(б) и Наркомнаца М.Х.Султан-Галиев принимал в работе съезда живое участие, тесно общался с делегатами, вникал в суть их запросов, пытался помочь им. Один из делегатов, Копылов, при закрытии съезда говорил:

"Товарищи, разрешите мне от имени беспартийных делегатов, как калмыков, так и русских, сказать товарищу Султан-Галиеву: в Вашем лице мы нашли умелого и беспристрастного руководителя в нашей работе. Благодаря Вам нам удалось в самом начале ликвидировать вспышки шовинизма и национализма, которые, к сожалению, имели здесь место. Царская власть оставила нам печальное наследство - раздор между отдельными народами Советской Федерации. Он не изжит еще до сих пор.

На этом съезде мы показали, что трудящиеся калмыки и русские нашли общий язык, и за это должны выразить свою глубокую благодарность т.Султан-Галиеву и Центральному комитету Российской коммунистической партии, пославшему нам такого хорошего товарища. Мы скажем тов. Султан-Галиеву, что трудящиеся калмыки автономной области сумели найти общий язык, что они будут бороться против международного капитала и против скудной природы своей области, ибо наши интересы и интересы пролетариата всего мира едины..." - с. 393.

Национальный архив Республики Калмыкия.- Ф.Р-3.- Оп.2.- Д.299.- Л.47 об.

149. III съезд Советов Татарской АССР состоялся в Казани 5-10 декабря 1922 г. М.Х.Султан-Галиев участвовал в съезде как представитель Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. Съездом он был избран в состав Центрального Исполнительного Комитета Советов ТАССР и в состав республиканской делегации для участия с решающим голосом в X Всероссийском съезде Советов. - с. 402.

150. Имеется в виду митинг мусульман Казани, состоявшийся 7 марта 1917 г. в здании Городского театра, и выступление на нем М.М.Вахитова. Он в частности говорил:

"Товарищи, здесь выступало много ораторов, но все они грызли голову одной рыбы. Они говорили: нет мусульманина-рабочего, мусульманина-бедняка, мусульманина-богача, все равны. Верно ли это? А куда вы денете тысячи рабочих-

мусульман, гнувших свои спины на алафузовых; крестовниковых, на пороховом заводе? Для чего рабочие проливали свою кровь? Неужели для того, чтобы остаться под властью капиталистов и мулл, остаться их рабами? За то ли рабочие боролись, чтобы взамен оков самодержавия надеть ваши оковы? Нет! Рабочие построят себе новую свободную жизнь, новый строй! Нам с вами, господа ораторы, не по пути!" / Нафигов Р.И. Мулланур Вахитов: Историко-биографический очерк. - Казань, 1960. - С.65./ - с. 402, 418.

151. X Всероссийский съезд Советов проходил в Москве 23-27 декабря 1922 г. Съезд заслушал и обсудил отчет ВЦИК и СНК о внутренней и внешней политике республики, доклад о состоянии промышленности, доклад Народного комиссариата земледелия, доклад Народного комиссарита по просвещению, доклад Народного комиссариата финансов, предложение советских республик о создании СССР. 26 декабря с докладом об объединении советских республик выступил И.В.Сталин. В тот же день на заседании фракции РКП(б) съезда состоялось обсуждение этого доклада. М.Х.Султан-Галиев и еще ряд делегатов от автономий РСФСР поставили вопрос о предоставлении как автономным республикам, так и областям прав союзных единиц в общей федерации СССР.

В стенографической записи выступления М.Х.Султан-Галиева, по всей вероятности, допущены смысловые искажения.

Стенограмма заседания фракции не включена в стенографический отчет съезда, опубликованный в 1923 г. - с. 409.

152. После обмена мнениями на совещании, которое состоялось под председательством заместителя наркома по делам национальностей Г.И.Бройдо, было принято следующее постановление:
1. Признать политически правильными уступки, сделанные ТурЦИКом в вопросе о преподавании вероучения детям.
2. Это временное мероприятие должно быть использовано как средство углубления раскола среди духовенства и укрепления советской школы.
3. В автономных республиках с преобладающим мусульманским населением, в тех районах, где нет возможности организовать местную советскую школу и где школа (советская) содержится на общественные средства, допускать групповое обучение вероучению детей, однако вне учебного времени и вне школьных помещений, с разрешения в каждом отдельном случае. - с. 413.

ГАРФ.- Ф.1318.- Оп.1.- Д.56.- Л.21.

153. II Всероссийский мусульманский военный съезд не был разогнан, перенес свои заседания в Забулачную часть Казани, работал до 3 марта 1918 г. - с. 418.

154. 25 октября 1917 г. в 20 часов, когда большевистское вооруженное восстание в Казани близилось к победоносному завершению, открылось внеочередное общее собрание Всероссийского мусульманского военного шуро. После ряда выступлений была принята резолюция о том, что власть должна остаться прежней, но Советы должны оказывать ей помощь и контролировать ее деятельность.

Следующее общее собрание Военного шуро открылось в 17 часов 26 октября. Уже к этому времени было объявлено об образовании Временного революционного комитета из представителей Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, войсковых и рабочих организаций и представителей левых социалистических партий (в 4 часа утра), который взял всю власть в г.Казани и Казанской губернии временно, до избрания Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в свои руки; о назначении на вечер 26 октября расширенного заседания Казанского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На собрании Военного шуро большинством голосов была принята резолюция, в которой собравшиеся приветствовали этот переворот и постановили поддержать всеми силами Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов в достижении ими провозглашенных лозунгов, уверенные, что все национальные чаяния угнетенных народов России будут осуществлены.

Признание Советской власти дало право Военному шуро направить двух своих представителей (большевика К.Якубова и военного ахуна Г.Багаутдинова) на расширенное заседание Казанского Совета. - с. 419.

Безнең тавыш. - 1917.- 31 октября. - № 40.

155. 3 декабря 1918 г. Военное шуро постановило: "Учредительное собрание должно быть созвано немедленно, и отныне вся власть в Российской Федеративной Республике должна принадлежать ему, каков бы

состав его ни был" и призывало "всех мусульманских солдат встать на защиту органа, единственно выражающего волю всего народа". - с. 420.

Известия Всероссийского мусульманского военного шуро.- 917.-31 декабря.-№ 8.

156. Декрет о ликвидации Всероссийского мусульманского военного шуро и связанных с ним гарнизонных и окружных комитетов от 26 марта 1918 г. подписан наркомнацем И.В.Сталиным, комиссаром по делам мусульман внутренней России М.М.Вахитовым и заведующим отделом мусульманского комиссариата Ю.И.Ибрагимовым. - с. 421.

Политика Советской власти по национальному вопросу за три года. 1917 - XI - 1920.- М., 1920.- С.80.

157. Точное наименование полка - "Казанский советский запасный пехотный мусульманский полк". Он сформировался по приказу Казанского губернского военного комиссариата № 20 от 25 сентября 1918 г., изданному на основании постановления Реввоенсовета Казанского участка Восточного фронта от 24 сентября. В состав полка были включены Казанский советский мусульманский коммунистический батальон, 1-й пехотный татаро-башкирский батальон. Третий батальон подлежал формированию из мобилизованных.

Командиром полка был назначен Х.З.Габидуллин.

Полк в срочном порядке сформировал пять маршевых рот, передал их уходящим на Восточный фронт частям. Эти роты забрали всех сколько-нибудь обученных военному делу бойцов полка в количестве 1065 человек.

На основании постановления Реввоенсовета Казанского участка Восточного фронта и приказа по Казанскому губвоенкомату № 26 от 27 сентября полк был включен в состав прибывшей в Казань 4-й Петроградский пехотный дивизии и стал 2-м полком ее 1-й бригады.

Полк пополнился новобранцами, прибывшими главным образом из уездов Казанской губернии. - с. 422.

НА РТ.- Ф.592.- Оп.2.- Д.13.- Л.22; - Д.212.- Л.15; - Оп.3.- Д.44.-Л.24.

158. 2-я отдельная Приволжская татарская стрелковая бригада сформировалась по инициативе Центральной мусульманской военной коллегии на основании приказа Реввоенсовета Республики № 1031/191 от 17 июня 1919 г. В приказе оговаривалось: "Формирование произвести распоряжением и под ответственностью Приволжского окружного военного комиссариата при содействии Центральной мусульманской (военной) коллегии.

Назначения на должность командира бригады, командиров отдельных частей и комиссаров произвести распоряжением Центральной мусульманской коллегии".

Бригада комплектовалась красноармейцами-татарами, призванными из Казанской, Уфимской, Симбирской, Самарской и Оренбургской губерний. В обеспечении ее обученным пополнением большую роль сыграл татарский запасной батальон, размещенный в Казани.

В мае 1920 г., в связи с тяжелым положением на Западном фронте, бригада выделила с каждого из трех полков по одной роте и свела их в татарский добровольческий батальон, который в составе 12-й армии Западного фронта участвовал в освобождении Киева от польских войск. - с. 422.

О боевом пути бригады см.: Шакирҗанов М., Һидиятуллин Р. Идел коммунарлары: Тарихи очерк. - Казань, 1966.

159. Запасная армия Республики была сформирована на основании приказа Реввоенсовета Республики от 7 августа 1919 г. с целью подготовки резерва главнокомандующего как в виде готовых войсковых частей и соединений, так и в виде вполне подготовленных укомплектований. С сентября 1919 г. штаб, управления, несколько запасных полков армии разместились в Казани, несколько запасных полков - в других городах Поволжья. Запасная армия за 1919-1920 годы подготовила более 450 тыс. человек, сформировала и отправила в действующую армию 2 стрелковые дивизии, 2 кавалерийские дивизии, 1 управление стрелковой дивизии, 26 стрелковых бригад, 4 кавалерийские бригады, 4 стрелковых полка, 16 кавалерийских полков, 30 эскадронов, 20 артиллерийских дивизионов, 17 батарей, 1 авиаотряд, 1 понтонный полк, свыше 200 маршевых батальонов, 12 пулеметных команд и несколько специальных подразделений. - с. 424.

Гражданская война и интервенция: Энциклопедия. - М., 1983.- С.216.

160. На XII съезде РКП(б) (17-25 апреля 1923 г.) 23 апреля был заслушан доклад

И.В.Сталина о национальных моментах в партийном и государственном строительстве. 23, 24 апреля по докладу продолжались прения. 25 апреля дальнейшее обсуждение доклада и проекта резолюции по докладу происходило на секции по национальному вопросу. М.Х.Султан-Галиев участвовал в съезде от ЦК РКП(б) с совещательным голосом. - с. 435.

161. И в проекте резолюции по национальному моменту в партийном и государственном строительстве, опубликованном до съезда, и в докладе решение национального вопроса И.В.Сталин свел лишь к тому, чтобы, во-первых, в органах Советской власти в республиках участвовали не только русские, но и представители национальностей; во-вторых, в коллегиях союзных комиссариатов имелись представители национальностей; в-третьих, была создана в союзном ЦИК, наряду с союзной палатой, палата национальностей. - с. 435.

162. Здесь М.Х.Султан-Галиев имеет в виду дискуссию на заседании фракции РКП(б) X Всероссийского съезда Советов 26 декабря 1922 г. о формах участия автономных образований в общей федерации СССР. - с. 435.

163. Здесь речь идет о предшествовавшем образованию СССР конфликте между ЦК КП Грузии, большинство которого возглавил П.Г.Мдивани, и Крайкомом Закавказской СФСР во главе с Г.К.Орджоникидзе. Члены ЦК КП Грузии настоятельно требовали вхождения Грузии в СССР непосредственно, а не в составе ЗСФСР, за что они были обвинены в национал-уклонизме. Орджоникидзе упорно держался иного мнения. Его поддержали Сталин, Дзержинский и др. Так возник известный в истории "грузинский инцидент". - с. 436.

164. 4 февраля 1923 г. в письме ко всем членам ЦК РКП(б) Сталин настаивал на вхождении республик в Союзное государство через федеративные образования типа РСФСР и ЗСФСР. Такая же мысль проводится и в его докладе на XII съезде партии. Вопреки провозглашенному в Декларации прав народов России 2 ноября 1917 г. (под ней после В.И.Ленина подписался Сталин) принципу равенства и суверенности народов России Сталин упорно насаждал неравенство, ранжирование национальностей. - с. 436.

165. М.Султан-Галиев на заседании ЦИК ТАССР 15 июля 1922 г. был назначен председателем коллегии Представительства ТАССР при Наркомнаце в Москве. - с. 442.

НА РТ.- Ф.Р-128.- Оп.1.- Д.158.- Л.65 об.

166. I Казанская губернская конференция коммунистов-мусульман состоялась 4-6 ноября 1919 г. 37 делегатов с решающим и 3 делегата с совещательным голосом, представлявших 1252 коммунистов-татар губернии, рассмотрели вопросы, включенные в повестку дня, программу предстоящего II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока, избрали губернскую делегацию для участия на съезде. - с. 452.

167. В ноябре 1919 г. казанские газеты (в частности, «Эш», «Кызыл Армия») поместили на своих страницах информацию о деле Исмагила Рахматуллина, Карпова и др. Казанский губернский революционный трибунал признал И.Рахматуллина виновным во взяточничестве, пьянстве и компрометировании Советской власти и Коммунистической партии и приговорил его к расстрелу. Однако, принимая во внимание его революционные заслуги, эта мера наказания была заменена 20-ю годами тюремного заключения с обязательным привлечением к труду. - с. 459.

168. Под Уфимской историей М. Султан-Галиев имеет в виду следующий случай. В январе 1919 г. группа коммунистов-татар Казани была направлена для ведения партийной работы в Уфу, только что освобожденную Красной Армией от чехословацких легионеров и народоармейцев. В конце февраля из казанцев Я.Д.Чанышев - председатель бюро мусульманской секции Уфимского губкома РКП(б), член губернского ревкома, И.Ш.Галиев - ответственный организатор бюро мусульманской секции губкома, представитель этого бюро в губкоме РКП(б), были уличены в вымогательстве, за что были сняты со своих должностей, арестованы и препровождены в Казань. Этот случай нанес серьезный удар по партийной работе среди татар и башкир и авторитету мусульманских партийных органов и их работников. Прибывший в Уфу представитель ЦК РКП(б), член Центрального бюро мусульманских коммунистов М.Султан-Галиев, член этого же бюро К.Л.Якубов провели перерегистрацию членов и сочув-

ствующих мусульманской секции Уфимской губернской партийной организации.

Казанский губернский революционный трибунал, рассмотрев дело Я.Д.Чанышева и И.Ш.Галиева, признал их виновными в вымогательстве, и, учитывая военную обстановку, определил меру наказания условно, дав им возможность искупить свою вину на фронтах гражданской войны. Чанышев был назначен командиром 1-й скорострельной татарской позиционной батареи, которая в июне 1919 г. вошла в состав 1-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады. В марте 1920 г. Чанышев стал комиссаром бригады. И.Ш.Галиев был назначен комиссаром одного из батальонов 3-го полка этой же бригады. Они оба своей успешной военной и политической работой внесли весомую лепту в общую победу над врагами Советской власти. В Великой Отечественной войне генерал-лейтенант Чанышев являлся заместителем командующего армией, командовал корпусом, удостоен многочисленных советских и иностранных наград. - с. 459, 505, 520.

169. 13 декабря 1922 г. в № 39(192) выходящей в Москве газеты «Эшче» была перепечатана из газеты «Туркестан» следующая заметка:

«О Заки Валиди

С первых дней после революции находившийся во главе сменявших друг друга нескольких белых и красных правительств в Башкирии Заки Валиди два года тому назад, не согласившись с восточной политикой Советов, оставил советскую работу. Не было известно, где он находится. В последние дни этот Заки Валиди обратился к Средне-Азиатскому бюро Российской коммунистической партии с заявлением, в котором писал, что он заблуждался, что теперь признает правильной политику Центра и просит прощения..

После рассмотрения этого заявления Средне-Азиатское бюро постановило простить Заки Валиди. Одно условие: о перемене своих взглядов Заки Валиди должен написать открытое письмо или обращение». - с. 469.

170. Образованный в связи с антисоветским мятежом Чехословацкого корпуса и расширением действий внутренней контрреволюции Восточный фронт Красной Армии к концу июля 1918 г. имел четыре армии и две оперативные группы, которые занимали оборонительные позиции на огромном пространстве (до 2 тыс.км). Оборона Камского Устья с прилегающими к нему территориями была поручена одной из наспех сколоченных из разрозненных отрядов оперативной группе. При первых же выстрелах с пароходов противника, идущих вверх по Волге, командир группы Трофимовский, не приняв боя, приказал группе отступить, сам на пароходе «Миссури», не останавливаясь в Казани, где располагался тогда штаб фронта, бежал в Чебоксары, тем самым открыл путь противнику к Казани по Волге. В дальнейшем Трофимовский был арестован, осужден и расстрелян.- с. 502.

171. Говоря о заявлении так называемой группы «39» Султан-Галиев имеет в виду письмо группы руководящих работников коммунистов-татар Татарской АССР в Политбюро ЦК РКП(б) о порочной практике руководства национальной политикой в республике со стороны ОК партии, отправленное в апреле 1924 г. Письмо подписали известные и уважаемые люди, занимающие высокие посты в государственных органах, учреждениях, организациях, на предприятиях республики. За плечами многих из них был большой опыт командно-политической работы в Красной Армии в годы гражданской войны. В письме приведены факты третирования со стороны партийного руководства руководящих кадров татарской национальности, пренебрежительного отношения к татарской культуре и языку, проявления великодержавного шовинизма. В качестве одной из мер, направленных на оздоровление политической обстановки в республике, авторы письма просили отозвать из республики нескольких наиболее одиозных лиц. При этом они надеялись на то, что ЦК наведет в республике порядок в духе программных принципов национальной политики. Однако к тому времени высшее партийное руководство во главе со Сталиным постепенно отказывалось от этих принципов, насаждало ранжирование национальностей. Поэтому и реакция на письмо была своеобразной. Вместо того, чтобы разобраться по существу, высшее партийное руководство отозвало из республики подписавших письмо председателя Совнаркома, члена бюро ОК РКП(б) К.Мухтарова, зам. председателя Совнаркома Г.Мансурова, председателя ЦИК Советов Р.Сабирова, зам. наркома земледелия А.Енбаева. Многие были смещены со своих постов. К середине 30-х гг. почти все они

были репрессированы. По сведениям Б.Ф.Султанбекова, из 39 выжили всего лишь 4. Один из них, Махмут Будайли, тогда зам. наркомюста, провел 18 лет в заключении, утверждал, что текст письма составили Г.Мансуров, А.Енбаев и К.Мухтаров. - с. 552.

Гасырлар авазы - Эхо веков.- 1996.- № 3/4.- С.62-72. /Текст письма с предисловием Б.Ф.Султанбекова/.

172. На II конгрессе Коммунистического интернационала (Петроград, Москва, 19 июля - 7 августа 1920 г.) между индийским коммунистом М.Н.Роем и В.И.Лениным разгорелась дискуссия по принципиальным вопросам тактики коммунистических партий в колониальных странах. Рой в своих статьях, опубликованных перед конгрессом, и выступлениях на конгрессе развивал волюнтаристские, левосектанские взгляды по этим вопросам. В частности, отрицая даже минимальную антиколониальную революционность национальной буржуазии, Рой отрицал необходимость поддержки коммунистами освободительной борьбы и национальной буржуазии, возглавлявшей эту борьбу, не признавал справедливость лозунга «право наций на самоопределение». Он полагал, что только социалистическая революция, которая даст трудящимся социальное освобождение, одновременно принесет Индии и национальную независимость. Рой считал, что на очереди дня в Индии стоит пролетарская социалистическая революция, а отнюдь не буржуазно-демократическая.

Критикуя эти положения, В.И.Ленин исходил из того реального факта, что в колониальных и зависимых странах преобладают феодальные и патриархально-племенные отношения, что помещики-феодалы, вожди племен служили опорой для чужеземного империалистического господства, что нарождающаяся национальная буржуазия возглавляет национально-освободительное движение в этих странах, что это движение объединяло классовое движение крестьянства и пролетариата под национальным знаменем. Ленин считал, что освободительное движение в колониях носит буржуазно-демократический характер, и коммунисты должны поддерживать это движение и национальную буржуазию. Он же полагал, коммунистические партии других стран, Коминтерн должны оказывать национально-освободительным движениям реальную, практическую помощь. (Подробнее об этой дискуссии см.: Персиц М.А. Революционеры Индии в стране Советов. 1918-1921.- М., 1973.- С.94-119).

Как известно, подобные с ленинскими взгляды излагал еще в 1919 г. в статье «Социальная революция и Восток» и докладе на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока по Восточному вопросу М.Султан-Галиев - с. 564.

173.Текст анкеты сохранился не полностью. Приводим сохранившуюся часть: Перевод с татарского.

АНКЕТА

Положение деревни.

1) Название деревни.
2) Волость, уезд и губерния.
3) Национальность живущих в этой деревне (татары, мещеряки, тептяры, башкиры).
4) Краткая история деревни (когда основана, были ли случаи переселения, большие пожары и др.).

Экономическое положение деревни.

5) Сколько домов было перед мировой войной (в 1913г.). Численность населения : мужчин, женщин, - в 1913г., 1917г. и теперь.
6) Сколько голов было скота (коней, коров, быков, телок, телят, коз, баранов) и сколько домашней птицы: перед войной, в 1917г. и теперь. Сколько было безлошадных, с одной лошадью, с двумя и с 3-мя лошадьми, перед войной и теперь?
7) Сколько десятин земли посева, неудобн. земли и леса имела эта деревня до войны, в 1917г. и сколько имеет теперь?
8) Сколько десятин сеяли крестьяне этой деревни (сколько ржи, пшеницы, овса, гречихи, гороху и травы) перед мировой войной, в 1917г. и теперь?
9) Сколько налогу платило население этой деревни (правительству, земству и др.) перед мировой войной, в 1917г. и теперь?
10) Есть ли базар в деревне? Сколько было лавок, торговцев; на какую сумму имели товаров и какой национальности были эти торговцы перед войной, в 1917г. и теперь?
11) Каково состояние кустарничества? Сколько кустарей, чем занимались, какой они национальности, в 1917 году и теперь?
12) Были ли фабрики и заводы, и есть ли теперь?

13) Уходили ли на отходные промыслы, сколько уходило мужчин, женщин, возраст их? На какие промыслы уходили, сколько зарабатывали, в 1917г. и теперь? Какова причина этого отхода и есть ли татары, живущие в русских деревнях в работниках?
14) Сколько человек погибло в мировой войне, сколько искалеченных?
15) Сколько погибло в гражданской войне, на военной службе, вне ее? Были ли случаи расстрела?
16) Увеличивается ли количество населения? Не замечается ли большая смертность детей? Какие есть социальные болезни: туберкулез, сифилис, трахома, ревматизм и др.

Культурное состояние деревни.

17) Каково состояние народного образования? Сколько школ, русских школ, медресе и количество учащихся, перед мировой войной, в 1917г. и теперь?
18) Сколько человек уезжали учиться в другие места: в Казань, Буби, Уфу (в гимназии, реальные училища и университеты) и сколько из них сыновей мулл, богачей и крестьян, перед мировой войной, в 1917г. и теперь?
19) Были ли библиотеки, читальни, есть ли теперь?
20) Есть ли желание у населения получить образование, каково их отношение к религии? Есть ли больницы, агрономические пункты и др.? Каково отношение населения к ним?
21) Замечается ли изменение в нравственном отношении? Как обстоит вопрос пьянства, женский вопрос? Не были ли случаи ухода женщин в город на непристойные промыслы? Вопросы женитьбы, замужества и измены и какова причина измены по мнению населения? Не распространены ли вероломство, спор, драка, хулиганство и убийство? - с. 583.

Архив КГБ РТ.-Ф.4.-Оп.1.-Д.401.-Т.2.-Л.26

174. Говоря о школе комсостава в Казани, М.Султан-Галиев имеет в виду функционировавшую 6-ю объединенную татаро-башкирскую военную школу им. ЦИК ТАССР. Она была образована в ноябре 1923 г. на базе Объединенных мусульманских командных курсов. Эти курсы были созданы в январе того же года в результате слияния 16-х мусульманских пехотных курсов и 9-х кавалерийских курсов восточных народностей. - с. 585.

175. Дискуссии о переходе татарской письменности с арабской графики на латынь - «яналиф», развернувшиеся в республике в 1927 году, приобрели политическую окраску. Приверженцы сохранения старой письменности мотивировали свою позицию тем, что переход на латынь означает фактический отказ от всей своей письменной культуры, накопившейся десятки и сотни лет, означает требование переучивания заново грамоте миллионной массы грамотных татар. Они считали необходимым освободить татарский народ от этой дорогой и унизительной массовой жертвы, приносимой совершенно для неизвестной цели. В этом же духе было составлено в мае 1927 г. письмо III пленуму ОК ВКП(б) Татарской АССР, копии - Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) Сталину и представителю ЦК ВКП(б) на III пленуме Пшеничному. Составитель достоверно не известен. Б.Ф.Султанбеков полагает, что им является или Галимджан Шараф, или Хасан Исхаков. Под письмом подписались 82 человека из татарской беспартийной интеллигенции: ученые, преподаватели вузов, учителя школ, врачи, писатели, журналисты, студенты.

Это письмо стало своеобразной лакмусовой бумагой для определения «политического лица» коммунистов, руководителей и служащих всех рангов, интеллигенции, рабочих и крестьян, лояльное отношение к которому давало повод для репрессий. - с. 606, 621.

Султанбеков Б.Ф. История Татарстана: Страницы секретных архивов /Историко-публицистические очерки/.- Казань, 1994.- С.122-131. /вступительная статья, текст письма, постановление пленума ОК по этому письму/.

176. Первая партдискуссия, предшествовавшая X съезду РКП(б), началась с выступления Л.Д.Троцкого на V Всероссийской конференции профсоюзов, состоявшейся 2-6 ноября 1920 г. в Москве. Он требовал немедленного огосударствления профсоюзов. Это требование он обосновал в своей брошюре «Роль и задачи профсоюзов». - с. 610.

177. В.И.Ленин принял М.Х.Султан-Галиева, С.С.Саид-Галиева и Б.Х.Мансурова 22 марта 1920 г. Беседа шла об образовании Татарской республики, о состоянии издательского дела в Казани и национальной татарской литературе, о быте татар и их взаимоотношениях с русскими. - с. 611.

Сайдашева М.А. Ленин и социалистическое строительство в Татарии. 1918-1923. - М.: Наука, 1969.- С.89-91.

Приложения

- **Приложение 1.**
  Характеристика-рекомендация М.Султан-Галиева на предмет назначения его учителем, выданная инспектором Казанской татарской учительской школы В.П.Брюхановым
- **Приложение 2.**
  Заключение по делу М.Х. Султан-Галиева, составленное ГПУ. 6 июня 1923г.
- **Приложение 3.**
  Выписка из протокола № 11 заседания комиссии политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов. 29 мая 1990 г.
- **Справка о так называемой «Султан-Галиевской контрреволюционной организации», подготовленная Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратурой СССР и КГБ СССР. Ранее 29 мая 1990г.**

Приложение 1

Характеристика-рекомендация М.Султан-Галиева на предмет назначения его учителем, выданная инспектором Казанской татарской учительской школы В.П.Брюхановым

20 июля 1911г.

Господину инспектору народных
училищ 1 района Стерлитамакского
уезда Уфимской губернии

Окончивший в текущем году курс вверенной мне школы воспитанник Султангалиев* Мирсаид выразил мне свое желание получить место учителя начального русско-татарского училища в г. Стерлитамаке, близ места его родины. Ввиду того, что Султангалиев был лучшим воспитанником последнего выпуска школы, я позволю себе рекомендовать его Вашему Высокородию и покорнейше просить Вас, если представится возможность, назначить его учителем в г. Стерлитамаке. Султангалиев обнаружил в школе выдающиеся способности к ученью и большую любознательность. Он все время был первым по успехам воспитанником и приобрел солидные знания по предметам школьного курса, в то же время он отличался своими безукоризненными поведением и скромностью. К занятиям в начальном при школе училище Султангалиев относился с большим интересом, а пробный урок его, данный в присутствии ревизовавшего школу Его Превосходительства быв. товарища министра народного просвещения Л.А.Георгиевского заслужил одобрение высокого ревизора. Питая уверенность, что из Султангалиева должен выйти незаурядный учитель, я желал бы только того, чтобы он при своем юном возрасте (ему 18 лет) был назначен в городе, где его окружало бы более культурное общество и где он мог бы пополнять свои познания и чаще пользоваться указаниями учебного начальства.

Инспектор школы

НА РТ.-Ф.142.-Оп.1.-Д.244.-Л.33 с об.-34.

* Сохранена орфография автора. - Сост.

Приложение 2

Заключение
по делу М.Х. Султан-Галиева, составленное ГПУ

6 июня 1923г.

Совершенно секретно

В Центральную контрольную комиссию,
председателю т. Куйбышеву.

З а к л ю ч е н и е
по делу Султан-Галиева.

В задачу порученного нам по данному делу следствия входило выяснение сущности преступления Султан-Галиева и степени его виновности. Материалом для расследования явились перехваченная переписка Султан-Галиева, агентурные донесения и показания его на предварительном допросе в ЦКК.

Следствие было чрезвычайно затруднено следующими обстоятельствами, которые мы считаем необходимым отметить. Прежде всего, преждевременное прекращение агентурной разработки, происшедшее ввиду необходимости ареста Султан-Галиева, помешало установлению всех его нелегальных связей и освещению размеров его организации. В течение краткого срока (2 недели), предоставленного в распоряжение ГПУ для расследования и дачи показания по делу, невозможно было детальное выяснение всей антипартийной и антигосударственной работы Султан-Галиева в прошлые годы. Эта работа потребовала бы значительно большего времени и привлечения к дознанию ряда лиц, занимающих руководящие посты в автономных восточных республиках, что могло бы привести к политически нежелательным результатам. Вследствие этого мы вынуждены были ограничиться допросами одного лишь Султан-Галиева.

Значительная часть агентурных донесений в процессе следствия подтвердилась. Достоверность же некоторых важных агентурных сообщений одного из агентов - **Гасанова** - вызвала сомнение (например, сообщение о планах Султан-Галиева по установлению связи с Турецким, Персидским и Афганским посольствами в Москве, поддержке басмачества в борьбе последнего с Советской властью и кое-что другое). Проверка этих сообщений требует известного времени и могла бы привести к расконспирированию других наших осведомителей, что не может быть допущено по многим соображениям.

При наличии указанных затруднений следствию все же, на основании имеющихся материалов и личных признаний самого Султан-Галиева, удалось с несомненностью установить следующее:

6 марта с.г. Госполитуправлением было перехвачено письмо Султан-Галиева в Персию, адресованное персидскому коммунисту **Таджи-Бахши** и

подписанное псевдонимом «Рустэм». Это письмо определенно указывало на существование вне РКП какой-то организации или группы, стремящейся к расширению своих связей, к выработке общей программы и ставящей себе целью освобождение Востока. В конце марта месяца с.г. в ГПУ (через Башотдел ГПУ) поступило дословное изложение письма Султан-Галиева к наркомпросу Башреспублики **Адигамову**. В этом письме, написанном от имени третьего лица, содержалось сообщение о секретных решениях ЦК по национальному вопросу, указание на успешность организационной работы, необходимость денежных средств для организации и также ряд директивных указаний политического характера. По поводу этого письма т. Сталиным в свое время была послана записка Султан-Галиеву с указанием на то, что тон его письма к **Адигамову** носит почти белогвардейский характер и заставляет предполагать о существовании нелегальной организации валидовского типа в Москве и некоторых восточных республиках. В первых числах апреля с.г. ГПУ перехвачено шифрованное письмо Султан-Галиева к тому же Адигамову, свидетельствующее о действительном существовании нелегальной организации, имеющей связь с беспартийными башкирами, и предупреждающее башкирскую организацию о провале в связи с запиской, полученной от т.**Сталина**.

Несколько позже ГПУ было перехвачено письмо Султан-Галиева, адресованное наркомюсту Крымреспублики Измаилу **Фирдевсу**, подтверждающее существование нелегальной группы и содержащее информацию о басмаческом движении и положении в автономных республиках.

В распоряжение ГПУ поступило несколько других перехваченных писем аналогичного характера.

При допросе в ЦКК Султан-Галиев категорически отрицал существование какой-либо нелегальной организации и свою причастность к предъявленному ему шифрованному письму. В процессе следствия в ГПУ Султан-Галиев вначале также упорно отрицал свою причастность к антипартийной и антигосударственной работе и лишь постепенно вынужден был сделать определенные показания, сводящиеся к следующему:

Он признался в том, что действительно принимал руководящее участие в нелегальной группе, существующей тайно от Партии и Совправительства. Основанием для возникновения группы послужило «несогласие с некоторыми крупными, а также и мелкими проявлениями советской политики в отношении восточных республик и государств», что заставляло искать сближения и объединения деятельности коммунистов разных восточных республик и стран, несогласных с этой политикой. Групповую работу Султан-Галиев начал вести с 1920 года. Прежде всего подобная группа возникла в Татреспублике, где к этой группе до последнего времени примыкали почти все те товарищи, которые ныне входят в правительство Татарской Совреспублики. Султан-Галиев установил в конце 1920г. шифрованную переписку с татарской группой (в Казани) через т.**Мухтарова**.

Одновременно с вышеупомянутым шифрованным письмом к Адигамову Султан-Галиев накануне XII партсъезда написал аналогичное шифрованное письмо т.Мухтарову с запросом о том, уничтожено ли последним конспиративное письмо Султан-Галиева, в котором он сообщал о секретных решениях ЦК по национальному вопросу. От приехавшего на

XII партсъезд Мухтарова Султан-Галиев узнал, что письмо в Казань было Мухтаровым уничтожено.

Возникновение группы в Башкирии произошло после X съезда Советов, когда, по словам Султан-Галиева, у него и его единомышленников-башкир, в связи с подачей ими заявления в ЦК о включении автономных республик и областей непосредственно в СССР, появилось опасение преследований. Но, хотя они и сознавали, что могут подвергнуться преследованиям за ведение групповой работы, тем не менее желание сохранить себя как группы и побудило их сплотиться. Условный шифр установлен между Султан-Галиевым и Адигамовым после X съезда Советов. К башкирской группе принадлежали почти все работники (в числе 12 человек), подписавшиеся под вышеуказанным заявлением в ЦК, к группе принадлежали также беспартийные - Мурзабулатов (бывший руководитель контрреволюционного восстания башкир в июне-июле 1920г.) и **Бикбавов.**

Средства на организационные расходы и оплату курьеров, поддерживающих связь между Москвой и группами в востреспубликах Султан-Галиев брал из Татпредставительства, полпредом которого он состоял. В уже упоминавшемся письме к Адигамову Султан-Галиев просил о присылке из Башкирии значительной суммы на организационные расходы, указывая на ненормальность расходования денег одного лишь Татпредставительства. Шифрованное письмо было отправлено Султан-Галиевым Адигамову через члена Мусульманского духовного управления Тарджиманова и было перехвачено ГПУ.

С туркестанскими работниками Султан-Галиев был связан через т. **Рыскулова.** Шифрованной переписки между ними не было, но между ними существовала негласная связь: письменная и через курьеров. В своих показаниях Султан-Галиев говорит : «Мы устанавливали связь с крупными местными работниками, рассчитывая, что они уже сами смогут сплотить около себя своих людей». Последнее признание свидетельствует о том, что эта группа, хотя, по словам Султан-Галиева, и небольшая по размерам, стремилась к разветвлению своей деятельности во всех востреспубликах и созданию в них сплоченных групп местных недовольных элементов.

С крымской группой связь поддерживалась через И.Фирдевса и Дерен-Айерлы. Здесь считаем необходимым отметить то, согласно показанию Султан-Галиева, член московской группы - персидский студент **Гасанов** (член РКП), с которым он состоял в нелегальных сношениях с 1921г., сообщил Султан-Галиеву в конце апреля месяца с.г. о своей связи с ГПУ, о своем желании войти в доверие ГПУ и просил связать его для этой цели с татарскими националистами. Султан-Галиев дал ему связь в Крым к Дерен-Айерлы, вручив Гасанову рекомендательное письмо последнему. Указанное обстоятельство, каковое мы еще не можем считать подтвержденным, заставляет предполагать, что Гасанов мог явиться агентом Султан-Галиева в ГПУ, действовавшим в каких-то соображениях на два фронта.

По словам Султан-Галиева, он установил нелегальную связь (условленный пароль) с персидским коммунистом **Таджи-Бахши** в 1920г. Группа их единомышленников в Персии достигает 300 человек. Связь с **Таджи-Бахши** должна была поддерживаться через Гасанова. Подобную

связь Султан-Галиев установил после IV Конгресса Коминтерна также с турецким коммунистом **Сегалли-Джелал**.Между ними был выработан для связи пароль(пароль: «Ключ в руке»; отзыв: «Море волнуется»), а также условный знак для явки. Группа стремилась к объединению и координированию работы коммунистов восточных стран, несогласных с конкретно проводившейся национальной политикой Коминтерна и Совправительства на Востоке и связанных общностью направления в данном вопросе. В целях усиления взаимной связи группа предполагала использовать конгрессы Коминтерна. В Москве групповая работа велась среди студентов КУТВ.

Для расширения и упрочения организации предполагалось использовать Всероссийские съезды Советов и Партии путем устройства во время этих съездов нелегальных совещаний восточных работников.

Ввиду краткости срока и невозможности расширения рамок следствия мы не успели выяснить достоверную программу этой группы, хотя и по имеющимся уже данным можно судить о том, что группа серьезно расходилась с партией и Совправительством по вопросу национальной политики на Востоке, ставила себе целью высвобождение восточных республик и стран из-под гнета Запада; образование крупных самостоятельных восточных государств, объединяющих все ныне существующие восточные государства, как находящиеся на территории СССР, так и сопредельных с нашим Союзом восточных стран (см. письмо **Таджи-Бахши** и заявление Султан-Галиева в ЦКК).

Действительный контрреволюционный смысл деятельности группы, возглавлявшейся Султан-Галиевым, и ее антигосударственные тенденции выясняются из шифрованного письма Султан-Галиева к башкирским работникам. В этом письме Султан-Галиев, рекомендуя башкирам соблюдение бдительности и осторожности ввиду провала и слежки за ним, далее пишет: «в Туркестане, Бухаре басмачество усиливается, есть слухи, что к весне хотят выступить организованнее, в связи с этим Центр делает большие уступки в национальном вопросе». Далее Султан-Галиев пишет: «Установи связь с **Заки Валидовым**, только надо чрезвычайно осторожно, живой связью или шифром. За меня не тревожьтесь. Будьте до конца тверды». Принимая во внимание то обстоятельство, что по предположениям самого Султан-Галиева Адигамов уже имел связь с Заки Валидовым, он мог по получении директивы Султан-Галиева сообщить в этом письме Валидову об уступках Совправительства, сделанных под прямым воздействием повстанческого движения басмачей и тем побудить его выступить с усиленной энергией. Допрошенный по этому поводу Султан-Галиев вначале давал запутанные объяснения, пытаясь изобразить попытку связи с Валидовым как дело естественное и законное, преследующее выгоды в будущем для Советской власти. Но неправдоподобность этого ответа была слишком очевидна, особенно ввиду того, что директиву об установлении связи с Валидовым Султан-Галиев дает в письме, в котором сам же сообщает о том, что он заподозрен в участии в организации валидовского типа. После долгого запирательства Султан-Галиев вынужден был признать следующее: «Я признаю, что поступил совершенно незаконно, сделав предложение т. Адигамову в зашифрованном письме об установлении

шифрованной или живой связи с одним из руководителей басмаческого повстанческого движения (направленного против Советской власти) Заки Валидовым, скрыв этот факт от Совправительства, членом которого я являюсь как член коллегии Наркомнаца. В момент составления вышеуказанного письма я этого не сознавал, хотя этому и предшествовало получение мной записки от т. Сталина, в которой я был заподозрен в участии в организации типа валидовской. Я теперь сознаю, что факт установления нами тайной связи с Заки Валидовым мог в глазах последнего дискредитировать Советское правительство и показать Валидову, что в Совправительстве не все благополучно. Я не знал наверняка, но лишь предполагал, что у Адигамова уже имеется связь с Валидовым, причем я отдаю себе сейчас отчет в том, что в последнем случае Адигамов является прямым или косвенным союзником Валидова». Далее Султан-Галиев в своем показании пишет: «Сознавая, что действия мои были незаконны и преступны (в оригинале подчеркнуто лично Султан-Галиевым) по отношению к Партии и Советской власти, глубоко раскаиваюсь во всем мною совершенном, считаю, что мой арест был совершенно законен, также будет законно и применение ко мне высшей меры наказания - расстрела. Я это говорю искренно». Султан-Галиев признал, что совершил преступление перед Партией, посвящая беспартийных (через Адигамова) в секретные решения ЦК и в дело своей группы. Султан-Галиев признал незаконность и преступность существования тайной группы, в чем он также выразил раскаяние.

Мы считаем все же необходимым указать, что, несмотря на ряд признаний (все изложенные данные о деятельности группы сделаны на основании его личных показаний) и выраженное им раскаяние, Султан-Галиев многого нам еще не раскрыл. Он признался, главным образом, в том, что нам так или иначе стало известным. Но, считая политически нежелательным расширение этого дела до рамок судебного процесса, а также принимая во внимание то обстоятельство, что в случае своего освобождения из-под стражи Султан-Галиев был бы в значительной степени политически обезврежен ввиду сделанных им признаний и выдачи ряда своих соучастников в антигосударственной работе, ГПУ отнюдь не усматривает необходимости в продолжении дальнейшего заключения Султан-Галиева под стражей в случае прекращения дела.

Нач. секроперупра ГПУ
г. Москва, 6 июня 1923г.

В. Менжинский.

ЦГА ИПД РТ.- Ф.8237.- Оп.1.- Д.5.- Л.91-95.

Приложение 3

Из протокола № 11
заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов

29 мая 1990г.

Присутствовали члены Комиссии: А.Н.Яковлев, В.А.Крючков, В.И.Болдин, Г.Л.Смирнов.

Приглашены: Е.А.Смоленцев -председатель Верховного суда СССР, И.П.Абрамов - заместитель Генерального прокурора СССР, С.И.Манякин - первый заместитель председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, В.А.Кузнецов - помощник секретаря ЦК КПСС, Г.А.Стефановский - заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, А.А.Нуруллаев - ведущий научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, В.А.Белянов и И.В.Курилов - работники информационно-издательской группы Общего отдела ЦК КПСС.

Члены рабочей группы: В.П.Пирожков, А.А.Соловьев, В.П.Наумов, А.И.Фокин, И.П.Донков, Н.Ф.Катков, В.А.Гришанцов.

СЛУШАЛИ:

...

сообщение Прокуратуры СССР (И.П.Абрамов) и Верховного суда СССР (Е.А.Смоленцев) о результатах рассмотрения материалов, связанных с реабилитацией граждан, привлекавшихся к уголовной ответственности по делу так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации», и информация КПК при ЦК КПСС о восстановлении партийной чести членов партии, привлекавшихся по этому делу.

...

Дело так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации», возникшее на волне искусственно раздувавшейся борьбы против «национал-уклонизма», было сфальсифицировано органами ОГПУ в конце 1928г. Член коллегии Наркомата по делам национальностей М.Х.Султан-Галиев и 76 других советских, хозяйственных и научных работников, рабочих, крестьян, кустарей, студентов были ложно обвинены в том, что являлись участниками контрреволюционной организации, ставившей своей задачей проведение террора и вооруженного восстания в стране. Как показало изучение, такой организации в действительности не существовало.

Тем не менее по постановлениям коллегии ОГПУ, принятым в 1930 и 1931гг., проходившие по этому делу граждане подверглись различным срокам лишения свободы и высылки. Позже многие из них, в сущности по тем же мотивам, были привлечены к более жестоким мерам наказания, а некоторые, том числе и М.Х.Султан-Галиев, расстреляны.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989г. постановления коллегии ОГПУ по этому делу отменены, а его участники С.И.Абдурахимов, А.И.Агеев, Ф.Н.Агеев, А.К.Адигамов, О.Х.Акбулатов, А.А.Акжитов, Ф.А.Акжитов, А.К.Альбетков, И.Х.Ассанович, Г.М.Атласов, Б.И.Бадамшин, С.А.Бакиев, Х.С.Балбеков, А.Х.Беркутов, А.И.Бикбавов, Г.А.Бикжанов, М.З.Биккулов, М.Ю.Брундуков, З.В.Валиев, М.Р.Вергазов, Х.М.Вергазов, И.З. Вильданбек (Ишмухамедов), А.М.Енбаев, Н.Ш.Еникеев, И.Х.Ингильдиев (Ингульдиев), Х.М.Исхаков, М.Г.Курамшин, И.Ф.Максутов, М.М.Мамедов, Г.Г.Мансуров, Х.А.Москов, Г.С.Муллабаев, А.А.Мусин, К.Мухамеджанов, К.Г.Мухтаров, Г.Г.Нурбахтин, М.С.Салимов, М.Х.Султан-Галиев, Х.К.Тагиров, И.Х.Терегулов, Х.З.Тляубердин, У.Х.Тюменев, А.И.Урманче, Б.И.Урманче, И.К.Фирдевс, И.С.Хантимер, В.Шамсетдинов, А.Д.Шарафутдинов (Шарафи), И.С.Шахматьев, Х.Ш.Ширин, Ф.Я.Юламанов, Х.С.Ягафаров (Ягофаров, Джагафаров) и А.Г.Ягудин реабилитированы.

В разное время в судебном порядке были реабилитированы У.Ю.Бабиков, А.А.Баширов, М.К.Будайли, З.Х.Булушев, Абдрахман Х.Бурнашев, Ариф Х.Бурнашев, О.Г.Дерен-Айерлы, Г.Г.Галеев, З.Х.Ерзина, В.И.Исхаков, М.М.Курмеев, Г.М.Мулюков, С.Г.Мурзабулатов, Р.А.Сабиров, Г.К.Салимьянов, С.Х.Сюнчелей, З.И.Танкачеев, С.Я.Умеров, И.Ф.Файзуллин.

Пленум Верховного суда СССР отменил приговор военной коллегии Верховного суда от 8 декабря 1939г. об осуждении М.Х. Султан-Галиева к высшей мере наказания и дело на него прекратил за отсутствием состава преступления.

Комиссия далее заслушала информацию Комитета партийного контроля при ЦК КПСС о партийности лиц, проходивших по делу так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации» и необоснованно исключенных из партии. В КПСС восстановлены Г.Г.Галеев, А.М.Енбаев, М.Г.Курамшин, Г.Г.Мансуров, К.Г.Мухтаров, Г.К.Салимьянов, М.Х.Султан-Галиев, С.Я.Умеров. Прежде в партийном отношении были реабилитированы М.К.Будайли, З.Х.Булушев, М.Ю.Брундуков, О.Г.Дерен-Айерлы, В.И.Исхаков, М.М.Курмеев, Р.А.Сабиров.

Вопрос о партийности А.К.Адигамова, У.Ю.Бабикова, Х.А.Москова, Г.С.Муллабаева, Г.М.Мулюкова, С.Г.Мурзабулатова, С.Х.Сюнчелея, А.И.Урманче и И.К.Фирдевса рассматривается в Татарском и Башкирском обкомах КПСС.

Не найдено оснований для реабилитации в партийном отношении Х.С.Балбекова, исключенного из партии задолго до возникновения данного дела и по мотивам, не связанным с политическими обвинениями.

Выступили: А.Н.Яковлев, В.А.Крючков, В.И.Болдин.

ПОСТАНОВИЛИ: 1. Информацию Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратуры СССР, Верховного суда СССР и Комитета партийного контроля при ЦК КПСС принять к сведению.

Председатель комиссии А. Яковлев.

Известия ЦК КПСС.- 1990.- №9.- С.72-74.

Справка
о так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации», подготовленная Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратурой СССР и КГБ СССР

Ранее 29 мая 1990г.

28 июля 1930г. коллегия ОГПУ приняла постановление по делу так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации». К ответственности по этому делу были привлечены 77 человек. Среди них были представители всех социальных слоев общества - крестьяне, кустари, рабочие, служащие, студенты, - как коммунисты, так и беспартийные, по национальности в основном татары и башкиры. «Организация» получила название «султан-галиевской», поскольку ее руководителем был объявлен Мирсаид Хайдаргалиевич Султан-Галиев, член партии с июля 1917г., бывший член коллегии Наркомнаца РСФСР.

Постановлением коллегии ОГПУ 21 обвиняемому во главе с М.Х.Султан-Галиевым была определена высшая мера наказания - расстрел с конфискацией имущества, 11 были заключены в концлагерь сроком на 10 лет с конфискацией имущества, 24 - сроком на 5, 11 - сроком на 3 года, 9 обвиняемым было запрещено проживать в ряде центральных и национальных районов страны с прикреплением к определенному месту жительства сроком на 3 года. Один из привлеченных (А.И.Агеев) умер в ходе следствия.

3 августа 1930г. коллегия ОГПУ решила для 29 человек - членов семей 14 лиц, проходивших по данному делу, установить прикрепление к определенному месту жительства сроком на 3 года с лишением права проживания в ряде регионов страны.

8 января 1931г. постановлением коллегии ОГПУ было аннулировано упомянутое постановление той же коллегии от 28 июля 1930г. в отношении 21 человека, которым была определена высшая мера наказания. 13 января 1931г. коллегия ОГПУ решила заменить высшую меру наказания 20 обвиняемым заключением в концлагерь сроком на 10 лет с конфискацией имущества. Один человек (С.Г.Мурзабулатов), которому ранее была определена высшая мера наказания, не дождавшись этого решения, умер в тюрьме.

Однако этим дело так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации» не было исчерпано. 19 марта 1937г. М.Х. Султан-Галиев вновь был арестован и по приговору военной коллегии Верховного суда СССР от 8 декабря 1939г. расстрелян 28 января 1940г.

Многие из тех, кто проходил по делу так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации», в соответствии с поста-

новлениями специальных «троек» управлений НКВД по ряду областей страны в 1937-1938гг. были также расстреляны.

Кем же был человек, именем которого было названо громкое дело, созданное по воле И.В.Сталина и использовавшееся в течение десятилетий для обоснования расправ с партийными и советскими работниками, кадрами интеллигенции республик советского Востока?

Мирсаид Хайдаргалиевич Султан-Галиев родился в 1892г. в д. Елимбетово Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Окончил Казанскую учительскую семинарию. Революционную деятельность начал в 1913г. в Уфимской губернии среди учащихся и крестьян, руководил работой нелегальных кружков, участвовал в подготовке и распространении антиправительственных листовок.

Активный участник Октябрьской революции и гражданской войны в Татарии, М.Х.Султан-Галиев был членом губернского революционного штаба, членом реввоенсовета 2-й армии, губпродкомиссаром Казанской губернии. В 1918-1920гг. - председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоенморе РСФСР. В 1920-1921гг. - начальник восточного отдела Политуправления Красной Армии. В 1919-1921гг. - сначала член, а затем председатель Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП (б). В 1920-1923гг. работал членом коллегии Наркомнаца РСФСР. Делегат XII съезда РКП (б).

Как видно из материалов партийного расследования и архивных документов, истоки так называемого «султан-галиевского» дела восходят к идейно-политическим дискуссиям по национальному вопросу в период образования СССР. В ходе обсуждения вопросов национальной политики М.Х.Султан-Галиев нередко занимал позиции, противоположные тем, на которых стоял И.В. Сталин, считавшийся главным авторитетом в области межнациональных отношений. Так, выступая на заседании фракции РКП(б) X Всероссийского съезда Советов, М.Х.Султан-Галиев выразил свое несогласие с предложениями И.В.Сталина о принципах формирования союзных ЦИКа и Совета Народных Комиссаров, предусматривавшими вхождение в них представителей объединяющихся в СССР независимых республик. Он поднял вопрос об участии в высших союзных органах власти также и представителей автономных республик, говорил о том, что целый ряд автономных республик по всем показателям стоит не ниже независимых республик. «Чем, скажите, пожалуйста, отличается Туркестанская Советская Республика* от Грузинской Республики? - спрашивал он. - Отличается тем, что там в несколько раз больше населения, территория в несколько раз больше, чем территория Грузинской республики, и, кроме того, по своему стратегическому и политическому положению Туркестан занимает в отношении «независимости»..., которая могла бы быть предоставлена Туркестану, гораздо более выгодное положение, чем Грузия»**

* Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР была образована 30 апреля 1918г. В ходе национально-государственного размежевания на территории ТАССР образовались Узбекская ССР, Туркменская ССР, Таджикская АССР, Кара-Киргизская, Кара-Калпакская автономные области.

** См.: С. 409-410 настоящего издания.

Далее М.Х.Султан-Галиев высказал мысль о недопустимости разделения «национальностей советских республик на национальности, которые имеют право вхождения в союзный ЦИК, и на национальности, которые не имеют этого права, ... на пасынков и настоящих сыновей. Это положение, безусловно, по нашему мнению, является ненормальным...»* , - говорил он.

И.В.Сталин выразил решительный протест против той части выступления М.Х.Султан-Галиева, где фактически воспроизводится проект «автономизации» независимых республик, автором которого, как известно, был сам генсек и от которого незадолго перед X Всероссийским съездом Советов он вынужден был временно отказаться в связи с настойчивыми требованиями В.И.Ленина** . В своем заключительном слове эту часть речи М.Х.Султан-Галиева И.В.Сталин объявил «клеветой на партию»***

Что же касается защищавшейся М.Х.Султан-Галиевым идеи повышения статуса автономных республик, то она была названа И.В. Сталиным «мертворожденной, реакционной», направленной «против объединительных волн в низах»****

Выступая на заседании секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу 25 апреля 1923г., М.Х. Султан-Галиев подчеркнул, что предложения И.В. Сталина, представленные съезду, «не разрешают национального вопроса»***** , и вновь высказался за расширение прав автономных республик и национальных областей, за повышение их статуса вплоть до равноправных субъектов СССР******

Не называя имен, М.Х.Султан-Галиев выступил против недооценки И.В.Сталиным первостепенной важности борьбы с великодержавным шовинизмом. Он подчеркнул, что необходимо определиться с пониманием национализма. «Что же такое местный национализм?», - задавал вопрос М.Х.Султан-Галиев. И отвечал, что если под национализмом понимают борьбу с великодержавным шовинизмом, то «это не национализм, а это просто борьба с проявлением великодержавного шовинизма».

Выступление М.Х.Султан-Галиева вызвало раздражение И.В.Сталина.

Секция XII съезда партии по национальному вопросу заседала 25 апреля 1923г. Менее чем через 10 дней, 4 мая 1923г. Партколлегия ЦКК РКП (б) приняла постановление об исключении М.Х.Султан-Галиева из партии «как антипартийный и антисоветский элемент», о снятии его со всех партийных и советских постов и передаче дела в ГПУ.

Сразу же после оглашения постановления М.Х.Султан-Галиев был арестован и препровожден в тюрьму ГПУ.

19 мая 1923г. Политбюро ЦК РКП (б) принимает решение: «Созвать недели через две совещание из националов окраинных областей», на кото-

---

* См.: С. 409-410 настоящего издания.

** См.: Известия ЦК КПСС.- 1989.- № 9.- С. 198-200, 205-206, 215-216; 1990, № 9. - С. 147-164.

*** ЦПА ИМЛ.- Ф.94.- Оп.2.- Д.10.- Л.118.

**** Там же, Л.123.

***** См.: С. 435 настоящего издания.

****** См. С. 436 настоящего издания.

ром «изложить дело Султан-Галиева и показать, куда неизбежно заводит логика тайной и направленной против партии работы». Одновременно ЦКК РКП (б) дается поручение обсудить вопрос о возможности изменения меры пресечения М.Х.Султан-Галиеву.

Постановка вопроса о нецелесообразности оставления М.Х.Султан-Галиева в заключении в значительной мере объясняется тем, что группа руководящих работников Татарской АССР обратилась 8 мая 1923г. со специальным письмом к секретарям ЦК РКП(б) И.В.Сталину, В.М.Молотову, Я.Э.Рудзутаку, а также к Г.Е.Зиновьеву, Л.Б.Каменеву, Л.Д.Троцкому, Н.И.Бухарину, К.Б.Радеку и В.В.Куйбышеву.

Отметив активное участие М.Х. Султан-Галиева в революционном движении и гражданской войне, заслуги в деле организации и дальнейшего развития «почти всех автономных республик и областей», большую работу в коллегии Наркомнаца РСФСР и по руководству Центральным бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП (б), авторы письма подчеркивали, что арест М.Х.Султан-Галиева является «недоразумением», и просили «об отмене всякой репрессии» по отношению к нему.

24 мая 1923г. Политбюро ЦК РКП (б) вновь возвращается к делу М.Х.Султан-Галиева. В постановлении, принятом на этом заседании, ГПУ давался двухнедельный срок для его окончания, «с докладом в Политбюро».

М.Х.Султан-Галиеву было предъявлено обвинение в том, что он создал националистическую организацию, выступающую против руководства партии и Советского государства по национальному вопросу. Это обвинение основывалось на перехваченных ГПУ конспиративных письмах М.Х.Султан-Галиева ряду руководящих партийных и советских работников Башкирии, Татарии и Крыма, разделявших его взгляды по национальному вопросу. В одном из таких писем с шифрованным текстом, направленном наркому просвещения Башкирии А.К.Адигамову, М.Х.Султан-Галиев просил установить негласную связь с З.Валидовым, находившемся в то время в стане басмачей в Средней Азии.

Давая объяснение по первому пункту обвинения в письме, адресованном И.В.Сталину, Л.Д.Троцкому, членам ЦКК РКП (б) от 19 мая 1923г., М.Х.Султан-Галиев писал: «Никакой такой «организации» у меня не было. Была группа товарищей, связанных со мной общей работой во время революции и разделявших мои взгляды на национальный и колониальный вопросы. Но мы никогда не считали себя отдельной от коммунистической партии организацией и не ставили себе задач «борьбы с партией». Если мы и «боролись» за что-нибудь, то единственно за укрепление авторитета **Советской власти и нашей партии** в самых широких слоях восточных народностей и с так называемым ультралевым течением в национальном вопросе, поскольку это течение лишь отталкивало и отдаляло от Советской власти и Коммунистической партии широкие слои населения отсталых национальностей».

Обмен конспиративными письмами с руководящими деятелями автономных республик, обращенные к ним призывы активно выступать на партийных и советских форумах с изложением своих позиций по пробле-

мам национальных отношений М.Х.Султан-Галиев объяснял стремлением убедить руководство страны в правоте своих взглядов на пути решения национального вопроса, уберечь от ошибок в этом деликатном деле.

Идею создания Туркестанской федерации, с предоставлением ей «элементарнейших основ государственности», М.Х.Султан-Галиев расценивал как фактор, способствующий ускоренному развитию производительных сил региона и привлечению трудящихся местных национальностей к советскому строительству, а также как фактор пробуждения революционной активности трудящихся зарубежного Востока. В связи с этим он рассматривал возможность «образования Турана с тяготением и присоединением к нему остальных прилегающих к нему тюркских территорий: Киргизии, Кашгарии, Хивы, Бухары, тюркских частей Афганистана и Персии».

«Но что же тут страшного с точки зрения интереса международной социальной революции? - задавал вопрос М.Х.Султан-Галиев в упомянутом письме от 19 мая 1923г., адресованному И.В.Сталину, Л.Д.Троцкому и членам ЦКК РКП(б) - **это страшно для русского национализма, это страшно для западноевропейского капитализма. А для революции это не страшно**».

Свою попытку установить контакты с З.Валидовым М.Х.Султан-Галиев объяснил сильным желанием способствовать ликвидации басмаческого движения. Стимулировало к таким действиям М.Х.Султан-Галиева и опубликованное в печати сообщение о том, что З.Валидов обратился в Средазбюро ЦК РКП (б) с просьбой об амнистии. И она была ему обещана при условии публикации им призыва к басмачам сложить оружие и вернуться к мирной жизни.

В «Заключении по делу М.Х.Султан-Галиева» от 6 июля 1923г., адресованному И.В.Сталину, начальник Секретного оперативного управления ГПУ В.Р.Менжинский отмечал, что вина М.Х.Султан-Галиева перед партией и государством состоит в том, что он создал нелегальную группу, которая «серьезно расходилась с партией и Совправительством по вопросу национальной политики на Востоке, ставила себе целью освобождение восточных республик и стран из-под гнета Запада, образование крупных самостоятельных восточных государств, объединяющих все ныне существующие восточные государства, как находящиеся на территории СССР, так и сопредельные с нашим союзом восточных стран».

Вместе с тем в документе говорится о том, что достоверность «некоторых важных агентурных сообщений одного из агентов» «о планах Султан-Галиева по установлению связей с турецким, персидским и афганским посольствами в Москве, поддержке басмачества в борьбе последнего с советской властью» «вызвала сомнение».

На основе анализа всех материалов дела В.Р.Менжинский пришел к выводу о том, что «ГПУ отнюдь не усматривает необходимости в продолжении дальнейшего заключения Султан-Галиева под стражей в случае прекращения дела». 14 июня 1923г. Политбюро ЦК РКП (б) принимает постановление: «Принять предложение т. Менжинского. Исполнение в кратчайший срок». М.Х.Султан-Галиев из-под стражи был освобожден.

Через несколько месяцев после освобождения из тюрьмы М.Х.Султан-Галиев пришел на прием к И.В.Сталину, который в ответ на просьбу собеседника о возможности восстановления его в партии сказал, что этот вопрос может быть рассмотрен по истечении года после исключения.

8 сентября 1924г. М.Х.Султан-Галиев обратился в ЦКК РКП (б) с просьбой о восстановлении в партии, предварительно в письменном виде испросив разрешение И.В.Сталина. 15 декабря 1924г. Президиум ЦКК отклонил его ходатайство «ввиду того, что Султан-Галиев за время своего пребывания вне партии ничем не доказал, что он действительно признал свою ошибку».

12 декабря 1928г. М.Х.Султан-Галиев был арестован во второй раз. В соответствии с постановлением Партколлегии ЦКК ВКП (б) «По делу об антисоветской деятельности Мухтарова, Мансурова, Енбаева, Сабирова, Фирдевса и Дерен-Айерлы» от 23 августа 1929г. «за участие в антипартийной группировке Султан-Галиева» из ВКП (б) были исключены К.Г.Мухтаров, член партии с 1918г., член коллегии Наркомздрава РСФСР, бывший председатель Совнаркома Татарской АССР; Г.Г.Мансуров, член партии с 1917г., проректор Института народов Востока, бывший заместитель председателя Совнаркома Татарской АССР; А.М.Енбаев, член партии с 1919г., член правления «Всекомпромсоюза», бывший заместитель наркома земледелия Татарской АССР; Р.А.Сабиров, член партии с 1918г., заведующий подотделом национальных меньшинств ВЦИК, бывший председатель ЦИК Татарской АССР; И.К.Фирдевс, член партии с 1917г., инспектор Северо-Кавказского краевого отдела народного образования, бывший нарком юстиции Крымской АССР; О.Г.Дерен-Айерлы, член партии с 1918г., слушатель курсов при Институте красной профессуры, бывший председатель Крымского Совнаркома.

Следует заметить, что К.Г.Мухтаров, Г.Г.Мансуров, А.М.Енбаев, Р.А.Сабиров были теми, кто в 1923г. просил И.В.Сталина и других лидеров партии освободить из тюрьмы и реабилитировать М.Х.Султан-Галиева.

Так начиналось дело «султан-галиевской контрреволюционной организации», активным организатором которого был Г.Г.Ягода. Он подписывал ордер на арест М.Х.Султан-Галиева. Он же 29 мая 1929г. направил докладную записку в Президиум ЦКК ВКП (б) Е.М.Ярославскому, в ЦК ВКП (б) Л.М.Кагановичу «об антипартийной и антисоветской деятельности» К.Г.Мухтарова, А.М.Енбаева, Г.Г.Мансурова, Р.А.Сабирова, И.К.Фирдевса, О.Г.Дерен-Айерлы «на предмет разрешения вопроса о дальнейшем пребывании их в рядах ВКП (б) и привлечения к ответственности».

Задолго до окончания следствия в печати была развернута шумная кампания по разоблачению «султан-галиевщины» как антисоветского политического течения, покушающегося на завоевания Октября и пролетарскую диктатуру, имеющего «законченную контрреволюционную программу».

Обстоятельно организованной и искусно направляемой кампании по разоблачению «султан-галиевщины» отводилась большая роль. Она развертывалась в сложной социально-политической обстановке, образовав-

шейся в результате принудительной массовой коллективизации сельского хозяйства, мощного административного натиска на религию и религиозные организации и ставила своей задачей заглушить голоса тех представителей национальной интеллигенции, которые выражали недовольство сталинским руководством в области национальной политики.

Развивая сталинский тезис об обострении классовой борьбы по мере достижения успехов в социалистическом строительстве применительно к национальному вопросу, «Правда» в статье «Социалистическое наступление и активизация буржуазных националистов», опубликованной 4 ноября 1929г., подчеркивала, что «эволюция султан-галиевщины от националистического уклона в рядах татарских коммунистов к открытой контрреволюции является одним из своеобразных отражений в деле социалистического строительства, стимулирующих активность и консолидацию сил буржуазно-националистического фронта».

Таким образом, подводилась теоретическая база под будущие «разоблачения» все новых и новых «контрреволюционных националистических групп и организаций», число и активность которых должны расти, по логике автора статьи, по мере «наших успехов в деле социалистического строительства».

Кампания осуждения «султан-галиевщины» развернулась в партийных организациях. Пленум Татарского обкома ВКП (б), состоявшийся 3-9 ноября 1929г., в своем постановлении записал: «Пленум призывает всех членов партии выкорчевывать остатки султан-галиевщины, усилить борьбу с националистическими предрассудками в отсталых массах, разоблачать конкретных проводников султан-галиевской идеологии, которые еще имеются в наших аппаратах»* Так раздувалась кампания выявления «врагов» внутри и вне партии.

М.Х.Султан-Галиеву и «султан-галиевцам» вменялось в вину выдвижение программы создания Туранского государства, стремление к расчленению Советского союза. Между тем в рассуждениях М.Х.Султан-Галиева на тему о Туране нет ничего, что позволило бы говорить о контрреволюционных намерениях.

Как и многие партийцы того времени, М.Х. Султан-Галиев исходил из положения о неизбежности скорой победы мировой революции. Поскольку же время шло, а идея мировой революции не находила реализации, возникла мысль об обреченности Советской власти. Ее падение могло произойти, по мысли М.Х.Султан-Галиева, либо в результате перерождения в буржуазное государство в ходе осуществления нэпа, либо под ударами империалистических государств. «Исходя из этих фактов, - говорил М.Х.Султан-Галиев, - я выдвигал положение о необходимости подготовки образования т.н. Туранского государства как народно-демократической республики на основе госкапитализма», «для организации широкого народного восстания против наступившей реакции на случай поражения революции». Во главе Туранского государства виделась М.Х.Султан-Галиеву «массовая рабоче-крестьянская социалистическая партия».

* Цит. по кн.: Против султан-галиевщины и великодержавности.- Казань, Татиздат.- 1929.- С. 125.

Представления М.Х.Султан-Галиева о субъектах федеративного Туранского государства не оставались неизменными. В одних случаях это была федерация советских социалистических республик в составе Советского Союза, в других - он изображал этот союз включающим в себя как восточные республики нашей страны, так и ряд сопредельных зарубежных государств. Последний вариант был рассчитан, как писал М.Х.Султан-Галиев, «на тот случай, если бы Советской власти, в результате военного столкновения СССР с мировым империализмом, суждено было потерпеть поражение».

В показаниях, написанных М.Х.Султан-Галиевым собственноручно 27 февраля 1929г., изложен третий вариант федерирования различных национальных регионов страны.

«Наиболее удовлетворяющей меня постановкой, - писал он, - я считаю создание четырех крупных национально-советских массивов на советском Востоке, которые должны быть включены в Советский Союз на равных совершенно с Украиной правах: 1. Федерации Урало-Волжских Сов. Соц. Республик в составе Башкирии, Татарии, Чувашии, Маробласти и Вотобласти; 2. Обще-Кавказской Федерации Сов. Соц. Республик и областей со включением всех нацреспублик Закавказья, нац. областей Сев. Кавказа, Дагестана, Калмобласти и Кубано-Черноморья в целом; 3. Казахстана, как союзной единицы; и 4. Среднеазиатской, или собственно Туранской республики в составе Узбекистана, Туркмении, Киргизии и Таджикистана, как равноправных в федерации единиц...

Постановку свою я считал идеальной постановкой разрешения нацвопроса в смысле законченного государственного размежевания СССР, вполне совпадающего и с принципами национальной политики пролетариата, т.е. ленинизмом в нацвопросе, и с принципами целесообразной организации экономического районирования СССР».

В этих теоретических построениях можно было усмотреть все, что угодно: утопические планы, необоснованные прогнозы, наивные мечтания и многое другое, но никак не антисоветские устремления.

Проверка, осуществленная по поручению ЦК КПСС Прокуратурой СССР и КГБ СССР в 1989-1990гг., показала, что никакой «султан-галиевской контрреволюционной организации» не существовало. «Встречи Мухтарова, Мансурова, Сабирова, Енбаева, Дерен-Айерлы, Фирдевса и Султан-Галиева в Москве, - говорится в справке Прокуратуры СССР и КГБ СССР, - обусловлены не политическим единством их антисоветских целей, не стремлением создать контрреволюционную организацию, а отношениями, возникшими по совместной учебе и работе. Указанная группа лиц имела относительную устойчивость исключительно на почве товарищеских отношений и искусственно была представлена органами ОГПУ как организовавшаяся с целью совершения особо опасных государственных преступлений».

Многие «султан-галиевцы» показали, что нередко встречались в Москве на почве землячества, семейных торжеств, во время которых велись разговоры о делах в республиках, о кадровых перемещениях там, критиковали ошибки И.В.Сталина в национальном вопросе.

Дополнительным свидетельством того, что «султан-галиевской контрреволюционной организации» не существовало, говорит факт признания судебными органами в течение 1956-1990гг. незаконными обвинения О.Г.Дерен-Айерлы, С.Г.Мурзабулатова, З.Х.Булушева, проходивших по делу в качестве руководителей так называемого «московского султан-галиевского центра», и еще в отношении 14 лиц, действия которых квалифицировались коллегией ОГПУ как участие в «султан-галиевской контрреволюционной организации». Все они реабилитированы.

Об отношении самих лиц, проходивших по делу так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации», к предъявленным им обвинениям говорят многие факты.

В заявлениях, направленных руководителям Коммунистической партии в конце июля - начале августа 1929г., К.Г.Мухтаров, Г.Г.Мансуров, Р.А.Сабиров писали: «в ЦКК ВКП (б) нам предъявили ряд весьма серьезных обвинений...: участие в антипартийной группировке, которая ставила задачу давать скрыто от партии директивы работникам национальных республик, связь с пантюркистским движением, связь с Султан-Галиевым и участие с ним в создании программы отдельной мусульманской Коммунистической партии, участие в подготовке раздела национального вопроса в программе оппозиции и даже связь с крымской контрреволюцией. Единственное, в чем мы должны признать себя виновными, - это в сохранении личной связи с Султан-Галиевым после исключения его из рядов ВКП (б)».

В ходе одного из допросов Р.А.Сабиров пояснил: «Никакой политической связи. Последний год он (М.Х.Султан-Галиев) фактически голодал. Я раз дал ему 10 рублей, другой раз - 5 рублей».

В справке Е.М.Ярославского от 5 августа 1929г. указывается, что Мухтаров, Енбаев, Мансуров категорически отказались признать себя виновными и даже сделали прямые намеки об изготовлении материалов на них в «лабораториях ГПУ».

К делу «султан-галиевской контрреволюционной организации» были приобщены материалы на большую группу жителей Казани и Ташкента, которые также были обвинены в принадлежности к «султан-галиевской контрреволюционной организации», несмотря на отсутствие каких-либо данных об их связях с М.Х.Султан-Галиевым.

В заявлении от 13 февраля 1930г., адресованном Восточному отделу ОГПУ, проходившие по делу студенты Восточного педагогического института (находился в г. Казани) М.Курамшин, Х.Джагофаров (Ягофаров), Н.Еникеев и Х.Ширин писали: «Мы ... были арестованы еще в начале августа 1929г. в г. Казани Тат. отделом ОГПУ по обвинению в контрреволюционной султан-галиевщине. Татарский отдел ОГПУ обвиняет нас в нелегальной контрреволюционной работе, в связи с какими-то зарубежными организациями, в агитации и пропаганде антисоветских идей и применяет к нам ст.58-4 и 58-10* уголовного кодекса, тогда как Тат. ОГПУ отлично знает, что у нас никаких нелегальных работ не было, а также не

* Статьи, предусматривающие наказание за антисоветскую пропаганду и агитацию и участие в подпольной контрреволюционной организации.

было никакой агитации султан-галиевских идей. Ибо мы до нашего ареста о султан-галиевщине ничего не знали».

Бывшие сотрудники ОГПУ, принимавшие участие в расследовании дела так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации» Я.С.Айзенберг, К.П.Константинов, Х.С.Петросян впоследствии были привлечены к уголовной ответственности за фальсификации, допущенные ими при создании дел о государственных преступлениях.

Дело «султан-галиевской контрреволюционной организации» было рассмотрено во внесудебном порядке.

28 июля и 3 августа 1930г., 8 и 13 января 1931г. были приняты постановления коллегии ОГПУ, обрекшие на многолетние физические и нравственные страдания десятки советских граждан, привлеченных к уголовной ответственности по делу так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации», и членов их семей.

Что же касается дела М.Х.Султан-Галиева, рассмотренного военной коллегией Верховного суда СССР 8 декабря 1939г., по приговору которой он был расстрелян, то в нем фигурировали те же самые обвинения, которые были предъявлены ему по предыдущему делу. Добавлено лишь обвинение в попытке создать повстанческую контрреволюционную организацию среди башкир в Саратовской области, где его поселили после освобождения из Соловецкого лагеря.

Проверка показала, что обвинения М.Х.Султан-Галиева в контрреволюционной деятельности, в том числе и в создании повстанческой организации, были основаны на вымышленных показаниях, полученных в результате применения к свидетелям незаконных методов следствия.

Меры физического воздействия применялись и к М.Х.Султан-Галиеву.

При обыске 23 мая 1939г. у бывшего заместителя наркома внутренних дел Татарской АССР М.И.Шелудченко было обнаружено письмо бывшего наркома внутренних дел Татарской АССР В.И.Михайлова следующего содержания: «Т. Шелудченко! Грош цена будет делу, если не получим выхода за кордон, в частности, в Японию, Германию... Требуются факты подготовки к террористическим актам. Возьми на 3-4 дня лично в работу Султан-Галиева и Сагидуллина. С этой публикой церемониться не следует. Взять от них все до единой капли. Фриновский* не возражает эту публику в крайнем случае пустить через особую сессию... Все внимание групповым делам с выходом на центр или за кордон».

М.И.Шелудченко с большим усердием выполнил указания вышестоящих начальников. Об этом, находясь под арестом, он написал И.В. Сталину 23 июня 1939г., пытаясь избежать ответственности за совершенные преступления. «Из директивы Вашей от 10.01. с.г.** я узнал, - говорилось в письме, - что мое политическое чутье не обмануло меня. Я применял физи-

---

* Речь идет о М.П. Фриновском, в то время занимавшем должность заместителя наркома внутренних дел СССР, впоследствии расстрелянном за грубые нарушения законности.

** Имеется в виду шифрованная телеграмма И.В. Сталина, направленная на места, в которой говорилось, что в ходе следствия метод физического воздействия должен обязательно применяться в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, «как совершенно правильный и целесообразный метод» (см.: Известия ЦК КПСС.- 1989.- № 3. - С. 145.)

ческое воздействие к таким врагам, как известный Вам Султан-Галиев, который не хотел рассказывать правды о своей к.-р. деятельности, несмотря на то, что его два раза судили. Вы говорили о нем..., что Султан-Галиев вместо ЦК ВКП (б) побежал в Турецкое консульство. Султан-Галиев признался, что с 1919 года он стал орудием иностранных разведок и с того времени вел контрреволюционную работу во всех организациях ВКП (б) тюрко-татарских советских республик, создавая и руководя так называемыми правыми группами».

Таким образом, уже в мае 1939г. руководители НКВД СССР имели документальные подтверждения самих следователей о том, что признательные показания были получены у М.Х.Султан-Галиева в результате истязаний, и по этим фактам было возбуждено уголовное дело против руководителей НКВД Татарской АССР. При минимальной объективности это должно было послужить основанием для иного подхода к делу М.Х.Султан-Галиева. Однако его судьба, как и судьба тысяч и тысяч других революционеров, была предрешена руководством сталинского репрессивного режима.

Обвинительное заключение было утверждено небезызвестным Б.З.Кобуловым, одним из подручных Л.П.Берия.

Для придания большего «веса» дела М.Х.Султан-Галиева и создания видимости тесной связи между различными силами, признанными НКВД контрреволюционными, в обвинительное заключение был включен и такой фрагмент: «На протяжении всей своей борьбы с партией и советской властью Султан-Галиев сговаривался с руководящими участниками троцкистско-зиновьевского подполья, в том числе и лично с Троцким (в 1923 году), о контактировании с ними подрывной деятельности. В частности, Султан-Галиев поддерживал организационную связь до 1928 года с троцкистами Буду-Мдивани, Смирновым, Шиловым и в 1930-1933гг. в Соловках с Марченко, Эльциным и Залкиндом».

Более двух с половиной лет органы НКВД готовили дело М.Х.Султан-Галиева. И несмотря на все это, показательный судебный процесс вновь не удалось организовать: существовала опасность, что свидетели и сам подсудимый могут отказаться от своих вынужденных показаний, данных в ходе следствия.

29 августа 1939г. военная коллегия Верховного суда СССР под председательством В.В.Ульриха в подготовительном заседании, рассмотрев дело по обвинению М.Х.Султан-Галиева, признала необходимым судебный процесс провести в закрытом порядке по упрощенной процедуре: без вызова свидетелей, прокурора и адвоката.

На судебном процессе доказательств виновности М.Х.Султан-Галиева не было установлено. Сам подсудимый по существу предъявленных ему обвинений виновным себя не признал. Он показал, что действительно в начале 20-х годов не разделял взгляды И.В.Сталина, выступавшего против расширения прав автономных национальных образований, и об этом открыто заявлял на заседаниях руководящих органов партии. Антисоветской, шпионской деятельностью не занимался, никакой работы по созданию контрреволюционной организации не проводил.

На вопрос председательствующего в судебном заседании, почему же он на следствии давал показания о связях с агентами империалистических государств, М.Х.Султан-Галиев ответил: «А вот почему. Вначале следственные органы меня убеждали, чтобы я добровольно разоружился и этим самым помог советской разведке. Я виновным себя не признал. После этого меня поставили «на конвейер», в результате которого в сентябре 1937г. я дал вынужденно ложные показания о своей якобы шпионской деятельности. В данный момент свои показания о связях с агентами иностранных разведок с целью шпионажа я отрицаю».

Как констатировал пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 28 марта 1990г., «проверкой в соответствующих архивах сотрудничество Султан-Галиева с какими-либо разведорганами, а также связь с антисоветской целью с эмигрантами и контрреволюционным подпольем не установлены».

Таким образом, в материалах партийного разбирательства и следственного дела «султан-галиевской контрреволюционной организации» нет доказательств, подтверждающих антипартийную, антисоветскую контрреволюционную деятельность М.ХСултан-Галиева и других лиц, привлеченных по этому делу, за исключением Х.З.Батаршина и Л.М.Раимова, которые самостоятельно занимались изготовлением и распространением листовок антисоветского содержания в г. Казани, а также С.Х.Хафизова, Г.Г.Атласова, З.Б.Фаттахова, А.Ш.Бурганова, пытавшихся незаконно перейти государственную границу, уголовные дела которых к делу М.Х.Султан-Галиева были приобщены искусственно.

Из 77 обвиняемых, проходивших по делу так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации», 18 человек были реабилитированы судебными органами в течение 1956-1990гг.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов» упомянутые выше постановления ОГПУ от 28 июля 1930г. и от 13 января 1931г. в отношении 53 человек, вместе с М.Х.Султан-Галиевым привлекавшихся к уголовной ответственности, отменены и эти люди реабилитированы. На том же основании отменено и постановление коллегии ОГПУ от 3 августа 1930г. о прикреплении к определенному месту жительства на 3 года с лишением права проживания в ряде районов страны членов семей обвиняемых по упомянутому делу.

В отношении 6 человек по этому делу - Х.З.Батаршина, Л.М.Раимова, С.Х.Хафизова, Г.Г.Атласова, З.Б.Фаттахова, А.Ш.Бурганова, в действиях которых содержатся признаки преступления и вина их доказана материалами дела, вопрос о правовой реабилитации не ставился.

Пленум Верховного суда СССР своим постановлением от 28 марта 1990г. отменил приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 8 декабря 1939г. в отношении М.Х.Султан-Галиева и уголовное дело прекратил за отсутствием в его действиях состава преступления.

Среди 77 человек, привлеченных к уголовной ответственности по делу «султан-галиевской контрреволюционной организации», были 21 член партии, 3 кандидата в члены ВКП (б).

В течение 1956-1989гг. в партии были восстановлены М.К.Будайли, З.Х.Булушев, М.Ю.Брундуков, О.Г.Дерен-Айерлы, В.И.Исхаков, М.М.Курмеев.

В настоящее время в Татарском и Башкирском обкомах КПСС находятся на рассмотрении дела о реабилитации в партийном отношении А.К.Адигамова, У.Ю.Бабикова, Х.А.Москова, Г.С.Муллабаева, Г.М.Мулюкова, С.Г.Мурзабулатова, С.Х.Сюнчелея (Сюнчалея), А.И.Урманче, И.К.Фирдевса.

Принимая во внимание полную реабилитацию в судебном порядке и снятие политических обвинений, предъявлявшихся при их исключении из партии, Комитет партийного контроля при ЦК КПСС восстановил в партии Г.Г. Галеева, А.М. Енбаева, М.Г. Курамшина, Г.Г. Мансурова, К.Г. Мухтарова, Г.К. Салимьянова, М.Х. Султан-Галиева, С.Я. Умерова (всех посмертно).

Не найдено оснований для реабилитации в партийном отношении Х.С.Балбекова, исключенного из партии задолго до возникновения дела так называемой «султан-галиевской контрреволюционной организации» и по мотивам, не связанным с политическими обвинениями.*

Особо следует сказать о судьбе бывшего председателя ЦИК Татарской АССР Р.А.Сабирова. Он был в числе тех руководителей Татарии, которые ходатайствовали перед ЦК РКП (б) о реабилитации М.Х.Султан-Галиева в 1923г., и наряду с ними постановлением Партколлегии ЦКК ВКП (б) от 23 августа 1929г. был исключен из партии «за участие в антипартийной группировке Султан-Галиева». О Р.А.Сабирове также в этом постановлении говорилось, что «ЦКК считает возможным рассмотреть вопрос о его вступлении в партию через год по ходатайству рабочей ячейки».

После освобождения от высоких постов и исключения из партии Р.А.Сабиров работал на Московском автомобильном заводе фрезеровщиком, бригадиром, затем инспектором по труду, проявил себя хорошим производственником и общественником. В декабре 1933г. партийная организация завода ходатайствовала о восстановлении его в партии, однако Партколлегия КПК при ЦК ВКП (б) своим постановлением от 28 октября 1934г. отказала в удовлетворении этой просьбы. В 1937г. Р.А.Сабиров был арестован. Ему напомнили прежние обвинения в принадлежности к группировке М.Х.Султан-Галиева.

Военной коллегией Верховного суда СССР Р.А.Сабиров 30 декабря 1937г. за контрреволюционную деятельность был осужден к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Проверкой установлено, что Р.А.Сабиров к уголовной ответственности был привлечен необоснованно. Определением военной коллегии Верховного суда СССР от 14 мая 1957г. приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 30 декабря 1937г. в отношении Р.А.Сабирова отменен и дело

---

* После заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС решениями Татарского и Башкирского обкомов КПСС в партии восстановлены А.К. Адигамов, Х.А. Москов, Г.М. Мулюков, С.Г. Мурзабулатов, А.И. Урманче, И.К. Фирдевс. Не найдено основания для реабилитации в партийном отношении У.Ю. Бабикова, Г.С. Муллабаева, С.Х. Сюнчелея (Сюнчалея), т.к. они были исключены из партии до возникновения данного дела по причинам, связанным с нарушениями требований партийной дисциплины и этики.

производством прекращено в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Постановлением бюро Татарского обкома КПСС от 13 июня 1989г. Р.А.Сабиров реабилитирован и в партийном отношении.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС	Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Прокуратура СССР	Комитет государственной безопасности СССР

В подготовке материала принимали участие А. Зюбченко, Н. Катков, Н. Марченко, А. Нуруллаев, М. Шоркин.

Известия ЦК КПСС.-1990.-№ 10.-С.75-88.

Указатель имен

Абаев 582
Абдиев 124
Абдуллин Б. 632
Абдуллин М.И. 19
Абдур Рабб Барг 460
Абдурахимов С.И. 682
Абдурахманов К.А. 23
Абзалилов 454
Абрамов И.П. 681
Авров Д.Н. 188, 652
Агеев 616
Агеев А.И. 577, 682, 683
Агеев Ф.Н. 559, 560, 682
Агапов Я. 510, 512
Аграновский 79
Адигамов А.К. 15, 411, 441, 442, 444, 467, 468, 469, 471, 510, 511, 512, 677, 678, 679, 680, 682, 686, 695.
Азин В.М. 508
Азнабаев 479
Айвазов С. 554
Айзенберг Я.С. 590, 604, 692
Акбулатов О.Х. 682
Акжитов А.А. 682
Акжитов Ф.А. 682
Акчурин Г. 643, 657
Акулов И.А. 324, 333, 334, 662
Александр III 368
Александров 390
Алексеев 121
Алиев Х. 561
Алкинов см. Кулаев М.А.
Алиев /Дулат-Али/ М.Г. 286, 459, 576
Алинбекова А. 659
Алпиов Н.Н. 647
Алкин И.С. 101, 117, 168, 211, 227, 229, 239, 242, 248, 306, 403, 421, 491, 492, 493, 496, 497, 504, 642, 643, 645, 657
Алкин Д.С. 117, 227, 229, 242, 351, 403, 421, 493, 496, 645
Алкин Ш. 648
Али-Риза-паша 279
Алмаев А.Х. 170, 462, 560, 582, 648, 656, 657
Алмаев Р.З. 659
Альбетков А.К. 682
Альмухаметов Г.К. 159, 460, 462, 657
Амануллa-Хан 565
Аминев З. 504
Аминьянов Ю.Н. 24
Амирхан Ф.З. 635
Амирханов Р.У. 24
Амур-Санаа 366
Андерсон К.М. 24
Андреев Л.Н. 486
Антипов Н.К. 507
Апанаевы 351
Артюхина 586
Артюхина Н.П. 24
Асеалович И.Х. 682
Атласов А.М. 553, 587, 642, 682, 694
Атнагулов С-С. 239, 288, 293, 294, 295, 350, 353, 460, 461, 462, 470, 496, 544, 643, 657, 658
Ахнадиев Ш.Г. 117, 129, 351, 462, 492, 497, 648, 657, 664
Ахмадуллин Г. 66
Ахмадуллин М. 66
Ахмеров И.Х. 652
Ахмеров Ш.Ш. 523, 539, 540
Ахтямов И. 99, 469, 642, 648
Ахтямов С.М. 350, 422, 494, 495, 496, 499
Ашмарин Н.И. 550
Бабаев 275
Бабахон 324, 563, 592, 602, 603, 604, 639
Бабиков У.Ю. 617, 618, 619, 620, 621, 682, 695
Багавиева С.С. 24
Багаутдинов Г. 306, 403, 419, 496, 667
Багаутдинов Г.Б. 432, 552
Бадамшин Б.И. 623, 629, 631, 632, 682
Банибетов Г.С. 288, 293, 294, 295, 297, 299, 300, 460, 462, 469, 470, 503, 504, 577, 664
Банибетова З.А. 462
Баншев (Бипшев) А.А. 454, 580, 581
Байбеков (Балбеков) Х.Е. 585. 588, 682, 695
Байрамов 318
Бакиев Б. 623
Бакиев С.А. 615, 617, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 628, 629, 631, 632, 682
Балдаев 554, 558
Баракатулла М. 197, 286, 460
Баруди (Галиев) Г. 7, 491, 648
Батаршин Х.З. 694
Баширов А.А. 682
Баязитов М. 357, 461
Белова Г.М. 24
Беляков В.А. 681
Бен Белла А. 7
Бенингсен А. 22
Бережной 653
Березовский Б.А. 8
Берия Л.П. 5, 693
Беркутов А.Х. 682
Бигиев М.Я. 197, 370
Биглов А.М. 351, 496
Бипшев (Баншев) А.А. - см. Баншев А.А.
Бикбавов А.И. 504, 510, 678, 682
Бикжанов Г.А. 682
Бикмулов М.З. 682
Бикчантаев 445, 659
Бирюков С.А. 646, 647
Бичерахов Г.Ф. 665
Бичерахов Л.Ф. 665
Блюмкин Я.Г. 649
Богдавов А. 488, 490
Болдин В.И. 681, 682
Болдуин 548
Борисов 93
Бройдо Г.И. 414, 415, 416, 444, 456, 462, 667
Броссоп М.А. 22
Брундуков М.Ю. 187, 244, 249, 260, 293, 298, 299, 445, 461, 552, 592, 605, 607, 654, 657, 658, 659, 661, 682, 695
Брюхапов В.П. 478, 489, 673, 675
Буби (Нигматуллин) А. 370
Будайли М.К. 547, 552, 607, 671, 682, 695
Буденный С.М. 326
Буду-Мдивани П.Г. - см. Мдивани П.Г.
Букейсавов 305
Булбулович А.(Э.) 336, 663, 664
Булушев З.Х. 422, 587, 608, 632, 682, 691, 695
Бургавов А.Ш. 694
Бурняш Ф.З. 559, 560, 659
Бурпашев Абдрахман Х. 682
Бурпашев Арнф Х. 682
Бурпашев Х. 439
Бухарин Н.И. 263, 453, 505, 564, 640, 662, 686
Быховский К.В. 94
Вапсов Г. 117, 497
Валеев Р.К. 24, 645
Валидов А.(З.)А. 6, 15, 168, 197, 226, 229, 231, 233, 235, 237, 239, 244, 248, 411, 433, 444, 445, 453, 461, 463, 468, 469, 470, 471, 502, 503, 504, 505, 506, 511, 512, 516, 543, 605, 659, 670, 679, 680, 686, 687

Валидов Ю.Н. 544, 545, 546, 547, 550, 553, 562, 572, 577, 578, 579, 586, 588, 605, 608, 615, 616, 617, 629,634, 635, 637, 638
Валиев З.В. 488, 489, 490, 682
Вали-Хан М. 204
Васильев М.А. 479
Вахитов М.В. 117
Вахитов М.М. 10, 11, 12, 23, 101, 102, 111, 118, 119, 125, 128, 129, 143, 197, 211, 229, 236, 285, 286, 305, 307, 311, 337, 358, 402, 418, 422, 459, 472, 485, 490, 492, 493, 494, 539, 550, 576, 643, 645, 646, 647, 648, 649, 656, 657, 661, 666, 668
Вахитов Н.Г. 170, 173, 180, 403, 493, 553, 592, 607, 648, 654, 656, 659
Вегер Е.И. 351
Вергазов М.Р. 682
Вергазов Х.М. 682
Веревкина Е.П. 24
Вересаев В.В. 478
Вермишев 480
Вильданбек (Ишмуха-медов) И.З. 682
Вильсон В. 205, 263
Вишневский 324
Волленберг Н.Л. 455
Вольпер 95
Воронцов-Дашков 330
Врангель П.Н. 326, 327, 328, 332, 337, 453, 465, 606, 662
Габдуллин Р.Х. 24
Габидуллин Х.З. 560, 580, 619, 668
Габнев С.И. 106, 482
Гавен Ю.П. (Ян Дауман) 324, 333, 334, 453
Гай Г.Д. 181, 505, 653
Гайнетдинов Р.Б. 24
Гайнуллин Х.З. 159, 286, 292, 459, 656, 657
Галеев Г.Г 682, 695
Галиев И.Ш. 128, 350, 459, 495, 500, 504, 505, 669, 670
Гамаль Абдель Насер 7
Гамбаров 444
Гашев А.Г. 445, 552, 559, 560, 592, 605, 607, 619, 659
Гасанов 432, 434, 511, 676, 678
Гасри (Мавлямбирдиев) Н. 554, 629, 631
Гафури (Чыгытай, Чагатай) Г. 370, 554
Гафуров С.С. 649
Геокленова З.Х. 23
Георгиевский Л.А. 675
Гиззатуллин 248
Гиззатуллин И.Г. 24, 642, 647, 648
Гинцбург А.Г. 351
Гисматуллин А. 560, 581
Гоголь Н.В. 475
Голощекин Ф.И. 504
Гоппнп 79
Горская Г.В. 24
Грасис К.Я. 117, 122, 125, 143, 161, 228, 229, 245, 351, 439, 493, 497, 499, 500, 645, 646, 649
Гришанцов В.А. 681
Гузаков 454
Гукасов 93
Гушаньшин 107
Давис 95
Давлетшин А.-А. 656
Давлетшин Г. 237, 649, 657, 665
Давлетшин Т. 644, 648
Давыдов 93
Дамад-Ферид-паша 278, 279, 280
Девишев 557
Дегтярев 482
Денникин А.И. 208, 220, 254, 258, 263, 272, 274, 281, 395
Дерен-Айерлы О.Г. 332, 334, 547, 557, 558, 591, 608, 639, 640, 663, 678, 682, 688, 690, 691, 695
Джалалетдин-Ариф 280
Джевад А. 663
Джевад-паша 279, 280
Джелал 510, 679
Джугашвили (Сталин И.В.) см. Сталин И.В.
Дзержинский Ф.Э. 662, 669
Дзевялтовский И.П. (Юрин И.Л.) 180, 651
Динмухаметов Г. 661
Дулат-Али М.Г. см. Алиев М.Г.
Донков И.П. 681
Досмухаметов 306
Дурново П.Н. 103
Дутов А.И. 109, 158, 181, 227, 229, 230, 231, 236, 244
Душкин 479
Дюма А. 475
Егошин В. 649
Ежов Н.И. 5
Екатерина II 241
Елизарова С.С.24
Енаев Д. 617
Енбаев А.М. 173, 180, 212, 293, 295, 299, 321, 349, 350, 351, 352, 353, 432, 445, 460, 498, 510, 544, 547, 552, 553, 557, 558, 569, 580, 581, 582, 590, 592, 593, 598, 599, 603, 606, 608, 609, 621, 636, 637, 640, 649, 657, 659, 664, 670, 671, 682, 688, 690, 691, 695
Енгальчев Г. 491
Енгальчев С. 643, 657
Еникеев Н.С. 350, 353, 461
Еникеев Н.Ш. 682, 691
Еникеев С. 552
Ерзин А.А. 304, 389
Ерзина З.Х. 577, 616, 682
Ерзин С.А. 602
Ерзина Ф.А. 18
Ершов Н.Е. 493
Жеханов А.И. 454
Забиров Х. 297
Забицкий 426
Заварьян 600, 601
Загоскин 478
Зайнуллина М.Ш. 23
Закржевский 76, 78
Залкинд 693
Зарипов Х.Г. 24
Засодимский 106
Землячка (Самойлова) Р.С. 323, 324, 595, 661, 662
Зенковский С. 22
Зиганшин 117
Зиновьев Г.Е. 15, 121, 393, 395, 502, 555, 556, 563, 591, 592, 593, 596, 597, 602, 603, 604, 638, 639, 641, 686
Зубарев П.Т. 455, 456
Зюбченко А. 696
Ибрагимов А. 539
Ибрагимов Г.Г. 18, 118, 128, 129, 236, 295, 297, 305, 307, 357, 358, 418, 462, 469, 470, 491, 503, 515, 544, 560, 629, 630, 643, 647, 657, 661
Ибрагимов Г. (Рашит-Кази) 286, 460
Ибрагимов С. 106
Ибрагимов С.-П. 433
Ибрагимов У. 592, 639
Ибрагимов Ш.Н. 377, 378, 390. 439, 449, 460, 462, 471, 665
Ибрагимов Ю.И. 23, 173, 182. 190, 255, 507, 651, 653, 657, 668
Ибрагимова А.Ю. 24
Ибрагимов В. 557, 558, 562, 591, 592, 593, 604, 606, 625, 635, 639
Иванов (1) 83
Иванов (2) 299
Идиатуллин Р.И. 668
Идрисов 332
Измайлов 603
Измайлов Ш.С. 270, 665
Израилович А.И. 652
Икрамов А.И. 641
Ильин В. 645
Ильминский

Ингильдиев (Ингульдиев) И.Х. 682
Ионеско И.М. 643
Исмаев К.Х. 561
Исрафилбеков (Калирли) М.Н. 174, 259, 286, 608
Исхаков В.И. 552, 592, 607, 682, 695
Исхаков Г.Г. 7, 10, 107, 168, 305, 357, 369, 491, 503, 586
Исхаков Х.Н. 672, 682
Ишмурзин А. 478
Кагалович Л.М. 594, 688
Кадрачев Г. 472, 487, 489, 490, 491
Кадриков 659
Кадыри З. 469
Казакевич 647
Казаков 492
Казаков И.М. 293, 295, 544, 619, 648, 657, 658, 659
Кайбышев С. 472, 490
Кайзик Е. 22
Калинин М.И. 174, 224
Калмыков 481
Камали З. 370
Каменев Л.Б. 15, 463, 555, 556, 591, 593, 594, 596, 597, 602, 638, 639, 660, 686
Каменский А.З. 180, 212, 214, 255, 449, 650, 660
Карабекир 663
Кара-Васиф 280
Караев Г. 317
Каримов К. 478, 642
Каримов Ф. 65, 99, 642
Карпов 669
Касим-Заде 107
Касимов Г.С. 128, 292, 350, 495, 500, 649, 652
Каспранский К.Н. 238, 248, 286, 459, 657
Кассо 132
Касымов Г. 247, 288, 433, 462, 553, 560, 657
Катанов Н.Ф. 661
Катанин 223
Каткеханов 374
Катков Н.Ф. 681, 696
Каутский К. 487, 545
Качань 93
Капирин И.Д. 454
Кемаль М. 278, 279, 281, 450, 464, 663
Керенский А.Ф. 306, 358, 402, 492
Кильдебеков М.Н. 159, 648
Кипчевский В.О. 83
Клемансо Ж.Б. 205, 216, 263
Клявлеев А. 657
Ключевский В.О. 8
Кобулов Б.З. 693
Когиан И.Л. 653
Коган П. 487
Козлов 425
Коллонтай А.М. 595
Колумб Христофор 202
Колчак А.В. 173, 181, 182, 183, 184, 185, 192, 193, 207, 212, 220, 230, 231, 232, 235, 239, 244, 261, 263, 298, 310, 313, 314, 352, 394, 404, 407, 421, 423, 437, 459, 502, 504, 505, 506, 507, 508, 520
Конов М.Г. 286, 292, 423, 648
Константинов К.П. 692
Копылов 666
Корсиаков 444, 562
Косова Е.В. 24
Корнилов Л.Г. 306, 492
Короленко В.Г. 475
Корхаянди 95
Крестинский Н.Н. 662
Кропоткин П.А. 487
Крыжановский 132, 168, 406
Крылов И.А. 263
Крымов М.Г. 187, 295, 653
Крючков В.А. 681, 682
Кубиков (Кубяк) 598
Кудашев 479, 483
Кузнецов В.А. 681
Куйбышев В.В. 13, 16, 414, 676, 686
Кулаев М.А. 231, 232, 233, 234, 504
Куп Б. 453
Курамшин М.Г. 682, 691, 695
Курбангалиев М. 661
Курбангалиев Н. 648
Курилов И.В. 681
Курмаев М.М. 682, 695
Кут.лубаева К.И. 23
Кушаев Х.К. 433, 441, 443, 466, 467, 510, 560, 581
Кучук-Джемал-паша 279, 280
Кучук-Хан 450
Лебедев 647
Лебедь А.И. 8
Левин 517
Лемерсье-Келькеже Ш. 22
Ленин В.И. 6, 17, 21, 130, 142, 173, 174, 180, 197, 206, 207, 214, 229, 231, 233, 238, 253, 254, 257, 259, 293, 310, 392, 393, 395, 433, 450, 452, 465, 467, 468, 497, 522, 544, 545, 550, 564, 572, 594, 596, 608, 611, 649, 654, 655, 658, 660, 663, 669, 671, 672, 685
Лермонтов М.Ю. 475, 477, 479
Либкнехт К. 393
Лидз А. 324, 326, 331, 662
Литвин А.Л. 24, 645, 651, 653
Ллойд-Джордж Д. 205, 216, 263, 303, 394, 405
Ловчицкий С. 351, 648
Ломов 456
Лукашев В.Л. 237, 238, 445, 453
Луначарский А.В. 415, 416, 436
Лунковач 475
Львов Г.Е. 101
Любимова 586
Люксембург Р. 393
Ляхов 83
Лю Шаоци 22
Магдеев 552
Магомет 45, 363, 364, 370, 399
Макарова Г.П. 213
Макеев Я. 492
Максименко Н.Н. 24
Максудов Г.Г. 592, 659
Максудов С.Н. 7, 99, 168, 171, 305, 306, 357, 358, 402, 421, 491, 503, 642, 648
Максутов И.Ф. 682
Малавин 83
Маликов А.К. 23, 127, 187, 501, 627, 628, 647, 648, 653
Маликова З.А. 24
Малов С.Е. 661
Малютин Д.П. 253, 472, 506, 507, 508, 509, 539, 652
Мамедов М.М. 682
Маметов И. 540
Мамин Г. 298, 299, 648
Мамин О. 659
Мамин-Сибиряк Д.Н. 475
Мамлеев 653
Мамлеев Т. 187, 306, 491
Маматов Ш.А. 118, 236, 237, 305, 307, 469, 647, 657
Мангутов 252
Мансуров Б.Х. 213, 215, 286, 287, 292, 672
Мансуров Г.Г. 24, 432, 444, 544, 553, 563, 577, 580, 581, 582, 592, 597, 602, 603, 604, 607, 637, 640, 659, 671, 682, 688, 690, 691, 695
Мансыров Ф.С. 453
Мануильский Д.З. 517
Манцев В.Н. 662
Маняхин С.М. 681
Марияшин О.В. 24
Маркс К. 124, 646
Марченко 693, 696
Маслов 33
Матвеев 78
Махарадзе Ф.И. 433, 444, 449, 561, 562
Махно Н.И. 326, 662

Мдивани (Буду-Мдивани) П.Г. 433, 436, 444, 561, 562, 597, 598, 599, 600, 607, 669, 693
Медведев 595
Межлаук И.И. 502
Мельгунов С. 662
Мельников 550
Меметов 332, 334, 557, 558, 591, 592, 603
Мендишев 561, 562
Менжинский В.Р. 512, 680, 687
Мехлис 589
Миллер 452
Милх Л.Р. 351, 499
Мильеран 303
Милюков П.Н. 8
Минзянова Г.Ф. 24
Минникеев С.К. 350, 491, 493
Мирбах В. 649
Мироненко С.В. 24
Мирсайид-хазрет 45
Михайлов В.И. 692
Михеев 95
Молотов В.М. 440, 598, 600, 686
Монасыпов Г.Г. 643
Москов Х.А. 682, 695
Мосолов 454
Музаффаров Ю. 117, 242, 351, 421, 496, 645
Муллабаев Г.С. 682, 695
Мулюков Г.М. 682, 695
Мурад К. 22
Муралов Н.И. 177
Мурзабулатов С.Г. 453, 454, 463, 510, 678, 682, 683, 691, 695
Мурза-Галиев 561, 562
Муртазин М.Л. 232, 454, 463, 466, 506, 581
Муртазов 583
Мусабаев 583
Мусин А.А. 682
Муслимов А.Я. 362
Мустафин 558, 609
Мухамадиев Р.С. 23
Мухамедьяров Ш. 101, 107, 491
Мухаммед-Вали-хан 174, 654
Мухамеджанов К. 682
Мухарямов М.К. 646, 655
Мухин В.А. 649
Мухитдинов А. 270
Мухтаров К.Г. 353, 432, 441, 444, 458, 467, 510, 544, 547, 552, 553, 557, 560, 561, 562, 563, 577, 578, 580, 581, 582, 589, 591, 592, 598, 602, 603, 605, 606, 608, 636, 637, 638, 639, 640, 658, 671, 677, 678, 682, 688, 690, 691, 695
Мухутдинов Н.К. 661
Мухутдинов Х. 351, 492, 497
Мухутдинова (Мухетдинова) А.(Э.)Ф. 298, 299, 492, 497, 642
Муштариев Х.М. 621
Мясников А.Ф. 516, 517
Нагиев М. 274
Назипова К.А. 24
Нариманов Н.Н. 243, 245, 246, 249, 253, 444, 561, 562, 608, 654
Насиббеков У.(Ю.) 275, 317, 318
Насыбуллин А. 478
Наумов В.П. 681
Нафигов Р.И. 667
Николай II 141, 438
Нимвицкий Б.Н. 455, 466
Нобель А. 274
Новгородцева К.Т. 459
Ногаев 557
Нугайбеков Г. 661
Нурбахтин Г.Г. 682
Нуриманов Б.Я. 461, 469
Нурмаков 581
Нуруллаев А.А. 681, 696
Обухов 61
Одобаш А. 554
Ольдерогге В.А. 653
Ольхеницкий Г.Ш. 492, 493, 499
Опотин 454
Орджоникидзе Г.К. 433, 437, 669
Орлов 82
Оруджиев 483, 484, 485, 498
Осинский Н. (Оболенский В.В.) 462
Остроумов 550
Павлович М.П. 449, 663
Павлуновский 505, 520
Пайпс М. 22
Памукчи 558, 591, 606, 609
Панюков В.Н. 653
Папоров Ю. 654
Паскуцкий 415
Пахомова 586
Пашаев А.А. 24
Персиц М.А. 671
Пестковский С.С. 214, 256
Пестун Е.Г. 454
Петерс Я.Х. 433, 443, 455, 456, 457, 468, 471
Петропавловский 558
Петросян Х.С. 692
Петухов И. 653
Пирожков В.П. 681
Письменная Г.Р. 23
Победоносцев К.П. 132, 144, 234, 521
Подвойский Н.И. 495, 647, 664
Поливанов 602
Поляков 324, 331, 332, 334
Посаженникова А.А. 24
Поцекович 65
Преображенский Е.А. 453
Прозоров 85, 86
Прокофьев 602
Пуанкаре Р. 405
Пуревич 93
Пушкин А.С. 479
Пшеничный 672
Радек К.Б. 471, 686
Раимов Л.М. 694
Разумов М.П. 552, 553, 560
Раковский Х.Г. 435
Рамеев И. 461
Рамеев Х. 649
Рамзи 559, 600
Расих А.К. 24
Расул-Заде М. 106, 107
Ратнер Б.А. 507
Рауф-бей 278, 279, 280
Рафиков М.А. 665
Рахимбаев 441, 444, 511
Рахимкулов 352
Рахманкулов А. 657
Рахматуллин Исмагил (Исмаил) Ш. 117, 128, 286, 459, 576, 619, 669
Рахматуллин Исхак Ш. 286, 459, 656, 657, 659
Резаев 511
Резепов А.А. 189
Рид М. 475
Ризванов (Ризван) Х.И. 252
Робакидзе 117
Родзянко М.В. 103
Родинсон М. 22
Розинь Ф.А. 229, 660
Рой М.Н. 564, 671
Рорлих А.А. 22
Рубцов 93
Рудзутак Я.Э. 686
Рыков А.И. 568
Рыскулов Т.Р. 441, 444, 445, 451, 456, 457, 467, 510, 511, 561, 562, 580, 678
Рязанов 76
Сабиров Р.А. 404, 432, 552, 553, 559, 560, 562, 563, 577, 581, 582, 592, 593, 600, 602, 603, 604, 606, 636, 637, 639, 641, 670, 682, 688, 690, 691, 695, 696
Сабитов А.С. 652
Сагадеев А.В. 19
Сагидуллин М.С. 645, 692
Сагитова Р.Г. 24
Сагди Г. 661
Садриев И. 243, 248
Садыкова Р.Б. 24

Саид-Галиев С.С. 236, 237, 240, 242, 243, 244, 249, 256, 260, 267, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 295, 296, 297, 298, 300, 349, 350, 351, 352, 353, 434, 438, 444, 445, 453, 458, 460, 462, 483, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 504, 511, 611, 657, 658, 659, 672
Сайдашев 117
Сайдашева М.А. 649, 672
Сайфетдинов Г.З. 643
Сайфи Ф.К. 237, 351, 353, 461, 462, 619, 643, 657, 661
Сайфулымулюков 550
Саламятов 83
Салимов В.Г. 24
Салимов М. 629
Салимов М.С. 298, 682
Салимьянов Г.К. 682, 695
Салих-паша 279, 280
Сами-бей 433
Самойлова (Землячка) Р.С. см. Землячка Р.С.
Самцов А.В. 23
Сапронов (1) 432
Сапронов (2) 600, 601
Сардаров Б.С. 212, 650
Сафаров Г. 252, 457, 563, 592, 602
Сафонов А. 261, 508
Свердлов Я.М. 263
Сегалин-Джелал - см. Джелал
Сен-Катаяма 22
Сейдамет 554, 592
Семашко Н.А. 329, 662
Серафимов 600, 601
Ситникова 74
Скляпский Э.М. 173, 175, 180, 209, 651
Скотт В. 475
Слащов Я.А. 337
Слипько А. 510, 512
Смолин 331
Смидович П.Г. 455, 466
Смирнов (1) 80
Смирнов (2) 440, 580, 598, 693
Смирнов (3) 504
Смирнов Г.Л. 681
Смирнов И.К. 504
Смоленцев Е.А. 681
Соболев 120
Соколов 456
Соловьев А.А. 681
Спиридохина Н.А. 24
Сталин И.В. 5, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 173, 180, 182, 190, 205, 228, 235, 236, 238, 251, 253, 254, 255, 267, 269, 270, 285, 310, 321, 323, 337, 352, 395, 409, 411, 432, 433, 435, 436, 443, 444, 445, 446, 452, 453, 460, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 483, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 512, 513, 515, 516, 518, 522, 544, 561, 562, 567, 584, 589, 592, 598, 600, 602, 638, 639, 640, 648, 649, 650, 655, 657, 661, 668, 669, 670, 672, 677, 680, 684, 685, 686, 687, 688, 690, 692, 693
Старков А.И. 456
Старцев 481
Стасова Е.Д. 254, 459, 460, 506
Стеклов Ю.М. 416
Стефаловский 681
Стельмах Е.В. 509
Субаев Н.А. 664
Субботин М.Е. 61
Субхи М. 111, 131, 210, 285, 321, 335, 336, 337, 338, 339, 450, 459, 460, 576, 577, 648, 657, 660, 661, 663, 664
Сулейманов 659
Султанбеков Б.Ф. 17, 19, 24, 658, 663, 671, 672
Султан-Галиев М.М. 18
Султан-Галиев М.Х. 23
Султан-Галиев С.Х. 350, 351, 491, 493
Султан-Галиев Ф.Х. 23
Султан-Галиев Х.Х. 473
Султан-Галиева А. 473
Султан-Галиева Г.М. 18
Султан-Галиева Р.М. 589
Султан-Заде А.С. 449
Султанов 292
Сумбаев 489
Сун-Ятсен 438, 450, 546
Сыромолотов Ф.Ф. 649
Сюнчелей (Сюнчалей) С.Х. 682, 695
Таджи-Бахши 510, 676, 678, 679
Тагиев 274, 480
Тагиров И.Р. 19, 24, 642, 643
Тагиров М.Х. 665
Тагиров Х.К. 682
Такаиаев 299, 659
Талиб-Заде 107
Тамерлан (Тимур) 202, 430, 611
Тан Малака 22
Таначев В. 305, 306
Танкачеев З.И. 682
Тапкина А.О. 24
Тарджиманов К.К. 444, 472, 678
Тарпищев Х.Г. 362
Татарсов А.А. 645
Тауфик-паша 279
Тахо-Годи 562
Твеи М. 478
Твекелев К.Б. 48
Твекелев К. (Алексей Иванович) 578
Терегулов (1) 81
Терегулов (2) 443
Терегулов Г. 10, 99, 469
Терегулов И.Х. 557, 682
Терегулов М. 621
Терский 607
Титов Л.Н. 653
Тихомиров 582
Тляубердин Х.З. 682
Товарищев 61
Товстуха И.П. 180, 589, 649
Токумбетов У.(О.) Г. 101, 306, 351, 420, 421, 496, 645
Толстой Л.Н. 106, 477, 482, 644
Томский М.П. 457
Траммель 517
Траубенберг П.В. 478
Тропп 95
Трошкий Л.Д. 12, 15, 22, 112, 130, 142, 154, 165, 173, 179, 180, 183, 188, 190, 192, 207, 209, 229, 233, 238, 253, 255, 295, 310, 395, 411, 433, 446, 463, 467, 470, 472, 508, 517, 555, 556, 591, 594, 595, 596, 598, 599, 601, 602, 603, 604, 608, 639, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 656, 660, 672, 686, 687, 693
Трофимовский 502, 670
Туйбактин К.Ш. 176
Тукай Г. 111, 139, 623
Туктаров Ф.Ф. 10, 168, 357, 402, 403, 491
Туланков 82
Тун 487
Туктул И. 649
Тутаев М.З. 645
Тюменев У.Х. 682
Тюракулов 511
Узбеков Д.К. 24
Умбуш Э. 22
Улемаев С. 460
Ульрих В.В. 693
Ульянов Д.И. 662
Ульянова М.И. 662
Умеров С.Я. 237, 238, 606, 609, 682, 695
Урманов Х.Г. 496, 501, 504
Урманче А.И. 682, 695
Урманче Б.И. 682
Урмапчеев (Урманче) Х. 624, 627, 628
Усманов Ш.Х. 173, 181, 190, 293, 294, 552, 651, 653, 658, 659
Усов С.А. 334, 662, 663
Файзуллин И.Ф. 617, 618, 624, 625, 628, 635, 682

Фанк Г. 107
Фасхи 552
Фатали-хан 305
Фаттахов З.Б. 694
Фахрутдинов 236, 247
Ферид см. Дамад-Ферид-паша
Финкельштейн 425
Фирдевс И.К. 253, 285, 294, 295, 298, 299, 324, 332, 333, 334, 411, 432, 441, 442, 443, 444, 445, 451, 452, 453, 459, 460, 461, 465, 467, 468, 510, 557, 558, 591, 592, 606, 609, 628, 636, 638, 639, 640, 648, 659, 663, 677, 678, 682, 688, 690, 695
Фокин А.И. 681
Франше-Деспери 279
Фрассар 517
Фришовский М.П. 692
Фролов 93
Фролов И.Д. 647
Фрунзе М.В. 652, 653, 662
Фуад 281

Хайруллин 126
Хайруллин К.Х. 659
Хайрутдинов Р.Г. 648
Хакимов К.А. 505, 506
Хакимов Р.С. 24
Халиков А.Х. 623
Халиков М.Д. 433, 441, 443, 456, 466, 467, 504, 510, 561, 580, 581
Хальфин Н. 491, 642, 643, 657
Хамзин К.Х. 663
Хамидуллин Ш. 648
Хантемиров (Хантимеров, Хантемир) И.С. 615, 616, 617, 629, 682
Хан-Хойский Ф.-Х. 274, 318
Харкевич 81
Хасанов М.Х. 23
Хасанцзин 126
Хатаевич М.М. 552, 559, 592
Хафизов С.Х. 624, 627, 628, 694
Хеглунд 517
Хилли 282
Ходжаев 615, 616, 617, 629
Ходжаев Ф. 433
Ходоровский И.И. 415
Хохлачев М.С. 24
Хо Ши Мин 22
Худайбирдин Ш.А. 461, 648
Худояров Г. 462
Хусаинов 117

Цаликов А.Т. 10, 100, 101, 102, 103, 106, 107, 211, 225, 227, 306, 357, 421, 490, 491, 503, 642
Целоусов 488
Цинцадзе 561, 562
Чаготай (Гафури) Г - см. Гафури Г.
Чанышев Я.Д. 358, 493, 504, 505, 643, 669, 670
Чанышева Р. 479, 483, 492, 589
Чапчакчи 327, 554
Чемберлен 548
Чернобровый В. 662
Черномырдин В.С. 8
Черчилль У. 205, 216, 258, 303, 655
Чингис-хан 202, 611
Чичерин Г.В. 257
Чурух-Сулу-Махмут-паша 280
Шабанов 425
Шаймарданов 603
Шаймиев М.Ш. 8, 23
Шакирзянов М. 668
Шамигулов Г.К. 229, 247, 248, 286, 433, 453, 461, 469, 470, 505, 649
Шамиль 373
Шамиль З. 491
Шамсутдинов (Шамседдинов) В. 615, 623, 629, 630, 631, 632, 682
Шамсутдинов Ш.Ф. 24
Шангиреев 607
Шарангина Н.А. 24
Шараф Галимджан Ш. 642, 643, 657, 661, 672
Шараф Гильмутдин Ш. 297, 491
Шарафутдинов (Шарафи) А.Д. 682
Шарафутдинов Д.Р. 19, 24, 663
Шарманов В.Г. 651
Шафиев 236
Шафигуллин В.С. 297, 492
Шахбазов Т. 608
Шахмаметов 615, 616
Шахмаметов Р. 616
Шахмаметьев И.С. 682
Шварц С. 16
Шейпкман Я.С. 351, 472, 496, 497, 498, 499, 500, 520, 539, 644
Шелудченко М.И. 692

Шелыхманов И.П. 189, 349, 350, 495, 653, 664
Шибаев 94
Шилов 600, 601, 693
Шимановский 82, 83
Ширин Х.Ш. 682, 691
Шляпников А.Г. 462
Шорин В.И. 508
Шоркин М. 696
Штериберг П.К. 507, 508
Шубин 77, 83
Шульгин В.В. 559
Эльменев (Эльмень) Д.С. 245, 649
Эльцин Б.М. 174, 255, 259, 461, 693
Эминов 93
Энвер-паша 433, 450
Эсфендиаров 581
Эфендиев С.М. 249, 252, 260, 451, 608
Эшба Е.А. 208
Юденич Н.Н. 395
Юламанов Ф.Я. 682
Юлов 82
Юмагулов Х.Ю. 117, 180, 207, 212, 214, 234, 235, 248, 251, 255, 285, 350, 451, 453, 459, 463, 470, 494, 495, 499, 502, 504, 505, 506, 576, 599, 643, 659
Юревич 560
Юсупов М.Р. 433, 462
Ягафаров (Ягофаров, Джагофаров) Х.С. 682, 691
Ягода Г.Г. 5, 688
Ягудин А.Г. 682
Якимов Я.Х. 478
Яковенко 436
Яковлев А.Н. 681, 682
Якубов К.Л. 170, 186, 188, 235, 350, 351, 358, 472, 491, 493, 497, 498, 504, 643, 648, 649, 653, 655, 656, 657, 667, 669
Якубовский 351
Якупова И.Ф. 24
Ялымов Г.Г. 182, 186, 212, 251, 252, 253, 352, 459, 460, 650, 651, 655
Ямаучи М. 22
Ярославский Е.М. 688
Яруллин Н.Я. 287, 292, 298, 299, 657

Библиография

Абдуллин М.И. Первая жертва культа личности? // Слово агитатора. - Казань. - 1989. - № 7. - С.33-35.

Абдуллин М. Татарстанда Октябрь революциясе һәм аны фальсификацияләүчеләр // Совет мәктәбе. - Казан. - 1975. - № 11. - С.53-58.

Абдуллин М., Батыев С. Солтангалиевчелек һәм аны буржуаз яклаучылар // Татарстан коммунисты. - Казан. - 1975. - № 1. - С.67-75.

Абдуллин М., Батыев С. Татарская АССР : Реальность и буржуазные мифы. - Казань,1977.

Абдуллин Я. Мост над адом // Казанские ведомости.-1993-20 апреля.

Abdel-Malek A. La dialectique sociale.-P.: Seuil, 1972.-480 p.

Abdel-Malek A. La pensee arabe contemporaine.-P.: Seuil, 1970.-384 p.

Авторханов А. Империя Кремля: Советский тип колониализма.-Вильнюс, 1990.-С.50, 71.

Айкуни. Султан-Галиев и Армения: Вынужденный ответ // Известия.-М.-1920.-30 мая.

Айкуни. Трудовая Армения и Восток: Последнее слово т. Султан-Галиеву // Известия.-М.-1920.-17 июня.

Айтуганов Б. Милләтнең йөз аклыгы // Шәһри Казан.-1992.-16 июнь.

Аксенов П.В. Контрреволюцияче солтангалиевчелек: (Казан шәһәре Елга арьягы райкомы пленумында райком секретаре П.В. Аксенов докладыннан) // Кызыл Татарстан.-1929.-16 октябрь.

Александров Д. «Борьба с самим собой - это самая трудная борьба...» // Известия Татарстана.-1992.-11 июня.
Антонов-Овсиенко В.В. Портрет тирана.-Нью-Йорк, 1980.

Антонов-Овсиенко В.В. И.В. Сталин и его время// Вопросы истории.-М.,-1989.-№ 1.-С.82-104.

Аршаруни А. , Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России.-М., 1931.

Атнагулов С. Солтангалиевчелекнең тарихи тамырлары // Контрреволюцион солтангалиевчелеккә каршы.- Казан, 1929.-35-40 б.

Атнагулов С. Дин турында // Эшче. - 1923. - 30 август.

Ахмадуллин А. Султан-Галиев и татарская государственность // Татарские края.-1998.-апрель.-№ 13 (274).

Бадамшин Х. Солтангалиев исемен бирергә // Социалистик Татарстан.-1990.-10 июнь.

[Байчурин Г.Г.]: Речь тов. Байчурина Г.Г. (Татреспублика) // Правда.-1930.-6 июля.

Бариев Т. Чит ил матбугаты безнең хакта // Социалистик Татарстан.-1989.-29 октябрь.

Баһаветдинов Г. Татарстан партия өлкә комитетына: (М. Солтангалиевтән, аның идеяләреннән ваз кичү турында) // Кызыл Татарстан.-1929.-19 октябрь.

Бейдин А. «Будь бдительным и зорким»// Революция и национальности.-М.-1936.-№ 9.-С.12-21.

Беннигсен А. Иң атаклы мөселман яки алдан күрүнең гүзәл мисалы // Татарстан хәбәрләре.-1992. - 16 июль.

Bennigsen A. Religion and atheism among Soviet Muslime // Islam in the contemporary world / Ed. Pullapilly C.K.-Notre Dame (Ind.): Crossroads books, 1980.-P.22-238.

Bennigsen A. Sultan Galiev, l'URSS et la révolution coloniale // Esprit.-P., 1957.-№249(4).-P.641-659.

Bennigsen A. Sultan Galiev, the URSS and the colonial revolution // Middle East in transition / Ed. Laqueur W.Z. - N.Y., 1958.-P.398-415.

Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Sultan Galiev, le père de la revolution tiers-mondiste.-P.:Fayard, 1986.-307 p.

Bennigsen A., Quelquejay Ch. Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie: Le "sultangalievisme" au Tatarstan.-P.; La Haye: Mouton, 1960.-285 p.

Bennigsen A., Quelquejay Ch. Der "Sultangalievismus" und die nationalistischen Abweichungen in der Tatarischen Autonomen Sowjetrepublik // Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte.-B., 1959.-Bd 8.-S.323-396.

Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslim national communism in the Soviet Union: A revolutionary strategy for the colonial world.- Chicago etc.: Univ of Chicago press, 1979.- XXII, 267 p.-(Publ. for Middle Eastern studies; № 11).

Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. La presse et le Mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920. Paris / La Haye, 1964.

Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны: Сборник документов и материалов. Составители Замалиева Н.Э., Лебедева А.И., Субаев Н.А.-Казань, 1961.-С.327, 481, 482.

Борьба за Казань: Сборник материалов о чехо-учредиловской интервенции в 1918г. № 1.-Казань, 1924.-С.15.

Будет названа именем Султан-Галиева // Вечерняя Казань.-1990.-12 июня.

Бурган С. Крах султангалиевщины - крах всякой групповщины // Красная Татария.-1929.-16 октября.

Бурганова Ф.А., Татауллин Р.В., Саркин В.Г. Органы контроля Татарии в борьбе за социализм.1920-1934.- Казань, 1975.-С.128-164.

Бурганова Ф.А., Саркин В.Г. На страже ленинского единства и чистки партийных рядов. -Казань, 1965.

В памяти народа останется коммунистом: Послесловие к гражданской и партийной реабилитации Мирсаида Султан-Галиева. (Беседа В. Устиновского с Б. Султанбековым) // Советская Татария.-1990.-3 июня.

В честь Мирсаида Султан-Галиева // Советская Татария.- 1991.-18 мая.

Валиди Дж. «У меня разногласия с совластью» // Гасырлар авазы - Эхо веков.-1996.- № 1/2.-С.163, 168, 172.

Валиди Тоган А.-З. Воспоминания. Кн.1. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. -Уфа, 1994.-С.283, 284, 288, 300, 323, 327, 329, 330.

Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. -Казань, 1989.-С.79-81.

Видный революционер и государственный деятель: К 100-летию со дня рождения М.Х. Султан-Галиева // Советская Татария.-1991.-25 мая.

ВКП (б) Татарстан өлкә комитетының III пленумында милли мәсьәлә. (1929 ел, 3-10 ноябрь). -Казань, 1930.

Вәлиев Р.К. Болак арты республикасы // Мирас. - 1997. - №№ 7, 8, 10,12.
Вәлиев Р. Фәкыйга. -Казан, 1996.- 1, 5, 24-25, 30 43, 52, 55, 64, 87, 95, 96, 181 б.

Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века - 30-е годы. -Наб. Челны, 1997.-С. 11-12, 130, 133-141.

Геокленова З.Х. Сенлесе хатираләре // Социалистик Татарстан.-1990.-10 июнь.

Гиззатуллин И.Г. Защищая завоевания Октября: Центральная мусульманская военная коллегия. 1918-1920.- М., 1979.

Гиззатуллин И.Г. Посвящение поэту (предисловие и публикация стихотворения М. Султан-Галиева «Недопетая песня», посвященного памяти Г. Тукая) // Советская Татария.-1993.-24 апреля.

Гиззатуллин И.Г. М.Х. Султан-Галиев и Восток // Казанское востоковедение: Традиции, современность, перспективы: Тезисы и краткое содержание докладов международной научной конференции. 10-11 октября 1996г. -Казань, 1997.-С.180-183.

Гиззатуллин И.Г. Султан-Галиев М. В царстве голода. (Из путевых впечатлений). (Публикация) // Идел.-1994.-№ 1/2.-С.33-35.

Гиззатуллин И.Г. Татары в Гражданской войне в России (1918-1920гг.) // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: Труды международной конференции в 3-х томах, 9-13 июня 1993г. г. Казань. -М., 1997.-Т.3.-С.71-74.

Гыйззәтуллин И. Инкыйлабчы мирасы: Мирсәет Солтангалиевнең тууына 100 ел // Мирас.-1992.-№ 5.- 75-77 б.

Гыйззәтуллин И. Советларда - «халык дошманы», чит илләрдә - герой: Мирсәет Солтангалиевкә - 100 ел // Татарстан хәбәрләре.-1992.-11 июнь.

Гыйззәтуллин И. [М. Солтангалиевнең] хәрби эшчәнлеге // Социалистик Татарстан.- 1990.-10 июнь.

Гиззатуллин И.Г., Шарафутдинов Д.Р. От составителей // Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы. -Казань, 1992.-С.5-9.

Гыйззәтуллин И., Шәрәфетдинов Д. Халкыбызның данлы улы // Социалистик Татарстан.-1990.-10 июнь.

Гражданская война в Поволжье. 1918-1920. -Казань. 1974.- С.391, 392.

Гумеров Ф.Х. У истоков борьбы за суверенитет Башкортостана 1917-1925. Документы и материалы. -Уфа, 1997.- С. 52, 75, 80, 81, 160, 161, 162, 163, 170, 171, 172, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 195, 197, 200, 201.

Gurevitz B. National Communism in the Soviet Union 1918-1928 (Ph. D. dissertation, the University of Rochester, N.Y.), 1973.

Давлетшин Т. Советский Татарстан: Теория и практика ленинской национальной политики. -Мюнхен, 1974.-С.58, 59, 133, 134, 141, 145, 146, 147, 151, 160, 173, 174, 175, 176, 180, 184, 186, 187, 194, 195, 196, 198, 273, 299.

Darrow W.R. Marxism and religion: The case of Islam // Mouvements and issues in world religions: A sourcebook a. analysis of developments since 1945: Religion, Ideology a. politics / Ed. by Fu Ch.W., Spiegler G.E. - N.Y. etc., 1987.-P.393-416.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. -М., 1968.-С.480-481.

Дело Аввакумовой и Антоновой // Красная Татария.-1929.-25 октября.

Десятилетие Советского Татарстана (1920-1930). - Казань, 1930.

Десять лет социалистического строительства в Татарстане (1920-1930): Сборник.-Казань, 1930.

Диманштейн С. Методы революционной и коммунистической пропаганды на Востоке // Жизнь национальностей.-1922.-26 декабря.

El-Fangary M.Sh. Role de l'intelligence musulmane dans l'evolution des conceptions marxistes // L'Egypte contemporaine.-Le Caire, 1971.-№343.-P.84-91.

Zenkovsky S.A. Pan-Turkism and Islam in Russia.-Cambridge, Mass., 1960.

Зюбченко А., Катков Н., Марченко Н., Нуруллаев А., Шоркин М. О так называемой «Султан-Галиевской контрреволюционной организации» // Известия ЦК КПСС.-1990.-№ 10.-С.75-88.

Ибрагимов Г. Черные вехи, или белоэмигрантская литература.- М., 1924.

Ибраһимов Г. «Ислам тирәсендә». (Татар комунверситетында дингә каршы көрәш кабинеты ачылу мәнәсәбәте белән) // Безнең байрак. - 1923. - 5 октябрь.;

Ибраһимов Г. Әсәрләр. 8 томда. - Казан, 1986. - Т.6. - 305-313б.

Ибраһимов Ш. Солтангалиевчелек турында. -М., 1930.

Иванов П. Печать Татарии в борьбе за национальную политику партии // Правда.-1930.-25 июля.

Илюхин В.И. СССР прокуратурасы карарыннан // Социалистик Татарстан.-1990.-10 июнь.

Иргалин Г. Жизнь и трагедия // Трудный путь к правде.- Уфа, 1997. -С.219-237.

История Казани. Вторая книга.- Казань, 1991.-С.32, 34, 59.

Истәлек ташы куелды: (Казанның М. Солтангалиев исемендәге мәйданында М. Солтангалиев һәйкәле калкып чыгачак урынга истәлекле таш кую турында) // Ватаным Татарстан.-1992.-13 июнь.

Kaymak Erol. Sultan Galiev Ve Sömürgeler Enternasyonali.-Istanbul, 1993.

Каримн М. Кремль и татарские коммунисты // Azat Vatan.-Munich.-Nr.7.-1952.

Carr E.H. The History of Soviet Russia, vol.4: The Interregnum.-London, 1969 (Pelican Books).

Castagné J. "Le Bolchevisme et l'Islam: les organisations soviétiques de la Russie musulmane". Revue du monde musulman, vol.51, 1922, P.-1-254.

Касимов Г. Очерки по религиозному и антирелигиозному движению среди татар до и после революции. -Казань, 1932.

Касыйм0в Г. Солтангалиевчелек һәм аның тарихи тамырлары. -Казан, 1930.

Касымов Г. Пантюркистская контрреволюция и ее агентура - султангалиевщина. - Казань, 1931.

Касымов Г. Султангалиевщина - один из отрядов контрреволюционного пантюркизма. -Казань, 1930.

Кашапов Р. «Церемониться не следует» // Советская Татария.-1990.-24 ноября.

Контрреволюцион солтангалиевчелеккэ каршы: (Жыентык). -Казан, 1929.- 99б.

Кудояров Г. Прецеденты на «раздел» // Советская Татария.-1929.-17 октября.

Кульшарипов М.М. З.Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917-1920гг.). -Уфа, 1992.-С.55, 70, 71, 78, 130, 139.

Кәримуллин Ә. Дәүләтләр, кыйтгалар буйлап // Татарстан яшьләре.-1991.-3 январь; Шәһри Казан.-1991.-16 январь.

Летопись борьбы и свершений: Хроника партийной организации Татарии. В двух книгах. -Казань, 1985.- Книга первая.-С.12, 182, 218, 219.

Литвин А.Л. Запрет на жизнь. -Казань, 1993.-С.14-20, 60-74, 179-195.

Марченко Н., Нуруллаев А. «Контрреволюционная организация» :Еще раз о деле М.Х. Султан-Галиева // Советская Татария.-1990.- 6, 7, 8 ноября.

Mende, Gerhard von. Der Nationale Kampf der Russlands Türken. Berlin, 1936.

Милли хулиганлык // Кояш.-1917.-17 декабрь.

Милләт мәсьәләсе турында РКП (б)ның IX Татарстан өлкә конференциясендә кабул ителгән резолюция // Татарстан.-1924.-13 июнь

Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. -М., 1927.-С. 74, 77, 208.

Мухамадиев Р. Мост над адом Роман. -М., 1996.

Мөхәммәдиев Р. Сират күпере: Роман. Казан, 1992.

Мөхәммәдиев Р. СССР нигезенә салынган бомба // Татарстан хәбәрләре.-1992.-18 июнь.

Мөхәммәдиев Р. Жанны тырнап торган уйлар... // Социалистик Татарстан.-1990.-24 апрель.

Мухамедьяров Ш.Ф. Первая жертва генсека (Султанбеков Б.Ф. Первая жертва генсека: Судьба. Люди. Время.- Казань.-Тат. кн. изд-во, 1991. Рецензия) // Известия Татарстана.-1992.-11 июня.

Мухарямов М.К. В чем Сталин обвинял татар // Татарстан.-1992.-№ 5/6.-С.29-36.

Мухарямов М.К. М.Х. Султан-Галиев о трех течениях общественно-политической жизни татар к Февралю 1917г. // Памяти М.К. Мухарямова. -Казань, 1995.-С.111-121.

Мөслимов А. Күңелләре белән ак муллалар // Социалистик Татарстан.-1991.-26 апрель; -17 май; -24 май.
М.Е. Гнездо великодержавного шовинизма в Билярском ВИКе. // Красная Татария.-1929.-23 октября.

На два фронта // Красная Татария.-1929.-13 октября.

На родине Мирсаида Султан-Галиева // Республика Татарстан.-1994.-26 июля.

Нарышкина Т. Первая жертва генсека // Комсомольская правда.-1993.-4 сентября.

Незабываемые встречи: воспоминания о В.И. Ленине. Сост. М.А. Сайдашева.-Казань, 1986. (Лениниана Советской Татарии, т. 5).- С.133, 137, 142, 143, 148, 203, 204.

Ненароков А.П. Крах попыток прогностического анализа межнациональных отношений // Отечественная история.-1992.-№ 2.-С.3-22.

Ненароков А.П. Семьдесят лет назад: Национальный вопрос на XII съезде РКП (б) // Отечественная история.-1993.-№ 6.-С.111-123; -1994.-№ 1.-С.106-117.

Ненароков А. У истоков национальной проблемы // Московские новости.-1989.-8 октября.

Нет места групповщине // Красная Татария.-1929.-18 октября.

Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: Сборник документов и материалов. -Уфа, 1959.-С.61, 209, 214, 215, 249, 261, 262, 264, 420, 422, 669, 683, 684, 685, 688, 689, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 702, 876, 879, 911, 912.

Образование Татарской АССР: Сборник документов и материалов. -Казань, 1963.-С.103, 109, 116, 154.

Очерки истории партийной организации Татарии. 2-е изд.-Казань, 1973.-С.312-315, 352-354.

Парсин М. Яшьләр арасында солтангалиевчелек йогынтысы: (Тарих өчен материаллар урынында) // Кызыл Татарстан.-1929.-5 ноябрь.

Партиясез совет укымышлылары солтангалиевчелеккә каршы // Кызыл Татарстан.-1929.-22 октябрь.

Первая Всероссийская конференция молодежи восточных национальностей // Жизнь национальностей.-1920.-17 октября.

Первый год пролетарской диктатуры в Татарии: Сборник документов и материалов по истории парторганизации и гражданской войны в 1918г. -Казань, 1933.-С.25, 117, 278.

Петерс Я.Х. Султангалиевщина: (Очерк) // Огонек.-1929.-№ 47.

Пискарев В. На авансцене и за кулисами истории // Республика Татарстан.-1994.-22 июня.

Письмо из 1919-го: Первое обращение М.Х. Султан-Галиева к В.И. Ленину // Панорама.-1990.-№ 4.-С.30-33.

Поборник дружбы народов. (О С.С. Саид-Галиеве) Сост. М.А. Сайдашева.-Казань, 1983.-С. 7, 18, 29, 115.

Постановление пленума Татарского обкома ВКП (б) о султангалиевщине. // Антирелигиозник.-1930.-№ 5.

"Правда о Султан-Галиеве" // Azat Vatan.-Munchen.-Nr.5,July.-1952.-P.7-8.

Пролетариат диктатурасының кан дошманы контрреволюцион солтангалиевчелек хезмәт ияләре суды алдында // Кызыл Татарстан.-1929.-12 октябрь.

Против султан-галиевщины и великодержавности. -Казань: Татиздат, 1929.

Разумов [М.П.] ВКП(б)ның XV Татарстан өлкә конференциясе отчеты (Иптәш Разумов доклады һәм резолюция).- Казан, 1930.

Разумов [М.П.] 10 лет борьбы за ленинскую национальную политику: Речь на юбилейной сессии ЦИК ТАССР // Красная Татария.-1930.-25 июня.

Разумов [М.П.] Солтангалиевчелекнең тарихы, тамырлары, сабаклары һәм Татарстан партия оешмасы алдындагы бурычлар: (12 октябрьдә Казанның Югары як район оешмасы активы җыелышында ясаган доклад) // Кызыл Татарстан.-1929.-20 октябрь.

Раков В. Гнездо великодержавного шовинизма // Красная Татария.-1929.-16 октября.

Рамазанов Г. Кәһарман якташыбыз Мирсәет // Кызыл тан.-1992.-25 июль.

Революционная демократия и коммунисты (Отв. ред. Ульяновский Р.А.) -М.: Наука, 1984.

Революционный процесс на Востоке: История и современность (Отв. ред. Ульяновский Р.А.) -М.: Наука, 1982.

Rodinson M. Communisme et Tiers Monde: Sur un précurseur seur oublié // Les temps modernes.-P., 1960-1961.-T.16, №177.-P.853-864.

Rodinson M. Mark(i)siyye, Marxism // The encyclopaedia of Islam, new ed.-Leiden: Brill. 1989.-Vol.VI, Fasc.107-108.-P.583-587.

Rorlich A.-A. The Volga tatars: A Profile in National Resilience.-Stanford, California, 1986.

Рубинштейн Л. В борьбе за ленинскую национальную политику. -Казань, 1930.

Рубинштейн Л. О самокритике и темпах в разрешении национального вопроса // Красная Татария.-1929.-15 ноября.

«С человеком покончено как с политической единицей» // Казанские ведомости.-1992.-22 сентября.

Сагадеев А.В. Мирсаит Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения: Научно-аналитический обзор.-М., 1990.

Сайдашева М.А. И нет счастливее судьбы: (В.И. Ленин и социалистические преобразования в Татарии). -Казань, 1987. (Лениниана Советской Татарии, т.6).-С.43-44, 46, 49, 50, 52, 175, 176, 186, 188.

Сайдашева М.А. Ленин и социалистическое строительство в Татарии. 1918-1923. -М., 1969.-С.11, 19, 20, 41, 52, 53, 75, 77, 78, 80, 81, 84, 86-88, 90, 95, 96, 221, 222, 226, 235, 237-251, 263, 270, 274.

Самцов А. Каждые десять лет - война // Советская Башкирия.-1991. - 28 декабря.

Самцов А. Первая жертва // Вечерняя Уфа.-1992.-25 июля.

Сафаров Г. Колониальная революция: опыт Туркестана.-М., 1921.

Советское строительство в Татреспублике за 1920-1921 годы. - Казань, 1921.

Солтанбеков Б. Солтангалиев: шәхесе һәм язмышы // Социалистик Татарстан.-1989. - 24 май.

Султанбеков Б.Ф. Возвращение Мирсаида Султан-Галиева // Татаринформ.-1990.-пробный №.

Султанбеков Б. «Мост», через который все мы проходим // Республика Татарстан.-1993.-17 апреля.

Султанбеков Б.Ф. Первая жертва генсека: Мирсаид Султан-Галиев: Судьба. Люди. Время.-Казань, 1991.

Султанбеков Б. Размышляя над «Крутым маршрутом» // Вечерняя Казань.-1988.-3 октября.

Султанбеков Б. Сталин и «татарский след»: (Научно-популярные очерки).-Казань, 1995.

Султанбеков Б. Султан-Галиев: Личность и судьба // Советская Татария.-1989. - 24 мая.

Султанбеков Б. У истоков Крымской трагедии // Гасырлар авазы - Эхо веков.-1997.-№ 3/4.-С.91-94.

Султанбеков Б. Укрощение «националов» - действие второе // Султанбеков Б. Страницы секретных архивов: (Историко-публицистические очерки).-Казань, 1994.-С.112-121.

Султанбеков Б., Тагиров И. Возвращение Мирсаида Султан-Галиева // Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы. - Казань, 1992.-С.10-24.

Солтанбеков Б. Шәрәфетдинов Д. «Икенче парламент» операциясе // Татарстан хәбәрләре.-1991.-февраль (таныш саны).

Солтанбеков Б., Шәрәфетдинов Д. Солтангалиев Мирсәет Хәйдәргали улы // Халык акланган исемнәр: жыентык.-Казан, 1991.- 185-194 б.

Солтанбеков Б., Шәрәфетдинов Д. Солтангалиевчелек нәрсә ул? // Татарстан хәбәрләре.-1992.-27 март.

Солтанбеков Б., Шәрәфетдинов Д. Фажигалы язмыш // Казан утлары.-1992.-№ 2.-139-148 б.

Султанбеков Б., Шарафутдинов Д. Малоизвестная страница XII съезда партии: Предисловие к тексту выступления М. Султан-Галиева на заседании национальной секции // Коммунист Татарии.-1990.-№ 7.-С.73-75.

Султанбеков Б., Шарафутдинов Д. Мирсаид Султан-Галиев: Полная реабилитация. Спустя десятилетия выполнен долг перед исторической памятью общества и партии // Советская Татария.-1990.-17 мая.

Султанбеков Б., Шарафутдинов Д. Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич // Возвращенные имена: Документальные очерки.-Казань, 1990.- С.185-193.

Султанбеков Б., Шарафутдинов Д. Считаем своим революционным долгом: (О ходатайствах руководителей Татарской АССР в ЦК РКП(б) об освобождении из под ареста М.Х. Султан-Галиева. Май 1923) // Коммунист Татарии.-1990.-№ 6.-С.51-55.

Султанбеков Б., Хакимов Р., Шарафутдинов Д. Новый этап исследования творческого наследия // Советская Татария.-1991.-25 мая.

М.Х. Солтангалиевнең тууының 100 ел тулуга карата // Социалистик Татарстан.-1991.-5 май.

Солтангалиевчелек турында Татарстан партия өлкә комитетының карары // Кызыл Татарстан.-1929. - 20 октябрь.

Солтангалиевчелеккә, группачылыкка һәм урыс шовинизмына каршы урындагы оешмалар партия өлкә комитеты һәм өлкә контроль комиссиясенең солтангалиевчелек турындагы карарын тулысы белән яклыйлар: (Сәхифә) // Кызыл Татарстан.-1929.-6 ноябрь.

Солтангалиевчелеккә иң каты удар бирелсен. Бетсен пролетариат диктатурасының кан дошманнары солтангалиевчеләр! Татарбашкорт сугыш мәктәбе пролетариат диктатурасын тышкы һәм эчке дошманнардан саклау юлында нык тора: (татар-башкорт сугыш мәктәбенең тулай жыелышында бертавыштан кабул ителгән резолюция) //Кызыл Татарстан.-1929.-26 октябрь.

Султангалиевщина покушается на Октябрьские завоевания, на пролетарскую диктатуру. Разоблачим перед массами контрреволюционную султангалиевщину! // Красная Татария.-1929.-20 октября.

Социалистическое наступление и активизация буржуазных националистов // Правда.-1929. - 4 ноября.

Стенографический отчет IX областной конференции Татарской организации РКП(б). - Казань, 1924.

Стенографический отчет национального совещания членов Татобкома и ОКК совместно с ответственными работниками райкомов г. Казани и кантонов АТССР от 19-21 июля [1923г.].- Казань, 1923.

Стенографический отчет областной XV партийной конференции (5-15 июня 1930г.). -Казань, 1930.

Субаев Н.А. Мирсәет һәм Мостафа // Ватаным Татарстан.-1992.-13 июнь.

Субаев Н. Соединенные Октябрем // Советская Татария.-1990.-15 июня.

Sultan-Galiev M.S. Articles.-Oxford: Soc. for Central Asian studies, 1984.-80 p.-(Repr. ser. Soc. for Central Asian studies; №1).

Тагиров И. Микдат Брундуков: «Ленин, оказывается, был плохо информирован о мусульманском вопросе» // Гасырлар авазы - Эхо веков.-Казань.-1998.-№ 1/2.-С.27-29.

Тагиров И. Необходимое предисловие // Татарстан.-1991.-№ 1.-С.49-50.

Тагиров И. Освободительное движение существует, прогрессирует и развивается // Гасырлар авазы - Эхо веков.-1995.-№ пробный.-С. 112-114.

Тагиров И. Султан-Галиев: правда и домыслы // Коммунист Татарии.-1989.-№ 9.-С.68-77.

Таһиров И.Р. Азатлык каһарманы // Ватаным Татарстан.-1992.-13 июнь.

Таһиров И. Бәйсезлек баскычлары. -Казан, 1994.-111-118 б.

Таһиров И. Кем ул Солтангалиев? // Казан утлары.-Казан.-1989.-№ 4.- 163-173 б.

Таһиров Индус. Тарих үзе шаһит // Шәһри Казан.-1992.-11 июль.

Тагиров Э. Татарстан: национально-государственные интересы (политическое эссе).-Казань, 1996.-С.65, 75.

Тайны национальной политики ЦК РКП: «Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9-12 июня 1923» Стенографический отчет. -М. Инсан, 1992. (Введение и краткие биографические сведения об участниках совещания - Б.Ф. Султанбеков).

Тантаналы кичә: (М. Солтангалиевнең тууына 100 ел тулу уңаеннан) // Ватаным Татарстан.-1992.-13 июнь.

Тарханов О. Национальная культура и пролетарский интернационализм // Красная Татария.-1929.-3 ноября.

Татарстан АССР Министрлар Советы карары. Казан шәһәре мәйданына М.Х. Солтангалиев исемен бирү турында // Социалистик Татарстан.-1990.-27 октябрь.

Татарстанның 8нче нәүбәттән тыш партия конференциясе // Татарстан.-1924.-24 март.

Tengour H. Sultan Galiev ou la rupture de stocks; cahiers 1972-1977.-132 p.

Тимофеев. Без руководства, без самокритики // Красная Татария.-1929.-27 октября.

Типеев Ш. К истории национального движения в Советской Башкирии. - Уфа, 1929.

Трагедия трех лидеров (о последних годах и днях жизни М. Султан-Галиева, М. Вахитова и И. Алкина) // Гасырлар авазы - Эхо веков.-1995.-№ пробный.-С.131-134.

III пленум Татарского областного комитета ВКП (б) созыва XIV конференции. - Казань, 1930.

Туганова Зөлфирә. «Аның күләрәнә сокландым...» (Француз язучысы Кенизе Мурад белән әңгәмә) // Татарстан хәбәрләре.-1992.-18 март.

Усманов М. Без нинди? // Татарстан яшьләре.-1989.-12 январь.

Усманов М. Тагын халык, аның сыйфаты һәм... «корбан тәкәләре» хакында // Татарстан яшьләре.-1990.- 5, 7, 10, 12, 14 апрель.

Усов С. «Россия опять может очутиться перед фактом потери Крыма» (Вводная статья, публикация доклада М.Х Султан-Галиева о положении в Крыму, примечания) // Крымский архив.-1996. № 2.-С. 83-97; Гасырлар авазы - Эхо веков.-1997.-№ 3/4.-С.95-109.

Усов С. Султан-Галиев в Крыму // Советская Татария.-1992.-4 января.

Утягулов Р. Трудный путь к правде // Советская Башкирия.-1990.-7 августа.

Файзуллин Г. Мотивы расхождения Султан-Галиева с партией // Вестник Института по изучению истории и культуры СССР.-Мюнхен.-1954.-№ 25 (12).-С.58-65.

Фәнни конференция: (М. Солтангалиевның тууына 100 ел тулуга багышлана) // Ватаным Татарстан.-1992.-13 июнь.

Хадиев Н. Бөек шәхеснең бөеклеген тану // Татарстан хәбәрләре.-1992.-13 июнь.

Хайрутдинов Р.Г. На путях к советской автономии: Проведение ленинской национальной политики Центральным татаро-башкирским комиссариатом в 1918-1919гг. Казань. 1972.

Хакимов Р.С. Политик с планетарным мышлением // Комсомолец Татарии.-1990. - 8 июля; -22 июля.

Хакимов Р.С. Султан-Галиев и современный мир // Татарстан.-1992.-№ 11/12.-С.143-146.

Хәкимов Р. Карашы дөньяны инли. // Социалистик Татарстан.-1990. - 10 июнь.

Ханафи Х. Ал-муслимун фи Асийа фи матла ал-карн алхамс ашар ал-хиджри // Ал-Йасар ал-ислами.-Каир, 1981.-№1.-С.158-212.-Араб.яз. Мусульмане в Азии в начале XV века хиджры.

Ханнанов Р. Ул безнең күнелләрдә: Татар халкының күренекле улы Мирсәет Султангалиевкә туган төбәгендә истәлек тактасы ачкаННан соң уйланулар // Ватаным Татарстан.-1994.-27 сентябрь.

Хасанов М.А. Татария в борьбе за ленинскую национальную политику // Революция и национальности.-1933.-№ 11.-С.37-42.

Хидоятов Г. «Дело» Махмуда Султан-Галиева // Правда Востока.-1990.-24 июня.

Чанышев Я. Бить и добивать султангалиевщину // Красная Татария.-1929.-31 октября.

Чанышев Я. Султангалиевчелекнең жимерелүе // Кызыл Татарстан.-1929.-29 октябрь.

Шарафутдинов Д.Р. «Дело Султан-Галиева» в свете гласности // Слово агитатора.-Казань.-1989.-№ 7.-С. 30-33.

Шарафутдинов Д.Р. Комбриг: Повесть в документах. -Казань, 1990.-С.23, 24, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 38, 166.

Шарафутдинов Д.Р. Сабантуй - образ жизни народа: Научно-популярный очерк.-Казань, 1997.-С.36, 51, 52, 55, 123, 124, 264, 265.

Шәрәфетдинов Д. Документлар сөйли: Беренчеләр // Социалистик Татарстан.-1990.-15 июнь.

Шәрәфетдинов Д. М.Султангалиевнең жавап хатлары // Социалистик Татарстан.-1989.-10 сентябрь.

Шәрәфетдинов Д. Мирсәетнең жавабы // Социалистик Татарстан.-1990.-14 октябрь.

Шәрәфетдинов Д.Р. Сабан туе - халыкны яшәешe: Фәнни-популяр очерк. -Казан, 1997.- 33, 52. 53, 54, 55, 122, 123 б.

Шонаси [Ибраһимов] Г.С. Солтангалиевчелеккә каршы көрәштә татар укымышлылары // Кызыл Татарстан.-1929.-3 ноябрь.

Шәймиев М.Ш. М. Солтангалиевнең тууына 100 ел тулуга багышланган тантаналы кичәдә чыгыш // Ватаным Татарстан.-1992.-13 июнь.

Юсупов А. Сибгат Гафуров.-Казань, 1996.-С.51-55.

Yamauchi Masayuki. Islam and Russia. Sultangaliev Revisited.-University of Tokio Press, 1995. (на японском языке)

Yamauchi Masayuki. The Dreams and Reality of Sultangaliyev Documents.-Tokyo, 1998. (на японском языке)

Yamauchi Masayuki. Sultangaliyev islam dunyasi ve Rusya. - Ankara,1998.

Әгъзамов Э. Солтангалиевнең туганы // Кызыл тан.-1990. - 3 август.

Список сокращенных слов

ВЧК - Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГА РФ - Государственный архив Российской Федерации
ГПУ - Государственное политическое управление
Губчека - Губернский чрезвычайный комитет
ЗСФСР - Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика
КГБ РТ - Комитет государственной безопасности Республики Татарстан
НА РТ - Национальный архив Республики Татарстан
наркомвоен - народный комиссар по военным делам
Наркомвоен - Народный комиссариат по военным делам
наркомнац - народный комиссар по делам национальностей
Наркомнац - Народный комиссариат по делам национальностей
наркомюст - народный комиссар юстиции
НКВД (НКВнудел) - Народный комиссариат внутренних дел
НКЗем - Народный комиссариат земледелия
НКЮст (Наркомюст) - Народный комиссариат юстиции
РГВА - Российский государственный военный архив
Реввоенсовет - Революционный военный совет
РККА - Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКП (б)
РКП(б) - Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСФСР - Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
РЦХИДНИ - Российский центр хранения и использования документов новейшей истории
СНК (Совнарком) - Совет Народных Комиссаров
СССР - Союз Советских Социалистических Республик
т. (тов.) - товарищ
ЦГА ИПД РТ - Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан
Цебюро - Центральное бюро Коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б)
Центромусвоенколлегия (ЦМВК, ЦМВКоллегия) - Центральная мусульманская военная коллегия
ЦИК - Центральный исполнительный комитет
ЦК (ЦеКа) - Центральный комитет РКП (б)
ЦКК - Центральная контрольная комиссия
ЧК (чека) - Чрезвычайный комитет

СОДЕРЖАНИЕ

Великий провидец 5
Предисловие 9

1912 25
- Среди мусульман 27
- Все о том же (Крик наболевшей души) 28

1913 31
- Стерлитамак 33
- Новый закон о высших начальных школах и русские мусульмане (Письмо народного учителя) 34
- Аккорд (Посвящается С.Г.М-ой) 36
- Еще раз по поводу несостоявшегося татарского литературно-музыкального вечера 38
- По поводу нехватки учителей-мусульман 40
- Башкирка 42
- Редкий юбилей 45
- Сон татарки (Посвящается С.Г.М-ой) 47
- О мусульманской фракции в Государственной думе 48
- Обман жизни 49
- Бу ник болай? 50

1914 53
- Я - человек (Штрих) 55
- В тумане 56
- Яблоко раздора (Татарская легенда) 59
- Совещание по внешкольному образованию 61
- Авыл школлары хәленнән 63
- Мөселман авылларында китапханәләр ачу мөнәсәбәте илә 65
- Мөселман авылларында халык китапханәләре ачу мәсьәләсе 67
- Халык йортлары нитә кирәк? 73
- Авылларда 74
- Авыл хуҗалары съезды 75
- Кемгә үпкәләргә ? 85

1916 87
- Такса 89
- К призыву инородцев на оборонительные работы 92
- Белый городок. К сегодняшнему открытию высшего начального училища 93
- Об учебнике для русско-татарских начальных школ 95

1917 97
- Информация об объединенном заседании всероссийских мусульманского, мусульманского военного и мусульманского духовенства съездов, состоявшемся в Казани 22 июля 1917 г. 99
- Клеветникам 103
- Идарәгә мәктүб 105

1918 111

- **Выступление на областном съезде Советов Поволжья и Южного Урала** 113
- **Приветствие на IV Казанском губернском съезде крестьянских депутатов** 114
- **Тезисы доклада об организации мусульманского отдела Комиссариата просвещения Казанской республики** 115
- **Запись сообщения Комиссариату по делам мусульман внутренней России по прямому проводу о событиях, происходивших в Казани в феврале-марте 1918 г.** 116
- **Сообщение председателю Комиссариата по делам мусульман внутренней России М.М.Вахитову, копии: Совету Народных Комиссаров, комиссару по национальным делам, - о ликвидации "Забулачной республики" в Казани.** 119
- **Сообщение Центральному комиссариату по мусульманским делам, Совету Народных Комиссаров, Комиссариату по делам национальностей, "Известиям" Московского Совета о ликвидации "Забулачной республики" в Казани** 120
- **К вопросу Татаро-Башкирской республики** 121
- **Наш путь** 122
- **Социалисты-мусульмане в дни контрреволюционного заговора** 124
- **Митинг рабочих и красноармейцев-мусульман** 128
- **Русская революция и Восток (Беседа с профессором Мустафой Субхи-беем)** 131
- **Мусульмане, к оружию!** 132
- **Я был метеором (Посвящается голубоглазой Рау)** 134
- **Мираж жизни** 136
- **Жизнь и люди** 138
- **Недопетая песня (Памяти Абдуллы Тукаева)** 139
- **К вопросу о Татаро-Башкирской Советской Республике** 141
- **Скатертью дорога** 146
- **Месть араба (Посвящаю другу и врагу Султан-Гирею)** 148
- **Изгоняйте провокаторов** 152
- **Письмо председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому о необходимости скорейшего создания мусульманских частей Красной Армии** 154
- **Апелляция в СНК на постановление коллегии Народного комиссариата по делам национальностей от 19 октября 1918 г. по поводу временной инструкции о местных отделах Наркомнаца** 156
- **Информация Народному комиссариату по делам национальностей об участии мусульманского пролетариата в борьбе против интервентов и белогвардейцев в 1918 г.** 160
- **I Всероссийский съезд мусульманских коммунистов. Москва. 4-12 ноября 1918 г.**
  1. **Выступления по организационному вопросу** 163
  2. **Тезисы доклада о деятельности Центрального мусульманского комиссариата** 164
- **Письмо политическому отделу Высшей военной инспекции РККА об издательской деятельности Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене РСФСР** 165
- **Письмо уездным и губернским мусульманским комиссариатам в Мензелинске, Елабуге, Казани, Симбирске, Нижнем Новгороде, Перми, Чистополе, Саратове, Петрограде, штабу 2-й армии Восточного фронта о преобразовании Центрального мусульманского комиссариата в Татаро-Башкирский комиссариат** 167

- Обращение к башкирам и татарам, сражающимся против Советской власти в рядах интервентов и белогвардейцев с предложением перейти на сторону советских войск 168
- Бөтенрусия мөселман гаскәриләренең II съездында тәбрикләү нотыгы 171
- Казанның Швейцария бакчасында уздырылган кызылармиячеләр митингысында чех-словак корпусы фетнәсе турында чыгыш 172

1919 173

- Доклад заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э.М.Склянскому о деятельности Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене РСФСР за 1918 год 175
- Письмо председателю Совета обороны Республики В.И.Ленину, копии: народному комиссару по делам национальностей И.В.Сталину, председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому, заместителю народного комиссара по военным делам Э.М.Склянскому, заместителю председателя Центральной мусульманской военной коллегии Н.Г. Вахитову, заместителю председателя Центрального мусульманского комиссариата А.М.Енбаеву, - о необходимости сохранения и упрочения Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене РСФСР. 180
- Письмо наркому по делам национальностей И.В.Сталину, копия: политбюро ЦК РКП(б), - о необходимости широкого использования мусульман в борьбе против Колчака 182
- Доклад председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому о революционных мерах, которые необходимо принять в целях использования мусульман Поволжья (татар) для борьбы с Колчаком 183
- Письмо Центральному бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), копия: ЦК РКП(б), - о нецелесообразности создания центрального бюро татаро-башкирских организаций РКП(б) Восточного фронта 186
- Письмо Реввоенсовету Восточного фронта о необходимости отзыва бывших офицеров-мусульман для работы в формируемой 2-й татарской стрелковой бригаде 187
- Информация Реввоенсовету Восточного фронта, копия: политбюро ЦК РКП(б), председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому о бунте в татарском запасном батальоне в Казани 25 июня 1919 г. 188
- Письмо командиру 1-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады Ю.И.Ибрагимову, политкомиссару бригады Ш.Х.Усманову, копии: ЦК РКП(б), Центральному бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), председателю Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкому, народному комиссару по делам национальностей И.В.Сталину, - с осуждением резолюции о неприятии Цебюро коммунистических организаций народов Востока, принятой на совещании политработников-татар в Самаре 190
- Приказ № 10 Центральной мусульманской военной коллегии о недопустимости агитации против Башкирской республики и репрессий в отношении башкирского населения 192

- Доклад Реввоенсовету Республики о необходимости изменения его постановления о временном подчинении Центральной мусульманской военной коллегии Управлению по формированию Восточного фронта 194
- Письмо комиссару Главного управления военно-учебными заведениями Всероссштаба с ходатайством об открытии при Казанских мусульманских пехотных и кавалерийских курсах командного состава постоянных двухмесячных подготовительных отделений 196
- Письмо В.И.Ленину с просьбой об аудиенции 197
- Социальная революция и Восток 198
- Приветственная речь при встрече Афганского чрезвычайного посольства во главе с Мухаммедом Вали-ханом в Москве 204
- II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока. Москва. 22 ноября - 3 декабря 1919 г.
  - Речь при открытии съезда 205
  - Резолюция съезда по докладу В.И.Ленина о текущем моменте 206
  - Выступление при обсуждении отчетного доклада Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б) за период с декабря 1918 г. по ноябрь 1919 г. 207
  - Выступление при обсуждении доклада о деятельности Центральной мусульманской военной коллегии 208
  - Доклад о деятельности Центрального мусульманского комиссариата. 209
  - Доклад по восточному вопросу 215
  - Проект резолюции по восточному вопросу 222
  - Выступление при обсуждении проекта резолюции по восточному вопросу 223
  - Ответная речь после выступления председателя ВЦИК М.И.Калинина 224
  - Доклад по татаро-башкирскому вопросу 225
  - Ответы на вопросы по докладу по татаро-башкирскому вопросу .. 236
  - Заключительное слово после обсуждения доклада по татаро-башкирскому вопросу 240
  - Резолюция по татаро-башкирскому вопросу 249
  - Выступления при обсуждении доклада ревизионной комиссии 251
  - Выступление при обсуждении вопроса о местонахождении нового Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б) 256
- Приветственная речь на VIII Всероссийской конференции РКП(б) ... 258
- Письмо В.И.Ленину с анализом мнений противников создания Татаро-Башкирской республики Б.М.Эльшина и М.Н.Исрафилбекова (Кадирли) на совещании политбюро ЦК РКП(б) 13 декабря 1919 г. 259
- Арчада крестьяннар митингысындагы чыгыш 261
- Казан Советының V Казан вилаяте партия конференциясе, профессиональ союзлар конференциясе, профсоюзлар идарәсе, фабрика-завод комитетлары һәм Кызыл гаскәр булекләре, Казан өязе Советлары съезды вәкилләре белән катнаш мәҗлесендә татар запас батальонында булып узган вакыйгалар турында чыгыш 262
- Безнең тоткан юлыбыз - туры юл 263
- Яшьләр, мөселман командный курсларына ашыгыңыз! 265

1920 267
- Заявление в ЦК РКП(б) с просьбой отозвать И.В.Сталина с фронта и поручить ему заняться непосредственным руководством внутренней национальной политикой и внешней политикой Советской власти на Востоке 269
- Письмо Политуправлению Реввоенсовета Республики об откомандировании красноармейцев-мусульман в Казань на военно-политические курсы 271
- Батум и Армения 272
- К объявлению Азербайджанской советской республики 274
- Положение Турции в последнее время 277
- Выступление на совещании ответработников по вопросу о Киргизии 284
- Доклад в ЦК РКП(б) по поводу покушения на председателя Совнаркома Татарской АССР С.С.Саид-Галиева и ареста ряда сотрудников Центральной мусульманской военной коллегии 285
- Представление в комиссию ЦК РКП(б) по поводу покушения на председателя Совнаркома Татарской АССР С.С.Саид-Галиева 291
- Восемьдесят влиятельных принцев, султанов и потентатов 301
- Информация о функциях Центрального татарского отдела Народного комиссариата по делам национальностей 304
- Татарский /мусульманский/ отдел Наркомнаца за три года его существования 305
- Шәрекъка 316
- Бакудагы үзгәреш мәнәсәбәте белән 317
- Бөтен Шәрекъ инкыйлабчыларына 319

1921 321
- Доклад Народному комиссару по делам национальностей И.В.Сталину, копию - в ЦК РКП(б), о положении в Крыму 323
- Мустафа Субхи и его работа 335
- В царстве голода. /Из путевых впечатлений/ 340
- Выступление на совещании ответработников тюркских народов о создании в Москве издательства литературы на тюркских языках 348
- Заявление в Татарскую областную комиссию по проверке и очистке членов партии об А.М.Енбаеве 349
- О периодической литературе на тюркских языках.(К вопросу об издании центрального коммунистического журнала) 354
- Татары и Октябрьская революция 356
- Выступление на IV Татарской областной партийной конференции с опровержением обвинения в обособленчестве 362
- Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман 363

1922 375
- Содоклад об очередных задачах партийного строительства среди татаро-башкир на I Всероссийской конференции коммунистов татаро-башкир, не вошедших в автономные республики тюркских народов. 4-12 марта 1922г. 377
- Тезисы об очередных задачах партийного строительства среди татаро-башкир, не вошедших в автономные республики тюркских народов. 4-12 марта 1922г. 379
- Тезисы о задачах советского строительства среди татаро-башкир на 1-й Всероссийской конференции коммунистов татаро-башкир, не вошедших в автономные республики тюркских народов 382

- Письмо в коллегию Наркомнаца о дополнительном субсидировании учащихся-татар в Германии 389
- Выступление на заседании Совета национальностей о предоставлении автономиям экономических свобод 390
- Доклад на заседании Совнаца о колонизационном съезде 391
- Доклад о международном и внутреннем положении Республики (РСФСР) на III Калмыцкой областной конференции РКП(б) 392
- Приветственная речь на III Калмыцком областном съезде Советов ... 393
- Речь при закрытии III-го Калмыцкого областного съезда Советов 396
- Особое мнение члена коллегии НКН к постановлению коллегии от 4 июля 1922г. о привлечении к ответственности (к суду) представительств автономных республик за правонарушения уголовного характера по представлению РКИ 398
- Выступление (особое мнение) на заседании Малой коллегии Наркомнаца по вопросу об объединении Института востоковедения и Петроградского института живых восточных языков 399
- Выступление на заседании Большой коллегии Совнаца по проекту Положения ВЦИК и СНК «Об объединении статистических учреждений» 401
- Выступление на заседании Большой коллегии Совнаца о предоставлении в Федкомземе права решающего голоса представителям национальных областей 401
- Приветственная речь на III съезде Советов Татарской АССР 402
- Выступление на III Всебашкирском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 406
- Выступление на заседании фракции РКП(б) X Всероссийского съезда Советов 409

1923 411

- Выступление на совместном совещании членов коллегии Наркомнаца и делегатов X Всероссийского съезда Советов от автономных республик о преподавании мусульманам вероучения 413
- Заявление в ЦК РКП(б) с опровержением обвинений в нарушении партийной дисциплины 414
- Татарская Автономная Республика 417
- Доклад о работе Федкомзема на заседании Большой коллегии Совнаца Народного комиссариата по делам национальностей 431
- Письмо народному комиссару юстиции Крымской АССР И.К.Фирдевсу 432
- Выступление на заседании секции по национальному вопросу XII съезда РКП(б) 435
- Тезисы о национальной политике РКП(б): Из записной книжки 438
- Тезисы о "левых": Из записной книжки 439
- Показания на следствии о содержании и способах переписки с местными работниками, совещаниях по национальному вопросу во время работы XII съезда РКП (б). 7 мая 1923г. 441
- Автобиографический очерк «Кто я?» Письмо членам Центральной контрольной комиссии, копия - И.В. Сталину и Л.Д. Троцкому. 23 мая 1923г. 446
- Показания на следствии о мотивах связи с местными руководящими работниками. 1 июня 1923г. 510
- Показания на следствии о характере басмаческого движения в Туркестане и мерах борьбы с ним, письме А.К. Адигамову с просьбой установить связь с З. Валидовым. 4 июня 1923г. 511

1924 513
- Письмо И.В. Сталину с просьбой о содействии в восстановлении в партии. 14 августа 1924г. 515
- Заявление в Центральную контрольную комиссию РКП (б) с просьбой о восстановлении в партии. 8 сентября 1924г. 516

1924-1925 гг. 523
- Тезисы об основах социально-политического, экономического и культурного развития тюркских народов Азии и Европы 525
- О Шихабе Ахмерове 539

1928 г. 541
- Показания на следствии с изложением основных положений своего мировоззрения. 18 декабря 1928г. 543
- Показания на следствии о составе и деятельности группы «правых» в Казани, московской татарской колонии, о встречах и разговорах с татарскими учеными. 29 декабря 1928г. 552

1929 г. 555
- Показания на следствии об обстоятельствах ознакомления со стенограммой IV совещания ЦК ВКП (б) с национальными работниками, изданной с грифом «Строго секретно», обсуждении крымских вопросов в московской татарской колонии. 2 января 1929г. 557
- Показания на следствии о намечавшемся расколе группы «левых». 24 января 1929г. 559
- Продолжение показаний на следствии о целях и задачах группы «правых» с изложением программных установок по колониальному, национальному вопросам, о практической работе в Татарии и Крыму. 24 января 1929г. 561
- Показания на следствии об обстоятельствах создания в Казани фонда материальной помощи нуждающимся работникам государственных учреждений. 25 января 1929г. 576
- Показания на следствии о выдвижении местных национальных работников на работу в центральных учреждениях, о своей работе в Центральном кооперативном совете. 30 января 1929 г. 580
- Показания на следствии об обстоятельствах составления вопросов анкеты об экономическом, культурном и политическом положении татарской деревни в 1926 г. 2 февраля 1929г. 583
- Показания на следствии об отношении татарских «правых» коммунистов к «рабочей оппозиции» и оппозиционному блоку во главе с Л.Д. Троцким, Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым. 3 февраля 1929г. 591
- Показания на следствии о личном отношении к оппозиционной группе Л.Д. Троцкого и оппозиционной группе Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. 5 февраля 1929г. 594
- Показания на заседании Центральной контрольной комиссии ВКП (б) о пределах организационной работы группы «правых», о своих взглядах о судьбе социалистической революции в России, о создании Туранской Федеративной Советской Социалистической Республики, о подготовке к созданию самостоятельной национальной рабоче-крестьянской партии. 27 февраля 1929г. 605

- Показания на следствии по вопросу об эмитрации. 25 июля 1929г. ..634
- Показания на следствии по поводу предложений ЦК ВКП (б) выступить в печати с признанием своих ошибок. 25 июля 1929г.....637

Примечания.....642

Приложения.....673
- Приложение 1. Характеристика-рекомендация М.Султан-Галиева на предмет назначения его учителем, выданная инспектором Казанской татарской учительской школы В.П.Брюхановым.....675
- Приложение 2. Заключение по делу М.Х. Султан-Галиева, составленное ГПУ. 6 июня 1923г.....676
- Приложение 3. Выписка из протокола № 11 заседания комиссии политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов. 29 мая 1990 г.....681
- Справка о так называемой «Султан-Галиевской контрреволюционной организации», подготовленная Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратурой СССР и КГБ СССР. Ранее 29 мая 1990г.....683

Указатель имен.....697
Библиография о М.Х. Султан-Галиеве.....703
Список сокращенных слов.....711

Мирсаид Султан-Галиев
Избранные труды

Составители:
И.Г.Гиззатуллин,
Д.Р.Шарафутдинов

Ответственный за выпуск:
С.Т.Рахимов

Оригинал-макет:
Ш.К.Насыров

Компьютерная верстка:
В.А.Порсев

Компьютерный набор:
Н.П.Артюхина, Е.В.Косова, Н.Н.Максименко

Корректор:
Р.С.Алкина

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная. Объем 45 п.л. Тираж 1000 экз. Зак. Я-413

Издательство "Гасыр", лицензия № 194 от 10 июля 1997 г.
выдана Министерством информации и печати РТ.

Отпечатано в ТГЖИ
г.Казань, ул.Декабристов, 2